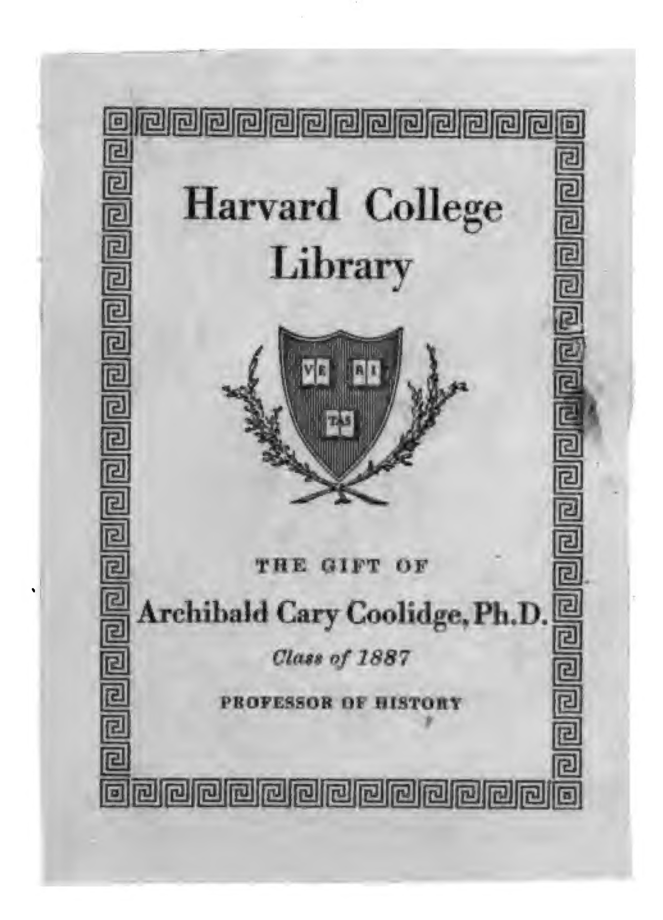

Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

А. А. Шахматовъ.

РАЗЫСКАНІЯ

О ДРЕВНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ

ЛѢТОПИСНЫХЪ СВОДАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

А. А. Шахматовъ.

РАЗЫСКАНІЯ

О ДРЕВНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ

ЛѢТОПИСНЫХЪ СВОДАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43)
1908

Напечатано по распоряженію Императорской Археографической Коммиссіи.

Оттискъ изъ XX т. Лѣтописи занятій Императорской Археографической Коммиссіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Научное изученіе древней русской лѣтописи начато великимъ Шлецеромъ. Имъ были намѣчены вопросы, подлежавшіе дальнѣйшей разработкѣ, имъ были опредѣлены способы и пріемы изслѣдованія. Послѣ Шлецера въ основаніе изслѣдованія должна была быть положена критическая разработка древняго текста, а этой разработкѣ должно было предшествовать возстановленіе текста по дошедшимъ до насъ даннымъ.

Памятные русской исторической наукѣ труды Карамзина, Погодина, Соловьева, Костомарова, Срезневскаго, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго, равнымъ образомъ Грушевскаго посвящены были анализу и характеристикѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ; они въ значительной степени подготовили данныя для возстановленія первоначальнаго текста этого лѣтописнаго свода первой четверти XII вѣка и для анализа составныхъ его частей.

Отлично въ общемъ исполненныя Археографическою Коммиссіей изданія русскихъ лѣтописей даютъ весьма удовлетворительное представленіе какъ о древнѣйшихъ, такъ и о позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Многочисленныя рукописныя редакціи могутъ быть безъ труда изучены при помощи обнародованныхъ текстовъ, такъ какъ почти всѣ главныя разновидности русской лѣтописи нашли себѣ мѣсто въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей и другихъ изданіяхъ Коммиссіи.

Такимъ образомъ, авторъ предлагаемаго труда началъ изслѣдованіе Повѣсти временныхъ лѣтъ при особенно благопріятныхъ

обстоятельствахъ: онъ имѣлъ серьезныхъ предшественниковъ въ лицѣ названныхъ изслѣдователей при разработкѣ обширнаго рукописнаго матеріала; онъ имѣлъ надежныя пособія въ указанныхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи.

Изученіе Повѣсти временныхъ лѣтъ по многочисленнымъ спискамъ ея привело автора къ возстановленію двухъ редакцій ея, не дошедшихъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ: первая, Сильвестровская редакція, составленная въ 1116 году, представлена лучше всего Лаврентьевскимъ спискомъ; вторая редакція 1118 года обнаруживается въ наибольшей полнотѣ въ Ипатьевскомъ спискѣ и позднѣйшихъ новгородскихъ сводахъ. Сравнительное изученіе обѣихъ этихъ редакцій приводитъ къ возстановленію первоначальнаго вида основной редакціи, доведенной до смерти Святополка и составленной, какъ можно думать, Несторомъ.

Анализъ Повѣсти временныхъ лѣтъ привелъ автора къ извлеченію изъ ея состава болѣе древняго лѣтописнаго свода, названнаго (не вполнѣ удачно) Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ; существованіе такого свода подтверждается тѣми отрывками его, которые, правда, въ позднѣйшей редакціи сохранились въ спискахъ Новгородской 1-й лѣтописи. Начальный сводъ, по нѣкоторымъ даннымъ, былъ составленъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ въ 1095 году, онъ былъ доведенъ до 1093 года. Изслѣдованіе Начальнаго свода привело автора къ представленію о болѣе древнемъ сводѣ, доведенномъ до 1073 года и составленномъ около того же времени въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Дальнѣйшій анализъ обнаружилъ, что Начальный сводъ представлялъ соединеніе Кіевопечерскаго свода 1073 года съ древнимъ Новгородскимъ сводомъ, доведеннымъ до семидесятыхъ годовъ XI столѣтія и возстанавливаемымъ по даннымъ какъ Начальнаго свода, такъ и позднѣйшихъ новгородскихъ сводовъ.

Изслѣдованіе Кіевопечерскаго свода 1073 года привело автора къ возстановленію свода, составленнаго въ 1039 году при Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ: это былъ первый Кіевскій лѣтописный сводъ; его можно назвать Древнѣйшимъ сводомъ. Изслѣдованіе древняго Новгородскаго свода, доведеннаго до семидесятыхъ годовъ XI столѣтія, указало автору на то, что ему предшествовалъ болѣе древній Новгородскій сводъ, составленный при Софійскомъ владычнемъ дворѣ въ 1050 году.

Задачей предлагаемаго труда является возстановленіе текста древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, предшествовавшихъ Начальному Кіевскому своду, т. е., съ одной стороны, Древнѣйшаго Кіевскаго свода 1039 года и Продолженія къ этому своду, составленнаго въ 1073 году, а съ другой стороны, Древняго Новгородскаго свода 1050 года и Продолженія къ этому своду, доведеннаго до 1079 года.

Костомаровъ въ своихъ Лекціяхъ по Русской исторіи (1861 г.) указывалъ на возможность выдѣленія изъ Сильвестровскаго лѣтописнаго свода 1116 года «повѣсти древнихъ лѣтъ». «Возстановить эту древнюю повѣсть, — замѣчаетъ Костомаровъ, — было бы возможно до нѣкоторой степени, но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое; и возстановителю пришлось бы руководствоваться скорѣе художественнымъ тактомъ, чѣмъ учеными доводами». Несмотря на подобное предостереженіе, я рѣшилъ возстановить эту «повѣсть древнихъ лѣтъ», руководствуясь исключительно учеными доводами. Я былъ удовлетворенъ, когда по окончаніи работы замѣтилъ, что главнѣйшій выводъ, основанный на ученыхъ доводахъ, совпалъ съ выводомъ Костомарова, подсказаннымъ ему, повидимому, художественнымъ чутьемъ его богато одаренной натуры. По мнѣнію Костомарова, повѣсть древнихъ лѣтъ «оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть, 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, по-

тому что впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется, прежняя простота исчезаетъ и становится ощутительнымъ господство риторики». Какъ увидитъ читатель (въ § 225), я пришелъ къ выводу, что Древнѣйшій Кіевскій сводъ составленъ въ 1039 году, причемъ онъ легъ въ основаніе Кіевопечерскаго свода (1073 года) въ такой редакціи, гдѣ въ концѣ была приписана статья 1043 года о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ.

Свои «ученые доводы» въ пользу какъ этого моего вывода, такъ и вообще всѣхъ поправокъ и измѣненій, внесенныхъ мною въ дошедшій до насъ текстъ, я изложилъ въ изслѣдованіи, предпосланномъ возстановленному тексту. Изслѣдованіе это разбито на отдѣльныя главы, лишь отчасти стоящія въ связи между собою, а вообще представляющіяся самостоятельными экскурсами: впрочемъ, эти экскурсы связаны одною общею цѣлью—возстановить текстъ древнѣйшихъ сводовъ и выяснить условія ихъ возникновенія. Въ первой главѣ я устанавливаю отношеніе возстанавливаемыхъ сводовъ къ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ извлекаются данныя о древнѣйшихъ сводахъ изъ двухъ памятниковъ житійной литературы, изъ которыхъ второй, быть можетъ, возникъ въ самомъ составѣ свода 1039 года. Главы IV—VI посвящены опредѣленію вставокъ въ первоначальный текстъ лѣтописи. Въ главахъ VII—XI приводятся данныя для возстановленія Древняго Новгородскаго свода изъ Повѣсти вр. лѣтъ, изъ Синодальнаго списка, а также изъ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописей. Глава XII содержитъ изслѣдованіе о Житіи Антонія и о вліяніи его на русскія лѣтописи. Въ главѣ XIII изслѣдуется та часть лѣтописи, которая даетъ разсказъ о древнѣйшихъ князьяхъ; здѣсь, между прочимъ, разсмотрѣно и сказаніе о призваніи Варяговъ. Глава XIV, по содержанію своему, можетъ назваться продолженіемъ къ предшествующей главѣ, такъ какъ

въ ней изучены народныя преданія, положенныя въ основаніе разсказа о послѣдующихъ князьяхъ—объ Игорѣ и сыновьяхъ Святослава. Глава XV даетъ рядъ указаній на взаимныя отношенія древнихъ лѣтописныхъ текстовъ; къ ней относится приложенная въ концѣ книги таблица. Главы XVI и XVIII посвящены исторіи Древнѣйшаго Кіевскаго свода; между ними должна была быть вставлена XVII глава, рассматривающая составъ и происхожденіе той позднѣйшей редакціи, которой въ 1073 году подвергся первоначальный текстъ Древнѣйшаго свода. Въ главѣ XIX излагается исторія древнѣйшаго новгородскаго лѣтописанія и, наконецъ, въ XX главѣ подведены итоги всему предыдущему изслѣдованію.

Подстрочныя примѣчанія къ тексту, помѣщенному вслѣдъ за изслѣдованіемъ, указываютъ тѣ основанія, которыя руководили мною при принятіи того или иного чтенія, при предпочтеніи одного варіанта другому; кромѣ того, въ нихъ имѣются ссылки на тѣ §§ изслѣдованія, гдѣ даны основанія для пропуска того или другого отрывка въ лѣтописномъ текстѣ. Въ слѣдующихъ за текстомъ дополнительныхъ примѣчаніяхъ приведены тѣ §§ изслѣдованія, въ которыхъ разсматривалась данная статья, приводилось данное извѣстіе; эти ссылки вмѣстѣ съ лѣтописными текстами могутъ служить указателемъ къ изслѣдованію.

Предыдущія замѣчанія дѣлаются мною для того, чтобы облегчить пользованіе моею книгой. Итакъ, возстановленный текстъ снабженъ критическимъ аппаратомъ. Но ссылка на этотъ аппаратъ, предлагаемый даже въ видѣ изслѣдованія, не равносильна утвержденію, что я въ своей коньектуральной работѣ достигъ твердыхъ и положительныхъ результатовъ. Я хорошо сознаю субъективность многихъ изъ моихъ «ученыхъ доводовъ» и понимаю, что достояніемъ науки добытые выводы могутъ стать только послѣ всесторонней оцѣнки ихъ другими

изслѣдователями. Предстоитъ еще рѣшеніе общаго вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть пріемы изслѣдованія.

Теперь уже вижу нѣсколько существенныхъ недостатковъ въ своей работѣ, неустранимыхъ и непоправимыхъ послѣ отпечатанія книги.

Во-первыхъ, правильнѣе было бы предпослать изслѣдованію о текстахъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода и Древняго Новгородскаго свода изслѣдованіе о текстѣ Начальнаго Кіевскаго свода, такъ какъ онъ стоитъ между искомымъ и извѣстнымъ, между сводами середины XI вѣка и Повѣстью временныхъ лѣтъ 1116 года. Между тѣмъ въ предлагаемомъ трудѣ я лишь въ общихъ чертахъ (въ I и XV главѣ) намѣтилъ отношенія Начальнаго свода къ Повѣсти временныхъ лѣтъ и далъ только общія указанія на путь, приводящій къ представленію о Начальномъ сводѣ, причемъ ограничивался ссылками на нѣкоторыя мои статьи, гдѣ вопросъ этотъ разсмотрѣнъ подробнѣе. Ссылки эти мало кого удовлетворятъ въ виду того, что статьи мои, относящіяся къ Начальному своду, не представляютъ единства, писаны въ разное время и отчасти не согласованы между собой. Такимъ образомъ, читатель, слѣдя за моей работой, долженъ будетъ исходить изъ гипотезы о томъ, что текстъ Начальнаго свода, возстанавливаемый по Повѣсти временныхъ лѣтъ и Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода, намъ извѣстенъ, намъ доступенъ.

Во-вторыхъ, ставлю себѣ въ вину и то, что я не снабдилъ своего труда достаточнымъ количествомъ ссылокъ на предшествующихъ изслѣдователей. Перечитывая ихъ труды во время печатанія моей работы, я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я высказываю положенія, уже обнародованныя раньше, а въ другихъ—я не обратилъ вниманія на противорѣчащія моимъ утвержденіямъ мнѣнія. Въ особенности пріятно было

мнѣ встрѣтить сходныя съ моими выводами замѣчанія у Д. И. Иловайскаго; но досадно, что въ текстѣ книги я не укрѣпилъ своихъ положеній ссылками на авторитетъ почтеннаго изслѣдователя. Въ поправкахъ и дополненіяхъ даю соотвѣтствующія ссылки.

Въ-третьихъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ пришлось противорѣчить самому себѣ. Эти случаи отмѣчены въ поправкахъ и дополненіяхъ.

Выражаю глубокую признательность членамъ Императорской Археографической Коммиссіи, давшимъ мнѣ возможность помѣстить мой объемистый трудъ въ томъ изданіи, гдѣ нѣкогда было напечатано знаменитое изслѣдованіе К. Н. Бестужева-Рюмина о составѣ русскихъ лѣтописей.

Октябрь 1908 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествовали болѣе древніе своды.

§ 1. Повѣстью временныхъ лѣтъ принято называть древнѣйшую часть лѣтописныхъ сводовъ, дошедшихъ до насъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Московско-Академическомъ, утраченномъ Троицкомъ, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и еще трехъ позднѣйшихъ, восходящихъ къ Хлѣбниковскому списку (Погодинскому, Краковскому и Ермолаевскому) [1]). Въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Московско-Академическомъ и утраченномъ Троицкомъ древнѣйшая часть лѣтописнаго текста доведена до 1110 года и обрывается на неоконченной статьѣ этого 6618 (1110) года, послѣ чего слѣдуетъ приписка игумена Михайловскаго Выдубицкаго монастыря (въ Кіевѣ) Сильвестра, свидѣтельствующая о томъ, что въ 6624 (1116) году имъ были написаны «книгы си Лѣтописець». Въ спискахъ же Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ читается окончаніе статьи 6618 (1110) года, а послѣ нея безъ замѣтнаго перерыва слѣдуютъ статьи 6619, 6620, 6621, 6622, 6623, 6624, 6625 и слѣд. годовъ, при чемъ, однако, послѣ 6625 года, послѣ извѣстія о кончинѣ царя Алексѣя Комнина, замѣчается значительное уменьшеніе объема лѣтописныхъ статей. Въ части до 6618 (1110) года текстъ Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ представляетъ (въ особенности начиная съ 6584 года) нѣсколько лишнихъ извѣстій противъ

---

[1]) Въ такъ называемой Переяславской лѣтописи Повѣсть вр. лѣтъ подверглась сильнѣйшей переработкѣ и сокращенію. — Въ спискахъ Софійской 1-й, Новгородской 4-й и сходныхъ съ ними видимъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ въ соединеніи съ текстомъ древней новгородской лѣтописи.

Лаврентьевскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе говорить о двухъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ: первой, представленной Лаврентьевскимъ и сходными съ нимъ списками, и второй, представленной Ипатьевскимъ и Хлѣбниковскимъ списками.

§ 1[1]. Изслѣдованіе о взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ выше списковъ, равно какъ обѣихъ предполагаемыхъ ими редакцій Повѣсти вр. лѣтъ, не можетъ быть предметомъ настоящаго сочиненія. Предполагая посвятить такому изслѣдованію особый трудъ, считаю возможнымъ ограничиться здѣсь сообщеніемъ главнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ сравнительное изученіе дошедшихъ до насъ списковъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Повѣсть вр. лѣтъ въ первой своей редакціи, быть можетъ, принадлежавшей Нестору, доходила до 6621 (1113) года и оканчивалась, какъ кажется, извѣстіемъ о кончинѣ Святополка. Эта первая редакція была переработана въ 6624 (1116) году игуменомъ Сильвестромъ, закончившимъ свой трудъ сообщеніемъ о явленіи огненнаго столпа надъ трапезницей Печерскаго монастыря въ 6618 (1110) году и опустившимъ, слѣдовательно, событія 1111—1113 гг. Въ 6626 (1118) году составлена вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ, положившая въ свое основаніе Сильвестровскую редакцію. Сильвестровская и вторая редакціи Повѣсти вр. лѣтъ легли въ основаніе нѣсколькихъ позднѣйшихъ сводовъ. Съ теченіемъ времени эти своды вліяли взаимно другъ на друга. Въ результатѣ, дошедшія до насъ редакціи Повѣсти вр. лѣтъ оказываются редакціями смѣшанными. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лучше, чѣмъ въ остальныхъ, выдержаны особенности первой (собственно Сильвестровской) редакціи; но и въ немъ видимъ заимствованія изъ второй (между прочимъ, изъ нея взято начало благочестивыхъ разсужденій подъ 1110 годомъ) [1]). Радзивиловскій списокъ подвергся сильному вліянію списковъ, содержавшихъ вторую редакцію Повѣсти вр. лѣтъ, и заимствовалъ изъ нихъ рядъ болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ [2]). Протографъ

---

[1]) Въ утраченномъ Троицкомъ спискѣ, судя по сохранившимся отрывкамъ, имѣлось не мало позднѣйшихъ поправокъ.

[2]) Московско-Академическій списокъ испыталъ на себѣ вліяніе Софійской лѣтописи.

Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ въ основныхъ чертахъ своихъ слѣдовалъ второй редакціи, но внесъ въ нее рядъ особенностей изъ списковъ первой (Сильвестровской) редакціи: при этомъ Хлѣбниковскій списокъ подвергся правкѣ, сблизившей его въ значительной степени съ текстомъ Лаврентьевскаго и Радзивиловскаго списковъ.

Въ общемъ, изслѣдованіе текста Повѣсти вр. лѣтъ должно исходить изъ Лаврентьевскаго списка—не потому, чтобы онъ былъ древнѣйшимъ, а потому, что въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ, представлена первая (Сильвестровская) редакція Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 1². Изслѣдованіе текста Повѣсти вр. лѣтъ обнаруживаетъ въ немъ рядъ вставокъ; исключеніе же изъ него этихъ вставокъ ведетъ къ представленію о сводѣ, старшемъ, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ. Укажу, напримѣръ, нѣсколько вставокъ, явно нарушившихъ первоначальный ходъ разсказа.

Подъ 6370 (862) слова «к Русі; сице бо ся зваху тии Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь Словѣни и Кривичи и Весь» [1]) явно вставлены послѣ «Идоша за море къ Варягомъ», послѣ этихъ словъ мы ожидали бы прямо «и рѣша: земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ». Вставка эта отмѣчена была А. А. Потебней въ изслѣдованіи «К исторіи звуков русскаго языка», вып. II, стр. 16.

Подъ 6453 (945) весь разсказъ о трехъ местяхъ Ольги имѣетъ характеръ вставки, такъ какъ слѣдующее за нимъ заглавіе «Начало княженья Святославля» несомнѣнно стояло нѣкогда непосредственно за извѣстіемъ объ убіеніи Игоря, оставившаго послѣ себя Ольгу и малолѣтняго Святослава.

Подъ 6454 (946) послѣ словъ «И побѣдиша Деревляны» читаемъ разсказъ о четвертой мести Ольги (сожженіе Искоростѣня); а между тѣмъ совершенно очевидна связь этихъ словъ съ словами «и възложиша[2]) на ня дань тяжьку»; отсюда заключаемъ, что указанный разсказъ вставленъ въ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ.

---

[1]) Въ текстъ Лавр. списка вносимъ нѣсколько поправокъ, предложенныхъ издателемъ.

[2]) Такъ въ Лавр., а вторая редакція Пов. вр. лѣтъ исправила для согласованія съ предыдущимъ: „възложи“.

Подъ 6463 (955) послѣ словъ «и приде Киеву» находимъ сравненіе Ольги съ Еѳіопской царицей, приходившей къ Соломону, и далѣе благочестивыя разсужденія; за ними читаемъ: «Си же Ольга приде Киеву», т.-е. то же, что передъ отмѣченнымъ отрывкомъ, который поэтому признаемъ вставленнымъ.

Подъ 6476 (968) послѣ словъ «И оступиша градъ в силѣ велицѣ» читаемъ: «бещислено множьство около града и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати», далѣе разсказъ о смѣломъ юношѣ, переплывшемъ Днѣпръ и вызвавшемъ Претича, появленіе котораго обратило Печенѣговъ въ бѣгство («побѣгоша разно отъ града»); между тѣмъ за этимъ разсказомъ читаемъ: «И отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше льзѣ коня напоити» (слѣдовательно, блокада города сдѣлалась еще теснѣе послѣ бѣгства Печенѣговъ и отступленія ихъ отъ города); въ виду этого отожествляю слова «И оступиша градъ в силѣ велицѣ» и слова «И отступиша Печенѣзи отъ града», признавая эти послѣднія слова передѣлкою первыхъ, вызванною вставленнымъ разсказомъ о юношѣ и появленіи Претича.

Подъ 6479 (971) Святославъ, видя убыль въ своей дружинѣ, говоритъ: «поиду в Русь, приведу боле дружины»; мы видимъ исполненіе этого рѣшенія ниже: «поиде в лодьяхъ, къ порогомъ», а между приведенными словами находится сообщеніе о заключеніи Святославомъ мира съ Греками и текстъ договора; признаемъ и то и другое вставкой.

Подъ 6495 (987) Владиміръ, сообщивъ собраннымъ боярамъ и старцамъ градскимъ о выслушанныхъ имъ рѣчахъ греческихъ проповѣдниковъ, спрашиваетъ ихъ: «Да что ума придасте? что отвѣщаете»? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ ниже: «Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ»; поэтому предшествующій разсказъ объ испытаніи вѣръ посредствомъ посольства считаемъ вставкой.

Можно указать и на другія вставки, но мы ограничиваемся пока приведенными примѣрами.

Итакъ, анализъ текста Повѣсти вр. лѣтъ приводитъ къ представленію о болѣе древнемъ или даже о болѣе древнихъ сводахъ, ей предшествовавшихъ: въ нихъ не было, напримѣръ, разсказовъ

о мести Ольги, не было разсказа о смѣломъ юношѣ, спасшемъ Кіевъ отъ Печенѣговъ, не было договора Святослава съ Греками, разсказа объ испытаніи вѣръ посредствомъ посольства, благочестивыхъ разсужденій по поводу крещенія Ольги и т. д.

§ 1[3]. Въ началѣ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода (старшій изводъ представленъ однимъ только спискомъ—Синодальнымъ) помѣщена древняя лѣтопись сначала въ болѣе или менѣе полномъ видѣ (приблизительно до 1016 года) потомъ въ краткихъ извлеченіяхъ (1017 — 1052), затѣмъ опять въ полномъ видѣ (1053—1074) и, наконецъ, въ отрывкахъ, вполнѣ тожественныхъ съ текстомъ Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода. Изслѣдованіе о сложномъ составѣ младшаго извода Новгородской 1-й лѣтописи оставляемъ пока въ сторонѣ; но укажемъ здѣсь главные выводы, къ которымъ приведетъ насъ ниже это изслѣдованіе. Новгородская 1-я лѣтопись произошла изъ болѣе древняго свода, составленнаго въ Новгородѣ около 1425 года и называвшагося Софійскимъ временникомъ. Софійскій временникъ соединилъ данныя двухъ старшихъ сводовъ: протографа Синодальнаго списка и другого древняго свода. Къ этому второму источнику возводятся отмѣченныя выше части Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода: во-первыхъ, текстъ отъ начала лѣтописи приблизительно до 1016 года, во-вторыхъ, текстъ 1053 — 1074 годовъ. Сравнивая въ этихъ предѣлахъ текстъ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода съ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ, убѣждаемся въ томъ, что въ первой сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ во второй; въ числѣ доказательствъ можно привести нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ выше мѣстъ, гдѣ мы только что обнаружили вставки въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ, подъ 6454 (946) годомъ въ Новгородской 1-й читаемъ: «И побѣдиша Древляны и возложиша на нихъ дань тяжьку», т.-е. именно такъ, какъ, по нашему предположенію, читалось въ сводѣ, предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ, подъ 6479 (971) годомъ въ Новгородской 1-й читаемъ: «И рече: поиду в Русь и приведу болши дружинѣ; и пойде в лодьяхъ», т.-е. здѣсь не помѣщенъ договоръ Святослава съ Греками, котораго не было, какъ мы предположили, и въ сводѣ, предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ. Это приводитъ насъ къ мысли, что въ числѣ источниковъ Софій-

скаго временника (откуда Новгор. 1-я младш. извода) былъ лѣтописный сводъ, предшествовавшій по времени своего составленія Повѣсти вр. лѣтъ.

Мысль эта находитъ себѣ подтвержденіе еще въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Близость текста Новгор. 1-й лѣтописи и Повѣсти вр. лѣтъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; ее можно объяснить или такъ, что текстъ Новгор. 1-й (путемъ Софійскаго временника) заимствованъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ; или такъ, что Повѣсть вр. лѣтъ пользовалась Софійскимъ временникомъ и почерпала свое содержаніе изъ него; или, наконецъ, такъ, что Софійскій временникъ и Повѣсть вр. лѣтъ восходятъ къ одному общему источнику. Второе объясненіе, т.-е. возможность вліянія Соф. временника на Повѣсть вр. лѣтъ, должно быть отвергнуто, такъ какъ Соф. временникъ возникъ около 1425 года, а текстъ Повѣсти вр. лѣтъ сложился въ первой четверти XI столѣтія. Отвергаю и первое объясненіе, т.-е. возможность извлеченія текста Софійскаго временника изъ Повѣсти вр. лѣтъ, и это по слѣдующимъ основаніямъ: текстъ Соф. временника представляется значительно сокращеннымъ сравнительно съ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ. Но, оставляя въ сторонѣ первыя страницы, гдѣ изложены древнѣйшія событія, и обращаясь къ сравненію Соф. временника съ Повѣстью вр. лѣтъ въ предѣлахъ отъ призванія Варяговъ и до княженія Владиміра включительно (засимъ Соф. временникъ слѣдуетъ нѣкоторое время другому источнику—протографу Синод. списка), видимъ, что Софійскій временникъ сокращаетъ Повѣсть вр. лѣтъ с и с т е м а т и ч е с к и. Такъ, въ немъ нѣтъ ни одного заимствованія изъ Амартола, нѣтъ ни одного договора съ Греками, нѣтъ нѣсколькихъ сказаній, какъ, напр., сказанія о смерти Олега, сказанія о четвертой мести Ольги, сказанія объ отрокѣ Переяславѣ, сказанія о Бѣлгородскомъ киселѣ. Другихъ сокращеній въ текстѣ лѣтописи мы не находимъ; общія Софійскому временнику и Повѣсти вр. лѣтъ статьи переданы первымъ безъ всякихъ пропусковъ (кромѣ случайныхъ, механическихъ) съ такою же подробностью, какъ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Въ виду этого нельзя признать текстъ Соф. временника извлеченіемъ или сокращеніемъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ: редакторъ не могъ задаться цѣлью опустить въ своемъ трудѣ все заимствован-

ное изъ Амартола, всѣ четыре договора и т. д. Впрочемъ какъ мы видѣли выше, изъ текста самой Повѣсти вр. лѣтъ очевидно, что въ предшествовавшемъ ей сводѣ не находился договоръ Святослава и что въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ этого свода читалось совершенно такъ же, какъ читается теперь въ Новгор. 1-й лѣтописи (Соф. временникѣ). Слѣдовательно, пропускъ договоровъ въ Соф. временникѣ можетъ объясняться тѣмъ, что составитель держался не Повѣсти вр. лѣтъ, а старшаго, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ, свода. Такимъ образомъ, мы подходимъ къ третьему изъ предложенныхъ выше объясненій, и одно это объясненіе признаемъ правильнымъ и согласнымъ со всѣми выясняющимися при сравнительномъ изученіи Соф. временника и Повѣсти вр. лѣтъ обстоятельствами. Софійскій временникъ и Повѣсть вр. лѣтъ восходятъ къ общему источнику,—къ лѣтописному своду, предшествовавшему, слѣдовательно, Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 14. Первоначальный составъ и объемъ этого возстанавливаемаго путемъ сравнительнаго изученія Софійскаго временника и Повѣсти вр. лѣтъ свода можетъ быть опредѣленъ пока болѣе или менѣе предположительно. Имѣя въ виду, что Софійскій временникъ составленъ на основаніи двухъ источниковъ — этого древняго свода и протографа Синод. списка, мы получаемъ возможность опредѣлить, что̀ именно въ текстѣ Софійскаго временника восходитъ къ протографу Синод. списка, и что̀, слѣдовательно, заимствовано изъ другого источника, свода, предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ. Къ сожалѣнію, Синод. списокъ дефектный—онъ дошелъ до насъ только начиная съ середины статьи 6524 (1016) года. Далѣе текстъ Софійскаго временника не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ: онъ извѣстенъ, во-первыхъ, въ сводѣ, легшемъ въ основаніе Софійской 1-й и Новгородской 4-й лѣтописей: здѣсь онъ соединенъ съ текстомъ другого свода, содержавшаго въ составѣ своемъ Повѣсть вр. лѣтъ (ср. хотя бы начало Соф. 1-й и Новг. 4-й лѣтописей, т.-е. статьи, читающіяся передъ Предисловіемъ къ Софійскому временнику); во-вторыхъ, въ составѣ Новгородской 1-й младш. извода: здѣсь текстъ Соф. временника обосложненъ нѣсколькими вставками изъ того самаго свода, что лежитъ въ основаніи Софійской 1-й и Новгородской 4-й лѣтописей. Такимъ образомъ,

разложеніе текста Софійскаго временника на два источника, лежавшіе въ его основаніи, сильно затруднено. Тѣмъ не менѣе мы находимъ надежный критерій для такого разложенія Софійскаго временника на составные его источники въ слѣдующемъ соображеніи: къ своду, предшествовавшему Повѣсти вр. лѣтъ, могутъ быть возведены всѣ тѣ статьи Новгородской 1-й лѣтописи (Соф. временника), которыя находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Повѣсти вр. лѣтъ. Слѣдовательно, напримѣръ, весь текстъ отъ 6453 до середины статьи 6523 года (до середины плача Глѣба Владиміровича) можетъ быть возведенъ въ Новгородской 1-й лѣтописи къ искомому своду [1]). Далѣе къ нему же можетъ быть возведенъ текстъ статей 6561—6582 годовъ [2]). Рядъ соображеній, подробно развитыхъ нами ниже, въ концѣ настоящаго труда, побуждаютъ насъ возвести къ тому же своду и начало Новгородской 1-й лѣтописи, несмотря на сильныя отличія ея отъ соотвѣтствующей части Повѣсти вр. лѣтъ. Наконецъ, возводимъ все къ тому же своду самое предисловіе къ Софійскому временнику: позволяю себѣ сослаться на свою статью въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. за 1908 г., кн. 1-я, гдѣ приведены доказательства въ пользу того, что предисловіе это восходитъ къ древнему кіевскому своду.

---

[1]) Исключеніе составятъ: статья 6497 (989) г. о крещеніи Новгорода и приложенные къ ней перечни князей, іерарховъ, епархій и посадниковъ—эту статью и эти перечни я возвожу поэтому къ протографу Синод. списка, хотя вижу сильную редакціонную работу со стороны составителя самого Соф. временника, дополнившаго нѣкоторые изъ перечней до своего времени. (Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣчаю, что имя митрополита Герасима не читалось въ Соф. временникѣ, какъ видно изъ соотвѣтствующихъ перечней въ Новгор. 4-й, напр. по Новоросс. списку; ср. Лѣт. занят. Археогр. комм. за 1871 г., протоколы). Далѣе исключеніемъ является похвала Владиміру, явно заимствованная и притомъ въ сокращенномъ видѣ изъ того свода, къ которому восходятъ Соф. 1-я и Новгор. 4-я. Наконецъ, возвожу къ тому же своду слова „а Ярополкъ же княжа в Кыевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ“, хотя возможно, что эти слова заимствованы изъ протографа Синод. списка (см. 6480 годъ).

[2]) Исключеніе составятъ новгородскія и псковскія извѣстія 6563 о клеветѣ на епископа Луку, 6566 о возвращеніи Луки въ Новгородъ, 6568 о побѣдѣ Изяслава надъ Сосолами; всѣ эти извѣстія заимствованы изъ того свода, къ которому восходятъ Соф. 1-я и Новгор. 4-я.

Такимъ образомъ, исходя изъ текста Новгородской 1-й лѣтописи и имѣя еще въ виду показанія Синодальнаго списка въ части отъ 1016 года, мы въ составѣ Новгородской 1-й лѣтописи младш. извода отличаемъ: во-первыхъ, текстъ, восходящій къ Соф. временнику: сюда относимъ все то, что не можетъ быть возведено къ двумъ другимъ источникамъ, во-вторыхъ; текстъ, восходящій къ своду—родоначальнику Соф. 1-й и Новгор. 4-й лѣтописи: сюда относимъ похвалу Владиміру подъ 6523, далѣе вторую половину статьи 6523 года, начиная со второй части плача Глѣба Владиміровича, вставки въ статью 6524 года (все то, чего нѣтъ въ Синод. спискѣ), статьи 6552, 6553, 6555, 6557, 6558, 6559, 6560, конецъ статьи 6563, вторую часть статьи 6566, вторую часть статьи 6568 гг.; въ-третьихъ, прибавки, сдѣланныя редакторомъ Новгородской 1-й лѣтописи младш. извода: сюда относимъ вставку имени митроп. Герасима въ перечнѣ русскихъ митрополитовъ.

Въ Софійскомъ же временникѣ, въ той части его, что доходитъ до 6582 (1074) года [1]), отличаемъ: во-первыхъ, текстъ, восходящій къ своду, предшествовавшему Повѣсти вр. лѣтъ: это Предисловіе, далѣе 6362—6523 гг. и, наконецъ, 6561—6582 гг.; во-вторыхъ, текстъ, восходящій къ протографу Синод. списка: это 6497 годъ съ приложенными къ нему перечнями, 6525—6545 гг. (6546—6558 были оставлены пустыми) и, какъ кажется, 6559 и 6560 гг. (которые въ Новг. 1-й сближены съ другими источниками этой лѣтописи, ср. выше); въ-третьихъ, прибавки, сдѣланныя редакторомъ Соф. временника: сюда относимъ дополненія въ перечняхъ князей, іерарховъ и посадниковъ противъ того объема, какой они имѣли въ протографѣ Синод. списка, составленномъ около 1330 года.

§ 1[5]. Итакъ, мы видимъ, что по Новгородской 1-й (Софійскому временнику) могутъ быть возстановлены лишь нѣкоторыя части предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ свода. Конецъ свода совсѣмъ не находитъ себѣ въ ней соотвѣтствія; не можетъ быть возстановлена и часть отъ 6524 до 6560; въ этой части, какъ мы видѣли, составитель Соф. современника слѣдовалъ протографу

---

[1]) За этимъ годомъ Соф. временникъ слѣдуетъ исключительно протографу Синод. списка.

Синод. списка, опуская, впрочемъ, нѣкоторыя и извѣстія этого вспомогательнаго своего источника. Причину, почему въ Соф. временникѣ не представленъ конецъ свода, предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ, а также часть его, обнимавшая годы 6524—6560, я вижу въ томъ, что экземпляръ этого свода, бывшій въ распоряженіи составителя Соф. временника, былъ дефектный: онъ утратилъ свое окончаніе и листы, на которыхъ были событія 6524—6560 годовъ. Составитель Соф. временника, желавшій передать свой древній источникъ полностью, былъ, однако, вынужденъ, начиная съ 6524 года, обратиться къ другому источнику—протографу Синод. списка; съ 6561 года ему удалось вернуться къ первому источнику, но уже съ 6583 года пришлось ограничиться списываніемъ одного второго источника. Такимъ образомъ, о составѣ и объ объемѣ древняго источника Соф. временника,—свода, предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ, мы можемъ судить лишь въ предѣлахъ до 6582 года, и то—выключивъ часть 6524—6560 годовъ. Но нельзя допустить, чтобы этотъ сводъ оканчивался на 6582 годѣ, ибо такое окончаніе его въ экземплярѣ, бывшемъ доступнымъ составителю Соф. временника, зависѣло отъ случайныхъ причинъ, отъ утраты конца свода; въ Соф. временникѣ, по свидѣтельству Новгор. 1-й лѣтописи мл. извода и Соф. 1-й лѣтописи, статья 6582 года обрывалась на неоконченной фразѣ: «абіе цѣловавъ его князь и обѣщася манастыремъ пещися».

Какія же данныя могутъ быть привлечены къ рѣшенію вопроса, до какого года доходилъ сводъ, предшествовавшій Повѣсти вр. лѣтъ? Окончаніе этого свода надо искать, конечно, въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ, но указаніе на то, гдѣ именно его можно найти въ этомъ текстѣ, даетъ, какъ кажется, смыслъ предисловія, предпосланнаго изслѣдуемому своду и включеннаго въ Софійскій временникъ. Анализъ этого предисловія показываетъ, что обличительныя рѣчи его составителя, обвиняющаго современныхъ князей въ алчности и плохомъ управленіи, должны быть отнесены ко временамъ Святополка Изяславича и притомъ къ первымъ годамъ его княженія, когда Русская земля неоднократно подвергалась разоренію со стороны Половцевъ; эти обличительныя рѣчи ведутъ насъ къ опредѣленному мѣсту составленія Предисловія: Печерскій монастырь въ лицѣ игумена Іоанна въ первые годы княженія

Святополкова, какъ мы знаемъ изъ Патерика (разсказъ о Прохорѣ лебедникѣ), выступалъ съ рѣзкимъ осужденіемъ князя за его корыстолюбіе и насилія. Въ концѣ предисловія составитель свода обѣщаетъ довести разсказъ до греческихъ царей Алексы [1]) и Исакія: рядъ соображеній заставляетъ отказаться отъ мысли, что подъ этими царями разумѣются императоры Исакій и Алексій Ангелы, правившіе (одинъ за другимъ) въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія. Поэтому подъ Алексой я признаю императора Алексія Комнина (1081—1118), а подъ Исакіемъ его старшаго брата, Исакія севастократора, фактическаго соправителя Алексія [2]). Итакъ мы получаемъ основаніе искать окончаніе свода, предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ, въ первыхъ годахъ княженія Святополка. Останавливаюсь на самомъ 1093 годѣ, годѣ вступленія Святополка на княженіе; имѣя въ виду длинныя благочестивыя разсужденія въ концѣ лѣтописной статьи 6601 (1093) года, разсужденія, вызванныя пораженіями со стороны Половцевъ, пораженіями, вина за которыя складывается лѣтописцемъ на князя Святополка, принимая во вниманіе свидѣтельство Татищева, что за этими разсужденіями въ нѣкоторыхъ спискахъ читалось слово «аминь», я признаю окончаніемъ свода, предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ, статью 6601 (1093) года, а именно содержащіяся въ ней благочестивыя разсужденія по случаю побѣдъ половецкихъ и половецкаго разоренія. Составленіе же этого свода я отношу на время нѣсколько позднѣйшее, быть можетъ, на 1094 или 1095 годы. Высказываюсь относительно времени составленія свода неопредѣленно: это время около 1095 года.

§ 1[6]. Изъ предыдущаго видно, что главнымъ источникомъ нашего знакомства со сводомъ, составленнымъ около 1095 года, остается Повѣсть вр. лѣтъ; въ предѣлахъ 6524—6560 и 6582—6601 мы можемъ судить о составѣ этого свода исключительно на основаніи Повѣсти вр. лѣтъ. Но въ остальныхъ частяхъ своихъ онъ возстанавливается путемъ сравненія Повѣсти вр. лѣтъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью младшаго извода. При этомъ оказывается, что возстанавливаемый путемъ внутренняго анализа содержанія

---

[1]) Такъ (Олекси) читается въ Троицк. спискѣ Новгор. 1-й лѣтописи.

[2]) Ср. статью въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. за 1908 г., кн. 1-я.

Повѣсти вр. лѣтъ сводъ во многихъ случаяхъ совпадаетъ съ текстомъ свода, возстанавливаемаго путемъ сравненія Повѣсти вр. лѣтъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью младшаго извода: такъ анализъ Повѣсти вр. лѣтъ показываетъ, напримѣръ, что въ предшествовавшемъ ей сводѣ не было договоровъ съ Греками (заключаемъ объ этомъ по явно вставленному договору Святослава) и не было разсказа о четвертой мести Ольги: въ Новгородской 1-й младшаго извода не оказывается такъ же ни договоровъ съ Греками, ни разсказа о четвертой мести Ольги. Но въ другихъ случаяхъ результаты анализа Повѣсти вр. лѣтъ не совпадаютъ съ данными о сводѣ, предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ, извлекаемыми изъ Новгородской 1-й младшаго извода: такъ, напримѣръ, анализъ Повѣсти вр. лѣтъ показываетъ, что нѣкогда въ лѣтописномъ текстѣ отсутствовалъ и разсказъ о первыхъ трехъ местяхъ Ольги, между тѣмъ этотъ разсказъ читается въ Новгородской 1-й; или еще: указанный анализъ приводитъ къ заключенію, что подъ 6476 (968) нѣкогда въ лѣтописномъ текстѣ не читался эпизодъ о смѣломъ юношѣ и появленіи Претича, между тѣмъ этотъ эпизодъ имѣется въ Новгородской 1-й; то же относительно эпизода испытанія вѣръ посредствомъ посольства и мн. др. Что же доказываетъ такое несоотвѣтствіе результатовъ анализа текста Повѣсти вр. лѣтъ съ данными, представляемыми Новгородскою 1-ю лѣтописью?

Это несоотвѣтствіе результатовъ показываетъ, что Повѣсти вр. лѣтъ предшествовалъ не одинъ сводъ, а по крайней мѣрѣ два свода. Непосредственнымъ ея предшественникомъ былъ сводъ, составленный около 1095 года и извѣстный въ отдѣльныхъ частяхъ по Новогородской 1-й лѣтописи; но этому своду предшествовалъ другой сводъ, возстанавливаемый путемъ анализа какъ Повѣсти вр. лѣтъ, такъ и соотвѣтствующихъ ей статей Новгородской 1-й лѣтописи.

Задачей настоящаго труда является возстановленіе путемъ анализа Повѣсти временныхъ лѣтъ, или точнѣе, путемъ анализа предшествовавшаго ей свода, составленнаго около 1095 года, еще болѣе древняго свода, который мы теперь же назовемъ Древнѣйшимъ Кіевскимъ сводомъ. Непосредственно же предшествовавшій Повѣсти вр. лѣтъ сводъ мы называемъ Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ.

§ 1[7]. Въ предстоящемъ намъ изслѣдованіи мы должны исходить изъ текста Начальнаго свода. Правда, сводъ этотъ не дошелъ до насъ, но мы видѣли, что онъ возстанавливается путемъ исключенія изъ Повѣсти вр. лѣтъ, въ предѣлахъ 6362 — 6523 и 6561 — 6582 гг., всѣхъ тѣхъ статей, которыхъ не имѣется въ Новгородской 1-й - лѣтописи младшаго извода. Слѣдовательно, при анализѣ лѣтописнаго текста въ только что отмѣченныхъ предѣлахъ, мы можемъ исходить изъ текста статей, общихъ Повѣсти вр. лѣтъ и Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода. При анализѣ же лѣтописнаго текста 6524 — 6560 и 6582 — 6601 годовъ мы принуждены ограничиться текстомъ одной Повѣсти вр. лѣтъ, освѣщая мѣстами путемъ нѣкоторыхъ соображеній вопросъ о томъ, насколько этотъ текстъ отклонился отъ текста непосредственно ему предшествовавшаго Начальнаго свода.

ГЛАВА II.

Память и похвала Владиміру мниха Іакова.

§ 2. Этотъ памятникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько важныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, не находящихъ себѣ соотвѣтствія въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводахъ. Между тѣмъ, весьма вѣроятно, что эти замѣтки извлечены изъ лѣтописи, ибо многія изъ нихъ сходны съ дошедшими до насъ лѣтописными извѣстіями. Вотъ почему находимъ необходимымъ разсмотрѣть эти замѣтки, а прежде того проанализировать составъ памятника, гдѣ онѣ находятся.

Составъ сочиненія, озаглавленнаго «Память и похвала князю Рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Рускую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Ияковомъ мнихомъ» [1]), весьма сложный. Во-первыхъ, отмѣчаемъ

---

[1]) Изданія: по сборнику нач. XVI в., принадлежавшему И. П. Сахарову, напечатано преосв. Макаріемъ въ Христ. Чт. за 1849 г., кн. II; по Макар. Четьи Минеѣ (іюль, Синод. сп.) А. И. Соболевскимъ въ Чт. Общ. Нестора лѣтописца, кн. II, с. 21 и сл.; по Мусинъ-Пушкинскому сборнику

явную вставку похвалы Ольги въ текстъ похвалы Владиміру; вставка обнаруживается тѣмъ особымъ заглавіемъ, которое предшествуетъ похвалѣ Ѳльгѣ («Похвала княгинѣ Олгѣ, како крестися и добрѣ поживе по заповеди Господни»), а также обращеніемъ «Послушайте, възлюблении» въ концѣ этой похвалы, послѣ чего продолжается похвала Владиміру. Во-вторыхъ, видимъ явную непослѣдовательность въ самой похвалѣ Владиміру: послѣ сообщенія о взятіи Корсуня и женитьбѣ Владиміра читаемъ о его кончинѣ, далѣе находимъ краткое сообщеніе о кончинѣ Ольги, засимъ говорится о самой кончинѣ Владиміра и приводится его предсмертная молитва; наконецъ, за этой молитвой перечисляются (въ видѣ лѣтописныхъ замѣтокъ) событія сначала послѣ крещенія Владиміра, а затѣмъ до крещенія, при чемъ перечень этотъ заканчивается замѣткой о кончинѣ Владиміра. Въ-третьихъ, видимъ рядъ повтореній въ составѣ похвалы Владиміру: такъ повторена фраза «крести же и всю землю Рускую отъ конца до конца», повторено дважды (съ незначительнымъ варіантомъ) «аггели възвеселишася и архаггели»; повторено дважды (съ варіантами) «како шедши къ Царюграду и прияла бяше святое крещеніе»; повторено дважды въ составѣ похвалы Владиміру извѣстіе о кончинѣ Ольги; приведено три раза сообщеніе о смерти самого Владиміра. Въ-четвертыхъ, въ похвалѣ Ольгѣ, вставленной въ похвалу Владиміру, также обнаруживаются непослѣдовательность и повторенія; объ успеніи Ольги сказано два раза; послѣ перваго сообщенія читается о прославленіи Богомъ тѣла Ольги нетлѣніемъ, при чемъ эта часть сопровождается въ началѣ и концѣ сходною фразою: «и Богъ прослави тѣло блаженныя княгинѣ Ольги, ейже имя въ святомъ крещеніи наречено Елена». Все это приводитъ насъ къ заключенію, что обѣ статьи: Похвала Владиміру и Похвала Ольгѣ дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

§ 3. Совершенно ясно, что Похвала Ольгѣ читалась первоначально отдѣльно отъ Похвалы Владиміру и лишь впослѣдствіи

1414 года (копія нач. XIX в.) В. И. Срезневскимъ въ 1893 году въ приложеніи къ LXXII тому Записокъ И. А. Н., № 5; по сборнику 1494 года Казанской Духовной Академіи имъ же въ 1897 г. въ Запискахъ И. А. Н., 8-я серія, т. I, № 6.

вставлена въ послѣднюю. Чѣмъ же вызвана такая вставка? Не содержалъ ли текстъ Похвалы Владиміру такого мѣста, которое естественно наталкивало на такую вставку? Повидимому, подобное мѣсто есть: мы читаемъ Похвалу Ольгѣ послѣ фразы «Тако же и блаженыи князь Володимиръ створи с бабои своеи Олгои». Упоминаніе объ Ольгѣ и вызвало, какъ можно предположить, вставку Похвалы Ольгѣ, читавшейся нѣкогда отдѣльно. Раньше я такъ и думалъ, при чемъ шелъ еще дальше, исходя изъ мысли, что приведенная только что фраза дѣйствительно читалась въ Похвалѣ Владиміру. Я именно признавалъ продолженіемъ этой фразы слѣдующее мѣсто, читающееся уже къ концу памятника: «и съ благовѣрною Олгою, и та бо шедши Цѣсарюграду пріяла бяше святое крещенье»; слова «и съ благовѣрною Олгою» стоятъ непосредственно за сообщеніемъ о кончинѣ Владиміра, а потому рѣшительно не могутъ быть связаны съ предшествующимъ текстомъ. Такое признаніе, равносильное предположенію, что фраза: «Тако же и блаженыи князь Володимиръ створи съ бабою своею благовѣрною Олгою» разбита сдѣланною послѣ словъ «съ бабою своею» вставкою, имѣло для меня слѣдствіемъ необходимость счесть вставкою въ текстъ Похвалы Владиміру не только Похвалу Ольгѣ, но и непосредственно за нею слѣдующую статью, начинающуюся словами «Блаженыи же князь Володимиръ, внукъ Олжинъ, крестивъся самъ и чада своя» и оканчивающуюся вышеупомянутымъ сообщеніемъ о кончинѣ Владиміра. Этотъ выводъ подтверждался тѣмъ обстоятельствомъ, что указанная статья въ нѣсколько сокращенномъ видѣ встрѣчается отдѣльно отъ Памяти и похвалы, получивъ послѣ изданія ея А. И. Соболевскимъ названіе «Древнее житіе Владиміра». Правда, въ отдѣльномъ видѣ своемъ она не оканчивается упомянутымъ выше сообщеніемъ о кончинѣ Владиміра, а продолжена перечнемъ событій, имѣвшихъ мѣсто послѣ крещенія Владиміра, и затѣмъ событій, случившихся до его крещенія; но тотъ же перечень отыскивается въ Памяти и похвалѣ въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ предполагаемаго окончанія выдѣляемаго изъ него особаго памятника, а именно въ самомъ концѣ Памяти и похвалы. Такимъ образомъ, анализъ сводного памятника, озаглавленнаго «Память и похвала Владиміру», обнаруживалъ въ немъ слѣдующія части: 1) самую Память и похвалу въ

двухъ отрывкахъ: первомъ, отъ начала до словъ «Тако же и блаженый князь Володимеръ створи съ бабою своею Ольгою» включительно, и второмъ, отъ словъ «и съ благовѣрною Олгою: и та бо шедши Цѣсарюграду» до словъ «того ради пріимутъ вѣнець красоты отъ руку Господня»; 2) похвалу Ольги, ясно выдѣляющуюся изъ состава памятника; 3) древнее житіе Владиміра въ двухъ отрывкахъ: первомъ, отъ словъ «Блаженыи же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ и чада своя» до «и дары многы присла къ нему и мощи святыхъ даста ему» включительно, и второмъ, отъ словъ «По святѣмь же крещеніи поживе блаженыи князь Володимеръ 28 лѣтъ» до конца памятника [1]). Теперь вижу ошибочность моего анализа.

§ 4. Сопоставляю слѣдующія два мѣста Памяти и похвалы: 1) «Яко же вѣрою онъ (Константинъ) великою и любовію Божіею подвигся, утверди всю вселенную любовію и вѣрою и святымъ крещеніемъ просвѣти весь миръ и законъ Божій по всей вселеннѣй заповѣда и раздруши храмы идольскыя съ лжеименными богы, святыя же церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу, въ Троици славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасеніе съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою и с чяды своими, приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесчисленое множество и т р е б и щ а бѣсовская потреби и х р а м ы и д о л ь с к ы я раздруши и ц е р к в а м и у к р а с и всю вселеньную и г р а д ы и заповѣда в ъ ц е р к в а х ъ п а м я т и с в я т ы х ъ т в о р и т и п ѣ н ь и и м о л и т в а м и и п р а з д н и к ы п р а з д н о в а т и на славу и на хвалу Богу». 2) «Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя и всю землю Русскую крести отъ конца и до конца, х р а м ы и д о л ь с к ы я и т р е б и щ а всюду раскопа и посѣче и идолы вся съкруши и всю землю Русскую и г р а д ы честными иконами ц е р к в и у к р а с и, и п а м я т и с в я т ы х ъ в ъ ц е р к в а х ъ т в о р я ш е п ѣ н і е м ъ и м о л и т в а м и, и п р а з д н о в а ш е

[1]) Слова „И тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ и скончa житіе свое въ правовѣрнѣй вѣре о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ" должны были быть признаны мною сочиненными редакторомъ для перехода отъ текста Древняго житія ко второму отрывку самой Памяти и похвалы.

свѣтло праздникы господьскыя». Связь между обоими мѣстами совершенно очевидна: Владиміръ сравнивается съ Константиномъ, и ему приписываются дѣянія, сходныя съ дѣяніями Константина; слѣдовательно, оба отрывка должны были первоначально слѣдовать другъ за другомъ, и второй отрывокъ долженъ былъ начинаться словами: «Тако же и блаженный князь Володимеръ»; эти слова мы и читаемъ за первымъ отрывкомъ, но за ними слѣдуетъ неожиданно: «сътвори съ бабою своею Олгою», а засимъ похвала Ольгѣ. Отсюда видно, что эта похвала разорвала двѣ части похвалы Владиміру: благодаря этому, вторая часть похвалы (со словъ «Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ») пріобрѣла характеръ самостоятельнаго произведенія и могла быть даже выдѣлена какъ особое сочиненіе (см. выше). Но откуда же попали стоящія между обоими отрывками слова: «сътвори съ бабою своею Олгою»—слова, несомнѣнно вызвавшія помѣщеніе вслѣдъ за ними Похвалы Ольгѣ?

Мнѣ кажется, что они должны имѣть связь со словами «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою», читаемыми въ первомъ отрывкѣ. При этомъ выясняется, что первый отрывокъ не представляетъ единства; въ немъ явнымъ образомъ слиты два приступа къ сравненію Владиміра съ Константиномъ: первый приступъ, начинаясь словами: «Якоже вѣрою онъ великою и любовію Божіею подвигся», оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою»; второй приступъ не сохранилъ своего начала: онъ дошелъ до насъ отъ словъ: «съ чады своими» и до словъ: «на славу и на хвалу Богу». Второй приступъ повторяетъ то же, что первый, даже иногда въ тожественныхъ выраженіяхъ; ср. въ первомъ приступѣ: «... заповѣда и раздруши храмы идольскыя... святыя же же церкви по всеи вселеннѣи постави на хвалу Богу»; а во-второмъ: «... храмы идольскыя раздруши и церквами украси всю вселеньную... и заповѣда... на хвалу Богу». Какъ видно изъ напечатанныхъ выше текстовъ обоихъ отрывковъ (ср. набранное разрядкою), соотвѣтствіе находитъ себѣ въ дальнѣйшемъ только второй приступъ. Принявъ во вниманіе находящуюся выше въ Похвалѣ Владиміру фразу: «отвержеся всея діаволя льсти и пріиде отъ тмы діаволя на свѣтъ съ чады своими», я думаю, что второй

приступъ начинался словами: «Якоже онъ (т.-е. Константинъ) отвержеся всея діаволя льсти и пріиде отъ тмы діаволя на свѣтъ съ чады своими» и далѣе продолжался: «и приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесчисленое множество, и требища бѣсовьская потреби, и храмы идольскыя раздруши и церквами украси всю вселеньную и грады и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣньи и молитвами и праздникы праздновати на славу и на хвалу Богу»;—за симъ слѣдовало: «такоже и блаженыи князь Володимеръ, крестивъся самъ и чада своя и всю землю Русскую» и т. д.

Текстъ перваго приступа намъ извѣстенъ; но гдѣ же соотвѣтствующая ему вторая часть сравненія? Первый приступъ оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою». Ищемъ поэтому соотвѣтствующую ему вторую часть сравненія въ словахъ: «Тако же и блаженыи князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Олгою». Но, конечно, эта фраза не окончена; за ней слѣдовало подробное перечисленіе того, что сдѣлали Ольга и Владиміръ; вмѣсто того, читаемъ теперь Похвалу Ольгѣ.

§ 5. Наличность двухъ отрывковъ, гдѣ проводится сравненіе Владиміра съ Константиномъ, убѣждаетъ въ томъ, что въ Памяти и похвалѣ слиты два сочиненія, одинаково относившіяся ко Владиміру, восхвалявшія его добродѣтели, перечислявшія его подвиги. Между обоими сочиненіями замѣчалось сильное сходство; одно изъ нихъ составлено было подъ вліяніемъ другого; ср. предложенное выше сопоставленіе перваго и второго приступа къ сравненію Владиміра съ Константиномъ [1]). Позднѣйшій редак-

[1]) Въ Словѣ о законѣ и благодати находимъ также сравненіе Владиміра съ Константиномъ: „Онъ съ святыми отци Никиискаго збора законъ человѣкомъ полагаше; ты же с новыми отци нашими епископы снимаяся часто, съ многымъ смиреньемъ свѣщевашеся, како в человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ законъ уставити. Онъ въ Елинѣхъ и Римлянѣхъ царство Богу покори; ты же, о блаженьниче, подобно; уже бо и въ онѣхъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ *съ матерью своею Еленою* крестъ отъ Иерусолима принесоша и по всему миру своему раславша, вѣру *утвердиста*; ты же *съ бабою своею съ Ольгою*, принесша крестъ отъ новаго Иерусолима Костянтина града, по всеи земли своеи поставивша и вѣру Христову утвердиста“. Но отдѣльныя части сравненія не содержатъ тавто-

торъ слилъ оба эти сочиненія. Различить въ настоящее время, что именно въ сводномъ текстѣ восходитъ къ одному и что къ другому источнику, представляется дѣломъ весьма сложнымъ. Мы не рѣшаемся предпринять здѣсь этой работы, такъ какъ она, если бы и удалась намъ, слишкомъ отвлекла бы насъ отъ прямой нашей задачи. А задача эта состоитъ въ опредѣленіи отношенія къ начальной лѣтописи тѣхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, которыя читаются въ концѣ Памяти и похвалы. Трудно рѣшить, принадлежали ли эти замѣтки сочиненію Іакова мниха или другому слитому съ нимъ сочиненію анонима. Но совершенно ясно, что эти замѣтки попали въ конецъ Памяти и похвалы въ результатѣ той редакціонной работы, которой подверглись оба слитыя въ Памяти и похвалѣ сочиненія. Думаю, что замѣтки эти перенесены въ конецъ памятника потому, что редакторъ далъ предпочтеніе тому историческому матеріалу, который читается теперь въ серединѣ его; иначе—лѣтописныя замѣтки принадлежали одному изъ слитыхъ въ одно сочиненій, а разсказъ о побѣдахъ Владиміра надъ Радимичами, Ятвягами, Серебряными Болгарами и Козарами и о взятіи имъ Корсуня—другому. Редакторъ далъ предпочтеніе разсказу этого другого своего источника; разсказъ же перваго источника отнесъ въ конецъ своего труда. Вотъ почему мы признаемъ необходимымъ разсмотрѣть эти лѣтописныя замѣтки внѣ связи съ остальнымъ текстомъ Памяти и похвалы; у насъ нѣтъ достаточно надежныхъ данныхъ для опредѣленія, какія еще части Памяти и похвалы должно возвести къ тому сочиненію, гдѣ содержались означенныя замѣтки.

§ 6. Впрочемъ, въ видѣ предположенія, которому не придаю особеннаго значенія, высказываю слѣдующія соображенія. Передъ первою, точнѣе старшею лѣтописною замѣткой, а таковою считаю сообщеніе: «И сѣде въ Кыевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и дѣда своего Игоря», читаемъ: «Блаженый князь Володимеръ имяше скровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы; тамо и сердце его бѣ, въ царствіи

логіи, подобной той, которую мы обнаружили въ Памяти и похвалѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что въ Памяти и похвалѣ сравненіе (въ особенности въ первомъ приступѣ) составлено не безъ вліянія Слова о законѣ и благодати.

небеснѣмъ, и Богъ поможе ему»; передъ первыми историческими извѣстіями въ серединѣ Памяти и похвалы, а именно, передъ словами «и побѣжаше вся врагы своя, и бояхуся его вси; идѣже идяше, одолѣваше: Радимици побѣди» и т. д., читаемъ: «Тако же пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлѣхъ, благодать Божіа просвѣщааше сердце его, и рука Господня помогааше ему». Не слѣдуетъ ли отожествить эти обѣ переходныя фразы? Ср. въ особенности конецъ ихъ: «и Богъ поможе ему», съ одной стороны, «рука Господня помогааше ему», съ другой. Если такое отожествленіе возможно, то весьма правдоподобно, что всѣ лѣтописныя замѣтки, и при томъ изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ (а не такъ, какъ онѣ читаются теперь), должны быть отнесены непосредственно за описаніемъ добродѣтелей Владиміровыхъ, въ особенности же милостыни его (отрывокъ «Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ.... вся милуя и одѣвая и накормя и напаяа»). Если же вмѣсто нихъ мы находимъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ другой разсказъ, то онъ восходитъ къ другому сочиненію и вытѣснилъ лѣтописныя замѣтки потому, что редактору онъ показался интереснѣе и важнѣе. Этотъ другой разсказъ обстоятельно излагаетъ эпизодъ взятія Корсуня, между тѣмъ какъ въ первомъ разсказѣ о взятіи Корсуня упомянуто лишь мимоходомъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніе на вліяніе Корсунской легенды на этотъ другой разсказъ, на этотъ другой видъ Похвалы Владиміру? Первый видъ, повидимому, совсѣмъ незналъ этой легенды; между тѣмъ второй видъ использовалъ ее. При этомъ выясняется сходство между соотвѣтствующимъ Корсунской легендѣ разсказомъ и между памятниками житійной литературы о Владимірѣ. Слова: «умысли же и на Грѣчкыи градъ Корсунь. И сице моляшеся князь Володимеръ Богу: Господи, владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ да прииму ѝ и да приведу люди крестіяны и попы на свою землю и да научать люди закону крестьяньскому», ср. въ проложномъ житіи: «и рече в себѣ: сице створю, поиду въ землю и пленю градъ ихъ и обрящю учителя. Да еже умысли, то створи». Сообщеніе о женитьбѣ Владиміра и о полученіи отъ царей мощей святыхъ: «и даста ему сестру свою и дары многы присласта к нему и мощи святыхъ даста ему» ср. съ подобнымъ же сообщеніемъ въ житіи

Владиміра особаго состава (въ Плигинскомъ сборникѣ): «Царь же Констянтинъ да Василеи дають сестру свою съ великою честію и много святыхъ мощеи» [1]). Замѣтимъ однако, что Память и похвала умалчиваетъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, между тѣмъ какъ въ названныхъ житійныхъ произведеніяхъ крещеніе Владиміра происходитъ именно въ Корсунѣ; эту особенность Памяти и похвалы надо поставить въ связь съ тѣмъ, что и въ лѣтописныхъ замѣткахъ о крещеніи говорится до взятія Корсуня.

Такимъ образомъ мы въ общемъ приходимъ къ слѣдующему выводу: существовало два вида Памяти и похвалы мниха Іакова; одинъ болѣе древній: въ составѣ его читались лѣтописныя замѣтки; другой болѣе новый: въ составъ его вмѣсто лѣтописныхъ замѣтокъ введены заимствованія изъ житійныхъ произведеній, построенныхъ на Корсунской легендѣ [2]). Позднѣйшій редакторъ слилъ оба вида Памяти и похвалы въ одно цѣлое; но лѣтописныя замѣтки, которыхъ нельзя было соединить съ текстомъ, взятымъ изъ житійныхъ произведеній, онъ перенесъ въ конецъ своднаго памятника.

§ 7. Итакъ лѣтописныя замѣтки входили въ составъ древняго вида Памяти и похвалы. Изложимъ ихъ въ ихъ первоначальномъ хронологическимъ порядкѣ и сопоставимъ затѣмъ съ дошедшими лѣтописными текстами [3]).

«И сѣде Кыевѣ на мѣстѣ отьца своего Святослава и дѣда своего Игоря; а Святослава кънязя Печенѣзи убиша; а Яропълкъ сѣдяше Кыевѣ на мѣстѣ отьца своего Святослава; и Ольгу

---

[1]) Цари греческіе и въ Памяти и похвалѣ названы также Константиномъ и Василіемъ, а не Василіемъ и Константиномъ, какъ въ лѣтописи (Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ).

[2]) О событіяхъ Владимірова княженія въ этомъ другомъ видѣ Памяти и похвалы читалось: „Радимичи побѣди и дань на нихъ положи, Вятичи побѣди и дань на нихъ положи, Ятвягы взя и Сребряныя Болгаръ и на Козары шедъ побѣди я и дань взятъ на нихъ". Это основано на припоминаніи изъ лѣтописи, которая, сообщая о походахъ на Радимичей, Вятичей и Ятвяговъ, говоритъ о походѣ на Волгаръ, а не на Серебряныхъ Болгаръ, и умалчиваетъ о походѣ на Ко́заръ.

[3]) При возстановленіи первоначальнаго текста принимаемъ во вниманіе и указанія статьи, извлеченной изъ Памяти и похвалы—т. н. древняго житія Владиміра.

идущю съ вои у Вьруча града, мостъ ся обломи съ вои, и удавиша Ольга въ гребли; а Ярополка убиша Кыевѣ мужие Володимерови. И сѣде Кыевѣ кънязь Володимеръ въ осмое лѣто по съмьрти отьца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486. Крьсти же ся кънязь Володимеръ въ 10-е лѣто по убиении брата своего Ярополка. И каяшеся и плакашеся блаженыи кънязь Володимеръ вьсего того, елико сътвори въ поганьствѣ, не зная Бога [1]. По святѣмь же крьщении пожи блаженыи кънязь Володимеръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крьщении къ порогомъ ходи; на третиее Кърсунь городъ възя; на четвьртое лѣто цьркъвь камяну святыя Богородица заложи; а на пятое лѣто Переяславль заложи; въ девятое лѣто десятину блаженыи христолюбивыи кънязь Володимеръ въда цьркъви святѣи Богородици и отъ имѣния своего. О томь бо и самъ Господь рече: идеже есть съкровище ваше, ту и сьрдьце ваше будеть [2]. И усъпе съ миръмь мѣсяца июля въ 15 дьнь, въ лѣто 6523, о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемь».

§ 8. Разсмотрѣнiе этихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, внесенныхъ въ текстъ Памяти и похвалы, не оставляетъ сомнѣнiя въ томъ, что составитель Памяти и похвалы имѣлъ въ своемъ распоряже-

---

[1]) За симъ въ текстѣ читается: „познав же Бога истиньнаго, творча небесѣ и земли, покаявся всего, и отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею“. Этотъ отрывокъ я признаю вставкой, сдѣланною редакторомъ-сводчикомъ. Во-первыхъ, въ немъ повторено то, что стоитъ непосредственно впереди: „покаявся всего“ ср. выше „каяшеся всего“; во-вторыхъ, слова „и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею“ оказываются заимствованными изъ предыдущаго текста Памяти и похвалы; ср.: „Тако же блаженыи князь Володимеръ послужи къ Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею“, а также: „блаженыи князь Володимеръ имѣяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы“; въ-третьихъ, слова „и отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его“ также заимствованы изъ предыдущаго текста Памяти и похвалы, гдѣ читаемъ: „и отвержеся всея дьяволя льсти“, ниже: „уклонився отъ службы дьяволя“; еще ниже: „ дьявола отвергшеся и службѣ его поругашася“.

[2]) Здѣсь читается теперь отрывокъ, предшествовавшiй лѣтописнымъ замѣткамъ, предшествующiй и теперь первой изъ нихъ: „Блаженыи князь Володимеръ имѣяше скровище свое на небесѣхъ... И Богъ поможе ему“.

нія лѣтопись; лѣтопись эта сходствовала какъ съ Начальнымъ сводомъ, такъ и съ Повѣстью вр. лѣтъ; такъ въ ней сходно съ этими сводами сообщалось о томъ, что Святославъ убитъ Печенѣгами и что послѣ него въ Кіевѣ сѣлъ Ярополкъ; далѣе, что Олегъ былъ задавленъ трупами при переходѣ черезъ мостъ у города Вручаго; далѣе объ убіеніи Ярополка въ Кіевѣ мужами Владиміровыми, о вокняженіи Владиміра въ Кіевѣ, о закладкѣ св. Богородицы, о дарованіи св. Богородицѣ десятины въ девятое лѣто по крещеніи и, наконецъ, объ успеніи Владиміра 15 іюля 6523 года.

§ 9. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что лѣтопись, использованная составителемъ Памяти и похвалы, существенно отличалась отъ дошедшихъ до насъ сводовъ. Во-первыхъ, въ ней сообщались факты, не попавшіе въ Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ: такъ эти своды не знаютъ о походѣ Владиміра на другое лѣто по крещеніи къ порогамъ (очевидно, противъ Печенѣговъ). Во-вторыхъ, нѣкоторыя событія были изложены въ ней совсѣмъ иначе, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ сводахъ: такъ, взятіе Корсуня было изложено не въ связи съ крещеніемъ, а отдѣльно отъ него: Владиміръ взялъ Корсунь на третье лѣто по крещеніи [1]). Въ-третьихъ, въ этой лѣтописи хронологическія данныя существенно отличались отъ данныхъ въ дошедшихъ до насъ сводахъ; правда, дата смерти Владиміра (15 іюля 6523 г.) тожественна съ тою, что даютъ Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ; но всѣ остальныя хронологическія опредѣленія рѣшительно отличаютъ возстановляемую по Памяти и похвалѣ лѣтопись отъ дошедшихъ до насъ сводовъ. Владиміръ послѣ крещенія жилъ по сообщаемымъ въ приведенныхъ замѣткахъ даннымъ 28 лѣтъ; слѣдовательно, онъ крестился въ 6495 году (въ Нач. св. и Повѣсти вр. л. въ 6496); взятіе Корсуня имѣло мѣсто на третье лѣто по крещеніи, слѣдовательно, въ 6497 году (въ Нач. св. и

[1]) Не придаю значенія подробности о томъ, что у Вручаго подъ Олеговымъ войскомъ обвалился мостъ; въ дошедшихъ до насъ сводахъ не говорится объ обвалѣ моста; Олега спихнули съ моста. — Не существенно и то, что въ предполагаемой лѣтописи св. Богородица была названа „каменной“.

Повѣсти вр. л. въ 6496); закладка св. Богородицы отнесена на четвертое лѣто по крещеніи, слѣдовательно, на 6498 годъ (въ Нач. св. и Ипат. сп. она отнесена на 6499, въ Радз. сп. на 6497); закладка Переяславля отнесена на 6499 годъ (въ Нач. св. она опущена, въ Лавр. сп. отнесена на 6500, въ Радз. и Ипат. на 6501); дарованіе десятины св. Богородицѣ отнесено на девятое лѣто по крещеніи, слѣдовательно, на 6503 годъ (въ Нач. св. и Повѣсти вр. л. на 6504). Далѣе крещеніе Владиміра, по сообщенію разсматриваемыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, произошло въ десятое лѣто по смерти Ярополка; смерть же послѣдняго отнесена на 6486 годъ (годъ вступленія Владиміра на Кіевскій столъ); эта дата вполнѣ согласована съ выведенною нами выше датою крещенія Владиміра—6495 годомъ; между тѣмъ въ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ вступленіе Владиміра на столъ и смерть Ярополка отнесены на 6488 годъ; но Владиміръ сѣлъ на столъ въ восьмое лѣто послѣ смерти Святослава; слѣдовательно, Святославъ умеръ въ 6478 году; между тѣмъ въ Нач. св. его смерть отнесена къ 6480 году.

§ 10. Какъ же понять всѣ эти отличія лѣтописи, использованной составителемъ Памяти и похвалы, отъ дошедшихъ до насъ сводовъ? Для опредѣленія значенія этихъ отличій, укажемъ, что внѣ сомнѣнія должна быть поставлена ихъ независимость отъ данныхъ дошедшихъ до насъ сводовъ, т.-е., что отличія изслѣдуемой лѣтописи не могутъ быть объяснены какъ искаженія данныхъ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ. Это доказывается тѣмъ, что рядъ соображеній заставляетъ считать данныя изслѣдуемой лѣтописи болѣе точными, а потому и болѣе первоначальными, чѣмъ соотвѣтствующія данныя дошедшихъ до насъ сводовъ. Я оставляю въ сторонѣ сообщеніе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, а не въ Корсунѣ, хотя и убѣжденъ въ томъ, что преданіе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ древнѣе преданія о крещеніи его въ Корсунѣ; оставляю въ сторонѣ и походъ къ порогамъ, хотя и сознаю, что сообщенія о такомъ походѣ нельзя было ни извлечь изъ дошедшихъ сводовъ, ни придумать изъ головы. Остановлюсь на хронологическихъ данныхъ. Походъ на Корсунь и взятіе его по даннымъ византійскихъ и греческихъ источниковъ имѣли мѣсто въ 6497 (989) году, при чемъ самое взятіе Корсуня случилось послѣ апрѣля 989 го-

да [1]); итакъ, дата возстановляемой нами лѣтописи подтверждается. Крещеніе Владиміра, по вѣроятному предположенію Голубинскаго, было отнесено въ Несторовомъ чтеніи о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба къ 6495 (987) году: дошедшую до насъ цифру 6495 не трудно объяснить изъ 6490-е, при чемъ -е было принято за цифру 5 [2]); итакъ, Несторово показаніе сходится съ показаніемъ изслѣдуемыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Вступленіе Владиміра на столъ въ 6486 году подтверждается указаніемъ Повѣсти вр. лѣтъ (подъ 6360 годомъ) о томъ, что Владиміръ княжилъ 37 лѣтъ, ибо разница между 6523 и 6486 составляетъ 37 [3]). Дарованіе св. Богородицѣ десятины, а слѣдовательно, и освященіе этой церкви относится въ изслѣдуемой лѣтописи къ 6503, а въ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ къ 6504 году: я даю рѣшительное предпочтеніе 6503 году, ибо, по показанію соотвѣтствующей проложной статьи [4]), освященіе св. Богородицы имѣло мѣсто 12-го мая, а 12-е мая приходилось въ воскресенье именно въ 6503, а не въ 6504 году; а что освященіе новаго храма было пріурочено къ воскресному дню, врядъ-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Итакъ, четыре даты изслѣдуемой лѣтописи: 6486, 6495, 6497 и 6503 годы заслуживаютъ или предпочтенія передъ соотвѣтствующими датами Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ, или находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ древнихъ памятникахъ [5]).

---

[1]) Ср. В. Г. Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки (Журн. М. Н. Пр. 1876, № 3); бар. В. Р. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца (1883 г.); И. А.; Линниченко, Совр. состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (Труды Кіевск. Дух. Акад., 1886, № 12, с. 605).

[2]) Исторія русской церкви, I.

[3]) Ср. Srkulj, Drei Fragen aus dem Taufe des hl. Vladimir (Arch. f. sl. Phil. XXIX, 248).

[4]) Статья эта съ указаніемъ именно 12-го мая извѣстна по прологамъ XIII—XIV и посл. вѣковъ. О праздникѣ 12 мая упоминается уже въ Обиходѣ церковномъ XIII в. (Рум. № 244). Ср. Н. К. Никольскій, Матеріалы для повр. списка, с. 41. Въ 1845 году Бодянскій издалъ эту статью въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. росс. (№ 2, стр. 22), по прологу Типогр. библ., гдѣ ошибочно данъ день 11-го мая.

[5]) Относительно 6478 года, какъ года смерти Святослава, см. ниже § 91.

§ 11. Особаго обсужденія заслуживаетъ точная дата вступленія Владиміра на столъ: 11 іюня 6486 года. Изъ первой половины XI в., а тѣмъ болѣе изъ X в. до насъ не дошло ни одной точной даты, опредѣляющей какое бы то ни было свѣтское событіе; имѣющіяся у насъ точныя даты всѣ относятся къ событіямъ церковнымъ: кончина Ольги (11 іюля), убіеніе Варяговъ-мучениковъ (12 іюля), освященіе св. Богородицы (12 мая), смерть Владиміра (15 іюля), убіеніе Бориса (24 іюля), убіеніе Глѣба (5 сентября), освященіе Вышегородской церкви Бориса и Глѣба (24 іюля), освященіе св. Софіи (4 ноября), освященіе св. Георгія (26 ноября). Какъ же могла явиться дата 11 іюня 6486 года? Допустимъ ли мы возможность существованія подобной единичной записи для отдаленнаго событія X вѣка? Этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе при изученіи изслѣдуемыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ибо отъ того или иного разрѣшенія его зависитъ наше отношеніе къ той лѣтописи, откуда онѣ извлечены. Думаю, что 11 іюня 6486 года не было дано въ лѣтописи, какъ готовая дата, а было скомбинировано на основаніи нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, заключавшихся въ этой лѣтописи, скомбинировано при томъ составителемъ Памяти и похвалы. Предполагаю, что составителю Памяти и похвалы была извѣстна изъ нелѣтописнаго источника дата 12 іюля 6486 года, какъ день убіенія Варяговъ-мучениковъ; предполагаю далѣе, что разсказъ объ убіеніи Варяговъ-мучениковъ былъ помѣщенъ въ лѣтописи непосредственно за извѣстіемъ о вступленіи Владиміра на столъ; въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ за словами «И нача княжити Володимеръ въ Києвѣ единъ» слѣдуетъ сообщеніе о поставленіи имъ кумировъ и приношеніи кумирамъ жертвъ; предполагаю, что въ возстанавливаемой по приведеннымъ выше замѣткамъ лѣтописи, вмѣсто этого сообщенія, читался разсказъ объ убіеніи Варяговъ-мучениковъ, послѣ того, что Варягъ отецъ отказался отдать своего сына въ жертву богамъ. Этотъ рядъ предположеній ведетъ насъ къ слѣдующему объясненію даты 11 іюня 6486 года: между днемъ вступленія Владиміра на столъ и жертвоприношеніемъ богамъ, судя по Нач. своду и Повѣсти вр. лѣтъ, протекъ цѣлый мѣсяцъ, ибо между обоими событіями вставленъ эпизодъ съ требованіемъ дани со стороны союзниковъ Владиміра, Варяговъ; по предложе-

нію Владиміра Варяги прождали дани, послѣ взятія Кіева и вступленія на столъ Владиміра, «за мѣсяць» и послѣ того удалились въ Царьградъ; къ жертвоприношеніямъ Владиміръ приступилъ только послѣ удаленія Варяговъ. Соображая все это, составитель Памяти и похвалы вычелъ одинъ мѣсяцъ или одинъ мѣсяцъ и одинъ день изъ даты 12 іюля 6486 года, когда было совершено Владиміромъ жертвоприношеніе и убиты святые Варяги, для опредѣленія дня вступленія его на столъ: въ результатѣ получена дата 11 іюня 6486 г. Предложенное объясненіе ведетъ насъ къ выводу, что лѣтопись, откуда извлечены разсматриваемыя лѣтописныя замѣтки, значительно сходствовала съ Нач. сводомъ и Повѣстью вр. лѣтъ; она сообщала объ эпизодѣ съ Варягами послѣ взятія Кіева Владиміромъ; она содержала и разсказъ объ убіеніи Варяговъ-мучениковъ; но этотъ разсказъ она помѣщала вслѣдъ за сообщеніемъ объ эпизодѣ съ Варягами.

§ 12. Вниманію изслѣдователя подлежитъ еще слѣдующее обстоятельство: въ лѣтописныхъ замѣткахъ сообщено, что на пятое лѣто по крещеніи Владиміръ заложилъ Переяславль. Въ Повѣсти вр. лѣтъ также сообщается о закладкѣ Переяславля, но совершенно отстсутвовало это извѣстіе, судя по Новгородской 1-й, въ Нач. сводѣ; въ Повѣсти вр. лѣтъ закладка Переяславля поставлена въ связь съ эпизодомъ объ единоборствѣ русскаго богатыря Переяслава съ печенѣжскимъ великаномъ; въ Нач. сводѣ нѣтъ и этого эпизода [1]). Между тѣмъ, если мы на основаніи предыдущихъ соображеній признаемъ возстанавливаемую по разсматриваемымъ замѣткамъ лѣтопись старшею, чѣмъ Нач. сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ, то мы въ правѣ предположить, что текстъ ея долженъ былъ быть ближе къ Нач. своду, чѣмъ къ Повѣсти вр. лѣтъ, произшедшей изъ Нач. свода. Отмѣтимъ далѣе, что въ возстанавливаемой лѣтописи о закладкѣ Переяславля сообщалось на слѣдующій годъ послѣ закладки св. Богородицы; въ Повѣсти вр. лѣтъ о закладкѣ Переяславля говорится только черезъ годъ послѣ закладки св. Богородицы; а между тѣмъ и въ

[1]) Текстъ Повѣсти вр. лѣтъ былъ дополненъ нѣсколькими народными сказаніями сравнительно съ текстомъ Нач. свода; напр., сказаніемъ о четвертой мести Ольги, объ осадѣ Печенѣгами Бѣлгорода.

Нач. сводѣ и въ Повѣсти вр. лѣтъ на слѣдующій годъ послѣ закладки св. Богородицы сообщается о закладкѣ Бѣлгорода. Рѣшаюсь предположить, что и въ возстанавливаемой лѣтописи читалось: «а на пятое лѣто заложи Бѣлгородъ», при чемъ замѣну Бѣлгорода Переяславлемъ отношу насчетъ редактора своднаго текста Памяти и похвалы, знакомаго, повидимому, съ Повѣстью вр. лѣтъ.

§ 13. Трудно сказать что бы то ни было положительнаго о времени составленія изслѣдуемой лѣтописи на основаніи текста лѣтописныхъ замѣтокъ въ Памяти и похвалѣ. Если бы намъ было извѣстно время составленія самой Памяти и похвалы, то мы бы могли заключить и о времени существованія изслѣдуемой лѣтописи, использованной ея составителемъ. Но никакихъ данныхъ о времени составленія Памяти и похвалы мы не имѣемъ. Считаю все таки вѣроятнымъ относить этотъ памятникъ (въ первоначальномъ его видѣ) къ глубокой древности; и однимъ изъ доказательствъ я признаю то обстоятельство, что Память и похвала не знаетъ того что, Владиміръ крестился въ Корсунѣ, придерживаясь старшаго, еще не вытѣсненнаго, преданія о томъ, что Корсунь былъ взятъ уже послѣ крещенія [1]).

---

[1]) Открытымъ оставляю вопросъ о томъ, можно ли отожествить автора Памяти и похвалы (старшаго вида этого сочиненія), Іакова мниха, съ Іаковомъ мнихомъ, упоминаемымъ въ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ подъ 1074 годомъ. Обращаю вниманіе на то, что слова „и о сыну его, реку же святую и славную мученику Бориса и Глѣба“ въ началѣ Памяти и похвалы имѣютъ характеръ явной вставки, нарушившей теченіе слѣдующей ясно выраженной мысли: „Такожде и азъ, худый мнихъ Іаковъ, слышавъ отъ многыхъ о благовѣрнемъ князѣ Володимерѣ (всея Русскыя земля, о сыну Святославлѣ), и мало собравъ отъ многыя добродѣтели его написахъ, како просвѣти благодать Божия сердце князю Русскому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву“. (Въ скобки я заключилъ позднѣйшую, по моему мнѣнію, вставку). Приведенныя выше слова вставлены послѣ слова „написахъ“. Чѣмъ же вызвана эта вставка? Не произвольнымъ ли сближеніемъ приведеннаго только что текста съ тѣмъ мѣстомъ въ началѣ житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, гдѣ авторъ его обѣщаетъ поговорить „индѣ“ о добродѣтели Владиміра? Такое сближеніе облегчило догадку, что авторомъ житійнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ былъ Іаковъ мнихъ, но, разумѣется, никакой убѣдительной силы сближенія стараго книжника и новѣйшихъ изслѣдователей не имѣютъ;

ГЛАВА III.

Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ.

1.

§ 14. Въ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6523 годомъ помѣщено сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба. Оно извѣстно въ двухъ редакціяхъ: краткой, которую находимъ въ Лаврентьевскомъ и Радзивиловскомъ спискахъ, и пространной, которую видимъ въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ. Обѣ редакціи отличаются одна отъ другой, главнымъ образомъ, слѣдующими особенностями. Въ пространной редакціи въ выпискѣ, относящейся къ ангеламъ и бѣсамъ, имѣется фраза, опущенная въ краткой: «Рече бо: кто идеть прелестить Ахава, и рече бѣсъ: се азъ иду»; за этой выпиской читаемъ въ пространной редакціи Псал. 57, 1—5 («тѣмъ же и Давыдъ глаголаше: аще во истину... по образу изминину»), что́ въ краткой опущено; послѣ сообщенія о возвращеніи къ Святополку убійцъ Глѣбовыхъ, читаемъ въ пространной редакціи Псал. 36, 14, 15, 19 и 20 («и пакы оружье... яко дымъ погибнуть»), что́ въ краткой опущено; ниже, передъ сообщеніемъ о перенесеніи мощей Глѣбовыхъ, въ пространной редакціи читаются Псал. 51, 3—7 и Притч. I, 26 и 31 («яко бритва изострена... отъ земля живущихъ. Якоже и Соломонъ рче: азъ вашеи... и своея нечьсти насытяться»).

Кромѣ того отмѣтимъ, что въ похвалѣ Борису и Глѣбу, которою сопровождается въ Повѣсти вр. лѣтъ сказаніе, въ Лавр. опущена фраза: «Радуйся, церкви, свѣтозарное солнце стяжавъши, въсходъ всегда просвѣщаеть въ страдании ваю въ славу мученикомъ».

Имѣя въ виду, что, вообще Лаврентьевская представляетъ болѣе древнюю и менѣе сложную редакцію, чѣмъ Ипатьевская и Радзивиловская лѣтописи, я думаю, что и въ данномъ случаѣ

если же мы удалимъ приведенную выше фразу, то увидимъ, что догадка новѣйшихъ изслѣдователей о томъ, что житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (Родъ правыихъ благословиться) составлено Іаковомъ мнихомъ, теряетъ подъ собой всякую почву.

редакція сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по Лаврентьевской лѣтописи древнѣе, первоначальнѣе, чѣмъ распространенная указанными вставками редакція Ипатьевской лѣтописи. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы будемъ исходить изъ редакціи Лавр. лѣтописи.

§ 15. Вопросъ о томъ, какъ сложилось дошедшее до насъ лѣтописное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, выдвигаетъ прежде всего вопросъ, не дошла-ли до насъ болѣе древняя редакція его въ Новгородской 1-й лѣтописи, которая, какъ мы знаемъ, содержитъ отрывки изъ Начальнаго Кіевскаго свода. Отвѣтъ на этотъ вопросъ необыкновенно осложняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Экземпляръ Начальнаго свода, бывшій въ распоряженіи составителя Новгородской 1-й лѣтописи (точнѣе предшествовавшаго ему свода, Софійскаго временника 1421 года), былъ дефектный; кромѣ утраченнаго конца въ немъ недоставало нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ; листы эти обнимали во всякомъ случаѣ текстъ отъ 6524 до 6560 года: это видно изъ того, что весь текстъ Новгородской 1-й лѣтописи подъ этими годами восходитъ къ Синодальному списку и къ Новгородскому своду 1448 года. Но текстъ 6523 года—читался ли онъ въ дефектномъ экземплярѣ?

Мы не сомнѣваемся въ томъ что подъ 6522 и предшествующими годами Новгородская 1-я слѣдовала тексту Начальнаго свода: въ этомъ убѣждаетъ тожество ея текста съ Повѣстью вр. лѣтъ. Первое сомнѣніе возникаетъ уже въ началѣ статьи 6523 года. Похвала Владиміру оказывается заимствованною (и при томъ въ сокращеніи) изъ Новгородскаго свода 1448 г. (ср. Соф. 1-ю и Новгор. 4-ю). Но переходъ отъ Начальнаго свода къ другому источнику могъ произойти здѣсь не по причинѣ дефектности Начальнаго свода, а по причинѣ особой краткости редакціи этой похвалы въ Начальномъ сводѣ; сошлюсь на Лаврентьевскую: она въ общемъ первоначальнѣе Ипатьевской, но въ ея похвалѣ Владиміру видимъ сокращеніе текста Ипатьевской; составителю Лаврентьевской пришлось обратиться къ этому другому тексту вѣроятно потому, что даже въ Повѣсти вр. лѣтъ редакціи 1116 года (которую въ общемъ такъ хорошо передаетъ Лаврентьевская) похвала Владиміру была краткая, неудовлетворявшая читателя (см. ниже § 27). Итакъ, возможно, что Начальный

сводъ въ дефектномъ экземплярѣ, надъ которымъ работали въ Новгородѣ въ 1421 году, содержалъ начало статьи 6523 года. Послѣдующій текстъ, озаглавленный «О убіеніи Бориса и Глѣба», оказывается сначала, и при томъ на значительномъ пространствѣ, весьма близкимъ къ тексту Повѣсти вр. лѣтъ; я поэтому рѣшительно склоняюсь къ мысли о томъ, что онъ заимствованъ въ Новгородскую 1-ю лѣтопись изъ Начальнаго свода. Но до какихъ же мѣстъ идетъ заимствованіе? Разсказъ объ убіеніи Глѣба настолько расходится съ соотвѣтствующимъ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть возведенъ къ Начальному своду; но, имѣя въ виду текстъ Лавр. лѣтописи, заключаемъ, что отличія Новгородской 1-й отъ Повѣсти вр. лѣтъ начинаются нѣсколько выше. Въ Новгородской 1-й оказывается на лицо отмѣченная выше фраза, отсутствующая въ Лавр. «Рече бо Богъ: кто идетъ прельстить Ахава? и рече бѣсъ: се азъ иду»; ниже въ ней читается Псал. 57, 1—5, отмѣченный также выше и отсутствующій въ Лавр. Слѣдовательно, уже въ этомъ мѣстѣ Новгор. 1-я отступаетъ отъ Начальнаго свода. Отступая отъ Начальнаго свода, Новгор. 1-я оказывается тожественною съ Софійскою 1-ю; слѣдовательно, она заимствуетъ здѣсь свой текстъ изъ Новгородскаго свода 1448 года. Это обстоятельство даетъ намъ указаніе на то мѣсто, гдѣ начинаются заимствованія изъ свода 1448 года; первою фразой, тожественною съ Софійскою 1-ю и не сходною съ Повѣстью вр. лѣтъ, оказывается: «а ангели на благое слеми суть»; такъ и въ Соф. 1-й; между тѣмъ въ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ: «ангели на благое посылаеми» (Лавр.), «а ангели на благое» (Радз. и Ипат.), «ангели бо на благое слеми бываютъ» (Хлѣбн.). Мѣсто, гдѣ начинались заимствованія изъ свода 1448 года, не соотвѣтствовало, повидимому, мѣсту, гдѣ оканчивались заимствованія изъ Начальнаго свода; на пространствѣ еще десятка или двухъ десятковъ строкъ составитель Новгородской 1-й имѣлъ возможность слѣдовать все тому же Начальному своду: это ясно изъ продолжающагося сходства съ Повѣстью вр. лѣтъ. Только послѣ словъ «луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семъ прелестьнѣмъ; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское» текстъ Начальнаго свода оставляется совсѣмъ, и составитель переходитъ къ своду 1448 года.

Итакъ текстъ статьи объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Новгородской 1-й лѣтописи я возвожу: а) къ Начальному своду включительно до фразы «аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское»; при этомъ отрывокъ «а ангели на благое слеми— ярость ихъ по образу зміину» восходитъ къ своду 1448 года; б) къ Новгородскому своду 1448 года, начиная со словъ «то и селика постиже мя» [1]).

§ 16. Необходимо сдѣлать еще слѣдующую оговорку. Въ первой части статьи есть нѣсколько мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ и которыхъ нельзя возвести къ своду 1448 г. (Соф. 1-й). Это, во первыхъ, вставка въ текстъ псалмовъ, вложенныхъ въ уста Борису: послѣ словъ «мнози въсташа на мя» читаемъ: «мнози глаголють о души моей»; ниже послѣ «Господи! услыши молитву мою» вставлено: «внуши моленіе мое истиною твоею, услыши мя правдою твоею»; во-вторыхъ, послѣ словъ «бѣ бо послушливъ отцу» (о Глѣбѣ) прибавлено: «и любимъ отцемъ»; вмѣсто «нежели жити на свѣтѣ семъ» читаемъ «нежели жити на свѣтѣ семъ прелестьнѣмъ». Ниже мы вернемся къ этимъ особенностямъ текста Новгор. 1-й, а здѣсь отмѣтимъ предположительно, что нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ Начальному своду.

Возвращаясь къ поставленному выше вопросу, намъ приходится признать, что Новгородская 1-я лѣтопись, не давая представленія обо всемъ объемѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, какъ оно читалось въ Начальномъ сводѣ, доказываетъ, что значительная часть его была въ Начальномъ сводѣ тожественна съ текстомъ сказанія по Повѣсти вр. лѣтъ. Итакъ, при анализѣ лѣтописнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ мы должны исходить изъ того вида, которое оно имѣетъ въ Повѣсти вр. лѣтъ.

---

[1]) Текстъ Новгор. свода 1448 года въ Ноогородской 1-й сильно сокращенъ (составитель Новг. 1-й младш. извода вообще сокращаетъ свои второстепенные источники). Послѣ: „не бы памяти ни единомуже ихъ о възысканіи телесе святаго“ онъ перешелъ къ статьѣ 6527 года, къ сообщенію о перенесеніи Глѣбовыхъ мощей; при этомъ, вмѣсто „и о святѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдяху, яко въ Смоленьсцѣ убіенъ бысть“, онъ написалъ: „ясно бо вси вѣдаху, яко въ Смоленьскѣ убиенъ, нъ не вѣдяху, где положенъ“.

2.

§ 17. Ближайшею задачею нашею признаемъ опредѣленіе отношенія лѣтописнаго сказанія къ житійному сказанію, какъ мы назовемъ «Съказание, страсть и похвалу святую мученику Бориса и Глѣба», начинающееся со словъ «Родъ правыихъ благословиться». Между лѣтописнымъ и житійнымъ сказаніями оказывается рядъ общихъ, иногда дословно тожественныхъ мѣстъ. Это сходство между обоими сказаніями можно объяснить или предположеніемъ что житійное сказаніе основывается на лѣтописномъ, или такъ что лѣтописное сказаніе извлечено изъ житійнаго, или, наконецъ такъ, что оба они восходятъ къ одному общему источнику. Рѣшеніе опредѣляющагося такимъ образомъ вопроса должно приблизить насъ къ разъясненію происхожденія лѣтописнаго сказанія.

§ 18 Отвергаю самымъ рѣшительнымъ образомъ возможность заимствованія лѣтописнаго сказанія изъ подлежащаго нашему изслѣдованію житійнаго. Житійное сказаніе не содержитъ въ себѣ ничего существеннаго, чего бы не было въ лѣтописномъ; оно отличается отъ лѣтописнаго сказанія одною риторикой [1]; такъ въ немъ вставлены длинныя рѣчи и причитанія, сначала Бориса, потомъ Глѣба; длинныя размышленія приписаны самому Святополку послѣ того, что онъ убилъ Глѣба. Лѣтописное сказаніе полно опредѣленныхъ фактовъ; риторики въ немъ мало; въ сущности, риторика прорвалась только въ предсмертномъ причитаніи Глѣба. Мы знаемъ цѣнность сообщаемыхъ нашею лѣтописью фактовъ; если лѣтописецъ умѣлъ такъ или иначе представить длинный рядъ событій X и XI вѣка, то естественно ему же приписать занесеніе на письмо фактовъ, относящихся къ убійству Бориса и Глѣба; факты эти согласованы съ другими, сообщенными имъ раньше и появляющимися у него позже; такъ Глѣбъ совершаетъ путь по Волгѣ и идетъ къ Смоленску, очевидно, изъ Мурома, гдѣ онъ посаженъ отцомъ на удѣлъ; такъ Ярославъ

[1]) Единственною лишнею фактическою подробностью въ жит. сказаніи оказывается мѣсто въ сообщеніи о пронзеніи мечемъ Бориса на пути слѣдованія его убійцъ съ мѣста убіенія въ Вышегородъ: „и яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою“.

передаетъ Глѣбу, когда тотъ достигъ Смядыни, полученное имъ отъ Предславы извѣстіе о смерти отца и убіеніи брата: о Ярославѣ и Предславѣ лѣтописецъ говоритъ и дальше.

§ 19. Не вижу также основанія для допущенія общаго источника, которымъ руководились бы, съ одной стороны, житійное, а съ другой, лѣтописное сказаніе. За исключеніемъ общихъ съ лѣтописью фактовъ, въ житіи останется одна риторика и лирика; слѣдовательно, предполагать для житія отличный отъ лѣтописи, не тожественный съ лѣтописью источникъ представляется совершенно излишнимъ; риторика и лирика могла быть прямо сочинена составителемъ житія [1]).

§ 20. Итакъ, я склоняюсь къ мысли, что житійное сказаніе основано на лѣтописномъ. Составитель, взявъ въ основаніе своего труда лѣтописный текстъ, расширилъ его риторикой и лирикой, при чемъ, какъ увидимъ, руководствовался еще однимъ источникомъ. Эту мысль, которая, конечно, представлялась безспорною и нѣкоторымъ предшествующимъ мнѣ изслѣдователямъ, я подтверждаю еще тѣмъ, что въ житійномъ сказаніи имѣются фактическія заимствованія не только изъ лѣтописнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, но и изъ другихъ частей лѣтописи. Такъ буквально изъ лѣтописи заимствованъ въ житійное сказаніе разсказъ о битвѣ Ярослава съ Святополкомъ на Альтѣ, при чемъ знакомство составителя сказанія съ лѣтописью сказалось и въ предшествующихъ этому разсказу словахъ, которыми сжато переданы предшествующія побѣды Ярослава: «и вьсегда пособиемь Божиемь и поспѣшениемь святою побѣдивъ, елико брани състави, оканьныи посрамленъ и побѣженъ възвращаашеся» [2]). Изъ лѣтописи же заимствованъ имъ разсказъ о Святополковомъ пропаденіи и сопровождающія его разсужденія (сравненіе Святополка съ Ламехомъ). Согласно съ лѣтописью, составитель житійнаго сказанія сообщилъ о томъ, что у Владиміра было 12 сыновей отъ нѣсколькихъ женъ; стар-

---

[1]) Не отрицаю того, что мѣстами лирическія отступленія житійнаго сказанія весьма удачны.

[2]) Такъ въ древнѣйшемъ спискѣ XII в.; въ позднѣйшихъ (напр. въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в.) вставленъ изъ лѣтописи разсказъ и о другихъ битвахъ.

шимъ названъ Вышеславъ (ср. Пов. вр. лѣтъ подъ 988 г.), вторымъ—Изяславъ (ср. тамъ же); третьимъ названъ Святополкъ (въ Пов. вр. л. подъ 988 онъ также названъ третьимъ, въ Радз. и Ипат. спискахъ); при этомъ читаемъ: «сего мати преже бѣ чърницею Грькыни соущи, и поялъ ю бѣ Ярополкъ, братъ Володимирь, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея; и зача отъ нея сего Святоплъка оканьнаго; Володимиръ же поганъи еще, оубивъ Ярополка, и поятъ женоу его непраздьноу соущю, отъ неяже родися сии оканьныи Святопълкъ, и бысть отъ дъвою отцю и братоу соущю, тѣм же и не любляаше его Володимиръ, акы не отъ себе емоу соущю» (ср. Пов. вр. л. подъ 977 и 980 г.г.). Обращеніе отъ статьи 988 года къ статьѣ 980 года имѣло слѣдствіемъ, что выписки продолжались уже изъ этой статьи: «а отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава и Мьстислава и Ярослава и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ Българынѣ Бориса и Глѣба» (ср. совершенно то же въ Пов. вр. л. подъ 980); далѣе идетъ распредѣленіе княженій между сыновьями Владиміра: «посади убо сего оканьнаaго Святопълка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Моуромѣ» (ср. Пов. вр. л. подъ 988; но тамъ вм. Пинска—Туровъ) [1]); составитель сказанія умышленно ограничился только четырьмя названными князьями, ибо «о нихъ и повѣсть си есть»; но, какъ видно изъ его словъ, онъ зналъ, гдѣ сидѣли и другіе князья, зналъ, слѣдовательно, лѣтописную статью 988 года («и посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инъде съкажемъ»). Составитель

---

[1]) Замѣна Турова Пинскомъ представляется чрезвычайно любопытною. Не думаю, чтобы она произошла подъ вліяніемъ того позднѣйшаго (съ конца XII в.) перевѣса, который Пинскъ получилъ надъ Туровомъ (о такомъ перевѣсѣ см. Грушевскаго, Історія Украіни-Руси, II, 306). Скорѣе можно думать, что Туровъ, прославленный уже чудесами св. братьевъ и гордившійся монастыремъ, названнымъ ихъ именемъ (см. ниже), благочестивый составитель жит. сказанія рѣшилъ не ставить въ связь съ именемъ окаяннаго Святополка. Быть можетъ, онъ желалъ стереть аналогію между современнымъ ему в. кн. Святополкомъ, городомъ котораго былъ Туровъ, и Святополкомъ окаяннымъ Туровскимъ. Укажу еще, что лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго помѣщаетъ Святополка „в Пиньску и в Деревѣхъ“; источникомъ лѣтописца было жит. сказаніе, подвергшееся распространеніямъ (между прочимъ по париміи).

сказанія описываетъ согласно лѣтописи и событія, предшествовавшія смерти Владиміра (походъ Бориса на печенѣговъ), а также самую смерть Владиміра; разсказъ о послѣдней вложенъ въ уста вѣстника, сообщающаго о ней Борису на возвратномъ пути его съ похода («и се приде вѣстникъ къ немоу, повѣдая емоу отчю съмрьть, како преставися отець его Василии... и како Святопълкъ потаи съмьрть отца своего» и т. д.).

§ 21. Какимъ же сводомъ пользовался составитель житійнаго сказанія: Начальнымъ-ли Кіевскимъ сводомъ или Повѣстью вр. лѣтъ? Думаю, что Начальнымъ сводомъ, и вотъ по какимъ основаніямъ.

Текстъ, заимствованный житійнымъ сказаніемъ изъ лѣтописнаго, мѣстами оказывается ближе къ Новгородской 1-й лѣтописи, чѣмъ къ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ псаломъ 3, вложенный въ уста Борису, въ житійномъ сказаніи и Новгор. 1-й лѣтописи звучитъ: «мънози въсташа на мя», между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр., Радз., Ип.): «мънози въстають на мя»; Святополкъ посылаетъ къ Глѣбу со словами: «отець зоветь тя и не съдравить ти вельми», между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «не съдравить бо вельми»; «потъчеся конь въ ръвѣ и наломи ногы мало», такъ въ Новгор. 1-й,— «ногоу малы», такъ въ житійномъ сказаніи, между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «и наломи ему ногу мало».

§ 22. Предположеніе, что житійное сказаніе пользовалось не Повѣстью временныхъ лѣтъ, а Начальнымъ сводомъ, ведетъ насъ къ слѣдующему замѣчанію. Въ Начальномъ сводѣ, во-первыхъ, не было похвалы Борису и Глѣбу—ибо она не отразилась въ житійномъ сказаніи; во-вторыхъ, въ немъ было сообщено подробнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, о перенесеніи Глѣбовыхъ мощей изъ Смоленска въ Вышегородъ. Въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ: «Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемъ же вземше везоша и́ и положиша и́ у брата своего Бориса у церкве святаго Василья». Пропускъ передъ словами «посемъ же» очевиденъ. Онъ восполняется житійнымъ сказаніемъ: «оубиеноу же Глѣбови и повьрженоу на поустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама, и Господь, не оставляяй своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: хранить Господь вься кости ихъ и ни едина отъ нихъ съкроушиться, и семоу святоуоумоу лежащю дълго

время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отиноудь пребыти, нъ показа: овогда бо видѣша стълпъ огньнъ... и тъгда съказаша (Ярославу)... и то слышавъ посъла Смолиньскоу... и пришедъше положиша и Вышегородѣ». Думаю, что и здѣсь житійное сказаніе не обошлось безъ амплификаціи и еще другихъ вставокъ (такъ передъ сообщеніемъ о перенесеніи мощей Глѣбовыхъ разсказывается по лѣтописи о побѣдѣ Ярослава и смерти Святополка); но оно доказываетъ, что въ Начальномъ сводѣ за приведенною фразою «Глѣбу же убиену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама» читалось о явленіяхъ на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ положенъ, далѣе о сообщеніи, сдѣланномъ объ этихъ явленіяхъ Ярославу, и уже затѣмъ о перенесеніи мощей въ Вышегородъ [1]). Составитель Повѣсти вр. лѣтъ выпустилъ разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ перенесенію Глѣба (въ нихъ упоминался Ярославъ), изъ соображеній хронологическихъ, такъ какъ иначе получался анахронизмъ: Ярославъ переноситъ тѣло Глѣба въ Кіевъ, а тамъ сидитъ Святополкъ.

§ 23. Предположеніе о томъ, что житійное сказаніе пользовалось именно Начальнымъ сводомъ, а не Повѣстью вр. лѣтъ, ведетъ насъ еще къ одному выводу. Мы не находимъ въ житійномъ сказаніи тѣхъ вставокъ изъ Паримійника, которыя читаются въ Повѣсти вр. лѣтъ; слѣдовательно, ихъ не было и въ Начальномъ сводѣ. Такихъ вставокъ двѣ. Во-первыхъ, непосредственно за похвалой Борису и Глѣбу (которой, какъ мы предположили, не было въ Начальномъ сводѣ) читаемъ объ убіеніи Святополкомъ брата Святослава, бѣжавшаго въ Угры, и засимъ, послѣ размышленій Святополка—длинный рядъ благочестивыхъ размышленій о праведныхъ и неправедныхъ князьяхъ; эти разсужденія, какъ увидимъ, тожественныя съ текстомъ Паримійника, есть основаніе возводить именно къ нему (§ 38). Во-вторыхъ, за сравненіемъ Святополка съ Ламехомъ, читаемъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «Сь Ламехъ уби два брата Енохова и поя собѣ женѣ ею; сей же Святополкъ новый Ламехъ [2]) бысть, иже ся убо родилъ бѣ отъ

[1]) Быть можетъ, за приведенною фразою слѣдовало: „Господь не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь быти тѣлеси святаго, нъ показа е: овогда бо видѣша“ и т. д.

[2]) Въ Лавр. и Хлѣбн. исправлено: „Авимелехъ“.

прелюбодѣяния, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, тако и сь бысть»; то же читаемъ въ Паримійникѣ и при томъ полнѣе [1]). Впрочемъ, признаю возможность и того, что житійное сказаніе могло опустить, при пользованіи лѣтописью, оба указанныя мѣста, восходящія къ Паримійнику, ибо ни то, ни другое не относится непосредственно къ ходу житійнаго повѣствованія. Ниже я вернусь къ вопросу о Паримійникѣ и представлю другія соображенія въ пользу того, что имъ не пользовался Начальный сводъ.

§ 24. Чтобы покончить съ вопросомъ о житійномъ сказаніи, укажу на второй его источникъ. Это Несторово «Чтение о житии и о погублении блаженую стростотърпьцю Бориса и Глѣба». Предположеніе о вліяніи Несторова сказанія на житійное основывается на слѣдующихъ сближеніяхъ текста того и другого сказанія.

У Нестора указано, что Владиміръ при крещеніи получилъ имя Василія; въ жит. сказаніи: «отець его Василеи, въ се бо имя нареченъ въ святѣмь крещении». У Нестора читаемъ, что Борисъ, узнавъ о томъ, что Святополкъ сидитъ на столѣ, «възрадовася, рекыи: сии ми будеть яко отець»; въ житійномъ сказаніи: «се да идоу къ братоу моему и рекоу: ты ми боуди отець, ты ми братъ и старѣи»; непосредственно за этимъ у Нестора: «идяше же путемь своимь, яко овця незлобиво, не помышляше никака же зла на брата своего», а въ житійномъ сказаніи, также непосредственно за приведенными словами: «и си на оумѣ си помышляя идяаше къ братоу своемоу». У Нестора: «таче повелѣ поставити шаторъ свои и вълѣзъ во нь молися Богу съ слезами... и пакы падъ на ложи своемь»; въ житійномъ сказаніи: «и вълѣзъ въ шатьръ свои плакашеся съкроушенъмь сьрдьцьмь... а самъ вълѣзъ въ шатьръ свои начатъ молитву творити вечернюю съ сльзами горькыми... по сихъ же леже съпати». У Нестора: «и повелѣ прозвутеру отпѣти заоутрьню и святое еоуангелие чисти, бѣ бо день недѣлный», въ житійномъ сказаніи: «бѣ же въ святоую недѣлю, рече къ прозвутероу своемоу: начьни заоутрьнюю». Непосредственно за этимъ — у Нестора: «самъ же нача пѣти,

[1]) А именно, послѣ „сыны Гедеоновы“ въ Паримійникѣ: „послѣдиже жена самого оуломкомъ жьрнова оуби с города“.

глаголя сице: Господи, что ся оумножиша стужающи ми, мнози восташа на мя... и прочее псалма»,—въ жит. сказаніи: «самъ же... начать молитися къ Господоу Богоу... и начать пѣти: Господи, чьто ся оумножиша сътоужающии, мънози въсташа на мя и прочая псалмы до коньца». У Нестора Борисъ, обращаясь къ убійцамъ, говоритъ: «влѣзъше, братие, скончаите волю пославшаго вы»; въ жит. сказаніи онъ говоритъ: «братие, пристоупивъше, съконьчаите слоужьбоу вашю». Несторъ разсказываетъ что убійцы вонзили въ Бориса свои сулицы, а затѣмъ, думая, что онъ мертвъ, вышли вонъ; «блаженыи же воскочи въ отропѣ бывъ, изиде изъ шатра и въздѣвъ на небо руцѣ моляшеся, сице глаголя: благодарю тя, владыко Господи Боже мои, яко сподобилъ мя еси...»; послѣ молитвы Борисовой читаемъ: «и се ему рекшю, единъ отъ губитель притекъ оудари въ сердце его»; отъ этого и послѣдовала его смерть; въ жит. сказаніи также сообщается о томъ, что тѣло Борисово было прободено копьями; «и яко бысть оураненъ и искочи и шатьра въ оторопѣ, и нача(ша) глаголати стояще окроугъ его: чьто стоите зьряще? пристоупивъше сконьчаимъ повелѣное намъ. Си слышавъ блаженыи начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя... и възьрѣвъ на небо съ сльзами и горѣ въздъхноувъ начатъ молитися сицими глаголы: Господи Боже мои... слава ти, яко съподобилъ мя еси...»; послѣ молитвы Борисъ приглашаетъ убійцъ кончить порученное имъ дѣло, но жит. сказаніе умалчиваетъ о томъ, что онъ получилъ тогда ударъ въ сердце [1]). Несторъ продолжаетъ: «и тако блаженыи Борисъ предасть душю в руцѣ Божии мѣсяца июля въ 24 день», въ жит. сказаніи: «и абие оусъпе, предавъ душю свою в роуцѣ Бога жива мѣсяца иоулия въ 24 день». Ниже, въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба Несторъ, повѣствуя о томъ, какъ Глѣба настигла погоня, пишетъ объ отрокахъ Глѣбовыхъ: «то ти, положьше весла, сѣдяще сѣту-

---

[1]) Ясно, что Несторовъ разсказъ первоначальнѣе; отмѣтимъ еще, что жит. сказаніе умалчиваетъ о томъ, что убійцы вышли изъ шатра, думая, что Борисъ убитъ; умолчаніе объ окончательномъ ударѣ, полученномъ Борисомъ, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что, слѣдуя лѣтописи, жит. сказаніе сообщаетъ ниже о томъ, что Бориса прикончили два Варяга, когда его уже везли въ Вышегородъ.

ющеся и плачющеся по святомь»; въ житійномъ сказаніи: «и абие вьсѣмъ весла отъ роукоу испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша». Сообщивъ о смерти Святополка, Несторъ замѣчаетъ: «бываетъ бо смерть грѣшнику люта, мнози бо глаголють въ рацѣ его видѣвше тако, якоже Ивоульяна [1]) законопреступного»; въ жит. сказаніи: «якоже бо Иоулиянъ цѣсарь, иже мъногы кръви святыхъ моучениkъ пролиявъ, горькоую и нечеловѣчьноую съмьрть прия, невѣдомо отъ кого прободенъ бысть копиемь въ сердце вѫдроуженъ, тако и сь, бѣгая, не вѣдыися отъ кого, зълострастьноу съмьрть прия».

Въ виду приведенныхъ мѣстъ я признаю Несторово сказаніе источникомъ житійнаго сказанія.

§ 25. Извѣстно другое объясненіе сходства Несторова и житійнаго сказаній. Покойный П. В. Голубовскій въ своемъ талантливомъ изслѣдованіи о службѣ св. мученикамъ Борису и Глѣбу въ Иванической минеѣ [2]), отмѣтивъ совпаденіе Нестора и составителя жит. сказанія въ сравненіи Святополка съ Юліаномъ, объяснялъ его тѣмъ, что оба они — Несторъ и составитель другого сказанія—имѣли въ своемъ распоряженіи общій источникъ— Вышегородскія церковныя записки. Я не отрицаю наличности у обоихъ авторовъ церковныхъ записокъ, ведшихся въ Вышегородской церкви; но эти записки содержали, какъ это думаетъ и Голубовскій (с. 131), записки о чудесахъ Бориса и Глѣба; признавать ихъ литературною обработкой сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ мы не имѣемъ основанія (ср. ниже § 45). Можно быть увѣреннымъ, что Несторъ далъ бы болѣе совершенное произведеніе, если бы у него были предшественники. Можно думать, что наличность литературной обработки сказанія при Вышегородской церкви дѣлала бы излишними новыя обработки — обработку Нестора и составителя житійнаго сказанія. Такимъ образомъ допущеніе, что общія мѣста, какъ напр. «искочи изъ шатра въ отопѣ», «вълѣзъ въ шатьръ моляшеся Богу», упоминаніе Юліана законопреступнаго, попали къ Нестору и къ составителю житій-

---

[1]) Въ Сильв. сб.: и въ оульяни.

[2]) Чт. въ Ист. общ. Нестора лѣтописца, кн. XIV, в. III (Кіевъ 1900), с. 156.

наго сказанія изъ общаго источника, привело бы къ предположенію о существованіи предшествовавшей Несторову труду обработки сказанія. Такое предположеніе мы не считаемъ вѣроятнымъ и потому, отвергнувъ объясненіе П. В. Голубовскаго, признаемъ, что въ числѣ источниковъ житійнаго сказанія былъ трудъ Нестора.

§ 26. Тотъ же изслѣдователь, не успѣвшій, къ сожалѣнію, выпустить въ свѣтъ готовившееся имъ сочиненіе о Несторѣ и Іаковѣ Мнихѣ (ср. с. 130 назв. статьи), отмѣтилъ еще одинъ письменный источникъ житійнаго сказанія—это службу св. Борису и Глѣбу. «У Іакова Мниха [1])—говоритъ П. В. Голубовскій — разсказъ о смерти св. мучениковъ, какъ и въ лѣтописи, заканчивается ихъ прославленіемъ. Іаковъ Мнихъ былъ очень талантливый писатель, умѣвшій искусно сливать воедино разнородные матеріалы, которыми ему приходилось пользоваться. Поэтому его нельзя уловить въ подражаніяхъ тѣмъ или инымъ словамъ и выраженіямъ. Тѣмъ не менѣе, необходимо указать слѣдующія совпаденія въ лирической части труда Іакова Мниха и въ пѣснопѣніяхъ нашей службы». Такихъ совпаденій Голубовскій указываетъ всего два, а именно въ 7 и 9 пѣснопѣніяхъ Иванической службы. Не отрицая отмѣченнаго совпаденія, замѣчу, что 7 и 9 пѣснопѣнія находятся въ позднѣйшей редакціи службы, возникшей по Голубовскому въ первой половинѣ XII вѣка; ихъ нѣтъ въ древней редакціи, составленной митрополитомъ Іоанномъ (см. сравнительную таблицу пѣснопѣній обѣихъ редакцій у Голубовскаго, с. 132); слѣдовательно, вѣроятнѣе думать, что оба эти пѣснопѣнія составлены подъ вліяніемъ житійнаго сказанія; появленіе послѣдняго нѣтъ основанія относить ко времени, скажемъ, позже 1125 года.

3.

§ 27. Перехожу къ другому, краткому сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ, имѣющему непосредственное отношеніе къ лѣтописи.

Н. К. Никольскій среди проложныхъ сказаній о св. Борисѣ

---

[1]) Голубовскій называетъ составителя жит. сказанія, слѣдуя другимъ изслѣдователямъ, Іаковомъ мнихомъ.

и Глѣбѣ, восходящихъ большею частью къ житійному сказанію, отмѣтилъ одинъ особый видъ, признанный имъ сокращеніемъ «лѣтописныхъ извѣстій подъ 1015 годомъ, но въ древнѣйшей (не дошедшей до насъ) редакціи ихъ» [1]). Этотъ видъ проложнаго сказанія озаглавленъ: «Мѣсяца іюля въ 24 день, память творимъ новоявленую мученику Христову Бориса и Глѣба» и встрѣчается въ прологахъ съ XIII— XIV в. [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что опредѣленіе Никольскаго вѣрно: текстъ этого проложнаго сказанія дѣйствительно извлеченъ изъ лѣтописи и при томъ изъ лѣтописи старшей редакціи, чѣмъ тѣ лѣтописи, что дошли до насъ. Въ доказательство своей мысли Никольскій привелъ то обстоятельство, что въ этомъ сказаніи сохранился древній видъ похвалы князю Владиміру, подвергшійся въ дошедшей до насъ лѣтописи, слѣдовательно, въ Повѣсти вр. лѣтъ значительному распространенію. Вотъ текстъ похвалы, читающейся непосредственно за словами «и тако честьнѣ съкоуташа тѣло его съ плачемь, блаженаго князя».

«Се бо есть новыи Костянтинъ Великаго Рима, иже крестивъся самъ и люди своя; тако и сь сътвори подобно ему. Сего бо въ память дьржать князи Русьстии и людие, поминающе святое крещение и прославляють Бога въ молитвахъ и пѣснехъ и псалмѣхъ, поюще Господеви новии людие, просвѣщени Святымъ Духомъ, чающе надежа великаго Бога Спаса Господа нашего Ісуса Христа въздати комоуждо противоу дѣломъ и неизреченьноую радость, юже боуди оулоучити всѣмъ хрестияномъ».

Эта похвала вошла въ составъ и той похвалы, что читается въ Повѣсти вр. лѣтъ. Доказательство того, что похвала настоящей редакціи древнѣе похвалы Повѣсти вр. лѣтъ, см. у Н. К. Никольскаго въ его статьѣ «Одинъ изъ источниковъ лѣт. сказанія о крещеніи Владиміра» [3]).

§ 28. Прежде чѣмъ отмѣтимъ еще нѣсколько древнихъ чертъ

---

[1]) Матеріалы для повр. списка русск. писателей и ихъ сочиненій, с. 277—279.

[2]) Къ указаннымъ Н. К. Никольскимъ спискамъ прибавлю рукопись Паримійника 1271 года, л. 261.

[3]) Христ. Чтеніе за 1902 годъ.

въ текстѣ проложнаго сказанія, укажемъ, что оно кромѣ лѣтописи руководствовалось еще однимъ источникомъ. Этимъ вторымъ источникомъ признаемъ опять Несторово сказаніе. Приведемъ доказательства.

Проложное сказаніе говоритъ: «Борисъ бяше изъмлада наоученъ страхоу Божию и божествьныхъ писании»; Несторъ: «блаженыи Борисъ въ разумѣ сыи, исполнь благодати Божия, взимаше бо книгы и чтяше, бяше бо и грамотѣ наоученъ». Проложное сказаніе говоритъ о Владимірѣ: «въ крещении же нарьченъ Василии»; Несторъ: «вчера елинъ Владимиръ нарицаяся, днесь крестьянъ Василии нарицаеться» [1]). Проложное сказаніе: «и распоусти воя своя», у Нестора: «и цѣлова вся, ти тако отпусти я» [2]). Проложное сказаніе: «и тако скончася блаженыи Романъ, сице бо имя наречено бысть въ крещении»; у Нестора: «бяше же блаженому Борису створено имя въ крещеньи Романъ». Проложное сказаніе: «и тако скончася блаженыи Давыдъ, сице бо наречено бысть въ крещении имя емоу Давыдъ, мѣсяца септября въ 5»; у Нестора: «святому же Глѣбови сотворено имя Давыдъ», ниже: «и тако святыи Глѣбъ предасть душю свою в руцѣ Божии мѣсяца септяврія въ 5 день» [3]).

§ 29. Все остальное содержаніе проложнаго сказанія можетъ быть возведено къ лѣтописи, какъ видно, отличавшейся отъ Повѣсти вр. лѣтъ, между прочимъ тѣми самыми особенностями, которыми отличается (въ извѣстной части своей) текстъ Новгородской 1-й лѣтописи отъ текста списковъ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ мы читаемъ здѣсь, что Глѣбъ: «въсѣдъ на конь съ маломъ дружины поиде, б ѣ б о л ю б и м ъ о т ц е м ъ»; подчеркнутыхъ словъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, но они есть въ Новгор. 1-й и, какъ мы предположили выше, они были и въ Начальномъ сводѣ; далѣе, какъ въ Новгор. 1-й сказано, что Глѣбъ сталъ на Смядинѣ (здѣсь, впрочемъ, «выше Смядины») «въ кораблици», между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ «въ насадѣ». Глѣбъ произноситъ слѣдующія

---

[1]) Лѣтопись не даетъ христіанскаго имени Владиміра.

[2]) Въ лѣтописи: „и се слышавше вои, разидошася отъ него“.

[3]) Въ лѣтописи не указаны крестныя имена Бориса и Глѣба и не приведенъ день Глѣбовой смерти.

слова: «лоуче бы ми оумрѣти съ братъмь, неже жити въ свѣтѣ семь прѣльстьнѣмь»; подчеркнутаго нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, но оно есть въ Новгор. 1-й; выше, Святополкъ посылаетъ сказать Глѣбу: «зоветь тя отець и несъдравитъ ти велми», такъ и въ Новгор. 1-й, а въ Повѣсти вр. лѣтъ: «несъдравить бо вельми»; ниже: «и наломи конь ногы мало», такъ и въ Новгор. 1-й, а въ Повѣсти вр. лѣтъ: «и наломи ему ногу мало» [1]). Чтеніе: «молися и о мнѣ, да быхъ и азъ съподобленъ тоую же страсть прияти» можно смѣло возвести къ Начальному своду, ибо оно находитъ себѣ полное соотвѣтствіе и въ жит. сказаніи: «моли о моемь оунынии, да быхъ азъ съподобленъ тоу же страсть въсприяти», между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ».

Сдѣланныя сопоставленія ведутъ насъ къ неминуемому заключенію, что лѣтописью, откуда извлечено проложное сказаніе, была не Повѣсть вр. лѣтъ, а предшествовавшій ей Начальный Кіевскій сводъ. Отсутствіе похвалы Борису и Глѣбу, столь подходящей къ проложной статьѣ, наводитъ насъ на мысль, что и въ Начальномъ сводѣ не читалась та похвала, что помѣщена въ Повѣсти вр. лѣтъ. Ср. сдѣланное выше такое же замѣчаніе на основаніи житійнаго сказанія (§ 22).

---

[1]) Благодаря сокращенію, текстъ переданъ мѣстами не вполнѣ точно. Про Глѣба сказано: „а брату его Глѣбови Ростовѣ боудоущю“; мы ожидали бы „Муромѣ“, на основаніи лѣтописной статьи 988 года; ниже читаемъ: „Борису же възвративъшюся и не обрѣтшю поганыхъ“, въ лѣтописи: „не обрѣтшю Печенѣгъ“; быть можетъ, замѣна произошла отъ того, что Несторъ, не называющій вообще Печенѣговъ (вмѣсто нихъ: ратніи), въ одномъ мѣстѣ называетъ этихъ ратныхъ погаными („да спасу люди отъ супротивящихся ему поганъ“, говоритъ Борисъ).—Далѣе въ сказаніи читается: „обьртѣвъше въ шатьръ Бориса“ (какъ и въ житійномъ сказаніи), между тѣмъ какъ въ Повѣсти вр. л. (и Новг. 1-й): „оувертѣвъше“; такъ же: „посла по Глѣба“ (какъ и въ жит. сказаніи), между тѣмъ въ Повѣсти вр. л. и Новгор. 1-й: „посла къ Глѣбу“. Вѣроятно, что эти чтенія восходятъ къ Нач. своду, а Новгор. 1-я представляетъ чтенія Пов. вр. лѣтъ.—Замѣна пустыни (Нестора), брега (Пов. вр. л.) дубравой: „ и положенъ въ доубравѣ“ принадлежитъ редакціонному произволу, такъ же какъ послѣднія слова сказанія: „и прѣкрыша расѣкъше корабль его и отъидоша оубиица злыя“.

4.

§ 30. Двѣ разсмотрѣнныя нами обработки сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ—житійная и проложная одинаково привели насъ къ Начальному своду и Несторову сказанію, какъ къ источникамъ. Намъ предстоитъ разсмотрѣть теперь паримійное чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ, извѣстное по памятникамъ, начиная съ XII вѣка [1]). Связь этого чтенія съ лѣтописнымъ текстомъ давно отмѣчена изслѣдователями. Но объясненіе ея можетъ быть различное. Можно думать, что паримійникъ сходныя съ лѣтописью мѣста заимствовалъ изъ послѣдней; но возможно также предположеніе, что лѣтопись пользовалась паримійникомъ и включила въ свой составъ чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ. П. В. Голубовскій въ цѣнномъ изслѣдованіи, названномъ выше, доказываетъ, что составитель паримія не пользовался лѣтописью; фактическая часть заимствована составителемъ париміи не изъ лѣтописи, а изъ какого-то другого источника; авторъ лѣтописнаго разсказа воспользовался паримiей, сократилъ ее, переставилъ нѣсколько выраженія. Голубовскій готовъ допустить, что фактическія части лѣтописнаго повѣствованія и париміи имѣютъ общій источникъ, переданный въ той или иной передѣлкѣ каждымъ изъ авторовъ этихъ произведеній; но въ философско-лирической части лѣтописное повѣствованіе стоитъ, по его заключенію, въ полной зависимости отъ париміи.

§ 31. Прежде чѣмъ приступить къ разбору положеній, выставленныхъ Голубовскимъ, отмѣчу общія лѣтописи и париміи статьи. Паримія въ фактической части своей («отъ бытия») начинается съ полученной Ярославомъ въ Новгородѣ вѣсти, содержитъ далѣе разсказъ о переговорахъ Ярослава съ Новгородцами и сообщаетъ о походѣ Ярослава противъ Святополка. Засимъ послѣ отступленія, гдѣ находимъ пѣснопѣніе («Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде»), читаемъ о томъ, что Святополкъ, не удовольствовавшись убіеніемъ братьевъ, рѣшилъ убить еще Свято-

---

[1]) Ср. изданіе этой статьи въ прил. къ I т. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Пользуемся еще спискомъ 1271 года, мѣстами болѣе полнымъ, чѣмъ обнародованный текстъ.

слава, бѣжавшаго въ Угры; послѣ этого слѣдуютъ длинныя разсужденія о злыхъ и добрыхъ князьяхъ. За ними изложена битва на Альтѣ. Святополкъ разбитъ: «давъ плещи и побѣже». Непосредственно за этимъ сообщается о Святополковой смерти, Святополкъ сравнивается съ Ламехомъ, убившимъ двухъ братьевъ Еноховыхъ, а ниже еще съ Авимелехомъ, который, однако, во всѣхъ древнихъ спискахъ паримійника названъ ошибкою Ламехомъ. Кромѣ отмѣченнаго пѣснопѣнія, текстъ паримiи находитъ себѣ въ большей или меньшей степени соотвѣтствiе въ лѣтописи. При этомъ различаются, какъ это отмѣтилъ и Голубовскiй, фактическая и философско-лирическая части: фактическая часть оказывается короче и менѣе опредѣленною, чѣмъ соотвѣтствующiй лѣтописный текстъ; напротивъ, философско-лирическая часть отчасти буквально сходна съ лѣтописнымъ текстомъ, отчасти же дополняетъ его. Разсмотрю ту и другую часть паримiи отдѣльно.

§ 32. Голубовскiй допускаетъ, что фактическая часть лѣтописи не зависитъ отъ паримiи; но онъ отрицаетъ и заимствованiе фактической части паримiи изъ лѣтописи; ему приходится допустить, что фактическiя части лѣтописи и паримiи восходятъ къ одному общему источнику. Какiя же основанiя приводитъ Голубовскiй противъ признанiя лѣтописи источникомъ фактической части паримiи? «Разсказъ объ Альтской битвѣ въ паримiи изложенъ гораздо подробнѣе, причемъ тутъ подробности очень интересныя, и между тѣмъ ихъ нѣтъ въ разсказѣ лѣтописномъ. Слѣдовательно, составитель паримiи пользовался не лѣтописью, а какимъ-то другимъ источникомъ». Такъ разсуждаетъ Голубовскiй. Какiя же это подробности? И точно ли правъ Голубовскiй, допускающiй, что подробности эти, опущенныя лѣтописью, свидѣтельствуютъ о разсказѣ очевидца (с. 152)?

Повѣсть вр. лѣтъ разсказываетъ о битвѣ на Альтѣ слѣдующее: «и сступишася обои, бысть сѣча зла, якоже не была в Руси, и за руки емлюче сѣчахуся, и сступашася трижды, яко по удольемъ крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ». Въ паримiи читаемъ (подчеркиваемъ то, чего нѣтъ въ лѣтописи): «и съступишася обои, и бысть сѣча зла, якаже и не была въ Роуси, и за роукы ся емлюще сѣчахоу, и по оудолиемъ кръвь течаше,

и състоупишася тришьды, и омеркошася бьющеся, и бысть громъ великъ и тоутьнъ и дъжгь великъ и мълния блистание; егда же облистахоу мълния, и блистахоуся ороужия въ роукахъ ихъ, и мнози видяхоу вѣрнии ангелы, помагающа Ярославоу». П. В. Голубовскій въ другомъ мѣстѣ указалъ, что сходно описана въ лѣтописи битва при Лиственѣ между Ярославомъ и Мстиславомъ: «и бывши нощи, бысть тьма, молонья, и громъ и дождь... и бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна». Думать, что описаніе Лиственской битвы заимствовано лѣтописцемъ изъ паримійника, невѣроятно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ночная битва при Лиственѣ поставлена въ связь съ другими подробностями: Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину; когда наступила тьма, Мстиславъ, обращаясь къ дружинѣ говоритъ: «поидемъ на ня, то ны есть корысть» (послѣднія 4 слова сохранились въ Соф. 1-й); во вторыхъ, совершенно неясно было бы, зачѣмъ лѣтописецъ не сохранилъ этого описанія при разсказѣ о Летской битвѣ, если оно ему понравилось настолько, что онъ перенесъ его въ разсказъ о Лиственской битвѣ. Еще менѣе ясно, какъ рѣшился выпустить лѣтописецъ такую подробность предполагаемаго своего источника, какъ явленіе ангеловъ, помогавшихъ Ярославу. Напротивъ, предположеніе, что описаніе Лиственской битвы повліяло на описаніе Летской битвы въ паримiи, представляется вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: начало разсказа объ этой битвѣ въ лѣтописи и паримiи не согласовано съ послѣдующимъ описаніемъ ея въ паримiи; изъ этого начала видно, что битва началась при восходѣ солнца; («бѣ же пятокъ тогда, въсходящую солнцю»); мало вѣроятно, чтобы она затянулась до ночи; вѣроятнѣе сообщеніе лѣтописи, что битва окончилась къ вечеру; (не напрасно составителю Тверского сборника для согласованія лѣтописи и паримiи пришлось дать чтеніе: «и едва въ глубокь вечеръ одолѣ Ярославъ»). Слѣдовательно, подчеркнутыя выше слова имѣютъ явный признакъ вставки. Тутъ же читаемъ о явленіи ангеловъ, что скорѣе указываетъ на книжное мудрствованіе, чѣмъ на разсказъ очевидца.

§ 33. Отвергнувъ, такимъ образомъ, ту доказательную силу лишнихъ въ паримiи противъ лѣтописи словъ, которую прида-

валъ имъ Голубовскій, мы отвергаемъ и его заключеніе: паримія своимъ описаніемъ Летской битвы не свидѣтельствуетъ о пользованіи источникомъ, отличнымъ отъ лѣтописи; текстъ пареміи въ этой части можетъ быть цѣликомъ возведенъ къ лѣтописи [1]).

И другое мѣсто въ фактической части паримiи можетъ быть возведено съ полною вѣроятностью къ лѣтописи: это разсказъ о сборахъ Ярослава противъ Святополка. При этомъ ясно, что составитель паримiи въ интересахъ духовноназидательныхъ измѣнилъ кое-что въ лѣтописномъ текстѣ. Такъ, новгородцы сначала не хотятъ помогать Ярославу, но потомъ, вспомнивъ апостольское слово, согласились; Ярославъ сравнивается съ Авраамомъ, который, собравъ 318 слугъ своихъ, отбилъ взятаго въ плѣнъ Лота. Несмотря на это сравненіе, число Ярославова войска показано въ 6000 варяговъ и 30 т. прочихъ воиновъ [2]).

§ 34. Не видя основанія не признавать лѣтописи за источникъ паримiи въ фактической ея части, мы, напротивъ, считаемъ такое признаніе необходимымъ. Разсказъ о сборахъ Ярослава въ Новгородѣ, о походѣ его на Святополка, во всякомъ случаѣ, носитъ характеръ лѣтописный. Какъ укажемъ ниже (§ 123), мы въ этомъ разсказѣ обнаруживаемъ соединеніе записей кіевскихъ и новгородскихъ; слѣдовательно, мы должны думать, что въ цѣльномъ видѣ онъ появился впервые въ сводѣ, и притомъ въ сводѣ лѣтописномъ, ибо въ задачу именно лѣтописныхъ сводовъ входило соединеніе историческихъ записей различныхъ мѣстностей.

---

[1]) Составитель паримiи допустилъ нѣкоторыя передѣлки — и притомъ, неудачныя, какъ отчасти отмѣтилъ и Голубовскій. Такъ, вмѣсто „кръвь брата моего въпиеть къ тебѣ, Владыко“, читаемъ: „кръвь брату моею въпиеть к тебе, Владыко“ („Ярославъ — замѣчаетъ Голубовскій — стоялъ въ этотъ моментъ на мѣстѣ смерти св. Бориса и потому естественно говоритъ въ молитвѣ объ одномъ Борисѣ“). Начавъ разсказъ словами „Ярославъ же приде в силѣ тяжьцѣ“, между тѣмъ какъ въ лѣтописи: „Приде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжьцѣ“, составитель паримiи ниже вставилъ послѣ „бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю“— „и приспѣ о то чинъ Святополкъ с Печенѣги“.

[2]) Въ лѣтописи 1000 варяговъ и 40 т. новгородцевъ, но, повидимому, въ болѣе древнемъ изводѣ читалось не 40 т., а 4 т. (ср. Комм. сп. Новгор. 1-й).

§ 35. Признавъ, такимъ образомъ, лѣтопись—и при томъ въ сводѣ во всякомъ случаѣ не старшемъ Начальномъ свода, гдѣ впервые соединены были записи новгородскія и кіевскія (§ 115)—источникомъ фактической части пареміи, обращаемся къ философско-лирической части ея. Здѣсь мы должны согласиться съ Голубовскимъ: есть основанія признать эту часть пареміи источникомъ соотвѣтствующаго текста лѣтописи. Такъ, благочестивыя разсужденія о добрыхъ и злыхъ князьяхъ, общія лѣтописи и пареміи, представляются мнѣ заимствованными въ лѣтопись изъ пареміи на основаніи слѣдующихъ соображеній. Лѣтопись, передавая разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, почти не дѣлаетъ отступленій отъ фактическаго разсказа; исключеніе составляетъ только разсужденіе о бѣсахъ и ангелахъ послѣ сообщенія объ убіеніи Бориса; между тѣмъ здѣсь видимъ значительное отклоненіе отъ хода разсказа. Благочестивыя разсужденія о добрыхъ и злыхъ князьяхъ въ пареміи изложены нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ лѣтописи; такъ, въ пареміи послѣ «сяковыя бо Богъ дасть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь» читаемъ: «отъятъ бо отъ насъ Богъ Владимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иероусалимъ Антиоха»; трудно предположить, чтобы эта фраза была сочинена составителемъ пареміи позднѣе тѣхъ разсужденій, въ которыя она вставлена. Второе мѣсто, гдѣ замѣчается совпаденіе между лѣтописью и пареміей—это разсужденія по поводу смерти Святополка, сравненіе его грѣха съ грѣхомъ Ламеховымъ и затѣмъ сопоставленіе Святополка съ Авимелехомъ. Голубовскій и это мѣсто признаетъ заимствованнымъ въ лѣтопись изъ пареміи. Я не отказываюсь слѣдовать за нимъ и здѣсь, но со значительною оговоркой. Фраза «и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ» въ лѣтописи неясна. «Выходитъ такъ,—замѣчаетъ Голубовскій,—какъ будто Святополка кто то связалъ и связаннаго мучитъ. Между тѣмъ, ясный смыслъ получается у этого мѣста въ пареміи: «и по смерти вѣчно моучимъ есть связанъ въ дно адоу», т.-е., по смерти, заключенный на днѣ ада, онъ вѣчно мучимъ. Итакъ, въ лѣтописи ясно текстъ испорченъ, а само собою разумѣется, что текстъ испорченный есть вторичный, а не первичный. Первичнымъ текстомъ долженъ быть признанъ ясный текстъ пареміи». Мы согласны съ Голубов-

скимъ и приведенную фразу признаемъ заимствованною въ лѣтопись изъ париміи. Но обращаемся къ предшествующему тексту. Въ лѣтописи читаемъ: «егоже по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествіи сего свѣта, прияша мукы оканьнаго; показоваше явѣ посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно вътгна»; въ париміи: «егоже по правдѣ, яко неправедна, суду пришьдъшю и по отшьствьи сего свѣта прияша мукы оканьнаго, показавъше явѣ посланая на нь пагубная рана, въ смьрть немилостивно въгна». Нельзя сказать, чтобы текстъ лѣтописи и париміи былъ очень вразумителенъ. Я рѣшительно бы затруднился признать, въ которой изъ нихъ онъ яснѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, что первоначально онъ не могъ читаться въ такомъ видѣ; слѣдовательно, онъ восходитъ къ третьему, не дошедшему до насъ источнику.

§ 36. Источникъ этотъ выяснится, если мы обратимся къ житійному сказанію; въ соотвѣтствіи съ приведенною фразой, мы читаемъ въ немъ: «и приятъ възмьздие отъ Господа, якоже показаше [1]) посъланая на нь пагоубьная рана, и по съмьрти моукоу вѣчьноую». Мы знаемъ, что житійное сказаніе не пользовалось париміей, но сдѣлало рядъ заимствованій изъ Начальнаго свода, до насъ не дошедшаго. Предполагаемъ, поэтому, что и эта фраза взята изъ Начальнаго свода, гдѣ, повидимому (ср. текстъ Пов. вр. лѣтъ, париміи и жит. сказанія), она звучала такъ: «и приятъ възмьздие отъ Господа, якоже показаше явѣ посъланая на нь пагоубьная рана, и по съмьрти моукоу вѣчьноую». Смыслъ фразы ясный: Святополкъ получилъ отъ Господа возмездіе, какъ показывала посланная на него болѣзнь,—то-есть, та самая болѣзнь, о которой сообщено выше (въ лѣтописи и жит. сказаніи, но не въ париміи): «и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ... онъ же в немощи лежа»,—а по смерти онъ получилъ муку вѣчную.—Итакъ, первоисточникомъ оказывается Начальный сводъ. Какъ же попала его фраза въ одинаковой порчѣ въ паримію и въ Повѣсть вр. лѣтъ? Если мы предположимъ, что паримія основывалась на Начальномъ сводѣ, то все выяснится: **паримія** заимствовала фразу **изъ Начальнаго свода**,

1) Такъ въ Чудовск. сп. XIV в.; а въ сп. XII в. ошибочно: показася.

испортила ее вставками и прибавила къ ней слова: «въ смьрть немилостивно выгна и по смьрти вѣчьно моучимъ есть, связанъ есть въ дно адоу» [1]); Повѣсть вр. лѣтъ воспользовалась паримiей и заимствовала изъ нея испорченную и осложненную фразу, которую могла бы прочесть въ основномъ своемъ источникѣ (Начальномъ сводѣ) въ первоначальномъ видѣ.

§ 37. Сдѣланный нами выводъ даетъ намъ возможность отнестись нѣсколько иначе, чѣмъ нашъ глубокоуважаемый предшественникъ, и къ слѣдующему тексту. Въ паримiи непосредственно за словами «связанъ есть въ дъно адоу» читаемъ: «понеже вѣдая братооубиство створи; 7 бо мьстии створи Каинъ, оубивъ Авеля, а Ламѣхъ 70, понеже Каинъ, не вѣдыи мьщения, створи, а Ламѣхъ, вѣдыи казнь бывъшюю на прародители своемь, оубиство створи, а Святопълкъ вѣдая створи и обою сию горши бысть моука емоу. Рече бо Ламѣхъ своима женама: мужа оубихъ въ врѣдъ мънѣ и оуношю въ язвоу мънѣ, тѣмь же, рече, 70 мьстии на мнѣ, поне вѣдая створихъ». Для меня совершенно ясно, что соотвѣтствующiй текстъ лѣтописи (Повѣсти вр. лѣтъ) первоначальнѣе текста паримiи. Во-первыхъ, въ паримiи нѣтъ фразы «есть же могыла его в пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золъ»; въ лѣтописи она читается непосредственно за словами «и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ»; фраза эта (читающаяся и въ жит. сказанiи) представляется совсѣмъ не излишнею въ разсматриваемомъ разсказѣ, въ особенности въ виду послѣдующаго: «Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскымъ: да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь прiимуть, но и больши сее». И этой фразы (читающейся въ нѣсколько измѣненномъ видѣ [2]) и въ жит. сказанiи) нѣтъ въ паримiйникѣ: а между тѣмъ, она тѣсно связана и съ предшествующимъ («Се же»—относится къ смраду отъ Святополковой могилы) и съ послѣдующимъ; а послѣдующее въ лѣтописи оказывается сходнымъ съ приведеннымъ выше отрыв-

---

[1]) Ср. выше въ Паримiйникѣ: „находить бо ему досада и поношение, бездьна глубока, моука вѣчьная, послѣдьняя же его зрять въ дъно адоу“.

[2]) Вм. „на наказанье княземъ русьскымъ“ тамъ читается: „на показание человѣкомъ“.

*

комъ паримiи («понеже, вѣдая се, сътворять братооубииство... се вѣдая створихъ») [1]). Слово «понеже», конечно, относится къ словамъ «ту же казнь прiимуть, но и больши сее»; между тѣмъ, въ паримiйникѣ, вслѣдствiе указаннаго пропуска, «понеже» отнесено къ сообщенiю о мученiи Святополка. Въ лѣтописи проведена параллель между Каиномъ, прiявшимъ семь местей, и Ламехомъ, прiявшимъ семьдесятъ местей, съ одной стороны, и Святополкомъ, тяжело наказаннымъ Богомъ, и тѣми русскими князьями, которые въ будущемъ отважились бы на братоубiйство, почему ихъ ожидаетъ казнь бо́льшая Святополковой, съ другой стороны. Между тѣмъ, въ паримiи нѣтъ такой выдержанной параллели: съ одной стороны, въ ней являются Каинъ и Ламехъ, а съ другой — одинъ Святополкъ, который, оказывается, прiялъ болѣе тяжелую муку, чѣмъ Каинъ и Ламехъ; возможные же въ будущемъ князья-братоубiйцы не упомянуты. Указанный пропускъ въ паримiи вполнѣ естественъ, ибо паримiйникъ не могъ преслѣдовать цѣли политической; ср. отмѣченную выше замѣну «русскихъ князей» просто «людьми» въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ жит. сказанiя. Итакъ, я признаю текстъ лѣтописи отъ словъ «Есть же могыла его въ пустыни» до словъ «а Ламехъ, вѣдый казнь бывшюю на прародители его, створи убийство» болѣе первоначальнымъ, чѣмъ соотвѣтствующее мѣсто паримiи («понеже вѣдая братооубииство створи—горши бысть моука емоу»). Принявъ же сдѣланный выше выводъ относительно предшествовавшаго Повѣсти вр. лѣтъ Начальнаго свода, я принимаю, что весь этотъ отрывокъ попалъ въ Повѣсть вр. лѣтъ (въ точной передачѣ) и въ паримiю (въ передѣлкѣ) изъ Начальнаго свода.

§ 38. За этимъ отрывкомъ мы читаемъ въ паримiи: «Се Ламехъ оуби два брата Енохова, и поятъ собѣ женѣ ею; сьи же Святополкъ новыи Ламехъ бысть, иже ся оубо родилъ бѣ отъ прѣлюбодѣяния, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, послѣди же жена самого оуломкомъ жьрнова оуби с города тако же и сьи Святопълкъ». То же, кромѣ, однако, подчеркнутаго, читается въ лѣтописи, при чемъ лѣтопись повторяетъ ошибку

---

[1]) Въ лѣтописи, конечно, нѣтъ фразы: „а Святополкъ вѣдая створи и обою сию горши бысть моука емоу“.

пареміи, замѣнившей имя Авимелеха именемъ Ламеха: Авимелехъ читаемъ только въ Лавр. и Хлѣбн. спискахъ. Я думаю, что поправка Ламеха на Авимелеха принадлежитъ составителю общерусскаго лѣт. свода XIV в., которымъ пользовались одинаково составитель Лаврентьевской и составитель Хлѣбниковской лѣтописи (послѣдній поправлялъ по нему протографъ Ипатьевской лѣтописи). Поэтому считаю чтеніе «Ламехъ», общее лѣтописи и пареміи, однимъ изъ доказательствъ въ пользу того, что приведенный отрывокъ попалъ не изъ лѣтописи въ паремію (составитель послѣдней, хорошо знакомый съ Библіей, не повторилъ бы ошибку лѣтописи), а изъ пареміи (куда вкралась ошибка при перепискѣ съ первоначальнаго оригинала) въ лѣтопись. Другое доказательство приведено Голубовскимъ: подчеркнутыя выше слова безусловно принадлежатъ первоначальному тексту; при иномъ пониманіи, сравненіе Святополка съ Авимелехомъ потеряетъ значеніе; важно было указать на то, что какъ Авимелеха за братоубійство постигла кара на землѣ, такъ за братоубійство былъ покаранъ и Святополкъ. Третьимъ доказательствомъ того, что весь отрывокъ составленъ составителемъ пареміи, считаю самый пріемъ, которымъ онъ введенъ въ текстъ: слова «Се Ламехъ оуби два брата Енохова» и т. д., содержащія поясненіе предшествующаго, напоминаютъ приведенное выше составителемъ пареміи объясненіе къ сравненію Ярослава съ Авраамомъ; послѣ словъ и «възврати вся коня Съдомьскыя и Лота Ароновича шюрина своего и жену его и имение его», читаемъ: «и бѣ Лотъ Аврамоу сыновѣць и шюринъ, Аврамъ бо бяше поялъ братьню дощерь Ароновну Саръроу»; въ сравненіи Авраама съ Ярополкомъ послѣдній названъ «новымъ» Авраамомъ; въ разсмотрѣнномъ отрывкѣ составитель пареміи называлъ Святополка «новымъ» Авимелехомъ.

§ 39. Итакъ, заключаемъ наше изслѣдованіе слѣдующимъ выводомъ: Начальный сводъ не пользовался пареміей о Борисѣ и Глѣбѣ [1]); напротивъ, паремія почерпнула все фактическое свое содержаніе и параллель между Святополкомъ, съ одной стороны, Каиномъ и Ламехомъ, съ другой, изъ Начальнаго свода; Повѣсть вр. лѣтъ,

[1]) Поэтому чтенія пареміи не попали и въ жит. сказаніе, основывавшееся на Начальномъ сводѣ.

дополнившая лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ похвалою этимъ князьямъ [1]), заимствовала изъ паримійныхъ чтеній (включенныхъ въ службу св. Борису и Глѣбу) три отрывка: 1) отрывокъ послѣ сообщенія объ убіеніи Святослава, гдѣ содержатся размышленія о добрыхъ и злыхъ князьяхъ, 2) отрывокъ, непосредственно слѣдовавшій за сообщеніемъ о смерти Святополка (этимъ отрывкомъ замѣнена одна фраза Начальнаго свода) и, наконецъ, 3) отрывокъ, гдѣ объяснено, что сдѣлалъ Ламехъ, и проведено сравненіе Святополка съ Авимелехомъ [2]).

Имѣя въ виду, что Повѣсть вр. л. составлена въ 1116 году, а Начальный сводъ около 1095 года, мы полагаемъ время составленія паримiи между 1095 и 1116 годами. Всего вѣроятнѣе, что она возникла около 1115 года, когда перенесены вторично мощи Бориса и Глѣба [3]).

---

[1]) Похвала эта, какъ основательно замѣтилъ Голубовскій, въ значительной степени отражаетъ тѣ пѣснопѣнія, что читались въ службѣ Борису и Глѣбу полной (не древней, Іоанновской) редакціи (с. 149).

[2]) Паримiей, какъ указалъ Голубовскій, пользовались составители позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Такъ между прочимъ составитель свода 1448 года, а вѣроятнѣе его источника—общерусскаго свода 1423 года вставилъ изъ паримiи слова „и мнози вѣрніи видяху ангелы, помагающе Ярославу“ въ описаніе Летской битвы (Новг. 4-я и Соф. 1-я), а ниже слова „во днѣ аду“ послѣ „по смерти мучимъ есть связанъ“ (тамъ же). Равнымъ образомъ изъ паримiи взято число 30 т., опредѣляющее войско Ярослава (вм. 40 т. Повѣсти вр. лѣтъ): ср. Новг. 4-ю и Соф. 1-ю (списки Толст., Вальз. и др.).

[3]) Одной изъ древнѣйшихъ редакцій паримiи о Борисѣ и Глѣбѣ считаю списокъ 1271 года. Послѣдующія редакціи подвергались поправкамъ, дополненіямъ и сокращеніямъ. Отмѣчу, напр. въ Трефолоѣ Погод. № 429: вмѣсто „об сю страну Смольньска“—„об сю страну Смоленска выше оустья Смядины“; ср. въ проложномъ сказаніи: „и ста выше Смядины“. Тамъ же вставлено: „глаголаста бо емоу Романъ и Давыдъ: мы ся, брате, не протививѣ ни въ прекы глаголевѣ; писано бо есть: Господь гордымъ противляется, смѣренымъ же дасть благодать“; ср. въ жит. сказаніи въ одной изъ молитвъ Бориса: „вѣси бо, Господи, яко не противлюся, ни въпрекы глаголю“.

5.

§ 40. Изученіе житійнаго сказанія, проложнаго сказанія и паримiи одинаково привело насъ, какъ къ источнику ихъ, къ Начальному своду. Теперь, благодаря извлеченнымъ изъ названныхъ памятниковъ даннымъ, имѣемъ основаніе утверждать, что въ этомъ Начальномъ сводѣ лѣтописное сказаніе отличалось отъ того вида его, который оно приняло въ Повѣсти вр. лѣтъ. Но никакихъ указаній на источники лѣтописнаго сказанія или на его еще болѣе первоначальный, предшествовавшій Начальному своду, видъ мы не получили.

§ 41. Обратимся къ Несторову сказанію. Отмѣтимъ связь его съ лѣтописнымъ сказаніемъ и постараемся объяснить эту связь. Несторово сказаніе привлекаетъ особенное вниманіе наше, ибо по времени составленія оно предшествуетъ не только всѣмъ разсмотрѣннымъ выше агіологическимъ памятникамъ, но и самому Начальному своду. Чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба составлено, какъ кажется, вскорѣ послѣ 1079 года; въ концѣ его читаемъ: «видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая къ старѣишому брату си; аще бо быста супротивилися ему, едва быста такому дару чюдесному сподоблена отъ Бога; мнози бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющеся старѣишимъ и супротивящеся имъ и оубиваеми суть, ти не суть такои благодати сподоблени, якоже святая сия». Несторъ писалъ свое сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ до Житія Ѳеодосія, а послѣднее составлено во время игуменства Никона (1078—1088). Слѣдовательно, чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба составлено до 1088 года. Единственно подходящій моментъ, когда умѣстно было сказать объ убіеніи дѣтьскыхъ князей, супротивящихся старѣйшимъ, былъ во второй половинѣ XI столѣтія 1078 годъ, когда въ битвѣ у Нѣжатины нивы былъ убитъ въ сраженіи съ дядей Изяславомъ—Борисъ Вячеславичъ, и 1079 годъ, когда былъ убитъ половцами Романъ Святославичъ, приведшій ихъ противъ дяди Всеволода. Имена Бориса и Романа не могли не вспомниться Нестору, когда онъ обратилъ свое увѣщательное слово къ темѣ о братолюбіи и покореніи старшимъ. Думаю, впрочемъ, что имѣется основаніе предполагать, что Несторово сказаніе написано послѣ

1081 года. Разсказавъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 6580 (1072) году, Несторъ продолжаетъ свое сказаніе о чудесахъ: «многа же чудеса створи Богъ на мѣстѣ томъ (т.-е. куда перенесены были страстотерпцы) святыма своима страстотерпцема, якоже и на первемь мѣстѣ». Прежде всего идетъ разсказъ объ исцѣленіи нѣмого и хромого; второй разсказъ о женѣ сухорукой, оказывается, основанъ на личномъ сообщеніи исцѣленной [1]); исцѣленіе это произошло въ воскресеніе 15 августа («бѣ бо недѣля въ тъ день и оуспение святоя Богородица») [2]); но 15-е августа приходилось въ воскресеніе послѣ 1072 года въ первый разъ въ 1081 году, затѣмъ въ 1087. Отсюда видно, что исцѣленіе сухорукой произошло или въ 1081, или въ 1087, вѣроятнѣе въ 1081, ибо, какъ указано, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано Несторомъ до Житія Ѳеодосія, оконченнаго до 1088 года.

§ 42. Итакъ, Несторово сказаніе составлено между 1081 и 1088 годами. Какими же источниками располагалъ Несторъ? Самъ онъ говоритъ: «се азъ Нестеръ грѣшныи о житии и о погублении и о чюдесѣхъ святою и блаженоую страстотьрпьцю сею (отъ) опаснѣ вѣдущихъ испытавъ, а [3]) другая самъ свѣды, отъ многыхъ мала въписахъ». Но кромѣ устныхъ источниковъ Несторъ располагалъ, конечно, и письменными. Но это указываетъ связь его сказанія о перенесеніи святыхъ и объ ихъ чудесахъ съ позднѣйшимъ сказаніемъ, приложеннымъ къ житійному сказанію. Обстоятельность послѣдняго не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно основано на современныхъ записяхъ, ведшихся при Вышегородской церкви. Записи эти принадлежали къ двумъ эпохамъ: древ-

---

[1]) „Въ единъ же отъ днии ишедъшю ми нѣкоего ради орудия въ градъ и сѣдъшю ми на единомъ мѣстѣ, и се пришедъши нѣкая жена сѣде близъ мене, еяже нѣсмь зналъ даже и донынѣ, повѣдаше бо ся из ыного града пришедъши... Се же все исповѣда ми сама сѣдящи яже бѣ с нею". Изъ позднѣйшаго сказанія о чудесахъ, приложеннаго къ житійному сказанію, видно, что женщина эта была изъ Дорогобужа, причемъ она пришла въ Вышегородъ, услышавъ объ исцѣленіи человѣка, со скорченными руками и ногами у церкви св. мучениковъ.

[2]) То же видно изъ позднѣйшаго сказанія: „и приде въ день соуботьныи, и бяше же и канонъ святыя Богородиця" (ср. въ приложеніяхъ къ жит. сказанію).

[3]) Такъ я исправляю чтеніе Сильв. сборника: исписавъ я.

нѣйшія не переходили середины восьмидесятыхъ годовъ XI столѣтія и оканчивались разсказомъ объ исцѣленіи слѣпого (объ этомъ исцѣленіи повѣствуетъ и Несторъ, ссылаясь на устный источникъ: «и се пакы инъ повѣда ми, глаголя»); позднѣйшія относятся ко времени послѣ второго перенесенія мощей (1115 года), и въ сообщеніяхъ о событіяхъ болѣе отдаленныхъ носятъ явные слѣды припоминанія и даже сочинительства [1]).

§ 43. Древнѣйшія записи велись, быть можетъ, постепенно. Голубовскій правъ, возводя ихъ ко временамъ Ярослава и митрополита Іоанна; послѣдній именовался въ нихъ архіепископомъ, что едва-ли не свидѣтельствуетъ о современной записи. Записи, какъ видно изъ позднѣйшей редакціи ихъ, приложенной къ житійному сказанію, начинались съ обрѣтенія того мѣста, гдѣ были погребены святые братья; передавали о пожарѣ церкви св. Василія, «у неяже лежаста святая»; о построеніи сруба на мѣстѣ сгорѣвшей церкви; о перенесеніи въ него мощей, извлеченныхъ изъ земли, при чемъ запись отмѣчала, что мощи были поставлены «на деснѣи странѣ»; за симъ слѣдовали разсказы о чудесахъ: 1) исцѣленіе отрока съ сухой и скорченной ногой (запись знала, что этотъ отрокъ былъ сынъ Миронѣга, Вышегородскаго градника), 2) исцѣленіе слѣпого; Миронѣгъ сообщилъ объ обоихъ чудесахъ Ярославу; Ярославъ выстроилъ церковь о пяти верхахъ; церковь освящена 24 іюля, и въ тотъ же день перенесены туда мощи свя-

---

[1]) Въ нихъ сообщено о построеніи Святославомъ Ярославичемъ каменной церкви, при чемъ ее достраивалъ Всеволодъ; выстроенная церковь рухнула въ день окончанія своего; далѣе сообщено о смерти Всеволода; чудо при Святополкѣ Изяславичѣ сообщено на основаніи устнаго источника („повѣдахоу бо иже и самовидьци бывъшеи чюдеси сицемоу бывъшю“), при чемъ разсказчикъ заимствовалъ сюжетъ изъ чуда, бывшаго еще при Ярославѣ и записаннаго Несторомъ; далѣе сообщено о желаніи Святополка выстроить каменную церковь; засимъ обстоятельно говорится объ оковапіи Владиміромъ обѣихъ ракъ Бориса и Глѣба золотомъ (при чемъ ясно, однако, что это писано послѣ 1115 года: „се же преже сътвори въ лѣто 6610 лѣто, а послѣди по пренесении и множаишая содѣла“); разсказъ переходитъ къ построенію церкви Олегомъ Святославичемъ (1112 г.), при чемъ Святополкъ обвиняется въ томъ, что по зависти не соглашался на перенесеніе въ нее мощей святыхъ братьевъ; далѣе сообщается о смерти Святополка (1113 г.) и, наконецъ, весьма обстоятельно повѣствуется о перенесеніи мощей при Владимірѣ (1115 г.).

тыхъ [1]), при чемъ во время литургіи случилось 3) чудо съ исцѣленіемъ хромого; упомянувъ о смерти Ярослава, церковныя записи переходили къ сообщенію о построеніи новой церкви Изяславомъ и о перенесеніи туда мощей св. братьевъ (при этомъ перечислены епископы и игумены, бывшіе на этомъ торжествѣ), и затѣмъ повѣствовали: о 4) чудѣ—исцѣленіи хромого и нѣмого, 5) чудѣ—исцѣленіи жены сухорукой, 6) чудѣ—исцѣленіи слѣпого.

§ 44. Не подлежитъ сомнѣнію, что Несторъ видѣлъ древнѣйшія записи Вышегородской церкви и воспользовался ими. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ ихъ составлена вся вторая часть Несторова сказанія. Такъ же какъ Вышегородскія записи, Несторъ разсказывалъ объ обрѣтеніи мѣста погребенія святыхъ братьевъ (неоднократное явленіе огненнаго столпа, опаленіе ногъ у Варяга, ступившаго на мѣсто, гдѣ лежали святые), о пожарѣ церкви, бывшей тамъ (при чемъ Несторъ, быть можетъ, на основаніи устныхъ сообщеній, излагаетъ и причину пожара: неосторожность пономаря); старѣйшина, иже бѣ властелинъ граду тому (такъ называетъ Несторъ Миронѣга), возвѣстилъ объ этомъ Ярославу; по распоряженію послѣдняго архіепископъ Іоаннъ извлекаетъ мощи Бориса и Глѣба изъ земли; ихъ помѣщаютъ на деснѣй странѣ сруба, выстроеннаго на мѣстѣ сгорѣвшаго храма (Несторъ: «внесоша же въ прежереченую клѣтку», но выше онъ объ этой клѣткѣ не говорилъ, о ней говорилось выше въ Вышегородскихъ записяхъ: «и поставили же бяахоу тоу клѣтъкоу малоу на томь мѣстѣ, идеже бяше церкы съгорѣла»); далѣе идутъ чудеса: исцѣленіе хромого сына старѣйшины града того (такъ называетъ Несторъ Миронѣга) [2]); исцѣленіе слѣпого; властелинъ градный возвѣщаетъ объ этомъ Ярославу; Ярославъ по совѣту архіепископа Іоанна прика-

---

[1]) Если предположимъ, что 24 іюля было днемъ воскреснымъ, то перенесеніе мощей въ церковь могло быть или въ 1020 или 1026 году Ср. перенесеніе мощей въ 1072 году 20-го мая, въ воскресеніе, въ 1115—2-го мая, въ воскресеніе.

[2]) При этомъ чудѣ отрокъ увидѣлъ Бориса и Глѣба, а съ „нима и отрока, иже бѣ палъ на блаженемь Борисѣ, свѣщу несуща предъ святыма“; отрокъ не названъ; между тѣмъ въ дошедшей до насъ редакціи Вышегородскихъ записей читаемъ: „и повѣдааше съ нима видѣвъ Георгия оного отрока святаго Бориса, ходяща съ нима и носяща свѣщю“.

зываетъ выстроить церковь о пяти верхахъ (Несторъ прибавляетъ, что заготовка лѣса началась зимой); церковь освящена 24 іюля, и тогда же поставлены въ ней раки святыхъ «на деснѣй странѣ»; во время литургіи произошло исцѣленіе хромого; Ярославъ уставляетъ десятину «отъ дани», проходившей черезъ руки властелина града того, въ пользу церкви (этого не знаетъ дошедшая до насъ редакція Вышегородскихъ записей); архіепископъ поставилъ поповъ и діаконовъ, а надъ ними старѣйшину (и этого нѣтъ въ дошедшей редакціи Вышегородскихъ записей).—Засимъ Несторъ, очевидно, отступаетъ отъ своего источника и разсказываетъ о чудесномъ избавленіи двухъ осужденныхъ въ нѣкоемъ градѣ отъ старѣйшинъ града того и посаженныхъ въ погребъ; Ярославъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ выстроить на томъ мѣстѣ церковь, «иже и нынѣ есть»; ясно, что это не Вышегородская запись, поэтому объ этомъ чудѣ и нѣтъ въ дошедшей до насъ редакціи этихъ записей.—Несторъ переходитъ далѣе опять къ записямъ Вышегородскимъ: но, сказавъ о смерти Ярослава, онъ подробнѣе говоритъ о немъ (упоминаетъ о построеніи имъ св. Софіи) и сообщаетъ о его погребеніи; равнымъ образомъ онъ гораздо подробнѣе сообщаетъ о построеніи новой церкви Изяславомъ, при чемъ опять упоминаетъ о «княжей дани» («рекыи: даю имъ отъ дани княжи оукрасить церковь»); подробно разсказываетъ и о перенесеніи святыхъ въ новую церковь 20 мая 6580 года, при чемъ, не перечисляетъ епископовъ и игуменовъ (однако, отмѣчаетъ присутствіе на торжествѣ пр. Өеодосія); наконецъ, Несторъ повѣствуетъ о трехъ чудесахъ, соотвѣтствующихъ четвертому, пятому и шестому чуду Вышегородскихъ записей, при чемъ, однако, относительно пятаго и шестого чуда Несторъ утверждаетъ, что разсказы о нихъ онъ слышалъ самъ—пятый непосредственно отъ исцѣленной,—шестой отъ другого лица.

§ 45. Изъ предложеннаго обзора содержанія Несторова сказанія о чудесахъ видно, что онъ составилъ его подъ вліяніемъ Вышегородскихъ записей, при чемъ случай позволилъ ему въ разсказахъ о пятомъ и шестомъ чудесахъ сослаться и на устные источники [1]). Записи эти были ему извѣстны въ томъ древнемъ

---

[1]) Отсюда значительное отклоненіе Нестора отъ Вышегородской запи-

ихъ видѣ, когда онѣ доходили только до разсказа о шестомъ чудѣ включительно. Несторъ, какъ указано, дополнилъ свой письменный источникъ еще однимъ разсказомъ, отнесеннымъ ко временамъ Ярослава—разсказомъ о двухъ чудесно освобожденныхъ изъ заключенія лицахъ въ городѣ, гдѣ послѣ того по приказанію Ярослава была воздвигнута церковь св. Бориса и Глѣба (не въ Туровѣ-ли?). Это обстоятельство—дополненіе Несторомъ Вышегородскихъ записей еще однимъ разсказомъ о чудѣ, не имѣвшемъ непосредственнаго отношенія къ Вышегороду, указываетъ, какъ кажется, что въ Вышегородскихъ записяхъ Несторъ могъ найти сообщенія только о такихъ событіяхъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ Вышегородской церкви. Слѣдовательно, въ нихъ онъ не нашелъ и повѣствованія объ убіеніи святыхъ братьевъ. Допустить, что въ Вышегородскихъ записяхъ разсказу объ обрѣтеніи мощей святыхъ мучениковъ, о чудесахъ ихъ и перенесеніи мощей, предшествовала повѣсть объ ихъ убіеніи, представляется весьма мало вѣроятнымъ. Во-первыхъ, какъ указано выше, записи велись постепенно; слѣдовательно, онѣ имѣли дѣловой и эпизодическій характеръ; во-вторыхъ, составленіе повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба предполагаетъ извѣстный творческій моментъ, который намъ пришлось бы продвинуть къ двадцатымъ годамъ XI столѣтія, когда еще слишкомъ живы были событія 1015 года, когда еще не успѣла создаться легенда, этотъ стимулъ и основаніе для личнаго творчества; въ-третьихъ, мы находимъ повѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба изложенною въ наибольшей полнотѣ (говорю о фактическомъ содержаніи) въ лѣтописи, слѣдовательно, какъ разъ въ такомъ памятникѣ, который ничего не передавалъ о чудесахъ Бориса и Глѣба и объ обрѣтеніи ихъ мощей, т.-е. ничего изъ того, что составляло главное содержаніе Вышегородскихъ записей [1]; въ-четвертыхъ, наконецъ, неудачная

си. Такъ напр. въ послѣдней умолчано, что къ исцѣленной женщинѣ явились не одни братья Борисъ и Глѣбъ, но также и св. Никола; напротивъ, Несторъ умолчалъ о томъ, что женщина эта была рабой и работала въ день св. Николы по принужденію своей госпожи.

[1]) Позже въ лѣтопись подъ 6580 вставленъ изъ Вышегородскихъ записей подробный разсказъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь. Въ Лавр. и Радз. оно ошибочно отнесено ко 2-му мая

компоновка Несторова сказанія не позволяетъ намъ принять, что въ его распоряженіи была уже готовая повѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба. И если бы такая повѣсть была уже въ обращеніи въ восьмидесятыхъ годахъ XI столѣтія, стоило-ли Нестору трудиться надъ составленіемъ новой повѣсти?

§ 46. Отрицая наличность въ числѣ источниковъ Нестора готовой повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба, мы съ тѣмъ большимъ вниманіемъ должны отнестись къ тому обстоятельству, что Несторово и лѣтописное сказанія оказываются въ тѣсной связи между собой.

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какъ объяснить эту связь, приведемъ тѣ данныя, которыя ее доказываютъ.

Въ Несторовомъ и лѣтописномъ сказаніи Борисъ, получившій раньше наравнѣ съ прочими братьями удѣлъ (у Нестора: Владиміръ, въ лѣтописи: Ростовъ), оказывается незадолго до смерти Владиміра при немъ (Несторъ: «пославъ приведе къ себе блаженаго Бориса»; лѣтопись: «в се же время бяше у него Борисъ»). Несторъ и лѣтопись одинаково сообщаютъ, что, когда Владиміра постигла болѣзнь, оказавшаяся смертельною, въ его страну (такъ Несторъ; въ лѣтописи: въ Русь) пришли непріятели (Несторъ: ратніи, лѣтопись: Печенѣзи); противъ нихъ Владиміръ выслалъ Бориса; въ отсутствіи Бориса случилась смерть Владимірова (въ 6523 году); на столѣ Кіевскомъ садится Святополкъ; Борисъ не встрѣтившись съ непріятелемъ вернулся назадъ (по Нестору: «ратьнии, якоже оуслышаша блаженаго Бориса идуща с вои, бѣжаша, не дерзнуша стати блаженому»; по лѣтописи: Борисъ вернулся не обрѣтши Печенѣговъ); на пути онъ узнаетъ о смерти отца. Далѣе Несторъ и лѣтопись сообщаютъ о томъ, что воины Борисовы уговаривали его идти и сѣсть въ Кіевѣ; Борисъ отвѣчалъ: «ни пакы смѣю противитися старѣишому брату» (Несторъ), или: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго» (лѣтопись). Борисъ (когда его покинули воины) «самъ съ отрокы пребысть на мѣстѣ томъ» (Несторъ), «стояше съ отрокы

(очевидно, подъ вліяніемъ установившагося, начиная съ 1115 года, празднованія именно этого дня), но въ Ипат. и Хлѣбн. правильно и согласно съ Вышегородскими записями (ср. житійное и Несторово сказанія) указано 20-е мая (20-е мая въ 6580 году приходилось въ воскресеніе).

своими» (лѣтопись). Несторъ и лѣтопись сообщають, что Святополкъ далъ порученіе избраннымъ имъ для того людямъ (по Нестору: «посла слуги своя погубити, избра мужа неистовыя»; по лѣтописи: «отай призва Путшю и Вышегородьскыя болярьцѣ») убить Бориса тайно (Несторъ: «нощию»; лѣтопись: «не повѣдуче никомуже»). И у Нестора и въ лѣтописи сначала сообщено о томъ, что убійцы ночью приблизились (Несторъ: «приближишася на нь»; лѣтопись: «подъступиша ближе») къ мѣсту, гдѣ стоялъ Борисъ, а потомъ сказано, что онъ пѣлъ заутреню (у Нестора: «повелѣ прозвутеру отпѣти заоутрьню», въ лѣтописи: «слышаша Бориса поюща заутреню»), при чемъ тутъ же прибавлено, что Борисъ началъ пѣть псалмы; у Нестора: «и самъ же нача пѣти глаголя сице: Господи, что ся оумножиша стужающи ми, мнози восташа на мя», и т. д.; въ лѣтописи: «и вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся умножиша стужающии мнѣ; мнози въстають [1]) на мя», и т. д. И Несторъ и лѣтопись отмѣтили, что убійцы дали Борису возможность кончить заутреню (Несторъ: «дондеже конча заоутренею» лѣтопись: «таче кончавъ заутреню»). По окончаніи заутрени; Борисъ по Нестору: «възлеже на одрѣ своемь»; то же въ лѣтописи: «възлеже на одрѣ своемъ»; тогда убійцы напали на него; у Нестора: «они же акы звѣрие дивии нападоша на нь», въ лѣтописи: «и се нападоша акы звѣрье дивии»; они пронзили его копьями (по лѣтописи), сулицами (по Нестору). Вмѣстѣ съ Борисомъ пронзили его слугу: «и се единъ отъ престоящихъ ему слугъ паде на немъ, и того пронизоша» (Несторъ), «и слугу его падша на немъ прободоша с нимь... бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже престояше ему» (лѣтопись) [2]). Несторъ и лѣтопись сообщають, что тѣло Борисово погребено было въ Вышегородѣ; у Нестора: «честьное же его тѣло въземше несоша въ . . . Вышегородъ . . . и ту положиша . . . оу церкви святаго Василия»; въ лѣтописи: «и положиша тѣло его, принесше о-

---

1) Въ Нач. сводѣ было: „въсташа“ (ср. выше).

2) Ипат.; въ Радз. „предстояше ему“; въ Лавр. „предъстояше предъ нимь“.

тай Вышегороду, у церкве святаго Василья». У Нестора и въ лѣтописи сообщается о посылкѣ Святополкомъ убійцъ къ Глѣбу (но у Нестора убійцы преслѣдуютъ бѣгущаго Глѣба, а въ лѣтописи встрѣчаютъ его идущимъ въ Кіевъ); когда произошла внезапная встрѣча или внезапное столкновеніе кораблеца, гдѣ плылъ Глѣбъ, съ кораблецемъ посланныхъ на него убійцъ (у Нестора: «и узрѣша иже бѣша съ святымъ напрасно корабѣль исходящь на ня», въ лѣтописи: «се внезапу придоша послании отъ Святополка»), убійцы овладѣли Глѣбовымъ кораблецемъ; у Нестора: «и имше корабль ключи и привлекоша к себе», въ лѣтописи: «и ту абье послании яша корабль Глѣбовъ»; сидѣвшіе съ Глѣбомъ отроки его стали сѣтовать и плакать по святомъ; у Нестора: «а иже бѣша о святомъ въ корабли . . . сѣдяще сѣтующеся и плачющеся по святомь»; въ лѣтописи: «отроци Глѣбови уныша». И у Нестора и въ лѣтописи Глѣба зарѣзалъ поваръ по приказанію Святополковыхъ слугъ; у Нестора: «бѣ же за святымъ сѣдяше старѣишина поваромъ и повелѣша тому нечестивии заклати Глѣба святаго: возми нож свои, зарѣжи господина своего . . . оканьныи же поваръ . . изволкъ ножь свой . . . и се прежереченыи поваръ, ставъ на колѣну, закла главу святому и прерѣза гортань его»; въ лѣтописи: «оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба». При этомъ Несторъ сравниваетъ Глѣба съ агнятемъ незлобивымъ: «акы агня незлобиво», а лѣтопись съ агнятемъ непорочнымъ: «акы агня непорочно». Несторъ сообщаетъ, что тѣло Глѣбово было брошено подъ колодою: «поверхоша в пустыни подъ кладою»; въ лѣтописи читаемъ: «Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама». Ниже Несторъ говоритъ о томъ, что впослѣдствіи «положиша тѣло святаго Глѣба окрѣсть святаго Бориса оу церкви святаго Василья»; въ лѣтописи читаемъ: «и положиша й у брата своего Бориса у церкве святаго Василья». Разсказавъ объ убіеніи Глѣба, Несторъ сообщаетъ, что Святополкъ «и на прочюю братью въздвизаше гоненія, хотяи вся изгубити ѝ ти самъ единъ владѣти всѣми странами»; въ лѣтописи вслѣдъ за убіеніемъ Глѣба сообщается объ убіеніи Святослава и

говорится, что Святополкъ «нача помышляти: яко избью всю братью свою, и приму власть Русьскую единъ».

§ 47. Итакъ связь Несторова сказанія съ лѣтописнымъ очевидна; въ нихъ можно отмѣтить даже общія фразы. Особенно важно, что ходъ разсказа одинаковъ въ томъ и другомъ сказаніи. Объяснить эту связь можно, конечно, трояко: Несторъ пользовался лѣтописью; лѣтопись пользовалась Несторомъ; Несторъ и лѣтопись пользовались однимъ общимъ источникомъ.

Я не могу признать состоятельнымъ первое объясненіе, если подъ лѣтописью будемъ разумѣть Нач. сводъ или Повѣсть вр. лѣтъ. Не стану выдвигать того аргумента, что лѣтопись эта моложе Несторова сказанія; я отрицаю самую возможность того, что Несторъ зналъ лѣтописное сказаніе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, въ составѣ хотя бы Начальнаго свода; отрицаю потому, что рѣшительно не понялъ бы причины рѣзкаго отклоненія Нестора отъ фактической части дошедшаго до насъ лѣтописнаго сказанія, еслибы это послѣднее было ему извѣстно. Я не говорю объ обезличеніи въ Несторовомъ изложеніи лѣтописнаго сказанія; не говорю о замѣнѣ Печенѣговъ—ратными, Вышегородскихъ болярцевъ—мужами неистовыми, Горясѣра — нечестивыми; не говорю объ умолчаніи именъ мѣстностей, гдѣ были убиты Борисъ (въ лѣтописи: рѣка Льто) и Глѣбъ (въ лѣтописи: рѣка Смядина), или имени убійцы Глѣбова (въ лѣтописи: Торчинъ), именъ убійцъ Борисовыхъ, имени Борисова слуги, убитаго вмѣстѣ съ нимъ (въ лѣтописи: Георгій)—подобная замѣна и подобное умолчаніе могли входить въ число литературныхъ пріемовъ Нестора, въ чемъ насъ убѣждаетъ его отношеніе къ Вышегородскимъ записямъ [1]). Но я подчеркиваю то явное отклоненіе отъ фактовъ, сообщенныхъ дошедшею лѣтописью, которое находимъ у Нестора. Лѣтопись ясно говоритъ, что Глѣба не было при отцѣ во время смерти послѣдняго: онъ былъ въ своей области; его вызвалъ оттуда Святополкъ, выславъ навстрѣчу убійцъ; Несторъ сообщаетъ, что Глѣбъ былъ при отцѣ, но послѣ смерти

---

[1]) Ср. указанныя выше опущенія имени Вышегородскаго градника Миронѣга, названія города Дорогобужа (откуда была родомъ жена сухорукая) и др.

послѣдняго бѣжалъ изъ Кіева, опасаясь Святополка. Лѣтопись говоритъ, что Борисъ получилъ въ удѣлъ Ростовъ, Несторъ вмѣсто Ростова называетъ Владиміръ. Лѣтопись утверждаетъ, что Глѣбовымъ удѣломъ былъ Муромъ, Несторъ представляетъ дѣло такъ, что малолѣтній Глѣбъ совсѣмъ не былъ посаженъ отцомъ на удѣлъ. Трудно допустить, чтобы Несторъ умышленно извратилъ лѣтописныя данныя; вѣроятнѣе думать, что они не были у него передъ глазами. Вѣроятно думать поэтому, что Несторъ не пользовался тѣмъ лѣтописнымъ сказаніемъ, которое дошло до насъ.

§ 48. Слѣдовательно, сходство между лѣтописью и Несторомъ основывается, быть можетъ, на вліяніи Несторова сказанія на лѣтописное, въ составѣ Начальнаго свода (конца XI вѣка). Но и такое объясненіе не представляется вѣроятнымъ. Правда, можно допустить, что разработка фактической стороны сказанія (сравнительно съ безцвѣтнымъ повѣствованіемъ Нестора) сдѣлана была составителемъ Начальнаго свода подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ сказаній; такъ, мы увидимъ, что этому составителю были извѣстны не только кіевскія, но и смоленскія, даже поволжскія преданія о Борисѣ и Глѣбѣ; подъ ихъ вліяніемъ онъ, вопреки Нестору, могъ, напримѣръ, утверждать, что окончательный, смертельный ударъ Борисъ получилъ на пути къ Вышегороду, или что Глѣбъ ѣхалъ въ Кіевъ, а не изъ Кіева, когда его настигли убійцы; но откуда почерпнулъ бы лѣтописецъ такія подробности, какъ имена Борисовыхъ и Глѣбовыхъ убійцъ, или то обстоятельство, что Святополкъ хотѣлъ потаить смерть своего отца, или что Святополкъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Вышегородцами, если допустимъ, что основнымъ источникомъ лѣтописнаго сказанія было Несторово сказаніе? Допустивъ, что Начальный сводъ имѣлъ въ числѣ источниковъ для своего сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора, намъ придется признать, что кромѣ Нестора у него были и другія обстоятельныя повѣствованія о событіяхъ 1015 года. Но такое признаніе равносильно предположенію, что лѣтописное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ заимствовано въ значительной части изъ особаго повѣствованія и что само это повѣствованіе повліяло на Несторово сказаніе.

§ 49. Такимъ образомъ, выясняется необходимость признать

состоятельнымъ только третье изъ возможныхъ объясненій. Связь лѣтописнаго и Несторова сказаній зависитъ отъ пользованія тѣмъ и другимъ однимъ общимъ источникомъ. Выше мы указывали на невѣроятность того, что Несторову сказанію предшествовала литературно-обработанная повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ. Принявъ во вниманіе эти указанія, приходимъ къ предположенію что общимъ источникомъ лѣтописнаго до насъ дошедшаго и Несторова сказаній было болѣе древнее лѣтописное же сказаніе. Начальный сводъ конца XI вѣка восходитъ къ старшему своду лѣтописному: называемъ его Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ. Въ этомъ сводѣ и читалось то древнее лѣтописное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, которое, съ одной стороны, перешло въ Начальный сводъ, а съ другой, легло въ основаніе Несторова сказанія. Прежде чѣмъ перейдемъ къ опредѣленію отношеній дошедшаго до насъ лѣтописнаго сказанія (Нач. свода и Повѣсти вр. лѣтъ) къ сказанію древнѣйшему (читавшемуся въ Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ), укажемъ, что изученіе Несторова сказанія, помимо прямой связи его съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ, приводитъ къ установленію того факта, что Несторъ, когда въ 1081—1088 годахъ составлялъ свое Чтеніе, былъ знакомъ съ лѣтописью и пользовался ею. Лѣтопись эта была Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ, ибо Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ составлены позже Несторова Чтенія.

§ 50. Въ Несторовомъ сказаніи и въ той его части, которая не имѣетъ прямого отношенія къ Борису и Глѣбу (въ началѣ сказанія), оказываются мѣста, общія съ лѣтописью, сильно ее напоминающія. Отношу сюда прежде всего введеніе въ сказаніе. содержащее обзоръ событій, приведшихъ къ принятію христіанства Русью; въ самомъ краткомъ изложеніи Несторъ сообщаетъ о твореніи міра и человѣка, о грѣхопаденіи Адама, рожденіи Каина и Авеля, размноженіи человѣчества и появленіи идолопоклонства, присылкѣ Богомъ сначала пророковъ, а потомъ Сына своего Іисуса Христа; такъ же кратко говорится о рожденіи Спасителя, Его крещеніи, избраніи двѣнадцати апостоловъ, Его смерти и погребеніи, сошествіи во адъ, вознесеніи на небо, проповѣди апостоловъ и ихъ чудесахъ; далѣе сообщается объ умноженіи христіанъ. Я думаю, что мысль внести въ сказаніе такой

экскурсъ въ исторію человѣчества дана была Нестору знакомствомъ съ Рѣчью философа, читавшеюся уже въ Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ. Не стану приводить параллельныхъ выписокъ изъ сочиненія Нестора и изъ Рѣчи философа, хотя между ними попадаются общія фразы; сопоставленіе болѣе внимательное показываетъ, что въ распоряженіи Нестора была не одна эта Рѣчь, но также и другіе источники и между ними священное писаніе—книга Бытія (едва-ли не по паримійнымъ чтеніямъ) и Евангеліе; онъ зналъ кромѣ того и нѣкоторые апокрифы; напр. его сообщеніе о сошествіи Христа во адъ сильно напоминаетъ Слово св. Евсевія о вшествіи Іоанна Предтечи въ адъ [1]); быть можетъ, онъ воспользовался и текстомъ какого-нибудь изъ исповѣданій вѣры [2]). Въ виду этого возможно, что Несторово палейное сказаніе (напомнимъ, что въ немъ не болѣе 30—40 строкъ) извлечено изъ какой-нибудь болѣе обширной компиляціи, случайно совпадавшей мѣстами съ Рѣчью философа. Я поэтому не настаиваю на непремѣнной связи Несторова сказанія съ этою Рѣчью, хотя и считаю вѣроятнымъ знакомство съ нею Нестора, въ виду нижеслѣдующихъ сближеній разсматриваемой части Несторова сказанія съ лѣтописью.

«Симъ сице бывшимъ,—говоритъ Несторъ,—оста же страна Руская въ первѣи прельсти бидольскѣи; не оубо бѣ слышала ни отъ кого же слово о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ; не бѣша бо ни апостоли ходилѣ к нимъ, никто же бо имъ проповѣдалъ слова Божия».—Ниже: «не бѣ бониктоже приходилъ къ нимъ, иже бы благо-

Ср. въ лѣтописи подъ 6496: «яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога».—Также подъ 6491: «сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли»; далѣе: «аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были».

[1]) И. Я. Порфирьевъ, Апокриф. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ, с. 212—214.

[2]) „И вселися въ святую дѣвицю и рожься отъ нея дѣвьства же не вреже, якоже преже рожества дѣвою, такоже и по рожествѣ пребысть дѣвою..." „Посемь же смерти вкуси волею страстию своею".

*

вѣстилъ о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ».

Сказавъ о крещеніи Владиміра, Несторъ прибавляетъ: «таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ да ся крестять... и всѣмъ градущемъ къ крещенію... тако течаху радующеся къ крещенію. Радовашеся князь Володимерь, видя ихъ теплую вѣру».

Ср. въ лѣтописи: «посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя... Се же слышавше людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще... Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его».

Нѣсколько выше Несторъ противополагаетъ прежнее время тому, что наступило послѣ крещенія: «слышите чюдо исполнь благодати: како вчера заповѣдая всѣмъ требу принести идоломъ, а днесь повелѣваетъ хрьститися... вчера не вѣдаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесь проповѣдатель его явися... вчера елинъ Владимиръ нарицаяся, днесь крестьянъ Василий нарицается».

Ср. въ лѣтописи подъ 6496: «Велій еси, Господи, чюдна дѣла Твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ.

Далѣе Несторъ говоритъ про Владиміра: «се вторый Костянтинъ в Руси явися».

Ср. въ лѣтописи подъ 6523: «Се есть новый Костянтинъ великаго Рима».

Ниже читаемъ: «потомъ же созда Владимеръ церковь святую Богородицю владычицю нашю Богородицю в Кыевѣ».

Ср. въ лѣтописи подъ 6497: «посемь же... помысли создати церковь пресвятыя Богородица».

Еще ниже читаемъ: «бѣ бо и отець его (т.-е. Владиміръ) тако милостивъ, якоже и на возѣхъ возити брашно по граду и овощь и медъ и вино и спроста рещи все, еже на потребу

Ср. въ лѣтописи подъ 6504: «устрои же и се, рекъ: яко немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего; повелѣ пристроити кола и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь роз-

болящимъ и нищимъ; и пропо-вѣднику глаголющю съ прошениемь: егда кто болить кто гдѣ?»

ноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: кде болнии и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху потребу».

Особенное значеніе придаю послѣднему сближенію; въ лѣтописи и у Нестора находимъ одинаково прямой вопросъ, вложенный въ уста развозившимъ по городу то, что на потребу. Невозможно допустить, чтобы между обоими отрывками—Несторовымъ и лѣтописнымъ не существовало ближайшей связи. И объяснить эту ближайшую связь проще всего предположеніемъ, что Несторъ пользовался тѣмъ самымъ Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ, который лежитъ въ основаніи Начальнаго свода.

§ 51. Итакъ Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ можетъ дать нѣкоторыя указанія на составъ и особенности Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Оставляя пока въ сторонѣ самый разсказъ о св. братьяхъ, отмѣтимъ, что на основаніи Несторова сказанія можно заключить о томъ, что въ Древнѣйшемъ сводѣ читалась Рѣчь философа; въ немъ сообщалось о крещеніи Владиміра, при чемъ Несторъ поставилъ его въ связь съ какимъ то особеннымъ Божіимъ явленіемъ Владиміру: «тако же и сему Владимеру явление Божие быти ему крестьяну створи» [1]. За крещеніемъ Владиміра

[1]) Ошибочно было бы думать, что Несторъ въ нижеслѣдующихъ словахъ свидѣтельствуетъ о постигшей Владиміра передъ крещеніемъ болѣзни: „бѣ же мужь правдивъ и милостивъ к нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣрою; сему Богъ спону нѣкаку створи быти ему хрестьяну, якоже древле Плакидѣ"—такъ въ Сильвестровскомъ спискѣ XIV вѣка начинается сообщеніе о Владимірѣ. Слово „спона" (съпона) въ Матеріалахъ для древнерусскаго словаря И. И. Срезневскаго объясняется для приведеннаго мѣста, какъ „тягость, болѣзнь" при чемъ указанъ варіантъ: „сему Богъ спону нѣкаку навѣдыи створи быти ему хрестьяну". Но при такомъ объясненіи и при признаніи указаннаго варіанта первоначальнымъ чтеніемъ, непонятно было бы сравненіе Владиміра съ Плакидой, ибо никакой тяготы или болѣзни Богъ не наводилъ на Плакиду; напасти посѣтили Евстаеія уже послѣ его крещенія, и наведены онѣ были не Богомъ, а діаволомъ: „понеже оставилъ еси діавола, ищеть на тя напасти етеры". Думаю, что первоначально въ Несторовомъ сказаніи читалось: „сему бо спона нѣкака створися быти ему хрестьяну", т. е.: ибо что-то помѣшало быть ему христіаниномъ; это стоитъ въ пря-

послѣдовало крещеніе вельможъ и всего народа, при чемъ, повидимому, не было указано, что Владиміръ крестился въ Корсунѣ. Крещеніе было отнесено Древнѣйшимъ сводомъ, какъ кажется, не къ 6496, а къ 6495 году; ср. у Нестора: «се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 95» [1]). Далѣе въ Древнѣйшемъ сводѣ читались тѣ благочестивыя разсужденія (или часть ихъ), которыя находимъ въ Начальномъ сводѣ (и Повѣсти вр. л.) подъ 6496, послѣ сообщенія о крещеніи Кіевлянъ. Какъ и въ Начальномъ сводѣ, въ немъ разсказывалось о построеніи Владиміромъ церкви св. Богородицы и о милостыняхъ Владиміровыхъ. Наконецъ, въ немъ указывался 6523-й годъ, какъ годъ смерти Владиміра. Впрочемъ, событія этого года, какъ они для Древнѣйшаго свода возстанавливаются по Несторову сказанію, мы разсмотримъ ниже.

Итакъ мы получили увѣренность въ томъ, что Несторъ былъ знакомъ съ Древнѣйшимъ сводомъ. Выше, путемъ сопоставленія Несторова сказанія съ лѣтописнымъ, мы приходили къ заключенію, что оба они восходятъ къ одному болѣе древнему сказанію. Но Начальный сводъ, гдѣ читалось дошедшее до насъ лѣтописное сказаніе, произошелъ изъ Древнѣйшаго свода. Итакъ имѣемъ основаніе предполагать, что древнѣйшее сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, изъ котораго произошли и Несторово и дошедшее до насъ лѣтописное сказанія, было помѣщено въ Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ.

6.

§ 52. Прежде чѣмъ перейти къ возстановленію древнѣйшаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, мы попытаемся извлечь нѣкоторыя

мой связи съ предшествующей фразой, гдѣ говорится, что Владиміръ былъ язычникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мужемъ правдивымъ, милостивымъ къ нищимъ, къ сиротамъ и вдовицамъ. Ср. въ началѣ житія Евстаѳія Плакиды: „бѣ етеръ стратилатъ именемъ Плакида... еллинъ же бѣ вѣрою, а дѣлы праведными украшаяся, алчющая насыщая, жажющая напаая, нагіа одѣвая, впадающимъ въ бѣду помагая, ис темница изимая, и всѣмъ людемъ отнудъ помогая". Для значенія слова съпона ср. варіантъ представляемый въ Житіи Ѳеодосія Кассіановскою редакціей патерика, въ концѣ житія: „то же многажды окушашеся врагъ тако же паки и тому спону створити (вмѣсто этого въ древнихъ спискахъ: тѣмъ съмятъшее), и на того крамолу въложити".

[1]) Что искажено потомъ: „въ лѣто 6000 и 400 и 90". Ср. выше § 10.

указанія на его составъ и особенности путемъ анализа дошедшаго до насъ лѣтописнаго сказанія и сравненія его съ Несторовымъ сказаніемъ.

Анализъ этого лѣтописнаго сказанія обнаруживаетъ въ немъ противорѣчія и явныя вставки. Укажу нѣсколько мѣстъ въ лѣтописномъ сказаніи, явно ведущихъ къ предположенію о болѣе первоначальномъ, недошедшемъ до насъ видѣ сказанія. Начну со смерти Владиміра, изложенной въ дошедшемъ лѣтописномъ сказаніи такъ:

«Умре же на Берестовѣмь, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ Кіевѣ. Ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в коверъ и ужи съвѣсиша на землю; възложьше й на сани, везъше поставиша й въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бещисла снидошася, и плакашася, болярѣ аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша й въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженаго князя».

Не такъ давно на этомъ лѣтописномъ отрывкѣ остановился Е. Е. Голубинскій [1]). Онъ отмѣтилъ въ немъ непримиримое противорѣчіе. «Съ одной стороны говорится, что бояре (Е. Е. Голубинскій ищетъ подлежащаго къ сказуемымъ во мн. числѣ) потаили смерть Владимира, а съ другой стороны—что они тотчасъ же постарались черезъ привезеніе тѣла въ Кіевъ сдѣлать ее всѣмъ извѣстною». Исходя изъ того предположенія, что лѣтописное сказаніе основано на житійномъ сказаніи (сказаніи монаха Іакова), Е. Е. Голубинскій призналъ, что и это мѣсто лѣтописи заимствовано изъ жит. сказанія. Въ жит. сказаніи читаемъ: «вѣстникъ пріиде (къ св. Борису), сказая ему отнюю смерть, како преставися отець его Василей, зовемый Володимеръ, и како Святополкъ потаи смерть отца своего, въ нощь проимавъ помостъ на Берестовомь и въ коверъ обертѣвъ, свѣсивше ужи на землю, везъше на санѣхъ, и поставиша въ церкви святыя Богородица». Е. Е. Голубинскій предполагаетъ, что текстъ жит. сказанія, нами только что приведенный, испорченъ и что испорченнымъ уже текстомъ пользовался составитель лѣтописи, отчего и произошло отмѣчен-

au Brückner in Archiv

[1]) Изв. Отд. р. яз. и слов. за 1904 г., т. IX, кн. 2, с. 60—62.

ное противорѣчіе; первоначально же въ жит. сказаніи читалось: «како Святополкъ потаи смерть отца своего и како бояре, въ нощь проимавъ помость» и пр. По мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, «дѣло должно быть понимаемо такъ, что Святополкъ, находившійся въ минуту смерти Владимира въ Кіевѣ и принявшій намѣреніе занять престолъ великокняжескій, имѣлъ нужду для улаженія дѣла о занятіи престола скрыть на нѣкоторое время смерть отца, для чего приставилъ къ дворцу Берестовскому свою стражу, но что бояре, враждебные ему или вообще не раздѣлявшіе его замысла, тайно отъ приставленной стражи вынесли изъ дворца тѣло Владимира и привезли въ Кіевъ, въ Десятинную церковь, дѣлая такимъ образомъ извѣстною смерть великаго князя всѣмъ Кіевлянамъ».

§ 53. По существу соглашаюсь вполнѣ съ поправкой Е. Е. Голубинскаго, но, не имѣя основанія думать что лѣт. сказаніе заимствовано изъ житійнаго и полагая доказаннымъ обратное заимствованіе, я думаю, что порча текста произошла при перенесеніи его изъ Древнѣйшаго лѣт. свода въ Начальный сводъ. Въ Древнѣйшемъ сводѣ читалось, повидимому: «Умьре же на Берестовѣмь, и потаи й Святополкъ, бѣ бо Кыевѣ; бояре же, ночью межю клѣтми проимавше помостъ» и т. д. Стоило прочесть приведенную фразу «и потаи й, Святополкъ бѣ бо Кыевѣ», какъ необходимымъ оказывалось отыскать подлежащее къ «потаи», которое и было найдено въ слѣдующей фразѣ; «потаи» должно было замѣниться формой «потайша» [1]).

Кромѣ того, оговариваю еще одинъ пунктъ разногласія моего съ Е. Е. Голубинскимъ. Никакихъ указаній на тайный вывозъ тѣла Владимірова изъ Берестовскаго дворца въ сообщенномъ отрывкѣ усмотрѣть нельзя, ибо проломъ помоста былъ сдѣланъ въ исполненіе извѣстнаго погребальнаго обряда, какъ объ этомъ

---

[1]) Составитель жит. сказанія имѣлъ передъ собой текстъ Нач. свода; но онъ предположилъ, что потаить смерть Владиміра могъ только Святополкъ; поэтому онъ замѣнилъ „потаиша“ формой „потаи“, а затѣмъ вм. „проимавше“, „обертѣвше“ далъ „проимавъ“, „обертѣвъ“, отнеся и это все къ Святополку. Возможно, что въ Нач. св. читалось еще „потаи“ (въ Новг. 1-й: „потаиша“, но она подверглась вліянію Пов. вр. лѣтъ).

догадывались Соловьевъ (Ист. Россіи, I т., с. 242, пр.) и А. А. Котляревскій [1]).

Приведенный выше отрывокъ Древнѣйшаго свода остается всетаки непонятнымъ, если мы не предположимъ, что дальше въ этомъ сводѣ объяснялось, съ какою цѣлью желалъ Святополкъ скрыть смерть своего отца. Извѣстные намъ факты даютъ основаніе думать, что онъ не пользовался расположеніемъ Кіевлянъ; напротивъ, Борисъ былъ любимъ въ Кіевѣ; кромѣ того, подъ начальствомъ Бориса находились княжеская дружина и войско, выставленное Кіевскою областью. Дружина и войско были отправлены Владиміромъ противъ печенѣговъ. Святополкъ, повидимому, уже раньше враждовавшій съ Борисомъ [2]), быть можетъ, тогда, когда онъ поднялъ возстаніе противъ отца [3]), понималъ, что Борисъ, поддерживаемый Кіевлянами, не уступитъ ему великокняжескаго стола, а между тѣмъ онъ имѣлъ на него право по старшинству. Онъ былъ моложе уже покойнаго тогда Изяслава, Рогнѣдина сына, но старше всѣхъ остальныхъ братьевъ, и между прочимъ, Ярослава, такъ какъ родился вскорѣ послѣ захвата Кіева Владиміромъ, взявшимъ въ жены вдову Ярополкову и родившимъ отъ нея Святополка. Единственнымъ средствомъ отдѣлаться отъ Бориса, возвращавшагося съ войсками къ Кіеву и стоявшаго преградой на пути къ осуществленію законныхъ его правъ, Святополкъ призналъ тайное убійство. Поэтому онъ рѣшилъ; скрывъ смерть отца отъ Кіевлянъ, помѣшать Кіевлянамъ и войску провозгласить Бориса княземъ при первомъ извѣстіи о смерти Владиміра; а тѣмъ временемъ наемные убійцы должны были покончить съ Борисомъ. Я думаю, поэтому, что непосредственно за словами «умре же на Берестовѣмь и потаи и̂ Святополкъ, бѣ бо Кыевѣ» въ Древнѣйшемъ сводѣ читалось то, что попало въ лѣтопись ниже: «и приде

---

[1]) Приведя соотвѣтствующее мѣсто лѣтописи, Котляревскій дѣлаетъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Мы имѣемъ основанія видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помостъ и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ“. О погребальныхъ обычаяхъ языч. славянъ (Сб. Отд. р. яз. и сл., ч. XLIX, с. 126).

[2]) Несторово сказаніе.

[3]) Ср. свидѣтельство Титмара Мерзебургскаго, Lib. VII, 52.

ночью Вышегороду отай, призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ и рече имъ: прияете ли ми всѣмь сердцемь? Рече же Путьша и Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше убийте брата моего Бориса. Они же обѣщашася ему се створити» (а далѣе: «бояре же, ночью межю клѣтми примавше помостъ», и т. д.).

Итакъ, сообщеніе о смерти Владиміра, какъ оно изложено въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи, ведетъ насъ къ рѣшительному утвержденію, что передъ нами искаженный текстъ.

§ 54. Ниже читаемъ: «Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша й, и еще дышющю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, проньзе и къ сердцю».

Итакъ оказывается, что убійцы не замѣтили, что Борисъ не испустилъ еще духа; какъ же могъ узнать объ этомъ Святополкъ? Весьма вѣроятно, что Бориса повезли въ Вышегородъ тѣ самыя лица, которыя убили его по порученію Святополка, ибо по свидѣтельству лѣтописи его принесли въ Вышегородъ «отай»; самое избраніе Вышегорода мѣстомъ погребенія для Бориса показываетъ, что его тѣло доставлено туда Вышегородцами, которымъ было поручено убійство. Почему же убійцы, замѣтивъ, что Борисъ дышитъ, не прикончили его сами, а послали къ Святополку, и почему послѣдній, не желавшій разглашать своего участія въ убійствѣ, не поручилъ прикончить Бориса тѣмъ же преданнымъ ему Вышегородцамъ, Путьшѣ и его дружинѣ, а послалъ на это дѣло еще двухъ Варяговъ? Вижу объясненіе недоумѣнному мѣсту лѣтописнаго сказанія въ предположеніи, что эпизодъ съ нанесеніемъ Борису смертельнаго удара Варягами заимствованъ въ лѣтописное сказаніе изъ какой-нибудь легенды, сложившейся вокругъ того или иного мѣста, признаннаго благочестивыми почитателями святыхъ мучениковъ мѣстомъ кончины Бориса. Обращаю вниманіе на то, что въ концѣ XII вѣка упоминается церковь святую мученику у монастыря св. Кирилла, который стоялъ на Дорогожичѣ, урочищѣ между Кіевомъ и Вышегородомъ [1]); а

[1]) Ипат. 6679 (1171): „сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше сташа

именно подъ 6702 (1194) читаемъ въ Ипат.: «в суботу же ѣха ко святымъ Мученикомъ, церкви ту сущей у святаго Кюрила... в недѣлю же, празднику бывшю, и не може ѣхати с Нового двора, но ту и празнова празникъ святую Мученику». Кирилловскій монастырь былъ построенъ, повидимому, отцемъ Святослава Всеволодича, о которомъ говорится въ только что приведенномъ извѣстіи (ср. тамъ же: «и положиша и̓ во святѣмъ Кюрилѣ, во отнѣ ему манастырѣ»), хотя самая церковь св. Кирилла была выстроена (быть можетъ, при жизни Всеволода Ольговича) матерью Святослава Всеволодича (ср. въ извѣстіи о ея смерти, подъ 6686 г.: «и положена бысть в Киевѣ у святаго Кюрила, юже бѣ сама создала») [1]). Слѣдовательно, въ XII в. на Дорогожичѣ, на пути изъ Кіева въ Вышегородъ находилась церковь св. Бориса и Глѣба. Предполагаю, что церковь была выстроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Борисъ испустилъ свой духъ. Ср. ближайшее опредѣленіе этого мѣста въ житійномъ сказаніи: «и яко быша на бороу, начатъ въсклаляти святоую главоу свою, и се оувѣдѣвъ Святоплъкъ пославъ два Варяга и прободоста и мечьмь въ сьрдьце, и тако съконьчася». Указаніе на мѣсто, гдѣ замѣтили, что Борисъ еще живъ, является единственною фактическою прибавкой житійнаго сказанія противъ лѣтописнаго; она основана, конечно, на подробности, извѣстной составителю жит. сказанія изъ устнаго преданія. Подъ «боромъ» всего вѣроятнѣе разумѣлся боръ около Дорогожича, гдѣ начинались также болота, въ которыхъ увязъ Игорь Ольговичъ, послѣ битвы 13 августа 6654 (1146) года.

Думаю, что я имѣю основаніе привести въ пользу того, что Борисъ по одному изъ кіевскихъ преданій былъ убитъ на Дорогожичѣ, а не на Альтѣ, еще слѣдующее обстоятельство. Какъ увидимъ ниже (§ 61), преп. Ефремъ Новоторжскій былъ современникомъ Бориса и Глѣба; преданіе называетъ его братомъ Георгія и Моисея, слугъ Борисовыхъ. Послѣ убіенія брата Георгія онъ уда-

---

на Дорогожичи подъ святымъ Курилом... и второѣ недѣли оступиша вьсь градъ Кыевъ".

[1]) Ср. Максимовичъ, „О созданіи Кіевской церкви св. Кирилла". (Собраніе сочиненій, II, с. 161 и сл.); Н. И. Петровъ, „Историко-топограф. очерки древняго Кіева".

лился въ Новгородскую область и устроилъ здѣсь, близъ нынѣшняго г. Торжка, прежде всего страннопріимный домъ на рѣкѣ Дорогощѣ (нынѣ на этомъ мѣстѣ Семеновскій погостъ на Дорогощѣ). Черезъ нѣсколько лѣтъ пр. Ефремъ выбралъ другое ближайшее къ г. Торжку мѣсто, выстроилъ церковь въ честь св. Бориса и Глѣба и при ней устроилъ монастырь [1]). Правдоподобно думать, что рѣка названа Ефремомъ Дорогощей въ память урочища Дорогожича близъ Кіева [2]); а это ведетъ къ заключенію, что съ Кіевскимъ Дорогожичемъ была связана память о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ.

Итакъ, имѣемъ основаніе предполагать, что составитель лѣтописнаго сказанія до насъ дошедшаго долженъ былъ согласовать два преданія объ убіеніи Бориса: одно изъ нихъ говорило объ убіеніи на Альтѣ, а другое на Дорогожичѣ. Быть можетъ, первоначальное лѣтописное сказаніе не содержало этихъ двухъ преданій, а говорило лишь объ одномъ (см. ниже § 59).

§ 55. Далѣе, видимъ еще неясность и несогласованность съ дѣйствительностью въ слѣдующемъ отрывкѣ. Святополкъ, убивъ Бориса, послалъ къ Глѣбу, вызывая его обманнымъ образомъ отъ имени больного отца. «Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь во рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска, яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ».

Спрашивается, откуда шелъ Глѣбъ по вызову своего брата Святополка, гдѣ онъ былъ при смерти отца? Судя по статьѣ 6496 (988) года, Глѣбъ сидѣлъ въ Муромѣ. Слѣдовательно, составитель Начальнаго свода думалъ, что Глѣбъ идетъ въ Кіевъ изъ Мурома [3]). Но зачѣмъ же Глѣбъ совершаетъ путь изъ Мурома до Волги на коняхъ? Муромъ находится на Окѣ, и передъ

---

[1]) Рукописныя житія; также: свящ. І. Колосовъ, „Новоторжскій Борисоглѣбскій монастырь“ (СПб. 1890), с. 14; „Монастыри и приходскія церкви г. Торжка“ (Тверь 1903).

[2]) При Дорогожичь была извѣстна форма Дорогожьчь (слѣдовательно, въ родит. Дорогожча); ср. Ипат. лѣт. подъ 6654 г.: „въ слудовы Дорогожьчьския“. Ср. Любьчь при Любичь (род. Любча при Любича).

[3]) Ср. подобное пониманіе въ поздн. компиляціи, въ т. н. Переясл. лѣтописи: „и посла по блаженаго Глѣба въ Муромъ“.

Глѣбомъ открывался рѣчной путь, если онъ хотѣлъ достигнуть истоковъ Волги, чтобы отъ нихъ идти къ Днѣпру, который долженъ былъ привести его въ Кіевъ [1]). Мнѣ представляется, что и здѣсь обнаруживается стремленіе лѣтописца (составителя Начальнаго свода) соединить два разсказа, два преданія: по одному Глѣбъ ѣхалъ въ кораблецѣ или въ насадѣ, когда его настигли убійцы, а по другому Глѣбъ ѣхалъ на коняхъ; первое преданіе отразилось и въ Несторовомъ сказаніи (гдѣ, впрочемъ, Глѣбъ на кораблецѣ ѣдетъ отъ Святополка, убѣгая отъ него), второе же преданіе стоитъ въ очевидной связи съ легендой, связавшею, конечно, съ опредѣленною мѣстностью (на Волгѣ) паденіе Глѣба съ коня и поврежденіе имъ при этомъ паденіи ноги. Памятники сохранили намъ названіе этой мѣстности, а благочестивое рвеніе князей или простыхъ русскихъ людей уже въ глубокой древности украсило ее построеніемъ монастыря въ честь св. Бориса и Глѣба. Такъ въ Хлѣбниковскомъ спискѣ читаемъ про Глѣба: «и пришедшу ему на Волгу н а у с т ь Т м ы»; послѣднихъ словъ нѣтъ въ Ипат. спискѣ; между тѣмъ отличія Хлѣбн. отъ Ипатьевскаго зависѣли отъ исправленія перваго по общерусскому своду начала XIV в.; слѣдовательно, указанная прибавка восходитъ къ памятнику начала XIV в. Въ Тверскомъ сборникѣ (1534 г.) читаемъ такъ же: «и пришедшу ему на Волгу н а у с т ь р ѣ к и Т ъ м и». «И на томъ мѣстѣ—продолжаетъ Тверской сборникъ—нынѣ мо-

---

[1]) Путь Глѣбовъ, рѣчной путь изъ Мурома въ Кіевъ, см. у Ходаковскаго „Пути сообщенія въ древней Россіи“ (Русск. ист. сб., I, 1, с. 24—25). Н. В. Шляковъ предполагалъ, что Глѣбъ шелъ не изъ Мурома, а изъ Ростова, куда онъ былъ переведенъ съ удаленіемъ Бориса въ Кіевъ. Любопытенъ приведенный этимъ изслѣдователемъ расчетъ, по которому оказывается, что въ теченіе 42 дней (отъ 24 іюля до 5 сентября) посламъ Святополка и Глѣбу приходилось дѣлать по 46 верстъ въ день (если Глѣбъ сидѣлъ въ Ростовѣ) или по 56—60 дней (если онъ сидѣлъ въ Муромѣ). Но кромѣ того, Н. В. Шляковъ отмѣчаетъ неясность того обстоятельства, зачѣмъ Глѣбъ попалъ въ Отмичи (село на устьѣ Тьмы, ср. ниже). „Для чего ему было два раза переправляться черезъ Волгу?“ Отмичи лежитъ на лѣвомъ берегу Волги. „Не шелъ ли онъ изъ Бѣлоозера? Но тогда путь удлиняется еще до 2677 в., то есть до 64 верстъ въ день“ („О поученіи Владиміра Мономаха“, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. за 1900 г., с. 97—98).

настырь Бориса и Глѣба, зовомый Втомичій» (П. С. Р. Л. XV, 130) [1]). Если преданіе о мѣстѣ, гдѣ Глѣбъ повредилъ себѣ ногу, засвидѣтельствовано для XIV и слѣд. вѣковъ, то появленіе его можно отнести и къ болѣе древнему времени. Ничто не препятствуетъ предположенію, что преданіе это восходитъ къ XI вѣку. Оно могло быть извѣстно и составителю Начальнаго свода, какъ это ясно изъ только что приведеннаго отрывка. Ибо зачѣмъ было бы ему говорить о столь незначительномъ событіи, какъ небольшое поврежденіе ноги Глѣбомъ, еслибы этому событію не придано было гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, въ иномъ устномъ или письменномъ произведеніи, большое значеніе, если бы съ нимъ не ассоціировалось представленіе о памятномъ мѣстѣ, которое должно быть посвящено св. угоднику. Такимъ образомъ составителю Начальнаго свода пришлось комбинировать преданіе о путешествіи Глѣба въ кораблецѣ или насадѣ съ преданіемъ о паденіи его съ коня на берегу Волги и Тмы и поврежденіи имъ ноги; въ результатѣ такой комбинаціи оказывалось, что Глѣбъ на коняхъ ѣдетъ изъ Мурома къ Волгѣ, а въ кораблецѣ или насадѣ отправляется уже только изъ Смоленска.

§ 56. Непосредственно за разсмотрѣннымъ отрывкомъ читаемъ въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи: «В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка». Это мѣсто стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ, которое находимъ ниже, въ сообщеніи о сборахъ Ярослава противъ Святополка: «В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передъславы си: отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику».

---

[1]) Ср. въ описи XVI в.: „монастырь Вотминчина на берегу на Волгѣ... а въ немъ церковь пресв. Богородицы да страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ“. Нынѣ этотъ монастырь упраздненъ; на его мѣстѣ село Отмичи Тверской губ. и уѣзда, въ 13 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Твери, вверхъ по берегу р. Волги, на устьѣ рѣчки Тмы. См. В. Звѣринскій, Матеріалы для историко-топогр. изсл. о правосл. монастыряхъ, III, с. 131. Нѣкоторыя данныя относительно Отмичъ см. въ вышеназванномъ трудѣ Н. В. Шлякова (тамъ же, с. 98 отд. отт.).

Сообщеніе о сборахъ Ярослава противъ Святополка, содержащее подробности явно новгородскія (напр. объ избіеніи новгородцами варяговъ, о поѣздкѣ Ярослава на Ракомъ и др.), несомнѣнно происхожденія новгородскаго. Въ Начальный сводъ оно попало изъ Новгородскаго владычняго свода XI вѣка, которымъ пользовался составитель Начальнаго свода. Уже это наводитъ на мысль, что нѣкоторыя подробности въ этомъ сообщеніи вставлены составителемъ Начальнаго свода для согласованія статьи, заимствованной имъ изъ новгородскаго источника, съ другими частями свода. Такъ характеръ вставки имѣетъ самый текстъ полученнаго Ярославомъ извѣстія: въ немъ точно выясняется моментъ полученія его Ярославомъ — это время между 24 іюня и 5 сентября, между днемъ, когда убитъ Борисъ, и днемъ убіенія Глѣба. Составитель свода такою редакціей извѣстія какъ будто предоставилъ себѣ возможность—сообщить выше, въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба, что Ярославъ, получивъ извѣстіе отъ Передславы, поспѣшилъ предупредить Глѣба о грозящей ему опасности. Ниже увидимъ, что дошедшіе до насъ отрывки Новгородскаго владычняго свода уполномочиваютъ насъ утверждать, что первоначальная редакція полученнаго Ярославомъ извѣстія была иная, чѣмъ та, что читаемъ въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи, а здѣсь отмѣтимъ, что даже среди списковъ Повѣсти вр. лѣтъ въ текстѣ разсматриваемаго извѣстія замѣчаются большія отличія: Лавр., Радз. и Хлѣбн. списки излагаютъ его такъ, какъ указано выше, а въ Ипат. читаемъ: «а Святополкъ сѣдить в Киевѣ, пославъ уби Бориса и Глѣба». Возможно, впрочемъ, что это чтеніе позднѣйшее,—ему естественно было явиться потому, что о Глѣбовомъ убійствѣ уже сообщено было раньше. Но есть еще одна подробность, совершенно ясно обнаруживающаяся какъ вставка: не подлежитъ сомнѣнію, что си передъ текстомъ извѣстія относится къ вѣсть; мы въ правѣ ожидать, что это си слѣдовало непосредственно за словомъ вѣсть; слѣдовательно, первоначальнымъ мы въ правѣ признать чтеніе: «В ту же нощь приде ему вѣсть си», а слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы», которыя читаемъ между вѣсть и си, признаемъ вставкой. Такое заключеніе наше естественно вытекало бы и изъ общихъ соображеній: составителю Новгород-

скаго свода рѣшительно не могла быть извѣстна такая подробность, какъ то, что вѣсть о смерти отца и вокняженіи Святополка пришла къ Ярославу отъ Передславы. Но если составитель Начальнаго свода вставилъ слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы» въ новгородскій разсказъ о сборахъ Ярослава, то ему же можно приписать вставку приведеннаго выше сообщенія о томъ, что въ то время, когда Глѣбъ ѣхалъ въ Кіевъ, къ Ярославу пришла вѣсть отъ Передславы о смерти отца и убіеніи Бориса и что Ярославъ послалъ извѣстіе объ этомъ Глѣбу. И безъ указаннаго соображенія сообщеніе это представляется не совсѣмъ ожиданнымъ и не совсѣмъ умѣстнымъ: если Глѣбъ былъ предупрежденъ Ярославомъ, отчего онъ не спасся бѣгствомъ или не оградилъ себя отъ убійцъ? Глѣбъ стоялъ на Смядинѣ въ насадѣ, когда получилъ указанное извѣстіе; извѣстіе это повергло его въ скорбь, которую онъ излилъ въ длинномъ причитаніи; но внезапно явились посланные Святополкомъ, «и ту абье послании яша корабль Глѣбовъ». Выходитъ такъ, что Глѣбъ не только не попытался спастись бѣгствомъ, но даже поплылъ на встрѣчу своимъ убійцамъ [1]), ибо, если Глѣбовъ корабль стоялъ на мѣстѣ, его незачѣмъ было имать. Итакъ, приходимъ къ заключенію, что и въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи есть вставки противъ первоначальной редакціи сказанія, какъ она читалась въ Древнѣйшемъ сводѣ.

§ 57. Обращаемъ еще вниманіе на только что приведенное обстоятельство. Глѣбъ «ста на Смядинѣ в н а с а д ѣ», а ниже: «и ту абье послании яша к о р а б л ь Глѣбовъ». Житійное сказаніе замѣняетъ «в насадѣ» выраженіемъ «въ кораблици» и согласно съ этимъ говоритъ и ниже о кораблицѣ («святыи же поиде въ кораблици»), а еще ниже о лодьѣ («начаша скакати зълии они въ лодию его»); я думаю, что эта замѣна насада кораблицемъ сдѣлана составителемъ жит. сказанія подъ вліяніемъ Несторова сказанія (гдѣ говорится то о кораблѣ, то о кораблицѣ) и не свидѣтельствуетъ поэтому о томъ, что въ Нач. сводѣ читалось «въ

---

[1]) Составитель жит. сказанія такъ и понялъ свой источникъ, ибо онъ пишетъ, что, послѣ полученія извѣстія отъ Ярослава, „святыи же поиде въ кораблици и сърѣтоша и оустие Смядины“.

кораблици», а не «въ насадѣ» [1]). Итакъ, почему Начальный сводъ сначала употребилъ выраженіе «въ насадѣ», а затѣмъ— «корабль»? Если «корабль» было признано необходимымъ замѣнить другимъ выраженіемъ, почему оно не замѣнено словомъ «насадъ» и ниже? Для объясненія этой особенности въ текстѣ Начальнаго свода прибѣгаемъ къ пріему, сходному съ тѣмъ, что употребленъ нами выше. Ищемъ указанія на то, что въ данномъ мѣстѣ скомбинированы опять два источника: одинъ изъ нихъ, основной, говорилъ о кораблѣ или кораблецѣ (ср. это же выраженіе у Нестора), а другой побочный—употреблялъ слово насадъ. [2]) И этотъ другой источникъ мы, какъ и выше, признаемъ легендой, мѣстнымъ преданіемъ.

Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ убіенія Глѣба въ глубокой древности возникъ монастырь. Уже подъ 6646 (1138) упоминается въ Новгородской 1-й лѣтописи этотъ монастырь: «а самого Святослава яша на пути Смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ манастыри»; въ 6653 (1145): «заложиша церковь камяну на Смядинѣ, Борисъ и Глѣбъ, Смольньскѣ». [3]) Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что съ рѣчкой Смядиной издавна связана благочестивая легенда, и легенда эта говорила о томъ, что Глѣбъ убитъ на Смядинѣ въ насадѣ. Первоначальное сказаніе не знало, быть можетъ, мѣста убіенія Глѣба (какъ не знаетъ его или не говоритъ о немъ и Несторъ); оно разсказывало, что Глѣбъ захваченъ на кораблецѣ настигшими его убійцами; Смоленская легенда сообщала другія подробности объ убіеніи Глѣба. Начальный сводъ скомбинировалъ оба своихъ источника.

---

[1]) Въ Новг. 1-й „въ корабдици" заимствовано изъ свода 1448 г., который, какъ мы видѣли, начинаетъ вліять на текстъ Соф. временника 1421 г. (восходившаго въ извѣстныхъ частяхъ своихъ къ Нач. своду) еще выше.

[2]) Думаю, что слово корабль было болѣе въ ходу на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ; корабль—слово заимствованное (ср. греч. κάραβος, καράβια: Котляревскій, „Скандинавскій корабль на Руси"); заимствованіе могло идти именно съ юга; оно означало легкое рѣчное судно.

[3]) Не понимаю, почему на Смядынскій монастырь перенесено названіе Втомычьяго (какъ назывался естественно монастырь на рѣкѣ Тмѣ, см. выше). У Звѣринскаго (III, 159) приведено названіе его Смядинъ-Борисоглѣбскій-Втомычій монастырь.

§ 57[1]. Итакъ наше изслѣдованіе обнаружило рядъ позднѣйшихъ наслоеній въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Позднѣйшее сказаніе измѣнило первоначальный разсказъ о смерти Владиміра и вставило: эпизодъ о смертельномъ ударѣ, полученномъ Борисомъ уже на пути въ Вышегородъ, далѣе разсказъ о путешествіи Глѣба (изъ Мурома) въ Смоленскъ, во время котораго онъ повредилъ себѣ ногу, затѣмъ самое указаніе на то, что онъ убитъ въ Смоленскѣ на Смядинѣ, наконецъ, сообщеніе о присылкѣ Глѣбу извѣстія съ предупрежденіемъ.

Думаю, что сравненіе дошедшаго до насъ лѣтописнаго сказанія съ Несторовымъ обнаружитъ еще нѣсколько аналогичныхъ указаннымъ вставокъ.

§ 58. Выше мы опредѣлили главныя отличія Несторова сказанія отъ лѣтописнаго. Мы не были склонны съ самаго начала допускать, чтобы Несторъ рѣшился исказить болѣе или менѣе значительно свой оригиналъ, которымъ признаемъ Древнѣйшій лѣт. сводъ. Теперь, послѣ предложеннаго выше анализа, оказывается, что дошедшее до насъ лѣтописное сказаніе въ цѣломъ рядѣ случаевъ отступило отъ сказанія первоначальнаго, между тѣмъ какъ Несторъ не противорѣчилъ этому предполагаемому первоначальному сказанію. Такъ у Нестора говорится, что Борисъ испустилъ духъ тамъ, гдѣ его застали убійцы, а не по дорогѣ въ Вышегородъ; правда, смертельный ударъ полученъ имъ не въ шатрѣ, гдѣ его пронзили копьями, а внѣ шатра, когда онъ выскочилъ изъ него, при чемъ ударъ пришелся въ сердце; но тѣло его повезли въ Вышегородъ бездыханнымъ. Позволительно предполагать, что такъ же читалось и въ первоначальномъ сказаніи, при чемъ эта подробность и дала основаніе составителю Начальнаго свода скомбинировать въ своемъ сказаніи основное сказаніе и легенду о томъ, что Борисъ испустилъ духъ на Дорогожичѣ. Такъ, далѣе у Нестора (какъ и въ первоначальномъ сказаніи) не говорилось о путешествіи Глѣба (изъ Мурома) въ Смоленскъ и поврежденіи имъ ноги на Волгѣ; по Нестору Глѣба преслѣдовали на борзыхъ кораблецахъ; когда его настигли убійцы, они, «имше корабль (Глѣбовъ) ключи, привлекоша къ себе»; мы видѣли, что первоначальный разсказъ также говорилъ о томъ, что посланные Святополкомъ люди «яша» корабль Глѣбовъ; слѣдо-

вательно, Несторовъ разсказъ ближе къ первоначальному, чѣмъ разсказъ Начальнаго свода, гдѣ вставленъ эпизодъ о стоянкѣ Глѣба въ насадѣ на Смядинѣ. Такъ, наконецъ, Несторъ ничего не говоритъ ни о предупрежденіи Передславой Ярослава, ни о предупрежденіи послѣднимъ Глѣба: мы видѣли, что и это въ Начальномъ сводѣ оказывается вставкой противъ первоначальнаго разсказа.

Въ виду этого и другія отличія Несторова сказанія отъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго могутъ оказаться не позднѣйшими измѣненіями первоначальнаго сказанія Древнѣйшаго свода, а древними чертами, стертыми или искаженными въ Начальномъ сводѣ.

§ 59. Остановлюсь сначала на нѣкоторыхъ умолчаніяхъ Нестора. Онъ не называетъ мѣста, гдѣ убитъ Глѣбъ; но предположеніе, что указаніе на Смоленскъ и на Смядину явилось въ Начальномъ сводѣ подъ вліяніемъ особой легенды, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и въ Древнѣйшемъ сводѣ не было названо мѣсто Глѣбова убіенія. Несторъ не называетъ также мѣста, гдѣ убитъ Борисъ; ясно только, что оно лежало на пути изъ того мѣста, куда Борисъ ходилъ походомъ противъ поганыхъ, въ Кіевъ. Начальный сводъ сообщаетъ: «и ста на Льтѣ пришедъ»; можно заключить, что вѣсть о смерти отца застала Бориса на Альтѣ; онъ и остался тамъ, отпустивъ войско, съ одними отроками: далѣе читаемъ, что «послании придоша на Льто ночью». Итакъ, Борисъ убитъ на Альтѣ. Но читалось ли это названіе въ Древнѣйшемъ сводѣ? Думаю, что нѣтъ, ибо, если оно было въ Древнѣйшемъ сводѣ, Нестору не было бы основанія опустить его: вмѣсто того, чтобы сказать «а самъ съ отрокы пребысть на мѣстѣ томъ день тьи», онъ могъ бы поставить: «на Льтѣ день тьи». Оставляя въ сторонѣ вопросъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ убитъ былъ Борисъ, я вижу, что преданіе указывало рѣшительно на Альто, какъ на мѣсто его убіенія. Ср. поставленіе монастыря на Альтѣ еще до 1074 года [1]); въ 1117 году Владиміръ Мономахъ зало-

[1]) Ср. подъ этимъ годомъ въ лѣтописномъ разсказѣ о кончинѣ Θеодосія: „и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще: яко не здѣ есть постриганъ; бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братомъ своимъ Пауломъ“.

жилъ каменную церковь св. Мученику на Льтѣ и окончилъ ее со тщаньемъ многимъ; Летьская божница святую Мученику упоминается въ лѣтописяхъ подъ 6662 (1154) г. Быть можетъ, церковь въ память Бориса и Глѣба была основана на Альтѣ дѣйствительно на мѣстѣ убіенія Бориса; но возможно, что она построена Ярославомъ на мѣстѣ побѣды надъ Святополкомъ, приведшимъ на Русь Печенѣговъ [1]); ср. подъ 6527 (1019) г.: «и взыде противу ему на Льто... и покрыша поле Летьское обои». Во всякомъ случаѣ нѣсколько страннымъ представляется совпаденіе мѣста убіенія Борисова и мѣста окончательной побѣды Ярослава [2]). Не наведено ли было благочестивое преданіе на мысль, что Борисъ убитъ на Альтѣ, существованіемъ тамъ часовни, церкви или монастыря, знаменовавшихъ на самомъ дѣлѣ другое событіе? Если это такъ, то вполнѣ естественно предполагать, что въ Древнѣйшемъ сводѣ (какъ и у Нестора) не было указано мѣсто убіенія Бориса [3]). Но преданіе указывало, какъ можно думать,

---

[1]) Ср. церковь св. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ на Гзени (Къземли), построенную, повидимому, на мѣстѣ побѣды князя Глѣба надъ Всеславомъ Полоцкимъ въ 1069 году.

[2]) Есть основаніе думать, что побѣда эта произошла 24 іюля. Ср. въ описаніи Летской битвы: „бѣ же пятокъ тогда"; 24 іюля въ 6527 (1019) году приходилось въ пятницу; это обстоятельство еще болѣе усиливало связь между мѣстомъ побѣды и мѣстомъ убіенія, которое было отнесено также къ 24 іюля.

[3]) Подъ 6527 (1019) читаемъ: „и взыде противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, воздѣвъ руцѣ на небо, рече: кровь брата моего вопьеть к тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего", и т. д. Если соображеніе наше вѣрно, то этихъ словъ не было въ Древн. сводѣ. Впрочемъ, на то, что они вставлены, указываетъ, во-первыхъ, сходство ихъ со словами Ярослава въ статьѣ 6523 (1015) года, сказанными имъ еще въ Новгородѣ: „да будеть отместьникъ Богъ крове братья моея"; во-вторыхъ, Ярославъ съ полнымъ правомъ могъ вспомнить здѣсь о крови не одного Бориса, но также и Глѣба, если бы лѣтописецъ не имѣлъ въ виду подчеркнуть особо связь мѣста Летской побѣды съ мѣстомъ убіенія Бориса (ср. передѣлку въ париміи: „кровь брату моею въпиеть к тебѣ, владыко, мьсти кръвь правьдьну"); въ-третьихъ, непосредственно за молитвой къ Богу читаемъ, послѣ словъ „помоливъся, рекъ", молитвенное обращеніе къ св. Борису и Глѣба; такое накопленіе молитвъ врядъ ли первоначально. Не читалось ли въ Древн. сводѣ: „Ярославъ же помолися, рекъ"?

еще на другое мѣсто убіенія Бориса, на урочище Дорогожичъ (см. выше § 54). Составитель Начальнаго свода, отдавъ предпочтеніе первому преданію, согласовалъ съ нимъ второе, предположивъ, что Бориса на Дорогожичѣ прикончили Варяги, когда оказалось, что онъ, раненный на Льтѣ, еще дышитъ.

§ 60. Другое значительное умолчаніе Нестора видимъ въ разсказѣ о самомъ убіеніи Бориса. Мы читаемъ у него: «и се единъ отъ престоящихъ ему слугъ паде на немь; они же и того пронизоша». Слуга этотъ по свидѣтельству Начальнаго свода назывался Георгіемъ. Отчего же не назвалъ его Несторъ? Сравнивая дальше поступокъ повара Глѣба съ поступкомъ отрока Борисова, Несторъ опять не даетъ имени Георгія: «оканьныи же поваръ не поревноваше оному, иже бѣ палъ на святомь Борисѣ, но уподобися Июдѣ предателю». Ниже, передавая Вышегородскую запись объ исцѣленіи сына Вышегородскаго градника (Миронѣга), Несторъ опять не называетъ Борисова слугу по имени, хотя и говоритъ о немъ; исцѣленный видѣлъ съ Борисомъ и Глѣбомъ, явившимися ему, «и отрока, иже бѣ палъ на блаженемь Борисѣ, свѣщю несуща предъ святыма». Дошедшая до насъ редакція Вышегородскихъ записей называетъ Георгія: «и повѣдаше съ нима видѣвъ Георгия, оного отрока святаго Бориса, ходяща съ нима и носяща свѣщю». Итакъ, слуга Борисовъ удостоился высокой награды, подвигъ его давалъ особое основаніе для уваженія его памяти. Сомнѣваюсь, чтобы Несторъ умышленно умолчалъ его имя, если оно было бы ему извѣстно; мнѣ кажется, что это было бы противно обычнымъ агіологическимъ пріемамъ. Одно дѣло— не назвать окаянныхъ убійцъ или опустить имя того властелина града, сынъ котораго удостоенъ былъ исцѣленія, и другое дѣло— скрыть имя угодника Божія. Признавая вѣроятнымъ, что Несторъ не нашелъ имени слуги Борисова ни въ Древнѣйшемъ сводѣ, ни въ Вышегородскихъ записяхъ [1]), ставимъ вопросъ, откуда же это имя стало извѣстнымъ составителю Начальнаго свода?

И здѣсь слуга сначала не названъ. «И прободоша Бориса и слугу его, падша на немь, прободоша с нимь». Но затѣмъ по-

---

[1]) Дошедшая до насъ редакція ихъ могла заимствовать это имя изъ жит. сказанія.

ясняется, кто былъ этотъ слуга; поясненіе это имѣетъ характеръ вставки.

«Бѣ бо сей любимъ Борисомь; бяше отрокъ сь родомъ сынъ Угърескъ, именемь Георги, егоже любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже предъстояше предъ нимь. Избиша же ины отрокы Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии».

Обращаемъ вниманіе на связь этого отрывка съ разсказомъ Поликарпа о преподобномъ Моисеѣ Угринѣ. «Увѣдѣно бысть о семъ блаженемь Моисеи Угринѣ, яко любимъ бѣ святымъ Борисомъ. Сей бо былъ родомъ Угринъ, братъ же Георгіа, на негоже святыи Борисъ възложи гривну злата, егоже убиша съ святымъ Борисомъ на Алтѣ и главу его отрѣзаша, златыя ради гривны. Сей же Моисѣй единъ избывъ отъ горкія смерти и горкагó заколенія избѣжавъ, и пріиде къ Передславѣ, сестрѣ Ярославлѣ». Конечно, можно бы предположить, что Поликарпъ, обративъ вниманіе на общее происхожденіе лѣтописнаго Георгія Угрина и Моисея Угрина, присочинилъ разсказъ о томъ, что оба Угрина были братьями и что Моисей былъ также любимъ Борисомъ, у котораго служилъ вмѣстѣ съ братомъ; слѣдовательно, все, что сообщено имъ о Георгіи, восходило бы прямо къ лѣтописи. Но откуда же взято Поликарпомъ, что спасшійся Моисей скрылся у Передславы? Скажутъ, что и это сочинено на основаніи лѣтописи, выставившей Передславу въ активной роли помощницы Ярослава, и на основаніи еще того обстоятельства, что и Моисей и Передслава попали въ плѣнъ къ Ляхамъ. Но предыдущее изслѣдованіе показало, что активная роль приписана Передславѣ составителемъ Начальнаго свода, вопреки даннымъ Древнѣйшаго свода, который не сообщалъ о томъ, что Ярославъ былъ извѣщенъ о смерти отца и избіеніи братьевъ именно Передславой. Слѣдовательно, самъ Начальный сводъ руководствовался какими-нибудь данными о Передславѣ, позволившими ему внести дополненіе въ первоначальный текстъ лѣтописи. Не тѣ же ли данныя отразились въ Поликарповомъ разсказѣ? Кромѣ того отмѣтимъ, что Повѣсть вр. лѣтъ (и конечно, также Начальный

сводъ) не говоритъ прямо о взятіи въ плѣнъ Передславы: лѣтопись сообщаетъ о томъ, что Болеславъ захватилъ съ собой «обѣ сестры Ярославли» (то же у Поликарпа); слѣдовательно, общая участь (плѣнъ) еще не служила достаточною основой для ассоціаціи между Моисеемъ и Передславой.

Поликарпъ, разсказавъ о Моисеѣ, называетъ тотъ источникъ, откуда онъ извлекъ свое повѣствованіе. «Се же вписано есть в житіи святаго отца нашего Антоніа, еже о Моѵсѣи, бѣ бо пришелъ блаженый во дни святаго Антоніа». Итакъ возможно, что въ житіи Антонія говорилось и о родствѣ Моисея съ Георгіемъ, и о томъ, что Моисей, слуга Борисовъ, скрывался у благочестивой Передславы.

§ 61. Ниже, въ главѣ XI, приведемъ доказательства въ пользу того, что Начальный сводъ имѣлъ въ числѣ источниковъ Житіе Антонія. Думаю поэтому, что именно изъ него заимствованы: имя Георгія для слуги, прободеннаго надъ тѣломъ Борисовымъ, и подробность о возложеніи на него золотой гривны и отсѣченіи убійцами главы его; замѣчаніе «тѣм же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии» принадлежитъ, повидимому, также Житію Антонія и можетъ быть поставлено въ связь съ благочестивою легендой, сообщающею, что глава св. Георгія обрѣталась въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, основанномъ преп. Ефремомъ Новоторжскимъ (братомъ Моисея и Георгія), близъ Торжка [1]). Итакъ глава была обрѣтена, а тѣла «не обрѣтоша».

§ 62. Мы отвлеклись въ сторону отъ поставленной себѣ задачи. Возвращаясь къ сравненію Несторова сказанія съ лѣтописнымъ, остановимся теперь на случаяхъ прямого противорѣчія данныхъ Нестора даннымъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго сказанія.

Разсказывая о Борисѣ, Несторъ говоритъ: «паче посла и́ потомъ отець и на область Владимеръ, юже ему дасть, а святаго Глѣба оу себе остави». Святополкъ тогда еще началъ враждо-

---

[1]) Ср. въ Лѣтописцѣ Новгор. церкв. Божіимъ (XVII в.) подъ 6523 г.: „Преподобный отецъ нашъ Ефремъ Новоторжскій бѣ в сія времена“. Основаніе монастыря относится преданіемъ къ 1030 году. Ср. Ратшинъ, Ист. свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, с. 510; Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, 335—338; Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топ. изсл.

вать противъ Бориса, «хотяше бо оканьныи всю страну погубити и владѣти единъ». Владиміръ, узнавъ объ этомъ, привелъ Бориса къ себѣ. Начальный сводъ не знаетъ о томъ, что Борисъ сидѣлъ нѣкогда во Владимірѣ. Подъ 6496 годомъ онъ сообщаетъ о томъ, что, при распредѣленіи удѣловъ, Борису достался Ростовъ, Глѣбу Муромъ, а область Владиміра получилъ Всеволодъ; правда, распредѣленіе это было не первоначальное, такъ какъ сначала Ростовъ получилъ Ярославъ, переведенный въ Новгородъ по смерти Вышеслава; можно было бы гадать, что Борисъ получилъ сначала Владиміръ, а потомъ послѣ перехода Ярослава въ Новгородъ— Ростовъ, но основаній для такого гаданія не имѣемъ. Между Несторомъ и Начальнымъ сводомъ остается явное противорѣчіе: по Нестору Борису достался Владиміръ, а Глѣбъ совсѣмъ не получилъ области; между тѣмъ по Начальному своду Борису достался Ростовъ, а Глѣбу Муромъ. И въ связи съ этимъ стоитъ и дальнѣйшее противорѣчіе: по Нестору Глѣбъ, послѣ смерти отца, сѣлъ на приготовленный ему кораблецъ и поплылъ отъ Кіева, спасаясь отъ Святополка; по Начальному своду онъ, услышавъ о смерти отца, возвращается изъ своей области въ Кіевъ и по пути попадается убійцамъ, посланнымъ Святополкомъ.

Разумѣется, мы не спросимъ: кто же правъ—Несторъ или Начальный сводъ? Для рѣшенія такого вопроса мы совсѣмъ не располагаемъ данными. Но мы можемъ разсмотрѣть вопросъ объ источникахъ—того и другого разсказа. На что опирался въ фактической части своей Несторъ? На Древнѣйшій лѣтописный сводъ—это доказано выше; на нѣкоторые устные разсказы «иныхъ христолюбцевъ»—объ этомъ заявляетъ самъ авторъ. Какими источниками располагалъ составитель Начальнаго свода? Прежде всего Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ, а потомъ еще рядомъ другихъ письменныхъ и устныхъ источниковъ, какъ это уже доказано предыдущимъ изслѣдованіемъ. Итакъ составъ Начальнаго свода сложнѣе состава Несторова сказанія; сложность состава отражалась на необходимости согласовать источники, комбинировать ихъ и давать такимъ образомъ иной разъ придуманныя извѣстія, искусственно составленныя сообщенія.

Такимъ искусственно составленнымъ сообщеніемъ представляется мнѣ и статья 6496 года, содержащая распредѣленіе волостей

между сыновьями Владиміра. Новгородскій влад. сводъ сообщалъ, что первымъ княземъ послѣ крещенія былъ Вышеславъ, за нимъ Ярославъ (ср. эти данныя во всѣхъ перечняхъ князей новгородскихъ, читающихся въ новгородскихъ сводахъ); думаю, что данныя, касающіяся Новгорода, взяты составителемъ Нач. свода изъ этого источника, изъ влад. свода; о томъ, что Изяславъ сѣлъ въ Полотскѣ, было ему извѣстно изъ того обстоятельства, что тамъ сидѣло все потомство его; что Мстиславъ получилъ Тмуторокань, составитель Нач. свода заключилъ изъ дальнѣйшихъ событій (похода Мстислава на Касоговъ, постройки имъ въ Тмутороканѣ церкви св. Богородицы и др.); Святославъ посаженъ лѣтописцемъ въ Деревѣхъ едва ли не въ связи съ послѣдующей его судьбой, когда онъ бѣжалъ отъ Святополка къ Угорской горѣ [1]): казалось, что путь въ Угры былъ ближе всего открытъ для князя Деревского; Святополкъ сидитъ въ Туровѣ, какъ кажется, въ силу своего старшинства; ср. принадлежность Турова старшему Ярославичу Изяславу, сидѣвшему въ немъ при жизни отца; Туровъ принадлежитъ старшему послѣ Всеволода Ярославича при княженіи послѣдняго въ Кіевѣ. Неясно, почему Ростовъ отданъ лѣтописцемъ Борису, Муромъ—Глѣбу, Владиміръ—Всеволоду. Неясно также, почему не указано, кто изъ сыновей Владиміровыхъ сидѣлъ въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ [2]).

---

[1]) Объ убіеніи Святослава въ Угорской горѣ существовало народное преданіе. Ср. Грушевскій, Історія України-Руси, II², с. 7, пр.

[2]) Позднѣйшіе компиляторы догадывались, что Судиславъ сидѣлъ въ Псковѣ (на основаніи того, что онъ позже просидѣлъ тамъ въ заключеніи 24 года), а Станиславъ въ Смоленскѣ. Ср. Соф. 1-ю и Новгор. 4-ю, и др.—Откуда это извѣстіе о Станиславѣ Смоленскомъ? Почему позднѣйшіе компиляторы не сумѣли сказать ничего про удѣлъ Позвизда? Я думаю, что въ распоряженіи составителя общерусскаго свода XV вѣка были какія-то данныя, указывавшія на то, что въ Смоленскѣ сидѣлъ Станиславъ. Обращаю вниманіе на возможность того, что Станиславъ пережилъ бурныя событія 1115—1119 годовъ. Не его ли слѣдуетъ разумѣть въ загадочномъ извѣстіи Скилиція-Кедрина: ἐτελεύτησαν δὲ καὶ οἱ τῶν Ῥὼς ἄρχοντες, Νοσισθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος, καὶ ἄρχειν προεκρίθη τῶν Ῥὼς συγγενὴς τῶν τελευτησάντων Ζινισθλάβος (Кедринъ, II, 515). Извѣстіе это, какъ отмѣтилъ и М. С. Грушевскій (Історія України-Руси, II², с. 25), заслуживаетъ всякаго вниманія, ибо читается подъ 6544 годомъ, т. е. подъ тѣмъ же годомъ, подъ кото-

Въ видѣ преподложенія высказываемъ догадку, что и здѣсь на сообщеніе Начальнаго свода о Борисѣ и Глѣбѣ повліяли преданія, связанныя съ этими святыми. Мы уже видѣли, что путешествіе Глѣба на коняхъ къ Волгѣ и оттуда въ Смоленскъ вставлено въ Начальный сводъ подъ вліяніемъ двухъ легендъ—о паденіи Глѣба съ коня на мѣстѣ, гдѣ позже возникъ Втомичій монастырь, и объ убіеніи его на Смядинѣ въ насадѣ. Вспомнимъ теперь, что Ростовская область уже въ XII вѣкѣ представляла преданія о сидѣвшихъ въ ней или ходившихъ по ней князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Такъ, Переяславская и Радзивиловская лѣтописи, сообщая подъ 6667 (1159) годомъ о погребеніи Бориса Юрьевича въ церкви св. Мучениковъ, прибавляютъ: «юже бѣ създалъ отець его Георгіи на Ньрли, идѣже бяше становище святаго Бориса». Повидимому, въ позднѣйшей редакціи читаемъ то же извѣстіе въ Лавр.: «идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба»; еще болѣе поздняя редакція вставляетъ передъ словомъ «идеже»—«въ Кидекши» (Ипат.) [1]. Возможно, что нѣкоторыя изъ такихъ преданій связывали Бориса съ самимъ Ростовомъ. Не стану, впрочемъ, для подтвержденія ссылаться на житіе Аврамія Ростовскаго, въ нѣкоторыхъ спискахъ котораго въ качествѣ просвѣтителя Ростова является епископъ Иларіонъ, присланный съ мученикомъ Борисомъ отъ князя Владиміра [2]), ибо здѣсь Борисъ могъ появиться путемъ книжнымъ, подъ вліяніемъ лѣтописи. Не могу придавать значенія и показанію житія Константина Муромскаго о томъ, что Глѣбъ, не принятый Муромлянами на княженіе, отъѣхалъ отъ города за 12 поприщъ на рѣку Ишню и пребывалъ здѣсь до смерти своего отца [3]). Ограничиваюсь приведеннымъ выше указаніемъ на преданіе XII в., сообщавшее о

рымъ наша лѣтопись сообщаетъ о смерти Мстислава (Νοσισθλάβος). Если переставимъ имена Ярослава (Ἱεροσθλάβος) и Станислава (Ζινισθλάβος), то получимъ указаніе на то, что въ 6544 году умерли русскіе князья Мстиславъ и Станиславъ и избранъ на княженіе родственникъ умершихъ, Ярославъ. Менѣе правдоподобно думать, что за смертью Ζινισθλάβοσ надо читать заточеніе Судислава.

[1]) Кидекша—село въ 4 верстахъ отъ Суздаля.

[2]) Ср. Памятники стар. русск. литер. I, 225; Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ.

[3]) Пам. стар. русск. литер. I, 229.

становищѣ св. Бориса на р. Нерли въ с. Кидекшѣ. Это преданіе можно смѣло возвести и къ XI вѣку. Оно могло быть извѣстно и составителю Начальнаго свода, который и воспользовался имъ при распредѣленіи волостей между сыновьями Владиміра. Бориса онъ посадилъ поэтому въ Ростовѣ, отвергнувъ показаніе Древн. свода о томъ, что Борисъ былъ посаженъ во Владимірѣ. Неразлучный съ нимъ въ легендахъ и сказаніяхъ Глѣбъ посаженъ лѣтописцемъ въ Муромѣ, какъ въ волости сосѣдней съ Ростовомъ, а городъ Владиміръ для того, чтобы не могло возникнуть сомнѣнія въ томъ, что лѣтописецъ допустилъ ошибку, не сказавъ, что во Владимірѣ сидѣлъ именно Борисъ, — отданъ имъ Всеволоду, какъ старшему послѣ Святополка и Ярослава сыну Владимірову.

Благодаря сдѣланному лѣтописцемъ распредѣленію, ему стало возможно связать въ одно цѣлое преданія о Глѣбѣ, указывавшія на паденіе его съ коня на устьѣ рѣки Тмы и на убіеніе его въ Смоленскѣ: очевидно, Глѣбъ шелъ изъ своей области по вызову Святополка въ Кіевъ, по пути былъ на Волгѣ и съ Волги попалъ въ Смоленскъ. Такъ сложилось у составителя Нач. свода убѣжденіе въ томъ, что разсказъ Древн. свода о бѣгствѣ Глѣба изъ Кіева, гдѣ онъ сидѣлъ при отцѣ безъ удѣла, необходимо отвергнуть.

§ 63. Отвергнувъ также сообщеніе о томъ, что Борисъ сидѣлъ во Владимірѣ, составитель Нач. свода долженъ былъ опустить извѣстіе Древн. свода (ср. Несторово сказаніе) о томъ, что князь Владиміръ долженъ былъ вывести Бориса изъ Владиміра, опасаясь злобы Святополка. А между тѣмъ это извѣстіе, едва ли придуманное Несторомъ, а скорѣе всего почерпнутое имъ изъ Древн. свода, даетъ намъ указаніе на то, что между Владиміромъ и Святополкомъ происходили серьезныя разногласія; объ этихъ разногласіяхъ имѣемъ свидѣтельство современника, Титмара Мерзебургскаго [1]), а потому придаемъ извѣстное значеніе и извлекаемому изъ Несторова сказанія извѣстію.

§ 64. Перехожу еще къ одному, впрочемъ, гораздо менѣе значительному противорѣчію между дошедшими до насъ лѣтописнымъ

---

¹) Ср. lib. VII, 52.

и Несторовымъ сказаніями. Въ Нач. сводѣ (Повѣсти вр. л.) читаемъ, что Святополкъ во время смерти Владиміра былъ въ Кіевѣ; въ Несторовомъ сказаніи Святополкъ, узнавъ объ отцовской смерти, «всѣде на коня и скоро доиде Кыева града». Это противорѣчіе я считаю незначительнымъ потому, что изъ словъ Нестора видно, что Святополкъ былъ во всякомъ случаѣ близко отъ Кіева. Думаю, что въ Древн. сводѣ было указано, гдѣ сидѣлъ Святополкъ и откуда онъ пріѣхалъ: выше я указывалъ на основанія, для предположенія, что въ Древн. сводѣ ярко проводилась мысль, что Святополкъ опирался на Вышегородцевъ; можно думать поэтому, что Древн. сводъ зналъ и сообщалъ о томъ, что Святополкъ во время кончины Владиміра сидѣлъ въ Вышегородѣ. Возможно, что послѣ словъ «Оумре же на Берестовѣмъ» читалось: «и потаи и́ Святополкъ, бѣ бо Кыевѣ, пришьдъ изъ Вышегорода».

7.

§ 65. Подводимъ итоги предшествующему изслѣдованію.

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ было занесено въ Древнѣйшій лѣтописный сводъ, составленный, какъ можно думать (см. ниже, въ концѣ настоящаго изслѣдованія), во второй четверти XI столѣтія. Остается невыясненнымъ, существовало ли оно раньше въ отдѣльномъ видѣ или сочинено самимъ составителемъ свода. Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ послѣднее предположеніе. Составитель Древн. свода не могъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на разсказѣ объ уже прославленныхъ святыхъ русскихъ, и дойдя до 6523 года, долженъ былъ посвятить имъ особую статью.

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по Древнѣйшему своду возстанавливается главнымъ образомъ по Начальному своду (Повѣсти вр. лѣтъ), но также и по Несторову сказанію. Небогатое фактическимъ содержаніемъ, оно не давало ни христіанскихъ именъ св. братьевъ, ни даты, ни мѣста ихъ убіенія. Тѣмъ удивительнѣе сохраненіе въ немъ именъ убійцъ обоихъ братьевъ. Кажется, въ этомъ случаѣ имъ использовано кіевское преданіе, приписывавшее исполненіе злодѣянія сосѣднимъ Вышегородцамъ: убійцы Борисовы названы Вышегородцами. Мѣсто погребенія Бориса (Вы-

шегородъ, у церкви св. Василія) было указано, сообщено было также объ обрѣтеніи мощей Глѣбовыхъ и перенесеніи ихъ къ мощамъ Борисовымъ.

Общій составъ сказанія по Древнѣйшему своду представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Въ связи съ сообщеніемъ о предсмертной болѣзни Владиміра говорилось, что онъ послалъ бывшаго у него въ то время Бориса противъ Печенѣговъ; возможно, что при этомъ указывалась причина, почему Борисъ оказался у Владиміра; онъ вывелъ его изъ Владиміра, опасаясь злобы, которую питалъ къ Борису Святополкъ; Владиміръ скончался на Берестовомъ; Святополкъ, узнавъ о смерти отца, пріѣхалъ вскорѣ въ Кіевъ изъ Вышегорода и принялъ мѣры къ тому, чтобы скрыть отъ Кіевлянъ это событіе; ночью же онъ отправился тайно въ Вышегородъ, призвалъ къ себѣ Путьшу и Вышегородскихъ старшинъ и уговорилъ ихъ тайно умертвить Бориса. Въ ту же ночь бояре вывезли Владимірово тѣло изъ Берестовскаго терема и поставили его въ святой Богородицѣ. Далѣе сообщалось о погребеніи Владиміра. Послѣ краткой похвалы Владиміру, составитель Древн. свода сообщалъ, что Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ столѣ и началъ склонять Кіевлянъ въ свою пользу путемъ подкуповъ: однихъ онъ дарилъ одеждами, другихъ кунами. Кіевляне колебались: сердце ихъ не было съ Святополкомъ, такъ какъ братья ихъ были съ Борисомъ. Борисъ, возвращавшійся въ то время въ Кіевъ, получаетъ извѣстіе о смерти отца. Дружина уговариваетъ его идти въ Кіевъ и сѣсть на отцовскомъ столѣ. Но Борисъ отказывается поднять руку на старшаго брата; войско оставляетъ его. Чтобы усыпить бдительность Бориса, Святополкъ посылаетъ къ нему лестныя предложенія. Но одновременно къ его стану приходятъ убійцы, которые подъ покровомъ ночи подкрадываются къ его шатру. Здѣсь въ Древн. сводѣ (какъ у Нестора и въ Нач. сводѣ) сообщалось о томъ, что Борисъ пѣлъ въ это время псалмы и каноны, затѣмъ помолился на икону и легъ спать. Убійцы напали на Бориса и пронзили его копьями; вмѣстѣ съ Борисомъ палъ его слуга, желавшій защитить собою тѣло своего господина. Тѣло Борисово завернули въ шатеръ и повезли тайно въ Вышегородъ, гдѣ похоронили у церкви св. Василія. Далѣе были названы имена убійцъ. Святополкъ посылаетъ

торжскомъ, строителѣ Борисоглѣбской церкви на берегу р. Тверцы: онъ признанъ братомъ Георгія и Моисея и владѣтелемъ святыни — главы убитаго Георгія. Статья 6523 года по Начальному своду весьма удачно соединила свое древнее основаніе со всѣми этими легендами. Текстъ Древнѣйшаго свода пришлось подвергнуть перестановкамъ и передѣлкамъ. Такъ, не приходилось говорить о бѣгствѣ Глѣба изъ Кіева, ибо оказывалось, что Глѣбъ во время смерти отца былъ гдѣ-то далеко, быть можетъ, въ Муромѣ. Борисъ убитъ на Альтѣ, но смертельный ударъ онъ получаетъ на Дорогожичѣ. Слуга Борисовъ назывался Георгіемъ, онъ былъ родомъ Угринъ; его голова найдена, но тѣла не могли признать, такъ какъ голова была отдѣлена отъ туловища. Глѣба не преслѣдовали убійцы, они встрѣтили его въ Смоленскѣ на Смядинѣ; на пути къ Смоленску, куда онъ спѣшилъ, чтобы оттуда попасть въ Кіевъ, Глѣбъ на Волгѣ, на устьѣ Тмы, повредилъ себѣ ногу.

Начальный сводъ и Несторово сказаніе вызвали, какъ кажется, около 1115 года (года второго перенесенія мощей Бориса и Глѣба) появленіе двухъ произведеній духовной литературы: во-первыхъ, особаго проложнаго сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, въ основу котораго положенъ текстъ Начальнаго свода, сильно сокращенный, но мѣстами дополненный по Несторову сказанію; во-вторыхъ, житійное сказаніе, приписываемое безъ достаточныхъ основаній Іакову мниху: въ него вошелъ также текстъ Начальнаго свода, но почти безъ сокращеній и притомъ съ обширными вставками, въ которыхъ отчасти отразилось Несторово сказаніе [1]). Сказаніе о чудесахъ въ древнѣйшей части основывается

---

[1]) Житійное сказаніе имѣло въ своемъ распоряженіи довольно обширный матеріалъ. Ср. въ немъ ссылки на мученія св. Никиты, св. Вячеслава и св. Варвары; сообщеніе изъ легенды, относящейся къ смерти Іуліана отступника (убитаго св. Меркуріемъ). Ср. болѣе подробное развитіе этого въ лѣтописи Архангелогородской: „Якоже бо Іуліанъ царь, иже многихъ святыхъ мученикъ крови пролія, горькую и нечеловѣчную смерть пріятъ, невидимо отъ кого прободенъ бысть копіемъ въ сердце, токмо писаніе глаголетъ, отъ святаго мученика Меркурія убіенъ бысть, тако и сей бѣгая, не вѣдый же ся, отъ кого жъ се злострастную смерть пріятъ“. Указаніе „преже 9 каландъ августа“ при 24 іюлѣ заимствовано изъ мученія

на тѣхъ самыхъ Вышегородскихъ записяхъ, которыми пользовался Несторъ.

Около того же времени составлено паримійное чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ; оно извлечено въ фактической своей части изъ Начальнаго свода; оттуда же заимствованы и нѣкоторыя разсужденія и сравненія.

Въ 1116 году составлена Повѣсть вр. лѣтъ. Она повторила сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ Начальнаго свода, но въ двухъ мѣстахъ дополнила его по паримійному чтенію. Кромѣ того присоединила къ сказанію похвалу св. братьямъ, составленную отчасти подъ вліяніемъ службы Борису и Глѣбу.

ГЛАВА IV.

О нѣкоторыхъ вставкахъ въ текстѣ Начальнаго свода.

§ 67. Предыдущее изслѣдованіе о Несторовомъ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ и о древнемъ житіи Владиміра привело насъ къ представленію о лѣтописномъ сводѣ, болѣе древнемъ, чѣмъ Начальный сводъ. Анализъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по Начальному своду далъ возможность возстановить это сказаніе по старшему своду, который мы назвали Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ. Думаю, что анализъ и нѣкоторыхъ другихъ частей Начальнаго свода долженъ привести къ обнаруженію въ немъ позднѣйшихъ вставокъ и наслоеній. Расположимъ наши замѣчанія въ нѣсколькихъ отдѣлахъ.

1.

§ 68. Имѣется рядъ основаній для признанія хронологической сѣти Начальнаго Кіевскаго свода вставленною составителемъ этого свода, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи лѣтопись, не расположенную по годамъ [1]). Годы, подъ которыми составитель Началь-

св. Христины, которое читается также подъ 24 іюля. Счетъ по каландамъ былъ вообще на Руси неизвѣстенъ; могу привести примѣръ изъ Новгор. 1-й подъ 6644 (ср. объ этомъ извѣстіи ниже, § 135).

[1]) Мысль о томъ, что первоначальная лѣтопись была расположена раньше не по годамъ, не новая. Ср. ее у Н. П. Ламбина и С. М. Соловьева.

наго свода размѣстилъ древнѣйшія событія, оказываются въ тѣснѣйшей связи со вставленными имъ же въ сводъ отрывками изъ какого-то хронографа. Такъ, первый годъ Начальнаго свода, 6362-й, обозначаетъ начало царство императора Михаила: ср. въ концѣ предисловія обѣщаніе начать разсказъ отъ Михаила царя; онъ извлеченъ изъ того краткаго вида хронографа, который дошелъ до насъ въ соединеніи съ Палеей (ср., напр., списки Синод. №№ 211 и 210, Погод. № 1435, списокъ Срезневскаго и др.). Дѣйствительно, мы читаемъ въ этомъ хронографѣ: «и при сего (т.-е. Михаила) царствіи, въ второе лѣто царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книгы отъ Греческа языка на Словеньскыи Кирилъ философъ с Мефодіемъ в лѣто 6363, при Борисѣ князи Болгарьстѣмъ». Отсюда составитель Начальнаго свода заключилъ, что вторымъ годомъ царствованія Михаила былъ 6363-й и что, слѣдовательно, первымъ годомъ былъ 6362-й [1]). Изъ этого самаго хронографа извлечено читающееся ниже сообщеніе о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ. Оно начинается словами: «В си же времена бысть въ Грѣчкой земли царь именемъ Михаилъ и мати его Ирина [2]), иже проповѣдаетъ покланяніе иконамъ въ прьвую недѣлю поста». Этотъ отрывокъ, несомнѣнно вставленный (ибо онъ восходитъ къ хронографу), разъединяетъ текстъ двухъ статей, тѣсно между собою связанныхъ. Въ первой говорится объ основаніи Кіева тремя братьями, отъ которыхъ произошли Поляне, во второй о кончинѣ братьевъ и о нападеніи на Полянъ окрестныхъ племенъ и Козаръ. Если мы удалимъ отрывокъ, гдѣ сообщается о первомъ нападеніи Руси, и удалимъ еще фразу «бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани», которая также носитъ явные слѣды вставки [3]), то тогда только получимъ связный разсказъ о древнѣйшихъ судьбахъ Кіева. Можетъ ли быть сомнѣніе, что этотъ связный разсказъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе первоначальнымъ?

[1]) На самомъ дѣлѣ первымъ годомъ царствованія Михаила съ Θеодорой былъ 6350, а первымъ годомъ единовластія Михаила былъ 6364.

[2]) Ошибочно вмѣсто Θеодора подъ вліяніемъ предыдущаго, гдѣ хронографъ говоритъ объ Иринѣ, матери Константина VI.

[3]) Ср. подобную фразу въ Рѣчи философа: „ови рощениемъ, кладяземъ и рѣкамъ жряху“.

Итакъ, составитель Начальнаго свода имѣлъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ связный разсказъ о древнѣйшихъ судьбахъ Кіева.

§ 69. Второй годъ, читающійся въ Начальномъ сводѣ,—это 6428. Подъ нимъ мы читаемъ сообщеніе о неудачномъ походѣ Игоря на Грековъ и подъ Царьградъ, гдѣ въ то время царствовалъ Романъ. И названіе года и самое сообщеніе оказываются заимствованными изъ того же хронографа, откуда взяты 6362-й годъ и сообщеніе о первомъ нападеніи Руси. Ср. въ этомъ хронографѣ: «По Констянтинѣ же царствова Романъ, поставленъ царемь и Николою патріархомъ в лѣто 6428; іюня же мѣсяца 10 день приплуша Русь на Коньстянтинъ градъ», и т. д. [1]). Итакъ, изъ хронографа составитель Начальнаго свода узналъ о пораженіи Руси. Но ниже мы читаемъ у него о блестящемъ походѣ Олега и объ обложеніи имъ Грековъ данью. Надо было согласовать оба извѣстія, ведущія, очевидно, къ двумъ разнымъ источникамъ. Согласовать ихъ было всего проще, установивъ между ними извѣстную послѣдовательность: сначала было пораженіе, потомъ побѣда. Пораженіе изложено подъ 6428; побѣду можно изложить подъ 6430 годомъ, предполагая, что промежуточный 6429 годъ пошелъ на сборы. Для этого въ концѣ сообщенія 6428 года составитель свода приписываетъ: «том же лѣтѣ препочиша и другое, на третьее идоша». Для этого же онъ сочиняетъ статью 6429 года: «В лѣто 6429. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и Варягы, и Полянѣ, и Словенѣ, и Кривичи, и корабля многы бещисленыи». Подъ слѣдующимъ 6430 годомъ разсказанъ походъ Олега. Итакъ, составитель Начальнаго свода имѣлъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ сообщеніе о побѣдѣ Олега надъ Греками, которое онъ указаннымъ выше путемъ согласовалъ съ греческимъ по происхожденію сообщеніемъ о пораженіи Руси Греками.

§ 70. Подъ тѣмъ же 6430 годомъ находимъ въ Новгор. 1-й лѣтописи младш. извода разсказъ о смерти Олега, далѣе сообщеніе о походахъ Игоря и его новаго воеводы Свѣнельда (ибо На-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, по ясному свидѣтельству продолжателя Амартола, нападеніе Руси имѣло мѣсто въ 6449 году. Это понялъ пользовавшійся непосредственно Амартоломъ составитель Повѣсти вр. лѣтъ.

чальный сводъ называлъ Олега не княземъ, а Игоревымъ воеводою). Статья 6430 года оканчивается словами «и дасть же дань Деревьскую Свѣнделду [1]), и имаша по чернѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: се далъ еси единому мужеви много». Естественное продолженіе этихъ словъ, конецъ рѣчи Игоревой дружины, находимъ гораздо ниже, подъ 6453 годомъ: «отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружиемь и порты, а мы нази». Совершенно ясно, что нѣкогда разсказъ, читающійся въ концѣ статьи 6430 года, и разсказъ статьи 6453 года составляли одно цѣлое. Слѣдовательно, все стоящее между обѣими половинами рѣчи Игоревой дружины должно быть признано вставкой: прежде всего фраза: «по семъ скажемъ о приключившихся въ лѣтѣхъ сихъ», далѣе рядъ пустыхъ годовъ, 6431—6447, затѣмъ сообщеніе 6448 г. (повторяющее то, о чемъ говорилось выше, въ концѣ статьи 6430 г.), далѣе пустой 6449 годъ, затѣмъ сообщеніе 6450 г. (гдѣ также повторено разсказанное раньше), далѣе пустые годы 6450—6452, наконецъ слова: «Въ лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игореви». Несомнѣнно, что всего этого не было въ Древнѣйшемъ сводѣ. Несомнѣнно также, что многое изъ того, что мы находимъ теперь въ Новг. 1-й, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читалось и въ Нач. сводѣ. Но отожествить текстъ Новг. 1-й съ текстомъ Нач. свода мы не можемъ по нижеизложеннымъ соображеніямъ.

§ 70¹. Интересующее насъ мѣсто Новг. 1-й лѣтописи заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что первоначальный текстъ его, текстъ Древн. свода, не можетъ быть возстановленъ простымъ исключеніемъ хронологическихъ опредѣленій (ряда пустыхъ годовъ), а также краткихъ сообщеній подъ 6448 и 6450 гг. изъ текста лѣтописи. Отмѣчаемъ прежде всего, что Повѣсть вр. лѣтъ доказываетъ, что текстъ Новг. 1-й лѣтописи въ изслѣдуемомъ мѣстѣ не былъ тождественъ съ текстомъ Начальнаго свода. Дѣйствительно, въ Начальномъ сводѣ, въ указанномъ мѣстѣ передъ разсказомъ о походѣ Игоря за Деревскою данью читалась фраза: «Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ.

[1]) Нѣсколькими строками выше сказано, что Свѣнельду была отдана дань, возложенная на Угличей.

И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань». Фраза эта сохранилась въ Повѣсти вр. лѣтъ; мы имѣемъ ясныя указанія на то, что она читалась и въ Начальномъ сводѣ. Дѣло въ томъ, что первая часть приведенной фразы читается еще въ другомъ мѣстѣ Повѣсти вр. лѣтъ, а именно за сообщеніемъ о заключеніи Олегомъ мира съ Греками: «И живяше Олегъ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой» и т. д. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ сущности мы имѣемъ передъ собою одну фразу, дважды повторенную; ей умѣстно быть именно передъ походомъ Игоря за данью, ибо дань собиралась осенью (осеннее полюдье) [1]). Гдѣ же, въ какомъ памятникѣ читалась эта одна фраза и почему въ Повѣсти вр. л. она удвоилась? Допустивъ, что фраза эта, и притомъ въ томъ ея видѣ, какъ она читается передъ походомъ Игоря, находилась въ Начальномъ сводѣ, изъ котораго произошла Повѣсть вр. лѣтъ, для насъ выяснится и судьба ея въ Повѣсти вр. лѣтъ. Во-первыхъ, отмѣчаемъ, что удвоеніе ея въ Повѣсти вр. лѣтъ доказываетъ, что составитель Повѣсти, найдя ее въ своемъ основномъ источникѣ и отнеся ее не къ Игорю, а къ Олегу, обратился уже къ инымъ источникамъ, и вернулся къ основному своему источнику только тамъ, гдѣ повторилъ приведенную фразу, оставивъ ее на этотъ разъ въ томъ самомъ соединеніи, въ какомъ она находилась въ основномъ источникѣ. Отсюда слѣдуетъ, что весь текстъ отъ словъ «и помяну Олегъ конь свой» и до этой во второй разъ повторенной фразы восходитъ въ Повѣсти вр. лѣтъ не къ основному источнику (Начальному своду), а къ другимъ вспомогательнымъ источникамъ; дѣйствительно, это заключеніе оправдывается при ближайшемъ разсмотрѣніи соотвѣтствующаго текста, ибо мы находимъ здѣсь: а) народное сказаніе, несомнѣнно неизвѣстное составителю Начальнаго свода (о смерти Олега въ Кіевѣ отъ укуса змѣи), б) заимствованія изъ Амартола, также неизвѣстнаго составителю Нач. свода, в) договоръ Игоря съ Греками (Нач. сводъ не знаетъ ни одного договора) [2]). Во-вторыхъ, удвоеніе приведенной фразы путемъ от-

---

[1]) Ср. объ осеннемъ полюдьи у Константина Багрянороднаго.

[2]) Фразы „Поча княжити Игорь по Олзѣ“, „И Деревляне затворишася

несенія ея сначала къ Олегу, а потомъ къ Игорю вполнѣ согласно съ общимъ характеромъ разсказовъ Повѣсти вр. лѣтъ объ Игорѣ и Олегѣ: Повѣсти вр. лѣтъ пришлось въ рядѣ случаевъ отнести къ Олегу то, что Нач. сводъ приписывалъ Игорю, и вообще дать двухъ князей—Олега и Игоря вмѣсто одного Игоря и воеводы его Олега (см. объ этомъ ниже).

Итакъ, фраза «Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ. И приспѣ осень» читалась въ Начальномъ сводѣ. Новгородская 1-я лѣтопись младш. извода, не имѣющая ея, отступила, очевидно, отъ текста Начальнаго свода. Отступленіе это, какъ можно думать, стояло въ связи съ тѣмъ, что Новгородская 1-я младш. извода составлена не по одному Нач. своду: въ основаніи ея лежитъ Соф. временникъ, дополнявшій текстъ Нач. свода по тексту протографа Синод. списка, т. е. Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода (ср. ниже); кромѣ того, самый текстъ Софійскаго временника мѣстами дополненъ въ Новгор. 1-й по своду 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й), какъ будетъ указано ниже.

§ 70². Въ виду этого и принимая во вниманіе данныя Повѣсти вр. лѣтъ, предполагаю, что текстъ Начальнаго свода долженъ быть возстановленъ въ интересующемъ насъ мѣстѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Послѣ сообщенія о смерти Олега, изложеннаго такъ же, какъ въ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода, читалось:

Игорь же сѣдяше Кыевѣ княжа [1]) и поча воевати на Деревляны и на Угличѣ и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чьрнѣ кунѣ [2]). Въ лѣто 6431. Въ лѣто 6432... въ лѣто 6447. Въ лѣто 6448. В се лѣто яшася Угличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ

отъ Игоря по Олговѣ смерти", „Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ à, и возложи на ня дань болши Олговы", „а Игорь воеваше на Печенѣги" представляются сочиненными составителемъ Повѣсти вр. л. Статья 6452 о несостоявшемся походѣ Игоря на Грековъ представляется также сочиненною: надо было противопоставить пораженію 6649 г. (ставшему извѣстнымъ по Амартолу) послѣдующій успѣхъ Игоря, его месть Грекамъ; Греки, узнавъ о движеніи Игоря, умилостивляютъ его данью и дарами.

[1]) Слова „Игорь... княжа" изъ Новг. 1-й.

[2]) Слова „поча воевати... по чернѣ кунѣ" изъ Пов. вр. л. (6391 годъ), гдѣ они отнесены къ Олегу; слова „на Угличѣ" вставлены изъ Новг. 1-й.

бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнеjду. Въ лѣто 6449. Въ лѣто 6450. Въдасть дань Деревьскую Свѣнеjду тому же. Въ лѣто 6451. Въ лѣто 6452. Въ лѣто 6453 [1]). И живяше Игорь, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, къняжа Кыевѣ. И приспѣ осень [2]), и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань [3]). В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружьемь и пърты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, [4]) и т. д.

§ 70[3]. Посмотримъ теперь, какъ переданъ этотъ возстановленный нами отрывокъ Нач. свода сначала въ Повѣсти вр. лѣтъ, а потомъ въ Новгор. 1-й.

Повѣсть вр. лѣтъ первыми словами не воспользовалась совсѣмъ. Слова «и поча воевати на Деревляны. . . по чернѣ кунѣ» перенесла подъ 6391 годъ, выпустивъ однако «на Угличѣ», и отнесла ихъ къ Олегу, въ силу общаго перенесенія событій Игорева княженія на Олегово; это не помѣшало составителю Повѣсти вр. л. использовать еще разъ это извѣстіе послѣ сообщенія о смерти Олега и извѣстія имъ сочиненнаго: «поча княжити Игорь по Олзѣ»; мы читаемъ именно подъ 6421: «И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти», а подъ 6422: «Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ я, и возложи на ня дань болши Олговы». Дальнѣйшее Повѣстью вр. лѣтъ опущено, быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ вставки изъ Амартола разсказа о походѣ Игоря на Грековъ, который пришелся бы некстати между извѣстіями о даняхъ съ Угличей и съ Древлянъ, уступленныхъ Игоремъ Свѣнельду. Зато фразой «И живяше Игорь, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, къняжа Кыевѣ. И приспѣ осень» составитель Повѣсти вр. лѣтъ воспользовался, сначала отнеся ее къ Олегу и помѣстивъ ее непосредственно передъ смертью Олега; потомъ онъ использовалъ

---

[1]) Слова „Въ лѣто 6431... Въ лѣто 6453" изъ Новг. 1-й.

[2]) „И живяше Игорь... и приспѣ осень" изъ Пов. вр. лѣтъ (6420 годъ), гдѣ вмѣсто Игоря Олегъ.

[3]) Слова „и нача мыслити... большюю дань" изъ Пов. вр. л. (6453 г.).

[4]) Слова „В се же лѣто рекоша... И послуша ихъ Игорь" изъ Новг. 1-й и изъ Пов. вр. л.

ее ниже, слегка видоизмѣнивъ [1]) и отнеся къ Игорю: это зависѣло отъ того, что по основному своему источнику составителю Повѣсти вр. лѣтъ ничего не оставалось сказать объ Игоревомъ княженіи, въ виду перенесенія всѣхъ событій Игорева княженіи на Олегово; слѣдуя основному источнику, за смертью Олега пришлось бы тотчасъ же сказать о смерти Игоря; на Олега перенесены не только всѣ событія Игорева княженія, но и та фраза, которая предшествовала разсказу о смерти Игоревой. Дальнѣйшее сохранено составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ, который, однако, счелъ нужнымъ передъ словами «В се же лѣто» вставить «Въ лѣто 6453», исключенное имъ нѣсколькими строками выше [2]).

§ 70[4]. Новгородская 1-я младшаго извода слѣдуетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Соф. временнику. Не думаю, чтобы она отличалась здѣсь отъ Соф. временника, дополняя его текстъ по своду 1448 года (см. выше). Какъ же отнесся къ тексту статьи Начальнаго свода составитель Соф. временника?

Вмѣсто краткаго сообщенія Начальнаго свода, читаемъ слѣдующую статью: «Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода именемь Свѣнделдъ и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣньделду. И не вдадяшется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдяще Угличѣ по Днѣпру внизъ, и посемъ преидоша межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо; и дасть же дань Деревьскую Свѣнделду; и имаша по чернѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: «се далъ еси единому мужеви много». По семъ скажемъ о приключившихся въ лѣтѣхъ сихъ».—Далѣе Новгор. 1-я слѣдуетъ за Начальнымъ сводомъ, но опускаетъ слова «И живяше Игорь миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, княжа въ Кыевѣ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань». Какъ понять эти отступленія Соф. временника отъ текста Начальнаго свода?

Отмѣтимъ прежде всего повторенія въ Соф. временникѣ: два

---

[1]) „Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень“.

[2]) Вставка эта излишняя, ибо и предшествующая статья помѣчена 6453 годомъ.

раза сообщено о возложеніи дани на Угличей, взятіи Пересѣчена и уступкѣ дани Свѣнельду, два раза сообщено объ уступкѣ Деревской дани тому же Свѣнельду. Совершенно ясно, что Соф. временникъ имѣлъ дѣло съ двумя источниками, повѣствовавшими (хотя и различно) объ одныхъ и тѣхъ же событіяхъ. Далѣе видимъ въ Соф. временникѣ явную порчу текста, едва ли не указывающую на перестановку отдѣльныхъ фразъ обоихъ источниковъ: неясно грамматически, кто примучилъ Угличей—Свѣнельдъ или Игорь, тогда какъ по существу очевидно, что Игорь; неясно, почему сначала сказано о томъ, что Игорь примучилъ Угличей, возложилъ на нихъ дань и далъ ее Свѣнельду, а уже потомъ сообщено о продолжительной осадѣ Пересѣчена; неясно, какъ была добыта Деревская дань, ибо выше о побѣдѣ надъ Древлянами не сообщено. Наконецъ, любопытно отмѣтить указанный выше пропускъ фразы: «миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ. И присъпѣ осень»: не стоитъ ли онъ въ связи опять таки съ вліяніемъ на Соф. временникъ другого источника?

§ 70[5]. Вторымъ источникомъ Соф. временника былъ протографъ Синод. списка. Забѣгая нѣсколько впередъ, сообщаемъ здѣсь тотъ выводъ, къ которому мы пришли ниже относительно состава Синод. списка въ утраченной имъ части: Синод. списокъ представлялъ соединеніе текста Повѣсти вр. лѣтъ съ текстомъ древней Новгородской лѣтописи. Составитель Соф. временника распространилъ свой разсказъ объ Игорѣ по протографу Синод. списка, а этотъ послѣдній заимствовалъ то, чего нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, изъ древней Новгородской лѣтописи. Какъ же былъ изложенъ въ этой древней Новгородской лѣтописи интересующее насъ мѣсто, повліявшее на текстъ Соф. временника? Нижеслѣдующее изслѣдованіе покажетъ, что древняя Новгородская лѣтопись въ общемъ повторяла Древнѣйшій кіевскій сводъ, слѣдовательно, въ общемъ сходствовала съ Нач. сводомъ. Думаю поэтому, что мы вправѣ предположить, что въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ имѣлись нѣкоторыя фразы, общія съ Нач. сводомъ (см. возстановленный выше отрывокъ его). Предполагаю, что въ протографѣ Синод. списка, а также въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ и далѣе въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ, послѣ сообщенія о смерти Олега, читалось:

Игорь же сѣдяше Кыевѣ къняжа... И бѣ у него воевода именьмь Свѣнелдъ. И иде Игорь на Древляны и, побѣдивъ я, възложи на ня дань. И иде на Угличѣ и не въдадяшеться единъ градъ, именьмь Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва възя и. Бѣша же сѣдяще Угличи по Дънѣпру вънизъ, и посемь преидоша межи Богъ и Дънѣстръ и сѣдоша тамо. И примучи Угличѣ и възложи на ня дань и въдасть Свѣнелду; и дасть же дань Деревьскую Свѣнелду; и имаше по чьрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: «се далъ еси единому мужеви мъного; отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружиемь и пърты, а мы нази; да поиди, къняже, съ нами въ дань, и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, и т. д.

§ 70[б]. Какъ же комбинировалъ оба свои предполагаемые источники составитель Соф. временника?

Выписавъ изъ Начальнаго свода фразу «Игорь же сѣдяше Кыевѣ княжа», онъ послѣдующее сообщеніе его сократилъ въ словахъ «и воюя на Древяны и на Угличѣ», имѣя въ виду, что второй источникъ—протографъ Синод. списка подробнѣе говорилъ объ этихъ войнахъ. Затѣмъ онъ перешелъ ко второму своему источнику и началъ его списывать со словъ «И бѣ у него воевода именьмь Свѣнелдъ». Имѣя въ виду, что имъ уже сказано о походахъ Игоря на Древлянъ и Угличей, составитель Соф. временника перешелъ сразу къ изложенію результата побѣдъ Игоревыхъ: «и примучи Угличѣ и възложи на ня дань и въдасть Свѣнелду» (см. это въ протографѣ Синод. списка ниже). Замѣтивъ, что при этомъ опущенъ эпизодъ съ Пересѣченомъ, онъ началъ списывать свой источникъ выше, со словъ «И не вдадяшеться», причемъ уже не повторилъ выхваченной раньше изъ него фразы. Списавъ, наконецъ, начало рѣчи Игоревой дружины и замѣтивъ, что продолженіе ея отыскивается ниже, составитель Соф. вр., послѣ словъ «се далъ еси единому мужеви много», вставилъ переходную фразу «Посемь скажемъ о приключившихся въ лѣтѣхъ сихъ» и сталъ списывать изъ Начальнаго свода рядъ пустыхъ годовъ, а также сообщенія подъ 6448 и 6450. Дойдя до статьи 6453, онъ выпустилъ фразу «И живяше Игорь... большюю дань» по тому самому, что увидѣлъ несоотвѣтствіе словъ «и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити

большюю дань» съ послѣдующимъ разсказомъ, гдѣ Игорь идетъ на Древлянъ по требованію своей дружины и не для того, чтобы примыслить большую дань, а для того, чтобы дать дружинѣ возможность поживиться этой данью.

§ 70[7]. Сравнивая оба разсказа—разсказъ Начальнаго свода и разсказъ древняго Новгородскаго свода, ставимъ себѣ вопросъ: который же изъ обоихъ разсказовъ древнѣе? Отвѣтъ, конечно, ясенъ: болѣе древній разсказъ сохранился въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ; онъ полнѣе разсказа Начальнаго свода, онъ последовательнѣе его, онъ тѣснѣе связанъ съ послѣдующимъ, т.-е. съ сообщеніемъ о ропотѣ Игоревой дружины, приведшемъ къ трагической развязкѣ. Чѣмъ же вызваны отличія разсказа Начальнаго свода отъ разсказа Древняго кіевскаго свода, точно переданнаго въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ? Прежде всего вставкой хронологической сѣти. Составитель Нач. свода отнесъ вступленіе Игоря на столъ и его войны съ Древлянами и Угличами къ 6430 году; между тѣмъ смерть Игоря отнесена была имъ (подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ данныхъ, см. ниже, § 71) къ 6453. Чтобы заполнить длинный рядъ годовъ, онъ разбилъ разсказъ своего источника на три года: сказавъ подъ 6430 въ общемъ о покореніи Древлянъ и Угличей, онъ подъ 6448 повторилъ еще разъ о покореніи Угличей, взятіи Пересѣчена и уступкѣ Угличской дани Свѣнельду, а подъ 6450 онъ сообщилъ объ уступкѣ Деревской дани тому же Свѣнельду. Дойдя, наконецъ, до 6453 года и видя себя вынужденнымъ разсказать о походѣ Игоря на покоренныхъ имъ Древлянъ, составитель Начальнаго свода, утратившій, благодаря передѣлкамъ текста основного своего источника, твердую почву для объясненія этого Игорева похода, придумалъ для него свое объясненіе: «и приспѣ осень и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань». Послѣ того онъ началъ опять списываніе своего источника и привелъ изъ него часть (конецъ) рѣчи дружины Игоревой, изъ которой можно заключить, что составитель Нач. свода поспѣшилъ со своимъ объясненіемъ Игорева похода, упустивъ изъ виду, что подходящее объясненіе было дано въ его источникѣ, источникѣ Нач. свода—въ Древн. кіевскомъ сводѣ.

§ 71. Ставимъ себѣ новый вопросъ. Какое могло быть у со-

ставителя Начальнаго свода основаніе отнести смерть Игоря къ 6453 году? Отмѣтимъ, что начало Святославова княженія онъ отнесъ къ 6454, слѣдующій за тѣмъ 6455 годъ заполнилъ разсказомъ о поѣздкѣ Ольги къ Новгороду и Пскову; годы же 6456—6462 оставлены пустыми; подъ 6463 находимъ разсказъ о крещеніи Ольги; годы 6464—6471 оставлены пустыми. Такимъ образомъ, послѣ двухъ извлеченныхъ изъ греческаго источника годовъ, 6362 и 6428, и двухъ присочиненныхъ къ послѣднему годовъ, 6429 и 6430, оказывается рядъ пустыхъ годовъ: 6431—6471, онъ прерывается только двумя указаніями—на 6453—6455 гг., гдѣ говорится о смерти Игоря и первыхъ годахъ княженія Святослава и Ольги, и на 6463, гдѣ сообщается о крещеніи Ольги. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, откуда могъ быть извлеченъ годъ крещенія Ольги, перехожу къ вопросу о 6453 годѣ.

Думаю, что составитель Начальнаго свода, поставленный въ затрудненіе относительно того, какъ опредѣлить годъ Игоревой смерти и начало княженія Святослава, обратился и здѣсь къ источнику, давшему ему возможность установить двѣ предыдущія даты, 6362 и 6428 годы, а именно къ хронографу. Въ этомъ хронографѣ подъ 6453-мъ годомъ сообщалось о сведеніи Романа съ царства; но Романъ признанъ составителемъ Начальнаго свода за современника Игоря. Конецъ царства Романова принятъ имъ за конецъ княженія Игоря. Что до 6454 и 6455 годовъ, то признаю ихъ присочиненными къ извлеченному изъ греческаго источника 6453-му году, какъ выше присочинены 6429 и 6430 годы къ 6428-му, извлеченному изъ того же источника.

Итакъ, мы получаемъ основаніе утверждать, что въ Древнѣйшемъ сводѣ разсказъ о началѣ Русской земли, объ Игорѣ и Олегѣ, о смерти Игоря и о княженіи Святослава не былъ разбитъ на годы.

2.

§ 72. Послѣ убіенія Игоря въ Начальномъ сводѣ читалось: «Ольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, тъ же отьць Мьстишинъ». Послѣ этого указанія мы ожидали бы такого

продолженія, гдѣ бы выступили всѣ названныя четыре лица; между тѣмъ разсказчикъ переходитъ къ изложенію мести Ольги, начинающемуся съ присылки къ ней Древлянами посольства. Ожидаемое же нами продолженіе видимъ ниже; а именно послѣ заглавія «Начало княженья Святославля» читаемъ: «В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры и иде на Деревьскую землю. И изидоша Деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома наскупь, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмудъ: князь уже почалъ; потягнѣмъ, дружино, и мы по князи. И побѣдиша Древляны и возложиша на ня дань тяжку». Думаю, что оба приведенные отрывка читались нѣкогда въ связи, причемъ второй отрывокъ не содержалъ названія года и въ началѣ былъ изложенъ нѣсколько иначе (быть можетъ: «и собраша вои многы и храбры и идоша на Деревьскую землю»). Основанія для такого предположенія, кромѣ уже указанной внутренней связи между обоими отрывками, слѣдующія. Во-первыхъ, допустивъ, что заглавіе «Начало княженья Святославля» издавна отдѣлено отъ приведеннаго выше сообщенія, естественно помѣщеннаго послѣ разсказа объ убіеніи Игоря, намъ пришлось бы думать, что лѣтописецъ считалъ моментомъ вступленія Святослава на столъ не смерть Игоря, а слѣдующій затѣмъ годъ, причемъ месть Ольги относилась имъ ко времени какого-то междукняжья. Во-вторыхъ, походъ противъ Древлянъ не согласованъ съ сообщеніемъ объ избіеніи Древлянъ (въ числѣ 5000 на тризнѣ, совершенной у Игоревой могилы); правда, лѣтописецъ указываетъ, что Ольга двинулась въ походъ противъ оставшихся Древлянъ, для того чтобы добить ихъ («и исъсѣкоша ихъ 5000; а Олга възвратися в Киевъ и пристрои вои на прокъ ихъ»), но объясненіе это явно натянуто и устанавливаетъ лишь внѣшнюю связь между избіеніемъ Древлянъ и походомъ противъ нихъ. Въ-третьихъ, сравненіе Начальнаго свода съ Повѣстью вр. лѣтъ показываетъ, что разсказъ о четвертой мести Ольги вставленъ составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ. Приведенныя выше слова «И побѣдиша Деревляны и возложиша на ня дань тяжку» разбиты; послѣ «И побѣдиша Деревляны» составитель Повѣсти вр. лѣтъ вставилъ раз-

сказъ о сожженіи Искоростеня, посредствомъ выданныхъ въ качествѣ дани воробьевъ и голубей, и началъ его переходной фразой: «Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ». Если такимъ образомъ позднѣйшій сводчикъ распространилъ свой трудъ вставкой о четвертой мести Ольги, мы можемъ съ вѣроятностью утверждать, что предшествующій ему сводчикъ распространилъ свой трудъ разсказомъ о первыхъ трехъ местяхъ Ольги, разъ имѣемъ другія основанія для признанія этого разсказа вставнымъ.

§ 73. Разсказъ о походѣ Ольги съ Святославомъ и дружиной на Древлянъ оканчивается словами «и възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ». Итакъ, Святославъ, по представленію лѣтописца, сидитъ въ Кіевѣ, а Ольга въ Вышегородѣ; землей правитъ, очевидно, Святославъ. Это согласовано съ приведеннымъ выше заглавіемъ «Начало княженья Святославля», но не согласуется съ дальнѣйшимъ извѣстіемъ, по которому Ольга идетъ въ Новгородъ и уставляетъ тамъ по Мстѣ и Лугѣ погосты, дани и оброки. Ольга выступаетъ здѣсь единолично, и это тѣмъ неожиданнѣе, что выше подобныя же дѣйствія въ Деревской землѣ приписаны Ольгѣ въ согласіи со Святославомъ и дружиною: «И иде Ольга по Деревстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки, и суть становища еѣ и ловища». Я думаю, что только что приведенное сообщеніе принадлежитъ одному источнику — а именно Древнѣйшему своду, а сообщеніе о поѣздкѣ въ Новгородскую область, включая въ нее и Псковъ, другому—а именно Новгородскому своду, бывшему, какъ увидимъ, въ распоряженіи составителя Начальнаго свода. Такое заключеніе приводитъ къ необходимости признать слова «И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино», которыя читаемъ въ концѣ статьи 6454 года, вставкой составителя Начальнаго свода: они, во-первыхъ, не согласованы съ предыдущимъ, гдѣ городомъ Ольгинымъ названъ не Кіевъ, а Вышегородъ, а во-вторыхъ, обнаруживаютъ явное сочинительство, ибо лѣтописцу не откуда было узнать, что поѣздка Ольги состоялась въ 6455 году, а слѣдовательно, что она пробыла въ Кіевѣ послѣ похода Древлянскаго «лѣто едино».

Признавъ сообщеніе о поѣздкѣ Ольги въ Новгородскую область заимствованнымъ изъ Новгородскаго свода, мы должны видѣть въ окончаніи статьи 6455 года, въ словахъ «и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ», продолженіе прерваннаго вставкой текста Древн. свода. Дѣйствительно, указаніе на ближайшія къ Кіеву мѣста, связанныя преданіемъ съ Ольгой, естественно было сдѣлать кіевлянину—составителю Древн. свода. Замѣтимъ, что слова эти не согласованы грамматически съ предшествующимъ текстомъ, оканчивающимся словами «и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне»; отсюда видно, что сообщеніе о слѣдахъ дѣятельности Ольги на сѣверѣ построено по образцу сообщенія о дѣятельности ея на югѣ: указано тоже двѣ рѣки, а въ соотвѣтствіи со словами «и есть село ее Ольжичи и доселѣ» сообщено о саняхъ Ольги, находящихся тамъ до сего дне. Фраза, слѣдующая затѣмъ: «И изрядивши, възвратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ в любви» настолько искусственна, что признаніе ея вставкой не нуждается въ доказательствахъ; слова «и пребываше съ нимъ въ любви» ср. съ приведенной выше вставкой «и пребывши лѣто едино».

§ 74. Послѣ перерыва въ семь годовъ читаемъ въ Начальномъ сводѣ подъ 6463 годомъ о крещеніи Ольги въ Царьградѣ. Трудно усомниться въ томъ, чтобы объ этомъ событіи не зналъ составитель Древнѣйшаго свода; поэтому весьма вѣроятно, что и самый разсказъ о крещеніи былъ изложенъ въ этомъ сводѣ. Но изъ такого заключенія еще не слѣдуетъ, конечно, что разсказъ Древнѣйшаго свода былъ тождественъ съ разсказомъ Начальнаго свода. Въ этомъ послѣднемъ переплетены, съ одной стороны, духовные, церковные элементы, съ другой—сказочные, народные. Сказочные элементы проглядываютъ въ отношеніи Ольги къ царю, духовные—въ отношеніи ея къ патріарху. Нельзя допустить, чтобы предложеніе, сдѣланное Ольгѣ царемъ взять ее себѣ въ жены, хитрость Ольги, отклонившей это предложеніе, и эпизодъ съ посольствомъ отъ царя, прибывшимъ въ Кіевъ послѣ крещенія Ольги,— чтобы все это было составлено тѣмъ самымъ лицомъ, что сочинило рѣчь патріарха къ Ольгѣ и похвалу ей. Я признаю вѣроятнымъ, что въ распоряженіи составителя Начальнаго свода былъ разсказъ Древнѣйшаго свода, содержавшій

исключительно духовные элементы дошедшаго до насъ сказанія; въ немъ упоминалось о царѣ мимоходомъ. Ольга, прибывъ въ Царь-градъ, крестится отъ царя и патріарха. «Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ... Благослови ю патриархъ и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху... приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ»... «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ... кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его». Этотъ разсказъ составитель Начальнаго свода дополнилъ тремя вставками [1]). Первая начинается словами «и приде к нему (къ царю) Ольга»; въ ней разсказывается о предложеніи царя и о требованіи Ольги, чтобы онъ крестилъ ее самъ: думаю, что благочестивый составитель первоначальнаго сказанія не могъ приписать ни Ольгѣ подобнаго требованія («аще ли ни, то не крещюся»), ни царю подобнаго предложенія. Вторая вставка начинается послѣ подчеркнутыхъ выше словъ «и отпусти ю» словами: «И по крещеньи возва ю царь и рече ей». Царь повторяетъ свое предложеніе; Ольга отвѣчаетъ ссылкой на то, что она его крестная дочь; царь отпускаетъ ее съ дарами. Третья вставка, которая помѣщена послѣ похвалы Ольгѣ («приходящаго ко мнѣ не изжну вонъ»), разсказываетъ о прибытіи посольства отъ царя въ Кіевъ; вставка начинается словами: «Си же Ольга приде Киеву»; но о прибытіи въ Кіевъ Ольги сказано было уже выше («и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву»). Рѣчь пословъ къ Ольгѣ и отвѣтъ, данный Ольгой посламъ, содержатъ указаніе на такія обстоятельства, о которыхъ умалчиваетъ предшествующій разсказъ: во-первыхъ, послы отъ имени царя требуютъ исполненія даннаго Ольгой обѣщанія прислать ему дары и вспомогательное войско; во-вторыхъ, Ольга въ отвѣтѣ посламъ, отказывая имъ отъ исполненія своего обѣщанія, требуетъ, чтобы царь постоялъ у ней въ Почайнѣ столько времени, сколько она стояла въ Суду (гавани Константинопольской). Ни объ обѣщаніи Ольги, ни о продолжительномъ стояніи ея въ Суду

---

[1]) Ниже увидимъ еще вставку въ похвалѣ Ольгѣ: „Се же бысть якоже при Соломонѣ приде царица Ефиопьская... приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ“.

выше не говорилось. Думаю, что, вписывая эту послѣднюю вставку въ статью о крещеніи Ольги, составитель Начальнаго свода зналъ то, чего не передалъ намъ, т.-е. зналъ, на что намекаетъ Ольга въ своемъ отвѣтѣ, и зналъ о томъ, что Ольга, получая дары отъ царя, обѣщала отдарить его по возвращеніи своемъ въ Русь. Онъ могъ знать объ этомъ изъ особой легенды о крещеніи Ольги, легенды передававшей это событіе со сказочными подробностями, едва ли не сводившимися по существу своему къ продолжительной осадѣ Ольгой Царяграда, который спасся тѣмъ, что греческій царь сталъ ея воспріемникомъ у купели. Подобныя легенды извѣстны изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ XVI—XVII вв. Ср. извѣстныя повѣсти о добываніи Ольгой Царяграда, о сожженіи ею города при помощи голубей и воробьевъ, послѣ чего цари Михаилъ и Константинъ убѣждаютъ Ольгу креститься (напр. у Ѳ. А. Гилярова, Преданія русской нач. лѣтописи, с. 250—251, 252—254). Конечно, подобныя легенды объ Ольгѣ явились, съ одной стороны, отголоскомъ историческихъ пѣсенъ и преданій о походахъ на Царьградъ русскихъ князей, а съ другой, легенды о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ. Въ одной краткой лѣтописи, восходящей къ XV в., сообщается, что Ольга приняла крещеніе въ Корсунѣ, побѣдивъ царя Михаила и искоренивъ Литву: смѣшеніе Ольги съ Владиміромъ здѣсь уже очевидно. Съ полнымъ основаніемъ можно думать, что легенда о добываніи Ольгой крещенія въ Константинополѣ сложилась очень давно; отрывки этой легенды и вошли въ статью о крещеніи Ольги по Начальному своду. Ставъ на указанную точку зрѣнія и признавъ приведенные выше отрывки заимствованными изъ легенды, мы необходимо должны возвести статью о крещеніи Ольги по Начальному своду къ двумъ источникамъ: къ источнику, такъ сказать, церковнаго происхожденія, съ одной стороны, къ источнику народному,—съ другой. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что народныя преданія о мести Ольги Древлянамъ внесены въ лѣтопись составителемъ Начальнаго свода. Слѣдовательно, внесеніе въ лѣтопись преданія о о добываніи Ольгой крещенія мы съ вѣроятностью можемъ приписать тому же составителю Начальнаго свода. А отсюда слѣдуетъ, что въ Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ находилась «церковная» повѣсть о крещеніи Ольги.

§ 74[1]. Въ разсказѣ о крещеніи Ольги находимъ еще явныя вставки. Послѣ словъ «и приде Кыеву» читается длинный отрывокъ, содержащій сравненіе Ольги съ царицей Еѳіопской и нѣсколько благочестивыхъ размышленій; за этимъ отрывкомъ повторено «Си же Ольга приде Киеву» (при чемъ въ Радз., Ипат. прибавлено: «и якоже рѣхомъ» или «рькохомъ», а въ Комм.: «и якоже о ней вънредъ рекохомъ»). Это повтореніе доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что мы имѣемъ дѣло со вставкой. То же доказывается и тѣмъ, что сравненіе Ольги съ царицей Еѳіопской не особенно умѣстно послѣ сообщенія о возвращеніи ея въ Кіевъ. Отмѣчу еще, что въ этой вставкѣ имѣются заимствованія изъ паримейника: Притч. I, 20 — 22, Притч. XIII, 20, Притч. II, 2 и Притч. VIII, 17; а, повидимому, именно составитель Нач. св. нерѣдко прибѣгалъ къ этому источнику (ср. § 114[1]).

§ 75. Въ тѣсной связи съ этой церковной повѣстью стоитъ разсказъ о кончинѣ Ольги, читаемый подъ 6477 годомъ. Оставляемъ пока въ сторонѣ начало разсказа, гдѣ Святославъ говоритъ матери и боярамъ о своемъ желаніи вернуться въ Переяславецъ. Ольга уговорила его остаться въ виду своей болѣзни: «погребъ мя,—говоритъ она,—иди яможе хощеши». Черезъ три дня Ольга умерла. «И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, несоша и погребоша ю на мѣстѣ». Непосредственно за этимъ читаемъ: «и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу». Далѣе слѣдуетъ похвала Ольгѣ. Итакъ, сначала говорится, что Ольгу погребли всенародно, а затѣмъ сообщается, что ее похоронилъ презвутеръ Ольгинъ; важно отмѣтить, что въ Новгор. 1-й и Соф. 1-й читается: «бѣ бо имущи презвутера втайнѣ». Съ увѣренностью возводимъ это чтеніе къ Начальному своду. Утверждаемъ поэтому, что Начальный сводъ въ статьѣ о кончинѣ Ольги содержалъ вопіющее противорѣчіе: всенародное погребеніе предшествуетъ тайному погребенію, совершенному священникомъ. Отсюда заключаемъ, что и въ этой статьѣ надо различать два источника: народный, который говорилъ о погребеніи Ольги Святославомъ, внуками и всѣми людьми, и церковный, который говорилъ о погребеніи ея священникомъ, котораго она держала въ тайнѣ. Не рѣшаюсь утверждать, чтобы

народный разсказъ былъ внесенъ составителемъ Начальнаго свода, между тѣмъ какъ въ Древнѣйшемъ сводѣ читался разсказъ церковный. Ниже предложу болѣе подробный анализъ разсказа о кончинѣ Ольги, а здѣсь остановлюсь на вошедшей въ него церковной повѣсти.

§ 76. Имѣемъ основаніе установить связь между церковною повѣстью о крещеніи Ольги и церковною повѣстью объ ея кончинѣ. Связь эта дается какъ внутренними соображеніями, не позволяющими предполагать, чтобы составитель сказанія о кончинѣ Ольги могъ не коснуться ея крещенія, такъ и нѣкоторыми внѣшними указаніями: а именно нельзя не отмѣтить, что всѣ дошедшія до насъ сказанія объ Ольгѣ (говорю о сказаніяхъ церковныхъ) говорятъ какъ объ ея крещеніи, такъ и объ ея кончинѣ. Въ числѣ такихъ древнихъ сказаній особенное вниманіе наше обращаетъ извѣстная проложная статья 11 іюля. Въ ней имѣется фраза, близко сходная съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ лѣтописной статьѣ говорится о погребеніи Ольги: «и призвавъши сына своего Святослава, заповѣда ему погрестися съ землею ровно, а могылы не сути, ни тризны творити, ни бъдына (вар.: дына, годины) дѣяти, нъ посла злато къ патриарху Царяграда и преставися мѣсяца июля въ 11 день». Подчеркиваю слова, общія съ лѣтописью. Не сомнѣваюсь въ томъ, что первоначальный текстъ, если возвести лѣтописную и проложную статью къ одному оригиналу, сохранился точнѣе въ проложной статьѣ, чѣмъ въ лѣтописной. Чтеніе «ни бъдына дѣяти» (намъ непонятное) [1]) указываетъ, конечно, на древность редакціи. Впрочемъ, признать дошедшій до насъ текстъ проложной статьи первоначальнымъ мы не можемъ. Зачѣмъ это «но» передъ словами «посла злато къ патриарху Царяграда»? Не указываетъ ли оно, что, первоначально, за отрицательнымъ распоряженіемъ Ольги слѣдовало положительное, или по крайней мѣрѣ изложеніе результата такого положительнаго ея распоряженія? Не стояло ли за этимъ «но» сообщеніе о погребеніи ея презвутеромъ? Если да, то отсюда бы

[1]) Объясненіе слова бъдына, предложенное А. А. Котляревскимъ въ сочиненіи „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“, не представляется мнѣ убѣдительнымъ.

слѣдовало, что лѣтопись, говорящая о такомъ погребеніи Ольги, въ извѣстномъ смыслѣ содержитъ болѣе первоначальный текстъ, чѣмъ прологъ. Обстоятельство, что частью прологъ древнѣе лѣтописи, частью же лѣтопись древнѣе пролога, ведетъ къ убѣжденію, что проложная и лѣтописная статьи восходятъ къ одному общему оригиналу. Этотъ общій оригиналъ, сокращенно переданный прологомъ, говорилъ и о княжеской дѣятельности Ольги, ибо врядъ ли можно допустить, чтобы слова «обиходяше всю Руськую землю, дани и уроки льгъкы уставляющи» были заимствованы въ прологѣ изъ лѣтописи. Этотъ общій оригиналъ подвергся сокращенію и въ лѣтописи: такъ въ ней опущено сообщеніе о крестѣ, принесенномъ Ольгой въ Русскую землю, а также о посылкѣ золота патріарху послѣ смерти Ольги.

§ 77. Сдѣланное нами заключеніе объ источникѣ лѣтописныхъ статей о крещеніи Ольги представляется намъ необходимымъ еще по слѣдующимъ соображеніямъ. Если мы не допустимъ существованія особой повѣсти о крещеніи и кончинѣ Ольги, бывшей источникомъ для обѣихъ указанныхъ лѣтописныхъ статей, то намъ придется признать ихъ авторомъ составителя Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Невозможнаго въ такомъ признаніи нѣтъ ничего, но все таки оно мало вѣроятно. Задачей составителя Древн. свода была дать изложеніе главныхъ событій изъ прошлаго русской земли, а не заняться прославленіемъ русскихъ угодниковъ. Правда, мы считаемъ возможнымъ приписать ему составленіе сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, но если наше предположеніе относительно этого сказанія вѣрно, то изъ него ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, чтобы то же лицо, тотъ же составитель Начальнаго свода былъ авторомъ сказанія объ Ольгѣ. Кромѣ того, допустивъ, что первоначальное сказаніе объ Ольгѣ составлено для Древнѣйшаго лѣтописнаго свода, мы не поймемъ, какъ могло явиться проложное сказаніе, содержащее факты и подробности, необъяснимые изъ Древнѣйшаго свода—и это въ противоположность проложнымъ сказаніямъ о Борисѣ и Глѣбѣ, которыя всѣ въ концѣ концовъ восходятъ къ лѣтописному сказанію.

§ 78. Итакъ, признаемъ, что въ распоряженіи составителя Древн. свода была особая повѣсть о крещеніи и кончинѣ Ольги. Изъ нея онъ взялъ обѣ статьи свои объ обоихъ упомянутыхъ

событіяхъ. Возникаетъ вопросъ: читалась ли въ этой предполагаемой повѣсти вся та похвала Ольгѣ, которую находимъ въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти вр. лѣт., или быть можетъ, похвала эта придѣлана однимъ изъ позднѣйшихъ редакторовъ (составителемъ Древн. свода или Нач. свода), какъ придѣланы были (повидимому, составителемъ Повѣсти вр. л.) похвала Владиміру и похвала Борису и Глѣбу. Считаю вѣроятнымъ, что похвала Ольгѣ содержалась уже въ Древнѣйшемъ сводѣ и въ источникѣ этого свода—особой повѣсти, между прочимъ, потому, что содержащееся въ ней указаніе на нетлѣнность мощей Ольги повторяется и въ проложной статьѣ и въ особой еще похвалѣ Ольгѣ, включенной въ составъ Іаковлевой Памяти и похвалы Владиміру.

§ 79. Если такимъ образомъ источникомъ Древн. свода для статей объ Ольгѣ была особая повѣсть о ней, то является вопросомъ, не изъ нея ли заимствованы въ Древн. сводъ (а изъ этого свода въ Начальный сводъ) названія 6463 года (для крещенія Ольги) и 6477 года (для ея кончины)?

Поставленный вопросъ стоитъ въ прямой связи съ вопросомъ о томъ, когда же въ самомъ дѣлѣ приняла Ольга крещеніе? Какъ извѣстно, объ этомъ крещеніи сообщаютъ и греческіе источники—Константинъ Багрянородный и Скилицій (Кедринъ). Первый изъ нихъ, не упоминая собственно о крещеніи Ольги, говоритъ о посѣщеніи ею Царяграда въ 6466 (осенью 957 года), а второй сообщаетъ о прибытіи Ольги въ Царьградъ и крещеніи ея до 6464 года, а именно до кончины патріарха Ѳеофилакта [1]). Предлагаю совершенно элементарный способъ согласованія обоихъ греческихъ источниковъ. Ольга крестилась въ 6463 году еще при Ѳеофилактѣ, а прибыла въ Царьградъ въ 6466 уже крещеной (въ свитѣ ея—священникъ Григорій). При подобномъ согласованіи окажется, что Скилицій впалъ въ ту же ошибку, что составитель повѣсти о крещеніи Ольги: онъ помѣстилъ подъ однимъ годомъ и слилъ въ одно два разныхъ событія—крещеніе Ольги и ея поѣздку въ Царьградъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ окажется необходимымъ признать 6463 годъ, дѣйствительно, годомъ крещенія Ольги [2]).

---

[1]) Georgius Cedrenus, II, 329 (ed. Bonn.).

[2]) Составитель Новгородской 4-й лѣтописи исправилъ 6463 годъ на

Указанное обстоятельство—точность датировки крещенія Ольги служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что въ распоряженіи составителя Древнѣйшаго свода былъ письменный источникъ, повѣствовавшій объ этомъ событіи; годъ этотъ читался уже въ Древнѣйшимъ сводѣ; эта была первая хронологическая дата въ этомъ сводѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 6463 годъ является первою достовѣрной датой въ Начальномъ сводѣ, ибо онъ не выдуманъ и не заимствованъ изъ греческаго хронографа. Съ полною увѣренностью послѣ этого признаемъ достовѣрнымъ и 6477 годъ, какъ годъ смерти Ольги. Онъ также читался въ Древн. сводѣ (какъ и въ похвалѣ Ольгѣ, включенной въ Іаковлеву Память и похвалу Владиміру), причемъ заимствованъ изъ повѣсти объ Ольгѣ, гдѣ кромѣ того былъ указанъ и день смерти Ольги — 11-е іюля. Такимъ образомъ мы подходимъ къ указанію на двѣ древнія записи о событіяхъ X вѣка: первая изъ нихъ свидѣтельствовала о крещеніи Ольги въ 6463 году, а вторая о кончинѣ ея 11 іюля 6477 года.

3.

§ 80. Въ статьѣ 6472 года, гдѣ описаны нравы Святослава, равно и въ слѣдующихъ за нею статьяхъ 6473 и 6474 годовъ находимъ рядъ несообразностей. Послѣ словъ «и посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити», читаемъ подъ 6472 годомъ: «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи». Итакъ, Святославъ въ первомъ же походѣ нарушаетъ свое обыкновеніе предупреждать врага, противъ котораго онъ направлялся. Совершенно случайна встрѣча его съ Вятичами; онъ и не сражается съ ними, а только узнаетъ отъ нихъ, что они даютъ дань Козарамъ. Кромѣ того странны слова «иде на Оку рѣку и на Волгу»: Вятичи дѣйствительно жили по свидѣтельствамъ, восходящимъ къ XII вѣку, на Окѣ; но зачѣмъ же было упоминать о Волгѣ, до которой никогда не доходили Вятическія поселенія? Дальнѣйшее разъясняетъ намъ въ чемъ дѣло; подъ 6473 читаемъ: «Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари изидоша противу»

6466. Поправка эта въ высшей степени интересна. Кажется, она восходитъ къ Ростовской лѣтописи, по которой Новгородская 4-я исправила свой основной источникъ—сводъ 1448 года.

и т. д. Итакъ Святославовъ походъ направленъ противъ Козаръ, и очевидно, онъ ихъ объ этомъ предупредилъ («слышавше же Козари»). Слѣдовательно, Святославъ шелъ на Козаръ, жившихъ на Волгѣ, прямымъ путемъ; и идя этимъ путемъ, онъ встрѣчаетъ Вятичей, данниковъ Козарскихъ. Отсюда заключаемъ, что Вятичи во времена Святослава (точнѣе во время первоначальной записи разсматриваемой статьи) жили въ юго-восточной Россіи, гдѣ нибудь около Дона; въ началѣ XII в., какъ видно изъ Повѣсти вр. лѣтъ, они сидѣли на Окѣ—и, повидимому, это самое обстоятельство и повліяло на добавленіе, сдѣланное въ текстѣ статьи 6472 года составителемъ Начальнаго свода: «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи». Покореніе Вятичей изложено подъ 6474: «Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи». Но вѣроятно ли, чтобы Святославу пришлось въ 6474 году побѣждать Вятичей, послѣ того какъ въ предшествующемъ 6473 онъ побѣдилъ Козаръ, отъ которыхъ они зависѣли? Естественнѣе думать, что обложеніе Вятичей данью было прямымъ слѣдствіемъ разгрома Козаръ. Въ виду всего изложеннаго я думаю, что текстъ Начальнаго свода ведетъ насъ къ такому первоначальному разсказу, гдѣ, вслѣдъ за словами: «И посылаше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити», читалось: «И иде Святославъ на Волгу на Козары [1])». Далѣе разсказывалось о встрѣчѣ съ Вятичами. Затѣмъ: «Слышавше же Козари, изидоша противу... и градъ ихъ Бѣлу Вѣжю взя. И Ясы побѣди и Касогы». Разсказъ, какъ кажется, оканчивался словами «и приведе [2]) къ Кыеву Вятичѣ и дань на нѣ възложи». Первоначальный разсказъ потерялъ свое единство подъ вліяніемъ того, что разбитъ на годы. Итакъ получаемъ еще данное для утвержденія, что въ распоряженіи составителя Начальнаго свода была лѣтопись, гдѣ о княженіи Святослава повѣствовалось въ связномъ разсказѣ, не разбитомъ на годы [3]).

---

[1]) Ср. ниже подъ 6475: „И иде Святославъ на Дунай на Болгары“.

[2]) Въ значеніи привелъ въ зависимость. Ср. въ Новгор. 1-й (Нач. сводѣ): „и Ясы побѣди и Касогы и *приведе* Кыеву“; вмѣсто этого въ Ипат. „прииде“.

[3]) Мнѣ пришлось повторить здѣсь часть статьи моей, напечатанной въ Изв. Ак. Н. за 1907 г.

§ 81. Перехожу ко второй половинѣ княженія Святослава, обнимающей по Начальному своду (Повѣсти вр. лѣтъ) 6475—6480 годы. Разсказъ относится преимущественно къ войнамъ Святослава съ Болгарами и Греками. Онъ начинается словами «Иде Святославъ на Дунай, на Болгары». Затѣмъ сообщается кратко о побѣдѣ Святослава надъ Болгарами, о взятіи имъ 80 городовъ по Дунаю и о водвореніи Святослава въ Переяславцѣ, при чемъ Греки были обложены данью. Таковъ составъ статьи 6475 года. Подъ слѣдующимъ годомъ составитель Начальнаго свода разсказываетъ о нападеніи Печенѣговъ на оставленный безъ защиты Кіевъ и на отраженіе ихъ Святославомъ, подоспѣвшимъ по вызову Кіевлянъ изъ Переяславца. Далѣе, подъ 6477 читаемъ, какъ Святославъ, обращаясь къ матери и боярамъ, заявляетъ о желаніи жить въ Переяславцѣ Дунайскомъ, какъ, уступая просьбѣ матери, онъ остается въ Кіевѣ, гдѣ, дождавшись смерти матери, погребаетъ ее. Засимъ слѣдуетъ разсмотрѣнный выше отрывокъ изъ повѣсти объ Ольгѣ. Изъ статьи 6478 года видимъ, что Святославъ, вопреки своему первоначальному желанію, остается въ Кіевѣ еще цѣлый годъ; подъ этимъ годомъ читаемъ, однако, только о распредѣленіи имъ волостей между тремя сыновьями. Только подъ 6479 видимъ Святослава опять въ Переяславцѣ; но ему приходится отвоевывать его отъ Болгаръ силою. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ Святослава противъ Грековъ; походъ сопровождается пораженіемъ послѣднихъ; испуганный царь посылаетъ Святославу дань и дары. Тотъ возвращается въ Переяславецъ. Увидѣвъ убыль въ своей дружинѣ, онъ моремъ возвращается въ Русь, зимуетъ въ Бѣлобережьи, а на слѣдующую весну (6480) его убиваютъ поджидавшіе его въ порогахъ Печенѣги. Воевода Свѣнельдъ возвращается въ Кіевъ къ Ярополку [1]).

Критика уже давно отмѣтила въ этомъ разсказѣ рядъ несообразностей и, между прочимъ, также противорѣчія исторической правдѣ. Судя по греческимъ источникамъ, Святославъ предпринималъ дѣйствительно два похода въ Болгарію, но по-

---

[1]) Не забудемъ, что Нач. сводъ не знаетъ договора Святослава съ греками.

ходы эти относятся ими къ двумъ сосѣднимъ годамъ: первый походъ былъ совершенъ въ пятый годъ Никифорова царства (6476), а второй въ шестой годъ того же царства (6477) [1]. Ср. еще въ маргинальной припискѣ къ болгарскому переводу Манассіиной лѣтописи: «При семъ Никифорѣ цари плѣнишя (въ рук. юсъ) Руси Блъгарскую (въ рук. юсы) земя (въ рук. юсъ) по дващи въ двѣю лѣту». Между тѣмъ Начальный сводъ полагаетъ промежутокъ между первымъ и вторымъ походомъ въ три года. Далѣе извѣстно, какъ печально окончился походъ Святослава противъ грековъ; Русская рать сначала вторглась въ Византійскія области, опустошила ихъ; ихъ остановилъ было военачальникъ Варда Склиръ, но затѣмъ, когда начальство надъ войскомъ перешло къ магистру Іоанну, русскіе возобновили свои набѣги на Македонію. Успѣхамъ ихъ положилъ конецъ самъ императоръ Іоаннъ Цимисхій; разбивъ Русскихъ у Преслава и затѣмъ взявъ этотъ городъ приступомъ, Іоаннъ двинулся противъ Святослава, стоявшаго въ Дристрѣ. Здѣсь произошло нѣсколько сраженій. Святославъ былъ принужденъ просить мира у Цимисхія и съ остатками своего войска отпущенъ имъ на родину. Нѣтъ ничего естественнѣе, что народныя преданія удержали память только о побѣдахъ Святослава. Византія нѣсколько разъ въ теченіе продолжительной борьбы съ призванными ею самою въ Болгарію русскими испытывала сильныя униженія. И Никифоръ и Іоаннъ предлагали Святославу денежный откупъ, съ надменностью имъ отвергнутый. Все это запечатлѣвалось въ памяти народной и, заглушая воспоминанія о пораженіяхъ и печальномъ исходѣ похода, выдвигало своеобразное объясненіе причины возвращенія Святослава изъ Болгаріи.

§ 82. Критика текста не найдетъ основанія заподозрить первоначальность лежащаго передъ нами разсказа, если станетъ разсматривать его не со стороны соотвѣтствія исторической правдѣ. Напротивъ, признавъ его въ общемъ сказочнымъ и указавъ на

---

[1]) Скилицій: „πεισθέντες οὖν οἱ Ῥῶς καὶ ἐπελθόντες τῇ Βουλγαρίᾳ κατὰ τὸν Αὔγουστον μῆνα, τῆς ιά ἰνδικτιῶνος, πέμπτῳ τῆς βασιλείας ἔτει τοῦ Νικηφόρου... καὶ τῷ ἕκτῳ δὲ πάλιν τῆς βασιλείας αὐτοῦ χρόνῳ ἐπεστράτευσαν κατὰ Βουλγαρίας“. Georgius Cedrenus, II, 372 (ed. Bonn.).

его зависимость отъ народныхъ преданій, критика натолкнется съ недоумѣніемъ на такія подробности, которыхъ не могла бы удержать историческая пѣсня или устное сказаніе. Такъ, отмѣчаемъ упоминаніе о двухъ походахъ Святослава въ Болгарію: греческіе источники также указываютъ на два похода. Далѣе, въ статьѣ 6475 года читаемъ о покореніи Святославу 80 городовъ по Дунаю; я не думаю, чтобы это указаніе сохранилось въ русскомъ народномъ преданіи; указаніе это слѣдуетъ скорѣе признать свидѣтельствомъ лица, знакомаго съ Болгаріей и Дунаемъ и знавшаго, что по Дунаю насчитывается до 80 городовъ. Имѣя въ виду, что то же число 80 даетъ Прокопій для укрѣпленій, воздвигнутыхъ въ той мѣстности Юстиніаномъ, что болгарскія пѣсни также содержатъ сходное число (77) для обозначенія количества городовъ по Дунаю, я не могу не согласиться съ Ст. Србулемъ, сдѣлавшимъ отсюда выводъ о книжномъ источникѣ, повліявшемъ на нашу лѣтопись [1]). Иду еще далѣе въ томъ же направленіи. Могло ли принадлежать народному преданію указаніе, читаемое послѣ текста «и поиде Сватославъ ко граду воюя и грады разбивая»—«яже стоять пусты и до днешняго дне»? Думаю, что здѣсь опять сказывается письменный источникъ, составленный притомъ не русскимъ, а лицомъ, знакомымъ съ топографіей той мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Святославъ. Въ приведенной фразѣ насъ останавливаетъ еще употребленіе слова «градъ» вмѣсто Царьградъ: «и поиде... ко граду воюя и грады разбивая». Не признаемъ ли мы такое словоупотребленіе греческимъ? Для грека πόλις обозначало Константинополь преимущественно передъ другими городами.—Еще одно замѣчаніе относительно знакомства составителя сказанія, попавшаго въ лѣтопись, или

---

[1]) St. Srkulj, Die Entstehung der ält. russ. sogenannten Nestorchronik (Požega, 1896), J. 44: „Diese Notiz rührt von Prokopius her, der Chronist hat sie also irgendwo lesen müssen“. Ср. въ сборникѣ болг. пѣсенъ Миладиновыхъ: „колку имать отъ море до Дунавъ, седумдесетъ и седемъ градо'и“ (Jagić, Dunaj-Dunav in der slav. Volkspoesie; Archiv f. sl. Phil. I, 303). Иначе Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, № 6, с. 434. Въ сагѣ о Гаральдѣ говорится, что онъ участвовалъ во взятіи 80 городовъ въ Серкландіи (Васильевскій, Сочиненія, I, 263).

составителя источника этого сказанія, съ мѣстными (болгарскими) условіями. Святославъ въ своей рѣчи къ матери и боярамъ называетъ Переяславецъ серединой своей земли, «яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угоръ сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь». Объ этомъ могъ дѣйствительно знать Святославъ и хвастаться передъ матерью и боярами; но зналъ-ли объ этомъ скромный монахъ, сочинявшій лѣтопись въ XI вѣкѣ, знало ли объ этомъ русское преданіе, помнилъ ли русскій человѣкъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесены были изъ Болгаріи его воинственными предками? Весьма неправдоподобно допустить то или другое. Гораздо вѣроятнѣе, что и здѣсь передъ нашимъ лѣтописцемъ былъ книжный источникъ, разсказывавшій о Святославѣ съ точки зрѣнія болгарина или грека.—Обращаемъ, наконецъ, вниманіе на рѣчи, вложенныя въ уста Святослава. Правда, русской лѣтописи вообще не чуждъ подобный пріемъ оживленія разсказа; мы встрѣчаемъ немало рѣчей въ кіевской лѣтописи XII вѣка, но въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ рѣчи приводятся весьма рѣдко. Между тѣмъ, Святославъ произноситъ три рѣчи: одну въ Кіевѣ передъ матерью и боярами (см. выше), другую краткую рѣчь—въ сраженіи подъ Переяславцемъ, отвоеваннымъ у него Болгарами («уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!») и, наконецъ, длинную рѣчь—передъ сраженіемъ съ Греками («уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвии бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою»). Эта рѣчь положительно единственная для нашей древней лѣтописи [1]). Поневолѣ рождается подозрѣніе относительно того, не перенесена ли она готовою изъ письменнаго источника. Подозрѣніе усиливаетъ еще то обстоятельство, что подобную же рѣчь Святослава читаемъ у Льва Діакона, который относитъ ее ко дню, предшествовавшему рѣшительному сраженію при Дристрѣ (24-го іюля);

---

[1]) Рѣчь Святослава Ярославича подъ 6576: „потягнѣмъ, уже намъ нѣлзѣ камо ся дѣти“ составляетъ явное подражаніе.

она была сказана Святославомъ на совѣтѣ старшинъ (комментъ): «Погибнетъ слава, сопутница Россійскаго оружія, безъ труда побѣждавшаго сосѣдственныхъ народовъ и, безъ пролитія крови, покорявшаго цѣлыя страны,—такъ говорилъ Святославъ,—если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ. Итакъ съ храбростію предковъ нашихъ и съ тою мыслію, что Русская сила была до сего времени непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая бѣгствомъ спасаться въ отечество, но или жить побѣдителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»: [1]). Еще ближе къ нашей лѣтописи передана та же рѣчь Святослава Скилиціемъ, хотя у него не выдержано прямого обращенія къ слушателямъ [2]). Не забудемъ, что Скилицій пользовался Львомъ Діакономъ, но имѣлъ въ виду еще и другой источникъ, каковымъ былъ современный описываемымъ событіямъ писатель [3]).

Принимая во вниманіе сдѣланныя выше указанія, считаемъ необходимымъ признать, что на разсказѣ о походахъ Святослава, какъ онъ изложенъ въ Начальномъ сводѣ, сказалось вліяніе какого то письменнаго источника, составленнаго не русскимъ, а грекомъ или болгариномъ. Предполагаю, что такимъ источникомъ могла быть какая нибудь болгарская хроника, сообщавшая о походахъ Святослава то, что читалось о нихъ у византійцевъ—Льва Діакона или того анонима, которымъ воспользовался Скилицій. Ниже мы вернемся еще разъ къ этой болгарской хроникѣ, а здѣсь ставимъ вопросъ: кто же воспользовался ею—составитель Начальнаго свода или еще составитель Древнѣйшаго лѣтописнаго свода? Считаю вѣроятнымъ, что послѣдній: мы увидимъ ниже

---

[1]) Кн. IX. 7, переводъ Д. Попова (1820 г.).

[2]) „Ὁ Σφενδοσθλάβος παρῄνει μᾶλλον ἔτι ἅπαξ πολεμῆσαι Ῥωμαίοις, καὶ ἢ καλῶς ἀγωνισαμένους ἐπικρατεῖς τῶν ἐναντίων γενέσθαι, ἢ ἡττηθέντας αἰσχίστης ζωῆς καὶ ἐπονειδίστου εὐκλεᾶ καὶ μακάριον προτιμήσασθαι θάνατον. ἀβίωτον γὰρ ἔσται αὐτοῖς δρασμῷ τὴν σωτηρίαν πορισαμένοις, εἴπερ μέλλοιεν εὐκαταφρόνητοι ἔσεσθαι τοῖς γειτονοῦσιν ἔθνεσιν; ἃ τὸ πρόσθεν αὐτοὺς ἐδεδίεσαν σφοδρῶς“. Georgius Cedrenus, II, 407 (ed. Bonn.).

[3]) В. Г. Васильевскій въ хронологическихъ разысканіяхъ О годѣ смерти Святослава Игоревича. Спб. 1876, с. 167 (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XXVIII).

(тамъ, гдѣ говоримъ о крещеніи Владиміра), что имѣется не одно основаніе для признанія болгарской хроники источникомъ именно Древнѣйшаго свода.

§ 83. Итакъ сдѣланныя выше указанія позволяютъ намъ приступить къ анализу статей 6475—6480 годовъ со стороны ихъ источниковъ, а также со стороны ихъ первоначальной редакціи. Если примемъ во вниманіе уже сложившееся у насъ убѣжденіе въ томъ, что Древнѣйшій лѣтописный сводъ былъ изложенъ не въ хронологической сѣти, то мы вправѣ признать названія 6475 и 6476 годовъ вставленными позже, составителемъ Начальнаго свода. Въ такомъ случаѣ окажется, что Древнѣйшій лѣтописный сводъ излагалъ событія въ слѣдующемъ порядкѣ: походъ Святослава на Дунай и захватъ Болгаріи; нападеніе печенѣговъ на Кіевъ; возвращеніе Святослава въ Кіевъ; смерть Ольги 6477 г.; второй походъ Святослава на Болгарію. Такимъ образомъ, Древнѣйшій лѣтописный сводъ согласованъ вполнѣ съ показаніями греческихъ источниковъ: первый походъ Святослава относился ко времени до 6477 года, а второй могъ быть, судя по буквальному тексту Древн. свода, совершонъ въ этомъ же 6477 году, послѣ смерти Ольги, послѣ 11 іюля, скажемъ, хотя бы въ августѣ 6477 года (по Скилицію первый походъ имѣлъ мѣсто въ августѣ 6476 г.). Отсюда видимъ, что событія 6477 года (смерть Ольги) по Древнѣйшему своду (6476—6477 по Начальному своду) являются вставкой въ текстъ основного разсказа, восходящаго къ болгарской хроникѣ. Вставка эта была весьма умѣстна, такъ какъ объясняла, почему Святославъ предпринялъ два похода противъ болгаръ, почему онъ не утвердился въ Болгаріи окончательно послѣ перваго похода. Объ этихъ двухъ походахъ составитель Древнѣйшаго свода зналъ изъ болгарской хроники: въ русскихъ источникахъ онъ подыскалъ причину двукратнаго похода. Источники эти были — одинъ устный, другой письменный. Письменный источникъ, повѣсть объ Ольгѣ, сообщалъ о кончинѣ матери Святослава въ 6477 году, устный разсказывалъ объ осадѣ Кіева печенѣгами во время отсутствія князя и объ освобожденіи Кіева ушедшимъ въ далекій походъ Святославомъ. О первомъ источникѣ мы говорили выше. Скажемъ здѣсь о второмъ.

§ 84. Мы признаемъ этотъ второй источникъ устнымъ народ-

нымъ преданіемъ. Поэтому не сомнѣваемся въ томъ, что онъ не былъ пріурочень точно къ походу Святослава въ Болгарію; быть можетъ, онъ и намекалъ, что Святославъ на Дунаѣ, въ Болгарахъ, но возможно, что онъ представлялъ себѣ Святослава на востокѣ, въ походѣ противъ Козаръ, Ясовъ, Касоговъ. Я даже считаю болѣе вѣроятнымъ именно послѣднее предположеніе, ибо преданіе ясно говоритъ, что помощь Кіевляне искали за Днѣпромъ и что печенѣги, осадившіе Кіевъ съ юга, опасались прибытія Святослава съ востока; ср. подвигъ юноши, переплывшаго Днѣпръ, далѣе предположеніе печенѣговъ, что въ лицѣ Претича, подплывшаго къ Кіеву съ той стороны Днѣпра, явился самъ Святославъ; наконецъ, слова Претича Печенѣжскому князю: «пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкомъ со княземь».

§ 85. Статья 6476 года, заполненная разсматриваемымъ народнымъ преданіемъ, не представляетъ тѣмъ не менѣе одного цѣльнаго разсказа. Совершенно очевидна въ ней компиляція изъ двухъ источниковъ. На такое заключеніе наводитъ эпизодъ съ подвигомъ юноши и появленіемъ Претича, эпизодъ, рѣшительно противорѣчащій тѣмъ условіямъ, которыя введены предшествующимъ и послѣдующимъ изложеніемъ. Мы указывали выше (§ 84) на эти противорѣчія; они станутъ особенно очевидными, когда сообразимъ еще слѣдующія обстоятельства. Подвигъ юноши—спасителя города и появленіе Претича нисколько не улучшаютъ положенія; Кіевъ оказывается въ еще болѣе тѣсной блокадѣ, чѣмъ раньше; и только тогда кіевляне посылаютъ къ Святославу, который и пріѣзжаетъ на выручку. Ясно, что весь эпизодъ съ подвигомъ юноши и появленіемъ Претича не входилъ въ замыселъ перваго разсказчика, ясно, что онъ вставленъ позднѣе. Укажемъ еще болѣе осязательныя основанія. «И оступиша градъ въ силѣ велицѣ,—читаемъ мы въ началѣ разсказа,—бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою». За этимъ изложенъ эпизодъ съ подвигомъ юноши и появленіемъ Претича. Непосредственно затѣмъ читаемъ: «отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше льзѣ коня напоити на Лыбеди Печенѣгы». Эта фраза содержитъ въ себѣ явное противорѣчіе: если печенѣги отступили отъ города, то, очевидно, водопой на Лыбеди освободился;

а выходитъ такъ, что отступленіе печенѣговъ отъ города отяготило осаду. Ясно, что вмѣсто «отступиша отъ града» надо читать «оступиша градъ». А если такъ, то эта фраза окажется повтореніемъ той, что приведена выше, въ началѣ разсказа. Слѣдовательно, приведенная фраза удвоилась и удвоилась, очевидно, подъ вліяніемъ вставки; подъ вліяніемъ же вставки внесена поправка «отступиша» вм. «оступиша», ибо изъ вставки ясно, что печенѣги испугались угрозъ Претича и бѣжали до прибытія Святослава.

Какъ же представить себѣ весь ходъ составленія статьи 6476-го года. Одно лицо, а таковымъ мы признаемъ составителя Древнѣйшаго свода, воспользовалось извѣстнымъ народнымъ преданіемъ объ осадѣ печенѣгами Кіева, оставшагося безъ князя; оно передало его кратко и приладило ко введеннымъ имъ выше условіямъ: поэтому весь эпизодъ о полученіи помощи съ той стороны Днѣпра опущенъ; кіевляне ищутъ помощи у Святослава, вызываютъ Святослава изъ Переяславца—очевидно, составителю Древнѣйшаго свода надо было вернуть Святослава въ Кіевъ изъ Болгаріи для того, чтобы затѣмъ отправить его туда же въ новый походъ. Другое лицо, а таковымъ мы признаемъ составителя Начальнаго свода, дополнило разсказъ Древнѣйшаго свода вставкой: вставка заимствована изъ того же народнаго преданія объ осадѣ печенѣгами Кіева, оставшагося безъ князя; этотъ второй редакторъ не обратилъ вниманія на тѣ противорѣчія, которыя внесла вставка, что̀ понятно, ибо не ему принадлежитъ первоначальный замыселъ всего разсказа; второй редакторъ согласовалъ только съ предыдущимъ текстъ переходной фразы къ дальнѣйшему разсказу; вмѣсто «оступиша градъ» онъ написалъ «отступиша отъ града».

§ 86. Итакъ Древнѣйшій сводъ подыскалъ причину появленія Святослава въ Кіевѣ между обоими походами въ Болгарію. Святославъ вызванъ горькими сѣтованіями оставленныхъ имъ кіевлянъ: «ты, княже, чюжей землѣ ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ». Какъ же объяснитъ составитель Древнѣйшаго свода вторичный походъ Святослава? Причину его онъ подыщетъ, конечно, не во внѣшнихъ обстоятельствахъ — ихъ не придумаешь; онъ усмотритъ ихъ въ настроеніи, характерѣ самого Святослава

Послѣднему онъ тутъ же, послѣ сообщенія о его возвращеніи и обращеніи въ бѣгство печенѣговъ, влагаетъ въ уста рѣчь, сказанную имъ матери и боярамъ, рѣчь, о которой мы говорили уже выше: «не любо ми жити въ Киевѣ, но хощю жити въ Переяславци на Дунаи»—вотъ смыслъ рѣчи; но самое содержаніе ея едва ли позволяетъ допустить, что она могла быть сказана Святославомъ въ Кіевѣ, или, скажемъ опредѣленнѣе, содержаніе этой рѣчи едва ли могло быть придумано кіевляниномъ: указаніе на торговое значеніе и богатство Переяславца ведетъ насъ къ другому автору, вложившему рѣчь въ уста Святославу, очевидно, при другихъ обстоятельствахъ, иной обстановкѣ. Мы убѣждены въ томъ, что рѣчь сказана Святославомъ въ Болгаріи, или скажемъ точнѣе—она была вложена въ уста Святославу составителемъ болгарской хроники (о которой мы говорили выше). Гдѣ же, при какихъ обстоятельствахъ могла быть сказана Святославомъ эта рѣчь?

Въ статьѣ 6479 года читаемъ, что Переяславецъ пришлось добывать вновь силой. Битва съ болгарами, вышедшими на защиту города, долго оставалась нерѣшительною. Но «к вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копиемъ, и рче: се градъ мой!» [1]) Итакъ, Святославъ по взятіи Переяславца произнесъ рѣчь. Не можетъ быть, чтобы вся она ограничивалась тремя словами «се градъ мой!» Рѣчь была бы безсодержательна, и мы понимаемъ, почему составители нѣкоторыхъ списковъ Повѣсти вр. лѣтъ рѣшили опустить и эти слова. Думаю, что рѣчь Святослава, въ Древнѣйшемъ сводѣ переданная также въ указанныхъ трехъ словахъ, была въ источникѣ этого свода, болгарской хроникѣ, изложена полнѣе и содержательнѣе: за словами «се градъ мой» слѣдовало объявленіе Святославомъ Переяславца постояннымъ своимъ мѣстомъ пребыванія, причемъ это объявленіе обосновывалось такъ: «яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся», и т. д. Ср. у Скилиція указаніе на то, что русскихъ прельстила Болгарія своимъ богатствомъ или благоденствіемъ (τὴν τοῦ τόπου ϑαυμάσαντες εὐφοΐαν).

---

[1]) Такъ читалось въ Нач. сводѣ (ср. Новгор. 1-ю); въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣсти вр. л. слова „и рче: се градъ мой“ опущены; но въ Ипатьевской они есть.

Итакъ, составитель Древнѣйшаго свода извлекъ рѣчь Святослава, обращенную имъ въ Кіевѣ къ матери и боярамъ, изъ рѣчи Святослава, сказанной имъ при взятіи Переяславца. Разумѣется, онъ придалъ этой рѣчи другой смыслъ и другое значеніе. Она, съ одной стороны, должна была объяснить читателямъ причину второго похода Святослава, и съ другой, дала возможность ввести въ разсказъ сообщеніе о смерти Ольги, которая была описана въ другомъ источникѣ Древнѣйшаго свода. Рѣчь Святослава вызываетъ реплику Ольги: Ольга указываетъ на свою болѣзнь и проситъ Святослава сначала похоронить ее, а потомъ ѣхать куда ему угодно. Діалогъ между Ольгой и Святославомъ подсказывался текстомъ повѣсти объ Ольгѣ, ибо въ этой повѣсти, судя по прологу, Ольга наказывала именно Святославу не творить надъ ея могилой языческихъ обрядовъ [1]). За этимъ діалогомъ авторъ разсказа спѣшитъ съ развязкой: Святослава вѣдь нельзя долго задерживать въ Кіевѣ; болгарскій источникъ требуетъ скораго его возвращенія въ оставленную Болгарію (въ томъ же 6477 году). «По трехъ днехъ умре Олга». Вѣрный завѣту родительницы Святославъ погребаетъ ее. Слова «несоша и погребоша ю на мѣстѣ» [2]) принадлежатъ составителю Древн. свода, который все еще не можетъ прервать сочиненнаго имъ разсказа и перейти къ письменному источнику. Переходъ къ нему, какъ мы видѣли, знаменуется явнымъ противорѣчіемъ: не сынъ и внуки, не весь кіевскій народъ погребаютъ Ольгу, какъ сказано выше;—ее хоронитъ священникъ, котораго она держала у себя тайно.

§ 87. Какъ указано, составитель Древнѣйшаго свода не можетъ задержать Святослава надолго въ Кіевѣ; необходимо тотчасъ же послѣ смерти Ольги сообщить о второмъ походѣ его въ Болгарію. Конечно, это и сдѣлалъ составитель Древнѣйшаго

---

[1]) „И призвавши сына своего Святослава, заповѣда ему погрестися съ землею ровно, а могылы не сути, ни тризны творити, ни бъдына дѣяти“.

[2]) На какомъ „мѣстѣ“? Не стояло-ли первоначально „на мѣстѣ у града“? Ср. ниже „и погребоша Ольга (Святославича) на мѣстѣ у города Вручего“. Позднѣйшіе редакторы Повѣсти вр. лѣтъ вм. „и бѣ заповѣдала Ольга“ даютъ „идеже заповѣдала Ольга“ для того, чтобы объяснить это „на мѣстѣ“.

свода, между тѣмъ, какъ редактору Начальнаго свода для того, чтобы размѣстить событія въ хронологической сѣти, выгоднѣе было разсказать о второмъ походѣ Святослава позже, ближе къ году смерти Святослава, опредѣленной имъ 6480 годомъ [1]): онъ и перенесъ разсказъ о походѣ на Болгарію на 6479 годъ, а предшествующій 6478-й годъ занялъ разсказомъ о распредѣленіи волостей между сыновьями Святослава. Мы не будемъ задерживаться на этомъ разсказѣ,—нѣкоторыя замѣчанія къ нему будутъ сообщены нами ниже, — но укажемъ теперь же, что о распредѣленіи волостей Святославомъ говорилъ, конечно, и Древнѣйшій сводъ.

§ 88. Покончивъ съ русскими дѣлами, объяснивъ, что̀ дѣлалъ Святославъ въ промежуткѣ между двумя походами въ Болгарію, составитель Древнѣйшаго свода получилъ возможность вернуться къ своему болгарскому источнику. Я думаю, что значительная часть статьи 6479 года можетъ быть возведена къ этому источнику. Я указывалъ уже выше, что рѣчь Святослава передъ взятіемъ Переяславца, рѣчь его послѣ взятія Переяславца (впрочемъ, опущенная составителемъ Древн. свода, или точнѣе перенесенная въ предшествующій разсказъ), рѣчь его передъ сраженіемъ съ греками, сообщеніе о пустующихъ до днешняго дня городахъ, разоренныхъ Святославомъ—что все это ведетъ насъ къ болгарскому источнику. Отсюда заключаю, что болгарская хроника окружила Святослава извѣстнымъ ореоломъ, онъ сталъ для нея сказочнымъ героемъ. Быть можетъ, она давала даже характеристику Святослава, повліявшую на характеристику, данную Древнѣйшимъ сводомъ [2]). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи,

---

[1]) Ошибочно, ибо по греческимъ источникамъ ясно, что Святославъ былъ разбитъ Цимисхіемъ въ 6480 году, слѣдовательно, умеръ въ 6481 году, весной. Ср. Замѣтку къ статьѣ Н. П. Ламбина В. Г. Васильевскаго въ названномъ выше изслѣдованіи 1876 года.

[2]) Слова „и бѣ бо самъ храборъ и легко ходя, акы пардусъ“, какъ отмѣчено В. М. Истринымъ (Александрія русск. хроногр., 160), напоминаютъ сравненіе Александра, какъ въ Александріи, такъ и у Амартола съ пардусомъ: „акы пардусъ, дръзостью воюя землю Сурьскую“; „скочи акы пардусъ съ многою силою на въсточныя страны и грады“. Замѣчательно, что въ Ермол. лѣтописи въ концѣ статьи 6472 читается: „скакаше

что именно изъ болгарской хроники внесены въ Древн. сводъ и тѣ части разсказа, которыя могутъ представляться составленными русскимъ лѣтописцемъ въ интересахъ прославленія русскаго имени. Не колеблясь, отнесъ бы я эти сообщенія о подвигахъ Святослава, о разбитіи имъ впятеро сильнѣйшаго греческаго войска, о богатой дани, взятой съ грековъ, насчетъ русской исторической пѣсни, русскаго преданія, если-бы мнѣ удалось убѣдиться въ существованіи такой пѣсни, такого устнаго преданія. Быть можетъ, національное чувство болгаръ, униженное порабощеніемъ ихъ Святославомъ, искало себѣ утѣшенія въ мысли, что Святославъ билъ и грековъ, что греки спасли свой городъ только данью и щедрыми дарами. Преданіе о дани, взятой Святославомъ съ грековъ, могло долго держаться въ Болгаріи именно потому, что греки уплатили ему деньги за занятіе Мизіи и старались путемъ денежныхъ обѣщаній удалить его оттуда. Въ виду этого я не умѣю отдѣлить въ статьѣ 6479 года элементы болгарскіе отъ русскихъ.

§ 89. Впрочемъ, дѣлаю слѣдующую оговорку. Послѣ словъ «и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая, яже пусты стоять и до днешняго дне» читаемъ длинный разсказъ объ испытаніи Святослава дарами. Этотъ разсказъ я признаю вставкой, и думаю, что непосредственное продолженіе приведеннымъ выше словамъ отыскивается ниже: «и посла царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань еже хощеши; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда».Трудно рѣшить, кѣмъ же сдѣлана эта вставка: составителемъ Древнѣйшаго свода или составителемъ Начальнаго свода. Склоняюсь къ предположенію, что вставка эта появилась впервые въ Начальномъ сводѣ, который, какъ мы видѣли, охотно дополнялъ свой разсказъ изъ народныхъ преданій и пѣсенъ. Быть можетъ, не о Святославѣ собственно говорило использованное здѣсь преданіе, быть можетъ оно вспоминало старшаго князя [1]).

же яко пардусъ, со многою легостию, и многи страны и грады прискываше, к себѣ пріводя, яко же древнии Александръ Макидоньскии царь".

[1]) Ср. преданіе объ Олегѣ, не принявшемъ даровъ, но по другой причинѣ: это было брашно и питіе, устроенное съ отравой.

§ 90. Дѣлаю еще одну оговорку. Весь конецъ статьи 6479 года принадлежитъ во всякомъ случаѣ русскому автору. Я думаю, что онъ читался почти въ такомъ же видѣ, какъ дошелъ до насъ [1]), уже въ Древн. лѣт. сводѣ. Не сомнѣваюсь въ томъ, что о гибели Святослава отъ печенѣговъ зналъ и болгарскій источникъ (какъ знаютъ и византійцы: Левъ Діаконъ и Скилицій), но подробности, какъ зимовка на Бѣлобережьѣ, голодъ, испытанный при этомъ войскомъ Святослава, имя печенѣжскаго князя Кури, чаша, сдѣланная изъ черепа Святослава,—все это ведетъ насъ къ народному преданію, къ исторической пѣснѣ. Предположеніе о существованіи такой пѣсни не противорѣчитъ высказанному выше сомнѣнію относительно того, были ли русскія пѣсни, воспѣвавшія бранные подвиги Святослава. На Руси сложились сказанія или пѣсни о Святославѣ особеннаго характера: въ нихъ проводилась мысль, запечатлѣнная на обращенномъ въ чашу черепѣ Святослава: «чюжихъ ищя, своя погуби» [2]). Въ сущности сходная мысль проводилась и въ сказаніи объ осадѣ печенѣгами Кіева, оставленнаго Святославомъ [3]).

§ 91. Намъ можно теперь сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. Согласно предыдущему, изъ Древнѣйшаго лѣтописнаго свода слѣдовало заключить, что Святославъ убитъ весной 6478 года. Дѣйствительно, Древн. сводъ указывалъ на 6477-й годъ, какъ на годъ смерти Ольги; за разсказомъ о ея кончинѣ читалось: «по семь же» Святославъ, распредѣливъ волости между сыновьями, отправился въ Болгарію, побѣдилъ тамъ грековъ и вернулся за-

[1]) Ниже увидимъ необходимость оговорить сообщеніе о Свѣнельдѣ.

[2]) О такой надписи на чашѣ печенѣжскаго князя сообщаютъ Ермол., Львовск. и нѣкоторыя другія. Въ Тверскомъ сборникѣ соотвѣтствующее мѣсто утрачено, вслѣдствіе выпаденія въ рукописи листа. Но, судя по сборнику Публ. библ. F IV 214, вообще сходному съ Тверскимъ сборникомъ, здѣсь, кромѣ приведенной надписи, читалось: „и есть чаша сія и донинѣ хранима въ казнахъ князеи Печенѣзкихъ, піаху же изъ нея князи со княгинею въ чертозѣ, егда поимаются, глаголюще сице: каковъ былъ сіи человѣкъ, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея отъ насъ. Такоже и прочіихъ вои его лъбы изоковаша срѣбромъ и держаху оу себе, піюще з нихъ“.

[3]) Ср. слова кіевлянъ къ Святославу: „ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ“.

тѣмъ на Русь. Такимъ образомъ естественно было отнести эти события на 6477, а самую смерть Святослава на весну мартовскаго 6478 года. И вотъ въ древнемъ житіи Владиміра (въ Памяти и похвалѣ Владиміру) читаемъ: «и сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца іюня въ 11, въ лѣто 6486». Слѣдовательно, составитель Памяти и похвалы полагалъ смерть Святослава на 6478 годъ и обнаруживалъ такимъ образомъ свою прямую зависимость отъ Древнѣйшаго свода.

ГЛАВА V.

Лѣтописное сказаніе о Владимірѣ и его крещеніи.

§ 92. Въ 1906 году авторъ настоящаго изслѣдованія напечаталъ статью, озаглавленную «Корсунская легенда о крещеніи Владиміра» [1]). Въ этой статьѣ проведено слѣдующее главное положеніе: въ XI вѣкѣ было извѣстно два сказанія о крещеніи Владиміра: первое изъ нихъ сообщало о крещеніи Владиміра отъ греческаго философа, прибывшаго въ Кіевъ; второе говорило о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ. Ни то ни другое сказаніе не дошло до насъ въ цѣльномъ и первоначальномъ видѣ: второе сказаніе легло въ основаніе довольно значительнаго числа статей, посвященныхъ памяти Владиміра, и кромѣ того вошло въ лѣтопись; первое сказаніе видимъ въ той же лѣтописи. Лѣтопись эта—Начальный сводъ и происшедшая изъ него Повѣсть временныхъ лѣтъ. Въ ней такимъ образомъ представлены два сказанія о крещеніи Владиміра: такъ или иначе они въ ней согласованы; по лѣтописи къ Владиміру, дѣйствительно, приходилъ греческій философъ; онъ произнесъ передъ нимъ длинную проповѣдь, показалъ ему картину страшнаго суда, зажегъ во Владимірѣ желаніе креститься; но крещеніе произошло позже, на третье лѣто: осторожный Владиміръ испыталъ еще разъ разныя вѣроисповѣданія посредствомъ особаго посольства, а потомъ, рѣшивъ принять греческую вѣру, пошелъ добывать ее въ Корсунѣ.

Какъ указано, сказаніе, сообщавшее о крещеніи Владиміра

---

[1]) Вошла во II томъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго.

въ Корсунѣ и вставленное составителемъ Начальнаго свода въ рамки другого сказанія о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, возстанавливается не по одной лѣтописи, но также по различнымъ видамъ житія Владиміра и по различнымъ повѣстямъ о его крещеніи. Возстановленіе первоначальнаго вида Корсунской легенды, какъ для краткости я называю это сказаніе, предпринято мною въ названной выше статьѣ. Въ настоящее время, отчасти подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній со стороны критики [1]), отчасти же подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ и новыхъ размышленій, я измѣнилъ бы текстъ отдѣльныхъ частей возстановленнаго сказанія [2]), мѣстами дополнилъ бы его, а мѣстами сократилъ, но въ общемъ остаюсь при мысли, что Корсунская легенда существовала нѣкогда въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ, почему и можетъ быть возстановлена путемъ сравнительнаго изученія житій и повѣстей намъ извѣстныхъ.

§ 93. Корсунская легенда сложилась не раньше второй половины или даже послѣдней четверти XI столѣтія. Въ основаніи ея лежатъ несомнѣнные историческіе факты: походъ Владиміра на Корсунь, взятіе Корсуня, женитьба на греческой царевнѣ,— все это факты не вымышленные; они засвидѣтельствованы и византійскими и арабскими источниками, при томъ современными этимъ событіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Владиміръ привезъ изъ Корсуня мощи святыхъ, священные сосуды, иконы [3]); онъ привелъ оттуда и поповъ; конечно, и Анна прибыла въ Кіевъ съ попами. Эти попы содѣйствовали крещенію и просвѣщенію русской земли. Такимъ образомъ въ народной памяти устанавливалась связь между крещеніемъ Владиміра и земли русской, съ

---

[1]) С. Шестаковъ, Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владимира, Казань 1908 (отт. изъ 5-го вып. XXIII тома Извѣстій Общества Арх., Ист. и Этн.); онъ же въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1907 г.

[2]) Такъ въ особенности подлежатъ исправленію письмо Жьдьберна къ Владиміру и молитва Анны: на нихъ положило свой отпечатокъ позднѣйшее сочинительство.—Ср. ниже еще нѣсколько замѣчаній.

[3]) Икона св. Богородицы въ Десятинномъ храмѣ называлась Корсунскою; ср. Корсунскія врата въ Новгородѣ, Корсунскіе колокола въ Псковѣ. Сообщеніе о мощахъ Климента и ракѣ, привезенныхъ въ Кіевъ изъ Корсуня, находимъ въ латинскомъ житіи св. Маріана.

одной стороны, его походомъ на Корсунь и женитьбой на греческой царевнѣ, съ другой. Итакъ, вотъ основаніе для Корсунской легенды, основаніе, уже уклонившееся отъ исторической дѣйствительности, слившее въ одно разновременныя событія, придавшее единство тому, что на самомъ дѣлѣ такого единства не имѣло. И обработка этого все же въ существенныхъ чертахъ своихъ историческаго основанія уклонилась въ сторону легенды и былины. Никакихъ фактовъ, кромѣ указанныхъ, у составителя сказанія не было, а между тѣмъ самый замыселъ повѣдать о чудесныхъ событіяхъ, приведшихъ Русь къ крещенію, будилъ фантазію, давалъ пищу поэтическому творчеству. Понятно, что это наводило составителя Корсунской легенды на пользованіе извѣстными ему историческими пѣснями, гдѣ уже былъ разработанъ мотивъ добыванія Владиміромъ Царяграда и невѣсты. Пользованіе подобными пѣснями внесло въ Корсунскую легенду разныя сказочныя подробности. Къ числу ихъ относимъ основную мысль сказанія, будто Владиміръ идетъ на Корсунь добывать себѣ въ жены дочь Корсунскаго князя, далѣе весь эпизодъ со Жьдьберномъ, посылку въ Царьградъ воеводъ Олега и Жьдьберна просить руки царевны Анны, и т. д.

§ 94. Корсунская легенда съ особенною силой разрабатываетъ мотивъ о добываніи Владиміромъ невѣсты. Для благочестиваго читателя XI вѣка этотъ мотивъ ассоціировался, конечно, съ представленіемъ о Владимірѣ, какъ о великомъ блудникѣ. Возникаетъ вопросъ, не было ли и въ самой Корсунской легендѣ обращено особое вниманіе на эту черту Владиміра язычника. Нѣкоторыя данныя заставляютъ насъ рѣшительно утверждать, что Корсунская легенда сообщала о многоженствѣ Владиміра. Житіе Владиміра особаго состава (Плигинскій сборникъ) прямо указываетъ на то, что у Владиміра было 12 женъ, а наложницъ 300, а въ Бѣлѣгородѣ 300, а въ Берестовѣ 200, а всего 800. Въ текстъ возстановленной мною Корсунской легенды я не внесъ этого перечисленія наложницъ, полагая, что житіе особаго состава заимствовало его изъ лѣтописи. Но теперь я склоняюсь къ мысли, что Корсунская легенда перечисляла женъ и наложницъ Владиміра. Признавъ Корсунскую легенду источникомъ для Начальнаго свода, я считаю вѣроятнымъ, что весь от-

рывокъ Начальнаго свода (и Повѣсти вр. л.), гдѣ говорится о блудной жизни Владиміра, заимствованъ изъ Корсунской легенды. Отрывокъ этотъ (въ статьѣ 6488 г.) начинается словами «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою»; онъ оканчивается словами «Велій Господь нашь и велия крѣпость его, и разуму его нѣсть числа!» За ними слѣдуетъ явно пристегнутое позже разсужденіе о добрыхъ и злыхъ женахъ. Въ указанномъ отрывкѣ названо пять женъ Владиміровыхъ; при названіи каждой изъ нихъ (по имени названа одна Рогнѣда) указаны дѣти, ею рожденныя; затѣмъ сообщено сколько наложницъ имѣлъ Владиміръ въ Вышегородѣ, Бѣлгородѣ и на Берестовомъ сельцѣ. Приведемъ фактическую часть интересующаго насъ отрывка: «и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже нынѣ стоить сельце Предъславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; отъ Грекинѣ Святополка; отъ Чехинѣ Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава; а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба; а наложниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зовутъ нынѣ Берестовое». Такъ читается въ Лавр. и Новгор. 1-й, слѣдовательно, такъ же читалось и въ Начальномъ сводѣ [1]).

§ 95. Приведемъ нѣсколько соображеній въ пользу того, что отрывокъ этотъ вставленъ въ текстъ Начальнаго свода не изъ Древнѣйшаго свода, а изъ какого нибудь нелѣтописнаго источника. Во-первыхъ, это доказывается самымъ началомъ приведеннаго отрывка: «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою»; такое начало не согласуется съ предшествующимъ изложеніемъ; самое содержаніе отрывка показываетъ, что онъ не принадле-

---

[1]) Позднѣйшіе своды вносятъ поправки: Ипатьевская и Моск.-Академическая лѣтописи опускаютъ послѣ имени Святослава слова „и Мьстислава". Очевидно желаніе остаться при одномъ Мстиславѣ; между тѣмъ, эта поправка безусловно невѣрная, ибо оставленъ Мстиславъ, старшій Ярослава, а извѣстный Мстиславъ, появляющійся въ лѣтописи съ 6530 года, былъ моложе Ярослава, какъ видно изъ статьи 6534 г. Вмѣсто этого Мстислава Соф. 1-я, Новг. 4-я и др. называютъ Станислава; то же имя въ Ипат. приписано позже къ имени Святослава. Кромѣ того Соф. 1-я, Новг. 4-я и др приписываютъ: 11. Судиславъ, 12. Позвиздъ.

жить историческому, повременному разсказу; отступая отъ него, онъ даетъ характеристику Владиміра или описываетъ черты его жизни. Во-вторыхъ, самый отрывокъ содержитъ въ себѣ слѣды компиляціи, слѣды спайки двоякаго рода данныхъ: съ одной стороны, онъ перечисляетъ женъ Владиміровыхъ—и это вполнѣ согласно съ замысломъ очертить его блудную жизнь, дать свѣдѣнія объ его многоженствѣ, а съ другой при названіи женъ Владиміровыхъ указываются рожденные отъ каждой изъ нихъ сыновья. Спрашиваемъ умѣстенъ ли перечень ихъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло о блудной жизни Владиміра, тамъ, гдѣ о многоженствѣ его сообщается не просто какъ о фактѣ, а какъ о проявленіи похоти, причемъ тутъ же указываются и наложницы Владиміровы? Умѣстно ли было помѣстить имена св. Бориса и Глѣба тамъ, гдѣ мать ихъ названа въ числѣ прочихъ женъ, взятыхъ Владиміромъ «не по браку»? Наши вопросы могутъ показаться безцѣльными, ибо фактъ на лицо—перечень сыновей Владиміра и между ними имена Бориса и Глѣба читаются въ отрывкѣ, посвященномъ описанію блудной жизни Владиміра. Но возникаетъ вопросъ, не вставлены ли эти имена позже, составителемъ Начальнаго свода, не отсутствовали ли они въ первоначальной редакціи этого отрывка? Редакторъ чужого труда, списываемаго текста далеко не всегда такъ внимателенъ къ внутреннему смыслу его, какъ авторъ; редактору Начальнаго свода было вполнѣ естественно дополнить перечень женъ перечнемъ сыновей Владиміра, рожденныхъ ими; но автору, говорящему о блудной жизни Владиміра, врядъ ли бы пришло въ голову смягчить густыя тѣни, ложащіяся на женолюбиваго язычника, перечнемъ сыновей, рожденныхъ его женами.

Исходя изъ этихъ соображеній, я думаю, что перечень сыновей въ приведенномъ отрывкѣ заимствованъ составителемъ Начальнаго свода изъ того самаго перечня, который мы находимъ ниже подъ 6496 годомъ, гдѣ сыновья Владиміра названы въ такомъ порядкѣ: 1. Вышеславъ, 2. Изяславъ, 3. Святополкъ, 4. Ярославъ, 5. Всеволодъ, 6. Святославъ, 7. Мстиславъ, 8. Борисъ, 9. Глѣбъ, 10. Станиславъ, 11. Позвиздъ, 12. Судиславъ. Въ подверждені укажу на слѣдующее: перечень 6496 года перечисляетъ сыновей по времени ихъ рожденія, по старшинству (ср. тамъ же: «умеръшю же старѣйшему Вышеславу въ Новѣгородѣ»); такимъ образомъ одни

имена оказываются рядомъ съ другими въ силу близости по времени рожденія носящихъ эти имена сыновей Владиміровыхъ; а между тѣмъ, подъ 6488 (980) годомъ тѣ же имена объединяются рожденіемъ носителей ихъ отъ одной матери: Борисъ и Глѣбъ оказываются сыновьями Болгарки, Святославъ и Мстиславъ—Чехини, Ярославъ и Всеволодъ—Рогнѣды. Не согласуются съ указаннымъ распредѣленіемъ только имена трехъ старшихъ сыновей: Вышеслава, Изяслава и Святополка; Вышеславъ названъ сыномъ другой Чехини, Изяславъ Рогнѣды, а Святополкъ Гречанки; частью это объясняется тѣмъ, что изъ другого мѣста лѣтописи составителю Начальнаго свода было извѣстно о рожденіи Святополка отъ Гречанки, вдовы Ярополка; частью же это зависѣло отъ простой ошибки составителя Начальнаго свода: онъ назвалъ старшимъ сыномъ Рогнѣды Изяслава, потомъ хотѣлъ назвать Вышеслава, но замѣтивъ свою ошибку, поправилъ Вышеслава на Мстислава; такимъ образомъ Вышеслава пришлось выдѣлить и приписать къ Чехинѣ, которыхъ вслѣдствіе этого оказалось двѣ вмѣсто одной. Если оставимъ въ сторонѣ троихъ старшихъ Владиміровичей, то группировка остальныхъ сыновей окажется вполнѣ согласованною съ группировкой женъ Владиміровыхъ: Рогнѣда, Чехиня, Болгарыня, съ одной стороны, Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ, Мстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, съ другой; трое послѣднихъ Владиміровичей—Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ не названы совсѣмъ; къ дѣтямъ Рогнѣды приписаны двѣ дочери—это тѣ двѣ сестры Ярослава, о которыхъ сообщаетъ Нач. сводъ подъ 1018 годомъ.

Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что составитель Начальнаго свода, заимствовавъ отрывокъ о блудной жизни Владиміра изъ особой повѣсти о Владимірѣ, которую предположительно отождествляемъ съ Корсунскою легендой, дополнилъ его перечнемъ сыновей Владиміровыхъ, который былъ ему извѣстенъ изъ другого его источника (предположительно изъ Древн. свода). Дополненіе это сдѣлано въ одной части совершенно механически: говорю о распредѣленіи шести сыновей [1]). Въ Корсунской легендѣ

[1]) Слѣдовательно, нельзя придавать никакой цѣны указанію на то, что Борисъ и Глѣбъ рождены отъ Болгарки, Святославъ и Мстиславъ отъ Чехини.

перечень женъ Владиміровыхъ былъ, быть можетъ, нѣсколько полнѣе: кромѣ Рогнѣды, юже посади на Лыбеди, Чехини, Болгарыни [1]), были названы, быть можетъ, еще нѣсколько женъ по мѣсту ихъ происхожденія.

§ 96. Передъ отрывкомъ о блудной жизни Владиміра въ Начальномъ сводѣ читаемъ объ идолопоклонствѣ Владиміра; перечисляются поставленные имъ идолы: «и жряху имъ, наричюще ихъ богы, и привожаху сынови свои и дщери и жряху бѣсомъ, и оскверьняху землю требами своими; и осквернися земля Руская кровьми и холмъ тъй. Нъ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ: на томъ холмѣ нынѣ церки стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ». Рядъ данныхъ наводитъ на мысль, что въ Корсунской легендѣ было сообщено объ идолопоклонствѣ Владиміра; ср. въ началѣ обычнаго житія Владиміра: «сии князь Владимеръ сынъ Святославль отъ племени Варяжьска, первѣе къ идоломъ много тщание творя». Вслѣдствіе этого имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что приведенное мѣсто Начальнаго свода заимствовано изъ Корсунской легенды. Обращаю вниманіе на явную вставку этого мѣста: она обнаруживается словами «якоже послѣди скажемъ». Вставка обнаруживается еще и тѣмъ, что текстъ этого мѣста искаженъ вслѣдствіе пропуска, вслѣдствіе того, что первоначальный текстъ внесенъ въ Начальный сводъ не цѣликомъ; а именно, послѣ словъ «Нъ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ» никакъ нельзя ожидать того продолженія, которое находимъ теперь: подлежащее «Богъ» осталось безъ сказуемаго. Не отрицаю возможности того, что объ идолопоклонствѣ Владиміра сообщалось и въ Древнѣйшемъ сводѣ, источникѣ Начальнаго свода, но думаю, что въ немъ говорилось объ идолопоклонствѣ въ самыхъ общихъ чертахъ. Думаю, что Древн. сводъ ограничивался указаніемъ: «и постави кумиры на холмѣ внѣ двора теремнаго». Въ подтвержденіе ссылаюсь на разсужденія, изложенныя ниже въ § 104, изъ которыхъ слѣдуетъ, что непосредственно за этими словами сообщалось о жертвопри-

[1]) Неясно, была ли названа Грекиня: быть можетъ, ее вставилъ Начальный сводъ, для того чтобы согласовать съ тѣмъ, что онъ выше сообщилъ о рожденіи Святополка.

ношеніяхъ, устроенныхъ Владиміромъ, причемъ были замучены Варяги христіане.

§ 97. Итакъ, опредѣляя мѣста, которыя можно возвести въ Начальномъ сводѣ къ Корсунской легендѣ, указываемъ прежде всего на два отрывка, разсмотрѣнные выше, въ статьѣ 6488 (980) года. Слѣдующею статьею, гдѣ возможны заимствованія изъ этой легенды, является статья 6496 (988) года, подъ которымъ разсказывается о походѣ Владиміра на Корсунь и о крещеніи его въ Корсунѣ.

Опредѣленіе, что̀ именно въ этой статьѣ Начальнаго свода восходитъ къ Корсунской легендѣ, а что къ Древнѣйшему своду, представляется затруднительнымъ потому, что и Древнѣйшій сводъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Память и похвала Владиміру, сообщалъ о походѣ Владиміра на Корсунь на третье лѣто по крещеніи, причемъ взятіе Корсуня и въ Древнѣйшемъ сводѣ сопровождалось, повидимому, разсказомъ о женитьбѣ Владиміра на греческой царевнѣ. Займемся сначала разсказомъ объ осадѣ Корсуня. Съ полною вѣроятностью можно думать, что Корсунская легенда разсказывала о ней такъ же, какъ житіе Владиміра особаго состава (Плигинскій сб.). Осада ведется Владиміромъ съ моря; варягъ Жьдьбернъ пускаетъ изъ Корсуня стрѣлу, на которой написано, какъ взять городъ, какъ заставить его сдаться; надо перекопать путь, которымъ съ суши доставляется въ Корсунь провіантъ; Владиміръ слушается совѣта, городъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ сдается. Слѣдовательно, то мѣсто лѣтописной статьи, гдѣ говорится, что Владиміръ сталъ «объ онъ полъ града въ лимени, въдале града стрѣлище едино», должно быть возведено къ Корсунской легендѣ. Напротивъ, слова «Володимеръ же обьстоя градъ», явно несогласованныя и противорѣчащія предшествующему указанію, мы возведемъ къ Древн. своду, ибо въ немъ сообщалось, что осада велась съ суши. За этими словами читаемъ «изнемогаху въ градѣ людье». Это не у мѣста въ разсказѣ Корсунской легенды, ибо въ ней нѣсколько ниже Жьдьбернъ объясняетъ Владиміру, что ему не истомить гражданъ голодомъ, въ виду того, что провіантъ доставляется въ городъ сухимъ путемъ. Но въ Древн. сводѣ, говорившемъ о полной блокадѣ города («обьстоя градъ»), этимъ словамъ можно было быть и тамъ, гдѣ мы

застаемъ ихъ въ Нач. сводѣ, если добавить слово «гладъмь», или замѣнить имъ слова «въ градѣ». «Изнемогаху»—это еще не «изнемогоша»; «изнемогоша людье водною жажею» позже, когда ихъ лишили воды. Далѣе, съ увѣренностью относимъ къ Древн. своду эпизодъ съ воздвиганіемъ земляного вала вокругъ города—это свидѣтельствуетъ также объ осадѣ съ суши [1]). Но вотъ видимъ въ Начальномъ сводѣ появленіе мужа Корсунянина Анастаса, пустившаго стрѣлу съ предательскимъ совѣтомъ перенять воду, которая была проведена по трубамъ въ Корсунь. Совѣтъ, данный Анастасомъ, свидѣтельствуетъ опять о томъ, что въ разсказѣ, въ которомъ онъ появился, дѣло шло объ осадѣ съ суши. Но самый поступокъ Анастаса оказывается вполнѣ аналогичнымъ поступку Жьдьберна Корсунской легенды. Тамъ пущенная Варягомъ, преданнымъ Владиміру, стрѣла представляется болѣе естественной, чѣмъ здѣсь, въ Начальномъ сводѣ: Анастасъ, какъ извѣстно, былъ священникомъ, и врядъ ли умѣстна была съ его званіемъ стрѣльба изъ осажденнаго города. Считаю поэтому эпизодъ съ пусканіемъ предательской стрѣлы заимствованнымъ въ Начальный сводъ изъ Корсунской легенды; Жьдьбернъ Корсунской легенды замѣненъ Анастасомъ; замѣна произошла подъ вліяніемъ Древнѣйшаго свода, гдѣ разсказывалось о совѣтѣ, данномъ Владиміру попомъ Анастасомъ, конечно, не при помощи стрѣлы, а, вѣроятно, посредствомъ тайнаго посланца. Далѣе читаемъ въ Начальномъ сводѣ: «Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». Точно такой фразы не было, повидимому, ни въ Древнѣйшемъ сводѣ, ни въ Корсунской легендѣ: въ Древнѣйшемъ сводѣ ея не могло быть потому, что Владиміръ по нему былъ уже крещенъ, а въ Корсунской легендѣ странно было бы найти такую рѣчь въ устахъ Владиміра, стремившагося взять Корсунь отнюдь не по какимъ либо высокимъ побужденіямъ; да этой фразы и нѣтъ въ житіи Владиміра особаго состава (Плиг. сб.), вообще меньше остальныхъ отошедшемъ отъ первоначальнаго оригинала легенды. Думаю, однако, что въ Древнѣйшемъ сводѣ здѣсь была фраза, сходная съ приведенною: Владиміръ, услышавъ совѣтъ Анастаса, давалъ какой

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ см. § 236.

нибудь благочестивый обѣтъ, быть можетъ, выстроить церковь св. Богородицы.

§ 98. Слѣдующее за симъ мѣсто о посылкѣ Владиміромъ къ греческимъ царямъ просить руки ихъ сестры, какъ указано выше, представляется особенно труднымъ для анализа; трудно именно рѣшить, восходитъ ли оно къ Древн. своду или къ Корсунской легендѣ. Считаю, однако, болѣе вѣроятнымъ признать это мѣсто заимствованнымъ въ Начальный сводъ изъ Корсунской легенды: во-первыхъ, здѣсь выдержана та же мысль, какая положена въ самое начало разсказа; Владиміръ собирается идти на Царьградъ опять для добыванія невѣсты, какъ пришелъ именно за этимъ и къ Корсуню; во-вторыхъ, Владиміръ грозитъ сотворить Царюграду то же, что онъ сотворилъ съ Корсунемъ: Начальный сводъ, слѣдуя, очевидно, Древн. своду, ничего не говоритъ о томъ, что же сдѣлалъ Владиміръ съ завоеваннымъ городомъ,—между тѣмъ, Корсунская легенда, какъ видно изъ житія Владиміра особаго состава (Плиг. сб.), говорила о жестокой расправѣ съ княземъ Корсунскимъ и поставленіи въ Корсунѣ намѣстникомъ Жьдьберна. Сообщеніе о переговорахъ съ царями, убѣждающими Владиміра креститься, сообщеніе о прибытіи царевны, о крещеніи Владиміра послѣ чудеснаго исцѣленія—все это восходитъ несомнѣнно къ Корсунской легендѣ. Быть можетъ, Древн. сводъ ограничивался сообщеніемъ о мирѣ, заключенномъ Владиміромъ съ греческими царями, и о присылкѣ ими въ жены Владиміру ихъ сестры. Думаю, что фраза, въ которой Древнѣйшій сводъ сообщалъ о бракѣ Владиміра съ царевной, сохранилась ниже: «Володимеръ же посемъ, поемъ царицю»; здѣсь «поемъ» означаетъ: взявъ въ замужество, повѣнчавшись.

§ 99. Гдѣ же продолженіе этой фразы? Непосредственно за нею читаемъ: «и Настаса, и попы Корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ». Думаю, что слова «и Настаса, и попы Консуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его» восходятъ къ Корсунской легендѣ. Ср. ниже поповъ Корсунскихъ при крещеніи кіевлянъ, далѣе сообщеніе объ Анастасѣ, какъ завѣдующемъ Десятинною церковью, въ извѣстіи о построеніи этой церкви: разсказъ же о крещеніи кіевлянъ и по-

дробности о построеніи церкви св. Богородицы принадлежатъ несомнѣнно Корсунской легендѣ. Повидимому, и Корсунская легенда и Древн. сводъ сообщали о взятыхъ Владиміромъ изъ Корсуня сосудахъ и иконахъ, поэтому непосредственнымъ продолженіемъ приведенной фразы считаю «поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ» [1]).

§ 100. Разсказъ о сверженіи кумировъ Владиміромъ (по возвращеніи изъ Кіева) я признаю заимствованнымъ въ Нач. сводъ изъ Корсунской легенды, основываясь, во-первыхъ, на томъ, что выше (§ 96) мы признали восходящимъ къ этой легендѣ сообщеніе о поставленіи Владиміромъ кумировъ, во-вторыхъ, на томъ, что памятники, примыкающіе непосредственно къ этой легендѣ, сообщаютъ еще о сверженіи кумира Волоса. Впрочемъ, Древн. сводъ въ общихъ чертахъ передавалъ объ уничтоженіи кумировъ: возвожу къ нему фразу «повелѣ кумиры испровреци, овы иссѣщи, а другыя огневи предати». Въ самомъ разсказѣ Нач. свода о крещеніи кіевлянъ обнаруживаются какъ будто два источника. Такъ, Начальный сводъ говоритъ о крещеніи кіевлянъ въ Днѣпрѣ, между тѣмъ Корсунская легенда, судя по обычному житію Владиміру, указывала на Почайну, какъ на мѣсто крещенія; далѣе въ концѣ повторено два раза о поставленіи Владиміромъ церквей: «И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры» и т. д.; а ниже: «и нача ставити по градомъ церкви и попы и людье на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ». Возникаетъ вопросъ, не слиты ли въ описаніи крещенія кіевлянъ два разсказа—разсказъ Древн. свода (гдѣ былъ, слѣдовательно, названъ Днѣпръ) и разсказъ Корсунской легенды (изъ нея взята, напр., первая изъ обѣихъ фразъ, гдѣ сообщено о поставленіи Владиміромъ церквей). Въ пользу предположенія о томъ, что нѣкоторыя части разсказа о крещеніи кіевлянъ восходятъ къ Древн. своду, приведу еще текстъ сѣтованія дьявола: «сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога». Мы видѣли выше, что подобное же указаніе на то, что на Руси не было апостоловъ, высказано Несторомъ въ его Чтеніи о житіи и

[1]) Сообщеніе о постройкѣ церкви въ Корсунѣ вставлено, см. § 236.

погубленіи Бориса и Глѣба. Слѣдовательно, ему умѣстно было быть и въ Древн. сводѣ, источникѣ Несторова сказанія.

Что касается сообщенія объ отдачѣ Владиміромъ дѣтей въ ученіе книжное, то оно восходитъ, вѣроятно, къ Древн. своду. Равнымъ образомъ считаю вѣроятнымъ, что къ тому же своду восходятъ и благочестивыя разсужденія по поводу крещенія [1]).

§ 101. Къ Корсунской легендѣ составитель Начальнаго свода возвращается ниже въ сообщеніи сначала о закладкѣ, а потомъ и о постройкѣ Десятинной церкви: здѣсь опять встрѣчаемъ Анастаса и поповъ Корсунскихъ; кромѣ того, Корсунская легенда, возникшая сама при Десятинной церкви [2]), сообщала о дарованіи Владиміромъ этой церкви десятины; но объ этомъ читалось, повидимому, и въ Древн. сводѣ, который пользовался особымъ письменнымъ источникомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ Корсунская легенда, — краткою статьей объ основаніи церкви св. Богородицы Десятинной (ср. § 259). Сообщеніе о передачѣ въ церковь всего взятаго Владиміромъ въ Корсунѣ можетъ восходить къ Корсунской легендѣ.

§ 102. Въ противность указаніямъ, сдѣланнымъ мною раньше въ изслѣдованіи «Корсунская легенда о крещеніи Владиміра», я теперь въ слѣдующихъ за тѣмъ статьяхъ Начальнаго свода не вижу заимствованій изъ этой легенды. Говорю прежде всего о статьѣ 6504 года. Вторая половина ея является характеристикой Владиміра. Мы видѣли, что Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ пользовалось ею. Это доказываетъ, что характеристика восходитъ къ Древн. своду. Упомяну еще и о похвалѣ Владиміру, а именно, о томъ первоначальномъ видѣ, который она имѣла въ Начальномъ сводѣ (ср. выше). И ее я возвожу теперь къ Древн. своду, имѣя въ виду отчасти нѣкоторое сходство этой похвалы съ похвалой Ольгѣ, несомнѣнно извѣстною составителю Древн. свода, а потому предположительно послужившею для него образцомъ [3]).

---

[1]) Слова „си бо не бѣша преди слышали словесе книжного“ ср. у Нестора: „никто же бо имъ проповѣдалъ слова Божия“.

[2]) Ср. „Корсунская легенда о крещеніи Владиміра“, с. 60.

[3]) Непосредственно за словами: „схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя“ читаемъ: „Се есть новый Костянтинъ великого Ри-

Отмѣчу, кромѣ того, что сравненіе Владиміра съ Константиномъ имѣется и у Нестора, который, быть можетъ, заимствовалъ его изъ Древн. свода («се вторыи Костянтинъ в Руси явися»).

§ 103. Опредѣливъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, что̀ въ статьяхъ Начальнаго свода, относящихся къ Владиміру, можетъ быть возведено къ Корсунской легендѣ, разсмотримъ теперь эти статьи еще разъ по порядку, для опредѣленія, какія части ихъ могутъ восходить къ Древн. своду.

Начнемъ съ статьи 6488 (980) года. Начало статьи—эпизодъ съ Рогнѣдой, какъ будетъ указано ниже (§ 118), не читался въ Древн. сводѣ, а заимствованъ въ него изъ Новгородскаго владычняго свода; равнымъ образомъ вторая половина статьи, начиная съ разсказа о поставленіи кумировъ, восходитъ, какъ мы видѣли, не къ Древн. своду, а къ другимъ источникамъ.

Статьи 6489 и 6490 не обращаютъ на себя особеннаго вниманія, хотя вѣроятно, что сообщеніе о второмъ походѣ Владиміра на Вятичей возникло вслѣдствіе пользованія Новгородскимъ сводомъ, гдѣ такъ же, какъ въ Древн. сводѣ, было упомянуто (но въ иныхъ выраженіяхъ) о покореніи Вятичей Владиміромъ.

§ 104. Статья 6491 содержитъ въ началѣ замѣтку о покореніи Ятвяговъ: ее мы относимъ къ Древн. своду. Засимъ идетъ явно пристегнутый къ предыдущему разсказъ о первыхъ мученикахъ христіанскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что разсказъ этотъ составленъ не лѣтописцемъ; въ болѣе полномъ видѣ мы читаемъ его въ прологѣ (подъ 12 іюля), причемъ въ проложной статьѣ указано имя младшаго Варяга—Іоанна; можно съ увѣренностью думать, что въ первоначальной редакціи этого разсказа былъ названъ и старшій Варягъ—Туры [1]). Вопросъ, подлежащій

ма".А выше въ разсказѣ объ Ольгѣ: „сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, акы деньница предъ солнцемь". Ниже: „сего бо память держать Русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога" и т. д.; ср. объ Ольгѣ: „сию бо хвалять Рустии сынове аки начальницю... Се бо вси человѣци прославляють (Бога), видяще (ю) лежащю в тѣлѣ на многа лѣта".

[1]) Сошлемся на нашу замѣтку „Какъ назывался первый русскій христ. мученикъ?" (Извѣстія Акад. Наукъ, 6-я серія, 1907 г.).

нашему разрѣшенію, сводится къ тому, кто включилъ этотъ разсказъ въ лѣтопись—составитель Начальнаго свода или еще составитель Древн. свода. Я считаю, что послѣдній, и притомъ на основаніи того, что въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Древн. свода обнаруживаются слѣды пользованія этимъ разсказомъ о первыхъ мученикахъ. Такъ въ особенности важно для насъ сопоставленіе слѣдующихъ словъ Варяга со словами, вложенными составителемъ Древн. свода въ уста нѣмецкимъ проповѣдникамъ, пришедшимъ къ Владиміру. Варягъ говоритъ: «не суть то бози, но древо... а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человѣка... а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть». Нѣмцы говорятъ Владиміру: «кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Зависимость послѣднихъ словъ отъ рѣчи Варяга очевидна; нѣмцамъ незачѣмъ было переходить въ обличеніе «а бози ваши древо суть», а между тѣмъ въ этомъ обличеніи вся суть рѣчи Варяга. Далѣе отмѣчу сходство словъ, которыми выражается сѣтованіе діавола при крещеніи Руси (§ 100), съ разсужденіями составителя разсказа о первыхъ мученикахъ. Мы читаемъ въ немъ: «Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьаньский, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в иныхъ странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, ихже ученьемь побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози», и т. д. Ср. въ размышленіяхъ, помѣщенныхъ послѣ разсказа о крещеніи Кіевлянъ: «А дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога... не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Ясно, что размышленія послѣ крещенія составлены подъ вліяніемъ размышленій въ разсказѣ о первыхъ мученикахъ: въ послѣднемъ ясно проведено противоположеніе между иными странами (гдѣ проповѣдано слово Божіе апостолами) и Русью (гдѣ апостоловъ не было), между тѣмъ какъ въ размышленіяхъ послѣ крещенія такого противоположенія нѣтъ и упоминаніе о «странахъ сихъ» является не

вполнѣ ожиданнымъ. Кромѣ того, можно думать, что и дальнѣйшее содержаніе статьи о крещеніи составлено подъ вліяніемъ разсказа о мученикахъ. Какъ видно изъ только что приведенныхъ словъ этого разсказа, дьяволъ побѣждается раздающимся въ церквахъ ученіемъ апостольскимъ. Сообразно съ этимъ Владиміръ, испросивъ въ молитвѣ о томъ, чтобы Богъ далъ новымъ людямъ своимъ «увѣдѣти истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя» (ср. объ этихъ странахъ, изгнавшихъ отъ себя дьявола, въ разсказѣ о мученикахъ) и чтобы Онъ даровалъ помощь для побѣды надъ супротивнымъ врагомъ, повелѣваетъ, во-первыхъ, строить церкви, а во-вторыхъ, отдавать дѣтей на ученіе книжное. Итакъ, заключаемъ, что составитель Древн. свода зналъ разсказъ о первыхъ мученикахъ и включилъ его въ свой трудъ, подобно какъ выше онъ включилъ въ него повѣсть о крещеніи и кончинѣ Ольги. Выше въ § 11 приведены соображенія, заставляющія предполагать, что разсказъ о св. мученикахъ былъ въ Древн. сводѣ помѣщенъ непосредственно за разсказомъ о вступленіи Владиміра на столъ.

Статья 6492 года не обращаетъ на себя особеннаго вниманія и можетъ быть возведена къ Древн. своду. О статьѣ 6493 года, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Добрыня, скажемъ ниже въ главѣ, посвященной заимствованіямъ Начальнаго свода изъ Новгородскаго свода.

§ 105. Статья 6494 года, содержащая сначала разсказъ о прибытіи къ Владиміру посольствъ съ предложеніемъ избрать вѣру, а потомъ рѣчь греческаго философа, восходитъ, какъ мнѣ кажется, цѣликомъ къ Древн. своду. Какъ указано выше, Древн. сводъ крещеніе Владиміра ставилъ въ связь съ проповѣдью греческаго миссіонера, котораго онъ, какъ увидимъ ниже (§ 174), называлъ Кирилломъ. Убѣжденный краснорѣчіемъ проповѣдника, а также картиной страшнаго суда, услышавъ послѣднія слова философа: «аще хощеши одесную съ праведниками стати, то крестися», Владиміръ по первоначальному замыслу разсказчика, введшаго философа въ качествѣ проповѣдника, конечно, изъявлялъ согласіе креститься; а этимъ разсказчикомъ былъ, составитель Древн. свода. Составитель послѣдующаго — Начальнаго свода измѣнилъ соотвѣтствующее мѣсто подъ влія-

*

ніемъ Корсунской легенды, полагавшей крещеніе въ Корсунѣ, а не въ Кіевѣ. Для этого Владиміру вложенъ уклончивый отвѣтъ, а подъ слѣдующимъ годомъ сообщено объ его совѣщаніи съ боярами и старцами, которымъ онъ излагаетъ вкратцѣ то, что сообщено выше, и спрашиваетъ ихъ совѣта; по совѣту бояръ и старцевъ Владиміръ посылаетъ посольство для испытанія вѣръ, которое, вернувшись изъ поѣздки къ болгарамъ, нѣмцамъ и Грекамъ, представляетъ отчетъ передъ Владиміромъ, старцами и боярами. Бояре совѣтуютъ Владиміру принять греческую вѣру, ссылаясь при этомъ на примѣръ Ольги. Владиміръ, очевидно, согласившись съ ними, спрашиваетъ, гдѣ же, въ какомъ мѣстѣ принять крещеніе? Бояре отвѣчаютъ: «гдѣ ти любо». Черезъ годъ,—продолжаетъ Начальный сводъ,—Владиміръ пошелъ походомъ на Корсунь. Трудно сомнѣваться въ томъ, что вся статья 6495 года составлена редакторомъ Начальнаго свода съ прямою цѣлью перейти отъ бесѣды Владиміра съ философомъ къ походу на Корсунь, гдѣ состоялось крещеніе. Отказъ Владиміра послѣдовать приглашенію философа — креститься надо было мотивировать его колебаніями и сомнѣніями; это и выражено, какъ въ совѣщаніи Владиміра съ боярами и старцами, такъ и въ посылкѣ мужей добрыхъ и смысленыхъ для согляданія вѣръ. Но сомнѣнія и колебанія Владиміра должны пасть подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отчета вернувшагося посольства, а съ другой— мудраго совѣта бояръ и старцевъ; тѣмъ не менѣе, Владиміръ не сдается. Это обстоятельство потребовалось опять мотивировать: въ ходъ пускается прежнее объясненіе—Владиміръ сомнѣвается и колеблется, но на этотъ разъ его волнуетъ вопросъ не о томъ, какая служба болѣе угодна Богу, а о томъ, гдѣ принять греческую вѣру. Старцамъ и боярамъ не дано въ этотъ разъ разсѣять сомнѣній Владиміровыхъ; они отвѣчаютъ: «гдѣ ти любо», и это развязываетъ автору руки — онъ переходитъ къ описанію похода на Корсунь, гдѣ по утвержденію его авторитетнаго источника (Корсунской легенды) произошло Владимірово крещеніе.

§ 106. Полагая такимъ образомъ, что статья 6495 года придумана составителемъ Начальнаго свода, мы, тѣмъ не менѣе, признаемъ вѣроятнымъ, что элементы, въ ней содержащіеся, заимствованы изъ источниковъ Начальнаго свода. Въ статьѣ «Кор-

сунская легенда о крещенiи Владимiра» высказано предположенiе, что въ первоначальной редакцiи этой легенды Владимiръ посылалъ испытать вѣры изъ Корсуня, когда греческiе цари предложили ему креститься; ср. въ отвѣтѣ, данномъ Владимiромъ царямъ: «яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служение, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». Остаюсь и теперь при этомъ предположенiи, но думаю, что статья 6495 года содержитъ и такiе элементы, которые восходятъ къ Древн. своду. Попытаюсь доказать это.

Владимiръ, какъ указано, созвавъ бояръ и старцевъ, спрашивалъ ихъ совѣта относительно того, какъ отнестись къ сдѣланнымъ ему съ разныхъ сторонъ предложенiямъ. О предложенiяхъ болгаръ, нѣмцевъ и жидовъ онъ только упоминаетъ; очевидно, что онъ не одобряетъ ихъ вѣры. Напротивъ, на предложенiи грековъ онъ останавливается подробно: отмѣчаетъ отрицательное отношенiе ихъ къ другимъ вѣрамъ («хулящє вси законы, а свой хвалящє»), сообщаетъ о длинной рѣчи ихъ, гдѣ они говорили отъ начала миру, о бытьи всего мира; при этомъ Владимiръ высказываетъ свое удовольствiе по поводу этой рѣчи («суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ»); наконецъ, передачу своей бесѣды съ греками Владимiръ заключаетъ словами: «и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огни горѣти». Оказывается, что Владимiръ неточно передалъ слышанное имъ отъ философа, котораго онъ не называетъ, употребляя болѣе общее выраженiе «Греци»; философъ не произносилъ тѣхъ словъ, что приписалъ ему Владимiръ. Трудно, однако, предположить, чтобы они были придуманы составителемъ статьи 6495 года, т.-е. редакторомъ Начальнаго свода. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ дѣйствительно извлекъ ихъ изъ конца бесѣды Владимiра съ философомъ, переданной имъ неточно, въ сокращенiи. Философу было вполнѣ умѣстно произнести подобныя приведеннымъ слова, когда онъ объяснялъ Владимiру картину Страшнаго суда. А редакторъ Начальнаго свода, замѣтившiй, что списываемый имъ источникъ (Древнѣйшiй сводъ)

приведетъ его къ отвергнутой имъ развязкѣ (крещенію Владиміра въ Кіевѣ), началъ сокращать его именно съ момента объясненія Владиміру этой картины. Но, сокративъ бесѣду философа при объясненіи картины, онъ воспользовался выпущенными мѣстами при составленіи статьи 6495 года. Итакъ, вотъ одинъ изъ элементовъ Древн. свода въ составѣ статьи 6495 года.

Владиміръ оканчиваетъ свою рѣчь къ боярамъ и старцамъ слѣдующимъ вопросомъ: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» Мы видѣли, что бояре и старцы въ отвѣтъ на это совѣтуютъ ему послать мужей испытать чужія вѣры или точнѣе, «кто како служитъ Богу». Выходитъ такъ, что «закону» противополагается «служба»: греческій «законъ» одобренъ княземъ, противъ него не возражаютъ и его совѣтники; но послѣдніе совѣтуютъ испытать еще «службу», т.-е. обрядовую сторону. Никто не станетъ возражать противъ того, что такой отвѣтъ бояръ и старцевъ на поставленный Владиміромъ вопросъ совершенно неумѣстенъ; впрочемъ, смыслъ его опровергается тотчасъ же тѣмъ порученіемъ, которое дано было съ самаго начала посольству: «идѣте первое въ Болгары и испытайте вѣру ихъ» (а не «съглядайте службу ихъ»). Не такого отвѣта могъ ждать отъ своихъ совѣтниковъ Владиміръ, который еще раньше отвергъ предложенія болгаръ, нѣмцевъ и жидовъ и который только что подтвердилъ свое отрицательное къ нимъ отношеніе. Владиміръ ставитъ боярамъ и старцамъ опредѣленный вопросъ о греческой вѣрѣ, о греческомъ законѣ; онъ ждетъ отъ нихъ совѣта, принимать ли именно эту вѣру или нѣтъ? Бояре и старцы не могли уклониться отъ отвѣта ссылкой на необходимость испытать службу болгаръ, нѣмцевъ, жидовъ и грековъ. Для меня очевидно, что по первоначальному замыслу разсказчика отвѣтъ бояръ и старцевъ долженъ былъ быть иной. Ставлю вопросъ не сохранился ли этотъ первоначальный отвѣтъ ихъ ниже, гдѣ читаемъ: «Отвѣщавше же бояре рекоша: аще бы лихъ законъ Греческий, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ»? На этотъ вопросъ отвѣчаю утвердительно: во-первыхъ, останавливаюсь на словѣ «отвѣщавше». Приведенныя слова читаются вслѣдъ за отчетомъ вернувшагося въ Кіевъ посольства. Кому же отвѣчаютъ бояре, когда никто не задаетъ имъ вопроса? Владиміръ не

сдѣлалъ по этому отчету ни одного замѣчанія и не обращался съ вопросомъ къ собранной дружинѣ. Кому же и на какой вопросъ отвѣчаютъ бояре? Ясно, что на прежній, приведенный выше вопросъ Владиміра «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» Слѣдовательно, необходимо соединить вопросъ съ отвѣтомъ и признать, какъ совѣтъ бояръ и старцевъ снарядить посольство, такъ и дальнѣйшій разсказъ о посольствѣ вставкой. Во-вторыхъ, бояре въ своемъ отвѣтѣ говорятъ о законѣ Греческомъ; но именно о законѣ и спрашивалъ ихъ раньше Владиміръ; между тѣмъ, мы видимъ между вопросомъ о Греческомъ законѣ и отвѣтомъ относительно него же разсказъ объ испытаніи службъ, ибо и посольство въ своемъ отчетѣ сообщало исключительно о томъ, кто како служитъ. Слѣдовательно, и въ этомъ обстоятельствѣ видимъ доказательство того, что за вопросомъ Владиміра долженъ былъ слѣдовать непосредственно приведенный выше отвѣтъ бояръ.

Такимъ путемъ мы подходимъ къ предположенію, что разсказъ о созывѣ Владиміромъ совѣщанія, окончившагося совѣтомъ, даннымъ боярами Владиміру—принять законъ Греческій, подвергся вставкѣ: въ него вставленъ эпизодъ съ посылкой мужей для испытанія службъ. Этотъ эпизодъ, какъ указано, мы возводимъ къ Корсунской легендѣ, а разсказъ о совѣщаніи Владиміра съ боярами и старцами относимъ поэтому къ Древнѣйшему своду. Въ Древн. сводѣ этотъ разсказъ имѣлъ иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который придалъ ему редакторъ Начальнаго свода. Въ Древн. сводѣ Владиміръ не отвѣчалъ философу «пожду еще мало», хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ (которыя онъ уже испыталъ и отвергъ, за исключеніемъ Греческой); онъ отвѣчалъ, повидимому, философу, что долженъ посовѣтоваться съ дружиною [1]). Созвавъ ее, онъ ставитъ ей опредѣленный вопросъ о Греческомъ законѣ и получаетъ опредѣленный и притомъ утвердительный отвѣтъ. Такимъ образомъ созрѣвшее во Владимірѣ подъ вліяніемъ бесѣды съ философомъ рѣшеніе находитъ себѣ подкрѣпленіе въ совѣтѣ, данномъ дружиной. Такой ходъ разсказа представляется есте-

[1]) Ср. опасенія Святослава: „како азъ хочю инъ законъ приняти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть“.

ственнымъ и цѣлесообразнымъ, въ особенности если примемъ во вниманіе, что за согласнымъ рѣшеніемъ князя и дружины послѣдовало, по сообщенію Древн. свода, всенародное крещеніе [1]).

Такимъ образомъ намъ приходится нѣсколько измѣнить предложенное выше объясненіе происхожденія статьи 6495 года. Редакторъ Начальнаго свода пожелалъ усмотрѣть въ обращеніи Владиміра къ боярамъ и старцамъ за совѣтомъ доказательство его сомнѣній и колебаній; послѣдніе же не только не разсѣиваютъ ихъ и не борются съ ними, а напротивъ, усиливаютъ ихъ фразой, «вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, ио хвалить», фразой: явно направленною противъ Грековъ (хулившихъ всѣ законы, а свой восхвалявшихъ). Логическимъ слѣдствіемъ такой точки зрѣнія является новая повѣрка службъ и вѣры, повѣрка на мѣстахъ. Итакъ, смыслъ статьи 6495 года — оттянуть принятіе вѣры до взятія Корсуня, но она далеко не вся сочинена, придумана; въ ней только своеобразно скомбинированы данныя обоихъ источниковъ Начальнаго свода.

§ 107. Въ Древнѣйшемъ сводѣ за совѣщаніемъ князя съ боярами и старцами слѣдовалъ разсказъ о крещеніи Владиміра, его сыновей и дружины и затѣмъ разсказъ о крещеніи всего народа. Къ крещенію Владиміра относилось въ Древн. сводѣ еще наставленіе въ вѣрѣ, преподанное Владиміру. Философъ, обратившій Владиміра, не могъ оставить его безъ подобнаго наставленія. Возвожу поэтому наставленіе въ вѣрѣ (въ чемъ оно состояло, скажу ниже) къ тому же источнику, откуда взята Рѣчь философа.

Что же это былъ за источникъ? Какъ мною было уже высказано въ печати [2]), такимъ источникомъ слѣдуетъ признать недошедшій до насъ разсказъ о крещеніи Болгарскаго царя Бориса отъ грековъ. Легенда о томъ, что Борисъ былъ обращенъ въ христіанство видомъ картины страшнаго суда, была очень распространенна; она перешла и въ византійскія хроники и сказанія [3]). Не

---

[1]) Ср. слова Кіевлянъ, приглашенныхъ Владиміромъ креститься: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли".

[2]) „Одинъ изъ источниковъ лѣт. сказанія о крещеніи Владиміра". Отт. изъ сборника въ честь М. С. Дринова.

[3]) Напр. у Скилиція (Кедринъ II, 152—153, Боннск. изд.), продолжателя Ѳеофана (ed. Bonn. 162—165), Симеона Логоѳета. Ср. сводъ извѣ-

подлежитъ сомнѣнію, что и она и все преданіе о крещеніи Бориса воплотились въ самой Болгаріи въ письменный памятникъ. А это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что обстоятельства крещенія Бориса и литературная обработка ихъ стали извѣстны и у насъ на Руси. Быть можетъ, не очень произвольно будетъ предположеніе, что составитель Древнѣйшаго свода былъ знакомъ съ исторіей крещенія Бориса по тому самому болгарскому лѣтописцу, о которомъ мы говорили выше и изъ котораго почерпнуты имъ статьи, относящіяся къ походу Святослава на Болгарію и на грековъ. Подтвержденіе такому предположенію я вижу въ томъ обстоятельствѣ, что философъ греческій въ Древн. сводѣ названъ былъ Кирилломъ (доказательства представимъ ниже, § 174), а между тѣмъ, обращеніе Бориса связывалось именно съ именемъ первоучителей славянскихъ. Греческая версія болгарской легенды упоминаетъ о Меѳодіи, но болгарскій источникъ могъ говорить и о Кириллѣ. Ср. въ статьѣ о переложеніи книгъ на славянскій языкъ (попавшей въ Повѣсть вр. лѣтъ): «Костянтинъ же възвратися въспять и иде учитъ Болгарьскаго языка». Ср. также указаніе на Кирилла и Меѳодія, какъ просвѣтителей Бориса, въ житіи Климента. Другимъ подтвержденіемъ считаю вліяніе разсказа о Борисовомъ крещеніи на текстъ церковнаго устава Владиміра; во всѣхъ редакціяхъ его сообщается, что Владиміръ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія, что является вопіющимъ анахронизмомъ, легко, однако, объяснимымъ, если вспомнимъ, что Фотій дѣйствительно крестилъ Бориса. Итакъ, допустивъ вообще возможность вліянія памятниковъ Борисова крещенія на памятники крещенія Владиміра, мы въ правѣ признать, что это вліяніе сказалось и въ древнѣйшей лѣтописной версіи о Владиміровомъ крещеніи.

§ 108. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что великое событіе это сосредоточивало на себѣ напряженное вниманіе послѣдующихъ поколѣній русскихъ людей; не сомнѣваюсь, поэтому, въ возможности появленія своей, оригинальной, независимой отъ болгаръ повѣсти о крещеніи Владиміра и земли Русской. И эта повѣсть была бы, конечно, компилятивною уже въ силу того бла-

---

стій въ трудѣ М. Соколова, Изъ древней исторіи болгаръ, Спб. 1879, приложеніе.

гочестиваго и серьезнаго къ ней отношенія, котораго требовалъ самый предметъ. Но самостоятельная повѣсть была бы скомпонована удачнѣе: великія усилія греческаго философа, его замѣчательная проповѣдь, его демонстрація картины страшнаго суда не потерпѣли бы неудачи, а привели бы къ положительному результату. Правда, такой положительный результатъ и представляла по только что высказанному предположенію древнѣйшая версія повѣсти, повѣсть о Владимірѣ въ Древн. сводѣ. Это вѣрно—но тотъ фактъ, что древнѣйшая версія смѣнилась другой, что она была окончательно вытѣснена этой другой версіей, что составитель Начальнаго свода рѣшительно возражалъ противъ тѣхъ, кто полагалъ крещеніе Владиміра въ Кіевѣ или Василевѣ, слѣдовательно, отъ греческаго философа, этотъ фактъ—говорю я—свидѣтельствуетъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ въ пользу того, что древнѣйшая версія находила себѣ опору не въ народныхъ воспоминаніяхъ, не въ устныхъ преданіяхъ и церковныхъ легендахъ, а въ книжной, искусственной комбинаціи. Помнили русскіе люди, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ и что походъ на Корсунь предпринятъ имъ уже послѣ крещенія; но какъ, при какихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ чего произошло крещеніе — все это было забыто; пришлось строить зданіе на пескѣ, пришлось прибѣгнуть къ заимствованіямъ, къ аналогіямъ. И все это зданіе, какъ видимъ, рухнуло подъ напоромъ другой болѣе живучей и благодарной легенды, которая соединила фактъ крещенія Владиміра съ фактомъ побѣды надъ греками, взятія ихъ города, появленія въ Кіевѣ корсунскихъ поповъ и священныхъ предметовъ, прибытія туда Анны царевны. Вотъ то внутреннее основаніе, которое заставляетъ видѣть въ рѣчи философа и вообще во всей его бесѣдѣ съ Владиміромъ нѣчто чуждое, заимствованное. Внѣшнія основанія—анахронизмъ въ имени философа Кирилла и аналогичное вліяніе другихъ памятниковъ болгарскаго крещенія на памятники русскіе—указаны выше.

§ 109. Итакъ, Рѣчь философа и бесѣды его съ Владиміромъ произведенія болгарской литературы. Философу, обратившему Владиміра въ вѣру, естественно было преподать ему и символъ вѣры. Дѣйствительно, мы читаемъ въ Начальномъ сводѣ вслѣдъ за сообщеніемъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ: «Крещену же Во-

лодимеру, предаша ему вѣру крестьяньску, рекуще сице: да не прельстять тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сице глаголя», и т. д. Не сомнѣваюсь въ томъ, что эти слова читались въ Древн. сводѣ вслѣдъ за сообщеніемъ о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, и что тѣ же слова находились въ болгарскомъ разсказѣ о крещеніи Бориса. Но является вопросъ, что же слѣдовало за ними? Въ Начальномъ сводѣ читаемъ: «Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли, до конца вѣру сию. И паки: вѣрую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого сына рожена... Вѣрую же и седми сборъ святыхъ отець... 7-й сборъ въ Никии отець 300 и 50 прокляша иже ся не поклонять иконамъ». Непосредственно за этимъ: «Не приимай же ученья отъ Латынъ, ихъже ученье разъвращено... пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранитъ тя отъ сего». Итакъ, въ Начальномъ сводѣ сообщено, что Владиміру преподанъ, во-первыхъ символъ вѣры, начинающійся словами «Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли», во-вторыхъ, другой символъ вѣры, начинающійся словами «Вѣрую во единаго Бога Отца нерожена» и, наконецъ, ему же преподано наставленіе противъ Латынянъ. Вѣроятно, что въ первоначальной редакціи читалось не такъ въ ней помѣщался, конечно, только одинъ изъ обоихъ символовъ; въ ней врядъ ли имѣло мѣсто то наставленіе, что находимъ въ Начальномъ сводѣ. Думаю, что и въ Древнѣйшемъ сводѣ не было послѣднихъ двухъ статей, т. е. второго символа и полемической статьи противъ латынянъ. Текстъ Древн. свода подвергся переработкѣ составителя Начальнаго свода, который замѣнилъ находившуюся въ Древн. сводѣ редакцію символа другою редакціею; кромѣ того, имъ же внесена полемическая статья противъ латынянъ. Чѣмъ руководствовался составитель Начальнаго свода, замѣняя одну редакцію символа другою, сказать трудно; въ настоящее время мы знаемъ, благодаря Н. К. Никольскому [1]), текстъ той редакціи символа, которою воспользовался составитель Начальнаго свода; эта редакція имѣетъ полуаріанскую окраску, ибо говоритъ о

[1]) Матеріалы для исторіи древне-русской письменности, Спб. 1907, с. 5—8, 21—24 (отт. изъ Сб. Отд. р. яз. и сл.).

подобносущной Троицѣ, вм. единосущной [1]). Думаю, что у составителя Начальнаго слова были соображенія скорѣе литературныя, чѣмъ религіозныя; онъ хотѣлъ дать болѣе обширную статью, вмѣсто краткой и всѣмъ извѣстной статьи, содержавшей никеоцареградскій символъ вѣры. Это доказывается и тою переработкой, которой онъ подвергъ конецъ символа, вписаннаго имъ въ сводъ, конецъ, гдѣ говорится о соборахъ. Сравнительно съ текстомъ символа, обнародованнаго Никольскимъ, та часть, гдѣ говорится о соборахъ, сильно распространена, а именно указана цѣль, задача каждаго изъ соборовъ. Источникомъ распространенія и дополненія символа въ этой части надо признать Палею хронографическую; на ближайшую связь ея съ лѣтописной статьей было въ свое время указано А. С. Павловымъ. Мы знаемъ, что та же Палея хронографическая или тотъ же хронографъ, въ которомъ была помѣщена Палея, былъ источникомъ Начальнаго свода и въ другихъ частяхъ его; это усиливаетъ нашу увѣренность въ томъ, что вообще вся разсматриваемая часть лѣтописной статьи 6496 года составлена редакторомъ Начальнаго свода. За символомъ вѣры, распространеннымъ, слѣдовательно, по хронографической Палеѣ, находимъ полемическую статью противъ латынянъ: значительная часть и этой статьи должна быть возведена къ Палеѣ, какъ показалъ въ свое время Павловъ; а именно перечень участниковъ семи соборовъ и заключительныя замѣтки о Петрѣ Гугнивомъ заимствованы Начальнымъ сводомъ изъ Палеи. Относительно же первой части этой полемической статьи возможно задаться вопросомъ, не является ли она извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго полемическаго трактата? Мы не можемъ останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ и оставляемъ его открытымъ. Но думаемъ, что

---

[1]) Ср. у Н. К. Никольскаго, тамъ же, с. 7.—А. С. Павловъ въ отзывѣ своемъ о сочиненіи А. Н. Попова о полемическихъ сочиненіяхъ противъ латынянъ замѣтилъ: „Да и само по себѣ невѣроятно, чтобы греческое духовенство, вмѣсто или сверхъ обязательнаго при крещеніи никео-цареградскаго символа вѣры, преподавало новопросвѣщенному русскому князю исполненное догматическихъ тонкостей исповѣданіе вѣры, которое, судя по своей редакціи, предназначено было для произнесенія рукополагаемымъ въ епископы“. Отчетъ о 19-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, с. 195.

самая мысль дать при исповѣданіи вѣры полемическую статью противъ латынянъ возникла у составителя Начальнаго свода подъ вліяніемъ Древн. свода, а въ послѣднемъ полемическая статья противъ латынянъ могла появиться подъ вліяніемъ его болгарскаго источника, которымъ онъ руководствовался, излагая крещеніе Владиміра.—Резюмируемъ наше изслѣдованіе и наши предположенія. Въ Древн. сводѣ, подъ вліяніемъ болгарскаго сказанія о крещеніи Бориса, вслѣдъ за крещеніемъ Владиміра сообщалось о преподанномъ ему наставленіи въ вѣрѣ: наставленіе это состояло въ никео-цареградскомъ символѣ вѣры и въ полемической статьѣ противъ латынянъ, вышедшей, быть можетъ, изъ подъ пера патріарха Фотія [1]). Составитель Начальнаго свода, упомянувъ о никео-цареградскомъ символѣ, привелъ текстъ другого символа; вмѣсто полемической статьи болгарскаго происхожденія далъ другую статью, извлекши ее, быть можетъ, изъ болѣе обширнаго трактата; наконецъ, какъ символъ въ концѣ, такъ и полемическая статья противъ латынянъ дополнены по хронографической Палеѣ или по Хронографу, изъ котораго произошла эта Палея.

§ 110. Такимъ образомъ мы указали, что̀ въ статьяхъ 6494, 6495 и 6496 гг. можетъ быть возведено къ Древн. своду. Къ нему возводимъ почти всю статью 6494 (кромѣ, однако, послѣднихъ строкъ), начало и окончаніе статьи 6495 (кромѣ послѣднихъ строкъ), значительную часть статьи 6496, а именно начало (но не все, ибо и въ него внесены элементы изъ Корсунской легенды), упоминаніе о преподаніи Владиміру наставленія въ вѣрѣ, далѣе благочестивыя размышленія послѣ крещенія.

За этими размышленіями въ Повѣсти вр. лѣтъ слѣдуетъ фраза: «Володимеръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12», и т. д.; въ Начальномъ сводѣ ей (судя по Новг. 1-й) соотвѣтствуетъ: «Володимиръ же просвѣщенъ самъ и сыновѣ его с нимъ 12, ихъже имена», и т. д. Затѣмъ и въ

---

[1]) Ср. пастырское посланіе, отправленное Фотіемъ къ Борису вскорѣ послѣ крещенія послѣдняго; въ немъ онъ излагалъ сущность христіанской вѣры и нравственности: между прочимъ въ немъ дается символъ вѣры, излагается исторія вселенскихъ соборовъ. Ср. изложеніе посланія въ названномъ выше трудѣ М. И. Соколова, с. 177 и сл.

Повѣсти и въ Начальномъ сводѣ слѣдуетъ перечень Владиміровыхъ сыновей. Фраза эта ни въ редакціи Новгор. 1-й, ни въ редакціи Повѣсти вр. лѣтъ неясна: въ послѣдней она оборвана и не имѣетъ продолженія; въ редакціи же Новгор. 1-й она была бы понятна, если бы при «сынове» было вставлено, напр., «крестишася», хотя всетаки первая половина фразы оказывалась бы несогласованною съ ея продолженіемъ; можно бы ждать «Володимиру же просвѣщену самому». Думаю, что необходимо признать, что за словами «Володимеръ же просвѣщенъ» слѣдовало въ первоначальномъ текстѣ какое-нибудь сказуемое. Сопоставляя эти слова со словами «Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ» въ разсказѣ о крещеніи Ольги, предполагаю, что въ разсказѣ о крещеніи Владиміра, непосредственно за сообщеніемъ о его крещеніи и преподаніи ему наставленія въ вѣрѣ, слѣдовала фраза: «Володимеръ же просвѣщенъ былъ, радовашеся душею и тѣломъ» [1]). А за этой фразой слѣдовало сообщеніе о крещеніи его сыновей: «И крестишася съ нимъ сынове его, ихъже имена»; затѣмъ перечислялись имена сыновей Владиміра. Далѣе говорилось о крещеніи Кіявлянъ. Составитель Начальнаго свода, перенеся крещеніе Владиміра въ Корсунь, выпустилъ сообщеніе о крещеніи его сыновей. Въ концѣ статьи 6496 года онъ восполнилъ свой пропускъ, передавъ въ искаженномъ и сокращенномъ видѣ текстъ Древнѣйшаго свода.

§ 111. Объясняя такимъ образомъ появленіе перечня сыновей Владиміра въ разсматриваемомъ мѣстѣ Начальнаго свода, приходимъ къ выводу, что дальнѣйшій отрывокъ, гдѣ говорилось о распредѣленіи волостей между сыновьями Владиміра, составленъ самимъ редакторомъ Начальнаго свода, что этого отрывка не было въ Древн. сводѣ. Дѣйствительно, ему было бы неумѣстно быть въ Древн. сводѣ за перечнемъ сыновей Владиміра, ибо этотъ перечень читался въ разсказѣ о крещеніи Владиміра, его сыновей и Кіевлянъ. Выше, въ изслѣдованіи сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ я приходилъ къ тому же выводу, что сообщеніе о распредѣленіи волостей между сыновьями Владиміра носитъ слѣды позднѣйшей редакціонной

---

[1]) Ср. подъ 6504 фразу: „Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ“.

работы. Ниже увидимъ, что толчкомъ къ составленію этого сообщенія было соотвѣтствующее извѣстіе Новгородскаго владычняго свода о томъ, что въ Новгородѣ былъ посаженъ Вышеславъ, а по смерти Вышеслава въ Новгородѣ сѣлъ Ярославъ.

§ 112. За сообщеніемъ о распредѣленіи волостей читаемъ: «И рече Володимеръ: се не добро еже мало городъ около Кіева. И нача ставити городы по Деснѣ», и т. д. Думаю, что нѣтъ основанія не возводить этого отрывка къ Древн. своду. Но странно звучитъ его начало. Не говорилось ли передъ нимъ о походѣ Владиміра къ порогамъ (противъ Печенеговъ), т.-е. о томъ самомъ походѣ, о которомъ сообщаетъ Память и похвала Владиміра?

О томъ, что статья 6497 о закладкѣ церкви св. Богородицы восходитъ къ Корсунской легендѣ, было указано выше, но тамъ же было замѣчено, что и въ Древн. сводѣ содержалось соотвѣтствующее извѣстіе.

Статью 6499 о закладкѣ Бѣлгорода можно безъ колебаній возвести къ Древн. своду. Подъ 6500 сообщеніе о походѣ Владиміра на хорватовъ [1]) также должно быть возведено къ Древн. своду.

§ 113. Сообщеніе объ окончаніи церкви св. Богородицы восходитъ, какъ кажется, къ особой статьѣ, сообщавшей объ освященіи св. Богородицы (12 мая) и содержавшей извѣстіе о дарованіи этой церкви десятины; та же статья послужила источникомъ и для Корунской легенды, ср. особую статью объ этомъ въ прологѣ, подъ 12 мая. Послѣдующій разсказъ о нападеніи Печенѣговъ на Василевъ о чудесномъ спасеніи Владиміра, объ его обѣтѣ поставить церковь св. Преображенія въ Василевѣ, объ исполненіи этого обѣта и праздкованіи въ Кіевѣ дня Успенія св. Богородицы—весь этотъ разсказъ представляется какъ будто не вполнѣ яснымъ съ хронологической точки зрѣнія. Освященіе Десятинной церкви имѣло мѣсто 12 мая [2]), подъ которымъ мы его находимъ

---

[1]) Въ Нач. сводѣ читалось подъ этимъ годомъ только объ этомъ походѣ. Разсказъ объ единоборствѣ отрока Переяслава съ Печенѣжиномъ вставленъ въ Повѣсть вр. л. ея редакторомъ.

[2]) Очевидно, 6503-го а не 6504 года, подъ которымъ оно значится въ Нач. сводѣ, ибо 12 мая приходилось въ воскресеніе въ 6503 году (см. § 10).

въ прологѣ; сообщеніе подъ тѣмъ же годомъ объ освященіи церкви св. Преображенія въ Василевѣ указываетъ два момента: первый спасеніе Владиміра отъ Печенѣговъ и данный имъ обѣтъ, второй — освященіе церкви св. Преображенія; первый моментъ относится ко дню 6 августа, какъ показано въ лѣтописи («бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне, егда си бысть сѣча»); второй моментъ относится также къ 6-му августу, ибо въ лѣтописи сказано, что Владиміръ, праздновавъ въ Василевѣ дней 8, вернулся въ Кіевъ къ празднику Успенія св. Богородицы (15 августа). Слѣдовавательно, оба момента относятся къ двумъ, вѣроятно, сосѣднимъ годамъ, а не къ одному, какъ сообщаетъ Начальный сводъ. Весьма вѣроятно, что первый моментъ—чудесное спасеніе Владиміра относится къ 6 августа 6502 года, а второй моментъ къ 6 августа 6503 года. Церковь св. Преображенія была освящена въ тотъ же годъ, что церковь Десятинная, и это дало основаніе лѣтописцу соединить ихъ освященія въ одной статьѣ. Но если онъ, сообщая о праздновaніи освященія церкви св. Преображенія, говорилъ о немъ какъ объ опредѣленномъ моментѣ, является вопросъ, почему при описаніи празднества находимъ не аористъ, а давнопрошедшее время: «и съзываше [1]) боляры своя... праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ, сзывая бещисленое множство народа»? Я думаю, что формы давнопрошедшаго времени замѣнили формы аориста подъ перомъ частью редактора Начальнаго свода, частью же редактора Повѣсти вр. лѣтъ, которые обобщали то, о чемъ Древнѣйшій сводъ сообщалъ какъ о случившемся однажды, въ годъ освященія Василевской церкви св. Преображенія. Подтверждаю свою догадку тѣмъ, что рядомъ съ приведенными фразами другія фразы сохранили формы аориста, напр., послѣ «и съзываше боляры своя» читается «и раздая убогымъ 300 гривенъ» (ср. выше «и створи праздникъ великъ... и убогимъ раздая имѣнье много»). За словами: «и ту пакы сътворяше (въ Др. сводѣ читалось: сътвори) праздьникъ великъ, сзывая бещисленое множство народа» въ Повѣсти вр. лѣтъ и Нач. сводѣ находимъ: «Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и

[1]) Новгор. 1-я: созва.

тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою еуангелье чтомо», и т. д. Совершенно очевидно, что слова «и тако по вся лѣта творяше» не находятся въ связи съ предшествующею имъ фразой; напротивъ, ясно, что имъ мѣсто за предшествующимъ разсказомъ. Ими обобщено то, что разсказано выше относительно событій 6503 года: Владиміръ праздновалъ торжественно дни 6 и 15 августа не въ одномъ этомъ году, но и впослѣдствіи. Вотъ смыслъ этихъ словъ, оторванныхъ отъ предшествующаго разсказа вставкой словъ «Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ». Слова «и тако по вся лѣта творяше», какъ кажется, и были причиной замѣны аористовъ давнопрошедшими въ предшествующемъ разсказѣ. Вставленная же передъ ними фраза представляется мнѣ составленною на основаніи выпущенныхъ Начальнымъ сводомъ выше, въ разсказѣ о крещеніи Владиміра, словъ «Володимеръ же просвѣщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣлъмь» (ср. § 110, гдѣ указаны основанія для возстановленія этихъ словъ). Какъ же понять эту вставку, чѣмъ она была вызвана? Думаю, что составитель Начальнаго свода хотѣлъ дать приличное введеніе той общей характеристикѣ Владиміра, которую онъ предложилъ ниже (на основаніи Древн. свода).

Признавъ конецъ статьи 6504 года характеристикой Владиміра въ Древн. сводѣ, мы сопоставляемъ это наше заключеніе съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Начальномъ сводѣ за словами «И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдьню» нѣтъ болѣе извѣстій, относящихся собственно до Владимірова княженья [1]), ибо рядъ отрывочныхъ извѣстій о кончинѣ разныхъ членовъ княжескаго рода можно признать заимствованными въ Начальный сводъ не изъ Древн. свода, а изъ другого источника.

Перехожу къ опредѣленію этого источника Начальнаго свода.

---

[1]) Въ Повѣсти вр. лѣт. подъ 6505 вставленъ разсказъ объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами, но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ разсказъ, основанный на народномъ сказаніи, не читался въ Нач. сводѣ (ср. Новг. 1-ю, гдѣ его нѣтъ).

ГЛАВА VI.

Къ вопросу объ источникахъ Начальнаго свода.

1.

§ 114. Не подлежитъ сомнѣнію, что Десятинная церковь св. Богородицы была еще Владиміромъ Святославичемъ избрана усыпальницей для членовъ княжескаго рода. Такъ, въ этой церкви похороненъ онъ самъ, конечно, по своему завѣщанію; позже въ 1044 году, когда были извлечены изъ земли останки двухъ дядей Ярослава, братьевъ Владиміра — Ярополка и Олега, эти останки были окроплены св. водою и перенесены въ ту же Десятинную церковь; въ 1078 году въ ней похороненъ в. князь Изяславъ Ярославичъ. Весьма вѣроятно, что надъ похороненными въ этой церкви были высѣкаемы на могильныхъ плитахъ или крестахъ надписи съ указаніемъ года (а иной разъ и дня) смерти. Думаю, что эти надписи были использованы между прочимъ составителемъ особаго княжескаго помянника, восходящаго ко времени Ярослава и въ концѣ XI вѣка использованнаго Начальнымъ сводомъ. Ко временамъ Владиміра относились, кажется, три надписи. Первая внесена составителемъ Начальнаго свода безъ комментарія: «В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь». Вторая надпись свидѣтельствовала о трехъ смертяхъ: Рогнѣды въ 6508, ея сына Изяслава въ 6509 и внука Всеслава въ 6511 и о перенесеніи останковъ ихъ (изъ Полоцка, гдѣ по имѣющимся даннымъ жила Рогнѣда съ сыномъ Изяславомъ) въ святую Богородицу; эта надпись комментирована въ Начальномъ сводѣ и изложена въ немъ такъ: «В се же (т.-е. въ 6508) лѣто преставися Рогънѣдь, мати Ярославля. В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Володимерь... В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль [1]), внукъ Володимерь... В лѣто 6515. Перенесени си [2]) въ святую Богородицю». Подчеркнутыя слова признаю комментаріемъ; онъ ведетъ насъ ко

---

[1]) Чтеніе „Мьстиславль" Новг. 1-й представляется позднѣйшею ошибкой.

[2]) Такъ въ Новг. 1-й, а въ Повѣсти вр. лѣтъ ошибочно „святии". Позднѣйшій сводъ (Новгор. 5-я) излагалъ это извѣстіе такъ: „принесени быша си въ святую Богородицю князи".

времени, когда имена, приведенныя въ надписи, нуждались въ поясненіи; возможно, что этотъ комментарій находился уже въ княжескомъ помянникѣ [1]). Третья надпись передана, повидимому, также съ комментаріемъ: «В лѣто 6519. Преставися раба Божіа [2]) Анна, царица Володимиря».

Къ княжескому помяннику восходитъ далѣе извѣстіе о перенесеніи останковъ Ярополка и Олега въ св. Богородицу; извѣстіе это перефразируетъ и дополняетъ, вѣроятно, болѣе лаконическую надпись: «Въ лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица» [3]);

Послѣднимъ извѣстіемъ, внесеннымъ въ Начальный сводъ изъ княжескаго помянника, считаю запись 6601 года: «В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбря въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбря въ 16, в церкви святыя Богородиця Десятиньныя» [4]).

О четырехъ извѣстіяхъ 1054, 1056, 1058, 1063 гг., восходящихъ въ Начальномъ сводѣ къ княжескому помяннику, см. ниже §   .

А. А. Куникъ въ изслѣдованіи «Извѣстенъ ли намъ годъ и день смерти в. кн. Ярослава Владимировича?» [5]) обратилъ вниманіе на особенный характеръ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами надписей, а также и другихъ имъ подобныхъ и предположилъ, что онѣ извлечены составителемъ I Кіевской лѣтописи, составленной по А. А. Кунику около 1100 года [6]), изъ Княжескаго

---

[1]) Изяславъ поясненъ именемъ его сына Брячислава, умершаго въ 1044 году. Но, конечно, такое поясненіе могло быть сдѣлано и позже во второй половинѣ XI в., ибо именемъ Брячислава Изяславъ поставлялся въ связь съ современникомъ—Всеславомъ Брячиславичемъ, княземъ Полоцкимъ.

[2]) Такъ въ Новг. 1-й (Нач. св.), а въ Повѣсти вр. лѣтъ „раба Божіа“ опущено.

[3]) Позднѣйшій компиляторъ дополнилъ по ошибочной догадкѣ: „въ Володимери“. Ср. Ипат., Соф. 1-ю и др. См. §.

[4]) Отмѣчаю еще употребленіе глагола „преставися“, а не „умьре“ во всѣхъ этихъ надписяхъ. Ср. „умьре“ въ извѣстіяхъ 6523, 6541, 6544, 6552, 6477, и др.

[5]) Спб. 1896. Отт. изъ Лѣт. зан. Археогр. Комм.

[6]) На чемъ основано это предположеніе, не знаю; но съ нимъ близко совпадаетъ мое предположеніе о томъ, что Нач. сводъ составленъ около 1095 года.

Синодика или Помянника. Продолжительныя размышленія побудили меня принять это мнѣніе знаменитаго изслѣдователя нашей древней исторіи.

А. А. Куникъ возводилъ къ тому же источнику извѣстія о рожденіи нѣкоторыхъ князей Ярославова дому. Что касается этихъ извѣстій, то источникомъ ихъ я признаю тѣ же припоминанія, на основаніи которыхъ составлены извѣстія политическія. Поэтому, рѣшаюсь возвести ихъ къ Древн. своду.

2.

§ 114[1]. Въ числѣ источниковъ Начальнаго свода былъ текстъ Паримійника. Намъ пришлось выше, разсматривая сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (§§ 35—39), указывать на то, что паримійнымъ чтеніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ воспользовался для дополненія лѣтописнаго разсказа составитель Повѣсти вр. лѣтъ. Въ Начальномъ сводѣ такихъ заимствованій не было. Но, съ другой стороны, имѣется нѣсколько указаній на то, что составителю Начальнаго свода былъ извѣстенъ Паримійникъ и что онъ пользовался имъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда. Въ § 74[1] нами отмѣчена вставка въ разсказѣ о крещеніи Ольги: въ этой вставкѣ оказываются заимствованія изъ Паримійника (Притч. I, 20—22; XIII, 20; II, 2; VIII, 17). Въ § 94 отмѣчена вставка въ началѣ разсказа о Владимірѣ—это разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ (Пов. вр. л. подъ 980): оно содержитъ текстъ Притч. V, 3—6 и XXXI, 10—32; эти заимствованія сдѣланы, очевидно, изъ Паримійника (вторая седмица, вторникъ вечеръ и пятокъ вайй вечеръ). Въ виду того, что статья 6601 (1093) года, которою, какъ предположено въ § 1[5], оканчивался Начальный сводъ, ясно обнаруживаетъ пользованіе Паримійникомъ [1]), считаю себя въ правѣ и другія вставки изъ него относить насчетъ составителя Начальнаго свода.

---

[1]) Среди благочестивыхъ разсужденій мы находимъ въ этой статьѣ отрывокъ „Якоже пророкъ глаголаше: падете предъ враги вашими... тако глаголеть Господь Богъ Израилевъ“, содержащій текстъ Лев. XXVI, 17, 19—20, 33, 40—41; тѣ же отрывки изъ Лев. XXVI читаются въ париміи на начало индикта, сирѣчь новаго лѣта. Составъ париміи: Лев. XXVI, 3—12, 14—17, 19—20, 22, 33, 40—41.

§ 114[2]. Исходя изъ этихъ соображеній, я признаю вставками въ текстъ Начальнаго свода еще нѣкоторые отрывки съ выписками изъ паримійныхъ чтеній. Такъ, подъ 6545 (1037) находимъ текстъ Притч. VIII, 12, 14 — 17, читаемый въ Паримійникѣ на третьей седмицѣ въ понедѣльникъ вечеръ. Частью на основаніи этого текста, частью же въ виду явнаго отступленія этого мѣста отъ разсказа о Ярославѣ, отступленія, вызвавшаго затѣмъ переходную фразу: «Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ», я признаю вставкой отрывокъ, начинающійся словами «Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью» и оканчивающійся словами «въсприемлеть души велику ползу». Въ этомъ отрывкѣ содержится похвала книжному ученію; она вызвана предшествующею фразою: «и списаша книгы многы, имиже поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго». Мнѣ кажется, что между этой вставкой и однимъ мѣстомъ Предисловія къ Начальному своду (ставшаго предисловіемъ къ Соф. временнику) имѣется извѣстная связь. Какъ тамъ, послѣ указанія на церкви, монастыри и спасающихся въ нихъ черноризцевъ, «ихъже ради молитвъ миръ стоитъ», читаемъ: «Аще бо къ святымъ симъ (испорчено въ сыи) прибѣгнемъ церквамъ, тѣмъ велику ползу пріимемъ души и тѣлу», такъ и здѣсь, послѣ указанія на книги, «имиже поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго», находимъ отрывокъ, въ которомъ читается фраза: «аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей». Отмѣтимъ, что текстъ Притч. VIII, 17 приведенъ и въ указанной выше вставкѣ въ разсказѣ о крещеньи Ольги.

Подъ 6463 (955) годомъ читаемъ: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брежаше того ни въ уши примати»; непосредственно же за этимъ: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся, тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть», и далѣе слѣдуютъ тексты Псал. LXXXI, 5, Ис. VI, 10, Притч. I 24—25, 29—30. Дальше читаемъ: «Якоже бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Онъ же не внимаше того, глаголя:

како азъ хочю инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть то же створити. Онъ же не послуша, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, якоже рече: аще кто отца ли матере не послушаеть, то смерть приметь. Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломонъ бо рече»; далѣе текстъ Притч. IX, 7, 8. Нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ передъ собою не первоначальный текстъ, а текстъ подвергшійся вставкамъ и перестановкамъ. Такъ, во-первыхъ, отмѣтимъ несогласованность словъ «и не брежаше того, ни въ уши примати» съ послѣдующимъ «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому»; во-вторыхъ, фраза «и не брежаше того, ни въ уши примати» (такъ въ Лавр., вмѣсто чего въ другихъ спискахъ «и не брежаше того, ни въ уши внимаше» или «примаше») находитъ себѣ соотвѣтствіе съ послѣдующею фразой: «Онъ же не внимаше того»; въ-третьихъ, тексты Ис. VI, 10 и Притч. XIII, 20 и I, 24—25, 29—30, которые читаемъ между обѣими приведенными фразами, отыскиваются въ Паримійникѣ (вторая седмица, четвертокъ утро; четвертая седмица, четвертокъ вечеръ; первая седмица, вторникъ вечеръ). Въ виду этого отождествляю обѣ фразы, и вслѣдъ за «и не брежаше того» читаю «ни въ уши внимаше того, глаголя», и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что вставкой должно признать и отрывокъ: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть, не смыслиша бо ни разумѣша во тьмѣ ходящии, и не вѣдять славы Господня». Но вполнѣ очевидна связь этого отрывка съ отвѣтомъ Святослава: «како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть»; приведенный отрывокъ какъ бы комментируетъ слова Святослава; поэтому предполагаю, что онъ читался за этими словами и вводился не словами «но аще кто хотяше креститися», а словами: «аще бо кто хотяше креститися». Слѣдовательно, предположенная выше вставка сложилась, во-первыхъ, изъ отрывка, перенесеннаго изъ дальнѣйшаго текста (но аще кто хотяше... славы Господня), во-вторыхъ, изъ заимствованныхъ изъ Паримійника текстовъ (одебелѣша бо сердца ихъ... подражаху же мои обличенья), въ-третьихъ, изъ придуманной (составителемъ Начальнаго свода) фразы:

«Якоже бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Можно думать, что составитель Начальнаго свода, рѣшивъ вставить тексты Ис. VI, 10 и Притч. XIII, 20 и I, 24—25, 29—30, увидѣлъ, что такая вставка слишкомъ отдѣлила бы слова Святослава отъ реплики Ольги («аще ты крестишися, вси имуть то же створити»); поэтому онъ весь текстъ, т.-е. не только выписки изъ Паримійника, но и предшествовавшія фразы, къ которымъ ихъ было удобно приладить, перенесъ выше, до начала бесѣды Ольги съ Святославомъ.

За словами «аще кто отца ли матере не послушаеть, то смерть прииметь» читаемъ: «Се же къ тому гнѣвашеся на матерь. Соломонъ бо рече» и далѣе, какъ указано, текстъ Притч. IX, 7—8; и этотъ текстъ заимствованъ изъ Паримійника (третья седмица, вторникъ вечеръ и седмица четвертая по пасцѣ, вторникъ вечеръ). Отсюда заключаю, что предшествующія ему слова о гнѣвѣ Святослава придуманы составителемъ Начальнаго свода для того, чтобы имѣть возможность внести указанное заимствованіе изъ Паримійника.

§ 114³. Въ концѣ разсказа о кончинѣ Ольги (6477) мы читаемъ въ Нач. сводѣ послѣ словъ «рече бо пророкъ: прославляющая мя прославлю» (1 Царств. II, 30)—«О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше» и далѣе текстъ Псал. CXI, 6 — 8 и затѣмъ, послѣ словъ «Соломонъ бо рече», текстъ Премудр. V, 15—16. Имѣя въ виду, что послѣдній текстъ читается въ Паримійникѣ (недѣля всѣхъ святыхъ, вечеръ), я признаю его вставленнымъ въ лѣтопись составителемъ Нач. свода и принимаю, что первоначально разсказъ о кончинѣ Ольги оканчивался текстомъ указаннаго псалма.

§ 114⁴. Въ статьѣ 6504 (996) г., содержащей похвалу Владиміру, приводится рядъ текстовъ: Матѳ. V, 7, Лук. XII, 33, Матѳ. VI, 19 — 20, Псал. CXI, 5 и Притч. XIX, 17. Возможно что текстъ Притч. XIX, 17, читающійся въ Паримійникѣ (понедѣльникъ ваій, вечеръ), не читался въ Древн. сводѣ и вставленъ составителемъ Нач. свода.

3.

§ 114⁵. Подъ 6576 (1068) годомъ, послѣ сообщенія о несчастной битвѣ на Альтѣ, въ которой Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли пораженіе отъ Половцевъ, приведено поученіе о казняхъ Божіихъ. Оставляю въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи этого поученія [1]). Ставлю вопросъ, читалось ли оно уже въ Древн. сводѣ (въ позднѣйшей обосложненной редакціи) или вставлено составителемъ Нач. свода? Думаю, что поученіе вставлено въ лѣтопись составителемъ Начальнаго свода, въ виду слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, оно несомнѣнно представляло отдѣльное сочиненіе, отдѣльное поученіе; никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы оно было скомпилировано составителемъ лѣтописи; ср. сокращенія и порчу въ текстѣ поученія [2]); во-вторыхъ, оно вставлено въ лѣтописный текстъ совершенно механически, повидимому, подъ вліяніемъ словъ «грѣхъ же ради нашихъ» лѣтописнаго текста; въ-третьихъ,—и, конечно только этому третьему соображенію мы придаемъ рѣшающее значеніе, текстъ лѣтописи оказывается явно поврежденнымъ, благодаря вставкѣ поученія; признавая составителя непосредственнаго продолженія изъ Древн. Кіевскому своду составителемъ лѣописнаго текста 1068 года, мы должны заключить, что онъ не былъ тождественъ съ редакторомъ, вставившимъ поученіе въ лѣтописный текстъ. Дѣйствительно, мы читаемъ: «и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русьскыи князи и побѣдиша Половьци». Не сомнѣваюсь въ томъ, что «побѣдиша Половьци» должно читаться раньше, чѣмъ «побѣгоша Русьстии князи»—сначала Половцы побѣдили, а потомъ князья бѣжали; допустивъ эту перестановку, увидимъ, что слова «и побѣгоша Русьстии князи» тѣсно связаны со словами, читающимися непосредственно за поученіемъ (точнѣе за словами «Мы же на предълежащее възвратимся», которыя находятся за этимъ поученіемъ), а именно со

[1]) Ср. В. А. Чаговецъ, Преподобный Θеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія, 84—126.

[2]) Напр., въ началѣ текстъ явно испорченъ: „Наводить бо Богъ по гнѣву иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу“.

словами «Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову». Конструкція дательнаго самостоятельнаго здѣсь совсѣмъ некстати, ибо дальше читаемъ: «и людье Кыевьстии прибѣгоша Кыеву»; въ виду этого предлагаю читать за словами «и побѣгоша Русьстии князи»—«Изяславъ же съ Вьсеволодъмь Кыеву, а Святославъ Чьрнигову». Отсюда заключаемъ, что вставка поученія разорвала возстановленную нами фразу. Слѣдовательно, поученіе вставлено не составителемъ Древн. свода или непосредственнаго его продолженія, которому принадлежитъ эта возстановленная фраза, а составителемъ Начальнаго свода. Думаю, что вставка поученія отразилась не только на перестановкѣ въ первой части разорванной фразы, но и на сокращеніи и измѣненіи ея. Представляется вѣроятнымъ, что слова «грѣхъ же ради нашихъ» предшествовали непосредственно словамъ «побѣдиша Половьци»; между тѣмъ, слова эти отдѣлены другъ отъ друга вставкою словъ «пусти Богъ на ны поганыя»; думаю, что эти слова извлечены изъ поученія. Равнымъ образомъ изъ него же извлечено слово «иноплеменьници» въ началѣ лѣтописнаго сообщенія: «Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози»; ср. въ началѣ поученія: «Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю». Возможно, что подъ вліяніемъ той же вставки поученія и вызванной ею перестановки опущено указаніе дня битвы на Альтѣ; подъ предшествующимъ 6575 годомъ были отмѣчены дни битвы на Немигѣ и захвата Всеслава на Оршѣ; ср. здѣсь ближайшее опредѣленіе: «и бывши нощи».

4.

§ 114[6]. Подъ тѣмъ же 6576 годомъ, послѣ разсказа о народномъ возстаніи въ Кіевѣ, читаемъ: «Изяславъ же бѣжа в Ляхы». Продолженіе этихъ словъ видимъ въ нижеслѣдующей фразѣ: «Всеславъ же сѣде Кыевѣ», послѣ чего находимъ благочестивыя размышленія по поводу силы честнаго креста, освободившей Всеслава изъ поруба. Между словами «Изяславъ же бѣжа в Ляхы» и «Всеславъ же сѣде Кыевѣ» находимъ вставку: въ ней сообщается о побѣдѣ Святослава надъ Половцами у Сновска 1 ноября. Вставка эта не можетъ принадлежать составителю Древнѣйшаго свода или его непосредственнаго продолженія, ибо она разорвала

на двѣ части возстановленную выше фразу. Слѣдовательно, она сдѣлана составителемъ Начальнаго свода. Содержаніе ея ясно указываетъ на Черниговскую запись; отмѣчены: день битвы, число войска Святославова и число Половцевъ, приведена рѣчь Святослава; оканчивается запись словами «възвратися с побѣдою в градъ свой Святославъ». Отсюда дѣлаю выводъ, что Начальный сводъ въ числѣ источниковъ имѣлъ Черниговскую лѣтопись. Другихъ заимствованій изъ нея въ текстъ, соотвѣтствующій Древн. Кіевскому своду или непосредственному его продолженію, обнаружить не удалось.

ГЛАВА VII.

Слѣды новгородскихъ извѣстій въ Начальномъ сводѣ.

§ 115. Въ текстѣ Начальнаго свода, насколько онъ намъ извѣстенъ по сравнительному изученію Новгор. 1-й лѣтописи и списковъ Повѣсти вр. лѣтъ, изученію, доказывающему, что онъ былъ доведенъ до 1093 года и составленъ около 1095 года, обнаруживается рядъ записей новгородскаго происхожденія. Относительно нѣкоторыхъ изъ такихъ записей возможно сомнѣніе, принадлежатъ ли онѣ дѣйствительно Новгороду, не возникли ли онѣ въ Кіевѣ, гдѣ въ XI вѣкѣ, благодаря оживленнымъ сношеніямъ по пути изъ Варягъ въ Греки, хорошо могли знать обо всемъ, что дѣлалось на берегахъ Волхова. Но содержаніе нѣкоторыхъ записей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ появились именно въ Новгородѣ. Укажу такія записи.

Подъ 6571 читаемъ: «В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ». Если мы примемъ во вниманіе, что позднѣйшая новгородская лѣтопись нерѣдко отмѣчала случаи обратнаго теченія водъ въ р. Волховѣ [1]), а также и то, что характеръ самой записи показываетъ, что это явленіе поставлено въ связь съ послѣдующимъ событіемъ новгородскимъ, у насъ не останется никакихъ сомнѣній въ томъ, что эта запись сдѣлана въ Новгородѣ.

[1]) Напр., подъ 6684 (обратное теченіе продолжалось пять дней), 6881 (семь дней), 6884 (семь дней), 7033 (девять дней), и др.

Подъ 6550 читаемъ о походѣ Владиміра Ярославича на Емь и о конскомъ морѣ, случившемся во время похода. И то и другое событіе важны были для новгородца; кіевлянинъ не могъ обратить на нихъ вниманія.

Наличность этихъ двухъ извѣстій въ Начальномъ сводѣ дѣлаетъ для меня несомнѣннымъ пользованіе составителемъ этого свода новгородскими записями. Въ виду этого заключенія я безъ колебанія возвожу къ новгородскому источнику и рядъ другихъ записей, такъ или иначе обнаруживающихъ свое новгородское происхожденіе. Перечислю всѣ эти записи, включая въ число ихъ и обѣ только что приведенныя. Впрочемъ, оставлю въ сторонѣ древнѣйшую часть Начальнаго свода, до 6453 (945) года; о вошедшихъ въ нее новгородскихъ элементахъ скажу ниже въ особой главѣ.

§ 116. Подъ 6455 читаемъ: «иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья, и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне». Трудно допустить, чтобы такая запись могла возникнуть въ Кіевѣ. Относительно происхожденія этой записи, рѣшаюсь предложить такую догадку. Новгородскій лѣтописецъ прочитавъ въ Древн. кіевскомъ сводѣ фразу: «И иде Ольга по Деревьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища», предположилъ, что дѣло идетъ о посѣщеніи Ольгою той части Новгородской области, которая носила названіе Деревской земли или просто Деревъ (ср. подобное же названіе «Дерева» для земли Древлянъ), а позже Деревской пятины [1]).

Это его предположеніе и имѣло слѣдствіемъ вставку о погостахъ,

---

[1]) Ср. въ уставной грамотѣ, данной церкви св. Іоанна на Опокахъ: „имати съ купець тая старина и въ вѣкы: съ Тверского гостя, и с Новгородцкаго, и з Бѣжицкого, и з Деревьского, и съ всего Помостья“ (т.-е. мѣстности по Мстѣ) (Русск. Достоп. I, 81, по списку XV в. Новг. 1-й). Въ Новг. 1-й подъ 1441 г. читаемъ: „Новгородци же послаша архиепископа Еуѳимья и с нимъ бояръ и житьихъ людей и наѣхаша его в Деревахъ, у города у Дѣмяна“. Ср. К. Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, с. 47. Деревская пятина извѣстна по актамъ, начиная съ конца XV в. Ср. тамъ же, с. 52 и 12.

даняхъ и оброкахъ по Мстѣ и по Лугѣ, т. е. по тѣмъ двумъ воднымъ путямъ, которые, сходясь около Новгорода, служили средствомъ сообщенія центра (Новгорода) съ его областью. Можно думать, что древнее представленіе о Деревахъ, Деревской землѣ не совпадало съ границами Деревской пятины конца XV в. Ср. Деревской погостъ (погостъ Пречистенской въ Деревахъ) въ Обонѣжской пятинѣ на притокѣ Волхова Оскуѣ (Неволинъ, О пятинахъ, с. 158). Въ подтвержденіе высказаннаго предположенія, привожу слѣдующее мѣсто Степ. книги (житія Ольги): «И иде Ольга сыномъ своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляющи уставъ и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская землѣ бѣ, иже во области Великого Новаграда, нынѣ же Деревская пятина именуема; иніи же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже бѣ Черниговъ градъ». Такъ гадали въ XVI в. на сѣверовостокѣ, а въ XI в. новгородцу было естественно принять Деревскую землю Приднѣпровья за свою Деревскую землю. На отождествленіе это наводило и то обстоятельство, что Новый Торжокъ, находившійся на южной оконечности Деревской земли, въ глубокой древности (по свидѣтельству одного изъ списковъ житія Ефрема Новоторжскаго, Погод. № 718) назывался Коростенемъ. Ср. замѣну Искоростѣня южныхъ списковъ Коростенемъ въ сѣверныхъ. Отмѣчу еще, что въ разстояніи 40 верстъ отъ Новгорода на югозападномъ берегу озера Ильменя, по дорогѣ изъ Новгорода въ Старую Русу, имѣется село Коростынь (Неволинъ, тамъ же, с. 141). Другая форма: Коростыня («ѣхаша на Коростыню», «доиде Коростыни» Псковск. 1-я лѣт., 6979 годъ; IV, 242; «на мѣсто, нарицаемое Коростыня» Воскр. VIII, 164). Ср. въ позднѣйшихъ сводахъ: «и убиша его Игоря внѣ града Коростеня близь Старыя Русы, тутъ же и погребенъ бысть» (рпсь Публ. Библ. F IV 216; ср. Гиляровъ, Преданія русск. нач. лѣт., с. 213 [1]).—Въ виду всего изложеннаго, «иде Вольга Новугороду» считаю поясненіемъ, сдѣланнымъ уже составителемъ Начальнаго свода. Въ Новгородскомъ сводѣ непосредственно за сообщеніемъ

---

[1]) Позволяю себѣ сослаться здѣсь на мою статью, печатающуюся въ юбилейномъ сборникѣ въ честь П. И. Житецкаго.

объ обходѣ Ольгою Деревской земли читаюсь: «и устави по Мьстѣ», и т. д.

§ 117. Подъ 6478: «В се же время придоша людье Ноугородьстви, просяще князя собѣ: «аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: «просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отець же има Малъкъ Любечанинъ; и бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: «въдай вы Володимера»; онъ же рече имъ: «вото вы есть». И пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду». Не можетъ быть сомнѣнія, что передъ нами народное новгородское преданіе. Въ немъ сказывается и нѣкоторый юморъ сознающаго свой перевѣсъ новгородца и гордость по поводу сдѣланнаго выбора ибо Владиміръ оказался побѣдителемъ Ярополка и могущественнѣйшимъ княземъ русскимъ. Кромѣ того, здѣсь въ активной роли выступаетъ Добрыня—одинъ изъ популярныхъ посадниковъ новгородскихъ [1]). Это также доказываетъ новгородское происхожденіе записи.

§ 118. Подъ 6488 обнаруживается въ Начальномъ сводѣ слѣдующая вставка. Сказавъ объ убіеніи Олега Древлянскаго, лѣтописецъ сообщаетъ, что Владиміръ (сидѣвшій въ Новгородѣ), услышавъ объ этомъ, бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ и сталъ владѣть одинъ въ Руси. Владиміръ вернулся въ Новгородъ съ Варягами, выслалъ оттуда посадниковъ Ярополка и велѣлъ имъ сказать брату: «Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться». Непосредственнымъ продолженіемъ этого мѣста слѣдуетъ признать читаемый

---

[1]) В. Ѳ. Миллеръ „Очерки русск. нар. словесности", с. 148: „въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія Добрыни въ Новгородскихъ событіяхъ, чѣмъ въ Кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно принадлежалъ и южному-кіевскому и сѣверному-новгородскому эпосу". Но точно ли доказано участіе Добрыни въ Кіевскихъ событіяхъ? Въ виду отсутствія такихъ указаній (о событіяхъ 6493 года см. § 120) можно признать Добрыню исключительно сѣвернымъ героемъ.

ниже текстъ: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу», и т. д. Между тѣмъ за высылкой Ярополчихъ посадниковъ слѣдуетъ явная вставка, начинающаяся съ совершенно неумѣстной фразы: «И сѣде в Новѣгородѣ». Въ этой вставкѣ разсказывается о сватовствѣ Владиміра къ Рогнѣдѣ и о послѣдовавшихъ событіяхъ: взятіи Владиміромъ Полоцка и женитьбѣ на Рогнѣдѣ. Признаю эту вставку новгородскою записью. Сошлюсь на связь ея съ только что разсмотрѣнною новгородскою статьею 6478 года: Рогнѣда укоряетъ здѣсь Владиміра именемъ робичича, а тамъ указано рожденіе Владиміра отъ ключницы Ольги. Сошлюсь еще на тотъ варіантъ разсказа о сватовствѣ Владиміра, который записанъ въ Лавр. лѣтописи подъ 6636 (1128) годомъ (ср. объ этомъ варіантѣ въ § 184[4]); въ немъ въ активной роли выступаетъ Добрыня, храборъ и наряденъ мужь, а Добрыня, повторяемъ, являлся дѣйствующимъ лицомъ именно въ новгородскихъ сказаніяхъ. Отмѣчу, наконецъ, еще слѣдующую особенность въ текстѣ Начальнаго свода. Мы читаемъ въ немъ послѣ гордаго отказа Рогнѣды: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода»; ниже: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи». Умѣстнѣе было бы ждать упоминанія о Варягахъ въ сообщеніи о походѣ Владиміра противъ Ярополка, ибо именно противъ него приглашены были Владиміромъ Варяги. Въ виду этого предполагаю, что въ первоначальномъ текстѣ Древн. свода, вслѣдъ за высылкой изъ Новгорода Ярополчихъ посадниковъ, читалось: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни и Кривичи и поиде на Ярополка; и не може Ярополкъ стати противу». Я умышленно опускаю имя Чуди въ текстѣ Древн. свода, ибо, какъ увидимъ ниже (§ 198), въ главѣ, посвященной анализу начала Древн. свода, составитель этого свода, говоря о сѣверныхъ событіяхъ, постоянно упоминалъ рядомъ именно Словѣнъ и Кривичей, умалчивая о Чуди; между тѣмъ именно новгородскій лѣтописецъ вставилъ въ разсказъ о призваніи князей имя Чуди. Слѣдовательно, и анализъ вставки 6488 года показываетъ, что Чудь прибавлена новгородцемъ, выхватившимъ изъ Древн. свода слова «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни и Кривичи» и вставив-

шимъ ихъ въ свою запись. Итакъ, вотъ второе указаніе на то, что новгородскій источникъ, которымъ воспользовался Начальный сводъ, самъ основывалъ свой разсказъ на Древн. кіевскомъ сводѣ.

§ 119. Подъ тѣмъ же 6488 годомъ ниже читаемъ: «Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Новугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстіи аки Богу». Врядъ ли можно сомнѣваться въ новгородскомъ происхожденіи этой записи. Достаточно поставить вопросъ, почему лѣтопись, умалчивая о языческомъ культѣ въ Переяславлѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и т. д., упоминаетъ о Новгородѣ?

§ 120. Подъ 6493 сообщено о походѣ Владиміра на Болгаръ съ Добрынею, съ уемъ своимъ. Хотя Болгары и побѣждены, но Добрыня говоритъ: «съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ». Мнѣ кажется, что передъ нами опять легендарный Добрыня, а легендарный Добрыня, какъ указано, принадлежитъ прежде всего Новгороду. Обращаемъ вниманіе на слова его: «поидемъ искатъ лапотниковъ». Слѣдовательно, разсказъ выхваченъ изъ серіи походовъ Владиміра съ уемъ его Добрынею. Почему имя Добрыни связывается съ походомъ на Болгаръ, не совсѣмъ ясно, какъ неясно и то, о какихъ Болгарахъ идетъ рѣчь—о Дунайскихъ или Волжскихъ. Я считаю вѣроятнымъ, что статья 6493 года имѣетъ въ виду Дунайскихъ Болгаръ, ибо походъ совершается въ лодьяхъ, а вспомогательное войско изъ Торковъ идетъ берегомъ на коняхъ [1]); ср. двойной путь въ Болгарію, отмѣченный въ разсказѣ о походѣ Святослава; Свѣнельдъ совѣтуетъ Святославу: «поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ». Но не могу не отмѣтить, что Память и похвала Владиміру говоритъ о походѣ Владиміра на Серебряныхъ Болгаръ. Какъ отмѣчено было выше (гл. II), слова этой Памяти и похвалы «и Вятичи побѣди и дань на нихъ взятъ, и Ятвиги взятъ, и Сребреныя Болгары, и на Казары шедъ побѣди я» не основаны на лѣтописи;

---

[1]) Соображенія эти были высказаны въ свое время И. А. Линниченко, Совр. сост. вопр. объ обстоят. крещ. Руси (Тр. К. Д. Ак. 1886, XII, с. 684).

дѣйствительно, лѣтопись умалчиваетъ и о томъ, что Владиміръ воевалъ съ Казарами. Не свидѣтельствуютъ ли эти слова о древней пѣснѣ, сообщавшей объ этихъ походахъ Владиміра? Не говорила ли эта пѣсня о Владиміровомъ спутникѣ, Добрынѣ? Во всякомъ случаѣ считаю вѣроятнымъ, что Древн. сводъ сообщалъ о походѣ Владиміра на Болгаръ Дунайскихъ и о заключеніи съ ними вѣчнаго міра; вставку же Добрыни я отношу насчетъ новгородскаго сводчика, заимствовавшаго ее изъ исторической пѣсни о походахъ Владиміра и Добрыни.

§ 121. Подъ 6496 въ распредѣленіи волостей между сыновьями Владиміра читаемъ: «И посади Вышеслава въ Новѣгородѣ... умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ». Выше было указано, что сообщеніе о распредѣленіи волостей между сыновьями Владиміра составлено редакторомъ Начальнаго свода. Но основанія для его сообщенія должны были быть даны въ его источникахъ. Предполагаю поэтому, что только что приведенныя извѣстія извлечены имъ изъ Новгородскаго свода; подтверждаю свое предположеніе формой «посадиша»; мы ожидали бы въ устахъ кіевлянина, говорящаго о распоряженіяхъ Владиміра, «посади»; новгородецъ могъ скорѣе выразиться такъ о своемъ князѣ [1]). Ниже увидимъ основанія для предположенія, что перечень князей новгородскихъ читался въ весьма древнихъ новгородскихъ сводахъ именно непосредственно за статьей о крещеніи Новгорода.

§ 122. Подъ 6522 годомъ находимъ: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривьнъ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху посадници Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше отцю своему. И рече Володимеръ: требите путь и мостите мостъ; хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся». И это извѣстіе я считаю новгородскимъ. Оно стоитъ въ связи съ послѣдующимъ сообщеніемъ о наймѣ Ярославомъ варяговъ и избіеніи ихъ новгородцами, которое, какъ увидимъ, носитъ явныя новгород-

---

[1]) Ср. подъ 6685: „и посадиша Новгородьци Мьстислава на столѣ“; подъ 6688: „и пріведоша Володимира въ Новъгородъ и посадиша и на столѣ“, и др.

скія черты. Кіевское преданіе помнило о войнѣ Владиміра съ печенѣгами, противъ которыхъ былъ высланъ Борисъ. Сборы въ походъ на Ярослава и не могли оставить въ Кіевѣ такого воспоминанія, какъ въ Новгородѣ, гдѣ результаты ихъ выразились въ появленіи варяговъ и дальнѣйшихъ важныхъ для Новгорода событіяхъ.

Подъ 6523 читаемъ непосредственное продолженіе предыдущей статьи: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости». За этимъ опять: «Володимеру бо разболѣвшюся», ср. выше подъ 6522: «но разболѣся».

§ 123. Ниже подъ тѣмъ же 6523 годомъ сообщается, что у Ярослава было на службѣ много Варяговъ и они начали творить насилье Новгородцамъ и ихъ женамъ. Новгородцы возстали и избили Варяговъ «во дворѣ Поромонѣ». Ярославъ разсердился и «шедъ нарокомъ», сѣлъ во дворѣ, заманилъ къ себѣ нарочитыхъ мужей новгородскихъ и перебилъ ихъ. Въ эту самую ночь къ нему пришла вѣсть изъ Кіева отъ Передславы о смерти отца и вокняженіи Святополка, уже убившаго Бориса и пославшаго убить Глѣба. Ярославъ созываетъ вѣче, сообщаетъ ему дошедшую до него вѣсть и заручается согласіемъ примирившихся съ нимъ Новгородцевъ помогать ему. Далѣе говорится о числѣ войска Ярославова и о выступленіи его противъ Святополка. Думаю, что основаніе всего приведеннаго разсказа новгородское: кому, какъ не Новгородцу, можно было припомнить, напр., такую подробность, какъ то, что Варяги были избиты во дворѣ Поромона. Полное подтвержденіе такому заключенію находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что позднѣйшіе новгородскіе своды передаютъ этотъ разсказъ болѣе точно и болѣе опредѣленно. Такъ фразѣ «Вставше Новгородци избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, пошедъ н а р о к о м ъ, сѣде въ дворѣ» въ Новгор. 1-й соотвѣтствуетъ: «и собрашася в н о щ ь, исѣкоша Варягы въ Поромонѣ дворѣ, а князю Ярославу тогда в ъ т у н о щ ь сущу н а Р а к о м ѣ, и се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и шьдъ сѣде во дворѣ», что даетъ, конечно, болѣе правильный смыслъ разсказу. По Повѣсти вр. лѣтъ выходитъ, что Ярославъ, разсердившись, пошелъ «нарокомъ» (или прочтемъ: «на Рокомъ»)

и сѣлъ во дворѣ, а Новгор. 1-я объясняетъ, что Новгородцы избили Варяговъ, воспользовавшись тѣмъ, что Ярославъ былъ на Ракомѣ (населенная мѣстность близъ Новгорода, въ 7 верстахъ отъ него). Ясно, что кіевлянинъ не понялъ, что такое «на Ракомѣ», и отсюда несомнѣнно, что самый разсказъ принадлежитъ не кіевлянину, а новгородцу.

Въ концѣ 6524 въ Лавр. спискѣ читаемъ: «Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни, и бѣ тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28». Прочіе списки Повѣсти вр. лѣтъ опускаютъ «Новѣгородѣ»[1]). Врядъ ли чтеніе ихъ можетъ быть признано болѣе первоначальнымъ. Ярославу не могло быть въ 1016 году 28 лѣтъ, ибо онъ умеръ 76 лѣтъ въ 1054 году (отсюда поправка Татищева: 38 лѣтъ). Слѣдовательно, чтеніе Лавр. списка исправнѣе чтенія другихъ списковъ. А отсюда ясно, что Повѣсть вр. лѣтъ (Нач. св.) заимствовала эту замѣтку изъ Новгородскаго свода. Чтеніе «лѣтъ 18» Новгородскаго свода 1448 г. (Соф. 1-я и Новг. 4-я) я считаю позднѣйшей поправкой потому, что при немъ нѣтъ слова «Новѣгородѣ»,—выходитъ, что дѣло идетъ о лѣтахъ Ярослава. Это исправленное чтеніе восходитъ къ общерусскому своду 1423 года, что видно изъ поправки 28 на 18 въ Ипатьевскомъ спискѣ, который подвергся исправленію по общерусскому своду 1423 года. Вслѣдъ за этимъ въ Повѣсти вр. лѣтъ читается «В лѣто 6525. Ярославъ иде (Ип., Радз. приб.: въ Кыевъ) и погорѣ (Ип., Радз.: погорѣша) церкви». Я думаю, что слова «Ярославъ иде» выхвачены изъ Новгор. свода. Предлагаю читать: «Ярославъ идя Кыеву, посади Новѣгородѣ Костянтина Добрынича»; ср. въ росписи князей новгородскихъ: «и идя къ Кыеву, и посади въ Новѣгородѣ Коснятина Добрынича» (ср. § 185).

Подъ 6526 къ новгородскимъ заимствованіямъ отношу сообщеніе о прибытіи разбитаго Ярослава въ Новгородъ, о желаніи его бѣжать за море, о томъ какъ Новгородцы во главѣ съ Констан-

---

[1]) Только въ Никоновской лѣтописи, и притомъ въ одномъ лишь Патр. спискѣ, читаемъ: „Ярославъ же сѣде в Новѣ на столѣ отче и дѣдни“ (прочіе списки вм. в новѣ: въ Кіевѣ). Ср. изд. IX, 75, пр. 4. Не сомнѣваюсь вообще въ томъ, что въ распоряженіи составителя Никон. лѣтописи былъ именно Лавр. списокъ.

тиномъ, сыномъ Добрыни, не пустили его отъ себя, о денежныхъ сборахъ для найма Варяговъ.

§ 124. Подъ 6529 читаемъ о нападеніи Брячислава на Новгородъ и о побѣдѣ Ярослава надъ Брячиславомъ, одержанной имъ на рѣкѣ Судомирѣ; послѣ побѣды Ярославъ воротилъ въ Новгородъ людей, захваченныхъ въ плѣнъ Брячиславомъ. Конечно, и это извѣстіе новгородское; замѣтимъ кстати, что въ позднѣйшихъ новгородскихъ сводахъ оно изложено полнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаемъ въ концѣ статьи: «И отътолѣ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною за одинъ. И воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего».

§ 125. Подъ 6534 читаемъ: «Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тъмутороканя Кыеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью... Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю... И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы», и т. д. Совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ новгородскою вставкой; вслѣдъ за словами «сѣде на столѣ Черниговѣ» въ первоначальномъ разсказѣ (Древн. сводѣ) читалось, конечно, «Ярославъ же посла за море по Варягы». Странно было бы допустить, что Ярославъ позаботился о приглашеніи Варяговъ только по возвращеніи изъ Суздаля; вставка начинается повтореніемъ словъ «Ярославу сущю Новѣгородѣ» («тогда. В се же лѣто» вставлено, конечно, составителемъ Нач. свода).

§ 126. Подъ 6538 читаемъ несомнѣнно новгородское извѣстіе: «иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ».

Подъ 6544 признаемъ новгородскими три извѣстія: «иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Владимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту». Впрочемъ, первое изъ этихъ извѣстій, а можетъ быть, и второе читались и въ Древн. сводѣ, ибо слѣдующее кіевское извѣстіе объ освобожденіи Ярославомъ Кіева, осажденнаго Печенѣгами, начинается словами: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ».

Подъ 6550 находимъ новгородское извѣстіе о походѣ Владиміра на Емь.

§ 127. Подъ 6552 извѣстія о смерти Брячислава Полоцкаго и о вокняженіи Всеслава едва ли не новгородскаго происхожденія. Слова «сего ради немилостивъ есть на кровьпролитие» (дѣло идетъ о Всеславѣ) особенно умѣстны подъ перомъ новгородскаго лѣтописца, которому пришлось ниже, подъ 6574 и 6577, разсказывать о нападеніяхъ Всеслава на Новгородъ, сожженіи и ограбленіи его.

Несомнѣнно новгородскимъ признаемъ извѣстіе 6553 года о закладкѣ св. Софіи въ Новгородѣ.

§ 128. Подъ 6558 сообщено о кончинѣ жены Ярослава. Имѣя въ виду, что она умерла въ Новгородѣ (ср. въ Новгор. 1-й лѣтописи подъ 1439 извѣстіе о гробницѣ матери Владиміра Ярославича въ Новгородѣ), я признаю это извѣстіе новгородскимъ.

Подъ 6560 читаемъ о кончинѣ Владиміра Ярославича въ Новгородѣ, при чемъ отмѣчено мѣсто его погребенія: святая Софія, «юже бѣ самъ создалъ». Конечно, передъ нами новгородское извѣстіе. Увѣренность наша увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что новгородскія лѣтописи (начиная съ Синод. списка) указываютъ точно день кончины Владиміра.

Подъ 6562 годомъ въ сообщеніи о кончинѣ Ярослава читаемъ: «Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця». Такъ въ Лавр., Радз. и въ Новгор. 1-й: можно заключить отсюда, что такъ же читалось не только въ Повѣсти вр. лѣтъ, но и въ Нач. сводѣ. Въ Ип. и Хлѣбн.: «Изяславу тогда в Туровѣ княжащю». Думаю, что это чтеніе Ип. и Хлѣбн. восходитъ (путемъ Галицкой лѣтописи) къ Древн. своду. Составитель Нач. свода встрѣтилъ въ своихъ двухъ источникахъ разнорѣчивыя показанія: Древн. сводъ давалъ чтеніе Ипат. списка, а Новгор. сводъ, очевидно, имѣлъ: «Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ», ср. именно такое чтеніе въ позднѣйшихъ новгородскихъ сводахъ (Соф. 1-й и др.). Итакъ въ отсутствіи указанія, гдѣ былъ Изяславъ въ моментъ смерти Ярослава, видимъ вліяніе Новгор. свода.

§ 129. Подъ 6571 находится приведенное выше новгородское извѣстіе объ обратномъ теченіи Волхова.

Подъ 6573 читаемъ: «В се же лѣто Всеславъ рать почалъ». Въ виду того, что рать эта имѣла въ виду ближайшимъ образомъ Новгородъ, я считаю и это извѣстіе новгородскимъ.

Подъ 6574 видимъ опять новгородское извѣстіе въ словахъ: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотьскии и зая Новъгородъ». Ср. въ новгородскихъ лѣтописяхъ (начиная съ Синод. списка) подробное извѣстіе о взятіи Всеславомъ Новгорода.

§ 130. Послѣ указанной статьи 6574 (1066) года мы не находимъ болѣе въ Повѣсти вр. лѣтъ (Начальномъ сводѣ) ни одного извѣстія, которое можно было бы возвести къ новгородской лѣтописи. Извѣстіе 6579 (1071) года о смутѣ, произведенной въ Новгородѣ появившимся тамъ при князѣ Глѣбѣ волхвомъ, я признаю записаннымъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ виду высказанныхъ въ § соображеній. Извѣстіе 6586 (1077) года объ убіеніи Глѣба въ Заволочіи, хотя и встрѣчается въ новгородскихъ сводахъ съ лишнею подробностью (указаніемъ дня 30 мая), несомнѣнно кіевское или черниговское (говорю объ извѣстіи Повѣсти вр. лѣтъ; но о томъ же событіи было новгородское извѣстіе).

§ 131. Итакъ видимъ, что составитель Начальнаго свода, работавшій около 1095 года, имѣлъ въ своемъ распоряженіи кромѣ Древнѣйшаго кіевскаго свода еще и Новгородскій сводъ. Въ слѣдующей главѣ разсмотримъ еще другія имѣющіяся у насъ данныя для возстановленія этого Новгородскаго свода. А пока подчеркнемъ тотъ выводъ относительно взаимныхъ отношеній Новгородскаго свода и Древнѣйшаго кіевскаго свода, къ которому мы приходили, разсматривая нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше извѣстій.

Новгородскій сводъ стоялъ въ прямой зависимости отъ Древн. кіевскаго свода: подъ вліяніемъ кіевскихъ извѣстій объ Ольгѣ является новгородское объ оброкахъ и даняхъ, установленныхъ ею по Мстѣ и Лугѣ; кіевское извѣстіе о распредѣленіи волостей между сыновьями Святослава вызываетъ новгородскую статью о томъ, какъ новгородцы добыли себѣ въ князья Владиміра; кіевское извѣстіе о поставленіи Владиміромъ кумировъ въ Кіевѣ вызываетъ

извѣстіе новгородское о поставленіи кумира въ Новгородѣ Добрынею; кіевское извѣстіе о походѣ Владиміра на Болгаръ вызываетъ новгородское преданіе о спутникѣ Владиміра въ его походахъ, Добрынѣ; кіевскій разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба и послѣдовшемъ столкновеніи Ярослава съ Святополкомъ вызываетъ новгородскія подробности объ этомъ столкновеніи и нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ему обстоятельствахъ. Такого рода извѣстія Новгородскаго свода наводятъ на мысль, что онъ представлялъ изъ себя переработку Древн. кіевскаго свода; новгородскій редакторъ этого свода дополнилъ кіевскій сводъ новгородскими подробностями и извѣстіями; быть можетъ, онъ и продолжилъ этотъ сводъ. Въ такомъ случаѣ наличность въ Новгородскомъ сводѣ статьи, отнесенной редакторомъ Начальнаго свода къ 6574 году, доказываетъ только, что Новгородскій сводъ доходилъ по крайней мѣрѣ до этого года, но не можетъ свидѣтельствовать въ пользу того, что и Древн. кіевскій сводъ былъ доведенъ до этого года.

Можно пока утверждать съ увѣренностью, что появленіе Новгородскаго свода относится ко времени до девяностыхъ годовъ XI столѣтія, ибо работавшій около 1095 года редакторъ Начальнаго свода включилъ его извѣстія въ составъ своего труда.

ГЛАВА VIII.

Данныя для возстановленія перваго Новгородскаго свода XI вѣка. Новгородская 1-я лѣтопись.

§ 132. Предыдущее изслѣдованіе показало, какія мы имѣемъ основанія утверждать, что въ XI вѣкѣ, и притомъ до девяностыхъ годовъ его, возникъ въ Новгородѣ лѣтописный сводъ, послужившій источникомъ для Кіевскаго Начальнаго свода, составленнаго около 1095 года. Анализъ статей и извѣстій, внесенныхъ изъ Новгородскаго свода въ Начальный сводъ, показываетъ, что первый изъ этихъ сводовъ былъ построенъ по образцу Древнѣйшаго кіевскаго свода, представлялъ его переработку съ дополненіями изъ новгородскихъ источниковъ. Поэтому текстъ Древн. свода могъ бы служить намъ для возстановленія перваго Новгородскаго свода, если бы этотъ текстъ дошелъ до насъ; онъ установилъ

бы то основаніе, на которомъ построенъ Новгородскій сводъ. Другія данныя для возстановленія перваго Новгородскаго свода должно искать въ позднѣйшихъ памятникахъ новгородскаго лѣтописанія. Сравнительное изученіе ихъ показываетъ, что свои древнѣйшія новгородскія извѣстія они извлекли именно изъ перваго Новгородскаго свода. Разсмотримъ эти дошедшіе до насъ памятники съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ первому Новгородскому своду.

§ 133. Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи старшаго извода утратилъ, къ величайшему ущербу для науки, свое начало, а именно первыя 16 тетрадей или 128 листовъ; онъ начинается съ середины статьи 6524 года, со словъ «а вы плотници соуще, а приставимъ вы хоромъ роубити». Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о различныхъ почеркахъ, которыми писана рукопись, и не будемъ опредѣлять по нимъ время ея составленія. Склоняемся къ мысли, впервые высказанной А. И. Соболевскимъ, что вся рукопись наша принадлежитъ XIV вѣку; къ этому ведутъ и нѣкоторыя соображенія относительно внутренняго ея содержанія, ясно отражающаго на себѣ вліяніе общерусскаго свода начала XIV в., того самаго свода, который послужилъ источникомъ и Лаврентьевскаго списка, въ особенности при изложеніи событій послѣднихъ десятилѣтій XIII вѣка и начала XIV-го.

Въ изложеніи событій XIII и XIV вѣка Синодальный списокъ является по преимуществу лѣтописью новгородскою. Извѣстій суздальскихъ, а тѣмъ болѣе иныхъ въ немъ сравнительно очень немного; укажу на нѣкоторыя изъ заимствованныхъ изъ неновгородскаго источника (а таковымъ я признаю общерусскій сводъ нач. XIV в.) статей: подъ 6711 извѣстіе о взятіи Кіева Ольговичами и Половцами, подъ 6712 обширную статью о взятіи Царяграда крестоносцами, подъ 6726 обширную статью о злодѣяніи братоубійцы Глѣба Рязанскаго, подъ 6732 повѣсть о Калкской битвѣ, подъ 6746 повѣсть о взятіи татарами Суздальской земли, и нѣк. др.

§ 134. Анализъ Синодальнаго списка обнаруживаетъ слѣды двухъ лѣтописцевъ или двухъ переписчиковъ, говорящихъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Подъ 6652 (1144) годомъ читаемъ: «Въ то же лѣто постави мя попомь архепископъ святый Нифонтъ». Со-

поставленіе этой записи съ записью 6696 (1188) года, гдѣ сообщено о кончинѣ раба Божія Германа, іерея святаго Іакова, зовомаго Вояты, служившаго у св. Іакова 45 лѣтъ (слѣдовательно, съ 1144 года), показало, что лицомъ, говорившимъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 6652 годомъ, былъ священникъ церкви св. Іакова въ Неревскомъ концѣ, Германъ Воята [1]). Подъ 6738 (1230) къ извѣстію о кончинѣ игумена Спасо-Хутынскаго монастыря Саввы приписано: «и дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю»; этого пономаря Тимоѳея трудно не отождествить съ Тимоѳеемъ, пономаремъ церкви св. Іакова, который въ 1262 году переписалъ для церкви св. Нерукотвореннаго Образа такъ называемый Лобковскій прологъ [2]). Такимъ образомъ, Синодальный списокъ въ своей исторіи связывается съ новгородскою церковью св. Іакова. Мы видимъ въ немъ работу трехъ членовъ причта этой церкви, послѣдовательно трудившихся надъ текстомъ лѣтописи: попа Германа, далѣе неизвѣстнаго, записавшаго о смерти Германа, и пономаря Тимоѳея. Представляется вѣроятнымъ, что составитель Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода (единственнымъ дошедшимъ до насъ спискомъ съ нея является Синодальный) положилъ въ основаніе своего труда лѣтописный сводъ церкви св. Іакова и дополнилъ его по общерусскому своду начала XIV вѣка. Слѣдовательно, исключивъ изъ текста Синодальнаго списка рядъ статей и извѣстій, заимствованныхъ изъ общерусскаго свода, получимъ представленіе о первоначальномъ составѣ лѣтописнаго свода церкви св. Іакова.

§ 135. Этотъ сводъ оказывается погодно ведшеюся въ Новгородѣ лѣтописью. Имѣемъ рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что погодная лѣтопись велась при дворѣ новгородскаго владыки, а не при церкви св. Іакова. Не стану перечислять здѣсь всѣхъ этихъ данныхъ. Укажу напр., что въ древнѣйшихъ погодныхъ записяхъ ясно обнаруживается личность одного изъ лѣтописцевъ, очевидно, привлеченныхъ владыкой къ лѣтописному дѣлу. Личность эта—извѣстный Кирикъ, іеродіаконъ и доместикъ Антоніева монастыря. Кромѣ «Въпрашания Кюрикова, еже въпраша епи-

---

[1]) Ср. Прозоровскій въ Журн. М. Нар. Пр. 1852 г., іюль.

[2]) И. И. Срезневскій, Славяно-русск. палеографія, с. 191.

скопа Ноугородского Нифонта и инѣхъ» (ср. Русск. ист. библ. VI, с. 22 и сл.), Кирикъ составилъ «Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ» (Труды Общ. ист. и древн. росс., ч. IV, кн. 1, 1828 г.). Въ этомъ трудѣ выяснено, что онъ составленъ въ 6644 (мартовскомъ) году, и притомъ до наступленія 15-го индикта, т.-е. до 1-го сентября 6644 (мартовскаго) года: «да есть круговъ тѣхъ изшло отъ Адама до сего лѣта 6644-го 442; а послѣднее індикта 14 избываетъ». Слѣдовательно, въ виду имѣющагося въ концѣ сочиненія Кирика указанія на новгородскаго князя Святослава Ольговича («князю же Святославу сыну Олгову въ княженіи живущю въ Новѣгородѣ лѣто 1»), вступившаго на столъ 19 іюля 6644 года, ясно, что это сочиненіе написано между 19 іюля и 1 сентября 6644 года. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Новгор. 1-й лѣтописи (Синод. сп.) читаемъ: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, отъ брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуѳимие, въ 3 часъ дне, а лунѣ небеснѣй въ 19 день». Обстоятельность указанія свидѣтельствуетъ, что сообщеніе это написано въ самомъ скоромъ времени послѣ 19-го іюля (указанъ часъ прибытія Святослава!), т.-е. въ то самое время, когда Кирикъ писалъ свое Ученіе. Итакъ, первое, на что обращаемъ вниманіе, это совпаденіе во времени. Второе указаніе на то, что запись сдѣлана Кирикомъ, извлекаемъ изъ ея сложности: указанъ счетъ каландами, приведенъ лунный день; такая запись свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи счета времени. Отмѣчаемъ далѣе, что при названіи 6644 г. указано «индикта лѣта 14». Далѣе, непосредственно за приведеннымъ извѣстіемъ 19-го іюля, находимъ: «Томъ же лѣтѣ наставъшю индикта 15 убиша Гюргя Жирославиця». При названіи слѣдующаго 6645 года опять названъ 15 индиктъ. До этого 6644 г. индикты въ Новгор. 1-й не обозначаются; позже индиктъ является впервые подъ 6676 годомъ (1168): «приде князь Романъ Мстиславиць вънукъ Изяславль, Новугороду на столъ, мѣсяця априля въ 14, въ въторую недѣлю по велицѣ дни, індікта перваго». Не слѣдуетъ ли изъ этого, что Кирику принадлежали во владычнемъ сводѣ только записи 6644 и 6645 годовъ?

§ 135[1]. Въ какомъ же отношеніи къ Софійской владычней

лѣтописи стояла лѣтопись церкви св. Іакова? Можно съ увѣренностью сказать, что передъ нами въ Синодальномъ спискѣ владычняя Новгородская лѣтопись. Содержаніе Синодальнаго списка показываетъ, во-первыхъ, значительное вниманіе къ интересамъ церковнымъ, сосредоточивавшимся вокругъ владыки; во-вторыхъ, весьма большую освѣдомленность въ церковныхъ дѣлахъ: постройка церквей, смѣна игуменовъ и игуменій, пожары церквей— все это тщательно отмѣчается; въ-третьихъ, видимъ въ Синод. спискѣ напряженный интересъ къ внутреннимъ и внѣшнимъ интересамъ Новгорода. Совмѣщеніе всѣхъ этихъ интересовъ при значительной освѣдомленности естественнѣе всего ждать въ лѣтописи, ведшейся при дворѣ новгородскаго владыки. Отмѣтимъ, кромѣ того, непрерывное веденіе погодныхъ записей въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ;—сомнительно, чтобы такую работу могла выдержать отдѣльная церковь; гораздо вѣроятнѣе допустить, что непрерывно лѣтопись велась именно при дворѣ владыки. Итакъ, вотъ рядъ соображеній, побуждающихъ насъ признать, что лѣлѣтопись церкви св. Іакова представляла изъ себя постепенно дополнявшуюся копію съ владычней Новгородской лѣтописи. Отождествленіе пономаря Тимоѳея, работавшаго въ 1262 году надъ Лобковскимъ прологомъ, съ лицомъ, упомянувшимъ свое имя въ Синод. спискѣ подъ 1230, ведетъ насъ къ заключенію, что Тимоѳей не былъ лѣтописцемъ, не составлялъ погодныхъ записей, а только переписывалъ готовый текстъ, ибо сомнительно, чтобы онъ состоялъ въ должности пономаря въ теченіе 32-хъ лѣтъ.

Отмѣченное обстоятельство—наличность у насъ не самаго текста новгородской лѣтописи, а только копіи съ него, извлеченія изъ него, отнимаетъ у насъ надежду опредѣлить главные моменты въ исторіи владычняго лѣтописанія, прослѣдить смѣну лѣтописцевъ, углубиться въ изслѣдованіе ихъ источниковъ, и т. д. Впрочемъ, возможно, что оффиціальный сводъ, надъ которымъ работало нѣсколько поколѣній лѣтописцевъ, даже въ подлинномъ своемъ экземплярѣ, не давалъ бы широкаго поля для историко-литературныхъ наблюденій.

Историко-литературнымъ явленіемъ въ настоящемъ, полномъ смыслѣ можно признать только лѣтописный сводъ, лѣтописный разсказъ о прошедшихъ временахъ, а никакъ не погодныя за-

писи лѣтописцевъ. Правда, и въ нихъ мѣстами обнаруживается личное творчество: оно сказывается въ лирическихъ отступленіяхъ, въ нравоучительныхъ размышленіяхъ, въ благочестивыхъ молитвахъ. Не отрицаемъ историко-литературнаго интереса за нѣкоторыми изъ записей Софійскаго владычняго свода, но большая часть ихъ оказывается простой реляціей о современныхъ событіяхъ. Реляціи эти интересны при разрѣшеніи вопроса, какъ составлялись наши погодныя лѣтописи; заносились ли въ нихъ ежегодно пережитыя событія, или записи дѣлались періодически, въ зависимости отъ случайныхъ распоряженій владыки или лицъ, ближайшимъ образомъ вѣдавшихъ веденіе Софійской лѣтописи— этотъ вопросъ, немаловажный для историка, найдетъ себѣ, вѣроятно, разрѣшеніе при тщательномъ анализѣ Синодальнаго списка.

И вотъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ любопытнымъ явленіемъ въ духовной жизни Великаго Новагорода: въ немъ велась непрерывно погодная лѣтопись, но обработокъ этой лѣтописи, лѣтописныхъ сводовъ мы видимъ очень мало. Обработка, появившаяся въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія подъ вліяніемъ только что составившагося во Владимірѣ общерусскаго свода, дала направленіе всему дальнѣйшему лѣтописанію. Въ отсутствіи лѣтописныхъ сводовъ главное отличіе новгородскаго лѣтописанія отъ южно-русскаго; и на Южной Руси велись лѣтописи, вѣроятно, однородныя по характеру своему съ новгородскою владычнею лѣтописью, но лѣтописи эти подвергались литературнымъ обработкамъ, образовывали лѣтописные своды, что̂ вносило сильное оживленіе въ лѣтописаніе. Въ Новгородѣ, повидимому, не хватало литературныхъ силъ для подобной компилятивной по существу своему, но, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени и творческой работы: говорю особенно о XIII вѣкѣ, ибо въ XII вѣкѣ, въ шестидесятыхъ годахъ его, появился, повидимому, лѣтописный сводъ, включившій въ свой составъ предшествующія лѣтописныя записи и установившій связь между новгородскимъ и кіевскимъ лѣтописаніемъ.

§ 136. Появленіе въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ лѣтописнаго свода доказывается, между прочимъ, слѣдующими соображеніями. Дошедшій до насъ въ составѣ Синод. списка трудъ Германа

Вояты относится ко времени до 1188 года, ибо въ 1188 году Воята померъ; трудъ этотъ представляется копіей не съ погодныхъ записей владычней лѣтописи, а съ лѣтописнаго свода, широко задуманнаго и, вѣроятно, такъ же широко исполненнаго. Дѣйствительно, въ началѣ труда Германа Вояты было помѣщено извлеченіе изъ Повѣсти вр. лѣтъ; такимъ образомъ установилась связь новгородскаго лѣтописанія съ русскимъ лѣтописаніемъ вообще. Впрочемъ, предыдущее утвержденіе наше требуетъ доказательствъ; точно ли уже въ трудѣ Германа Вояты находилось извлеченіе изъ Повѣсти вр. лѣтъ? Не внесено ли оно составителемъ Синодальнаго списка или точнѣе составителемъ Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода, работавшимъ въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія и имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи общерусскій сводъ, гдѣ читалась Повѣсть вр. лѣтъ? Отъ того или иного разрѣшенія этого вопроса зависитъ принятіе или непринятіе положенія, что трудъ Германа Вояты былъ копіей не съ погодныхъ новгородскихъ записей, а съ лѣтописнаго свода.

§ 137. Рѣшительно утверждаю, что извлеченіе изъ Повѣсти вр. лѣтъ входило въ составъ труда Германа Вояты—и вотъ на какомъ основаніи. Одно изъ извѣстій Повѣсти вр. лѣтъ, читающихся въ Синодальномъ спискѣ, носитъ ясные слѣды того, что оно подверглось редакціи въ Новгородѣ и притомъ именно въ XII вѣкѣ. Подъ 6614 (1106) годомъ читаемъ: «Въ то же лѣто пострижеся Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Цьрніговѣ, тьсть Всѣволожь» [1]). Подъ Всеволодомъ разумѣется здѣсь Всеволодъ Мстиславичъ, бывшій княземъ новгородскимъ въ теченіе около двадцати лѣтъ (1117—1136) [2]). Кому, какъ не новгородцу, могло придти на мысль опредѣлить Святошу какъ тестя Всеволожа? Заключаю отсюда, что обработка извѣстій Повѣсти вр. лѣтъ, слѣдовательно, составленіе лѣтописнаго свода относится не позже какъ къ серединѣ XII вѣка, ибо уже къ концу этого вѣка врядъ ли было бы признано умѣстнымъ комментировать имя Святоши именемъ Всеволода Мстиславича.

---

[1]) Ср. въ Лавр.: „Въ то же лѣто пострижся Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святовлавль, мѣсяца ѳевраля въ 17 день".

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р. Роспись IV; Зотовъ, О черниг. князьяхъ, 266 и 263, пр. 25.

§ 138. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція новгородскихъ лѣтописныхъ извѣстій въ той части Синодальнаго списка, которая восходитъ къ труду Вояты, показываетъ, что обработка ихъ явилась не раньше 1165 года, когда новгородскіе владыки получили титулъ архіепископовъ («повелено бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомь»); Синодальный списокъ послѣдовательно называетъ владыкъ, предшественниковъ архіепископа Ильи—Іоанна, архіепископами, между тѣмъ какъ современныя имъ записи, называли ихъ епископами, и такъ же называли они сами себя: ср. архіепископа Θеодора подъ 1077, Никиту подъ 1108, Іоанна подъ 1110 и 1130, Нифонта подъ 1130, 1131, 1135, 1148, 1149, 1151, 1153, 1156 (также въ записи самого Германа Вояты подъ 1154) [1]). Правда, можно было бы думать, что замѣна епископа архіепископомъ произошла позднѣе подъ перомъ хотя бы даже составителя Новгородской 1-й лѣтописи, но насъ останавливаетъ при этомъ слѣдующее соображеніе: Аркадій, непосредственный предшественникъ архіепископа Ильи, упомянутъ въ Синод. спискѣ три раза (1156, 1158, 1163 г.) и всякій разъ съ титуломъ епископа. Я могу понять это только такъ, что составитель свода, привыкшій уже называть современнаго владыку архіепископомъ, назвалъ такъ же и всѣхъ предшествующихъ владыкъ—епископовъ; но, дойдя до Аркадія, онъ вспомнилъ, что Илья, въ противоположность своему предшественнику, назывался архіепископомъ—и это побудило его соблюсти данный Аркадію въ современныхъ записяхъ титулъ епископа. Слѣдовательно, лѣтописный сводъ составленъ послѣ 1165 года, но лицомъ современнымъ архіепископу Ильѣ и епископу Аркадію. Наше заключеніе согласуется съ тѣмъ, что Германъ Воята, списавшій этотъ сводъ, работалъ до 1188 года.

§ 139. Мы говоримъ о Германѣ Воятѣ, какъ о переписчикѣ. Но не былъ ли онъ составителемъ свода, не онъ ли подвергъ литературной обработкѣ Новгородскую владычнюю лѣтопись, соеди-

---

[1]) Но подъ 6644 читаемъ: „епископль дворъ“, подъ 6649: „и прия слы вся и епископа и гость“; подъ 6664: „который епископъ тако украси святую Софию“...; подъ 6650: „епископъ и купьцѣ и слы Новгородьскыя не пущаху изъ Руси“; подъ 6577: „при епископѣ Федоре“.

нивъ ее съ извлеченіемъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно. Имѣемъ въ виду соображенія, которыя изложимъ ниже при разсмотрѣніи свода 1448 года: изъ нихъ видно, что лѣтописный сводъ, составленный въ Новгородѣ въ 1166—1167 году, не былъ тождественъ съ трудомъ Германа Вояты и былъ прежде всего гораздо полнѣе его. Но и независимо отъ этихъ соображеній, я находилъ бы невѣроятнымъ приписать іерею Герману честь литературной обработки владычней лѣтописи: обработка эта была дѣломъ труднымъ и важнымъ; вѣроятно, что она могла быть предпринята не иначе, какъ съ благословенія владыки; вѣроятнѣе еще, что работа была исполнена по нарочитому повелѣнію владыки Ильи. Можно было бы допустить, что владыка обратился къ Герману Воятѣ, какъ къ искусному книжнику, но въ такомъ случаѣ недопустимо, чтобы Воята въ порученномъ ему трудѣ упомянулъ о времени своего поставленія въ попы; запись 1144 года свидѣтельствуетъ, что онъ работалъ для себя, для церкви св. Іакова, а не для архіепископа. Не умолчу еще объ одномъ соображеніи: если бы Германъ Воята былъ составителемъ лѣтописнаго свода и редакторомъ новгородскихъ извѣстій владычней лѣтописи, его трудъ не изобиловалъ бы такими вопіющими пробѣлами, какъ тѣ, что мы видимъ въ немъ теперь. Лицо, задумавшее связать новгородское лѣтописаніе съ кіевскимъ, не пренебрегшее поработать надъ извлеченіемъ извѣстій изъ Повѣсти вр. лѣтъ, не могло такъ небрежно и поверхностно отнестись къ своимъ, новгородскимъ извѣстіямъ, какъ отнесся Германъ Воята. Неужели составитель Новгородскаго свода не упомянулъ бы о кончинѣ епископа Іоакима, не сказалъ бы хоть нѣсколько словъ объ епископѣ Лукѣ Жидятѣ, не отмѣтилъ бы поставленія епископовъ Стефана, Германа, и т. д.? Имѣемъ ясныя указанія на то, что въ владычней лѣтописи читались соотвѣтствующія извѣстія; между тѣмъ въ Синод. спискѣ ихъ нѣтъ. Опущеніе подобныхъ извѣстій не вяжется съ широко задуманными основаніями лѣтописнаго свода, отразившимися и въ самомъ трудѣ Германа Вояты. Для меня очевидно, что Германъ Воята переписчикъ; онъ воспроизвелъ владычній лѣтописный сводъ (мы не можемъ не признать его именно владычнимъ) въ частныхъ своихъ интересахъ; это позволило ему не стѣсняться

при передачѣ содержанія свода—и онъ сильнѣйшимъ образомъ сократилъ его, спѣша подойти къ болѣе современнымъ событіямъ [1]).

§ 140. Сокращая событія кіевскія (и вмѣстѣ съ тѣмъ искажая ихъ), Германъ Воята не стѣснялся и съ новгородскими статьями: мы видѣли, какія важныя имъ опущены извѣстія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя извѣстія остались, и они могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ при возстановленіи недошедшаго до насъ Новгородскаго лѣтописнаго свода XII вѣка. Перечислимъ эти извѣстія въ части до 1093 года (на которомъ оканчивался Начальный Кіевскій сводъ) [2]).

Подъ 6524 читаемъ конецъ статьи, гдѣ описана встрѣча Ярослава съ Святополкомъ и послѣдовавшая затѣмъ битва; Святополкъ побѣжденъ и бѣжитъ въ Печенѣги; Ярославъ садится на столѣ отца своего и отпускаетъ все войско свое, щедро надѣливъ старостъ, смердовъ и новгородцевъ. Отмѣтимъ здѣсь существенныя отличія новгородскаго разсказа о первой битвѣ Ярослава съ Святополкомъ отъ разсказа Начальнаго свода(Повѣсти вр. лѣтъ):Синод. списокъ сообщаетъ о посылкѣ Ярославомъ въ станъ Святополка къ расположенному ему мужу; воспользовавшись его совѣтомъ, Ярославъ перевозится на другую сторону Днѣпра съ вечера, а не на разсвѣтѣ; битва происходитъ ночью; для того, чтобы новгородцы въ темнотѣ различали своихъ отъ непріятелей, Ярославъ приказываетъ имъ обмотать головы убрусами; Святополкъ побѣжденъ до свѣта; кромѣ того въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ) сообщалось, что Святополкъ бѣжалъ въ Ляхи, а здѣсь въ Печенѣги [3]); наконецъ, въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ) ничего не говорилось о награжденіи Ярославомъ своей дружины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Синод. списокъ въ статьѣ 6524 года

---

[1]) Древнѣйшая часть лѣтописнаго свода до крещенія Руси включительно была, какъ кажется, передана полнѣе: вспомнимъ, что Синод. списокъ утратилъ въ началѣ 128 листовъ; на нихъ древнѣйшія событія могли быть изложены довольно обстоятельно.

[2]) Оставляемъ въ сторонѣ тѣ новгородскія извѣстія, которыя были въ Повѣсти вр. л. и могли попасть изъ нея.

[3]) По Нач. своду (Повѣсти вр. л.) Святополкъ бѣжалъ въ Печенѣги послѣ третьей битвы (конецъ 6526 года).

слѣдовалъ новгородскому источнику. Отмѣтимъ еще, что въ Синод. спискѣ слито описаніе Любечской битвы, взятое изъ Повѣсти вр. лѣтъ, съ описаніемъ этой битвы по новгородскому источнику.

Подъ 6553 читаемъ: «съгорѣ святая София въ соуботоу позаоутрьнии въ часъ 3, мѣсяця марта въ 15».

Подъ 6560: «прѣставися Володимеръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ мѣсяця октября въ 4». Извѣстіе о смерти Владиміра имѣется и въ Повѣсти вр. лѣтъ, но день смерти Владиміра въ ней не указанъ.

Подъ 6574: «приде Всѣславъ и възя Новъгородъ съ женами и съ дѣтми и колоколы съима оу святыя Софие. О велика бяше бѣда въ часъ тъи! и понекадила съима».

Подъ 6577: «Въ то же лѣто осень, мѣсяця октября въ 23, на святаго Якова брата Господня, въ пятничю въ часъ 6 дни, опять приде Всеславъ къ Новоугородоу; Новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ оу звѣринця на Къземли. И пособи Богъ Глѣбоу князю съ Новгородци. О велика бяше сѣця Вожяномъ! И паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпоустиша Бога дѣля. А назаутрие обрѣтеся крѣстъ честныи Володимерь оу святѣи Софие Новѣгородѣ при епископѣ Федоре».

Подъ 6585: «прѣставися Феодоръ архиепископъ Новгородьскыи».

Подъ 6587: «оубиша за Волокомь князя Глѣба мѣсяця маия въ 30». Это извѣстіе есть и въ Повѣсти вр. лѣтъ, но въ ней не указанъ день.

Мы отмѣтили всѣ новгородскія извѣстія, отсутствующія въ Повѣсти вр. лѣтъ въ предѣлахъ до 1093. Укажемъ еще два неновгородскихъ извѣстія, отличающихъ Синод. списокъ отъ списковъ Повѣсти вр. лѣтъ: подъ 6558 читаемъ: «родися Святопълкъ»; подъ 6577 къ извѣстію о бѣгствѣ Всеслава изъ Кіева прибавлено: «и погоре Подолие». Нѣтъ основанія признавать эти извѣстія восходящими къ новгородскому источнику свода, лежащаго въ основаніи Синод.: относимъ ихъ насчетъ той редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, по которой былъ дополненъ новгородскій источникъ Новгородскаго свода.

§ 141. Чтобы покончить съ Синодальнымъ спискомъ, отмѣтимъ, что утраченная часть его (разсказъ до 1016 года) можетъ

быть возстановлена мѣстами по спискамъ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода [1]). Эта лѣтопись въ древнѣйшей редакціи своей, доходившей до тридцатыхъ годовъ XV столѣтія, составлена на основаніи: 1) Софійскаго временника, лѣтописнаго свода, доведеннаго до 1421 года, 2) погодныхъ записей владычней лѣтописи, заполнившихъ 1422—1433 годы. Въ новѣйшей редакціи, доведенной до сороковыхъ годовъ XV столѣтія, Новгородская 1-я младшаго извода дополнила текстъ древнѣйшей редакціи вставками изъ Новгородскаго свода 1448 года, а въ концѣ также еще выписками изъ погодныхъ записей владычней лѣтописи. Что касается Софійскаго временника, то онъ составленъ на основаніи: 1) дефектнаго экземпляра Начальнаго Кіевскаго свода (въ немъ недоставало конца, начиная съ окончанія статьи 1074 года, а также въ серединѣ—листовъ, обнимавшихъ конецъ статьи 6523 года и событія 6524—6560 годовъ); 2) Синодальнаго списка или, вѣроятнѣе, его протографа; 3) владычней погодной лѣтописи. Составитель Софійскаго временника положилъ въ основаніе своего труда Начальный Кіевскій сводъ; ему онъ слѣдовалъ включительно до 1074 года; начиная съ 1075 (6583) года, онъ держался Синодальнаго списка, мѣстами исправляя и дополняя его по владычней лѣтописи; начиная съ 6839 (1331), онъ слѣдовалъ одной владычней лѣтописи (Синодальный списокъ доведенъ только до 1333). Но, какъ указано выше, въ части 6523 — 6560 Начальный сводъ въ томъ экземплярѣ, который имѣлся въ распоряженіи составителя Софійскаго временника, былъ дефектный. Въ этой-то части ему пришлось обратиться къ протографу Синодальнаго списка.

§ 142. Оставляю въ сторонѣ вопросъ, не попало ли въ Софійскій временникъ что-нибудь изъ Синод. списка (изъ его протографа) въ статьѣ 6523 года. Но съ полною увѣренностью утверждаю, что статья 6524 года заимствована Софійскимъ временникомъ изъ (протографа) Синод. списка. До насъ эта статья Соф. временника дошла въ новгор. 1-й не въ первоначальномъ видѣ, а въ соединеніи со вставками изъ свода 1448 года (какъ это ясно изъ отличій Комм. и сходныхъ списковъ отъ Синодальнаго во

[1]) Списки Комиссіонный, Академическій и др.

второй части статьи); но первоначальная редакція безъ труда возстанавливается путемъ исключенія заимствованій изъ свода 1448 года. Считаемъ поэтому вѣроятнымъ, что первая часть статьи 6524 года («Бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ... почто пріидосте с хромчемь тѣмъ?») читается въ Комм. спискѣ приблизительно такъ же, какъ она читалась въ Соф. временникѣ, а въ Соф. временникѣ она читалась нѣкогда такъ же, какъ въ Синод. спискѣ.

Составитель Софійскаго временника прибѣгъ къ Синод. списку одинъ разъ еще выше, для дополненія текста Начальнаго свода. А именно онъ не могъ отказаться отъ вставки статьи о крещеніи Новгорода, которую и помѣстилъ вслѣдъ за разсказомъ о крещеніи Руси подъ 6497. Соотвѣтствующую статью Комм. и сходныхъ списковъ я возвожу къ Софійскому временнику; въ Софійскомъ же временникѣ текстъ этой статьи былъ тождественъ съ текстомъ Синод. списка, ибо, согласно предыдущему, Соф. временникъ могъ заимствовать его только изъ Синод. списка, такъ какъ другихъ новгородскихъ источниковъ у него не было. Итакъ къ числу приведенныхъ выше новгородскихъ извѣстій Синод. списка прибавляемъ разсказъ о крещеніи Новгорода («Въ лѣто 6497. Крестися Володимиръ и вся земля Руская... и плы съ свѣта окошьное»).

§ 143. За этой статьей въ Соф. временникѣ, по свидѣтельству обѣихъ редакцій Новгородской лѣтописи младшаго извода, слѣдовали перечни великихъ князей кіевскихъ, князей новгородскихъ, русскихъ митрополитовъ, новгородскихъ владыкъ, русскихъ епархій и новгородскихъ посадниковъ. Перечней этихъ ни въ коемъ случаѣ не могло быть въ Начальномъ сводѣ, да ихъ и нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Слѣдовательно, въ Софійскій временникъ они могли попасть только изъ протографа Синодальнаго списка. Правда, перечни эти въ извѣстныхъ частяхъ оказываются гораздо моложе Синодальнаго списка; перечень князей новгородскихъ въ древнѣйшей редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода былъ доведенъ, какъ кажется, до Юрія Дмитріевича (1433—1434) [1], а въ позднѣйшей (Комм. и сходные списки) до

[1]) Ср. въ спискахъ Новгородской 5-й, въ концѣ перечня: „посемь Василій Васильевичь, а потомъ Дмитрій Юрьевичь“. Думаю, что „Дмитрій

Василія Васильевича (1425—1462); перечень митрополитовъ до Герасима (1434—1435), владыкъ новгородскихъ до перваго Евеимія (1424—1429) [1]). Но это вполнѣ понятно: составитель Новгородской 1-й лѣтописи, гдѣ мы находимъ эти перечни, а еще раньше его составитель Соф. временника, куда они попали изъ протографа Синодальнаго списка, довели ихъ до своего времени. Между тѣмъ одинъ изъ перечней ясно отражаетъ моментъ составленія самого Синодальнаго списка (его протографа) или точнѣе общерусскаго свода, вызвавшаго его къ существованію—это перечень русскихъ епархій, ведущій насъ ко времени между 1303 и 1330 г. [2]).

Въ началѣ перечней статьи 6497 года находимъ перечень великихъ князей кіевскихъ, доведенный только до имени Ростислава Мстиславича (1159—1166). Согласно съ только что сказаннымъ перечень этотъ читался въ протографѣ Синодальнаго списка; какъ указано выше, въ основаніи протографа Синодальнаго списка лежитъ трудъ Германа Вояты, составленный между 1165 и 1188; итакъ мы въ правѣ предположить, что перечень кіевскихъ князей до Ростислава Мстиславича включительно восходитъ къ лѣтописному своду Вояты или къ еще старшему новгородскому своду, который списывался Воятой. Въ этомъ перечнѣ видимъ опредѣленное хронологическое указаніе на время составленія какъ перечня, такъ и возникшаго одновременно съ

Юрьевичь“ позднѣйшая поправка вмѣсто Юрія Дмитріевича, названнаго послѣднимъ великимъ княземъ въ Троицкомъ спискѣ Новгородской 1-й младш. извода, который также зависѣлъ отъ древнѣйшей редакціи.

[1]) А второй Евеимій, получившій поставленіе въ апрѣлѣ или маѣ 1434 г., не названъ.

[2]) Это видно изъ того, что въ перечнѣ не названы епископіи Галичская, Перемышльская, Холмская, Луцкая и Туровская, отдѣлившіяся отъ Кіевской митрополіи въ началѣ XIV в., повидимому, именно въ 1303. Ср. Голубинскій, Ист. русской церкви, II, 97. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ перечнѣ не названа Суздальская епископія потому, что въ 1299 году она вошла въ составъ митрополичьей области и возобновлена лишь въ 1330. Ср. Н. Д. Іерархія Всероссійской церкви, I, 75. Не названы также Коломенская, учрежденная въ 1350, и Великопермская, учрежденная въ 1383. Умолчаніе о Сарской епископіи объясняется тѣмъ, что она разумѣлась подъ Переяславскою (фактически упраздненною въ 1279 году).

нимъ свода; перечень и сводъ составлены до 1167 года, ибо въ Новгородѣ знали бы въ 1167 году, что великимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Изяславичъ; ср. въ Синод. 6675: «Седе Мьстиславъ Изяславиць Кыевѣ на столѣ». Но мы видѣли, что составленіе свода должно отнести ко времени послѣ 1165 года, послѣ учрежденія новгородской архіепископіи. Слѣдовательно, сводъ составленъ въ 1165—1167 г. [1]). Относится ли это опредѣленіе къ своду, вышедшему изъ подъ пера Германа Вояты, или къ тому своду, съ котораго снялъ копію Воята, выяснится изъ дальнѣйшаго.

§ 144. Мы извлекли изъ Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода (Синод. списка) рядъ указаній на существованіе новгородскаго свода, составленнаго въ 1165—1167 г. и редактированнаго Германомъ Воятой. Въ этомъ сводѣ читались перечисленныя выше древнія новгородскія извѣстія. Анализъ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода (Комм. и сходныхъ списковъ) нисколько не увеличитъ нашихъ свѣдѣній ни о сводѣ 1165—1167 г., ни объ источникѣ древнихъ новгородскихъ извѣстій, ибо эта лѣтопись восходитъ къ Соф. временнику, составившемуся на основаніи, во-первыхъ, Кіевскаго Начальнаго свода и, во-вторыхъ, уже разсмотрѣннаго Синодальнаго списка; кромѣ того въ позднѣйшей редакціи Новгородской лѣтописи (редакціи Комм. и сходныхъ списковъ) оказываются заимствованія изъ подлежащаго нашему разсмотрѣнію свода 1448 года. Для насъ въ настоящее время анализъ Комм. и сходныхъ списковъ важенъ лишь постольку, поскольку онъ приводитъ къ возстановленію нѣкоторыхъ утраченныхъ частей Синодальнаго списка. Мы уже использовали Комм. и сходные списки съ этой стороны. Переходимъ поэтому къ другому новгородскому своду, а именно къ своду 1448 года.

---

[1]) Такимъ образомъ въ перечняхъ, читаемыхъ подъ 6497 г., въ Комм. и сходныхъ спискахъ отразились слѣдующіе моменты: 1165—1167 г.— моментъ составленія древняго Новгородскаго свода; 1303—1330—моментъ составленія Синод. списка (слѣдовательно, точнѣе 1330 годъ, послѣ котораго въ Синод. сп. мѣняется почеркъ); 1421 годъ—моментъ составленія Соф. временника (ср. въ спискѣ посадниковъ новгородскихъ имя Тимоѳея Васильевича, упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1421); 1433—1434 годъ—мо-

ГЛАВА IX.

Данныя для возстановленія перваго Новгородскаго свода XI вѣка. Новгородскій сводъ 1448 г.

§ 145. Новгородскій сводъ 1448 года возстанавливается путемъ сравненія Новгородской 4-й и Софійской 1-й. На 1448-й годъ указываетъ хронологическая замѣтка подъ 1380 годомъ, заявляющая, что совпаденія Пасхи и Благовѣщенія надо ждать черезъ 11 лѣтъ; такое совпаденіе въ XV вѣкѣ было въ 1459 году; слѣдовательно, эта замѣтка и включившій ее въ свой составъ сводъ написаны въ 1448. Въ составѣ Новгородскаго свода 1448 года ярко выдѣляются заимствованія изъ Софійскаго временника, того самаго свода, который въ нѣкоторой передѣлкѣ представленъ списками Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода. Такъ, за вводными статьями, восходящими къ Повѣсти вр. лѣтъ, помѣщено Предисловіе къ Софійскому временнику, тождественное съ тѣмъ, что читается въ спискахъ Новгородской 1-й младш. извода. И въ дальнѣйшемъ составитель свода 1448 года все время руководствуется данными Софійскаго временника, соединяя ихъ съ текстомъ другого своего источника; зависимость его отъ Софійскаго временника становится особенно замѣтною, начиная съ изложенія событій второй половины XI столѣтія; Софійскій временникъ кладется въ основаніе составлявшагося въ 1448 году свода, а другой источникъ только дополняетъ его. Этимъ объясняется, напр., то обстоятельство, что статья 1074 года о смерти Ѳеодосія обрывается на той же неоконченной фразѣ, что въ Соф. временникѣ («обѣщася монастыремъ пещися»), между тѣмъ какъ другой источникъ Соф. временника содержалъ, конечно, всю статью о кончинѣ Ѳеодосія и сопровождалъ ее разсказомъ о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Зависимость отъ Софійскаго временника очевидна и изъ

ментъ составленія первой редакціи Новгор. 1-й лѣтописи младшаго извода; 1434—1462—моментъ составленія второй редакціи той же лѣтописи. Кромѣ того, въ Комм. спискѣ читается послѣ перечня епископій цифра 22, явно заимствованная изъ свода 1448 года (гдѣ епископій названо не 12, какъ въ Новгор. 1-й, а 22).

того, что, начиная съ 6583 (1075) года, сводъ 1448, до 1074 года довольно полно передававшій текстъ Повѣсти вр. лѣтъ, сокращаетъ его, даетъ изъ него и изъ послѣдующей кіевской, затѣмъ суздальской и московской лѣтописей сравнительно небольшія извлеченія. Между тѣмъ событія новгородскія занимаютъ гораздо больше мѣста, и разсказъ о нихъ тянется на протяженіи всего свода.

Выдѣливъ изъ состава свода 1448 года статьи, восходящія къ Софійскому временнику, получимъ представленіе о другомъ источникѣ этого свода; изученіе его въ части, относящейся къ событіямъ XIV и XV в., показываетъ, что по содержанію своему это былъ общерусскій сводъ, такъ какъ въ немъ переплетаются извѣстія московскія, ростовскія, тверскія, рязанскія, смоленскія, нижегородскія, псковскія и др. Болѣе подробное изслѣдованіе свода 1448 года съ этой стороны дано въ изслѣдованіи «Общерусскіе лѣт. своды XIV и XV в.» [1]), къ которому и позволяю себѣ отослать читателя. Такимъ образомъ появленіе въ 1448 году Новгородскаго свода аналогично появленію въ треидцатыхъ годахъ XIV столѣтія Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода. Какъ въ 1448 году образованіе общерусскаго свода въ Москвѣ вызываетъ въ Новгородѣ компиляцію, въ составъ которой входятъ статьи изъ общерусскаго свода и изъ мѣстнаго новгородскаго свода (Софійскаго временника), такъ же точно въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія возникшій во Владимірѣ общерусскій сводъ порождаетъ передѣлку мѣстнаго новгородскаго свода, дополненіе его заимствованіями изъ общерусскаго свода (такъ явился протографъ Синод. списка).

Итакъ въ составѣ свода 1448 года оказываются: 1) статьи, восходящія къ Софійскому временнику, 2) статьи, восходящія къ общерусскому своду. Не подлежитъ сомнѣнію, что общерусскій сводъ 1423 года не могъ обойтись безъ новгородскихъ статей; въ немъ рядомъ съ тверскими, псковскими и др. заимствованіями читались, конечно, и заимствованія изъ новгородскихъ лѣтописей или какой-нибудь одной новгородской лѣтописи. Поэтому опре-

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1900 (сентябрь и октябрь) и 1901 (ноябрь) гг.

дѣлить, что́ именно въ сводѣ 1448 года восходитъ къ Софійскому временнику и что́ къ другому источнику, невозможно по новгородскому или неновгородскому происхожденію той или иной статьи; съ одной стороны, изъ общерусскаго свода могли попасть въ сводъ 1448 года также и новгородскія статьи, а съ другой, Софійскій временникъ (какъ видно изъ Новгор. 1-й) имѣлъ въ своемъ составѣ неновгородскія статьи и могъ передать и ихъ вмѣстѣ съ новгородскими въ сводъ 1448 года. Болѣе надежнымъ основаніемъ для признанія той или иной статьи свода 1448 года восходящею къ Софійскому временнику была бы наличность ея въ Новгородской 1-й младш. извода; но, во-первыхъ, Новгородская 1-я младш. извода выпускала, быть можетъ, нѣкоторыя статьи своего источника—Софійскаго временника; во-вторыхъ, новгородскій источникъ, изъ котораго общерусскій сводъ 1423 года почерпнулъ свои новгородскія извѣстія, могъ быть сходенъ, мѣстами тождественъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью старш. извода (протографомъ Синод. сп.), почему наличность общихъ статей въ Новгор. 1-й младш. извода и общерусскомъ сводѣ объяснялась бы пользованіемъ однимъ общимъ источникомъ.

§ 146. Тѣмъ не менѣе въ общемъ можно признать, что въ сводѣ 1448 года новгородскія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Новгородской 1-й лѣтописи, должны быть возводимы къ общерусскому своду.

Такихъ извѣстій, въ особенности въ XIV и XIII в., можно указать довольно много. Ср. подъ 6845 сообщеніе объ осадѣ нѣмцами Корѣльскаго городка и о предательствѣ Валита Корѣлянина, воеводы новгородскаго (Соф. 1-я), подъ тѣмъ же годомъ о чудѣ въ церкви св. Троицы на Рядитинѣ улицѣ (Соф. 1-я), подъ 6824 о походѣ Луки на Мурманы и избіеніи нѣмцами ушкуевъ Игната Молыгина (Новг. 4-я), подъ 6835 о поставленіи церкви въ Десятинномъ монастырѣ (Новг. 4-я), подъ 6839 подробности о пребываніи владыки Василія въ Кіевѣ и его злоключеніяхъ на обратномъ пути (Новг. 4-я), подъ 6853 о закладкѣ св. Спаса на Ковалевѣ (Новг. 4-я), подъ 6855 о мирѣ новгородцевъ съ литвою (Новг. 4-я), подъ 6858 о бурѣ на Духовъ день, о поставленіи церквей Флора и Лавра, Козмы и Демьяна и о закладкѣ церкви св. Іоанна Златоустаго (Новг. 4-я), подъ

6859 о поновленіи церкви св. Бориса и Глѣба въ Околоткѣ (Новг. 4-я), подъ 6860 о закладкѣ каменной стѣны въ Орѣховѣ (Новг. 4-я), и т. д. Замѣчательно то обстоятельство, что до двадцатыхъ годовъ XIV в. подобныхъ извѣстій въ сводѣ 1448 г., извѣстій лишнихъ противъ Новгор. 1-й, почти нѣтъ (см. относительно древнѣйшаго періода ниже). Не поставимъ ли мы указанное выше обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что до тридцатыхъ годовъ XIV ст. доходитъ Синодальный списокъ, повидимому, въ извѣстныхъ частяхъ своихъ основательно исчерпавшій содержаніе новгородскаго владычняго свода; между тѣмъ, какъ, начиная съ тридцатыхъ годовъ, составитель Софійскаго временника (откуда Новгор. 1-я лѣтопись младш. извода) остался безъ руководительства Синодальнаго списка? Какъ видно изъ предыдущаго, главнымъ источникомъ новгородскаго лѣтописанія была новгородская владычняя лѣтопись. Составитель Софійскаго временника дѣлалъ выборку изъ владычней лѣтописи не съ тою тщательностью, что его предшественникъ. Объ этомъ можно догадываться и изъ того, что самый трудъ предшественника (протографъ Синод. списка) переданъ составителемъ Соф. временника съ пропусками [1]).

Такимъ путемъ мы приходимъ къ заключенію, что общерусскій сводъ заимствовалъ свои извѣстія не изъ Софійскаго временника, а изъ самой владычней лѣтописи. Очевидно, съ нея была снята копія и послана въ Москву по распоряженію митрополита. Поэтому то, въ общерусскомъ сводѣ новгородскія извѣстія въ значительной части были тождественны съ извѣстіями Софійскаго временника (Новгор. 1-й лѣт. младш. извода); но кромѣ такихъ извѣстій въ немъ имѣлись и извѣстія, опущенныя составителемъ Софійскаго временника, не считавшимъ, очевидно, своею задачей исчерпать данныя владычней лѣтописи.

---

[1]) Ср. подъ 6652 опущеніе извѣстія о пожарѣ Холма и церкви св. Ильи, подъ 6657—извѣстія о лунномъ затменіи, подъ 6675—извѣстія о кончинѣ игуменьи св. Варвары и поставленіи другой игуменьи, подъ 6687—извѣстія о кончинѣ игуменьи св. Іоанна и поставленіи другой игуменьи, подъ 6692—извѣстія о построеніи церкви св. Власія, подъ 6697—о рожденіи у князя Ярослава Владиміровича дочери, подъ 6698—о рожденіи у него же сына, подъ 6696—о построеніи новаго моста черезъ Волховъ, подъ 6700—о кончинѣ игуменьи св. Воскресенія и поставленіи другой игуменьи, и т. д.

§ 147. Что же содержала копія съ владычней лѣтописи, полученная въ 1423 году митрополитомъ, въ древнѣйшей своей части? Иначе—что лежало въ основаніи этой лѣтописи? Погодныя ли записи, начинавшіяся съ XI вѣка, или какой-нибудь сводъ этихъ древнѣйшихъ записей, продолжавшійся погодными записями позднѣйшими? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ видимъ въ сопоставленіи новгородскихъ извѣстій общерусскаго свода 1423 года съ Синодальнымъ спискомъ.

Какъ отмѣчено выше, общерусскій сводъ содержалъ лишь очень немного лишнихъ противъ Синодальнаго списка извѣстій—мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что составитель Синодальнаго списка тщательно использовалъ владычнюю лѣтопись новгородскую, такъ же тщательно использованную и составителемъ общерусскаго свода. Но въ части, содержащей древнѣйшія новгородскія извѣстія, общерусскій сводъ расходился самымъ рѣзкимъ образомъ съ Синодальнымъ спискомъ. Почти не содержа лишнихъ противъ Синодальнаго списка извѣстій для XII, XIII и XIV вв., общерусскій сводъ насчитывалъ (по свидѣтельству свода 1448 г., или точнѣе обоихъ его отпрысковъ—Софійской 1-й и Новгородской 4-й) десятки лишнихъ извѣстій для XI в. Отчего же происходитъ такое различіе? Это различіе удовлетворительно объясняется изображенною выше исторіей Синод. списка (его протографа): не во всѣхъ частяхъ своихъ онъ представлялъ непосредственную выборку изъ владычней лѣтописи; въ основаніи его лежала не соотвѣтствующая выборка погодныхъ извѣстій изъ названной лѣтописи, а готовый уже трудъ Германа Вояты—лѣтописный сводъ, редактированный Воятой въ промежуткѣ между 1165 и 1188 г. А Германъ Воята, какъ мы видѣли, сильно сокращалъ свой источникъ (или свои источники), причемъ сокращенія особенно рѣзко сказались въ разсказѣ о событіяхъ XI вѣка; начиная приблизительно съ 6611 года, сокращеній меньше (о чемъ свидѣтельствуетъ отсутствіе пустыхъ, незаполненныхъ годовъ) [1]. Слѣдовательно, общерусскій сводъ сходствовалъ въ своихъ новгородскихъ извѣстіяхъ съ Синодальнымъ спискомъ, на-

[1]) Незаполненъ 6629 годъ; ср. выше незаполненные годы: 6583, 6584, 6588—6595, 6602, 6604, 6606—6608, 6610.

чиная съ того мѣста, гдѣ послѣдній (самъ ли это составитель протографа Синод. списка или Германъ Воята—для насъ безразлично), бросивъ сокращать, сталъ передавать владычнюю лѣтопись полностью; напротивъ, до того мѣста общерусскій сводъ расходился съ Синодальнымъ спискомъ, ибо послѣдній сокращалъ, а общерусскій сводъ передавалъ полностью эту лѣтопись. Иначе—общерусскій сводъ сходствуетъ съ Синодальнымъ спискомъ тамъ, гдѣ послѣдній совпадаетъ съ владычней лѣтописью, различествуетъ отъ него тамъ, гдѣ Синод. списокъ ее сокращаетъ.

§ 148. Итакъ для насъ становится все яснѣе, что Германъ Воята не былъ составителемъ свода: его трудъ заключался въ сокращенной передачѣ своего оригинала; невѣроятно, чтобы, сокративъ свои новгородскія извѣстія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ позаботился пополненіемъ ихъ извѣстіями кіевскими; совершенно очевидно, что Германъ Воята сокращалъ готовый лѣтописный сводъ, соединявшій новгородскія извѣстія владычней лѣтописи съ извѣстіями кіевской лѣтописи.

Синодальный списокъ, или точнѣе—лежащій въ основаніи его лѣтописный сводъ, редактированный Германомъ Воятой, предполагаетъ существованіе въ XII в. новгородскаго лѣтописнаго свода, составленнаго на основаніи владычней лѣтописи и дополнившаго извѣстія этой лѣтописи по лѣтописи кіевской. Этотъ лѣтописный сводъ и по широтѣ замысла и по средствамъ, потребовавшимся для его исполненія, не могъ быть дѣломъ частнаго лица; a priori считаю вѣроятнымъ, что онъ возникъ по повелѣнію новгородскаго владыки.

§ 149. Обращаюсь теперь къ прямому отвѣту на поставленный выше вопросъ: не лежалъ ли въ основаніи изъ году въ годъ ведшейся новгородской владычней лѣтописи тотъ самый сводъ XII вѣка, который предполагается Синод. спискомъ, ведущимъ насъ къ труду Германа Вояты?

Въ числѣ извѣстій, попавшихъ изъ владычней лѣтописи въ общерусскій сводъ, а изъ общерусскаго свода въ сводъ 1448 года, читалось слѣдующее: «Въ лѣто 6557, мѣсяца марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія; бяше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а стояла конець Пискупли улици, надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену

святого Бориса и Глѣба». Извѣстіе о пожарѣ св. Софіи несомнѣнно древнее: объ этомъ свидѣтельствуетъ указаніе на то, что онъ произошелъ въ день суботный; Синод. списокъ сохранилъ еще подробность: «въ часъ 3». А между тѣмъ редакція, въ которой оно изложено, ни въ коемъ случаѣ не современна самому событію: Сотко Сытиничъ заложилъ каменную церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба весной 6675 (1167) года. Но къ какому же времени отнесемъ мы эту редакцію? Въ 1262 году эта церковь сгорѣла отъ грома, возобновлена она была лишь лѣтъ черезъ сорокъ (освящена 9 декабря 1304). Слѣдовательно, редакція приведеннаго извѣстія ведетъ насъ не къ XIV и не ко второй половинѣ XIII в., а къ болѣе раннему времени. Впрочемъ, слово «нынѣ» прямо указываетъ на время около 6675 года: мы не читаемъ «идѣже нынѣ стоитъ церковь», а читаемъ «идѣже нынѣ постави». Итакъ, вотъ ясное свидѣтельство въ пользу того, что древнія новгородскія извѣстія подверглись обработкѣ во второй половинѣ XII в., или что то же, что во второй половинѣ XII в. возникъ новгородскій лѣтописный сводъ.

Время составленія свода опредѣляется приведеннымъ извѣстіемъ. Оно указываетъ на то, что сводъ составленъ около 1167 года. Итакъ, передъ нами новое указаніе все на тѣ же годы, которые мы называли раньше. На основаніи копіи, составленной съ этого свода Германомъ Воятой, мы утверждали, что новгородскій сводъ появился не раньше 1165 года (титулъ архіепископа распространенъ на древнихъ владыкъ новгородскихъ); далѣе, имѣя въ виду находившійся въ этомъ сводѣ перечень кіевскихъ в. князей, доведенный до Ростислава Мстиславича (умершаго въ 1166), мы заключали, что сводъ составленъ до полученія въ Новгородѣ извѣстія о вокняженіи въ Кіевѣ Мстислава Изяславича (середина мая 1167),—слѣдовательно, приблизительно до начала іюня этого года. Теперь мы видимъ, что въ этомъ сводѣ сообщалось о поставленіи церкви Бориса и Глѣба (весна 1167 года); подводя итогъ всѣмъ тремъ указаніямъ, видимъ, что этотъ сводъ составленъ въ апрѣлѣ или маѣ 1167 г.

Появленіе новгородскаго свода 1167 года стоитъ въ прямой связи съ учрежденіемъ новгородской архіепископіи. Новый вла-

дыка новгородскій (поставленный 28 марта 1165 года) призналъ необходимымъ подвести итогъ предшествующей церковной жизни Новгорода за время управленія епископовъ. Онъ повелѣлъ составить лѣтописный сводъ.

§ 150. Главное свое содержаніе лѣтописный сводъ архіепископа Ильи почерпнулъ изъ погодной владычней лѣтописи. Но начало свода основывалось на другихъ, предшествующихъ сводахъ. Прежде всего отмѣчаемъ заимствованія изъ лѣтописнаго свода неновгородскаго. Прослѣдить эти заимствованія удобно только по Синодальному списку, такъ какъ общерусскій сводъ, включившій въ свой составъ владычнюю лѣтопись, а съ нею вмѣстѣ лѣтописный сводъ 1167 года, соединилъ ихъ съ заимствованіями изъ другихъ сводовъ неновгородскихъ. Оставивъ въ сторонѣ XI вѣкъ, отмѣчаемъ въ XII нѣкоторыя извѣстія, восходящія къ неновгородскому источнику: подъ 6609 (1101) смерть Всеслава, подъ 6611 (1103) разсказъ о походѣ русскихъ князей противъ Половцевъ и о побѣдѣ Мордвы надъ Ярославомъ, подъ 6613 (1105) извѣстіе о поставленіи трехъ южнорусскихъ епископовъ, подъ 6615 (1107)—о землетрясеніи 5 февраля, подъ 6617 (1109)—о полой водѣ въ Днѣпрѣ, Деснѣ и Припети и о закладкѣ церкви (Золотоверхой) Святополкомъ, подъ 6619 (1111)—о славномъ походѣ русскихъ князей въ глубь степей Половецкихъ, подъ 6621 (1113)—о походѣ Ярослава Святополчича на Ятвяговъ, его женитьбѣ на Мстиславнѣ и о кончинѣ Святополка и Давыда, подъ 6622 (1114)—о кончинѣ Святослава Владимірича и поставленіи Θеоктиста епископомъ черниговскимъ, подъ 6623 (1115) о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба и кончинѣ Олега Святославича.

§ 151. Замѣчательно, что всѣ эти и нѣкоторыя другія извѣстія предшествуютъ новгородскимъ извѣстіямъ соотвѣтствующихъ годовъ: въ началѣ годовой статьи излагаются событія неновгородскія, а уже за ними новгородскія [1]). Эта особенность въ размѣщеніи событій, взятыхъ, очевидно, изъ двухъ источниковъ,

[1]) На пространствѣ отъ 6605 года (съ котораго новгородскія извѣстія становятся чаще) и до 6623 правило это нарушено только подъ 6616 и 6618, и то потому, что въ этихъ статьяхъ совсѣмъ нѣтъ неновгородскихъ статей.

позволяетъ намъ утверждать, что заимствованія изъ источника неновгородскаго (кіевскаго) шли въ сводѣ 1167 года только до 6623 (1115) года. Дѣйствительно, начиная съ 6624 (1116) всюду на первомъ мѣстѣ оказываются новгородскія событія. Въ связи съ этимъ стоитъ и то, что въ сущности и по содержанію своему ни одно изъ извѣстій позже 6623 года не предполагаетъ наличности неновгородскаго источника.

§ 152. Правда, мы найдемъ въ Синод. спискѣ на протяженіи 6624 — 6675 нѣсколько записей о событіяхъ южнорусскихъ, но всѣ эти записи могли возникнуть и не на Южной Руси, а въ Новгородѣ, куда приходили сообщенія изъ Кіева, путемъ устной передачи. Такъ, прежде всего видимъ въ Синод. спискѣ сообщенія о смѣнѣ великихъ князей; отмѣчены: кончина Владиміра Мономаха (но безъ указанія дня), кончина Мстислава (14 апрѣля), кончина Ярополка и вокняженіе Вячеслава (но умолчано о вокняженіи Всеволода Ольговича), кончина Всеволода Ольговича (мѣсяца іюля), вокняженіе Игоря и изгнаніе его Изяславомъ, изгнаніе Изяслава Юріемъ, побѣда Изяслава надъ Юріемъ (17 іюля 6659), смерть Изяслава (14 ноября), смерть Вячеслава, прибытіе въ Кіевъ Ростислава и изгнаніе его Изяславомъ Давыдовичемъ, вокняженіе въ Кіевѣ Юрія (на вербницу 6663), кончина Юрія (весной 6665) и вокняженіе Изяслава Давыдовича, побѣда Мстислава Изяславича надъ Изяславомъ Давыдовичемъ, и нѣк. др. Всѣ эти извѣстія живо интересовали и волновали Новгородъ: частью они касались князей, сидѣвшихъ въ Новгородѣ и оставившихъ тамъ по себѣ добрую память (Мстислава, Изяслава), частью отъ отмѣченныхъ событій зависѣли перемѣны въ жизни самого Новгорода, находившагося въ тѣснѣйшей зависимости именно отъ кіевскихъ великихъ князей. — Далѣе отмѣчена кончина митрополитовъ: Константина подъ 6667, Іоанна подъ 6674. Не совсѣмъ ясна причина записи кончины жены Изяслава подъ 6659; не была ли она (имя ея неизвѣстно) такъ или иначе связана съ Новгородомъ, не изъ Новгорода ли она родомъ? Изъ извѣстій, не связанныхъ съ лицами, отмѣтимъ только одно южнорусское подъ 6631: «въ то же лѣто падеся церкы святаго Михаила Переяславли». Но ничто не мѣшаетъ допустить, что и это извѣстіе дошло въ Новгородъ путемъ устной передачи. Все

остальное, что Синод. списокъ сообщаетъ объ южной Руси, тѣсно связано съ Новгородомъ, напр., извѣстіе о походѣ всей Русской земли на Галичъ подъ 6653 занесено потому, что въ походѣ участвовали и новгородцы, пришедшіе на помощь кіевлянамъ съ воеводою Неревиномъ.

§ 153. Итакъ, въ распоряженіи Новгородскаго свода 1167 года находился неновгородскій сводъ, использованный имъ въ предѣлахъ до 6623 (1115) года. Очевидно, это былъ списокъ съ Повѣсти вр. лѣтъ и притомъ не содержавшій продолженія по Кіевской или иной лѣтописи—иначе, въ Новгородскомъ сводѣ находились бы извѣстія этихъ лѣтописей, иначе, въ началѣ погодныхъ записей мы, какъ и до 6623 года, читали бы эти неновгородскія извѣстія. Но Повѣсть вр. лѣтъ, использованная составителемъ Новгородскаго свода 1167 года, очевидно, не была тождественна съ тою редакціею, что читаемъ въ Лавр. или Радзив. спискахъ. Во-первыхъ, она излагала подробно событія и послѣ 6618 (1110) года, между тѣмъ какъ Лавр. и Радз., начиная съ 1111 года, сокращаютъ Повѣсть; ср. подъ 6619 городъ «Шарукань», котораго нѣтъ въ Лавр. и Радз. (но онъ есть въ Ипат,), подъ 6621 о женитьбѣ Ярослава Святополчича, чего нѣтъ въ Лавр. и Радз. (но есть въ Ипат.); подъ 6623 названы князья, бывшіе при перенесеніи Бориса и Глѣба, ихъ именъ нѣтъ въ Лавр. (но они есть въ Ипат.); подъ 6623 упомянуто о солнечномъ затменіи, его нѣтъ въ Лавр. и Радз. (но есть въ Ипат.). Во-вторыхъ, рядъ особенностей въ текстѣ сближали эту редакцію Повѣсти вр. лѣтъ съ тою, что находится не въ Лавр. и Радз., а въ Ипат.; такъ, подъ 6614 (1106) читаемъ: «избиша Половьче на Дунаи», въ Лавр. и Радз. не видно, чтобы Половцы были избиты именно на Дунаѣ («и угониша Половцѣ и полонъ отяша»); ср. въ Ипат.: «и угонивьше до Дуная, полонъ отъяша, а Половцѣ исьсѣкоша»; подъ 6623 (1115) смерть Олега Святославича отнесена къ 1 августа, какъ въ Ипат., между тѣмъ въ Лавр. къ 8 августа, а въ Радз. къ 18 августа.

§ 154. Необходимо различать двѣ редакціи Повѣсти вр. лѣтъ: первую, составленную въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ и доведенную до 1110 года, и вторую, продолженную, по крайней мѣрѣ, до 6625 (1117) года. Первая представлена списками Лав-

рентьевскимъ и Радзивиловскимъ, вторая Ипатьевскимъ спискомъ Здѣсь не мѣсто распространяться ни относительно того, что въ Лавр. и Радз. проникли нѣкоторыя статьи и извѣстія второй редакціи, ни относительно того, что вторая редакція въ Ипат. спискѣ подверглась вліянію первой. Мы возвращаемся къ Новгородскому своду 1167 года и утверждаемъ, что въ его распоряженіи находилась именно вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ.

Какъ отмѣчено, общерусскій сводъ, насколько онъ возстанавливается по своду 1148 года, даетъ весьма скудныя данныя для сужденія объ особенностяхъ той редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, которая вошла въ его составъ путемъ свода 1167, включеннаго въ общерусскій сводъ вмѣстѣ со всею владычнею новгородскою лѣтописью; это зависѣло отъ того, что общерусскій сводъ пользовался и другими сводами, содержавшими Повѣсть вр. лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, кое какія указанія на особенности той редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, что читалась въ Новгородскомъ сводѣ 1167 года, извлекаемъ и изъ анализа общерусскаго свода, точнѣе изъ анализа происшедшаго изъ него свода 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й).

§ 155. Мы ниже вернемся еще разъ къ разсмотрѣнію статей, извлеченныхъ общерусскимъ сводомъ изъ Новгородскаго свода 1167 года, а здѣсь остановимся пока лишь на одной такой статьѣ.

Подъ 6395 (887) въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й находимъ хронологическую выкладку русскихъ событій. Въ Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр. и др.) соотвѣтствующая статья читается подъ 6360 (852) въ сводѣ 1448 (Соф. 1-й и Новг. 4-й) подъ 6360 имѣется лишь первая часть хронологической статьи (событія до царя Михаила), между тѣмъ, вторая (русскія событія) распредѣлена между статьей 6387 года (годы отъ Рюрика до Олега) и статьей 6395 (годы остальныхъ событій). Я думаю, что такое распредѣленіе хронологической статьи 6360 года перешло въ сводъ 1448 года изъ общерусскаго свода, а въ общерусскій сводъ изъ Новгородскаго свода 1167; въ этотъ послѣдній распредѣленіе это заимствовано, какъ мнѣ кажется, изъ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи. Впрочемъ, долженъ сдѣлать теперь же оговорку. Къ Новгородскому своду 1167 г. и далѣе къ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи можетъ восходить не весь текстъ статьи 6395 года; въ немъ ясно обнаруживается слѣдующая вставка: «А отъ Михаила царя до крещенія Болгарьскыя

земли лѣтъ 17... а отъ перваго до втораго пренесенія лѣтъ, а до взятія Кіевскаго лѣтъ 87, а отъ взятія Кіевскаго до Калковского бою лѣтъ 20». Что это вставка, видно хотя бы изъ начала, гдѣ упомянутъ Михаилъ царь, о которомъ выше ничего не сказано. Вставка эта заимствована изъ подобной же хронологической выкладки, читавшейся (быть можетъ, въ томъ же общерусскомъ сводѣ) подъ 6732 (1224) передъ повѣстью о Калкскомъ побоищѣ [1]). Исключивъ эту вставку, увидимъ, что извѣстіе «а Володимеръ 37 лѣтъ» (за нимъ читается вставка) восходитъ къ статьѣ 6360 года первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр. и др.); между тѣмъ, слова «а Святополкъ окаянный 3 лѣта княжи, біяся съ братомъ своимъ Ярославомъ» представляются дополненіемъ, внесеннымъ другимъ редакторомъ (ср. выше подобныя же дополненія относительно времени Игоревой женитьбы); слѣдующія за симъ слова: «Отъ Ярослава лѣтъ 40» оказываются искаженіемъ словъ «а Ярославъ княжи лѣтъ 40». За этими словами въ первой редакціи читаемъ: «Тѣмже отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Выкладка общерусскаго свода опустила эти слова, но вмѣсто нихъ въ ней читаемъ слѣдующее: «отъ Володимера Ярославича лѣта 4». Если правильно предположеніе, что передъ этими словами опущено только что приведенное указаніе на годы отъ смерти Святослава до смерти Ярослава и отъ смерти Ярослава до смерти Святополка, то слова «отъ Володимера Ярославича лѣта 4» я нахожу необходимымъ возстановить въ первоначальномъ ихъ чтеніи такъ: «а Володимеръ княжи лѣта 4», т. е. подъ Володимеромъ понимаю Владиміра Мономаха, и вижу въ этомъ указаніе на то, что выкладка составлена въ пятое лѣто княженія Мономаха, т. е. въ 1118 году. Подтвержденіе такому пониманію и исправленію имени Володимера Ярославича на имя Вла-

---

[1]) Мнѣ такая выкладка извѣстна по Рогожскому лѣтописцу, открытому Н. П. Лихачевымъ и теперь издаваемому Имп. Археогр. Коммиссіею подъ его редакціей. Передъ повѣстью о Калкской битвѣ читаемъ: „Купно отъ Адама до Христа лѣтъ 5500... Отъ Костянтина до Михаила царя лѣтъ 542. Отъ Михаила до крещенія Блъгарскыя земля лѣтъ... Отъ плѣненія Кіевскаго до Калковскаго бою лѣтъ 20, индиктіона 10“.

диміра (Всеволодича) вижу въ томъ обстоятельствѣ, что непосредственно за симъ читалось въ общерусскомъ сводѣ [1]): «Володимера Ярославича сынове: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Всеволодъ, Юрьи, Андрѣй», т. е. въ немъ перечислялись сыновья Владиміра Мономаха, ошибочно названнаго второй разъ Владиміромъ Ярославичемъ.

Итакъ, хронологическая выкладка, а слѣдовательно, и содержавшій ее лѣтописный сводъ составлены въ 1118 году, въ пятый годъ княженія Мономаха. Нашъ выводъ подтверждается и перечнемъ сыновей Мономаховыхъ; мы не находимъ среди нихъ ни Святослава, скончавшагося въ 1114, ни Романа, скончавшагося 6 января 6626; слѣдовательно, составъ сыновей Мономаха, данный въ перечнѣ, соотвѣтствуетъ какъ разъ 1118-му году.

Выше мы сдѣлали выводъ, что въ распоряженіи составителя Новгородскаго свода 1167 года была Повѣсть вр. лѣтъ во второй ея редакціи. Нашъ выводъ подтвердился: въ распоряженіи составителя Новгородскаго свода была Повѣсть вр. лѣтъ въ редакціи, составленной въ 1118 году.

§ 156. Послѣ этого необходимаго отступленія возвращаемся къ вопросу объ источникахъ свода 1167 года. И прежде всего отмѣчаемъ вѣроятность того, что архіепископскій сводъ 1167 года долженъ былъ положить въ свое основаніе старшій епископскій сводъ XI вѣка. Анализъ Начальнаго свода показалъ намъ (гл. VII), что его составитель пользовался въ числѣ источниковъ Новгородскимъ сводомъ. Намъ удалось сдѣлать даже опредѣленные выводы объ общемъ характерѣ этого Новгородскаго свода: онъ основывался на Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ, слѣдовалъ ему, мѣстами переработывая его на основаніи мѣстныхъ новгородскихъ извѣстій. Вѣроятно ли, чтобы въ Новгородѣ въ 1167 году, когда создавали новый сводъ, забыли о старомъ, составленномъ въ XI в.? Анализъ Синодальняго списка, основывавшагося въ концѣ концовъ на сводѣ 1167 года, обнаружилъ въ части до 1093 года (времени составленія Нач.

---

[1]) Основываюсь на показаніи Новгор. 4-й.

свода, уже имѣвшаго въ своемъ распоряженіи Новгородскій сводъ) рядъ новгородскихъ извѣстій, изложенныхъ притомъ такъ, что явно обличаютъ современныя событіямъ записи (указаны дни мѣсяца, иной разъ и недѣли). Слѣдовательно, эти извѣстія читались и въ сводѣ 1167 года. Анализъ свода 1448 года показываетъ, что и въ общерусскомъ сводѣ содержались тѣ же самыя извѣстія XI вѣка, а частью еще и другія мѣстныя извѣстія, явно обличающія современную запись: мы приведемъ эти извѣстія ниже; эти извѣстія попали въ общерусскій сводъ, согласно предыдущему, изъ Новгородскаго свода 1167 года.

§ 157. Итакъ, ясно, что въ составѣ свода 1167 года находился и старшій Новгородскій сводъ, составленный въ XI вѣкѣ, тотъ самый сводъ, выдержки изъ котораго попали въ Начальный Кіевскій сводъ. Ставимъ вопросъ: когда именно составленъ этотъ старшій Новгородскій сводъ, до какого именно года онъ служилъ источникомъ для составителя свода 1167 года?

Ниже, въ концѣ изслѣдованія, мы приводимъ доказательства въ пользу того, что этотъ сводъ составленъ въ 1050 году. Но въ общерусскомъ сводѣ, какъ это доказываетъ сводъ 1448 года, есть указанія на то, что сводъ этотъ получилъ продолженіе еще въ XI в. Такъ для пятидесятыхъ годовъ XI столѣтія насчитывалось четыре новгородскія извѣстія (отсутствующія въ Повѣсти вр. лѣтъ) [1]); для шестидесятыхъ годовъ пять такихъ извѣстій [2]); для семидесятыхъ годовъ три извѣстія [3]). Между тѣмъ для восьмидесятыхъ годовъ не отыскивается ни одного новгородскаго извѣстія ни въ общерусскомъ сводѣ, ни также въ Синод. спискѣ; нѣтъ ихъ и для первыхъ пяти лѣтъ девяностыхъ годовъ. Только начиная съ 6603 (1095) видимъ опять рядъ, сначала, впрочемъ;

---

¹) Смерть Владиміра Ярославича (съ указаніемъ дня смерти); прибытіе Изяслава въ Новгородъ, назначеніе посадникомъ Остромира, походъ Остромира на Чудь и убіеніе его, походъ Изяслава на Чудь; клевета противъ владыки Луки и заточеніе Луки въ Кіевѣ; возвращеніе Луки въ Новгородъ и наказаніе клеветника Дудики.

²) Смерть Луки; поставленіе Стефана; нападеніе Всеслава на Новгородъ; смерть Стефана; побѣда Глѣба надъ Всеславомъ.

³) Смерть владыки Θеодора; поставленіе Германа; убіеніе Глѣба въ Заволочіи (съ указаніемъ дня).

очень скудный, новгородскихъ извѣстій. Думаю, что отсюда можно сдѣлать заключеніе о томъ, что новгородское лѣтописаніе въ XI вѣкѣ велось съ перерывами, при чемъ особенно значительный перерывъ падалъ на 1079—1094 гг.; не забудемъ, что вслѣдствіе именно такого перерыва остались неотмѣченными такія событія, какъ смерть Германа, который, судя по числу лѣтъ его владычества, умеръ въ 1095, а также поставленіе Никиты, его преемника. Такіе перерывы въ новгородскомъ лѣтописаніи не свидѣтельствуютъ о тѣхъ или иныхъ моментахъ, до которыхъ былъ доведенъ лѣтописный сводъ, а показываютъ только, что погодныя записи велись не безпрерывно, а со значительными промежутками.

Итакъ, нахожу вѣроятнымъ, что первый новгородскій владычній сводъ, составленный въ серединѣ XI вѣка, былъ положенъ въ основаніе Новгородскаго свода 1167 года уже въ распространенномъ позднѣйшими приписками видѣ. Приписки эти не могутъ однако служить доказательствомъ того, что этотъ сводъ составленъ самъ, скажемъ, напримѣръ, около 1079 года.

Владычній сводъ 1167 года легъ въ основаніе дальнѣйшаго новгородскаго лѣтописанія; къ нему стали приписываться погодныя записи. Въ такомъ видѣ этотъ памятникъ сталъ извѣстенъ составителямъ общерусскаго свода 1423 года.

§ 158. Прежде чѣмъ перейти къ ближайшему разсмотрѣнію свода XI вѣка, какъ мы пока условно обозначаемъ Новгородскій сводъ, подведемъ итоги нашему изслѣдованію объ источникахъ свода 1167 года. Въ основаніе его положена новгородская владычняя лѣтопись, которая представляла изъ себя соединеніе перваго владычняго свода съ послѣдующими погодными записями; это основаніе дополнено (и дополнено притомъ, какъ кажется, во всѣхъ частяхъ) [1]) по Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи (редакціи 1118 года).

---

[1]) Напр., подъ 6552 изъ Повѣсти вр. лѣтъ заимствовано извѣстіе о христіанскомъ погребеніи останковъ князей Ярополка и Олега; въ Древн. сводѣ (см. выше), а слѣдовательно, и въ новгородскомъ сводѣ XI в. не было этого извѣстія. Подъ 6558 сообщено о рожденіи Святополка, чего не давалъ не только Нач. сводъ, но и первая редакція Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 159. Сводъ XI вѣка можетъ быть по даннымъ свода 1448 года (восходящимъ къ общерусскому своду), съ одной стороны, по даннымъ Синод. списка, съ другой, возстановленъ лишь гадательно. Оба названные памятника ведутъ насъ собственно къ своду 1167 года; по исключеніи изъ этого свода прямыхъ заимствованій изъ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи, мы получили бы, конечно (въ предѣлахъ до середины XI в.), текстъ перваго Новгородскаго свода. Но, во-первыхъ, самый сводъ 1167 можетъ быть возстановленъ лишь предположительно; во-вторыхъ, какъ угадать, что̀ именно взято въ сводъ 1167 года изъ Повѣсти вр. лѣтъ и какъ отличить это отъ того, что взято еще сводомъ XI вѣка изъ Древн. кіевскаго свода?

Имѣемъ, однако, въ виду, во-первыхъ, полную вѣроятность того, что всѣ спеціально новгородскія извѣстія общерусскаго свода (не читавшіяся въ Повѣсти вр. лѣтъ) заимствованы имъ въ предѣлахъ до 1167 года изъ свода 1167 года, а въ предѣлахъ до середины XI вѣка въ концѣ концовъ большею частью изъ свода XI в.; имѣемъ въ виду, во-вторыхъ, что рѣзкія отличія въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ въ общерусскомъ сводѣ, въ предѣлахъ до середины XI в., не могутъ быть возведены ни къ извѣстнымъ намъ редакціямъ Повѣсти вр. лѣтъ, ни также къ той второй редакціи, которая въ довольно полномъ видѣ отразилась въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, почему ихъ придется возвести, въ томъ случаѣ, если отличія эти представляютъ болѣе древній текстъ, чѣмъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ, къ Древнѣйшему своду (итакъ, заимствованія изъ него попали въ общерусскій сводъ черезъ посредство Новгородскаго свода 1167 и далѣе Новгородскаго же свода XI в.).

Поэтому, выдѣляя изъ свода 1448 года, во-первыхъ, спеціально новгородскія извѣстія, во-вторыхъ, статьи, содержащія болѣе древній текстъ, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ, мы въ правѣ и то и другое возвести къ Новгородскому своду XI в.

§ 160. Остановимся сначала на спеціально новгородскихъ извѣстіяхъ свода 1448 года (восходящаго къ общерусскому своду 1423 года). Мы сказали, что въ предѣлахъ до середины XI в. бо́льшая часть ихъ можетъ быть возведена къ своду XI в. Такую оговорку (бо́льшая часть) пришлось сдѣлать, въ виду уже

извѣстнаго намъ извѣстія о пожарѣ новгородской Софіи, изложеннаго въ редакціи 1167 года («идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глѣба»).

§ 160[1]. Въ разсказѣ о разселеніи Словѣнъ, послѣ словъ Повѣсти вр. лѣтъ «Словѣни же сѣдоша около озера Ильменя, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша Новъгородъ», въ сводѣ 1448 года и общерусскомъ сводѣ 1423 года читалось: «и посадиша старѣйшину Гостомысла»; эта прибавка восходитъ къ своду 1167 года, гдѣ, вѣроятно, читалась соотвѣтствующая статья, заимствованная согласно предыдущему изъ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи. Находимъ неизбѣжнымъ возвести это извѣстіе къ своду XI вѣка и предполагаемъ, что оно читалось въ немъ въ разсказѣ о древнѣйшемъ моментѣ исторіи Новгорода.

§ 161. Остальныя новгородскія извѣстія свода 1448 года приводятся здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ отмѣчаемъ, во-первыхъ, соотвѣтствіе имъ извѣстій Синодальнаго списка, во-вторыхъ тѣ редакціонныя измѣненія, которымъ они подверглись въ общерусскомъ сводѣ.

Подъ 6497 (989) или 6499 (991) въ сводѣ 1448 года читалось извѣстіе о крещеніи Владиміра, Русской земли и Новгорода, восходящее къ своду 1167 года. Мы видѣли выше, что это извѣстіе находилось и въ Синодальномъ спискѣ (сводѣ Вояты) и возстанавливается при томъ для Синод. списка по Новгородской 1-й младшаго извода. Сравнительно съ текстомъ (протографа) Синодальнаго списка текстъ свода 1448 года оказывается, во-первыхъ, подновленнымъ вставкой, восходящею, повидимому, къ общерусскому своду: вмѣсто «Крестися Володимиръ и вся земля Руская, и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и діаконы», читаемъ: «Крестився Володимеръ и взя у Фотія патріарха у Цареградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина, а по инѣмъ градомъ епискупы и попы и діаконы, иже крестиша всю землю Русьскую». Вставка эта стоитъ въ связи съ вліяніемъ, оказаннымъ на общерусскій сводъ со стороны церковнаго устава Владиміра, гдѣ читаются слова «пріялъ есмь крещеніе отъ Гречьскаго царя и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго, и пріяхъ отъ него пер-

ваго митрополита Леона Кіеву, иже крести всю Русскую землю святымъ крещеніемъ». Во-вторыхъ, текстъ свода 1448 года сравнительно съ Синодальнымъ спискомъ представляетъ слѣдующее дополненіе послѣ словъ «влечахуть и по калу, біюще жезліемъ»— «и пихающе, и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его въ Волхово. Онъ же, пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицю свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеся утѣху творять бѣсомъ». Я думаю, что эти слова читались въ сводѣ 1167 года; они опущены протографомъ Синод. списка (Германомъ Воятой) въ силу того, что здѣсь вообще сокращались статьи и извѣстія свода 1167 года. Доказательство того, что мѣсто это находилось въ первоначальномъ разсказѣ, вижу въ томъ, что здѣсь упомянуто «вринуша его въ Волхово». Въ Синод. спискѣ моментъ вверженія Перуна въ воду опущенъ, а между тѣмъ онъ необходимъ.—Читалась ли статья о крещеніи Новгорода въ такомъ же видѣ въ сводѣ XI вѣка? Думаю, что нѣтъ; редакція 1167 года наложила на эту статью свой отпечатокъ: именно въ ней оттѣнено, что Новгородъ получилъ архіепископа, а прочіе города епископовъ. Вѣроятно, въ сводѣ XI вѣка соотвѣтствующее мѣсто было изложено такъ: «и поставиша по всѣмъ градомъ епископы и попы и діаконы». Вспомнимъ, что ни Повѣсть вр. лѣтъ, ни тѣмъ болѣе Нач. сводъ или Древн. сводъ не упоминаютъ о кіевскомъ митрополитѣ до 1039 года. Въ виду указаннаго явнаго подновленія статьи о крещеніи Новгорода въ сводѣ 1167 года, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы подробности о сверженіи Перуна восходили къ своду XI вѣка. Скорѣе онѣ составлены частью подъ вліяніемъ аналогичнаго разсказа Повѣсти вр. лѣтъ, частью же по позднѣйшимъ преданіямъ; въ особенности сомнительно, чтобы къ XI в. восходило сообщеніе о палицѣ, брошенной на великій мостъ, а между тѣмъ можно думать, что это сообщеніе читалось въ сводѣ 1167 года, несмотря на умолчаніе Синод. списка.

§ 162. Подъ 6523 годомъ читаемъ въ сводѣ 1448 года тѣ самыя подробности о событіяхъ, предшествовавшихъ выступленію Ярослава изъ Новгорода противъ Святополка, которыя, судя по Новгор. 1-й младшаго извода, находились и въ Синод. спи-

скѣ. Конечно, текстъ Синод. списка являлся бы первоначальнѣе текста свода 1448 года, слившаго новгородскую статью съ соотвѣтствующею статьей Повѣсти вр. лѣтъ. Замѣчу, что текстъ Синод. списка (и его протографа), если даже онъ былъ тождественъ съ текстомъ свода 1167 года, ни въ коемъ случаѣ не былъ тождественъ съ текстомъ свода XI вѣка; редакторъ свода 1167 года, перерабатывая текстъ свода XI в., могъ внести кое что изъ Повѣсти вр. лѣтъ; такъ фраза «И в ту же нощь ис Кыева сестра Ярослава Передслава присла къ нему вѣсть, рекъши» представляется мнѣ заимствованною изъ Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 163. Подъ 6524 битва Ярослава съ Святополкомъ разсказана была въ общерусскомъ сводѣ 1423 года согласно со сводомъ 1167 года, какъ видно изъ совпаденія текста свода 1448 съ текстомъ Синод. списка. Конецъ статьи расходится съ Синод. спискомъ; здѣсь сказалось, конечно, вліяніе Повѣсти вр. лѣтъ; ср. выше § 140.

Подъ 6527 годомъ, въ концѣ статьи, въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаемъ: «И нача Ярославъ воя дѣлити, старостамъ своимъ по десяти гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по десяти гривенъ, и отпусти я вся домовь; и давъ имъ правду и и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ». Засимъ въ спискахъ Соф. 1-й слѣдуютъ: Русская Правда, Судебникъ Греческаго царя Константина и проч.; между тѣмъ въ Новгор. 4-й этихъ статей нѣтъ. Но въ Комм. спискѣ, который, какъ мы знаемъ, начиная съ конца 6523 года, дополняетъ текстъ Софійскаго временника (тождественнаго въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ съ Синод. спискомъ) по Новгородскому своду 1448 года, мы находимъ подъ 6524 годомъ (лишнія противъ Синод. списка) слова: «и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите», а за ними: «А се есть Правда Рускаа» и далѣе текстъ Правды. Не сомнѣваюсь въ томъ, что и эти слова и текстъ Правды попали въ Комм. списокъ изъ свода 1448 года; въ сводъ же 1448 года они внесены изъ общерусскаго свода, а въ этотъ послѣдній изъ новгородской владычней лѣтописи, въ частности же изъ лежащаго въ основаніи ея свода 1167 года, хотя возможно, что въ въ новгородскомъ источникѣ общерусскаго свода читался не

текстъ Русской Правды, а текстъ Ярославовой грамоты. Объ этомъ скажемъ ниже, въ концѣ настоящаго изслѣдованія [1]).

Подъ тѣмъ же 6527 годомъ, въ самомъ концѣ статьи, читаемъ слѣдующее новгородское извѣстіе: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь великый князь Ярославъ, и поточи и въ Ростовъ и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ, на рѣцѣ наОцѣ». Не сомнѣваюсь въ томъ, что это извѣстіе путемъ свода 1167 года восходитъ къ своду XI вѣка: послѣдній говорилъ о Константинѣ и выше, въ разсказѣ о томъ, какъ новгородцы съ Константиномъ посадникомъ во главѣ помѣшали Ярославу, разбитому Святополкомъ, бѣжать за море.

§ 164. Подъ 6529 въ сводѣ 1448 года подробнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, разсказывалось о нападеніи Брячислава Полотскаго на Новгородъ, а именно въ немъ имѣется лишняя фраза въ серединѣ статьи: «и полонъ отъ него отъя, елико бяше Новгородскія волости, и посла ихъ къ Новугороду». А въ концѣ статьи помѣщено еще слѣдующее: «И отътолѣ призва къ себѣ Брячислава и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною заодинъ. И воеваше Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего». Все извѣстіе о Брячиславѣ имѣетъ (и въ самой Повѣсти вр. лѣтъ) характеръ новгородскій. Признаю поэтому, что въ сводъ 1448 года и въ общерусскій сводъ статья попала изъ свода 1167 года и далѣе изъ свода XI вѣка.

Подъ 6532 въ сводѣ 1448 подробнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, была изложена статья о подавленіи Ярославомъ мятежа въ Суздальской землѣ. Такъ послѣ словъ «яко си держать годину» вставлено «и жито и голодъ пущають»; далѣе послѣ: «и бѣ мятежь великъ и гладъ по всей странѣ той» вставлено «яко мужю своя жена дати, да кормять себе челядиномъ»; наконецъ, послѣ «а человѣкъ не вѣсть ничтоже» вставлено «Христосъ Богъ единъ вѣсть на небесѣхъ». Мы уже высказывали выше (гл. VII),

---

[1]) Составитель Соф. 1-й замѣнилъ неудовлетворительный, по его мнѣнію, текстъ другимъ, взятымъ изъ приложеній къ своду 1448 года, и списалъ за Русской Правдой также и другія статьи приложеній. Ср. эти статьи въ приложеніяхъ къ Комм. списку, дополнившему и въ этихъ статьяхъ текстъ Соф. временника по своду 1448 года.

что въ Повѣсть вр. лѣтъ путемъ Начальнаго свода это извѣстіе попало изъ новгородскаго источника. Въ виду этого считаю вѣроятнымъ, что приведенныя подробности попали въ общерусскій сводъ 1423 года (а оттуда въ сводъ 1448) изъ Новгородскаго свода 1167 года и далѣе изъ свода XI вѣка.

§ 165. Подъ 6538 въ сводѣ 1448 года, послѣ сообщенія о походѣ Ярослава на Чудь, читалось: «и пріиде къ Новугороду, собра отъ старостъ и отъ поповъ дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепископъ Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Въ новгородскомъ происхожденіи этихъ извѣстій усомниться нельзя; а это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и предшествующее извѣстіе о походѣ Ярослава на Чудь и основаніи имъ Юрьева новгородское и попало, слѣдовательно, въ Повѣсть вр. лѣтъ путемъ Начальнаго свода изъ Новгородскаго свода XI вѣка. Фраза «иже ны учаше» можетъ быть отнесена насчетъ сводчика середины XI вѣка. Ясно, что составитель свода вспоминаетъ себя и своихъ сверстниковъ.

Подъ 6540 въ сводѣ 1448 года читалось: «И тогда же Улѣбъ иде изъ Новагорода на Желѣзныя врата, и опять мало ихъ пріиде». Новгородское происхожденіе извѣстія очевидно.

Подъ 6542 въ сводѣ 1448, послѣ сообщенія о посаженіи Ярославомъ сына своего Владиміра на княженіе въ Новгородѣ и поставленіи епископа Жиряты, читалось: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотѣ дадите дань. Бяше бо хромоногъ, но умомъ свершенъ и храборъ на рати и христіянъ, чтяше самъ книги». Въ виду явно новгородскаго происхожденія извѣстія о грамотѣ Ярославовой, признаю вѣроятнымъ, что и извѣстіе о поставленіи Ярославомъ епископа происхожденія новгородскаго (въ Начальный сводъ оно внесено изъ свода XI в.). Что же касается характеристики Ярослава, то весьма вѣроятно, что она составлена не безъ вліянія соотвѣтствующей статьи Древн. свода, гдѣ именно около того же времени сообщалось о христіанскихъ добродѣтеляхъ Ярослава и любви его къ книгамъ.

Подъ 6546 въ сводѣ 1448 читалось: «Иде Ярославъ веснѣ Кыеву и на зиму ходи на Ятвяги, и не можаху ихъ взяти»; въ Повѣсти вр. лѣтъ только: «Ярославъ иде на Ятвяги». Въ виду обстоятельности и явно новгородскаго происхожденія («иде Кые-

ву»), признаю эту статью заимствованною въ концѣ концовъ изъ свода XI вѣка.

Подъ 6552 въ сводѣ 1448 находилось: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну заложи Новъгородъ и сдѣла и». Въ новгородскомъ происхожденіи извѣстія не можетъ быть сомнѣнія.

§ 166. Подъ 6557 въ сводѣ 1448 читалось: «мѣсяца марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія; бяше же честно устроена и украшена, а стояла конець Пискупли улици, надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену святаго Бориса и Глѣба». Мы видѣли уже это извѣстіе въ другой редакціи по Синод. списку, гдѣ читается: «Въ лѣто 6553. Съгорѣ святая Софиа, въ суботу, по заутрьнии, въ часъ 3 мѣсяця марта въ 15». Какъ же читалось это извѣстіе въ сводѣ 1167 года, куда, согласно предыдущему, восходятъ, съ одной стороны, Синод. списокъ, а съ другой, новгородскія извѣстія сводѣ 1448 г. (общерусскаго свода 1423 г.)? Я думаю, что въ сводѣ 1167 года оно читалось такъ же, какъ въ сводѣ 1448 года, хотя и съ добавленіемъ сохранившихся въ Синод. спискѣ словъ «по заутрьнии, въ часъ 3». Основываюсь на томъ, что 4 марта приходилось въ 6557 (1049) дѣйствительно въ субботу. Между тѣмъ въ извѣстіи Синод. списка, относящемъ пожаръ на 15-е марта 6553 (1045), явная ошибка, ибо 15-е марта приходилось въ субботу не въ 1045, а въ 1046 году. Думаю, что ошибка допущена еще Германомъ Воятой, который замѣтилъ, что его источникъ (сводъ 1167 года) говоритъ подъ 6553 (какъ и Повѣсть вр. лѣтъ) о закладкѣ Владиміромъ новой св. Софіи, а подъ 6557 о пожарѣ старой; предположивъ, что закладкѣ новой церкви долженъ былъ предшествовать пожаръ старой, Германъ Воята и перенесъ извѣстіе о пожарѣ подъ 6553-й годъ, помѣстивъ его непосредственно передъ извѣстіемъ о закладкѣ новой св. Софіи; при этомъ онъ неправильно вычислилъ по вруцѣлѣту, что суббота приходилась на 15-е марта (надо было дать: 2-е, 9-е или 16-е марта). Не указываетъ ли ошибка Германа Вояты на то, что онъ работалъ въ 1169 году надъ перепиской свода 1167 года и что онъ не справился съ вруцѣлѣтомъ? Въ 1169 году 15-е марта приходилось въ субботу.

§ 167. Подъ 6558 въ сводѣ 1448 читалось: «Священа бысть

святая Софія въ Новѣгородѣ на Въздвиженіе честнаго креста повелѣніемъ великого князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Лукы». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

Подъ тѣмъ же годомъ читалось о преставленіи жены Ярослава съ указаніемъ дня 10 февраля. Имѣя въ виду отсутствіе этого дня въ Лавр. и Радз., думаю, что указаніе на день восходитъ къ своду 1167; Ирина умерла въ Новгородѣ, см. § 128.

Подъ 6560 въ сводѣ 1448 въ извѣстіи о кончинѣ Владиміра Ярославича читалось слѣдующее добавленіе: «въ недѣлю 4 октября». Синод. списокъ имѣетъ только 4-е октября. Въ мартовскомъ 1052 году 4-е октября приходилось въ воскресеніе. Въ виду обстоятельности этого указанія думаю, что соотвѣтствующее извѣстіе Повѣсти вр. лѣтъ новгородскаго происхожденія.

Подъ 6562 въ сводѣ 1448 читалось: «И пріиде Изяславъ къ Новугороду и посади Остромира въ Новѣгородѣ; и иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Новгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь и взя осѣкъ Кедипивъ, сирѣчь Солнча рука». Изъ записи въ Остромировомъ евангеліи видно, что Остромиръ былъ еще живъ въ 6564—6565 году: слѣдовательно, въ сводѣ XI вѣка, къ которому возводимъ всѣ эти извѣстія, они не были опредѣлены точно хронологически. Въ Синод. эти извѣстія опущены.

Подъ 6563 въ сводѣ 1448 читалось: «Того же лѣта клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода и иде къ Кіеву, и осуди и митрополитъ Ефремъ; и пребысть тамо три лѣта». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

Подъ 6566 сводъ 1448 продолжаетъ: «Того же лѣта архіепископъ Лука прія престолъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть; Дудицѣ же холопу устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ усѣкоша, и сбѣжа в Нѣмцѣ». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

Подъ тѣмъ же годомъ, непосредственно за приведеннымъ извѣстіемъ, въ Новгородской 4-й находимъ «Поученіе архіепископа Луки къ братіи». Думаю, что оно путемъ свода 1448 и общерусскаго свода 1423 восходитъ къ своду 1167 и далѣе къ своду XI вѣка. Соф. 1-я опустила поученіе это такъ же, какъ вообще сокращала и опускала уже въ древнѣйшихъ своихъ редакціяхъ новгородскія статьи свода 1448.

Подъ 6568 въ сводѣ 1448 читалось: «Преставися архіепископъ Лука, идя изъ Кіева, на Копысѣ, мѣсяца октября; того же мѣсяца преданъ бысть гробу своимъ клиросомъ, бывшу ему епископомъ лѣтъ 23». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

Подъ 6569 въ сводѣ 1448 было занесено: «Того же лѣта поставленъ бысть Новугороду архіепискупъ Стефанъ». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

§ 168. Подъ 6575 въ сводѣ 1448, послѣ «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотьскый и зая Новъгородъ»—фразы, восходящей къ Повѣсти вр. лѣтъ, прибавлено: «до Неревского конца и пожже; и поима все у святыя Софіи и паникадила и колоколы и отъиде». Въ Синод. спискѣ подъ 6574 читаемъ: «Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие,—о, велика бяше бѣда въ часъ тый! и понекадила съима». Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сводъ 1448 въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ общерусскому своду 1423, который вставилъ извѣстіе свода 1167 въ текстъ, заимствованный изъ Повѣсти вр. лѣтъ. Такимъ образомъ выясняется, что редакція извѣстія въ Синод. спискѣ ближе къ редакціи свода 1167 года, чѣмъ соотвѣтствующія извѣстія свода 1448; впрочемъ, Германъ Воята (протографъ Синод. списка) выпустилъ слова «и пожже и до Неревьского конца».

Подъ 6576 въ сводѣ 1448 читалось: «И иде владыка Стефанъ въ Кіевъ, и тамо свои холопи удавиша его». Въ Синод. спискѣ нѣтъ этого извѣстія.

Подъ 6577 въ сводѣ 1448 было записано: «Побѣди Глѣбъ съ Новогородци Всеслава князя на Кзени, мѣсяца октября въ 23 день, въ пятокъ въ часъ 6 дни, на память святаго апостола Іякова, брата Господня; велика бѣ сѣча тогда Вожаномъ; а заутра обрѣтеся крестъ князя Володимера въ святой Софѣи на полатахъ, егоже взялъ бѣ князь Всеславъ ратію въ святѣй Софѣи». Мы видѣли, что эта статья въ такомъ же видѣ имѣется въ Синод. спискѣ, но въ немъ она сохранилась въ болѣе древней редакціи; ср. «Новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звѣринця, на Късемли, и пособи Богъ Глѣбу князю съ Новгородци»; ниже, послѣ словъ: «О, велика бяше сѣця Вожяномъ!», читаемъ: «и паде ихъ бещисльное число, а самого князя

отпустиша Бога дѣля»; въ концѣ въ Синод. спискѣ не объяснено, что обрѣтшійся крестъ былъ взятъ Всеславомъ изъ святой Софіи: «а на заутрие обрѣтеся крѣстъ честный Володимирь у святѣй Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре»; такимъ образомъ въ извѣстной части редакція свода 1448 является болѣе первоначальною, сравнительно съ редакціей Синод. списка. Отмѣтимъ, что 23-е октября приходилось дѣйствительно въ пятницу въ мартовскомъ 1069 году.

Подъ 6585 въ сводѣ 1448 читаемъ: «Того же лѣта преставися архіепискупъ Новгородскій Өеодоръ». То же извѣстіе имѣется въ Синод. спискѣ.

Подъ 6586 въ сводѣ 1448 значилось: «Того же лѣта поставленъ бысть архіепискупъ Новугороду Германъ». Въ Синод. нѣтъ этого извѣстія.

Подъ 6587 въ сводѣ 1448 при извѣстіи объ убіеніи Глѣба Святославича въ Заволочіи былъ указанъ день убіенія—30-е мая. То же въ Синод. спискѣ.

Это послѣднее извѣстіе новгородскаго происхожденія, которое въ сводѣ 1448 можно возвести къ своду XI вѣка, бывшему въ распоряженіи Кіевскаго Начальнаго свода, составленнаго около 1095 года. За нимъ, какъ мы говорили, новгородскія извѣстія прерываются на протяженіи 15 лѣтъ. Слѣдующимъ новгородскимъ извѣстіемъ, общимъ своду 1448 и Синод. списку, оказывается: «Иде Святопълкъ и Володимеръ на Давида Смольньску, и вдаша Давиду Новъгородъ» [1]).

---

[1]) Въ приведенный перечень мы не помѣстили слѣдующихъ двухъ извѣстій свода 1448 г., ведущихъ насъ къ общерусскому своду 1423 г. Подъ 6568 читаемъ: „Того же лѣта ходи Изяславъ на Сосолы, и дань даяти заповѣда 2000 гривенъ; они же поручившеся дань дати, и изгнаша данникы; на весну же пришедше повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сътвориша, и до Пьскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Пьсковичи съ Новгородци на сѣчю, и паде Руси 1000, а Сосолъ безъ числа“. Подъ 6573: „Князь Всеславъ Полочкыи былъ у Пьскова ратью и перси билъ порокы“ (ср. Новгор. 4-ю; въ Соф. 1-й это извѣстіе опущено). Оба извѣстія представляются мнѣ по происхожденію псковскими, а не новгородскими. Ср. имя Русь, которымъ новгородцы, въ особенности въ древнѣйшее время, себя не называли; далѣе

§ 169. Предложенный выше перечень новгородскихъ извѣстій свода 1448 года не исчерпываетъ всѣхъ отличій свода 1448 года отъ обычнаго текста Повѣсти вр. лѣтъ въ предѣлахъ до 1079 г., подъ которымъ читаемъ послѣднее новгородское извѣстіе этого свода за XI вѣкъ. Кромѣ приведенныхъ статей и извѣстій новгородскаго происхожденія, находимъ рядъ другихъ статей и извѣстій, обнаруживающихъ болѣе или менѣе существенныя отличія отъ текста Повѣсти вр. лѣтъ. Не сомнѣваемся въ томъ, что многія и изъ этихъ отличій восходятъ къ тому же источнику, что приведенныя выше, ибо Новгородскій сводъ (1167 г.), предполагаемый новгородскими извѣстіями свода 1448 года, какъ мы видѣли, содержалъ заимствованія не только изъ старшаго Новгородскаго свода (XI вѣка), но и изъ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи; кромѣ того, старшій Новгородскій сводъ основывался на Древнѣйшемъ кіевскомъ сводѣ. Такимъ образомъ, въ Новгородскомъ сводѣ 1167 года должны были встрѣчаться статьи, какъ восходящія къ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи, такъ и восходящія къ Древнѣйшему своду. Но, кромѣ того, не забудемъ, что Новгородскій сводъ 1167 года вошелъ въ общерусскомъ сводѣ 1423 года въ соединеніе не только съ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ, но также еще съ текстомъ житій святыхъ и хронографа, которыми, какъ кажется, широко пользовался составитель этого митрополичьяго свода. Слѣдовательно, въ сводѣ 1448 года, происходящемъ изъ свода 1423 года, могутъ оказаться заимствованія и изъ нелѣтописныхъ источниковъ. О нихъ скажемъ ниже. Обращаясь же къ лѣтописному составу этого свода, разсмотримъ тѣ статьи и извѣстія его, кото-

---

„Пьсковичи съ Новгородци", а не обратно. Составитель свода 1423 имѣлъ въ своемъ распоряженіи немало псковскихъ извѣстій и статей (напр., статьи, касающіяся Довмонта). Оба приведенныя извѣстія вошли (быть можетъ, путемъ новгородскихъ лѣтописей) въ псковскія лѣтописи: первое въ Псковскую 1-ю, второе въ Псковскую 2-ю. Отмѣчу еще одно смоленское извѣстіе въ сводѣ 1448, восходящее къ своду 1423 года—это читаемое подъ 6562 годомъ: „И посемъ раздѣлиша Смоленскъ на три части"; хронологически правильнѣе было бы отнесеніе его къ 6568 г. (какъ сдѣлано въ Ростовской компиляціи XV в., см. § 181); въ сводѣ 1423 г. это извѣстіе дѣйствительно могло читаться подъ 6568 вслѣдъ за сообщеніемъ о кончинѣ Игоря Ярославича.

рыя, несмотря на свое неновгородское происхожденіе, могутъ быть возведены къ Новгородскому своду 1167 года. Сначала отмѣчаемъ двѣ статьи, которыя, не обнаруживая прямо своего новгородскаго происхожденія, оказываются при ближайшемъ анализѣ составленными въ Новгородѣ.

§ 170. Въ статьѣ 6532 (1024) года, относящейся къ Лиственской битвѣ, сводъ 1448 года представляетъ нѣсколько существенныхъ отличій отъ соотвѣтствующаго текста Повѣсти вр. л. (Лавр., Радз., Ипат. и др.). Такъ, послѣ словъ «Мьстиславъ же слышавъ изиде противу има (на сѣчю) къ Листвену» прибавлено «и бяше осень, и ту ся срѣтоша»; послѣ словъ «и бывши нощи» прибавлено «рябиной»; слова Мстислава «поидемъ на нихъ» дополнены: «то ны есть корысть»; послѣ словъ «яко посвѣтяаше молнія, тако блещаашеся оружіе» прибавлено: «елико же молнія освѣтяше, толко мечи видяху, и тако другъ друга убиваху»; наконецъ, за словами «а Якунъ иде за море» прибавлено «и тамо умре». Какъ объяснимъ мы всѣ эти отличія свода 1448 года? Если бы мы имѣли дѣло съ позднѣйшею компиляціей XVI вѣка, то, конечно, могли бы отнести приведенныя вставки насчетъ произвола редактора; но составителей свода 1423 и происшедшаго изъ него свода 1448 года нельзя уличить въ искаженіи источниковъ путемъ амплификацій и другихъ придумыванiй; кромѣ того, такія подробности, какъ то, что битва была осенью, или что Якунъ умеръ за моремъ, не придумываются; дополненіе рѣчи Мстислава «то ны есть корысть» также весьма удачно и врядъ ли можетъ быть отнесено насчетъ фантазіи позднѣйшаго компилятора. Исходя изъ того положенія, что сводъ 1448 года отличается отъ Повѣсти вр. лѣтъ прежде всего вліяніемъ на него Новгородскаго свода 1167 года, мы склоняемся къ мысли, что и въ данномъ случаѣ отличія этого свода должны быть возведены къ новгородскому источнику, а это ведетъ насъ къ предположенію, что въ этомъ новгородскомъ источникѣ о Лиственской битвѣ существовалъ разсказъ, независимый отъ кіевскаго источника. Предположеніе наше вѣроятно само по себѣ: Лиственская битва должна была заинтересовать какъ южанъ, такъ и сѣверянъ; Ярославъ шелъ изъ Новгорода съ Варягами и Словѣнами, Мстиславъ выставилъ противъ него свою дружину и Сѣверу; битва

рѣшила судьбу Кіева и всей Руси. Предположивъ, что разсказовъ объ этой битвѣ было записано два—одинъ въ Новгородѣ, другой въ Кіевѣ, мы поймемъ, почему въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщено объ этой битвѣ короче, чѣмъ въ сводѣ 1448 года: составитель этого свода имѣлъ въ своемъ распоряженіи текстъ Повѣсти вр. лѣтъ и Новгородскаго свода; по Новгородскому своду дополнялся уже готовый текстъ Повѣсти вр. лѣтъ; между тѣмъ, составитель Начальнаго свода (откуда произошла Повѣсть вр. лѣтъ) дополнялъ по новгородскому источнику свой кіевскій источникъ, несомнѣнно менѣе полный, чѣмъ соотвѣтствующій текстъ Повѣсти вр. лѣтъ. Вводя въ наши разсужденія это послѣднее замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду тотъ выводъ, къ которому мы пришли выше (въ главѣ VII), о томъ, что Начальный сводъ составленъ по двумъ источникамъ: кіевскому и новгородскому; предполагаемъ поэтому возможнымъ, что въ распоряженіи Начальнаго свода было и при составленіи статьи о Лиственской битвѣ два разсказа о ней — кіевскій и новгородскій. Подтверждаемъ это предположеніе ссылкой и на тѣ повторенія, которыя замѣчаются въ соотвѣтствующемъ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ: ср. «и бысть сѣча силна», ниже: «и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна». Итакъ, намъ предстоитъ опредѣлить, что̀ именно въ текстѣ интересующей насъ статьи, въ изложеніи ея въ Повѣсти вр. лѣтъ, восходитъ къ новгородскому и что̀ къ кіевскому источнику. При разрѣшеніи этой задачи, исходимъ изъ данныхъ, представляемыхъ сводомъ 1448 года; изъ нихъ видно, что въ новгородскомъ разсказѣ съ особенною подробностью говорилось о ночной обстановкѣ битвы: такъ, именно такія подробности попали изъ него въ сводъ 1448 (ср. выше); поэтому, описаніе битвы въ отношеніи ея къ ночной обстановкѣ возводимъ въ Начальномъ сводѣ къ новгородскому источнику: ср. слова «и бывши нощи рябиной» [1]), «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье», а выше «бысть тма, молонья, и громъ и дождь»; равнымъ образомъ къ новгородскому источнику относимъ и рѣчь Мстислава: «поидемъ на ня», рѣчь,

---

[1]) Ср. малор. горобѝна ніч: грозовая ночь въ іюлѣ и августѣ (Слов. Желех.); горобиний, вѣроятно, вмѣсто орябиний, какъ горобка вм. орябка (Tetrao bonasia); ср. орябина = рябинá.

какъ можно думать, оборванная и сокращенная въ Нач. сводѣ, въ особенности если принять во вниманіе продолженіе ея, данное въ сводѣ 1448 г.: Мстиславъ, очевидно, рѣшилъ воспользоваться темнотой ночи и разыгравшеюся грозой и выразилъ это въ своей рѣчи (ср. вторую половину ея въ сводѣ 1448: «то ны есть корысть»). Напротивъ, новгородскій разсказъ, повидимому, ничего не зналъ о расположеніи, данномъ своему войску Мстиславомъ, равнымъ образомъ не упоминалъ объ эпизодѣ объѣзда поля битвы на слѣдующій день Мстиславомъ: никакихъ лишнихъ подробностей для этихъ частей сводъ 1448 года не представляетъ. Сообщеніе о бѣгствѣ Ярослава и Якуна принадлежитъ кіевскому разсказу: новгородскій сводъ не даетъ никакихъ лишнихъ подробностей; между тѣмъ, сообщеніе «Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море» относимъ насчетъ новгородскаго разсказа, въ виду прибавки, читаемой въ сводѣ 1448 г.: «и тамо умре». Напротивъ, подробность о златой лудѣ, которую носилъ Якунъ, возводимъ къ кіевскому источнику; златая луда была найдена на полѣ битвы на слѣдующее утро, а этотъ эпизодъ объ осмотрѣ поля битвы былъ вообще опущенъ новгородскимъ разсказомъ.

Одинаковый сюжетъ обусловилъ, конечно, присутствіе и нѣкоторыхъ общихъ выраженій, общихъ фразъ въ кіевскомъ и новгородскомъ разсказахъ: такъ тотъ и другой разсказъ сообщалъ объ Якунѣ, котораго, кажется, именно новгородскій источникъ называлъ княземъ варяжскимъ: ср. въ сводѣ 1448 г. «и посла за море по Якуна, по Варяжьскаго князя»; читаемая ниже фраза Начальнаго свода (Повѣсти вр. лѣтъ) «побѣже съ Якуномъ княземь Варяжьскымъ» едва ли не заимствована изъ новгородскаго разсказа, хотя, впрочемъ, въ виду чтенія: «и тако побѣди Мьстиславъ Ярослава и Якуна» свода 1448 года, я опредѣлилъ бы еще точнѣе, что слово «побѣже» восходитъ по кіевскому разсказу, а «съ Якуномъ княземь Варяжьскымъ» извлечено изъ фразы новгородскаго разсказа: «и тако побѣди Мьстиславъ Ярослава и Якуна, князя Варяжьскаго»; дѣйствительно, въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ) за «побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжьскымъ» читаемъ «и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ», что не особенно послѣдовательно, въ смыслѣ гладкости изложенія.

§ 171. Сходныя соображенія вызываетъ статья о походѣ Вла-

диміра Ярославича противъ грековъ. Въ сводѣ 1448 она оказывается изложенною съ большею подробностью, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Особенно отличается въ нихъ начало статьи: сводъ 1448 сообщаетъ, что морская рать Владимірова состояла изъ Варяговъ и Руси; на Дунаѣ, куда направился флотъ, произошло несогласіе между Русью, желавшею высадиться на берегъ и идти сухимъ путемъ, и Варягами, порѣшившими идти къ Царьграду въ лодьяхъ; Греки, увидѣвши непріятеля, начали погружать въ море пелены Христовы съ мощами святыхъ; Божіимъ гнѣвомъ возмутилось море и разбило русскія лодьи; Варяги обратились въ бѣгство. О бурѣ, разбившей корабли русскіе, въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщено кратко; о Руси и Варягахъ ничего не говорится. Очевидно, передъ нами два разсказа: одинъ кіевскій (сохранившійся въ Повѣсти вр. л.), другой новгородскій (сохранившійся въ сводѣ 1448). Но, съ одной стороны, въ сводѣ 1448 оказываются, наряду съ текстомъ новгородскаго разсказа, вставки изъ Повѣсти вр. л., а съ другой—въ Повѣсти вр. л. обнаруживаются заимствованія въ основной разсказъ изъ другого источника. Такъ, въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ въ началѣ разсказа: «И поиде Володимеръ в лодьяхъ и придоша в Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси»; не могу не признать словъ «и поиде Володимеръ в лодьяхъ, и придоша в Дунай» вставкою изъ другого разсказа: во-первыхъ, «и поиде Володимеръ» не согласовано съ дальнѣйшимъ «и поидоша ко Цесарюграду»; во-вторыхъ, здѣсь говорится о лодьяхъ, между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ о корабляхъ; въ-третьихъ, совершенно неясно, зачѣмъ упомянуто въ Повѣсти вр. л. о прибытіи («и придоша») въ Дунай, когда съ этимъ прибытіемъ не связано никакихъ дѣйствій и слѣдствій (въ сводѣ 1448 по прибытіи въ Дунай начинается разногласіе между Варягами и Русью). Итакъ, возстановляя кіевскій разсказъ о походѣ Владиміра, возводимъ къ нему весь текстъ соотвѣтствующей статьи Повѣсти вр. лѣтъ, кромѣ приведенной выше фразы. Къ новгородскому разсказу возводимъ текстъ соотвѣтствующей статьи свода 1448 года, точнѣе начала этой статьи, кромѣ, однако, сообщенія о томъ, что воеводство было поручено Вышатѣ, Яневу отцу (ср. объ этомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ), а также кромѣ словъ «и бысть буря велика» (ибо выше

было: «и възмутися море и громъ бысть великъ и силенъ») и словъ «и разби корабли Руси» (ср. выше: «и начаша ся лодіи разбивати»). Послѣ словъ «и побѣгоша Варязи вспять» сводъ 1448 года слѣдуетъ Повѣсти вр. лѣтъ, причемъ, однако, насъ останавливаютъ еще двѣ вставки: послѣ словъ «прочіи же вои Володимеровы вывержени быша на брегъ, числомъ 6000» читаемъ «и сташа на брезѣ нази»; ниже читаемъ: «Вышата же воевода видѣ дружину свою стоящю и рече: не иду къ Ярославу»—этихъ словъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, но дальнѣйшее есть и въ сводѣ 1448 и въ Повѣсти вр. л.: «и высѣде изъ корабля къ воемъ, и рече Вышата: азъ иду съ ними, рекъ: аще живъ буду съ ними, аще ли погибну, то съ дружиною». Итакъ, въ сводѣ 1448 года два раза приведена рѣчь Вышаты къ дружинѣ, причемъ первый разъ онъ говоритъ, что не идетъ къ Ярославу, а второй, что пойдетъ съ ними въ Русь. Въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ: «и не идяше с ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: азъ поиду с ними; и высѣде ис корабля к нимъ и рече: аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною» (разрядкой набрано то, что опущено въ Лавр. и читается въ Радз. и Ипат., или только въ одной Ипат.). Лишнее въ текстѣ свода 1448 года объясняется, конечно, вліяніемъ другого источника; слова «и сташа на брезѣ нази» тѣсно связаны съ предыдущимъ «прочіи вои Володимеровы»; если, согласно предыдущему, возведемъ къ новгородскому источнику «и сташа на брезѣ нази», то къ тому же источнику отнесемъ слова «прочіи же вои Володимеровы», а такое отнесеніе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что слова эти находятъ себѣ соотвѣтствіе въ предшествующемъ «и побѣгоша Варязи вспять», между тѣмъ какъ въ кіевскомъ разсказѣ, насколько онъ возстанавливается по Повѣсти вр. лѣтъ, появленіе словъ «прочии же вои Володимеровы» неясно. Если же мы допустимъ, что новгородскій источникъ сообщалъ о томъ, что эти вои «сташа на брезѣ нази» (между тѣмъ какъ кіевскій источникъ говорилъ: «и выверженн быша на брегъ числомъ 6000»), то естественно предположить, что объ этихъ вояхъ говорилось еще что нибудь. Предполагаю, что о нихъ было сказано, что они «рѣша: не идемъ отъсюду», при чемъ это обстоятельство и побудило Владиміра вернуться вспять. Составитель свода 1423

года, а можетъ быть еще и составитель свода 1167 года, компилируя текстъ новгородскаго разсказа съ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ, отнесъ слова «не идемъ», передѣлавъ ихъ въ «не иду», къ Вышатѣ.—Возвращаясь еще разъ къ существованію двухъ разсказовъ о походѣ Владиміра на грековъ—новгородскаго и кіевскаго, отмѣчу, что въ Новгородѣ могли живо интересоваться исходомъ похода потому, что Владиміръ былъ въ то время княземъ новгородскимъ; кромѣ того, въ его рати были и Варяги, шедшіе, конечно, черезъ Новгородъ; любопытно, что новгородецъ, ближайшіе соплеменники котораго не участвовали въ походѣ, приписалъ погибель Владиміровыхъ людей Божьему гнѣву, причемъ вину неудачи отнесъ насчетъ Варяговъ, настоявшихъ на томъ, чтобы идти въ лодьяхъ. Здѣсь отмѣтимъ, что корабль является въ кіевскомъ разсказѣ, а лодья въ новгородскомъ; ср. сказанное о словѣ корабль въ § 56.

§ 172. Перехожу къ другимъ явно неновгородскимъ извѣстіямъ свода 1448 года. Подъ 6525 г. въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) читаемъ: «Пріидоша Печенѣзи къ Кіеву и сѣкошася у Кіева, и одва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣгомъ, и отбѣгоша посрамлени. И заложи Ярославъ великій градъ Кіевъ, и Златая врата постави, и церковь святую Софію заложи». Не сомнѣваюсь въ томъ, что тѣ же извѣстія подъ тѣмъ же годомъ находились и въ сводѣ 1167 года, ибо Синод. списокъ имѣетъ слѣдующую статью: «Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестию. И заложена бысть святая София Кыевѣ». Такимъ образомъ оказывается, что и въ сводѣ 1448 г. и въ Синод. спискѣ, одинаково подъ 6525 годомъ, помѣщаются извѣстія, на самомъ дѣлѣ относящіяся къ другимъ годамъ: дѣйствительно, нападеніе печенѣговъ на Кіевъ и пораженіе ихъ Ярославомъ относится къ 6544 году (ср. Пов. вр. л.), закладка св. Софіи и города Кіева къ 6545 (ср. Пов. вр. л.), наконецъ, походъ Ярослава къ Берестью относится къ 6530 (ср. Пов. вр. л.). Всѣ попытки нашихъ историковъ оправдать 6525 (1017) годъ для первыхъ двухъ событій наталкиваются на непреодолимыя затрудненія, въ особенности, когда мы сообразимъ, что подъ 6544 въ разсказѣ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ въ Повѣсти вр. л. опредѣленно сказано: «Печенѣзи приступати начаша и сступишася на мѣстѣ,

идеже стоить нынѣ святая Софья, митрополья Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града»; слѣдовательно, оба событія—нападеніе печенѣговъ въ 6544 (1036) и закладка св. Софіи въ 6545 (1037)— поставлены Повѣстью вр. лѣтъ въ извѣстную между собою связь, и связь эта сохранена составителемъ Новгородскаго свода 1167 года, сообщившимъ въ статьѣ 6525 (1017) г. и о томъ и о другомъ событіи. Можно думать, что въ сводѣ 1167 года интересующія насъ извѣстія читались въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала походъ на Берестье (Синод.), потомъ нападеніе печенѣговъ (сводъ 1448) и, наконецъ, закладка св. Софіи (Синод. и сводъ 1448). Какъ же попали эти извѣстія въ сводѣ 1167 года подъ одинъ 6525 (1017) годъ? Думаю, что эти извѣстія перенесены въ сводъ 1167 года изъ свода XI вѣка, наличность же трехъ извѣстій безъ ближайшихъ хронологическихъ опредѣленій въ сводѣ XI вѣка стоитъ въ связи съ отмѣченнымъ уже выше обстоятельствомъ: Новгородскій сводъ XI вѣка основывался на Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ; можно думать, что составитель свода XI вѣка сокращалъ свой кіевскій оригиналъ, начиная съ княженія Ярослава; и сокращая его, онъ привелъ подрядъ три приведенныя нами выше извѣстія. Составитель свода 1167 года, недоумѣвая, куда ихъ отнести, и не сумѣвъ отождествить ихъ съ соотвѣтствующими извѣстіями Повѣсти вр. лѣтъ, помѣстилъ всѣ три извѣстія подъ одинъ годъ. Происшедшій изъ свода 1167 года сводъ Германа Вояты, откуда Синодальный списокъ, разрѣдилъ скопившіяся подъ 6525 годомъ извѣстія, выпустивъ второе изъ нихъ—о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ. Происшедшій изъ свода 1167 года общерусскій сводъ 1423 года первое изъ трехъ извѣстій — походъ къ Берестью выпустилъ совсѣмъ, отождествивъ его съ такимъ же извѣстіемъ 6530 года (Повѣсти вр. л.); такимъ образомъ подъ 6525 годомъ остались два извѣстія; о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и о закладкѣ св. Софіи и города Кіева. Сообразно съ этимъ, подъ 6545 годомъ въ сводѣ 1423 (и далѣе въ сводѣ 1448) читалось: «Свершенъ бысть градъ Кіевъ и церковь святая Софія свершена», между тѣмъ какъ въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6545: «заложи Ярославъ городъ великый... заложи же и церковь святыя Софья». Чтенія «свершенъ», «свершена» объясняю

въ общерусскомъ сводѣ какъ попытку согласовать извѣстія 6525 и 6545 гг. Изъ Синод. списка видно, что въ сводѣ 1167 года подъ 6545 г. было чтеніе заложи (такъ что въ Синод. спискѣ о закладкѣ св. Софіи говорится два раза) [1]).

§ 173. Изъ того обстоятельства, что составитель свода XI вѣка помѣстилъ подрядъ извѣстія 6530, 6544 и 6545 годовъ своего кіевскаго оригинала, я вывожу, что онъ не воспользовался ни однимъ изъ тѣхъ извѣстій Древнѣйшаго Кіевскаго свода, которыя попали затѣмъ въ Начальный сводъ (и Повѣсть вр. л.) и читались подъ 6530—6543 гг. И дѣйствительно, весьма вѣроятно, что новгородскій сводчикъ не воспользовался въ своемъ разсказѣ кіевскимъ сообщеніемъ о Лиственской битвѣ (ср. выше § 169[1]), кіевскимъ сообщеніемъ о походѣ Владиміра на Грековъ и умолчалъ, напр., о знаменіи на небеси, о смерти Мстислава и сына его Евстаѳія.

Отмѣчу еще, что въ сводѣ 1448 года два раза сообщено о побѣдѣ Ярослава надъ Брячиславомъ: первый разъ подъ 6528 годомъ кратко: «побѣди Ярославъ Брячислава» (Новг. 4-я и Соф. 1-я); второй разъ подъ 6529 подробно (см. § 167). Думаю, что и въ сводѣ 1423 г. было такое же двойное упоминаніе (см. § 177); и такъ же въ Новгор. сводѣ 1167 г. и далѣе въ сводѣ XI вѣка: въ послѣднемъ первое извѣстіе восходило бы къ Древн. своду, а вторая статья была бы новгородскаго происхожденія.

Другихъ новгородскихъ статей, въ которыхъ были бы замѣтны отличія въ текстѣ свода 1448 года отъ текста Повѣсти вр. л., я указать не могу. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя въ сводъ изъ нелѣтописныхъ источниковъ (хронографовъ и житій святыхъ). Заимствованія изъ Житія Антонія разсмотримъ отдѣльно ниже.

Впрочемъ, не считаю возможнымъ умолчать объ одномъ еще отличіи въ сводѣ 1448 года: а именно въ немъ, въ первомъ разсказѣ о мести Ольги (подъ 6453 г.), вставлено число 50 для указанія, сколько нарочитыхъ мужей было прислано Древлянами

---

[1]) Новг. 1-я младш. извода (Комм. и Акад.) подъ вліяніемъ свода 1448 года приписала подъ 6545 къ словамъ „и церковь святыя Софѣя“— „сверши“.

за Ольгой въ Кіевъ [1]). Думаю, что вставка эта восходитъ опять таки къ своду 1167 года, а въ этотъ сводъ она попала изъ второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ; составитель второй редакціи, вообще знакомый съ народными сказаніями, вставилъ изъ устнаго варіанта сказанія о мести Ольги это число 50.

§ 174. Отдѣльно должна быть разсмотрѣна прибавка имени Кирилла при словахъ: «Посемъ же прислаша Греци къ Владимеру философа Кирила». Выше въ § 107 было указано, почему имя Кирилла вѣроятно возводить къ Древн. Кіевскому своду, заимствовавшему эпизодъ о прибытіи философа къ Владиміру изъ разсказа о крещеніи болгарскаго князя Бориса. Повѣсть вр. лѣтъ и еще раньше Начальный сводъ опустили имя Кирилла, въ виду явнаго анахронизма: составителю Нач. свода было извѣстно изъ хронографа, что Кириллъ и Меѳодій перевели греческія священныя книги на славянскій языкъ въ 6363 (855) году (ср. § 68). Что имя Кириллъ читалось въ сводѣ 1423 года, видно изъ свода 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й); попасть въ сводъ 1423 года оно могло или изъ нелѣтописнаго источника, или изъ свода 1167 года; допустить первое совершенно невѣроятно: ни въ одномъ хронографѣ, ни въ житіи не могло быть подобнаго анахронизма. Допустивъ же, что имя Кирилла заимствовано изъ свода 1167 года, мы должны будемъ возвести его и дальше— къ своду XI вѣка, такъ какъ сводъ 1167 года основывался на второй редакціи Повѣсти вр. л. (гдѣ не было Кирилла) и на Новгородскомъ сводѣ XI вѣка. Въ сводъ XI вѣка имя Кирилла попало, конечно, изъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, ибо все неновгородское почерпнуто имъ оттуда.

---

[1]) Ср. это число въ Соф. 1-й (V, 103); въ Новг. 4-й его нѣтъ, но Новг. 4-я вообще переработана по тексту Повѣсти вр. л.; что то же число 50 было въ сводѣ 1423 года, доказываетъ хронографъ.

ГЛАВА X.

Данныя для возстановленія перваго новгородскаго свода XI вѣка. Общерусскій сводъ 1423 года и Общерусскій сводъ начала XIV в.

1.

§ 175. Въ предшествующей главѣ мы разсмотрѣли тѣ данныя для возстановленія Новгородскаго свода XI вѣка, которыя извлекаются изъ Новгородскаго свода 1448 года, причемъ отмѣтили, что этотъ сводъ 1448 года ведетъ насъ къ общерусскому своду 1423 года. Все интересовавшее насъ въ сводѣ 1448 г. въ качествѣ заимствованія изъ Новгородскаго свода XI вѣка восходитъ къ своду 1423 года, который представляетъ соединеніе текста Повѣсти вр. лѣтъ по московско-суздальскому изводу съ Новгородскимъ сводомъ 1167 года. Въ настоящей главѣ представимъ доказательства для выставленнаго въ главѣ VIII положенія, о томъ, что общерусскій сводъ 1423 года содержалъ заимствованія изъ Новгородскаго свода 1167 года, и что заимствованія изъ послѣдняго проникли въ сводъ 1448 года путемъ именно свода 1423 года. Мы именно можемъ указать на нѣсколько памятниковъ, непосредственно восходящихъ къ своду 1423 года: въ нихъ оказываются тѣ самыя новгородскія статьи и извѣстія, которыя вошли въ составъ свода 1448 года. Укажемъ эти памятники и извлечемъ изъ нихъ все, что относится къ нашей задачѣ—возстановить Новгородскій сводъ XI вѣка.

§ 176. Отношу сюда прежде всего Хронографъ. Неумѣстно было бы здѣсь предложить изслѣдованіе о происхожденіи этого памятника, дошедшаго до насъ въ редакціи 1512 года. Въ другомъ мѣстѣ я указалъ на тѣ основанія, которыя мы имѣемъ для отнесенія первоначальной редакціи Хронографа, вышедшей изъ подъ пера Пахомія сербина, къ 1442 году [1]). Русская часть Хронографа, какъ извѣстно, весьма кратко передающая событія русской исторіи, врядъ ли составлена на основаніи многихъ, даже двухъ-трехъ источниковъ. Гораздо вѣроятнѣе предполо-

[1]) Къ вопросу о происхожденіи хронографа (Сб. Отд. р. яз. и сл. 1899 года).

жить (въ виду именно ея краткости), что она извлечена изъ одного только лѣтописнаго памятника. Памятникъ этотъ былъ несомнѣнно сходенъ со сводомъ 1448 года, о которомъ мы говорили выше: доказывается это тѣмъ, что большинство извѣстій Хронографа находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Софійской 1-й и Новгородской 4-й, не въ одной изъ обѣихъ этихъ лѣтописей, а въ обѣихъ ихъ вмѣстѣ. Но что оригиналомъ, откуда извлечена Пахоміемъ русская часть Хронографа, не былъ сводъ 1448 года, видно, какъ изъ того, что этотъ сводъ моложе Хронографа, такъ и изъ того, что многія извѣстія Хронографа не отыскиваются ни въ Софійской 1-й, ни въ Новгородской 4-й, не отыскивались, слѣдовательно, и въ сводѣ 1448 года [1]). Въ виду этого я считаю необходимымъ возвести все содержаніе русской части Хронографа къ первоисточнику свода 1448 года, а именно, къ общерусскому митрополичьему своду 1423 года, дополненному погодными записями до 1442 года. Приведу извѣстія Хронографа, не находящія себѣ соотвѣтствія въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ и не могущія быть возведенными къ нелѣтописнымъ источникамъ общерусскаго свода (къ житіямъ, древнѣйшимъ хронографамъ, и т. п.). Извѣстія эти окажутся въ большинствѣ случаевъ тождественными съ тѣми, которыя отмѣчены нами выше по своду 1448 года; источникомъ ихъ, что видно и изъ ихъ содержанія, является въ большинствѣ случаевъ новгородская лѣтопись. Такимъ образомъ Хронографъ, какъ и сводъ 1448 года, ведетъ насъ къ возстановленію общерусскаго свода 1423 года и дальше одного изъ источниковъ этого свода—Новгородскаго свода 1167 года.

§ 177. Отмѣтимъ фактическія отличія Хронографа отъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Въ началѣ читаемъ о Словѣнахъ, пришедшихъ съ Дуная къ озеру Илмерю: «и создаша градъ и нарекоша и Новъградъ и посадиша старѣйшину Гостомысла». Ср. то же въ сводѣ 1448 г.; восходитъ къ Новг. своду 1167 г. (§ 160).

Въ сообщеніи о мести Ольги сказано: «и потомъ послаша по

---

[1]) Укажу для примѣра извѣстіе въ разсказѣ о крещеніи Руси: „взятъ перваго митрополита Михаила".

нея 50 мужей». Ср. то же въ сводѣ 1448 г.; восходитъ къ Новгор. св. 1167 г. (§ 173).

Подъ 6480 въ сообщеніи о смерти Святослава прибавлено: «а всѣхъ лѣтъ поживе 30». Въ сводѣ 1448 года нѣтъ этого извѣстія и нѣтъ года рожденія Святослава. Но въ спискѣ Царскаго Соф. 1-й лѣтописи, восходящемъ къ своду, сокращенному изъ общер. свода, а также въ Ипат., рожденіе Святослава показано подъ 6450.

Подъ 6481 читаемъ: «воевода же у Ярополка Блудъ». Ср. ту же фразу подъ тѣмъ же годомъ въ сводѣ 1448 г. Этой фразы нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, но она была, судя по Комм. и др. спискамъ Новгор. 1-й, въ Начальномъ сводѣ. Слѣдовательно, она могла быть и въ Древн. лѣт. сводѣ и перейти изъ него въ Новгор. сводъ XI вѣка и далѣе въ Новгор. сводъ 1167 г.

Подъ 6498 читаемъ о крещеніи Владиміромъ Смоленской земли и поставленіи Владиміра на рѣкѣ Клязьмѣ. Ср. тѣ же извѣстія въ сводѣ 1448; восходятъ къ общерусскому своду и далѣе къ ростовскому или суздальскому источнику этого свода [1]).

Подъ 6525 читаемъ: «пріидоша Печенѣзи къ Кіеву и одолѣ имъ Ярославъ. Того же лѣта заложи Ярославъ градъ Кіевъ болѣ перваго, и Златая врата и церковь святую Софію». Ср. тѣ же извѣстія въ сводѣ 1448 г.; восходятъ, какъ мы видѣли, къ общер. своду и далѣе къ Новгородскому своду 1167, а въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 172).

Подъ 6528: «Того же лѣта побѣди Ярославъ Брячислава». Подъ слѣдующимъ годомъ то же извѣстіе. Ср. то же въ сводѣ 1448 г.; восходитъ въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 173).

Подъ 6529 въ концѣ: «потомъ же смирися (Брячиславъ) съ Ярославомъ». Ср. то же въ сводѣ 1448 въ статьѣ 6529 «и оттолѣ призва къ себѣ Брячислава... и рече ему: буди же со мною заодинъ» (§ 164).

Подъ 6545: «совершенъ бысть градъ Киевъ и святая церкви Соѳья Премудрость Божія». Ср. слово «совершенъ» и въ сводѣ

---

[1]) Чтеніе Смоленская земля, вѣроятно, древнѣе, чѣмъ Словенская (какъ въ сводѣ 1448 г.); быть можетъ, здѣсь сказался смоленскій источникъ.

1448; въ общер. сводѣ оно возникло въ соотвѣтствіи со словомъ «заложенъ» подъ 6525 (§ 172).

Подъ 6553 къ извѣстію о закладкѣ Владиміромъ Ярославичемъ церкви св. Софіи въ Новгородѣ прибавлено «камену»; Этой прибавки нѣтъ въ сводѣ 1448 (который, повидимому, слѣдуетъ здѣсь Соф. временнику, а Соф. временникъ слѣдуетъ Синод. списку), но «камену» читалось, очевидно, въ общерусскомъ сводѣ 1423 и можетъ восходить въ концѣ концовъ и къ своду XI вѣка.

Подъ 6558: «священа бысть (св. Софія) архіепископомъ Лукою на Воздвиженіе честнаго креста». Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 167).

Подъ 6560: указанъ день 4 октября въ сообщеніи о кончинѣ Владиміра Ярославича. Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 167).

Подъ тѣмъ же годомъ читаемъ: «преподобный Антоній нача ставити манастырь Печерскый въ Кіевѣ при великомъ князѣ Ярославѣ». Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ путемъ свода 1423 г. къ Житію Антонія (ср. ниже § 191[19]).

Подъ 6565: «Въ то же время бысть преподобный игуменъ Ѳеодосій». Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ путемъ свода 1423 къ Житію Антонія (ср. ниже § 191[19]).

Подъ 6569: «поставленъ бысть Новугороду архіепископъ Стефанъ». Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 167).

Подъ 6575: «сей (Всеславъ) пограби Великій Новъгородъ до Неревскаго конца и соборную церковь Соѳію пограби, все драгое и поникадила и колоколы». Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ въ концѣ концовъ къ своду XI вѣка (§ 168).

Подъ 6579: указано, что въ Новгородѣ во время мятежа, произведеннаго волхвомъ, архіепископомъ былъ Ѳеодоръ: «тогда же бысть архіепископъ Ѳеодоръ» [1]). Ср. то же въ сводѣ 1448; восходитъ вѣроятно къ своду 1167 г.

§ 178. Къ общерусскому своду 1423 года восходитъ, повидимому, и текстъ обширной и весьма, повидимому, распростра-

---

[1]) Въ извѣстномъ разрядѣ списковъ ошибочно прибавлено: „въ Ростовѣ“.

женной въ XV вѣкѣ компиляціи, возстановляемой по слѣдующимъ памятникамъ: а) протографу Ермолинской и Уваровской № 188 лѣтописи, къ которому примыкаетъ и сокращенный списокъ Кириллобѣлозерскій; б) Львовской (извѣстной по печатному изданію и списку И. Публ. библ.); в) Тверскому сборнику (XV т. П. С. Р. Л.); г) протографу Погод. № 2036 и № 1409. д) Новгородской 5-й, мѣстами исправившей по ней свой текстъ. Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ памятниковъ въ отдѣльности (Новгородскую 5-ю оставляю въ сторонѣ).

а) Не подлежитъ сомнѣнію, что Ермолинская и Уваровская восходятъ къ одному оригиналу; обѣ лѣтописи весьма близко сходны между собою до 6925 (1417) года включительно; за общими извѣстіями съ Уваровскою въ Ермолинской вслѣдъ за 6925 годомъ идетъ статья 6926 (1418), за симъ перерывъ до 6933 (1425); въ Уваровской за общими извѣстіями съ Ермолинской слѣдуетъ, начиная съ 6925 года, текстъ, общій съ Московскимъ сводомъ (возстановляемымъ по Эрмитажному № 416б, Типографской, Воскресенской, Ростовской и др. сходнымъ лѣтописямъ). Наличность въ Уваровской и Ермолинской подъ 6904 (1396) годомъ перечня владыкъ ростовскихъ, причемъ въ Уваровской перечень доведенъ до Трифона (1462—1467), а въ Ермолинской до Вассіана (1467—1481), дѣлаетъ вѣроятнымъ, что общій протографъ обѣихъ лѣтописей по происхожденію своему былъ Ростовскимъ владычнимъ сводомъ; это подтверждается и другими данными, о которыхъ мы не будемъ здѣсь распространяться. Кириллобѣлозерскій списокъ (хранящійся въ Имп. Археогр. Коммиссіи) сходенъ преимущественно съ Уваровскою до 6523 (1015) года, года смерти Владиміра, а потомъ представляетъ краткое извлеченіе изъ текста, сходнаго съ Уваровской, продолжая однако лѣтопись и дальше 7026 (1518), на которомъ прерывается Уваровская. Въ настоящее время Имп. Археогр. Коммиссіей подготовляется изданіе Ермолинской лѣтописи съ варіантами по Уваровской и Кириллобѣлозерскому списку.

б) Львовская лѣтопись, весьма сложная по своему составу, доходила въ первоначальной своей редакціи только до 1518 года, какъ можно думать на основаніи того, что только до этого года доходятъ заимствованія изъ нея, сдѣланныя въ древнѣйшій

(дефектный) списокъ Софійской 2-й лѣтописи (Архивскій, см. VI т. П. С. Р. Л.). Въ числѣ источниковъ Львовская лѣтопись имѣла: Московскій сводъ (о которомъ мы только что упомянули), Суздальскую лѣтопись, весьма сходную съ Радзивиловскою, а также и Новгородскую 1-ю младшаго извода (изъ нея заимствованъ, напр., конецъ статьи 6496 года и статьи 6496-го же года— о крещеніи Новгорода —, 6499 и 6500 годовъ). Однимъ изъ источниковъ была и изслѣдуемая компиляція, чѣмъ объясняется сходство съ нею на значительномъ протяженіи. Мѣстами сходство переходитъ въ тождество (напр. подъ 6532—6573 годами).

в) Еще сложнѣе Тверской сборникъ—говорю о первой части его, доведенной до 1255 года (послѣднее извѣстіе: «даша посадничьство Михаилу Степановичу», П. С. Р. Л. XV, 400). Кромѣ изслѣдуемой компиляціи, онъ руководствовался еще Новгородскою 1-ю лѣтописью, одною изъ редакцій Софійской 1-й лѣтописи, Суздальскою лѣтописью, сходною съ Радзивиловскою, и др. Но заимствованіямъ изъ общаго источника съ Ермолинскою и Львовскою отведено весьма значительное мѣсто. Имѣя въ виду ростовскія извѣстія Тверского сборника подъ 6499 (XV, 115), 6498 (XV, 115), а также нѣкоторыя другія данныя, признаю, что и Тверской сборникъ даетъ основанія признать изслѣдуемую компиляцію ростовскою по происхожденію.

г) Погод. № 2036 и № 1409 восходятъ несомнѣнно къ общему оригиналу; первый изъ этихъ списковъ прерывается на 1396 г. годѣ, а № 1409 доходитъ до 1494 г. Этотъ общій ихъ оригиналъ составленъ на основаніи, какъ изслѣдуемой нами компиляціи, такъ и нѣсколькихъ другихъ источниковъ: назовемъ Хронографъ и Московскій сводъ. Близость къ Ермолинской, Львовской, Тверской обнаруживается въ каждой статьѣ и можетъ быть объяснена только наличностью общаго источника [1]). Сокра-

[1]) Напр., подъ 6420: „оумре Олегъ оуяденъ скоропіею изъ главы коня своего, княживъ лѣтъ 33"; ср. то же въУвар.: „въ осени умре Олегъ, уяденъ скоропіею из главы коня своего, княживъ лѣтъ 33". Подъ 6488: „и оуби Роговолода и сына его Давыда"; ср. то же въ Льв.: „и уби Роговолода и сына его Давида". Подъ 6579: „вынимающе жито изъ закожія"; ср. то же въ Тверск. и Ермол. Подъ 6415: „дабы не воевалъ гражанъ (и по) пристанищемъ", ср. то же въ Тверск. и Льв., и т. д.

щенный московскій сводъ 1494, какъ мы условно можемъ назвать протографъ обоихъ Погодинскихъ списковъ, весьма важенъ въ исторіи нашего лѣтописанія тѣмъ, что по нему дополненъ списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, а также и потому, что онъ вошелъ въ составъ Архангелогородской лѣтописи.

§ 179. Въ виду указаній Ермолинской, Уваровской лѣтописей, а также Тверского сборника, я признаю изслѣдуемую компиляцію составленною въ Ростовѣ и условно называю ее Ростовскою. Не входя здѣсь въ подробную исторію ея возникновенія и отношенія къ ней названныхъ выше памятниковъ, ставлю вопросъ объ источникахъ Ростовской компиляціи XV вѣка. Для рѣшенія его укажемъ, во-первыхъ, на близость ея къ тексту Софійской 1-й и Новгородской 4-й, причемъ, однако, ее нельзя возвести ни къ той, ни къ другой лѣтописи. Такъ, напр., подъ 6621 въ этой компиляціи читалось: «Того же лѣта Мьстиславъ Володимеричь заложи въ Новѣгородѣ церковь святаго Николы на торговищи, на княжи дворѣ» [1]); въ Софійской 1-й лѣтописи нѣтъ этого извѣстія, въ Новгородской 4-й оно есть, но словъ «на торговищи» въ ней нѣтъ (въ Новгор. 1-й нѣтъ словъ «на торговищи на княжи дворѣ»). Слѣдовательно, надо во всякомъ случаѣ отказаться отъ мысли возвести Ростовскую компиляцію къ Софійской 1-й. Въ виду только что указанной статьи, сомнительно, чтобы она восходила и къ Новгородской 4-й. Впрочемъ, это опровергается рядомъ другихъ указаній; такъ, напр., въ Ростовской компиляціи подъ 6544 сообщалось въ началѣ статьи о рожденіи Вячеслава [2]), въ Новгородской 4-й и Софійской 1-й нѣтъ этого извѣстія; также нѣтъ въ нихъ извѣстія о рожденіи Изяслава, помѣщеннаго въ Ростовской компиляціи въ концѣ 6532 года [3]), и т. д. Кажется, можно, въ виду подобныхъ данныхъ, усомниться въ томъ, чтобы Ростовская компиляція восходила къ своду 1448 года, общему оригиналу Софійской 1-й и Новгородской 4-й. Можно бы, конечно, предположить, что Ростовская компиляція имѣла въ числѣ одного изъ своихъ источниковъ

---

[1]) Ермол., Увар., Львовск., Тверск.

[2]) Ермол., Ував., Львовск., Тверск.

[3]) Ермол., Увар., Львовск., Тверск., Царск. сп. Соф. 1-й; Погод. (6533).

или сводъ 1448 г., или Софійскую 1-ю, или Новгородскую 4-ю и дополняла этотъ свой источникъ по другимъ; но не очень вѣроятно, чтобы она пользовалась для дополненій и неновгородскимъ источникомъ (рожденіе сыновей Ярослава) и новгородскимъ (прибавка «на торговищи»). Въ виду этого болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ предположеніе, что составитель Ростовской компиляціи имѣлъ общій источникъ со сводомъ 1448 г. (откуда Соф. 1-я и Новгор. 4-я), а общимъ источникомъ могъ быть общерусскій сводъ 1423 г.

Во-вторыхъ, укажемъ, что къ числу наиболѣе характерныхъ отличій Ростовской компиляціи отъ свода 1448 года относится присутствіе въ ней заимствованій изъ хронографовъ (типа Еллинскаго лѣтописца) [1]). Имѣя въ виду, что, по указанію свода 1448 г. (ср. выше), дополненію по хронографу типа Еллинскаго лѣтописца подвергся именно общерусскій сводъ 1423 года, видимъ въ этихъ отличіяхъ Ростовской компиляціи отъ свода 1448 доказательство въ пользу происхожденія компиляціи именно изъ свода 1423 года [2]).

---

[1]) Ср. подъ 6374 прибавку „Ориеанта въ Костентине граде оставя" (Льв., Тверск.) и замѣну словъ „таже и святую ризу... съ пѣсними изнесше съ плачемъ и омочи в ъ р ѣ ц ѣ" словами „таче... ризу съ пѣсньми изнесше в ъ м о р е с к у т ъ омочивше" (Льв., Тверск. XV, 32, пр. 7; „омочи въ море" Ермол.; „въ морѣ" вм. „въ рѣцѣ" Царск.). Подъ тѣмъ же годомъ прибавлено: „нѣкоторому же князю Скуфянину Влахерну нарицаему идущу, ту ему избиену бывшу" (Льв. и Тверск.). Подъ 6421 „Въ то же время приде Семіонъ царь Болгарскій на Царьградъ и сотворивъ миръ, иде во свояси" (Льв. и Тверск.). Подъ 6376 прибавка „Макидонянинъ" къ имени царя Василія при извѣстіи о его воцареніи (Ермол., сп. Царск. Соф. 1-й, также Тверск., гдѣ все извѣстіе изложено подробнѣе). Ср. еще хронографическія извѣстія, сохранившіяся въ одной Тверской: подъ 6394 точное указаніе на продолжительность царствованія Леона и Александра, подъ 6450 извѣстіе о перенесеніи пояса пречистой Богородицы, подъ 6428 прибавку къ имени царя Романа его прозванія „неудръжимъ" (ἀβάσταχτος), и др. Приведемъ еще вставку въ статью 6415 послѣ словъ „замкоша съсудъ"—„сирѣчь пропяша чѣпь протяженую отъ Галаты до Лахерньскія церкви", (Тверск., въ Льв. короче: „рекше чпиь пропяша отъ Лахерныя церкви", въ Ермол. еще короче: „Греци же перепяша по морю чепи").

[2]) Сводъ 1448 года выпустилъ нѣкоторыя изъ хронографическихъ дополненій свода 1423 г. (напр. подъ 6374) подъ вліяніемъ третьяго

§ 180. Итакъ, мы возводимъ Ростовскую компиляцію XV в. къ общерусскому своду 1423 года. Въ виду этого съ полною вѣроятностью ведемъ содержавшіяся въ ней новгородскія извѣстія къ своду 1167 года (источнику общерусскаго свода 1423 года).

Перечислимъ эти извѣстія.

Въ началѣ, въ вводной статьѣ: «и старѣйшину Гостомысла поставиша» (Льв., Ермол., Погод. и др.) [1]). Подъ 6499 о крещеніи Новгорода (Ермол.), подъ 6529 дополненіе въ статьѣ о войнѣ Ярослава съ Брячиславомъ (Ермол., Льв. и др.), подъ 6569 о поставленіи Стефана владыки (Ермол. Льв.), подъ 6575 о нападеніи Всеслава на Новгородъ (Ермол., Льв.), подъ 6579 вставка имени архіепископа Θеодора (Ермол., Льв.), подъ 6586 о поставленіи владыки Германа (Ермол., Льв.). Сюда же отнесемъ неясную прибавку подъ 6569 къ извѣстію о поставленіи Стефана владыки: «а въ Новѣгородѣ лѣта того еще князь Ростиславъ Владимеровичь» (Тверск.) [2]); прибавку подъ 6596 послѣ извѣстія «Святополкъ иде изъ Новогорода къ Турову на княженіе»—«а въ Новѣгородѣ сѣде Давыдъ Святославичь» (Тверск., Льв., Ерм.); подъ 6585 прибавку къ извѣстію о кончинѣ новгородскаго архіеп. Θеодора: «уядень отъ своего пса, бывь на архіепископіи 9 лѣть» (Тверск.).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ еще слѣдующее чтеніе Рост. компиляціи, засвидѣтельствованное, впрочемъ, не всѣми происшедшими отъ нея сводами, а только Уваровской лѣтописью (и Кириллобѣлоз. спискомъ). Подъ 6391 въ разсказѣ объ Олегѣ сообщено: «И дань устави по всеи земли: с Новагорода по 300 гривенъ, иже и донынѣ даютъ» [3]). Думаю, что это чтеніе восхо-

---

своего источника (вторымъ былъ Софійскій временникъ), содержавшаго въ началѣ Повѣсть вр. лѣтъ по суздальскому изводу.

[1]) Ср. то же въ сводѣ 1448 г. (§§ 160, 161, 173, 167, 168, 177).

[2]) Мы не рѣшаемся возвести этого къ Новг. своду XI вѣка, такъ какъ въ перечнѣ новгор. князей Ростиславъ не значится княземъ.

[3]) Ермол. опустила слова „иже и донынѣ даютъ". Въ Льв. подъ вліяніемъ другихъ источниковъ, какъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: „300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и до смерти Ярославли даяше Варягомъ". Сходно и также подъ вліяніемъ другихъ источниковъ въ Тверской. Что въ Рост. компиляціи читалось именно такъ, какъ въ Увар., я заключаю еще изъ

дитъ путемъ свода 1423 года къ Новгородскому своду XI вѣка.

Если допустимъ, что Тверской сборникъ въ числѣ источниковъ имѣлъ Софійскую 1-ю лѣтопись въ редакціи именно списковъ Карамзина и Оболенскаго, то другія новгородскія извѣстія Тверского сборника, не находящія себѣ соотвѣтствія въ Львовской и Ермолинской, можно возвести къ этому источнику [1].

§ 181. Кромѣ новгородскихъ извѣстій изъ свода 1167 заимствованы были въ сводъ 1423 года и нѣкоторыя неновгородскія извѣстія. Въ виду данныхъ нами уже выше (§§ 172 и 173) указаній, относимъ сюда: подъ 6525 извѣстіе о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и закладкѣ Ярославомъ города Кіева («больши градъ Кіевъ») и св. Софіи каменной (Льв., Тверск., Погод., Ермол.); подъ 6528 о побѣдѣ Ярослава надъ Брячиславомъ (Ермол., Льв., Тверск.); подъ 6568 прибавку «и раздѣлиша Смоленескъ на три части» (Ерм., Льв., Тверск.) послѣ сообщенія о смерти Игоря Ярославича (въ сводѣ 1448 эта прибавка попала по ошибкѣ подъ 6562 г., см. § 173). Подъ 6545 выраженіе «свершенъ» о градѣ Кіевѣ и о св. Софіи, вм. «заложенъ» (Ермол., Льв., Тверск.), явилось въ сводѣ 1423 года подъ вліяніемъ извѣстій 6525 года, заимствованныхъ изъ свода 1167 года.

Въ виду этого позволительно поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли возвести къ интересующимъ насъ первоисточникамъ еще нѣсколько извѣстій неновгородскихъ, читавшихся въ Ростовской компиляціи и ея источникѣ—общерусскомъ сводѣ 1423 года.

Относительно ряда дополненій Ростовской компиляціи рѣшительно отвергаемъ возможность того, что они были уже въ тѣхъ двухъ источникахъ, на которыхъ основывались древнія чтенія и извѣстія общерусскаго свода 1423 года. Мы видѣли, что сводъ

Новгор. 5-й, исправившей чтеніе Новгородской 4-й „еже не дають“ на „еже нынѣ не дають“. Поправка „еже не дають“ принадлежитъ составителю Соф. временника (ср. § 206[3]).

[1]) Напр. объ освященіи св. Софіи въ 6558; о пожарѣ св. Софіи въ 6557; объ оклеветаніи владыки Луки Дудикой въ 6563; о кончинѣ Луки въ 6568; о битвѣ съ Всеславомъ на Гзени 23 октября въ 6 час. дня въ 6577, и др.

1423 года пополнялся насчетъ житій святыхъ и сказаній. Такъ, напр., надпись на чашѣ, сдѣланной изъ черепа Святослава («чюжихъ желая, своя погуби» Увар., «чюжихъ ища, своя погубихъ» Ермол., «чюжимъ паче силы жалая и своясн погуби за премногую Льв.), несытость» его принадлежитъ, конечно, одному изъ нелѣтописныхъ источниковъ свода 1423 года; также приписка при имени Рогнѣды подъ 6488 «та же убити его хотѣ, ножемъ зарѣзати» (Льв., Тверск., Увар., Ермол.) ведетъ насъ къ извѣстной легендѣ (помѣщенной между прочимъ, въ конечной части своей въ Тверск. подъ 6496). Не повторяю сдѣланныхъ уже выше указаній относительно тѣхъ извѣстій, которыя, кромѣ Ростовской компиляціи, имѣются еще въ сводѣ 1448 года.

§ 182. Отвергая значеніе большей части неновгородскихъ извѣстій Ростовской компиляціи для возстановленія первоисточниковъ общерусскаго свода, останавливаемся, однако, на слѣдующихъ трехъ чтеніяхъ этой компиляціи. Во-первыхъ, подъ 6485 читаемъ въ обращеніи Ярополка къ Свѣнельду надъ трупомъ Олега Святославича: «я ж ь, егоже еси хотѣлъ» (Льв., Ермол.); то же читаемъ въ сводѣ 1448 (Соф. 1-я), между тѣмъ какъ въ Повѣсти вр. лѣтъ «вижь», «виждь»; чтеніе «яжь» въ сводѣ 1448 можетъ восходить какъ къ общер. своду 1423 года, такъ и къ Соф. временнику, гдѣ, по свидѣтельству Новгор. 1-й, читалось тоже «яжь» (откуда видно, что такъ же читалось въ Нач. сводѣ). Ростовская компиляція доказываетъ, что и въ сводѣ 1423 года читалось «яжь», а это свидѣтельствуетъ о томъ, что «яжь» заимствовано въ этотъ сводъ изъ Новгородскаго свода 1167 года и дальше изъ Древн. Кіевскаго свода (путемъ Новгородскаго свода XI вѣка). Во-вторыхъ, подъ 6481, послѣ извѣстія о вокняженіи Ярополка, въ Ростовской компиляціи было прибавлено: «воевода же бѣ у него Блудъ» (Увар.) [1]; мы уже видѣли выше, что хронографъ даетъ основаніе думать, что такое же чтеніе было въ сводѣ 1423 года, при чемъ и оно въ концѣ концовъ восходитъ къ Древн. лѣт. своду (оно сохранилось и въ Нач. сводѣ, но опущено въ Повѣсти вр. лѣтъ).

---

[1]) А Ермол. прибавляетъ еще: „а другии Свѣнтеглдъ“.

§ 183. Приведенное выше (§ 180) чтеніе Ростовской компиляціи «иже нынѣ дають» представляетъ еще тотъ интересъ, что ему соотвѣтствуетъ такое же чтеніе въ Никоновской лѣтописи: «а отъ Новагорода триста гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ». Откуда заимствовано это чтеніе Никоновской лѣтописи?

Сложная по составу своему Никоновская лѣтопись имѣла въ числѣ источниковъ и Ростовскую компиляцію. Это доказывается, напр., слѣдующими данными. На значительномъ протяженіи (едва ли не до середины XI в.) источникомъ Никоновской лѣтописи является Хронографическій списокъ Новгородской 5-й, дополненный, какъ извѣстно, на поляхъ и надъ строками по другимъ неизвѣстнымъ (частью баснословнымъ) источникамъ [1]). И вотъ въ текстѣ Никоновской лѣтописи, восходящемъ къ Новгор. 5-й, находимъ мѣстами чтенія, заимствованныя, по свидѣтельству Львовской, Тверской и др., изъ Ростовской компиляціи. Такъ подъ 6455 слова «сына своего оставивши въ Кіевѣ и нача уставляти» (въ Хрон. сп.: «и устави»), «и до сего дне», «Русстѣй и Новъгородстѣй», «и нынѣ», «у Кіева близъ на Деснѣ» не находятъ себѣ соотвѣтствія въ Хроногр. спискѣ; всѣ они (но вмѣсто «Русстѣй и Новъгородстѣй» только «Рустей») оказываются заимствованными изъ Рост. компиляціи (ср. Львовск., Тверск., отчасти Погод.). Подъ 6463: въ словахъ «челядь и воскъ и бѣлку скору» «бѣлку» заимствовано оттуда же (Львовск., Погод.). Далѣе отмѣчаемъ близкое сходство Никоновской со Львовскою и др. въ изложеніи событій XII в. Можно указать рядъ мѣстъ, отличающихъ Никоновскую отъ Воскр. и Лавр. и находящихъ себѣ соотвѣтствіе въ Львовской и Тверской. Поэтому я не колеблясь возвожу чтеніе Никон. лѣтописи «еже и нынѣ даютъ» къ Рост. компиляціи.

§ 184. Подъ 6525 годомъ мы читаемъ въ Никоновской со-

---

[1]) Укажу для примѣра статью 6471: въ Никон. читаемъ: „конину или звѣрину или инаа“ (въ Повѣсти вр. лѣтъ: „конину ли, звѣрину ли или говядину“); ср. въ Хроногр. спискѣ: „конину или звѣрину или инная“, при чемъ „инная“ читается на мѣстѣ соскобленнаго „грядину“, какъ въ прочихъ спискахъ Новгор. 5-й (и Новгор. 4-й). Очевидно, Никоновская заимствовала текстъ Хроногр. списка уже послѣ внесенія въ него указанной поправки.

гласно съ Рост. компиляціей слѣдующее: «Того же лѣта заложи Ярославъ градъ Кіевъ, болѣ пръваго, и Златаа врата постави, и церковь святыа Софіи заложи». А за симъ находимъ: «и много церквей постави и безъ числа имѣніа раздаа нищимъ; бѣ бо Ярославъ, якоже и отець его, христолюбивъ и нищелюбивъ и всегда умъ свой напояя божествеными писаніи» (далѣе слѣдуетъ сообщеніе объ освобожденіи Ярославомъ Кіева, осажденнаго печенѣгами). Приведенныя слова находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Львовской, гдѣ читаемъ подъ 6525, послѣ извѣстія о закладкѣ св. Софіи: «и въ митрополіи многи церкви постави. По семъ нача вѣра крестьяньская и простиратися въ Руской земли. Того же лѣта пріиде Антоней изъ Царяграда и съ нимъ ти певцы въ печеру». Замѣчу, что въ Ермол. подъ 6560, согласно со сводомъ 1448, читаемъ: «Того же лѣта прииде изъ Святыя Горы Антонии и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополитъ; а в Киевъ пріішли три пѣвци изъ Грекъ с роды своими». Въ виду того, что слова «и съ нимъ ти певцы въ печеру» читаются только въ одномъ изъ обоихъ списковъ Львовской лѣтописи, я признаю вѣроятнымъ, что въ Ростовской компиляціи подъ 6525 сообщалось только о прибытіи Антонія изъ Царяграда. Какъ извѣстно, Житіе Антонія сообщаетъ о двухъ путешествіяхъ Антонія: не отразилось ли это и въ текстѣ общерусскаго свода 1423 года, пользовавшагося этимъ житіемъ? Подъ 6525 въ немъ было занесено о прибытіи Антонія изъ Царяграда, а подъ 6560 о прибытіи его изъ Святой Горы. Понятно, что списокъ Публичной библіотеки Львовской лѣтописи соединилъ оба извѣстія въ одно и перенесъ сообщеніе 6560 года въ статью 6525-го. Это соображеніе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что сообщенія объ уставленіи митрополіи (вм. «и въ митрополіи» слѣдуетъ читать «и устави митрополію»), о построеніи многихъ церквей, о расширеніи вѣры христіанской при Ярославѣ читались въ сводѣ 1423 подъ 6525 (тѣ же извѣстія читались и подъ 6545 подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣтъ; въ сводѣ 1448 они читаются только подъ 6545). Такую особенность свода 1423 года я могу объяснить только предположеніемъ, что все это читалось подъ 6525 въ Новгородскомъ сводѣ 1167 г., который въ свою очередь руководился сводомъ XI вѣка (ср. сказанное выше, § 172). Сводъ XI вѣка

повторялъ при этомъ ту статью Древн. свода, которая въ Начальномъ сводѣ попала подъ 6545 годъ [1]).

Можетъ ли дать Никоновская лѣтопись еще какія-нибудь данныя для возстановленія древнѣйшихъ сводовъ? Сомнѣваюсь въ томъ, чтобы подобныхъ данныхъ было много. Но кое что съ вѣроятностью возводимъ къ источнику Никоновской—Ростовской компиляціи, и далѣе къ своду 1423 и его источнику—Новгородскому своду 1167 года. Такова, напр., подъ 6563 и 6565, прибавка къ имени Дудики, клеветника епископа Луки,именъ еще двухъ клеветниковъ его, Козмы и Даміана. Не читалось ли въ Новгор. сводѣ 1167 (и еще раньше въ сводѣ XI вѣка): «и осуди и митрополитъ Ефремъ на Козму и Даміана», т.-е. 1-го ноября? Передѣлка «по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ» можетъ принадлежать или составителю свода 1423, или составителю Никоновской лѣтописи, скорѣе послѣднему.

2.

§ 184[1]. Мы говорили въ предшествующемъ изслѣдованіи (§§ 145—184) объ общерусскомъ сводѣ XV в., составленномъ, какъ можно думать, въ 1423 году при митрополитѣ Фотіи. Къ нему восходятъ: сводъ 1448 года (Соф. 1-я и Новг. 4-я), Хронографъ, Ростовская компиляція XV в. Такимъ образомъ появленіе митрополичьяго свода въ 1423 году дало направленіе всему лѣтописанію XV вѣка. Этому митрополичьему своду предшествовали другіе общерусскіе своды, имѣвшіе несомнѣнно такое же вліяніе на старшее лѣтописаніе. Съ увѣренностью можемъ говорить объ общерусскомъ сводѣ начала XIV вѣка, составленномъ, очевидно, по приказанію митрополита Петра. Къ представленію о такомъ сводѣ ведетъ между прочимъ и Лаврентьевская лѣтопись. Въ части до середины XIII вѣка Лаврентьевская лѣтопись

---

[1]) Въ сводѣ, послужившемъ общимъ источникомъ для Арханг. лѣтописи и лѣтописи Авраамки, эти сообщенія читались, какъ и въ сводѣ 1448 г., подъ 6545. Но перенеся ихъ подъ 6545 годъ, сводчикъ перенесъ вмѣстѣ съ ними и извѣстіе о прибытіи Антонія изъ Царяграда, а это привело къ прибавкѣ о прибытіи къ Антонію трехъ пѣвцовъ изъ Греціи.

представляется Ростовскимъ лѣтописнымъ сводомъ, при чемъ, однако, въ этомъ сводѣ рѣзко отличались древнѣйшая часть (Владимірскій сводъ, доведенный до 1185) и позднѣйшая (Ростовская лѣтопись, отъ 1206 до 1262). Но кромѣ Ростовскаго свода Лаврентьевская руководствовалась еще Переяславскою лѣтописью: отсюда ея близкое сходство съ дошедшимъ до насъ спискомъ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, а также съ Радзивиловскою лѣтописью; изъ нея заимствованы извѣстія 1185 — 1205 гг., а также нѣкоторыя поправки въ части до 1185. Наконецъ, третьимъ источникомъ Лаврентьевской лѣтописи признаемъ общерусскій лѣтописный сводъ, доведенный до 1305 года: изъ него сдѣлано нѣсколько заимствованій въ части до 1205 года; въ части же отъ 1206 до 1305 года къ нему возводимъ все то, что не имѣетъ явно ростовскаго характера. Итакъ, къ общерусскому своду возводимъ южнорусскія извѣстія (напр., 1206, 1207, 1221, 1240, 1241 и др.), черниговскія (1283 и 1284), владимірскія (1206, 1207 и т. д.), рязанскія (напр., 1217, 1258, 1300), смоленскія (1285, 1300), тверскія (1285, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298 и др.), новгородскія и др. Наличность подобныхъ извѣстій въ общерусскомъ сводѣ начала XIV в. можетъ быть объяснена только такъ, что составителю этого свода были доступны мѣстныя лѣтописи— владимірская, черниговская, тверская, смоленская и т. д. Пользованіе Новгородскою лѣтописью доказывается слѣдующими, напримѣръ, извѣстіями: подъ 6808 читаемъ о новгородскомъ пожарѣ, ср. сходное извѣстіе въ Новгор. 1-й подъ 6807; подъ 6809—о поставленіи епископа Θеоктиста, ср. сходное извѣстіе въ Новгор. 1-й подъ 6808; подъ 6810—о взятіи нѣмецкаго городка на Невѣ, ср. сходное извѣстіе въ Новгор. 1-й подъ 6809; подъ 6808—о кончинѣ епископа Климента, ср. сходное извѣстіе въ Новгор. 1-й подъ 6807; подъ 6802—о прибытіи в. князя Андрея въ Новгородъ, ср. сходное извѣстіе въ Новгор. 1-й подъ 6801.

§ 184². Пользованіе составителемъ общерусскаго свода начала XV в. Новгородскою лѣтописью представляетъ для насъ въ настоящее время тотъ интересъ, что эта лѣтопись была, конечно, тождественна съ Новгородскимъ владычнимъ сводомъ, положившимъ, какъ мы знаемъ, въ свое основаніе сводъ 1167 года, который въ свою очередь имѣлъ главнымъ источникомъ Новгород-

скій сводъ XI вѣка. Правда, мы не можемъ искать въ Лаврентьевской лѣтописи данныхъ, которыя бы могли служить къ возстановленію свода 1167 года, ибо пользованіе общерусскимъ сводомъ со стороны составителя Лавр. лѣтописи болѣе или менѣе опредѣленно можно установить только съ 1193 года [1]). Но подъ 6636 (1128) годомъ находимъ въ Лаврентьевской статью, восходящую, какъ видно изъ ея содержанія, къ древней лѣтописи и при томъ—можно думать—именно къ Новгородской, ибо древняя Кіевская лѣтопись намъ такъ или иначе извѣстна по Повѣсти вр. лѣтъ. Статья эта начинается словами: «О сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущии преже». Отмѣтимъ прежде всего, что помѣщеніе ея въ Лавр. подъ 1128 г. представляется непонятнымъ. Правда, въ началѣ года сообщено: «Преставися князь Полотьскый Борисъ», но не могла же смерть этого Всеславича дать основаніе составителю Лаврентьевской предложить разсказъ о Всеславичахъ, смыслъ котораго—объяснить, почему потомки Рогволода взимаютъ мечъ противу Ярославлимъ внукомъ. Въ Воскресенской лѣтописи этотъ разсказъ помѣщенъ подъ тѣмъ же 6636 годомъ, при чемъ подогнанъ къ извѣстію: «Того же лѣта преставися Борисъ князь Всеславичь»; съ этой цѣлью послѣднее извѣстіе переставлено съ начала года на четвертое мѣсто. Но такое тѣсное соединеніе двухъ извѣстій скорѣе можно понять какъ стремленіе составителя Воскресенской осмыслить такъ или иначе появленіе вставки о Всеславичахъ [2]). Объясненіе, какъ попала эта вставка въ лѣтописный сводъ, находимъ въ слѣдующей статьѣ Воскресенской и Лаврентьевской лѣтописи, статьѣ 6637 года. Здѣсь читаемъ въ Воскресенской довольно пространно (и при томъ сходно съ Ипатьевскою, гдѣ соотвѣтствующая статья перенесена подъ 6648 годъ и пріурочена къ возвращенію двухъ изъ поточенныхъ Всеславичей) о томъ, что Мстиславъ поточилъ Полотскихъ князей съ

---

[1]) Подъ этимъ и слѣдующимъ 1194 годомъ въ Лавр. имѣются извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Переясл. и Радз.; между тѣмъ извѣстія 1194 года находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Ипат., пользовавшейся общерусскимъ лѣт. сводомъ начала XIV в.

[2]) Въ числѣ источниковъ Воскресенской была Троицкая (утраченная) лѣтопись, которая основывалась сама на Лаврентьевской (протографѣ Лаврентьевской).

женами и дѣтьми въ Царьградъ, «зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть ѣ въ Русскую землю въ помочь»; когда Мстиславъ окончилъ рать съ Половцами, онъ послалъ за Кривскими князьями (между прочимъ, за тремя Всеславичами: Давыдомъ, Ростиславомъ и Святославомъ) и поточилъ ихъ въ Царьградъ. Въ Лавр. кратко: «Въ то же лѣто поточи Мстиславъ князи Полотскыѣ Цесарюгороду, с женами и с дѣтьми». Отсюда заключаемъ, что вставка о Всеславичахъ, читаемая подъ 6636 годомъ, разъясняетъ сообщеніе 6637 года о поточеніи Всеславичей Мстиславомъ. Слѣдовательно, первоначально она читалась не подъ 6636, а подъ 6637 годомъ непосредственно за словами «и всаждавъ ихъ въ лодіи поточи ихъ ко Царюграду за ослушаніе ихъ, и по городомъ ихъ посажа мужи своя» (Воскр.). Отсюда дѣлаемъ дальнѣйшій выводъ: въ Лавр. вставка попала ошибочно подъ 6636 годъ не изъ того источника, къ которому восходитъ краткое извѣстіе 6637 года о поточеніи Всеславичей Мстиславомъ, а изъ другого—вспомогательнаго; краткое извѣстіе 6637 года мы въ правѣ возвести къ Ростовскому своду и далѣе къ Владимірскому своду, который, какъ извѣстно, сокращалъ соотвѣтствующія части Кіевской лѣтописи; слѣдовательно, вставка о Всеславичахъ, читаемая подъ 6636, можетъ восходить только къ общерусскому своду, ибо третій источникъ Лаврентьевской—Переяславская лѣтопись была въ общемъ весьма сходна съ Ростовскимъ (Владимірскимъ) сводомъ [1]). Выводъ нашъ подтверждается тѣмъ, что въ общерусскомъ сводѣ, по свидѣтельству Ипатьевской и Воскресенской [2]), статья о поточеніи Мстиславомъ Всеславичей была изложена въ полномъ видѣ подъ 6637 годомъ.

§ 184[3]. Итакъ, разсказъ о Всеславичахъ попалъ въ Лаврентьевскую изъ общерусскаго свода, а въ послѣдній, какъ можно думать въ виду уже высказанныхъ соображеній, изъ Новгородскаго владычняго свода 1167 года и далѣе изъ свода XI вѣка. Впро-

---

[1]) Воскресенская лѣтопись представляетъ соединеніе Троицкой лѣтописи съ Московскимъ сводомъ (основаннымъ на Софійской 1-й) и общерусскимъ сводомъ.

[2]) Въ Радзивиловскую вставка попала изъ Лаврентьевской. Имѣется рядъ указаній на то, что Радзивиловская представляетъ соединеніе лѣтописи Переяславля Суздальскаго съ Лаврентьевскою.

чемъ, рѣшаемся утверждать это только относительно первой части разсказа, сообщающей о сватовствѣ Владиміра на Рогнѣдѣ и о насильственномъ завладѣніи ею, ибо эта часть разсказа находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ, куда, какъ мы видѣли (§ 118), она попала изъ Новгородскаго свода; вторая часть, начинающаяся словами «и нарекоша ей имя Горислава, и роди Изяслава», восходитъ, повидимому, къ отдѣльному сказанію о Рогнѣдѣ. Сказаніе это было извѣстно составителю общерусскаго свода: ср. вставку словъ «та же убити его хотѣ, ножемъ зарѣзати» (§ 181), а также сообщеніе о крещеніи Рогнѣды (§ 181; Тверск. XV, 112—113). Возможно, въ виду этого, что и первая часть разсказа попала въ общерусскій сводъ изъ Новгородскаго свода не непосредственно, а путемъ сказанія о Рогнѣдѣ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что Новгородскимъ сводомъ для статьи о Рогнѣдѣ воспользовался не составитель общерусскаго свода, а составитель особаго сказанія о Рогнѣдѣ, попавшаго въ общерусскій сводъ. Для насъ это безразлично: намъ важно только отмѣтить, что первая часть разсказа о Рогнѣдѣ, попавшая изъ общерусскаго свода въ Лавр. лѣтопись подъ 6636 годомъ, восходитъ въ концѣ концовъ къ Новгородскому своду XI вѣка.

§ 184[4]. Самаго поверхностнаго сравненія этой первой части разсказа о Рогнѣдѣ съ той статьей, что читается въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ подъ 980 годомъ, достаточно для утвержденія, что обѣ статьи восходятъ къ одному источнику. Ср. общія фразы въ той и другой статьѣ: «Онъ же рече дъщери своей: хощеши ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полотьскъ»; ниже подъ 980: «и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ», а подъ 1128: «потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ». Въ виду этого признаю необходимымъ руководствоваться статьей 1128 года при возстановленіи текста соотвѣтствующей статьи свода XI вѣка. При этомъ даю предпочтеніе нѣкоторымъ чтеніямъ статьи 1128 года. Такъ сватовство черезъ Добрыню («и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера») представляется болѣе первоначальнымъ, чѣмъ сватовство самого Владиміра («и посла ко Роговолоду Полотьску, глаголя»): Начальный сводъ

имѣетъ въ виду взрослаго Владиміра, сидѣвшаго въ Новгородѣ на столѣ уже десятый годъ; между тѣмъ статья 1128 года указываетъ, что Владиміръ былъ во время сватовства Рогнѣды очень молодъ («дѣтьску сущю»). Предпочитаю признать для свода XI вѣка эту вторую точку зрѣнія, такъ какъ иначе Владиміръ обошелся бы безъ помощи Добрыни и въ походѣ противъ Рогволода (Нач. сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ и не упоминаютъ совсѣмъ о Добрынѣ), а между тѣмъ Добрыня не сходитъ со сцены въ статьѣ 1128 года и ниже: «идоста на Полтескъ»; Добрыня велѣлъ Владиміру быть съ Рогнѣдой въ присутствіи родителей.— Почему же въ Нач. сводѣ измѣненъ разсказъ, чѣмъ объяснить удаленіе имъ Добрыни?

Думаю, что прежде всего соображеніями хронологическими. Нач. сводъ отнесъ весь эпизодъ на 6488 (980) годъ, когда Владиміръ пошелъ на Ярополка; онъ оттѣнилъ этимъ то обстоятельство, что завладѣніе Рогнѣдой было въ сущности отнятіемъ невѣсты у Ярополка («в се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка»); но помѣщеніе этого эпизода подъ 6488 годомъ явно насильственно. Владиміру, вернувшемуся съ Варяжскою помощью изъ за моря и пославшему къ Ярополку объявленіе войны, совсѣмъ не кстати было затѣвать сватовство и отвлекать свои силы походомъ на Полотскъ. Это соображеніе заставило насъ (§ 118) признать эпизодъ съ сватовствомъ Рогнѣды вставкой въ текстѣ Древн. Кіевскаго свода; содержаніе вставки ведетъ насъ къ новгородскому источнику. Но гдѣ же въ Новгородскомъ сводѣ былъ помѣщенъ этотъ эпизодъ? Думаю, что непосредственно за предшествующимъ эпизодомъ (также перенесеннымъ изъ Новгородскаго свода въ Начальный сводъ)—эпизодомъ о добываніи новгородцами князя. Этотъ эпизодъ, помѣщенный въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6478 (970) годомъ, оканчивается словами: «и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду»; думаю, что непосредственнымъ его продолженіемъ являются тѣ слова, что читаются передъ эпизодомъ о добываніи Рогнѣды: «И сѣде въ Новѣгородѣ» (ср. 1128 перифраза: «и Володимеру сущю Новгородѣ»). Допустивъ это, мы поймемъ, почему разсказъ 1128 года сообщаетъ о Владимірѣ, что онъ былъ дѣтескъ, и почему Повѣсть вр. лѣтъ устранила изъ разсказа Добрыню, когда пе-

ренесла разсказъ на десять лѣтъ позже того, что изложенное событіе имѣло мѣсто по соображенію лица, внесшаго его въ сводъ; мы поймемъ далѣе, почему разсказъ 1128 года представляетъ Добрыню главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: таковымъ онъ былъ и въ предшествующемъ эпизодѣ.

Сопоставляя текстъ Новгородскаго свода, какъ онъ возстанавливается по статьѣ 1128 года, съ соотвѣтствующимъ текстомъ Начальнаго свода (Пов. вр. л.), видимъ, что при внесеніи въ кіевскій сводъ смягчены нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія черты: устранена дикая сцена надругательства надъ Рогнѣдой и ея родителями. Статья 1128 года окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что слова «а Туры Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася» вставлены составителемъ Нач. свода; далѣе—что имъ же вставлено: «в се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка»; наконецъ, что слова «собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи» относились первоначально не къ походу Владиміра на Полотскъ, а къ походу его на Ярополка (см. § 118).

ГЛАВА XI.

Данныя для возстановленія перваго Новгородскаго свода XI вѣка. Перечни князей и владыкъ Новгородскихъ.

§ 185. Мы привели рядъ данныхъ, ведущихъ къ возстановленію Новгородскаго свода XI вѣка. Они извлечены нами изъ свода 1167 года, отразившагося въ Синод. спискѣ, сводѣ 1448 г. и Ростовской компиляціи XV в. Кажется, найдутся еще данныя въ томъ же сводѣ 1167 года, которыя можно возвести къ своду XI вѣка. Судя по Синодальному списку, въ сводѣ 1167 года за разсказомъ о крещеніи Новгорода былъ помѣщенъ перечень великихъ князей кіевскихъ; мы разсмотрѣли выше этотъ перечень и пришли къ заключенію, что онъ составленъ именно въ 1167 году; за этимъ перечнемъ читается въ Синод. спискѣ еще другой—перечень князей новгородскихъ. Не восходитъ ли и этотъ перечень къ своду 1167 года (путемъ лѣтописи Германа Вояты)? Въ Синод. спискѣ онъ былъ, вѣроятно, доведенъ до Ивана Даниловича. Если онъ читался въ сводѣ 1167 года, то долженъ былъ оканчиваться въ немъ словами «и введоша опять Ро-

стиславича Святослава» (ср. въ текстѣ лѣтописи подъ 1161—6669: «а Святослава въвѣдоша опять на всѣй воли его, сентября въ 28»), такъ какъ Святославъ Ростиславичъ сидѣлъ въ Новгородѣ до 1167 года, когда онъ, приблизительно около 1 сентября, удалился изъ Новгорода. Какъ мы знаемъ, текстъ Синод. списка въ соотвѣтствующей части утраченъ; онъ дошелъ до насъ въ Новгор. 1-й (подъ 989 г.) и въ сводѣ 1448 года (ср. въ приложеніяхъ къ Комм. списку Новгор. 1-й и къ лѣтописи Авраамки). Анализъ текста интересующаго насъ перечня по названнымъ памятникамъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣйствительно основная часть его доходила до приведенныхъ словъ. До приведенныхъ словъ видимъ въ перечнѣ одинъ пріемъ, а послѣ нихъ другой; до этихъ словъ, начиная именно съ княженія Мстислава Владиміровича, перечень указываетъ, сколько времени каждый князь сидѣлъ на новгородскомъ столѣ [1]); между тѣмъ за этими словами нѣтъ почти ни одного хронологическаго указанія [2]). Итакъ помимо общихъ соображеній о составѣ Синод. списка, источника его—лѣтописи Вояты и источника послѣдней—свода 1167 года, мы изъ самого текста перечня извлекаемъ указаніе на то, что онъ доходилъ нѣкогда только до второго княженія Святослава Ростиславича.

На основаніи какихъ же данныхъ составленъ перечень составителемъ свода 1167 года? Имѣя въ виду, что въ части, соотвѣтствующей времени отъ ухода Мстислава въ Кіевъ и оставленія имъ въ Новгородѣ сына Всеволода (6625), перечень строго

[1]) Исключеніе составляетъ только первое княженіе Святослава Ростиславича, сидѣвшаго въ Новгородѣ первый разъ два года (1158—1159).— Что до княженія Ростислава Юрьевича, то о немъ сказано неопредѣленно: „и по малѣ времени пріиде Святополкъ, и показаша путь Ростиславу"; по лѣтописи Ростиславъ сидѣлъ въ 6650 году въ Новгородѣ меньше года, всего четыре мѣсяца. Давыдъ Ростиславичъ пробылъ въ Новгородѣ не болѣе одного-двухъ мѣсяцевъ.—Отмѣтимъ еще ошибочныя данныя, явившіяся слѣдствіемъ неоднократной переписки: Святополкъ Мстиславичъ сидѣлъ не „лѣто", а лѣтъ 6 (6650—6656); Ярославъ Изяславичъ сидѣлъ не „лѣто", а лѣтъ 6 (6656—6662).

[2]) Исключеніе составляютъ указанія на то, что Дмитрій Александровичъ, а затѣмъ Михаилъ Александровичъ сидѣли по три мѣсяца (послѣдній: 3 мѣсяци неполны).

согласованъ съ данными лѣтописными, заключаемъ, что онъ составленъ по тѣмъ же даннымъ, что сводъ 1167 года, т.-е. по погоднымъ записямъ Софійской владычней лѣтописи (ошибки оговорены выше въ примѣчаніи). Напротивъ, въ части до 6625 года перечень не всегда находитъ себѣ соотвѣтствіе въ данныхъ Синод. списка. Привожу эту часть перечня:

«А се в Новѣгородѣ: пръвый князь по крещеніи Вышеславъ, сынъ Володимерь; и по немъ братъ его Ярославъ, и володѣше землею; и идя къ Кыеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сей грамотѣ ходите». И по преставленіи Володимеровѣ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мьстислава; и побѣдиша и на Черехи; бѣжа къ Кыеву, и по взятьи города преста рать. И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдь; а Святополкъ сѣде на столѣ, сынъ Изяславль, (и) иде Кыеву. И присла Всеволодъ внука своего Мьстислава, сына Володимиря; и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову, а Давидъ пріиде к Новугороду княжить; и по двою лѣту выгнаша и. И пріиде Мьстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣтъ».

§ 186. Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, откуда заимствованы въ перечень приведенныя въ немъ данныя, отмѣтимъ соотвѣтствующія имъ мѣста въ Новгородской 1-й, въ Новгородскомъ сводѣ 1448 (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) и въ Повѣсти вр. лѣтъ.

Для перваго извѣстія ср. Новг. 1-ю младш. извода и Повѣсть вр. лѣтъ подъ 988: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ... Умеръшю же старѣйшему Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ».—Далѣе въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6526 упоминается новгородскій посадникъ Константинъ Добрыничь.—Въ сводѣ 1448 г. кромѣ того подъ 6527 читаемъ: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новѣгородѣ, и разгнѣвася нань великый князь Ярославъ, и поточи и́ въ Ростовъ».—Въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6544: «и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ», при чемъ сводъ 1448 г. прибавляетъ: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотѣ дадите дань».—Подъ 6586 Повѣсть вр. лѣтъ и Новгор.

1-я сообщаютъ объ убіеніи Глѣба Святославича въ Заволочія (за Волокомъ).—Подъ тѣмъ же годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «Сѣдящю Святополку в него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю».—Подъ 6596 въ Повѣсти вр. лѣтъ: «иде Святополкъ изъ Новагорода к Турову жити».—Подъ 6603 въ Новгор. 1-й: «Иде Святопълкъ и Володимиръ на Давида Смольньску, и вдаша Давиду Новъгородъ»; напротивъ, въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ тѣмъ же годомъ: «Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь изъ Новагорода Смолиньску; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: не ходи к намъ; и пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде».

§ 187. Отсюда видно, что дошедшіе до насъ своды содержатъ далеко не всѣ извѣстія, сообщенныя въ перечнѣ, читавшемся въ сводѣ 1167 года. Въ нихъ нѣтъ указанія на то, что Ярославъ, идя къ Кіеву (очевидно, въ 1016 году), посадилъ въ Новгородѣ Константина Добрынича; далѣе, что у Ярослава, очевидно, до 1020 (когда родился Владиміръ) родился сынъ Илья и что отецъ посадилъ его въ Новгородѣ, гдѣ онъ умеръ; нѣтъ далѣе указанія на то, что въ Новгородѣ посаженъ в. княземъ Изяславомъ сынъ его Мстиславъ (повидимому, послѣ 6568 года, когда, согласно Новгор. своду 1448, Изяславъ былъ въ Новгородѣ); нѣтъ извѣстія о пораженіи Мстислава на Черехѣ и бѣгствѣ его въ Кіевъ: дѣло идетъ, очевидно, о событіяхъ 6575 года, когда Новгородъ былъ взятъ Всеславомъ (въ 6577 видимъ Мстислава въ Кіевѣ); ср. «и по взятьи города преста рать»; нѣтъ далѣе указанія на то, что Святославъ посадилъ въ Новгородѣ сына своего Глѣба (вѣроятно, въ 6577), хотя о князѣ новгородскомъ Глѣбѣ Святославичѣ Повѣсть вр. лѣтъ упоминаетъ подъ 6579, а Новгородская 1-я и подъ 6579 и подъ 6577; равнымъ образомъ въ нихъ не указано, что Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новгорода и былъ убитъ за Волокомъ именно Чюдью; не упомянутъ въ нихъ и фактъ присылки Всеволодомъ въ Новгородъ внука Мстислава (очевидно, въ 6596, за семь лѣтъ до 6603); не указано и то, что Мстиславъ послѣ пятилѣтняго княженія (слѣдовательно, въ 6601) удалился въ Ростовъ и что его мѣсто занялъ Давыдъ Святославичъ (6601—6603).

§ 188. Всѣ эти подробности, ускользнувшія отъ составителей Начальнаго свода и Повѣсти вр. лѣтъ, частью, быть можетъ, не включенныя также въ сводъ 1167 года, заимствованы въ перечень, очевидно, изъ письменнаго источника. Въ распоряженіи сводчика 1167 года, составившаго этотъ перечень, было два источника: Кіевская лѣтопись и Новгородскій владычній сводъ. Данныя перечня не могли читаться въ Кіевской лѣтописи, и ихъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ; слѣдовательно, они заимствованы изъ владычняго свода. Нашъ выводъ согласуется вполнѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отдѣльныя выраженія перечня совпадаютъ съ текстомъ тѣхъ дополнительныхъ извѣстій свода 1448 года, которыя заимствованы имъ изъ владычняго свода (см. выше). Ср. сообщеніе о гнѣвѣ Ярослава на посадника Константина и о заточеніи Константина, извѣстіе о грамотѣ, данной Ярославомъ новгородцамъ.

Отмѣтимъ еще одно обстоятельство: первыя хронологическія опредѣленія въ разсматриваемомъ перечнѣ относятся къ княженіямъ Мстислава Владиміровича (5 лѣтъ) и Давыда Святославича (2 года). Княженія ихъ предшественниковъ не опредѣлены годами; напротивъ, княженія всѣхъ послѣдующихъ князей опредѣлены перечнемъ хронологически (см. выше). Не служитъ ли это указаніемъ на то, что изъ древнѣйшей части владычняго свода,— а составленіе этой части мы относили выше къ XI вѣку,—нельзя было извлечь точныхъ хронологическихъ указаній?

§ 189. Кромѣ перечня князей новгородскихъ, въ Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода читался, повидимому, и перечень посадниковъ (ср. этотъ перечень въ Новгородской 1-й младшаго извода, подъ 6497). Быть можетъ, начало перечню положено сводомъ 1167 года. Во всякомъ случаѣ имена посадниковъ извлечены изъ лѣтописи. Между тѣмъ дошедшая до насъ Новгородская 1-я лѣтопись оказывается недостаточною для опредѣленія всѣхъ посадниковъ. Такъ въ ней нѣтъ именъ трехъ старшихъ посадниковъ: Гостомысла, Константина, Остромира. Всѣ три имени, какъ мы знаемъ, имѣются въ Новгородскомъ сводѣ 1448 года въ извѣстіяхъ, извлеченныхъ, согласно предыдущему, черезъ посредство общерусскаго свода 1423 изъ владычняго новгородскаго свода (ср. въ Новгор. 4-й и Соф. 1-й:

вводныя статьи, далѣе 6527 и 6554 годы). Это указываетъ на то, что перечень посадниковъ руководствовался въ древнѣйшей своей части тѣмъ же владычнимъ сводомъ.

§ 190. Дошедшіе до насъ списки новгородскихъ владыкъ, изложенные съ хронологическими опредѣленіями, восходятъ къ редакціи, помѣщенной въ приложеніяхъ къ Соф. временнику. Отсюда списокъ перешелъ въ приложенія къ Новгор. своду 1448 года (ср. Новгор. 4-ю, Комм. списокъ Новгор. 1-й, лѣтопись Авраамки и др.). Существеннаго противъ того, что мы знаемъ о древнѣйшихъ событіяхъ по Новгородской 1-й младш. извода и сводамъ 1423 и 1448 г., мы въ этихъ спискахъ не находимъ. При именахъ епископовъ даны годы ихъ владычества:,въ сводахъ 1423 и 1448 годовъ даны лишь годы владычества Луки Жидяты; здѣсь же имѣемъ еще годы владычества Іаокима—42, Стефана—8, Θеодора—9, Германа—18. Сходно со сводомъ 1423 и 1448 года день смерти указанъ только для Луки (15 октября), при чемъ отмѣчено и мѣсто его погребенія—«за святою Софьею в Новѣгородѣ». Кромѣ этой подробности (въ предѣлахъ XI вѣка) находимъ еще слѣдующее: вмѣсто краткаго сообщенія о преставленіи Θеодора въ 6585 году, читаемъ: «А Феодора свой песъ уяде, и с того умре», ср. то же въ разсмотрѣнной выше Рост. компиляціи (Тверск. сб.), а о смерти Германа сказано, что онъ «преставися въ Киевѣ», между тѣмъ какъ своды 1423 и 1448 годовъ не сообщали совсѣмъ объ его смерти (случившейся, повидимому, въ 6604 году). Думаю, что всѣ эти данныя извлечены изъ владычняго свода: составитель списка руководствовался именно имъ, а не извѣстными намъ лѣтописями.

§ 191. Остановлюсь еще на одной позднѣйшей компиляціи, въ основаніи своемъ представляющейся сокращеніемъ Новгородскаго свода 1448 года, дополненнымъ по хронографу. Эта компиляція въ части до 6817 дошла до насъ между прочимъ въ лѣтописи Авраамки. Здѣсь подъ 6506 годомъ читаемъ: «В Новѣгородѣ владыка Акимъ уряди себѣ монастырь Десятинный, а святую Софѣю заложи дубову конець Пискупли улици надъ Вольховомъ и сверши ю о двунадцати версѣхъ». Думаю, что въ источникѣ лѣтописи Авраамки—въ названной выше компиляціи—читалось не «монастырь Десятинный» (который, какъ

извѣстно, возникъ только въ XIV в.), а «церковь Іоакима и Анны», и что слова «монастырь Десятинный» попали съ полей, гдѣ они стояли при предшествующемъ извѣстіи: «Заложи Володимѣръ церковь святую Богородицу первозданную и манастырь» (дѣло идетъ о Десятинной церкви) [1]). Первоисточникомъ является Хронографъ. Правда, въ редакціи 1512 года этого извѣстія нѣтъ, но оно могло быть въ старшей редакціи; ср. въ особенности ошибочную хронологію (6506 вм. 6497), характерную для Хронографа (гдѣ напр. освященіе Печерской церкви отнесено на 6607 годъ вм. 6597 г.). Хронографъ извлекъ это извѣстіе изъ общерусскаго митрополичьяго свода, а послѣдній заимствовалъ его изъ Софійскаго владычняго свода, которымъ онъ, конечно, пользовался въ числѣ прочихъ источниковъ. Ср. въ Лѣтописцѣ церквамъ Божьимъ (извѣстномъ по позднимъ спискамъ): «*И* в лѣто 6497-го постави владыка первый епископъ Іоакімъ первую церковь каменную богоотецъ Іоакіма и Анны; в той же церкви и служили до Софіи». Отсюда получаемъ основаніе возвести къ владычнему своду слѣдующую замѣтку:

«*И* уряди себѣ Акимъ церковь богоотець Іоакима и Анны, а святую Софию заложи дубову конець Пискупли улици надъ Волховомъ и сверши ю о 13 версѣхъ» [2]).

ГЛАВА XII.

Житіе Антонія, какъ источникъ Начальнаго свода конца XI вѣка и общерусскаго свода 1423 года.

§ 131[1]. Утраченное уже въ XVI вѣкѣ или, по крайней мѣрѣ, не отыскивавшееся въ семидесятыхъ годахъ этого вѣка въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, Житіе Антонія принадлежитъ къ памятникамъ глубокой древности. Въ XIII вѣкѣ оно было хорошо

---

[1]) Ср. ниже въ Супр. спискѣ: „Свершиша м а н а с т ы р ь святую Богородицю“, вмѣсто чего въ лѣт. Авраамки болѣе древнее чтеніе „мастеры“. Во всякомъ случаѣ въ обоихъ извѣстіяхъ „манастырь“ ошибочно замѣнило слово „мастеры“.

[2]) Въ Хронографѣ 13 было поправлено на 12 — здѣсь, какъ и ниже подъ 6550, въ сообщеніи о пожарѣ св. Софіи. Ср. въ общерусскомъ сводѣ подъ 6557: „имущи вьрхъ 13“.

извѣстно составителямъ Печерскаго патерика Симону, и Поликарпу: оба ссылаются на него и черпаютъ изъ него данныя, относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ жизни Печерскаго монастыря. Чтобы дать представленіе о содержаніи и составѣ Житія Антонія, необходимо просмотрѣть всѣ ссылки на него въ твореніяхъ Симона и Поликарпа.

1. Сказавъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу о томъ, что многіе изъ иноковъ Печерскихъ удостоились епископскаго сана и указавъ на Леонтія, епископа Ростовскаго, Симонъ продолжаетъ: «Илариона же митрополита и самъ челъ еси въ житіи святаго Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ» (ср. изд. Яковлева, с. 90).—2. Въ концѣ статьи, озаглавленной «Что ради имѣти тщаніе и любовь къ преподобнымъ отцемъ Антонію и Θеодосію Печерскимъ» Симонъ, судя по Арсеньевской редакціи патерика (Берсеневскому списку), говорилъ: «и сего дѣля азъ грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю и плачуся и желаю тамо ми скончанія, да быхъ точію положенъ былъ въ божественнои тои персти и малу отраду пріялъ быхъ многыхъ ми грѣховъ. И ина такова обрящеши, брате Поликарпе, въ житии святаго Антоніа. Къ нему же пріиде отъ Киева нѣкто хотя быти чернець», и далѣе разсказывалось о преп. Евстратіи (изд. Яковлева, 93).—3. Въ словѣ о святомъ Аѳанасіи затворникѣ Симонъ, разсказавъ объ исцѣленіи Вавилы отъ мощей св. Аѳанасія, продолжаетъ: «аще ли кому не вѣрно мнитъ написаное се, да почтетъ житіе святаго Антоніа отца нашего, начальника Рускымъ минихомъ, и да вѣруетъ» (изд. Яковлева, 99).—4. Разсказавъ въ словѣ о созданіи церкви о чудѣ, бывшемъ при основаніи каменной церкви Печерской, причемъ на мѣсто, выбранное для закладки, сошелъ небесный огонь, Симонъ замѣтилъ: «въ житіи святаго Антоніа сего пространнѣе обрящеши, въ Θеодосіевѣ же житіи всѣмъ явлена суть, како столпъ огненъ явися отъ земля и до небеси; овогда же облакъ, иногда же аки дуга отъ верха оноя церкви на сіе мѣсто, многажды же и иконѣ приходити, ангеломъ ту носящимъ, на хотящее быти мѣсто» (изд. Яковлева, 119).—5. Въ концѣ слова объ Агапитѣ безмездномъ врачѣ Поликарпъ, обращаясь къ архимандриту Акиндину, выражаетъ готовность написать о чудотвореніи, воздержаніи,

послушанія преподобныхъ отцовъ Печерскихъ, для того, чтобы оставить это на пользу сущимъ по насъ, «якоже блаженый Нестеръ в лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ, о Дамьянѣ, Іеремѣи и Матфеѣ и Исакіи. Въ житіи святаго Антонія вся житія ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена, но паче о преже реченыхъ черноризцихъ [1]) явно реку, а не въ таинѣ; аще бо азъ премолчю, отъ меня до конца забвена будеть и тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни; се же речеся въ 15 (варіантъ: въ 12) лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновенія 100 и 60 лѣтъ, нынѣ же твоея ради любве оутаенная слышана быша» (изд. Яковлева, 135—136).—6. Разсказавъ о подвижнической жизни Моисея Угрина, Поликарпъ говоритъ: «се же и въ житии святаго отца нашего Антонія вписано есть о семъ Моисии, како прииде и скончася в добрѣ исповѣданіи о Господѣ, пребывъ 10 лѣтъ въ манастыри, 5 лѣтъ въ плѣнѣ страдавъ окованъ, 6 лѣтъ за чистоту страдавъ въ страсти» (Берсен. сп.) [2]).—7. Въ сказаніи о Θедорѣ и Василіи Поликарпъ влагаетъ въ уста Θедора, поставленнаго на судъ передъ княземъ Мстиславомъ Святополковичемъ, который спросилъ его, много ли въ найденномъ имъ сокровищѣ волота, серебра и сосудовъ и извѣстно ли, кѣмъ оно сокрыто въ пещерѣ, слѣдующія слова: «въ житіи святаго Антонія повѣдаеться, Варяжскіи поклажая есть, понеже съсуди Латиньстіи суть, и сего ради Варяжская печера зовется и до нынѣ, злата же и сребра бесчислено множество».

§ 191[2]. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ Симона и Поликарпа видно, что Житіе Антонія содержало разсказы о нѣсколькихъ отцахъ Печерскихъ, пріобрѣтшихъ славу и признаніе своими чудесами и благочестивою своею жизнью. Между прочимъ въ немъ излагалась исторія Моисея Угрина: Поликарпъ сообщаетъ о томъ, что Житіе Антонія разсказывало о прибытіи Моисея въ мона-

---

[1]) Такъ слѣдуетъ, быть можетъ, исправить вмѣсто: „но паче преже реченіи черноризци".

[2]) Въ Кассіановскихъ редакціяхъ послѣднія слова нѣсколько измѣнены: „а въ плѣненіи страдавъ въ юзахъ лѣтъ 5, шестое же лѣто за чистоту терпя страсти"; кромѣ того выше, вмѣсто словъ „како прииде": „бѣ бо пришелъ блаженыи во дни святаго Антоніа" (изд. Яковлева, с. 151).

*

стырь послѣ продолжительнаго томленія въ плѣну. Симонъ, говоря объ исцѣленіи Вавилы отъ мощей св. Аѳанасія и ссылаясь на житіе Антонія, имѣлъ, конечно, въ виду случай исцѣленія блудной похоти отъ приложенія къ тѣлу кости отъ мощей преп. Моисея, тотъ случай, о которомъ разсказываетъ Поликарпъ въ своемъ словѣ объ Іоаннѣ затворникѣ; слѣдовательно, Житіе Антонія разсказывало и о чудесахъ, сотворенныхъ Моисеемъ Угриномъ послѣ своей смерти, и содержало повѣствованіе о Іоаннѣ затворникѣ, заимствованное изъ него Поликарпомъ. Кромѣ того, Житіе Антонія говорило и о другихъ Печерскихъ угодникахъ, по ясному указанію того же Поликафпа. Наконецъ, оно сообщало и о древнѣйшихъ событіяхъ, связанныхъ съ судьбою Печерской обители: между прочимъ о прибытіи къ Антонію Иларіона и его постриженія; оно говорило и о какой-то Варяжской пещерѣ, гдѣ, повидимому, поселился преп. Антоній; съ особенною подробностью разсказывалось въ немъ объ основаніи и построеніи церкви св. Богородицы Печерской.

Одна изъ ссылокъ на Житіе Антонія Поликарпа даетъ основаніе предположить, что это житіе написано за 160 лѣтъ до того времени, какъ за свой трудъ принялся Поликарпъ. Это указаніе мы не рѣшаемся принимать въ буквальномъ его смыслѣ; полагаемъ, что 160 лѣтъ выставлено Поликарпомъ въ томъ предположеніи, что Житіе Антонія составлено въ годъ его смерти, которая по нѣкоторымъ даннымъ имѣла мѣсто въ 1072 или 1073 году. Весьма возможно, что Поликарпъ писалъ около 1230 года, и такимъ образомъ у него получилось представленіе о 160 годахъ, протекшихъ со времени появленія Житія Антонія. Не отрицая возможности того, что Житіе Антонія дѣйствительно появилось въ семидесятыхъ годахъ XI столѣтія, считаемъ болѣе вѣроятнымъ отнести его къ нѣсколько позднѣйшему времени, когда личность Антонія и событія 1072—1073 гг. (постройка храма) уже успѣли стать легендарными.

1.

§ 193³. Житіе Антонія оказало весьма значительное вліяніе на русскую лѣтопись, благодаря тому, что лѣтописный сводъ, легшій въ основаніе всего послѣдующаго лѣтописанія, былъ со-

ставленъ въ Печерскомъ монастырѣ. Этотъ лѣтописный сводъ, называемый мною Начальнымъ сводомъ, появился около 1095 года. Намъ уже пришлось указывать на нѣсколько заимствованныхъ изъ Житія Антонія въ него статей. Считаемъ цѣлесообразнымъ повторить здѣсь эти указанія.

Въ § 60 указано, что въ Древнѣйшемъ сводѣ не былъ названъ по имени слуга Борисовъ, рѣшившійся защитить собой тѣло своего господина; въ Начальномъ сводѣ онъ названъ Георгіемъ, причемъ указано, что онъ былъ родомъ Угринъ, что его очень любилъ Борисъ, возложившій на него большое золотое ожерелье; при этомъ сообщено, что вмѣстѣ съ Георгіемъ были убиты и многіе другіе слуги; трупъ Георгіевъ былъ обезглавленъ для того, чтобы снять съ шеи его ожерелье; голова была отдѣлена отъ туловища; поэтому тѣло Георгія не могло быть найдено среди труповъ. Мы доказывали, что все это заимствовано Начальнымъ сводомъ изъ сказанія о Моисеѣ Угринѣ, содержавшагося въ Житіи Антонія, и ссылались при этомъ на то, что въ Поликарповомъ сказаніи о Моисеѣ Угринѣ приведенъ весь этотъ эпизодъ, причемъ указано, что Георгій былъ братомъ Моисея. Возражая противъ возможнаго предположенія, что связь Моисея Угрина съ Георгіемъ придумана Поликарпомъ на основаніи общаго происхожденія ихъ, не допуская того, чтобы Поликарпъ заимствовалъ разсказъ объ убіеніи Георгія изъ лѣтописи, мы указывали на то, что этотъ эпизодъ не является случайною и позднѣйшею вставкою въ разсказъ о Моисеѣ Угринѣ: Поликарпъ сообщаетъ, что Моисей спасся одинъ отъ бывшаго на Альтѣ избіенія и пришелъ къ Предславѣ, сестрѣ Ярослава; онъ пребывалъ у ней до тѣхъ поръ, пока Ярославъ не побѣдилъ Святополка; но Святополкъ бѣжалъ въ Ляхи и придя оттуда съ Болеславомъ, изгналъ Ярослава и сѣлъ въ Кіевѣ; Болеславъ вернулся въ Ляхи и взялъ съ собой обѣихъ сестеръ Ярослава, а также и бояръ его, а съ ними и блаженаго Моисея. Такимъ образомъ весь разсказъ о началѣ подвижничества Моисея тѣсно связанъ съ указаннымъ эпизодомъ; близость Моисея къ Борису (онъ былъ его отрокомъ) связала его судьбу съ Предславой, къ которой онъ бѣжалъ послѣ убіенія Бориса и съ которою онъ попалъ въ плѣнъ къ Болеславу. Правда, ни Начальный сводъ (Повѣсть вр. л.), ни Поликарпъ не говорятъ о томъ,

что одною изъ обѣихъ сестеръ Ярослава, взятыхъ въ плѣнъ Болеславомъ, была именно Предслава, но, какъ увидимъ, Житіе Антонія сообщало объ этомъ совершенно опредѣленно.

Отмѣченная нами связь Моисея Угрина съ Предславой даетъ намъ основаніе думать, что Житіе Антонія послужило источникомъ, если не прямо, то косвенно, для тѣхъ двухъ вставокъ Начальнаго свода, о которыхъ мы говорили въ § 56: въ первой вставкѣ, сдѣланной въ текстъ, восходящій къ Древнѣйшему своду, читаемъ: «в се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка»; вторая вставка сдѣлана въ текстъ Новгородскаго свода XI вѣка (§ 162): «в ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передъславы си: отець ти умерлъ» и т. д.; вставкой мы признали слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы». Высказываемъ предположеніе, что Житіе Антонія приписывало Предславѣ активную роль въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, и ставимъ это наше предположеніе въ связь съ дальнѣйшимъ указаніемъ, извлекаемымъ изъ общерусскаго свода 1423 года.

§ 191[4]. Мы не рѣшились бы утверждать такъ опредѣленно, что вставки о Георгіи Угринѣ и о Предславѣ заимствованы составителемъ Начальнаго свода изъ разсказа о Моисеѣ Угринѣ, читавшагося въ Житіи Антонія, если бы не могли доказать на одной изъ статей Начальнаго свода, что послѣдній имѣлъ дѣйствительно въ числѣ источниковъ разсказъ о Моисеѣ Угринѣ. Мы читаемъ въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. л.) подъ 6538 (1030) годомъ: «В се же время умре Болеславъ Великый въ Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьстѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь». Мѣсто это сближается съ слѣдующимъ отрывкомъ въ Поликарповомъ сказаніи о Моисеѣ Угринѣ: «Въ едину убо нощь Болеславъ напрасно умре; и бысть мятежь великъ въ всей Лядской землѣ и въставше людіе избиша епископы своя и бояры своя, якоже и в лѣтописци новѣдаеть, тогда и сію жену убиша». Возможно, что Поликарпъ заимствовалъ приведенное извѣстіе изъ лѣтописца, хотя ссылка его на послѣдній можетъ быть истолкована такъ, что объ этомъ мятежѣ говоритъ не только Житіе Антонія (гдѣ было впи-

само житіе Моисея), но и лѣтописецъ. Обращаю вниманіе на другое обстоятельство—на соотвѣтствіе обоихъ извѣстій (о смерти Болеслава и о мятежѣ въ Польской землѣ) въ ихъ послѣдовательности исторической дѣйствительности и на хронологическое опредѣленіе обоихъ событій, въ нихъ изложенныхъ.

Бѣлёвскій въ своемъ изданіи Несторовой лѣтописи, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, отмѣтилъ, что Несторъ не означаетъ точно года смерти Болеслава, а говоритъ о ней неопредѣленно, что она имѣла мѣсто «в се же время» (Болеславъ умеръ 3-го апрѣля 1025 года); годъ, поставленный Несторомъ въ началѣ статьи, относится, по мнѣнію Бѣлёвскаго, скорѣе къ мятежу, описанному здѣсь: онъ дѣйствительно случился вскорѣ послѣ смерти Болеслава и притомъ около 1030 года [1]). Этотъ мятежъ есть основаніе относить къ 1031 году, когда король Мешко долженъ былъ бѣжать, угрожаемый возстаніемъ [2]); впрочемъ, польскіе источники даютъ основаніе думать, что русская статья имѣла въ виду другой, еще болѣе поздній по времени мятежъ, случившійся уже по смерти Мешка, въ 1034 году, во время малолѣтства Казимира [3]).

Итакъ, съ одной стороны, Начальный сводъ (Повѣсть вр. л.), а съ другой, Поликарпово сказаніе о Моисеѣ Угринѣ установили одинаково связь между двумя событіями, на самомъ дѣлѣ между собою не связанными: между смертью Болеслава и мятежомъ въ Польской землѣ. Спрашиваемъ, гдѣ было умѣстнѣе возникнуть

---

[1]) Monumenta Poloniae historica, I, 857.

[2]) Bobrzyński, Dzieje Polski, I,[2] 118.

[3]) Bobrzyński, l. c. 118—119. Bielowski, l. c. Соотвѣтствующее мѣсто въ хроникѣ Галла изложено такъ: Et cum tantam iniuriam et calamitatem ab extraneis Polonia pateretur, absurdius tamen adhuc et abominabilius a propriis habitatoribus vexabatur. Nam in dominos servi, contra nobiles liberati, se ipsos in dominium extulerunt... insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignius peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt (l. I, c. 18 et 19). Длугошъ относитъ этотъ мятежъ къ 1037 году. Объ этомъ же мятежѣ вспоминала жена Изяслава (сестра Казимира, дочь Мешка) въ Житіи Ѳеодосія: „яко такоже бысть въ странѣ нашеи; отбѣжавшимъ нѣкоея ради бѣды чернцемъ, много зла створися ихъ ради въ земли тои“.

этой связи: въ лѣтописи или въ разсказѣ о Моисеѣ Угринѣ? Въ лѣтописи—связь эта случайна и необъяснима; въ разсказѣ же о Моисеѣ Угринѣ идетъ послѣдовательное развитіе слѣдующихъ событій: плѣненія Моисея Болеславомъ, мученій Моисея, доставшагося нѣкоей польской госпожѣ, постриженія Моисея монахомъ Святой Горы, жалобы на Моисея, принесенной госпожой его Болеславу; «Болеславъ же усрамися величества жены и любве первыя потакви ей творя, въздвиже же гоненіе веліе на черноризци и изгна вся отъ области своея [1]). Богъ же сътвори отмщеніе рабомъ своимъ вскорѣ»; Божіе отмщеніе выразилось во внезапной смерти Болеслава и въ мятежѣ, наступившемъ въ Польской землѣ. Отсюда ясно, что въ сказаніи о Моисеѣ Угринѣ оба событія—смерть Болеслава и мятежъ поставлены въ тѣсную и прямую связь между собой самымъ ходомъ всего разсказа. Уже поэтому признаю, что Поликарпъ заимствовалъ извѣстія о смерти Болеслава и мятежѣ не изъ лѣтописи, гдѣ связь между ними случайная, а изъ Житія Антонія. Датировка этихъ событій въ лѣтописи рѣшительно подтверждаетъ наше заключеніе.

По сообщенію Патерика Моисей страдалъ «въ плѣненіи въ юзахъ лѣтъ 5, шесть же лѣтъ за чистоту» (ср. выше, § 191[1]); слѣдовательно, онъ пробылъ въ Польшѣ всего 11 лѣтъ; на двѣнадцатый годъ онъ освободился послѣ убіенія мучившей его госпожи. Но онъ, по словамъ того же Патерика, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ сестрами Ярослава въ 6526 (1018) году; слѣдовательно, онъ освободился изъ плѣна въ 6538 году (1030 году). Въ полномъ согласіи съ этимъ стоитъ то обстоятельство, что въ спискахъ Кассіановской 2-й редакціи Патерика годъ прибытія Моисея въ Кіевъ опредѣляется 6539 (1031) годомъ. Итакъ, 6538 годъ, подъ которымъ сообщено о смерти Болеслава и мятежѣ въ Польской землѣ, опредѣленъ составителемъ Начальнаго свода по письменному источнику; таковымъ могло быть именно Житіе Антонія. Другое объясненіе совпаденія лѣтописнаго расчета (6538—6526) съ расчетомъ Патерика (Моисей былъ въ

---

[1]) Итакъ вотъ на какое изгнаніе черицовъ изъ Польской земли намекала въ Житіи Θеодосія жена Изяслава. Поликарпъ дѣлаетъ соотвѣтствующую ссылку на Житіе Θеодосія.

плѣну одиннадцать лѣтъ), а именно признаніе, что Поликарпъ основалъ свой расчетъ на лѣтописи, не можетъ быть принято, ибо при такомъ объясненіи останется непонятнымъ, во-первыхъ, какъ явилось въ лѣтописи пріуроченіе смерти Болеслава и мятежа въ Польской землѣ къ 6538 году, во-вторыхъ, почему оба эти событія, отдѣленныя другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ, на шесть, а вѣроятнѣе и на девять лѣтъ, приведены въ лѣтописи рядомъ подъ однимъ годомъ [1]).

§ 191[5]. Утвердившись такимъ образомъ въ мысли, что Житіе Антонія послужило источникомъ для Начальнаго свода, мы укажемъ въ этомъ сводѣ еще на одну статью, обязанную своимъ происхожденіемъ или точнѣе своимъ составомъ тому же Житію. Это Сказаніе, что ради зоветься Печерскый монастырь, помѣщенное въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ) подъ 6559 (1051) годомъ. Въ этомъ Сказаніи, если въ особенности сопоставимъ его съ другими свидѣтельствами о началѣ Печерскаго монастыря, увидимъ вліяніе Житія Антонія; вліяніе это, какъ можно думать, обязано извѣстной переработкѣ Сказанія, изложеннаго первоначально въ иной редакціи, не тожественной съ тою, въ которой мы читаемъ его въ Начальномъ сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ). Приведемъ доказательства.

Сказаніе сообщаетъ о томъ, что, когда «увѣданъ бысть всѣми

---

[1]) Предполагаю, что въ Житіи Антонія читалось такъ же, какъ въ обѣихъ Кассіановскихъ редакціяхъ: „страдавъ въ юзахъ лѣтъ 5, шестое же лѣто за чистоту терпя страсти“; ср. выше въ рѣчи госпожи Моисѣевой къ Болеславу: „и не довольно бысть ему 5 лѣтъ оковану быти отъ плѣнившаго его, отъ него же искупихъ его, и шестое лѣто пребысть у мене и много мучимъ бысть отъ мене за преслушаніе, еже самъ на ся привлече, по жестокосердію своему, нынѣ же постриженъ бысть отъ нѣкоего черноризца“. Составитель Нач. свода прочелъ 6-е лѣто какъ 6 лѣтъ и на этой ошибкѣ основалъ свой расчетъ. Точно такъ же ошибочно прочелъ 6-е лѣто какъ 6 лѣтъ составитель Берсеневскаго списка Патерика. Такъ же ошибочно прочло то лицо, что вставило 6539 годъ, для обозначенія года прибытія Моисея къ Антонію, въ текстъ Кассіановской 2-й редакціи Патерика. Житіе Антонія, сообщая о томъ, что Болеславъ умеръ въ 6-й годъ послѣ плѣненія Моисея, стояло, слѣдовательно, близко къ дѣйствительности, ибо 6533 (1025) годъ является седьмымъ годомъ послѣ 1018-го.

великый Антоний и чтимъ», «начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я». По свидѣтельству Несторова Житія Θеодосія Антоній не самъ постригалъ братью, а поручалъ это «великому Никону, прозвутеру тому сущю и черноризцу искусну». Между тѣмъ Житіе Антонія, какъ мы видѣли, определенно говорило о священствѣ самого Антонія и о томъ, что онъ самъ постригалъ приходившую къ нему братью. Ср. слова Симона: «Илариона же митрополита и самъ челъ еси въ житіи святаго Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ». Сказаніе возвращается еще разъ къ постриженію братіи отъ Антонія; для него это, очевидно, не безразлично; оно придаетъ этому особенное значеніе и смыслъ, которые открываются изъ слѣдующихъ словъ, вложенныхъ въ уста Антонію: «Съвъкупленѣ же братіи, рече имъ Антоний: се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имьже мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ». Итакъ, благодаря преемству, благодать священства перешла на Печерскую обитель отъ Святой Горы.

Вотъ чего не знаютъ другіе памятники, говорящіе о началѣ Печерской обители; сошлюсь на Житіе Θеодосія, гдѣ, конечно, благодарная тема эта была бы такъ или иначе использована; сошлюсь также на разсказъ лѣтописи подъ 1074 годомъ, гдѣ также могла бы сказаться въ какомъ либо намекѣ эта точка зрѣнія объ особой связи Печерскаго монастыря со Святой Горой. Между тѣмъ Сказаніе проводитъ ее весьма рѣшительно и даже тенденціозно: оно обстоятельно говоритъ о путешествіи Антонія въ Святую Гору, о постриженіи его тамъ и о полученномъ имъ отъ игумена святогорскаго наказаніи: «иди в Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя Горы, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньці быти имуть». Антоній, придя въ Кіевъ и выбравъ себѣ пещеру для жительства, обращается къ Богу съ молитвой: «Господи! утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постригъ». Далѣе приведемъ обращеніе Антонія къ сошедшейся къ нему братьи: «и отъ благословенья есте Святыя Горы, имьже мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на

васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы». Сходныя слова читаемъ ниже, когда Антоній даетъ свое благословеніе на поставленіе монастыря: «благословенъ Богъ о всемь, и молитва святыя Богородица и сущихъ отець иже в Святѣй Горѣ да будеть с вами». Наконецъ, ниже встрѣчаемъ заключеніе разсказчика: «есть же манастырь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы».

Итакъ тенденціозность въ Сказаніи упоминаній о благословеніи Святой Горы, на которомъ основана святая Печерская обитель, не подлежитъ никакому сомнѣнію: является вопросъ, кому принадлежатъ эти упоминанія—самому составителю Сказанія или позднѣйшему его редактору, скажемъ редактору Начальнаго свода. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что мы имѣемъ въ этихъ упоминаніяхъ вставки, внесенныя въ первоначальный текстъ Сказанія редакторомъ Начальнаго свода. Антоній преподалъ бы свое благословеніе братьи на поставленіе монастыря, конечно, въ такомъ видѣ: «благословенъ Богъ о всемь, и молитва святыя Богородица да будеть с вами»; слова «и сущихъ отець иже въ Святѣй Горѣ» послѣ «Богородица» явно вставлены (см. выше). Равнымъ образомъ читаемое выше: «да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы» представляется искусственно составленною фразой, замѣнившею, быть можетъ, первоначальное чтеніе: «да буди благословенье на васъ отъ Бога». Неясно выражена мысль игумена, постригшаго Антонія: «иди в Русь опять и буди благословленье отъ Святыя Горы»: пропущено какъ будто «на тебѣ»; неясность также указываетъ на вставку. Совсѣмъ неуклюже то мѣсто, гдѣ Антоній преподаетъ благословеніе сошедшейся къ нему братіи: «се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы», причемъ дальше вложена въ уста Антонію мотивировка послѣдняго его утвержденія: ибо меня постригъ игуменъ Святой Горы, а я постригъ васъ; только послѣ этой мотивировки Антоній рѣшается преподать братіи два благословенія: первое отъ Бога, второе отъ Святой Горы.

§ 191ᵉ. Признавъ такимъ образомъ тѣ мѣста Сказанія, гдѣ тенденціозно проводится мысль о томъ, что Печерскій монастырь пошелъ отъ благословенія Святой Горы, вставками, я не отри-

цаю того, что первоначальное Сказаніе сообщало о путешествіи Антонія въ Грецію и о постриженіи его тамъ. Напротивъ, думаю, что въ дошедшей до насъ редакціи сохранились слѣды этого первоначальнаго разсказа, быть можетъ, не упоминавшаго вовсе о Святой Горѣ или во всякомъ случаѣ не придававшаго особеннаго значенія постриженію Антонія отъ игумена святогорскаго. Основываюсь на слѣдующемъ мѣстѣ въ началѣ Сказанія: «И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, отъ града Любча; и възложи сему Богъ в сердце въ страну ити; онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ черчечьскый образъ, приде в манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же, послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: иди въ Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя Горы, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть; благослови и̓, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромь». Не ясно ли, что здѣсь слито два разсказа о путешествіи Антонія? Богъ возложилъ ему «въ сердце въ страну ити»; что значитъ это выраженіе? Не читалось ли въ первоначальномъ разсказѣ: «въ страну Гречьску ити»; «Гречьску» было опущено, въ виду вставки изъ другого источника: «онъ же устремися в Святую Гору».

Далѣе находимъ: «възлюбивъ чернечьскый образъ», а нѣсколько строками ниже: «дабы на нь возложилъ образъ мнишьскый»; не принадлежитъ ли «чернечьскый» первоначальному разсказу, а «мнишьскый» не вставлено ли изъ другого источника? Въ благословленіи игуменомъ Антонія и отпущеніи его въ Русь присутствіе двухъ источниковъ совершенно явно: ср. два раза: «и рече ему», а ниже еще «рекъ ему»; далѣе, сначала: «иди в Русь опять», затѣмъ: «иди с миромь»; сначала: «и буди благословленье отъ Святыя Горы», затѣмъ: «благослови и̓». Думаю, что въ первоначальномъ источникѣ читалось: «и научивъ чернечьскому образу, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть; и благослови и, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромь»; слѣдовательно, слова «иди в Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя Горы» вставлены изъ другого источника. Отмѣчаемъ еще пропускъ мірского имени Антонія въ приведенномъ выше

отрывкѣ: это, думаю, указываетъ, что оба источника Начальнаго свода—первоначальный разсказъ и Житіе Антонія расходились въ сообщеніи, какое было мірское имя Антоніево.

§ 191⁷. Продолжаемъ наши указанія на несоотвѣтствіе данныхъ Сказанія другимъ древнимъ свидѣтельствамъ о началѣ Печерскаго монастыря и на возможность возвести эти данныя къ Житію Антонія. Построеніе малой церковцы во имя святыя Богородицы Сказаніе, какъ и Житіе Θеодосія, относитъ ко времени игуменства Варлаама, котораго Антоній поставилъ братіи вмѣсто себя; ср. въ Сказаніи: «И постави имъ игуменомь Варлама... Братья же съ игуменомь... поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье»; въ Житіи Θеодосія: «преподобныи же Антоніи... поставивъ братіи в себе мѣсто блаженаго Варлаама... Тогда же божественыи Варламъ постави надъ пещерою малу церковьцю во имя святыя Богородица». Но въ разсказѣ о построеніи великой церкви и поставленіи монастыря Сказаніе рѣзко расходится съ Житіемъ Θеодосія. Несторъ приписываетъ построеніе церкви и монастыря игумену Θеодосію: «тогда сеи великіи Θеодосии обрѣтъ мѣсто чисто, недалече отъ печеры суще, и разумѣвъ, яко довольно есть на възгражденіе монастыря... в мало время въгради церковь на мѣстѣ томъ во имя святыя и преславныя Богородица и приснодѣвы Маріа, и оградивъ и, поставивъ кѣліе многи, и тогда преселися съ братіею на мѣсто то в лѣто 6570, и отътолѣ Божиею благодатью въздрасте мѣсто то, и бысть монастырь славенъ, еже и донынѣ есть, Печерскый нарицемъ, иже отъ святаго отца нашего Θеодосія поставленъ бысть». Сказаніе не называетъ игумена, поставившаго церковь и монастырь: «игуменъ же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпьемь, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерскый монастырь». Между тѣмъ изъ буквальнаго смысла Сказанія ясно, что игуменомъ этимъ былъ не Θеодосій, а Варлаамъ: ср. «монастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию»; и только послѣ этого сообщено объ избраніи игуменомъ преп. Θео-

досія. Не опредѣленно Сказаніе не говоритъ, что Печерскій монастырь поставленъ игуменомъ Варлаамомъ; напротивъ, оно какъ бы избѣгаетъ называть игумена; ср. выше: «и съвѣтъ сътвориша братья со игуменомь поставити манастырь»; вмѣстѣ съ тѣмъ оно отмѣчаетъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ Антонія; игуменъ съ братьею испрашиваютъ отъ него благословенія на поставленіе манастыря; онъ выхлопатываетъ землю подъ постройку у князя Изяслава; наконецъ, сказавъ о переводѣ Варлаама въ монастырь св. Димитрія, который Изяславъ хотѣлъ «створити вышний сего монастыря, надѣяся богатьству», Сказаніе продолжаетъ: «Мнози бо манастыри отъ цесарь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь; Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь, якоже глаголахъ». Итакъ, Сказаніе рѣшительно утверждаетъ, что Печерскій монастырь основанъ Антоніемъ, и не согласуется въ этомъ основномъ утвержденіи съ Несторомъ; ср. слова Нестора: «иже отъ святаго отца нашего Θеодосія поставленъ бысть». То обстоятельство, что Сказаніе умалчиваетъ объ имени игумена, поставившаго монастырь, заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тенденціознымъ измѣненіемъ первоначальнаго текста Сказанія. Тенденцію видимъ не въ томъ, что вмѣсто Θеодосія строителемъ монастыря является игуменъ, руководимый истиннымъ основателемъ монастыря—Антоніемъ; такую же пассивную роль Сказаніе могло бы приписать и Θеодосію, если бы цѣль его состояла только въ прославленіи Антонія;—видимъ тенденціозность въ томъ, что игуменъ не названъ совсѣмъ и что вмѣсто историческихъ Варлаама и Θеодосія пришлось говорить о какомъ-то неизвѣстномъ безымянномъ игуменѣ. Это обстоятельство мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что Житіе Антонія, по которому передѣлано Сказаніе въ Начальномъ сводѣ, въ изложеніи судебъ Печерскаго монастыря держалось совсѣмъ особой хронологіи.

§ 191[a]. Мы уже имѣли случай видѣть хронологическія данныя Житія Антонія: Моисей Угринъ прибылъ къ Антонію (если придерживаться расчета составителя Начальнаго свода) въ 6539 (1031) году, ибо только въ 6538 онъ освободился отъ плѣна; ср. 6539 годъ въ киноварной приписке при заглавныхъ строкахъ

сказанія о Моисеѣ въ Румянц. спискѣ № 305 Печерскаго патерика: «пріиде къ преподобному Антонію въ лѣто 6539». Отмѣтимъ далѣе вставку, сдѣланную обѣими Кассіановскими редакціями въ Житіе Θеодосія при сообщеніи о постриженіи его по повелѣнію Антонія отъ преп. Никона: « в лѣто 6540, при князи благочестивомъ Ярославѣ Володимеровичи». Обѣ отмѣтки не доказываютъ, какъ мнѣ кажется, знакомства составителя Кассіановскихъ редакцій съ Житіемъ Антонія, такъ какъ онѣ безъ труда могутъ быть объяснены какъ результатъ сопоставленія данныхъ Поликарпа съ лѣтописью. Подобный же хронологическій расчетъ находимъ въ разсматриваемомъ нами Сказаніи: «И постави имъ игуменомъ Варлама,—читаемъ мы здѣсь,—а самъ иде в гору, и ископа печеру, яже есть подъ новѣмъ монастыремъ, в ней же скончa животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣтъ 40 никдѣже, в ней же лежать мощѣ его и до сего дне». Антоній умеръ въ 1072 или 1073 году; слѣдовательно, онъ уединился въ пещеру въ 1032 или 1033; такимъ образомъ поставленіе Варлаама приходится отнести къ 1032 году, что явно противорѣчитъ историческимъ фактамъ, несомнѣнно точно переданнымъ Несторомъ: Варлаамъ, сынъ боярина Іоанна, пришелъ къ Антонію въ княженіе Изяслава Ярославича, слѣдовательно, послѣ 1054 года. Итакъ, мы въ правѣ заключить отсюда, что составитель Начальнаго свода въ одномъ изъ своихъ источниковъ читалъ о поставленіи Антоніемъ игумена Варлаама въ дни князя Изяслава (ср. выше въ Сказаніи: «Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы»), а въ другомъ—о поставленіи Антоніемъ не Варлаама, а другого безыменнаго игумена, послѣ чего онъ удалился въ другую пещеру и жилъ въ ней 40 лѣтъ. Этимъ другимъ источникомъ, согласно со всѣми выше приведенными соображеніями, могло быть только Житіе Антонія. Слѣдовательно, и то мѣсто, гдѣ Сказаніе переноситъ на время Варлаама основаніе великой церкви и поставленіе монастыря, обязано вліянію Житія Антонія; въ немъ вопреки Житію Θеодосія сообщалось, что монастырь Печерскій гораздо старше 1062 года; первый игуменъ былъ поставленъ въ 1032 или 1033 году; этотъ самый игуменъ и основалъ монастырь подъ руководствомъ Антонія.

Поликарповъ пересказъ Житія Антонія прямо указываетъ на то, что монастырь былъ основанъ во время Ярослава. Мы читаемъ въ немъ, что Моисей, освободившись отъ польскаго плѣна, пришелъ къ святой Богородицѣ въ Печерскій монастырь и пробылъ въ монастырѣ 10 лѣтъ; слѣдовательно, основаніе и церкви и монастыря приходится согласно Поликарпу отнести ко времени около 1030 года.

§ 191°. Въ связь съ своеобразною хронологіей Житія Антонія ставимъ то начало Сказанія о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, которое оно имѣетъ во второй Кассіановской редакціи: въ общемъ эта статья въ Кассіановской второй редакціи сходствуетъ съ соотвѣтствующею статьей первой Кассіановской редакціи, тождественною съ лѣтописною статьей 6559 (1051) года; но начало въ ней иное. Мы читаемъ здѣсь, что еще въ княженіе Владиміра Святославича Любечанинъ Антоній отправляется въ страну Греческую, на Аѳонъ; принявъ тамъ постриженіе, онъ приходитъ въ Кіевъ и, походивъ по дебрямъ и горамъ, находитъ у с. Берестова пещеру, которую ископали Варяги; въ ней онъ поселяется, пребывая затѣмъ въ великомъ воздержаніи. По смерти Владиміра власть перешла къ Святополку: онъ началъ избивать братью. Антоній, увидѣвъ кровопролитіе, удалился изъ Кіева и бѣжалъ опять въ Святую Гору. Послѣ вокняженія Ярослава, любившаго Берестово и заботившагося о находившейся тамъ церкви Двѣнадцати Апостолъ, нѣкто Иларіонъ, попъ той церкви, вырылъ себѣ пещеру на Днѣпровскомъ холму и жилъ въ ней, пока въ 1051 году не былъ избранъ на санъ митрополита. Пещерка опустѣла, но въ это время съ Аѳона вернулся Антоній, посланный въ Россію игуменомъ одного изъ тамошнихъ монамастырей, и поселился въ пещерѣ Иларіоновой, и т. д., т.-е, начиная съ сообщенія о вокняженіи Ярослава, разсказъ Кассіановской второй редакціи становится сходнымъ съ соотвѣтствующимъ разсказомъ Кассіановской первой и Повѣсти вр. лѣтъ. Это начало Сказанія въ Кассіановской второй редакціи, гдѣ такимъ образомъ говорится о двухъ путешествіяхъ Антонія въ Святую Гору, я ставлю въ связь съ Житіемъ Антонія на основаніи, во-первыхъ, того, что начало Печерскаго монастыря относится такимъ образомъ ко временамъ старшимъ, чѣмъ 1051 годъ, а Житіе

Антонія давало именно право относить основаніе монастыря къ 1032—1033 гг.; во-вторыхъ, на основаніи упомянутой здѣсь «пещеры, юже ископаша Варязи»: мы приводили выше (§ 191[1]) свидѣтельство Поликарпа о томъ, что въ Житіи Антонія говорилось о Варяжской пещерѣ; въ-третьихъ, наконецъ, на основаніи того, что здѣсь сообщено о путешествіи Антонія въ Святую Гору: а мы видѣли, что разсказъ о постриженіи Антонія въ Святой Горѣ лежалъ въ основаніи Житія Антонія. Но, конечно, Житіе Антонія говорило не о двухъ путешествіяхъ Антонія на Аѳонъ, а только объ одномъ; Кассіановская вторая редакція была принуждена придумать двойное путешествіе для того, чтобы согласовать: а) свидѣтельство Житія Антонія о томъ, что онъ ѣздилъ на Аѳонъ и постриженъ тамъ въ дни княженія Владиміра Святославича, б) свидѣтельство того же Житія о томъ, что онъ поселился въ Варяжской пещерѣ—съ разсказомъ Кассіановской первой редакціи (и Повѣсти вр. лѣтъ) о томъ, что Антоній ѣздилъ на Аѳонъ и постриженъ тамъ въ княженіе Ярослава Владиміровича и что, вернувшись съ Аѳона, онъ поселился въ пещерѣ, вырытой Иларіономъ. Такимъ образомъ въ 1462 году возникла попытка согласовать Житіе Антонія съ Сказаніемъ о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, попытка, аналогичная съ тою, которая предпринята была въ концѣ XI вѣка составителемъ Начальнаго свода, давшимъ измѣненную и дополненную вставками редакцію указаннаго Сказанія [1]).

§ 191[10]. Между прочимъ не согласно было Житіе Антонія съ первоначальною редакціей Сказанія относительно того, гдѣ поселился первоначально Антоній: Сказаніе сообщало, что въ пещеркѣ, юже ископалъ Иларіонъ; Житіе Антонія указывало на Варяжскую пещеру. И отношенія Антонія къ Иларіону представлены были въ Житіи Антонія иначе, чѣмъ они представлены въ Сказаніи; въ Сказаніи Антоній возвращается въ Русь уже послѣ поставленія Иларіона митрополитомъ; въ Житіи Антонія Иларіонъ

---

[1]) Оставляю въ сторонѣ вопросъ, былъ ли знакомъ уставщикъ Кассіанъ съ подлиннымъ Житіемъ Антонія или только съ тѣмъ обрывками изъ него, которые давали сочиненія Симона и Поликарпа. Болѣе вѣроятнымъ считаю послѣднее. Ср. стр. 285, прим. 2.

пострягается Антоніемъ.—Отмѣтимъ еще одно отличіе дошедшей до насъ редакціи Сказанія отъ Житія Θеодосія: послѣднее сообщало, что преп. Θеодосій, вскорѣ послѣ основанія монастыря (1062 г.), послалъ одного изъ монаховъ своихъ въ Константинополь къ Ефрему скопцу, «да весь уставъ Студійскаго монастыря исписавъ прислеть к нему; онъ же преподобнаго отца нашего Θеодосія повелѣнная ту абіе створи и весь уставъ монастырьскій списавъ, посла к нему, и егоже пріимъ отець нашь Θеодосіи повелѣ честь предъ братіею и оттолѣ начатъ въ своемъ монастыри вся творити по уставу святаго монастыря Студійскаго». Между тѣмъ Сказаніе говоритъ другое: «И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и поча у него искати устава чернець Студийскыхъ; и обрѣтъ у него, исписа и устави въ манастыри своемь, како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный и на тряпезѣ сѣданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемъ». Итакъ оба источника одинаково сообщаютъ о томъ, что Студійскій уставъ введенъ въ Печерскій монастырь Θеодосіемъ: но Несторъ говоритъ о томъ, что уставъ полученъ отъ Ефрема, постриженика Печерскаго, удалившагося незадолго передъ этимъ въ Константинополь [1]), а Сказаніе указываетъ на нѣкоего Михаила чернеца, какъ на лицо, отъ котораго Θеодосій получилъ этотъ уставъ. Думаю, что первоначальная редакція Сказанія и здѣсь сходствовала съ Житіемъ Θеодосія и что измѣненіе внесено въ нее опять таки подъ вліяніемъ Житія Антонія. Согласно предыдущему, основателемъ монастыря Житіе Антонія почитало не Θеодосія, а Антонія и относило основаніе ко времени задолго до 1062 года; естественно поэтому предположить, что въ Житіи Антонія сообщалось о томъ, что уставъ Студійскій введенъ въ монастырь не Θеодосіемъ, а Антоніемъ, при чемъ Антоній получилъ его отъ пришедшаго изъ Грекъ черица Михаила; быть можетъ, Житіе Антонія давало еще точнѣйшія указанія относительно того, что

---

[1]) Ср. выше въ Житіи Θеодосія: „по сихъ же паки Ефремъ каженикъ отъиде къ Константиню граду, и ту живяше въ единомъ монастыри".

этотъ Михаилъ прибылъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Θеопемптомъ: въ Сказаніи находимъ «с митрополитомъ Георгиемъ», но рѣшаюсь видѣть въ такомъ чтеніи поправку редактора Начальнаго свода, который хотѣлъ согласовать два извѣстія двухъ своихъ источниковъ и, согласовавъ ихъ механически, замѣнилъ Ефрема каженика чернцомъ Михаиломъ, но потомъ, внося слова «с митрополитомъ Θеопемптомъ», замѣнилъ изъ соображеній хронологическихъ Θеопемпта Георгіемъ. Ставлю въ связь сообщеніе Житія Антонія о полученіи Антоніемъ Студійскаго устава отъ пришедшаго изъ Грекъ черица Михаила съ сообщеніемъ этого же житія о прибытіи къ Антонію трехъ пѣвцовъ изъ Грекъ съ роды своими: эти пѣвцы ввели въ Печерскомъ монастырѣ демественное пѣніе; ср. объ этомъ сообщеніи ниже (§ 191[12]).

§ 191[11]. Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній мы, не колеблясь, опредѣляемъ дошедшій до насъ въ Повѣсти вр. лѣтъ текстъ Сказанія о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, какъ позднѣйшую редакцію болѣе древняго Сказанія, сложившуюся подъ вліяніемъ Житія Антонія. Это Житіе, составленное съ очевидною тенденціей прославить Печерскій монастырь и для этого отнести его составленіе ко временамъ давно минувшимъ, когда въ Россіи едва начиналось распространеніе христіанства, имѣло именно поэтому сначала громкій успѣхъ, а потомъ печальную судьбу: его стали игнорировать, его забыли—оно слишкомъ противорѣчило какъ монастырской традиціи, такъ и письменнымъ памятникамъ, возросшимъ на этой самой традиціи—Житію Θеодосія и лѣтописи. Но не скоро разобрались русскіе люди въ этомъ любопытномъ памятникѣ христіанскаго благочестія, гдѣ наряду съ завѣдомо извращенными фактами и придуманными событіями, имѣлись достовѣрныя данныя; и тяжело было пренебречь такимъ памятникомъ въ особенности монахамъ Печерской обители, когда они находили въ немъ занимательные разсказы о первыхъ отцахъ—основателяхъ святого мѣста, легендарномъ Антоніи, великомъ Моисеѣ Угринѣ, преподобномъ Θеодосіи; когда въ немъ въ захватывающемъ изложеніи представлялись событія, связанныя съ постройкой св. храма, причемъ такъ опредѣленно говорилось о великихъ чудесахъ, явленныхъ св. Богородицей; когда, наконецъ, далекое прошлое Печерской обители оказывалось также бо-

гатымъ чудесами и великими предзнаменованіями, изъ которыхъ главное—это благословеніе Св. Горы, почившее на двухъ первыхъ подвижникахъ Печерскихъ, на Антоніи и Моисеѣ (вспомнимъ, что послѣдній постриженъ нѣкіимъ мнихомъ отъ Святыя Горы, въ санѣ іерея). Составитель Начальнаго свода работалъ въ такое время, когда Житіе Антонія только что появилось; есть основаніе предполагать, что оно возникло въ концѣ восмидесятыхъ или самомъ началѣ девяностыхъ годовъ [1]); это было причиной того, что Житіе Антонія, забытое впослѣдствіи, оказало на него такое вліяніе. Въ XII вѣкѣ, благодаря указанной выше причинѣ, Житіе Антонія, столь явно противорѣчившее сложившейся въ Печерскомъ монастырѣ традиціи, было отвергнуто, оставлено въ пренебреженіи; на это пренебреженіе указываетъ Поликарпъ, говоря, что въ теченіе 160 лѣтъ не было помяновенія о древнихъ отцахъ, житія которыхъ вписаны въ Житіе Антонія. Симону и Поликарпу, приступившимъ къ составленію новой редакціи Печерскаго отечника, было естественно обратиться къ первой его редакціи, т.-е. къ Житію Антонія.

§ 191[12]. Намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, читалось ли Сказаніе о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, въ первоначальномъ своемъ видѣ въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, или оно

---

[1]) Основанія эти, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ соображеній, напр. относительно того, что Житіе Антонія появилось послѣ Житія Θеодосія, ибо въ противномъ случаѣ оно не осталось бы незамѣченнымъ Несторомъ, также и того, что оно написано раньше 1095 года, около котораго возникъ Начальный сводъ, сводятся къ слѣдующему. Въ этомъ Житіи, которое признаю древнѣйшимъ видомъ Печерскаго отечника, читалось между прочимъ Житіе Евстратія постника: это видно, во-первыхъ, изъ того, что Слово о немъ помѣщено Симономъ непосредственно за фразой „и ина такова обрящеши, брате Поликарпе, в житии святаго Антоніа, к нему нѣкто прииде“ и т. д.; во-вторыхъ изъ того, что тотъ же Евстратій называется ниже Герасимомъ, при чемъ это можно объяснить только вліяніемъ письменнаго источника, гдѣ было указано сначала свѣтское, а потомъ монашеское имя подвижника. Память Евстратія празднуется 28 марта; между тѣмъ онъ былъ распятъ въ день Пасхи; Пасха приходилась на 28-е марта въ XI в. (послѣ 1050 года) въ 1087, 1092 и 1098 году, а въ XII (до 1150) ни разу. Слѣдовательно, разсказъ объ Евстратіи могъ сложиться не раньше 1087 года.

заимствовано Начальнымъ сводомъ еще изъ другого источника. Высказываемся за то, что статья эта находилась въ сводѣ, предшествовавшемъ Начальному своду; имѣемъ въ виду при этомъ то обстоятельство, что этотъ предшествовавшій Начальному своду сводъ былъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ (§). Невѣроятно, чтобы въ немъ не сообщалось о началѣ Печерской обители, о построеніи храма св. Богородицы и т. д. Но, какъ мы видѣли, первоначальное Сказаніе сильно отличалось отъ дошедшаго до насъ въ Повѣсти вр. лѣтъ Сказанія. Первоначальный видъ возстанавливается частью путемъ удаленія обнаруженныхъ въ предшествующихъ §§ вставокъ и измѣненій, частью же посредствомъ привлеченія Житія Θеодосія. Думаю, что Несторъ въ своемъ изложеніи, въ Житіи Θеодосія, древнѣйшихъ судебъ Печерскаго монастыря держался данныхъ первоначальнаго (лѣтописнаго) Сказанія. Ср. доказанное выше (§ 49) пользованіе со стороны Нестора Древнѣйшимъ сводомъ. Такъ между прочимъ считаю 6570 (1062) годъ,—дату построенія монастыря,—заимствованнымъ Несторомъ изъ Древн. свода. Въ возстанавливаемомъ ниже текстѣ соотвѣтствующей статьи намъ придется сдѣлать нѣсколько ссылокъ на Житіе Θеодосія, подобно тому какъ, возстанавливая первоначальный разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, мы должны были ссылаться на Несторово Чтеніе объ убіеніи св. мучениковъ.

2.

§ 191[13]. Общерусскій лѣтописный сводъ 1423 года, который въ значительной степени можетъ быть возстановленъ по своду 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), включилъ въ свой составъ нѣсколько произведеній житійной литературы. Такъ между прочимъ въ него вошли обширная повѣсть объ убіеніи Михаила Черниговскаго, также житіе Александра Невскаго, житіе в. кн. Димитрія Ивановича, обширные отрывки изъ житія Михаила Александровича Тверского; въ древнюю лѣтопись сводчикомъ 1423 г. включены изъ пролога: сказаніе объ убіеніи Варяговъ-мучениковъ, далѣе сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба («Родъ правыихъ благословиться»), сказаніе о перенесеніи мощей ихъ въ 1072 году; кромѣ того въ этотъ сводъ сдѣланы заимствованія изъ паримійнаго чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ (ср. § 39), а также взяты изъ Житія

Владиміра похвала ему (§ 39) и указаніе на то, что онъ крестился въ церкви св. Іакова. Все это побуждаетъ насъ допустить, что въ числѣ источниковъ общерусскаго свода было и Житіе Антонія. Приведемъ восходящія къ этому Житію мѣста и поставимъ ихъ въ связь съ извлеченными нами выше изъ разсмотрѣнія Начальнаго свода (Повѣсти вр. л.) данными. Не забудемъ, что къ возстановленію общерусскаго свода 1423 г., кромѣ свода 1448 г., должны быть привлечены еще хронографы и Ростовская компиляція XV в.

§ 191[14]. Подъ 6526 годомъ въ Новгор. 4-й и Соф. 1-й, послѣ словъ «Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава», читаемъ: «и ту убиша Блуда воеводу, и иныхъ побѣдиша множество, а еже ихъ руками яша, то расточи Болеславъ по Ляхомъ» [1]). Этихъ словъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Мы не видимъ основанія возводить ихъ къ Новгородскому своду, служившему источникомъ для общерусскаго свода 1423 г., ибо изъ Новгородскаго свода попали въ общерусскій сводъ преимущественно новгородскія извѣстія; не отрицаемъ того, что въ Новгородскомъ сводѣ были и южнорусскія статьи и извѣстія, но не имѣемъ основанія думать, что южнорусская по происхожденію своему статья, гдѣ сообщалось о побѣдѣ Болеслава надъ Ярославомъ, была въ Новгор. сводѣ изложена полнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: мы не поняли бы причины сокращенія этой статьи въ Нач. сводѣ или Повѣсти вр. лѣтъ. Между тѣмъ разсказъ о побѣдѣ Болеслава надъ Ярославомъ могъ быть помѣщенъ въ Житіи Антонія, ибо результатомъ этой побѣды было плѣненіе Болеславомъ Моисея Угрина; Поликарпъ сообщаетъ, что Моисей былъ взятъ Болеславомъ при удаленіи изъ Кіева; но возможно, что Моисей былъ захваченъ въ бою у Волыня. Въ подтвержденіе можемъ сослаться и на прямое свидѣтельство Тверского сборника, гдѣ читаемъ: «На томъ бою изымаша Моисеа Угрина, брата Георгіева, иже бѣ убитъ съ княземъ Борисомъ; бѣ бо и той слуга Борисовъ, и много пострада въ Лятской землѣ отъ вдовы нѣкыа, млады суща, еяже мужь, болляринъ сый Болеславль, убіенъ на семъ бою. Мои-

---

[1]) Въ Рост. компиляціи XV в.: „и избіша вои его и Блуда убиша“ (Ермол., Тверск. и Льв.).

сей же, по страданіи своемь, пріиде въ Кіевь, въ Печерскій манастырь, и бысть чюденъ старець, красень тѣломъ и душею, о немъ же лежатъ повѣсти въ Отечницѣ Печерьскомъ» (П. С. Р. Л. XV, 137). Какую можетъ имѣть цѣну это свидѣтельство? Думаю, что оно основывается на такой редакціи Патерика, которая намъ неизвѣстна, а именно на какой-то распространенной редакціи его; а эта распространенная редакція могла въ свою очередь позаимствовать кое-что изъ Житія Антонія [1]).

Ниже читаемъ въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й) слѣдующее мѣсто, отсутствующее въ Повѣсти вр. л.: «И сѣде (Болеславъ) на столѣ Володимерѣ. И тогда Болеславъ положи себѣ на ложи Предславу, дщерь Володимерову, сестру Ярославлю» [2]). Въ связи съ этимъ стоитъ и дальнѣйшее: «Болеславъ же побѣже изъ Кіева, поволочивъ Предславу, возма имѣніе и боляре Ярославли и сестры его» [3]); словъ «поволочивъ Предславу» нѣтъ въ Повѣсти вр. л. Оба эти мѣста по указаннымъ выше основаніямъ не можемъ возвести къ Новгородскому своду, источнику свода 1423 года; между тѣмъ вѣроятно признать его заимствованіемъ изъ Житія Антонія по слѣдующимъ даннымъ: во-первыхъ, предшествующая вставка въ текстъ свода 1423 года восходитъ несомнѣнно къ Житію Антонія; во-вторыхъ, мы знаемъ, что Житіе Антонія сообщало о томъ, что Моисей послѣ избіенія слугъ Борисовыхъ скрывался у Предславы; слѣдовательно, Житіе интересовалось личностью Предславы. Ставимъ это въ связь съ предпо-

---

[1]) Ср. сходную вставку въ Тверск. сб. выше, въ разсказѣ объ убіеніи Бориса, послѣ словъ „Бяше же сей отрокъ родомъ Угринь, именемъ Георгій“—„братъ Моисею, егоже потомъ плѣни Болеславъ, плѣнуа Кіевь съ Святополкомь, біяся съ Ярославомъ; много пострада въ Лясѣхъ въ плѣну отъ жены нѣкыя, еяже мужа убиша на бою вои Ярославли; она же хотѣ сего Моисея въ домь свой взяти въ мужа себѣ, красоты ради его, бѣша бо красни велми; о немъ же повѣсть въ Патерицѣ въ Печерскомъ“.

[2]) Ср. въ Ермол.: „Тогда же Волеславъ насиліе твори надъ сестрою Ярославлею Предславою“.

[3]) Въ Тверск. сб. очевидна позднѣйшая поправка: „побѣже ис Кіева, поволочивь Предславу, взя имѣніе Ярославле и сестры его Предславы, и боярь взя съ собою“. Въ сводѣ 1448 г., какъ и въ Повѣсти вр. лѣтъ, говорится о сѣстрахъ Ярослава.

ложенными выше (§ 191[3]) вставками, сдѣланными изъ Житія Антонія въ текстъ Начальнаго свода: въ этихъ вставкахъ Предславѣ отводится такая активная роль въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, о которой не зналъ Древнѣйшій сводъ.

Можемъ привести еще одно основаніе, въ пользу по крайней мѣрѣ того, что приведенныя въ общерусскомъ сводѣ извѣстія о Предславѣ восходятъ къ древнему источнику; они не придуманы, ибо находятъ себѣ соотвѣтствіе въ свидѣтельствѣ современника событій, разыгравшихся послѣ смерти Владиміра Святославича. Титмаръ Мерзебургскій сообщаетъ о томъ, что Болеславъ, захвативъ въ плѣнъ девять сестеръ Ярослава, одну изъ нихъ обезчестилъ [1]).

§ 191[15]. Перехожу къ дальнѣйшимъ указаніямъ. Подъ 6551 годомъ въ общерусскомъ сводѣ, какъ видно изъ свода 1448 года, вслѣдъ за разсказомъ о несчастномъ походѣ Владиміра на Грековъ, читалось: «Тое же осени Ярославъ дасть сестру свою за Казимира. И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ двожды въ лодіяхъ на Мазавшане, и рече Казимиру: еди отецъ твой Болеславъ побѣдивъ мене, и полони людій моихъ за ся, то дай ми за вѣно. И собра Казимиръ людій его Руси полоненыхъ осмьсотъ, кромѣ женъ и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шурину своему. Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля» [2]). Въ Повѣсти вр. лѣтъ въ соотвѣтвѣтствіи съ этой статьей читаемъ: во-первыхъ, подъ 6551 (1043) годомъ: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, яже бѣ по-

---

[1]) „Ibi fuit noverca regis predicti, uxor, et 9 sorores eiusdem, quarum unam prius ab eo desideratam antiquus fornicator Bolizlavus, oblita contectali sua, iniuste duxerat“ (Monum. Pol. historica, II, с. 317). Длугошъ подъ 1018 г. передаетъ, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ война между Болеславомъ и Ярославомъ возгорѣлась изъ за отказа послѣдняго отдать за него сестру свою: „Boleslaus Poloniae rex in magnam indignationem actus, bellum Jaroslao indixit, et munitionibus suis expugnatis, etiam sorore Jaroslai capta, pro concubina abutebatur“

[2]) Въ Рост. комп. XV в. всего этого нѣтъ, но зато къ извѣстію 6555 года, о которомъ скажемъ ниже, приписано: „зятю своему: сестра его за нимъ бѣ“ (Льв., Ермол.; въ Тверск.: „зяту своему Лятцкому“).

лонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава» [1]); во-вторыхъ, подъ 6555 (1047): «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру» [2]). Сравнивая извѣстія Повѣсти вр. л. съ сообщеніемъ общерусскаго свода 1423 года, видимъ, что въ этомъ послѣднемъ установлена связь между двумя событіями, не стоящими между собою въ связи въ Повѣсти вр. лѣтъ, между выходомъ въ замужество за Казимира сестры Ярослава и между походомъ (или походами) Ярослава въ помощь Казимиру противъ Мазовшанъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы такая связь между этими обоими событіями не существовала въ дѣйствительности; очевидно, родственный союзъ былъ причиной той помощи, которую оказалъ Ярославъ Казимиру; кромѣ того, значительное вѣно, данное Казимиромъ за жену свою (800 русскихъ плѣнниковъ), доказываетъ, что Казимиръ получилъ отъ Ярослава не только руку его сестры, но еще нѣчто, а именно существенную услугу въ борьбѣ съ Моиславомъ Мазовецкимъ; между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщеніе о вѣнѣ, поставленное непосредственно за извѣстіемъ о женитьбѣ Казимира, не стоитъ ни въ какой связи съ походомъ Ярослава на Мазовшанъ. Въ виду этого, я прежде всего не могу признать сообщенія свода 1423 года заимствованнымъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ; не ссылаюсь на бо̀льшую полноту его, на рѣчь Ярослава къ Казимиру, на пристегнутое въ концѣ извѣстіе о женитьбѣ Изяслава—все это можно пожалуй объяснить позднѣйшимъ сочинительствомъ, но основываюсь на томъ, что сводъ 1423 года разсказываетъ о походѣ Ярослава на Мазовшанъ и о женитьбѣ Казимира въ одной статьѣ, между тѣмъ какъ Повѣсть вр. лѣтъ помѣщаетъ эти событія въ двѣ разныя статьи; въ этомъ я и вижу независимость свода

---

[1]) Слова „яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава" опущены въ Лавр.; они есть въ Ипат. и Радзив.

[2]) Это извѣстіе читается и въ сводѣ 1448 года, причемъ послѣ слова „иде" прибавлено „третіе". Думаю, что „третіе" стоитъ въ связи съ сдѣланнымъ выше (въ статьѣ 6551) указаніемъ: „и ходи Ярославъ двожды". Это „двожды" едвали не стоитъ вмѣсто слова „второе" первоначальнаго текста, ибо о первомъ походѣ Ярослава на Мазовшанъ въ лодьяхъ сообщено и въ Повѣсти вр. л. и въ сводѣ 1448 года подъ 6549 (1041) годомъ: „второе" могло быть передано цифрой 2 (в).

1423 года отъ Повѣсти вр. л., въ этомъ вижу также указаніе на большую первоначальность текста сообщенія свода 1423 года сравнительно съ Повѣстью вр. л. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что, при внесеніи въ сводъ 1423 года, это сообщеніе потерпѣло нѣсколько въ первоначальной своей редакціи: такъ мы уже предположили выше (пред. примѣчаніе), что прибавка «второе» (измѣненное въ сводѣ 1448 въ «дважды») внесена подъ вліяніемъ наличности сообщенія о походѣ Ярослава на Мазовшанъ 6549 (1041) годомъ; оттуда же, быть можетъ, заимствованы слова «въ лодіяхъ»: замѣчательно, что списокъ Царскаго, стоявшій подъ вліяніемъ свода 1423 года (черезъ посредство Рост. компиляціи), опускаетъ эти слова; быть можетъ, ихъ не было въ сводѣ 1423, и они внесены уже въ сводъ 1448; наконецъ, въ виду всего сказаннаго вѣроятно признать, что начало сообщенія, насъ интересующаго, сокращено подъ вліяніемъ приведеннаго ниже по Повѣсти вр. лѣтъ извѣстія: дѣйствительно, мы читаемъ здѣсь, что Моиславъ обижалъ Казимира и что Ярославъ ходилъ два раза на Мазовшанъ, но о томъ, имѣли-ли успѣхъ оба похода Ярослава, о томъ, побѣдилъ-ли Ярославъ Моислава и помогъ-ли своимъ походомъ Казимиру, сообщеніе умалчиваетъ; вѣроятно думать, что первоначально за словами «и иде Ярославъ на Мазовшаны» [1]) читалось: «и побѣди я и князя ихъ уби Моислава и покори я Казимиру».

Сдѣланный нами выводъ мы примѣняемъ къ оцѣнкѣ дошедшихъ до насъ въ Повѣсти вр. лѣтъ двухъ приведенныхъ выше извѣстій. Они нѣкогда составляли одно цѣлое; причину умолчанія Начальнаго свода (Повѣсти вр. л.) подъ 6551 годомъ о походѣ Ярослава на Мазовшанъ, несмотря на то, что источникъ Нач. свода уполномочивалъ его говорить объ этомъ походѣ тамъ же, гдѣ было сообщено о женитьбѣ Казимира, я вижу во вліяніи на Начальный сводъ другого источника. Этимъ другимъ источникомъ я признаю Древнѣйшій сводъ, въ которомъ вообще отмѣчались походы Ярослава: такъ имъ отмѣчены походы на Литву,

[1]) Поправляю такъ въ прдеположеніи, что слова „второе" и замѣнившее его „дважды", а также „въ лодияхъ" появились въ сводѣ 1423 (и сводѣ 1448 г.) подъ вліяніемъ извѣстія 6549 года (ср. выше).

на Ятвяговъ, на Грековъ и т. д.; въ немъ было сообщено и о походѣ Ярослава на Мазовшанъ, причемъ Древнѣйшій сводъ давалъ основаніе отнести его на 6549 (1041) годъ; не допускаю поэтому, чтобы въ этомъ сводѣ подъ 6555 (1047) годомъ сообщалось о другомъ походѣ Ярослава.

§ 191[16]. Оставляю пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, откуда заимствовано извѣстіе 6555 года о походѣ Ярослава на Мазовшанъ и убіеніи имъ Моислава; я надѣюсь разрѣшить его ниже въ главѣ, посвященной вопросу объ объемѣ Древнѣйшаго свода. Перехожу теперь къ вопросу, откуда заимствовано, съ одной стороны, общерусскимъ сводомъ, а съ другой, Начальнымъ сводомъ сообщеніе о женитьбѣ Казимира на сестрѣ Ярослава. Мы только что видѣли, что есть основаніе думать, что это сообщеніе попало въ Нач. сводъ не изъ Древнѣйшаго свода: признавъ источникомъ извѣстія 6549 года Древнѣйшій сводъ или Новгородскій сводъ, мы не можемъ допустить, чтобы источникомъ для сообщенія о женитьбѣ Казимира былъ тотъ же сводъ; совершенно ясно, что сообщеніе это заимствовано изъ такого источника, гдѣ одновременно съ извѣстіемъ о женитьбѣ Казимира разсказывалось также о походѣ Ярослава на Мазовшанъ; между тѣмъ въ Начальномъ сводѣ сообщеніе о женитьбѣ Казимира не стоитъ въ связи съ сооообщеніемъ о походѣ Ярослава. Общерусскій сводъ 1423 года имѣлъ общій источникъ съ Начальнымъ сводомъ въ сводѣ Новгородскомъ: составитель Начальнаго свода использовалъ редакцію XI вѣка, а составитель общерусскаго свода редакцію позднѣйшую, но основанную на той же редакціи XI вѣка. Допустимо ли однако предположеніе, что сообщеніе о походѣ Ярослава на Мазовшанъ и женитьбѣ Казимира заимствовано въ Нач. сводъ и общерусскій сводъ 1423 года изъ Новгородскаго свода? Въ пользу этого можно было бы привести бо́льшую полноту сообщенія въ сводѣ 1423 года, въ которомъ вообще новгородскія извѣстія представлены полнѣе, чѣмъ въ Нач. сводѣ, сокращавшемъ и частью искажавшемъ ихъ. Но мы не можемъ подыскать никакихъ основаній для объясненія того, почему запись объ этихъ двухъ событіяхъ, въ особенности же о женитьбѣ Казимира, возникла именно въ Новгородѣ; можно было бы допустить возможность существованія подобнаго со-

общенія въ Новгородскомъ сводѣ, но только въ томъ случаѣ если признать его перенесеннымъ изъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, а мы только что привели доказательства въ пользу того, что Древнѣйшій сводъ не имѣлъ этого сообщенія. Итакъ, мы вынуждены искать другой источникъ, откуда сообщеніе, насъ интересующее, попало и въ Нач. сводъ и въ общерусскій сводъ 1423 года. Общимъ источникомъ для Начальнаго свода и для общерусскаго свода 1423 года было, какъ мы видѣли, Житіе Антонія. Допустимо ли однако, чтобы сообщеніе о походѣ Ярослава на Мазовшанъ и о женитьбѣ Казимира содержалось въ Житіи Антонія?

Вспомнимъ, что въ составъ Житія Антонія входило житіе Моисея Угрина. Поликарпъ не говоритъ о томъ, какъ освободился изъ польскаго плѣна Моисей. Разсказавъ о народномъ возстаніи, во время котораго были избиты епископы и бояре, причемъ была убита также и госпожа Моисеева, Поликарпъ продолжаетъ: «преподобныи же Моисѣи, възмогъ отъ ранъ, пріиде къ святѣи Богородици в Печерскіи манастырь». Избіеніе бояръ польскихъ не могло быть достаточнымъ объясненіемъ для освобожденія Моисея изъ плѣна. Естественно думать, что Житіе Антонія, сказавъ о возстаніи, при которомъ убита была госпожа Моисеева, для того чтобы связать его съ грознымъ пророченіемъ святого, произнесеннымъ имъ въ присутствіи Болеслава, подыскало другую причину для объясненія его освобожденія изъ польскаго плѣна, причемъ руководствовалось, быть можетъ, и живымъ еще во время его составленія преданіемъ. Преданіе помнило объ освобожденіи Казимиромъ 800 плѣнныхъ за вѣно сестры Ярославовой, выданной въ замужество за Казимира; преданіе, вѣрное исторической дѣйствительности, поставило это необычное по своимъ размѣрамъ вѣно въ связь съ услугой, оказанною Ярославомъ своему зятю, тѣснимому Мазовецкимъ Моиславомъ. Думаю, что Житіе Антонія и привело этотъ фактъ (походъ Ярослава противъ Моислава и освобожденіе 800 плѣнныхъ Казимиромъ, зятемъ Ярослава) для объясненія того, какъ освободился изъ польскаго плѣна Моисей.

§ 191[17]. Спрашиваемъ, почему въ сводѣ 1423 года извѣстія о женитьбѣ Казимира и походѣ Ярослава на Мазовшанъ, а въ Нач. сводѣ

извѣстіе о женитьбѣ Казимира помѣщены подъ 6551 годомъ? Здѣсь у мѣста сослаться на польскіе и нѣмецкіе источники, сообщающіе объ этомъ бракѣ Казимира съ Маріей — Добронѣгою: анализъ ихъ привелъ Бальцера къ заключенію, что бракъ этотъ имѣлъ мѣсто раньше 1043 года; дѣйствительно, рожденіе Болеслава и Владислава, происшедшихъ отъ этого брака, относится (правда, не съ полною достовѣрностью) къ 1039 и 1040 годамъ [1]). Основываясь на нашихъ данныхъ, думаю, что бракъ этотъ должно отнести ко времени около 1041 года, когда Ярославомъ былъ, согласно лѣтописному извѣстію, предпринятъ походъ противъ Мазовшанъ: трудно сомнѣваться въ томъ, что этотъ походъ былъ совершенъ по просьбѣ Казимира, очевидно, уже тогда связавшаго себя брачными узами съ русскимъ княжескимъ домомъ. Во всякомъ случаѣ дату — 1043 годъ для брака Казимира съ Добронѣгою надо признать ошибочною; причину ошибки ищемъ въ томъ источникѣ, откуда извѣстіе объ этомъ бракѣ попало въ Начальный сводъ, т.-е. въ Житіи Антонія. Думаю, что Житіе Антонія давало основаніе отнести смерть Моисея на 6561 (1053) годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно указывало, что Моисей пробылъ въ монастырѣ 10 лѣтъ (Поликарпъ: «пребысть въ монастыри лѣтъ 10»); отсюда выводидилось заключеніе, что онъ пришелъ въ монастырь въ 6551 (1043) году [2]).

§ 191[18]. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно той редакціи, которую сообщеніе Житія Антонія приняло въ общерусскомъ сводѣ 1423 года. Обращаемъ прежде всего вниманіе на слова, которыми начинается извѣстіе о женитьбѣ Казимира: «Тои же осени Ярославъ дасть сестру свою за Кази-

---

[1]) Balzer, Genealogia Piastów, с. 89.

[2]) Мы видѣли выше, что составитель Нач. свода, на основаніи данныхъ того же Житія Антонія (Моисей страдалъ въ узахъ 5 лѣтъ, а 6 за чистоту), вывелъ заключеніе о томъ, что мятежъ, во время котораго убита госпожа Моисеева, случился черезъ 11 лѣтъ послѣ 1118 года, т.-е. въ 1030 году. Этотъ же 1030 годъ (лѣтописи) послужилъ для Кассіана основаніемъ установить годы: 1031 для прибытія Моисея въ монастырь и 1032 для постриженія Өеодосія. Отсюда слѣдуетъ, что Кассіанъ руководился не Житіемъ Антонія, а только Поликарповымъ посланіемъ, сопоставленнымъ съ лѣтописью.

мира»; въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ) вмѣсто «тои же осени» читается «в си же времена»; ср. въ общер. сводѣ ниже «И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира». Отчего же произошла замѣна неопредѣленнаго «в си же времена» опредѣленнымъ «тои же осени»? Замѣна эта тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что самый годъ 6551 для брака Казимирова недостовѣренъ и вставленъ составителемъ Нач. свода (а за нимъ составителемъ общерусскаго свода), какъ мы видѣли, предположительно. Думаю, что слова «Тои же осени» попали въ общерусскій сводъ изъ другого источника, а именно изъ Новгородскаго свода, гдѣ они читались непосредственно за разсказомъ о пораженіи Владимира Ярославича Греками; слова эти относились къ слѣдовавшему за этимъ разсказамъ въ Новгородскомъ сводѣ извѣстію о походѣ Владиміра на Емь, которое общерусскій сводъ, какъ видно изъ Новгор. 4-й и древнѣйшихъ списковъ Соф. 1-й, помѣстилъ подъ 6551 годомъ.

Мы говорили уже о вставкѣ словъ «двожды в лодьяхъ». Обращаемъ вниманіе на слова Ярослава, обращенныя къ Казимиру: «ели отець твой Болеславъ побѣдивъ мене, и полони людій моихъ за ся, то дай ми за вѣно». Думаю, что они читались и въ Житіи Антонія, ибо, конечно, требованіемъ Ярослава вознагражденія за помощь противъ Моислава было естественно объяснить необычное и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнное вѣно, полученное имъ за сестру. Точно ли Ярославъ и въ Житіи Антонія называлъ Болеслава отцомъ Казимира? Болеславъ Храбрый приходился дѣдомъ Казимира, но возможно, что Житіе Антонія, какъ мы знаемъ, не очень точное въ своихъ историческихъ данныхъ, допустило эту ошибку.

Наконецъ, въ концѣ сообщенія, восходящаго къ Житію Антонія, читаемъ: «Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля». Думаю, что и это извѣстіе (которому нельзя, разумѣется, придавать хронологической цѣнности, но которое вѣрно по существу) восходитъ къ Житію Антонія. Оно можетъ принадлежать современнику—лицу, знавшему, что Казимиръ приходился зятемъ Изяславу и дядей Святополку, знавшему, что княгиня Изяславляя (умерла въ 1108 году) дочь того самаго Казимира, о которомъ идетъ рѣчь.

§ 191[19]. Еще нѣсколько извѣстій общерусскаго свода должны быть, какъ кажется, возведены къ Житію Антонія. Подъ 6560 (1052) г. читаемъ въ сводѣ 1448 г. «Того же лѣта начало Печерскому монастырю отъ Антонія, а въ Кіевъ пришли тріе пѣвци изъ Грекъ съ роды своими» (Соф. 1-я и Новгор. 4-я) [1]). Замѣчательно, что нѣкоторыя компиляціи, восходящія въ концѣ концовъ къ общерусскому своду, помѣщаютъ эти извѣстія и подъ другими годами. Въ Львовской лѣтописи подъ 6525 (1017): «Того же лѣта пріиде Антоней изъ Царяграда и съ нимъ ти певцы въ печеру» (списокъ Публ. библ.). Въ лѣтописи Авраамки подъ 6545 (1037): «При семъ и Антоній Печерскый бысть. В то же время пѣвци три пріидоша изъ Царяграда». Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ: «Принесенъ (чит: при семъ) бысть Антоней Печерскый. Въ то же время пріидоша изъ Царяграда три краснопѣвцы». Имѣя въ виду, что общерусскій сводъ представлялъ соединеніе нѣсколькихъ источниковъ, нахожу возможнымъ допустить, что онъ о началѣ Печерскаго монастыря говорилъ два раза: первый, подъ 6545, послѣ сообщенія объ основаніи Ярославомъ церквей и монастырей; а второй, подъ 6560, подъ вліяніемъ того, что Повѣсть вр. л. (главный источникъ общерусскаго свода) говорила о началѣ Печерскаго монастыря подъ 6559 годомъ. Въ первомъ сообщеніи говорилось, какъ въ лѣтописи Авраамки: «При семъ и Антоній Печерскый бысть. Въ то же время пѣвцы три с роды своими пріидоша изъ Грекъ»; во второмъ говорилось, какъ въ Хронографѣ, о томъ, что Антоній началъ ставить монастырь. Составитель

---

[1]) Ср. въ Хронографѣ подъ тѣмъ же годомъ: „преподобный Антоній нача ставити монастырь Печерскый въ Кіевѣ при великомъ князѣ Ярославѣ“. Въ Ермол.: „Того же лѣта прииде изъ Святыя Горы Антонии и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополитъ а в Киевъ прішли три пѣвци изъ Грекъ с роды своими“. Въ Тверск. сб.: „Въ лѣто 6560... О началѣ Печерскаго манастыра. Того же лѣта пріиде Антоній изъ Святыа Горы, и нача жити въ печерѣ, юже преже ископа Ларіонъ, егоже поставилъ Ярославь митрополитомъ. О демественомъ пѣтіи на Руси. Того же лѣта пріидоша изъ Грекь 3 пѣвци съ роды своими въ Кіевь“. Никон. подъ 6559 помѣщаетъ Сказаніе о нач. Печ. монастыря, а потомъ извѣстіе: „Того же лѣта пріидоша въ Кіевъ тріе пѣвцы отъ Грекъ съ роды своими“.

свода 1448 года первое сообщеніе перенесъ ко второму подъ 6560 годъ; составитель Хронографа опустилъ совсѣмъ первое сообщеніе; составитель Ростовской компиляціи также перенесъ первое сообщеніе ко второму подъ 6560; составитель Львовской лѣтописи перенесъ (непосредственно изъ источника, восходящаго въ концѣ концовъ къ общер. своду) первое сообщеніе вмѣстѣ съ фразой «Посемъ нача вѣра крестьяньская и простиратися въ Руской земли» подъ 6525 годъ въ виду того, что подъ 6525 г. сообщалось то же, что подъ 6545 (о закладкѣ св. Софіи); составитель общаго для Архангелогородской лѣтописи и лѣтописи Авраамки источника сохранилъ первое сообщеніе, но зато опустилъ второе.

Откуда же какъ ни изъ Житія Антонія могли попасть въ общерусскій сводъ 1423 года сообщенія, какъ о томъ, что Антоній сталъ извѣстенъ при Ярославѣ, причемъ, очевидно, къ нему въ монастырь пришли три пѣвца, такъ и о томъ, что Антоній построилъ монастырь? Второе сообщеніе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы уже знаемъ о Житіи Антонія, всю честь основанія и построенія монастыря приписывавшаго Антонію, а не Θеодосію. Сообщеніе же о прибытіи трехъ пѣвцовъ должно быть комментировано именно такъ, какъ комментировали его составитель Тверского сборника, съ одной стороны (пѣвцы установили демественное пѣніе на Руси), составитель Архангелогородской лѣтописи, съ другой (эти пѣвцы были краснопѣвцами); ср. такой же комментарій въ Степенной книгѣ («отъ нихъ же начатъ быти въ Рустѣй земли ангелоподобное пѣніе изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное согласованіе и самое красное демественное пѣніе»), а также еще у Татищева [1]). Можно именно думать, что и Житіе Антонія это прибытіе пѣвцовъ поставило въ связь съ установленіемъ на Руси демественнаго пѣнія и со введеніемъ Студійскаго устава въ Печерскомъ монастырѣ. Сказаніе о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, приписывало уставленіе

[1]) Подъ 1053 годомъ читаемъ: „Сегожъ года пришелъ митрополитъ Георгій изъ Царяграда и съ нимъ три человѣка съ роды своими Демественники, и учаху въ Руси пѣти на 8 голосовъ“. Какъ попалъ къ Татищеву митрополитъ Георгій, мнѣ не ясно.

«како пѣти пѣнья манастырьская» Θеодосію, но Житіе Антонія относило его ко времени болѣе раннему, полагая, что и Студійскій уставъ введенъ въ монастырѣ еще преп. Антоніемъ (ср. объ этомъ выше въ § 191[10]). Оговариваюсь здѣсь относительно того, что Житіе Антонія не давало, повидимому, точнаго указанія на время прибытія пѣвцовъ; общерусскій сводъ отнесъ его къ 6545 (1037) году потому, что подъ этимъ годомъ говорилось вообще о началѣ монастырскаго житія на Руси.

Послѣднимъ заимствованіемъ общерусскаго свода изъ Житія Антонія представляется слѣдующее извѣстіе, помѣщенное въ немъ, судя по своду 1448 г., подъ 6565 (1057 годомъ): «Тогда бысть игуменъ Θеодосій Печерскій въ Кіевѣ» (Соф. 1-я и Новг. 4-я) [1]). Оставляю нерѣшеннымъ вопросъ, почему это извѣстіе читалось въ Житіи Антонія подъ 6565 годомъ. Но, имѣя въ виду, что именно около этого года случилось постриженіе Θеодосія (см. объ этомъ ниже, въ главѣ XVI), думаю, что и въ Житіи Антонія этотъ годъ означалъ годъ прибытія къ Антонію и постриженія отъ него Θеодосія.

ГЛАВА XIII.

Сказанія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

§ 192. Полученные, благодаря предшествующему изслѣдованію, результаты даютъ намъ возможность приступить къ подробному анализу начальной части древней лѣтописи, сказаній о Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ. Въ нашемъ анализѣ мы отправляемся не отъ текста Повѣсти вр. лѣтъ, а отъ текста Начальнаго Кіевскаго свода, дошедшаго до насъ, какъ я думаю, въ довольно исправномъ видѣ, въ изслѣдуемой части его, въ составѣ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода. Я убѣжденъ въ

---

[1]) То же въ Хронографѣ, въ Ермол. (подъ 6562), въ Львовск. (подъ 6562), въ лѣтописи Авраамки (подъ 6563). Въ Архангелогородской читаемъ подъ 6563: „При семъ бысть Антоній Печерскій, и собрашася къ нему братій 12, къ нему же и Θеодосій пришедъ пострижеся“, а вслѣдъ затѣмъ: „Въ лѣто 6567, Антоній Печерскій и Θеодосій заложили церковь святыя Богородицы въ Печерскомъ монастыри. Въ Патерицѣ писано о нихъ. А создана по нихъ Θеодосіемъ лѣта 6570“.

томъ, что соотвѣтствующій текстъ Повѣсти вр. лѣтъ вполнѣ удовлетворительно объясняется изъ текста Начальнаго свода; но для того чтобы не быть голословнымъ, присоединю въ концѣ настоящей главы нѣсколько строкъ относительно того, какъ видоизмѣнился текстъ начальной части Начальнаго свода подъ перомъ редактора Повѣсти вр. лѣтъ.

Начальный сводъ появился, какъ мы знаемъ, около 1095 года. Въ числѣ источниковъ онъ имѣлъ два старшихъ свода—Древнѣйшій Кіевскій сводъ и Новгородскій сводъ XI вѣка; послѣдній, какъ доказано, представляется переработкой Кіевскаго свода. Поэтому ставимъ прежде всего вопросъ, не отразились ли въ сказаніяхъ о первыхъ русскихъ князьяхъ указанные два источника—кіевскій и новгородскій?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ должно признать кіевскимъ: ср. топографическую освѣдомленность разсказчика (увозъ Боричевъ, гора Щековица, гора Хоривица, рѣка Лыбедь); равнымъ образомъ кіевскимъ представляется преданіе объ убіеніи Аскольда и Дира Олегомъ и Игоремъ (ср. гора Угорское, Олминъ дворъ, церковь св. Николы, церковь св. Ирины); напротивъ, преданіе о призваніи варяжскихъ князей носитъ слѣды новгородскаго происхожденія; сошлюсь и здѣсь на топографическую освѣдомленность разсказчика: конечно, Бѣлоозеро было извѣстно кіевлянамъ, но стали ли бы они упоминать объ Изборскѣ, совсѣмъ незначительномъ городкѣ Новгородской области? Равнымъ образомъ новгородское происхожденіе занесеннаго въ Начальный сводъ преданія о смерти Олега въ Ладогѣ и о могилѣ его въ Ладогѣ совершенно очевидно (это новгородское преданіе вытѣснено въ Повѣсти вр. лѣтъ другимъ кіевскимъ).

Итакъ мы видимъ на пространствѣ первыхъ страницъ Начальнаго свода сплетеніе преданій кіевскихъ и новгородскихъ. Это обстоятельство вполнѣ согласно съ предположеннымъ нами существованіемъ двухъ источниковъ—кіевскаго и новгородскаго—у составителя Начальнаго свода.

§ 193. Попыткѣ опредѣлить, что̀ именно должно возвести къ кіевскому и что̀ къ новгородскому источнику, мы предпошлемъ

еще слѣдующія указанія на наличность двухъ или нѣсколькихъ источниковъ для разсматриваемой части Начальнаго свода. Указанія эти извлекаются изъ того впечатлѣнія, которое производятъ нѣкоторыя изъ содержащихся въ ней сказаній: въ нихъ нѣтъ цѣльности, соотвѣтствія подробностей основному замыслу, въ нихъ замѣчается компромиссъ, согласованіе двухъ версій, двухъ источниковъ. Такъ въ разсказѣ о призваніи князей называются сначала три племени, а потомъ четыре: сначала Словѣне, Кривичи, Меря; затѣмъ Словѣне, Кривичи, Меря и Чудь; въ призваніи князей участвуютъ четыре племени, а князей на зовъ является трое; садятся эти князья не въ центрахъ, которые были средоточіемъ призвавшихъ ихъ племенъ, а въ городахъ, не имѣющихъ какъ будто прямого отношенія къ этимъ племенамъ: Новгородъ составляетъ исключеніе—это центръ Словѣнъ, и въ немъ садится Рюрикъ; но почему Труворъ садится именно въ Изборскѣ, а не въ Псковѣ, Полотскѣ или Смоленскѣ, которые всѣ имѣютъ болѣе права назваться центрами Кривичей, чѣмъ Изборскъ? Правда, въ XVI вѣкѣ составитель Архангелогородскаго лѣтописца далъ намъ комментарій, какъ будто разъясняющій наше недоумѣніе: упомянувъ объ Изборскѣ, онъ говоритъ: «а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ болшій городъ». Но, конечно, такой комментарій доказываетъ только то, что и въ XVI вѣкѣ поселеніе Трувора въ Изборскѣ, а не въ большомъ городѣ Кривичскомъ, вызывало недоумѣніе книжниковъ [1]). Еще непонятнѣе поселеніе Синеуса на Бѣлѣозерѣ, въ области не Мери, участвовавшей въ призваніи, а Веси, не принимавшей въ немъ участія [2]). Правда, составитель Повѣсти вр. лѣтъ присоединилъ Весь къ числу племенъ, призвавшихъ князей, но такое несом-

---

[1]) Ср. въ Степ. книгѣ: „Отъ Варягъ бо Руссію прозвахомся, а преже Словени быхомъ, еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда началный градъ въ странѣ той, зовомый Изборескъ, идѣже преже господьствуя Труворъ" (П. С. Р. Л. XXI, 6).

[2]) Что на Бѣлоозерѣ сидѣла Весь, а не Меря, ясно изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ. Приведу слова, сказанныя въ 1471 году на новгородскомъ вѣчѣ: „потомъ же правнукъ его (Рюрика) князь великій Владимеръ крестися и всѣ земли наши крести: Рускую, и нашу Словѣнску, и Мерску, и Кривичску, Весь, рекше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи и прочаа" (П. С. Р. Л. VIII, 160).

мѣнно позднѣйшее распространеніе текста доказываетъ только, что уже въ началѣ XII вѣка поселеніе Синеуса на Бѣлоозерѣ, а не въ области Мери (въ Ростовѣ), вызвало недоумѣніе внимательнаго лѣтописца.

Въ сказаніи объ овладѣніи варяжскими князьями Кіевомъ насъ останавливаетъ въ Начальномъ сводѣ выставленіе дѣйствующими лицами Игоря и Олега одновременно; вслѣдствіе этого разсказъ ведется въ двойственномъ числѣ: начаста воевати, налѣзоста Днѣпрь рѣку, узрѣста городъ Кыевъ, потаистася въ лодьяхъ, излѣзоста на брегъ, съзваста Асколда и Дира, и т. д. Впечатлѣніе получается такое, что мы имѣемъ дѣло съ двумя князьями,—но Игорю вкладываются въ уста слова: «вы нѣста князя, ни роду княжа; но азъ есмь князь и мнѣ достоитъ княжити»; выше отношеніе Олега къ Игорю опредѣляется какъ отношеніе воеводы къ князю (Олегъ названъ воеводой Игоря). Но если Игорь князь, а Олегъ воевода, то разсказъ долженъ былъ бы вестись въ единственномъ числѣ, ср. ниже единственное число въ разсказѣ объ Игорѣ и Свѣнельдѣ. Составитель Повѣсти вр. лѣтъ даетъ иное толкованіе отношеній Игоря къ Олегу: Олегъ княжитъ вслѣдствіе малолѣтства Игоря; сообразно съ этимъ въ соотвѣтствующемъ разсказѣ объ овладѣніи Кіевомъ находимъ всюду единственное число: поиде внизъ, увидѣ Олегъ, похорони воя, присла къ Асколду и Диру, и т. д.; но одинъ разъ при этомъ является двойственное число: «придоста къ горамъ къ Киевьскимъ». Это двойственное число обличаетъ явную передѣлку въ Повѣсти вр. лѣтъ первоначальнаго разсказа, ведшагося въ двойственномъ числѣ. Слѣдовательно, редакція Нач. свода (Новгор. 1-й лѣтописи) болѣе первоначальная, и мы остаемся лицомъ къ лицу съ недоумѣннымъ вопросомъ, почему пришлось вести разсказъ въ двойственномъ числѣ, если Игорь князь, а Олегъ воевода. Недоумѣніе наше увеличивается еще болѣе, когда увидимъ ниже, что Олегъ выступаетъ самостоятельно отъ Игоря въ походѣ противъ Грековъ: передъ нами, конечно, князь, а не воевода. Правда, въ концѣ статьи объ этомъ походѣ прибавлено, очевидно, для низведенія Олега въ санъ воеводы: «Пріиде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю», но послѣднія слова имѣютъ характеръ явной вставки.

§ 194. Такимъ образомъ, мы обнаруживаемъ въ сказаніяхъ о призваніи князей, объ овладѣніи ими Кіева и о походѣ Олега слѣды спайки двухъ или нѣсколькихъ источниковъ, слѣды компромисса между ними. Имѣемъ возможность указать еще на явную тенденціозность сказанія объ овладѣніи Кіевомъ. Мы привели слова, съ которыми Игорь обращается къ Аскольду: Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ (ср. выше: «и бѣста княжаща в Киевѣ»), а Игорь говоритъ имъ, что они не князья и не роду княжа; въ очевидномъ соотвѣтствіи съ этимъ, выше объ Аскольдѣ и Дирѣ сказано, что это были два Варяга, назвавшіеся князьями («и нарекостася князема»). Повѣсть вр. лѣтъ и здѣсь приходитъ на выручку, комментируя соотвѣтствующія слова, вложенныя въ уста Олегу, такъ, что Аскольдъ и Диръ были боярами Рюриковыми, отпросившимися въ Царьградъ и безъ разрѣшенія князя засѣвшими въ Кіевѣ; но, конечно, такой комментарій, облегчая формальное пониманіе Олеговыхъ словъ, нисколько не дѣлаетъ разсказа болѣе правдоподобнымъ. Какъ же опредѣлить отмѣченную нами тенденцію, сквозящую въ рѣчи Игоря и въ признаніи Аскольда и Дира самозванными князьями? Я думаю, что здѣсь сказалось историко-политическая концепція составителя Начальнаго свода, ставившая единство земли Русской въ связь съ единствомъ княжескаго рода. Этотъ единый княжескій родъ является эмблемой единой Русской земли. Но если княжескій родъ исконно единъ, то другіе князья, князья не этого рода, должны быть: или признаны самозванными—этимъ признаніемъ устранялось значеніе преданія о князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ; или—это не князья, а воеводы княжескіе, дѣйствовавшіе по порученію и отъ имени князя; князь Олегъ превращенъ въ воеводу.

Слѣдовательно, кромѣ спайки разныхъ источниковъ, комбинаціи занесенныхъ въ нихъ преданій, мы въ Начальномъ сводѣ усматриваемъ еще важный факторъ: тенденціозное изложеніе и тенденціозное освѣщеніе извлеченныхъ изъ источниковъ и преданій фактовъ.

Въ нашемъ анализѣ мы и отправляемся, съ одной стороны, отъ наличности въ распоряженіи составителя Начальнаго свода по крайней мѣрѣ двухъ источниковъ—кіевскаго и болѣе поздняго новгородскаго, съ другой же стороны, изъ того положенія, что,

соединяя свои источники, составитель Начальнаго свода придавалъ имъ тенденціозную окраску.

§ 195. Начнемъ со сказанія о призваніи князей. Не найдемъ-ли мы здѣсь вліянія двухъ источниковъ (кіевскаго и новгородскаго), съ одной стороны, тенденціознаго освѣщенія старыхъ преданій, съ другой? Какъ указано выше, сообщеніе о городѣ Трувора Изборскѣ принадлежитъ новгородскому источнику. Слѣдовательно, все сообщеніе о томъ, гдѣ сѣли призванные князья—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, можно признать новгородскимъ. Рѣшимся-ли мы, однако, признать вообще все сказаніе новгородскимъ? Рѣшимся-ли мы возвести его къ Новгородскому своду и отрицать существованіе его въ Древнѣйшемъ кіевскомъ? Указанныя выше соображенія заставляютъ насъ отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Мы отмѣтили несоотвѣтствіе городовъ: Новгорода, Бѣлоозера и Изборска четыремъ племенамъ, участвовавшимъ въ призваніи—Славянамъ, Кривичамъ, Мерянамъ и Чуди. Слѣдовательно, если города принадлежатъ новгородскому источнику, то племена мы должны возвести къ другому источнику, а именно къ кіевскому. Но, какъ мы указывали, въ началѣ сказанія являются только три первыя племени, а потомъ къ нимъ присоединяется еще четвертое племя—Чудь. О сколькихъ же племенахъ повѣствовалъ кіевскій источникъ? Считаю вѣроятнымъ, что только о трехъ. Ср. ниже несомнѣнное заимствованіе изъ кіевскаго источника, гдѣ сообщено о дани, наложенной Игоремъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю («и дани устави, Словеномъ и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Слѣдовательно, четвертое племя—Чудь вставлено новгородскимъ сводомъ—это и естественно; новгородцу было близко извѣстно, что Варяги до послѣдняго времени брали дань съ Чуди, творили насилья надъ Чудью.

§ 196. Выяснивъ такимъ образомъ, что нѣкоторыя подробности, которыми обставленъ разсказъ о призваніи князей, обличаютъ два источника его, двухъ его составителей, обращаемся къ главному его содержанію. Суть его въ томъ, что сѣверныя племена были обложены данью и даже покорены Варягами; возстаніе изгоняетъ насильниковъ; освободившіяся племена начинаютъ управляться самостоятельно, но начавшіеся внутренніе

раздоры приводятъ къ тому, что эти племена призываютъ къ себѣ варяжскихъ князей и покоряются имъ добровольно. Такимъ образомъ, на смѣну того состоянія, которое нарисовано разсказчикомъ въ началѣ, является въ концѣ разсказа прежнее состояніе сѣверныхъ племенъ: сначала подчиненіе ихъ Варягамъ, потомъ освобожденіе, наконецъ опять подчиненіе Варягамъ. Правда, насильственное подчиненіе Варягамъ смѣнилось какъ будто чѣмъ-то инымъ: добровольнымъ подчиненіемъ варяжскимъ князьямъ; но такой выводъ изъ буквальнаго смысла разсказа нисколько не вяжется съ тѣми послѣдствіями, которыя имѣло это добровольное подчиненіе. Послѣдствія эти слѣдующія: во-первыхъ, «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и отъ тѣхъ словетъ Руская земля; и суть Новгородстіи людіе до днешняго дни отъ рода Варяжьска»; какъ ни толковать эту фразу, быть можетъ, даже не читавшуюся именно въ такомъ видѣ въ Начальномъ сводѣ (см. объ этомъ ниже), изъ нея слѣдуетъ, что Варяги и послѣ добровольнаго якобы призванія трехъ князей, пришедшихъ, правда, съ многочисленною дружиной, оказываются находниками и при томъ настолько вліятельными, что даютъ то или иное свое имя принявшей ихъ землѣ. Во-вторыхъ, Словѣне, Кривичи и Меря, т.-е. тѣ самыя племена, которыя добровольно призвали Варяжскихъ князей, облагаются нѣсколько позже данью въ пользу опять-таки Varяговъ; даже не въ пользу кіевскаго князя или его дружины, а, какъ по крайней мѣрѣ читается въ дошедшемъ до насъ текстѣ, въ пользу именно Варяговъ («и дани устави, Словеномъ, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Итакъ, опредѣленная нами схема разсказа остается въ силѣ, несмотря на кажущееся различіе обоихъ состояній сѣверныхъ племенъ: передъ освобожденіемъ ихъ отъ ига варяжскаго и послѣ этого освобожденія. Мнѣ кажется, мы въ правѣ признать поэтому, что въ установленной нами послѣдовательности трехъ моментовъ—подчиненіе Варягамъ, освобожденіе, подчиненіе Варягамъ—второй моментъ вставной. Этотъ моментъ говоритъ о возстаніи противъ Варяговъ, объ изгнаніи ихъ за море, о добровольномъ призваніи князей: призваніе князей—это, конечно, самая характерная часть всего эпизода; характерна она и въ смыслѣ опредѣленія той среды, того мѣста, гдѣ могъ возникнуть разсказъ обо всемъ эпизодѣ.

§ 197. Кіевъ не знаетъ призванія князей, приглашенія ихъ на столъ. Напротивъ, въ Новгородѣ это для позднѣйшихъ вѣковъ его жизни вполнѣ обычное явленіе. Но не коренится-ли начало его въ глубокой древности, не стоитъ-ли оно въ связи со всѣмъ строемъ государственно-правовыхъ отношеній Новгорода? Преданіе, какъ мы видѣли, записанное въ Новгородѣ и попавшее въ Начальный сводъ изъ Новгор. свода, влагало въ уста Новгородцамъ, пришедшимъ къ Святославу просить себѣ князя, такую рѣчь: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ собѣ князя»: эти слова находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ рѣшеніи вѣча, сообщенномъ въ сказаніи о призваніи Варяговъ: «поищемъ собѣ князя». Уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ XI столѣтія новгородское вѣче рѣзко проявляетъ свою самостоятельность: князь Глѣбъ Святославичъ изгоняется изъ города. Такое проявленіе вѣча едва-ли не вызвано какою-либо виной изгнаннаго князя, нарушеніемъ имъ той или иной вольности новгородской, опиравшейся на грамотѣ Ярослава. Трудно сомнѣваться въ томъ, что именно во времена Ярослава Новгородъ пріобрѣлъ какія-то особенныя права; договорныя отношенія Новгорода къ князьямъ въ XII и XIII столѣтіяхъ опирались на эти древнія права; ясное свидѣтельство находимъ, напримѣръ, въ словахъ суздальскаго лѣтописца XII в., который не отрицаетъ того, что «издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ» (Лавр. подъ 1169 г.). Вотъ первое и главное основаніе, которое я выставляю въ пользу того, что весь разсказъ объ освобожденіи Новгородцевъ и другихъ племенъ отъ Варяговъ и далѣе о призваніи ими князей происхожденія новгородскаго, а не кіевскаго.

Вторымъ основаніемъ выставлю то, что этотъ разсказъ сообщаетъ о томъ, какъ появилась княжеская власть именно въ Новгородѣ: происхожденіе этой власти въ Кіевѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, иное; варяжскіе князья призваны не всѣми русскими племенами, не всею землею, а только Новгородцами и другими сѣверными племенами; слѣдовательно, разсказъ о призваніи князей представляетъ по своему замыслу законченное цѣлое; невѣроятно, чтобы кіевскій лѣтописецъ могъ съ такой опредѣленностью возсоздать хотя бы и фантастическій разсказъ о событіи, представлявшемъ для него лишь попутный интересъ.

Третьимъ основаніемъ въ пользу новгородскаго происхожденія интересующаго насъ разсказа — это отмѣченная выше топографическая освѣдомленность автора его: въ Кіевѣ не могли вспомнить объ Изборскѣ; не стали бы тамъ упоминать о Бѣлоозерѣ въ разсказѣ о призваніи княжеской династіи, пріобрѣтшей въ скоромъ времени значеніе общерусское.

Четвертымъ основаніемъ въ пользу иного происхожденія разсказа объ освобожденіи отъ Варяговъ и призваніи князей сравнительно съ сообщеніемъ объ обложеніи сѣверныхъ племенъ данью въ пользу Варяговъ, я считаю несогласованность того разсказа съ этимъ сообщеніемъ. Выше я уже указывалъ, что города, гдѣ сѣли Рюриковы братья, не находятъ себѣ соотвѣтствія въ тѣхъ племенахъ, которыя были обложены данью въ пользу Варяговъ; отмѣчу еще, что разсказъ объ освобожденіи отъ Варяговъ какъ будто еще тѣсно связывается съ предыдущимъ сообщеніемъ объ обложеніи сѣверныхъ племенъ данью; свергаютъ иго варяжское тѣ самыя племена, которымъ Варяги творили насилья; но дальнѣйшій разсказъ о самомъ призваніи Варяговъ переноситъ насъ въ другую обстановку: передъ нами вѣче старшаго города, а не вѣчевое собраніе трехъ племенъ; призванные имъ князья садятся, старшій— въ старшемъ городѣ, а младшіе въ пригородахъ; Изборскъ и Бѣлоозеро представлены какъ бы пригородами новгородскими. Такимъ образомъ разсказъ о призваніи варяжскихъ князей, сопоставленный съ сообщеніемъ объ обложеніи сѣверныхъ племенъ данью, долженъ быть признанъ новгородскимъ, между тѣмъ какъ упомянутое сообщеніе признаемъ, въ силу отмѣченнаго противоположенія, кіевскимъ.

Пятое основаніе вытекаетъ изъ только что сдѣланнаго вывода. Кіевская лѣтопись сообщала объ обложеніи сѣверныхъ племенъ, и между прочимъ новгородцевъ, данью варяжскою. Новгородскій лѣтописецъ не отрицаетъ этого факта, но объясняетъ его добровольнымъ подчиненіемъ Новгорода: насильниковъ Новгородскіе люди сумѣли прогнать за море, а подчинились впослѣдствіи варяжскимъ князьямъ добровольно, требуя и отъ нихъ водворенія порядка и праваго суда. Нельзя не видѣть въ такомъ воспроизведеніи историческаго событія проявленія мѣстнаго свободолюбиваго духа; передъ нами тотъ самый новгородскій книжникъ,

который другой разъ, при другихъ обстоятельствахъ сумѣетъ отстоять вольности родного города отъ поползновеній пришлаго князя.

§ 198. Предыдущія соображенія приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: Древнѣйшая Кіевская лѣтопись сообщала о покореніи сѣверныхъ племенъ—Словѣнъ, Кривичей и Мери Варягами и объ обложеніи ихъ данью. Сообщеніе это оканчивалось словами, которыя въ Новгородской 1-й изложены такъ: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля; и суть Новгородстіи людіе до днешняго дне отъ рода Варяжьска». Могли ли они быть изложены такъ же въ Древн. Кіевскомъ сводѣ? Находимъ два основанія для отрицанія такой возможности: во-первыхъ, соотвѣтствующая имъ фраза въ Повѣсти вр. лѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, что слова эти въ Новгородской 1-й лѣтописи заимствованы не изъ Начальнаго свода; къ Начальному своду можно возвести, съ одной стороны, мѣста общія Новгородской 1-й лѣтописи и Повѣсти вр. лѣтъ; съ другой, тѣ мѣста Новгор. 1-й лѣтописи, изъ которыхъ могутъ быть выведены соотвѣтствующія чтенія Повѣсти вр. лѣтъ. Въ данномъ случаѣ Повѣсть вр. лѣтъ представляетъ слѣдующее чтеніе: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля; а Новъгородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни». Такое чтеніе извлекаемъ изъ Радзив., Троицк. и Моск.-Акад. списковъ. Лавр. списокъ даетъ возможность для древнѣйшей редакціи Повѣсти вр. лѣтъ предполагать болѣе полное чтеніе, а именно: «И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ [1]), прозвася Руская земля, Новъгородьстии суть людие [2]) отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни». Итакъ Повѣсть вр. лѣтъ вмѣсто «прозвашася Русь» даетъ чтеніе «прозвася Руская земля» и опускаетъ дальнѣйшее: «и отъ тѣхъ словетъ Руская земля»; кромѣ того она прибавляетъ въ концѣ «преже бо бѣша Словѣне». Нельзя не признать поэтому чтенія

[1]) Слова „Варягъ находьникъ тѣхъ" въ Лавр. опущены, вѣроятно, по причинѣ механической—повторенія слова „тѣхъ".

[2]) Слова „Новъгородьстии суть людие" въ Лавр. испорчены въ „Новогородьци ти суть людье", и кромѣ того прибавлено (повидимому, изъ списка, сходнаго съ Радз.) послѣ „людье": „Новогородьци". Въ Радз. эти слова изложены такъ: „Новъгородъ тіи суть людье Новгородци".

Повѣсти вр. лѣтъ какъ-будто болѣе первоначальнымъ, чѣмъ чтеніе Новгородской 1-й лѣтописи: въ этой послѣдней тавтологія «и отъ тѣхъ... прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля» указываетъ на комбинацію двухъ источниковъ; опущеніе «преже бо бѣша Словѣне» представляется поправкой, ибо слова эти сами по себѣ темны, и удаленіе ихъ изъ текста было поэтому естественно.

§ 199. Оставимъ поэтому пока въ сторонѣ Новгородскую 1-ю лѣтопись и приступимъ къ анализу возстановленной нами фразы Повѣсти вр. лѣтъ. Ставимъ прежде всего вопросъ, читалась-ли эта фраза такъ же въ Начальномъ сводѣ, непосредственно предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ? Для рѣшенія этого вопроса привлекаю дальнѣйшій текстъ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 885 годомъ и соотвѣтствующее ему мѣсто въ Новгородской 1-й лѣтописи. Въ послѣдней читаемъ: «И бѣша у него (у Игоря) Варязи мужи Словенѣ и оттолѣ [1]) прозвашася Русью»; въ Повѣсти вр. лѣтъ: «И бѣша у него (Олега) Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью». Вставка словъ «и прочи» весьма характерна именно для Повѣсти вр. лѣтъ, которая, какъ увидимъ, проводитъ тенденціозно теорію варяжскаго происхожденія Руси; теорія эта находила себѣ опроверженіе въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Начальнаго свода, ибо оказывалось, что Варяги назвались Русью только послѣ перехода въ южную Русь; но вставка словъ «и прочи» устранила возникшее было затрудненіе. Слѣдовательно, Начальный сводъ сообщалъ о томъ, что Варяги (или Варяги и Словѣне) прозвались Русью, только перейдя въ южную Русь, осѣвши въ Кіевѣ. Нахожу поэтому невѣроятнымъ, чтобы тому же Начальному своду принадлежало указаніе на то, что Русская земля прозвалась такъ отъ Варяговъ, въ особенности потому, что указаніе это стоитъ тамъ, гдѣ о превращеніи Варяговъ въ Русь (по переселеніи ихъ

---

[1]) Такъ въ Комм., гдѣ надъ строкой приписано „прочии"; въ Толст.: „и оттолѣ прочіи". Но это „прочіи" заимствовано изъ Троицк. списка, а путемъ его изъ Повѣсти вр. лѣтъ. Чтеніе Комм. списка находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Карамзинскомъ спискѣ Новгор. лѣтописи, который считаю спискомъ Новгородской 4-й, исправленнымъ по своду 1448 года. Слѣдовательно, и въ сводѣ 1448 года не было слова „прочіи"; не было его и въ Соф. временникѣ; не было и въ Нач. сводѣ.

въ Кіевъ) еще не было рѣчи. Это принуждаетъ меня признать чтеніе Повѣсти вр. лѣтъ измѣненнымъ сравнительно съ предполагаемымъ текстомъ Начальнаго свода. Какъ же читалась соотвѣтствующая фраза въ Начальномъ сводѣ? Исключаемъ возможность того, чтобы въ ней находились слова «прозвася Руская земля». Эти слова замѣнили собой, подъ вліяніемъ теоріи о варяжскомъ происхожденіи Руси, другое чтеніе. Рѣшеніе вопроса, какое же именно чтеніе Начальнаго свода подверглось указанной замѣнѣ, можно бы ждать отъ соотвѣтсвующаго текста Новгородской 1-й лѣтописи, но тамъ еще рѣзче выражено то самое, что мы признаемъ вставкою составителя Повѣсти вр. лѣтъ, вставкою, сдѣланною подъ вліяніемъ варяжской теоріи о происхожденіи Руси: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля»; слѣдовательно, не только Русская земля получила свое имя отъ тѣхъ Варяговъ, но отъ нихъ назвались Русью и призвавшія ихъ племена, или по крайней мѣрѣ Новгородцы. Чтеніе Новгородской 1-й лѣтописи ни въ коемъ случаѣ нельзя возвести къ Начальному своду, во-первыхъ, потому, что оно стоитъ въ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ, гдѣ сказано, что Варяги прозвались Русью, поселившись съ Игоремъ въ Кіевѣ, во-вторыхъ, потому, что оно не разъясняетъ, почему народъ, называвшійся Варягами, далъ имя Руси другимъ племенамъ, въ-третьихъ, потому, что повтореніе—«прозвашася Русь», «словетъ Руская земля» указываетъ на непервоначальность текста, въ-четвертыхъ, потому, что съ приведенною фразой несогласовано ея окончаніе: «и суть Новгородстіи людіе до днешняго дни отъ роду Варяжьска».

Итакъ признаемъ чтеніе Новгородской 1-й лѣтописи непервоначальнымъ и при томъ возникшимъ подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣтъ, ибо именно Повѣсть вр. лѣтъ проводила теорію о варяжскомъ происхожденіи Руси. Имѣя въ виду, что почти такъ же читается въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), дѣлаемъ выводъ, что соотвѣтствующее мѣсто Новгор. 1-й читалось такъ же въ Софійскомъ временникѣ. Софійскій временникъ представляетъ текстъ Начальнаго свода, мѣстами исправленный по протографу Синод. списка (списка Новгор. 1-й старшаго извода): см. объ этомъ ниже въ главѣ XV. Протографъ Синод. списка въ общемъ

повторялъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ второй редакціи. Отсюда заключаемъ о возможности того, что слова «прозвашася Р у с ь, и о т ъ т ѣ х ъ с л о в е т ъ Р у с к а я з е м л я» или точнѣе не всѣ эти слова, а только подчеркнутыя, попали въ Соф. временникъ изъ протографа Синодальнаго списка и далѣе изъ Повѣсти вр. лѣтъ, замѣнивъ другое чтеніе—чтеніе Начальнаго свода. Такое заключеніе ведетъ насъ и къ дальнѣйшему выводу: слово «прозвашася» восходитъ именно къ Начальному своду, ибо оно не находитъ себѣ соотвѣтствія въ Повѣсти вр. лѣтъ, не находило соотвѣтствія, слѣдовательно, и въ протографѣ Синодальнаго списка: мы читаемъ въ Повѣсти вр. лѣтъ «и отъ тѣхъ... прозвася Руская земля»; этому «прозвася» соотвѣтствуетъ въ Соф. временникѣ «словетъ», причемъ замѣна «прозвася» на «словетъ» произошла подъ вліяніемъ наличности слова «прозвашася» въ предшествующемъ текстѣ. Такимъ образомъ видимъ, что въ Начальномъ сводѣ читалось «И отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозвашася х.». Что стояло за «прозвашася», не видно слово изъ предыдущихъ соображеній, но ясно, что не слово «Русь»; это извлечено изъ послѣдующаго, изъ словъ протографа Синод. списка «и отъ тѣхъ... прозвася Русская земля».

Въ изслѣдованіи «Сказаніе о призваніи Варяговъ» я подставилъ вмѣсто X слово «Варягы» (твор. мн.), полагая, что Начальный сводъ сообщалъ при этомъ о томъ, что призвавшія варяжскихъ князей племена прозвались отъ этихъ князей Варягами. Я встрѣтилъ возраженіе въ устной бесѣдѣ со стороны глубокоуважаемаго А. Е. Прѣснякова, съ которымъ я, съ большою всегда пользою для себя, такъ охотно бесѣдую о вопросахъ, связанныхъ съ изслѣдованіемъ русскаго лѣтописанія. А. Е. Прѣсняковъ сообщилъ мнѣ, что онъ вмѣсто «Варягы» предпочелъ бы читать «Новъгородьци», при чемъ поставилъ бы перемѣну племенного названія (Словѣне) на территоріальное (Новгородцы) въ связь съ поселеніемъ Рюрика въ Новгородѣ; ср. замѣну названія Полянъ Кіевлянами. Сначала поправка, предложенная А. Е. Прѣсняковымъ, показалась мнѣ вполнѣ пріемлемою, но теперь, послѣ продолжительныхъ размышленій, я возвращаюсь къ чтенію «Варягы». Мотивировку этого чтенія даю ниже, тамъ, гдѣ возвожу его къ первоисточнику.

§ 200. Такимъ образомъ интересующая насъ фраза въ Начальномъ сводѣ читалась предположительно: «И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозъвашася Варягы, и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣне». Послѣднія четыре слова, опущенныя въ Новгородской 1-й, возвожу къ Начальному своду на основаніи Повѣсти вр. лѣтъ (первой редакціи); Новгородская 1-я, т.-е. Софійскій временникъ, опустила ихъ подъ вліяніемъ протографа Синод. списка, гдѣ они не читались такъ же, какъ не читаются во второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (ср. Ипат. лѣтопись).

§ 200[1]. Какъ же сложилась эта фраза въ Начальномъ сводѣ и какой она имѣетъ смыслъ? Мы знаемъ, что Начальный сводъ соединялъ чтенія Древн. Кіевскаго свода съ чтеніями Новгородскаго свода XI вѣка; знаемъ изъ предыдущаго изслѣдованія, что фразѣ этой предшествуетъ эпизодъ, вставленный изъ Новгородскаго свода; между тѣмъ самую фразу мы признали восходящею къ Древн. Кіевскому своду (гдѣ она читалась, быть можетъ, и не въ томъ видѣ, какъ въ Начальномъ сводѣ). Подтверждаемъ наше заключеніе о томъ, что интересующая насъ фраза попала въ Начальный сводъ изъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, слѣдующимъ соображеніемъ: упомянутые въ ней «тѣ Варяги»— это, конечно, тѣ Варяги, о которыхъ говорилось выше, что имъ давали дань Словѣне, Кривичи и Меря; что это не тѣ Варяги, о призваніи которыхъ только что сообщилъ вставленный изъ Новгородскаго свода эпизодъ, ясно изъ прибавки «находникъ тѣхъ»: этой прибавкой редакторъ Новгородскаго свода только связалъ свой эпизодъ о призваніи Варяговъ (находниковъ) съ дальнѣйшимъ разсказомъ Древн. Кіевскаго свода. Итакъ въ этомъ послѣднемъ читалось: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы», и т. д. Кого же имѣлъ при этомъ въ виду Древн. Кіевскій сводъ, кто же именно прозвался Варягами? Изъ послѣдующаго видно, что дѣло идетъ о Словѣнахъ: «прежде бо бѣша Словѣне»;— видно еще прямѣе, что дѣло идетъ о Новгородцахъ: «и суть Новгородьстии людие до дьньшьняго дьни отъ рода Варяжьска». Между тѣмъ изъ буквальнаго смысла дошедшаго до насъ разсказа, если исключимъ изъ него эпизодъ о призваніи Варяговъ, слѣдуетъ, что Варягами прозвались не одни Новгородцы, не

одни Словѣне, а всѣ четыре племени, платившія дань Варягамъ: Словѣне, Кривичи, Меря и Чудь. Дѣйствительно, ни о Новгородцахъ, ни спеціально о Словѣнахъ выше не упоминается. Но смыслъ фразы Древн. Кіевскаго свода требуетъ дополненія предшествующаго разсказа (замѣненнаго эпизодомъ о призваніи Варяговъ) такимъ текстомъ, гдѣ сообщалось о Новгородцахъ или спеціально о Словѣнахъ. Предполагаю, что мѣсто это содержало приблизительно такія слова: «Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ» и что непосредственно затѣмъ читалось: «И отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Варягы». За приведенными словами находимъ: «и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска». Я думаю, что это не принадлежитъ составителю Древн. Кіевскаго свода: во-первыхъ, слова эти какъ будто ослабляютъ категорическое утвержденіе его, что новгородскіе Словѣне прозвались Варягами; во-вторыхъ, вводитъ совершенно новое данное, а именно о варяжскомъ п р о и с х о ж д е н і и Новгородцевъ, ибо раньше утверждалось только о томъ, что Новгородцы прозвались Варягами. Признаю эти слова комментаріемъ составителя Новгородскаго свода XI вѣка, комментаріемъ къ сообщенію Древн. Кіевскаго свода о томъ, что Новгородцы прозвались Варягами; комментарій ссылается на варяжское происхожденіе многихъ новгородскихъ мужей, не утратившихъ и до послѣдняго времени своего варяжскаго обличія (языка и проч.). Что касается дальнѣйшаго: «прежде бо бѣша Словѣне», то считаю вѣроятнымъ, что эти слова восходятъ къ Древн. Кіевскому своду. Ср. подобное же утвержденіе въ Повѣсти вр. лѣтъ: «отъ Варягъ бо прозвашася Русью, первое бѣша Словѣне» (6406 г.).

§ 201. Приводимъ теперь основанія для предложеннаго выше чтенія «и отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы», дополняя это въ предшествующемъ словами: «Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ». Основанія находимъ въ послѣдующемъ разсказѣ. Мы читаемъ въ немъ о переходѣ сѣвернаго князя (изъ Новгорода) въ Кіевъ; въ Начальномъ сводѣ князь этотъ названъ Игоремъ: «и сѣде Игорь княжа в Кыевѣ; и б ѣ ш а у н е г о В а р я з и м у ж и С л о в ѣ н е, и оттолѣ прозвашася Русью». Такъ читается въ Комм. спискѣ; въ Троицкомъ спискѣ Новгор. 1-й и въ сводѣ 1448 г.: «и бѣша у него мужи Варязи Словени»; въ Повѣсти

вр. лѣтъ, гдѣ сѣверный князь названъ Олегомъ: «бѣша у него Варязи и Словѣни» (Лавр.), «и бѣша у него Словѣни и Варязи» (Ипат.), «и бѣша у него Варязи Словѣни» (утрач. Троицк.). Думаю, что въ Начальномъ сводѣ читалось такъ, какъ въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) и Троицк. спискѣ Новгор. 1-й: «и бѣша у него мужи Варязи Словѣне»; пропускъ слова «мужи» въ Повѣсти вр. лѣтъ объясняю себѣ такъ же, какъ вставку «и прочи» за словомъ «Словѣне»; составитель Повѣсти вр. лѣтъ перенесъ все вниманіе на вторую фразу, на утвержденіе «прозвашася Русью»; въ силу этого онъ видоизмѣнилъ предшествующія подлежащія. Русью прозвались и Варяги и Словѣне и прочіе; вслѣдствіе этого лишнимъ оказывалось опредѣлять предшествующее «бѣша» особымъ подлежащимъ; Русью прозвались не одни «мужи», но и всѣ вообще бывшіе подъ Олегомъ Варяги, Словѣне и прочіе. Обращаю далѣе вниманіе на отсутствіе союза «и»: «Варязи Словѣне»; такъ въ Комм., Троицк., Новгор. 1-й и сводѣ 1448 г. Почему не было сказать «Варязи и Словѣне»? Слово «Словѣне» въ такомъ сочетаніи имѣетъ видъ вставки. Должно предположить болѣе древнее чтеніе «и бѣша у него мужи Варязи»; таково, вѣроятно, чтеніе Древн. Кіевскаго свода; вставка же «Словѣне» едва-ли не принадлежитъ составителю Новгородскаго свода, который, какъ мы видѣли, перенесъ въ свой текстъ слова «и отъ тѣхъ... прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне» и комментировалъ ихъ утвержденіемъ, что дѣйствительно Новгородскіе люди происходятъ отъ рода варяжска. Итакъ въ выясняющемся для Древн. Кіевскаго свода «и бѣша у него мужи Варязи, и оттолѣ прозвашася Русью» вижу соотвѣтствіе предшествующему утвержденію того же свода, по которому Словѣне новгородскіе прозвались Варягами: во-первыхъ, на основаніи этого предшествующаго утвержденія слово Варязи дополнено или комментировано словомъ «Словѣне»; во-вторыхъ, ясно, что самъ Древн. Кіевскій сводъ уже не отличаетъ въ этомъ мѣстѣ Словѣнъ отъ Варяговъ; Олегъ повелъ на Кіевъ Новгородцевъ—это видно изъ всего контекста (ср. ниже § 206), а между тѣмъ мужей Олеговыхъ Древн. Кіевскій сводъ опредѣляетъ какъ Варяговъ.

Переходимъ ко второму основанію; находимъ его тутъ же въ

слѣдующемъ за только что разсмотрѣннымъ мѣстомъ текстѣ: «Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»; такъ въ Комм. спискѣ; приблизительно такъ же въ Троицк. Новгор. 1-й но («устави и дани Словеномъ и Варягомъ даяти, Кривичемъ» и т. д.). Въ Повѣсти вр. л. въ соотвѣтствіи съ этимъ находимъ: «Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти» (Лавр.; между тѣмъ Радз., утрач. Троицк. и Ипат.: «и устави дани Словѣномъ и Кривичемъ и Мерямъ, и устави Варягомъ дань даяти») [1]). Думаю, что чтеніе Нач. свода выясняется безъ труда; это: «и устави дани Словѣномъ и Варягомъ даяти и Кривичемъ и Мери, дань даяти Варягомъ». Дошедшее до насъ чтеніе Повѣсти вр. лѣтъ представляетъ поправки къ первоначальному тексту, поправки вызванныя второй половиной фразы: «дань даяти Варягомъ»; находя здѣсь повтореніе, составитель Повѣсти вр. лѣтъ выпустилъ выше «и Варягомъ даяти»; составитель второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ прибавилъ еще слово «устави» передъ «Варягомъ дань даяти». Какъ же мы поймемъ возстановленную нами фразу Начальнаго свода? Она представляется нелѣпою по своему содержанію. Игорь собиралъ дань, конечно, въ свою пользу, въ пользу своей дружины, и не могъ считать своею обязанностью уставлять дани въ пользу Варяговъ. Невѣроятно, чтобы Словѣне, Кривичи и Меря платили дань за море Варягамъ послѣ политическаго объединенія ихъ подъ главенствомъ Кіевскаго князя. Разумѣть же подъ Варягами Игоря и его мужей мы не имѣемъ основанія между прочимъ потому, что по свидѣтельству Начальнаго же свода Игоревы Варяги, перейдя въ Кіевъ, назвались Русью. Кромѣ того, приведенная выше фраза говоритъ прямо о томъ, что дань была возложена на Словѣнъ, Кривичей и Мерю въ пользу Варяговъ,

[1]) Въ сводѣ 1448 года явно позднѣйшее чтеніе: „Сии же Олегъ нача ставити грады и дани устави по всеи Рускои земли, Словеномъ и Кривичемъ и Меряномъ дань даяти Варягомъ“ (Новг. 4-я и Соф. 1-я). Списокъ Царск. Соф. 1-й, быть можетъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что слова „по всей Рускои земли“ въ общер. сводѣ 1423 г. читались послѣ „нача ставити грады“.

а не въ пользу самого Игоря. Ср. въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6391, 6392, 6393 и др. извѣстія о возложеніи дани Кіевскимъ княземъ въ свою пользу: Олегъ посылаетъ, напр., сказать Вятичамъ: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте». Нелѣпая по своему содержанію, фраза, нами возстановленная, оказывается еще построенною совершенно неуклюже: если въ Начальномъ сводѣ читалось «и Варягомъ даяти», то слѣдовательно, въ этой фразѣ дважды повторено одно и то же, ср. ниже «даяти Варягомъ», причемъ слова «и Варягомъ даяти» представляются прямо излишними; если же въ Начальномъ сводѣ читалось «и Варягомъ», то неясно содержаніе фразы: оказывается, что Варяги въ числѣ прочихъ племенъ платили дань Варягомъ. Правда, въ Повѣсти вр. лѣтъ совсѣмъ опущено это «и Варягомъ»; при этомъ по Лавр. Варяги оказываются въ числѣ прочихъ племенъ, обложенныхъ данью, уплачивавшеюся очевидно уже не Варягамъ, а Кіеву; но такое пониманіе возможно лишь при извѣстной натяжкѣ, ибо слова: «и Варягомъ дань даяти» въ концѣ возстановленной фразы можно относить и къ послѣдующему: «отъ Новагорода гривенъ триста на лѣто»; такъ и понялъ это мѣсто составитель второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, вставившій, какъ мы видѣли, передъ словами «Варягомъ дань даяти»—«устави» [1]). Въ виду этого не могу дать предпочтенія чтенію Повѣсти вр. лѣтъ и считаю его подновленнымъ.

Соображая все изложенное, имѣя въ виду нелѣпость фразы и неуклюжее ея построеніе, я признаю, что фраза эта претерпѣла извѣстныя редакціонныя измѣненія. Исходя изъ того положенія, что Древн. Кіевскій сводъ отождествилъ новгородскихъ Словѣнъ съ Варягами, я думаю, что въ немъ соотвѣтствующая фраза звучала: «и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Составитель Новгородскаго свода XI вѣка, отмѣтившій это отождествленіе Словѣнъ съ Варягами и протестовавшій противъ него то путемъ комментарія (ср. указанное выше: «и суть Новъгородьстии людие отъ рода Варяжьска»), то путемъ поправки («и бѣша у него мужи Варязи Словѣне», вм. «Варязи»), внесъ соотвѣтственную поправку и здѣсь: онъ далъ вмѣсто «Варягомъ» чтеніе

---

[1]) Лавр.: „и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ триста на лѣто“.

«Словѣномъ и Варягомъ». Составитель Начальнаго свода, говорившій выше о дани, взимавшейся Варягами съ Словѣнъ, Кривичей и Мери, предположилъ ошибку въ чтеніи Новгородскаго свода: стремясь исправить ее, онъ дополнилъ слово «Варягомъ» словомъ «даяти» и прибавилъ дальше для вящшаго поясненія «дань даяти Варягомъ». Такимъ образомъ изъ предложеннаго анализа интересующей насъ фразы Начальнаго свода выяснилось, что она предполагаетъ выше чтеніе «И отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне», ибо соотвѣтствующая интересующей насъ фразѣ фраза Древн. Кіевскаго свода замѣнила ожидаемое имя Словѣнъ именемъ Варяговъ, а поправка Новгородскаго свода предполагаетъ въ источникѣ его наличность подобнаго отождествленія Словѣнъ и Варяговъ.

§ 202. Возвращаемся къ тому первоначальному разсказу, который можетъ быть возстановленъ на основаніи указанныхъ соображеній для Древн. Кіевскаго свода. Исходя изъ соотвѣтствующаго текста Начальнаго свода, отмѣчаемъ все, что въ этомъ послѣднемъ не можетъ восходить къ Древн. Кіевскому своду.

«Въ времена же Кыя и Щека и Хорива Новъгородстии людие, рекомии Словени, и Кривичи и Меря, Словенѣ свою волость имѣли, а Кривичи свою, а Меря свою; кождо своимъ родомъ владяше; а Чюдь своимъ родомъ; и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди». Мы привели текстъ Начальнаго свода и отмѣтили въ немъ разрядкой то, что не можетъ восходить къ Древн. Кіевскому своду. Приведемъ основанія. Слова «Новъгородстии людие» характерны въ устахъ составителя Новгородскаго свода XI вѣка: мы находимъ это выраженіе въ разсказѣ о прибытіи къ Святославу Новгородцевъ съ просьбой дать имъ князя (Нач. св. и Пов. вр. л. подъ 6478), далѣе въ сообщеніи о поставленіи Добрынею кумира надъ Волховомъ (6488 г.); считаемъ поэтому прибавку «Новъгородстии людие» комментаріемъ къ имени Словѣнъ, сдѣланнымъ составителемъ Новгородскаго свода (ср. ниже: «и суть Новъгородьстии людие отъ рода Варяжьска»). Подлежащія: Словѣне и Кривичи и Меря не имѣютъ при себѣ сказуемаго; поэтому считаю слова, читающіяся непосредственно за ними, вставленными

*

позже. Эту вставку, или точнѣе часть этой вставки, я возвожу къ новгородскому источнику Начальнаго свода. Новгородскій лѣтописецъ оттѣнилъ этими словами, читавшимися при томъ, какъ кажется, ниже, послѣ сообщенія объ изгнаніи Варяговъ, что Словѣне, Кривичи и Меря не составляли одной волости, а управлялись другъ отъ друга самостоятельно. Считаю вѣроятнымъ, что соотвѣтствующее мѣсто въ Новгородскомъ сводѣ читалось полнѣе, а именно въ немъ сообщалось о построеніи Словѣнами Новгорода и о старѣйшинѣ новгородскомъ Гостомыслѣ. Какъ мы видѣли (§ 160[1]), Новгородскій сводъ содержалъ упоминаніе о Гостомыслѣ; наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для этого упоминанія былъ разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ изгнанію Варяговъ. Во второй части вставки находимъ: «кождо своимъ родомъ владяше. а Чюдь своимъ родомъ». Эту часть вставки я не могу возвести вмѣстѣ съ началомъ вставки къ одному общему источнику: вѣдь это продолженіе вставки противорѣчитъ ея началу; въ началѣ говорится о томъ, что Словѣне, Кривичи и Меря имѣли свою волость, т.-е. свою государственную власть, свое княженіе; а здѣсь читаемъ: «кождо своимъ родомъ владяше»; итакъ, здѣсь находимъ утвержденіе, что названныя племена жили родами, управлялись родовыми начальниками. Я думаю, что въ этомъ выразилась особенная точка зрѣнія составителя Начальнаго свода, особая его историко-политическая концепція: княжеская власть началась только съ водвореніемъ на Руси княжеской династіи, а бывшіе до того князья—это или самозванцы, или родовые старѣйшины. Та же мысль выражена имъ въ самомъ началѣ: «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»;—эти слова представляются явною вставкой, прибавкой къ послѣдующему разсказу о построеніи Кіева тремя братьями; этимъ словамъ соотвѣтствуютъ во второй части разсматриваемой вставки сначала: «кождо своимъ родомъ владяше», дальше «а Чюдь своимъ родомъ»; ясно, что авторомъ, сочинителемъ обоихъ мѣстъ является одно и то же лицо. Переходимъ къ третьей вставкѣ: мы считаемъ такой вставкой имя Чуди. Ведемъ ее къ Новгородскому своду, основываясь, во-первыхъ, на томъ, что Чудь не названа съ самаго начала, не названа она и ниже въ числѣ племенъ, обложенныхъ Игоремъ данью;

напротивъ, мы находимъ Чудь въ эпизодѣ о призваніи князей, и имени ея соотвѣтствуетъ городъ Изборскъ, пограничный городъ Словѣнъ и Чуди [1]). Эта Чудь была необходима для составителя Новгородскаго свода: иначе онъ не могъ уяснить себѣ поселенія Трувора, одного изъ призванныхъ варяжскихъ князей, въ Изборскѣ. Я думаю, что въ Новгородскомъ сводѣ Чудь была прибавлена уже къ первому перечню племенъ; но Начальный сводъ, руководствуясь Древн. Кіевскимъ сводомъ, опустилъ Чудь въ этомъ первомъ перечнѣ; зато онъ оговорилъ ее особо во вставкѣ «а Чюдь своимъ родомъ» и привелъ ее имя ниже, во второмъ перечнѣ.

§ 203. Приведенный выше разсказъ Древн. Кіевскаго свода, какъ мы предположили (§ 200[1]), продолжался словами: «Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне». Первая фраза возстановлена нами по догадкѣ, а вторая извлечена изъ Начальнаго свода (Повѣсти вр. лѣтъ); слово «Варягы» вставлено на основаніи выше приведенныхъ соображеній.

Каковъ же смыслъ всего этого разсказа Древн. Кіевскаго свода и каково его происхожденіе? Онъ представляется введеніемъ къ дальнѣйшему разсказу о кіевскихъ событіяхъ, къ разсказу о водвореніи варяжскаго князя въ Кіевѣ. Этотъ дальнѣйшій разсказъ основывался на народномъ преданіи, быть можетъ, на народной пѣснѣ о томъ, какъ былъ взятъ Кіевъ вѣщимъ Олегомъ. Предшествующее ему сообщеніе о событіяхъ сѣверныхъ основывалось не на народномъ преданіи и не на припоминаніяхъ, а на комбинаціяхъ кіевскаго лѣтописца. Онъ зналъ, во-первыхъ, изъ народнаго преданія о завладѣніи Кіева княземъ Олегомъ; во-вторыхъ, упорная традиція указывала на варяжское происхожденіе кіевской княжеской династіи и княжескихъ дружинниковъ [2]); въ-третьихъ,

---

[1]) „Изборскъ, поставленный на самой окраинѣ Кривскаго населенія, съ сѣверо-запада, на рубежѣ съ сильною Чудью, и въ сосѣдствѣ Новгородцевъ...“ Барсовъ, Очерки русск. ист. геогр., 180. Соловьевъ утверждалъ, что подъ этой Чудью должно разумѣть „Воть или Водь древней Вожской пятины въ Новгородской области, которыхъ и теперь русскіе сосѣди называютъ не иначе, какъ Чудью“. Ист. Россія, I, 98, пр.

[2]) Приведу, напримѣръ, слѣдующія данныя. Древняя проложная статья о Владимірѣ начинается словами: „Сь бысть сынъ Святославль

современныя отношенія (XI в.) и припоминанія изъ болѣе древнихъ временъ свидѣтельствовали объ объединеніи сѣверныхъ и южныхъ племенъ подъ главенствомъ одного князя; въ-четвертыхъ, земли Словѣнъ, Кривичей и Мери соединялись въ представленіи кіевлянъ въ одномъ общемъ представленіи о верхнихъ, верховныхъ земляхъ [1]); въ-пятыхъ, представленіе о новгородскихъ славянахъ тѣсно связалось съ представленіемъ о Варягахъ, частью отъ того, что въ Новгородѣ, дѣйствительно, жило не мало Варяговъ (ср. въ немъ Варяжскую божницу, Варяжскую улицу), частью отъ того, что Варяги шли въ Кіевъ черезъ Новгородъ и, конечно, увлекали съ собой не мало Словѣнъ, постоянно смѣшиваясь съ ними въ дружинахъ, частью, наконецъ, и отъ того, что близость новгородскихъ владѣній къ Варяжской землѣ переносила естественно на Новгородцевъ имя Варяговъ [2]). Думаю, что

отъ племени Варяжьска князь Володимиръ". Одно изъ древнерусскихъ поученій на недѣлю мытаря и фарисея содержитъ такое мѣсто: „не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ". По объясненію В. О. Ключевскаго „это намекъ на христіанъ варяговъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при князѣ Владимірѣ въ 983 году. Значитъ, русскому обществу XI в. бояринъ русскій представлялся непремѣнно родичемъ, землякомъ кіевскихъ мучениковъ варяговъ, хотя въ X и въ началѣ XI в. извѣстно по лѣтописи, немало княжихъ мужей изъ туземцевъ славянъ", Курсъ русск. ист. I, 197. Бояринъ Шимонъ, игравшій видную роль при дворѣ Изяслава, былъ согласно Патерику варягомъ по происхожденію. Варяжское происхожденіе большинства именъ Олеговыхъ и Игоревыхъ мужей, занесенныхъ въ договоры, стоитъ внѣ сомнѣнія. Родственныя связи Ярослава съ варяжскими конунгами также имѣютъ значеніе въ вопросѣ о варяжскомъ происхожденіи кіевской княжеской династіи.

[1]) Ср. „Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ" (Пов. вр. л. 997 г.). Кіевская лѣтопись подъ 6656 противополагаетъ „верхнія земли" Русской землѣ: „Изяславъ (сидѣвшій въ Кіевѣ) да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земель, а Ростиславъ (сидѣвшій въ Смоленскѣ) да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земль и отъ Варягъ". Подъ 6693 читаемъ въ той же лѣтописи: „Великій князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшетъ въ Корачевъ и сбирашетъ отъ верхъниxъ земель вои". Ср. Соловьевъ, Ист. Россіи I, 225, прим.

[2]) Въ Калужской губерніи Мещовцы называютъ жителей Мосальскаго уѣзда Поляками; въ свою очередь Мосали называютъ Поляками жителей Рославльскаго уѣзда Смоленской губ., и т. д. Дальнѣйшія соображенія о Варяго-Словѣнахъ сообщены ниже, въ §.

указанныхъ элементовъ было достаточно для того, чтобы сложиться разсмотрѣнному выше введенію къ кіевскому преданію о завладѣніи Кіева Олегомъ.

§ 204. Когда Древн. Кіевскій сводъ перешелъ въ Новгородъ, тамъ было обращено особое вниманіе на это введеніе. Новгородскій сводчикъ рѣшился развить его въ самостоятельный и цѣльный разсказъ о древнѣйшей судьбѣ родного города; въ него вставлены имъ данныя, извлеченныя изъ мѣстныхъ преданій. И въ Новгородѣ помнили и знали о владычествѣ Варяговъ; но народное преданіе вспоминало и о сверженіи варяжскаго ига и о самостоятельной жизни Новгорода во времена Гостомысла; надо было объяснить, какъ же исчезла впослѣдствіи эта политическая самостоятельность, какъ попалъ Новгородъ въ зависимость отъ кіевскаго князя. На памяти народной совершился рядъ событій, подсказывавшихъ правдоподобное объясненіе; въ моменты опасности новгородцамъ приходилось не разъ обращаться за помощью къ заморскимъ Варягамъ; вспомнимъ Владиміра, бѣжавшаго изъ Новгорода при тревожныхъ извѣстіяхъ съ юга, Ярослава, не одинъ разъ обращавшагося за варяжской помощью; и Владиміръ и Ярославъ шли затѣмъ съ призванными ими Варягами на югъ и утверждали тамъ свое господство; и если Древн. Кіевскій сводъ разсказывалъ о подобномъ же движеніи сѣвернаго князя на югъ во главѣ Новгородцевъ и Варяговъ, то появленіе Варяговъ, съ точки зрѣнія новгородца, можно было объяснить только ихъ призваніемъ, приглашеніемъ самимъ Новгородомъ. Итакъ, сравнительно недавнее прошлое давало новгородскому лѣтописцу возможность прибѣгнуть къ объясненію появленія Варяговъ въ Новгородѣ и ихъ похода на Кіевъ въ союзѣ съ Новгородцами призваніемъ ихъ самимъ Новгородомъ. Но лѣтописцу приходится идти дальше: изъ Древн. Кіевскаго свода ясно, что во главѣ Варяговъ, овладѣвшихъ Кіевомъ, находился варяжскій князь и что этотъ самый князь обложилъ между прочимъ и Словѣнъ данью въ пользу Кіева; сообщеніе о дани въ пользу Кіева соотвѣтствовало и современной дѣйствительности (ср. §); не отрицалъ новгородскій лѣтописецъ и сообщенія о варяжскомъ происхожденіи княжеской династіи: оно подтверждалось многочисленными данными; но онъ сдѣлалъ изъ этого сообщенія свой собственный выводъ, соотвѣтствовавшій

политическимъ воззрѣніямъ, пріобрѣтавшимъ въ Новгородѣ все бо̀льшую силу: князь новгородскій есть призванный самимъ Новгородомъ князь; княжеская власть въ Новгородѣ имѣла и должна имѣть юридическое основаніе въ призваніи, предполагающемъ извѣстное соглашеніе и соблюденіе княземъ дорогихъ для города вольностей. Новгородскій лѣтописецъ выходитъ съ честью изъ тѣхъ затрудненій, которыя создавались темнымъ, запутаннымъ разсказомъ кіевскаго свода: Новгородъ не былъ покоренъ Варягами; Новгородцы свергли варяжское иго; они управлялись самостоятельно, имѣли свою власть; и въ силу этой своей самостоятельности они по свободному рѣшенію обратились къ Варягамъ и призвали оттуда князя. Политическія права создаются на историческихъ прецедентахъ: Новгородскіе люди лѣтъ черезъ сто послѣ предположеннаго призванія перваго князя приглашаютъ на столъ, по сообщенію того же Новгородскаго лѣтописца, малолѣтняго Владиміра и сажаютъ впослѣдствіи Владимірова сына Ярослава («и посадиша Ярослава»). Кто знаетъ, быть можетъ, Новгородцы, державшіе въ 1102 году рѣчь къ Святополку, въ которой отстаивали свое право удержать у себя княземъ Мстислава и не принимать Святополкова сына [1]), уже ссылались на прошлое, уже приводили свидѣтельства своего лѣтописца въ пользу того, что Новгородцы издавна имѣли свободу приглашать себѣ князя.

Но передъ новгородцемъ развертывался, когда онъ вспоминалъ древнѣйшія судьбы родной земли, рядъ любопытныхъ мѣстныхъ преданій о варяжскихъ князьяхъ. Каждый значительный центръ на сѣверѣ, и при томъ не въ одной Новгородской землѣ, былъ связанъ или своимъ именемъ или воспоминаніями съ варяжскими князьями: на Бѣлоозерѣ вспоминали о варяжскомъ князѣ Синеусѣ; память о немъ была жива еще въ XVI столѣтіи, когда указывали даже погостъ, гдѣ онъ сидѣлъ [2]); Изборскъ

[1]) „И рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“.

[2]) Ср. рпсь Публ. библ. Q IV, 216: „умре Труворъ в ызборске, и Синеусъ на Белеозере в Кистеме“. Въ Кириллобѣлоз. сборникѣ XVI в. (хранящемся въ И. Археогр. Коммиссіи) про Синеуса сказано, что онъ сидѣлъ „у насъ на Кистемѣ“.

помнилъ о Труворѣ; Ладога вспоминала Олега, и въ ней показывали Олегову могилу; въ Новгородѣ говорили о князѣ Рюрикѣ, указывали Рюриково городище [1]); въ Полотскѣ вспоминали о Рогволодѣ, и т. д. Составитель Новгородскаго свода не счелъ нужнымъ воспроизводить всѣ извѣстныя ему преданія о князьяхъ варяжскихъ; онъ остановился на новгородскомъ преданіи о Рюрикѣ, изборскомъ—о Труворѣ, бѣлозерскомъ—о Синеусѣ. Эти преданія о трехъ князьяхъ варяжскихъ онъ рѣшилъ приладить къ кіевскому разсказу о трехъ племенахъ, порабощенныхъ Варягами—Словѣнахъ, Кривичахъ и Мери. Для этого въ области Словѣнъ новгородскихъ лѣтописцу, казалось бы, не требовалось больше одного преданія—преданія о Рюрикѣ; дальше онъ, казалось бы, долженъ былъ бы втянуть въ свой разсказъ и то или иное Мерское или Кривичское преданіе о древнихъ варяжскихъ князьяхъ, но области Мери и Кривичей отстояли далеко отъ Новгорода, и туда не заходили ихъ преданія; пришлось прибѣгнуть къ преданіямъ сосѣднихъ областей; Бѣлозерцы помнили о князѣ Синеусѣ; правда, на Бѣлоозерѣ сидитъ Весь, а не Меря, о которой говорилъ Древн. Кіевскій сводъ, но области Веси и Мери связаны административно, Бѣлоозеро подчинено вѣдь Ростову; Изборяне разсказывали о Труворѣ; правда, Изборяне это не Кривичи, но подходящаго Кривичскаго преданія въ наличности у лѣтописца не имѣлось; Изборскъ населенъ наполовину Чудью; пришлось ввести Чудь въ число племенъ, призвавшихъ Варяговъ. Такимъ образомъ, не отступая отъ основной нити кіевскаго разсказа, новгородскій лѣтописецъ получилъ возможность соединить три преданія о трехъ ва-

---

[1]) Ср. Бураковскій, „Путеводитель по Новгороду и его окрестностямъ“ (Новгородъ 1891), с. 119—120: „Въ двухъ верстахъ отъ города на правомъ берегу Волхова, близъ его истока, расположено такъ называемое Рюриково Городище. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, поселились славяне, пришедшіе съ юга, часть которыхъ впослѣдствіи, по причинѣ увеличенія населенія, перешла нѣсколько ниже и основала Новый городъ или Новгородъ. Въ Городищѣ жили самые вліятельные изъ славянъ, вслѣдствіе чего здѣсь же поселился первый русскій князь Рюрикъ, когда призванъ былъ на княженіе. Впрочемъ, никакихъ памятниковъ не сохранилось на Городищѣ... и о пребываніи здѣсь Рюрика говорятъ только преданіе, да самое названіе мѣстности“.

ряжскихъ князьяхъ Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ въ одно сказаніе о призваніи этихъ князей четырьмя племенами, свергнувшими съ себя варяжское иго. Весьма вѣроятно, что представленіе о трехъ князьяхъ—братьяхъ было дано какъ эпическій мотивъ изъ другихъ разсказовъ, другихъ преданій, подобныхъ и тому преданію, которое въ Кіевѣ пріурочивало построеніе города именно тремъ братьямъ; вотъ почему Синеусъ и Труворъ оказываются въ разсказѣ новгородца братьями Рюрика, вотъ почему братьевъ остается трое, несмотря на участіе въ призваніи еще четвертаго племени—Чуди.

§ 205. Въ результатѣ новгородскій лѣтописецъ создаетъ слѣдующее сказаніе, вставленное имъ въ разсказъ Древн. Кіевскаго свода: «И въсташа Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдь на Варягы и изгнаша я за море и начаша владѣти сами собѣ. Словѣне свою волость имѣша и поставиша градъ и нарекоша и Новъгородъ и посадиша старѣйшину Гостомысла, а Кривичи свою, а Меря свою. И въсташа сами на ся воеватъ и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа градъ на градъ, и не бѣше въ нихъ правды. И рѣша къ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рькоша: земля наша велика и обилна, а наряда у насъ нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами. И избрашася 3 братия съ роды своими и пояша со собою дружину многу и пріидоша къ Новугороду; и сѣде старѣйшій в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другый сѣде на Бѣлѣозерѣ Синеусъ; а третей въ Изборьскѣ, имя ему Труворъ» [1]). За этой вставкой новгородскій лѣтописецъ продолжалъ списывать свой кіевскій источникъ. Но къ словамъ «И отъ

---

[1]) Мы привели текстъ Комм. списка, не исправляя его пока по другимъ. Но исключили изъ него послѣ словъ „и пояша съ собою дружину многу" слова „и предивну". Признаемъ эти слова вставленными по недоразумѣнію изъ протографа Синод. списка, гдѣ, повидимому, читалось: „и приде в Новъгородъ старѣи Рюрикъ". Ср. въ Троицк. спискѣ Новг. 1-й: „и пріиде къ Новугороду и сѣде старѣишии въ Новѣгородѣ". Кромѣ того, я исключилъ слова: „и городы ставити" послѣ „и начаша владѣти сами собѣ" (ср. ниже).—Разрядкой я обозначилъ слова, не вошедшія предположительно въ Нач. сводъ.

тѣхъ Варягъ» онъ прибавилъ «находникъ тѣхъ», для того чтобы тѣснѣе связать фразу со вставленнымъ эпизодомъ. Итакъ получилась фраза: «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Варягы». Фраза ясная для кіевлянина, называвшаго Новгородцевъ Варягами (какъ мещовецъ называетъ жителей мосальскаго уѣзда поляками, ср. выше), но непонятная для новгородца, хорошо отличавшаго коренныхъ жителей Новгорода, Словѣнъ, отъ Варяговъ. Въ видѣ комментарія, какъ мы видѣли (§ 200), имъ дается къ этой фразѣ объясненіе: «и суть Новгородьстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣне».

Мы видѣли выше, что составитель Начальнаго свода списывалъ сначала въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Древн. Кіевскій сводъ. Но потомъ онъ замѣтилъ бо̀льшую полноту Новгородскаго свода. Изъ него онъ вставилъ слова «Словенѣ свою волость имѣша, а Кривичи свою, а Меря свою», но не принялъ сообщенія о поставленіи Новгорода и о Гостомыслѣ. Послѣ этой вставки составитель Начальнаго свода продолжалъ списывать текстъ Новгородскаго свода, замѣнивъ, впрочемъ, въ эпизодѣ о призваніи Варяговъ, перенесенное отчасти выше сообщеніе о волости Словѣнъ, Кривичей и Мери, далѣе сообщеніе о поставленіи Новгорода и о Гостомыслѣ словами: «и городы ставити».

§ 205. Переходимъ къ дальнѣйшему. Какъ переходилъ составитель Древн. Кіевскаго свода, а за нимъ и первый Новгородскій сводчикъ къ разсказу объ овладѣніи Кіева варяжскимъ княземъ? Въ Начальномъ сводѣ читалось: «По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастъшю же ему Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ. И начаста воевати», и т. д. Могло ли это читаться въ Древн. Кіевскомъ сводѣ? Конечно, нѣтъ; ибо этотъ сводъ ничего не зналъ ни о Рюрикѣ, ни о Синеусѣ и Труворѣ. Но не заимствовано ли это изъ Новгородскаго свода XI вѣка? И это представляется мало вѣроятнымъ: во-первыхъ, зачѣмъ было новгородцу сообщать о смерти Синеуса и Трувора и утверждать единовластіе Рюрика? Во-вторыхъ, могъ ли онъ назвать

Олега воеводой Игоревымъ, когда сѣверное преданіе (ладожское) говорило, повидимому, о князѣ Олегѣ.

Приведенное мѣсто представляется совершенно искусственнымъ по своему содержанію; въ немъ ярко проглядываетъ опредѣленная тенденція. Русская княжеская династія должна получить ясную генеалогію: историческій Игорь долженъ быть связанъ съ Рюрикомъ, котораго новгородское сказаніе называло первымъ княземъ; Рюрикъ—это родоначальникъ династіи; боковыя линіи должны отпасть сами собой; съ единствомъ княжескаго рода стоитъ въ связи единство Русской земли; слѣдовательно, Синеусъ и Труворъ умерли бездѣтными и при томъ вскорѣ послѣ призванія, ибо уже Рюрикъ владѣлъ единъ. Устранивъ такимъ образомъ Синеуса и Трувора, лицо, составившее приведенный отрывокъ, должно было разрѣшить вопросъ, въ какомъ же отношеніи къ Рюрику стоитъ историческій Игорь. Если бы источники говорили объ одномъ Игорѣ, то дѣло рѣшалось бы просто: Игорь сынъ Рюрика; но источники говорили, очевидно, о двухъ князьяхъ—объ Олегѣ и Игорѣ. И именно сначала говорилось объ Олегѣ, а потомъ уже объ Игорѣ: это ясно изъ Начальнаго свода; походъ на Грековъ приписывается Олегу и послѣ его смерти сообщено «Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа». Вмѣстѣ съ тѣмъ взаимныя отношенія Олега и Игоря не были, очевидно, опредѣлены источниками: иначе, дѣло значительно бы упростилось для составителя Нач. свода, и ему не пришлось бы прибѣгнуть къ искусственной комбинаціи. Но отчего умолчанію источниковъ онъ не противополагаетъ гипотезу: Рюрикъ родилъ Олега, Олегъ родилъ Игоря? Причину вижу въ слѣдующемъ. Все рассматриваемое мѣсто скомпилировано составителемъ Начальнаго свода. Въ числѣ источниковъ послѣдняго былъ хронографъ; въ этомъ хронографѣ говорилось подъ 6428 годомъ о пораженіи Руси, напавшей на Царьградъ; но Древн. Кіевскій сводъ разсказывалъ, напротивъ, о побѣдѣ Олега, о дани, взятой имъ съ Царьграда, о щитѣ Олега, повѣшенномъ въ ознаменованіе побѣды на вратахъ Цареградскихъ; побѣда не могла предшествовать пораженію; съ этимъ не мирилось національное чувство; побѣда была жестокою расплатой за пораженіе, Олегъ отомстилъ Грекамъ за пораженіе. Кто же былъ пораженъ? Допустить, что по-

раженъ былъ самъ вѣщій Олегъ—это пойти въ разрѣзъ съ преданіемъ, это оскорбить чувство читателя, это возбудить въ немъ недовѣріе. Вотъ почему, вставивъ изъ хронографа разсказъ о пораженіи Руси Греками передъ разсказомъ о побѣдоносномъ походѣ Олега, составитель Начальнаго свода отнесъ пораженіе насчетъ князю Игорю («Посла князь Игорь на Грѣкы»). Итакъ, Игорь княжилъ раньше Олега. Но это противорѣчило и свидѣтельству источниковъ и тому также, что историческій Игорь былъ несомнѣнно отцомъ историческаго Святослава и дѣдомъ историческаго Владиміра. Какъ же выйти изъ создавшагося затрудненія— Олегъ побѣждаетъ Грековъ послѣ пораженія Игоря, но Олегъ княжитъ раньше Игоря? Легендарный Олегъ превращается для этого составителемъ Начальнаго свода въ Игорева воеводу. Эта комбинація позволяетъ выдвинуть роль Олега въ разсказѣ о взятіи Кіева, устранить Олега въ разсказѣ о пораженіи Руси подъ Царьградомъ и снова ввести Олега побѣдителя въ разсказъ о славномъ походѣ Руси подъ Царьградъ. Составитель Нач. свода сохранилъ въ цѣлости преданія, не исказилъ образа вѣщаго Олега, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ себѣ возможность сказать на основаніи хронографа о пораженіи Руси. Такимъ образомъ Рюрику наслѣдовалъ Игорь; это сынъ Рюрика; Олегъ Игоревъ воевода. Искусственно скомбинировавъ переходъ отъ предшествующаго повѣствованія къ разсказу о взятіи Кіева, лѣтописецъ упустилъ изъ вниманія одно существенное обстоятельство: онъ не упомянулъ о смерти Рюрика.

§ 206. Прежде чѣмъ перейдемъ къ анализу разсказа о взятіи Кіева и о послѣдующихъ событіяхъ, отвѣчаемъ на вопросъ, какъ же переходили Древн. Кіевскій сводъ и Новгородскій сводъ отъ предшествующаго повѣствованія къ этому разсказу. Думаю, что до насъ дошла одна фраза изъ этого утраченнаго переходнаго мѣста. Въ сводѣ 1448 г., точнѣе—еще въ сводѣ 1423 года, который соединилъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ съ текстомъ Новгородскаго свода 1167 года, вслѣдъ за сообщеніемъ о томъ, какъ усѣлись призванные князья, находимъ фразу: «и начаша воевати всюду». Въ сводѣ 1448 г. она относится къ Рюрику, Синеусу и Трувору; вѣроятно, къ нимъ же она относилась въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка. Но какое основаніе имѣлъ этотъ сводъ

говорить о войнахъ Рюрика, Синеуса и Трувора? Думаю, что прямого отношенія эта фраза не могла имѣть къ этимъ князьямъ, такъ какъ вижу ея связь съ послѣдующимъ разсказомъ о Кіевскомъ взятіи; мы читаемъ тамъ: «и поидоша внизъ по Днѣпру и пріидоша къ горамъ Кыевскимъ»,—не «поидоста» «пріидоста», какъ естественно было бы ждать въ виду предшествующаго: «И начаста (Игорь и Олегъ) воевати, и налѣзоста Днѣпрь рѣку и Смолнескъ градъ». Въ виду сказаннаго выше, признаю себя въ правѣ предположить, что двойственное число замѣнило множественное уже въ самомъ Начальномъ сводѣ, когда въ немъ появилась комбинація Игорь — Олегъ; слѣдовательно, раньше читалось: «И начаша воевати и налѣзоша Днѣпръ рѣку». Ср. выше фразу, извлеченную нами изъ свода 1448 года и возведенную къ Новгородскому своду 1167 г.: «И начаша воевати всюду». Но разсказъ о взятіи Кіева Варягами несомнѣнно кіевскаго происхожденія. Поэтому слова «и начаша воевати» или «и начаша воевати всюду» восходятъ въ концѣ концовъ къ Древн. Кіевскому своду. Отсюда заключаю, что разсказъ о взятіи Кіева соединялся съ предшествующимъ повѣствованіемъ этой самой фразой: «И начаша воевати всюду». О комъ же идетъ дѣло? Конечно, о тѣхъ Варягахъ, рѣчью о которыхъ окончилось предшествующее повѣствованіе. «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы»—«И начаша воевати всюду». Но мы не можемъ удовольствоваться такимъ возстановленіемъ. Въ послѣдующемъ разсказѣ выступаетъ князь варяжскій, овладѣвающій Кіевомъ и затѣмъ уставляющій дани на покоренныхъ племенахъ. Объ этомъ князѣ должно было быть упомянуто передъ словами «И начаша воевати всюду».

Кто же этотъ князь? Игорь или Олегъ? Въ Начальномъ сводѣ находимъ Игоря, въ Повѣсти вр. лѣтъ Олега. Оставляемъ показаніе Повѣсти вр. лѣтъ въ сторонѣ и рѣшаемся утверждать на основаніи самого текста Начальнаго свода, что въ его источникѣ, слѣдовательно, въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, говорилось не объ Игорѣ, а объ Олегѣ. Въ Начальномъ сводѣ находимъ Игоря князя и Олега воеводу его; разсказъ ведется вначалѣ и потомъ дальше опять въ двойственномъ числѣ. Невѣроятно, чтобы такъ же стояло въ источникѣ Нач. свода; этому противорѣчатъ между прочимъ формы множ. числа, о которыхъ мы гово-

рили выше; этому противно и то, что вообще разсказъ о дѣяніяхъ князя повели бы въ единственномъ числѣ, даже если бы упомянули объ его воеводѣ. И если въ Нач. сводѣ двойственное число замѣнило въ нѣсколькихъ случаяхъ множественное число оригинала, то возможно, что двойственное число замѣнило въ другихъ случаяхъ единственное число въ этомъ же разсказѣ. Появленіе Олега въ качествѣ дѣйствующаго лица при Игорѣ доказываетъ, что въ источникѣ Нач. свода дѣйствующимъ лицомъ былъ Олегъ. Мы видѣли выше, какія побужденія руководили составителемъ Нач. свода при вставкѣ имени Игоря. Итакъ, согласно предыдущему, уже выше, передъ словами «И начаша воевати всюду», должно было быть упомянуто объ Олегѣ. Я думаю, что тамъ, непосредственно за «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы», читалось: «И бысть у нихъ князь именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ». Ср. въ текстѣ Нач. свода передъ словами «И начаста воевати»—«И бысть у него (у Игоря) воевода, именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ». Выше читаемъ то же объ Игорѣ: «и бысть храборъ и мудръ»: совершенно ясно, что эта характеристика перенесена на князя Игоря съ князя Олега; другихъ основаній для признанія Игоря храбрымъ и мудрымъ составитель Нач. свода не имѣлъ.

§ 206[1]. Итакъ, Олегъ со своими Варягами (подъ которыми разумѣлись и Словѣне и Варяги) поплылъ внизъ по Днѣпру. «И пріидоша къ горамъ Кыевъскимъ и узрѣша [1]) городъ Кіевъ, и испыташа, кто в немъ княжитъ; и рѣша: два брата Аскольдъ и Диръ». Умѣстно поставить вопросъ, не правы-ли тѣ изслѣдователи, которые предполагали, что въ первоначальномъ разсказѣ говорилось объ одномъ князѣ, сидѣвшемъ въ Кіевѣ; соправительство двухъ князей совсѣмъ необычное для древней Руси явленіе. Это соображеніе, а также и то, что Масуди (арабскій писатель X вѣка) говоритъ о славянскомъ королѣ Дирѣ [2]), не упоминая объ Аскольдѣ, побуждали изслѣдователей, начиная съ Н. П. Ламбина и кончая М. С. Грушевскимъ, отвергать соправительство Аскольда и Дира и предполагать, что они княжили въ раз-

[1]) Въ Нач. св. „узрѣста".
[2]) Гаркави, 137.

ное время. Н. П. Ламбинымъ были указаны еще и внутреннія, извлеченныя изъ самой лѣтописи основанія для признанія сомнительнымъ фактъ одновременнаго убіенія Олегомъ Аскольда и Дира: они похоронены въ разныхъ мѣстахъ города Кіева, отстоящихъ другъ отъ друга на добрыя полмили, какъ выражается Грушевскій [1]). Не отрицая соображеній историковъ, всецѣло къ нимъ присоединяясь, я нахожу, что разсматриваемое сказаніе не содержитъ само въ себѣ указаній на то, что первоначально въ немъ читалось одно имя—Дира или Аскольда. Оба эти имени соединены не составителемъ писаннаго сказанія, а самимъ народнымъ преданіемъ. Но вопросомъ является, гдѣ же именно ихъ соединило народное преданіе—въ сказаніи о завладѣніи Олегомъ Кіева или въ другомъ самостоятельномъ сказаніи? Выше въ Начальномъ сводѣ читалось: «И по сихъ братіи придоста два Варяга и нарекостася князема: одиному бѣ имя Асколдъ, а другому Диръ, и бѣста княжаща в Киевѣ и владѣюща Полями; и бѣша ратни съ Древляны и съ Уличи». Итакъ, народное преданіе помнило объ Аскольдѣ и Дирѣ не только то, что при нихъ Кіевъ взятъ Олегомъ и что они были имъ убиты, но какъ-будто еще и то, что они были Варягами и что, вокняжившись въ Кіевѣ, они воевали съ Древлянами и Угличами. Думаю, что имена Аскольда и Дира были соединены именно въ этомъ преданіи; перенесены же они въ сказаніе о завладѣніи Олега Кіевомъ составителемъ Древн. Кіевскаго свода. Сомнѣваюсь, чтобы въ устномъ разсказѣ или въ соотвѣтствующей исторической пѣснѣ сообщалось о томъ, что Олегъ имѣлъ дѣло именно съ Аскольдомъ и Диромъ. Считаю возможнымъ, что Олегу устное преданіе приписывало убіеніе Кія, Щека и Хорива [2]). Составитель Древн. Кіевскаго свода, записавшій сначала преданіе о князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ, приступивъ затѣмъ къ записи о завладѣніи Олегомъ Кіева, счелъ удобнымъ устранить обоихъ названныхъ имъ раньше князей со сцены, вставивъ ихъ имена въ разсказъ о завладѣніи Кіева Олегомъ и предоставивъ имъ умереть отъ дружины Олеговой. Итакъ, признаю, что уже въ Древн. Кіевскомъ сводѣ въ разсматриваемомъ ска-

---

[1]) Історія України Руси І², 363.

[2]) Ср. подобныя сказанія въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

заніи читались имена Аскольда и Дира, читалось и объ ихъ убіеніи.

§ 206². Но въ этомъ сказаніи обнаруживаются еще двѣ вставки, сдѣланныя уже составителемъ Нач. свода; говорю еще двѣ вставки, имѣя въ виду обнаруженную выше вставку Игоря рядомъ съ именемъ Олега. Это, во-первыхъ, рѣчь Игорева къ Аскольду: «вы нѣста князя, ни роду княжа, нь азъ есмь князь, и мнѣ достоитъ княжити». Отсылаю къ соотвѣтствующему мѣсту Исторіи Украины Грушевскаго, гдѣ дается должная оцѣнка этой необыкновенной рѣчи Игоря, рѣшительно лишенной смысла и основанія. Замѣчу со своей стороны ту явную тенденцію, которую обнаруживаетъ эта рѣчь. Составитель Начальнаго свода систематически, какъ мы видѣли, проводитъ двѣ идеи: идею объ единствѣ княжескаго рода и идею о появленіи княжеской власти только со времени Рюрика, главы современной ему княжеской династіи: до тѣхъ поръ племена управлялись своими, родовыми старѣйшинами; встрѣчавшіеся до того князья—на самомъ дѣлѣ князья самозванные, ибо они не роду княжа, ибо они происходятъ не отъ Рюрика [1]). Эта идея и выражена Игоремъ, рѣчь котораго я и считаю поэтому вставкой. Отмѣчу, что въ приписываемомъ такимъ образомъ сочинительству составителя Нач. свода мѣстѣ: «И рече Игорь къ Аскольду» и т. д. единственный разъ является единств. число вмѣсто множественнаго или двойственнаго; далѣе, вм. Аскольда и Дира названъ одинъ Аскольдъ. Въ связи съ обнаруженною вставкой стоитъ и редакціонное измѣненіе въ предшествующей записи, въ сказаніи о вокняженіи Аскольда и Дира въ Кіевѣ: мы читаемъ въ немъ «и нарекостася князема»; слова эти намекаютъ на то самое, что откровенно высказалъ Аскольду Игорь, т. е. на то, что Аскольдъ и Диръ князья самозванные. Но если слова «и нарекостася князема»—тенденціозная вставка составителя Нач. свода, то не ему ли принадлежатъ и слова: «приидоста два Варяга»? Если вставка «и нарекостася князема» стоитъ въ связи съ рѣчью Игоря къ Аскольду, не стоитъ ли «приидоста два Варяга» въ связи съ разсказомъ о томъ, какъ

---

[1]) Едва ли не поэтому же Олегъ, котораго, въ силу указанныхъ выше соображеній, составитель Нач. свода не призналъ сыномъ Рюрика, былъ низведенъ въ воеводы.

водворились въ Кіевѣ Игорь и Олегъ? Сомнительно, чтобы между словами «приидоста два Варяга» и дальнѣйшимъ: «и нарекостася князема» не было тѣсной внутренней связи; для того чтобы имѣть возможность сказать, что Аскольдъ и Диръ назвались князьями, надо было объяснить, кто же они были на самомъ дѣлѣ: они были простыми Варягами—вотъ смыслъ словъ «приидоста два Варяга».

§ 206³. Намъ приходится такимъ образомъ опредѣлить, что же разсказывалъ Древн. Кіевскій сводъ объ Аскольдѣ и Дирѣ и въ какой связи стояло его сообщеніе съ предшествующимъ разсказомъ объ основаніи Кіева. Отвлекаемся на время отъ сказанія о завладѣніи Кіева Олегомъ. Какъ мы видѣли, за разсказомъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ обнаруживается рядъ вставокъ: во-первыхъ, фраза «бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани»; во-вторыхъ, отрывокъ изъ хронографа о нападеніи Руси на Царьградъ. За этимъ отрывкомъ читаемъ: «По сихъ лѣтехъ братіа си изгибоша и быша обидими Древляны (и) инѣми околними». Далѣе слѣдуетъ явная вставка, гдѣ приводится эпизодъ съ Казарской данью. Вставка обнаруживается словами «Нь мы на преднее возвратимъся» въ концѣ ея. Въ виду этого слова «И по сихъ братіи той», которыя читаемъ за вставкой, точнѣе за словами «Нь мы на преднее возвратимъся», должны быть отождествлены со словами «По сихъ лѣтѣхъ братіа си изгибоша», которыя читаются передъ вставкой, а изъ такого отождествленія слѣдуетъ, что «и быша обидими Древляны (и) инѣми околними» также вставлено; нельзя сомнѣваться въ томъ, что вставка этихъ послѣднихъ словъ стоитъ въ связи съ послѣдующею вставкой, содержащею эпизодъ о Казарской дани; словами этими вводится разсказъ о Казарахъ. Извлечены эти слова изъ дальнѣйшаго; ср. ниже: «и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи». Слѣдовательно, имѣемъ основаніе думать, что непосредственно за разсказомъ объ основаніи Кіева, за словами: «и бѣша мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне (Кыевѣ) и до сего дне», читалось въ Древн. Кіевскомъ сводѣ «И по сихъ братіи», а далѣе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Ничего о приходѣ Аскольда и Дира не говорилось, а только сообщалось о

томъ, что они княжили въ Кіевѣ: «И по сихъ братіи княжиста Кыевѣ Аскольдъ и Диръ и бѣста владѣюща Полями». Вотъ, думаю, какъ было изложено интересующее насъ мѣсто въ Древн. Кіевскомъ сводѣ.

§ 206[4]. Возвращаюсь къ сказанію о завладѣніи Кіева Олегомъ. Мы разсмотрѣли одну вставку. Переходимъ къ другой. Въ Новгор. 1-й и, повидимому, въ Нач. сводѣ читалось: «И убиша Асколда и Дира, и абіе несъше на гору и погребоша Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорьское наричеть, идеже есть дворъ Олминъ, на той могылѣ постави Олма церковь святаго Николу; а Дирева могыла за святою Ириною». Останавливаемся прежде всего на томъ, что гора, гдѣ похороненъ Аскольдъ, опредѣляется здѣсь ближайшимъ образомъ словами «еже ся нынѣ Угорьское наричеть». Выше было уже упомянуто объ этой горѣ и при томъ безъ указанія на то, что она называется такъ именно теперь: «и с малою дружиною излѣзоста на брегъ подъ Угорьскымь». Отсюда заключаю, что разсказъ, содержавшій эту послѣднюю фразу, писанъ однимъ лицомъ, а мѣсто, гдѣ находится фраза «еже ся нынѣ Угорьское наричеть», другимъ; иначе,—что это мѣсто вставлено въ первоначальный разсказъ о завладѣніи Кіева Олегомъ. Во всякомъ случаѣ топографическое опредѣленіе могилъ Аскольда и Дира не могло принадлежать устному преданію о завладѣніи Кіева Олегомъ, если бы даже мы признали возможнымъ, что въ этомъ устномъ преданіи упоминались Аскольдъ и Диръ (а не Кій, Щекъ и Хоривъ или какой-нибудь анонимный князь); пріуроченіе къ сказанію преданій о могилахъ Аскольда и Дира принадлежитъ, конечно, редактору свода, и при томъ,—въ виду указанныхъ соображеній,—редактору Начальнаго свода, а не Древнѣйшаго. Слѣдовательно, и упоминаніе о постройкѣ Олмой церкви св. Николы на Аскольдовой могилѣ должно отнести насчетъ сводчика конца XI вѣка. Въ Древн. Кіевскомъ сводѣ вмѣсто всего того, что содержится теперь въ Нач. сводѣ, читалось, повидимому, только слѣдующее: «И убиша Асколда и Дира и несоша на гору и погребоша я».—Сводъ всѣхъ предыдущихъ указаній относительно первоначальнаго вида сказанія объ овладѣніи Кіева Олегомъ даемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ возстановляемаго ниже текста Древн. Кіевскаго свода.

*

§ 206[5]. Въ концѣ этого сказанія читаемъ сообщеніе, уже подвергшееся нашему обсужденію. «И сѣде Игорь княжа в Кыевѣ, и бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прозвашася Русью». Такъ читается въ Начальномъ сводѣ; въ Древн. Кіевскомъ сводѣ вмѣсто Игоря стояло имя Олега, а въ концѣ говорилось: «и бѣша у него мужи Варязи, и оттолѣ прозвашася Русью» (§ 201). Здѣсь умѣстно обсудить, какое значеніе имѣетъ приведенное сообщеніе. Слово «Русь» составитель Древн. Кіевскаго свода употребилъ впервые въ этомъ мѣстѣ; выше онъ говорилъ о Полянахъ, какъ о жителяхъ Кіева. Если онъ сказалъ, что Олеговы Варяги, поселившись въ Кіевѣ, назвались Русью, то слѣдовательно, онъ отличалъ Русь отъ Полянъ. Въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ подъ 6406 (898) годомъ «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь», но въ Древн. Кіевскомъ сводѣ не было соотвѣтствующаго мѣста; выше, въ началѣ Повѣсти вр. лѣтъ повторена фраза Древн. Кіевскаго свода: «нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне в Киевѣ и до сего дне». Въ сущности эти фразы, не противорѣчащія одна другой, указываютъ однако на двѣ разныя точки зрѣнія: память о Полянахъ и этнографическое имя ихъ были живы и въ XI в., хотя тѣ же Поляне назывались и Русью. Итакъ, во всякомъ случаѣ Поляне не отождествлены съ Русью; Поляне «прозвашася Русью» (ср. конецъ лѣтоп. статьи 6406 г. въ Повѣсти вр. л.), но сохраняли и свое исконное этнографическое названіе. Но намъ важно отмѣтить, что составитель Древн. Кіевскаго свода, слѣдя за судьбой Олеговыхъ Варяговъ въ Кіевѣ, не указалъ на то, что они назвались тамъ Полянами или Кыянами, а перенесъ на нихъ имя Руси. Сказавъ выше, нѣсколько строкъ передъ этимъ, что Кыяне до сихъ поръ называются Полянами, онъ Олегову дружину переименовываетъ изъ Варяговъ въ Русь. Думаю, что въ этомъ отразилось живое въ XI и, какъ видно изъ Повѣсти вр. л., еще и въ XII столѣтіи представленіе о томъ, что имя Руси—это имя княжеской дружины, княжескихъ бояръ и вообще правящихъ верховъ. Мы встрѣтились только что выше, въ разсказѣ о новгородскомъ сѣверѣ, съ такимъ же правящимъ слоемъ, давшимъ свое имя и всему подвластному племени—это Варяги. На югѣ тотъ же правящій слой носилъ названіе Руси. Лѣтописецъ различаетъ и на сѣверѣ и на югѣ эти правящіе слои отъ

сидѣвшаго подъ ними народа. Говоря о древнѣйшихъ временахъ или сообщая этнографическія подробности современныя, онъ скажетъ о Словѣнахъ и Полянахъ, но въ разсказѣ о политическихъ событіяхъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ выступаютъ князь и его дружина, онъ употребитъ названія Варяги и Русь, прибѣгнетъ еще къ терминамъ Кыяне и Новгородцы.

§ 206[6]. Варяги и Русь—это, съ одной стороны, племена сѣвера, съ другой—племена юга. Для насъ ясно происхожденіе перваго имени: Варягами называли Шведовъ, вообще жителей Скандинавіи. Но что же такое Русь? По ясному свидѣтельству составителя Повѣсти вр. лѣтъ Русь—это тоже Варяги, Русь—это варяжское племя. Мы не придаемъ значенія исторической достовѣрности всѣмъ ученымъ мудрствованіямъ составителя Повѣсти вр. лѣтъ: въ нихъ слишкомъ ясно просвѣчиваетъ тенденція, упорное желаніе доказать тождество Руси и Варяговъ. Но думаемъ, что ученый кіевлянинъ въ исходныхъ положеніяхъ своихъ правъ: Русь—это тѣ же Норманы, тѣ же Скандинавы; Русь—это древнѣйшій слой Варяговъ, первые выходцы изъ Скандинавіи, осѣвшіе на югѣ Россіи раньше, чѣмъ потомки ихъ стали осѣдать на менѣе привлекательномъ, лѣсистомъ и болотистомъ славянскомъ сѣверѣ. Эти вторые выходцы, потомки скандинавскаго населенія, давшаго и первыхъ выходцевъ, стали извѣстны уже не подъ именемъ Руси, а Варяговъ; впрочемъ, финскія племена продолжали называть и новыхъ выходцевъ изъ Скандинавіи старымъ именемъ, какъ и до сихъ поръ финны называютъ ихъ все такъ же (Ruotsi). Впослѣдствіи забывается и имя Варяговъ, несмотря на продолжающіяся сношенія со Скандинавіей: ея жители получаютъ названіе Свеи [1]). Оставляемъ въ

[1]) Въ Новгородской 1-й лѣтописи Варяги упоминаются послѣдній разъ подъ 6709 (1201): „а Варягы пустіша без мира за море... а на осѣнь придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всѣй воли своей". Въ этой же лѣтописи Варяги вообще исчезаютъ уже съ XII в.; впрочемъ, они упомянуты подъ 6696 (1188): „въ то же лѣто рубоша Новъгородьце Варязи на Гътѣхъ, Немьце въ Хоружьку, и Новотържьцѣ (такъ предлагаю читать вм.: и въ Новотържьцѣ, т.-к. было бы: въ Новѣмь Търгу); а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустіша я без мира". Свею находимъ, начи-

сторонѣ вопросъ, чѣмъ вызывалась эта смѣна названій—Русь, Варяги, Свея, а также, какая ихъ этимологія. Для насъ имѣетъ существенное значеніе, что родство или тождество Руси съ Варягами отмѣчено не только кіевлянами, но и греками. Ср. извѣстное мѣсто у продолжателя Амартола: «κατέπλευσαν οἱ 'Ρῶς οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες» [1]). Константинъ Багрянородный отличаетъ Русь отъ ея данниковъ Кривичей, Лучанъ и прочихъ Словѣнъ, отличаетъ и въ отношеніи языка, причемъ, давая русскія названія пороговъ и отличая ихъ отъ славянскихъ, приводитъ названія древнескандинавскія, слѣдовательно, варяжскія.

Итакъ, въ VIII—IX вѣкахъ имѣли мѣсто слѣдующія два явленія: среди Приднѣпровскихъ Славянъ появляются полчища Скандинавовъ, садятся въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и начинаютъ покорять себѣ славянскія племена; ихъ называютъ Русью, быть можетъ, подъ вліяніемъ той этнографической среды, черезъ которую они проникали на югъ,—среды финскихъ племенъ. Занявши южныя области, Русь недружелюбно встрѣчаетъ новыхъ, послѣдующихъ выходцевъ изъ Скандинавіи; конечно, оградить себя совсѣмъ отъ этихъ родичей невозможно, но неохотно Русь дѣлится съ ними насиженными мѣстами, облюбленными данями. Становится яснымъ, что югъ уже отрѣзанъ для колонизаціи его Скандинавами; новые выходцы являются туда уже не завоевателями, не хозяевами, а гостями. Колонизаціонная волна должна осѣдать въ мѣстностяхъ, болѣе близкихъ къ Скандинавіи и по природнымъ свойствамъ своимъ менѣе привлекательныхъ: Скандинавы занимаютъ озерную область и покоряютъ себѣ Финновъ и Ильменскихъ Славянъ; захвативъ верховья Волги, они проникаютъ и въ среднюю Россію; эти новые выходцы носятъ названіе Варяговъ; такъ, повидимому, называли они себя сами и, благодаря тѣсному общенію съ своей метрополіей, сохраняли за собой это названіе, несмотря на вліяніе окружающей этнографической среды.

ная съ 1134 года: „приходи Свьиской князь съ епископы въ 60 шнекъ на гость, иже изаморья шли"; подъ 1164: „придоша Свье подъ Ладугу", и т. д.

[1]) Въ болг. переводѣ: „приплу Русь... иже и скѣди глаголемь отъ рода Варяжьска сущимъ". То же у Симеона Логоѳета.

Такимъ образомъ государственность, складывавшаяся по немногу на югѣ, начинаетъ зарождаться и на сѣверѣ. Покорители и тутъ и тамъ ассимилируются съ мѣстнымъ населенiемъ: въ этомъ ихъ сила. Но зато они даютъ мѣстностямъ, ими занятымъ, племенамъ, особенно тѣсно съ ними слитымъ, свое названiе. На югѣ Поляне получаютъ имя Руси, широко распространяющееся затѣмъ всюду, куда проникаетъ княжескiй данщикъ, гдѣ садится княжескiй дружинникъ. На сѣверѣ Словѣне получаютъ имя Варяговъ, то имя, которымъ гордятся, конечно, не только варяжскiе, но и славянскiе дружинники и на Бѣлоозерѣ, и въ Ростовѣ, и въ далекомъ Муромѣ. Столкновенiе двухъ государственностей—русской и варяжской становится неизбѣжнымъ. Русскому князю необходимо удержать въ своихъ рукахъ весь торговый путь изъ Варягъ въ Греки; иначе упадетъ торговое значенiе Кiева, Переяславля, Чернигова и другихъ южныхъ городовъ; ему важно оградить свои владѣнiя отъ новыхъ пришельцевъ, которыхъ готовъ выслать теперь не только скандинавскiй, но и славянскiй и чудскiй сѣверъ. Варяжскому князю естественно стремиться на югъ съ организованными полчищами Словѣнъ и Чуди, чтобы вытѣснить оттуда счастливыхъ своихъ сородичей, занявшихъ богатыя области славянскаго юга. И вотъ въ IX вѣкѣ начинается продолжительная борьба, тянувшаяся около двухъ столѣтiй, борьба между варяжскимъ сѣверомъ и русскимъ югомъ. Странный оборотъ принимаетъ эта борьба; сѣверный князь остается не разъ побѣдителемъ; онъ захватываетъ Кiевъ, изгоняетъ соперника; но потомъ осѣдаетъ въ Кiевѣ и становится самъ уже русскимъ, а не варяжскимъ княземъ: «и бѣша у него мужи Варязи и отътолѣ прозвашася Русью». Вспомнимъ Олега—Игоря, позже Владимiра, наконецъ, Ярослава. Въ этой борьбѣ проигрываетъ тотъ или иной русскiй князь, но выигрываетъ русскiй югъ; напротивъ, побѣждаетъ князь варяжскiй и проигрываетъ варяжскiй сѣверъ. Ясно, что государственность покоилась на югѣ на болѣе прочныхъ основанiяхъ. Соревнованiе между русскимъ и варяжскимъ началами оканчивается полнымъ торжествомъ начала русскаго: Новгородъ попадаетъ подъ зависимость кiевскаго князя, хотя и получаетъ отъ него великiя свободы въ награду за помощь, оказанную неоднократно князю, посаженному на русскiй

столъ варяжскимъ сѣверомъ. Торжество русской государственности имѣетъ самое рѣшительное значеніе для судьбы варяжскаго имени: Варяги спѣшать переименовываться въ Русскихъ не только на югѣ, но и на сѣверѣ. Имя Варяговъ быстро забывается; не удерживается оно и въ Новгородѣ; на смѣну ему проникаетъ на сѣверъ имя Руси, но оно означаетъ уже не Скандинавовъ, а кіевскаго князя и его родичей, а также княжескихъ дружинниковъ; преимущественное же его значеніе—это жители южнаго Приднѣпровья. Въ самомъ фактѣ исчезновенія имени Варяговъ я вижу указаніе на то, что Варяги означаю на сѣверѣ не только Скандинавовъ (которые стали называться затѣмъ Свеи), но также еще тѣ самыя понятія, которыя впослѣдствіи получили имя Руси, имя пошедшее съ юга, послѣ политическаго перевѣса юга надъ сѣверомъ. Дольше другихъ сѣверныхъ центровъ остается внѣ сферы русскаго имени Новгородъ—это старое варяжское гнѣздо. Имѣемъ свидѣтельство, едва ли не записанное въ XII, а можетъ быть, даже и въ XI в., свидѣтельство псковскаго лѣтописца о событіи 6568 (1060) года: въ немъ Псковичи и Новгородцы называются Русью [1]). Напротивъ, въ Новгородской лѣтописи слово Русь въ XII в. означаетъ преимущественно Кіевскую область, но подъ 1169 г. Русскою землей названы и Низовцы [2]). Подъ 6746 (1238) г. Русскою землей названы Суздальская и Рязанская, Ростовская и Тверская земли. Вообще съ середины XIII в. имя Русь начинаетъ употребляться

---

[1]) Сводъ 1448 (восходитъ къ общер. своду 1423): „Того же лѣта ходи Изяславъ на Сосолы и дань даяти заповѣда 2000 гривенъ; они же поручившеся дань дати, и изгнаша данникы, на весну же пришедше повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сътвориша, и до Пьскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Пьсковичи съ Новгородци на сѣчю, и падоша Руси 1000, а Сосолъ безчислено“ (Соф. 1-я и Новгор. 4-я).—Слѣдующее псковское извѣстіе общерусскаго свода (и свода 1423 г.) относится къ 6573 (1065) году: „Князь Всеславъ Полоцкии былъ у Пльскова ратью и перси билъ порокы“ (Новг. 4-я).

[2]) „Придоша подъ Новъгородъ Суждальци съ Андреевицемь, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Муромьци и Рязаньци съ двема князьма, Полоцьскый князь съ Полоцяны, и вся земля просто Русьская“.

для обозначенія Суздальской области [1]). Но себя, свою землю новгородцы еще не скоро назовутъ русскимъ именемъ.

§ 206[7]. Намъ необходимо сказать еще о послѣднихъ строкахъ сказанія объ овладѣніи Кіева Олегомъ. Въ Комм. спискѣ онѣ изложены такъ: «Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ, и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ». Согласно сказанному выше (§ 201) возстановляемъ для Древн. Кіевскаго свода начало этого сообщенія въ такомъ видѣ: «Сии же Ольгъ нача грады ставити, и дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Но читалось ли въ Древн. Кіевскомъ сводѣ: «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ»? Въ Повѣсти вр. лѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ находимъ: «отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Слѣдовательно, подобная же фраза читалась и въ Начальномъ сводѣ (составленномъ около 1095 года). Но наличность этой или подобной фразы въ Начальномъ сводѣ не доказываетъ того, что она имѣлась уже въ Древн. Кіевскомъ сводѣ: мы знаемъ, что Нач. сводъ соединялъ текстъ Древн. свода съ другими источниками и прежде всего съ Новгородскимъ сводомъ XI вѣка. Не попала ли эта фраза въ Начальный сводъ изъ Новгородскаго? Это вѣроятно не только потому, что сообщеніе говоритъ о Новгородѣ; это видно еще и изъ того, что въ болѣе древнемъ, болѣе первоначальномъ видѣ оно извѣстно именно изъ такого свода, который подвергся вліянію древняго свода Новгородскаго, а именно изъ общерусскаго свода 1423 года. Въ §§ 182 и 183 было указано, что общерусскій сводъ 1423 года представлялъ чтеніе: «а отъ Новагорода триста гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже и нынѣ даютъ» (ср. Никон., Уваровск., Кириллобѣлоз.).

§ 206[8]. Исторію текста интересующаго насъ сообщенія я пред-

---

[1]) Напр., подъ 6765: „приде вѣсть ізъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы і десятины на Новѣгородѣ“. Подъ 6770: „і удержа і (Александра) Берка, не пустя въ Русь“. Подъ 6823: „поіде князь Михаіло ізъ орды в Русь“. Подъ 6830: „приходи в Русь посолъ силенъ изъ орды, именемь Ахмылъ, и много створи пакости по Низовьской земли“, и т. д.

ставляю себѣ въ такомъ видѣ. Въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка и происшедшемъ изъ него сводѣ 1167 года читалось: «еже и нынѣ дають»; въ протографѣ Синод. списка, составленномъ въ XIV в., исправлено: «еже не дають». Изъ свода 1167 года чтеніе «еже и нынѣ дають» попало въ общерусскій сводъ 1423 года и далѣе въ Рост. компиляцію XV в.—источникъ Уваровской, съ одной стороны, Никоновской, съ другой.—Составитель Нач. свода заимствовалъ фразу новгородскаго источника въ свой трудъ, но передѣлалъ ее въ «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ», при чемъ вставка имени «Варягомъ» аналогична указанной выше (§ 201) вставкѣ «дань даяти Варягомъ»; вставка сдѣлана по недоразумѣнію; отсюда слѣдуетъ, что и перемѣна текста «еже и нынѣ дають» на «еже до смерти Ярославлѣ даяше» основывалась также на недоразумѣніи; Новгородскій лѣтописецъ сообщалъ о дани, уплачивавшейся Новгородомъ Кіеву, кіевскому князю, а составитель Начальнаго свода понялъ, что дѣло идетъ о дани, уплачивавшейся Новгородомъ Варягамъ. Почему же онъ измѣнилъ текстъ своего источника? Потому, что ему было хорошо извѣстно, что Новгородъ въ его время не уплачивалъ дани Варягамъ; но онъ увидѣлъ въ своемъ источникѣ обратное утвержденіе; не отвергая свидѣтельства источника, онъ комментировалъ его указаніемъ на то, что дань эта теперь уже не уплачивается. Но почему же было не измѣнить текста Новгородскаго свода на «еже не дають», почему же составитель свода указалъ, что дань уплачивалась до смерти Ярослава? Вижу въ этомъ указаніе на то, что составленіе соотвѣтствующей новгородской записи составитель Начальнаго свода относилъ ко времени до кончины Ярослава. Имѣлъ-ли онъ для этого основанія? Вѣдь новгородскій его источникъ былъ доведенъ по крайней мѣрѣ до 1063 года и составленъ слѣдовательно, послѣ смерти Ярослава. Я думаю, что основанія для этого были; быть можетъ, они не были даны въ самомъ спискѣ съ Новгородской лѣтописи, попавшемъ въ Печерскій монастырь, гдѣ составленъ Начальный сводъ; но до Печерскаго монастыря могло дойти свѣдѣніе, что древнѣйшая часть Новгородской лѣтописи (какъ и древнѣйшая часть Кіевскаго свода) составлена еще до смерти Ярослава. Мы извлекаемъ изъ поправки Начальнаго свода не историческое данное объ отмѣнѣ дани съ Новго-

рода Варягамъ, а данное историко-литературное о томъ, что древнѣйшая часть Новгородскаго свода появилась до смерти Ярослава. Эта древнѣйшая часть Новгородскаго свода всецѣло основывалась на Древн. Кіевскомъ сводѣ; приведенное сообщеніе было припиской, комментаріемъ къ глухому сообщенію Кіевскаго свода. Въ немъ читалось: «Сии же Ольгъ... дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Составитель Новгородскаго свода объяснилъ и развилъ это извѣстіе: во-первыхъ, къ имени Варяговъ приписано имя Словѣнъ [1]; во-вторыхъ, сообщено извѣстіе, спеціально относящееся къ Новгороду: «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ». Ср. совершенно сходную не по содержанію, а по пріему вставку словъ: «и суть Новъгородстии людие до днешняго дне отъ рода Варяжьска» въ фразу Кіевскаго свода: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне» (послѣ «Варягы»).

Составителю Нач. свода пришлось скомбинировать обѣ фразы обоихъ источниковъ. Кромѣ того, желая уяснить себѣ и читателямъ, о какой же дани сообщаютъ источники, и вчитываясь въ текстъ ихъ, онъ понялъ, что дѣло шло о дани, наложенной кіевскимъ княземъ въ пользу Варяговъ. Поэтому онъ къ слову «Варягомъ» прибавилъ «даяти» и приписалъ еще разъ послѣ имени «Мери» — «дань даяти Варягомъ»; не удовольствовавшись этимъ, онъ и къ послѣднему, спеціально новгородскому извѣстію приписалъ имя Варяговъ. Замѣтивъ несоотвѣтствіе современной дѣйствительности, которая ничего не знала о дани съ Новгорода въ пользу Варяговъ, онъ, по указаннымъ выше соображеніямъ, изложилъ новгородское извѣстіе такъ: «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Изъ Начальнаго свода разсматриваемая фраза безъ существенныхъ измѣненій перешла въ Повѣсть вр. лѣтъ, гдѣ, впрочемъ, исключено, какъ излишнее, «Варягомъ даяти» и гдѣ послѣдняя фраза тѣснѣе слита съ предшествующимъ, благодаря пропуску союза «а»: «и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода», и т. д. Вслѣдствіе этого получился такой смыслъ: Словѣне, Кривичи и Меря платятъ дань Кіеву, а Новгородъ 300 гривенъ Варягамъ.

---

[1] Ср. „и бѣша у него мужи Словѣне Варязи“ вм. „Варязи“ (§ 201).

Составитель Новгородскаго свода 1167 года слѣдовалъ въ этомъ мѣстѣ, сильно интересовавшемъ, конечно, новгородцевъ, своему новгородскому источнику, своду XI вѣка (а не Повѣсти вр. лѣтъ). Общерусскій сводъ предпочелъ чтеніе свода 1167 года «еже и нынѣ даютъ» соотвѣтствующему чтенію Повѣсти вр. лѣтъ «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ».

Составитель протографа Синод. списка (въ основаніи его лежитъ трудъ Германа Вояты—копія со свода 1167 года) измѣнилъ «еже и нынѣ даютъ» на «еже не даютъ». Составитель Софійскаго временника, соединявшій текстъ Начальнаго свода съ текстомъ протографа Синод. списка, предпочелъ въ данномъ мѣстѣ текстъ этого второго своего источника и далъ чтеніе: «еже не даютъ». Отсюда это чтеніе перешло, съ одной стороны, въ Новгор. 1-ю лѣтопись младш. извода (Комм. и др.), а съ другой, въ сводъ 1448 года, который соединялъ текстъ общерусскаго свода съ текстомъ Соф. временника.

§ 206[9]. Итакъ, мы имѣемъ свидѣтельство XI вѣка о томъ, что Новгородъ уплачивалъ дань Кіеву въ размѣрѣ 300 гривенъ въ годъ. Это извѣстіе изслѣдователи[1]) уже давно сопоставляютъ съ извѣстіемъ, читавшимся въ Нач. сводѣ (и Пов. вр. лѣтъ) подъ 6522 (1014) годомъ: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху». Извѣстіе это, какъ указано въ § 206[7], заимствовано въ Нач. сводъ изъ Новгородскаго свода XI вѣка. Изъ него видно, что во времена Владиміра Новгородъ уплачивалъ дань въ размѣрѣ 3000 гривенъ; изъ разсмотрѣннаго же нами выше извѣстія слѣдуетъ, что Олегъ уставилъ дань въ размѣрѣ 300 гривенъ и что эта дань уплачивалась и въ XI вѣкѣ, когда былъ составленъ Новгородскій сводъ; я думаю, что сохраненіе «нынѣ» въ сводѣ 1167 года показываетъ, что и въ XII вѣкѣ дань эта не была еще отмѣнена. Прямого указанія на дань въ XII в. мы не имѣемъ, но не указываетъ ли на нее извѣстіе о Печерскихъ даняхъ, уплачивавшихся Новгородомъ Кіеву? Подъ 6641 (1133) читаемъ: «Ярополкъ посла Мсти-

---

[1]) Укажу на Калайдовича, Опытъ о посадникахъ новгородскихъ (1821) с. 7; Соловьева, Исторія Россіи.

славича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолиньска даръ, и тако хрестъ цѣловаша». Какъ же понять разницу 300 гривенъ (при Олегѣ) и 3000 гривенъ (при Владимірѣ)? Предполагаютъ, что дань была со временемъ увеличена. Но мнѣ кажется, что слова «еже нынѣ дають» доказываютъ, что именно во время лѣтописца уплачиваюсь 300 гривенъ. Думаю поэтому, что дань, достигавшая при Владимірѣ 3000 гривенъ, была при Ярославѣ уменьшена до 300 гривенъ. Приведу два основанія: во-первыхъ, во времена Олега и Игоря дань взималась бѣлками, вѣверицами, куницами; ср. сообщенія Нач. свода и Повѣсти вр. лѣтъ о даняхъ, уставленныхъ этими князьями, а также сообщеніе Нач. свода о томъ, что Варяги брали отъ мужа по бѣлой вѣверицѣ; нельзя поэтому уставленіе дани въ размѣрѣ 300 гривенъ возводить къ слишкомъ отдаленнымъ временамъ. Во-вторыхъ, Ярославъ въ 1014 году отказался платить дань кіевскому князю, находя ее для себя обременительною; конечно, въ этомъ его поддержали Новгородцы. Мы знаемъ, что Ярославъ далъ разныя свободы Новгородцамъ; не было ли въ числѣ ихъ уменьшеніе дани съ 3000 гривенъ до 300? Во всякомъ случаѣ естественно ждать, что Новгородцы получили прежде всего финансовое облегченіе отъ посаженнаго ими на Кіевскій столъ князя.

§ 207. Перехожу къ третьему сказанію, къ походу Олега на Царьградъ. Въ предыдущемъ сказаніи намъ пришлось отмѣтить только одну вставку новгородскаго редактора: это сообщеніе о новгородской дани. Здѣсь же какъ будто сильнѣе обнаруживается его вліяніе. Во-первыхъ, совершенно ясно, что указаніе на то, что Олегъ пошелъ въ Ладогу и что въ Ладогѣ находится его могила, принадлежитъ составителю Новгородскаго свода. Можно еще удивляться, что кіевлянинъ—составитель Начальнаго свода включилъ въ свой трудъ это извѣстіе; въ Кіевѣ, какъ извѣстно, показывали Олегову могилу и притомъ, оказывается, не въ одномъ мѣстѣ, не на одной горѣ Щековицѣ, гдѣ помѣщаетъ ее Повѣсть временныхъ лѣтъ, а въ двухъ разныхъ мѣстахъ [1]). Но, повиди-

[1]) П. Лебединцевъ, въ Чт. въ общ. Нест. лѣт. I, 22.; Грушевскій, l. c. I[2], 365.

мому, оба источника—и Древнѣйшій сводъ и Новгородскій отвлекали отъ составителя Начальнаго свода мысль о Кіевѣ, какъ о мѣстѣ кончины Олеговой. Въ Начальномъ сводѣ читаемъ: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзіи же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну зміа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ». Въ этомъ отрывкѣ ясно отразились два источника. Я думаю, что въ Древн. сводѣ читалось: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда за море, и уклюну зміа в ногу, и с того умре». Въ Новгородскомъ же сводѣ XI вѣка: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могыла его въ Ладозѣ». Новгородскій редакторъ передѣлалъ сообщеніе Древнѣйшаго свода на основаніи мѣстнаго преданія: мы видѣли уже его знакомство съ преданіями, связывавшими города Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ съ именами Рюрика, Синеуса и Трувора; городъ Ладога былъ, очевидно, связанъ съ именемъ Олега. Древнѣйшій Кіевскій сводъ обнаруживаетъ знакомство съ преданіемъ, по которому смерть Олега произошла отъ укуса зміи. Повидимому, преданіе это въ первоначальномъ видѣ не пріурочивало смерти къ Кіеву и не связывало ея съ возвращеніемъ Олега изъ похода на Царьградъ; пріуроченіе это принадлежитъ уже составителю Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 208. Допустивъ вліяніе новгородскаго источника на конецъ сказанія объ Олегѣ, мы можемъ искать его и въ самомъ сказаніи. У насъ является вопросъ, не принадлежитъ ли новгородцу эпизодъ о паволочитыхъ и кропинныхъ парусахъ. Въ этомъ эпизодѣ Словѣне противополагаются Руси: Словѣне получили кропинные паруса, Русь паволочитые; вѣтеръ разодралъ кропинные паруса. «И рѣша Словѣне: имемся своихъ толъстинахъ; не даны суть Словѣномъ прѣ». Можетъ казаться, что въ этомъ разсказѣ выразилась насмѣшка кіевлянина надъ новгородцемъ и что, слѣдовательно, разсказъ составленъ не новгородцемъ, а кіевляниномъ. Но не слишкомъ ли добродушна эта насмѣшка? Не отнесся ли бы кіевлянинъ съ бо̀льшей ироніей къ Словѣнамъ, не умѣющимъ управлять тонкими парусами? Сомнѣваюсь еще и въ томъ, чтобы кіевлянинъ ввелъ въ свой разсказъ о походѣ на Царьградъ Словѣнъ — это значило бы раздѣлить съ ними честь славнаго похода. Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ новгород-

ское происхожденіе разсматриваемаго эпизода: «имѣмъся своихъ толстинъ», говорятъ Словѣне; и они дѣлаютъ правильно; толстины выдерживаютъ напоръ вѣтра; не побрезговали Словѣне робичищемъ Владиміромъ, и они сдѣлали правильно, ибо Владиміръ оказался великимъ и мудрымъ княземъ. Если предположить, что эпизодъ о парусахъ вставленъ въ сказаніе новгородцемъ, то чтеніе «раздра я вѣтръ» (Повѣсть вр. лѣтъ) предпочтительнѣе чтенію «и раздра вѣтръ кропинныя» (Новгор. 1-я); очевидно, вѣтеръ разодралъ не только кропинные паруса Словѣнъ, но и паволочитые Русскихъ. Доказательство того, что слова «И рече Олегъ: исшийте парусы паволочиты Руси, а Словѣномъ кропиньныя» вставка, вижу въ томъ, что за ними слѣдуетъ «и бысть тако» (послѣ чего идетъ сообщеніе: «и повѣси щитъ свой» и т. д.).

§ 209. Итакъ, въ Древнѣйшемъ сводѣ сказаніе о походѣ Олега оканчивалось, повидимому, словами «Повѣси же щитъ свой въ вратѣхъ, показуя побѣду; и поиде отъ Царяграда». Эти слова читались за сообщеніемъ о дани, наложенной Олегомъ на Грековъ. Но опредѣляя, какъ же именно было изложено въ Древн. сводѣ это послѣднее сообщеніе, мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ; въ Начальномъ сводѣ читается: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 100 корабль по 12 гривнѣ на человѣкъ, а въ кораблѣ по сороку мужь; самъ же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземь Рускымъ». Повѣсть временныхъ лѣтъ имѣетъ только первую фразу, при чемъ вмѣсто 100 корабль въ ней находимъ 2000 корабль; вторая же фраза отчасти повторена ниже (и въ Нач. сводѣ и въ Повѣсти вр. лѣтъ): «пріиде Олегъ къ Кыеву (и ко Игорю), несый злато и паволокы и вино и овощь». Такимъ образомъ Повѣсть вр. лѣтъ опустила неосторожное утвержденіе Начальнаго свода о томъ, будто Греки и доселѣ даютъ дань князьямъ Русскимъ. Является вопросъ, откуда попало это сообщеніе въ Начальный сводъ: изъ Кіевскаго ли Древнѣйшаго свода или изъ Новгородскаго свода XI вѣка. Рѣшить этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно трудно, но я склоняюсь къ мысли, что источникомъ въ данномъ случаѣ былъ Новгородскій сводъ; во-первыхъ, есть основаніе утверждать, что именно эта фраза читалась въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка; мы читаемъ въ

Хронографѣ 1512 года: «и повинушася Грецы и много время даяху дань Рускимъ княземъ... Самъ же Олегъ взять злато и сребро много, и паволоки, и различное украшеніе, вина и овоща множество»; Хронографъ заимствовалъ свой текстъ изъ общерусскаго свода 1423 года, а въ числѣ источниковъ этого свода былъ Новгородскій сводъ 1167 года, основанный на сводѣ XI вѣка. Во-вторыхъ, мы знаемъ, что Новгородскій сводъ XI вѣка передавалъ текстъ Древн. лѣт. свода, сокращая, а мѣстами и дополняя его: слова «и возложи дань» можно признать сокращеніемъ сообщенія Древн. свода: «И заповѣда Олегъ дань даяти», и т. д.; слова «самъ же взя злато и паволокы» можно признать сокращеніемъ фразы «несый злато и паволокы и вино и овощь», читавшейся въ Древн. сводѣ. Въ-третьихъ, быть можетъ, правдоподобнѣе отнести насчетъ новгородца, чѣмъ насчетъ кіевскаго лѣтописца, сообщеніе о томъ, что Греки доселѣ даютъ дань Русскимъ князьямъ; въ Кіевѣ отношенія Русскихъ князей къ Грекамъ были болѣе извѣстны, чѣмъ въ Новгородѣ; а эти отношенія, въ особенности послѣ разрыва мира при Ярославѣ, не давали никакого основанія для приведеннаго сообщенія.

§ 210. Выяснивъ тотъ видъ, который имѣли разсмотрѣнныя древнѣйшія сказанія въ Древн. сводѣ и опредѣливъ тѣ редакціонныя измѣненія, которымъ они подверглись сначала въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка, а затѣмъ въ Начальномъ сводѣ, пользовавшемся какъ Древнѣйшимъ сводомъ, такъ и Новгородскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о редакціонныхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ эти сказанія Повѣстью вр. лѣтъ. Составитель Повѣсти вр. лѣтъ, во-первыхъ, внесъ въ свой трудъ новыя хронологическія данныя, не бывшія въ распоряженіи Начальнаго свода: сказаніе о призваніи Варяговъ онъ изложилъ подъ 6367 и 6370 годомъ, сказаніе объ овладѣніи Кіева варяжскимъ княземъ подъ 6390, сказаніе о походѣ Олега на Царьградъ подъ 6415; здѣсь не мѣсто распространяться относительно происхожденія и значенія этихъ годовъ. Во-вторыхъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на составъ древнерусскихъ племенъ и географическое ихъ распредѣленіе; добытыя имъ свѣдѣнія включены во всѣ три сказанія; такъ въ сказаніи о призваніи Варяговъ въ число племенъ, участвовавшихъ въ призваніи князей, включена Весь подъ вліяніемъ, конечно,

того соображенія, что Бѣлоозеро, гдѣ сѣлъ Синеусъ, было въ области Веси (ср. въ вводной статьѣ: «на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь»); равнымъ образомъ Весь значится подъ 6367 г. въ числѣ племенъ, обложенныхъ данью въ пользу Варяговъ; подъ тѣмъ же годомъ сѣвернымъ племенамъ: Чуди, Словѣнамъ, Мери, Веси и Кривичамъ, противоположены южныя племена—Поляне, Сѣверяне и Вятичи, обложенные данью въ пользу Козаръ. Географическія свѣдѣнія лѣтописца позволили ему назвать и тѣ города, куда Рюрикъ посадилъ своихъ мужей по смерти братьевъ: это Полотскъ (городъ Кривичей), Ростовъ (городъ Мери), Бѣлоозеро (городъ Веси); лѣтописецъ тутъ же поясняетъ, какимъ племенамъ принадлежали эти города, прибавляя еще, что въ Новгородѣ исконно жили Словѣне, а въ Муромѣ Мурома; по этимъ городамъ Варяги являются находниками, пришлецами, а первыми насельниками были названныя племена; замѣчаніе это основано на фразѣ Начальнаго свода, сохраненной и Повѣстью: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвася Руская земля, Новъгородьци ти суть людье Новъгородьстии отъ рода Варяжьска»; къ этой фразѣ прибавлено: «преже бо бѣша Словѣни», что̀ стоитъ въ явномъ соотвѣтствіи съ читаемымъ ниже: «а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне». Въ статьѣ объ овладѣніи Кіевомъ составитель Повѣсти вр. лѣтъ перечисляетъ племена, принявшія участіе въ походѣ Олега: названы всѣ пять племенъ, принимавшихъ участіе въ призваніи Варяговъ, а кромѣ того сами Варяги; упомянувъ о завладѣніи Олегомъ Смоленска, составитель Повѣсти указываетъ, что этотъ городъ находился въ области Кривичей [1]); ср. «Кривичи... ихже градъ есть Смоленьскъ»; слѣдующимъ городомъ, который взятъ Олегомъ, названъ Любечъ; Начальный сводъ не называетъ его. Въ сказаніи о походѣ Олега на Царьградъ опять перечислены племена, пошедшія съ Олегомъ; кромѣ сѣверныхъ племенъ, названы и среднерусскія и южнорусскія племена. В ъ - т р е т ь и х ъ, составитель Повѣсти вр. лѣтъ привлекъ въ качествѣ источниковъ, съ одной стороны, нѣкоторыя народныя преданія,

---

[1]) Въ спискахъ Повѣсти вр. лѣт.: „и приде къ Смоленьску *съ* Кривичи“. Поправка „*въ* Кривичи“ принадлежитъ Соловьеву (Ист. Россіи, I, 114, прим.) и Миклошичу.

а съ другой, договоры съ Греками; народныя преданія и договоры 6415 и 6420 годовъ рѣшительно свидѣтельствовали о томъ, что Олегъ былъ княземъ, а не воеводой; мы видѣли, что превращеніе Олега въ воеводу было слѣдствіемъ особыхъ мудрствованій составителя Начальнаго свода, которому пришлось признать Игоря сыномъ, а слѣдовательно и преемникомъ родоначальника княжеской семьи, Рюрика; Древнѣйшій сводъ, основываясь на живомъ источникѣ, называлъ Олега княземъ; Повѣсть вр. лѣтъ вернулась къ этимъ живымъ источникамъ (ср. сказаніе о смерти Олега и погребеніи его на Щековицѣ), а подтвержденіе имъ нашла въ договорахъ, бывшихъ неизвѣстными составителямъ прежнихъ сводовъ. Но составителю Повѣсти вр. лѣтъ пришлось прибѣгнуть къ компромиссу, такъ какъ происхожденіе Игоря отъ Рюрика, придуманное составителемъ Нач. свода, принято имъ за вѣрное. Игорь—сынъ и преемникъ Рюрика, но онъ остался малолѣтнимъ и за него княжилъ Олегъ—вотъ выходъ, найденный изъ затруднительнаго положенія составителемъ Повѣсти. Наконецъ, въ-четвертыхъ, сказаніе о призваніи князей подверглось сильному измѣненію на основаніи особой сложившейся у составителя Повѣсти вр. лѣтъ теоріи.

§ 209[1]. Теорія эта отождествляла Русь съ Варягами; она утверждала, что въ 6370 (862) году были призваны въ Новгородъ не варяжскіе, а русскіе князья. Высказанныя выше соображенія разъясняютъ, какъ кажется, смыслъ и происхожденіе теоріи: въ основаніи ея лежатъ несомнѣнно историческія явленія, но имъ дано своеобразное освѣщеніе; освѣщеніе это имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ тенденціозный характеръ, но зародилась тенденція едва-ли отъ чего иного, какъ только отъ несоблюденія исторической перспективы. Позволяю себѣ повторить вкратцѣ предложенные выше выводы. Въ VIII—IX в. Скандинавы овладѣваютъ славянскимъ югомъ, который по имени ихъ получаетъ названіе Руси; такъ въ особенности стало называться южное Приднѣпровье сосѣдями, имѣвшими дѣло, въ сношеніяхъ съ нимъ, съ представителями власти, съ князьями и ихъ дружиною; эти верхніе слои носили на югѣ преимущественное названіе Руси, между тѣмъ какъ покоренныя племена продолжали называться Полянами, Сѣверянами, Древлянами и т. п. Позже, чѣмъ на югѣ,

утверждають Скандинавы свое господство на сѣверѣ: здѣсь они назывались Варягами; ихъ имя, въ особенности въ устахъ сосѣдей, начинаетъ вытѣснять племенныя имена покоренныхъ Словѣнъ, хотя на самомъ сѣверѣ Варягами назывались преимущественно верхніе слои, князья и ихъ дружинники. Составителю Древн. Кіевскаго свода, какъ кажется, вполнѣ ясны были эти два явленія. Разсказавъ объ овладѣніи Варягами Кіева, онъ прибавилъ, что, осѣвъ въ Кіевѣ, эти Варяги назвались Русью. Составитель Новгородскаго свода нѣсколько осложняетъ разсказъ вставкой эпизода объ изгнаніи Варяговъ за море и о призваніи ихъ въ лицѣ трехъ князей съ ихъ дружинами. Составитель Нач. свода комбинируетъ Древн. Кіевскій сводъ съ Новгородскимъ, устанавливая, кромѣ того, генеалогическую связь варяжскаго Рюрика съ русскимъ Игоремъ. Составителю Повѣсти вр. лѣтъ положеніе вещей представляется уже въ болѣе туманномъ видѣ, отчасти благодаря вліянію источниковъ. Онъ хорошо знаетъ, что Русь это тѣ же Варяги; различіе именъ не мѣшаетъ ему отождествить этихъ разновременныхъ выходцевъ изъ Скандинавіи. Но онъ не упускаетъ изъ виду, что имя Руси старше имени Варяговъ, что оно утвердилось на югѣ раньше появленія Варяговъ на сѣверѣ. Желая объяснить себѣ, какъ же появилась Русь на югѣ, онъ рѣшилъ использовать сообщеніе Начальнаго свода о призваніи варяжскихъ князей, причемъ использованіе этого сообщенія было тѣмъ естественнѣе, что русскіе князья оказывались по Начальному своду прямыми потомками варяжскаго Рюрика. Для составителя Повѣсти вр. лѣтъ стало очевиднымъ, что сѣверныя племена призвали не Варяговъ, а Русь, и что, слѣдовательно, Русь появилась въ южномъ Приднѣпровьѣ одновременно съ появленіемъ первыхъ «русскихъ» князей. Сдѣланный выводъ пришлось согласовать съ различными данными, попавшими въ трудъ составителя Повѣсти вр. лѣтъ изъ нѣсколькихъ источниковъ.

Прежде всего онъ рѣшилъ вставить имя Руси въ перечень племенъ Іафетова рода и помѣстилъ его между Готами и Англянами: «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане», и т. д. Въ сказаніи о призваніи Варяговъ онъ къ словамъ: «И идоша за море къ Варягомъ» прибавилъ: «къ Русі; сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се

*

друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си». Ниже, вмѣсто словъ Начальнаго свода «и пояша съ собою дружину многу», онъ исправилъ: «и пояша по собѣ всю Русь»; поправка любопытная: ею устранялось возможное возраженіе, что Руси нѣтъ теперь (во время лѣтописца) среди племенъ, живших на Варяжскомъ морѣ—она вся безъ остатка переведена въ славянскія земли. Вмѣсто «И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозвашася Варягы», фразы съ точки зрѣнія составителя Повѣсти безсмысленной, ибо сами Варяги назывались Русью, онъ далъ чтеніе: «И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозвася Руская земля». Наконецъ, ниже въ разсказѣ о завладѣніи Кіева Олегомъ сообщенію Начальнаго свода: «И бѣша у него Варязи и Словѣне и̕ оттолѣ прозвашася Русью» онъ далъ другой смыслъ: «И бѣша у него Варязи и Словѣне и прочи прозвашася Русью». Итакъ не Варяги и Словѣне прозвались Русью, поселившись въ Кіевѣ, а напротивъ, «прочіе», т. е. Кіевляне назвались Русью, когда среди нихъ поселились Варяго-Русы и Словѣне. Эта поправка спасла теорію составителя Повѣсти вр. лѣтъ и оградила ее отъ возможнаго возраженія [1]).

ГЛАВА XIV.

Мистиша Свѣнельдичъ и сказочные предки Владиміра Святославича.

§ 211. Въ числѣ источниковъ нашего знакомства съ древними русскими лѣтописями не послѣднее мѣсто принадлежитъ знаменитому труду польскаго «Ливія», Яна Длугоша, въ распоряженіи котораго находились и русскіе историческіе памятники.

Длугошъ, жившій отъ 1415 до 1480 года, принялся за составленіе польской исторіи въ концѣ 1455 года и работалъ надъ

---

[1]) Но зоркій глазъ изслѣдователя и за этой поправкой усмотрѣлъ первоначальный смыслъ фразы: С. М. Соловьевъ даже изъ текста Повѣсти вр. лѣтъ (на текстъ Новг. 1-й лѣтописи онъ не обратилъ вниманія, да и не могъ обратить вниманія въ этомъ случаѣ, т. к. Комм. списокъ еще не былъ изданъ) вынесъ такое впечатлѣніе, что „Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ“. Ист. Россіи, I, 115, прим.

ней 25 лѣтъ [1]). Не сразу выработалъ Длугошъ планъ предстоящаго труда и не сразу опредѣлился составъ его источниковъ. Изслѣдователи убѣждаются въ томъ, что отдѣльныя части его исторіи написаны не въ той послѣдовательности, въ которой онѣ изложены въ готовомъ трудѣ; при этомъ самъ Длугошъ признаетъ, что рѣдкая страница не подвергалась по шести—семи разъ поправкамъ и переработкѣ [2]). Русскіе источники, какъ указываетъ Длугошъ въ предисловіи, стали доступны ему позже остальныхъ; онъ выучился читать по-русски уже убѣленный сѣдинами [3]). Итакъ, русскіе памятники, а между прочимъ русскія лѣтописи, стали извѣстны Длугошу въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ XV столѣтія. Можно a priori изъ вышеприведеннаго указанія самого Длугоша заключить, что источники эти не были очень многочисленны. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что въ распоряженіи польскаго историка было не больше трехъ или четырехъ русскихъ лѣтописей.

Источники Длугоша опредѣлены въ значительной степени. Укажу между прочимъ на прекрасный трудъ Цейссберга [4]), а также на указанную выше книгу Семковича; но, кажется, эти изслѣдованія должно признать для настоящаго времени устарѣвшими. Для опредѣленія русскихъ источниковъ сдѣлано очень мало. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей книгѣ «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка» (Спб. 1868) подготовилъ матеріалъ, необходимый для такого опредѣленія, выбравъ изъ Длугоша всѣ русскія извѣстія [5]). У Цейссберга находимъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній касательно русскаго источника Длугоша (стр.

[1]) Ср. Bobrzyński i Smolka, Jan Długosz jego życie i stanowisko w piśmiennictwie, str. 68 и 69.

[2]) Ср. Semkowicz, Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza (Kraków, 1887), str. 10.

[3]) „Unde et ob eam rem, cano iam capite, ad perdiscendum litteras Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus historiae nostrae series crassior redderetur“. Предисловіе, с. XI, изд. Пржездзецкаго.

[4]) H. Zeissberg, Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters (Leipzig, 1873), S. 297 und ff.

[5]) Выборка нуждается въ основательномъ пересмотрѣ, между прочимъ вслѣдствіе того, что она сдѣлана по изданію 1711 года. Изданіе Пржездзецкаго вышло позже, чѣмъ книга Бестужева-Рюмина (1873 г.).

298 назв. соч.). Болѣе обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ Семковичемъ (стр. 52—55); онъ, кажется, первый указалъ на необходимость признать въ числѣ источниковъ Длугоша лѣтопись Перемышльскую, которую можно, конечно, назвать и болѣе общимъ названіемъ—Галичскою [1]). Но Семковичу мѣшало его недостаточное знаніе русскаго языка, а кромѣ того, конечно, отмѣченное имъ отсутствіе такихъ изслѣдованій русскихъ лѣтописей, которыя опредѣлили бы взаимное отношеніе отдѣльныхъ списковъ и сводовъ.

Признавая изслѣдованіе Длугоша со стороны русскихъ источниковъ дѣломъ будущаго, я ограничусь здѣсь нѣсколькими замѣчаніями относительно бывшихъ въ его распоряженіи русскихъ лѣтописей.

§ 212. Оставляю въ сторонѣ лѣтописи западно-русскія; ихъ вліяніе несомнѣнно, начиная съ X книги Historiae polonicae. Пользованіе другими русскими лѣтописями можно прослѣдить на пространствѣ отъ X до XIII вѣка включительно. Послѣднее заимствованное Длугошемъ изъ русскихъ лѣтописей извѣстіе относится, по указанію Семковича, къ 1288 года (см. VIII книгу; въ IX нѣтъ ни одного извѣстія, почерпнутаго изъ русскаго источника).

Обращаясь къ этимъ русскимъ извѣстіямъ Длугоша, видимъ, что прежде всего выдѣляется въ качествѣ источника общерусскій по содержанію и составу своему сводъ. Къ нему возводимъ, съ одной стороны, статьи, восходящія къ древней (Несторовой) лѣтописи, къ Повѣсти вр. лѣтъ; къ нему же восходятъ кіевскія событія XII вѣка (напр., битва Ярополка съ Половцами, приведенными на Русскую землю Ольговичами въ 1139 = 6644 г., или извѣстіе о смерти Ярополка 1140=6647; или извѣстіе о смерти Юрія Владиміровича 1163=6666; или взятіе Кіева войсками Боголюбскаго 1170=6676; или смерть Глѣба Кіевскаго 1172 = 6680, и др.); къ нему же возводятся и событія суздальскія (напр., сообщеніе о смерти Михаила Юрьевича и борьбѣ Всеволода съ племянниками 1184=6685; сообщеніе о распрѣ Всеволодичей 1206=

[1]) Или, какъ предполагаетъ И. А. Линниченко, южно-русскою лѣтописью, болѣе полною, чѣмъ та, какая намъ извѣстна подъ именемъ Ипатьевской. Ж. М. Н. Пр. 1887, декабрь, с. 358.

6724; о злодѣяніи братоубійцы Глѣба Рязанскаго 1207 = 6725; о побѣдѣ Ярослава Всеволодича надъ Литвой 1216=6733, и др.). Итакъ, въ распоряженіи Длугоша былъ сводъ общерусскій. Правда, такому предположенію можетъ быть противопоставлено другое: Длугошъ пользовался и Кіевскою и Суздальскою лѣтописью. Но предположеніе это невѣроятно, если мы примемъ во вниманіе, что до насъ дошли такіе русскіе лѣтописные своды, въ которыхъ уже были соединены въ одно цѣлое и Повѣсть временныхъ лѣтъ и приведенныя кіевскія и суздальскія событія. Мы не можемъ указать на сводъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій тому составу, который предполагается общерусскимъ источникомъ Длугоша. Но не подлежитъ сомнѣнію, что именно къ такому же источнику, какъ Длугошева выборка, восходитъ рядъ московскихъ и новгородскихъ сводовъ. Это тѣ своды, о которыхъ мы говорили раньше, своды, восходящіе къ общерусскому лѣтописному своду 1423 г. Прежде всего, сюда относится сводъ 1448 года, отъ котораго произошли Новгородская 4-я и Софійская 1-я; далѣе, сюда же принадлежитъ тотъ Московскій сводъ второй половины XV вѣка, который лежитъ въ основаніи Воскресенской: онъ составленъ изъ соединенія Софійской 1-й со сводомъ 1423 года. Общерусскій сводъ 1423 года въ свою очередь восходитъ къ болѣе древней редакціи общерусскаго же свода, повидимому, къ редакціи начала XIV вѣка: общерусскій сводъ начала XIV вѣка познается изъ сравнительнаго изученія Лаврентьевской лѣтописи, представляющейся соединеніемъ общерусскаго свода съ древнею Ростовскою лѣтописью, далѣе — Ипатьевской лѣтописи, значительная часть которой заимствована изъ того же общерусскаго свода; далѣе, между прочимъ, и изъ Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода (Синод. списка), въ которой также есть вставки изъ общерусскаго свода начала XIV вѣка (напр., подъ 6726 разсказъ о братоубійствѣ Глѣба Рязанскаго, подъ 6732 повѣсть о Калкскомъ побоищѣ). Вотъ почему бо́льшая часть русскихъ статей Длугоша отыскивается или въ Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской 1-й (какъ происшедшихъ изъ общерусскаго свода начала XIV вѣка), или въ Софійской 1-й, Новгородской 4-й (какъ происшедшихъ изъ общерусскаго свода 1423 года). Я не буду приводить примѣровъ подобныхъ соотвѣтствій; сами по

себѣ они ничего не доказываютъ. Но думаю, что мы имѣемъ данныя для утвержденія, что Длугошъ пользовался именно сводомъ 1423 года.

Подъ 1212 читаемъ повѣсть о Калкскомъ побоищѣ (въ нашихъ лѣтописяхъ ср. подъ 6731 или 6732). Текстъ Длугоша не можетъ быть возведенъ ни къ тексту Ипатьевской лѣтописи, ни къ тексту Новгородской 1-й. Такъ однѣ части Длугошева текста находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Ипатьевской: напр., слова «perveniunt usque ad Protholcze», ср. «и сташа у рѣкы Хортицѣ на броду у протолчи»; другія части находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Новгородской 1-й; напр., «Polowczis autem contritis et diffugientibus, etiam acies Ruthenorum turbantur», ср. «и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потъпташа бежаще станы Русскыхъ князь; не успѣша бо исполчитися противу имъ, и съмятошася вся». Напротивъ, не видимъ затрудненій возвести текстъ Длугоша, напр., къ тексту Соф. 1-й (изъ которой онъ перешелъ въ Моск.-Акад. списокъ). Такъ въ послѣднемъ отыскиваются мѣста, находящія себѣ соотвѣтствіе какъ въ Ипатьевской, такъ и въ Новгородской 1-й; но, кромѣ того, видимъ въ немъ рядъ мѣстъ, отсутствующихъ и въ Ипатьевской и въ Новгородской, но читающихся у Длугоша; напр., перечень князей: «Mscziѕlaus Romanowicz cum militia Kyoviensi, item Mscziѕlaus Mscziѕlawicz cum Haliczienѕi militia, item Wlodimir Rurikowicz, caeterique Duces Russiae, item Duces Czirnyeovienses, item Duces Smolnenses» [1]); далѣе: «Mscziѕlaus autem Mscziѕlawicz Haliczienѕis Dux, dum fugiendo ad naves pervenisset, superatis fluviis, naves persecutionem Thartarorum veritus, disrumpi mandavit, abindeque fugax in Halicz pavore et trepidatione plenus pervenit» [2]); далѣе: «Wlodimirus autem Rurikowicz fuga et ipse salvatus, in Kyow perve-

---

[1]) Ср. „а ис Кіева князь Мьстиславъ со всею силою, а из Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичь с Чернѣговци и вси князи Русстии и вси князи Чернѣговьскіи, а ис Смоленьска"...

[2]) Ср. „И тогда же князь Мстиславъ Мьстиславичь преди перебѣже Днѣпръ, и пріиде к лодьямъ, повелѣ жещи я, а иныя сѣчи и отринути отъ брега, бояся по себѣ погоні отъ Татаръ, а самъ едва убѣжа в Галичь".

niens, sedem accepit Kyoviensem» [1]). Текстъ Софійской 1-й восходитъ къ своду 1448 года, а въ послѣднемъ статья о Калкскомъ побоищѣ заимствована изъ свода 1423 года. При этомъ считаемъ возможнымъ утверждать, что эта статья до 1423 года не читалась въ такой редакціи, какую находимъ въ Софійской 1-й: дѣло въ томъ, что эта редакція представляетъ соединеніе двухъ разсказовъ о Калкскомъ побоищѣ—разсказа старшаго извода общерусскаго свода, извода начала XIV вѣка (ср. сокращенную передачу разсказа въ Синод. спискѣ), и разсказа Галицкой лѣтописи (ср. разсказъ, дошедшій до насъ въ Ипатьевской). Самое бѣглое знакомство съ редакціей Софійской 1-й лѣтописи доказываетъ справедливость такого утвержденія: между текстами Ипатьевской и Новгородской 1-й нѣтъ ничего общаго, а текстъ Софійской 1-й соединяетъ особенности и той, и другой. Но моментомъ такого соединенія былъ именно моментъ составленія общерусскаго свода первой четверти XV в., и этотъ моментъ мы по цѣлому ряду соображеній относимъ къ 1423 году. Слѣдовательно, Длугошъ былъ знакомъ именно съ этимъ сводомъ.

Разсматривая русскія извѣстія Длугоша въ предѣлахъ XII и начала XIII вѣка, находимъ возможнымъ возвести бóльшую часть ихъ къ своду, сходному съ Лавр. лѣтописью. Ср. статьи 1126 (=6634), 1129 (=6641), 1139 (=6644), 1140 (=6647), часть статьи 1145 (=6650), 1147 (=6654), 1149 (=6657), 1154 (=6660), 1156 (=6661), 1158 (=6662 и 6663), часть статьи 1159 (=6663), 1163 (=6666), часть статьи 1167 (=6667), 1170 (=6677), 1172 (=6680), 1172 (=6683), 1184 (=6685), 1194 (=6693), 1194 (=6694), 1199 (=6703), 1207 (=6725). Но этотъ сходный съ Лаврентьевскимъ сводъ мы не признаемъ тождественнымъ съ нимъ, ибо, напр., подъ 1184 находимъ опущенное въ Лавр. извѣстіе объ ослѣпленіи Мстислава и Ярополка Ростиславичей Всеволодомъ (ср. 6685), между тѣмъ это извѣстіе находимъ въ Соф. 1-й

---

[1]) Ср. „а князь Володимеръ Рюриковичь прібѣже в Кіевъ и сѣде на столѣ“.—Кромѣ того, отмѣчу, что испорченное у Длугоша мѣсто „Et illico Thartari, respirandi spatio non dato, in Ruthenos et Polowczos *decima septima die* irruunt“ должно, вѣроятно, читать „decima septima (вм. sexta) die mensis Iunii“, ср. „Сим же злоба створіся отъ Татаръ мѣсяца июня въ 16 день“.

и Новгор. 4-й; подъ 1202 (=6711) нѣсколько фразъ въ разсказѣ о взятіи Кіева Рюрикомъ и Ольговичами не читаются въ Лавр., но онѣ имѣются въ Радзивиловской и утраченной Троицкой (ср. у Карамзина и частью въ Симеон.); подъ 1205 (6713) вся статья восходитъ къ Радзивиловской и утраченной Троицкой, причемъ особенно близко сходство съ послѣднею [1]); подъ 1206 (6724) находимъ статью, которой нѣтъ ни въ Лавр., ни въ Радзив., ни въ утраченной Троицк. (Симеон.), но которая читается въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й, и др. Если не допустить, что источникъ Длугоша тождественъ или близко сходенъ съ тѣмъ сводомъ, который самъ зависитъ отъ Лаврентьевской и другихъ сходныхъ сводовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ источникомъ Софійской 1-й и Новгородской 4-й, иначе — тождественъ съ общерусскимъ сводомъ, то намъ придется признать, что Длугошъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи и Лаврентьевскую и Троицкую и Софійскую 1-ю лѣтописи, что представляется мало вѣроятнымъ.

§ 213. Опредѣливъ такимъ образомъ основной источникъ Длугоша какъ общерусскій сводъ 1423 года, видимъ, что другимъ его источникомъ была дѣйствительно та самая лѣтопись, которую Семковичъ призналъ Перемышльскою, но которую правильнѣе назвать Галичскою. Къ этой лѣтописи относятся, напр., такія сообщенія, какъ указаніе на день смерти и мѣсто погребенія Володаря Перемышльскаго (1126=6632), или разсказъ объ усобицахъ между сыновьями Володаря (1127 и 1128), или разсказъ о захватѣ Володаря поляками (1121), о чемъ Ипатьевская упоминаетъ подъ 6653, ошибочно ссылаясь на то, что сообщила объ этомъ раньше, «въ заднихъ лѣтѣхъ»; или разсказъ объ убіеніи Ярослава Святополчича, осадившаго вмѣстѣ съ Василькомъ и Володаремъ Андрея Владиміровича во Владимірѣ (1123=6631); или разсказъ о бѣгствѣ Владиміра Ярославича изъ Угорскаго плѣна (1187=6698); или еще разсказъ о побѣдѣ Мешки надъ Романомъ (1195=6703) и т. д., и т. д. Эта Галичская лѣтопись частью, но далеко не въ полномъ видѣ, вошла въ со-

---

[1]) „Et invadentes tabernacula, quae ipsi magis proprio et inusitato vocabulo turres id est Wiece apellant"; ср. Троицк. (Карамз.).

ставъ Ипатьевской лѣтописи, а также, повидимому, и общерусскаго свода нач. XIV в. (ср. Воскр. лѣтопись) [1]).

§ 214. Въ предѣлахъ XII—XIII в. я не нахожу возможнымъ допустить для русскихъ извѣстій Длугоша иныхъ источниковъ, кромѣ указанныхъ двухъ—общерусскаго свода 1423 года и Галичской лѣтописи XIII вѣка. Переходя къ X—XI вв., т.-е. къ событіямъ, входившимъ въ составъ Повѣсти вр. лѣтъ, мы также поэтому въ правѣ допустить для этихъ событій наличность у Длугоша только двухъ указанныхъ источниковъ. И дѣйствительно, бо́льшая часть событій до XI в. включительно находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ Лавр. и сходныхъ съ нею спискахъ, откуда заключаемъ, что для нихъ источникомъ былъ тотъ же общерусскій сводъ 1423 года. Отмѣтимъ между прочимъ, что указаніе на удѣлъ Игоревъ въ сообщеніи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Ярослава (1052=6562), не имѣющееся ни въ Лавр., ни въ Радзив., ни въ Ипат., читалось въ Троицкой утраченной лѣтописи (Карамзинъ), а также въ Софійской 1-й и Новгородской 4-й [2]).

§ 215. Но имѣется нѣсколько извѣстій и подробностей, которыя не могутъ восходить къ указанному источнику. Приведемъ ихъ:

«Gentilium et ipsi errorem sequuti stagna, lacus, fontes, aquas pro diis colebant». Соотвѣтствующее мѣсто находимъ въ Новгор. 1-й: «Бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани». Эти слова и у Длугоша и въ Новгор. 1-й относятся къ Полянамъ и читаются непосредственно послѣ разсказа объ основаніи Кіева. Въ Повѣсти вр. лѣтъ ихъ

---

[1]) И. А. Линниченко правильно указалъ на то, что „сравнивая разсказъ о южнорусскихъ событіяхъ у Длугоша и Татищева, можно убѣдиться, что оба имѣли подъ рукою сходныя редакціи южнорусской лѣтописи, только списокъ Татищева былъ, повидимому, полнѣе списка Длугоша". Ж. М. Н. Пр., 1887, декабрь, с. 358. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Длугошъ сообщаетъ о плѣненіи Володаря Болеславомъ дважды: одинъ разъ по русскому источнику подъ 1122 (причемъ измѣнникъ Петрокъ не названъ), другой разъ по польскому подъ 1134 (причемъ Володарь замѣненъ Ярополкомъ, будто обольщеннымъ этимъ Петрокомъ—Петромъ Властомъ). Это особенно ясно выдвигаетъ, что извѣстіе 1122 взято изъ русской лѣтописи. Замѣтимъ, что указанъ день возвращенія Володаря изъ плѣна въ Перемышль: 22 іюля.

[2]) „Игореви Володимеръ"—„Gregorio Wladimiriam".

нѣтъ. Правда, они есть въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й, откуда можно было бы думать, что они были и въ сводѣ 1423 года, источникѣ Длугоша. Но Хронографъ указываетъ, что ихъ не было въ этомъ сводѣ. Слѣдовательно, въ Соф. 1-ю и Новг. 4-ю они путемъ свода 1448 года попали изъ Соф. временника (откуда произошла Новгор. 1-я младш. извода). Въ Соф. временникъ они внесены, очевидно, изъ Начальнаго Кіевскаго свода.

«Absumtis deinde Kig, Sczyg et Korew, filii eorum et nepotes linea directa succedentes principabantur apud Ruthenos annis multis, donec successio huiusmodi ad duos fratres germanos Oskald videlicet et Dir pervenit». Въ Повѣсти вр. лѣтъ, а слѣдовательно и въ общерусскомъ сводѣ 1423 года появленіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ изложено, во-первыхъ, гораздо ниже, а во-вторыхъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ у Длугоша; они представляются пришельцами отъ Варяговъ. Ближе къ Длугошу Начальный Кіевскій сводъ (Новг. 1-я), который объ Аскольдѣ и Дирѣ сообщаетъ до призванія Варяговъ (какъ и Длугошъ). Но и Начальный сводъ въ этомъ случаѣ нельзя было-бы признать источникомъ для Длугоша, ибо онъ ясно оттѣняетъ, что Аскольдъ и Диръ были пришлыми Варягами и только «нарекостася князема». Кромѣ того не видимъ въ Новгор. 1-й указанія на то, чтобы родъ Кія, Щека и Хорива держалъ княженіе въ Руси до Аскольда и Дира. А между тѣмъ подобную фразу находимъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ читаемъ непосредственно за сообщеніемъ о смерти трехъ братьевъ и ихъ сестеръ: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ».

Сказавъ о смерти бездѣтныхъ Синеуса и Трувора, Длугошъ предолжаетъ: «Rurek in eorum principatus succedens, moriens filium nomine Ihor reliquit, qui adolescentiam pertingens, Oskaldum et Dir Kiovienses principes nihil hostilitatis ab eo suspicatos in dolo occidit, et principatus ac terras eorum occupavit». Повѣсть вр. лѣтъ, а за нею и общерусскій сводъ 1423 года приписывали убійство Аскольда и Дира Олегу: о немъ совсѣмъ умолчано у Длугоша. Но Начальный сводъ захватъ Кіева и расправу съ Аскольдомъ и Диромъ приписываетъ Игорю (Олегъ является въ качествѣ его воеводы).

Непосредственно за этимъ читаемъ: «Sed neque Duci Ihor

Oskaldi et Dir Ducum Kioviensium diu impunita fuit occisio. Dum enim populos, qui Drewlyanie vocabantur Ruthenici generis, Ducem proprium Miskinam (вар. Nyszkinam) habentes, ad tributum fretus potentia cogeret, et prima solutione, de qua inter eos convenerat, non contentus, secundam in eodem anno exigeret, a Drewlyanis iniuriam non ferentibus nefarie occisus interiit. Qui missis ad suam relictam Olham nuntiis, quatenus Ducem eorum Miskinam (вар. Nyszkinam) virum acciperet, et principatus uniret, summopere suadebant, illa muliebri dolo usa, primis et alteris Drewlyanorum nuntiis benigne appellatis et apud se retentis, Drewlyanos cum Duce eorum ad se venire, quasi conjugium sociatura et principatus unitura iubet», и т. д. кратко передана месть Ольги. Весь этотъ отрывокъ можно было бы признать заимствованнымъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ, а слѣдовательно изъ свода 1423 года, если бы не имя Древлянскаго князя: Miskina. Это имя указываетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на другой источникъ. Повѣсть вр. лѣтъ и Начальный сводъ называютъ его Маломъ.

Ниже походъ на Древлянъ приписывается не Ольгѣ, а Святославу: «Patris autem sui Ihor occisionem ulturus, primam expeditionem in Drzewlanos egit et gravi caede domitos sub iugum mittit, tributumque imponit». И въ Повѣсти вр. лѣтъ и въ Начальномъ сводѣ слова «и возложи на ня дань тяжку» относятся къ Ольгѣ.

Подъ 971 читаемъ, что Святославъ посадилъ сыновей своихъ въ трехъ удѣлахъ, «magna execratione constringens, ut sorte sua contentus ab alterius occupatione se contineat». Этого завѣта Святослава нѣтъ ни въ Начальномъ сводѣ, ни въ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ ниже сообщено, что распря между Святославичами произошла отъ стремленія однихъ князей расширить свои владѣнія насчетъ другихъ. «Non poterat inter filios Svatoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Svatoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictae, angustae illis forent, contentio inter illis de principandi maioritate et praeeminentia suboritur». Конечно, этотъ отрывокъ содержитъ собственныя разсужденія Длугоша, но любопытно, что онъ совсѣмъ не упоминаетъ о причинѣ ссоры Ярополка съ Олегомъ, выставленной нашими лѣтописями, объ эпизодѣ съ убійствомъ Люта.

§ 216. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя незначительныя отличія въ дальнѣйшей передачѣ русскихъ извѣстій у Длугоша [1]), приведу еще нѣсколько болѣе рѣзкихъ особенностей сравнительно съ текстомъ Повѣсти вр. лѣтъ, вошедшимъ въ сводъ 1423 года.

Подъ 1014, къ которому ошибочно отнесены событія 6532 (1024) года, сообщено о двухъ битвахъ Ярослава со Мстиславомъ (Повѣсть вр. лѣтъ говоритъ объ одной): «Msczislaus dux de Thimuthrokany bis Iaroslaum fratrem ducem Kyoviensem bello superat... Et licet Iaroslaus Kyoviensis dux in sui solatium ducem Worahunorum Iakuy accivisset, duplici tamen certamine fortuna tentata conflictus succumbit».

Подъ 1033 указано, что Ярославъ соорудилъ храмъ св. Софіи по обѣту своему на мѣстѣ побѣды надъ Печенѣгами: «In signum autem victoriae, in loco certaminis ecclesiam Sanctae Sophiae, ante conflictum votam, Iaroslaus erigit».

Подъ 1034 переданы подробности о построеніи Ярославомъ св. Софіи: «Extruit deinde sumptuoso muro ecclesiam Sanctae Sophiae cuius turrim tabulatis deauratis tegit; ecclesiam vero vasis aureis et argenteis, libris, vestibusque pretiosis dotat, nobilitat et exornat».

Подъ 1058 имя Половецкаго князя, побѣдившаго Всеволода 2 февраля (по Пов. вр. лѣтъ: 6569 г.), названо (не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ такъ): Sobal alias Siekal (въ нѣкоторыхъ спискахъ только: Szekal).

Подъ 1052 день смерти Ярослава опредѣленъ 7 ноября (въ Пов. вр. лѣтъ суббота Ѳедоровой недѣли 6562 г.) [2]).

---

[1]) Напр., въ разсказѣ о крещеніи Владиміра, очевидно, по недоразумѣнію, сообщается о прибытіи въ Корсунь царей Василія и Константина; крещеніе Руси отнесено на третій годъ по крещеніи Владиміра въ Корсунѣ; построеніе Владиміромъ церкви св. Преображенія отнесено не къ Василеву, а къ Кіеву; названа кромѣ Предславы еще Мстислава, дочь Владиміра, въ сообщеніи объ уводѣ сестеръ Ярослава Болеславомъ въ плѣнъ; особенно много искаженій, частью подъ вліяніемъ польскихъ источниковъ, въ разсказѣ о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ.

[2]) То же 7 ноября приводитъ, конечно, на основаніи Длугоша Стрыйковскій. Въ нѣкоторыхъ позднихъ русскихъ лѣтописяхъ смерть Ярослава отнесена на 17-е октября 6562 (Эрм. № 445; также Лѣтописецъ Женск. Педаг. Института).

Подъ 1072 (Пов. вр. лѣтъ 6584) сообщено о смерти Святослава Ярославича, согласно съ Пов. вр. лѣтъ (21 декабря ошибочно см. 27 декабря). Но въ концѣ читаемъ: «Reliquit autem unicum filium Hleb (вар. Oleh): hic paternum ducatum, videlicet Nowogrodek (вар. Nowogrod), Swanthoslao obeunte possedit». Впрочемъ, о томъ, что Глѣбъ княжилъ въ Новгородѣ, Длугошъ могъ заключить изъ статьи 6586 года.

Подъ 1103 (Пов. вр. лѣтъ 6611) указанъ день, когда состоялся съѣздъ въ Долобскѣ:—8-е апрѣля: «conventu apud Kyoviam duces Russiae octava die Aprilis celebrato, expeditionem contra Polowczos, aestate non expectata, gerendam indicunt» [1]).

§ 217. Признаю, что источникомъ бо̀льшей части приведенныхъ выше извѣстій была та особая русская лѣтопись, которою Длугошъ дополнялъ данныя общерусскаго свода 1423 года. Особеннаго вниманія заслуживаетъ указаніе дня, когда состоялся Долобскій съѣздъ: его нельзя было присочинить, а между тѣмъ его нѣтъ ни въ одномъ спискѣ Повѣсти вр. лѣтъ. Что Длугошъ, разсказывая о русскихъ событіяхъ XI в., имѣлъ два русскихъ источника, можно заключить и изъ такихъ его данныхъ, какъ сообщеніе о двухъ сраженіяхъ Ярослава со Мстиславомъ (объ одномъ сраженіи оба его источника могли разсказывать различно); далѣе изъ такихъ мѣстъ, какъ Sobal alias Siekal (Радзив. и Ипат.: Сокалъ, а Лавр.: Искалъ) [2]). Что этотъ другой источникъ Длугоша былъ сходенъ съ Ипат. и Хлѣбн. лѣтописями, видимъ изъ такихъ чтеній его, какъ yedinowlasczecz въ статьѣ 1033 года для опредѣленія княжеской власти Ярослава; Ипат. и Хлѣбн. подъ 6544: единовластець, между тѣмъ въ Лавр. и сводѣ 1423, судя по Соф. 1-й и Новгор. 4-й: самовластець; на близость Длугоша къ Ипат. въ данномъ мѣстѣ обратилъ вниманіе Бестужевъ-Рюминъ. Подъ

---

[1]) Не привожу данныхъ о русскихъ событіяхъ въ статьяхъ Длугоша, посвященныхъ русско-польскимъ отношеніямъ: частью они могли попасть къ нему изъ польскихъ источниковъ, частью же они придуманы Длугошемъ. Не касаюсь и прямыхъ недоразумѣній: напр., оба извѣстія о саранчѣ (прузи) измѣнены въ извѣстія о нападеніи на Русь Прусовъ (Pruthenі), къ которымъ одинъ разъ (подъ 1103) присоединены литовцы (Lithuani).

[2]) У Сафоновича „Секелъ", вѣроятно, подъ вліяніемъ Длугоша.

1094 городъ, гдѣ ослѣпленъ Василько, названъ Zwinnigrod; ср. Звенигородъ въ Ипат. и Хлѣбн. (6605), между тѣмъ какъ въ Лавр., Радз. и сводѣ 1423 (судя по Соф. 1-й): Бѣлъгородъ. Принимая во вниманіе доказанное выше пользованіе Длугошемъ для XII и XIII в. Галичскою лѣтописью, признаемъ, что изъ нея же внесено все то или, по крайней мѣрѣ, значительная часть того, что отличаетъ текстъ Длугоша отъ предполагаемаго текста общерусскаго свода 1423 года.

§ 218. Отличія Галичской лѣтописи отъ Повѣсти вр. лѣтъ въ разсказѣ о событіяхъ IX—XI столѣтій даютъ намъ основаніе думать, что въ основаніе ея былъ положенъ сводъ старшій, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ. Мы привели ясныя данныя въ пользу того, что Галичская лѣтопись содержала нѣкоторыя чтенія, сближавшія ее именно съ Начальнымъ сводомъ. Ср. вставку о поклоненіи рѣкамъ, озерамъ и колодцамъ за сообщеніемъ объ основаніи Кіева; сообщеніе о томъ, что Игорь (а не Олегъ) покорилъ Кіевъ и убилъ Аскольда и Дира. Можно было-бы на основаніи этого думать, что Галичская лѣтопись содержала въ началѣ текстъ Начальнаго свода; но это не согласуется съ другими ея особенностями: древлянскій князь, убившій Игоря, названъ не Маломъ, а Мискиной; Святославъ, распредѣляя волости между сыновьями, завѣщаетъ имъ жить между собою въ мирѣ; кромѣ того, отмѣтимъ здѣсь еще одно извѣстіе, на которое обратилъ вниманіе и Бестужевъ-Рюминъ; непосредственно за разсказомъ о призваніи князей (въ которомъ, кстати, ничего не говорится о Руси: «a Varasis tres duces acceperunt») читаемъ о размѣрѣ дани, взимавшейся Рюрикомъ и его братьями: «His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum (вар. suae) ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo, unus aspergellus (вар. asperiolus) albus reddebatur». Правда, Начальный сводъ (но не Повѣсть вр. лѣтъ) сообщаетъ о такой дани, взимавшейся Варягами до призванія князей [1]), но, быть можетъ, и эта особенность Длугоша ведетъ насъ къ другому источнику, чѣмъ Начальный сводъ. Во всякомъ случаѣ имя «Мискина» и завѣщаніе Святослава заставляютъ насъ принять, или—что въ числѣ источниковъ Длугоша для древнѣйшаго періода

---

[1]) „И дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици“.

были источники намъ неизвѣстные, или, что неизвѣстныя намъ лѣтописи были въ числѣ источниковъ Галичской лѣтописи, использованной Длугошемъ. Принимая во вниманіе, что Галичская лѣтопись содержала данныя, ведущія насъ, съ одной стороны, къ Начальному своду, а съ другой, къ Повѣсти вр. лѣтъ (не забудемъ, что Начальный сводъ доходилъ только до 1093 года), я признаю вѣроятнымъ, что она представляла компиляцію обоихъ этихъ сводовъ; въ составъ компиляціи вошли заимствованія и изъ другихъ источниковъ. Быть можетъ, нижеслѣдующія соображенія сдѣлаютъ вѣроятнымъ, что отмѣченныя выше особенности, имя «Мискина» и завѣщаніе Святослава, восходятъ къ одному изъ такихъ источниковъ, Древнѣйшему лѣтописному своду.

§ 218[1]. Святославъ завѣщалъ сыновьямъ, чтобы каждый довольствовался своимъ удѣломъ и воздерживался отъ захвата чужой области. Приведя соотвѣтствующее мѣсто Длугоша, Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ: «Этой фразы, обычной вообще въ нашихъ лѣтописяхъ, нѣтъ въ соотвѣтствующемъ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ». Возможно, именно въ виду обычности подобнаго завѣщанія (ср. въ особенности завѣщаніе Ярослава), что оно читалось въ лѣтописномъ сводѣ, бывшемъ въ распоряженіи Длугоша. Но его нѣтъ ни въ Начальномъ сводѣ, ни въ Повѣсти вр. лѣтъ. Расходятся оба эти лѣтописные своды съ Длугошемъ и въ дальнѣйшемъ разсказѣ, тѣсно связанномъ съ разсматриваемымъ мѣстомъ. Длугошъ пишетъ: «Non poterat inter filios Swanthoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Swanthoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictae, angustae illis forent, contentio inter illos de principandi maioritate et praeeminentia suboritur». Итакъ, распря между сыновьями Святослава произошла по Длугошу изъ-за стремленія къ бо́льшей власти: никакого ближайшаго повода къ упомянутому имъ походу Ярополка на Олега Длугошъ не указалъ. За приведенною фразой читаемъ: «Quam sibi Jaropolkus natu maior vendicare satagens, castrum Warosz (т.-е. Вьручь), in quo germanus suus Olha consistebat, conquirens, Olham interficit et in ducatum Drewlyanorum sanguine fraterno dotatus succedit». Итакъ, Длугошъ, съ

одной стороны, умалчиваетъ о приведенномъ въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ эпизодѣ, якобы послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ походу Ярополка на Олега (убіеніи Олегомъ на охотѣ Люта Свѣнельдича), а съ другой, сообщаетъ о завѣщаніи, данномъ Святославомъ своимъ сыновьямъ, и о нарушеніи ими этого завѣщанія. Начальный сводъ (Повѣсть вр. лѣтъ), умалчивая о завѣщаніи, содержитъ эпизодъ объ убіеніи Люта Свѣнельдича Олегомъ Святославичемъ.

§ 219. Дошедшіе до насъ лѣтописные своды даютъ основаніе предполагать, что эпизодъ объ убіеніи Люта вставленъ въ лѣтописный текстъ позднѣе, составителемъ Начальнаго свода, и что его не было въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ. Основанія эти слѣдующія: во-первыхъ, въ Начальномъ сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ) походъ Ярополка на Олега отдѣленъ отъ эпизода съ Лютомъ пустымъ годомъ (6484-мъ); вслѣдствіе этого эпизодъ этотъ не имѣетъ того характера, который желалъ придать ему сводчикъ,—онъ не имѣетъ значенія непосредственной причины Ярополкова похода на Деревскую землю; «и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: поиди на братъ свой и прими волость его; хотя отмьстити сыну своему»—такъ читается подъ 6483, и только подъ 6485 находимъ: «поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю». Во-вторыхъ, какъ указано было въ §§ 177 и 182, въ Древн. Кіевскомъ сводѣ разсказъ о началѣ Ярополкова княженія вводился слѣдующими словами: «А Ярополкъ сѣде (или бѣ) [1]) княжа Кыевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ». Ср. эти слова, съ одной стороны, въ Новгородской 1-й лѣтописи, куда они попали изъ Синод. списка, заимствовавшаго ихъ въ концѣ концовъ изъ Новгородскаго свода XI вѣка, съ другой стороны, въ общерусскомъ сводѣ 1423 года (ср. наличность ихъ какъ въ сводѣ 1448 года, такъ и въ Хронографѣ), куда они попали въ концѣ концовъ изъ того же источника. Новгородскій сводъ XI вѣка могъ ихъ заимствовать только изъ Древн. Кіевскаго свода. Если же допустить, что въ Древн. Кіевскомъ сводѣ дѣйствительно читались эти слова, а за ними—эпизодъ съ Лютомъ, то намъ придется отмѣтить странную въ немъ непослѣдовательность, ту са-

---

[1]) Въ Новгор. 1-й вмѣсто этого „же“.

мую непослѣдовательность, которая замѣчается теперь въ Новгор. 1-й и въ сводѣ 1448 (Соф. 1-й и Новгор. 4-й): разсказъ, назвавъ Ярополкова воеводу Блуда, переходитъ неожиданно къ изложенію эпизода съ Лютомъ Свѣнельдичемъ [1]). Итакъ сообщенія о Блудѣ воеводѣ, съ одной стороны, о Лютѣ Свѣнельдичѣ, съ другой, какъ будто исключаютъ взаимно другъ друга; и дѣйствительно, въ Повѣсти вр. лѣтъ (предположительно и въ Нач. сводѣ), гдѣ мы находимъ эпизодъ съ Лютомъ, отсутствуетъ сообщеніе о воеводѣ Блудѣ. А между тѣмъ въ самомъ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ встрѣчаемъ указаніе на то, что приведенныя выше слова нѣкогда читались въ первоисточникѣ Повѣсти, слѣдовательно, въ Древн. Кіевскомъ сводѣ. Ниже подъ 6488 (980) годомъ читаемъ: «И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ»; итакъ Блудъ вводится въ разсказъ, какъ уже извѣстное лицо, а между тѣмъ раньше о немъ въ Повѣсти вр. лѣтъ не говорилось [2]) (зато ниже читаемъ: «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю»).

Мы заключаемъ отсюда, что Начальный сводъ (Повѣсть вр. лѣтъ) исключилъ изъ текста Древн. Кіевскаго свода слова «и бѣ у него воевода Блудъ», но за то вставилъ эпизодъ съ Лютомъ Свѣнельдичемъ. Я надѣюсь подтвердить это предположеніе дальнѣйшими соображеніями; но пока ставлю вопросъ, какъ же переходилъ Древн. Кіевскій сводъ къ разсказу о походѣ Ярополка на Олега. Мало вѣроятно, чтобы за словами «и бѣ у него воевода Блудъ» читалось прямо «Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего». Если Блудъ названъ воеводой Ярополковымъ, то, очевидно, ему должно было быть отведено видное мѣсто въ непосредственно слѣдовавшемъ за сообщеніемъ о немъ разсказѣ. А между тѣмъ въ разсказѣ о походѣ Ярополка на Олега активная роль отводится Свѣнельду; не Блудъ, а онъ сопровождаетъ Яро-

---

[1]) „А Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Влудъ. В лѣто 6481. В лѣто 6482. В лѣто 6483. Ловы дѣющу Свѣньлдицю, именемъ Лутъ“.

[2]) Такъ, въ первой редакціи Пов. вр. лѣтъ (Лавр., Радз.); во второй редакціи: „и съ воеводою Блудомъ“; ср. Ипатьевскую, а также Новгор. 1-ю (заимствовавшую „и съ воеводою“ изъ протографа Синод. сп.).

полка въ этомъ походѣ, какъ видно изъ обращенныхъ къ нему Ярополкомъ словъ: «И рече Свѣнельду: яжь, сего ты еси хотѣлъ». Допустивъ, что эпизодъ съ Лютомъ обязанъ своимъ появленіемъ въ текстѣ Начальнаго свода (Повѣсти вр. лѣтъ) вставкѣ и что его не было въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, мы въ правѣ предположить, что и въ дальнѣйшемъ разсказѣ имя Свѣнельда вставлено, или, скажемъ прямѣе, что въ этомъ разсказѣ имя Свѣнельда замѣнило имя Блуда. Не лишенъ, кажется, значенія пропускъ словъ «и рече Свѣналду» въ Лавр. спискѣ; быть можетъ, въ одномъ изъ источниковъ Лавр., а именно въ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, стояло «и рече Блуду»; имѣя въ виду, что въ другомъ источникѣ (Переяславской лѣтописи или общерусск. сводѣ нач. XIV в.) стояло «и рече Свѣналду» [1]), составитель Лавр. лѣтописи могъ опустить совсѣмъ эти слова [2]). Если предположеніе наше вѣрно, если, дѣйствительно, рѣчь Ярополка была обращена не къ Свѣнельду, а къ Блуду въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, то необходимо допустить и дальнѣйшее слѣдствіе: въ Древн. Кіевскомъ сводѣ сообщалось о томъ, что походъ Ярополка на Олега предпринятъ по совѣту, по наущенію Блуда. Мы читаемъ подъ 6483 (975) «и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: поиди на братъ свои и волость его; хотя отмьстити сыну своему». Нельзя сказать, чтобы фраза эта была построена очень складно; слова «хотя отмьстити сыну своему» имѣютъ характеръ вставки, приписки, прибавки. Не стояло ли въ Древн. Кіевскомъ сводѣ и притомъ непосредственно за словами «и бѣ у него воевода Блудъ»—«и молвяше всегда Ярополку Блудъ: поиди на Ольга брата своего и прими волость его»? Въ такомъ случаѣ дальше слѣдовало бы: «И поиде Ярополкъ на Деревьску землю». Въ Нач. сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ) читаемъ: «Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего, на Деревьску землю», но слова «на Ольга, брата своего» извлечены, повидимому, изъ предыдущаго.

---

[1]) Свѣналду, вм. Блуду, было бы поправкой второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ.

[2]) Ср. аналогичный пропускъ словъ „сѣде Новѣгородѣ“ подъ 6370 (862) г.; первая редакція Повѣсти вр. лѣтъ имѣла „сѣде Новѣгородѣ“, а вторая „сѣде в Ладозѣ“.

§ 219[1]. Исходя изъ предположеннаго чтенія Древн. Кіевскаго свода, заключаемъ, что вставками въ текстѣ Нач. свода (Повѣсти вр. лѣтъ) приходится признать, во-первыхъ, отрывокъ «Ловы дѣюще Свѣналдичю... И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга», во-вторыхъ, слова: «хотя отмьстити сыну своему». Вставка перваго отрывка обнаруживается крайне небрежнымъ и неуклюжимъ его языкомъ: «Ловъ дѣюще» вм. «Ловъ дѣющю» читаемъ въ Лавр., Радз., Моск.-Акад. и Комм. спискѣ Новгор. 1-й; вм. «именемъ Лютъ» мы ожидали бы «именемь Люту»; ниже послѣ словъ «и заѣхавъ уби и» неуклюже вставлено—«бѣ бо ловы дѣя Олегъ»; въ фразѣ «И о томъ бысть межи ими ненависть, Ярополку на Ольга» смѣшаны двѣ конструкціи.

§ 219[2]. Подкрѣпляемъ предположеніе о томъ, что имѣемъ въ статьѣ 6483 года дѣло со вставкой, не только соображеніями о шероховатостяхъ языка этой вставки, но еще рядомъ другихъ соображеній. Прежде всего отмѣчаемъ, что Лютъ Свѣнельдичъ, о которомъ говоритъ вставка, тождественъ съ Мистишей (Мстиславомъ) Свѣнельдичемъ, о которомъ Нач. сводъ (и Повѣсть вр. лѣтъ) сообщаетъ выше, подъ 6453 (945) годомъ. Это утвержденіе наше основывается на томъ, что древней русской исторической пѣснѣ принадлежалъ образъ Мстислава Лютаго. Такъ называютъ Мстислава Владиміровича Тмутороканскаго два памятника: во - первыхъ, Симоново сказаніе о созданіи Печерской церкви, гдѣ читаемъ объ Якунѣ, что онъ «отъбѣже златы руды (вм. луды), бьяся полкомъ по Ярославѣ с лютымъ Мстиславомъ»; во-вторыхъ, Новгородская 4-я лѣтопись, вставившая въ текстъ свода 1448 г. (ср. Софійскую 1-ю лѣтопись) подъ 6532 (1024) годомъ слѣдующее извѣстіе (повторяющее то, что было изложено выше): «Ярославъ Владимеричь в Суздали изби вълхвы, а братъ его Лютыи Мьстиславъ сѣде в Черніговѣ» [1]). Я думаю, что имя Мстислава Лютаго перенесено на Мстислава Владиміровича съ Мьстиши-Люта, сына Свѣнельдова; отсюда я вывожу, что Мьстиша и Лютъ означали одно и то же лицо. Мы только что предположили, что эпизодъ съ Лютомъ Свѣнельдичемъ вставленъ въ статьѣ 6483 г.;

---

[1]) Вставку эту по нѣкоторымъ основаніямъ возвожу къ Ростовскому своду.

имѣемъ основаніе утверждать, что какой-то эпизодъ съ Мьстишей Свѣнельдичемъ былъ исключенъ изъ текста Начальнаго свода въ статьѣ 6453 года. Дѣйствительно, вотъ что мы читаемъ о Мьстишѣ Свѣнельдичѣ въ этой статьѣ: «Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнельдъ, то же отець Мистишинъ». Лѣтописецъ ссылается на Мистишу какъ на извѣстное лицо, а между тѣмъ о немъ онъ раньше не говорилъ, не упоминая его и позже (или точнѣе, называя его Лютомъ подъ 6483). Думаю, что ссылка «тъ же отець Мьстишинъ» показываетъ, что о Мистишѣ существовало какое-то сказаніе, какая-то пѣсня, быть можетъ, воспѣвавшая его какъ героя; разумѣется, лѣтописецъ не могъ при этомъ имѣть въ виду тотъ блѣдный образъ Люта Свѣнельдича, который вставленъ имъ въ статью 6483 года. Свѣнельдъ, еще не одинъ разъ упомянутый лѣтописцемъ, не нуждался бы въ опредѣленіи посредствомъ ссылки на его сына Люта, играющаго (въ противоположность тому же Свѣнельду) совершенно пассивную роль. Существованіе пѣсни или сказанія, гдѣ Мьстиша Лютый являлся въ качествѣ героя, доказывается перенесеніемъ его имени на Тмутороканскаго князя, который, по свидѣтельству лѣтописи, былъ храборъ на рати. И вотъ, зная этого героическаго Мистишу, составитель Начальнаго свода, ограничивается простою ссылкой на него, когда говоритъ о Свѣнельдѣ, а самого Мистишу вводитъ въ свой разсказъ ниже подъ именемъ Люта, какъ личность случайную и совершенно пассивную. Уже это заставляетъ меня думать, что у составителя Начальнаго свода были какія-то причины, побудившія представить Мистишу въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ онъ могъ бы это сдѣлать на основаніи извѣстныхъ ему, но не обнаруженныхъ данныхъ; слѣдовательно, лѣтописецъ оставилъ слѣды знакомства съ двумя различными сказаніями или пѣснями о Мистишѣ; онъ далъ предпочтеніе тому сказанію, которое сообщало объ убіеніи Мистиши-Люта на охотѣ Олегомъ Святославичемъ, и вставилъ его въ текстъ Древн. Кіевскаго свода; вѣроятно думать, что другое сказаніе онъ встрѣтилъ въ текстѣ самого Древнѣйшаго свода, но исключилъ его какъ противорѣчащее первому. Гдѣ же могло читаться въ Древнѣйшемъ сводѣ это исключенное составителемъ Начальнаго свода сказаніе о Мисти-

нѣ Лютѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадимъ ниже; здѣсь замѣтимъ только, что, по всей вѣроятности, — передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ читаются слова «тъ же отець Мистишинъ», ибо ихъ легче всего понять такъ, что лѣтописецъ ссылается въ нихъ на лицо, о которомъ передъ этимъ говорилъ его источникъ, но которое имъ почему то было опущено въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

§ 219[3]. Эти слова сопровождаютъ имя Свѣнельда; ими Свѣнельдъ вводится въ разсказъ какъ новое лицо; дѣйствительно, о немъ Начальный сводъ (и Повѣсть вр. лѣтъ) не упоминаетъ выше, хотя и говоритъ объ отрокахъ Свѣнельжихъ: «В се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроцi Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази». Появленiе этихъ отроковъ Свѣнельжихъ въ текстѣ Нач. свода (и Повѣсти вр. лѣтъ) совершенно непонятно; на основанiи ссылки Игоревой дружины на Свѣнельжихъ отроковъ мы въ правѣ предполагать, что источникъ Начальнаго свода говорилъ передъ тѣмъ о Свѣнельдѣ и объ отношенiи его къ Игорю; изъ первоначальнаго разсказа должно было явствовать, кто же такой этотъ Свѣнельдъ и почему Игорева дружина завидуетъ Свѣнельдовой, какимъ образомъ послѣдняя оказалась съ оружьемъ и платьемъ, а первая обездоленною. По счастью такое предположенiе находитъ себѣ фактическое подтвержденiе въ текстѣ какъ Новгородской 1-й лѣтописи, такъ и свода 1423 года (откуда сводъ 1448 г. и далѣе Соф. 1-я и Новгор. 4-я лѣтописи). Какъ было указано въ §§ 70—70[7], въ Древнѣйшемъ Кiевскомъ сводѣ, по свидѣтельству названныхъ памятниковъ, восходящихъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ концѣ концовъ къ Новгородскому своду XI вѣка, читалось объ Игорѣ: «И бѣ у него воевода именьмь Свѣнельдъ. И иде Игорь... И примучи Угличѣ и възложи на ня дань и въдасть Свѣнельду; и дасть же дань Деревьскую Свѣнельду; и имаше по чьрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: се далъ еси единому мужеви мъного; отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружьемъ и пърты, а мы нази», и т. д. (см. § 70[6]). Итакъ, передъ нами фактъ пропуска въ Нач. сводѣ приведеннаго отрывка Древнѣйшаго свода. Мы выше предположили, что составитель Начальнаго свода опустилъ мѣсто, касающееся Мистиши, Свѣнельдова сына; мы констатируемъ здѣсь, что онъ опустилъ мѣсто, гдѣ говорилось о самомъ Свѣнельдѣ и о причинѣ обога-

щенія Свѣнельдовой дружины. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что оба пропуска стоятъ между собою въ тѣсной связи и что они вызваны одною общею причиной. Но сначала подчеркнемъ то обстоятельство, что пропускъ въ текстѣ Нач. свода того мѣста, гдѣ Древнѣйшій Кіевскій сводъ говорилъ о Свѣнельдѣ и уступленной ему дани, подтверждаетъ высказанное выше предположеніе о томъ, что въ этомъ сводѣ опущено сказаніе о Мистишѣ, сынѣ Свѣнельда: дѣйствительно, мы указывали, что изъ словъ «тъ же отець Мистишинъ» слѣдуетъ, что о Мистишѣ говорилось передъ тѣмъ; и вотъ мы обнаруживаемъ пропускъ передъ самымъ разсказомъ объ убіеніи Игоря, который имѣетъ за собой приведенную выше фразу, гдѣ въ Нач. сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ) читаются слова «и воевода бѣ Свѣнельдъ, тъ же отець Мистишинъ». Въ этомъ мы и видимъ подтвержденіе того, что Начальный сводъ пропустилъ разсказъ Древн. Кіевскаго свода о Мистишѣ. Въ Древн. Кіевскомъ сводѣ не могло читаться только что приведенныхъ словъ; видимъ это хотя бы изъ того, что Свѣнельдъ, уже введенный выше въ разсказъ, не нуждался въ новомъ опредѣленіи: «тъ же отець Мистишинъ». Слова эти вставлены составителемъ Начальнаго свода и вставлены при томъ въ какой-то зависимости отъ допущеннаго имъ раньше пропуска.

§ 219[4]. Мы привели выше опущенное Начальнымъ сводомъ мѣсто Древн. Кіевскаго свода. Оно логически послѣдовательно приводитъ къ разсказу о походѣ Игоря въ Деревскую землю за данью. Дружина Игорева заключаетъ свои сѣтованія требованіемъ: «поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». Слѣдовательно, о сынѣ Свѣнельдовомъ не могло быть рѣчи въ только что приведенномъ мѣстѣ Древн. Кіевскаго свода; о немъ должно было быть сказано ниже. Но ниже излагается разсказъ объ убіеніи Игоря Древлянами: мы заключаемъ, что въ Древн. Кіевскомъ сводѣ Мистиша участвовалъ въ этомъ эпизодѣ (убіеніи Игоря Древлянами) и что онъ исключенъ именно изъ этого эпизода. Заключеніе наше, равносильное утвержденію, что текстъ статьи 6453 (945) года въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. лѣтъ), точнѣе—статьи объ убіеніи Игоря, не первоначальный, находитъ себѣ подтвержденіе въ ея анализѣ. Выслушавъ сѣтованія дружины и покорившись ея требованію, Игорь идетъ въ Дерева въ дань; «и примышляше къ

первой дани». Что означаетъ это выраженіе? Судя по концу предшествующей статьи, можно думать, что оно равносильно употребленному тамъ выраженію: «хотя примыслити большюю дань». Выше подъ 6422 годомъ сообщалось, что «Древляне затворишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти», но Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ ихъ «и възложи на ня дань болши Ольговы», про Олега же извѣстно (статья 6491), что онъ бралъ на Древлянахъ дань по чернѣ кунѣ. Итакъ, подъ первою данью приходится разумѣть тотъ размѣръ дани, который установленъ былъ Игоремъ послѣ вторичнаго покоренія Древлянъ. Но такое толкованіе, вытекающее изъ смысла предшествующихъ статей Повѣсти вр. лѣтъ, не согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое выясняется изъ данныхъ Новг. 1-й лѣтописи, восходящихъ къ Древн. Кіевскому своду: Деревская дань была отдана Игоремъ Свѣнельду, Свѣнельдъ «имаше по чернѣ кунѣ отъ дыма»; Игорева дружина сѣтуетъ именно на это и, слѣдовательно, подъ ея вліяніемъ, Игорь рѣшается на несправедливость: онъ идетъ въ Деревскую землю для того, чтобъ взять съ нея вторично годовую дань, собиравшуюся въ осеннее полюдье. Итакъ выраженіе «примышляше къ первой дани» можно понять такъ, что Игорь пошелъ за вторымъ сборомъ. Нельзя, однако, признать приведенное выраженіе удачнымъ; и предложенное толкованіе не согласовано, какъ мнѣ представляется, съ дальнѣйшимъ. Появленіе Игоря и требованіе «второй» дани не вызываетъ протеста Древлянъ; они, повидимому, покойно переносятъ и насилія, чинившіяся Игоремъ и его мужами; Игорю дана возможность безпрепятственно собрать «вторую» дань: «возьемавъ дань, поиде въ градъ свой». Непонятно въ виду этого, для чего лѣтописецъ подчеркнулъ сначала (еще до сѣтованія дружины), что Игорь хотѣлъ увеличить дань, взимавшуюся съ Древлянъ, отмѣтилъ дальше, что онъ собиралъ ее несправедливо, во второй разъ, указалъ, наконецъ, что собираніе дани сопровождалось насиліями. Можно бы ждать, что Игорь именно за эти свои дѣйствія встрѣтитъ отпоръ со стороны Древлянъ. Но дѣло представляется въ иномъ освѣщеніи: «Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша

имѣнья». И вотъ только тутъ наступаетъ развязка: Древляне по совѣщаніи съ княземъ Маломъ задумываютъ дать Игорю отпоръ и рѣшаются при этомъ на крайнее средство, на убійство Игоря: «аще не убьемъ его, то вся ны погубить». Развязка нѣсколько отсрочивается посылкой къ Игорю протеста, выраженнаго въ такой формѣ: «почто идеши опять? поималъ еси всю дань»; но Игорь не послушалъ Древлянъ, они вышли изъ Искоростеня и убили его. Въ этомъ освѣщеніи нельзя не отмѣтить искусственныхъ чертъ и явныхъ натяжекъ: главный моментъ, несправедливое взиманіе второй дани, отставленъ на второй планъ, а на первый выдвинутъ и при томъ, какъ кажется, не безъ умысла другой моментъ: попытка Игоря взять съ Древлянъ еще (третью) дань, но уже при особыхъ обстоятельствахъ; онъ отпускаетъ отъ себя дружину и остается лишь съ небольшимъ отрядомъ; умыселъ, руководившій разсказчикомъ, былъ тотъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ Древляне могли оказаться побѣдителями и расправиться съ Игоремъ; желаніе доказать, что перевѣсъ ихъ былъ случайный и что верхъ они одержали не въ открытомъ и равномъ бою, заставило разсказчика пристегнуть къ главному моменту (несправедливому взиманію второй дани) другой побочный эпизодъ, выясняющій, какъ могли Древляне справиться съ Игоремъ. Благодаря этому, развязка отсрочивается, и непосредственною причиной ея оказывается жадность самого Игоря («желая больша имѣнья»). Но не ясно ли, что разсказчикъ уклонился отъ первоначальнаго плана, отступилъ отъ основного замысла? Въ началѣ разсказа (мы принимаемъ во вниманіе дошедшій до насъ отрывокъ Древн. Кіевскаго свода) сообщалось, что Игорь отдалъ и Угличскую и Деревскую дани Свѣнельду; щедрость или расточительность князя вызываетъ неудовольствіе дружины, соблазняющей своего князя возможностью прибытка («да и ты добудеши и мы»); князь не только поддается соблазну, но оказывается еще болѣе жаднымъ, чѣмъ дружина, и, въ явный ущербъ ея интересамъ, собирается походить по Древлянамъ для личной корысти. Въ Повѣсти вр. лѣтъ (и въ Нач. сводѣ) не видно этой вопіющей несообразности, ибо въ ней отсутствуетъ начало разсказа, гдѣ сообщено объ уступкѣ Игоремъ Угличской и Деревской дани Свѣнельду. Мы въ правѣ поэтому думать, что въ Древн. Кіев-

скомъ сводѣ, отъ котораго сохранилось начало разсказа, было иначе изложено его окончаніе, столь рѣзко расходящееся въ дошедшей редакціи съ его началомъ. Такое предположеніе объяснитъ намъ поэтому непослѣдовательность и шероховатость, отмѣченныя нами въ соотвѣтствующемъ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ (и Нач. свода): передъ нами оказался бы не первоначальный разсказъ, а его передѣлка, переработка, при которой естественно возникаютъ и шероховатость и непослѣдовательность[4] изложенія.

§ 219[5]. Исходя изъ начала разсказа, какъ оно читалось въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, мы въ правѣ спросить себя, чьи же интересы были нарушены Игоремъ, когда онъ, поддавшись увѣщанію дружины, пошелъ въ Дерева по дань; рѣчь дружины даетъ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: «се далъ еси единому мужеви много»—вотъ смыслъ сѣтованій дружины; отними у него дань, уступи ее намъ и возьми часть ея себѣ—вотъ логическій выводъ изъ этихъ сѣтованій. Слѣдовательно, Игорь, отправившись въ Дерева по дань, нарушилъ этимъ самымъ интересы Свѣнельда и дружины Свѣнельдовой, которая кормилась Деревскою данью. Дошедшій до насъ лѣтописный разсказъ, какъ мы видѣли, даетъ понять, что Игорь грубѣйшимъ образомъ нарушилъ jus gentium, отправившись собирать съ Древлянъ вторую дань; но уже самая наличность намека на то, что съ нихъ уже была взята кѣмъ-то первая дань («и примышляше къ первой дани»), показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ первоначальнымъ разсказомъ, ибо не указано, кто же взялъ съ Древлянъ первую дань. Быть можетъ, я заблуждаюсь: но рѣшаюсь высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы первоначальный разсказъ (стоявшій въ непосредственной зависимости отъ народнаго преданія) могъ приписать Кіевскому князю столь явное нарушеніе народныхъ правъ. Думаю, что въ первоначальномъ разсказѣ дѣло шло не о взиманіи второй дани, а объ отнятіи Деревской дани у Свѣнельда; самый фактъ похода Игоря въ Дерева въ дань былъ равносиленъ отнятію дани у Свѣнельда, ибо, конечно, Игорь пошелъ въ Дерева не тогда, когда годовая дань была уже собрана Свѣнельдомъ, а тогда, когда наступилъ срокъ для сбора этой дани; дружина Игорева выбрала, конечно, удобный для себя моментъ, а таковымъ была осень, когда вообще собиралась дань,

а не другое время года, когда данщики могли встрѣтиться съ такимъ положеніемъ, при которомъ дѣйствительно съ населенія нечего взять. Итакъ, если походъ Игоря въ Деревскую землю нарушилъ интересы Свѣнельда, и если въ результатѣ похода мы видимъ убіеніе Игоря, мы въ правѣ связать это убіеніе Игоря съ недовольствомъ Свѣнельда и его дружины, вызваннымъ Игоревымъ походомъ, съ защитой ими своихъ интересовъ. Свѣнельдъ, получившій Деревскую дань отъ Игоря, сталъ фактически владѣтелемъ Деревской земли; походъ Игоря на Древлянъ былъ равносиленъ походу его противъ Свѣнельда. Отсюда заключаю, что Игорь погибъ въ сраженіи съ Свѣнельдомъ, защищавшимъ вмѣстѣ съ подвластными ему Древлянами прежде всего свои интересы, а вмѣстѣ съ ними и самую Деревскую землю.

§ 219[6]. И вотъ, когда чтеніе Мискина вм. Мала, сохранившееся у Длугоша, пріобрѣтаетъ для насъ интересъ и значеніе. Замѣчу прежде всего, что изъ двухъ варіантовъ Miskina и Niškina я считаю себя въ правѣ отдать предпочтеніе первому, несмотря на то, что второй получилъ бо́льшую извѣстность, благодаря Стрыйковскому, передавшему имя Древлянскаго князя въ видѣ Niskinia [1]); чтеніе Miskina находимъ въ изданіи 1711 года, а также въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Длугоша, такъ называемомъ Королевскомъ XV в. (Публ. библ. Отд. IV F № 12: Myszkynam два раза на л. 75) [2]). Чтеніе Miskina я возвожу къ

---

1) Въ Густ. лѣтописи находимъ въ разсказѣ о мести Ольги князя Нискина, вм. Мала. Въ Ядрѣ Росс. ист. является Нискиня.

2) Вялецкій говоритъ объ этомъ спискѣ, а именно о первой части его между прочимъ слѣдующее: „Zważając jak starannie i pięknie pierwotnie ta część rękopismu była wykonaną i zastanawiając się nad późniejszemi poprawkami tak licznie i upornie robionemi, nasuwa się wniosek, że w każdym razie rękopism ten musiał być w zetknięciu bliskiem z poważnym jakimś exemplarzem Długoszowej Kroniki. Starożytność i staranność pisma pierwotnego, silnie popiera ten wniosek“. Ant. Białecki, Rękopisma Długosza w petersburgskich bibliotekach (1860), str. 5. Въ Парижскомъ спискѣ (библіотеки кн. Чарторыжскихъ), положенномъ въ основаніе изданія Пржездзецкаго, читается Nyszkinam. Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ издателя, утверждающаго, что этотъ списокъ автографъ Длугоша; ср. сомнѣнія, высказанныя Цейссбергомъ (назв. соч., стр. 336, прим.); ср. также худшія чтенія Парижскаго списка, въ особенности въ именахъ, иной разъ даже

ченію «Мьстина» или «Мистина» Длугошева источника (галицко-русской лѣтописи), а форму «Мьстина» сопоставляю съ именемъ Мьстины въ сказаніи объ убіеніи св. Вячеслава князя Чешскаго [1]: «Мьстина» является, конечно, варіантомъ имени «Мьстиславъ»; поэтому я отождествляю Длугошева Мьстину (Miskina) съ Мистишей, Мьстишей нашей лѣтописи. Длугошъ называетъ Мистину княземъ Древлянскимъ; не забудемъ, что въ распоряженіи Длугоша находился и другой лѣтописный источникъ, говорившій о князѣ Древлянскомъ Малѣ: Малъ замѣненъ здѣсь (и ниже въ разсказѣ о мести Ольги) у Длугоша Мистиной. Принимая во вниманіе все выше изложенное, имѣя въ виду, что Игорь долженъ былъ встрѣтить въ своемъ походѣ на Деревскую землю отпоръ отъ Свѣнельда и Свѣнельдовой дружины, я думаю, что въ первоначальномъ разсказѣ сообщалось о столкновеніи Игоря съ Мистишей Свѣнельдичемъ и объ убіеніи Игоря этимъ Мистишей, Мстиславомъ Лютымъ народной пѣсни.

Итакъ, первоначальный разсказъ объ убіеніи Игоря и вызванной имъ войнѣ Кіевлянъ съ Древлянами представляется въ такомъ видѣ. Игорь, побуждаемый дружиной, идетъ походомъ на Деревскую землю; но Свѣнельдъ не отказывается отъ данныхъ ему правъ; происходитъ столкновеніе Игоревой дружины со Свѣнельдовой и съ Древлянами (подданными Свѣнельда); въ этомъ столкновеніи Игорь убитъ Мстиславомъ Лютымъ, сыномъ Свѣнельда.

по сравненію съ изданіемъ 1711 года: напр., подъ 1054 Myeczeslaw вм. Venceslaus, Вячеславъ.—Мискина проникъ и въ русскіе источники въ формѣ Мыскинъ. Ср. въ рукописи Публ. библ. XVII в. Q. IV. 111 въ перечняхъ именъ, между прочимъ: „отъ Дыра Дыряне іли Древляне, отъ Синева—Синевляне, отъ Трувора—Труворяне или Тморокане, отъ Олеха—Олехняне, отъ Мыскина—Мыскиняне“ (ср. Ѳ. Гиляровъ, Преданія русск. нач. лѣт., с. 11).

[1]) „Убиша же въ томъ градѣ съ нимъ (Вячеславомъ) Мьстину единого; а иныя мужи идоша въ борзѣ“ (списокъ XV в., изд. въ Филологическихъ наблюденіяхъ Востокова, с. 95). „Оубиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстиноу единого, а иныя моужи идоша в борзѣ“ (изд. Фр. Пастрнека въ Věstník Král. české spol. nauk за 1903 годъ). Въ хорватско-глаголическихъ спискахъ: „оубише же такожде в томь градѣ и Мастиноу етера, частна мужа Вещеславла“ (Пастрнекъ, l. c., p. 74).

§ 219[7]. Нашъ выводъ представляется логическимъ заключеніемъ изъ представленныхъ выше данныхъ и вызванныхъ ими соображеній. Но твердое основаніе онъ можетъ получить только въ томъ случаѣ, если намъ удастся объяснить причину, приведшую составителя Начальнаго свода къ измѣненію разсказа Древн. Кіевскаго свода—къ исключенію начала разсказа (объ уступкѣ Игоремъ дани Свѣнельду), къ иному освѣщенію самаго хода столкновенія Игоря съ Древлянами, приведшаго къ его убіенію, наконецъ, къ исключенію имени Мистиши, упомянутаго, однако, совершенно неожиданно ниже, для ближайшаго опредѣленія Свѣнельда, Святославова воеводы.

Причину всѣхъ этихъ измѣненій видимъ въ наличности у составителя Начальнаго свода другого (на этотъ разъ, конечно, устнаго) источника, гдѣ о Свѣнельдѣ и Мистишѣ разсказывалось совершенно иначе, чѣмъ въ Древн. Кіевскомъ сводѣ. Мы уже знакомы съ этимъ источникомъ: это сказаніе или пѣсня о томъ, какъ Мистиша Лютъ Свѣнельдичъ былъ убитъ на охотѣ древлянскимъ княземъ Олегомъ Святославичемъ. Подъ вліяніемъ этого источника переработанъ составителемъ Нач. свода разсказъ Древн. Кіевскаго свода о столкновеніи кіевскаго Ярополка съ древлянскимъ Олегомъ; вмѣсто того, чтобы видѣть причину этого столкновенія въ стремленіи Ярополка, наущаемаго Блудомъ, захватить братнюю волость, составитель Нач. свода вводитъ въ разсказъ новое обстоятельство: убіеніе Люта Олегомъ и стремленіе Свѣнельда отомстить Олегу за смерть сына. Принявъ въ свой трудъ (или точнѣе, рѣшившись помѣстить въ немъ) это заимствованіе изъ сказанія или пѣсни, составитель Нач. свода долженъ былъ согласовать съ нимъ текстъ предшествующаго лѣтописнаго разсказа. Согласованіе потребовало значительной его передѣлки, такъ какъ разсказъ объ убіеніи Игоря самымъ рѣшительнымъ образомъ расходился со сказаніемъ или пѣсней объ убіеніи Люта Свѣнельдича. Въ Древн. Кіевскомъ сводѣ Свѣнельдъ назывался воеводой Игоревымъ; сынъ его Мистиша убивалъ Игоря; Свѣнельдъ, очевидно, оказывался въ полномъ разрывѣ съ кіевскимъ княземъ; а, между тѣмъ, сказаніе или пѣсня, извѣстная составителю Нач. свода, представляла Свѣнельда воеводой Ярополка; сынъ Свѣнельдовъ Мистиша (Лютъ)

на службѣ у кіевскаго князя; не онъ во главѣ Древлянъ убиваетъ кіевскаго князя, а его самого убиваетъ древлянскій князь, когда онъ зашелъ на его территорію. Помирить оба разсказа частичными вставками нельзя: надо было принять или тотъ или другой разсказъ. Составитель Нач. свода далъ предпочтеніе второму (устному) своему источнику, быть можетъ, потому, что онъ былъ болѣе согласованъ съ другими намъ неизвѣстными данными, быть можетъ, потому, что дѣйствительно имѣлись указанія (въ преданіяхъ) [1]) на то, что Свѣнельдъ былъ воеводой при Святославѣ и Ярополкѣ, а не при старомъ Игорѣ. Слѣдствіемъ такого предпочтенія и явилась необходимость полной передѣлки разсказа объ убіеніи Игоря. Во-первыхъ, изъ него исключенъ всякій намекъ на то, что убіеніе Игоря возникло въ концѣ концовъ на почвѣ соревнованія дружины Игоревой съ дружиной Свѣнельда; для этого опущено сообщеніе о томъ, что Игорь уступилъ своему воеводѣ Свѣнельду Угличскую и Деревскую дани; правда, въ рѣчи дружины Игоревой сохранена фраза «отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружьемь и порты, а мы: нази», но изъ этой фразы не видно, чтобы Свѣнельдъ и его дружина кормились именно Деревскою данью и чтобы походъ Игоря нарушилъ интересы Свѣнельда; опущеніе фразы: «се далъ еси единому мужеви много» въ началѣ той же рѣчи Игоревой дружины доказываетъ стремленіе редактора Нач. свода устранить всякую мысль о неудовольствіи между Игоремъ и Свѣнельдомъ. Редакторъ Нач. свода, вмѣсто этого исключеннаго имъ начала, вставляетъ въ свой разсказъ фразу: «И приспѣ осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большюю дань», и его не смущаетъ то обстоятельство, что онъ приписалъ въ этой фразѣ иниціативу похода на Деревскую землю Игорю, а въ нижеслѣдующемъ текстѣ выставилъ виновникомъ похода дружину Игореву, а не самого Игоря. Итакъ, Игорь пошелъ въ Дерева въ дань. Редакторъ, устраняя мысль о столкновеніи Игоря со Свѣнель-

---

[1]) Составителю Нач. свода не былъ извѣстенъ Святославовъ договоръ, гдѣ упомянутъ Свѣнельдъ. Отмѣтимъ, что Левъ Діаконъ называетъ Свѣнельда третьимъ послѣ Святослава военачальникомъ. Возможно, что Свѣнельдъ спасся, благодаря тому, что вернулся изъ Болгаріи степью (какъ предполагалъ Соловьевъ, Ист. Россіи, I, 151).

домъ, спѣшитъ тотчасъ же къ изображенію такихъ данныхъ, которыя объяснятъ развязку Игорева похода. Игорь «примышляше къ первой дани»; здѣсь брошенъ намекъ или на то, что Игорь сталъ брать лишнее, бо́льшую дань, или на то, что онъ сталъ брать вторую дань; если, дѣйствительно, мы имѣемъ намекъ на то, что Игорь бралъ вторую дань, то ясно, что составитель Нач. свода исходилъ не изъ предложеннаго имъ самимъ текста, а изъ текста своего источника, изъ котораго можно было заключить, что Игорь пошелъ за данью, уже отданною другому и, можетъ быть, уже собранною этимъ другимъ. Но отъ намека редакторъ Нач. свода переходитъ уже къ прямому изображенію тѣхъ обстоятельствъ, которыя по его мнѣнію могли послужить причиной недовольства Древлянъ: Игорь «насиляше имъ и мужи его». Итакъ дѣло близится къ развязкѣ: Древляне возстали и убили Игоря. Такъ хотѣлъ разсказать редакторъ Нач. свода. Но онъ во время спохватывается: и въ Древн. Кіевскомъ сводѣ Игоря побѣждаютъ Древляне, но съ ними, и во главѣ ихъ, Свѣнельдъ и лютый Мстиславъ; этимъ объясняется пораженіе Игоря и его убіеніе; въ Нач. сводѣ названные герои устранены изъ разсказа—они не враждебны кіевскому князю, они его вѣрные слуги; какъ же понять перевѣсъ Древлянъ и несчастный исходъ Игорева похода? Мы видѣли, къ какому пріему прибѣгъ редакторъ Нач. свода: Игорь побитъ вслѣдствіе малочисленности своей дружины; Составитель Нач. свода такъ прямо и говоритъ въ концѣ разсказа: «убиша Игоря и дружину его: бѣ бо ихъ мало»; малочисленность же дружины объясняется тѣмъ, что бо́льшую часть ея Игорь отпустилъ отъ себя; отпустилъ же онъ ее отъ себя для того, чтобы поживиться данью съ Древлянъ въ свою пользу. Нужды нѣтъ, что редакторъ впалъ въ противорѣчіе: Игорь идетъ на Древлянъ для своей корысти, между тѣмъ какъ выше къ походу его побуждаютъ жалобы той самой дружины, въ угоду которой предпринятъ походъ и которая потомъ оказывается помѣхой для наживы самого князя; редакторъ нечувствителенъ къ этимъ противорѣчіямъ: и выше Игорь выставленъ иниціаторомъ похода («хотя примыслити большюю дань», ниже: «желая больша имѣнья»), причемъ пассивная роль Игоря въ дальнѣйшемъ («и послуша ихъ Игорь») должна быть отнесена всецѣло насчетъ

письменнаго источника Начальнаго свода, а не соображеній и домысловъ самого редактора его. Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой разсказъ, отступившій отъ основного источника, и устранить мысль о томъ, что Игорь убитъ Свѣнельдомъ и Мистишей—этими народными героями, а не самими Древлянами.

§ 219⁸. Доведя свой разсказъ до убіенія Игоря, составитель Нач. свода обращается къ основному своему источнику—Древн. Кіевскому своду и выписываетъ изъ него о погребеніи Игоря, а затѣмъ о томъ, что въ Кіевѣ послѣ Святослава осталась Ольга съ дѣтскомъ Святославомъ. Здѣсь то мы и находимъ фразу: «и кормилець его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнельдъ, тъ же отець Мистишинъ». Теперь для насъ совершенно ясно, что слова «и воевода... Мистищинъ» вставка, сдѣланная въ текстъ Древн. Кіевскаго свода редакторомъ Нач. свода. Для чего же понадобилась эта вставка? Конечно, для того, чтобы ввести въ разсказъ тѣхъ двухъ славныхъ мужей, которые только что выше были опущены изъ лѣтописнаго текста. Мы указали на то, что, устраняя изъ лагеря противниковъ кіевскаго князя Свѣнельда и Мистишу, составитель Нач. свода руководствовался такимъ источникомъ, который прямо называлъ ихъ слугами и приверженцами этого князя; составитель Нач. свода въ указанной вставкѣ и идетъ навстрѣчу даннымъ своего устнаго источника: Свѣнельдъ и Мистиша оказываются на службѣ у Святослава. Свѣнельдъ названъ рядомъ съ Асмудомъ; это имѣло слѣдствіемъ превращеніе кормильца и воеводы Асмуда [1]) въ кормильца, причемъ функціи воеводы передаются Свѣнельду. Вѣрный этому своему сочинительству, составитель Начальнаго свода послѣдовательно держится его и дальше; мы читаемъ ниже, передъ рѣчью къ дружинѣ въ битвѣ Кіевлянъ съ Древлянами, вмѣсто «И рече Асмудъ»: «И рече Свѣнелдъ и Асмудъ»; вставка имени Свѣнельда обличается формой единств. числа «рече», а также и тѣмъ, что нѣтъ основанія допустить, чтобы во главѣ войскъ стояли одновременно два лица: воевода Свѣнельдъ и кормилецъ Асмудъ.

---

[1]) Ср. подъ 6526 (1018): „и бѣ у Ярослава кормилець и воевода именемь Буды".

§ 219°. Составитель Нач. свода забываетъ затѣмъ о Свѣнельдѣ; точнѣе—не вставляетъ его имени въ текстъ Древн. Кіевскаго свода: походы Святослава на Козаръ, Ясовъ и Касоговъ, покореніе Вятичей, походы на Болгаръ обходятся безъ Свѣнельда. Свѣнельдъ появляется ниже, въ самомъ концѣ княженія Святослава, въ такомъ мѣстѣ, которое содержитъ въ себѣ явные признаки вставки. Мы читаемъ въ Нач. сводѣ (ср. Новг. 1-ю и Повѣсть вр. л.): «И рече (Святославъ): поиду в Русь и приведу болши дружинѣ; и поиде в лодьяхъ. Рече же ему воевода отень Свѣнельдъ: поиди, княже, около на конихъ: стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ. И не послуша его, нъ поидоша в лодьяхъ». Думаю, что слова «Рече же ему... в лодьяхъ» вставлены редакторомъ Нач. свода въ текстъ Древн. Кіевскаго свода. Основываюсь, во-первыхъ, на томъ, что Свѣнельдъ даетъ свой совѣтъ не своевременно; Святославъ уже пошелъ въ лодьяхъ, когда Свѣнельдъ сталъ говорить ему: поиди около на конихъ; во-вторыхъ, на томъ, что Свѣнельдъ названъ «воевода отень», т.-е. воеводой Игоревымъ. Какое основаніе для этого имѣлъ составитель Начальнаго свода? Свѣнельдъ въ началѣ княженія Святослава названъ воеводой: изъ соотвѣтствующаго текста ясно, что онъ такой же воевода Святослава, какъ Асмудъ кормилецъ Святослава; въ сраженіи съ Древлянами онъ предводительствуетъ Святославовой дружинѣ. Для чего же въ концѣ княженія Святослава понадобилось вспомнить, что Свѣнельдъ собственно Игоревъ воевода? Въ княженіи Игоря о Свѣнельдѣ воеводѣ не говорится совсѣмъ, и только въ статьѣ 945 года упомянуты его отроки. Мнѣ кажется, что прибавка «воевода отень» доказываетъ, что Древн. Кіевскій сводъ, основной источникъ Начальнаго свода, говорилъ о Свѣнельдѣ именно какъ объ Игоревомъ воеводѣ; и прибавка эта сдѣлана подъ вліяніемъ этого источника, точнѣе во вниманіе къ его разсказу. Совершенно аналогична отмѣченная выше прибавка «тъ же отецъ Мистишинъ». Свѣнельдъ перенесенъ составителемъ Нач. свода изъ одной эпохи въ другую, и это его перенесеніе подчеркивается ссылками на опущенный текстъ основного источника. Для чего же понадобилось Нач. своду перенести Свѣнельда изъ Игорева княженія въ Святославово и упомянуть о Свѣнельдѣ въ концѣ послѣдняго?

Свѣнельда мы видимъ тотчасъ же и ниже: Святослава, не послушавшаго Свѣнельда, убили въ порогахъ Печенѣги, «Свѣнельдъ же приде Кыеву къ Ярополку». Вслѣдъ за этимъ, какъ мы видѣли, сообщено объ убіеніи Люта Свѣнельдича Олегомъ древлянскимъ. Итакъ въ активной роли Свѣнельдъ выступаетъ въ княженіи Ярополка, когда онъ подбиваетъ его идти противъ брата для отомщенія за убитаго сына. Но лѣтописцу надо было указать, что этотъ Свѣнельдъ—тотъ самый Игоревъ воевода, о которомъ Древн. Кіевскій сводъ давалъ невѣрныя свѣдѣнія, сообщая объ его отложеніи отъ кіевскаго князя. Для этого онъ вводитъ его въ княженіе Святослава, упоминаетъ о немъ въ началѣ этого княженія и въ концѣ его и такимъ образомъ подготовляетъ читателя къ мысли, что Свѣнельдъ, побудившій Ярополка къ походу противъ брата, тождественъ съ Свѣнельдомъ, о которомъ говорилъ Древн. Кіевскій сводъ и объ отрокахъ котораго сообщалъ самъ Начальный сводъ подъ 6453 (945) годомъ. Итакъ я признаю мѣста, гдѣ упомянутъ Свѣнельдъ, подъ 945, 946, 971 и 972 годами, вставками, вызванными стремленіемъ составителя Нач. свода выставить Свѣнельда, Игорева воеводу, въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ его выставилъ Древн. Кіевскій сводъ, и для того доказать, что отецъ Люта Свѣнельдъ и отецъ Мистиши одно и то же лицо.

§ 219[10]. Мы приближаемся къ подведенію итоговъ предшествующему изслѣдованію. Древнѣйшій Кіевскій сводъ включилъ въ свой составъ сказаніе объ убіеніи Игоря Мистишей Свѣнельдичемъ: разсказъ объ уступкѣ Игоремъ Угличской и Деревской дани Свѣнельду, о ропотѣ Игоревой дружины, о походѣ Игоря на Древлянъ является непремѣнною составною частью сказанія, введеніемъ къ главному его эпизоду—убіенію Игоря Мистишей. Начальный сводъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи другое сказаніе—объ убіеніи Олегомъ древлянскимъ Мистиши, Свѣнельдова сына; подъ вліяніемъ этого другого сказанія имъ и передѣланъ текстъ Древнѣйшаго свода. Итакъ о Мистишѣ Свѣнельдичѣ существовало два различныхъ сказанія, двѣ различныя историческія пѣсни. По одной версіи онъ убилъ кіевскаго князя и этимъ вызвалъ войну Кіевлянъ съ Древлянами, по другой—онъ убитъ древлянскимъ княземъ, и это убійство вызвало войну Кіевлянъ

*

съ Древлянами. Родство обоихъ сказаній очевидно, но родство это вызвано, конечно, смѣшеніемъ одного сказанія съ другимъ, перенесеніемъ характерныхъ чертъ изъ одного сказанія въ другое. Я думаю, что въ XI вѣкѣ были извѣстны два сказанія, перешедшія изъ отдаленной древности и основывавшіяся на двухъ опредѣленныхъ, частью сходныхъ историческихъ событіяхъ. Первое сказаніе вспоминало о походѣ Ольги и Святослава на Древлянъ для отомщенія за убійство Игоря; второе вспоминало о походѣ Ярополка на Древлянъ и убіеніи древлянскаго князя Олега. Первое сказаніе было обставлено подробностями, особенно заманчивыми для княжеской дружины (гдѣ возникали и держались такія сказанія): оно разсказывало о причинѣ убійства Игоря, о лютомъ Мстиславѣ, поразившемъ Игоря въ сраженіи за попранныя права своего отца Свѣнельда. Второе сказаніе, сначала бѣдное по содержанію, блѣдное по окраскѣ своей, подверглось впослѣдствіи вліянію перваго сказанія; оно заимствовало изъ него прежде всего основную черту: мщеніе; какъ походъ Ольги и Святослава вызванъ местью за убійство Игоря, такъ и походъ Ярополка вызванъ также местью; оно заимствовало изъ него далѣе дѣйствующія лица: Свѣнельдъ и Мистиша переносятся во второе сказаніе изъ перваго; въ первомъ они являются противниками Ольги и Святослава, виновниками убійства Игорева; во второмъ имъ отводится другая роль: они на службѣ кіевскаго князя, они его слуги и пособники; самая война съ Древлянами ведется ими (Свѣнельдомъ) и изъ за нихъ (убійство Мистиши). Быть можетъ, въ такомъ перенесеніи характерныхъ чертъ изъ одного сказанія въ другое сказалось стремленіе сдѣлать своими, русскими, кіевскими героями такія лица, которыя въ старшихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ являются въ качествѣ враговъ и противниковъ Кіева. Образъ Мистиши Лютаго, храбраго, отважнаго героя, не могъ въ представленіи кіевлянина оставаться долго во враждебномъ для него и для его князя лагерѣ; онъ дѣлаетъ его своимъ; онъ отвоевываетъ его у сѣдой старины въ свою пользу. Сказаніе, въ которомъ старый Свѣнельдъ и его героическій сынъ Мистиша являются не противниками, а преданными слугами кіевскаго князя, будетъ поэтому пользоваться у кіевлянъ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ сказаніе, изображавшее ихъ противниками Кіева; составитель Нач.

свода даетъ рѣшительное предпочтеніе этому виду сказанія передъ разсказомъ Древн. Кіевскаго свода, основаннымъ на другомъ болѣе первоначальномъ видѣ сказанія о Свѣнельдѣ и Мистишѣ.

§ 219[11]. Разсматривая передѣлку текста Древн. Кіевскаго свода, предпринятую составителемъ Начальнаго свода, я упустилъ изъ вниманія одно существенно важное обстоятельство: вмѣсто Мистиши и Свѣнельда во главѣ Древлянъ оказывается князь Малъ («Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ»). Мы объясняли весь текстъ Нач. свода, замѣнившій текстъ Древн. Кіевскаго свода, какъ результатъ мудрствованій редактора, желавшаго перенести образы Свѣнельда и Мистиши въ иное мѣсто, въ другой разсказъ. Но имя Мала указываетъ на наличность у него другого источника. Что же это за источникъ? Отвѣтъ не представляетъ никакихъ затрудненій: это то сказаніе о мести Ольги Древлянамъ, которое мы признали въ § 72 вставкой, сдѣланною составителемъ Нач. свода, заимствовавшимъ его изъ устнаго источника; въ этомъ сказаніи княземъ древлянскимъ является этотъ самый Малъ: «се князя убихомъ Рускаго,—говорятъ Древляне,—поимемъ жену его за князь свой Малъ»; ниже читаемъ въ обращеніи Древлянъ къ Ольгѣ: «да поиди за князь нашь за Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску».

§ 219[12]. Я позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько выводовъ изъ предложеннаго выше изслѣдованія. Мы разсматривали выше (§ 117) новгородскую вставку въ текстъ Древн. Кіевскаго свода, перешедшую и въ составъ Нач. свода и относящуюся къ призванію новгородцами на княженіе Владиміра. Въ ней читаемъ между прочимъ: Володимеръ же бѣ отъ Малуши, ключницѣ (милостьницѣ) Ользины, сестра же бѣ Добрыни, отець же бѣ има Малъкъ (вар. Малъко) Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру». Считаю вѣроятнымъ, что и эта фраза читалась (хотя, какъ увидимъ, въ измѣненномъ видѣ) въ Новгородскомъ сводѣ, такъ какъ она стоитъ въ прямой связи съ послѣдующимъ разсказомъ того же свода, гдѣ Рогнѣда коритъ Владиміра происхожденіемъ отъ рабыни, называя его робичичемъ. Въ приведе-

номъ сообщеніи насъ останавливаютъ два обстоятельства: во-первыхъ, ясная этимологическая связь между именемъ Малуши и отца ея Малка; ср. варіантъ имени Малуши, извѣстный изъ Никоновской и Архангелогородской лѣтописяхъ — Малка; во-вторыхъ, несоотвѣтствіе отчества Добрыни, извлекаемаго изъ этого сообщенія, съ извѣстнымъ по былинной традиціи отчествомъ его Никитичъ, Никитиничъ. Въ 1864 году Д. Прозоровскій высказалъ предположеніе, что отецъ Добрыни и Малуши Малко одно лицо съ Маломъ, княземъ древлянскимъ; Любечаниномъ лѣтопись назвала его потому, что Ольга, взявъ его въ плѣнъ послѣ смерти Игоря, поселила въ Любечѣ [1]). Думаю, что основная мысль Прозоровскаго вѣрна: Малко одно лицо съ Маломъ древлянскимъ, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ §; основываюсь на слѣдующемъ. Мы видѣли, что въ Начальномъ сводѣ Малъ, князь древлянскій, замѣнилъ Мистишу Свѣнельдича; предположивъ, что и въ разсматриваемомъ сообщеніи произошла такая замѣна, извлекаемъ для Добрыни болѣе древнее отчество — Мистиничъ, Мистишичъ; думаю, что Добрыня Мистиничъ вполнѣ естественно замѣненъ позже Добрыней Микитичемъ. Допустивъ же, что въ источникѣ Нач. свода, а таковымъ для даннаго мѣста мы должны признать Новгородскій сводъ XI вѣка, читалось, что «отецъ же бѣ има Мистиша Свѣнельдичь» (или Мистиша Деревлянинъ), мы принимаемъ, что Начальный сводъ замѣнилъ имя Мистиши Свѣнельдича именемъ Малка Любечанина на томъ же основаніи, на какомъ выше Мистиша замѣненъ Маломъ. Но почему же вмѣсто Мала читается Малъкъ или Малъко и почему древлянскій Малъ, конечно, убитый Ольгой, истившею за убійство мужа, оказался Любечаниномъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, замѣчу, что лѣтопись не даетъ основанія предполагать, чтобы Малъ былъ княземъ Искоростѣнскимъ, онъ могъ быть однимъ изъ Деревскихъ князей, сидѣвшихъ въ разныхъ центрахъ Деревской земли («а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»). Позднѣйшія сказанія связываютъ имя Мала съ именемъ Деревского города Кольца. Ср. въ лѣтописяхъ Синод. библ. № 964 и Публ. библ.

---

[1]) „О родствѣ св. Владиміра по матери“ въ Зап. Имп. А. Н., т. V.

Q. б. О. XVII, 72 (о послѣдней см. у Халанскаго въ «Экскурсахъ въ обл. др. рук. и старопеч. изд.» № XXIII): «А сама княгини Ольга нача пленити Древлянскую землю и поплънивъ и прииде подъ градъ ихъ Колецъ і ста около его... И повелѣ княгина Олга Колецъ градъ разорити и князя ихъ Мала повелѣ убити» [1]). Важно отмѣтить, что въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, повѣствующихъ о взятіи Коростеня, не говорится объ убіеніи Мала. Что же такое этотъ городъ Колецъ? Думаю, что Колецъ— это древнее Клеческъ, современное Клецкъ, мѣстечко Слуцкаго уѣзда Минской губерніи. Имя это въ древности звучало предположительно *Кълчьскъ (ср. польск. Kielcy изъ *Кълыци): Кльчьскъ въ Ипат. подъ 6650, 6657 представляетъ пропускъ въ первомъ слогѣ; *Кълчьскъ въ имен. падежѣ должно было перейти съ теченіемъ времени въ Кольческъ, откуда появилось подъ вліяніемъ косв. падежей: *Колеческъ, *Колецкъ, Колецъ; въ косвенныхъ падежахъ получалось Клечска, Клецка (ср. Ипат. подъ 6650: Клеческъ подъ вліяніемъ Клечска), отсюда далѣе Клецескъ, Клецка (ср. Клецескъ въ Хлѣбн. спискѣ). Жители *Кълчьска назывались *Кълчане, отсюда не *Клечане, а *Кольчане. Думаю, что народныя сказанія и пѣсни, связывавшія имя Мала съ городомъ Клеческомъ (на сѣверѣ Деревской земли, быть можетъ, уже въ Дреговичскихъ предѣлахъ), называли Мала Кольчаниномъ. Составитель Начальнаго свода на основаніи этого замѣнилъ Мистишу Древлянина или Мистишу Свѣнельдича Маломъ Кольчаниномъ. Чтеніе «малъ кольчанинъ» вызвало недоумѣніе переписчиковъ и составителя Повѣсти вр. лѣтъ, которые осмыслили его, предложивъ поправку «Малко Любчанинъ».

§ 219[13]. Замѣна Мистиши именемъ Мала имѣла, какъ кажется, слѣдствіемъ и измѣненіе имени матери Владиміра. Она названа Малушей, и это Малуша несомнѣнно произведено отъ имени появляющагося въ Нач. сводѣ отца ея. Не допускаю, чтобы «Малуша» было результатомъ прямого сочинительства реда-

---

[1]) Ѳ. А. Гиляровъ, Преданія русской нач. лѣтописи, с. 250. То же въ Синопсисѣ по списку Ундольск. № 1110: то же въ рпси Ундольск. № 764: „и повелѣ княгиня Олга градъ Колéцъ раззорити до основания, а князя Малая повелѣ убити“.

ктора Нач. свода, хотя бы отправлявшагося отъ имени ея отца Мала. Скорѣе передъ нами осмысленіе первоначальнаго имени Малуши, пріуроченіе его къ имени Мала. Считаю вѣроятнымъ, что Древн. Кіевскій сводъ называлъ мать Владимірову Малфрѣдью. Ср. подъ 6508 въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ извѣстіе: «Преставися Малъѳрѣдь». Въ §§ 113 и 114 мы предположили, что извѣстіе это заимствовано изъ княжескаго синодика. Составитель Начальнаго свода осмыслилъ другія записи синодика съ точки зрѣнія современника Ярослава; при извѣстіи «Преставися Рогънѣдь» онъ приписалъ «мати Ярославля» и т. д. Извѣстіе же «преставися Малъѳрѣдь» оставлено имъ безъ комментарія. Позднѣйшіе книжники, имѣя въ особенности въ виду чтенія какъ «преставися Малъфридъ», предполагали, что Малъфридъ имя одного изъ Владиміровыхъ богатырей, ср. въ Никон. «преставися Малъврѣдъ сильный»; Малфрѣда сильнаго находимъ и въ Степ. книгѣ въ перечнѣ Владиміровыхъ богатырей. Нѣкоторые изслѣдователи [1]) предполагали, что подъ Малъфрѣдью должно разумѣть одну изъ Владиміровыхъ женъ. Съ одинаковою вѣроятностью можно допустить, что Малъфрѣдью называлась мать Владиміра, передѣланная въ Малушу подъ вліяніемъ подставленнаго ей отца Мала (ср. дальнѣйшее превращеніе Малуши въ Малку). Быть можетъ, составитель Начальнаго свода въ этомъ имени «М а л ъфрѣдь» нашелъ подтвержденіе для своего смѣлаго шага—замѣны Мистиши (отца Малъфрѣди и Добрыни) Маломъ; сблизивъ имя Мала съ Малъфрѣдью, онъ пошелъ дальше, видоизмѣнивъ самое имя Малъфрѣдь въ производное отъ имени Малъ, въ Малушу. Если мать Владиміра дѣйствительно называлась Малфрѣдью Мстиславною, то имя дочери Мстислава Владиміровича Малфрѣди (жены короля шведскаго Сигурда) могло быть дано ей въ память о прабабкѣ.

§ 219[14]. Умѣстно привести здѣсь ту редакцію, въ которой читается соотвѣтствующее мѣсто въ Никоновской и Архангелогородской лѣтописяхъ. Въ Никон.: «Володимиръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Олжины; Малка же бѣ сестра Добрынѣ,—и бѣ Добрыня дядя Володимиру; и бѣ роженіе Володимеру въ Будутинѣ

---

[1]) Напр. Смитъ, Nestors Russiske Kronike (Kjobenhavn 1869), стр. 101.

веси, тамо бо въ гнѣвѣ отслала ея Олга, село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его святѣй Богородици». Въ Архангелогор.: «Владимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольжины; Малка же бѣ сестра Добрынѣ, отецъ ея бѣ Малкъ Любутчанинъ [1]): бѣ бо Добрыня Малковъ сынъ дядя Володимеру по матери, и роженіе бысть Владимеру въ Будотинѣ селѣ; ту бо бѣ посла Ольга Малку во гнѣвѣ; село бо бѣ ея ту. Бѣ бо умирая Ольга отдасть село то пресвятѣй Богородици». Весьма важно было бы опредѣлить источникъ этихъ дополнительныхъ данныхъ, отсутствующихъ въ древней лѣтописи. Предполагаю, что въ концѣ концовъ они восходятъ къ общерусскому своду 1423 года (мы знаемъ, что общія мѣста Никон. и Архангелогор. могутъ восходить къ этому своду, ср. §§ 178 и 183), а общерусскій сводъ могъ имѣть въ числѣ источниковъ какія-то записи Кіевской Десятинной церкви [2]), и въ составѣ ихъ могло находиться приведенное сообщеніе, явно связанное съ Десятинною церковью. Можно думать, что Малъфрѣдь не только похоронена въ этой церкви, но и пожертвовала ей село Будутино, которое, къ сожалѣнію, трудно пріурочить къ той или иной опредѣленной мѣстности. Во всякомъ случаѣ изъ сообщенія Никон. и Архангелогор. выясняется, что мать Владиміра была христіанкой.

§ 219[15]. Какъ указано, былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее изъ первоначальнаго о немъ разсказа въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ: онѣ называютъ его Никитичемъ, а Древнѣйшій Кіевскій сводъ указывалъ, что онъ былъ сыномъ Мистиши. Въ виду этого мы въ правѣ искать въ былинахъ воспоминаній и о самомъ Мистиши, котораго ждемъ между прочимъ въ видѣ Никиты. Предполагаю, что образъ Никиты Залѣшанина (Заолѣшанина) отразилъ въ себѣ образъ Мистиши Древлянина [3]); замѣчательно, что онъ богатырь не кіевскій,—поэтому, когда Илья Муромецъ выдалъ себя за Никиту, его никто не узналъ въ

---

1) Замѣна Любечанина Любутчаниномъ стоитъ въ какой-то связи съ приписываемымъ былинами Добрынѣ происхожденіемъ изъ Рязани. Любутскъ—пріокскій городъ.

2) Ср. въ Никон. лѣтописи нѣкоторыя церковно-историческія данныя X—XI в., отсутствующія въ другихъ сводахъ.

3) Ср. Пѣсни Кирѣевск. IV, 46.

княжескомъ теремѣ, кромѣ, впрочемъ, Добрыни Никитича, очевидно, не въ примѣръ другимъ кіевскимъ богатырямъ знавшаго Никиту Залѣшанина. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ названъ въ ряду другихъ кіевскихъ богатырей [1]). Малъфрѣдь Мистинишну или Мстиславну слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть въ Марфидѣ Всеславьевнѣ, хотя, повидимому, самый свой образъ Марфида заимствуетъ у Запавы Путятичны.

ГЛАВА XV.

Къ исторіи текста Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода.

§ 220. Мы подходимъ теперь все ближе и ближе къ главной задачѣ нашего изслѣдованія, къ возстановленію Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Твердое основаніе такая работа можетъ найти только въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ, такъ или иначе до насъ дошедшемъ, намъ извѣстномъ. Но мы исходили въ предыдущемъ изслѣдованіи и будемъ исходить и въ предстоящей работѣ по возстановленію текста изъ другого старшаго текста—текста Начальнаго свода, какъ мы называемъ кіевскій лѣтописный сводъ, составленный ок. 1095 года. Этотъ старшій, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ, лѣтъ на двадцать памятникъ дошелъ до насъ не въ полномъ видѣ, а въ обширныхъ отрывкахъ, сохранившихся въ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода, представленной списками Коммиссіоннымъ и Академическимъ. Какъ указано было въ I главѣ, мы знаемъ Начальный сводъ въ слѣдующихъ частяхъ его, сохранившихся въ Новгородской 1-й младшаго извода: Предисловіи, текстѣ 6362—6523 и 6560—6582 гг. Ничто въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи не поколебало этого нашего вывода. Но это изслѣдованіе дало намъ возможность заглянуть глубже въ составъ самаго текста отмѣченныхъ отрывковъ и рѣшить, насколько онъ можетъ быть использованъ при возстановленіи текста сначала Начальнаго свода и, далѣе, Древнѣйшаго свода; это изслѣдованіе познакомило насъ съ исторіей Новгородской 1-й лѣтописи старшаго извода (Синод. списка), тѣсно связаннаго съ воз-

---

[1]) Напр. Пѣсни Кирѣевск. IV, 44

никшею изъ него Новгородскою 1-ю лѣтописью младшаго извода; мы знаемъ, что Новгородская 1-я лѣтопись младшаго извода составлена по двумъ старшимъ лѣтописнымъ сводамъ: Софійскому временнику и Новгородскому своду 1448 г.; въ свою очередь Софійскій временникъ составленъ по Новгородской 1-й старшаго извода (Синодальному списку или его протографу) и по Кіевскому Начальному своду въ дефектномъ экземплярѣ, доведенномъ до 6582 года. Отсюда слѣдуетъ, что въ текстѣ Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода и, между прочимъ, въ тѣхъ самыхъ частяхъ его, которыя мы возводимъ къ Начальному своду, могутъ оказаться чтенія, во-первыхъ, Начальнаго свода, во-вторыхъ, Синодальнаго списка (какъ для краткости назовемъ Новгородскую 1-ю лѣтопись старшаго извода), въ-третьихъ, Новгородскаго свода 1448 года (возстановляемаго по Софійской 1-й и Новгородской 4-й). Изслѣдователь, приступающій къ дальнѣйшей реконструкціи, долженъ имѣть въ виду то состояніе текста Начальнаго свода, которое выясняется изъ только что предложенныхъ замѣчаній: въ отрывкахъ 6362—6523 и 6560—6582 гг. онъ можетъ наткнуться на чтенія, восходящія не къ тексту Начальнаго свода, а къ тексту Синодальнаго списка и къ тексту свода 1448 года.

§ 220[1]. Сложность исторіи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода даетъ мнѣ основаніе повторить здѣсь въ нѣсколько болѣе обстоятельномъ изложеніи тѣ главные выводы, къ которымъ мы пришли выше, изслѣдуя предшествующее новгородское лѣтописаніе.

1. Въ XI вѣкѣ былъ составленъ въ Новгородѣ первый лѣтописный сводъ, положившій въ свое основаніе Кіевскій сводъ. Этотъ первый Новгородскій сводъ будетъ нами возстановленъ въ концѣ настоящаго изслѣдованія.—Сводъ этотъ легъ въ основаніе дальнѣйшаго новгородскаго лѣтописанія, ведшагося погодно при дворѣ епископа.

2. Въ 1167 году былъ составленъ въ Новгородѣ второй лѣтописный сводъ при дворѣ новгородскаго владыки, только что возведеннаго въ архіепископскій санъ. Въ основаніе его былъ положенъ списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ второй редакціи (1118 года); но онъ воспринялъ и все содержаніе предшествующаго нов-

городскаго свода.—Сводъ этотъ легъ въ основаніе дальнѣйшаго новгородскаго лѣтописанія, ведшагося погодно при дворѣ архіепископа.

3. Въ 1169 году былъ составленъ въ Новгородѣ списокъ со второго лѣтописнаго свода священникомъ церкви св. Іакова Германомъ Воятой. Списокъ передавалъ текстъ своего оригинала со значительными сокращеніями. Лѣтописецъ Германа Вояты былъ, какъ кажется, въ XIII вѣкѣ дополненъ по архіепископской лѣтописи и доведенъ до второй половины XIII столѣтія.

4. Около 1333 года былъ составленъ въ Новгородѣ лѣтописный сводъ, дошедшій до насъ въ Синодальномъ спискѣ. Въ основаніе его положена предшествующая компиляція съ продолженіями. Но текстъ распространенъ вставками изъ общерусскаго свода (составленнаго въ Москвѣ при дворѣ митрополита) начала XIV вѣка; онъ продолженъ до времени составленія (до тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія) по архіепископской лѣтописи.

5. Около 1423 въ Москву ко двору митрополита потребовали архіепископскую лѣтопись, для составленія новаго извода общерусскаго лѣтописнаго свода. Есть основаніе думать, что нѣкоторыя (древнѣйшія) части архіепископской лѣтописи были отосланы въ подлинникѣ; этимъ объяснялась бы необходимость, скоро обнаружившаяся, положить въ основаніе новаго владычняго свода не древнюю архіепископскую лѣтопись, а сводъ 1333 года (Синодальный списокъ).

6. Новый владычній сводъ — Софійскій временникъ составленъ около 1423 года, вскорѣ послѣ отсылки въ Москву древняго владычняго свода. Какъ указано, въ основаніе Софійскаго временника кладется Синодальный списокъ. Но его недостатки, въ особенности въ древнѣйшихъ частяхъ, заставляютъ обратиться къ помощи другихъ источниковъ; въ Новгородѣ отыскивается дефектный экземпляръ Начальнаго Кіевскаго свода. Составитель Софійскаго временника рѣшилъ использовать сначала его, для того чтобы обратиться къ Синодальному списку: а) въ тѣхъ частяхъ, гдѣ Начальный сводъ оказывался дефектнымъ (а именно въ немъ были вырваны листы, содержавшіе разсказъ о событіяхъ 6523—6559), б) тамъ, гдѣ драгоцѣнная рукопись обрывалась (на неоконченной повѣсти о кончинѣ пр. Ѳеодосія). За прекращеніемъ Синодальнаго списка пришлось

прибѣгнуть къ другимъ источникамъ; оказалось возможнымъ довести лѣтопись до времени составленія Софійскаго временника; у составителя имѣлась, повидимому, копія съ позднѣйшихъ частей владычней лѣтописи (отосланной, какъ мы видѣли, въ Москву).

7. Въ 1433 году была составлена первая редакція памятника, называемаго нами Новгородскою 1-ю лѣтописью младшаго извода. Эта редакція представляла списокъ съ Софійскаго временника (№ 6), лишь кое-гдѣ дополненный, а мѣстами значительно сокращенный. До насъ эта редакція дошла въ отрывкахъ въ составѣ Троицкаго списка Новгор. 1-й лѣтописи и такъ называемой Новгородской 5-й лѣтописи (ср. Синод. списокъ № 280 т. н. Новгородской 4-й лѣтописи).

8. Въ 1448 году Софійскій временникъ (№ 6) вошелъ въ соединеніе съ общерусскимъ лѣтописнымъ сводомъ, содержавшимъ, какъ мы видѣли, цѣнныя заимствованія изъ архіепископскаго свода (№ 5), доставленнаго въ Москву въ 1423 году. Новгородскимъ лѣтописателямъ, утратившимъ этотъ древній сводъ, пришлось, для восполненія оказывавшихся пробѣловъ, прибѣгнуть къ общерусскому своду.

9. Появленіе свода 1448 года (№ 8) вызвало въ скоромъ времени вторую редакцію Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода: въ основаніе положена первая редакція (№ 7); она дополнена вставками изъ свода 1448 года; продолжена она была, повидимому, до 1439 года (ср. смѣну почерка въ Комм. спискѣ послѣ этого года). До насъ дошло два списка этой второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода: Коммиссіонный и Академическій (послѣдній, судя по Толстовскому списку, который признаемъ копіей съ него, былъ доведенъ до 1443 года). Вопреки прежнему своему мнѣнію, я не возвожу Академическаго списка къ Коммиссіонному; не нахожу возможнымъ возвести и Коммиссіонный списокъ къ Академическому; оба они восходятъ къ недошедшему до насъ оригиналу второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода. Отличія Коммиссіоннаго списка отъ Академическаго зависѣли частью отъ того, что во многихъ мѣстахъ то первый списокъ, то второй позволялъ себѣ описки и незначительныя отступленія отъ общаго оригинала; частью же отъ того, что оба списка, каждый при томъ самостоятельно, по-

зволили себѣ исказить текстъ оригинала вычурными прикрасами, мудреными выраженіями, амплификаціями, славянизмами и т. п. Подобнаго рода искаженія имѣли мѣсто уже въ общемъ оригиналѣ Комм. и Акад. списковъ, но ихъ было въ немъ сравнительно немного; число ихъ увеличилось въ Акад., въ особенности же въ Комм. спискѣ.

§ 220[2]. Итакъ, для возстановленія при помощи Комм. и Акад. списковъ текста Софійскаго временника, необходимо прежде всего устранить изъ нихъ отмѣченныя искаженія. Покажемъ, въ чемъ именно они состояли, на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ частяхъ лѣтописи, для того чтобы имѣть твердыя основанія при устраненіи ихъ изъ древнѣйшей части.

Составитель второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода (оригинала Комм. и Акад. списковъ), переписывая, напримѣръ, повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами въ 1204 г., внесъ въ нее слѣдующія измѣненія, не оправдываемыя ни Синод. спискомъ, ни Соф. временникомъ (Соф. 1-ю лѣтописью): «а сына Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ и стража пристави» вмѣсто «стражею» (Син. и Соф.); «абіе разболѣся» вм. «разболѣвъся» (Син. и Соф.); «Фрязи же увѣдавше яко изимаша Исаковича» вм. «ята» (Син. и Соф.); «облъчени въ бронѣ» вм. «одѣни» (Син. и Соф.). Переписывая сказаніе объ Александрѣ Невскомъ, онъ дѣлаетъ, напр., слѣдующее отступленіе отъ текста свода 1448 года (ср. Соф. 1-ю лѣтопись): «и слышавъ таковый страшный гласъ» вм. «и гласъ слыша таковый».

Но еще больше отступленій позволяетъ себѣ составитель Академическаго списка. Напр., въ повѣсти 1204 г.: «и се пакы отселѣ начаша строити брань къ граду» вм. «оттолѣ» (Комм. и Соф.). Въ сказаніи объ Александрѣ: «отъ матери боголюбивыа имененемъ зовомыа Θеодосіа» вм. «отъ Феодосіа матери боголюбивы»; «и пакы далъ бо бѣ Богъ ему премудрость Соломоню» вм. «и далъ же»; «да поможемъ сроднику своему Александрови на невѣрныя языки» вм. «сроднику своему Александру»; «и слышавъ таковый страшный и дивный и грозный гласъ» вм. «страшный»; «потомъ же пакы пойдяше скоро Александръ князь» вм. «пойде».

Несравненно больше подобныхъ амплификацій въ Комм. спи-

скѣ. Напр., въ повѣсти 1204 года: «і абіе слѣпивши его» вм. «и слѣпивъ его»; «и сице заповѣдавши, яко никтоже не внидетъ зде» вм. «яко не внидетъ никтоже»; «и пакы вси хотяху Радиноса» вм. «и вси хотяху Радиноса»; «Николу воина нарочита» вм. «Николу воина»; «и бояре въ градѣ томъ увѣдавши помышленіе царево и пакы утолиша его» вм. «бояре же увѣдавше, утолиша царя»; «а мѣсяца маия въ 9 на память святаго пророка Исаия, и в тои же день святаго отца нашего Николы принесеніе честныхъ мощей его» вм. «а мѣсяца маия въ 9». Въ сказаніи объ Александрѣ: «отъ Феодосіа матери боголюбивы нравомъ, доброчестива и богоугодна купнѣ якоже суща, великыми просвѣщается дѣлы, якоже иноческаго сподобитись ей чина и приснопомнѣмая Федосіа, мати князя Александра» вм. «отъ Федосіа матери боголюбивы»; «и събра вои множество силу велику зѣло» вм. «и събра силу велику»; «жалостьно бѣ слышати, паче же видѣти достойно, яко отецъ его Ярославъ» вм. «жалостно слышати, яко отецъ его Ярославъ»; «сына своего, Богомъ въспѣтаннаго и богочестивнаго и Богомь утвержаемаго, и поборника сущи православнѣй Христовѣй вѣрѣ, дражійшаго Александра» вм. «сына своего честнѣйшаго и драгаго Александра», и т. д.

Отсюда видно, какъ свободно относился къ своему оригиналу составитель Комм. списка. Болѣе надежнымъ оказывается текстъ Академическаго списка, но и онъ мѣстами подвергся, какъ мы указали, распространеніямъ. Но зато текстъ, возстановляемый при помощи сопоставленія Комм. и Акад. списковъ, оказывается надежнымъ въ смыслѣ близости къ своему оригиналу. Слѣдовательно, при возстановленіи текста Софійскаго временника по Комм. и Акад. спискамъ, можно признавать восходящими къ возстанавливаемому памятнику только тѣ чтенія, которыя общи Коммиссіонному и Академическому спискамъ; имѣя же въ виду отмѣченную вольность составителя Комм. списка и, напротивъ, большую консервативность составителя Акад. списка, мы вообще должны предпочесть чтенія Академическаго списка чтеніямъ Коммиссіоннаго, несмотря на бóльшую древность послѣдняго.

Особенно рѣзко сказалась редакціонная работа составителя Коммиссіоннаго и составителя Академическаго списковъ въ статьѣ

о крещеніи Ольги. Тотъ и другой позволили себѣ рядъ отступленій отъ общаго оригинала.

Такъ, напримѣръ, составитель Комм. списка вмѣсто «и прииде Ольга къ царю и видѣвъ ю царь добру сущу лицемъ» сочиняетъ: «они же повѣдаша царю приходъ ея; і абіе царь возва ю к собѣ; она же иде къ нему, ничтоже медлящи. И видѣвъ ю царь зѣло добру сущу лидемъ»; вм. «и рече царь къ боляромъ своимъ»— «и рече царь прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ»; вм. «и благослови ю патріархъ и иде съ миромъ въ свою землю и пріиде къ Кыеву»—«и благословивъши патриархъ со вселеньскымъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши ей пакы къ Кыеву, принявши святое крещеніе и божественыя дары въ Царьскомъ градѣ отъ честнѣйшаго патриарха»; вм. «и отпусти послы»—«и сіа пакы словеса глаголавши много, і абие отпусти приходящая послове», и т. п.

Составитель Акад. списка имѣетъ вм. «просвѣщена же бывши»— «просвѣщена же бывши святымъ крещеніемъ и въкусивъши святаго и божественаго тѣла и крове Господня»; вм. «и радовашеся душею и тѣломъ»—«и радовашеся съ всею душею истинному Богу и Спасу нашему Іисусу Христу»; вм. «и поучи ю патриархъ о вѣрѣ»—«и по сихъ пакы поучі ю патриархъ о вѣрѣ божественымъ писаніемъ святыхъ отецъ преданнаа седми съборовъ», и т. д.

Но сравненіе Акад. и Комм. списковъ съ текстомъ Соф. 1-й и Новг. 4-й лѣтописей доказываетъ, что уже въ оригиналѣ обоихъ списковъ допущены были отступленія отъ текста Соф. временника: ср. въ Акад. и Комм.: «хотящи възвратитися къ странѣ своеи» вм. «она же хотящи домовь». Впрочемъ, подобныхъ отступленій немного.

§ 220³. Тѣмъ не менѣе возможность редакціонныхъ измѣненій со стороны составителя 1-й или 2-й редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода ведетъ насъ къ необходимости признать, что для возстановленія при помощи Комм. и Акад. списковъ текста Софійскаго временника долженъ быть привлеченъ и сводъ 1448 года, т. е. текстъ Новгородской 4-й и Софійской 1-й лѣтописей; мы знаемъ, что сводъ 1448 года составился изъ соединенія текста Софійскаго временника съ текстомъ общерусскаго свода.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду возможности вліянія свода 1448 года на текстъ второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода; поэтому нѣкоторыя чтенія оригинала Комм. и Акад. списковъ могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію свода 1448 года. Не думаю, однако, чтобы это вліяніе было очень значительно. То обстоятельство, что составитель второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи не заимствовалъ въ началѣ изъ свода 1448 г. почти никакихъ статей, исключая части отъ 6552 до 6559 [1]), остававшейся въ Соф. временникѣ совершенно незаполненною вслѣдствіе дефектности Нач. свода, указываетъ на то, что сводъ 1448 оставлялся составителемъ второй редакціи Новгородской 1-й лѣтописи почти совсѣмъ въ сторонѣ при перепискѣ текста первой редакціи.

Поэтому согласныя чтенія Комм., Акад. и свода 1448 г. (Соф. 1-й и Нов. 4-й) я возвожу къ Соф. временнику; равнымъ образомъ возвожу къ нему согласныя чтенія Комм. и свода 1448; далѣе согласныя чтенія Акад. и свода 1448 г.; наконецъ, въ значительномъ количествѣ случаевъ возвожу къ нему и согласныя чтенія Комм. и Акад. списковъ. Впрочемъ, относительно чтеній общихъ Акад. и своду 1448 г. должна быть сдѣлана оговорка: Академическій списокъ подвергся исправленію по Троицкому списку Новгородской 1-й лѣтописи (точнѣе по его протографу), а этотъ Троицкій списокъ представлялъ текстъ первой редакціи Новгородской 1-й лѣтописи младшаго извода, исправленный и дополненный по какому-то Московскому своду. Поэтому возводимъ къ Соф. временнику только тѣ чтенія Акад. списка, согласныя со сводомъ 1448 г., которымъ противополагаются чтенія Комм. списка, не находящія себѣ подтвержденія въ древнихъ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 220⁴. Такимъ образомъ, задача возстановленія Софійскаго временника въ древнѣйшей его насъ интересующей части представляется вполнѣ выполнимою. Но будетъ ли возстановленный такимъ образомъ текстъ Софійскаго временника тождественъ съ текстомъ Начальнаго свода? Умалчиваемъ о неизбѣжныхъ подно-

[1]) Въ дальнѣйшемъ заимствованы изъ свода 1448 нѣкоторыя болѣе или менѣе обширныя сказанія.

вленіяхъ при перепискѣ въ XV в. текста конца XI вѣка; эти подновленія нетрудно было бы выдѣлить и устранить изъ возстановленнаго текста. Но имѣемъ въ виду то, что Софійскій временникъ, согласно предыдущему, составленъ и въ древнѣйшей части своей на основаніи не одного Начальнаго свода, а двухъ памятниковъ: Начальнаго свода и протографа Синодальнаго списка. Не отразилось ли вліяніе протографа Синодальнаго списка на текстѣ Софійскаго временника?

Опредѣленный, безспорный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать, къ сожалѣнію, нельзя потому, что древнѣйшая часть Синод. списка вплоть до середины статьи 6524 (1016) г. утрачена. Въ части же отъ 6524 до 6583 г., съ котораго Софійскій временникъ слѣдовалъ протографу Синод. списка, этотъ послѣдній настолько отличался отъ текста Нач. свода, что никакой рѣчи о вліяніи его на текстъ Софійскаго временника, копировавшаго текстъ Нач. свода, быть не можетъ. Предыдущее изслѣдованіе показало, что въ части до 6524 года Софійскій временникъ заимствовалъ изъ протографа Синод. списка статью о крещеніи Новгорода и приложенные къ ней перечни князей, епископовъ и пр. Тѣмъ настойчивѣе выдвигается вопросъ, не заимствовано ли изъ того же источника еще кое-что? Вѣроятное рѣшеніе этого вопроса надо ждать отъ предварительнаго разрѣшенія другого вопроса: представлялъ ли протографъ Синод. списка въ части до 6524 года такой же краткій, отрывочный перечень извѣстій, какъ въ части 6524—6582, или онъ былъ здѣсь полнѣе и содержательнѣе? Если древнѣйшая часть протографа Синод. списка сходствовала по краткости и отрывочности съ частью послѣ 6524 года, то ни о какомъ вліяніи протографа Синод. списка на Соф. временникъ быть рѣчи не можетъ; если же протографъ Синод. списка въ древнѣйшей своей части передавалъ лѣтописный текстъ не въ извлеченіи, а полностью, то вліяніе его на Соф. временникъ представляется весьма вѣроятнымъ. Рѣшеніе поставленнаго вопроса оказывается вполнѣ возможнымъ. Благодаря сохранившемуся въ Синод. спискѣ счету тетрадей, ясно, что 1-й листъ его (содержащій текстъ статьи 6524 года) былъ нѣкогда 1-мъ листомъ 16-й тетради и что, слѣдовательно, Синодальный списокъ утратилъ 15 тетрадей или 120 листовъ; полагая на каждомъ листѣ 36 строкъ

(на страницѣ ихъ 18), а въ каждой строкѣ отъ 20 до 23 буквъ, видимъ, что утраченная часть Синод. списка содержала отъ 95 до 100 т. буквъ. Замѣтимъ, что соотвѣтствующая часть Ипатьевской лѣтописи по приблизительному подсчету содержитъ 140 т. буквъ; а соотвѣтствующая часть Комм. списка отъ 85 до 90 т. буквъ. Слѣдовательно, текстъ Синод. списка въ утраченной части былъ полнѣе текста Комм. списка, но короче текста Повѣсти вр. лѣтъ.

220[5]. Нашъ выводъ согласуется съ предполагаемою исторіей протографа Синод. списка. Въ древнѣйшей части своей онъ оказывается копіей съ лѣтописи Германа Вояты; послѣдняя является копіей съ Новгородскаго свода 1167 года. Этотъ сводъ положилъ въ свое основаніе списокъ Повѣсти вр. лѣтъ, но не упускалъ изъ вниманія и старшаго Новгородскаго свода XI вѣка; весьма естественно предположить, что подъ вліяніемъ этого свода XI вѣка подвергся сокращенію и текстъ списка Повѣсти вр. лѣтъ. Но тѣмъ не менѣе сводъ 1167 года былъ полнѣе Начальнаго свода (объ объемѣ котораго судимъ по Акад. и Комм. спискамъ), ибо онъ могъ содержать рядъ тѣхъ статей Повѣсти вр. лѣтъ, которыя не входили въ составъ Начальнаго свода.

Итакъ, мы указали на вѣроятность того, что текстъ протографа Синод. списка вліялъ на текстъ Софійскаго временника въ части до 6524 года. Перенося въ свой трудъ статьи Начальнаго свода, составитель Софійскаго временника имѣлъ полную возможность свѣрить и исправить ихъ по протографу Синодальнаго списка.

§ 220[6]. Думаю, что въ пользу такого вывода можно привести, напримѣръ, слѣдующее соображеніе. Подъ 6480 г. читалось въ Соф. временникѣ: «Свѣнделъ же прииде Кыеву къ Ярополку; а Ярополкъ же княжа в Киевѣ и воевода бѣ у него Блудъ». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Повѣсти вр. лѣтъ: «Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8». Можетъ ли приведенное выше чтеніе Соф. временника восходить къ Начальному своду? Думаю, что нѣтъ, ибо въ Начальномъ сводѣ, какъ и въ Повѣсти вр. лѣтъ, Блудъ является въ разсказѣ уже позже, подъ 6488 годомъ, а активнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ Ярополка съ Олегомъ оказывается не Блудъ, а Свѣнельдъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что слова «а Ярополкъ же бѣ

(или: сѣде) княжа в Кыевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ» читались во всякомъ случаѣ въ Новгородскомъ сводѣ 1167 года, ибо мы находимъ ихъ въ сводѣ 1423 года, какъ это видно, напр., изъ Хронографа и Ермолинской лѣтописи. Присутствіе этихъ словъ въ Новгородскомъ сводѣ 1167 года доказываетъ, что они читались въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка и, далѣе, въ Кіевскомъ Древнѣйшемъ сводѣ: а это послѣднее обстоятельство вполнѣ естественно, ибо, какъ мы знаемъ, Древн. сводъ не зналъ о Свѣнельдѣ временъ Ярополка, а только о Свѣнельдѣ временъ Игоря (ср. § 219[7]). Поэтому мы и думаемъ, что приведенная фраза читалась какъ въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, такъ и въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка. Составитель Начальнаго свода ввелъ въ рядъ статей, относящихся къ княженіямъ Святослава и Ярополка, Свѣнельда и сообразно съ этимъ долженъ былъ устранить сообщеніе о воеводѣ Блудѣ въ извѣстіи о вокняженіи Ярополка. Слѣдовательно, приведенная нами фраза могла попасть въ Софійскій временникъ не изъ Начальнаго свода, а только изъ протографа Синодальнаго списка, восходящаго, какъ мы знаемъ, въ концѣ концовъ къ Новгор. своду 1167 года.

220[7]. Итакъ, протографъ Синодальнаго списка, а, можетъ быть, еще лѣтопись Вояты представляли слѣдующую любопытную особенность въ своемъ составѣ: приблизительно до вокняженія Ярослава они содержали довольно полный лѣтописный текстъ, между тѣмъ, послѣ 6524 года, повидимому, до самаго конца XI столѣтія они ограничивались самою краткою выборкой изъ свода 1167 года.

Оставляю нерѣшеннымъ вопросъ, отъ чего зависѣло такое неодинаковое отношеніе Германа Вояты къ своему оригиналу. Возвращаюсь къ предложенному выводу: въ части до 6524 года протографъ Синод. списка оказалъ вліяніе на соотвѣтствующія статьи Начальнаго свода при перенесеніи ихъ въ Соф. временникъ. Этотъ выводъ имѣетъ для насъ то значеніе, что заставляетъ съ осторожностью возводить текстъ статей Софійскаго временника къ тексту Начальнаго свода. Можетъ оказаться, что въ составѣ Софійскаго временника нѣкоторыя статьи въ части до 6524 года восходятъ къ протографу Синод. списка; можетъ оказаться, что отдѣльныя чтенія Софійскаго временника должны быть возведены къ протографу Синод. списка.

220[8]. Останавливаемся на первой возможности: въ составѣ Софійскаго временника нѣкоторыя статьи въ части до 6524 г. могутъ возводиться не къ Начальному своду, а къ протографу Синодальнаго списка. Дѣйствительно, такія статьи есть. Это, во-первыхъ, статья 6497 года о крещеніи Новгорода и приложенные къ ней перечни [1]); совершенно ясно, что ни эта статья, ни эти перечни не читались въ Начальномъ Кіевскомъ сводѣ; ихъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ; перечень великихъ князей кіевскихъ, доведенный до Ростислава Мстиславича, указываетъ на 1158—1167 гг., т.-е. на время составленія Новгородскаго владычняго, архіепископскаго свода (1167 г.). Это, во-вторыхъ, приведенное выше: «а Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ». Есть ли кромѣ этихъ двухъ статей еще и другія, восходящія къ протографу Синод. списка? Думаю, что нѣтъ: никакихъ указаній на то, чтобы въ части до 6524 года какая-нибудь статья, кромѣ двухъ указанныхъ, восходила въ Соф. временникѣ къ протографу Синод. списка, я не нашелъ [2]).

§ 220[9]. Переходимъ ко второй возможности: нѣкоторыя статьи Соф. временника могутъ содержать чтенія, восходящія къ протографу Синод. списка. Въ томъ, что это дѣйствительно такъ, имѣется рядъ вѣскихъ указаній. Сравнивая текстъ Соф. временника (Акад., Комм., Соф. 1-я) съ текстомъ Лавр., Радз. и Ипат. списковъ, видимъ, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ Соф. временникъ отступаетъ отъ текста Лавр. списка и сходится съ текстомъ Радз. и Ипат., причемъ многое заставляетъ предполагать, что въ Лавр. сохранилось болѣе первоначальное чтеніе. Приведемъ такія чтенія:

---

[1]) Перечни въ Соф. временникѣ были продолжены до времени его составленія, т.-е. до 1423—1425 гг.

[2]) Отмѣчаю еще разъ, что похвала Владиміру въ Соф. временникѣ читалась краткая, въ нѣсколько строкъ; вторая редакція Новгор. 1-й младш. извода (Комм. и Акад.) заимствовала похвалу изъ свода 1448 года (а этотъ изъ свода 1423, а этотъ изъ житія Владиміра); далѣе, статья объ убіеніи Глѣба, начиная со словъ: „то и селика постиже мя“, заимствована также изъ свода 1448 года. Въ Соф. временникѣ здѣсь былъ, повидимому, прямо пропускъ (ср. такой же пропускъ въ концѣ статьи о смерти пр. Θеодосія). Въ протографѣ Синод. списка, какъ кажется, убіеніе Бориса и Глѣба было изложено совсѣмъ кратко.

6453 (945): «и изшедше Древлянѣ изъ града Коростеня противу» (то же въ Радз., Хлѣбн.), вм. «вышедше» (Лавр.); «да в велицѣ чести поиду за вашь князь» (то же въ Радз., Ип.), вм. «приду» (Лавр.). Подъ 6463 (955): «благословити тя имуть (то же въ Радз., Ип.), вм. «хотять» (Лавр.); послѣ «пріиде къ Кыеву» прибавлено: «яко же (яже) предъ рекохомъ (то же въ Радз. и Ип.: «и яко же рькохомъ»), въ Лавр. этого нѣтъ; «радоватися начнеши» (то же въ Радз., Ип.), вм. «почнешь» (Лавр.). Подъ 6476 (968): «аще не приступите утро» (то же въ Ип.), вм. «аще кто не приступить с утра» (Лавр.). Подъ 6479 (971): «то промыслите о себѣ» (то же въ Радз., Ип.), вм. «собою» (Лавр.); «и не позрѣ на ня» (то же въ Ип.), вм. «не зрѣ» (Лавр.); «мертвіи бо срама не имутъ» (ср. въ Ип. и Радз. «не имають»), вм. «не имамъ» (Лавр.). Подъ 6485 (977): «выcподѣ подъ трупиемъ» (ср. въ Ип. и Радз.: «(на)исподи подъ трупиемъ»), вм. «выcподи трупия» (Лавр.). Подъ 6488 (980): «и осѣдаху Ярополка въ Роднѣ» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «осѣде» (Лавр.); «побѣгни из града» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «за градъ» (Лавр.); «и разуму его нѣсть числа» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «конца» (Лавр.); «бысть яко корабль» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «владаеть яко корабль» (Лавр.). Подъ 6493 (985) «а хмель грязнути» (тоже въ Ип. и Радз.), вм. «почнеть тонути» (Лавр.). Подъ 6494 (986): «Нѣмци из Рима» (то же въ Ип. и Радз.), въ Лавр. только «Нѣмци». Подъ 6495 (987): «отинудь Богъ съ человѣкы пребываеть» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «онъдѣ» (Лавр.). Подъ 6496 (988): «и боряху крѣпко гражданѣ» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «изъ града»; «яко въ поганыя, рече, иду» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «въ полонъ» (Лавр.); «въскраи церкви» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «съ края»; «бити жезлиемъ» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «тети» (Лавр.). Подъ 6504 (996): «и медъ въ бочкахъ» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «въ бчелкахъ» (Лавр.); «нъ съ испытаниемь» (то же въ Ип. и Радз.), вм. «но со испытомъ» (Лавр.), и т. д.

§ 220[10]. Эти и другія подобныя отличія восходятъ, очевидно, къ одному общему для Ипатьевской, Радзивиловской и протографа Синодальнаго списка оригиналу,—особой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, отличной отъ той, что лежитъ въ основаніи Лаврентьевской лѣто-

писи. Эта послѣдняя лѣтопись въ общемъ слѣдуетъ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, составленной въ 1116 году; какъ мы указали выше, Новгородскій сводъ 1167 года (а текстъ Синод. списка восходитъ именно къ этому своду) основывался на второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, составленной въ 1118 году; къ этой же редакціи, какъ ясно изъ цѣлаго ряда соображеній, возводятся чтенія Ипатьевской и Радзивиловской лѣтописей (ср. § 154). Для Ипатьевской лѣтописи это доказывается, напр., тѣмъ обстоятельствомъ, что она содержитъ прямое продолженіе Повѣсти вр. лѣтъ (годы 1111—1117), что она дополняетъ текстъ первой редакціи вставками нѣкоторыхъ событій въ разсказѣ объ XI вѣкѣ, что она повѣствуетъ о первоначальномъ поселеніи призванныхъ князей въ Ладогѣ и послѣдующемъ за симъ основаніи Новгорода, что она замѣняетъ имя Іоанна Цимисхія въ разсказѣ о крещеніи Ольги именемъ Константина сына Леонова, и т. д. Для Радзивиловской это же слѣдованіе второй редакціи (при значительномъ вліяніи первой) доказывается общими чтеніями съ Ипатьевскою.

§ 220[11]. Итакъ вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ отличалась отъ первой сильною переработкою въ языкѣ; многія слова и выраженія первой редакціи по той или иной причинѣ замѣнены были другими. Наиболѣе точно сохранились особенности второй редакціи въ Новгородскомъ сводѣ 1167 года, ибо здѣсь текстъ Повѣсти вр. лѣтъ вошелъ въ соединеніе съ довольно отличнымъ отъ нея Новгородскимъ сводомъ XI вѣка, почему особенности Повѣсти вр. лѣтъ оставались неизмѣненными; въ Ипатьевской и Радзивиловской лѣтописяхъ текстъ второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ вошелъ въ соединеніе съ текстомъ первой редакціи, что̀ имѣло неминуемымъ послѣдствіемъ утрату въ нихъ многихъ типичныхъ особенностей второй редакціи. Здѣсь не мѣсто распространяться по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ редакцій Повѣсти вр. лѣтъ. Возвращаемся къ тексту Софійскаго временника.

§ 220[12]. Мы извлекаемъ изъ него безъ затрудненія текстъ Начальнаго свода; но текстъ этотъ подвергся въ Соф. временникѣ сильнѣйшей переработкѣ по протографу Синодальнаго списка, иначе по второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ. Въ виду этого тѣ чтенія Соф.

временника, которыя, отличаясь отъ Лаврентьевской, сходны съ Ипатьевскою и Радзивиловскою, мы въ правѣ возводить не къ Начальному своду, а къ другому источнику Соф. временника— къ протографу Синодальнаго списка. Отсюда же слѣдуетъ, что, напротивъ, чтенія, общія Софійскому временнику и Лаврентьевскому списку, могутъ быть съ увѣренностью возводимы къ Начальному своду.

Предыдущія соображенія ведутъ насъ еще къ одному дальнѣйшему заключенію: текстъ Лаврентьевскаго списка является при возстановленіи Начальнаго свода болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ текстъ Софійскаго временника; Лаврентьевскій списокъ представляетъ первую редакцію Повѣсти вр. лѣтъ, поэтому текстъ сравнительно болѣе близкій къ Начальному своду, чѣмъ вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ и, слѣдовательно, чѣмъ текстъ Софійскаго временника, въ которомъ текстъ Начальнаго свода подвергся переработкѣ со стороны второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 220[13]. Совершенно особаго вниманія заслуживаетъ та часть Новгор. 1-й лѣтописи мл. изв., которая содержитъ разсказъ о древнѣйшихъ событіяхъ—это часть до 6453 (945) года. Въ этой части видимъ особенное отличіе текста Новгор. 1-й лѣтописи отъ текста Повѣсти вр. лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предыдущее изслѣдованіе показало, что именно въ этой части Новгор. 1-я лѣтопись содержитъ рядъ чтеній, восходящихъ (путемъ Соф. временника) не къ Начальному своду, а къ протографу Синод. списка. Я сошлюсь на соображенія, высказанныя въ §§ 70[5] и 70[6], гдѣ доказано вліяніе протографа Синод. списка на разсказъ о походахъ Игоря противъ Древлянъ и Угличей; далѣе—на § 199, гдѣ чтеніе «прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля» возведено къ тому же источнику Соф. временника; затѣмъ—на § 206[8], гдѣ чтеніе «еже не дають» точно такъ же признано заимствованнымъ ихъ протографа Синод. списка. Въ виду этого у насъ возникаетъ сомнѣніе относительно того, точно ли можно возвести текстъ древнѣйшей части Новгор. 1-й лѣтописи младш. извода къ Начальному своду, не восходитъ ли она цѣликомъ ко второму источнику Соф. временника—въ протографу Синод. списка. Но сомнѣніе это нельзя признать основательнымъ. Текстъ протографа

Синод. списка въ концѣ концовъ восходитъ къ двумъ первоисточникамъ—къ Повѣсти вр. лѣтъ и къ Новгородскому своду XI вѣка. Это обстоятельство даетъ намъ возможность опредѣлить, что̀ именно могло читаться въ текстѣ протографа Синод. списка и чего не могло въ немъ быть. Правда, Новгородскій сводъ XI вѣка до насъ не дошелъ, но мы не имѣемъ основаній предполагать, чтобы онъ въ частяхъ, касающихся событій неновгородскихъ, отличался бы отъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, возстановляемаго на основаніи данныхъ, выше нами сообщенныхъ.

§ 220[14]. Такъ разсказъ о походѣ Руси на Царьградъ при царѣ Михаилѣ не могъ читаться въ протографѣ Синод. списка въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ въ Новгор. 1-й младшаго извода, ибо его нельзя возвести ни къ Повѣсти вр. лѣтъ (—отсутствіе именъ Аскольда и Дира, другая хронологія), ни къ Новгородскому своду XI вѣка (такъ какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ же какъ въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, не было заимствованій изъ того хронографа особой редакціи, къ которому восходитъ соотвѣтствующая статья). То же справедливо и для разсказа о походѣ Руси на Царьградъ при царѣ Романѣ. Далѣе, разсказъ о завладѣніи Кіева Игоремъ и Олегомъ не могъ читаться въ протографѣ Синод. списка въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ въ Новгор. 1-й младш. извода, ибо и его нельзя возвести ни къ Повѣсти вр. лѣтъ (которая сообщала о завладѣніи Кіева Олегомъ), ни къ Новгородскому своду XI вѣка (въ послѣднемъ Олегъ не могъ быть названъ воеводой Игоревымъ, и разсказъ не могъ вестись въ двойственномъ числѣ: то и другое, какъ мы указывали,—черты позднѣйшей обработки). Равнымъ образомъ невѣроятно возводить слова «и ко Игорю» въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ къ протографу Синод. списка; ихъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ (гдѣ Олегъ предпринимаетъ походъ самостоятельно, а не въ качествѣ воеводы Игорева), не могло быть и въ Новгор. сводѣ XI вѣка, разсказъ котораго сходствовалъ съ разсказомъ Древн. Кіевскаго свода, а въ этомъ послѣднемъ не могло содержаться этой явно позднѣйшей вставки, имѣвшей очевидною цѣлью помирить разсказъ о самостоятельномъ походѣ Олега съ представленіемъ объ Олегѣ—Игоревомъ воеводѣ.

§ 220[15]. Помимо этихъ соображеній можно указать еще на данныя, извлекаемыя изъ самой Повѣсти вр. лѣтъ и доказывающія, что непосредственно предшествовавшій ей сводъ долженъ былъ быть въ общемъ сходенъ съ тѣмъ самымъ текстомъ, который представляетъ Новгородская 1-я младш. извода.

Имѣется рядъ основаній думать, что пользованіе Амартоломъ должно быть отнесено насчетъ составителя Повѣсти вр. лѣтъ, а не Начальнаго свода: послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи другой хронографическій источникъ (ср. заимствованія изъ него подъ 6573 и другими годами). Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что Начальный сводъ не зналъ договоровъ съ Греками; соотвѣтствующія этимъ договорамъ мѣста въ Повѣсти вр. лѣтъ обнаруживаютъ явныя вставки, между тѣмъ какъ текстъ Начальнаго свода, гдѣ договоровъ нѣтъ, оказывается первоначальнымъ (ср. договоры Игоря и Святослава). Затѣмъ можно съ увѣренностью утверждать, что въ Начальномъ сводѣ не было статьи о преложеніи книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, статьи, содержавшей также данныя о первоначальномъ единствѣ и позднѣйшемъ разселеніи Славянъ. Наконецъ, вполнѣ естественно допустить, что составитель Повѣсти включилъ въ свой трудъ легенды и сказанія, не бывшія въ распоряженіи старшаго свода: позднѣйшее лѣтописаніе цѣлымъ рядомъ примѣровъ свидѣтельствуетъ о такомъ распространеніи младшихъ сводовъ насчетъ старшихъ.

И вотъ, если, въ виду указанныхъ соображеній, мы исключимъ изъ древнѣйшей части текста Повѣсти вр. лѣтъ: во-первыхъ, заимствованія изъ Амартола, во-вторыхъ, два Олеговыхъ договора, въ-третьихъ, рядъ данныхъ о разселеніи Славянъ и статью 6406 (898) года о преложеніи книгъ, въ-четвертыхъ, наконецъ, легенду объ апостолѣ Андреѣ и сказаніе о смерти Олега, мы получимъ представленіе о сводѣ, весьма сходномъ съ тѣмъ, что представленъ Новгородскою 1-ю лѣтописью младш. извода. Не должно упускать еще изъ виду, что привлеченные составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ источники вызывали съ его стороны распространеніе основного источника новыми извѣстіями, возникавшими по вполнѣ понятной ассоціаціи. Разсказъ Амартола о распредѣленіи земель между сыновьями Ноя дополненъ свѣдѣніями о русско-славянскихъ, чудскихъ и варяжскихъ племенахъ, сидя-

щихъ въ Іафетовой части; данныя статьи о преложенiи книгъ касательно разселенія Славянъ дополнены свѣдѣніями о русско-славянскихъ племенахъ; легенда объ Андреѣ связана съ сообщеніемъ о пути изъ Варягъ въ Греки; заимствованію изъ Амартола о нравахъ различныхъ племенъ предшествуетъ разсказъ о нравахъ русско-славянскихъ племенъ; за нимъ слѣдуетъ сообщеніе о нравахъ Половцевъ. Поэтому, возстановляя старшій сводъ, мы въ правѣ исключить изъ текста Повѣсти вр. лѣтъ и всѣ эти позднѣйшія вставки и распространенія ея источниковъ. Отличія свода, возстановленнаго путемъ исключенія указанныхъ матеріаловъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ, отъ текста Новг. 1-й лѣтописи окажутся совершенно незначительными. Лишнихъ фактовъ почти не окажется въ такомъ возстановленномъ сводѣ: извѣстія о покореніи Олегомъ Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей представляются частью извлеченными изъ текста сходнаго съ текстомъ Новгор. 1-й (покореніе Олегомъ Древлянъ ср. съ покореніемъ Древлянъ Игоремъ), частью же противорѣчащими другимъ сообщеніямъ Древнѣйшаго свода и потому вставленными (Радимичи покорены не Олегомъ, а Владиміромъ); походъ Игоря 944 года послѣ пораженія 941 года представляется явно сочиненнымъ для того, чтобы покрыть безславное событіе, о которомъ лѣтописецъ узналъ изъ продолжателя Амартола.

§ 220[16]. Хотя отличій возстановленнаго такимъ путемъ текста старшаго, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ, свода сравнительно съ текстомъ Новгор. 1-й лѣтописи младш. извода не много, но тѣмъ не менѣе они оказываются настолько существенными, что опять возникаетъ вопросъ, можно ли возвести текстъ Повѣсти вр. лѣтъ къ тексту сходному съ Новгор. 1-ю лѣтописью младш. извода. Не стану говорить о томъ, что нѣкоторыя статьи Новгор. 1-й лѣтописи явно замѣнены другими въ Повѣсти вр. лѣтъ; напр., статьи о походахъ Руси на Царьградъ при царяхъ Михаилѣ и Романѣ изложены въ Новгор. 1-й по одному хронографическому источнику, а въ Повѣсти вр. лѣтъ по другому (по Амартолу). Обращаюсь къ другимъ отличіямъ: Повѣсть временныхъ лѣтъ излагаетъ разсказъ о призваніи Варяговъ съ иными подробностями, чѣмъ Новгор. 1-я; Рюрикъ и его братья оказываются не Варягами, а Русскими; самая Русь отождествлена, впрочемъ, съ

Варягами. Вмѣсто «идоша за море к Варягомъ и ркоша» Новгор. 1-й лѣтописи мы читаемъ въ Повѣсти вр. лѣтъ: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи и Весь». Не сомнѣваемся въ томъ, что текстъ Новгор. 1-й именно въ этомъ случаѣ болѣе первоначальный, чѣмъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ; слова «къ Руси; сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се... и Весь» имѣютъ всѣ признаки вставки. Вставка эта, какъ мы видѣли, стоитъ въ связи съ особымъ взглядомъ составителя Повѣсти вр. лѣтъ, настойчиво имъ проводившимся, по которому Русь Кіевская—тѣ же Варяги, причемъ появленіе ихъ относится ко времени призванія варяжскихъ князей, Рюрика и его братьевъ. Какъ указано выше (гл. XIII), Новгородская 1-я въ своемъ разсказѣ о призваніи Руси держится другого взгляда и различаетъ Русь отъ Варяговъ. Въ виду только что отмѣченной бо́льшей первоначальности текста Новгор. 1-й лѣтописи сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ, я въ этомъ отличіи Новгор. 1-й лѣтописи отъ Повѣсти вр. лѣтъ вижу рѣшительное доказательство въ пользу того, что въ этой лѣтописи представленъ текстъ старшаго, чѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ, свода. Различіе между Варягами и Русью проводится и ниже въ Новгородской 1-й: она утверждаетъ, что Варяги, перейдя въ Кіевъ съ завоевавшимъ Кіевъ князeмъ, прозвались Русью; между тѣмъ Повѣсть вр. лѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говоритъ, что Русью прозвались вообще Варяги, Словѣне и прочіе. Въ совершенномъ противорѣчіи съ этимъ находится утвержденіе той же Новгор. 1-й лѣтописи, помѣщенное непосредственно за призваніемъ Варяговъ: мы читаемъ здѣсь, что «отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля». Въ виду указанныхъ выше соображеній, считаемъ эти слова вставленными изъ протографа Синод. списка, въ который, какъ мы знаемъ, (путемъ свода 1167) проникли многія чтенія Повѣсти вр. лѣтъ.

Вторымъ существеннымъ отличіемъ Повѣсти вр. лѣтъ отъ Новгор. 1-й оказывается отношеніе къ Олегу: по Новгородской 1-й—это воевода Игоревъ, а по Повѣсти вр. лѣтъ—это

князь, правившій во время малолѣтства Игоря. Не сомнѣваюсь въ томъ, что послѣдній взглядъ восходитъ къ первому: въ связи съ нимъ находится и то обстоятельство, что въ Повѣсти вр. лѣтъ имѣется текстъ двухъ договоровъ, гдѣ Олегъ названъ княземъ; можно поэтому думать, что превращеніе воеводы Олега въ князя Олега вызвано отчасти вліяніемъ этихъ договоровъ. Мы указывали выше, что текстъ Повѣсти вр. лѣтъ сохранилъ въ одномъ мѣстѣ слѣдъ того, что его источникъ говорилъ о завладѣніи Кіевомъ, такъ же какъ говоритъ теперь Новгор. 1-я, въ двойственномъ числѣ (Игорь и Олегъ), между тѣмъ какъ вообще это двойственное число переправлено въ Повѣсти вр. лѣтъ въ единственное: а именно въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ «придоста къ горамъ хъ Киевьскимъ». Но признавая и въ этомъ случаѣ текстъ Новгор. 1-й болѣе первоначальнымъ, чѣмъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ, ставимъ себѣ вопросъ, можно ли признать исконною чертой соотвѣтствующаго разсказа наличность въ нѣмъ двухъ дѣйствующихъ лицъ—Игоря и Олега? Выше мы доказывали, что нѣкогда говорилось въ разсказѣ о завладѣніи Кіевомъ объ одномъ Олегѣ, а что Игорь вставленъ послѣ. Слѣдовательно, текстъ Новгор. 1-й лѣтописи предполагаетъ болѣе древній текстъ, гдѣ говорилось объ Олегѣ, а не объ Игорѣ и Олегѣ, въ соотвѣтствующемъ разсказѣ. Отсюда мы и заключаемъ, что въ Новгор. 1-й лѣтописи представленъ текстъ свода, непосредственно предшествующаго Повѣсти вр. лѣтъ, а не свода первоначальнаго.

Не имѣя основанія допускать, чтобы второй источникъ, къ которому въ концѣ концовъ восходитъ текстъ протографа Синод. списка — т. е. Новгородскій сводъ XI вѣка, замѣнилъ Олега Игоремъ и Олегомъ, имѣя, напротивъ, въ виду ,что первый источникъ указаннаго текста—Повѣсть вр. лѣтъ говоритъ о князѣ Олегѣ, мы не можемъ допустить, чтобы въ разсказѣ о завладѣніи Кіева Новгор. 1-я лѣтопись слѣдовала протографу Синод. списка. Слѣдовательно, соотвѣтствующій разсказъ Соф. временника (изъ котораго произошла Новгор. 1-я лѣтопись) восходитъ ко второму его источнику—къ Кіевскому Начальному своду, непосредственному источнику Повѣсти вр. лѣтъ.

§ 220[17]. Для наглядности взаимныя отношенія бо́льшей части

списковъ, упомянутыхъ въ предшествующемъ изслѣдованіи, изображены въ приложенной графической таблицѣ. О названномъ во второй строкѣ сверху 1-мъ Печерскомъ сводѣ не говорилось выше; скажемъ о немъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XVI.

Объемъ Древнѣйшаго лѣтописнаго свода; время и мѣсто его составленія.

§ 221. Мы подходимъ въ этой главѣ къ подведенію итоговъ предшествующаго изслѣдованія. Намъ предстоитъ рѣшить прежде всего вопросъ объ объемѣ возстанавливаемаго по предложеннымъ выше даннымъ свода. Разрѣшеніе этого вопроса облегчитъ намъ отвѣтъ на всѣ другіе вопросы, относящіеся къ ближайшему опредѣленію тѣхъ условій, при которыхъ возникъ этотъ памятникъ.

Въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ, которое мы поставимъ исходнымъ началомъ предстоящихъ намъ разсужденій, признаемъ слѣдующую особенность Повѣсти вр. лѣтъ и Начальнаго свода, служащихъ основаніемъ для возстановленія Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. На всемъ протяженіи ихъ до 6569 (1061) года мы совсѣмъ почти не встрѣчаемъ въ ихъ текстѣ точныхъ хронологическихъ опредѣленій; разумѣемъ подъ точнымъ опредѣленіемъ указаніе дня совершившагося событія. Дѣйствительно, до 6569 года находимъ только два такихъ указанія: подъ 6523 (1015) годомъ указанъ день кончины Владиміра Святославича («мѣсяца иуля въ 15 день»); подъ 6562 (1054) указанъ, впрочемъ, въ формѣ недостаточно вразумительной день кончины Ярослава Владиміровича (Лавр.: «в суботу 1 поста святаго Өеодора»). Ни одного другого точнаго хронологическаго опредѣленія мы въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ не найдемъ: остались не указанными даже такіе дни, какъ день кончины Ольги, убіенія Бориса, убіенія Глѣба, освященія Богородицы Десятинной, освященія св. Софіи. Подъ 6569 годомъ указанъ день пораженія Всеволода Ярославича отъ впервые напавшихъ на Русскую землю Половцевъ: 2 февраля; послѣ этого указанія точныя хронологическія опредѣленія встрѣчаются все чаще; подъ 6574 отмѣченъ день кончины Ростислава Владиміровича въ Тмутороканѣ: 3-е февраля; подъ 6575 день битвы

на Немигѣ: 3-е марта и день, когда былъ схваченъ вѣроломнымъ образомъ Всеславъ: 10-е іюля; подъ 6576 день освобожденія Всеслава изъ поруба: 15-е сентября и день побѣды Святослава надъ Половцами: 1-е ноября; подъ 6577 (1069) день возвращенія Изяслава въ Кіевъ: 2-е мая. Начиная съ 6580 (1072) года, точныя хронологическія указанія становятся еще чаще и послѣдовательнѣе. Врядъ ли отмѣченное обстоятельство—отсутствіе точныхъ хронологическихъ указаній до 6569 года и появленіе ихъ въ изобиліи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ XI столѣтія — можетъ быть объяснено случайностью; передъ нами два различныхъ пріема лѣтописанія, зависѣвшихъ, конечно, отъ той или иной опредѣленной причины.

§ 221[1]. Отыскивая эту причину, я вижу только двѣ возможности: или, начиная съ 1061 года, мы имѣемъ дѣло съ другимъ лѣтописцемъ, чѣмъ до этого года; или же лѣтописецъ, излагавшій событія до 1061 года по наслышкѣ, по устнымъ преданіямъ, приблизительно съ указаннаго времени былъ современникомъ описываемыхъ событій; какъ таковой, онъ не затруднялся точнымъ ихъ хронологическимъ опредѣленіямъ. Не отвергая того, что, дѣйствительно, точность хронологическихъ опредѣленій предполагаетъ современную событіямъ лѣтописную запись, я думаю однако, что отсутствіе точныхъ хронологическихъ опредѣленій въ части до 1061 года зависѣло не только отъ того, что часть эта была составлена не современникомъ; думаю, что необходимо принять въ расчетъ наличность двухъ различныхъ пріемовъ лѣтописанія; думаю, что въ части приблизительно до 1061 года мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, руководившимся одними пріемами, а въ части приблизительно отъ 1061 года—съ лицомъ, державшимся другихъ лѣтописныхъ пріемовъ. Подтверждаю свою мысль слѣдующими двумя соображеніями: во-первыхъ, въ части послѣ 1061 года находимъ точныя хронологическія опредѣленія при такихъ событіяхъ, о которыхъ кіевлянинъ (предполагаемъ, что лѣтопись ведена въ Кіевѣ) могъ узнать, казалось бы, только по наслышкѣ, спустя довольно продолжительное время: такъ имъ указанъ день кончины Ростислава въ далекомъ Тмутороканѣ; слѣдовательно, точность хронологическаго опредѣленія не предполагаетъ непремѣнно личнаго участія современника въ описы-

ваемомъ событіи, непосредственнаго воспріятія его, аутопсіи; записавъ, скажемъ, хотя бы мѣсяца черезъ три—четыре, разсказъ о смерти Ростислава, лѣтописецъ добился того, что ему сообщили не только обстоятельства, при которыхъ она случилась, но и точное указаніе дня, когда имѣла мѣсто Ростиславова кончина; предполагаемъ поэтому, что тотъ же лѣтописецъ, занося въ свой сводъ событіе, отстоявшее отъ него на десять или на двадцать лѣтъ, могъ бы поинтересоваться точною датой событія и добиться ея путемъ разспросовъ; между тѣмъ слѣдовъ такой пытливости мы въ части до 1061 года не находимъ. Во-вторыхъ, въ части до 1061 года многія событія могли бы быть безъ труда опредѣлены точными хронологическими указаніями, при желаніи со стороны лѣтописца имѣть такія указанія; такъ, не трудно было узнать, что Ольга умерла 11-го іюля, что св. Богородица Десятинная освящена была 12-го мая, св. Софія—4-го ноября, монастырь св. Георгія—26-го ноября; во второй половинѣ XI столѣтія, какъ видно изъ Несторова Чтенія, рѣшительно утверждали, что Борисъ убитъ 24-го іюля, а Глѣбъ 5-го сентября; какъ видно изъ Памяти и похвалы Владиміру мниха Іакова [1]), во второй половинѣ XI столѣтія знали, какъ это знаютъ и позднѣйшіе прологи, что убіеніе первыхъ Варягѡвъ - мучениковъ случилось 12-го іюля; можно съ увѣренностью утверждать, что составителю Древнѣйшаго свода была извѣстна эта дата изъ той самой статьи объ убіеніи этихъ Варяговъ, которую онъ включилъ въ свой сводъ, а между тѣмъ онъ опустилъ дату 12-го іюля; равнымъ образомъ дата 11-го іюля стояла, несомнѣнно, въ томъ источникѣ свода, откуда извлеченъ разсказъ о кончинѣ Ольги [2]), а между тѣмъ составитель свода опустилъ эту дату. Наконецъ, въ статьѣ 6527-го года мы находимъ еще болѣе рѣзкое указаніе на опущеніе составителемъ свода даты, бывшей ему извѣстною, данной однимъ изъ его источниковъ: день битвы на Альтѣ между Ярославомъ и Святополкомъ опредѣленъ какъ пятница: «бѣ же пятъкъ тъгда»; слова же «24-го іюля», несомнѣнно сопровождав-

---

[1]) Ср. §§ 11 и 104.
[2]) Ср. § 75.

шія это опредѣленіе [1]), не повторены Древн. сводомъ, какъ видно изъ отсутствія ихъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Я не вижу основанія для предположенія, чтобы подобныя опущенія были сдѣланы составителями Нач. свода или Повѣсти вр. лѣтъ; непонятно было бы, зачѣмъ эти лѣтописцы не рѣшились повторить хронологическихъ датъ Древн. свода, между тѣмъ какъ сами давали такія даты для позднѣйшихъ событій въ изобиліи. Приходится допустить, что опущенія эти имѣли мѣсто уже въ Древн. сводѣ; приходится поставить ихъ въ связь съ отсутствіемъ въ этомъ сводѣ вообще точныхъ хронологическихъ опредѣленій. Мы имѣемъ дѣло въ Древн. сводѣ съ такимъ лѣтописцемъ, который рѣшилъ, повидимому, совсѣмъ не давать точныхъ хронологическихъ опредѣленій описываемыхъ событій; въ силу этого своего рѣшенія, онъ, во-первыхъ, не добивался датировки сообщаемыхъ ему разными источниками данныхъ, во-вторыхъ, опускалъ и тѣ даты, которыя находились въ его источникахъ.

Исключеніе составило бы только 15-е іюля 6523 года. Но всматриваясь внимательнѣе въ текстъ, гдѣ приведена эта дата, мы увидимъ, что возможно усомниться, точно ли она читалась въ Древн. сводѣ. Въ Лавр. и др. спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ находимъ: «самъ бо боляше вели, в неиже болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмь и потаиша и́». Итакъ, Владиміръ скончася тогда-то, умре же тамъ-то. Не зависѣла ли эта амплификація отъ вліянія на текстъ Повѣсти вр. лѣтъ (или предшествовавшаго ему Нач. свода) вставки опредѣленія «мѣсяца иуля въ 15 день», не находившагося въ первоначальномъ текстѣ? Признаю вѣроятнымъ, что въ первоначальномъ текстѣ читалось: «самъ бо боляше вельми, въ неиже болести и сконьчася на Берестовѣмь»; вставка словъ «мѣсяца иуля въ 15 день» послѣ «сконьчася» вызвала вставку словъ «умре же» передъ слѣдующимъ «на Берестовѣмь», хотя, понятно, можно было бы обойтись и безъ этой вставки; ср. еще бо́льшее распространеніе въ Ипат. спискѣ, гдѣ послѣ «умре же» вставлено «Володимеръ князь великыи». Если чтеніе Ипат. списка болѣе первоначальное, то имѣемъ указаніе на то, что на распространеніе интересующаго

---

[1]) Ср. § 59.

насъ мѣста повліялъ опредѣленный источникъ, указывавшій дату кончины Владиміра и называвшій его великимъ княземъ Русскимъ, т.-е. такъ, какъ Древн. сводъ вообще не называетъ кіевскихъ князей.—Что же касается даты смерти Ярослава, то вопросъ о ней оставимъ пока въ сторонѣ, ибо у насъ возникаетъ сомнѣніе, доходилъ ли текстъ Древн. свода до года Ярославовой кончины.

§ 222. Итакъ, признавъ характернымъ для Древн. лѣтописнаго свода отсутствіе въ немъ точныхъ хронологическихъ датъ, дѣлаемъ выводъ, что сводъ этотъ не включалъ въ свой составъ событій 6569 (1061) года, что онъ прекращался до этого года; съ 6569 года ясно выступаетъ другое лицо съ другими пріемами, отличавшими его отъ составителя Древн. свода. Пользуясь этими указаніями, ищемъ окончанія Древн. свода въ текстѣ до 6569 г.

Отмѣтимъ теперь же, что статья 6568 (1060) года составлена не современникомъ, а спустя значительный промежутокъ послѣ описанныхъ въ ней событій: мы читаемъ въ ней о походѣ Ярославичей въ союзѣ со Всеславомъ Полотскимъ противъ Торковъ: «Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне»; сказать такъ лѣтописецъ могъ черезъ пять-десять лѣтъ послѣ 1060 года, послѣ того, что Торки въ теченіе болѣе или менѣе замѣтнаго числа лѣтъ не тревожили Русской земли [1]). Слѣдовательно, эта статья 6568 года составлена тѣмъ самымъ лицомъ, что дало описаніе 6569 и послѣдующихъ годовъ, а не тѣмъ лицомъ, что составило Древн. сводъ. Передъ статьей 6568 года находимъ извѣстіе объ освобожденіи Ярославичами дяди своего, сидѣвшаго въ порубѣ 24 года (6567 г.), извѣстіе о побѣдѣ Изяслава надъ Голядью (6566 г.) и извѣстіе о смерти Вячеслава Ярославича (6565 г.). Передъ послѣднимъ извѣстіемъ читается обширная статья 6562 года, въ которой описываются кончина Ярослава, вокняженіе въ Кіевѣ Изяслава и два событія, слѣдовавшія за кончиной Ярослава (побѣда Всеволода надъ Торками и миръ Всеволода съ Половцами). Будемъ ли мы искать окончанія Древн. свода въ статьяхъ 6565—6567 годовъ или въ статьѣ 6562 года?

---

[1]) Торки появляются въ лѣтопись вновь подъ 6588 (1080) годомъ, когда они напали на Русскую землю и были побѣждены Владиміромъ.

§ 223. Остановимся на статьѣ 6562 (1054) года. Начало ея какъ будто рѣзко отличаетъ ее отъ предшествующихъ статей, гдѣ говорилось о дѣятельности Ярослава. Мы читаемъ здѣсь: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ». Выше Ярославъ не назывался великимъ княземъ [1])—и это обстоятельство должно быть признано характернымъ. Если бы мы, основываясь на Ипатьевскомъ спискѣ, предположили, что въ первоначальномъ текстѣ, т. е. въ Древн. сводѣ, читалось не «великый князь Русьскый», а только «князь Русьскый», то и въ такомъ случаѣ начало статьи 6562 года представлялось бы необычнымъ. Зачѣмъ было называть Ярослава княземъ Русскимъ лѣтописцу, который въ цѣломъ рядѣ предшествующихъ статей упоминалъ имя Ярослава безъ всякаго эпитета? Но начало это, какъ увидимъ ниже, § 258[1], можетъ быть, и не принадлежало лѣтописцу и вставлено позже составителемъ Начальнаго свода. Вслѣдъ за предшествующими изслѣдователями [2]) отмѣчаю связь статьи 6562 года съ событіями 6581 (1073) года, когда между Ярославичами возникла жестокая распря, когда Святославъ со Всеволодомъ, преступивъ отцовскую заповѣдь, изгнали Изяслава изъ Кіева. Лѣтописецъ выступилъ подъ 1073 годомъ съ рѣшительнымъ обвиненіемъ младшихъ Ярославичей, въ особенности Святослава, бывшаго началомъ «выгнанью братню» и прельстившаго ложными подговорами Всеволода; лѣтописецъ дважды указываетъ на происшедшее при этомъ нарушеніе заповѣди Ярослава; вполнѣ вѣроятно поэтому отнести на счетъ того же лѣтописца внесеніе въ сводъ самаго текста Ярославова завѣщанія сыновьямъ, тѣмъ болѣе что этотъ текстъ составленъ въ настолько общихъ выраженіяхъ, что предполагать у лѣтописца наличность копіи съ Ярославова завѣщанія у насъ нѣтъ основаній. Текстъ завѣщанія вводится словами «наряди сыны своя, рекъ имъ»; онъ могъ быть сочиненъ самимъ лѣтописцемъ, знавшимъ доподлинно, что Ярославъ передъ смертью увѣщевалъ своихъ сыновей жить въ мирѣ и поручалъ младшимъ

---

[1]) Отдѣльно стоитъ статья 6559 года о началѣ Печерскаго монастыря.

[2]) Н. В. Шляковъ, „850 лѣтъ со дня кончины в. к. Ярослава I Мудраго" (Спб. 1907); отт. изъ Журн. Мин. Нар. Пр.

слушаться старшаго Изяслава. Во всякомъ случаѣ можно съ полною увѣренностью предполагать, что статьи 6562 и 6581 годовъ составлены однимъ лицомъ, принадлежатъ одному автору: подъ 6562 годомъ лѣтописецъ подробно сообщаетъ о томъ, какъ Ярославъ заповѣдалъ сыновьямъ «не преступати предѣла братня, ни сгонити», а подъ 6581 онъ выступаетъ обличителемъ Святослава и Всеволода, прогнавшихъ брата, преступившихъ предѣлъ чюжій. Отсюда слѣдуетъ, что статья 6562 года принадлежитъ составителю не Древн. свода, а продолженія къ этому своду.

Итакъ, мы ищемъ окончанія Древн. свода въ одной изъ статей, предшествовавшихъ статьѣ 6562 (1054) года и относящихся, слѣдовательно, къ княженію Ярослава. Въ концѣ этого княженія находимъ весьма мало извѣстій: послѣднее относящееся къ самому Ярославу извѣстіе принадлежитъ статьѣ 6555 (1047) года: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру»; засимъ два года оставлены пустыми; подъ 6558 находимъ въ Повѣсти вр. лѣтъ извѣстіе о смерти жены Ярослава, которое содержитъ признаки новгородской записи, какъ потому что Ирина скончалась въ Новгородѣ (она похоронена въ мѣстномъ Софійскомъ соборѣ), такъ и потому, что въ Новгородской лѣтописи запись сохранена въ болѣе полномъ видѣ, въ ней указанъ день смерти княгини [1]); слѣдовательно можно думать, что первоначально 6558 годъ оставался пустымъ. Подъ 6559 годомъ находимъ извѣстіе о поставленіи митрополита Иларіона и стоящую въ связи съ этимъ статью о началѣ Печерскаго монастыря; какъ увидимъ ниже, статья эта первоначально читалась не подъ 6559, а подъ 6570 годомъ; извѣстіе о поставленіи Иларіона представляется извлеченнымъ изъ этой статьи; ср. общія въ этомъ извѣстіи и въ статьѣ слова: «постави митрополитомъ въ святѣй Софии»; слѣдовательно, и 6559 годъ оставался первоначально (въ сводѣ, предшествовавшемъ Начальному своду) пустымъ. Подъ 6560 годомъ читается въ Повѣсти вр. л. извѣстіе о кончинѣ Владиміра Яросла-

---

[1]) Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й: 10-е февраля. То же въ Ипат., причемъ Ипатьевская слѣдуетъ здѣсь, вѣроятно, общерусскому своду начала XIV в., воспользовавшемуся новгородскими источниками.

вича: бо̀льшая обстоятельность записи въ Новгородской лѣтописи (въ ней указанъ день мѣсяца и день недѣли, когда умеръ Владиміръ) [1]), да и самая редакція ея въ Повѣсти вр. л. («и положенъ бысть в святѣи Софии, юже бѣ самъ создалъ») дѣлаютъ вѣроятнымъ новгородское происхожденіе извѣстія 6560 года; слѣдовательно, и этотъ годъ оставался въ сводѣ, предшествовавшемъ Нач. своду, пустымъ. Наконецъ, подъ 6561 (1053) годомъ помѣщено извѣстіе о рожденіи у Всеволода Ярославича сына Владиміра; имѣя въ виду, что передъ нимъ стояло пять пустыхъ годовъ, а что слѣдующее за нимъ извѣстіе—кончина Ярослава принадлежитъ уже составителю продолженія къ Древн. своду (см. выше), можно съ большою вѣроятностью отнести внесеніе этого извѣстія 6561-го года насчетъ послѣдующихъ сводчиковъ. Синодальный списокъ Новгородской 1-й лѣтописи, вопреки всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ Повѣсти вр. л., сообщаетъ подъ 6558 (1050) годомъ о рожденіи Святополка. Въ виду извѣстной намъ исторіи Синод. списка (глава VIII), можно возвести это извѣстіе ко второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ; извѣстіе же о рожденіи Владиміра должно, повидимому, возвести къ старшему своду; Комм. списокъ доказываетъ, что оно читалось уже въ Начальномъ сводѣ. Появленіе же его въ Нач. сводѣ такъ же мало доказываетъ то, что оно находилось уже въ Древн. сводѣ, какъ появленіе извѣстія о рожденіи Святополка во второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ не доказываетъ, чтобы это извѣстіе восходило къ первой редакціи или къ Нач. своду [2]). Считаемъ поэтому возможнымъ, что въ Древн. сводѣ не читалось и это извѣстіе 6561 (1053) года и что, слѣдовательно, Древн. сводъ доходилъ только до приведеннаго выше извѣстія 6555 (1047) года о походѣ Ярослава на Мазовшанъ. Но и это заключеніе наше относительно объема Древн. свода потерпитъ ниже измѣненіе.

§ 224. Сначала провѣримъ приведенное заключеніе ссылкою на памятникъ, ближайшимъ образомъ связанный съ Древн. сводомъ. Въ главахъ VIII—XI нами опредѣленъ въ общихъ чертахъ

---

[1]) Синод. сп. Новгор. 1-й; Соф. 1-я и Новгор. 4-я.

[2]) Надо имѣть въ виду, что Святополкъ былъ моложе Мстислава Изяславича; годъ рожденія послѣдняго не отмѣченъ.

составъ Новгородскаго свода XI вѣка; рядъ указаній, извлекаемыхъ для возстановленія этого памятника изъ Повѣсти вр. лѣтъ, Синод. списка, Новгор. свода 1448 года и др., свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основаніе этого Новгородскаго свода XI вѣка былъ положенъ Древнѣйшій Кіевскій сводъ. Мы доказывали, что въ составѣ Новгородскаго свода XI вѣка читались статьи и извѣстія, заимствованныя изъ Кіевскаго свода; матеріалъ, извлеченный изъ послѣдняго, передавался въ сокращеніи и со значительными пропусками. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью предполагать, что общія Новгородскому съ Кіевскимъ сводомъ статьи и извѣстія, заимствованныя первымъ изъ послѣдняго, не переходили за 6547 (1039) годъ. Какъ мы знаемъ изъ §§ 124, 172, 173, 177, 181 и 184, въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка подъ 6525 годомъ были кратко изложены слѣдующія извѣстія Кіевскаго свода: о побѣдѣ Ярослава надъ Брячиславомъ (6528 г.), о походѣ Ярослава къ Берестію (6538), о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и отраженіи ихъ Ярославомъ (6544) и, наконецъ, о закладкѣ Ярославомъ города Кіева, закладкѣ и окончаніи церкви св. Софіи и построеніи имъ многихъ другихъ церквей (6545 и 6547). За этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, въ Новгородскомъ сводѣ XI в. излагались уже самостоятельно, независимо отъ Кіевскаго свода, свои мѣстныя, новгородскія извѣстія; среди нихъ находимъ и такія извѣстія, какъ походъ Владиміра Ярославича на Грековъ; это объясняется тѣмъ, что Владиміръ былъ княземъ новгородскимъ, онъ сидѣлъ съ 6544 (1036) года въ Новгородѣ. Отмѣченный составъ Новгородскаго свода, его отношеніе къ своду Кіевскому легко объясняются при предположеніи, что самъ Кіевскій сводъ оканчивался почти тамъ же, гдѣ прекращаются заимствованія изъ него въ сводъ Новгородскій: мы указали, что эти заимствованія доходятъ до 1039 года; мы видѣли выше, что Древн. сводъ оканчивался, быть можетъ, 1047 годомъ.

§ 224[1]. Между статьей 1039 года объ освященіи св. Софіи митр. Ѳеопемптомъ и извѣстіемъ 1047 года въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ находимъ краткія извѣстія 1040 и 1041 гг. о походахъ Ярослава на Литву и Мазовшанъ; извѣстіе 1042 о походѣ Владиміра на Емь; статью 1043 года съ изложеніемъ похода

Владиміра на Грековъ; краткое извѣстіе объ отдачѣ въ замужество за Казиміра сестры Ярослава и возвращеніи Казиміромъ взятыхъ въ плѣнъ его дѣдомъ русскихъ семействъ; извѣстіе 1044 года объ извлеченіи изъ земли останковъ Ярополка и Олега Святославичей; статью 1044 года о смерти Брячислава и вокняженіи въ Полоцкѣ Всеслава; наконецъ, извѣстіе 1045 года о закладкѣ Владиміромъ св. Софіи въ Новгородѣ. Относительно этихъ статей и извѣстій Повѣсти вр. лѣтъ, читавшихся, повидимому, и въ Начальномъ сводѣ, возникаетъ сомнѣніе, точно ли всѣ они читались въ Древн. сводѣ, главномъ источникѣ Начальнаго свода, и не должно ли ихъ возвести къ Новгородскому своду или къ иному второстепенному источнику Начальнаго свода. Сомнѣніе это тѣмъ законнѣе, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ статей 6548—6553 (1040—1045) годовъ во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью возвести къ Новгородскому своду: таковы извѣстія 6550 (1042) о походѣ Владиміра на Емь и 6553 (1045) объ освященіи Новгородской св. Софіи; извѣстіе же 6551 (1043) года о женитьбѣ Казиміра и возвращеніи имъ плѣнныхъ должно быть, въ виду соображеній, высказанныхъ въ § 191[16], возведено къ Житію Антонія. Итакъ, изслѣдованію нашему подлежатъ остальныя извѣстія: 6548 (1040), 6549 (1041), 6551 (1043) и 6552 (1044) гг.

Относительно перваго извѣстія статьи 6552 года объ извлеченіи изъ земли останковъ Святославичей выше, въ § 114 высказано предположеніе, что оно восходитъ къ заимствованіямъ изъ княжескаго помянника, основывавшагося на записяхъ Десятинной церкви св. Богородицы; заимствованія эти въ лѣтопись внесены составителемъ Начальнаго свода; слѣдовательно, этого извѣстія не было въ Древнѣйшемъ сводѣ. Въ § 127 было высказано предположеніе, что извѣстія о кончинѣ Брячислава, вокняженіи Всеслава и обстоятельствахъ его рожденія заимствованы въ Начальный сводъ изъ Новгородскаго.

Обращаемся къ статьямъ 6548 и 6549 годовъ: «В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву. В лѣто 6549. Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодьяхъ». Оба эти извѣстія признаю извлеченными изъ Новгородскаго свода по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, сходное съ ними извѣстіе, помѣщенное выше подъ 6546, «Яро-

славъ иде на Ятвягы», должно быть опредѣлено какъ новгородское, въ виду того, что въ новгородскихъ сводахъ оно изложено подробнѣе, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ; въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаемъ: «И иде Ярославъ веснѣ Кыеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Во-вторыхъ, извѣстіе о походѣ Ярослава на Литву читается и въ новгородскихъ сводахъ, правда подъ 6552 (а не 6548) годомъ, въ тѣсномъ соединеніи съ несомнѣнно новгородскимъ извѣстіемъ [1]): «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и сдѣла и҆».

§ 224². Полагая, что отождествленіе извѣстія 6548 года «Ярославъ иде на Литву» съ новгородскимъ извѣстіемъ 6552 года «Ходи Ярославъ на Литву» должно окончательно разрѣшить вопросъ о новгородскомъ происхожденіи извѣстія 6548 года, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на объясненіи, почему эти извѣстія, если они тождественны, читаются въ Повѣсти вр. лѣтъ и Новгородскомъ сводѣ 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) подъ разными годами. Отмѣчу прежде всего, что въ Новгородскомъ сводѣ 1448 года (это видно также и изъ Комм. списка) извѣстіе «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и съдѣла и҆ «помѣщено между двумя извѣстіями,—объ извлеченіи останковъ Святославичей и смерти Брячислава,—читаемыми въ Повѣсти вр. лѣтъ одно вслѣдъ за другимъ. Вижу въ этомъ указаніе на то, что приведенное извѣстіе уже въ новгородскомъ источникѣ общерусскаго свода 1423 года (изъ котораго произошелъ Новгор. сводъ 1448 г.) читалось въ тѣсной связи или съ предшествующимъ или съ послѣдующимъ ему извѣстіемъ Повѣсти вр. лѣтъ (и Начальнаго свода); но новгородскій источникъ общерусскаго свода 1423 года, какъ мы знаемъ изъ главы X, опредѣляется какъ сводъ 1167 года, положившій въ свое основаніе Повѣсть вр. лѣтъ и дополнившій это основаніе по Древнему Новгородскому своду. Такимъ образомъ заключаемъ, что уже въ сводѣ 1167 года интересующее насъ извѣстіе (или, какъ окажется ниже, часть его) читалось между извѣстіями объ извлеченіи останковъ Святославичей и о смерти Брячислава. Отвѣчая на вопросъ, по-

---

[1]) Извѣстію 6546 о походѣ на Ятвяговъ также предшествуетъ несомнѣнно новгородское извѣстіе: „И иде Ярославъ веснѣ Кыеву“.

чему же въ этомъ сводѣ оно попало между обоими этими извѣстіями, ищемъ причину не въ главномъ источникѣ свода 1167 г.— Повѣсти вр. лѣтъ, ибо въ этомъ источникѣ оба извѣстія (объ извлеченіи останковъ Святославичей и о смерти Брячислава) читались одно за другимъ, а во второмъ его источникѣ—въ Древнемъ Новгородскомъ сводѣ. Въ этомъ сводѣ интересующее насъ извѣстіе читалось, очевидно, въ тѣсной связи съ предшествующимъ или послѣдующимъ ему извѣстіемъ; скажемъ теперь опредѣленнѣе — въ этомъ сводѣ читалось при интересующемъ насъ извѣстіи одно изъ двухъ сопутствовавшихъ ему въ сводѣ 1167 г. извѣстій—или извѣстіе объ извлеченіи останковъ, или извѣстіе о смерти Брячислава. Принимая во вниманіе сдѣланное выше указаніе на то, что извѣстіе о смерти Брячислава по происхожденію своему новгородское, заключаю, что въ Древнемъ Новгородскомъ сводѣ подъ 6552 годомъ читались: 1) интересующее насъ извѣстіе (или, какъ окажется, ниже часть его), 2) извѣстіе о смерти Брячислава. Сводъ 1167 года, вѣрный своему правилу помѣщать сначала извѣстія Повѣсти вр. лѣтъ, а потомъ извѣстія новгородскаго источника (§ 151), послѣдовалъ ему и здѣсь: послѣ извѣстія Повѣсти вр. лѣтъ объ извлеченіи останковъ Святославичей онъ помѣстилъ два извѣстія новгородскаго источника (изъ которыхъ второе читалось и въ Повѣсти вр. лѣтъ, какъ попавшее изъ Новгородскаго свода еще въ Начальный сводъ). Итакъ предложенныя соображенія ведутъ насъ къ выводу, что послѣдовательность, въ которой въ статьѣ 6552 года читались въ сводѣ 1167 года интересующее насъ извѣстіе (или, какъ окажется ниже, часть его) и извѣстіе о смерти Брячислава, служитъ доказательствомъ того, что оба эти извѣстія происхожденія новгородскаго.

Далѣе остановлюсь на томъ обстоятельствѣ, что въ сводѣ 1448 года интересущее насъ извѣстіе, судя по Коммиссіонному списку, читалось нѣсколько иначе, чѣмъ въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; въ Комм. спискѣ оно изложено такъ: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну же Володимиръ заложи Новъгородъ и сдѣла его». Чтеніе Комм. списка предпочтительнѣе передъ чтеніемъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й потому, что подъ слѣдующимъ годомъ сообщается о закладкѣ тѣмъ же Владиміромъ св. Софіи

новгородской; сомнительно, чтобы Ярославъ могъ пробыть въ Новгородѣ то немалое время, котораго требовала постройка городской стѣны (ср.: «и сдѣла ѝ»), въ особенности если стѣна была каменная (не вижу возраженій противъ этого). Въ виду этого признаю пропускъ имени Владиміра въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й позднѣйшимъ.

§ 224³. Наконецъ, обращаю вниманіе на ту редакцію перваго извѣстія статьи 6552 года, которую представляютъ, съ одной стороны, сводъ 1448 года (Соф. 1-я и Новгор. 4-я), а съ другой, Ипатьевская лѣтопись: въ этой редакціи къ словамъ Повѣсти вр. л. по Лавр., Радзив. и др. спискамъ «и положиша я въ церкви святыя Богородица» прибавлено «въ Володимери». Какъ понять эту странную прибавку, чѣмъ она могла быть вызвана? Какъ могъ редакторъ придти къ мысли, что останки Ярополка, убитаго въ Кіевѣ, похоронены во Владимірѣ? Не естественнѣе ли было комментировать церковь св. Богородицы указаніемъ на то что дѣло идетъ о кіевской Десятинной церкви? Мнѣ кажется, что подобная прибавка «въ Володимери» могла явиться только въ результатѣ какого-нибудь недоумѣнія. Имѣя въ виду, что Ипатьевская лѣтопись обнаруживаетъ въ рядѣ случаевъ общія чтенія со сводомъ 1448 года, зависѣвшія отъ того, что въ основаніи Ипатьевской лежитъ общерусскій сводъ начала XIV в., между тѣмъ какъ сводъ 1448 года основывается на позднѣйшей редакціи этого же общерусскаго свода, редакціи 1423 года, я думаю, что чтеніе «въ Володимери» должно быть возведено къ общерусскому своду начала XIV вѣка. Въ числѣ источниковъ этого общерусскаго свода была и новгородская лѣтопись: въ этой лѣтописи, какъ мы видѣли, за извѣстіемъ объ извлеченіи останковъ Святославичей читалось о построеніи Владиміромъ Ярославичемъ стѣны новгородской. И вотъ, на основаніи неудачной прибавки къ предшествующему извѣстію словъ «въ Володимери», заключаемъ, что извѣстіе о построеніи стѣны новгородской начиналось именемъ Володимера, что оно сообщало, такъ же какъ Коммиссіонный списокъ, о построеніи стѣны Владиміромъ Ярославичемъ. Слѣдовательно, этому извѣстію не предшествовало то, что читалось передъ нимъ въ сводѣ 1448 года (ср. Комм., Соф. 1-ю и Новгор. 4-ю),— передъ нимъ не было словъ «Ходи Ярославъ на Литву». Отсюда

заключаемъ, что эти слова перенесены въ сводѣ 1448 года или въ предшествующемъ сводѣ 1423 г. изъ другой статьи, а это даетъ намъ основаніе думать, что слова эти въ сводѣ 1423 года перенесены изъ статьи 6548 года, гдѣ по спискамъ Повѣсти вр. лѣтъ читается: «Ярославъ иде на Литву». Намъ остается объяснить, чѣмъ же могло быть вызвано подобное перенесеніе. Предполагаемъ, что въ статьѣ 6548 года новгородскій источникъ общерусскаго свода сообщалъ сначала о походѣ Ярослава на Литву, а потомъ о закладкѣ Владиміромъ Новгорода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»; въ статьѣ же 6552 года сообщалось объ окончаніи города Владиміромъ, быть можетъ, въ такой формѣ: «Володимеръ съвърши городъ Новъгородъ» или «Володимеръ постави городъ Новъгородъ» [1]). Въ общерусскомъ сводѣ начала XIV в. (источникѣ Ипатьевской лѣтописи) имя Володимеръ было прочтено какъ Володимери и отнесено къ предшествующему извѣстію: такимъ образомъ, вмѣсто «и положиша я въ церкви святыя Богородица. Володимеръ же постави городъ Новъгородъ», было прочтено: «и положиша я въ церкви святыя Богородица Володимери. Постави городъ Новугороду» [2]). Въ общерусскомъ сводѣ 1423 г. извѣстіе «Постави городъ Новугороду» комментировано и исправлено на основаніи предположенія составителя свода о томъ, что это извѣстіе тождественно съ читавшимся выше подъ 6548 въ новгородскомъ источникѣ свода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»; въ результатѣ получилось подъ 6552 годомъ, вмѣсто извѣстія «постави городъ Новъгородъ» слѣдующее исправленное извѣстіе: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну

---

[1]) Ср. сообщеніе Новгор. 1-й о томъ, что въ 6839 (1331) владыка Василій заложилъ часть каменной стѣны новгородской, а подъ 6841 (1333): „Того же лѣта архиепископъ Новгородьскыи Василий постави городъ каменъ въ два лѣта". Причина продолжительности строенія стѣны при Владимірѣ могла заключаться въ томъ, что Владиміръ въ предшествующемъ 1043 году былъ отвлеченъ походами на Грековъ и на Емь.—Возможно, что „Новъгородъ" въ возстановленой выше фразѣ было совсѣмъ опущено.

[2]) Ипатьевская опустила „постави городъ Новугороду" потому, что (подъ вліяніемъ другихъ своихъ источниковъ) опускала новгородскія извѣстія общерусскаго свода.

Володимеръ заложи Новъгородъ и сдѣла и». Подъ 6548 годомъ осталось въ сводѣ 1423 года подъ вліяніемъ другихъ его источниковъ извѣстіе Повѣсти вр. л.: «Иде Ярославъ на Литву». Итакъ, считаемъ себя въ правѣ признать это извѣстіе Повѣсти вр. л. и Начальнаго свода новгородскимъ: изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ первоначальной редакціи оно было тѣсно связано съ слѣдовавшимъ за нимъ новгородскимъ извѣстіемъ «а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»..

Возвращаясь къ предыдущему, видимъ, что изъ двухъ краткихъ извѣстій—6548 и 6549 года первое восходитъ къ новгородскому источнику Начальнаго свода. Это даетъ намъ основаніе предположить, что и извѣстіе 6549 г.: «Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодияхъ» попало въ Начальный сводъ также изъ его новгородскаго источника. Такимъ образомъ видимъ, что въ предѣлахъ 1040—1045 годовъ только одно извѣстіе—статья 1043 года о походѣ Владиміра на Грековъ—можетъ быть возведено къ главному источнику Начальнаго свода—Древнѣйшему своду; все остальное восходитъ къ источникамъ второстепеннымъ—Новгородскому своду, Житію Антонія и княжескому помяннику.

§ 225. Мы оказываемся лицомъ къ лицу съ слѣдующимъ явленіемъ: анализъ Новгородскаго свода XI вѣка даетъ указанія на то, что его кіевскій источникъ доходилъ только до 6547 (1039) года; анализъ Начальнаго свода (Повѣсть вр. л.) показываетъ, что Древнѣйшій Кіевскій сводъ оканчивался извѣстіемъ 6555 (1047) года, причемъ, однако, между этимъ извѣстіемъ и статьей 1039 года читался разсказъ 6551 (1043) о походѣ Владиміра на Грековъ. Это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что Древн. Кіевскій сводъ оканчивался именно статьей 6547 (1039) года объ освященіи св. Софіи въ Кіевѣ, а что разсказъ о походѣ Владиміра на Грековъ и извѣстіе 6555 (1047) года о походѣ Ярослава на Мазовшанъ присоединены лишь впослѣдствіи—продолжателемъ Древн. свода или составителемъ Нач. свода. Вѣроятность этого увеличивается еще слѣдующимъ соображеніемъ.

О походѣ Ярослава на Мазовшанъ мы имѣемъ три извѣстія: два въ Повѣсти вр. л. подъ 6548 и 6555; третье читается въ

сводѣ 1448 года (Соф. 1-й и Новг. 4-й) подъ 6551 (1043) годомъ: «И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ дващи на Мазовшаны, и рече Казимиру: еди отець твой, побѣдивъ мя, и плѣнилъ люди моя за ся, то дай ми за вѣно»; далѣе слѣдуетъ извѣстіе о возвращеніи Казимиромъ плѣненныхъ Болеславомъ людей. Откуда это извѣстіе? Возможны два объясненія его: или оно сочинено составителемъ свода 1448 г. (точнѣе предшествовавшаго ему свода 1423 г.) на основаніи извѣстія Пов. вр. л. 1047 года, или оно заимствовано изъ Житія Антонія, бывшаго, какъ мы знаемъ, источникомъ для свода 1423 года (§§ 191[13] и сл.). Первое объясненіе не представляется вѣроятнымъ какъ потому, что самое извѣстіе 1047 года передано въ сводѣ 1423 г. ниже полностью, такъ и потому, что сама Повѣсть вр. л. не давала никакого основанія ставить въ связь походъ Ярослава на Моислава Мазовецкаго съ возвращеніемъ плѣненныхъ Болеславомъ русскихъ семействъ (ср. слова Ярослава, сказанныя имъ Казимиру послѣ похода на Моислава). Напротивъ, за второе объясненіе говорила бы та связь, которая устанавливается сводомъ 1448 г. между обоими извѣстіями (походомъ на Мазовшанъ и возвращеніемъ плѣнныхъ); а что извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ восходитъ къ Житію Антонія, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія, въ виду высказанныхъ въ §§ 191[15]—191[16] соображеній. Но если мы допустимъ что Житіе Антонія говорило о походѣ или походахъ Ярослава на Моислава Мазовецкаго, то съ полною вѣроятностью примемъ и слѣдующее предположеніе: въ этомъ же Житіи сообщалось объ окончательной побѣдѣ Ярослава надъ Моиславомъ и покореніи Мазовшанъ Казимиру, т.-е. въ немъ читалось то самое извѣстіе, что имѣется подъ 1047 годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ; быть можетъ, оно предшествовало непосредственно извѣстію объ отдачѣ Казимиромъ сестры своей въ замужество за Изяслава Ярославича (и это извѣстіе попало въ сводъ 1448 г.). Слѣдовательно, мы получаемъ возможность утверждать, что извѣстіе 6555 (1047) года заимствовано въ Начальный сводъ (Повѣсть вр. л.) изъ Житія Антонія, заимствовано одновременно съ извѣстіемъ о возвращеніи Казимиромъ плѣнныхъ; оно помѣщено подъ 6555 (1047) годомъ, между тѣмъ какъ извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ— подъ 6551 (1043) годомъ, быть можетъ, потому, что въ Житіи

Антонія содержалось указаніе на «четвертое же лѣто» передъ извѣстіемъ объ окончательной побѣдѣ Ярослава надъ Моиславомъ Мазовецкимъ [1]).

Итакъ, мы съ большою вѣроятностью устраняемъ извѣстіе 6555 (1047) года изъ состава Древн. Кіевскаго свода. Это еще болѣе приближаетъ насъ къ тому предѣлу, который устанавливается для этого свода Новгородскимъ сводомъ XI вѣка—къ 6547 (1039) году. Неяснымъ остается только извѣстіе 6551 (1043) года о походѣ Владиміра. Если исключимъ изъ соотвѣтствующей статьи Повѣсти вр. лѣтъ слова «И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай», какъ восходящія къ Новгородскому своду [2]), то получимъ разсказъ совершенно несходный съ соотвѣтствующимъ разсказомъ Новгородскаго свода. Но Новгородскому своду кіевскій разсказъ остался, очевидно, неизвѣстнымъ, такъ какъ вмѣсто него находимъ у него свое самостоятельное повѣствованіе. Имѣя въ виду значительность событія 1043 года, я думаю, что разсказъ о немъ можно приписать современнику, дополнившему имъ текстъ Древнѣйшаго свода. Ниже укажу, что его разсказъ дошелъ до насъ не въ первоначальномъ, а обосложненномъ вставками видѣ.

§ 226. Повторимъ еще разъ: Новгородскій сводъ XI вѣка свидѣтельствовалъ о томъ, что Древн. сводъ оканчивался статьей 6547 (1039) года о построеніи Ярославомъ церквей и установленіи имъ митрополіи; анализъ Повѣсти вр. лѣтъ (Нач. свода) приводитъ къ указанію, что послѣдними статьями Древн. свода были: извѣстіе 6547 (1039) года объ освященіи церкви Ѳеопемптомъ и разсказъ о походѣ Владиміра на Грековъ въ 6551 (1043) году. Если мы предположимъ, что разсказъ объ этомъ походѣ составленъ и приписанъ позже къ Древн. своду, то придемъ къ выводу,

[1]) Выше, въ § 191[17] было указано, почему извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ отнесено было на основаніи Житія Антонія къ 6551 году.

[2]) Ср. § 171, гдѣ указано на то, что новгородское извѣстіе говорило о лодьяхъ Владиміровыхъ, въ противоположность кіевскому, сообщавшему о корабляхъ; кромѣ того сообщеніе о прибытіи къ устью Дуная имѣетъ смыслъ именно въ новгородскомъ источникѣ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ начались разногласія между Русью и Варягами, входившими въ составъ Владимірова войска, разногласія, о которыхъ сообщилъ этотъ источникъ.

что показанія Новгородскаго свода и Повѣсти вр. лѣтъ совпадаютъ вполнѣ. Замѣтимъ, что извѣстіе 6547 (1039) года должно быть поставлено въ прямую связь съ предшествующею статьей 6545 (1037) года, ибо, основываясь на томъ, что 4 октября (день освященія св. Софіи) приходилось на воскресеніе именно въ 1039 году, мы принимаемъ, что въ ней сообщалось объ освященіи не Десятинной церкви, а церкви св. Софіи, русской митрополіи; ср. въ Новгор. сводѣ XI в.: «и цьркъвь святую заложи камяну и устави митрополию» (§§ 172, 181, ср. свидѣтельство Львовской и Ермол. лѣтописей). Приходится предположить, что извѣстіе объ освященіи церкви Ѳеопемптомъ читалось въ составѣ статьи 6545 (1037) года и извлечено или составителемъ продолженія къ Древн. своду или составителемъ Нач. свода изъ этой статьи. Такое предположеніе напрашивается само собой, когда мы сообразимъ, что въ этой статьѣ говорится объ окончаніи св. Софіи: Ярославъ положилъ книги «въ святѣи Софии, юже създа самъ; и украси ю златъмь и сребръмь и съсуды цьркъвьными, в неи же обычьныя пѣсни Богу въздають въ годы обычьныя». Не стояли ли слова «священа же бысть въ лѣто 6547 митрополитъмь Ѳеопентъмь» передъ фразой: «въ ней же обычьныя пѣсни Богу въздаютъ въ годы обычьныя»?

§ 227. Мы привели основанія для утвержденія, что Древн. Кіевскій сводъ оканчивался статьей 6547 (1039) года, содержавшею извѣстіе объ учрежденіи Ярославомъ митрополіи, и восхваленіемъ просвѣтительной дѣятельности Ярослава. Нашъ выводъ подсказываетъ намъ рядъ дальнѣйшихъ заключеній относительно времени и мѣста составленія Древн. свода. Сопоставляемъ слѣдующія два мѣста въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ (Начальнаго свода). Подъ 6485 (977) годомъ, въ разсказѣ о войнѣ Ярополка съ Олегомъ Древлянскимъ, читаемъ: «И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего». Подъ 6552 (1044) находимъ: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Слѣдовательно, съ 1044 года могила Ольгова уже не существовала близъ города Вручаго; она была разрыта (если, дѣйствительно, Олегъ былъ погребенъ близъ этого города), и останки Олега были перенесены въ церковь св.

Богородицы. Отсюда видимъ, что статья 6485 года, содержащая приведенную выше фразу, составлена до 1044 года. Этотъ выводъ нашъ согласуется съ тѣмъ, что Древн. сводъ доходилъ только до 1039 года; онъ составленъ, очевидно, до 1044 года. Слѣдовательно, составленіе Древн. свода надо отнести на время 1039—1044 гг. Предполагаемъ, что годомъ составленія свода былъ 1039-й или 1040-й.

Въ 1039-мъ году была окончена постройка св. Софіи; вѣроятно, въ этомъ же году была учреждена русская митрополія. Составленіе Древнѣйшаго свода, какъ кажется, стояло въ связи съ обоими этими событіями. Мы видимъ, что именно эти событія вызываютъ лѣтописца на длинныя разсужденія о распространеніи христіанства на Руси при Ярославѣ; они побуждаютъ его разсказать о просвѣтительной дѣятельности Ярослава; написанныя Ярославомъ книги оказываются положенными имъ въ святой Софіи; вскользь упомянувъ о другихъ церквахъ и монастыряхъ, поставленныхъ Ярославомъ, лѣтописецъ останавливается подробно только на церкви св. Софіи: «украси ю златомь и сребромь и сосуды церковными»; только о ней онъ сообщаетъ, что ее освятилъ митрополитъ Ѳеопемптъ, только о ней онъ говоритъ, что въ ней «обычныя пѣсни Богу въздають в годы обычныя». Связь лѣтописца съ церковью св. Софіи очевидна; она упрочивается рѣшительно тѣмъ обстоятельствомъ, что свой трудъ лѣтописецъ предпринялъ одновременно съ основаніемъ этой церкви. Думаю, что учрежденіе митрополіи Русской стало побудительной причиной къ составленію Русскаго лѣтописца. Мы видѣли въ главѣ IX, что возведеніе новгородскаго владычества въ архіепископію вызвало появленіе новой, распространенной редакціи владычняго свода. Мы говорили въ главѣ X о митрополичьихъ сводахъ сѣверовосточной Руси, время отъ времени возобновлявщихся и дававшихъ направленіе всему современному имъ лѣтописанію. Ставимъ вопросъ: не перешла ли къ намъ въ Россію изъ Греціи эта связь епископскихъ и митрополичьихъ каѳедръ съ лѣтописнымъ дѣломъ? Не слѣдовалъ ли митрополитъ Ѳеопемптъ освященному на родинѣ своей примѣру, когда, сдѣлавшись первымъ русскимъ митрополитомъ, побудилъ кого-

либо изъ своихъ причетниковъ составить первую русскую лѣтопись?

§ 227¹. Весьма важна для опредѣленія времени составленія Древнѣйшаго свода легко обнаруживающаяся связь между Словомъ о законѣ и благодати и нашею древнею лѣтописью. Въ лѣтописи и въ названномъ памятникѣ оказывается рядъ общихъ мѣстъ; ихъ такъ много, что это нельзя объяснить случайностью. Перечислимъ ихъ здѣсь. Во-первыхъ, находимъ много общаго въ текстѣ Слова о законѣ и благодати съ Рѣчью философа; оставляю въ сторонѣ отрывокъ съ изложеніемъ пророчествъ; онъ вставленъ въ Слово изъ лѣтописи, что показываетъ отсутствіе его во многихъ спискахъ; укажу на такія соотвѣтствія, какъ въ Словѣ: «и отъгнани быша Июдѣи и расточени по странамъ, и чада благодатная крестьянии наслѣдници быша Богу и Отцю», въ Рѣчи философа: «и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеяномъ»; въ Словѣ: «пришедши бо Римлянѣ плѣнишa Иерусалимъ и разбиша и до основанья его... и росѣяни быша Июдѣи по странамъ», въ Рѣчи философа: «и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ». Въ Словѣ и въ Рѣчи философа читаемъ приблизительно въ сходныхъ выраженіяхъ: «Рече же Гедеонъ къ Богу: да будетъ суша на рунѣ токмо, и по всеи же земли роса; и бысть тако». Во-вторыхъ, находимъ общія мѣста въ Словѣ и лѣтописи въ тѣхъ частяхъ, гдѣ Слово говоритъ объ обращеніи Руси въ христіанство; такъ, въ Словѣ: «Благословенъ Господь Израилевъ, яко посѣти и створи избавленье людемъ своимъ... въводя въ обновленье пакы бытья в жизнь вѣчную», въ лѣтописи: «Благословенъ Господь, иже возлюби новыя люди... помилова бо ны пакы банею бытия». Въ-третьихъ, особенно много общаго въ Словѣ и въ лѣтописи найдемъ въ той части, гдѣ Слово говоритъ о Владимірѣ; въ Словѣ: «и заповѣда по всеи земли своеи креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа... и всимъ быти крестьяномъ, малымъ и великымъ, рабомъ и свободнымъ, оунымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого противляющагося благочестьному его повелѣнію»; въ лѣтописи: «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто на рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, проти-

венъ мнѣ да будеть. Се слышавше людье с радостью идяху» [1]). Въ Словѣ: «вси людие... въславиша, глаголюще... велии еси, Господи, чюдна дѣла Твоя», въ лѣтописи: «Тѣмъ же и мы припадаемъ к нему, глаголюще... велий бо еси и чюдна дѣла Твоя». Въ Словѣ: «Не видѣ апостола, пришедша в землю твою... не видѣ бѣсъ изгонящь именемъ Христовымъ... сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣровавъ»?; въ лѣтописи: «яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога». Въ Словѣ, какъ и въ лѣтописи, послѣ сообщенія о милостыняхъ Владиміра прибавлено: «слышалъ бо бѣ» (въ лѣт.: «слыша бо единою»). Въ-четвертыхъ, въ Словѣ оказывается общее мѣсто со статьей объ Ольгѣ: «и съ сими помыслы вниде въ умъ и въ святую купѣль, и еже инѣмъ уродьство мнится, тобѣ сила намѣнится», ср. въ лѣтописи: «невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть».

Въ виду приведенныхъ сближеній считаю вѣроятнымъ, что Слово о законѣ и благодати использовало лѣтопись. Косвенное на это указаніе нахожу и въ слѣдующемъ мѣстѣ Слова: «Похвалимъ же и мы... кагана нашеи земли Володимира, внука стараго Игоря, сына же Святославля славнаго, иже въ своя лѣта владычествующю, мужьствомъ и храборьствомъ прослувшю въ странахъ многахъ и поминаються нынѣ и словуть». Объ Игорѣ и Святославѣ поминала древняя лѣтопись. Принимая во вниманіе, что Слово составлено во всякомъ случаѣ до кончины Ярослава, заключаю о существованіи древней лѣтописи до 1054 года.

§ 228. Не имѣемъ основанія думать, чтобы основанная въ 1039 году русская лѣтопись продолжалась затѣмъ при св. Софіи, чтобы при дворѣ кіевскаго митрополита велась погодная запись событій, подобно тому какъ такая запись имѣла мѣсто при дворѣ новгородскаго владыки. Но приписываемъ кіевскому митрополиту, въ виду только что высказанныхъ соображеній, починъ въ великомъ дѣлѣ лѣтописанія, прославившаго Русскую землю. Было

---

[1]) Близко къ Слову читаемъ у Нестора въ Чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ „и сеи чюднѣи заповѣди бо ишедши, якоже преже рекохомъ (ср. выше: „а днесь повелѣваеть хрьстити во имя Отца и Сына и Святаго Духа“), всѣмъ хрьститися и всѣмъ грядущемъ крещению, ни понѣ единому супротивящюся“... Возможно, что Несторъ зналъ Слово о законѣ и благодати.

время, когда начатое митрополитомъ дѣло заглохло, веденіе лѣтописи при церкви св. Софіи не наладилось; Древнѣйшій сводъ не получалъ продолженія въ видѣ ежегодныхъ или періодическихъ записей. Причины этого ищемъ въ разыгравшихся вскорѣ послѣ 1039 года событіяхъ; въ 1043 году произошелъ разрывъ съ Греціей; миръ былъ возстановленъ не ранѣе 1046 года; какое положеніе занялъ при этомъ въ отношеніи къ Ярославу митрополитъ Ѳеопемптъ, неясно; но едва ли не въ связи съ охлажденіемъ, происшедшимъ между Русью и Царьградомъ, стоитъ то обстоятельство, что въ 1051 году Ярославъ поставилъ митрополитомъ русина Иларіона, собравъ для этого избранія въ св. Софіи русскихъ епископовъ. Поставленіе Иларіона характеристично не только для международныхъ отношеній, созданныхъ политикой Ярослава; оно знаменовало собой ростъ національныхъ силъ духовныхъ. Этотъ ростъ, кромѣ яркаго и виднаго побѣга въ лицѣ митрополита Иларіона, блестящаго проповѣдника и богослова (мы продолжаемъ вѣрить, что онъ авторъ Слова о законѣ и благодати), далъ русскому обществу славную Печерскую обитель, основанную не князьями и боярами, а духовными подвигами такихъ представителей русскаго народа, какъ преп. Антоній и Ѳеодосій. Лѣтописаніе русской земли оказалось въ рукахъ этой обители.

Когда именно случился переходъ лѣтописнаго дѣла въ руки Печерскаго монастыря, должно выяснить изученіе Повѣсти вр. лѣтъ и предшествовавшаго ей Начальнаго свода. Какъ указано въ I главѣ, имѣется рядъ основаній для предположенія, что Начальный сводъ, составленный около 1095 года, возникъ въ Печерскомъ монастырѣ. Но былъ ли Начальный сводъ первымъ лѣтописнымъ сводомъ этого монастыря, или ему предшествовали другіе своды — вотъ вопросъ, подлежащій ближайшему нашему изслѣдованію. Мы говорили выше о продолженіи Древнѣйшаго лѣтописнаго свода; указывали на то, что продолжателю перваго Кіевскаго свода принадлежали и разсказъ о смерти Ярослава и обличительныя рѣчи въ статьѣ 1073 года, излагающей междоусобія Ярославичей. Объединимъ ли мы это продолженіе Древн. свода съ Начальнымъ сводомъ? Рѣшимся ли мы отнести насчетъ составителя Начальнаго свода указанныя статьи 1054 и 1073 годовъ?

*

Отвѣтъ на эти вопросы мы даемъ въ слѣдующей главѣ. Намъ приходится отвѣтить на нихъ теперь же, до рѣшенія другихъ вопросовъ, связанныхъ съ Древн. сводомъ, напр. до опредѣленія его источниковъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что продолжатель свода внесъ въ него не мало редакціонныхъ поправокъ и измѣненій. Древн. сводъ можетъ быть возстановленъ непосредственно только въ той редакціи его, которая возникла подъ рукой перваго его продолжателя. Необходимо поэтому выяснить время, когда работалъ продолжатель, и опредѣлить объемъ его труда.

ГЛАВА XVII.

Продолженіе къ Древнѣйшему Кіевскому своду, составленное въ 1073 году преп. Никономъ Печерскимъ.

1.

§ 229. Рѣшимся ли мы отнести насчетъ составителя Начальнаго свода статьи 1054, гдѣ изложено завѣщаніе Ярослава его сыновьямъ, и 1073, гдѣ лѣтописецъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ нарушеніе отцовскаго завѣта Святославомъ и Всеволодомъ? Начальный сводъ составленъ около 1095 года (см. главу I); въ немъ ярко отразились злобы дня, волновавшія кіевлянъ въ девяностыхъ годахъ: плохое управленіе со стороны князя, склоннаго къ поборамъ и насиліямъ, растущая опасность отъ Половцевъ, разорявшихъ страну своими набѣгами. Это обстоятельство дѣлаетъ для меня невѣроятнымъ отнесеніе насчетъ составителя Начальнаго свода рѣчей и размышленій по поводу распри между Ярославичами. Иначе, пришлось бы допустить возможность искусственнаго настроенія со стороны лѣтописца, волнующагося при описаніи событій за 20 и болѣе лѣтъ такъ же, какъ при описаніи живой современной дѣйствительности. Впрочемъ, за то, что событія 1054—1073 годовъ описаны не составителемъ Начальнаго свода, говоритъ еще и то обстоятельство, что при изложеніи ихъ содержатся такія подробности, которыя свидѣтельствуютъ о современной записи. Допустимъ ли мы, напр., что путемъ разспросовъ и припоминаній въ 1095 году можно было возстановить день битвы на Немигѣ (1067 года) или день пораженія Всеволода Половцами

(1061 года)? Еще болѣе убѣдительно говорятъ о современной записи тѣ соображенія, которыя выдвигаются опредѣленіемъ мѣста, среды, гдѣ возникло первое продолженіе къ Древн. своду.

Начальный сводъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ. Указаніе на это извлекаемъ между прочимъ изъ тѣхъ обличительныхъ наставленій и рѣзкихъ укоровъ, которые лѣтописецъ обращаетъ къ князю Святополку. И въ предисловіи къ Начальному своду и въ статьѣ 1093 года видимъ отголоски тѣхъ обличеній, съ которыми обращался къ Святополку игуменъ Печерскій Іоаннъ, находившій, конечно, поддержку въ занятой имъ позиціи со стороны управляемой имъ обители. Въ непосредственномъ продолженіи къ Древн. своду, а таковымъ считаемъ статьи 1054—1073 годовъ, видимъ, во-первыхъ, рѣзкое обличеніе Святослава и Всеволода, согнавшихъ Изяслава съ отцовскаго стола: эти обличенія должны быть сопоставлены съ тѣмъ рѣшительнымъ выступленіемъ игумена Печерскаго Ѳеодосія въ защиту правъ старшаго Ярославича, которое такъ ясно изображено Несторомъ въ Житіи Ѳеодосія [1]); во-вторыхъ, мы видимъ здѣсь еще одну рѣзкую выходку противъ современныхъ князей, на этотъ разъ противъ всѣхъ трехъ Ярославичей, нарушившихъ въ 1067 году крестное цѣлованіе ко Всеславу и коварнымъ образомъ захватившихъ его на Оршѣ [2]); обличенія лѣтописца ведутъ насъ опять къ Печерскому монастырю. Мы знаемъ, что этотъ монастырь въ лицѣ преп. Антонія, нашедшаго, конечно, поддержку въ основанной имъ обители, сталъ во враждебное отношеніе къ Изяславу за нарушеніе имъ крестнаго цѣлованія къ Всеславу; не одобрили печерскіе отцы и крутой расправы Изяслава съ кіевлянами, участвовавшими въ 1069 году въ освобожденіи Всеслава изъ по-

---

[1]) Ср. Шляковъ, „850 лѣтъ со дня кончины в. к. Ярослава I Мудраго".

[2]) „Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу...; онъ же, надѣяся цѣлованью креста...; и тако яша Всеслава... преступивше крестъ". Подъ 1068: „Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ, цѣлowавъ крестъ, и я и́ (Всеслава); тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный... Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его".

руба [1]). Итакъ въ пользу того, что непосредственное продолженіе къ Древн. своду составлено, такъ же какъ Начальный сводъ, въ Печерскомъ монастырѣ, мы приводимъ, во-первыхъ, политическое настроеніе составителя, оказывающееся тождественнымъ съ политическимъ настроеніемъ Печерскаго монастыря, насколько послѣднее выразилось въ выступленіяхъ Антонія и Ѳеодосія.

Въ пользу того же положенія мы приведемъ, во-вторыхъ, еще слѣдующее соображеніе. Подъ 6572 (1064), 6573 (1065) и 6574 (1066) годами мы находимъ въ изслѣдуемомъ продолженіи разсказъ о событіяхъ, разыгравшихся въ далекомъ Тмутороканѣ. Сначала сообщается о появленіи въ Тмутороканѣ князя Ростислава Владиміровича, изгоняющаго оттуда князя Глѣба, сына черниговскаго Святослава Ярославича; лѣтописецъ называетъ и ближайшихъ соратниковъ Ростислава: это бѣжавшіе съ нимъ (изъ Новгорода?) Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, воеводы Новгородскаго. Святославъ, узнавъ объ этомъ, идетъ противъ Ростислава, послѣдній выходитъ изъ Тмутороканя безъ боя, «не убоявъся его (Святослава), — замѣчаетъ лѣтописецъ, — но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти». Святославъ сажаетъ въ Тмутороканѣ своего сына Глѣба; но по удаленіи Святослава, Глѣбъ изгоняется вторично Ростиславомъ. Ниже описывается смерть Ростислава, отравленнаго присланнымъ къ нему Греками котопаномъ; лѣтописецъ знаетъ, что котопанъ былъ за это побитъ каменьями въ Корсунѣ; умершаго Ростислава лѣтописецъ провожаетъ добрыми словами, похвалой, и отмѣчаетъ день его смерти (3 февраля), а также мѣсто его погребенія (церковь св. Богородицы въ Корсунѣ). Какъ объяснить эту освѣдомленность кіевскаго лѣтописца относительно тмутороканскихъ событій? Почему именно они, а не другія событія, которыми, конечно, было богато бурное время первыхъ Ярославичей, привлекли къ себѣ вниманіе продолжателя Древн. свода? Чѣмъ объяснить его го-

[1]) Ср. подъ 1074 въ разсказѣ о преп. Исаакіи: „В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ; нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава, и присладъ Святославъ, в ночь поя Антонья Чернигову“. Подъ 1069: „и пришедъ Мьстиславъ (сынъ Изяслава) исѣче иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ“.

рячія симпатіи къ Ростиславу, юному и на Руси совсѣмъ неизвѣстному князю? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

§ 230. Несторово Житіе Ѳеодосія сообщаетъ, что еще до 6570 (1062) года, когда поставленъ былъ преп. Ѳеодосіемъ монастырь надъ пещерами, преп. Никонъ, одинъ изъ старшихъ сподвижниковъ преп. Антонія, совершившій обрядъ постриженія надъ преп. Ѳеодосіемъ, удалился на Тмутороканскій «островъ» и основалъ монастырь близъ города Тмутороканя. Послѣ смерти Ростислава, князя «острова того» (слѣдовательно, послѣ 1066 года), Никонъ по просьбѣ жителей Тмутороканя ѣздилъ въ Черниговъ къ Святославу и ходатайствовалъ передъ нимъ о присылкѣ въ Тмуторокань на княженіе сына; съѣздивъ вмѣстѣ съ Святославичемъ Глѣбомъ въ Тмуторокань и обрядивъ свой монастырь, Никонъ вернулся въ Печерскую обитель по усиленной просьбѣ преп. Ѳеодосія; это было, слѣдовательно, около 1067 года. Допустивъ, что продолженіе къ Древн. своду составлено въ Печерскомъ монастырѣ, мы поймемъ причину появленія въ этомъ продолженіи разсказа о событіяхъ тмутороканскихъ; въ монастырѣ находился живой свидѣтель этихъ событій, присутствовавшій при всѣхъ нихъ и, очевидно, принимавшій дѣятельное участіе въ жизни Тмутороканя, такъ какъ на него возложено было жителями этого города порученіе уговорить Святослава прислать къ нимъ его сына Глѣба и, быть можетъ, примирить его съ предшествовавшимъ поведеніемъ Тмутороканцевъ, явно принявшихъ сторону Глѣбова и Святославова противника—Ростислава. Не могу себѣ представить иного пути, кромѣ предположеннаго, коимъ до Кіева могли дойти подробности о тмутороканскихъ событіяхъ: тамъ могли узнать о столкновеніи Глѣба съ Ростиславомъ, о движеніи Святослава противъ Ростислава, о смерти Ростислава, но пришло ли бы кіевлянину въ голову писать похвалу неизвѣстному князю, отмѣчать его доблесть и покорность передъ старшими? Ясно, что въ Кіевъ прибылъ свидѣтель тмутороканскихъ событій 1064—1066 годовъ и что разсказъ о нихъ записанъ съ его словъ. При допущеніи, что запись составлена въ Печерскомъ монастырѣ, выясняется, что этимъ свидѣтелемъ не могъ быть кто иной, кромѣ Никона; при допущеніи, что этимъ свидѣтелемъ

былъ Никонъ, выясняется, что запись могла быть составлена именно въ Печерскомъ монастырѣ.

§ 231. Личность Никона тѣсно связана такимъ образомъ съ лѣтописью, составленною въ Печерскомъ монастырѣ; мы признаемъ это естественнымъ, какъ только допустимъ, что составленіе этой лѣтописи падало на начало семидесятыхъ годовъ XI столѣтія, когда Никонъ жилъ въ Θеодосіевомъ монастырѣ, распростившись съ основанною имъ въ Тмутороканѣ обителью. Изъ Житія Θеодосія извѣстно, что Никонъ, какъ старѣйшій пользовался большимъ вліяніемъ въ монастырѣ; ему Θеодосій поручалъ братію, когда отлучался изъ монастыря; Никонъ былъ человѣкъ книжный; тогда какъ Θеодосій поучалъ братію «духовными словесы», великій Никонъ говорилъ поученія братіи изъ книгъ («ис кънигъ почитающе»); онъ занимался и переплетнымъ дѣломъ, что также требовало извѣстной книжности и грамотности [1]). Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы лѣтописный трудъ, предпринятый святою обителью, не сталъ подъ непосредственное завѣдываніе Никона. Никонъ могъ сдѣлаться главнымъ редакторомъ лѣтописи; ему же мы въ правѣ приписать нѣкоторыя вставки, сдѣланныя въ переписанный имъ, или подъ его наблюденіемъ, Древн. лѣтописный сводъ, который легъ въ основаніе дальнѣйшаго лѣтописанія Печерскаго монастыря. Перечислимъ эти вставки.

2.

§ 232. Подъ 6530 (1022) мы читаемъ въ Повѣсти вр. л. (Нач. сводѣ) разсказъ объ единоборствѣ Мстислава Тмутороканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедей; разсказъ основанъ на мѣстномъ тмутороканскомъ преданіи, связавшемъ это событіе—побѣду Мстислава надъ Касогами—съ построеніемъ Мстиславомъ по обѣту въ Тмутороканѣ храма св. Богородицы. «И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани»—такъ заканчивается разсказъ,

---

[1]) „Мъногашьды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити, еже на потребу таковууму дѣлу".

обличая своимъ окончаніемъ знакомство автора съ этимъ отдаленнымъ городомъ [1]).

§ 233. Подъ 6544 (1036) годомъ сообщается о кончинѣ Мстислава; сообщеніе это, а также указаніе на мѣсто его погребенія (недостроенная имъ въ Черниговѣ церковь св. Спаса) могутъ быть возведены къ Древн. своду; но принадлежала ли этому же своду похвала Мстиславу? Сомнѣваюсь въ этомъ потому, что подобная же похвала читается при сообщеніи о кончинѣ Ростислава; намъ пришлось приписать ту похвалу Никону, допустить, что она написана съ его словъ. Считаемъ вѣроятнымъ, что Никонъ умѣлъ разсказать на основаніи тмутороканскихъ преданій и о доблестяхъ Мстислава и что самая похвала Мстиславу составлена съ его словъ. Въ этой похвалѣ читаемъ между прочимъ: «любяше дружину по велику». Эти слова сближаютъ похвалу съ тѣмъ описаніемъ Лиственской битвы, которое даетъ Повѣсть вр. лѣтъ (Нач. сводъ). Мстиславъ, объѣзжая на слѣдующій день послѣ битвы поле сраженія и увидѣвъ изсѣченныхъ Сѣверянъ (сражавшихся за него) и Варяговъ (сражавшихся за Ярослава), воскликнулъ: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Я считаю на основаніи этого вѣроятнымъ, что эта подробность въ описаніи Лиственской битвы составлена продолжателемъ Древн. свода по разсказамъ того же Никона; не забудемъ, что выше—и притомъ, вѣроятно, опять согласно съ разсказомъ Никона—лѣтописецъ сообщалъ о походѣ Мстислава на Ярослава «съ Козары и съ Касогы»; итакъ дружину Мстислава, сохраненію которой онъ радовался послѣ Лиственской битвы, составляли выходцы изъ Тмутороканя, и между прочимъ Козары и Касоги, тѣ самые Касоги, о которыхъ Никонъ разсказывалъ и раньше, сообщая объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей, и позже, повѣствуя о томъ, что Ростиславъ обложилъ данью вмѣстѣ съ иными также и Касоговъ. Я тѣмъ охотнѣе приписываю приведенную выше подробность вліянію Никонова

---

[1]) Объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей вспоминаетъ и пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ; это, думаю, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ его съ тѣмъ или инымъ лѣтописнымъ сводомъ, включившимъ соотвѣтствующій разсказъ въ свой составъ.

разсказа, что вслѣдъ за ней читаемъ: «И посъла Мьстиславъ по Ярославъ, глаголя: сяди на столѣ своемъ Кыевѣ, поневе ты еси старѣи братъ, а мънѣ буди си сторона». Не напоминаетъ ли поступокъ Мстислава поведеніе Ростислава въ отношеніи къ дядѣ, Святославу Ярославичу? Онъ уступилъ ему безъ боя Тмуторокань, «не хотя противу стрыеви своему оружия взяти». Весьма вѣроятно, что великодушное предложеніе приписано побѣдителю-Мстиславу тѣмъ самымъ лицомъ, которое разсказало о благородномъ поступкѣ Ростислава, т.-е. Никономъ, считавшимъ покореніе младшихъ князей старшимъ непремѣннымъ спутникомъ княжеской добродѣтели. Предложеніе Мстислава не вяжется ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими событіями, изложенными въ Древн. сводѣ: Мстиславъ хотѣлъ до Лиственской битвы захватить Кіевъ, но этого не допустили Кіевляне, оставшись вѣрными Ярославу; Ярославъ черезъ годъ послѣ Лиственской битвы двигается опять изъ Новгорода противъ Мстислава и только тогда заключаетъ съ нимъ миръ у Городца.

§ 234. Въ разсказѣ о походѣ Святослава противъ Козаръ мы читаемъ: «одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю възя, Ясы побѣди и Касогы»; эти послѣднія слова «Ясы побѣди и Касогы» я считаю вставкой, сдѣланною опять таки на основаніи Никоновыхъ разсказовъ. Въ Тмуторокани могли помнить и разсказывать о походахъ Святослава на далекій востокъ; тамъ естественнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, на основаніи мѣстныхъ припоминаній, устанавливалась связь между именемъ Святослава и именами сосѣднихъ съ Тмутороканемъ народовъ—Касоговъ и Ясовъ.

§ 235. Предположительно отношу насчетъ Никона еще одну вставку въ самомъ началѣ Древн. свода. Въ Начальномъ сводѣ, какъ это видно изъ Комм. списка, послѣ разсказа объ основаніи Кіева и вставки изъ Хронографа, содержащей разсказъ о нападеніи Руси на Царьградъ при царѣ Михаилѣ, читалось: «По сихъ лѣтехъ братіа сіи изгибоша и быша обидими Древляны и инѣми окольними. И наидоша я Козаре на горахъ сихъ, сѣдяща в лѣсѣхъ, и рѣша: платите намъ дань» и т. д., т.-е. разсказывался эпизодъ съ данью, въ видѣ меча отъ каждаго дыма, данью, испугавшею Козаръ, которые отъ нея отказались, причемъ Козарскіе

старцы прорекли, что въ будущемъ Поляне будутъ взимать дань съ Козаръ. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что прореченіе старцевъ сбылось, какъ сбылось нѣкогда прореченіе Фараоновыхъ старѣйшинъ по поводу Моисея; «якоже и бысть: владѣютъ бо Козары князи Русьстии и до дьнешняго дни». Не подлежитъ сомнѣнію, что весь этотъ эпизодъ, равно какъ и предшествующая ему фраза вставлены позже въ лѣтописный текстъ; на это указываетъ, во-первыхъ, то, что за нимъ содержится переходная фраза, всегда характерно отмѣчающая конецъ вставокъ: «нъ мы на преднее възвратимъся»; во-вторыхъ, то же доказывается неуклюжимъ строеніемъ первой фразы въ предполагаемой вставкѣ: не указано, кто же былъ обидимъ Древлянами и кого нашли Козары на горахъ кіевскихъ. Возможно, конечно, признать, что эта вставка внесена въ лѣтописный текстъ составителемъ Начальнаго свода; но вниманіе наше обращаетъ на себя то обстоятельство, что эпизодъ съ Козарскою данью не согласуется съ тѣми кіевскими преданіями о Полянахъ и ихъ нравахъ, которыя дошли до насъ путемъ лѣтописи. Составитель Древн. свода изображаетъ Полянъ звѣроловами; составитель Повѣсти вр. лѣтъ говоритъ о тихомъ и кроткомъ нравѣ древнихъ Полянъ; онъ же сообщаетъ преданіе о томъ, что Поляне платили Козарамъ дань [1]). Мы заключаемъ отсюда, что разсказъ объ эпизодѣ съ Козарской данью по происхожденію своему не кіевскій; если же онъ не кіевскій, то, конечно, козарскій, ибо въ другихъ мѣстахъ, у другихъ племенъ не стали бы разсказывать объ отношеніяхъ Козаръ къ Полянамъ. Подъ 6493 годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщается о томъ, какъ Добрыня, осмотрѣвъ взятыхъ въ плѣнъ Болгаръ, говорилъ Владиміру: «съглядахъ колодникъ, иже суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Итакъ, русское преданіе или русская былина говорила о добровольномъ отказѣ отъ борьбы съ Болгарами, оказавшимися обутыми въ сапоги; я думаю, что по аналогіи надо приписать козарскому преданію или козарской былинѣ разсказъ о доброволь-

---

[1]) „Мы сѣдимъ, платяче дань родъмь ихъ Козаромъ", смиренно сообщаютъ жители Кіева подплывшимъ къ ихъ городу Варягамъ, Аскольду и Диру.

номъ отказѣ Козаръ отъ дани съ Полянъ, когда тѣ предложили имъ въ видѣ дани отъ дыма мечь. Лицомъ, внесшимъ въ лѣтопись козарское преданіе, съ большою вѣроятностью можно признать Никона, жившаго въ Тмуторроканѣ и тамъ находившагося въ близкомъ общеніи между прочимъ съ Козарами. Онъ разсказываль о томъ, что Ростиславъ, сидя въ Тмуторроканѣ, бралъ дань «у Касогъ и на инѣхъ странахъ»; вспомнимъ прореченіе козарскихъ старцевъ: «си имуть имать дань на насъ и на инѣхъ странахъ»; комментарій лѣтописца не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что подъ этими «си» должно разумѣть русскихъ князей: «якоже и бысть: володѣють бо Козары Русьстии князи [1]) и до днешняго дне». А что Ростиславъ бралъ дань между прочимъ и на Козарахъ, это можно заключить изъ такихъ сообщеній, какъ участіе въ 6587 (1079) году Козаръ въ убіеніи Тмутороканскаго князя Романа Святославича; ср. 6591 (1083): «приде Олегъ из Грекъ Тмутороканю... и сѣде Тмуторокани, и исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого». Остатки могущественныхъ нѣкогда Козаръ жили, очевидно, въ сосѣдствѣ съ Тмутороканемъ и были подвластны мѣстному князю.

§ 236. Предполагаю, что насчетъ Никона должна быть отнесена еще одна вставка въ текстъ Древн. свода. Въ разсказѣ о Корсунскомъ взятіи, насколько онъ для Древнѣйшаго свода можетъ быть возстановленъ по удаленіи изъ него вставокъ изъ Корсунской легенды, вставокъ, внесенныхъ составителемъ Нач. свода, оказывается эпизодъ, не имѣющій прямого отношенія къ взятію Владиміромъ Корсуня. Корсунь взятъ, благодаря тѣсной блокадѣ его, помѣшавшей подвозу припасовъ («изнемогаху гладъмь [2]) людие»), и благодаря отводу воды, текшей въ городъ по трубамъ. Поэтому нижеслѣдующая подробность является какъ бы излишнею, какъ бы вставкой въ первоначальный разсказъ: «Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ присъпу сути къ граду. Симъ же съпущимъ Корсуняне, подъкопавъше стѣну градьскую, крадяху сыплемую пърсть и ношаху къ собѣ въ градъ,

---

[1]) Въ Лавр.: „Русьскии", но въ Комм., Соф. 1-й, Ипат.: „Русьстии князи".
[2]) Такъ поправляю вмѣсто „въ градѣ".

сыплюще посредѣ града; вои же присыпаху боле». Но въ прямой связи съ этой вставкой стоитъ дальнѣйшая подробность въ разсказѣ о возвращеніи Владиміра изъ Корсуня въ Кіевъ: «постави же цьркъвь на горѣ, юже съсыпаша крадуще присъпу, яже цьркы стоить и до сего дьне». Итакъ, эпизодъ о постройкѣ Владиміромъ церкви вставленъ въ лѣтопись лицомъ, побывавшимъ въ Корсунѣ, видѣвшимъ эту церковь. Выше читаемъ въ Повѣсти вр. лѣтъ (и Нач. сводѣ), что Владиміръ крестился въ церкви святаго Василія, «и есть церкы та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремь». Предыдущее изслѣдованіе показало, что Древн. сводъ не зналъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ и сообщалъ о крещеніи его въ Кіевѣ; у насъ нѣтъ основанія предполагать, чтобы Корсунь на мѣсто Кіева ввелъ въ свой трудъ (работавшій въ семидесятыхъ годахъ XI столѣтія) продолжатель Древн. свода. Но не читались ли указанія на Владимірову и царицыну полаты раньше,—до переработки соотвѣтствующихъ статей (статьи о крещеніи Владиміра и статьи о Корсунскомъ взятіи) на основаніи позднѣйшей легенды,—не читались ли эти указанія раньше не послѣ словъ «крести же ся в церкви святаго Василья», а послѣ словъ, приведенныхъ нами выше: «постави же церковь на горѣ... крадуще приспу»? Не замѣнены ли редакторомъ Нач. свода эти слова («и есть цьркы та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне») болѣе краткимъ опредѣленіемъ («яже церки стоить и до сего дне»)? Я думаю, что имѣю право дать утвердительный отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Церковь, гдѣ крестился въ Корсунѣ Владиміръ, была по всѣмъ даннымъ названа въ Корсунской легендѣ, впервые возвѣстившей о крещеніи Владиміра не въ Кіевѣ, а въ Корсунѣ, церковью св. Іакова: ср. показаніе житія Владимірова; это обстоятельство (названіе церкви св. Іаковомъ) и было причиной замѣны въ позднѣйшихъ сводахъ мало извѣстной церкви другими церквами съ болѣе популярными въ древней Руси именами (одни своды замѣнили Іакова св. Богородицей, другіе—св. Софіей, третьи—св. Климентомъ, четвертые—св. Спасомъ); въ Начальномъ сводѣ вмѣсто св.

Іакова читалось св. Василія, какъ можно заключать изъ показаній Лавр. списка, съ одной стороны, Коммиссіоннаго и Академическаго, съ другой [1]); это названіе перенесено, повидимому, изъ дальнѣйшаго лѣтописнаго текста, гдѣ сообщалось о построеніи Владиміромъ въ Корсунѣ церкви св. Василія; вмѣстѣ съ названіемъ церкви перенесены изъ дальнѣйшаго и приведенныя выше топографическія опредѣленія церкви и полатъ Владиміровой и царицыной. Въ пользу такого предположенія приведу показаніе обычнаго житія Владиміра о томъ, что построенная Владиміромъ церковь была церковью св. Василія [2]). Само по себѣ вѣроятно, что лицо, сообщившее о построеніи Владиміромъ церкви, знавшее легенду, связанную съ этою церковью, должно было знать и сообщить лѣтописцу, во имя какого святаго была построена церковь [3]); само по себѣ вѣроятно, что Владиміръ—Василій поставилъ церковь во имя своего ангела. Итакъ, вотъ соображенія, на основаніи которыхъ я предлагаю читать послѣ сообщенія о женитьбѣ Владиміра слѣдующее: «постави цьркъвь святаго Василія на горѣ, юже съсыпаша крадуще присъпу, и есть цьркы та стоящи в Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоитъ и до сего дне, а царицина полата за олтарьмъ». Какъ указано выше, эти топографическія опредѣленія доказываютъ знакомство сообщившаго ихъ лица съ Корсунемъ; но, кромѣ того, напомню еще разъ, что все сообщеніе о церкви, построенной Владиміромъ въ Корсунѣ, имѣетъ характеръ вставки; въ виду этого предполагаю, что въ Древн. сводѣ не было ни сообщенія объ этой церкви, ни сопровождавшихъ его топографическихъ опредѣленій. Допустить, что вставки эти сдѣланы составителемъ Нач. свода, мы не имѣемъ основанія: онъ переработывалъ соотвѣтствующія статьи Древн. свода по другому, не устному, а письменному источнику, изображавшему Корсунское взятіе въ со-

[1]) Признаю теперь „св. Василиска“ искаженіемъ вм. „св. Василія“. И въ т. н. Переяславскомъ лѣтописцѣ стоитъ „святаго Василья“.

[2]) Ср. текстъ обычнаго житія въ изданіи А. И. Соболевскаго въ Чтеніяхъ въ Ист. общ. Нестора лѣтописца, кн. II.

[3]) Ипат. лѣтопись на основаніи позднѣйшихъ данныхъ даетъ ей названіе Іоанна Предтечи.

вершенно иныхъ, новыхъ чертахъ. Предполагаю поэтому, что вставки сдѣланы продолжателемъ Древн. свода, преп. Никономъ. Никонъ, жившій въ Тмуторoканѣ, основавшій тамъ монастырь, бывалъ несомнѣнно и въ Корсунѣ, тѣсно связанномъ съ Тмуторoканемъ и торговыми и политическими интересами; ср. разсказъ того же Никона о томъ, какъ котопанъ, отравившій Ростислава, былъ именно за это убитъ камнями Корсунскими людьми. Возможно, что Никонъ посѣтилъ Корсунь во время первой своей поѣздки въ Тмуторoкань въ сопровожденіи монаха монастыря св. Мины; ср. въ Житіи Ѳеодосія: «и пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе... болляринъ же идыи къ Констянтиню граду... великыи же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскыи».

3.

§ 237. Перечисленныя нами вставки въ текстъ Древнѣйшаго свода, свидѣтельствующія объ участіи въ переработкѣ этого свода лица, знакомаго съ Тмуторoканемъ, Козарами, Касогами и Корсунемъ, ведутъ насъ къ личности Никона, котораго признаемъ поэтому ближайшимъ участникомъ или руководителемъ работы, предпринятой въ Печерскомъ монастырѣ, когда послѣдній рѣшилъ оживить лѣтописное дѣло, заглохшее на Руси послѣ первыхъ славныхъ десятилѣтій Ярославова княженія. Приведу теперь основаніе, которое какъ будто не позволяетъ признать самого Никона составителемъ продолженія къ Древн. своду. Основаніе это слѣдующее. Подъ 6573 (1065) читаемъ: «в си же времена бысть дѣтищь вверьженъ в Сѣтомль; сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, егоже позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и в воду». Если допустимъ, что этотъ случай имѣлъ мѣсто не именно въ 1065 году (ср. неопредѣленное указаніе: «в си же времена»), то все же придется отнести его на ближайшіе къ 1065-му годы. Никонъ былъ въ то время въ Тмуторoканѣ; слѣдовательно, не ему принадлежитъ: «позоровахомъ». Думаю, что «позоровахомъ» относится къ монастырской братіи, а не къ случайнымъ свидѣтелямъ, смотрѣвшимъ на извлеченнаго изъ рѣчки урода; невѣроятно, чтобы лѣтописецъ употребилъ 1-е лицо множ. ч., если бы даже оказался самъ въ случайно собравшейся поглазѣть на невиданное

зрѣлище толпѣ. Не указываетъ ли это «позоровахомъ» на совокупную работу, происходившую надъ монастырскою лѣтописью? Не слѣдуетъ ли признать множ. число, употребленное отъ лица автора, соотвѣтствующимъ тому не единоличному автору, который говорилъ въ лѣтописи отъ имени всей монастырской обители? Такая точка зрѣнія объяснила бы то двойственное отношеніе, которое намъ приходится проявить по вопросу объ авторствѣ Никона, когда мы разсматриваемъ вопросъ о первомъ Печерскомъ монастырскомъ сводѣ: съ одной стороны, ясно, что Никонъ работалъ надъ этой лѣтописью, составлялъ ее; а съ другой, видимъ и другого автора, быть можетъ, и не единоличнаго, который говоритъ о себѣ, что смотрѣлъ на извлеченнаго изъ Сѣтомли урода въ то время, когда Никонъ былъ въ далекомъ Тмутороканѣ.

§ 238. Но я обращаю вниманіе на слѣдующее обстоятельство, подтверждающее, напротивъ, ближайшее участіе Никона въ дѣлѣ составленія Продолженія къ Древн. лѣтоп. своду. Подъ 6569 (1061) годомъ, какъ мы уже знаемъ, находится первая точная хронологическая дата: 2 февраля Половцы разбили подъ предводительствомъ Сокала князя Всеволода. Слѣдующее извѣстіе, читавшееся въ Продолженіи къ Древн. своду—это смерть Судислава въ 6571 (1063) году: день смерти Судислава не указанъ; затѣмъ въ Древн. сводѣ находились два тмутороканскія извѣстія, о которыхъ мы говорили выше [1]); далѣе слѣдовало извѣстіе о кометѣ съ неопредѣленнымъ указаніемъ, когда она была видна («въ си же времена») [2]); далѣе—сообщеніе объ уродѣ, извлеченномъ изъ Сѣтомли, опять съ неопредѣленнымъ хронологическимъ указаніемъ («въ си же времена»); засимъ, со ссылкой «предъ симъ же временемь», сообщается о солнечномъ затменіи [3]); далѣе уже подъ 6574 (1066)

---

[1]) Извѣстіе 6571 года объ обратномъ теченіи Волхова—это новгородское извѣстіе, внесенное въ Нач. сводъ; равнымъ образомъ признаемъ новгородскимъ извѣстіе 6573 года: „Въ се же лѣто Всеславъ рать почалъ".

[2]) У Pingré, Cométographie ou traité historique et théorique des comètes (Paris 1783), указана большая знаменитая комета въ апрѣлѣ-маѣ не 1065-го, а 1066-го года.

[3]) Очевидно, это затменіе, бывшее 19 апрѣля 1064, а не 1065 года. Ср. Oppolzer, Canon der Finsternisse (Wien, 1887).

годомъ читаемъ о кончинѣ Ростислава въ Тмутороканѣ съ указаніемъ 3 февраля; затѣмъ подъ 6575 (1067) сообщается о походѣ Ярославичей противъ Всеслава, о битвѣ при Немигѣ, съ указаніемъ на 3-е марта, о захватѣ Всеслава на Оршѣ, съ указаніемъ на 10-е іюля; подъ 6576 (1068) годомъ читаемъ о знаменитомъ пораженіи Ярославичей на Альтѣ безъ указанія дня битвы; но послѣдовавшая затѣмъ въ Кіевѣ смута опредѣлена 15-мъ сентября и т. д.; подъ 1069, 1072 и 1073 годами находимъ точную датировку событій. Какъ понять отмѣченное колебаніе въ датировкѣ событій? Почему рядомъ съ точною датировкой видимъ неопредѣленныя и невѣрныя вмѣстѣ съ тѣмъ указанія, вводящія словами «в се же время», «в си же времена?» Если точное указаніе дня пораженія Всеволодова Половцами 2 февраля 6569 года предполагаетъ современную запись, доказываетъ, что лѣтописецъ работалъ въ 1061 году или вскорѣ послѣ этого года, то почему же этотъ самый лѣтописецъ не занесъ въ свой трудъ точныхъ датъ хотя бы отмѣченныхъ имъ астрономическихъ явленій, почему тотъ же лѣтописецъ не далъ даты другого еще болѣе чувствительнаго пораженія, понесеннаго русскими князьями на Летскомъ полѣ?

Предположеніе, что лѣтописцемъ или главнымъ руководителемъ лѣтописи былъ Никонъ, разъясняетъ эти недоумѣнные вопросы. Мы знаемъ изъ Житія Ѳеодосія, что Никонъ покинулъ Русь и отправился въ Тмуторокань вскорѣ послѣ постриженія Варлаама и Ефрема; этимъ постриженіемъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ князя Изяслава [1]). Когда же произошло это постриженіе и въ которомъ именно году Никонъ удалился изъ Кіевскихъ пещеръ?

§ 239. Недавно отвѣтъ на первую часть этого вопроса далъ Н. В. Шляковъ въ своей интересной и многосодержательной брошюрѣ «850 лѣтъ со дня кончины в. к. Ярослава Мудраго» [2]).

---

[1]) Въ Житіи Ѳеодосія непосредственно за разсказомъ объ окончательномъ водвореніи Варлаама, сына боярина Іоанна, въ пещерахъ, читаемъ: „то уже отътолѣ многымъ приходящемъ въ пещеру благословления ради, еже отъ отьць тѣхъ, и друзии отъ нихъ бывааху чрьньци Божиею благодатию. Тъгда же великии Никонъ и другыи чърньць святаго Мины манастыря, болярина тако наречемъ, съвѣщавъшася тако, отъидоста, хотяща особѣ сѣсти“.

[2]) Оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1907 годъ.

Отмѣтивъ, что Варлаамъ и Ефремъ постриглись вскорѣ послѣ восшествія на кіевскій столъ Изяслава, Н. В. Шляковъ указалъ на то, что, «судя по именамъ ихъ при постриженіи, постриженіе это должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 г., когда дни эти падали на воскресеніе: извѣстно вѣдь, что постриженіе совершается по праздникамъ, а имена давались по дню святого». Мы отдаемъ должное остроумной догадкѣ Н. В. Шлякова, но не можемъ согласиться съ нею, въ виду тѣхъ самыхъ соображеній, которыми руководился почтенный изслѣдователь. Преп. Ѳеодосій былъ постриженъ раньше Варлаама и Ефрема; судя по Житію Ѳеодосія, постриженіе его имѣло мѣсто года за три или четыре до Варлаамова постриженія, ибо Несторъ сообщаетъ о прибытіи матери Ѳеодосіевой въ пещеры до Варлаамова постриженія, а прибытіе матери Ѳеодосіевой случилось черезъ четыре года послѣ того, что Ѳеодосій, бѣжавъ изъ матерняго дома, прибылъ въ Кіевъ [1]; постриженіе Ѳеодосія (не прибытіе его въ Кіевъ, а обращеніе его къ Антонію), судя по данному ему при постриженіи имени, случилось 11 января; на воскресеніе 11-е января падало въ 1052 и 1058 году. Думаю, что Ѳеодоссій постриженъ не въ 1052-мъ, а въ 1058-мъ году; во-первыхъ, судя по статьѣ о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, самъ Антоній началъ свою подвижническую жизнь не раньше 1051 или 1052, когда Иларіонъ оставилъ пещерку на Берестовомъ послѣ поставленія своего въ митрополиты въ 1051 году, во-вторыхъ, въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й) читаемъ подъ 6565 (1057) году: «Тогда бысть игуменъ Ѳеодосии Печерскии», что, быть можетъ, читалось въ первоисточникѣ: «тъгда бысть постриженъ Ѳеодосии Печерскии» [2]). Въ виду этого прибытіе къ Ѳеодосію матери его можно отнести къ концу 1060 года и пред-

[1]) „И се пришьдъше отъ Кыева и повѣдаша еи, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомы и въ нашемь градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомъ отъ манастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити...“

[2]) Не забудемъ, что 11 января 6565 мартовскаго года соотвѣтствуетъ 11 января 1058 январскаго. Впрочемъ, Новгор. 4-я имѣетъ это извѣстіе подъ 6564 и излагаетъ его такъ: „Въ лѣто 6564. Поча княжити в Кыевѣ Изяславъ Ярославичь; при семъ же Ѳеодосіи игуменъ Печерскіи бысть“.

положить, что Варлаамъ принялъ постриженіе 19 ноября 1060 г. (день этотъ приходился въ воскресеніе), а Ефремъ 28 января 1061 года (приходилось въ воскресеніе).

§ 240. Если это такъ, то отбытіе Никона въ Тмуторокань, случившееся вскорѣ послѣ постриженія Ефрема, имѣло мѣсто въ первыхъ числахъ февраля 1061 года; извѣстіе о пораженіи Всеволода 2 февраля 1061-го онъ узналъ, еще будучи на Руси, въ Кіевѣ. Съ февраля 1061-го года по крайней мѣрѣ до февраля 1067-го года Никонъ провелъ въ Тмутороканѣ; дѣйствительно, 3 февраля 1067-го (январскаго) года [1]) умеръ при немъ отъ отравы Ростиславъ; Никонъ по просьбѣ жителей Тмутороканя отправился въ Черниговъ къ Святославу Ярославичу съ просьбой отпустить сына на княженіе въ Тмуторокань. Чернигова Никонъ могъ достигнуть приблизительно въ мартѣ 1067-го года, но онъ не засталъ тамъ Святослава; Святославъ съ братьями былъ въ это время въ Полоцкой области, воюя со Всеславомъ; битвой при Немигѣ (3 марта 1067-го года) борьба со Всеславомъ еще не окончилась; Всеславъ продолжалъ защищаться, и только обманомъ Ярославичамъ удалось захватить своего противника: это случилось 10-го іюля. Никонъ пережидалъ возвращенія Святослава, вѣроятно, въ Печерскомъ монастырѣ; о посѣщеніи имъ монастыря именно въ это время (въ поѣздку, совершенную изъ Тмутороканя послѣ смерти Ростислава) сообщаетъ Несторъ въ Житіи Ѳеодосія. На усиленныя просьбы Ѳеодосія остаться въ монастырѣ Никонъ отвѣчалъ обѣщаніемъ вернуться въ него послѣ поѣздки въ Тмуторокань и устройства дѣлъ, связанныхъ съ основаннымъ имъ тамъ монастыремъ св. Богородицы. Никонъ сдержалъ свое обѣщаніе: «дошедъ съ княземъ Глѣбомъ острова того, оному сѣдшю на столѣ въ градѣ томъ, Никонъ же възвратися вспять». Предположивъ, что поѣздка въ Тмуторокань и обратно, а также, быть можетъ, продолжительное пребываніе тамъ, необходимое для устройства покидаемой обители, заняло времени около года, увидимъ, что Никонъ вернулся въ Печерскій монастырь въ іюлѣ или августѣ 1068 года. Мы поняли бы тогда не только то, почему въ лѣтописи, составлен-

---

[1]) 3 февраля 6574-го мартовскаго года.

ной Никономъ, въ статьяхъ 1062—1066 годовъ почти совсѣмъ нѣтъ событій, которыя относились бы къ Кіеву [1]), и, напротивъ въ нихъ есть три событія, относящіяся къ Тмутороканю, но также и то, почему въ этой лѣтописи опредѣленно отмѣчены событія 3 марта и 10 іюля 1067 года—въ мартѣ—іюлѣ этого года Никонъ былъ на Руси; мы поняли бы еще и то, почему лѣтопись отмѣтила 15-е сентября, какъ день возмущенія въ Кіевѣ, когда освобожденный изъ поруба Всеславъ сѣлъ на столѣ великокняжескомъ: 15-го сентября 1068 года Никонъ могъ уже вернуться въ монастырь къ поджидавшему его Ѳеодосію [2]).

Итакъ, начиная съ 1068 года, Никонъ жилъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ; имъ записаны событія 1069—1073 годовъ. Въ 1073 году произошла упомянутая нами выше распря между Ярославичами: «великыи же Никонъ,—разсказываетъ Несторъ въ Житіи Ѳеодосія,—видѣвъ таковое сьмятение въ князихъ суще, отиде съ инѣма дъвѣма чьрноризьцема въ прѣже реченыи островъ, идеже бѣ монастырь поставилъ». Не стоитъ ли этотъ отъѣздъ Никона въ связи съ тѣми обличеніями Святослава, которыя Никонъ произносилъ передъ братіею и которыя занесъ, конечно, и въ лѣтопись? Обличенія эти могли не понравиться князю; въ лѣтописи они дошли и до насъ (ср. выше, § 223). Но если мы признаемъ авторомъ статьи 6581 (1073) года Никона, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого признанія будетъ утвержденіе, что лѣтопись, составленная Никономъ, обрывалась на 1073 годѣ; въ ней сообщалось о вступленіи Святослава и Всеволода въ Кіевъ 22 марта послѣ оставленія его Изяславомъ; но объ основаніи каменной церкви св. Богородицы эта лѣтопись уже

---

[1]) Только смерть Судислава и извлеченіе рыболовами урода изъ Сѣтомли относятся къ Кіеву; затменіе солнца и комета могли быть наблюдаемы и въ Тмуторокаяѣ. Быть можетъ, не лишено значенія, что комета по описанію лѣтописца наблюдалась на западѣ: „се же проявляше не на добро, посемъ бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье“. Русская земля лежала на западъ отъ Тмутороканя.

[2]) День битвы при Альтѣ былъ, какъ кажется, указанъ Никономъ, но указаніе это опущено вслѣдствіе вставки—поученія о казняхъ Божіихъ (ср. § 114[5]).

не сообщала: Житіе Θеодосія ясно говоритъ, что Никонъ ушелъ изъ монастыря раньше этого событія, непосредственно передъ нимъ; быть можетъ, Никонъ оставилъ монастырь до 7-го мая 1073 года, когда, повидимому, умеръ Антоній; смерть Антонія, основателя Печерскаго монастыря, осталась поэтому не отмѣченною въ лѣтописи.

§ 241. Въ Повѣсти вр. л. (Нач. сводѣ) непосредственно за обличеніями Святослава сообщается объ основаніи Θеодосіемъ Печерской церкви; но не принадлежитъ ли это сообщеніе позднѣйшему продолжателю Никоновой лѣтописи? Эта лѣтопись нашла себѣ продолжателя въ Печерскомъ монастырѣ; продолженіе это дошло и до насъ, но мы имѣемъ данныя для утвержденія, что послѣ 1073-го года въ Печерскомъ лѣтописаніи произошелъ перерывъ. Мы указывали основанія для предположенія, что статья 1073 года составлена современникомъ, очевидцемъ междоусобной распри, приведшей къ изгнанію Изяслава, и составлена имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ тяжелыхъ событій. Укажемъ теперь основанія, которыя заставляютъ насъ отнести статью 1074 года, содержащую описаніе кончины Θеодосія, на нѣсколько лѣтъ позже этого событія. Статья эта составлена, конечно, очевидцемъ описываемой имъ кончины: въ виду точности и хронологической опредѣленности разсказа, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія [1]); но время ея написанія не можетъ быть отнесено къ днямъ игуменства Стефана, замѣстителя Θеодосія. Въ Печерскомъ монастырѣ создалась партія, враждебная новому игумену; его сторонники обращали особое вниманіе на то, что онъ былъ близкимъ ученикомъ Θеодосія; лѣтописецъ передаетъ рѣчи сторонниковъ Стефана, отстаивавшихъ своего избранника передъ умирающимъ игуменомъ: онъ возросъ подъ твоею рукой,— говорили они,—и послужилъ тебѣ; противники ставили въ вину Стефану нарушеніе имъ монастырскаго устава [2]); они выдвигали въ ка-

---

[1]) Такъ авторъ различаетъ событія, имѣвшія мѣсто въ пятый, шестой, седьмой и восьмой дни предсмертной болѣзни Θеодосія; онъ указываетъ не только день кончины Θеодосія, но и часъ („въ часъ 2 дне").

[2]) Это можно заключить изъ преподаннаго Стефану Θеодосіемъ наставленія, какъ его передаетъ лѣтопись: „чадо! се предаю ти манастырь, блюди со опасеньемь его, и яже устроихъ въ службахъ, то держи; пре-

ствѣ аргумента, освобождавшаго ихъ отъ обязанности повиновенія своему игумену, исторію его избранія. Θеодосій по усиленной просьбѣ братіи, отказавшейся отъ права избрать себѣ самой игумена, хотѣлъ благословить на игуменство Іакова пресвитера; но братіи это было нелюбо, и она стала просить Θеодосія благословить на игуменство Стефана демественника. Θеодосій послушалъ братію, благословилъ Стефана, но сказалъ при этомъ слѣдующее жесткое слово: «се азъ, по Божью повелѣнью, нарекль быхъ Іякова; се же вы свою волю створити хощете». Итакъ, лѣтописецъ устами преп. Θеодосія свидѣтельствуетъ, что Стефанъ сталъ игуменомъ вопреки Божію повелѣнію [1]). Не могу допустить, чтобы это могло быть написано при игуменствѣ Стефана; для меня ясно, что разсказъ объ успеніи Θеодосія составленъ послѣ изгнанія Стефана изъ монастыря, и написанъ онъ притомъ его противникомъ, косвенно оправдывавшимъ братію за мятежъ противъ игумена, получившаго все таки благословеніе отъ Θеодосія; для меня ясно, что этотъ разсказъ написанъ въ дни игуменства Никона, избраннаго на мѣсто Стефана. Слѣдовательно, Печерское лѣтописаніе, прерванное при игуменствѣ Стефана, когда монастырь сталъ мѣстомъ внутреннихъ раздоровъ и вражды, возобновилось при игуменствѣ Никона, который, какъ мы видѣли, раньше самъ велъ лѣтопись и довелъ ее до 1073 года. Но оставимъ въ сторонѣ это второе продолженіе къ Древн. своду, относящееся ко времени едва ли раньшему, чѣмъ 1078 годъ [2]), и вернемся къ

данья манастырьская и уставъ не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьску".

[1]) Ср. съ этимъ слова Нестора по поводу назначенія на игуменство Никона (при которомъ написано Житіе Θеодосія): „И се, якоже мню, по Божію изволенію быти того поставленію, якоже тому старѣйшю сущю всѣхъ".

[2]) Слѣды участія Никона въ составленіи статей 1075 и слѣд. вижу, во-первыхъ, въ разсказѣ о посѣщеніи Святослава нѣмецкими послами, передъ которыми Святославъ хвалился своимъ богатствомъ: Никонъ осуждаетъ Святослава, сохранивъ къ нему враждебныя чувства послѣ событій 1073 года (сопоставленіе поступка Святослава съ поступкомъ Іезекіи напоминаетъ Никоновы сопоставленія—подъ 1073 годомъ поступка Святослава и Всеволода по отношенію къ Изяславу съ отнятіемъ Хамовыми сыновьями земли у Сиѳова племени, и въ началѣ лѣтописи—покореніе Ко-

первому продолженію его, доведенному до событія 22 марта 1073 года.

§ 242. Ставимъ прежде всего вопросъ, когда именно Никонъ принялся за обработку Древнѣйшаго лѣтописнаго свода и за составленіе продолженія къ нему. Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Подъ 6526 (1018) годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ (Нач. сводѣ) читаемъ слѣдующее объясненіе удаленія изъ Кіева Болеслава Храбраго послѣ побѣды его надъ Ярославомъ, предоставившей кіевскій столъ Святополку. «И рече Болеславъ: разведѣте дружину мою по городомъ на покормъ; и бысть тако... Оканьный же Святополкъ рече: елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева». Соотвѣтствуетъ ли это объясненіе причины удаленія изъ Кіева Болеслава дѣйствительности? Нисколько, ибо ему противорѣчитъ, во-первыхъ, дальнѣйшее извѣстіе о томъ, что Болеславъ взялъ съ собою имѣніе и бояръ Ярославовыхъ, а также двухъ сестеръ Ярослава и еще множество плѣнныхъ: могъ ли это позволить себѣ бѣглецъ, опасавшійся остаться безоружнымъ во вражеской странѣ? Во-вторыхъ, современникъ событій 1018 года Титмаръ Мерзебургскій сообщаетъ о торжественномъ возвращеніи Болеслава въ Польшу послѣ блестяще удавшагося похода. Итакъ, объясненіе Болеславова бѣгства отнесемъ насчетъ патріотическаго возбужденія лѣтописца, оскорбленнаго побѣдой Болеслава, его торжествомъ. Но что же дало лѣтописцу поводъ внести въ исторію торжества нечестиваго Святополка и его союзника именно ту подробность,

---

заръ русскими князьями съ гибелью Египтянъ отъ Моисея); во-вторыхъ, перу Никона можетъ принадлежать похвала Глѣбу Святославичу подъ 1078 г.: Глѣбъ, какъ бывшій князь Тмутороканскій, былъ хорошо извѣстенъ Никону (ср. похвальныя строки, сочиненныя Никономъ, въ отношеніи къ двумъ другимъ тмутороканскимъ князьямъ—Мстиславу Владиміровичу и Ростиславу); въ-третьихъ, постоянное вниманіе, удѣляемое тмутороканскимъ событіямъ, напр. подъ 1077, 1078, 1079, 1081, 1083 (послѣ того Тмуторокань упоминается въ Повѣсти вр. лѣтъ только еще одинъ разъ, подъ 1094, когда оттуда пришелъ съ Половцами Олегъ), также ведетъ насъ къ Никону, не утратившему, конечно, связи съ основаннымъ имъ въ Тмутороканѣ монастыремъ.

которую мы выше привели? Думаю, что поводъ былъ данъ событіями 1069 года. Мы читаемъ здѣсь о появленіи въ Кіевѣ Изяслава съ Ляхами, предводительствуемыми его союзникомъ и двоюроднымъ братомъ Болеславомъ Смѣлымъ; съ помощью Ляховъ Изяславъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, такъ же какъ пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ Ляхи съ Болеславомъ Храбрымъ во главѣ посадили на столъ Святополка. «И сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 день,—продолжаетъ лѣтописецъ,—и распуща Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай, и възвратися съ Ляхы [1]) Болеславъ въ землю свою».

Думаю, вслѣдъ за Карловичемъ (см. нижеслѣдующее примѣчаніе), что подробность объ избіеніи Ляховъ, распущенныхъ на покормъ, въ 1018 году перенесена лѣтописцемъ изъ пережитыхъ имъ событій 1069 года; такое перенесеніе оправдывается тѣмъ сходствомъ, которое замѣчалось между событіями того и другого года [2]).

Отсюда слѣдуетъ, что мѣсто, гдѣ Древн. сводъ сообщалъ объ

---

[1]) Такъ поправляю, вмѣсто: „в Ляхы“.

[2]) Ср. смѣшеніе подробностей обоихъ походовъ Болеслава Храбраго и Болеслава Смѣлаго и у польскихъ лѣтописцевъ. Мартинъ Галлъ (составившій свою хронику въ самомъ началѣ XII ст.), описывая взятіе Кіева Болеславомъ Храбрымъ, сообщаетъ о томъ, что онъ ударилъ обнаженнымъ мечемъ въ кіевскія Златыя врата; и то же сообщается имъ въ разсказѣ о взятіи Кіева Болеславомъ Смѣлымъ (Monumenta Pol. hist., I, 402 и 419). Изслѣдователи, отмѣчая, что Златыя врата еще не существовали въ 1018 году, справедливо указываютъ на то, что подробность эта перенесена въ разсказъ о взятіи Кіева Болеславомъ Храбрымъ изъ преданій о взятіи Кіева Болеславомъ Смѣлымъ. Карловичъ, посвятившій разбору извѣстій объ обоихъ походахъ особое изслѣдованіе (Wyprawa Kijowska Boleslawa Wielkiego, Poznań, 1872, с. 15, 17 и сл.), объясняетъ заимствованіемъ изъ преданій о походѣ Болеслава Смѣлаго и ту подробность, сообщенную Галломъ, по которой Болеславъ Храбрый пробылъ въ Кіевѣ десять мѣсяцевъ: Титмаръ Мерзебургскій показываетъ, что пребываніе Болеслава на Руси было очень непродолжительно. Ср. еще появленіе въ разсказѣ Галла о походѣ Болеслава Храбраго Половцевъ, о которыхъ еще не знали въ первой половинѣ XI столѣтія.—Возраженія, сдѣланныя Грушевскимъ Карловичу въ отношеніи подробности объ избіеніи распущенныхъ на покормъ Ляховъ (ср. Історія України-Руси, II, 13 и 60), не представляются мнѣ убѣдительными.

избіенія Ляховъ и бѣгствѣ Болеслава Храбраго, вставлено и вставлено при томъ лицомъ, переживавшимъ событія 1069 года и видѣвшимъ, чѣмъ именно было вызвано удаленіе изъ Кіева Болеслава Смѣлаго. Такимъ лицомъ, согласно предыдущему, былъ Никонъ. Слѣдовательно, Никонъ перерабатывалъ текстъ Древн. свода и приступилъ къ составленію продолженія къ нему не раньше 1069 года. Этотъ выводъ въ значительной степени приближаетъ насъ къ предположенному выше времени окончанія Никонова труда, т.-е. къ 1073 году. Мы съ бо̀льшею еще увѣренностью, чѣмъ раньше, можемъ теперь утверждать, что статья о кончинѣ Ярослава, т.-е. та первая или вторая статья, которыми начиналось Никоново продолженіе къ Древн. своду, составлена въ 1073 году подъ вліяніемъ распри между Ярославичами и съ цѣлью обличенія Святослава и Всеволода, возставшихъ противъ Изяслава. Слѣдовательно, составленіе продолженія къ Древн. своду относимъ къ 1073 году; работа же по перепискѣ и передѣлкѣ самого Древн. свода могла начаться еще въ предшествующемъ, 1072 году.

4.

§ 243. Перехожу къ краткому обзору состава Продолженія къ Древн. своду, приготовленнаго Никономъ въ началѣ 1073 года.

Мы видѣли выше, что Древн. сводъ обнималъ событія до 1039 г. и оканчивался статьей о закладкѣ и освященіи св. Софіи. Но, кажется, къ нему была приписана еще одна статья, статья о пораженіи Владиміра Греками въ 1043 году. Я предполагаю такъ потому, что статья эта обнаруживаетъ, какъ сейчасъ скажемъ, въ своемъ составѣ работу двухъ авторовъ: однимъ изъ нихъ, а именно для вводныхъ эпизодовъ въ этой статьѣ, можно признать Печерскаго лѣтописца, Никона; но отсюда слѣдуетъ, что основная часть статьи дана была источникомъ, легшимъ въ основаніе труда Никона, т.-е. Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ. Приведу данныя, обнаруживающія въ разсматриваемой статьѣ двухъ авторовъ. Въ ней говорится о томъ, что буря разбила русскіе корабли и что воины Владиміра были выброшены на берегъ въ числѣ 6.000 человѣкъ; Греки, узнавъ о разстройствѣ русскаго флота, послали въ погоню за остатками его 14 хеландій; Владиміръ, замѣтивъ ихъ, вернулся

и разбилъ ихъ; «и възвратися въ Русь въсѣдавъшеся въ кораблѣ своѣ»; выброшенныхъ же на берегъ, предводительствуемыхъ Вышатой, Греки привели въ Царьградъ и ослѣпили множество ихъ; черезъ три года они по заключеніи мира были отпущены въ Русь къ Ярославу.—Останавливаюсь на фразѣ: «и възвратися въ Русь въсѣдавъшеся въ кораблѣ своѣ»; читаю такъ на основаніи варіанта Радзив. списка, гдѣ находимъ «всѣдъше», между тѣмъ какъ въ Лавр. «ссѣдавшеся», въ Ипат. «сьсѣдавшися»; впрочемъ, чтеніе «съсѣдавъшеся», въ виду послѣдующаго «въ кораблѣ своѣ», едва-ли можетъ имѣть другой смыслъ, чѣмъ чтеніе «въсѣдъше». Итакъ, изъ смысла приведенной фразы явствуетъ, что выброшенные на берегъ воины Владиміровы сѣли въ корабли и вернулись въ Русь. Слѣдовательно, фраза эта находится въ полномъ противорѣчіи съ послѣдующимъ разсказомъ, гдѣ сообщено, что Греки схватили выброшенныхъ на берегъ и отвели ихъ плѣнными въ Царьградъ. Такое противорѣчіе можетъ быть объяснено только вставкой въ первоначальный текстъ: въ немъ говорилось о томъ, что буря разбила русскіе корабли, что значительная часть войска была выброшена на берегъ, что Греки отправились въ погоню за оставшимися кораблями, но они были разбиты Владиміромъ; логическимъ слѣдствіемъ морской побѣды было бы спасеніе выброшенныхъ на берегъ, тѣмъ болѣе, что о сухопутной Греческой рати нашъ разсказъ умалчиваетъ, и то мѣсто, которое признаемъ поэтому вставкой, гдѣ говорится о томъ, что выброшенные на берегъ русскіе попали въ плѣнъ Грекамъ, оказывается совершенно неожиданнымъ. Это мѣсто стоитъ въ прямой связи съ другимъ, ему предшествующимъ: никто изъ княжей дружины не пожелалъ идти съ выброшенными на берегъ воинами, рѣшившимися пробиваться въ Русь сухимъ путемъ; тогда къ нимъ присоединился Вышата, который, выйдя изъ корабля, объявилъ, что готовъ раздѣлить смерть съ дружиной. Неясно, какъ понять рѣшеніе Вышаты, почему о немъ говоритъ лѣтописецъ; выше онъ говорилъ, что воеводство было поручено Ярославомъ этому Вышатѣ: въ такомъ случаѣ Вышата былъ обязанъ принять мѣры къ спасенію своихъ воиновъ и взять на себя предводительство ими. Но самое упоминаніе о воеводствѣ Вышаты останавливаетъ на себѣ наше вниманіе еще потому, что воеводой Ярославовымъ названъ

ниже Иванъ Творимиричь: «и вззша князя въ корабль Иванъ Творимирича, воеводы Ярославля»; итакъ, Вышата былъ однимъ изъ воеводъ—это объяснило бы намъ значеніе его самоотверженнаго поступка. Но возникаетъ новый вопросъ: почему лѣтописецъ въ самомъ началѣ статьи сообщилъ о Вышатѣ, при чемъ сообщеніе это имѣетъ такой смыслъ, будто Вышатѣ было поручено главное воеводство? Разрѣшеніе выставленныхъ недоумѣній вижу въ предположеніи, что всѣ три мѣста, гдѣ говорится о Вышатѣ: 1) мѣсто, гдѣ сообщено о воеводствѣ Вышаты, 2) разсказъ о самоотверженномъ поступкѣ Вышаты, 3) сообщеніе о судьбѣ выброшенныхъ бурей на берегъ и предводительствуемыхъ Вышатой,—что всѣ эти три мѣста вставлены позже въ первоначальный текстъ разсказа. Въ пользу такого предположенія говоритъ еще и то, что Вышата названъ отцомъ Яневымъ; современная или вообще близкая ко времени событія запись не могла бы, конечно, дать Вышатѣ такого именно опредѣленія, опредѣленія по имени его сына: Вышата былъ самъ по себѣ лицомъ извѣстнымъ и если бы требовалось отличить его отъ другого Вышаты, то современникъ назвалъ бы его по отцу; ср. въ этой же статьѣ имя Ивана Творимирича. Очевидно, слова «отцю Яневу» и, конечно, не одни эти слова, а всѣ три отмѣченныя нами какъ вставки мѣста, написаны въ такое время, когда Вышаты не было въ живыхъ, и когда извѣстность получилъ его сынъ Янь.

Этотъ Янь несомнѣнно тотъ самый, который въ лѣтописи упоминается еще нѣсколько разъ; мы находимъ его подъ 1071 годомъ въ качествѣ данщика Святослава («дань емлющю Яневи, сыну Вышатину»), подъ 1089 въ качествѣ Кіевскаго тысяцкаго, подъ 1093 въ качествѣ Святополкова военачальника, подъ 1106 въ качествѣ воеводы Святополча (въ Ипат. и Соф. 1-й указано при этомъ его отчество: Вышатичъ); подъ тѣмъ же 1106 годомъ сообщается о его смерти и погребеніи въ Печерскомъ монастырѣ, причемъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ отъ него слышалъ многа словеса, «еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь, отъ негоже слышахъ». Послѣднее обстоятельство наводитъ на предположеніе, что отмѣченныя вставки въ разсказъ о Владиміровомъ походѣ на Грековъ обязаны своимъ появленіемъ Яню, сыну Вышатину: я не допускаю и мысли о томъ, что вставки сдѣланы подъ влія-

ніемъ разсказовъ Яня тѣмъ лѣтописцемъ, которому принадлежитъ сообщеніе о его кончинѣ, ибо, конечно, вставки относительно участія Вышаты въ походѣ Владиміра читались уже въ Начальномъ сводѣ; но думаю, что разсказами Яня могъ воспользоваться и предшественникъ того лѣтописца и на основаніи ихъ дополнить первоначальный текстъ статьи о походѣ Владиміра. Близость Яня къ Печерскому монастырю началась еще во времена Ѳеодосія: это засвидѣтельствовано лѣтописью, гдѣ мы подъ 1091 годомъ читаемъ о посѣщеніяхъ Ѳеодосіемъ Яня и его жены Маріи, которая по пророченію Ѳеодосія была похоронена рядомъ съ нимъ въ 1091 году. Слѣдовательно, правдоподобно допустить, что уже Никонъ, работавшій въ 1073 году, заимствовалъ кое-что изъ Яневыхъ разсказовъ. Впрочемъ, это доказывается внесенною Никономъ статьей подъ 1071 годомъ, гдѣ подробно описывается усмиреніе Янемъ Бѣлозерской области, встревоженной появленіемъ волхвовъ; обстоятельность разсказа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ записанъ вскорѣ послѣ описываемыхъ событій, а событія эти во всякомъ случаѣ имѣли мѣсто до 1071 года. Итакъ, нахожу вѣроятнымъ, что отмѣченныя три вставки въ разсказъ о походѣ Владиміра внесены Никономъ при переработкѣ имъ текста Древн. лѣтописнаго свода.

§ 244. Слѣдующею статьею Повѣсти вр. лѣтъ, которую можно возвести къ Продолженію Древн. лѣт. свода, составленному Никономъ, оказывается статья о началѣ Печерскаго монастыря. Выше въ §§ 191^5—191^{12} мы отмѣтили тѣ редакціонныя вставки и передѣлки, которымъ подвергся въ Начальномъ сводѣ первоначальный текстъ этой статьи. Здѣсь мы предложимъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, которыя должны уяснить первоначальный составъ и происхожденіе этой статьи. Отмѣчу прежде всего, что въ Продолженіи къ Древн. своду она читалась, повидимому, не подъ 1051 годомъ, куда ее переставилъ Начальный сводъ, частью по той причинѣ, что въ этой статьѣ упоминается о поставленіи Иларіона митрополитомъ въ 6559 (1051) году, частью же подъ вліяніемъ Житія Антонія, утверждавшаго, что монастырь начался не при Изяславѣ, а гораздо раньше, въ княженіи Ярослава: перенесеніе статьи о началѣ Печерскаго монастыря изъ статьи 6570 (1062) года, гдѣ она была помѣщена предположительно въ Продолженіи къ Древн.

своду, подъ 6559 (1051) годъ было своего рода компромиссомъ между старой традиціей, связывавшею появленіе монастыря съ поселеніемъ Антонія въ пещеркѣ, оставшейся свободною послѣ Иларіона, и утвержденіемъ Житія Антонія относительно глубокой древности, когда началась подвижническая жизнь Антонія. Думаю, что статья о началѣ Печерскаго монастыря читалась подъ 6570 (1062) годомъ, т. е. годомъ основанія монастыря [1]), по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, невѣроятно, чтобы этотъ годъ не былъ отмѣченъ въ Печерской лѣтописи, каковою было Продолженіе къ Древн. своду; во-вторыхъ, статья оканчивается словами: «Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскыи»; допустивъ, что статья съ самаго начала читалась подъ 6559 годомъ, мы увидѣли бы, что утвержденіе лѣтописца неправильно и неосновательно, ибо въ этой статьѣ не указано, въ какое же лѣто почалъ быть монастырь. Итакъ, въ сущности мы должны были бы въ настоящемъ обозрѣніи состава Продолженія къ Древн. своду разсмотрѣть занимающую насъ статью ниже, подъ 1062 годомъ, но продолжаемъ свои замѣчанія здѣсь, чтобы не дробить ихъ.

§ 245. Исходя изъ предположенія, что настоящая статья составлена пр. Никономъ или другимъ лицомъ, подъ непосредственнымъ его руководствомъ, въ 1073 году, я думаю, что замѣчанія: «кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерьскый», ниже: «яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь», и еще ниже: «(ископавъ печеру), яже есть подъ новымь манастыремь» не содержались въ первоначальномъ текстѣ, а вставлены или позднѣйшимъ продолжателемъ, или составителемъ Начальнаго свода: новый монастырь построенъ, какъ видно изъ Житія Θеодосія, въ 1073—1074 годахъ.

Далѣе слова «и постави й митрополитомь в святѣи Софьи» я считаю необходимымъ дополнить словами «въ лѣто 6559 собравъ

---

[1]) Ср. въ Житіи Θеодосія: „въ мало время въгради цьркъвь на мѣстѣ томь въ имя святыя и преславьныя Богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ, и постави келиѣ многы; и тъгда преселися отъ пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570, и отътолѣ Божиею благодатию въздрасте мѣсто то и бысть манастырь славьнъ, се же и донынѣ есть Печерьскыи наричемъ“.

епископы» на томъ основаніи, что все извѣстіе о поставленіи Иларіона митрополитомъ, читаемое въ началѣ лѣтописной статьи 6559 года, представляется извлеченнымъ изъ разсматриваемой статьи о началѣ Печерскаго монастыря.

Особеннаго обсужденія заслуживаетъ окончаніе разсматриваемой статьи. Послѣ сообщенія о полученіи Ѳеодосіемъ устава Студійскаго и введеніи его въ свой монастырь и замѣчанія о томъ, что уставъ этотъ переняли отъ Печерскаго монастыря другіе, вслѣдствіе чего Печерскій монастырь почитается какъ старшій между всѣми другими, читаемъ: «Ѳеодосьеви же живущю в манастыри и правящю добродѣтельное житье и черньчьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскый. А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ». Кому принадлежатъ эти слова? Можно ли отождествить лѣтописца, говорящаго здѣсь о себѣ, съ составителемъ разсматриваемой статьи? Обращаю вниманіе на употребленіе имъ единственнаго числа: «придохъ», «написахъ», «положихъ», а рядомъ находимъ и множественное: «скажемъ». Это «скажемъ» напоминаетъ «скажемъ» въ началѣ статьи: «И се да скажемъ, что ради прозвася Печерьскый манастырь». Быть можетъ, допустимо, что одно и то же лицо сначала употребило единственное число, а потомъ множественное, но непонятенъ смыслъ фразы «А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ». Что такое «паки»? Не предполагаетъ ли оно непосредственнаго продолженія этой фразы разсказомъ о житіи Ѳеодосія? А между тѣмъ такого продолженія не находимъ. Я не могу понять слова «пакы» (опять, еще) въ значеніи «инъде» (въ другомъ мѣстѣ) [1]), или «по семъ», не могу поэтому видѣть продолженія статьи 6559 года въ статьѣ 6582 (1074) года, гдѣ къ тому же говорится не о житьи Ѳеодосіевѣ, а объ его кончинѣ («Скажемъ же о успеньи его мало»). Слѣдовательно, фраза «А о Федосьевѣ житьи пакы скажемъ» предпо-

[1]) Никоновская лѣтопись замѣнила слово „паки“ словомъ „индѣ“. Кубаревъ въ своемъ изслѣдованіи о Несторѣ понималъ „пакы“ какъ „въ другомъ мѣстѣ“ (Русск ист сб. IV, 429)

лагаетъ существованіе такого продолженія статьи 6559 года, какого она въ настоящее время не имѣетъ; статья о началѣ Печерскаго монастыря утратила свое окончаніе, а это ведетъ насъ къ неминуемому заключенію, что приведенный выше отрывокъ «Ѳеодосьеви же живущю в манастыри... и что ради зоветься Печерьскый», отрывокъ, представляющійся теперь окончаніемъ, заключеніемъ этой статьи, совсѣмъ не читался въ первоначальной редакціи статьи или читался въ ней ниже, послѣ разсказа о житьи Ѳеодосія. Въ первоначальной редакціи этой статьи за словами «тѣмь же почтенъ есть манастырь старѣи всѣхъ» читалось: «А о Феодосьевѣ житьи пакы съкажемъ», и дѣйствительно въ ней должно было говориться объ этомъ житьи. Я думаю, что до насъ дошли въ другомъ мѣстѣ отрывки изъ этой второй части статьи о началѣ Печерскаго монастыря: имѣю въ виду тотъ разсказъ о Печерскомъ монастырѣ и о нѣкоторыхъ изъ прославившихся въ немъ братьяхъ, который читаемъ подъ 6582 годомъ, вслѣдъ за статьей объ успеніи Ѳеодосія.

§ 246. Вопросъ объ этомъ разсказѣ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія, такъ какъ анализъ разсказа и признаніе его входившимъ въ составъ Никонова Продолженія къ Древн. своду дасть намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній, подтверждающихъ наши выводы. Разсказъ начинается словами: «Стеѳану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий, такы черньцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють». Нельзя не признать такое начало неуклюжимъ и неумѣстнымъ, если сообразимъ, что за нимъ повѣствуется о монастырской жизни временъ не Стефана, а еще Ѳеодосія. Сначала находимъ общую характеристику блаженаго стада, его благочестивыхъ подвиговъ, его любви другъ къ другу и послушанія; яркія черты этой характеристики не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что она относится ко времени игуменства Ѳеодосія; въ этомъ особенно убѣждаетъ сопоставленіе съ Несторовымъ Житіемъ Ѳеодосія, гдѣ между прочимъ читаемъ: «они же, яко земля, жажущия воды, тако примааху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу, овъ сто, овъ же 60; и бѣ видѣти на земли человѣкы житиемь акы ангеломъ тъчьны и манастырь тъ подобьнъ небеси». За общею характеристикой читаемъ въ анализируемомъ разсказѣ:

«Таци бо бѣша любовници и вьздержьници, и постници, отъ нихже намѣню нѣколико мужь чюдныхъ»; въ числѣ этихъ мужей названы: Даміанъ, современникъ Ѳеодосія и скончавшійся раньше него, о которомъ (и при томъ сходно съ лѣтописью) повѣствуетъ и Несторъ въ Житіи Ѳеодосія, Іеремія, помнившій крещеніе земли Русской, Матѳей прозорливый, переживпій Ѳеодосія, и Исакій, принятый въ монастырь еще великимъ Антоніемъ, но переживпій Ѳеодосія и скончавшійся при игуменѣ Іоаннѣ. Итакъ, во всякомъ случаѣ разсказчикъ не задавался цѣлью изобразить жизнь Печерскаго монастыря послѣ Ѳеодосія; поэтому приведенныя выше слова: «Стеѳану же предержащю манастырь» должны быть поняты какъ позднѣйшая вставка [1]); это ясно въ особенности еще и потому, что слово «предержащю», за которымъ слѣдуетъ, «манастырь» не можетъ относиться къ дальнѣйшимъ словамъ «блаженое стадо» и т. д. Но если разсказчикъ изображаетъ намъ цвѣтущія времена Ѳеодосіевы, то употребленіе настоящаго времени «сьяють» весьма характерно указываетъ, что авторомъ разсказа былъ современникъ Ѳеодосіевъ [2]): крѣпкіе постники и богатые любовью братья еще не отошли вмѣстѣ съ великимъ игуменомъ, создавшимъ монастырь,—они живы, они сіяютъ въ Руси, какъ свѣтила; изъ названныхъ нарочито славныхъ мужей нѣтъ уже въ живыхъ Даміана (онъ умеръ при Ѳеодосіи и объ его смерти сообщено разсказчикомъ), нѣтъ, быть можетъ, также Іереміи (о которомъ разсказъ идетъ въ прошедшемъ времени), но что мѣшаетъ намъ предположить, что Матвѣй и Исакій еще живы; правда, о кончинѣ того и другого упомянуто въ дошедшемъ до насъ текстѣ, но врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что отрывокъ «При семъ бо старци Ѳеодосий преставися, и бысть Стеѳанъ игуменъ, и по Стеѳанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю... и почи въ старости добрѣ в манастыри семъ», въ которомъ разсказано о видѣніи, бывшемъ Матвѣю въ церкви, гдѣ онъ на мѣстѣ опоздавшаго къ службѣ игумена Никона увидѣлъ осла,—вставленъ

---

[1]) Ср. ниже вставку отрывковъ, начинающихся словами „При семъ бо старци Ѳеодосій преставися, и бысть Стеѳанъ игуменъ и по Стеѳанѣ Никонъ", „Ѳеодосью же преставльшюся, и Стефану въ него мѣсто бывшю".

[2]) Въ Ипат. спискѣ исправлено „сияху".

въ лѣтопись позже и при томъ послѣ 1088 года, когда умеръ Никонъ. Поэтому позднѣйшею вставкой можемъ признать и окончаніе разсказа объ Исакіи, начинающееся словами «Θеодосью же преставльшюся и Стефану въ него мѣсто бывшю, Исакий же рече» [1]); въ этомъ отрывкѣ, написанномъ не раньше 1088 года, такъ какъ въ немъ упомянутъ Никоновъ преемникъ Іоаннъ, находимъ также враждебную памяти игумена Никона выходку: «да ово отъ игумена Никона пріимаше (Исакій) раны» [2]).

Въ концѣ разсматриваемой статьи, послѣ разсказа объ Исакіи читаемъ: «Таци ти быша черноризци Θеодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью и за мирьскую братью и за приносящая въ манастырь, в немже и донынѣ добродѣтелное житье живуть, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему и Θеодосьевами молитвами сблюдаеми, емуже слава, аминь». Обращаю вниманіе на то, что эта фраза построена не совсѣмъ ясно: гдѣ подлежащее къ «живуть»? Думаю, что его надо отождествить съ подлежащимъ къ «молять», а это ведетъ къ необходимости предположить, что слова «и по смерти» вставлены позже [3]), и что вмѣсто «быша» первоначально читалось «суть». Итакъ получаемъ еще указаніе на то, что разсматриваемая статья написана при жизни Θеодосія и прославляемыхъ ею черноризцевъ. Такое же указаніе получаемъ при сравнительномъ изученіи текста начала этой статьи по спискамъ Лаврентьевскому и Ипатьевскому: мы уже видѣли, что вмѣсто «сьяють» Лавр. списка Ипатьевскій предлагаетъ «сияху»; отмѣчаемъ еще замѣну «ини же ядуще хлѣбъ с водою» Лавр. списка фразой: «овии же ядяху хлѣбъ с водою» въ Ипатьевскомъ; далѣе вмѣсто чтенія Хлѣбн. списка: «наказующе и утѣшающе», въ Лавр. и Ипат.: «наказаху (и) утѣшающе». Слѣдо-

---

[1]) Обращаю вниманіе на неуклюжее построеніе этой фразы.

[2]) Составитель окончанія разсказа объ Исакіи называетъ себя самовидцемъ его подвиговъ („а другое и самовидець бѣхъ"). Ср. это слово въ статьѣ 1091 года объ обрѣтеніи мощей Θеодосія. Вѣроятно—мы имѣемъ передъ собой составителя Нач. свода.

[3]) Ср. „иже сияють яко свѣтила" съ приведеннымъ выше „яко свѣтила в Руси сьяють".

вательно, въ Лавр. и Хлѣбн. спискахъ сохранились формы наст. времени, замѣненныя въ Ипат. формами прошедшаго. Съ другой стороны, и въ Ипатьевскомъ оказываются формы наст. времени, замѣненныя въ Лавр. прошедшими, напр. въ Ипат.: «аще который братъ впадеть в кое любо согрѣшение», въ Лавр.: «аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше»; въ Ипат.: «и посылають по нь, приводяху брата къ манастырю; и шедше вси покланяхуся игумену, и умолять игумена, и приимаху в манастырь брата с радостію», въ Лавр.: «посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедши вся кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в манастырь с радостью». Послѣ этихъ сопоставленій у меня нѣтъ сомнѣній въ томъ, что разсматриваемый разсказъ былъ первоначально изложенъ въ той части, гдѣ характеризовался вообще весь монастырь, въ настоящемъ времени и что прошедшія времена появились уже подъ перомъ позднѣйшихъ редакторовъ.

§ 247. Наши разсужденія клонятся къ тому, чтобы, признавъ разсмотрѣнныя части статьи 6582 года входившими нѣкогда въ составъ статьи о началѣ Печерскаго монастыря, опредѣлить время составленія этого описанія Печерскаго монастыря временемъ, предшествовавшимъ кончинѣ преп. Ѳеодосія. Скажемъ опредѣленнѣе: предыдущія соображенія позволяютъ намъ отнести это описаніе къ 1072—1073 годамъ и признать его составленнымъ Никономъ.

Итакъ, статья о томъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, въ первой половинѣ своей сходствовала съ тѣмъ текстомъ, что читаемъ теперь въ Повѣсти вр. л. подъ 6559 годомъ (разумѣется, мы исключимъ изъ него вставки, сдѣланныя на основанія Житія Антонія); во второй половинѣ она сообщала о житіи Ѳеодосія, объ его подвигахъ, и затѣмъ переходила къ общей характеристикѣ блаженаго стада Ѳеодосіева монастыря, выдвигая спеціально краткіе очерки житій Даміана, Іереміи, Матвея и Исакія. Статья оканчивалась такъ же, какъ кончается теперь статья 1074 года (въ которую вошла значительная часть статьи о началѣ Печерскаго манастыря), т.-е. отрывкомъ: «Таци ти (суть) черноризци Ѳеодосьева манастыря... ему же слава, аминь». Составитель Начальнаго свода помѣстилъ подъ 6559 годомъ только

первую половину статьи; вторая половина частью выпущена, частью перенесена подъ 6582 годъ. Вмѣсто этой второй половины составитель придѣлалъ свое окончаніе, въ которомъ онъ сообщилъ о себѣ, о прибытіи своемъ въ Печерскій монастырь: слова «правящю добродѣтелное житье» напоминаютъ окончаніе статьи 6582 года, гдѣ есть фраза: «в немже и донынѣ добродѣтелное житье живуть»; слѣдовательно, слова эти могли быть написаны подъ вліяніемъ окончанія статьи, что ради прозвася Печерскій монастырь; лѣтописца, говорящаго о своемъ приходѣ къ Θеодосію, я отождествляю съ составителемъ Начальнаго свода; того же лѣтописца вижу въ статьѣ объ обрѣтеніи мощей Θеодосіевыхъ и въ похвалѣ Θеодосію. За словами: «и приятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего», читаемъ: «Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерьскый». Эти слова врядъ ли можно приписать лицу, передѣлавшему разсматриваемую статью; скорѣе они принадлежатъ дѣйствительно автору этой статьи, т.-е. Никону. Предполагаю, что первоначально они читались нѣсколько иначе: «Се же написахомъ и положихомъ...», что соотвѣтствовало «съкажемъ» въ началѣ статьи и «съкажемъ» въ слѣдующей затѣмъ фразѣ: «А о Θеодосьевѣ житьи паки скажемъ».

§ 248. Слѣдующею статьею Повѣсти вр. лѣтъ, которая можетъ быть возведена къ Никонову продолженію Древн. свода, оказывается статья 6562 года о кончинѣ Ярослава. Мы останавливались выше (§ 223) на содержаніи этой статьи и отмѣчали политическое ея значеніе. Имѣя въ виду, что статья написана въ 1073 году, слѣдовательно, черезъ 19 лѣтъ послѣ смерти Ярослава, предполагаемъ, что все содержаніе ея представляется результатомъ частью сочинительства, частью же припоминаній. Особенное вниманіе обращаетъ на себя день кончины Ярослава: статья обозначаетъ его неопредѣленно: «в суботу 1 поста святаго Θеодора»; такъ въ Лавр. и Радз.; чтеніе Ипат., Комм. и др. списковъ, обозначающихъ день точнѣе [1]), представляется подновленнымъ. Вокругъ этого числа въ новѣйшее время сложилась

[1]) Ипат. указываетъ на 20-е февраля, Комм.: мѣсяца февраля.

значительная уже литература [1]). Является вопросомъ, имѣемъ ли мы дѣло съ мартовскимъ или сентябрьскимъ годомъ. Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ древней Руси считали мартовскими годами: суббота 1-я поста приходилась для мартовскаго 6562 года, т.-е. для того года, который съ 1-го марта 6562 года соотвѣтствовалъ нашему январскому 1054 году, на 26-е февраля предшествующаго 6561 (мартовскаго) года. Признаю поэтому днемъ кончины Ярослава 26-е февраля. Правда, можно было бы ожидать болѣе точнаго обозначенія: Ярославъ умеръ въ 6561 году 26 февраля, въ субботу 1-й недѣли поста, но черезъ 19 лѣтъ естественно было выразиться и не такъ точно, въ особенности имѣя въ виду ближайшія событія: вступленіе Изяслава на кіевскій столъ въ началѣ (мартовскаго) 6562 года, въ мартѣ 1054 года. Такимъ образомъ стоящій въ заголовкѣ статьи 6562 годъ я отношу собственно къ послѣдовавшимъ за смертью Ярослава событіямъ: прибытію Изяслава въ Кіевъ, побѣдѣ Всеволода надъ Торками и появленію Половцевъ; всѣ эти событія записаны въ 1073 году по памяти.

§ 249. Замѣчателенъ пропускъ 6563 года въ Повѣсти вр. л. и Нач. сводѣ (Комм. и Акад. списки); этотъ пропускъ доказываетъ, какъ кажется, только одно: въ Никоновомъ продолженіи къ Древн. своду не было непрерывнаго ряда годовъ, непрерывной хронологической цѣпи; пустые годы были вставлены уже составителемъ Нач. свода, который въ данномъ случаѣ могъ быть введенъ въ заблужденіе 6562-мъ годомъ; отнеся его мысленно ко дню смерти Ярослава, онъ слѣдующія событія отнесъ мысленно къ 6563-му году и перескочилъ поэтому на 6564 (пустой) годъ.

Извѣстія 6565 года—смерть Вячеслава и переводъ Игоря въ Смоленскъ, 6566—побѣда Изяслава надъ Голядью, 6567—освобожденіе изъ поруба Судислава, 6568—смерть Игоря и побѣда Ярославичей со Всеславомъ надъ Торками—всѣ эти извѣстія за-

---

[1]) А. А. Куникъ „Извѣстны ли намъ годъ и день смерти в. к. Ярослава Владиміровича?“ (1897); Н. В. Шляковъ „О поученіи Владиміра Мономаха“ (1900), с. 112, и его же „850 лѣтъ со дня кончины в. к. Ярослава I Мудраго“ (1907); Н. В. Степановъ въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. за 1908 годъ, и др.

писаны въ 1073 году по памяти. Точное указаніе при нихъ года («в лѣто» такое то, или «в семь же лѣтѣ») доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что припомнилъ эти событія и пріурочилъ ихъ къ тѣмъ или другимъ годамъ самъ Никонъ; извѣстія, сообщенныя другими лицами, онъ вводитъ болѣе неопредѣленными указаніями.

Подъ 6569 годомъ находимъ сообщеніе о первой побѣдѣ Половцевъ надъ Русью; Никонъ запомнилъ и день этого событія, быть можетъ, потому что онъ приходился на большой праздникъ, на Срѣтеніе Господне; около того же времени Никонъ оставилъ надолго Печерскую обитель.

Годъ 6570 оставленъ въ Повѣсти вр. л. (Нач. сводѣ) пустымъ, но, какъ указано, Никонъ помѣстилъ подъ этимъ годомъ статью о началѣ Печерскаго монастыря, перенесенную составителемъ Нач. свода выше, подъ 6559 годъ. Подъ 6571 читалось о кончинѣ и погребеніи Судислава; объ этомъ извѣстіи скажемъ ниже.

Подъ 6572 и въ началѣ 6573 въ Никоновомъ сводѣ содержались тмутороканскія извѣстія, о которыхъ мы говорили выше. Въ концѣ 6573 года имъ помѣщены три извѣстія, повидимому, записанныя съ чужихъ словъ и потому датированныя неточно: извѣстіе о кометѣ (явившейся, какъ мы указывали выше, въ 6574 г.), извѣстіе объ уродѣ, извлеченномъ изъ Сѣтомли, и, наконецъ, извѣстіе о солнечномъ затменіи (имѣвшемъ мѣсто въ 6572 году). Подъ 6574 Никонъ помѣстилъ тмутороканское извѣстіе. Записанныя имъ подъ 6575 событія имѣли мѣсто во время его пребыванія на Руси; поэтому они такъ точно имъ датированы.

§ 250. Подъ 6576 за краткимъ извѣстіемъ о пораженіи русскихъ князей на Альтѣ слѣдуетъ обширное поученіе, оказывающееся переработкою поученія, помѣщеннаго въ Симеоновомъ Златоструѣ. Совершенно ясно, что поученіе вставлено, ибо оно разбиваетъ текстъ предшествующаго извѣстія и даже искажаетъ его перестановкой (ср. § 114[b]). Думаю, что его не было въ Никоновомъ сводѣ. Возможно, что Никонъ указалъ день сраженія, но указаніе это опущено вслѣдствіе вставки поученія. Вторая половина статьи 6576 года своею обстоятельностью и живостью

не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что она записана ближайшимъ современникомъ: въ виду того, что мы считаемъ лѣтопись составленною въ 1073 году, видимъ, что запись сдѣлана черезъ четыре года. Разсужденія о винѣ Изяслава, нарушившаго крестное цѣлованіе ко Всеславу, ведутъ насъ, какъ мы видѣли, къ той точкѣ зрѣнія на возникшую въ Кіевѣ смуту, которой держался Печерскій монастырь: это подтверждается статьей о началѣ Печерскаго монастыря, гдѣ въ разсказѣ объ Исакіи сообщено о гнѣвѣ Изяслава на Антонія изъ за Всеслава и удаленіи Антонія на Болдины горы. Впрочемъ, это случилось уже въ слѣдующемъ 6577 (1069) году. Статью 6576 года надо признать первымъ обстоятельнымъ разсказомъ современника о видѣнныхъ имъ событіяхъ. Исключаемъ изъ Никонова труда сообщеніе о побѣдѣ Святослава надъ Половцами 1-го ноября, въ виду явной вставки отрывка «Посемь же Половцемъ воюющимъ... въ градъ свой Святославъ», гдѣ находится это сообщеніе (ср. § 114[6]).

§ 251. Подъ 6577 обстоятельный разсказъ о возвращеніи Изяслава съ Ляхами въ Кіевъ принадлежитъ несомнѣнно Никонову своду. Статья 6577 года представляется оборванною на неоконченной фразѣ: «Всеславу же бѣжавшю»; считаю вѣроятнымъ, что за этимъ читалось «погорѣ Подолие». Слова эти не сохранились въ дошедшихъ до насъ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ, отнесшихъ «Всеславу же бѣжавшю» къ предыдущему извѣстію, гдѣ говорится о смерти Мстислава въ Полотскѣ и замѣнѣ его Святополкомъ; но они есть въ Синодальномъ спискѣ, куда они попали изъ второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ: «Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всеславъ бѣжа Полотьску; и погоре Подолие» [1]). Мѣсто, гдѣ это извѣстіе читается въ Синод. спискѣ (начало статьи), не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что передъ нами не новгородское, а кіевское извѣстіе (ср. § 151).

§ 252. Подъ 6578 читаемъ въ Повѣсти вр. л. (и Нач. св.) о рожденіи у Всеволода сына Ростислава и о закладкѣ церкви св. Михаила въ монастырѣ Всеволожѣ. Восходятъ ли оба эти извѣстія къ Никонову своду, для меня неясно. Нахожу возможнымъ,

---

[1]) Отмѣчу, что въ лѣтописцѣ Толст. № 145 (представляющемъ сходство съ Тверск. сборникомъ) читается: „Всеславъ бѣжа в Варяги“.

что въ распоряженіи составителя Нач. свода былъ лѣтописецъ, ведшійся въ Выдубицкомъ монастырѣ и отмѣчавшій событія, связанныя съ княземъ Всеволодомъ и его домомъ. Исключаю поэтому предположительно оба извѣстія 6578 года изъ Никонова продолженія къ Древн. своду.

§ 253. Первыя три извѣстія 6579 года, изъ которыхъ два относятся къ борьбѣ Всеслава съ Изяславомъ, я отношу къ Никонову своду. Засимъ читаемъ: «Въ си же времена приде волхвъ прелщенъ бѣсомъ»; лѣтописецъ разсказываетъ о появившемся въ Кіевѣ волхвѣ, предсказывавшемъ, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ вспять и что Греческая земля станетъ на Русской, а Русская на Греческой; волхвъ этотъ исчезъ куда-то безъ вѣсти. Это упоминаніе о волхвѣ повело за собой другой длинный разсказъ о волхвахъ, появившихся на Бѣлоозерѣ и тамъ схваченныхъ Янемъ Вышатичемъ: разсказъ начинается словами «Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области». За нимъ читаемъ описаніе бѣсовъ, данное какимъ-то новгородцемъ со словъ кудесника изъ племени Чуди; описаніе, сообщающее о посѣщеніи кудесника новгородцемъ, начинается словами: «в си бо времена, в лѣта си». Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ разсужденій о бѣсахъ и волхвахъ читаемъ о появленіи волхва въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ и о произведенной имъ тамъ смутѣ. Возведемъ ли мы всѣ эти разсказы къ Никонову своду? Думаю, что затрудненій къ тому встрѣтиться не можетъ. Мы уже говорили о близости Яня къ Печерскому монастырю и о возможности того, что разсказъ о бѣлозерскихъ волхвахъ записанъ непосредственно отъ Яня: діалогъ между Янемъ и волхвами, подробное описаніе встрѣчи его съ волхвами и послѣдовавшей затѣмъ расправы съ ними—указываетъ несомнѣнно на то, что разсказъ записанъ со словъ очевидца или участника описываемыхъ событій [1]). Разсказъ

[1]) Разсказъ о волхвахъ бѣлозерскихъ представляетъ общія черты съ разсмотрѣннымъ нами выше (§ 164) новгородскимъ разсказомъ о возмущеніи, произведенномъ въ 6532 году волхвами въ Суздалѣ. Ср. подъ 6532: „избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино“; подъ 6579: „идѣ приидуча в погостъ, ту же нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюще, яко си жито держить, а си медъ... и убивашета многыя жены“. Подъ 6532 Ярославъ говоритъ: „Богъ

вводится неопредѣленнымъ указаніемъ: «бывши единою скудости въ Ростовьстѣй области»; это свидѣтельствуетъ, думаю, о томъ, что послѣ этихъ событій прошло уже нѣкоторое время. Появленіе Яня на службѣ у Святослава удивляетъ нѣсколько потому, что Янь принадлежалъ къ кіевскому боярству. Не имѣлъ ли мѣсто переходъ Яня къ Святославу въ 1068—1069 г., когда въ Кіевѣ сидѣлъ Всеславъ? Янь съ другими боярами могъ удалиться въ Черниговъ къ Святославу и тамъ предложить ему свои услуги. Разсказъ о новгородскомъ волхвѣ, вставшемъ при князѣ Глѣбѣ, могъ быть также записанъ Никономъ: Никонъ, посадившій въ 1067 году Глѣба на тмуторокански столъ, могъ поддерживать съ нимъ такъ или иначе сношенія и по переходѣ его въ Новгородъ въ 1068 или 1069 году (въ 1069 году 23 октября Глѣбъ одерживаетъ побѣду надъ Всеславомъ, напавшимъ на Новгородъ). Разсказъ о посѣщеніи кудесника новгородцемъ, вѣроятно, также записанъ въ Кіевѣ: Никонъ могъ услышать его даже отъ кого-нибудь изъ монаховъ Печерской обители родомъ изъ Новгородской области. Итакъ, считаю вѣроятнымъ, что три только что названныя сообщенія записаны Никономъ и имъ внесены въ Продолженіе къ Древн. своду. Но почему онъ помѣстилъ ихъ именно подъ 1071 годомъ? Рядъ разсказовъ о волхвахъ начинается сообщеніемъ о появленіи волхва въ Кіевѣ. Можно бы думать, что именно этотъ волхвъ появился въ Кіевѣ въ 1071 году; но препятствіемъ является неопредѣленное указаніе, стоящее передъ этимъ сообщеніемъ: «в си времена»; Никонъ въ 1073-мъ году могъ безъ труда опредѣлить, точно ли этотъ волхвъ появился въ 6579 году, и въ утвердительномъ случаѣ сказать: «в семь же лѣтѣ». Мы знаемъ, что Никонъ употребляетъ неопредѣленныя указанія тамъ, гдѣ говоритъ о событіяхъ, узнанныхъ имъ

наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже, Христосъ Богъ единъ вѣсть на небеси"; подъ 6579 Янь говоритъ: „створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, ставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть в немь ничтоже, и не вѣсть ничтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть". Думаю, однако, что сходство между обѣими статьями случайное. Быть можетъ, впрочемъ, слова „и не вѣсть ничтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть" вставлены составителемъ Нач. свода въ статью 6579 года изъ статьи 6532 года.

по наслышкѣ; въ виду этого отношу появленіе волхвовъ не къ 1071 году, а ко времени болѣе раннему и сопоставляю «в си времена» статьи 6579 года съ «в си же времена», которое дважды употреблено подъ 6575-мъ. Думаю, что появленіе волхва имѣло мѣсто около 6573-го года, и подтверждаю это предположеніе ссылкой на сходство прореченія волхва съ угрозами Кіевлянъ, высказанными ими въ 6577 (1069) году при извѣстіи о приближеніи къ Кіеву Изяслава съ Ляхами: «зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю». Испуганные Кіевляне вспомнили въ 1069 году о пророчествѣ волхва, предсказывавшаго, что на пятое лѣто Русская земля [1]) станетъ на Греческой, и начали подумывать о томъ, что имъ придется послѣдовать этому пророчеству. Такимъ образомъ получается косвенное указаніе на то, что появленіе волхва въ Кіевѣ имѣло мѣсто въ 1064 году. Теряясь въ догадкахъ, почему разсказъ о волхвахъ помѣщенъ именно подъ 6579 (1071) годомъ, останавливаюсь на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Всѣ разсказы о волхвахъ перенесены подъ 6579 годъ составителемъ Начальнаго свода; у Никона же они находились подъ 6573-мъ, т. е. на томъ именно мѣстѣ, гдѣ составитель Нач. свода помѣстилъ, вмѣсто разсказовъ о волхвахъ, рядъ выписокъ изъ хронографа (о различныхъ чудесныхъ явленіяхъ). Продолжая подъ 6573 перечисленіе различныхъ примѣчательныхъ событій, бывшихъ «в си времена», Никонъ вставилъ въ свой сводъ разсказъ о кіевскомъ волхвѣ; по ассоціаціи ему вспомнились другіе разсказы о волхвахъ и кудесникахъ; ими онъ и заполнилъ статью 6573-го года, не заботясь о точной хронологіи; ср. такое выраженіе его, какъ «бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣ области». Почему составитель Начальнаго свода перенесъ всѣ разсказы Никонова свода изъ 6573 г. подъ 6579-й годъ, остается для меня неяснымъ

Подъ 6580 (1073) годомъ читается статья о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, поставленную Изяславомъ. Думаю, что въ Никоновомъ сводѣ читалось извѣстіе объ этомъ событіи, но оно было изложено иначе (и вѣроятно, короче), чѣмъ

---

[1]) Русская земля это Русскіе люди; ср. тутъ же: „а се ведеть на ны Лядьскую землю».

въ Повѣсти вр. лѣтъ (и Нач. св.). Дошедшую же до насъ лѣтописную статью я считаю сокращеніемъ соотвѣтствующей вышегородской записи [1]), составленной притомъ спустя нѣкоторое время послѣ событія: ср. о церкви, поставленной Изяславомъ: «яже стоить и нынѣ». Перенесеніе мощей имѣло мѣсто 20 мая, а не 2-го; ср. 20-е мая въ Ипат. (см. §§ 43 и 44). Поправка 20-го мая на 2-е мая произошла подъ вліяніемъ второго перенесенія мощей, бывшаго 2-го мая въ 1115 году.

О статьѣ 6581 (1073) года, гдѣ разсказывается о распрѣ между Ярославичами и объ изгнаніи Изяслава, мы говорили выше. Содержаніе этой статьи навлекло, повидимому, гнѣвъ Святослава на Никона, закончившаго свой трудъ внесенными въ эту статью обличеніями нарушившихъ отцовскую заповѣдь князей.

§ 253[1]. Изъ этого обзора содержанія Никонова Продолженія къ Древн. своду видно, что въ распоряженіи Никона были одни устные источники; слѣдовъ пользованія источниками письменными мы въ его трудѣ не находимъ. Впрочемъ, мѣстами Никонъ вводилъ въ свои повѣствованія параллели изъ библейской исторіи: ср. вставленный имъ эпизодъ о дани Козарской, а также статью 6581 (1073) года.

У меня возникаетъ однако сомнѣніе въ отношеніи четырехъ извѣстій Никонова Продолженія. Подъ 6562 читаемъ: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ», подъ 6565: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смольньсцѣ», подъ 6568: «Преставися Игорь, сынъ Ярославль», подъ 6571: «Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша и въ церкви святаго Георгия». Не извлечены ли эти извѣстія изъ одного общаго источника? Отмѣчаемъ торжественное выраженіе «преставися». Какъ указано въ § 114, это выраженіе въ рядѣ извѣстій о кончинахъ членовъ княжеской семьи ведетъ насъ, по вѣроятному предположенію А. А. Куника, къ княжескому помяннику. Помянникъ этотъ былъ использованъ составителемъ Начальнаго свода около 1095 года. Указаній на пользованіе имъ уже со стороны составителя Древнѣйшаго свода 1039 года мы не имѣемъ; напротивъ, вполнѣ

[1]) При сокращеніи опущены: имя Неофита, Черниговскаго епископа, а также эпизодъ съ ногтемъ Глѣбовымъ, попавшимъ подъ клобукъ Святослава.

вѣроятно отсутствіе въ этомъ сводѣ извѣстій 6508, 6509, 6511, 6515, 6519 годовъ, восходящихъ къ помяннику, равнымъ образомъ и извѣстія 6544 о перенесеніи останковъ Ярополка и Олега въ св. Богородицу. Всѣ эти извѣстія попали въ лѣтопись, повидимому, только благодаря редактору Начальнаго свода. Отсутствіе заимствованій изъ княжескаго помянника въ Древн. сводѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что помянникъ составленъ уже послѣ 1039 года: особенно вѣроятно допустить такое предположеніе, если признать, что помянникъ велся при церкви св. Софіи, которую Ярославъ, какъ кажется, предназначилъ быть усыпальницей членовъ своего дома; церковь св. Софіи сама окончена и освящена только въ 1039 году. Но мы не можемъ отрицать возможности того, что помянникомъ этимъ воспользовался Никонъ такъ же, какъ онъ воспользовался самимъ лѣтописнымъ сводомъ, составленнымъ при Софійскомъ соборѣ. Въ виду этого не признаю вѣроятнымъ, чтобы четыре названныя извѣстія 6562, 6565, 6568, 6571 годовъ были вставлены въ лѣтопись уже только редакторомъ Начальнаго свода. Думаю, что они заимствованы изъ княжескаго помянника самимъ Никономъ.

Въ подтвержденіе приведу слѣдующее. Въ извѣстіи 6562 года Ярославъ былъ, судя по Лавр., Радз., Хлѣбн., названъ великимъ княземъ Русскимъ. Думаю, что чтеніе Ипат. списка, гдѣ опущенъ эпитетъ «великый», не можетъ быть признано первоначальнымъ [1]). Съ тѣмъ же эпитетомъ, вообще совсѣмъ необычнымъ въ лѣтописи, Ярославъ названъ и въ статьѣ о началѣ Печерскаго монастыря: фраза «Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу» [2]) составлена явно подъ вліяніемъ текста извѣстія 6562 года: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ». Слѣдовательно, Никонъ, авторъ статьи о началѣ Печерскаго монастыря

---

[1]) Ср. подобный же пропускъ подъ 6601 (1093) въ сообщеніи о смерти Всеволода. Первымъ, кто названъ въ Ипат. великимъ княземъ, это Владиміръ Мономахъ, который при этомъ титулуется такъ, какъ стали титуловаться великіе князья съ XIV в.: „великый князь всея Руси“. Въ Лавр. же эпитетъ Мономаха тотъ же, что эпитетъ Ярослава: „великый князь Русскый“.—Впрочемъ, въ сообщеніи 1015 г. Владиміръ Святославичъ именуется въ Ипат. великимъ княземъ. См. § 221.

[2]) Ипат. здѣсь сохранила слово „великому“.

имѣлъ передъ глазами приведенный текстъ извѣстія о кончинѣ Ярослава.

За извѣстіемъ 6565 года о кончинѣ Вячеслава читаемъ «и посадиша Игоря Смолиньскѣ, изъ Володимеря выведше». Нельзя сомнѣваться въ томъ, что эти слова принадлежатъ Никону [1]); но отсюда слѣдуетъ, что въ его трудѣ находилось и извѣстіе, вызвавшее эти слова, т.-е. извѣстіе о кончинѣ Вячеслава.

Изъ того, что извѣстіе о кончинѣ Ярослава заимствовано изъ княжескаго помянника, не слѣдуетъ, чтобы къ тому же помяннику восходило указаніе на день кончины Ярослава; мы читаемъ его ниже и при томъ въ другомъ соединеніи: «и предасть душю свою Богу в суботу 1 поста святаго Ѳеодора». Въ княжескомъ помянникѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ его извѣстіяхъ (до конца XI в.) не приводились, какъ кажется, точныя хронологическія указанія.

ГЛАВА XVIII.

О составѣ и объ источникахъ Древнѣйшаго свода.

Имѣемъ теперь возможность, послѣ выясненія вопроса о Никоновой редакціи 1073 года, вернуться къ изслѣдованію Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Какъ мы видѣли, онъ составленъ приблизительно въ 1039 году при вновь учрежденной Кіевской митрополіи.

1.

§ 254. Въ составѣ этого свода находимъ повѣствованія о древнѣйшихъ судьбахъ Русской земли. Разсказавъ о началѣ Кіева, авторъ переходилъ къ изложенію преданія о томъ, какъ водворился въ Кіевѣ Варяжскій князь Олегъ, сообщалъ затѣмъ преданіе о походѣ Олега на Царьградъ и преданіе объ убіеніи Древлянами другого Кіевскаго князя, родоначальника княжеской династіи, Игоря; засимъ разсказывалъ, согласно съ народнымъ преда-

---

[1]) Отсутствіе подлежащаго при „посадиша“ вполнѣ характерно для лѣтописца, жившаго во времена Ярославичей: до 1072 года они постоянно дѣйствовали сообща.

ніемъ, о походѣ Ольги съ малолѣтнимъ Святославомъ противъ Древлянъ. Неожиданно встрѣчаемся въ его трудѣ вслѣдъ за этимъ съ разсказомъ иного характера, въ которомъ излагаются обстоятельства крещенія Ольги; имѣемъ основаніе думать, что 6463 годъ, которымъ опредѣлено это событіе, былъ первымъ годомъ, приведеннымъ авторомъ Древнѣйшаго свода. Перейдя къ Святославу, Древнѣйшій сводъ сталъ руководствоваться опять народнымъ преданіемъ: на основаніи его изложенъ походъ Святослава противъ Козаръ и покореніе Вятичей. Затѣмъ онъ упоминалъ о походѣ Святослава на Болгаръ, причемъ, какъ указано въ § 82, у насъ возникаетъ сомнѣніе относительно того ,точно ли и здѣсь авторомъ руководило народное преданіе; возможно, что онъ имѣлъ подъ рукой письменный (болгарскій) источникъ; разсказъ объ отраженіи Печенѣговъ отъ Кіева, вставленный между сообщеніемъ о двухъ походахъ Святослава на Болгаръ, основанъ, конечно, на народномъ преданіи; авторъ второй походъ опредѣлилъ 6477 годомъ, но по всѣмъ признакамъ годъ этотъ былъ данъ въ источникахъ какъ годъ кончины Ольги, о которой тутъ же имъ и разсказано, притомъ въ изложеніи, не оставляющемъ сомнѣнія въ томъ, что источникомъ разсказа было житіе или сказаніе о святой Ольгѣ. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о войнѣ Святослава сначала съ Болга рами, потомъ съ Греками содержитъ указанія на заимствованія изъ болгарскаго источника; но разсказъ объ убіеніи Святослава Печенѣгами основанъ на народномъ преданіи. Народное преданіе лежитъ въ основаніи и дальнѣйшаго повѣствованія, гдѣ сообщается объ усобицѣ между сыновьями Святослава и вокняженіи Владиміра въ Кіевѣ; въ связь съ торжествомъ Владиміра-язычника поставлено жертвоприношеніе богамъ, повлекшее за собой мученическую смерть двухъ Варяговъ; разсказъ объ этомъ явно основанъ на письменномъ источникѣ; изъ него заимствованъ и 6486 годъ, оказывающійся такимъ образомъ третьимъ годомъ Древн. свода, означающимъ годъ вступленія на Кіевскій столъ Владиміра. Послѣ этого разсказа о первыхъ христіанскихъ мученикахъ на Руси, находимъ нѣсколько краткихъ сообщеній о походахъ Владиміра—на Ляховъ, Вятичей, Ятвяговъ, Радимичей и Болгаръ. Что касается перваго изъ этихъ сообщеній, то оно едва ли не составлено на основаніи припоминаній, вызванныхъ собы-

тіями 1031 года (слѣдовательно, современными автору Древн. свода), когда Ярославъ и Мстиславъ «заяста грады Червеньскыя опять», т. е. тѣ самые грады, которые въ самомъ началѣ своего княженія взялъ у Ляховъ Владиміръ («Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дьне подъ Русию») и которые въ 6526 (1018) году отнялъ у Ярослава Болеславъ («и городы Червеньскыя зая собѣ»). Обращаю вниманіе на то, что овладѣніе Владиміромъ Червенскихъ городовъ отнесено въ Повѣсти вр. л. (Нач. сводѣ) на 6489 годъ, а возвращеніе ихъ Ярославомъ и Мстиславомъ на 6539-й, т.-е. что между тѣмъ и другимъ событіемъ ровно пятьдесятъ лѣтъ: думаю, что это круглое число 50 явилось не случайно и что, слѣдовательно, 6489-й годъ извлеченъ изъ 6539-го; отсюда заключаю, что извлеченіе это сдѣлано тѣмъ самымъ лицомъ, которое записало событіе 6539-го года, т.-е. составителемъ Древн. свода; вотъ почему признаю 6489-й годъ четвертымъ годомъ, читавшимся въ этомъ сводѣ. Слѣдующія извѣстія помѣщены въ Древн. сводѣ подъ 6490, 6491, 6492 и 6493 годами; конечно, годы эти явились искусственно; рядъ Владиміровыхъ походовъ пріуроченъ къ послѣдовательному ряду годовъ; объ этихъ походахъ (но, конечно, безъ указанія послѣдовательности между ними) сообщали, вѣроятно, народныя преданія ср. упоминаніе о воеводѣ Волчьемъ Хвостѣ въ разсказѣ о побѣдѣ надъ Радимичами. Составитель Древн. свода, получивъ такимъ образомъ рядъ годовъ 6489—6493, рѣшилъ помѣстить слѣдующую статью объ испытаніи Владиміромъ вѣръ подъ 6494 годъ, что было вполнѣ умѣстно и въ виду того, что послѣдовавшее затѣмъ крещеніе Владимірово относилось источниками Древн. свода къ 6495 году. Испытаніе вѣръ въ первой своей части, гдѣ разсказывается о посѣщеніи Владиміра проповѣдниками Болгаръ-магометанъ, Нѣмцевъ-папистовъ и Евреевъ козарскихъ, представляется плодомъ сочинительства автора Древн. свода; напротивъ, какъ обличительная рѣчь философа противъ магометанъ, папистовъ и Евреевъ такъ и послѣдующее изложеніе этимъ философомъ прообразовательнаго значенія ветхаго завѣта и главныхъ событій земной жизни Іисуса Христа, представляются заимствованными изъ болгарскаго источника, повѣствовавшаго объ обращеніи князя Бориса философомъ Кирилломъ: имя Кирилла сохранено было и

Древн. сводомъ. Разсказъ о крещеніи Владиміра и Кіевлянъ основанъ, повидимому, на устномъ преданіи и частью даже на припоминаніяхъ самого составителя, жившаго во время не столь отдаленное отъ крещенія Руси. Но, быть можетъ, у него подъ руками былъ и письменный источникъ, повѣствовавшій о крещеніи Руси: этотъ вопросъ мы разсмотримъ ниже. Событія послѣ крещенія—походъ Владиміра противъ Печенѣговъ, и его градостроительство излагаются на основаніи частью народныхъ преданій, частью же припоминаній; это помѣщено подъ «другимъ лѣтомъ по крещеніи», разумѣется, гадательно. Но о томъ, что походъ на Корсунь и славное его окончаніе имѣли мѣсто на третій годъ по крещеніи,—воспоминаніе объ этомъ могло сохраниться въ памяти народной; взятіе Корсуня связано съ помощью, оказанною Владиміру Анастасомъ корсунцемъ; объ этой личности, игравшей, вѣроятно, замѣтную роль во все послѣдующее княженіе Владиміра, могли помнить и въ концѣ тридцатыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ 1018 году Анастасъ былъ еще живъ: Древн. сводъ сообщалъ объ измѣнѣ его Ярославу и объ отъѣздѣ его изъ Кіева съ Болеславомъ, которому ввѣрился онъ лестью, за что былъ поставленъ имъ надъ своимъ имѣніемъ (захваченнымъ въ Кіевѣ). Сообщеніе о построеніи церкви св. Богородицы и о дарованіи ей десятины, распорядителемъ которой сдѣланъ Анастасъ, быть можетъ, также имѣетъ источникомъ устное преданіе, хотя молитву Владиміра составитель свода могъ заимствовать и изъ письменнаго источника. Между годомъ закладки св. Богородицы (годъ могъ быть опредѣленъ по соображенію, что церковь строилась пять лѣтъ, а окончена на девятое лѣто по крещеніи) и годомъ ея окончанія вставлены сообщенія о закладкѣ Бѣлгорода и о походѣ на Хорватовъ: думаю, что пріуроченіе этихъ событій къ пятому и шестому годамъ по крещеніи сдѣлано гадательно: о событіхъ говорили народныя преданія, но помѣстить ихъ раньше было невозможно, такъ какъ на каждый годъ Владимірова княженія уже приходилось по одному событію. На основаніи Памяти и похвалы Владиміру допускаю, что событія послѣ крещенія Владиміра опредѣлялись отсчитываніемъ того или другого числа отъ года крещенія; подтвержденіе этому вижу въ томъ обстоятельствѣ, что Нач. сводъ отнесъ окончаніе св. Богородицы къ 6504

(996) году, **девятому** по крещеніи, отсчитавъ его отъ 6496 (988), принятаго за годъ крещенія; между тѣмъ Древн. сводъ, полагая окончаніе св. Богородицы на девятое лѣто по крещеніи, имѣлъ въ виду, конечно, 6503 (995) годъ, бывшій девятымъ послѣ 6495 (987), когда крестился Владиміръ: освященіе св. Богородицы имѣло мѣсто 12 мая именно 995 года, какъ указано въ § 10. За разсказомъ объ окончаніи св. Богородицы, составителю Древн. свода уже нечего было сообщить изъ событій Владимірова княженія; онъ припомнилъ, впрочемъ, легенду о построеніи церкви св. Преображенія въ Василевѣ, освященной, повидимому, въ одинъ годъ со св. Богородицей, и затѣмъ приступилъ къ общей характеристикѣ Владиміра, пользуясь при этомъ и народными преданіями (объ отношеніи Владиміра къ дружинѣ) и другими разсказами (о милосердіи Владиміра). Имена Болеслава Лядскаго, Стефана Угорскаго и Андриха (Ольдриха) Чешскаго обязаны своимъ появленіемъ въ этой характеристикѣ соображеніямъ лѣтописца [1]). Подойдя къ 6523 (1015) году, авторъ Древн. свода приблизился къ такому времени, о которомъ могли хорошо помнить современники, о которомъ сохранилъ воспоминаніе и онъ самъ. Смерть Владиміра, избіеніе Святополкомъ братіи, перемѣнное счастіе въ борьбѣ Святополка съ Ярославомъ—это все были настолько яркія, особенно по послѣдствіямъ своимъ, событія, что возстановить черезъ 20—25 лѣтъ послѣдовательный ходъ ихъ, установить между ними связь не представляло затрудненій. Но у насъ возникаетъ сомнѣніе, не имѣлъ ли авторъ Древн. свода въ числѣ источниковъ разсказа объ убіеніи Бориса и Глѣба: этотъ вопросъ мы разсмотримъ ниже.

Въ княженіи Ярослава составитель свода отмѣчаетъ даже такія событія, которыя сравнительно не такъ важны; указаны годы рожденія пяти сыновей Ярослава изъ общаго числа семи [2]); отмѣчено явленіе кометы съ указаніемъ 6535 года, упомянуто о смерти сына Мстиславова Евстафія. Понятно, что событія болѣе

---

[1]) Ольдрихъ правилъ Чехіей въ 1012—1034 г., Стефанъ Угорскій въ 978—1038 г., Болеславъ умеръ въ 1025 г.

[2]) Неясно, почему опущено сообщеніе о рожденіи пятаго сына Игоря; рожденіе старшаго Ильи не упомянуто, повидимому, потому, что случилось въ Новгородѣ еще до перехода Ярослава въ Кіевъ.

важныя описываются и опредѣляются съ такою тщательностью, которая позволяетъ полагаться на соотвѣтствующія сообщенія Древн. свода, какъ на вполнѣ достовѣрныя историческія свидѣтельства. Начиная съ перваго года Ярославова княженія, опредѣленнаго, какъ кажется, 6525-мъ, имѣемъ передъ собою не сводъ народныхъ преданій и случайныхъ припоминаній, а попытку дать въ лѣтописномъ изложеніи описаніе истекшихъ 25 лѣтъ Ярославова княженія. Авторъ лѣтописнаго свода доводитъ свой разсказъ до закладки и освященія св. Софіи и оканчиваетъ свой трудъ похвалою просвѣтительной дѣятельности Ярослава. Весьма вѣроятно, что эта похвала была изложена въ настоящемъ времени и что перемѣна этого времени на прошедшее принадлежитъ позднѣйшему редактору, преп. Никону.

Сдѣланный нами обзоръ содержанія Древн. свода позволяетъ намъ приступить теперь къ опредѣленію источниковъ свода. Различаемъ: а) письменные источники, б) народныя преданія, в) припоминанія и г) сочинительство самого сводчика.

2.

§ 255. Письменные источники были немногочисленны. На первомъ мѣстѣ назову болгарскую лѣтопись. Указаніе на такой источникъ извлекаемъ, во-первыхъ, изъ статей, относящихся къ болгарскимъ и греческимъ войнамъ Святослава; какъ мы видѣли, упоминаніе о 80 городахъ, взятыхъ Святославомъ по Дунаю, боевыя рѣчи Святослава, его рѣчь о преимуществахъ Переяславца, какъ средоточія его земель, указаніе на то, что греческіе города, опустошенные Святославомъ, стоятъ пусты и до сего дня—все это ведетъ къ болгарскому источнику; мы видѣли при этомъ, что рѣчи о преимуществахъ Переяславца умѣстно было быть помѣщенной тамъ, гдѣ Святославъ овладѣваетъ этимъ городомъ и садится въ немъ, а не въ разсказѣ о посѣщеніи имъ Кіева и бесѣдѣ его съ матерью и боярами; между тѣмъ Святославъ, взявъ Переяславецъ приступомъ, ограничивается восклицаніемъ «се градъ мой!» Если допустимъ, что этими словами вводилась рѣчь о преимуществахъ Переяславца, то увидимъ, что авторъ Древн. свода отнесся къ своему источнику

довольно свободно; вмѣстѣ съ тѣмъ такое допущеніе ведетъ къ неминуемому заключенію о наличности у этого автора письменнаго источника. Какъ мы указывали выше, болгарская лѣтопись говорила о Святославѣ, какъ о личности почти легендарной: онъ не знаетъ пораженій; покоритель Болгаріи за малымъ не взялъ самого Царяграда; Грековъ спасли только усиленныя мольбы и обильная дань, уплаченная русскому князю; такое изображеніе Святослава являлось нѣкоторымъ удовлетвореніемъ болгарскому національному чувству, пережившему тяжелыя испытанія, благодаря водворившемуся въ Болгаріи Святославу. Въ виду этого считаемъ вѣроятнымъ, что нѣкоторыя черты изъ предложенной составителемъ Древн. свода характеристики Святослава заимствованы имъ изъ того же болгарскаго источника; упомянемъ здѣсь еще разъ о сравненіи Святослава съ пардусомъ; подобное сравненіе находимъ въ Александріи.

Во-вторыхъ, видимъ указаніе на вліяніе болгарской лѣтописи еще въ статьѣ о походѣ Олега на Царьградъ. Греки испугались, когда увидѣли, что Олегъ двинулъ свою рать на колесницахъ, снабженныхъ парусами; они выслали къ нему съ просьбой не губить города и съ предложеніемъ дани. Олегъ остановилъ свое войско. Греки вынесли ему брашно и вино, но Олегъ не принялъ его, ибо оно было съ отравой. Греки испугались и сказали: «это не Олегъ, а святой Димитрій, посланный Богомъ на насъ». Могло ли придти въ голову русскому лѣтописцу, знавшему, что Олегъ язычникъ, приписать Грекамъ приведенныя отъ имени ихъ слова? Мнѣ это представляется весьма мало вѣроятнымъ, хотя бы потому, что лѣтописецъ ниже говоритъ о томъ же Олегѣ: «и прозвали его Олегомъ вѣщимъ, ибо люди были язычниками и невѣждами»; Греки не были ни язычниками, ни невѣждами, а между тѣмъ имъ приписывается отождествленіе Олега со святымъ Димитріемъ и именно тогда, когда Олегу пришлось обнаружить свое вѣщее свойство, когда онъ угадалъ, что высланные ему припасы приготовлены съ отравой. Вспомнимъ, что Димитрій Солунскій былъ святымъ особенно чтимымъ Болгарами, что бывали случаи, когда болгарскіе князья, отправляясь на Царьградъ, заѣзжали въ Солунь и испрашивали себѣ благословенія у мощей св. Димитрія; вспомнивъ это, признаемъ вѣроятнымъ, что болгарская лѣтопись въ повѣствованіи о походахъ Симеона на Царьградъ,

могла содержать сходное съ приведеннымъ мѣсто, причемъ Греки отождествили съ св. Димитріемъ не язычника, а христіанина Симеона, наводившаго страхъ на Византійскую имперію. Повтореніе словъ «убояшася Грьци и рѣша» сначала передъ предложеніемъ Грековъ уплатить Олегу дань, потомъ передъ сравненіемъ Олега со св. Димитріемъ, наводитъ на мысль, что отрывокъ «и вынесоша ему брашьно и вино... посъланъ отъ Бога на ны» вставленъ въ разсказъ, гдѣ за предложеніемъ дани со стороны Грековъ естественно ждать продолженія въ видѣ словъ «И устави Ольгъ воя, и заповѣда дань даяти на 100 корабль», и т. д. Такая вставка могла произойти подъ вліяніемъ болгарской лѣтописи, гдѣ подобный эпизодъ читался въ разсказѣ о походахъ Симеона.

Въ-третьихъ, какъ указано выше, болгарская лѣтопись послужила источникомъ для разсказа объ обращеніи въ христіанство Владиміра. Мы доказывали это не только именемъ философа Кирилла, котораго болгарскія преданія признаютъ просвѣтителемъ Болгаріи, но также и тѣмъ, что обращеніе Владиміра поставлено въ связь съ картиной страшнаго суда, которая, какъ мы знаемъ, послужила причиной обращенія Бориса болгарскаго легенда, занесенная въ греческій источникъ, приписывала эту картину художнику Меѳодію, сдѣлавшемуся впослѣдствіи святымъ епископомъ (такъ въ нѣкоторыхъ версіяхъ легенды), но возможно, что болгарскіе источники связывали эту картину съ тѣмъ же Кирилломъ. Какъ увидимъ, въ распоряженіи составителя Древн. свода могъ быть разсказъ о крещеніи Владиміра, составленный для прославленія Владиміра и назидательнаго чтенія новообращеннымъ христіанамъ, но въ этомъ разсказѣ ничего не говорилось о причинѣ, побудившей Владиміра принять крещеніе. Наиболѣе подходящимъ авторъ Древн. свода призналъ предположеніе, что Владиміръ былъ приведенъ къ вѣрѣ проповѣдью, а образецъ такой проповѣди авторъ нашелъ въ болгарской лѣтописи. Повидимому, лѣтопись эта говорила о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Борису со стороны магометанъ, папистовъ и іудеевъ, ибо рѣчь философа начинается опроверженіемъ и обличеніемъ этихъ исповѣданій; но вѣроятно, что болгарская лѣтопись лишь кратко упоминала о самыхъ этихъ предложеніяхъ; мы вернемся

ниже къ сочиненнымъ въ Древн. сводѣ діалогамъ между Владиміромъ и приходившими къ нему миссіонерами.

Думаю, что болгарская лѣтопись въ отношеніи къ Древн. своду имѣла еще то значеніе, что послужила для него и образцомъ и главнымъ основаніемъ, откуда русскій лѣтописецъ почерпнулъ какъ пріемы лѣтописанія, такъ и свою фразеологію.

§ 256. На второмъ мѣстѣ назовемъ сказаніе о княгинѣ Ольгѣ. Къ нему восходитъ разсказъ о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, о возвращеніи ея въ Кіевъ, гдѣ ей не удалось убѣдить сына Святослава принять христіанство, а также разсказъ объ ея кончинѣ. Доказательства существованія подобнаго древняго сказанія приведены выше: проложныя статьи, относящіяся къ Ольгѣ, не могутъ быть возведены къ лѣтописи, въ виду нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, въ нихъ содержащихся (крестъ, привезенный Ольгой изъ Царяграда; золото, посланное по завѣщанію ея патріарху). Въ разсказѣ о смерти Ольги мы указали слѣды спайки въ Древн. сводѣ: сначала сообщено, что Ольгу похоронили торжественно и всенародно, а потомъ сказано, что ее похоронилъ священникъ, котораго Ольга держала «въ тайнѣ». Первое сообщеніе какъ будто вытекаетъ изъ всего предыдущаго разсказа: Кіевляне призываютъ Святослава на выручку осажденнаго ихъ города; они попрекаютъ князя за то, что онъ оставилъ свою старую мать; Святославъ передъ матерью и боярами объявляетъ о желаніи своемъ вернуться въ Переяславецъ; но мать уговариваетъ его подождать съ отъѣздомъ, ссылаясь на свою болѣзнь; «погребъ мя, иди яможе хощеши». И когда черезъ три дня Ольга умерла, Святославъ со всѣми людьми похоронилъ ее. Второе же сообщеніе совершенно неожиданно: Ольга не велѣла творить надъ собой тризны, ибо она въ тайнѣ держала у себя священника, который и похоронилъ ее, очевидно также въ тайнѣ. Сообщеніе это въ болѣе полномъ видѣ читается въ проложныхъ житіяхъ св. Ольги—вотъ причина, почему мы считаемъ возможнымъ возвести его къ отдѣльному сказанію объ Ольгѣ (ср. §§ 73, 75, 76). Возможно, что проложная статья объ Ольгѣ, напр. подобная той, что читается въ Типограф. прол. XIV в. № 368 [1]),

---

[1]) Ѳ. А. Гиляровъ, Преданія русской нач. лѣтописи.

цѣликомъ восходитъ къ предполагаемому сказанію. Въ такомъ случаѣ указаніе на то, что Ольга родомъ изъ Пскова, надо возвести въ Нач. сводѣ къ Древн. своду, а въ этомъ послѣднемъ къ тому же сказанію. Мы читаемъ въ этой проложной статьѣ, что Ольга, вернувшись въ Русь, «обиходяше всю Русьскую землю, дани и урокы льгъкы уставляющи и кумиры сокрушающи». Не заимствовано ли отсюда, т.-е. изъ протографа этой статьи, въ Древн. сводъ сообщеніе о томъ, что Ольга уставляла уставы и уроки по Деревской землѣ и что становища ея и ловища имѣются по всей землѣ? Эту подробность предполагаемаго сказанія надо поставить въ связь съ послѣдующимъ: «даяше же и милостыни много убозѣи чади»; слѣдовательно, творя милостыню, Ольга одновременно облегчала тяготы, лежавшія на населеніи [1]). Похвалу Ольгѣ, читавшуюся въ Древн. сводѣ послѣ разсказа объ ея кончинѣ, возводимъ къ тому же сказанію.

Такое предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что врядъ ли было бы осторожно признать сводчика, автора Древн. лѣтописнаго свода, поставившаго себѣ прямую и опредѣленную цѣль разсказать о древнѣйшихъ судьбахъ Русской земли и довести разсказъ до новѣйшихъ событій,—признать его одновременно составителемъ житійныхъ сказаній, похвальныхъ словъ Ольгѣ, далѣе Владиміру и проч. Одному человѣку справиться со всѣмъ этимъ разнообразнымъ матеріаломъ было бы непосильно, и потому мы стараемся по возможности тѣснѣе ограничить область личнаго творчества, сочинительства составителя Древн. свода.

§ 257. Третьимъ письменнымъ источникомъ нашего свода признаемъ **сказаніе о Варягахъ мученикахъ**. Дошедшее до насъ сказаніе о нихъ въ прологѣ подверглось сильному вліянію лѣтописи: это видно между прочимъ изъ пропуска имени Варяга - отца, пропущеннаго и въ лѣтописи, но несомнѣнно названнаго въ первоначальномъ видѣ сказанія [2]); то же слѣдуетъ и изъ того, что проложная статья, какъ и лѣтопись, начинаетъ

---

[1]) Сообщеніе Татищева, ссылающагося при этомъ на опредѣленный источникъ (Раскольн. списокъ) о томъ, что Ольга велѣла отложить княжее (т. е. какую-то свадебную пошлину), б. м., восходитъ къ тому же сказанію.

[2]) Имя это Туры; доказательства см. въ статьѣ „Какъ назывался первый русскій мученикъ“ (Извѣстія И. А. Н. 6-ая серія, 1907 г., май).

разсказъ съ побѣды Владиміра надъ Ятвягами, между тѣмъ какъ изъ соображеній, высказанныхъ въ § 11, видно, что первоначально разсказъ пріурочивался ко времени вступленія Владиміра на Кіевскій столъ. Лѣтопись, несмотря на возможность, данную сказаніемъ, не сохранила указанія на день мученичества Варяговъ; прологъ даетъ этотъ день—12 іюня; драгоцѣнная дата эта является ключомъ для разгадки, почему составитель Памяти и похвалы Владиміру полагалъ днемъ восшествія Владидиміра на столъ 11-е іюня; а это указаніе древняго памятника краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствительно въ первоначальномъ сказаніи (а за нимъ и въ Древн. сводѣ) мученичество Варяговъ излагалось вслѣдъ за разсказомъ о вступленіи на Кіевскій столъ Владиміра.

§ 258. Переходимъ къ вопросу о четвертомъ источникѣ Древн. свода—сказаніи о князѣ Владимірѣ. Я не могъ бы привести ясныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу существованія такого сказанія. Мы видѣли, что для объясненія факта обращенія Владиміра въ христіанство, лѣтописцу пришлось прибѣгнуть къ аналогіямъ; это могло бы служить доказательствомъ, что ему не было извѣстно сказаніе о Владиміровомъ крещеніи. Имѣемъ однако въ виду высказанныя выше соображенія: невозможность допустить соединенія въ одномъ лицѣ и лѣтописца и сводчика и автора агіологическихъ статей; руководствуясь главнымъ образомъ этимъ, мы были бы склонны допустить, что разсказъ о крещеніи Кіевлянъ, сообщеніе о добродѣтеляхъ Владиміра и посмертная похвала ему извлечены составителемъ Древн. свода изъ отдѣльнаго сказанія. Насъ останавливаютъ однако нѣкоторыя сомнѣнія: отдѣльные элементы, вошедшіе въ разсказъ о Владимірѣ, могли быть заимствованы составителемъ Древн. свода изъ другихъ извѣстныхъ ему статей, нами уже разсмотрѣнныхъ. Такъ, похвала Владиміру вводится въ текстъ одинаково съ похвалой Ольгѣ; тамъ мы читаемъ: «сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия хрьстияньстѣ земли»; здѣсь: «схраниша тѣло его съ плачьмь блаженаго кънязя. Сь есть новый Костянтинъ великого Рима». Такъ въ описаніи крещенія Кіевлянъ читаемъ: «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь съпасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отъсюда

прогонимъ есмь! где бо мнях жилище имѣти, яко где не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Этотъ отрывокъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что помѣщено составителемъ Древн. свода выше изъ сказанія о первыхъ мученикахъ: «дьяволъ радовашеся сему, не вѣдыи, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьяньский, но прогонимъ бяше крестомъ честнымъ и в инѣхъ странахъ; где же мняшеся оканьныи: яко где ми есть жилище, где бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и тѣломь апостоли не суть где были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ». Но можно ли навѣрное утверждать, что только что приведенное мѣсто составлено дѣйствительно лѣтописцемъ? Возможно, что оно читалось уже въ отдѣльномъ сказаніи о Владимірѣ, авторъ котораго, какъ видно изъ другого обстоятельства, могъ пользоваться сказаніемъ о мученикахъ-Варягахъ непосредственно. Вѣроятно именно, что въ связи съ предполагаемымъ отдѣльнымъ сказаніемъ о Владимірѣ стоитъ проложная статья о Владимірѣ; въ ней мы читаемъ: «И отътолѣ наречеся мѣсто то святое, идеже нынѣ церковь святую мученику Турова. И тъ бысть первый ходатай нашему спасенію»; въ этихъ словахъ видимъ доказательство того, что составитель проложной статьи или протографа этой статьи—отдѣльнаго сказанія о Владимірѣ былъ знакомъ со статьей о первыхъ мученикахъ въ томъ видѣ ея, когда въ ней еще читалось имя старшаго варяга Турыя, опущенное въ лѣтописи [1]). Возможно, что составитель сказанія

---

[1]) И дальше видимъ опять вліяніе сказанія о первыхъ мученикахъ на сказаніе о крещеніи Владиміра: послѣдній послѣ крещенія Кіевлянъ произноситъ молитву, въ которой говоритъ, между прочимъ: „и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя, утверди и в нихъ вѣру праву и несовратьну и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. Дальше сообщается о построеніи Владиміромъ церквей. Ср. въ сказаніи о мученикахъ: „Но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, ихъже ученьемь побѣжаемъ про-

о Владимірѣ былъ знакомъ и со сказаніемъ объ Ольгѣ; общее мѣсто въ началѣ похвалы Ольгѣ и Владиміру въ приведенныхъ выше лѣтописныхъ отрывкахъ могло быть заимствовано составителемъ сказанія о Владимірѣ изъ сказанія объ Ольгѣ. Склоняюсь къ мысли, что дѣйствительно въ распоряженіи составителя Древн. свода находилась статья о Владимірѣ или о крещеніи Руси, но возвожу къ ней не приведенные выше отрывки, которые могли быть, какъ мы видѣли, составлены и лѣтописцемъ, а то лирическое отступленіе отъ разсказа, которое находимъ въ концѣ, послѣ сообщенія объ отдачѣ дѣтей въ ученіе книжное. Отступленіе это начинается словами «Симъ же раздаяномъ на учение кънигамъ». Оно въ значительной части состоитъ изъ выписокъ изъ Священнаго Писанія и требовало отъ составителя особаго напряженія. Можно думать, что онъ имѣлъ въ виду прославленіе не князя Владиміра, а самого крещенія Руси. Нельзя ли предположить существованіе статьи, спеціально посвященной прославленію дня крещенія? Не изъ нея ли взятъ отмѣченный отрывокъ, оканчивающійся словами: «иже прияли суть крьщение и покаяние въ отъпущение грѣховъ, новии людие хрьстияньстии, избьрании Богъмь»? Отмѣчу общее мѣсто между сообщеніемъ лѣтописца о крещеніи, а также вызваннымъ имъ краткимъ лирическимъ отступленіемъ и тѣмъ обширнымъ лирическимъ отступленіемъ, которое читаемъ у него же ниже. Мы уже привели фразу «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь съпасаемыхъ»; ср. ниже: «Колика ти радость! не единъ, ни дъва съпасаетася... се же не единъ, ни дъва, нъ бесчисльное мъножьство къ Богу приступиша, святымь крьщениемь просвѣщени»; слова «И бяше си видѣти радость» представляются мнѣ перифразомъ словъ «Колика ти радость», а это наводитъ на мысль, что первая фраза составлена лѣтописцемъ на основаніи второй фразы, составленной другимъ лицомъ. Итакъ, заканчиваю настоящія разсужденія слѣдующимъ предположеніемъ: въ распоряженіи составителя Древн. свода была статья о крещеніи Руси; онъ заимствовалъ изъ нея отрывокъ, читающійся послѣ словъ «Симъ же раз-

---

тивнаго врага, попирающе подъ позѣ, яко же попраста и си отѣника".

даяномъ на учение кънигамъ»; остальной разсказъ о крещеніи Владиміра (насколько онъ не повторялъ въ той части, гдѣ говорится объ обращеніи Владиміра, болгарскаго своего источника) составленъ самимъ лѣтописцемъ.

Въ пользу такого предположенія приведу еще слѣдующее. Философско-лирическое отступленіе, нами разсматриваемое, состоитъ изъ текстовъ Свящ. Писанія; мѣстами эти тексты передѣланы для пріуроченія ихъ къ 1-ому лицу множ. числа, отъ имени котораго ведутся эти разсужденія. Ср. «въ родъ и родъ въсхвалимъ» вмѣсто «родъ и родъ въсхвалить», ниже «исповѣдающеся» въ Псалмѣ 135 вм. «исповѣдаитеся» и т. д. Уже эта передѣлка наводитъ на мысль о самостоятельности разсматриваемаго отрывка, независимости его отъ лѣтописи. Но кромѣ того вмѣсто «имже приведенье обрѣтохомъ вѣрою въ благодать сию, въ немже хвалимся и стоимъ» (Римл. V. 2) въ Древн. сводѣ, судя по Ипат., читалось: «имже приведенье отбрѣтохомъ вѣрою въ благодать сию кънязя нашего Володимера, имже хвалимся и стоимъ» (остальные списки опустили «кънязя нашего Володимера», но сохранили «имже»). Въ этомъ чтеніи вижу указаніе на то, что сказаніе о крещеніи Руси, отрывокъ изъ котораго попалъ въ лѣтопись, составлено еще во времена Владиміра.

§ 259. Пятымъ письменнымъ источникомъ была грамота, данная Владиміромъ церкви св. Богородицы; этой грамотой Владиміръ закрѣпилъ за церковью десятину отъ своего имѣнія и отъ своихъ городовъ. Выписки изъ нея, приведенныя въ сообщеніи объ окончаніи церкви, доказываютъ пользованіе ею со стороны лѣтописца; возможно, что онъ заимствовалъ эти выписки и изъ проложной статьи (12-го мая), если только допустить, что уже во времена Ярослава прологъ пополнялся русскими статьями.

§ 260. Перехожу къ вопросу о шестомъ письменномъ источникѣ Древн. свода, сказаніи о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Разсказъ объ убіеніи ихъ имѣетъ въ лѣтописи всѣ признаки отдѣльнаго агіологическаго сочиненія; въ уста Бориса вложены подходящіе псалмы и молитвы; смерть Глѣба вызываетъ лирическое восклицаніе, заимствованное изъ псалма; дѣйствія Святополка жестко осуждаются; вопреки хронологической послѣ-

довательности сообщается о перенесеніи тѣла Глѣбова къ Вышегородской церкви еще до побѣды Ярослава надъ Святополкомъ. Вопросъ сводится поэтому къ тому, составлено ли это сочиненіе самимъ лѣтописцемъ, или онъ нашелъ его уже въ готовомъ видѣ. При рѣшеніи этого вопроса надо имѣть въ виду, что разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба самымъ тѣснымъ образомъ сплетается и съ предшествующими и съ послѣдующими лѣтописными данными. Объ отсутствіи Бориса во время смерти Владиміра сказано лѣтописцемъ выше, до разсказа о послѣдующихъ событіяхъ, приведшихъ къ трагической развязкѣ; желаніе Святополка скрыть смерть отца, его переговоры съ Вышегородцами въ ту самую ночь, когда бояре перевезли тѣло Владимірово въ церковь св. Богородицы—это все факты, которые придется возвести къ агіологическому сочиненію, посвященному св. Борису и Глѣбу, какъ скоро мы не допустимъ того, что оно само составлено лѣтописцемъ. Все послѣдовавшее за убіеніемъ св. братьевъ поставлено въ тѣсную и прямую связь съ нимъ: Ярославъ идетъ на Святополка съ цѣлью отомстить за пролитую кровь праведныхъ; Святополкова гибель свидѣтельствуетъ о небесной карѣ, постигшей Святополка при жизни и уготованной ему по смерти;—словомъ и всѣ историческія событія приняли подъ перомъ лѣтописца такую окраску, которая затрудняетъ отдѣленіе историческихъ (лѣтописныхъ) элементовъ отъ агіографическихъ. Намъ приходится допустить: или что въ агіографическомъ сочиненіи о Борисѣ и Глѣбѣ уже тѣснѣйшимъ образомъ были слиты оба эти элемента, или что слитіе ихъ произошло подъ перомъ лѣтописца, и продумавшаго и изобразившаго ихъ въ одномъ связномъ цѣломъ. Я останавливаюсь на второмъ предположеніи потому, что оно менѣе сложно, чѣмъ первое: работа лѣтописца у насъ передъ глазами; между тѣмъ не имѣемъ достаточнаго основанія допустить существованіе агіологическаго сочиненія, посвященнаго Борису и Глѣбу и вмѣщавшаго въ себѣ историческіе факты, лѣтописныя данныя. Не забудемъ, что дѣло идетъ о святыхъ князьяхъ, что прославленіе ихъ было важно не только для церкви, но и для правящаго князя (въ данномъ случаѣ для Ярослава); не забудемъ, что этому князю отведена видная роль въ разсказѣ, причемъ онъ оказывается отмістникомъ за святыхъ, онъ является орудіемъ Божьей кары окаян-

ному Святополку. Такимъ образомъ составленіе сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ должно было имѣть во времена Ярослава прежде всего характеръ политической работы; приняться за таковую приличествовало вполнѣ лѣтописцу. Вотъ почему я отождествляю составителя Древн. свода съ составителемъ сказанія объ убіеніи Бориса и Глѣба.

Но меня останавливаетъ одно кажущееся сначала незначительнымъ обстоятельство. Въ описаніи битвы на Альтѣ читаемъ: «Бѣ же пятькъ тъгда». Мы видѣли выше, что въ 6527 (1019) году 24-е іюля приходилось въ пятницу, и это побудило насъ признать, что 24-е іюля было собственно днемъ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ; въ честь этой побѣды была выстроена церковь на Летскомъ полѣ; ко дню 24-го іюля пріурочена уже только впослѣдствіи кончина Борисова. Вѣроятно ли, чтобы лѣтописецъ, сообщившіи о томъ, что Летская побѣда случилась въ пятницу, умолчалъ бы о томъ, что это было 24-го іюля, если бы онъ узналъ о днѣ этой побѣды изъ устныхъ разспросовъ, изъ воспоминаній, скажемъ, участниковъ битвы? Не признавая этого вѣроятнымъ, я заключаю, что указаніе на пятокъ (24-го іюля) извлечено лѣтописцемъ изъ письменнаго источника; онъ опустилъ 24-е іюля такъ же, какъ, говоря о кончинѣ Ольги, опустилъ 11-е іюля, а разсказывая о мученичествѣ Варяговъ, не далъ дня 12-го іюля. Слѣдовательно, о Летской битвѣ въ распоряженіи лѣтописца было письменное сообщеніе. Этотъ выводъ наводитъ на слѣдующее соображеніе. Впервые празднованіе памяти св. Бориса и Глѣба установлено въ началѣ Ярославова княженія при архіепископѣ Іоаннѣ, который освятилъ въ этотъ день новую церковь въ Вышегородѣ, выстроенную во имя Бориса и Глѣба вмѣсто сгорѣвшей церкви св. Василія; передъ тѣмъ совершились два чуда надъ мощами святыхъ братьевъ, извлеченными изъ земли и поставленными въ срубѣ (клѣткѣ), воздвигнутомъ на мѣстѣ сгорѣвшей церкви св. Василія. 24-го іюля, одновременно съ освященіемъ церкви во имя св. Бориса и Глѣба, были перенесены ихъ мощи изъ сруба въ эту церковь [1]). Всѣ эти событія, въ связи со слу-

---

[1]) „И уставиша праздьникъ праздьновати мѣсяца иулия въ 24, въ нь же день убиенъ преблаженыи Борисъ; въ тъ же день и церкы свя

чившимся того же 24-го іюля во время литургіи третьимъ чудомъ, побудили причетъ Вышегородской церкви составить первую запись о чудесахъ св. братьевъ, причемъ въ эту же запись было включено сообщеніе о первомъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба; трудно усомниться въ томъ, что записи этой предшествовало и краткое сообщеніе о томъ, какъ попали мощи сначала Бориса, потомъ Глѣба въ Вышегородъ; слѣдовательно, она упоминала объ убіеніи ихъ нанятыми Святополкомъ убійцами. Равнымъ образомъ запись говорила и о низложеніи Святополка, о пораженіи его Ярославомъ въ битвѣ на Альтѣ, случившейся въ пятокъ 24-го іюля, а также, вѣроятно, и о построеніи храма на мѣстѣ этой битвы. Но все это, какъ можно думать, излагалось весьма кратко и внѣ той общей исторической оправы, которую сумѣлъ дать заимствованному изъ нея разсказу составитель Древн. свода. Итакъ, предполагаемъ, что въ распоряженіи его находилось не сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, а краткая запись Вышегородской церкви объ ихъ убіеніи, погребеніи, обрѣтеніи мощей, прославленіи и объ ихъ чудесахъ. Не нахожу вѣроятнымъ, чтобы въ этой записи содержалось много фактическаго; такъ, даже имена убійцъ Борисовыхъ врядъ ли возводятся къ Вышегородской записи; сомнѣваюсь, чтобы запись вообще подчеркивала убіеніе Бориса Вышегородцами; это заимствовано скорѣе изъ мѣстныхъ преданій кіевскихъ, находившихъ себѣ противовѣсъ въ преданіяхъ вышегородскихъ, которыя объясняли нахожденіе Борисова тѣла въ Вышегородѣ тѣмъ, что его отвергли Кіевляне [2]). Лѣтописецъ не только придалъ агіологическій характеръ своему повѣствованію; онъ обогатилъ его и историческими фактами; объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ описанія битвы у Любеча и Волыни, въ которыхъ рѣшался споръ между Ярославомъ и Святополкомъ.

щена и пренесена быста святая". Сказаніе о чудесахъ по списку Усп. соб. XII в.

[2]) Подобное преданіе занесено въ Тверской сборникъ: „И привезше на Днѣпрь, вложиша его (Бориса) въ лодію, и приплувше съ нимь подъ Кіевь; Кіане же не пріаша его, но отпехнуша прочь. И привезше тѣло его тай, положиша у церкви святаго Василія, въ Вышегородѣ, въ землю погребоша".

3.

§ 261. Народныя преданія могли быть извѣстны составителю Древн. свода какъ въ формѣ историческихъ пѣсенъ и былинъ, такъ и въ формѣ прозаическихъ разсказовъ. Опредѣлить форму того или иного возстанавливаемаго по Древн. своду преданія невозможно. Считаемъ нужнымъ выдѣлить въ особую группу тѣ благочестивыя легенды, которыя уже во времена Ярослава стали складываться вокругъ памяти св. Бориса и Глѣба. Перечислимъ народныя преданія, занесенныя въ Древн. сводъ.

Преданіе о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди сообщало о нихъ, что они основали Кіевъ. Возникновеніе преданія едва ли не обязано этимологіи географическихъ названій, какъ, впрочемъ, это подчеркивается и самимъ изложеніемъ его у лѣтописца: имя Щека извлечено изъ урочища Щековица, Хорива изъ урочища Хоривица, имя Лыбеди изъ названія рѣчки, протекающей близъ Кіева. Ограничивалось ли преданіе однимъ сообщеніемъ о существованіи этихъ братьевъ, основавшихъ Кіевъ, или передавало о нихъ еще что-нибудь, неясно. Изъ Повѣсти вр. лѣтъ мы знаемъ, что существовалъ разсказъ о томъ, будто Кій былъ перевозникомъ черезъ Днѣпръ; но этому разсказу составитель Повѣсти противополагаетъ преданіе, по которому Кій ходилъ къ Царьграду и тамъ былъ принятъ съ почестью царемъ греческимъ. Если мы правильно возстановили текстъ Древн. свода, возведя къ нему фразу: «И по сихъ братии дьржати почаша родъ ихъ кьняжение въ Поляхъ», то оказалось бы, что Аскольдъ и Диръ по представленію составителя этого свода были потомками Кія или его братьевъ. Такимъ образомъ, Кій, Щекъ и Хоривъ были въ представленіи составителя Древн. свода не только основателями Кіева, но и родоначальниками стараго княжескаго рода, истребленнаго Олегомъ.

Объ Аскольдѣ и Дирѣ составитель Древн. свода ничего не могъ сообщить, кромѣ того, что давало преданіе о завладѣніи Кіева Олегомъ. Объ Олегѣ существовало нѣсколько народныхъ преданій; онъ характеризовался въ нихъ какъ вѣщій князь; здѣсь была отмѣчена та хитрость, при помощи которой онъ убилъ Аскольда и Дира и сѣлъ въ Кіевѣ. Указаніе на по-

гребеніе Аскольда и Дира на горѣ свидѣтельствуетъ, повидимому, о томъ что и составителю Древн. свода извѣстна была могила, которую составитель Нач. свода опредѣлялъ ближе какъ могилу Аскольдову, на горѣ, называвшейся «Угорское» (ср. § 206[4]). Трудно сомнѣваться въ томъ, что народное преданіе отмѣчало сѣверное происхожденіе Олега; весьма вѣроятно, что оно называло его варяжскимъ княземъ, пришедшимъ изъ заморья черезъ Новгородъ.

Преданіе о походѣ Олега на Царьградъ принадлежало къ особому циклу сказаній о походахъ русскихъ на Царьградъ; къ тому же циклу относились отмѣченное выше преданіе о походѣ Кія на Царьградъ, а также позднѣйшія преданія о походѣ на Царьградъ княгини Ольги. Вѣщій Олегъ подступаетъ къ Царьграду на колесницахъ, снабженныхъ парусами; результатъ побѣды Олеговой обычный—это обильная дань въ пользу князя и дружины; преданіе опредѣляло и размѣръ дани: 12 гривенъ на человѣка.

Преданіе о смерти Олега отъ укуса зміи осталось въ Древн. сводѣ совсѣмъ неразработаннымъ. Составитель Древн. свода въ противоположность позднѣйшему лѣтописцу не знаетъ, что Олегъ умеръ въ Кіевѣ и похороненъ на Щековицѣ; по его даннымъ Олегъ отправился черезъ Новгородъ за море и тамъ умеръ отъ укуса зміи.

Преданіе объ убіеніи Игоря Древлянами было извѣстно составителю Древн. свода въ довольно обстоятельномъ видѣ. Игорь былъ кіевскимъ княземъ; онъ, какъ и другіе кіевскіе князья, велъ войны съ Древлянами и Угличами (ср. выше замѣчаніе о томъ, что такія войны велись еще старыми князьями, происходившими отъ Кія и его братіи). И Древляне и Угличи были покорены Игоремъ; но онъ отдалъ управленіе надъ ними воеводѣ своему Свѣнельду. Это обогатило Свѣнельда и его дружину и возбудило ропотъ Игоревой дружины. Игорь двинулся на Деревскую землю, но въ схваткѣ съ Древлянами былъ убитъ Мьстишей, сыномъ Свѣнельда. Преданіе объ этомъ событіи было, какъ кажется, широко распространено въ Кіевѣ. Какъ мы видѣли, оно оживлялось упоминаніемъ о популярныхъ въ памяти народной лицахъ: о Свѣнельдѣ и сынѣ его Мстиславѣ Лютомъ умѣли разсказать еще кое-что другое; но кромѣ того преданіе

связывало этого Мстислава съ личностью популярнѣйшаго князя Владиміра; Мьстиша былъ дѣдомъ Владиміра по матери (Малфрѣди) и отцомъ извѣстнаго Добрыни. Древн. сводъ умалчиваетъ, впрочемъ, объ этомъ родствѣ: мы узнаемъ о немъ изъ Новгородскаго свода (§§ 219[12] и сл.).

Преданіе объ убіеніи Игоря стояло въ тѣсной связи съ преданіемъ о послѣдовавшемъ затѣмъ походѣ Ольги и Святослава противъ Древлянъ. Это преданіе изложено въ блѣдныхъ очертаніяхъ, но упоминаетъ о первомъ ударѣ копьемъ со стороны малолѣтняго Святослава и называетъ Асмуда воеводой и кормильцемъ Святослава Баснословныя преданія о мести Ольги Древлянамъ составитель Древн. свода не рѣшился включить въ свой трудъ.

Преданія о войнахъ Святослава представлены въ Древн. сводѣ въ весьма скудныхъ обрывкахъ. Какъ кажется, народная память не сохранила воспоминаній о далекихъ походахъ Святослава на Болгаръ и Грековъ, но отчетливо помнила о его походахъ на востокъ; впрочемъ, весьма блѣдно изложено Древн. сводомъ разрушеніе Козарскаго царства; болѣе обстоятельно разсказано о покореніи Вятичей. Присоединеніе къ Кіеву родственныхъ славянскихъ племенъ—эта благодарная тема охотно разработывалась народнымъ преданіемъ; мы видѣли въ преданіяхъ объ Игорѣ разсказы о покореніи имъ Древлянъ и Угличей; имя Святослава связано съ покореніемъ Вятичей. Далекіе походы Святослава, не дававшіе видимыхъ, осязательныхъ результатовъ въ глазахъ современниковъ, были скоро забыты потомствомъ, но въ потомство перешелъ тотъ ропотъ, который вызывалъ смѣлый князь въ кіевлянахъ, видѣвшихъ отъ своего князя разореніе, ущербъ землѣ и людямъ. Этотъ ропотъ, какъ кажется, вылился въ формѣ особаго преданія о томъ, какъ Кіевъ едва не былъ взятъ Печенѣгами въ отсутствіе Святослава. Древн. сводъ представилъ это преданіе въ весьма неполномъ видѣ: гораздо обстоятельнѣе оно изложено въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ (§ 85). Изъ этого болѣе полнаго изложенія явствуетъ, что народное преданіе полагало при этомъ Святослава не на западѣ, въ Переяславцѣ, а гдѣ-нибудь на востокѣ (§ 84). Пріуроченіе преданія къ походамъ Святослава про-

тивъ Болгаръ принадлежитъ догадкѣ составителя Древн. свода. Главное обвиненіе кіевлянъ противъ Святослава формулируется ими въ словахъ: «ты, къняже, чужея земля ищеши (и блюдеши) [1]), а своея ся охабивъ». Какъ указано въ § 90, сходная съ этими словами надпись была сдѣлана, по сообщенію позднѣйшихъ сводовъ, на черепѣ убитаго Печенѣгами Святослава. Это даетъ основаніе думать, что народное преданіе самую гибель Святослава ставило въ связь (и справедливо) съ его непокойнымъ нравомъ и его ошибками. Возможно, что о гибели Святослава отъ Печенѣговъ, предводительствуемыхъ Курей, имѣлось особое народное преданіе, правильно пріуроченное составителемъ Древн. свода (подъ вліяніемъ болгарскаго источника) къ возвращенію Святослава изъ Болгаріи. Но преданіе это было поставлено въ связь съ преданіемъ о томъ, какъ Печенѣги едва не взяли Кіева.

§ 262. Преданія о распряхъ между Святославичами представлены въ Древн. сводѣ въ значительной разработкѣ. Два главные момента—убіеніе Олега Ярополкомъ и убіеніе Ярополка Владиміромъ стоятъ въ извѣстной связи между собой: Владиміръ мститъ за брата и движеніемъ противъ Ярополка спасаетъ себя. Нельзя не видѣть извѣстной аналогіи между событіями послѣ смерти Святослава и событіями послѣ смерти Владиміра. Послѣ смерти Святослава Ярополкъ убиваетъ Олега; Владиміръ, сидѣвшій въ Новгородѣ, обращается за помощью къ Варягамъ и овладѣваетъ Кіевомъ, причемъ Ярополкъ теряетъ жизнь. Послѣ смерти Владиміра Святополкъ убиваетъ братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава; Ярославъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, обращается за помощью къ Варягамъ и овладѣваетъ Кіевомъ, причемъ Святополкъ теряетъ жизнь. Эта аналогія обращаетъ на себя не только наше вниманіе; ее, конечно, замѣтили и современники. И подобно тому, какъ наличность двухъ походовъ польскихъ Болеславовъ, возстановившихъ въ 1018 году на кіевскомъ столѣ Святополка, а въ 1069—Изяслава, имѣла слѣдствіемъ, что подробности, относящіяся къ походу 1069 года,

---

[1]) Заключенное въ скобки, быть можетъ, вставлено составителемъ Древн. свода, сообщившимъ передъ этимъ, что Святославъ сѣлъ, „княжа“, въ Переяславцѣ.

переносились въ разсказъ о походѣ 1018 года, такъ же возможно допустить, что событія 1015—1019 годовъ, насколько они были извѣстны лѣтописцу, давали окраску его разсказу о событіяхъ 977—978 годовъ. Эти соображенія заставляютъ меня отнестись съ нѣкоторою осторожностью къ тому развитію, которое дано лѣтописцемъ преданію о распрѣ между Святославичами; не все въ его разсказѣ соотвѣтствовало преданію; кое-какія черты и даже факты могли быть включены въ него изъ событій болѣе близкихъ къ лѣтописцу и лучше имъ изслѣдованныхъ—изъ исторіи борьбы между Святополкомъ и Ярославомъ. Останавливаюсь на двухъ особенностяхъ разсказа о распрѣ Святославичей.

Во-первыхъ, передъ нами выдвигается личность Святополкова воеводы Блуда съ чертами предателя и измѣнника: по разсказу Древн. свода (потерпѣвшему измѣненіе въ Нач. сводѣ, благодаря вліянію особой версіи о Лютѣ Свѣнельдичѣ) Блудъ возбудилъ Ярополка противъ Олега и сталъ такимъ образомъ начальникомъ братоубійственной вражды; тотъ же Блудъ предалъ Ярополка Владиміру. Оставляю въ сторонѣ вопросъ, соотвѣтствовало ли все это дѣйствительности [1]) или, по крайней мѣрѣ, точно ли при этомъ передается народное преданіе. Обращаю вниманіе на тѣ философско-лирическія отступленія, которыя вызываетъ въ лѣтописцѣ поведеніе Блуда: послѣ измѣнническаго согласія Блуда на предложенія Владиміра, сдѣланныя при посредствѣ подосланныхъ посредниковъ, лѣтописецъ восклицаетъ: «О, злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголетъ...» (и далѣе слѣдуютъ выписки изъ псалмовъ); затѣмъ читаемъ рѣзкое осужденіе измѣняющихъ князьямъ своимъ или господамъ слугъ; они, по словамъ лѣтописца, хуже бѣсовъ; заключаетъ свои разсужденія лѣтописецъ замѣчаніемъ, что Блудъ, предавшій своего князя, былъ повиненъ въ его крови. Это неожиданное философско-лирическое отступленіе, пожалуй, даже не совсѣмъ умѣстное въ изображеніи той языческой среды, гдѣ произошли описываемыя событія, сильно

---

[1]) Не забудемъ, что Новгородская лѣтопись въ разсказѣ о сраженіи при Любечѣ говорила о томъ, что въ станѣ Святополка былъ мужъ въ пріязнь Ярославу и что побѣда Ярослава явилась слѣдствіемъ тайныхъ сношеній съ нимъ.

напоминаетъ подобныя же отступленія въ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба, гдѣ лѣтописецъ выступаетъ съ длинными обличеніями противъ Святополка, гдѣ лѣтописецъ обличаетъ и окаянныхъ убійцъ Борисовыхъ, Святополковыхъ слугъ, сравнивая ихъ съ бѣсами («сиця бо слугы бѣси бываютъ... золъ бо человѣкъ, тщася на злое, хужи есть бѣса»). Заключаю изъ этого, что лѣтописецъ, изображая борьбу Владиміра съ Ярополкомъ, чувствовалъ, что она кое въ чемъ напоминала борьбу Ярослава съ Святополкомъ; это поднимало его чувство до такого же философско-лирическаго подъема, какое оно получало при изображеніи Святополка. Въ результатѣ ему удалось изобразить двѣ яркія фигуры, олицетворявшія зло въ разныхъ его проявленіяхъ, фигуры, приковывавшія на себѣ вниманіе потомства: предателя Блуда и братоубійцы Святополка [1]).

Во-вторыхъ, я обращаю вниманіе на любопытный разсказъ лѣтописца о наемныхъ Варягахъ, предъявившихъ къ Владиміру большія требованія послѣ взятія Кіева: «се градъ нашь,—объявили они,—мы прияхомъ й, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка». Владиміръ уговорилъ ихъ ждать мѣсяцъ, пока не соберутъ имъ денегъ; когда Варяги по истеченіи мѣсяца увидѣли, что Владиміръ ихъ обманулъ, они отпросились въ Царьградъ. Владиміръ отпустилъ ихъ, но послалъ предупредить царя: «се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то сътворять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого». Это первый разсказъ въ Древн. сводѣ, который я затруднился бы возвести къ народному преданію (или къ старшему письменному памятнику). О поступкѣ Владиміра съ Варягами не могла, конечно, сложиться былина; а если она и сложилась бы, то не могла бы сохранить той весьма характерной подробности, каковою является предупрежденіе, посланное Владиміромъ къ греческому царю. Можно, конечно, допустить, что разсказъ основанъ на припоминаніяхъ; но странно, что въ немъ не сохранилось тѣхъ чертъ, которыя могли бы запечатлѣться у Кіевлянъ особенно рѣзко,—что въ немъ не говорится, что́ же именно совершили Варяги въ Кіевѣ, кромѣ выра-

[1]) Ср. Степенную книгу; Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, и др.

женной ими Владиміру угрозы взять съ Кіевлянъ окупъ; а между тѣмъ Владиміръ предупреждаетъ греческаго царя о томъ, что Варяги могутъ совершить въ Царьградѣ такое же зло, какъ и здѣсь. Въ виду сомнѣній, возбуждаемыхъ этимъ разсказомъ, я предполагаю, что лѣтописецъ перенесъ на 978 годъ событіе, имѣвшее на самомъ дѣлѣ мѣсто въ 1017 году. Ярославъ побѣдилъ Святополка при Любечѣ при помощи Варяговъ, составлявшихъ по разсчету новгородскаго лѣтописца четвертую часть всего Ярославова войска: Варяговъ было 1000, а Новгородцевъ 3000. Тотъ же лѣтописецъ разсказалъ о насиліяхъ, творившихся этими Варягами въ Новгородѣ въ 1015 году и о возмущеніи, вызванномъ этими ихъ насиліями. Не повторились ли подобныя насилія и въ Кіевѣ, по взятіи его Ярославомъ? До насъ дошло ясное свидѣтельство Титмара Мерзебургскаго о разореніи и пожарѣ Кіева въ 1017 г.; древнѣйшая лѣтопись, повидимому, также сообщала о пожарѣ въ Кіевѣ, повредившемъ и св. Богородицу Десятинную. Не были ли эти пожары слѣдствіемъ безчинства Варяговъ въ завоеванномъ городѣ? И не побудили ли Ярослава эти ихъ безчинства отправить ихъ въ Грецію съ должнымъ предупрежденіемъ византійскаго императора, съ которымъ русскій княжескій домъ состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ? Въ пользу признанія разсказа о Владиміровыхъ Варягахъ перенесеннымъ литературнымъ путемъ изъ событій 1017 года говоритъ еще и отмѣченное выше обстоятельство: лѣтописецъ умолчалъ, въ чемъ же состояло зло, содѣянное Варягами Кіеву; Варяги въ 1017 году сожгли Кіевъ, пожгли его церкви; упоминаніе о церквахъ было бы неумѣстно въ разсказѣ, относящемся ко временамъ Владиміра.

Послѣ этихъ замѣчаній, имѣющихъ цѣлью показать, во-первыхъ, что фигура Блуда изображена нѣсколько сгущенными красками, во-вторыхъ, что эпизодъ съ Варягами вставленъ лѣтописцемъ въ разсказъ о событіяхъ 978 года произвольно, я нахожу возможнымъ возвести все остальное повѣствованіе о распрѣ Святославичей и вокняженіи Владиміра къ народнымъ преданіямъ. Преданіе помнило о томъ, что Владиміръ стоялъ между Дорогожичемъ и Капичемъ; лѣтописецъ подтверждалъ его тѣмъ, что ровъ, которымъ окопался при этомъ Владиміръ, виденъ былъ и «до сего дня»; преданіе передавало объ осадѣ Ярополка въ Роднѣ; лѣто-

писецъ подтверждалъ его ссылкой на современную ему пословицу: «бѣда аки въ Родьнѣ». По мнѣнію лѣтописца пословица эта сложилась отъ того, что осажденные въ Роднѣ терпѣли сильный голодъ, но, быть можетъ, первоначальный смыслъ пословицы былъ иной; онъ намекалъ на распрю между братьями и исходилъ изъ созвучія словъ Родьня и родьня [1]). Преданіе помнило еще объ оставшемся вѣрнымъ Ярополку нѣкоемъ Варяжкѣ; Варяжко бѣжалъ къ Печенѣгамъ и мстилъ Владиміру неоднократными набѣгами съ Печенѣжскою ратью: съ трудомъ привлекъ его къ себѣ Владиміръ, «заходивъ к нему ротѣ»; весьма вѣроятно, что народное преданіе гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ лѣтописецъ, сообщало о Варяжкѣ и его войнахъ съ Владиміромъ [2]).

§ 263. Популярный князь кіевскій Владиміръ, и теперь еще воспѣваемый въ народныхъ былинахъ, сталъ весьма рано центральною личностью въ томъ дружинномъ эпосѣ, который складывался въ X—XI вѣкѣ въ Кіевѣ. Едва ли не главною заслугой Владиміра въ глазахъ русскихъ людей было объединеніе имъ подъ своею властью всѣхъ восточнославянскихъ племенъ [3]): народное преданіе приписывало ему покореніе Вятичей, Радимичей, Хорватовъ; имъ же покорена Ятвяжская земля; онъ воевалъ съ Ляхами и взялъ у нихъ Червенскіе города; онъ побѣдилъ Болгаръ Дунайскихъ; всѣ эти походы воспѣвались, повидимому, въ былинахъ, которыя стали рано переносить на Владиміра подвиги предшествовавшихъ ему князей. Такъ о покореніи Вятичей другія народныя преданія говорили, какъ о дѣлѣ Святослава; утверждать на основаніи лѣтописи, что при Владимірѣ Вятичи захотѣли сложить съ себя ярмо, надѣтое на нихъ Святославомъ, и что ихъ пришлось поэтому покорить вновь, мы, конечно, не будемъ. Но главная борьба шла во времена Владиміра со степью, съ Печенѣгами, постоянно тревожившими русскіе предѣлы; отдѣльные

[1]) Ср. эту пословицу въ болѣе полномъ видѣ въ Ермолинской лѣтописи: „бѣда аки в Роднѣ; братъ брата убилъ“. Въ Переясл. лѣтописцѣ читаемъ: „без хлѣба, в Роднѣ“.

[2]) Ср. въ Переясл. лѣтописцѣ слова, обращенныя Варяжкомъ къ Блуду „всякъ милостникъ подобенъ есть зміи запазушнѣй“.

[3]) Въ Словѣ о законѣ и благодати читаемъ: „и единодержечь сии бысть в земли своеи, покоривъ подъ ся округняя страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ“.

эпизоды этой борьбы запечатлѣлись въ памяти народной въ видѣ яркихъ картинъ, подобныхъ тѣмъ, что изобразилъ составитель Повѣсти вр. лѣтъ, разсказавшій объ единоборствѣ отрока Переяслава съ Печенѣжиномъ и объ осадѣ Печенѣгами Бѣлгорода. Составитель Древн. свода воспользовался преданіями о войнахъ Владиміра и на основаніи ихъ составилъ сообщенія о походахъ противъ Ляховъ, Вятичей, Ятвяговъ, Радимичей, Болгаръ, Хорватовъ. О войнахъ съ Печенѣгами онъ сообщилъ лишь въ общихъ чертахъ, упомянувъ, впрочемъ, объ одномъ изъ походовъ Владиміровыхъ къ порогамъ.

Преданія о пирахъ Владиміра, о которыхъ повѣствуютъ и современныя намъ былины, использованы лѣтописцемъ въ характеристикѣ Владиміровой, данной имъ въ концѣ разсказа объ его княженіи. Въ лѣтописномъ сборникѣ, именуемомъ лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго и восходящемъ по времени своего составленія къ XIV вѣку, вставлены нѣкоторыя подробности объ обильныхъ яствахъ, подававшихся на этихъ пирахъ; можно думать, что слава о нихъ воспѣвалась и во времена Ярослава.

Въ повѣствованіи о событіяхъ послѣ Владиміра я не вижу указаній на пользованіе былинами или историческими пѣснями События эти были для лѣтописца недавняго происхожденія; они не успѣли еще принять легендарной окраски, и разсказъ о нихъ, быть можетъ, мѣстами неточный и даже сказочный основывался на припоминаніяхъ современниковъ.

§ 264. Впрочемъ, въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ видимъ зачатки слагавшейся уже вскорѣ послѣ перваго прославленія этихъ князей легенды. Какъ отмѣчено выше, въ Кіевѣ приписывали убіеніе любимаго князя Бориса Вышегородцамъ; легенда сохранила имена убійцъ и подробности убіенія. Въ разсказѣ объ убіеніи Глѣба опять находимъ имена убійцъ. Про Святослава сказанію извѣстно что онъ настигнутъ убійцами въ горѣ Угорской. О Святополкѣ сообщается въ яркихъ выраженіяхъ, какою злою онъ умеръ смертью, гдѣ онъ испустилъ свой духъ; могилу эту знаютъ «и до сего дьне», изъ нея исходитъ злой смрадъ. Всѣ эти подробности ведутъ къ предположенію о существованіи легенды объ убіеніи Бориса и Глѣба еще во времена Ярослава.

Духовную легенду порождаетъ спюшь и рядомъ постройка новаго храма или часовни. Одна изъ подобныхъ легендъ восходитъ еще ко времени Владиміра; она связана съ построеніемъ въ Василевѣ церкви св. Преображенія. Легенда о построеніи этой церкви сообщаетъ объ обѣтѣ, данномъ Владиміромъ во время одной изъ неудачныхъ битвъ съ Печенѣгами, когда Владиміру пришлось скрываться подъ мостомъ; вѣроятно, изъ этой же легенды заимствовавъ разсказъ о пиршествѣ, сопровождавшемъ освященіе новаго храма. Легенда о построеніи св. Богородицы Десятинной сохранила воспоминаніе о походѣ Владиміра на Корсунь; походъ былъ предпринятъ съ прямою цѣлью добыть священниковъ, священныя книги и сосуды, необходимые для новопросвѣщенной страны; Владиміръ идетъ, слѣдовательно, на Корсунь уже по принятіи христіанства; вотъ почему онъ находитъ помощь со стороны священника Корсунскаго Анастаса; этого самаго Анастаса вмѣстѣ съ попами Корсунскими Владиміръ привозитъ съ собой въ Кіевъ; имъ онъ поручаетъ выстроенную послѣ похода церковь св. Богородицы; Анастаса онъ дѣлаетъ распорядителемъ десятины; церковь украшается иконами, сосудами и крестами, взятыми въ Корсунѣ. Нѣкоторыя соображенія побудили меня признать, что легенда эта составителемъ Древн. свода использована не вполнѣ; къ ней вернулся впослѣдствіи составитель Начальнаго свода, но въ концѣ XI в. она успѣла принять уже совершенно иной характеръ; она преобразовалась въ Корсунскую легенду, повѣствовавшую, вопреки лѣтописи, что самое крещеніе Владиміръ принялъ въ Корсунѣ. Такимъ образомъ, въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ текстѣ имѣются заимствованія и изъ болѣе древней легенды о созданіи церкви Богородицы Корсунской и изъ болѣе новой легенды о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ; различить эти заимствованія не такъ легко, и, быть можетъ, кое что въ возстановленномъ нами текстѣ можетъ показаться произвольнымъ. Въ частности отмѣтимъ, что сообщеніе объ украшеніи Владиміромъ св. Богородицы иконами, сосудами и крестами, взятыми въ Корсунѣ, мы не включили въ текстъ Древн. свода потому, что объ этомъ въ Нач. сводѣ (и Повѣсти вр. л.) читается при извѣстіи объ основаніи св. Богородицы, между тѣмъ Древн. сводъ говорилъ объ

окончаніи этой церкви ниже, черезъ нѣсколько лѣтъ; это побудило меня исключить и сообщеніе о взятіи Владиміромъ изъ Корсуня Анастаса, Корсунскихъ поповъ, мощей Климента и Фива, сосудовъ и иконъ, тѣмъ болѣе, что глаголъ «поемъ», относящійся и къ царевнѣ, и ко всему перечисленному, могъ быть употребленъ первоначально именно въ отношеніи къ одной царевнѣ (взявъ въ замужество).

4.

§ 265. Припоминанія въ текстѣ Древн. свода едва ли переходятъ время Ярослава. Насъ поражаетъ незначительное количество событій изъ княженія Владимірова. Послѣ сообщенія о походѣ на Хорватовъ, отнесенномъ на 6500 годъ, и до 6523 года лѣтописецъ не далъ ни одного факта, если исключимъ сообщеніе объ окончаніи Богородицы Десятинной, разсказъ объ основаніи церкви св. Преображенія и нѣкоторыя данныя въ характеристикѣ Владиміра. Это доказываетъ, что, углубившись во времена Владиміра, лѣтописецъ основывался на болѣе или менѣе готовыхъ матеріалахъ (письменныхъ источникахъ, народныхъ преданіяхъ въ видѣ пѣсенъ и былинъ, духовныхъ легендъ); частичныхъ припоминаній мы для этого времени у него не находимъ. Напротивъ, начиная 6523 года, съ сообщенія о смерти Владиміра, многое въ текстѣ Древн. свода нельзя понять иначе, какъ результатъ припоминанія со стороны лѣтописца или тѣхъ старыхъ людей, къ которымъ обращались его разспросы. Оставивъ въ сторонѣ разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, какъ породившемъ уже во время лѣтописца духовныя легенды, переходимъ къ событіямъ, связаннымъ съ борьбой Ярослава со Святополкомъ. Описаніе Любечской битвы—это первое въ лѣтописи обстоятельное описаніе сраженія; отмѣчено расположеніе войскъ той и другой стороны, указаны топографическія данныя, сообщены данныя хронологическія (войска стояли другъ противъ друга три мѣсяца), отмѣченъ непосредственный поводъ къ битвѣ, установлена причина пораженія Святополка: все это ведетъ насъ къ разсказамъ очевидцевъ, къ ихъ припоминаніямъ. Подъ 6525 говорится о пожарѣ въ Кіевѣ: конечно, о немъ не сообщали ни былины, ни легенды, но о немъ помнили въ Кіевѣ. Подъ 6526 по-

дробно описано сраженіе Ярослава съ Болеславомъ Лядскимъ у Волыня; въ концѣ статьи сообщено, что Болеславъ отобралъ себѣ Червенскіе города; и это, конечно, основано на припоминаніяхъ. Подъ 6528 читаемъ первое въ лѣтописяхъ нашихъ извѣстіе о рожденіи князя [1]): въ этомъ году родился сынъ Ярослава Владиміръ. О рожденіи первенца Ярослава Иліи, родившагося и умершаго въ Новгородѣ, лѣтописецъ не знаетъ, не помнитъ. Подъ 6532 описывается Лиственская битва; упоминаніе Якуна, носившаго золотую луду, не дѣлаетъ разсказа объ этой битвѣ сказочнымъ, ибо подробность о томъ, что на полѣ битвы была найдена оставленная бѣжавшимъ Якуномъ золотая луда, могла принадлежать показанію очевидца, участника сраженія. Подъ 6534 сообщено о первомъ мирномъ договорѣ между князьями: онъ состоялся въ Городцѣ между Ярославомъ и Мстиславомъ. Подъ 6536 находимъ первое русское извѣстіе о небесномъ знаменіи, въ данномъ случаѣ о кометѣ [2]). Подъ 6544 читаемъ о болѣзни и смерти Мстислава; о поѣздкѣ Ярослава въ Новгородъ; лѣтописецъ помнитъ, что въ это время у Ярослава родился сынъ Вячеславъ [3]); въ это же время на Кіевъ напали Печенѣги; Ярославъ поспѣлъ на выручку города; сраженіе произошло на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ св. Софія, митрополья Русская, «бѣ бо тогда поле внѣ града». Все это основано на припоминаніяхъ и едва ли отдаленныхъ.

5.

§ 266. Въ разсказѣ о временахъ Ярослава Древн. сводъ не отвелъ мѣста для народныхъ преданій: онъ весь, какъ мы видѣли, основанъ на припоминаніяхъ. Зато предшествующія

[1]) Извѣстіе 6450 (952) года о рожденіи Святослава въ Ипат. и др., конечно, позднѣйшаго происхожденія.

[2]) Извѣстіе 6419 (911) года о кометѣ заимствовано изъ греческаго источника.

[3]) Любопытно, что подъ 6528, 6532, 6535, 6538, сообщая о рожденіи сыновей Ярослава, лѣтописецъ прибавляетъ „и нарече ему“ такое-то имя; „нарече“ потому, что они рождались не въ отсутствіи Ярослава; говоря о рожденіи Вячеслава, лѣтописецъ пишетъ: „и нарекоша имя ему Вячеславъ“; Вячеславъ родился въ отсутствіи Ярослава.

эпохи не могли быть изложены составителемъ Древн. свода иначе, какъ при помощи извѣстныхъ элементовъ сочинительства, спаивавшаго письменные и устные его источники, комментировавшаго и исправлявшаго ихъ. Подъ сочинительствомъ разумѣемъ не одну выдумку, вымыселъ, но также комбинированіе данныхъ, возстановленіе по нимъ и по современной дѣйствительности событій и положеній прошедшаго времени.

Такъ путемъ комбинаціи различныхъ данныхъ лѣтописецъ сочинилъ ту переходную фразу, которая послѣ разсказа о началѣ Кіева позволила ему перейти къ преданію о появленіи въ Кіевѣ Олега. Олегъ—князь варяжскій; онъ пришелъ изъ Новгорода; въ Новгородѣ Варяги сѣли путемъ насилій, путемъ порабощенія Словѣнъ, сидѣвшихъ въ Новгородѣ; Варяги покорили себѣ не однихъ Словѣнъ, но также и Кривичей и Мерю, словомъ весь славянскій сѣверъ. Въ этихъ утвержденіяхъ лѣтописца видимъ отголоски и народныхъ преданій и слѣды его умозаключеній и обобщеніе по аналогіи; въ этихъ утвержденіяхъ, какъ мы видѣли, скрыто сознаніе лѣтописца о тождествѣ правившихъ на югѣ и на сѣверѣ общественныхъ элементовъ, Русскихъ и Варяговъ. Подобно тому, какъ имя Полянъ и другихъ племенъ поглощено именемъ Руси, такъ же точно Словѣне новгородскіе прозвались Варягами; эти самые Варяги, перейдя въ Кіевъ, и именно прежде всего они (а не покоренные ими Поляне) назвались Русью. Строки, гдѣ составитель говоритъ о покореніи сѣвера Варягами, тѣсно связаны съ послѣдующимъ его утвержденіемъ о томъ, что Олеговы Варяги прозвались Русью, причемъ Олегъ сталъ ставить города и уставлять дани.

Лѣтописецъ слѣдитъ за образованіемъ и ростомъ Русской земли; онъ отмѣчаетъ съ большою послѣдовательностью постепенный ходъ объединенія тѣхъ земель, которыя въ его время находились подъ рукой Ярослава. Ко временамъ Олега онъ относитъ покореніе русскому владычеству, исходившему изъ Кіева, изъ земли Полянъ,—Кривичей, Мери и Словѣнъ новгородскихъ, которыхъ называетъ Варягами; Игорь покорилъ Угличей и Древлянъ; Ольга и Святославъ довершили покореніе Древлянъ; Святославъ покорилъ Вятичей; Владиміръ довершилъ покореніе Вятичей; оно покорилъ еще Радимичей и Хорватовъ, отобралъ у

Ляховъ Червенскіе города и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ землю Ятвяговъ. Границы Русской земли вызываютъ въ лѣтописцѣ живое представленіе; онъ отдаетъ себѣ отчетъ о томъ, гдѣ сидятъ упоминаемыя имъ племена: Вятичей онъ знаетъ на югѣ, на пути изъ Приднѣпровья къ нижнему Поволжью; Угличи сидятъ между Бугомъ и Днѣстромъ: этому противорѣчило, однако, народное преданіе, сообщавшее объ осадѣ Игоремъ въ теченіи трехъ лѣтъ Угличскаго города Пересѣчена; Пересѣченъ находится на нижнемъ теченіи Днѣпра; лѣтописецъ устраняетъ противорѣчіе указаніемъ на то, что раньше Угличи сидѣли восточнѣе, внизъ по Днѣпру, и что въ теперешнія ихъ жительства они перешли позже. Заговоривъ о Радимичахъ, лѣтописецъ вспомнилъ преданіе объ ихъ ляшскомъ происхожденіи и сообщилъ о томъ, что въ теперешнія ихъ жительства они перешли изъ Ляшской земли. Комментируя сообщеніе письменнаго источника объ уставленіи Ольгой земли, лѣтописецъ подтверждаетъ его извѣстіемъ о томъ, что становища и ловища и перевѣсища Ольги имѣются по Днѣпру и Деснѣ и что село ея, Ольжичи, извѣстно и доселѣ; но выше землей, уставленною княгиней Ольгой, онъ назвалъ Деревскую. Не служитъ ли это доказательствомъ того, что подъ Деревскою землею разумѣлась имъ и земля Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ?

Лѣтописецъ былъ человѣкомъ бывалымъ; кромѣ Кіева онъ былъ знакомъ и съ другими мѣстностями русской земли; это доказываетъ и его замѣчаніе о жительствахъ Угличей, и указаніе на село Ольжичи, и утвержденіе о томъ, что Игорева могила находится у Искоростѣня, а Ольгова у Вручьяго и до сего дни. Описывая гибель Святослава и комбинируя показанія источниковъ, лѣтописецъ догадывается, что онъ провелъ зиму въ Бѣлобережьи. Для оживленія своего разсказа лѣтописецъ пользуется и топографическими данными Кіева: онъ вспоминаетъ о рвѣ между Дорогожичемъ и Капичемъ, когда говоритъ объ осадѣ Кіева Владиміромъ, говоритъ о погребеніи Аскольда и Дира на Угорскомъ, указываетъ, что Ольга была погребена у града Кіева.

Неясное въ событіяхъ давнопрошедшихъ возстанавливается лѣтописцемъ по аналогіи позднѣйшихъ событій. Примѣромъ этого, какъ мы видѣли, служитъ разсказъ объ удаленіи Влади-

міромъ наемныхъ Варяговъ изъ Кіева. Время Владиміра, привлекавшее на себя все вниманіе лѣтописца, съ трудомъ возстанавливалось имъ по источникамъ. Приходилось прибѣгать къ сочинительству. Особенно удачною надо признать сцену, изображающую испытаніе вѣръ Владиміромъ, къ которому приходятъ миссіонеры различныхъ вѣроученій; повидимому, о прибытіи миссіонеровъ говорилъ и болгарскій источникъ лѣтописца, описывавшій крещеніе Бориса; но у нашего лѣтописца это описаніе получило самостоятельное развитіе. Имъ сочинены діалоги между Владиміромъ и миссіонерами, что доказывается, какъ мы видѣли (§ 104), между прочимъ, тѣми рѣчами, которыя вложены лѣтописцемъ въ уста латинскихъ миссіонеровъ; одна изъ фразъ въ этихъ рѣчахъ заимствована изъ сказанія о Варягахъ-мученикахъ; разговоръ съ евреями передаетъ одно мѣсто изъ обличительной рѣчи философа. Сочиненные лѣтописцемъ діалоги указываютъ на знакомство его и съ магометанами и съ іудеями; о внѣшнихъ обрядахъ ихъ онъ имѣлъ извѣстное представленіе.

Мы оканчиваемъ свои замѣтки объ источникахъ и составѣ Древн. свода. Конечно, вопросъ заслуживалъ бы болѣе подробной разработки; но ей умѣстнѣе появиться послѣ провѣрки критикой тѣхъ пріемовъ и результатовъ, къ которымъ пришло настоящее изслѣдованіе при возстановленіи текста Древн. свода.

ГЛАВА XIX.

О древнемъ Новгородскомъ сводѣ и предшествовавшей ему Новгородской лѣтописи.

1.

Предыдущее изслѣдованіе (главы VII—XI) доказало существованіе такого Новгородскаго лѣтописнаго свода, которымъ пользовался въ качествѣ источника составитель Начальнаго свода, работавшій въ Кіевѣ около 1095 года. При этомъ мы получили указаніе на слѣдующую характерную особенность этого Новгородскаго свода; въ основаніе его положенъ Древнѣйшій Кіевскій сводъ, болѣе или менѣе имъ исчерпанный и дополненный встав-

ками новгородскихъ статей и извѣстій; за послѣднимъ извѣстіемъ этого основного источника начинается рядъ самостоятельныхъ статей и извѣстій новгородскаго происхожденія; послѣднимъ же извѣстіемъ, заимствованнымъ изъ основного источника, было сообщеніе о построеніи Ярославомъ св. Софіи, митрополіи русской (мы видѣли, что Древнѣйшій сводъ оканчивался именно этимъ сообщеніемъ). Мы приводили и приведемъ еще разъ два доказательства, на которыхъ основано наше утвержденіе: во-первыхъ, въ Древнемъ Новгородскомъ сводѣ, насколько онъ возстанавливается по Синод. списку Новгородской 1-й лѣтописи, а также по своду 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), вслѣдъ за названіемъ 6525 года, т.-е. за годомъ вступленія Ярослава на столъ Кіевскій [1]), былъ помѣщенъ краткій перечень событій Ярославова княженія, начиная съ побѣды Ярослава надъ Брячиславомъ и кончая сообщеніемъ о построеніи имъ митрополіи русской въ Кіевѣ; за этимъ перечнемъ шли извѣстія новгородскаго происхожденія съ явнымъ нарушеніемъ хронологической послѣдовательности, ибо первымъ такимъ извѣстіемъ было сообщеніе о заточеніи Ярославомъ посадника Константина Добрынича, случившемся, повидимому, не очень долго послѣ 6525 года, т.-е. года вступленія на Кіевскій столъ Ярослава. Во-вторыхъ, начиная съ только что указаннаго новгородскаго сообщенія о судьбѣ посадника Константина, отношеніе возстанавливаемаго Новгородскаго свода къ Кіевскому (въ частности къ Начальному Кіевскому) своду рѣзко измѣняется; до этого сообщенія Новгородскій сводъ основывался на Кіевскомъ (а именно на Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ), начиная съ него, въ Новгородскомъ сводѣ не оказывается ни одного извѣстія кіевскаго происхожденія: общія Новгородскому своду и Начальному своду (Повѣсти вр. лѣтъ) статьи оказываются заимствованными Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ изъ его новгородскаго источника.

Какъ же понять установленную нами характерную особенность того древняго Новгородскаго свода, который возстанавливается по названнымъ выше позднѣйшимъ новгородскимъ сводамъ, съ

[1]) Ярославъ вошелъ въ Кіевъ, повидимому, позднею осенью 6524-го (мартовскаго и январскаго) года.

одной стороны, по Повѣсти вр. лѣтъ, съ другой? Думаю, что въ этой особенности Новгородскаго свода сказалась прежде всего исторія его составленія. Въ немъ явнымъ образомъ слиты два источника: во-первыхъ, своя Новгородская лѣтопись, во-вторыхъ, Древнѣйшій Кіевскій сводъ. Это особенно ясно и изъ той статьи, гдѣ разсказывается о событіяхъ 6525 года (года вступленія Ярослава на Кіевскій столъ); сначала читаемъ новгородское описаніе битвы, въ которой Ярославъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Святополкомъ и послѣ которой сѣлъ въ Кіевѣ; далѣе сообщены вкратцѣ событія Ярославова княженія, до построенія кіевской св. Софіи включительно; а затѣмъ читаемъ «Костянтинъ же бяше тъгда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ»; ясно, что это новгородское извѣстіе читалось нѣкогда непосредственно за новгородскою статьей о побѣдѣ Ярослава надъ Святополкомъ и о его вокняженіи въ Кіевѣ. Слѣдовательно, въ Новгородѣ, до появленія въ немъ изслѣдуемаго нами свода, существовала своя мѣстная лѣтопись; изслѣдуемый же сводъ произошелъ изъ соединенія этой мѣстной лѣтописи съ текстомъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода.

§ 268. Ближайшею задачей нашей является опредѣленіе состава той Новгородской лѣтописи, которая вошла въ соединеніе съ текстомъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода; но предварительно изслѣдуемъ тѣ данныя, которыя позволили бы намъ заключить, когда именно произошло указанное соединеніе. Составитель древняго Новгородскаго свода въ началѣ своего труда относился къ основному своему источнику, Древнѣйшему Кіевскому своду, повидимому, нѣсколько иначе, чѣмъ въ концѣ, гдѣ, какъ мы видѣли сводчикъ самымъ рѣшительнымъ образомъ сократилъ его; въ началѣ древняго Новгородскаго свода текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода былъ переданъ довольно полно, что видно изъ того, что весьма многія статьи этого свода были дополнены новгородскими данными. Такое неодинаковое отношеніе къ основному источнику — Кіевскому своду со стороны составителя древняго Новгородскаго свода, сначала (до Ярослава) передача его текста полностью, а потомъ сокращеніе его, имѣло послѣдствіемъ подобный же неравномѣрный составъ позднѣйшихъ новгородскихъ сводовъ: исторія Синод. списка доказываетъ, что въ началѣ его

былъ довольно подробно изложенъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ, между тѣмъ какъ, начиная съ 6525 года, этотъ текстъ подвергся рѣшительному сокращенію. Передавая текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода въ началѣ (до Ярослава) полностью и дополняя его извѣстіями новгородскими, составитель древняго Новгородскаго свода врядъ ли являлся при этомъ простымъ компиляторомъ, соединявшимъ съ текстомъ основного своего источника текстъ источниковъ новгородскихъ. Сомнѣваюсь, чтобы Новгородская лѣтопись, бывшая въ его распоряженіи, давала обильныя данныя для древнѣйшихъ эпохъ; предположеніе, что данныя этой лѣтописи начинались поздно,—скажемъ со временъ Ярослава или, чтó, какъ увидимъ, вѣроятнѣе, со времени новгородскаго крещенія,—можетъ объяснить намъ, почему составитель древняго Новгородскаго свода почти совсѣмъ забросилъ свой основной (кіевскій) источникъ только съ 6525 года и обратился тогда исключительно къ источнику новгородскому — къ Новгородской лѣтописи; эта лѣтопись до 6525 года своею неполнотою, скудостью своихъ данныхъ не могла сравниться съ кіевскимъ источникомъ. Итакъ, дополняя, а мѣстами комментируя текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, составитель древняго Новгородскаго свода дѣйствовалъ не какъ компиляторъ, а какъ изслѣдователь историческихъ данныхъ и собиратель народныхъ преданій.

§ 268[1]. Разсматривая трудъ составителя древняго Новгородскаго свода съ этой точки зрѣнія, мы останавливаемся на слѣдующемъ внесенномъ имъ добавленіи въ соотвѣтствующій текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода. Въ этомъ послѣднемъ читалось: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Какъ мы видѣли выше (§§ 201, 206[7] и 209[9]), фраза эта въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ была изложена такъ: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани Словѣномъ, Варягомъ и Кривичемъ и Мери, а отъ Новагорода 300 гривѣнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ».

Высказанныя въ указанныхъ §§ соображенія показали, что мы изъ фразы «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ», фразы, читавшейся въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ, не можемъ извлечь прямого указанія на то, когда же именно она написана и что означаетъ въ ней слово «нынѣ»; дань уплачи-

валась Новгородомъ Кіевскому князю и позже; поэтому Новгородскій сводъ 1167 года, включившій эту фразу въ свой составъ, оставилъ ее безъ измѣненія. Но изъ того обстоятельства, что составитель Начальнаго Кіевскаго свода измѣнилъ слова «еже и нынѣ даютъ» на «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ», мы заключили, что кіевскій лѣтописецъ конца XI в. подъ «нынѣ» своего новгородскаго источника разумѣлъ время до смерти Ярослава. Мы не можемъ отвергать законности и основательности такого пониманія составителя Начальнаго свода и предполагаемъ поэтому, что, по его мнѣнію, тотъ древній Новгородскій сводъ, который онъ использовалъ въ своемъ трудѣ, былъ составленъ во время Ярослава. И это мнѣніе составителя Начальнаго свода мы отвергнуть не можемъ. Признаемъ, что дѣйствительно древній Новгородскій сводъ составленъ до смерти Ярослава, при чемъ это было такъ или иначе выражено въ немъ, напримѣръ, въ предисловіи или послѣсловіи составителя. Правда, составитель Начальнаго свода заимствовалъ изъ новгородскаго своего источника и извѣстія послѣ смерти Ярослава, напр., извѣстіе 6571 (1063) года объ обратномъ теченіи Волхова, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ основаніе думать, что этотъ новгородскій источникъ древняго Новгородскаго свода (въ основной части своей) былъ составленъ до кончины Ярослава. Мы послѣдуемъ за составителемъ Начальнаго свода и признаемъ, что древній Новгородскій сводъ, тотъ самый сводъ, гдѣ текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода вошелъ въ соединеніе съ текстомъ Новгородской лѣтописи, составленъ до кончины Ярослава.

§ 269. Это наше заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ содержаніи и характерѣ новгородскихъ записей, восходящихъ ко времени до Ярославовой кончины: сообщеніе о пожарѣ новгородской св. Софіи содержитъ точную дату событія (обозначенъ не только день, но и время дня, когда случился пожаръ: 4-е марта въ субботу—послѣ заутрени въ 3-мъ часу); указанъ день освященія каменной св. Софіи, указанъ день смерти жены Ярослава (похороненной въ св. Софіи); указанъ день смерти князя новгородскаго Владиміра, положеннаго также въ св. Софіи. Такимъ образомъ, до 1054 года древній Новгородскій сводъ содержалъ четыре точныя хронологическія опредѣленія: подъ 6557 (1049),

6558 (1050) и 6560 (1052); вспомнимъ, что въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ (доведенномъ до 1039-го года) не содержалось ни одной точной даты и что первыя точныя даты появляются только въ Продолженіи къ Древн. своду (день смерти Ярослава 1054 г. и день побѣды половцевъ надъ Всеволодомъ 1061 г.); обиліе точныхъ датъ въ Новгородскомъ сводѣ можно понять только при допущеніи, что онъ самъ составленъ, или что лѣтопись, положенная въ его основаніе, велась въ тѣ годы, къ которымъ относятся эти точныя даты; напротивъ, скудость извѣстій и отсутствіе датъ въ кіевской лѣтописи за соотвѣтствующее время можно объяснить только тѣмъ, что она въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ совсѣмъ не велась въ Кіевѣ.

§ 270. До 6557 года мы въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ не найдемъ точныхъ датъ. Но это не мѣшаетъ намъ предположить, что лѣтопись велась въ Новгородѣ и до 1049 года; велась она, повидимому, инымъ лицомъ и иными пріемами, чѣмъ записи 6557—6560 годовъ, но современность ея описываемымъ въ ней событіямъ явствуетъ изъ ея содержанія.

2.

§ 271. Изученіе возстановленнаго нами текста древняго Новгородскаго свода, помѣщеннаго ниже въ Приложеніи, показываетъ, что первою достовѣрною и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельною новгородскою записью было сообщеніе о крещеніи Новгорода епископомъ Іоакимомъ въ 6497 году; сообщеніе это очень кратко: «Прииде Новугороду епископъ Іоакимъ Кърсунянинъ и требища разруши и Перуна посѣче»; далѣе слѣдовали сообщенія о поставленіи Іоакимомъ церкви во имя Іоакима и Анны и о закладкѣ имъ церкви св. Софіи о тринадцати верхахъ; разсказъ о сверженіи Перуна въ Волховъ, котораго отринулъ шестомъ Питьблянинъ, я считаю позднѣйшею прибавкой, такъ же какъ эпизодъ съ брошенною Перуномъ на великій мостъ палицей. Рѣшительно ничто не доказываетъ, чтобы эта запись была современна событію; напротивъ, ея краткость и неопредѣленность свидѣтельствуютъ о появленіи ея спустя много лѣтъ послѣ 6497 года. Вслѣдъ за нею читаемъ о посаженіи Владиміромъ въ Новгородѣ Вышеслава; «умьръшю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородѣ». Оба эти извѣстія я возвожу къ

новгородской лѣтописи (источнику древняго Новгородскаго свода) по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, къ ней восходитъ слѣдующая статья, описывающая начало и причину столкновенія Ярослава съ Кіевскимъ княземъ: столкновеніе возникло на почвѣ финансовыхъ отношеній; Ярославъ не сталъ давать Кіеву установленной дани: «тако даяху вьси кънязи Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше отьцю своему»; я читаю «даяху вьси кънязи», какъ въ Комм. и прочихъ спискахъ Новгор. 1-й, а не «даяху посадьници», какъ въ Лавр. и др.; заключаю отсюда, что Новгородская лѣтопись знала о князьяхъ новгородскихъ, предшествовавшихъ Ярославу; имѣя въ виду, что до насъ дошли свѣдѣнія только о двухъ такихъ князьяхъ—Владимірѣ и Вышеславѣ, думаю, что Новгородская лѣтопись сообщала во всякомъ случаѣ и о Вышеславѣ. Во-вторыхъ, обращаю вниманіе на 3 л. мн. ч. «посадиша»; возможно, что Ярославъ былъ приглашенъ на столъ самими Новгородцами [1]) и что «посадиша» относится къ предполагаемому «людие Новъгородьстии» (ср. § 202); но для насъ важно установить связь этого 3 л. мн. ч. съ такимъ же грамм. лицомъ въ слѣдующей статьѣ новгородскаго происхожденія: «а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху»; раздавали опять таки «людие Новъгородьстии»; признавъ статью новгородскою, мы должны признать новгородскимъ и извѣстіе о посаженіи Ярослава на столъ Новгородскій. Трудно сомнѣваться въ томъ, что оба извѣстія о Вышеславѣ и Ярославѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія и должны быть признаны переходомъ къ слѣдующей статьѣ.

§ 272. Эта статья, начинающаяся словами «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокъмь Кыеву дающу дъвѣ тысящи гривьнъ отъ года до года, а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху», представляетъ обстоятельный разсказъ о новгородскихъ событіяхъ передъ кончиной Владиміра и о дальнѣйшихъ событіяхъ, приведшихъ Ярослава на Кіевскій столъ. Не сомнѣваясь въ ея новгородскомъ происхожденіи, веду ее къ письменному источнику древ-

[1]) Въ такомъ случаѣ разсказъ о приглашеніи на столъ князя Владиміра, вставленный составителемъ Новгородскаго свода, мы могли-бы признать сочиненнымъ подъ вліяніемъ этого позднѣйшаго событія.

няго Новгородскаго свода, каковымъ, согласно предыдущему, была особая Новгородская лѣтопись. Доказательство этому вижу въ самомъ началѣ статьи. Противорѣчія въ ней содержащагося не могло быть въ первоначальной редакціи, или прямѣе—противорѣчіе въ началѣ статьи доказываетъ, что она извлечена изъ письменнаго источника и прилажена составителемъ древняго Новгородскаго свода къ предыдущему разсказу. Противорѣчіе заключается въ томъ, что сначала говорится о томъ, что Ярославъ давалъ Кіеву установленную дань, а затѣмъ, что онъ этой дани не давалъ («Ярославу... дающю Кыеву ...а Ярославъ не даяше Кыеву отьцю своему»); «не даяше» нельзя понимать какъ не сталъ давать (было бы «поча не даяти»); впрочемъ, и такое пониманіе не устранило бы противорѣчія, такъ какъ выше разсказъ вводитъ сообщеніе о томъ, что Ярославъ даетъ, а не давалъ раньше Кіеву дань. Далѣе, самый оборотъ съ дательнымъ самостоятельнымъ представляется явною вставкой сводчика, желавшаго соединить статью своего новгородскаго источника съ предшествующимъ текстомъ; нельзя же допустить, чтобы первоначальный разсказъ могъ начинаться словами: «Въ то время, какъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ и уплачивалъ установленную ежегодную дань Кіеву въ двѣ тысячи гривенъ, а тысячу раздавали гридямъ въ Новгородѣ, такъ давали всѣ Новгородскіе князья, а Ярославъ этого не давалъ въ Кіевъ отцу своему». Итакъ, интересующая насъ статья не была составлена новгородскимъ сводчикомъ, а была вставлена имъ въ свой трудъ и подверглась при этомъ нѣкоторой съ его стороны передѣлкѣ. Въ виду фразы «а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху», представляется вѣроятнымъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ Новгородской лѣтописи, статья начиналась словами «Тъгда же Новъгородьстии людие даяху Кыеву дъвѣ тысящи гривьнъ отъ года до года, а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху; тако даяху вьси къняза Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше Кыеву отьцю своему». Слова эти читались непосредственно за «умьрътѿю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородѣ». Изъ смысла ихъ слѣдуетъ, что Ярославъ вообще не соглашался уплачивать дани Кіеву; не видно, чтобы онъ сначала платилъ, а потомъ прекратилъ уплату дани. Слѣдовательно, возможно, что Ярославъ, посаженный на Новгородскій

столъ самими Новгородцами (но, конечно, съ согласія Владиміра), прекратилъ уплату дани, опираясь на свою связь съ призвавшимъ его населеніемъ. Этому противорѣчитъ какъ будто то обстоятельство, что ниже читаемъ о томъ, что Ярославъ сидѣлъ въ Новгородѣ 28 лѣтъ; выходило бы, что Ярославъ надумалъ отказаться отъ кіевской дани только на 26-й или 25-й годъ своего княженія; но сообщеніе о 28 годахъ Ярославова княженія въ Новгородѣ представляется мнѣ сочиненнымъ составителемъ древняго Новгородскаго свода на основаніи тѣхъ хронологическихъ датъ, которыя имъ самимъ установлены; вокняженіе Ярослава въ Новгородѣ попало подъ 6497-й годъ вслѣдъ за извѣстіемъ о крещеніи Новгорода, а вокняженіе его въ Кіевѣ отнесено на 6525-й годъ. Между тѣмъ изъ Новгородской лѣтописи скорѣе вытекало заключеніе, что Ярославъ, посаженный Новгородцами на столъ, тутъ же заявилъ о прекращеніи уплаты кіевской дани.

§ 273. Переходимъ къ изложенію содержанія статьи, подлежащей нашему изслѣдованію, насколько она можетъ быть возстановлена для Новгородской лѣтописи.

Владиміръ, узнавъ о рѣшеніи Ярослава, хотѣлъ пойти на Новгородъ войною. Ярославъ послалъ за море и пригласилъ Варяговъ. Владиміръ, не успѣвъ исполнить своего намѣренія, скончался. Варяги (очевидно, тяготившіеся бездѣйствіемъ) производили въ Новгородѣ насилія надъ гражданами. Послѣдніе, воспользовавшись отсутствіемъ Ярослава, бывшаго въ пригородномъ селѣ Ракомѣ, избили Варяговъ. Вернувшись въ городъ, Ярославъ жестоко отомстилъ Новгородцамъ: заманивъ къ себѣ виновниковъ избіенія Варяговъ, онъ всѣхъ ихъ умертвилъ; убито было до тысячи славныхъ воиновъ, а другіе бѣжали изъ города. Въ ту же ночь Ярославъ узналъ отъ пріѣхавшаго изъ Кіева вѣстника о смерти отца, вокняженіи Святополка и избіеніи имъ братьевъ. Онъ поспѣшилъ примириться съ Новгородцами. Ярославъ собралъ 4000 воиновъ (1000 Варяговъ и 3000 Новгородцевъ) и пошелъ на Святополка.

Отмѣчу еще разъ обстоятельность разсказа, хорошую освѣдомленность разсказчика. Правда, событія, въ немъ описанныя, были настолько ярки и важны по своимъ послѣдствіямъ, положеніе Новгорода и Ярослава настолько было полно драматизма, что

все это могло неизгладимыми чертами врѣзаться въ память народную; но сомнительно, чтобы можно было на долго запомнить такія подробности, какъ «Поромонь дворъ», гдѣ были избиты Варяги, пребываніе Ярослава въ Ракомѣ, созывъ Ярославомъ вѣча для примиренія съ Новгородцами на полѣ (Новгородцы, опасаясь новой мести Ярослава, не согласились бы собраться въ городѣ). Такія подробности свидѣтельствуютъ о томъ, что запись сдѣлана въ то время, когда живы были современники и участники этихъ событій.

§ 274. Какое же продолженіе въ Новгородской лѣтописи имѣла разсматриваемая статья. Въ Новгородскомъ сводѣ за ней помѣщено было описаніе Любечской битвы, но описаніе это восходитъ несомнѣнно къ Кіевскому своду: это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что оно полностью передается и въ Повѣсти вр. лѣтъ (въ ней, а быть можетъ, еще въ Начальномъ сводѣ опущено только имя воеводы Святополкова, Волчій Хвостъ, едва ли не для согласованія со статьей 6492, гдѣ Волчій Хвостъ названъ воеводой Владиміра), во-вторыхъ, тѣмъ, что Новгородская 1-я лѣтопись ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что изъ двухъ сообщеній ея о Любечской битвѣ (въ статьѣ 6524-го года) одно (первое) должно восходить (путемъ свода 1167 года) къ Повѣсти вр. лѣтъ. Къ Кіевскому же своду восходитъ въ Новгородскомъ сводѣ и указаніе на то, что разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Ляхи, а Ярославъ сѣлъ «на столѣ отни и дѣдни». Правда, за этимъ послѣднимъ указаніемъ читалось въ Новгородскомъ сводѣ «Бѣ же тъгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28»; это указаніе принадлежитъ новгородскому сводчику, но, какъ мы видѣли, его не могло быть въ Новгородской лѣтописи. Предполагаю, что затѣмъ въ Новгородскомъ сводѣ сообщалось о посаженіи въ Новгородѣ Константина Добрынича и затѣмъ о рожденіи у Ярослава сына Ильи, посаженіи его въ Новгородѣ и его смерти; все это въ Новгородской лѣтописи читалось, повидимому, ниже. За этими новгородскими вставками Новгородскій сводъ передавалъ по Повѣсти вр. лѣтъ о пораженіи Ярослава Святополкомъ, пришедшимъ на Русь въ союзѣ съ Болеславомъ. Весьма сомнительно, чтобы объ этомъ пораженіи сообщала Новгородская лѣтопись. Поэтому непонятно, какъ могло попасть въ

этотъ сводъ слѣдующее затѣмъ несомнѣнно новгородское сообщеніе: «Ярославу же прибѣгъшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадьникъ Костянтинъ съ Новъгородьци расѣкоша лодиѣ Ярославлѣ, рекуще: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмь и Святопълкъмь». Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривьнъ, а отъ бояръ по 18 гривьнъ; и приведоша Варягы и въдаша имъ скотъ». Возможно, что это сообщеніе сочинено составителемъ Новгородскаго свода: но какъ могъ онъ рѣшиться дать подробное исчисленіе произведенныхъ Новгородцами сборовъ? Возможно, что это сообщеніе всетаки восходитъ къ Новгородской лѣтописи, хотя оно и читалось въ ней не въ томъ соединеніи, что въ Новгородскомъ сводѣ.

Разсмотрѣнная нами выше статья Новгородской лѣтописи представлялась бы намъ непонятною, если бы она оканчивалась въ первоначальной своей редакціи такъ же, какъ оканчивается теперь въ редакціяхъ позднѣйшихъ, т.-е. словами: «И събьра вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а Новъгородьць 3000». Только что выше лѣтописецъ сообщилъ объ избіеніи Варяговъ Новгородцами, а Новгородцевъ Ярославомъ. Какъ же могъ Ярославъ послѣ такого избіенія собрать 1000 Варяговъ? Какъ могъ онъ рѣшиться перейти въ наступленіе, полагаясь на остатки избитой дружины, когда раньше для оборонительной борьбы съ отцомъ счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ найму Варяговъ? Кромѣ того содѣйствіе Новгородцевъ, къ которымъ обратился Ярославъ, оказывается совершенно пассивнымъ: послѣ возгласа «можемъ по тобѣ бороти», содѣйствіе это выражается только въ томъ, что они не препятствуютъ Ярославу набирать войско. Не имѣя возможности возстановить событія и дѣйствія въ ихъ реальной дѣйствительности, мы однако въ правѣ были бы ждать, что разсказчикъ внесетъ въ нихъ больше внутренней связи, сообщитъ о нихъ съ большею живостью. За приведеннымъ возгласомъ Новгородцевъ мы хотимъ прочесть объ энергичномъ участіи ихъ въ сборахъ Ярослава, хотимъ видѣть ихъ въ активной роли. Въ такой роли изображаетъ ихъ Новгородскій сводъ въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ, когда разбитый Болеславомъ Ярославъ появился въ Новгородѣ и хотѣлъ бѣжать за море; но думаю, что Новгородская лѣтопись въ этой активной роли выставила

Новгородцевъ послѣ сообщенія о тяжелой драмѣ, разыгравшейся въ Новгородѣ въ смутные іюльскіе дни. За словами «можемъ по тобѣ бороти» въ Новгородской лѣтописи слѣдовало: «И начаша скотъ събирати отъ мужа... и приведоша Варягы и въдаша имъ скотъ». Кромѣ приведенныхъ уже соображеній, въ пользу такого предположенія говоритъ еще слѣдующее: во-первыхъ, эти слова «И начаша скотъ събирати... и въдаша имъ скотъ» читаются за словами, сходными съ вышеприведенною фразой «можемъ по тобѣ бороти», а именно за словами «хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмь и съ Святополкъмь»; эти послѣднія слова явно присочинены именно составителемъ Новгородскаго свода, такъ какъ ни изъ его собственнаго разсказа, ни изъ Повѣсти вр. лѣтъ не видно, чтобы Новгородцы участвовали въ битвѣ при Волыни, въ которой Болеславъ побѣдилъ Ярослава. Во-вторыхъ, сочиненность рѣчей, вложенныхъ сводчикомъ въ уста Новгородцевъ, даетъ основаніе признать сочиненною и предшествующую имъ подробность, «и посадьникъ Костянтинъ съ Новъгородьци расѣкоша лодиѣ Ярославлѣ»; и дѣйствительно, не слишкомъ ли шаржированъ разсказъ новгородскаго сводчика? Новгородцы могли удержать Ярослава, прибѣжавшаго въ Новгородъ самъ четвертъ, и не прибѣгая къ порчѣ лодокъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ ѣхать за море [1]). Въ-третьихъ, сообщеніе о денежныхъ сборахъ Новгородцевъ стоитъ въ тѣсной связи съ сообщеніемъ о денежномъ вознагражденіи, полученномъ Новгородцами отъ Ярослава, когда онъ сѣлъ на Кіевскій столъ; это вознагражденіе, согласно новгородскимъ источникамъ (Новгородской 1-й лѣтописи), было выдано имъ послѣ Любечской битвы; слѣдовательно, вѣроятно, что и денежные сборы были произведены Новгородцами передъ этой битвой, т.-е. передъ первымъ выступленіемъ Ярослава противъ Святополка. Въ-четвертыхъ, укажемъ еще на соображенія хронологическія: Новгородскій сводъ, а за нимъ и Начальный сводъ (Повѣсть вр. лѣтъ) изображаютъ событія съ такой поспѣшностью, которая ведетъ къ недоумѣніямъ и требуетъ объясненій; узнавъ о смерти Вла-

---

[1]) Ср. поступокъ Новгородцевъ передъ битвой при Любечѣ: „отъриnуша лодия отъ брега“.

димiра и избiенiи братьевъ, Ярославъ примиряется съ Новгородцами, собираетъ войско и идетъ на Святополка; изъ хода разсказа видно, что походъ имѣлъ мѣсто въ томъ же 6523 (1015) году, когда умеръ Владимiръ: поэтому мы и читаемъ въ Повѣсти вр. лѣтъ о встрѣчѣ Ярослава съ Святополкомъ у Любеча подъ 6523 годомъ. Между тѣмъ Любечская битва имѣла мѣсто не въ 6523 (1015) году, а въ 6524 (1016), и при томъ позднею осенью, когда начинались уже морозы и когда озеро около Любеча уже замерзло: это видно изъ той же Повѣсти вр. лѣтъ, которая однако не даетъ объясненiя, какъ могла наступить осень 1016 года послѣ трехмѣсячнаго стоянiя, Святополкова и Ярославова войска другъ противъ друга, стоянiя начавшагося осенью 1015-го [1]). Слѣдовательно, походъ Ярослава, долженъ быть отнесенъ на 6524 (1016) годъ; сборы Ярослава если они начались даже въ сентябрѣ 6523 (1015) года, послѣ убiенiя Глѣбова, заняли такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ: въ теченiе ихъ могъ быть произведенъ указанный денежный сборъ въ Новгородѣ и могли быть наняты Варяги за моремъ. Объ этомъ и сообщала Новгородская лѣтопись, помѣщавшая за словами Новгородцевъ «можемъ ся по тобѣ бороти» приведенный выше отрывокъ «И начаша скотъ събирати... и въдаша имъ скотъ»; Новгородскiй сводъ выпустилъ этотъ отрывокъ для того, чтобы передать его ниже; въ результатѣ—событiя представились въ ускоренномъ темпѣ; немедленно за примиренiемъ съ Новгородцами Ярославъ собираетъ войско и двигается съ нимъ противъ Святополка.

§ 275. Итакъ, отвѣчая на вопросъ, что же слѣдовало въ Новгородской лѣтописи за разсмотрѣнною выше статьей, утверждаемъ,—что отрывокъ съ сообщенiемъ о денежныхъ сборахъ Новгородцевъ и приглашенiи Варяговъ. Затѣмъ слѣдовало: Святополкъ «изиде противу его къ Любчю, и сѣде ту на поли съ мъножьствъмь

---

[1]) Въ Повѣсти вр. лѣтъ читаемъ подъ 6523: „и изыде противу ему к Любичю объ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю. Начало княженья Ярослава Кыевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу оба полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ“.

1016

вои»; вотъ слова, попавшія изъ этой лѣтописи въ Новгородскій сводъ и читающіяся, напр., въ Новгор. 1-й лѣтописи уже подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣтъ (черезъ посредство свода 1167 г.) въ нѣсколько иномъ соединеніи, а именно передъ кіевскимъ описаніемъ Любечской битвы [1]). Новгородская лѣтопись давала иное описаніе Любечской битвы, чѣмъ Кіевская. Новгородское описаніе сохранилось въ Новгор. 1-й лѣтописи непосредственно за кіевскимъ описаніемъ (не оконченнымъ однако списываніемъ): Оно начинается словами: «И бяше Ярославу мужь въ приязнь

---

[1]) Тѣ же слова, точнѣе первую половину ихъ, находимъ и въ Повѣсти вр. лѣтъ (Начальномъ сводѣ) въ концѣ статьи 6523 (1015) года: „и изыде противу ему к Любичю". Думаю, что Начальный сводъ заимствовалъ ихъ изъ Новгородскаго свода. Соотвѣтствующее мѣсто представляется испорченнымъ въ дошедшихъ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ Радз. и Ипат. читаемъ: „и пристрои бес числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю объ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объсюду",—въ Лавр.: „пристрои бещисла вои онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю". Объясняю себѣ такой пропускъ въ Лавр. тѣмъ, что опущенная механически фраза (послѣ слова „вои") оканчивалась словомъ „вои" и предполагаю поэтому, что первоначальный текстъ Повѣсти вр. лѣтъ читался такъ: „и пристрои бес числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю и ста съ вои объ ону страну Дънѣпра, а Ярославъ объ сю". Затѣмъ „объ ону страну" замѣнено „объ онъ полъ" подъ вліяніемъ слѣдующей статьи 6524 года. Въ Лавр. „Руси и Печенѣгъ... и ста съ вои" опущено механически. Въ общемъ источникѣ Ипат. и Радз. „и ста съ вои" опущено подъ вліяніемъ слѣдующей статьи 6524 года, гдѣ читается „и сташа противу оба полъ Днѣпра". Въ Древн. сводѣ—источникѣ Начальнаго свода не читалось „и изыде противу ему к Любичю"; это видно, во-первыхъ, изъ того, что указаніе на мѣсто, гдѣ стоялъ Святополкъ, читалось ниже въ разсказѣ о самомъ сраженіи между Ярославомъ и Святополкомъ; дѣйствительно, въ Повѣсти вр. лѣтъ за словами „и сступишася на мѣстѣ" явный пропускъ (ср. въ статьѣ 6544: „и сступишася на мѣстѣ, идеже стоить нынѣ святая Софья, митрополья Русьская"); во-вторыхъ, изъ того, что точное опредѣленіе „изыде к Любичю" не вполнѣ согласуется съ неопредѣленностью дальнѣйшаго указанія „объ онъ полъ Дънѣпра". Но въ Древнѣйшемъ сводѣ не читалось и это неопредѣленное указаніе. Думаю, что непосредственно за словами „и изыде противу ему к Любичу" въ немъ слѣдовало „и сташа противу оба полы Дънѣпра". Передѣлка Начальнаго свода зависѣла частью отъ вставки словъ „и изыде противу ему к Любичю", частью отъ необходимости вставки 6524 года для отнесенія къ нему Любечской битвы.

у Святопълка». Что это описаніе не представляется передѣлкой или распространеніемъ кіевскаго описанія (сохранившагося въ Повѣсти вр. лѣтъ), видно особенно изъ обстановки битвы. Новгородское описаніе не сообщаетъ о перевозѣ войска Ярославомъ съ праваго берега на лѣвый; битва происходитъ ночью и оканчивается до свѣта («и до свѣта побѣдиша Святопълка»); между тѣмъ въ кіевскомъ описаніи Ярославъ на разсвѣтѣ («противу свѣту») перевезъ войско и битва происходила, слѣдовательно, утромъ. Я увѣренъ, что новгородское и кіевское описанія относятся къ одной и той же битвѣ; различія въ нихъ зависѣли отъ того, что впечатлѣнія, въ нихъ переданныя, исходили изъ двухъ противныхъ лагерей (и это несмотря, конечно, на то, что оба описанія сочувственны Ярославу). За Любечской битвой сообщено въ Новгородской лѣтописи (и въ Новгородскомъ сводѣ) о томъ, что Святополкъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ, а Ярославъ пошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на отцовскомъ столѣ. Благодарный Новгородцамъ Ярославъ щедро надѣлилъ ихъ: старосты и смерды получили по десять гривенъ и по гривнѣ, а каждый Новгородецъ получилъ по десять гривенъ. Кромѣ того, отпуская Новгородцевъ домой, Ярославъ далъ имъ «правду» и писанный «уставъ». Новгородская статья оканчивается словами: «и давъ имъ правьду и уставъ съписавъ, тако рекъ имъ: по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же дьржите».

§ 276. Изъ предыдущаго видно, съ какою обстоятельностью описаны были въ Новгородской лѣтописи событія 1015—1016 годовъ. При разрѣшеніи вопроса о происхожденіи и времени возникновенія этой записи необходимо имѣть въ виду слѣдующія два обстоятельства. Во-первыхъ, отмѣчаю ту положительную часть записи, которая самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что она не можетъ быть отнесена на время, сколько-нибудь отдаленное отъ событій 1015—1016 годовъ; мы говорили уже о такихъ подробностяхъ, какъ указанія на Поромонь дворъ, село Ракомъ или опредѣленіе размѣра денежныхъ сборовъ на наемъ Варяговъ; дополнимъ это еще указаніемъ на подробности въ описаніи битвы Любечской: въ немъ приведены переговоры Ярослава съ преданнымъ ему въ станѣ Святополка мужемъ, сообщены слова Ярослава, обращенныя имъ къ дружинѣ. Во-вторыхъ, оста-

навливаюсь на тѣхъ отрицательныхъ соображеніяхъ, на которыя наводитъ весь этотъ новгородскій разсказъ о событіяхъ 1015—1016 годовъ; въ сущности имъ дается весьма неполное освѣщеніе тѣхъ событій, которыя связаны съ вокняженіемъ Ярослава въ Кіевѣ; лѣтописецъ представляетъ дѣло такъ, что Ярославъ упрочился на Кіевскомъ столѣ послѣ Любечской битвы; онъ умалчиваетъ о послѣдовавшемъ пораженіи его при Волыни и бѣгствѣ въ Новгородъ; ничего не говоритъ о новой помощи, оказанной, какъ можно думать, Новгородцами Ярославу, который въ 1019 г. появляется вновь у Кіева съ приведенными, конечно, съ сѣвера войсками; Новгородская лѣтопись какъ будто закрываетъ глаза на дальнѣйшія событія: она совсѣмъ равнодушна къ нимъ, ничего не желая знать ни о судьбѣ Кіева, попавшаго во власть Ляховъ, ни о послѣдовавшемъ затѣмъ пораженіи Святополка, ни даже о судьбѣ окаяннаго братоубійцы [1]), противъ котораго ополчились въ 1016 году Новгородцы. Утверждаемъ это такъ рѣшительно не только потому, что дошедшіе до насъ новгородскіе своды не представляютъ ни одной соотвѣтствующей этимъ событіямъ статьи новгородскаго происхожденія; и не потому, что возстановляемый нами Новгородскій сводъ перенялъ кіевскія статьи о событіяхъ 1016—1018 годовъ для помѣщенія ихъ передъ новгородскимъ разсказомъ о Любечской битвѣ (вслѣдствіе чего о Любечской битвѣ явилось два разсказа), а главнымъ образомъ потому, что непосредственно за Любечской битвой въ Новгородской лѣтописи (по свидѣтельству всѣхъ новгородскихъ сводовъ) сообщались событія 6525 и слѣд. годовъ въ краткомъ изложеніи, основанномъ на текстѣ Кіевскаго свода; ясно, что Новгородская лѣтопись не представляла никакихъ извѣстій для 6525-го и ближайшихъ къ нему годовъ.

Итакъ, видимъ напряженный интересъ новгородскаго лѣтописца именно къ событіямъ 1015—1016 годовъ. Почему же интересъ его упалъ послѣ сообщенія о Любечской битвѣ и воз-

---

[1]) Свѣдѣнія о Святополкѣ оканчиваются сообщеніемъ о томъ, что онъ бѣжалъ въ Печенѣгы; возможно, что послѣ Любечской битвы Святополкъ дѣйствительно бѣжалъ сначала къ своимъ союзникамъ Печенѣгамъ и уже отъ нихъ переправился въ Польшу.

вращеніи новгородцевъ во свояси? Мы дадимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, видоизмѣнивъ его: почему же новгородскій лѣтописецъ проявилъ такой интересъ къ событіямъ 1015—1016 годовъ? Искалъ ли онъ въ нихъ сюжетъ для занимательнаго разсказа, интересовала ли его при этомъ дѣятельность Ярослава, учитывалъ ли онъ ту помощь, которую Новгородъ оказалъ своему князю? Сомнѣваюсь: не менѣе драматичными были и послѣдующія событія, напр., появленіе Ярослава самъ четвертъ въ Новгородѣ послѣ пораженія при Волыни; добываніе Кіевскаго стола Ярославомъ продолжалось въ еще болѣе напряженныхъ размѣрахъ въ два послѣдующіе годы; Новгородъ своею вторичною поддержкой заслужилъ еще большей благодарности потерявшаго все на югѣ Ярослава. Эти соображенія заставляютъ меня признать, что главной побудительной причиной для Новгородца занести въ лѣтопись событія 1015—1016 годовъ было нѣчто иное; ему важно было закрѣпить вписаніемъ въ лѣтопись тотъ «учредительный» актъ, который даровалъ Новгороду Ярославъ, провожая въ 1016 году изъ Кіева посадившихъ его на великое княженіе Новгородцевъ.

§ 277. Имѣемъ полное основаніе думать, что Ярославова грамота была занесена въ Новгородскую лѣтопись и перешла оттуда въ Новгородскій сводъ XI вѣка. Передъ нами ясное свидѣтельство о томъ, что въ Новгородскомъ сводѣ 1448 года за словами: «давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ», словами, отнесенными въ конецъ статьи 6527 (1019) года, читалась Русская Правда [1]). Текстъ Русской Правды былъ помѣщенъ въ сводѣ

[1]) Ср. Соф. 1-ю лѣтопись, гдѣ къ Русской Правдѣ присоединены еще Судебникъ царя Константина и проч.; Комм. и Акад. списки Новгор. 1-й (распространившіе въ данномъ мѣстѣ текстъ протографа Синод. списка по своду 1448 г.) помѣстили „Правду Русскую“ за вышеприведенными словами, читающимися въ концѣ статьи 6524 (1016) года. Отсюда заключаемъ, что въ сводѣ 1448 года, въ статьѣ 6527 (1019) года, читался тотъ самый текстъ Русской Правды, что въ Комм. и Акад. спискахъ, причемъ Соф. 1-я замѣнила его другимъ текстомъ съ присоединеніемъ еще другихъ статей, заимствованныхъ изъ приложенія къ своду 1448 года. Новгородская 4-я выпустила въ статьѣ 6527 года текстъ Русской Правды, помѣстивъ заглавіе ея (одно только заглавіе) въ самый конецъ статьи 6524 года подъ вліяніемъ Новгор. 1-й лѣтописи. Ср. § 163.

1448 года въ такой редакціи, которая могла возникнуть только во второй половинѣ XI в. при сыновьяхъ Ярослава; слѣдовательно, этимъ текстомъ замѣненъ другой памятникъ временъ Ярослава; и въ виду того, что передъ нимъ упомянута Ярославова грамота, признаемъ, что такимъ памятникомъ въ Новгородской лѣтописи, и вѣроятно также еще въ Новгородскомъ сводѣ XI вѣка, была эта самая грамота, опредѣлявшая тѣ или иныя вольности новгородскія [1]); грамота эта (въ числѣ другихъ однороднаго содержанія, ср. ниже §§ 279 и 282) хранилась въ Новгородѣ какъ святыня; въ 1230 году Ярославъ Всеволодичъ, призванный Новгородцами «на всеи воли Новгородьстѣи», цѣловалъ святую Богородицу «на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ»; въ 1229 году Михаилъ Всеволодичъ (черниговскій) цѣловалъ крестъ «на всѣи воли Новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ».

Вписывая въ лѣтопись важный политическій актъ, составитель лѣтописи рѣшилъ дать и исторію его происхожденія; исторія должна была показать, что актъ Ярослава былъ не случайною его милостью, а заслуженъ Новгородцами пролитою за Ярослава кровью и собранными для его дѣла деньгами.

§ 278. Предыдущее изслѣдованіе приводитъ меня къ слѣдующему заключенію. Въ 1017 году новгородскія власти во главѣ съ посадникомъ и епископомъ рѣшили вписать Правду новгородскую (какъ, повидимому, называлась Ярославова грамота) въ лѣтопись; исполненіе этого рѣшенія принялъ на себя епископъ Іоакимъ. Такъ возникла первая Новгородская лѣтопись: она въ началѣ сообщала кратко о крещеніи Новгорода прибывшимъ туда Іоакимомъ, поставленіи имъ церквей, посаженіи Вышеслава, при-

---

[1]) Думаю, что та же Ярославова грамота читалась и въ Новгородскомъ сводѣ 1167-го года; замѣнена же она „Правдой Русской", повидимому, при составленіи общерусскаго свода 1423 года въ Москвѣ, слѣдовательно, по соображеніямъ не литературнымъ, а политическимъ. Новгородскій сводъ 1448 года слѣдовалъ общерусскому своду 1423-го года.— Въ Синод. № 793 XVI в. читаемъ: „дасть имъ судебную грамоту, почему имъ ходить". Конечно, это позднѣйшій комментарій, основанный на томъ, что въ оригиналѣ названной лѣтописи читалась Русская Правда.— Нѣкоторыя позднѣйшія компиляціи называютъ эту грамоту „пошлинною".

глашеніи на столъ Ярослава и затѣмъ подробно говорила о событіяхъ 1015—1016 годовъ; въ концѣ была вписана Ярославова грамота.

3.

§ 279. Появившаяся въ 1017 году при владычнемъ дворѣ епископа Іоакима лѣтопись не скоро нашла себѣ продолженіе. Начавшаяся съ учредительнаго акта 6524 (1016) года политическая свобода Новгорода подверглась вскорѣ тяжелому испытанію. Можно догадываться, что Ярославъ разгнѣвался на новгородскаго посадника Константина Добрынича за то, что онъ, опираясь, вѣроятно, на новгородскую знать, предпринялъ тѣ или иные шаги къ расширенію своей власти и ограниченію власти князя. Заточеніе Константина въ Муромъ, гдѣ онъ потомъ былъ казненъ, не могло не отразиться на политическомъ настроеніи Новгорода; ничто не побуждало Новгородцевъ закрѣплять на письмѣ память о переживавшихся ими событіяхъ. Подходящій для оживленія оставленной лѣтописи моментъ явился только въ 1036 году, когда Ярославъ, посадивъ на столъ Новгородскій сына своего Владиміра, далъ Новгородцамъ новую грамоту; судя по тому, что о ней говоритъ лѣтопись («и людьмъ написа грамоту, рекъ: по сеи грамотѣ дадите дань»), грамота Ярослава опредѣляла размѣръ дани, приходившейся съ Новгорода въ пользу Кіева; быть можетъ, именно тогда опредѣлилась цифра въ 300 гривенъ, о которой (какъ о дани, установленной еще Олегомъ) сообщалъ позднѣйшій новгородскій сводчикъ. Размѣръ этотъ значительно (въ десять разъ) ниже той дани, которую уплачивалъ Новгородъ при Владимірѣ; возможно, что дань въ пользу Кіева была уменьшена Ярославомъ еще раньше, въ 1017 году; но тѣ или иныя событія, отголоскомъ которыхъ служитъ извѣстіе о заточеніи посадника Константина, заставили Ярослава дать вопросу о дани новое или болѣе точное опредѣленіе въ 1036 г., одновременно съ посаженіемъ въ Новгородѣ Владиміра Ярославича. Появленіе этой Ярославовой грамоты, въ связи съ прибытіемъ въ Новгородъ новаго князя и новаго епископа Луки (на мѣсто скончавшагося въ 1030 году Іоакима), вызвало въ 1036 году продолженіе заброшенной съ 1017 года лѣтописи.

§ 280. Продолженіе къ первой Новгородской лѣтописи обнимало время приблизительно отъ 1020 года до 1036-го. Первое извѣстіе, въ немъ записанное, много должно было говорить современникамъ, понимавшимъ ходъ и внутреннюю связь событій. «Костянтинъ же бяше тогда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, и поточи и Ростову; на третиее лѣто повелѣ убити и Муромѣ на Оцѣ рѣцѣ». Итакъ, вслѣдъ за грамотой Ярослава (1016 года) оказывается вписаннымъ извѣстіе о заточеніи Константина: между обѣими статьями устанавливается внѣшняя связь, а, быть можетъ, между обоими событіями—выдачей Новгороду грамоты и заточеніемъ Константина была и тѣсная внутренняя связь (ср. выше). Затѣмъ находимъ извѣстія 6529 (1021), 6532 (1024), 6538 (1030) и 6540 (1032) годовъ; наконецъ, подъ 6544 (1036) сообщается о посаженіи князя Владиміра и епископа Луки и о дарованіи Ярославомъ грамоты. Разсматривая всѣ эти статьи, видимъ, что главный интересъ лѣтописца сосредоточенъ на личности Ярослава: описываются дѣянія Ярослава,—Новгородцы на заднемъ планѣ; три первыя статьи 1021, 1024 и 1030 годовъ соотвѣтствуютъ тремъ моментамъ прибытія или пребыванія Ярослава въ Новгородѣ (побѣда Ярослава надъ Брячиславомъ, взявшимъ Новгородъ и уведшимъ въ плѣнъ его жителей; «Ярославу сущю Новѣгородѣ», въ Суздалѣ начинается мятежъ, и т. д.; Ярославъ побѣждаетъ Чудь и приходитъ въ Новгородъ); равнымъ образомъ статья 1036 года сообщаетъ о прибытіи Ярослава въ Новгородъ. Одна только статья 1032 года о походѣ Улѣба съ Новгородцами на Желѣзныя Врата составлена по другому поводу. Можно думать, что лѣтописецъ, соображая, чтó именно вписать въ лѣтопись, для того, чтобы довести ее до 6544 года, умышленно выбиралъ тѣ годы, когда по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ. Ничто въ записяхъ этого лѣтописца не обличаетъ того, что онѣ занесены на пергаменъ въ самый моментъ описываемыхъ событій; но, конечно, онѣ составлены современникомъ, черезъ немного лѣтъ послѣ того или иного событія. Это доказывается обстоятельностью изложенія: подъ 6529 указано, что Ярославъ настигъ Брячислава у рѣки Судомы на седьмой день (послѣ выхода Брячислава изъ

Новгорода) [1]), приведены слова Ярослава, обращенныя къ Брячиславу (въ сущности же—смыслъ состоявшагося между ними договора), названы города, уступленные Ярославомъ Брячиславу; подъ 6532 приведены подлинныя выраженія грамоты Ярослава, данной имъ Суздальской землѣ, взволнованной голодомъ и смутою, описана Лиственская битва, дано хронологическое опредѣленіе битвы (осень, ночь), повторены слова Мстислава, сказанныя имъ дружинѣ. Что статья 6532 года записана не въ этомъ году, а спустя нѣкоторое время, можно догадываться и изъ того, что въ ней упомянуто о смерти Якуна. Судя по Печерскому Патерику, Якунъ изгналъ своихъ племянниковъ Фріанда и Шимона по смерти брата своего Африкана; это событіе едва-ли имѣло мѣсто раньше 1030-го г. (года рожденія Всеволода Ярославича, на службу къ которому Ярославъ опредѣлилъ прибывшаго къ нему послѣ смерти Африкана Шимона).

§ 281. Особаго разсмотрѣнія заслуживаютъ слѣдующія замѣтки въ статьяхъ 6529 и 6538 годовъ. Подъ 6529 (1021) годомъ читаемъ: «И воеваше Брячиславъ съ Ярославъмь вься дьни живота своего»; эта замѣтка составлена не ранѣе 1044 года, когда умеръ Брячиславъ; поэтому ставлю ее насчетъ позднѣйшаго сводчика, а не составителя лѣтописи, который въ 1036 году внесъ запись о нападеніи Брячислава на Новгородъ и примиреніи его съ Ярославомъ. Подъ 6538 (1030) годомъ находимъ: «И прииде (Ярославъ) Новугороду. И събьра отъ старостъ и поповъ дѣтии 300 учитъ кънигамъ. И преставися епископъ Іоакимъ, и бѣаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Послѣднихъ словъ никакъ нельзя приписать лѣтописцу 1036 года; въ нихъ ясно сказывается припоминаніе о времени отдаленномъ, давно протекшемъ; отношу поэтому и ихъ насчетъ новгородскаго сводчика, работавшаго, какъ увидимъ, въ 1050 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ послѣ сообщеннаго въ статьѣ 6538 года событія; если лѣтописцу было въ 1050 году лѣтъ 30 — 35, онъ могъ быть въ числѣ набранныхъ по распоряженію Ярослава въ 1030 году дѣ-

[1]) Такъ слѣдуетъ, думается, понимать лѣтописное сообщеніе: „И пришьдъшю ему къ Судомири рѣцѣ, Ярославъ слышавъ то и съвъкупивъ воя мъногы, ис Кыева въ седьмыи дьнь постиже и ту“.

тей. Отмѣчу еще, что слова «и бѣаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» и самымъ смысломъ своимъ и тѣмъ положеніемъ, которое они занимаютъ въ статьѣ 6538 года, явно обнаруживаютъ, что они вставлены въ лѣтописный текстъ позже. Во-первыхъ, что́ значитъ «и бѣаше ученикъ его Ефремъ»? Въ виду того, что эти слова читаются послѣ словъ «И преставися епископъ Іоакимъ», изслѣдователи предполагали, что Ефремъ сталъ замѣстителемъ Іоакима [1]); но такое предположеніе не оправдывается ни глагольной формой «бѣаше», составляющей со слѣдующимъ «ученикъ» сказуемое къ имени Ефремъ, ни дальнѣйшимъ опредѣленіемъ Ефрема словами «иже ны учаше». Слова «иже ны учаше» тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ предыдущимъ «И събьра отъ старостъ и поповъ дѣтии 300 учитъ кънигамъ»; поэтому конецъ статьи 6538 года я перевелъ бы такъ: «И скончался епископъ Іоакимъ; и Ефремъ, который училъ насъ, былъ его ученикомъ». Въ виду этого я признаю вставкой, сдѣланною сводчикомъ 1050 года, и фразу «И събьра отъ старостъ и поповъ дѣтии 300 учитъ кънигамъ». Первоначальный текстъ лѣтописи (1036 года) ограничивался словами: «И прииде Новугороду. И преставися епископъ Іоакимъ». Составитель свода 1050 года заключилъ свои припоминанія, относящіяся къ этому году, въ двухъ фразахъ: послѣ первой фразы лѣтописи онъ сообщилъ о томъ, что Ярославъ учредилъ въ этомъ году въ Новгородѣ училище; а послѣ второй фразы лѣтописи, сводчикъ сообщилъ имя главнаго руководителя и учителя этой первой новгородской школы. Считаю нелишнимъ отмѣтить, что мысль включить это свое личное припоминаніе въ лѣтописный сводъ могла быть дана сводчику Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ, сообщавшимъ о Владимірѣ, какъ онъ «нача поимати у нарочитоѣ чади [2]) дѣти и даяти нача на учение кънижьное».

---

[1]) Основаніе дано старинными книжниками. Въ перечняхъ владыкъ новгородскихъ читаемъ: „и бѣ въ него (Іоакима) мѣсто ученикъ его Ефремъ, иже насъ учяше“. Правильнѣе понималъ статью 6538 года составитель Тверского сборника, у котораго читаемъ: „А отъ Акыма 3 лѣта владыкы не было въ Новѣгородѣ“ (XV, 153).

[2]) Новгородскій сводчикъ въ своемъ припоминаніи выразился опредѣленнѣе: „отъ старостъ и поповъ“.

§ 282. Статья 6544 (1036) года, которою заканчивалась Новгородская лѣтопись, врядъ ли дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Если мы вѣрно поняли появленіе перваго момента (1017 г.) и затѣмъ второго (1036 г.) въ исторіи новгородскаго лѣтописанія, то должны ждать въ статьѣ 6544 года текстъ Ярославовой грамоты, опредѣлявшей размѣръ дани съ Новгорода. Имѣя въ виду судьбу Ярославовой грамоты 6525 (1017) года, можемъ думать, что грамота 6544 (1036) была дѣйствительно занесена въ лѣтопись, изъ лѣтописи она перешла въ сводъ 1050 года, далѣе въ сводъ 1167 года; но общерусскій сводъ 1423 года не повторилъ ея по соображеніямъ политическимъ; вѣдь, основываясь на этихъ Ярославлихъ грамотахъ, новгородцы утверждали, что они издавна освобождены прадѣдами нынѣшнихъ князей; это вызывало сѣтованіе современниковъ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ (Лавр. подъ 1169-мъ годомъ); тѣмъ болѣе осторожно отнесся бы къ передачѣ этихъ грамотъ въ общерусскомъ лѣтописномъ сводѣ современникъ в. кн. Василія Дмитріевича въ Москвѣ.

4.

§ 283. Въ концѣ статьи 6544 года, а именно послѣ предполагаемой грамоты Ярослава, читаемъ краткую похвалу Ярославу. Въ дошедшихъ сводахъ она изложена въ прошедшемъ времени «Бяше же Ярославъ», «чтяше самъ книги»; но возможно, что первоначально она излагалась въ настоящемъ времени. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Кому принадлежитъ эта лаконическая похвала Ярославу? Мало вѣроятно, чтобы лѣтописцу, хотя онъ и имѣлъ бы основаніе выразить благодарность Ярославу за дарованіе льготной грамоты родному городу; мало вѣроятно между прочимъ потому, что предшествующее изложеніе событій не обнаруживаетъ въ лѣтописцѣ особеннаго интереса къ внутренней жизни Новгорода; мало вѣроятно также и потому, что составленіе похвалы даже краткой, малосодержательной предполагаетъ извѣстный творческій моментъ, а ждать такого момента отъ составителя скудныхъ записей 6529 и слѣдующихъ годовъ мы не имѣемъ основанія. Болѣе вѣроятно, что похвала Ярославу составлена составителемъ свода 1050 года. Во-первыхъ, мы читаемъ ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ прекращалась лѣтопись 1036 года (ибо вѣ-

роятно, что она заключалась текстомъ Ярославовой грамоты) и гдѣ составитель свода 1050 года долженъ былъ перейти къ самостоятельному изложенію событій. Во-вторыхъ, оказывается, что эта похвала Ярославу хронологически почти совпадаетъ съ той похвалой, что читалась въ Древнѣйшемъ сводѣ. Въ послѣднемъ похвала Ярославу читалась въ статьѣ 6545 (1037) года, послѣ сообщенія о построеніи Ярославомъ св. Софіи и учрежденіи митрополіи; въ Новгородскомъ сводѣ мы находимъ похвалу подъ 6544 (1036) годомъ, причемъ должно принять во вниманіе и то, что въ этомъ сводѣ совсѣмъ не было статьи 6545 (1037) года; слѣдовательно, вѣроятнымъ представляется, что похвала Новгородскаго свода составлена подъ вліяніемъ похвалы Древнѣйшаго Кіевскаго свода. Въ-третьихъ, вѣроятность такого заключенія находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что похвала Новгородскаго свода содержитъ сообщеніе сходное съ похвалой Кіевскаго свода: въ Новгородскомъ сводѣ читалось «почитая самъ кънигы» (такъ поправляю вмѣсто «чтяше самъ книги» Соф. 1-й и Новгор. 4-й), а въ Кіевскомъ сводѣ: «и книгамъ прилежа, и почитая я часто в нощи и въ дне». Составитель Новгор. свода не списывалъ похвалы своего оригинала, а составилъ свою похвалу подъ его вліяніемъ; онъ выставляетъ храбрость Ярослава на рати, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ его хромоту; здѣсь сказался новгородецъ, вспомнившій о славной Любечской побѣдѣ новгородцевъ подъ предводительствомъ Ярослава, надъ хромотой котораго посмѣялся кіевскій воевода Волчій Хвостъ.

§ 284. Нашъ выводъ относительно похвалы Ярославу подъ 6544 годомъ позволяетъ намъ перейти теперь же къ вопросу о томъ, какъ и когда составился первый Новгородскій сводъ. Мы отмѣтили выше два момента въ исторіи новгородскаго лѣтописанія—1017 и 1036 годы; третій моментъ—это 1050 годъ, когда трудами князя новгородскаго Владиміра былъ оконченъ постройкой и освященъ каменный храмъ св. Софіи. Къ этому моменту, мы и относимъ составленіе Новгородскаго свода, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, два извѣстія подъ 1049 и 1050 годами обнаруживаютъ вполнѣ современную событіямъ запись: подъ этими годами впервые появляются въ Новгородскомъ сводѣ точныя хронологическія даты; извѣстіе 6557 (1049)

года указываетъ не только день, но и часъ, когда сгорѣла старая дубовая церковь св. Софіи; извѣстіе 6558 (1050) указываетъ день освященія новой каменной церкви св. Софіи; итакъ передъ нами не только современныя событіямъ записи, но записи, явно связанныя съ церковью св. Софіи, ибо указаніе на часъ, когда сгорѣла церковь, могло быть дано только членомъ причта этой церкви. Во-вторыхъ, мы знаемъ, что Древнѣйшій Кіевскій сводъ появился въ 1039 году одновременно съ учрежденіемъ митрополіи и освященіемъ церкви св. Софіи: строителямъ новгородскаго храма естественно было послѣдовать примѣру кіевскаго митрополита и позаботиться объ основаніи лѣтописнаго свода одновременно съ освященіемъ или окончаніемъ св. Софіи. Въ-третьихъ, имѣемъ полное основаніе утверждать, что Новгородскій сводъ св. Софіи былъ составленъ по образцу Кіевскаго свода св. Софіи, использованнаго при этомъ почти цѣликомъ, въ особенности въ предѣлахъ до княженія Ярослава; это дѣлаетъ особенно вѣроятнымъ, что самый замыселъ создать сводъ возникъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сходныхъ съ тѣми, что вызвали созданіе свода Кіевскаго, т.-е. подъ вліяніемъ построенія новаго соборнаго храма.

§ 285. Въ виду этого признаю, что Новгородскій сводъ составленъ въ 1050 году по распоряженію новгородскаго владыки Луки и князя новгородскаго Владиміра въ ознаменованіе построенія новаго храма св. Софіи. Составитель свода, какъ указано, положилъ въ основаніе своего труда текстъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, копія съ котораго была, очевидно, изготовлена для новгородскаго князя или владыки; въ текстъ этого свода вставлены составителемъ Новгородскаго свода свои дополненія, поправки и замѣчанія. До 6497 (989) года дополненія извлечены изъ мѣстныхъ новгородскихъ преданій; начиная съ 6497 года (года крещенія Новгорода), видимъ вліяніе второго письменнаго источника—Новгородской лѣтописи, составленной въ два пріема въ 1017 и 1036 годахъ и доведенной до 1036 года. Составителю свода трудно было справиться съ двумя источниками и компилировать ихъ: впрочемъ, до 6523 года—второй источникъ давалъ самый ничтожный матеріалъ, и вставить его въ текстъ Кіевскаго свода представлялось дѣломъ легкимъ; но подъ 6523 и 6524 го-

*

дами компиляція оказалась работой непосильной для неопытнаго сводчика; это видно изъ того, что ему пришлось удвоить разсказъ о Любечской битвѣ, переставить произвольно нѣкоторыя событія, даже придумывать искусственныя фразы и положенія (напр. эпизодъ, гдѣ новгородцы препятствуютъ Ярославу бѣжать за море); отчаявшись въ успѣхѣ дальнѣйшей подобной компилятивной работы, составитель свода, дойдя до заглавія «Начало княжения Ярославля въ Кыевѣ», рѣшилъ дать сначала краткое извлеченіе изъ основного своего источника—Древнѣйшаго Кіевскаго свода, а потомъ перейти къ списыванію второго источника—Новгородской лѣтописи: такъ подъ 6525 годомъ (годомъ вступленія Ярослава на Кіевскій столъ) оказываются краткія сообщенія о событіяхъ 1021, 1030, 1036, 1037 годовъ, а вслѣдъ за тѣмъ идутъ новгородскія извѣстія, начиная съ заточенія Константина (около 1020). Списавъ свой второй письменный источникъ и использовавъ подъ 6544 годомъ соотвѣтствующую статью (6545 года) основного источника для составленія краткой похвалы Ярославу, составитель свода оказался вынужденнымъ перейти къ заполненію пробѣла между 6544 (1036) и 6558 (1050) годомъ путемъ разспросовъ старыхъ людей и припоминаній.

5.

§ 286. Такимъ образомъ выясняется, что анализу изслѣдователя перваго Новгородскаго свода подлежатъ: во-первыхъ, дополненія, поправки и замѣчанія въ части до 6525 года включительно, внесенныя въ текстъ Древнѣйшаго свода; во-вторыхъ, его дополненія, поправки и замѣчанія въ части послѣ 6525 до 6544 года включительно, внесенныя въ текстъ Новгородской лѣтописи; въ-третьихъ, лѣтописный разсказъ 6544—6550 годовъ, составленный самимъ сводчикомъ. Имѣемъ при этомъ въ виду изслѣдованіе самостоятельныхъ частей перваго Новгородскаго свода, а не тѣхъ пріемовъ, которые употреблены имъ при передачѣ текста обоихъ письменныхъ источниковъ. Судить объ этихъ пріемахъ очень трудно, такъ какъ текстъ Новгородскаго свода, не оригинальный, а представлявшій передѣлку текста Древнѣйшаго Кіевскаго свода, остается совершенно неизвѣстнымъ изслѣдователю, за немногими исключеніями, а именно за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя

подверглись передѣлкѣ въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр. л.) и потому воспроизведены позднѣйшими новг. сводчиками въ томъ видѣ, въ какомъ они читались въ первомъ Новгородскомъ сводѣ [1]). У насъ есть нѣкоторыя основанія для предположенія, что текстъ Древн. свода мѣстами былъ переданъ составителемъ свода 1050 года въ сокращеніи, но не рѣшаюсь останавливаться на этомъ, въ виду недостаточности данныхъ. Въ части, обнимающей 6523—6524 годы, можно составить себѣ представленіе о тѣхъ неудачныхъ комбинаціяхъ, къ которымъ прибѣгалъ сводчикъ 1050 года для согласованія обоихъ своихъ письменныхъ источниковъ: мы уже познакомились съ этими пріемами (§§ 274 и сл.) и не будемъ къ нимъ возвращаться. Переходимъ къ изслѣдованію самостоятельныхъ частей свода 1050 года, распредѣливъ подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ по тремъ выясненнымъ выше группамъ.

§ 287. Дополненія въ части до 6525 года, внесенныя въ текстъ Древнѣйшаго свода, основывались на народныхъ преданіяхъ, припоминаніяхъ и собственныхъ соображеніяхъ составителя Новгородскаго свода. Основаніемъ для вставки служило всякій разъ то или иное данное въ соотвѣтствующемъ текстѣ Древнѣйшаго свода. Укажемъ эти вставки.

Остановимся сначала на народныхъ преданіяхъ. Мы говорили выше (§ 196) о преданіи, повѣствовавшемъ о томъ, какъ въ Новгородѣ появился варяжскій князь. Преданіе не знало, повидимому, о покореніи Новгородцевъ Варягами и о послѣдовавшемъ затѣмъ возстаніи ихъ противъ иноземнаго владычества; объ этомъ возстаніи пришлось сказать потому, что кіевскій источникъ говорилъ о покореніи Новгородцевъ Варягами. Преданіе вспоминало о старѣйшинѣ Гостомыслѣ [2]); послѣ его смерти наступили раздоры и несогласія среди Новгородцевъ; Новгородцы вышли изъ смуты такъ же, какъ выходили впослѣдствіи при аналогичныхъ обстоя-

---

[1]) Сюда относится, напр., начало разсказа объ убіеніи Игоря (ср. § 219[3]); или сохраненіе имени Святополкова воеводы Волчья Хвоста (ср. § 274).

[2]) Во всякомъ случаѣ память о Гостомыслѣ держалась въ Новгородѣ долго. Ср. новгородскихъ бояръ Гостомысловыхъ (изъ ихъ рода святая Іуліанія тверская).

тельствахъ: они приглашали къ себѣ князя; въ данномъ случаѣ былъ приглашенъ варяжскій князь Рюрикъ. Это преданіе составитель древняго Новгородскаго свода подладилъ подъ текстъ Древнѣйшаго свода Кіевскаго, прибавивъ къ нему, что вмѣстѣ съ Рюрикомъ пришли его братья Синеусъ и Труворъ и сѣли—одинъ на Бѣлоозерѣ, а другой въ Изборскѣ: о Синеусѣ Бѣлозерскомъ и Труворѣ Изборскомъ ему были извѣстны мѣстныя преданія; соединивъ ихъ съ Рюрикомъ, сводчикъ освѣтилъ ту картину, что была дана въ Древн. Кіевскомъ сводѣ, гдѣ вся страна Словѣнъ, Кривичей и Мери оказывалась подъ властью Варяговъ; и къ Кривичамъ и къ Мерѣ Варяги по разсказу новгородскаго сводчика проникли такъ же, какъ въ Новгородъ; правда, о Кривичахъ у него не было подходящихъ данныхъ, не могъ онъ разсказать и о. Мерѣ; но Изборскъ и Бѣлоозеро расположены въ направленіяхъ, ведущихъ къ Кривичамъ и къ Мерѣ; сказавъ о нихъ, сводчикъ призналъ себя удовлетвореннымъ.

Въ Новгородѣ помнили и о князѣ Олегѣ; могилу его показывали въ Ладогѣ, помнили, какъ Словѣне ходили вмѣстѣ съ Русью подъ Царьградъ; сводчикъ внесъ въ свой трудъ эпизодъ изъ соотвѣтствующаго преданія.

Въ Новгородѣ любили князя Владиміра. Народныя преданія и здѣсь, такъ же какъ и на югѣ, сдѣлали его своимъ героемъ: славу о Владимірѣ разносили, конечно, его дружинники. Одно изъ преданій вспоминало о томъ, какъ появился Владиміръ въ Новгородѣ: его избрали себѣ сами Новгородцы; вмѣстѣ съ Владиміромъ прибылъ его дядя Добрыня; преданіе знало, какимъ образомъ Добрыня приходился дядей Владиміру: онъ былъ братомъ Малфрѣди, матери Владиміровой, и сыномъ знаменитаго въ южныхъ былинахъ, проникшихъ и на сѣверъ, Мистиши Свѣнельдича Лютаго. Малфрѣдь была рабыней Ольги; мстя за убійство Мистишей мужа своего Игоря, Ольга обратила дѣтей его въ рабство. Такимъ образомъ Владиміръ, родившійся отъ Святослава и рабыни Ольгиной Малфрѣди, былъ робичичемъ, сыномъ рабыни. Это—благодарная тема для народнаго эпоса, знающаго о послѣдующемъ возвышеніи Владиміра, о его знаменитыхъ подвигахъ и могуществѣ. Тема эта во всей полнотѣ использована въ другомъ преданіи, приведенномъ тутъ же словоохотливымъ сводчи-

комъ, преданіи о томъ, какъ Владиміръ и дядя его Добрыня добывали руку гордой княжны Полотской Рогнѣды.

Добрыня былъ, конечно, лицомъ историческимъ; нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ управлялъ Новгородомъ, когда Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ. О немъ хорошо помнили въ Новгородѣ еще и потому, что потомство его вошло въ составъ новгородскаго боярства (посадникъ Константинъ былъ сыномъ Добрыни; возможно, что Остромиръ былъ его внукомъ, какъ догадывался Прозоровскій). Но историческій Добрыня не помѣшалъ появленію Добрыни въ былинахъ, историческихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Въ Новгородѣ—это постоянный спутникъ Владиміра; онъ руководитъ Владиміромъ въ его походахъ. Объ одномъ изъ походовъ преданіе разсказывало, что Добрыня, осмотрѣвъ плѣнныхъ и увидѣвъ, что всѣ они въ сапогахъ, посовѣтовалъ искать другихъ данниковъ; новгородскій сводчикъ вставилъ это преданіе (быть можетъ, произвольно) въ сообщеніе Древнѣйшаго свода о походѣ Владиміра на Болгаръ.

§ 288. Ко вставкамъ, явившимся въ результатѣ припоминаній, относится, быть можетъ, сообщеніе о томъ же Добрынѣ, будто онъ поставилъ въ Новгородѣ идолъ Перуна надъ Волховомъ, вернувшись изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Владиміръ.

Изъ вставокъ, обязанныхъ сочинительству или соображеніямъ сводчика, отмѣтимъ прибавку Чуди въ перечень племенъ, покоренныхъ Варягами; прибавка эта стоитъ въ связи, вѣроятно, съ тѣмъ, что въ XI в. часть Чуди была покорена́ Новгородомъ, а другая часть платила дань Варягамъ. Чудь прибавлена еще въ перечень племенъ, двинутыхъ Владиміромъ противъ Ярополка (въ Древн. сводѣ вм. Чуди читалось, быть можетъ, Меря), а также въ перечень тѣхъ племенъ, изъ которыхъ Владиміръ набиралъ лучшихъ мужей для поселенія ихъ во вновь построенныхъ городахъ (и здѣсь Чудь замѣнила, быть можетъ, Мерю Древн. свода). Далѣе укажемъ на поправку, внесенную сводчикомъ, замѣнившимъ Варяговъ, подъ которыми Древн. сводъ разумѣлъ и Новгородскихъ Словѣнъ, Словѣнами и Варягами. Утвержденіе Древн. свода о томъ, что Новгородцы прозвались Варягами, сводчикъ комментировалъ фразой: «и суть Новъгородьстии людие до дньшьняго дьне отъ рода Варяжьска», выпустивъ вмѣстѣ съ тѣмъ фразу

«прежде бо бѣша Словѣне» своего кіевскаго источника. Сказавъ о дани, наложенной Олегомъ на Словѣнъ, Варяговъ, Кривичей и Мерю, сводчикъ прибавилъ: «а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають». Какъ мы видѣли, размѣръ дани показанъ тотъ, что имѣлъ мѣсто въ XI вѣкѣ, въ княженіи Ярослава; онъ не согласованъ съ дальнѣйшимъ сообщеніемъ (заимствованнымъ изъ Новгородской лѣтописи) о томъ, что во время Владиміра дань достигала 3000 гривенъ. Новгородскій сводчикъ, не понявъ, что Древн. сводъ, говоря о Древлянахъ, разумѣетъ южныхъ Древлянъ, при-Днѣпровскихъ и предположивъ, что дѣло идетъ о Древлянахъ, жившихъ по Мстѣ, произвольно прибавилъ къ сообщенію Древн. свода объ уставленіи Ольгою земли свое свѣдѣніе о томъ, что Ольга уставила по Мстѣ погосты и дани и по Лугѣ оброки и дани. Луга вела, хотя и не прямо, ко Пскову: это дало поводъ сказать, что сани Ольгины до сихъ поръ обрѣтаются во Псковѣ.

§ 289. Переходимъ къ той части Новгородскаго свода, которая обнимаетъ событія отъ заточенія Константина до 6544 (1036) года; текстъ этой части свода восходитъ къ Новгородской лѣтописи. Какъ было указано выше, составителю свода въ этой части принадлежатъ слѣдующія два замѣчанія: во-первыхъ, подъ 6529 (1021) годомъ, слова: «и воеваше Брячиславъ съ Ярославъмь вься дьни живота своего»; во-вторыхъ, подъ 6538 (1030), слова: «И събьра отъ старостъ и поповъ дѣтии 300 учитъ кънигамъ» и далѣе: «и бѣаше ученикъ его (Іоакима) Ефремъ, иже ны учаше».

§ 290. Третья часть Новгородскаго свода обнимаетъ лѣтописныя событія 6544—6550 годовъ и по всей вѣроятности составлена самимъ сводчикомъ. Свой самостоятельный разсказъ онъ началъ съ похвалы Ярославу, имѣя при этомъ въ качествѣ образца ту похвалу, что помѣщена была въ Древн. лѣтописномъ сводѣ. Вслѣдъ за нею читаемъ: «Иде Ярославъ весиѣ Кыеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Это извѣстіе въ сводѣ. 1448 года читается не подъ 6544, а подъ 6546 годомъ, но думаю, что на перестановку (быть можетъ, еще въ текстѣ свода 1167 года) повліяла Повѣсть вр. лѣтъ, гдѣ подъ 6546 имѣется извѣстіе «Ярославъ иде на Ятвягы»; это извѣстіе Повѣсти вр.

лѣтъ, какъ указано выше (§ 224[1]) мы отождествляемъ съ новгородскимъ (болѣе обстоятельнымъ) извѣстіемъ и признаемъ его заимствованнымъ въ Начальный сводъ изъ Новгородскаго свода; думаю, что оно попало подъ 6546, а не 6544 годъ по причинамъ механическимъ: 6544 и 6545 годы были заполнены событіями, а 6544 годъ былъ пустой [1]). Въ пользу того, что извѣстіе, нами разсматриваемое, читалось первоначально подъ 6544 приведу слѣдующія два соображенія: во-первыхъ, подъ 6544, слова: «Иде Ярославъ веснѣ Кыеву» вполнѣ умѣстны, ибо въ 6544 Ярославъ, по свидѣтельству, какъ Новгор. свода, такъ и Древнѣйшаго Кіевскаго свода, былъ въ Новгородѣ, между тѣмъ, подъ 6546 они были бы неумѣстны, ибо никакихъ данныхъ о томъ, что Ярославъ въ этомъ году былъ въ Новгородѣ, мы не имѣемъ; во-вторыхъ, Повѣсть вр. лѣтъ подъ 6544 сообщаетъ о вызовѣ Ярослава изъ Новгорода въ Кіевъ, осажденный Печенѣгами; при этомъ въ Новгородскомъ сводѣ 1448 года къ словамъ Повѣсти вр. лѣтъ «пріиде къ Кіеву» прибавлено «веснѣ» (Соф. 1-я и Новгор. 4-я); прибавка эта, сдѣланная, какъ кажется, еще въ сводѣ 1167 года, явно ведетъ насъ къ новгородскому извѣстію именно 6544 года, гдѣ сказано: «Иде Ярославъ веснѣ Кыеву» [2]).

У насъ возникаетъ вопросъ, почему новгородскій лѣтописецъ отмѣтилъ походъ Ярослава на Ятвяговъ подъ 6544 годомъ и отмѣтилъ ниже походы Ярослава на Литву (6548) и Мазовшанъ (6549)? Думаю, что въ этихъ походахъ участвовала и новгородская помощь, направлявшаяся по требованію Ярослава на Ятвяговъ, Литву и Мазовшанъ съ противоположной движенію кіевской рати стороны. Кромѣ этихъ трехъ извѣстій, касающихся

---

[1]) На то, что походъ этотъ имѣлъ мѣсто дѣйствительно въ 6545 году указано въ слѣдующемъ примѣчаніи.

[2]) Подъ весной приходится разумѣть мѣсяцъ февраль для того чтобы согласовать новгородское извѣстіе о времени выѣзда Ярослава изъ Новгорода съ кіевскимъ извѣстіемъ о томъ, что битва у Кіева Ярослава съ Печенѣгами произошла въ 6544 году. Но разумѣется, Ярославъ на самомъ дѣлѣ могъ выѣхать изъ Новгорода въ январѣ или самомъ началѣ февраля 6544 (январскаго 1137) года; запись, составленная черезъ 14 лѣтъ, могла ошибиться въ одномъ—двухъ мѣсяцахъ. Слѣдовательно, походъ на Ятвяговъ имѣлъ мѣсто собственно зимой 6545 года.

походовъ Ярослава, остальная часть Новгородскаго свода заполнена прежде всего извѣстіями о дѣятельности новгородскаго князя Владиміра: подъ 6548 (1040) сообщено о закладкѣ имъ новой крѣпостной стѣны вокругъ Новгорода; подъ 6551 (1043) разсказывается, и при томъ весьма обстоятельно, о походѣ Владиміра на Грековъ: очевидно, Владиміръ привелъ къ отцу въ Кіевъ Варяговъ (упомянутыхъ въ разсказѣ), а также, быть можетъ, и новгородскую помощь, (что, впрочемъ, сомнительно, въ виду того, что разсказчикъ отмѣчаетъ присутствіе въ войскѣ Владиміра только Варяговъ и Руси). Разсказъ новгородскаго лѣтописца представляется болѣе правдивымъ, чѣмъ соотвѣтствующій кіевскій разсказъ, приписанный, какъ мы видѣли, къ Древнѣйшему своду; новгородецъ не рѣшился упомянуть и о частичномъ успѣхѣ, который выпалъ будто на долю Владиміра, судя по разсказу кіевлянина. Подъ тѣмъ же 6551 (1043) годомъ сообщено о походѣ Владиміра на Емь. Подъ 6552 (1044) годомъ лѣтописецъ отмѣтилъ окончаніе Владиміромъ новгородской крѣпостной стѣны.

Подъ тѣмъ же годомъ записано извѣстіе о смерти Брячислава и вокняженіи Всеслава: появленіе этого извѣстія въ Новгородскомъ сводѣ объясняется тѣмъ, что новгородцамъ пришлось вести долгую борьбу съ Брячиславомъ; замѣтка лѣтописца подъ 6529 (1021) о томъ, что Брячиславъ воевалъ съ Ярославомъ до конца своихъ дней, имѣетъ, конечно, въ виду прежде всего неоднократныя нападенія Брячислава на новгородскую область, куда направлялъ свои взоры впослѣдствіи и его преемникъ. Къ этому извѣстію о смерти Брячислава прибавлена замѣтка о чудесномъ рожденіи Всеслава отъ волхвованія; замѣтка оканчивалась словами: «еже (язвьно) носить Вьсеславъ и до сего дьне на собѣ: сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие». Думаю, что слова эти или прибавлены (сначала они могли появиться на поляхъ) позднѣйшимъ читателемъ, а именно въ шестидесятыхъ годахъ XI столѣтія, когда Всеславъ наводилъ неоднократно ужасъ на Новгородъ своими набѣгами, или вставлены при перепискѣ Новгородскаго свода (въ Новгородѣ) для Кіевопечерскаго монастыря въ концѣ восьмидесятыхъ или началѣ девяностыхъ годовъ того же XI столѣтія.

Подъ 6553 (1045) сообщено о закладкѣ св. Софіи княземъ Владиміромъ, подъ 6557 (1049)—о пожарѣ старой дубовой св. Софіи, и наконецъ, подъ 6558 (1050) объ освященіи каменной св. Софіи. Мы видѣли, что оба послѣднія извѣстія снабжены точными хронологическими данными; это доказываетъ современную событіямъ запись. Но достойно замѣчанія, что сводчикъ стремился и въ сообщеніяхъ о предшествующихъ событіяхъ давать нѣсколько болѣе точныя опредѣленія ихъ: такъ онъ сообщилъ подъ 6544 о томъ, что Ярославъ вышелъ изъ Новгорода весной, а походъ на Ятвяговъ совершилъ зимой; подъ 6548 закладка крѣпостной стѣны Владиміромъ отнесена также на весну [1]); подъ 6551 походъ Владиміра на Грековъ отнесенъ на весну.

Можно думать, что по первоначальному замыслу составителя Новгородскаго свода этотъ трудъ его оканчивался извѣстіемъ 6558 (1050) объ освященіи св. Софіи 14 сентября. Самый сводъ составленъ былъ около того же времени. Читающіяся вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ сообщенія о кончинѣ сначала жены Ярослава 10 февраля 6558 (мартовскаго) года, а потомъ и строителя св. Софіи, князя Владиміра, 4 октября 6560 года надо признать позднѣйшими приписками къ древнему Новгородскому своду.

6.

§ 291. Древній Новгородскій сводъ легъ въ основаніе дальнѣйшаго новгородскаго лѣтописанія. Клирики св. Софіи стали постепенно пополнять сводъ записями о современныхъ событіяхъ. Запись велась не систематически: вносилось то, что почему либо казалось заслуживающимъ особеннаго вниманія; нѣкоторыя записи внесены лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ отмѣченнаго въ нихъ событія. Такъ запись о клеветѣ, бывшей на епископа Луку въ 6563-мъ году, внесена въ лѣтопись не раньше 6566-го года, когда Лука вернулся на владычество, а быть можетъ, даже въ 6568-мъ году, когда онъ умеръ; ср. указаніе подъ 6563-мъ: «и пребысть тамо три лѣта». Запись 6571 года объ обратномъ теченіи Волхова внесена въ лѣтопись не ранѣе 6575

---

[1]) Слѣдовательно, правильнѣе было бы отнести это извѣстіе на 6549-й (мартовскій) годъ.

года, ибо сообщаетъ, что это знаменіе предвѣщало сожженіе Всеславомъ города на четвертый годъ послѣ этого. Такимъ образомъ, выясняются два момента пополненія Новгородскаго свода записями—это 6568 (1060) годъ и 6577 (1069) годъ, когда Всеславъ вторично напалъ на Новгородъ, но былъ разбитъ на рѣчкѣ Гзени. Третьимъ моментомъ былъ, повидимому, 6587 (1079) годъ, когда Новгородцы изгнали своего князя Глѣба, убитаго затѣмъ вскорѣ Чудью. Вслѣдствіе такихъ пріемовъ въ лѣтописаніи, записи, читавшіяся въ концѣ древняго Новгородскаго свода, оказываются мало содержательными и неточными.

§ 292. Какъ указано, первыми приписками къ древнему Новгородскому своду были сообщенія о кончинѣ Ирины и Владиміра въ 6558 и 6560 годахъ. Предполагаю, что слѣдующею записью было сообщеніе о кончинѣ Ярослава. Умолчаніе въ Начальномъ сводѣ о томъ, гдѣ находился во время этого событія Изяславъ (ср. въ Комм. спискѣ и въ Лавр.: «Изяславу тъгда сущю»), заставляетъ предполагать разнорѣчіе въ обоихъ источникахъ Начальнаго свода — Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ и Новгородскомъ сводѣ. Имѣя въ виду показаніе Ипатьевской лѣтописи и нѣкоторыхъ другихъ, полагаемъ, что въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ читалось: «Изяславу княвящю Туровѣ»; слѣдовательно, становится вѣроятнымъ, что въ древнемъ Новгородскомъ сводѣ этому соотвѣтствовало чтеніе «Изяславу тъгда сущю Новѣгородѣ», какъ, впрочемъ, читается въ Соф. 1-й лѣтописи. Но если Изяславъ былъ въ Новгородѣ, то дальше, конечно, отмѣчалось прибытіе его въ Кіевъ. Предполагаю поэтому, что за этимъ читалось: «и иде Кыеву» [1]) и далѣе то, что находится въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й въ статьѣ 6562 года: «и посади Остромира Новѣгородѣ». Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й вслѣдъ за этимъ читается о походѣ Остромира на Чудь, въ которомъ онъ былъ убитъ; походъ этотъ не могъ имѣть мѣста ни въ 6562, ни въ 6563 году, ибо запись въ Остромировомъ евангеліи доказываетъ, что Остромиръ былъ живъ еще въ 6565 году.

[1]) Ср. въ спискахъ К. О.: „и приде Изяславъ Кіеву городу", вм. „Новугороду" остальныхъ списковъ Соф. 1-й лѣтописи. Впрочемъ, происхожденіе такого чтенія К. и О. мнѣ не ясно.

Предполагаю поэтому, что это извѣстіе о походѣ и смерти Остромира читалось въ Новгородскомъ сводѣ ниже и при томъ всего вѣроятнѣе подъ 6568 (1060) годомъ. Что оно перенесено въ статью 6562 года именно изъ статьи 6568-го, видно изъ того, что вмѣстѣ съ нимъ перенесено изъ статьи 6568-го года извѣстіе «И по семь раздѣлиша Смольньскъ на три части»; это извѣстіе читается подъ 6568 въ Тверск. сборникѣ и Ермол. лѣтописи, которыя слѣдовали при этомъ, конечно, общерусскому своду 1423 года; ему и умѣстно быть именно подъ этимъ годомъ, такъ какъ Смоленскъ могъ быть раздѣленъ на три части только послѣ смерти Игоря Ярославича, сидѣвшаго въ Смоленскѣ и скончавшагося въ 6568 (1060) году [1]). Итакъ отношу извѣстіе о походѣ и кончинѣ Остромира на 6568 (1060) годъ и думаю, что въ Новгородскомъ сводѣ за извѣстіемъ о посаженіи Остромира слѣдовали три извѣстія, относящіяся къ епископу Лукѣ: 6563—клевета на Луку, 6566—возвращеніе Луки въ Новгородъ на владычество, 6568—смерть Луки, при чемъ передъ сообщеніемъ о его смерти было вписано его Поученіе. За этимъ извѣстіемъ читалось упомянутое извѣстіе о походѣ и кончинѣ Остромира, затѣмъ слѣдовало извѣстіе о прибытіи Изяслава въ Новгородъ и походѣ его на Чудь; отправляясь изъ Новгорода въ Кіевъ, Изяславъ сажаетъ въ Новгородѣ сына своего Мстислава.

Расположивъ такимъ образомъ событія 6562—6568 годовъ, мы придемъ къ заключенію, что всѣ соотвѣтствующія имъ извѣстія составлены въ одинъ опредѣленный моментъ, а именно въ 6568 (1060) году.

§ 293. Вторымъ моментомъ составленія дальнѣйшихъ записей Новгородскаго свода былъ, повидимому, 6577 (1069) годъ. Подъ нимъ во всѣхъ подробностяхъ (указанъ день и даже часъ событія) сообщено о пораженіи Всеслава подъ Новгородомъ. Въ связи съ этимъ подъ 6575 (1067) приведено извѣстіе о взятіи Всеславомъ Новгорода и сожженіи его: общій авторъ извѣстій 6575 и

---

[1]) Новгор. сводъ 1448 г. перенесъ извѣстія 6568 года въ статью 6562 года, повидимому, желая сблизить оба сообщенія о посадникѣ Остромирѣ; при этомъ оказалось перенесеннымъ и извѣстіе: „И посемъ раздѣлиша Смоленьскъ на три части“.

6577 обнаруживается въ сходныхъ восклицаніяхъ, вырвавшихся изъ его груди [1]); подъ 6573 сообщено о началѣ военныхъ дѣйствій Всеслава и, быть можетъ, подъ тѣмъ же годомъ говорилось о пораженіи новгородскаго князя Мстислава на Черехѣ, опущенномъ въ лѣтописныхъ сводахъ, но сохранившемся въ перечнѣ новгородскихъ князей. Подъ 6571 лѣтописецъ записалъ объ обратномъ теченіи Волхова: «се же знамение не на добро бысть; на 4-е бо лѣто пожьже Вьсеславъ градъ». Въ виду тѣсной связи между собой событій 6571—6577 годовъ, записанныхъ несомнѣнно однимъ лицомъ, относимъ насчетъ того же лица запись 6569 года о поставленіи епископа новгородскаго Стефана. Ему же принадлежитъ вставка (маргинальная?) статьи о рожденіи Всеслава отъ волхвованія, оканчивающейся словами: «сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие».

Третьимъ моментомъ составленія записей Новгородскаго свода признаю 6587-й годъ, подъ которымъ значится убіеніе новгородскаго князя Глѣба 30 мая Чудью за Волокомъ, куда онъ бѣжалъ изгнанный Новгородцами; современность записи доказывается точною датировкой: 30-е мая. Въ виду этого предыдущія два извѣстія 6585-го о кончинѣ епископа Ѳедора и 6586 о поставленіи Германа считаемъ записанными въ томъ же 6587 (1079) году.

§ 294. Послѣ третьяго момента, т.-е. 1079-го года, въ новгородскомъ лѣтописаніи наступаетъ замѣтный перерывъ. Лѣтопись продолжена только въ 6605 (1097) году извѣстіями о побѣдѣ Мстислава съ новгородцами на Колакшѣ и о большомъ пожарѣ въ Новгородѣ. Пятый моментъ наступилъ въ 6616 (1108) году, подъ которымъ съ указаніемъ дня записана смерть епископа Никиты. Послѣ этого новгородское лѣтописаніе попадаетъ въ болѣе рачительныя руки и ведется погодно почти безъ перерывовъ. Мы знаемъ, что въ 1167 году древній Новгородскій сводъ съ обосложнившими его приписками переработанъ въ болѣе полный сводъ, дополненный по Повѣсти вр. лѣтъ (см. главу IX).

Повидимому, послѣ 1079-го года, а во всякомъ случаѣ послѣ 1069-го года, съ Новгородскаго свода была снята копія для от-

---

[1]) Подъ 6575: „О, велика бяше бѣда въ часъ тъи!“ Подъ 6577: „О, велика бяше сѣча Вожаномъ!“.

правки въ Кіевопечерскій монастырь, гдѣ начала созрѣвать мысль о составленіи общерусскаго свода. Быть можетъ, копія была снята по распоряженію или съ разрѣшенія епископа Германа (1078—1095), постриженика Ѳеодосіева монастыря. Около 1095-го года ею воспользовался для своего труда составитель Начальнаго Кіевскаго свода.

ГЛАВА XX.

Главные результаты придыдущаго изслѣдованія.

1.

Расположимъ выводы, къ которымъ мы пришли въ предшествующихъ главахъ относительно хода лѣтописнаго дѣла въ древней Руси, хронологически.

Мы имѣли возможность познакомиться съ условіями появленія въ древней Руси XI вѣка нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ: Древнѣйшаго Кіевскаго, Древняго Новгородскаго, Перваго Кіевопечерскаго; за Первымъ Кіевопечерскимъ сводомъ лѣтъ черезъ двадцать составленъ былъ Второй Кіевопечерскій сводъ, который называю только для того, чтобы не нарушать принятой въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ терминологіи, Начальнымъ сводомъ. Мы остановили свое изслѣдованіе на Первомъ Кіевопечерскомъ сводѣ, появившемся въ 1073 году. Вопросъ о томъ, какъ появились три древнѣйшіе русскіе лѣтописные своды, такъ или иначе разсмотрѣнъ, но остались не достаточно выясненными условія, при которыхъ въ древней Руси возникали лѣтописи, а между тѣмъ л ѣ т о п и с и, казалось бы, вообще предшествуютъ лѣтописнымъ с в о д а м ъ.

Рѣшительно никакихъ точныхъ указаній на пользованіе мѣстною кіевскою лѣтописью мы при возстановленіи Древнѣйшаго Кіевскаго свода найти не могли. Если записи о кончинѣ Малфрѣди, Рогнѣды, ея сына и внука, а также запись о перенесеніи останковъ Рогнѣды, сына ея и внука въ Десятинную церковь, оставимъ въ сторонѣ въ томъ предположеніи, что записи эти извлечены изъ княжескаго помянника, то первою лѣтописною замѣткою должны будемъ признать сообщеніе 6528 (1020) года о

рожденіи у Ярослава сына Владиміра. Но Древнѣйшій сводъ составленъ въ 1039 году. Отсюда предположеніе, что это сообщеніе и слѣдующія за нимъ статьи, имѣющія характеръ лѣтописныхъ замѣтокъ, составлены по припоминаніямъ въ 1039 году: возстановить событія, которымъ истекло 19 или меньше лѣтъ не представляло, конечно, затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ лѣтописныхъ замѣткахъ не приводятся точныя даты событій. Отвергаемъ мысль о томъ, чтобы записи о кончинѣ Малфрѣди, Рогнѣды и т. д. были извлечены изъ лѣтописи Десятинной церкви, ведшейся въ началѣ XI в. (Малфрѣдь и Рогнѣда скончались въ 6508 году), между прочимъ потому, что существованіе такой лѣтописи и пользованіе ею Древнѣйшимъ сводомъ имѣли бы послѣдствіемъ наличность ряда извѣстій, относящихся къ Владимірову княженію, а между тѣмъ Древнѣйшій сводъ не даетъ ни одного событія для послѣднихъ двадцати лѣтъ этого княженія. Отвергаемъ вообще существованіе замѣтной или общеизвѣстной лѣтописи въ Кіевѣ до 1039 года, основываясь на томъ, что дошедшіе до насъ своды доказываютъ отсутствіе такой лѣтописи даже для времени послѣ 1039 года, ибо соображенія, приведенныя въ главѣ XVI, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что промежутокъ между 1040 и 1054 годомъ заполненъ: во-первыхъ, случайною или точнѣе единичною записью похода на Грековъ въ 1043 году, во-вторыхъ, заимствованіями, сдѣланными составителемъ Начальнаго свода изъ Новгородскаго свода и изъ Житія Антонія. Тотъ фактъ, что сводъ 1039 года не получилъ продолженія въ видѣ погодной лѣтописи, доказываетъ, что ему и не предшествовала также подобная лѣтопись. Изученіе состава Перваго Кіевопечерскаго свода доказываетъ, что и позже, до самаго 1073 года, когда Никонъ потрудился надъ созданіемъ свода, не было въ Кіевѣ погодной лѣтописи, такъ какъ въ трудѣ Никона не отыскивается слѣдовъ пользованія такою лѣтописью; напротивъ, многое указываетъ на то, что самыя извѣстія 6569, 6572, 6573, 6574 и слѣд. годовъ занесены на пергаменъ впервые Никономъ. Это обстоятельство дѣлаетъ особенно вѣроятнымъ, что погодной записи событій не было въ Кіевѣ въ первыхъ трехъ четвертяхъ XI столѣтія.

Впрочемъ, не отрицаю возможности того, что подобныя записи стали появляться и въ Кіевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ го-

родахъ уже въ третьей четверти XI столѣтія. Въ § 114[6] приведены указанія на существованіе черниговской записи событія 6576 (1068) года; выше нами было предположено, что лѣтописныя замѣтки велись, быть можетъ, начиная съ 6578 (1070), во Всеволожемъ Михайловскомъ монастырѣ.

Совершенно особенный характеръ получила лѣтопись въ Новгородѣ. Благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ развивалась жизнь этого города, наиболѣе доступнаго вліянію западной цивилизаціи, въ Новгородѣ весьма рано опредѣляются стремленія къ политической самостоятельности и къ огражденію ея договорами съ правящимъ княземъ. Въ послѣдующее время стремленія эти получаютъ все большее преобладаніе надъ другими сторонами жизни этого города; но изслѣдователю ясно, что начало ихъ надо искать въ сѣдой старинѣ и что развитіе ихъ предполагаетъ такой моментъ, когда въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ Новгородъ почувствовалъ и сознаlъ свою свободу. Предполагаемъ, что такимъ моментомъ былъ 1017 годъ, когда Ярославъ даровалъ городу вольности, обезпеченныя особою учредительною грамотой. Этотъ моментъ закрѣпленъ былъ въ народномъ сознаніи не только передачей грамоты на храненіе въ мѣстную святую Софію, но и внесеніемъ ея въ лѣтопись, гдѣ изложены были великія событія, приведшія Новгородъ къ свободѣ. Итакъ, этотъ памятникъ легъ въ основаніе новгородскаго лѣтописанія. Указаній на то, чтобы лѣтопись велась въ Новгородѣ погодно послѣ 1017 года, мы не имѣемъ; отсутствіе погодныхъ записей въ Новгородѣ стоитъ въ связи и однородно съ отсутствіемъ такихъ записей въ современномъ Кіевѣ. Но въ 1036 году, когда Новгородъ получилъ вторую учредительную грамоту отъ Ярослава и когда и ее также внесли въ лѣтопись, путемъ припоминаній были воспроизведены главнѣйшія событія между 1017 и 1036 годомъ. Такъ появилась новгородская владычняя лѣтопись.

Перехожу къ обзору древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Учрежденіе въ 1039 году митрополіи вызвало составленіе около того же времени перваго русскаго лѣтописнаго свода, который называемъ условно Древнѣйшимъ Кіевскимъ сводомъ. Составитель въ предѣлахъ до Владимірова княженія включительно использовалъ, во-первыхъ, мѣстныя кіевскія преданія,

уже въ его время закрѣпленныя, конечно, въ формѣ пѣсни, былины; во-вторыхъ, нѣсколько письменныхъ сказаній о русскихъ святыхъ и о другихъ событіяхъ церковной жизни. Образцомъ для свода и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ для него послужилъ болгарскій лѣтописный сводъ. Начиная съ Ярославова княженія, матеріаломъ для составителя свода служили припоминанія объ истекшихъ событіяхъ; съ этого времени сводъ 1039 года становится вполнѣ достовѣрнымъ историческимъ источникомъ, хотя и то, что сообщено имъ раньше объ Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ, Святополкѣ, въ значительной части своей не должно быть признано баснословнымъ, въ виду сравнительно не очень большого промежутка между тѣми эпохами и моментомъ составленія свода. Современныя событія Древнѣйшій Кіевскій сводъ доводилъ до 6547 (1039) года; онъ оканчивался прославленіемъ Ярослава, строителя храмовъ и распространителя духовнаго просвѣщенія.

Какъ указано выше, появленіе Древнѣйшаго Кіевскаго свода не вызвало постояннаго лѣтописанія при Кіевской митрополіи.

Въ 1050 году окончена строеніемъ и освящена церковь св. Софіи въ Новгородѣ. Въ ознаменованіе этого событія строители храма, князь Владиміръ и епископъ Лука, рѣшили озаботиться составленіемъ лѣтописнаго свода. Въ основаніе Древняго Новгородскаго свода положенъ Древнѣйшій Кіевскій сводъ, использованный, впрочемъ, болѣе или менѣе полно только до княженія Владиміра Святославича включительно; конецъ его, гдѣ излагались событія Ярославова княженія, переданъ въ краткомъ извлеченіи. Другимъ источникомъ послужила Новгородская лѣтопись 1036 года: одно извѣстіе ея (крещеніе Новгорода) внесено въ княженіе Владиміра; остальное содержаніе этой лѣтописи касалось событій 1015 и слѣдующихъ годовъ; сначала сводчикъ прибѣгъ къ компилированію своего новгородскаго источника съ кіевскимъ (событія до 1017 года); но потомъ передалъ текстъ новгородскаго источника отдѣльно, помѣстивъ его вслѣдъ за упомянутымъ краткимъ извлеченіемъ изъ Древнѣйшаго свода (событія послѣ 1017 включительно до 1036 года). Разсказъ о событіяхъ послѣ 1037-го и до 1050-го года включительно составленъ сводчикомъ самостоятельно на основаніи распросовъ и припоминаній.

Вскорѣ текстъ Древняго Новгородскаго свода обосложнился

приписками; эти приписки имѣютъ характеръ погодной лѣтописи, но изученіе ихъ показываетъ, что они записаны въ нѣсколько слѣдовавшихъ другъ за другомъ моментовъ; къ первому моменту относятся извѣстія 6558 и 6560 годовъ, ко второму—слѣдующія извѣстія до 6568 года включительно, къ третьему—извѣстія до 6577 года включительно, къ четвертому — извѣстія 6586 и 6587 годовъ, къ пятому—извѣстія 6605 года. Только приблизительно съ 6616 (1108-го года), слѣдовательно, со времени епископства Іоанна (1110-й годъ) владычняя новгородская лѣтопись стала вестись безъ перерыва, дополняясь въ короткіе промежутки погодными записями.

Въ 1073 году оконченъ подъ главнымъ редакторствомъ іеромонаха Никона обширный лѣтописный сводъ, составленный въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Этотъ Первый Кіевопечерскій сводъ представлялъ въ началѣ копію съ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, мѣстами лишь дополненную незначительными вставками; копія съ этого свода содержала въ концѣ запись (быть можетъ, современную) о походѣ на Грековъ подъ предводительствомъ Владиміра Ярославича. Вторая часть свода начиналась со статьи, описывавшей кончину Ярослава, и представляла самостоятельный трудъ сводчика, руководившагося припоминаніями и разсказами современниковъ. Припоминанія эти принадлежатъ въ значительной части самому Никону; нѣкоторыя изъ нихъ—прочей монастырской братіи. Въ числѣ лицъ, сообщавшихъ Никону матеріалы для лѣтописи, можно съ увѣренностью назвать боярина Яня Вышатича. Подъ 6570 (1062) годомъ, годомъ основанія Печерскаго монастыря, была помѣщена обширная статья, посвященная исторіи этой обители съ древнѣйшихъ временъ до событій, современныхъ составителю свода.

Первый Кіевопечерскій сводъ въ скоромъ времени (не ранѣе однако игуменства Никона) получилъ продолженіе сначала въ видѣ обширной статьи о кончинѣ преп. Θеодосія, а потомъ и погодныхъ извѣстій, явно обличающихъ мѣстами современную запись. Такія записи продолжались вплоть до 1093 года.

Около 1095 года былъ составленъ Второй Кіевопечерскій сводъ, который мы называемъ Начальнымъ сводомъ. Этотъ сводъ можно признать первымъ общерусскимъ сводомъ, ибо со-

ставитель задался цѣлью соединить съ текстомъ Перваго Кіевопечерскаго свода, обосложненнаго лѣтописью, слѣдовательно, съ кіевскимъ лѣтописаніемъ, лѣтописаніе, во-первыхъ, новгородское, насколько оно выразилось въ Древнемъ Новгородскомъ сводѣ съ примкнувшей къ нему владычнею лѣтописью, во-вторыхъ, черниговское (ср. извѣстіе 1068 года), въ-третьихъ, лѣтописаніе другихъ монастырей (напр. Выдубицкаго) и городовъ. Пользованіе греческимъ хронографомъ, Паримійникомъ, Житіемъ Антонія и др. памятниками увеличило объемъ и интересъ къ новому своду; этимъ обезпечено было за кіевопечерскимъ лѣтописаніемъ общерусское значеніе и общерусскій характеръ. Начальный сводъ легъ въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ, источника и основанія всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ.

2.

Главнымъ результатомъ нашего изслѣдованія признаемъ возстановленный ниже текстъ трехъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: Древнѣйшаго Кіевскаго свода, вошедшаго въ составъ Перваго Кіевопечерскаго свода, съ одной стороны, Древняго Новгородскаго свода, съ другой.

Итакъ сначала данъ текстъ Перваго Кіевопечерскаго свода; въ наборѣ отмѣчена та часть его, которая восходитъ къ Древнѣйшему своду: въ противоположность той части, которая восходитъ къ перу составителя Перваго Кіевопечерскаго свода, она набрана безъ отступленія отъ полей; отличена особымъ шрифтомъ также и статья 6551 (1043) года, приписанная къ Древнѣйшему своду и вмѣстѣ съ основнымъ текстомъ вошедшая въ составъ Кіевопечерскаго свода. Вставки, сдѣланныя составителемъ Кіевопечерскаго свода въ текстъ какъ Древнѣйшаго свода, такъ и приписанной къ нему статьи 6551 года, напечатаны или отступя или въ прямыхъ скобкахъ. Отступя напечатанъ и текстъ Продолженія къ Древнѣйшему своду, т.-е. вся самостоятельная часть Кіевопечерскаго свода

Текстъ Перваго Кіевопечерскаго свода возстановленъ преимущественно по тексту Лаврентьевскаго списка. При этомъ приняты во вниманіе и использованы данныя другихъ списковъ Повѣсти вр. лѣтъ (Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго, Радзивиловскаго и Московско-Академическаго), далѣе такъ называемаго лѣтопис-

ца Переяславля Суздальскаго, также списковъ Новгородской 1-й младш. извода (Комиссіоннаго, Академическаго, а въ дефектныхъ мѣстахъ послѣдняго—Толстовскаго), Синодальнаго списка Новгородской 1-й старшаго извода и, наконецъ, списковъ двухъ изводовъ Новгородскаго свода 1448 года—Новгородской 4-й и Софійской 1-й. Всѣ исправленія, внесенныя на основаніи этихъ данныхъ въ текстъ Лаврентьевскаго списка, оговорены въ первой колоннѣ примѣчаній; не оговоренное, за самыми ничтожными исключеніями (исправлены описки), восходитъ къ Лаврентьевскому списку [1]).

Ссылки на тѣ §§ изслѣдованія, въ которыхъ приведены основанія для того или иного исправленія, даны въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ за текстомъ.

Во второй колоннѣ подстрочныхъ примѣчаній отмѣчены со ссылками на соотвѣтствующіе §§ изслѣдованія всѣ тѣ отступленія отъ текста Перваго Кіевопечерскаго свода (а слѣдовательно, и Древнѣйшаго Кіевскаго свода), которыя позволилъ себѣ при передачѣ его составитель Второго Кіевопечерскаго или Начальнаго Кіевскаго свода. Имѣя въ виду значительную близость, въ особенности начиная съ 6453 (945) года, текста Начальнаго свода къ тексту Повѣсти вр. лѣтъ, думаю, что эти примѣчанія дадутъ достаточно данныхъ и для заключеній о главнѣйшихъ отличіяхъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго текста, текста Повѣсти вр. лѣтъ, отъ текста возстанавливаемыхъ древнихъ сводовъ 1039 и 1073 годовъ.

Въ третьей колоннѣ примѣчаній отмѣчены мѣста, заимствованныя изъ Свящ. Писанія (въ текстѣ они переданы разрядкой), а также вставки, сдѣланныя составителемъ Кіевопечерскаго свода въ текстъ Древнѣйшаго свода.

Текстъ Древняго Новгородскаго свода въ тѣхъ частяхъ его,

---

[1]) Опущенныя изъ текста Лаврентьевскаго списка слова не оговариваются; но они въ значительной части отмѣчены въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ.—Ссылки въ первой колоннѣ примѣчаній относятся къ тому или другому опредѣленному слову или къ повторенной въ сноскѣ фразѣ; но если въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ курсивъ,—то ко всему набранному курсивомъ.

гдѣ онъ слѣдовалъ Древнѣйшему лѣтописному своду (эти части отмѣчены особымъ шрифтомъ), возстановленъ согласно съ предложеннымъ выше текстомъ этого послѣдняго свода; впрочемъ, эти части Древняго Новгородскаго свода почти всюду набраны съ пропусками, обозначенными многоточіями, въ виду вѣроятности того, что текстъ этого свода въ предѣлахъ до Владимірова княженія включительно довольно точно и полно передавалъ соотвѣтствующій текстъ своего кіевскаго оригинала. Тѣ части Древняго Новгородскаго свода, которыя составлены самимъ сводчикомъ или возводятся къ Новгородской лѣтописи 1036 года, возстановлены, во-первыхъ, а именно въ предѣлахъ до 6524 (1016) года включительно, по Лаврентьевскому и инымъ спискамъ, выше перечисленнымъ, во-вторыхъ, а именно въ части отъ 6525 до 6558 (1050) года, главнымъ образомъ по даннымъ новгородскихъ источниковъ, а именно по обоимъ изводамъ Новгородскаго свода 1448 года, по росписямъ князей и владыкъ новгородскихъ, при чемъ однако не упущено сравненіе съ соотвѣтствующимъ текстомъ Лаврентьевскаго и иныхъ списковъ Повѣсти вр. лѣтъ. По тѣмъ же даннымъ возстановлены помѣщенныя въ видѣ приложенія къ Древнему Новгородскому своду лѣтописныя извѣстія 1050—1079 годовъ; позднѣйшія записи, не бывшія въ распоряженіи составителя Второго Кіевопечерскаго (Начальнаго) свода, оставлены безъ вниманія. Въ текстѣ, восходящемъ къ Новгородской лѣтописи 1036 года, набраны отступя предполагаемыя вставки, обязанныя своимъ появленіемъ какъ составителю Древняго Новгородскаго свода, такъ и составителю копіи съ него, сдѣланной для Кіевопечерскаго монастыря.

Въ первой колоннѣ примѣчаній отмѣчены источники, изъ которыхъ заимствованы та или иная фраза, то или иное слово новгородскихъ статей свода. Неоговоренное восходитъ къ Лаврентьевскому списку.

Во второй колоннѣ примѣчаній оговорены главныя отступленія, допущенныя позднѣйшими сводами при передачѣ текста этихъ новгородскихъ статей.

Въ третьей колоннѣ примѣчаній отмѣчены тѣ вставки, которыя сдѣланы въ текстъ, заимствованный изъ Новгородской лѣтописи 1036 года, какъ составителемъ Древняго Новгородскаго

свода, такъ и составителемъ копіи съ владычняго свода, приготовленной для Кіевопечерскаго монастыря.

Въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ за текстомъ, приведены ссылки на тѣ §§ изслѣдованія, въ которыхъ даны основанія для того или иного чтенія въ текстѣ Древняго Новгородскаго свода.

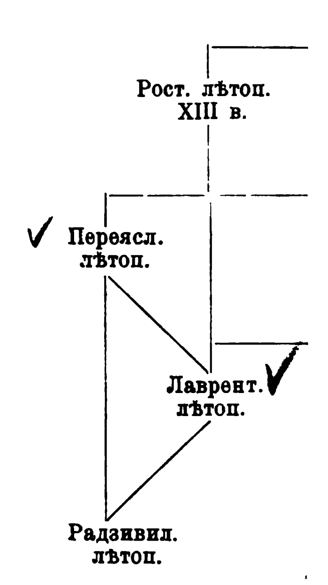
Слова переданы въ возстановленномъ текстѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ памятникахъ XI вѣка. Впрочемъ, въ графикѣ сдѣланъ рядъ отступленій отъ пріемовъ древняго письма; такъ вмѣсто іотированнаго а и малаго юса пишется я, вмѣсто іотированнаго е—е, вмѣсто оу—у, вмѣсто ъı—ы Но не ввожу буквы й вмѣсто и. Не даю сокращенныхъ написаній (съ титлами); пишу по церковнославянски «чловѣкъ», а не «человѣкъ». Я не счелъ необходимымъ давать нестяженныя формы въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ и въ спряженіи давнопрошедшаго времени: пишу добраго, не добрааго, доброму, не добруму, вожаше, не вожааше, любляше, не любляаше. Не отрицаю возможности, что въ оригиналахъ XI вѣка читались нестяженныя формы; такія формы для давнопрошедшаго времени попадаются во многихъ позднѣйшихъ сводахъ, какъ то въ Софійской 1-й (напр. посвѣтяаше, блещаашеся), и часть ихъ можетъ восходить къ оригиналамъ XI вѣка, ср. подобныя формы въ русскихъ памятникахъ, какъ Житіе Θеодосія, житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и т. д. Вмѣсто—ѣа—въ давнопрошедшемъ я даю стяженныя формы съ—я—: имяше, бяху. Допускаю и новообразованія, какъ ходяше вм. хожаше. Гдѣ имѣется указаніе списковъ, ввожу формы на -шеть и на-хуть въ давнопрошедшемъ. Пишу приду, придохъ, не прииду, приидохъ, хотя въ XI вѣкѣ можно встрѣтить и тѣ другія написанія. Въ выборѣ между церковнославянскими и русскими формами я руководствовался рукописною традиціей; допускаю поэтому въ текстъ нѣкоторыя полногласныя формы (порогъ, Новъгородъ, Деревляне, но градъ, брегъ); даю въ дат. и мѣстн. постоянно собѣ, тобѣ, не себѣ, тебѣ; допускаю написанія съ ч, ж (хочю, яжь) рядомъ съ написаніями съ щ, жд (мещимъ, побѣждаемъ); допускаю русское окончаніе —ѣ въ род. ед. ж. р., им. мн. ж. р., вин. мн. ж. и м. р., рядомъ съ церковнославянскимъ окончаніемъ —я. Вмѣсто азъ, я и язъ даю для однообразія азъ.

Возстанавливаю всюду исконныя формы съ ъ и ь: кънязь, съмьрть, дъва, вьси, хотя возможно, что въ оригиналахъ XI вѣка попадались и написанія, какъ князь, два, кто, звати, всего. Въ концѣ предлоговъ ставлю для однообразія ъ (но оставляю: без, из, бес, ис). Даю исключительно окончанія—ия, —ие, —ию, —ии, а не —ья, —ья, —ье, —ью, —ьи (братия, властию). Послѣ ш, ж, ч, щ, ц пишу ю, не у, но а, не я. Поправки языка (архаизація его) не оговорены въ примѣчаніяхъ; кое-какія замѣтки по языку сообщены въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Долженъ признать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ при возстановленіи формъ древняго языка я не былъ достаточно послѣдователенъ. Возможно, что въ оригиналахъ XI вѣка было гораздо меньше руссизмовъ, чѣмъ то допущено въ предлагаемомъ текстѣ.

Курсивомъ напечатано все то, что извлечено не изъ лѣтописныхъ сводовъ или вставлено по догадкѣ.

1-й Пе

Вл



Рост. лѣтоп. XIII в.
Переясл. лѣтоп.
Лаврент. лѣтоп.
Радзивил. лѣтоп.

ТЕКСТЫ.

А. **Древнѣйшій Кіевскій сводъ 1039 года въ редакціи 1073 года.**

Б. **Новгородскій сводъ 1050 года съ продолженіями до 1079 года.**

А. Древнѣйшій Кіевскій сводъ 1039 года въ редакціи 1073 года.

Начало земли Русьстѣ[а][1]. Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третиему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше[б] Кыи на горѣ, къде[в] нынѣ увозъ Боричевъ[2], а Щекъ сѣдяше на друзѣи[г] горѣ, къде[д] нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третиеи горѣ, отъ негоже прозъвася Хоривица. И сътвориша градъ[3] и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь. Бяху мужи мудри и съмысльни, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть[е] Поляне Кыевѣ и до сего дьне[4].

*) По сихъ же лѣтѣхъ братия си изгыбоша, и[ж] быша обидими Деревлями и[з] инѣми окольними. И наидоша я Козаре, сѣдяща на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша

а) „Начало земли Русьстѣ“ изъ Комм. б) Такъ въ Троицк., въ Лавр.: сѣдяще. в) Такъ въ Ипат., въ Лавр.: гдѣже. г) Изъ Комм. д) Такъ въ Ипат., въ Лавр.: гдѣ. е) Такъ въ Радз. и Комм., въ Лавр.: есть. ж) „братия си изгыбоша, и“ изъ Комм. (ср. Лавр. подъ 6370), въ Лавр.: „по смерти братьѣ сея“. з) Изъ Комм. и Радз.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „Живяху къжьдо съ родъмь своимь на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще къжьдо родъмь своимь“ (§ 199). 2) Въ Нач. св. прибавлено: „и бѣ съ родъмь своимь“ (§ 199). 3) Въ Нач. св. прибавлено: „въ имя брата своего старѣишаго“; эти слова извлечены, какъ кажется, изъ Предисловія къ Нач. св. („такоже и въ нашеи странѣ зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя“). 4) Въ Нач. св. прибавлено: „бяху же погани, жьруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочии погани“; эти слова извлечены, какъ кажется, изъ Рѣчи философа („и по діяволю научению, ови рощениемъ и кладяземъ и рѣкамъ жьряху и не познаша Бога“); соотвѣтствіе имъ находится и въ Предисловіи къ Нач. св. — Затѣмъ въ Нач. св. вставка о походѣ Руси на Царьградъ (§ 68).

*) Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 235).

Козаре: «платите намъ дань». Съдумавъше же[а] Поляне въдаша отъ дыма мечь. И несоша Козаре къ къназю своему[1]. Кънязь же съзъва старѣишины своя и рече имъ[б]: «се налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша ему[в]: «отъкуду?» Онъ же рече[г]: «въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Дънѣпрьскою». Они же рѣша: «чьто суть въдали»? Онъ же показа имъ[д] мечь. И[е] рѣша старьци Козарьстии: «не добра дань, къняже; мы ся доискахомъ оружиемь единоя страны[ж], рекъше саблями, а сихъ оружие обоюду остро, рекъше мечи[з]; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Се же събысться вьсе; не отъ своея воля рекъшемъ[и] *имъ*[i], нъ отъ Божия повелѣния. Якоже[к] при Фараонѣ цѣсари Егѵпьтьстѣ, егда приведоша Моѵсѣя предъ Фараона, и рѣша старѣишина Фараоня: «сии хощеть съмирити область Егѵпьтьску», якоже и бысть: погыбоша Егѵптяне отъ Моѵсѣя, а пьрвѣе[л] бѣша[м] работающе имъ; тако и си пьрвѣе[н] владѣша, а послѣже самѣми владѣють, якоже п[о] бысть: владѣють бо[п] Козары Русьстии кънязи[р] и[с] до дьньшьняго дьне[2].

И по сихъ братии дьржати почаша родъ ихъ къняжение въ Поляхъ[3]; и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи[т].

а) Изъ Комм. и Радз. б) „Кънязь же... рече имъ“ изъ Комм., въ Лавр. и др.: „и рѣша имъ“. в) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: имъ. г) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „Они же рѣша“. д) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „Они же показаша“. е) Изъ Комм. и Ипат. ж) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: „одиною стороною“. з) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: мечь. и) Такъ поправляю; въ Комм.; рекше, въ Лавр.: рекоша. i) Вставлено по смыслу. к) Такъ въ Соф. 1-й; въ Лавр.: яко. л) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: первое. м) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: быша. н) Изъ Комм. и Ипат. о) Изъ Комм., Соф. 1-й и Ипат. п) Изъ Комм., Соф. 1-й и Ипат. р) Изъ Комм. и Ипат. с) Изъ Комм. и Ипат. т) „и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи“ изъ Комм.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „и къ старѣишинамъ (своимъ)“. 2) Здѣсь въ Нач. св. читалось: „нъ мы на предьнее възвратимъся“. 3) Въ Нач. св. здѣсь вставлено о прибытіи въ Кіевъ двухъ Варяговъ, Аскольда и Дира (§§ 206[2] и 206[3]).

Въ *си* же времена [1] Словѣне [2] и Кривичи и Меря [3] дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху Словѣномъ *и* Кривичемъ и Мери [а4]; и отъ тѣхъ Варягъ [5] прозъвашася Новъгородьци [б6] *Варягы* [в], прежде бо бѣша Словѣне [г7]. И бысть у *нихъ кънязь* [д8], именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ. И начаша [9] воевати вьсюду [е10] и налѣзоша [ж11] Дънѣпръ рѣку и Смольньскъ градъ; и отътолѣ поидоша вънизъ по Дънѣпру, и придоша къ горамъ Кыевьскымъ, и узьрѣша [з12] городъ Кыевъ, и испыташа, къто въ немь къняжить. И рѣша: «дъва брата, Асколдъ и Диръ». Ольгъ же *потаи воя своя* [и13] въ лодияхъ, и съ малъмь дружины излѣзоша [і14] на брегъ подъ Угърьскымь, творящеся гостьми [к], и съзъваша [л15] Асколда и Дира [м]. Сълѣзъшема же има, выскакаша прочии вои из

а) „Въ си же времена... и Мери“ изъ Комм.; впрочемъ, вм. „въ си же времена“ въ Комм.: „Въ времена же Кыева и Щека и Хорива“. б) См. въ дополн. примѣчаніяхъ. в) Въ Комм.: „прозвашася Русь“, см. § 200[1]. г) „прежде бо бѣша Словѣне“ изъ Лавр., см. § 200[1]. д) Вм. „у нихъ кънязь“ въ Комм.: „у него воевода“, см. § 206. е) „и начаша воевати вьсюду“ изъ свода 1448 года. ж) Комм.: налѣзоста. з) Комм.: узрѣста. и) Вм. „Ольгъ же потаи воя своя“ въ Комм.: „Игорь же и Олегъ творящася мимоидуща, и потаистася“; ср. Лавр.: „похоронивъ вои своя“. і) Комм.: излѣзоста. к) Въ Комм.: „на брегъ, творящася Подугорьскыми гостьми“. л) Комм.: съзваста. м) „и отъ тѣхъ Варягъ... Асколда и Дира“ изъ Комм.

1) Въ Нач. св.: „Въ времена же Кыя и Щека и Хорива“. 2) Въ Нач. св.: „Новъгородьстии людие, рекомии Словѣне“ (§ 202). 3) Въ Нач. св. прибавлено: „Словѣне свою волость имѣли, а Кривичи свою, а Меря свою. къждо своимь родъмь владяше, а Чюдь своимь родъмь“ (§ 202). 4) Въ Нач. св. прибавлено: „и Чюди“ (§ 202); затѣмъ вставленъ разсказъ о призваніи Варяговъ. 5) Въ Нач. св. прибавлено: „находьникъ тѣхъ“ (§§ 200[1] и 204). 6) Извлекаю это „Новъгородьци“ изъ Лавр., Радз., утрач. Троицкой, гдѣ находимъ дважды Новгородцевъ въ фразѣ: „И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля, Новъгородьци ти суть людье Новъгородьци отъ рода Варяжьска“. 7) Въ Нач. св. прибавлено: „и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска“; далѣе сообщалось о смерти Синеуса и Трувора, объ единовластіи Рюрика, о рожденіи и возмужалости Игоря. 8) Въ Нач. св.: „у него воевода“. 9) Въ Нач. св.: начаста. 10) Въ Нач. св. „вьсюду“ опущено. 11) Въ Нач. св.: налѣзоста. 12) Въ Нач. св.: узьрѣста. 13) Въ Нач. св. исправлено, какъ въ Комм. (см. прим. и). 14) Въ Нач. св.: излѣзоста. 15) Въ Нач. св.: съзъваста.

лодии[а][1] на брегъ[2] и убиша Асколда и Дира, и несоша[б] на гору и погребоша *я*[в][3]. И сѣде *Ольгъ*[г][4] къняжа Кыевѣ; и бѣша у него мужи Варязи[д][5], и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же *Ольгъ*[г][4] нача грады ставити и дани устави Варягомъ[6] и Кривичемъ и Мери[е][7].

По сихъ же[8] иде Ольгъ на Грькы и приде къ Цѣсарюграду; и Грьци замъкоша Судъ[ж], а градъ затвориша. И вылѣзе[з] Ольгъ на брегъ[и] и повелѣ извлещи корабля на брегъ, и повоева около града; и мъного убииство сътвориша Грькомъ и разбиша мъногы полаты и църкъви пожьгоша[i]. И повелѣ Ольгъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабля на колеса; и бывъшю покосьну вѣтру, въспяша пърѣ и съ поля идоша къ граду. Видѣвъше[к] же Грьци убояшася и рѣша, высълавъше къ Ольгови: «не погубляи града; имемъся по дань, якоже хощеши». И устави[л] Ольгъ воя, и вынесоша[м] ему брашьно и вино; и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грьци и рѣша: «нѣсть се Ольгъ, нъ святыи Дьмитрии, посъланъ отъ Бога на ны». И заповѣда Ольгъ дань даяти на съто[н] корабль по 12 гривьнѣ на

а) Такъ въ Переясл., Толст. и Троицк. Новгор. 1-й; въ Комм.: „прочіи воины, злодѣи“. б) Такъ въ Толст. и Троицк. Новгор. 1-й; въ Комм.: „і абіе несъше“. в) Вставлено по смыслу. г) Въ Комм.: Игорь. д) Такъ въ Толст. („мужи варязи словени“). е) „Сълѣзъшема же има... и Мери“ изъ Комм. ж) Такъ въ Толст., въ Комм.: съсудъ. з) Въ Комм.: вълѣзъ, въ Ипат. и Переясл.: вылѣзе. и) „на брегъ“ изъ Ипат. и Радз. і) „пожьгоша“ изъ Радз., Ипат. и Соф. 1-й к) Такъ въ Толст., гдѣ, впрочемъ: „и видѣвше“: въ Комм.: „и увидѣвше“. л) Такъ въ Радз. и Хлѣбн., въ Комм.: „и исъстави“. м) Такъ въ Радз. и Переясл., въ Комм.: внесоша. н) Такъ въ Толст., въ Комм.: „на 100, 200“.

1) Въ Нач. св. прибавлено: Игореви. 2) Въ Нач. св. здѣсь вставлена рѣчь Игоря къ Аскольду (§ 206[2]). 3) Въ Нач. св. прибавлены указанія на мѣста погребенія Аскольда и Дира (§ 206[4]). 4) Въ Нач. св.: Игорь. 5) Въ Нач. св. прибавлено: Словѣне (§ 201). 6) Въ Нач. св.: „и дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти“ (§ 201). 7) Въ Нач. св. было прибавлено: „дань даяти Варягомъ, а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже даяше до съмьрти Ярославля“ (§ 201); далѣе сообщено о женитьбѣ Игоря и рожденіи Святослава. 8) Въ Нач. св. здѣсь вставленъ разсказъ о походѣ Игоря на Царьградъ и о приготовленіяхъ Игоря и Олега къ новому походу (§ 69).

чловѣкъ, а въ корабли по сороку мужь[1]. Повѣси же[а] щитъ свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда[2]. И[б] приде Ольгъ Кыеву[3], несы злато и паволокы и вино и овощь и вьсяко узорочие[в]. И прозъваша ѝ Ольгъ[г] вѣщии; бяху бо[д] людие погани и невѣгласи. Иде Ольгъ Новугороду и отътуда[4] за море, и уклюну *ѝ* змия въ ногу, и съ того умьре[е] [5].

По сихъ же Игорь *сѣде*[ж] Кыевѣ **къняжа[6]; и приведе собѣ жену отъ Пльскова, именьмь Ольгу; и бѣ мудра и съмысльна, отъ неяже родися сынъ Святославъ[7]. И бѣ у него воевода, именьмь Свѣнелдъ.** *И иде Игорь на Деревляны и, побѣдивъ я, възложи на ня дань*[з]. *И иде на Угличъ*[и]; **и не въдадяшеться единъ градъ именьмъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва възя ѝ. Бѣша[і]** *же* **сѣдяще Угличи по Дънѣпру вънизъ, и по семь преидоша[к] межю Богъ и Дънѣстръ, и сѣдоша тамо. И примучи Угличѣ, и[л] възложи иа ня дань, и въдасть Свѣнелду[м]; и дасть же дань Деревьскую Свѣнелду; и имаше[н] по чьрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: «се далъ еси единому му-**

а) Изъ Толст. б) Такъ въ Радз. и Переясл. в) „и всяко узорочие" изъ Радз. и Ипат. г) Такъ въ Толст., въ Комм.: **Олга; въ Соф. 1-й и Троицк. Новгор. 1-й „прозваша Олга." д) Такъ въ Радз. и Ипат., въ Комм.: „и бяху." е) „По сихъ же иде Ольгъ... и съ того умьре" изъ Комм. ж) Комм.: „Игорь же сѣдяше". з) См. § 70[2]. и) См. § 70[2]; вмѣсто этого въ Комм.: „и вовя на Древяны и на Угличѣ" читается выше. і) Комм.: „и едва взя. И бѣша". к) Такъ въ Толст. л) Изъ Троицк. Новгор. 1-й. м) Фраза „и примучи... въдасть Свѣнелду" въ Комм. выше, послѣ: „и бѣ у него воевода именьмь Свѣнелдъ". н) Такъ въ Троицк. Новгор. 1-й, въ Комм.: имаша.**

1) Въ Нач. св. прибавлено: „самъ же възя злато... а Словѣномъ кропиины; и бысть тако" (§§ 208 и 209). 2) Въ Нач. св.: приб. „и въспяша пьрѣ... не даны суть Словѣномъ пьрѣ" (§ 208 и 209). 3) Въ Нач. св. прибавлено: „и къ Игорю." 4) Въ Нач. св. прибавлено: „в Ладогу; друзии же съказають, яко идущю ему" (§ 207). 5) Въ Нач. св. прибавлено: „есть могыла его въ Ладозѣ" (§ 207). 6) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „И живяше Игорь, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, къняжа Кыевѣ" (§ 70[2]). 7) Въ Нач. св. фраза „и приведе собѣ жену... сынъ Святославъ" перенесена выше. Все дальнѣйшее въ Нач. св. опущено и замѣнено словами: „И приспѣ осень и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань. Въ лѣто 6453. Рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнельжи", и т. д.

жеви мъного [а]; отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружиемь и пърты, а мы нази; да [б] поиди, къняже, съ нами въ [в] дань, да и ты [г] добудеши и мы». Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева [д] въ дань [е]. (*Затѣмъ сообщалось о нападеніи на Игоря Мьстиши, сына Свѣнельда, вмѣстѣ съ Древлянами*) [1]).

И вышьдъше изъ града Искоростѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его [2]; и погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дьне.

Н а ч а л о к ъ н я ж е н и я С в я т о с л а в л я [ж]. Ольга же бяше Кыевѣ съ сынъмь своимь съ дѣтьскъмь Святославъмь, и кърмильць его и [з] воевода бѣ Асмудъ [и 3]. *И събьраша* [і 4] вои мъногъ и храбръ [к], и *идоша* [л 5] на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу; съньмъшемася обѣма пълкома на съкупь, суну копиемь Святославъ на [м] Деревляны, и копие летѣ сквозѣ уши коневи, и [н] удари въ ногы коневи, бѣ бо дѣтьскъ. И рече Асмудъ [6]: «кънязь уже почалъ; потягнѣте, дружино, по кънязи». И побѣдиша Деревляны, и възложиша на ня дань тяжьку: дъвѣ части дани идета Кыеву, а третияя Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Ользинъ.

И иде Ольга по Деревьстѣ земли съ сынъмь своимь и съ

а) Изъ Толст. и Троицк. Новгор. 1-й. б) Такъ въ Толст. и Хлѣбн., въ Комм.: а. в) Такъ въ Лавр., въ Комм.: на. г) „да и ты“ въ Лавр., въ Комм.: „а ты“ д) „въ Дерева“ изъ Лавр. е) „По сихъ же Игорь сѣде Кыевѣ къняжа... иде въ Дерева въ дань“ изъ Комм. ж) Заглавіе изъ Комм. и Ипат. (помѣщено въ нихъ ниже). з) Изъ Радз. и Комм. и) Въ Лавр.: Свѣнелдъ; а Асмудъ названъ кормильцемъ (§ 219 [8]). і) Въ Лавр. и др.: собра (согласовано съ Ольгой). к) Въ Лавр.: „вои много и храбры“. л) Въ Лавр. и др.: иде. м) Изъ Радз., Ипат. и Комм. н) Изъ Радз. и Ипат.

1) Въ Нач. св. этотъ разсказъ замѣненъ другимъ, начинавшимся словами „и примышляше къ первои дани и насиляше имъ и мужи его“: Игорь, возвращаясь изъ Деревской земли, отпускаетъ свою дружину въ Кіевъ, а самъ съ небольшою дружиной идетъ опять въ дань; Древляне съ княземъ Маломъ требуютъ удаленія Игоря, но онъ не слушаетъ ихъ (§§ 219 [6] и 219 [7]). 2) Въ Нач. св. прибавлено: „бѣ бо ихъ мало“ (§ 219 [7]). 3) Въ Нач. св.: „и кормилець его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнелдъ, тъ же отьць Мьстишинъ“ (§§ 219 [2] и 219 [8]); дальше въ Нач. св. вставленъ разсказъ о мести Ольги (§ 72). 4) Въ Нач. св.: събра. 5) Въ Нач. св.: иде. 6) Въ Нач. св.: Свѣнелдъ и Асмудъ (§ 219 [8]).

дружиною, уставляющи уставы и урокы; суть становища ея и ловища [1] по вьсеи земли [2], и по Дънѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселѣ [3].

По сихъ же иде Ольга въ Грькы и приде Цѣсарюграду; бѣ тъгда цѣсарь именьмь Цѣмьскии [4]. И крьсти ю цѣсарь съ патриархъмь. Просвѣщена же бывъши радовашеся душею и тѣлъмь; и поучи ю патриархъ о вѣрѣ; рече еи: «благословена ты въ Русьскыхъ кънязьхъ [а], яко възлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове Русьстии въ послѣдьнии родъ вънукъ твоихъ». И заповѣда еи о цьркъвьнѣмь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздьржании тѣла чиста; она же, поклонивъши главу, стояше, акы губа напаяема, вънимающи учения; и [б] поклонися [в] патриарху, глаголющи: «молитвами твоими, владыко, да съхранена буду отъ сѣти неприязньны». Бѣ же наречено [г] имя еи въ крьщении Елена, якоже и древьняя цѣсарица, мати великаго Костянтина. Благослови ю патриархъ и отъпусти ю [5], нарекъ ю дъщерию собѣ. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домъ; и рече ему: «людие мои погани и сынъ мои; да бы мя Богъ съблюлъ отъ вьсякого зъла». И рече еи [д] патриархъ: «чадо вѣрьное! въ Христа крьстилася еси и въ Христа облечеся, Христосъ имать съхранити тя; якоже съхрани Еноха въ пьрвыя роды и по томь Ноя въ ковьчезѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моусѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, три отрокы отъ пещи, Данила отъ звѣрии, тако и тя избавить отъ неприязни и отъ сѣтии его». Благослови ю патриархъ, и иде съ миръмь въ свою землю. И приде Кыеву. Се же бысть [6] въ лѣто 6463 [7].

а) Изъ Ипат., а въ Радз., Соф. 1-й и Комм.: женахъ (въ Лавр. опущено). б) Изъ Радз. и Комм. в) Такъ поправляю вмѣсто „поклонивъшися“. г) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: речено. д) Изъ Комм.

1) Въ Нач. св. прибавлено о возвращеніи Ольги и Святослава въ Кіевъ (§ 73) и, затѣмъ, подъ 6455 г. о походѣ Ольги въ Новгородскую землю (§§ 73 и 116). 2) Здѣсь продолженіе вставки о поѣздкѣ Ольги въ Новгородскую землю. 3) Въ Нач. св. прибавлено о возвращеніи Ольги въ Кіевъ. 4) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ народнаго преданія (§ 74). 5) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 74). 6) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§§ 74[1] и 114[1]) и далѣе еще другая вставка (§ 74). 7) Въ Нач. св. слова „въ лѣто 6463“ перенесены въ начало статьи.

Живяше же Ольга съ сынъмь своимь Святославъмь, и учашеть ѝ мати крьститися; и небрежаше [а] того, ни въ [б] уши [1] вънимаше того, глаголя: «како азъ хощю инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣятися начьнуть». Аще *бо* [в] къто хотяше волею [г] крьститися, не браняху, нъ ругахуся тому. Невѣрьнымъ бо вѣра хрьстияньска уродьство есть [*]; не съмыслиша бо, ни разумѣша въ тьмѣ ходящии [2] [**]. Она же рече [д] ему: «аще ты крьстишися, вьси имуть то же творити [е]». Онъ же не послуша матере; творяше нравы поганьскыя, не вѣды, аще къто матере не послушаеть, въ бѣду въпадаеть; якоже рече: аще къто отьца ли матере не послушаеть, съмьрть прииметь [3] [***]. Нъ обаче любляше Ольга сына своего Святослава, рекущи: «воля Божия да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Русьскыѣ, да възложить имъ на сьрдьце обратитися къ Богу, якоже и мънѣ Богъ дарова». И се рекъши, моляшеся за сына и за люди по вься нощи и дьни, кърмящи сына своего до мужьства его и до възраста его.

Кънязю Святославу възрастъшю и възмужавъшю, нача вои съвъкупляти мъногъ и храбръ [ж]; бѣ бо самъ храбръ [з] и льгъкъ [и] [4], акы пардусъ; воины мъногы творяше [5], а [і] возъ по собѣ не вожаше, ни котьла, ни мясъ варя, нъ по тънъку изрѣзавъ конину

а) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: „не бѣжаше“. б) Изъ Радз. и Комм. в) Вставлено по смыслу (§ 114 [2]). г) Изъ Комм., Соф. 1-й и Ипат. д) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: нарече. е) Такъ въ Ипат., Радз., Соф. 1-й и Комм.; въ Лавр.: сътворити. ж) Такъ поправляю, въ Лавр.: „многи и храбры“. з) „бѣ бо самъ храбръ“ изъ Комм., Ипат. и Соф. 1-й. и) Такъ въ Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр.: легъко. і) Изъ Комм.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „вънимаше, нъ аще къто хотяше... въ тьмѣ ходящии“ (см. ниже), далѣе еще: „и не вѣдять славы Господня, одебелѣша бо сьрдьца ихъ... аще ты познаеши и радоватися почьнеши. Онъ же не“ (§ 114 [2]). 2) Слова „Аще къто хотяше... въ тьмѣ ходящии“ перенесены въ Нач. св. выше (см. предыдущее прим.). 3) Въ Нач. св. прибавлено: „Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече... да не възненавидять тебе“ (§ 114 [2]). 4) Въ Нач. св.: „льгъкъ ходя“. 5) Въ Нач. св.: „творяше ходя“.

*) 1 Кориное. I. 18. **) Пс. LXXXI. 5. ***) Лев. XX. 9.

ли, звѣрину ли, грядину [а] на угъльхъ испекъ ядяше [б]; ни шатьра имяше, нъ подъкладъ постьлавъ и седьло въ головахъ; тако же и прочии вои его вьси бяху. И [в] посылаше къ странамъ, глаголя: «хощю на вы ити».

И иде [1] на Вългу *на Козары* [г]. И налѣзе Вятичѣ, и рече Вятичемъ: «кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по щьлягу отъ рала дань [д] даемъ» [2]. Слышавъше же Козаре изидоша противу съ кънязьмь своимь каганъмь и съступишася обои [е], и бывъши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю възя, [Ясы побѣди и Касогы] *, и приведе къ [ж] Кыеву [з] [3] Вятичѣ [4] и дань на ня възложи.

По сихъ же иде Святославъ на Дунаи на Българы. Бивъшемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Българомъ и възя городъ 80 по Дунаеви. Сѣде къняжа ту Переяславьци, емля дань на Грьцѣхъ.

По семь же придоша Печенѣзи на Русьску землю първое, а Святославъ бяше Переяславьци; и затворися Ольга [и] съ вънукы своими, Яропълкъмь и Ольгъмь и Володимеръмь, въ градѣ Кыевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бещисльно мъножьство около града [5], и не бяше льзѣ коня напоити на Лыбеди Печенѣгы [і]. И посълаша Кыяне къ Святославу, глаголюще: «ты, къняже, чюжея земля ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ; малы бо насъ не възяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твоя; аще не поидеши,

---

а) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „или говядину". б) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: ядяху. в) Изъ Ипат., Радз., Соф. 1-й и Комм. г) Вставлено по смыслу. д) Изъ Комм. е) Такъ въ Соф. 1-й: такъ поправляю вм. „битъ" Лавр., ср. „на бои" Комм., „обои полцѣ" Толст. ж) Изъ Толст. и Троицк.-Новг. 1-й. з) „и приведе Кыеву" изъ Комм. и) Въ Лавр.: „Волга въ градѣ", но „въ градѣ" опущено въ Толст., Соф. 1-й, Хлѣбн., Переясл. и др. і) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: Печенѣзи.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „на Оку рѣку и" (§ 80). 2) Въ Нач. св. прибавлено: „Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары" (§ 80). 3) Въ Нач. св. прибавлено: „Въ лѣто 6474". 4) Въ Нач. св. прибавлено· „побѣди Святославъ" (§ 80). 5) Въ Нач. св. вставленъ разсказъ о подвигѣ смѣлаго юноши и появленіи Претича (§ 85).

*) Это вставлено позднѣйшимъ редакторомъ (§ 234).

ни обраниши насъ, да пакы ны възьмуть; аще ти не жаль отьчины своея, ни матере, стары сущя, и дѣтии своихъ?» То слышавъ Святославъ въбързѣ въсѣде на конѣ съ дружиною своею и приде Кыеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывъшемь отъ Печенѣгъ. И събьра вои и прогъна Печенѣгы въ поле[а]. *Се же* бысть[1] въ лѣто 6477.

И[б] рече Святославъ къ матери своеи и къ бояромъ своимъ: «не любо ми есть Кыевѣ быти, хощю жити Переяславьци въ Дунаи, яко то есть среда земли моеи, яко ту вься благая сходяться: отъ Грькъ злато, паволокы, вина, овощеве разноличьни, ис Чехъ же и[в] из Угъръ[г] сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Ольга: «видиши ли[д] мя больну[е] сущю; камо хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «погребъ мя, иди яможе хощеши». По трьхъ дьньхъ умьре Ольга. И плакася по неи сынъ ея и вънуци ея и людие вьси плачьмь великъмь; и[ж] несъше[з] погребоша ю[и] на мѣстѣ *у града Кыева*[і][2]. И бѣ[к] заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою: бѣ бо имущи презвутеръ; сии похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущи хрьстияньстѣ земли акы дьньница предъ сълньцьмь и акы заря предъ свѣтъмь сияше[л] *и* акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрьныхъ чловѣцѣхъ свѣтяшеся[м], акы бисьръ въ калѣ: кальни бо бѣша грѣхы[н], не омъвени крещениемь святымь. Си бо омыся купѣлию святою и съвлечеся грѣховьныя одежда[о] ветъхаго чловѣка Адама и въ новыи Адамъ

а) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: „в поли". б) Изъ Комм. и Моск.-Акад. в) Изъ Толст. и Ипат. г) Въ Лавр. ошибочно: „из урогъ". д) Изъ Комм. и Ипат. е) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: болное. ж) Изъ Комм. и Ипат. з) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: „несоша и". и) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: и. і) Вставлено по сравненію съ разсказами объ убіеніи Игоря и объ убіеніи Олега. к) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: бо. л) Въ Лавр. и Соф. 1-й: „си бо сьяше", въ Комм.: „ибо сиаше". м) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: свѣтящеся. н) Такъ въ Моск.-Акад.; въ Лавр.: грѣхъ; ср. въ Соф. 1-й: грѣхи (В.), грѣхми (К. О.), въ Комм.: грѣхомъ. о) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „грѣховною одежевъ".

1) Въ Нач. св. передѣлано въ: „и бысть миръ". 2) Въ Нач. св.: „у града Кыева" опущено.

облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рьцѣмъ къ неи: радуися, Русьское познание къ Богу, начатъкъ примирению *бысть*[а]. Си пьрвое вънидe въ цѣсарьство небесьное отъ Руси, сию бо хвалять Русьстии кънязи и[б] *людие*[в] акы начальницю: ибо по съмьрти моляше Бога за Русь. Правьдьныхъ бо душа не умирають, якоже рече Соломонъ: похваляему[г] правьдьному възвеселяться людие*; бесъмьртьна[д] бо есть память его, яко отъ Бога познаваеться и отъ чловѣкъ. Сию[е] бо вьси чловѣци прославляють, видяще лежащю[ж] въ тѣлѣ на мънога лѣта; рече бо Пророкъ: прославляющая мя прославлю**. О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: въ память вѣчьную[з] правьдьникъ будеть, отъ слуха зъла не убоиться; готово сьрдьце его упъвати на[и] Господа, утвьрдися сьрдьце его, и не подвижеться[і] ***.

Посемь же Святославъ посади Ярополка Кыевѣ, Ольга[2] въ Деревѣхъ, *а Володимера Новѣгородѣ*[1][3]. *И иде*[к] Святославъ Переяславьцю[4], и затворишася Българе въ градѣ. И излѣзоша Българе на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одалаху Българе. И рече Святославъ воемъ своимъ: «уже намъ сьде пасти; потягнѣмъ мужьскы, братие и дружино!» И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копиемь; и рече: «се градъ мои!»[л] И посъла къ Грькомъ, глаголя: «хощю на вы ити

а) Исправлено по смыслу; въ Лавр. и др.: быхомъ. б) „кънязи и“ изъ Комм. в) Такъ поправляю вмѣсто „сынове“ (Лавр. и Комм.) на основаніи сходнаго мѣста въ похвалѣ Владиміру. г) Такъ въ Толст., Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр. и Комм.: похвала. д) Такъ въ Троицк.-Новгор. 1-й; въ Лавр.: бесмертие. е) Такъ поправляю, ср. выше: „сию бо хвалять“; во всѣхъ спискахъ вмѣсто „сию“—„се“. ж) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „видяща ляжащая“. з) Изъ Комм. и Радз. и) Изъ Комм. и Радз. і) Возстановляю по догадкѣ (§ 117). к) То же (§ 117). л) „и рече: се градъ мои“ изъ Комм. и Ипат.

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка (§ 114[3]). 2) Въ Нач. св.: „а Ольга“. 3) Вмѣсто „а Володимера Новѣгородѣ“ въ Нач. св. вставка о приглашеніи Владиміра въ Новгородъ Новгородцами (§ 117). 4) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переяславьць“.

* Притч. XXIX. 2. ** 1 Царств. II. 30. *** Пс. CXI. 6—8.

и[а] възяти градъ вашь, яко и сии». И рѣша Грьци: «мы недужи противу вамъ стати, нъ възьми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да въдамы по числу на главы». Се же рѣша Грьци, льстяще подъ Русию. И рече имъ Святославъ: «есть насъ 20 тысящь»; и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только[б]. И пристроиша Грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на Грькы, и изидоша противу Руси. Видѣвъше же Русь убояшася зѣло мъножьства вои, и рече Святославъ: «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Русьскыѣ, нъ лязѣмъ костьми; мьртви бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, нъ станѣмъ крѣпъко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжеть, то промыслите собою!» И рѣша вои: «идеже глава твоя, ту и своя главы съложимъ». И испълчишася Русь и Грьци противу, и съразистася пълка, и оступиша Грьци Русь[в], и бысть сѣча велика; и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци. И поиде Святославъ къ граду, воюя и грады разбивая, иже стоять пусти[г] и до дньшьняго дьне[1]. И посъла цѣсарь, глаголя сице: «не ходи къ граду, възьми дань на насъ[д], еже хощеши»; за малъмь бо бѣ не дошьлъ Цѣсаряграда. И[е] даша ему дань; имашеть же и за убиеныя, глаголя: «яко родъ его възьметь». Възя же и дары мъногы, и възвратися въ Переяславьць съ похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ: «еда како прельстивъше избиють дружину мою и мене», бѣша бо мънози погыбли на пълку. И рече: «поиду въ Русь, приведу боле дружины». И[ж] поиде въ лодияхъ[2]. И посълаша Переяславьци къ Печенѣгомъ, глаголюще: «се идеть вы Святославъ въ Русь, възьмъ имѣние мъного у Грькъ и полонъ бещисльнъ, съ малъмь[з] дру-

---

а) Изъ Радз., Ипат. и Соф. 1-й. б) Такъ въ Радз., въ Лавр.: то. в) Слова: „и Грьци противу, и съразистася пълка, и оступиша Грьци Русь“ изъ Комм., Толст. и Ипат. г) Изъ Комм. и Радз. д) Слова: „на насъ“ изъ Комм. и Соф. 1-й. е) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: ибо. ж) Изъ Радз. и Комм. з) Въ Лавр.: малыми.

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка (§ 89). 2) Въ Нач. св. здѣсь вставка о Свѣнельдѣ (§ 219[9]).

жины». Слышавъше же се Печенѣзи заступиша порогы. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережии; и не бѣ у нихъ брашьна уже, и бысть гладъ великъ, яко по полугривьнѣ глава коняча. И зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши, поиде Святославъ въ порогы, и нападе на нь Куря, кънязь Печенѣжьскыи; и убиша Святослава, възяша главу его, и въ лъбѣ его съдѣлаша чашю, оковавъше[а] лъбъ его, и пияху по немь[1].

Къняжение Яропълче[б]. А Яропълкъ *сѣде*[в] къняжа Кыевѣ. И воевода бѣ у него Блудъ[г][2]; и мълвяше вьсьгда Яропълку[3]: «поиди на Ольга, брата своего[д][4], и преими власть его»[5]. Поиде Яропълкъ[6] на Деревьску землю, и изиде противу его Ольгъ, и въпълчистася[е]; и съразивъшемася[ж] пълкома, побѣди Яропълкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомыи Вьручии, бяше чресъ гроблю мостъ къ вратомъ градьнымъ; тѣснящеся другъ друга пихаху въ гроблю; и съпьхнуша Ольга съ мосту въ дьбрь; падаху людие мънози, и удавиша ѝ[з] кони и[и] чловѣци. И въшьдъ Яропълкъ въ градъ Ольговъ, прея[і] власть его. И посъла искатъ брата своего; искавъше его, не обрѣтоша. И рече единъ Деревлянинъ: «азъ видѣхъ, яко вьчера съпьхнуша съ мосту». И посъла Яропълкъ искатъ брата, и влачиша трупие изъ гроблѣ отъ утра и до полудьне; и налѣзоша Ольга выисподи трупия; вынесоша[к] ѝ, и положиша ѝ на ковьрѣ. И приде

а) Въ Лавр.: оковаше. б) „Къняжение Яропълче“ изъ Комм. и Троицк.-Новгор. 1-й. в) Въ Комм.: же; исправляю по смыслу. г) „А Яропълкъ... у него Блудъ“ изъ Комм. д) „на Ольга брата своего“ извлекаю ихъ дальнѣйшаго, въ Лавр. и Комм.: „на братъ свои“. е) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: вполчишася. ж) „и съразивъшемася“ изъ Комм. и Радз.; въ Лавр.: ративъшемася. з) Изъ Комм. и) Изъ Комм. и Соф. 1-й. і) Такъ въ Переясл.; въ Лавр.: перея, въ Комм. и Радз.: прия. к) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: внесоша.

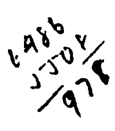
1) Въ Нач. св. прибавлено: „Свѣнелдъ же приде Кыеву къ Яропълку“. 2) Въ Нач. св. вмѣсто „Къняжение Яропълче... у него Блудъ“ указаніе на число лѣтъ княженія Святослава, и затѣмъ: „Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ“; далѣе слѣдуетъ пустой 6482 годъ, наконецъ, подъ 6483 разсказывается объ убіеніи Олегомъ Люта Свѣнельдича (§§ 177, 182, 219 и 219[1]). 3) Въ Нач. св. по связи съ предыдущимъ прибавлено: Свѣнелдъ. 4) Въ Нач. св.: „поиди на братъ свои“ (§ 219). 5) Въ Нач. св. прибавлено: „хотя отъмьстити сыну своему“. 6) Въ Нач. св. прибавлено: „на Ольга, брата своего“.

Ярополкъ надъ нь и[а] плакася, и рече *Блуду*[б]: «яжь[в] сего ты, еже еси хотѣлъ!» И погребоша Ольга на мѣстѣ у града Вьручаго, и есть могыла его и до сего дьне у Вьручаго[1]. Слышавъ же се Володимеръ Новѣгородѣ[2], убоявъся, бѣжа за море. И прея власть его Ярополкъ[г 3] *и* посадьникы своя посади Новѣгородѣ. И бѣ владѣя единъ въ Руси.

Въ лѣто 6486.[д] Начало къняжения Володимеря[е]. Приде Володимеръ съ Варягы Новугороду и рече посадьникомъ Ярополчемъ: «идѣте къ брату моему и рьцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраиваися противу битъся»[4]. И събьра вои мъногъ[ж], Варягы и Словѣны[5] и Кривичѣ[6], и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Кыеву[7], и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Кыевѣ съ людьми своими и съ Блудъмь[8]. Володимеръ же посъла къ Блуду съ льстию, глаголя: «поприяи ми; аще убию брата своего, имѣти тя хощю въ отьца мѣсто, и мъногу чьсть възьмеши отъ мене; не азъ бо почахъ братию бити, нъ онъ; азъ же, того убоявъся, придохъ на нь». И рече Блудъ къ посъломъ Володимеремъ: «азъ буду тобѣ въ сьрдьце и въ приязньство». О зълая льсть чловѣчьска! Якоже Давыдъ глаголеть: яды и хлѣбъ мои възвеличилъ есть на мя льсть. Сь убо[з] лукавьствоваше на къназя своего льстию. И пакы: языкы своими

а) „надъ нь и" изъ Соф. 1-й и Ипат.; въ Лавр.: „надъ немь". б) Вставлено по смыслу; въ Комм. и др.: „и рече Свѣнельду"; въ Лавр. „и рече Свѣнельду" опущено (см. § 219). в) Такъ въ Переясл., Комм., Соф. 1-й и сводѣ 1423 года (§ 182); въ Лавр.: вижь. г) Слова: „И прея власть его Ярополкъ" извлечены изъ предыдущаго текста Лавр., Комм. и др. (ср. ниже, прим. 1). д) Вставлено предположительно; въ Нач. св.: „Въ лѣто 6488" (ср. §§ 11 и 104). е) Это заглавіе изъ Комм. и Соф. 1-й. ж) Въ Лавр. и др. и многи. з) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: бо.

1) Въ Нач. св. вставлено: „И прея власть его Ярополкъ", а затѣмъ, о женѣ Ярополковой. 2) Въ Нач. св. вставлено, въ виду предыдущей вставки: „яко Ярополкъ уби Ольга". 3) Въ Нач. св. это перенесено выше (см. прим. 1). 4) Въ Нач. св. вставка разсказа о Рогнѣдѣ (§§ 103, 118 и 184[4]). 5) Въ Нач. св. прибавлено: Чюдь; въ Древн. св. стояло вм. этого, быть можетъ: „и Мерю". 6) Продолжается вставка разсказа о Рогнѣдѣ. 7) Въ Нач. св. прибавлено: „съ вои многы". 8) Здѣсь въ Нач. св. вставка съ указаніемъ, гдѣ стоялъ Владиміръ (см. дополн. прим.). 9) Въ Нач. св. прибавлено: „воеводѣ Ярополчю".



льщахуся[а]; суди имъ, Боже, да отъпадуть отъ мыслии своихъ по мъножьству нечьстия ихъ; изрини я[б], яко прогнѣваша тя, Господи**. И пакы тъи же рече Давыдъ: мужь кръвии и[в] льстивъ не преполовить[г] дьнии своихъ***. Сь есть съвѣтъ зълъ, иже съвѣщевають на кръвопролитие; то суть неистовии, иже приимъше отъ кънязя или отъ господина своего чьсть ли дары, ти мыслять о главѣ кънязя своего на погубление; горьше суть бѣсовъ таковии: якоже и[д] Блудъ преда кънязя своего, приимъ отъ него чьсти мъногы; сь бо бысть повиньнъ кръви тои. Сь бо Блудъ, затворивъся[е] съ Ярополкъмь, сълаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранию, а самъ мысля убити Ярополка; гражданы же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити ѝ, замысли льстию, веля ему не[ж] излазити на брань из града. Льстя же рече[з] Блудъ Ярополку: «Кыяне сълються къ Володимеру, глаголюще: приступаи къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ; избѣгъ предъ нимь, затворися въ градѣ Родьни на устии[и] Ръси[і]. А Володимеръ въниде въ Кыевъ. И осѣде Ярополка въ Родьни, и бѣ гладъ великъ въ немь; и[к] есть притъча до сего дьне: бѣда акы въ Родьни. И рече Блудъ Ярополку: «видиши ли[л], колько вои у брата твоего? нама ихъ нѣ пребороти; твори миръ съ братъмь своимь», льстя подъ нимь се рече. И рече Ярополкъ: «тако буди!» И посъла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: «яко събысться мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрои убити ѝ». Володимеръ же то слышавъ, въшьдъ въ дворъ теремьныи

а) Такъ въ Соф. 1-й; въ Лавр.; льстяхуся. б) Такъ въ Комм. и др.; въ Лавр.: „и зрѣнья ихъ“. в) Такъ поправляю; въ Акад.: „крове и“; въ Лавр.: „въ крови“. г) Такъ поправляю; въ Лавр.: „не приполовить“; ср. Хлѣбн., Соф. 1-ю и Моск.-Акад.: „не преполовять“. д) Изъ Комм., Ипат. и Соф. 1-й. е) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз.; въ Лавр.: затворися. ж) Изъ Комм. и Ипат. з) Въ Лавр.: „льстяче же“, въ другихъ: „рече же“. и) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: усть. і) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: рѣки. к) Изъ Комм., Ипат. и Радз. л) Изъ Комм., Соф. 1-й, Ипат. и Радз.

* Пс. XL. 10. ** Пс. V. 10—11. *** Пс. LIV. 24.

отьнь [1], сѣде ту съ дружиною своею. И рече Блудъ Яропълку: «поиди къ брату своему и рьци ему: чьто ми ни въдаси, то азъ прииму». И [а] поиде Яропълкъ; рече же ему Варяжько: «не ходи, къняже, убиють тя; побѣгни въ Печенѣгы и приведеши вои [б]». И не послуша его. И приде Яропълкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двьри, подъяста ѝ дъва Варяга мечема [в] подъ пазусѣ; Блудъ же затвори двьри и не да по немь ити своимъ; и тако убиенъ бысть Яропълкъ. Варяжько же видѣвъ, яко убиенъ бысть Яропълкъ [г], бѣжа съ двора въ Печенѣгы и мъного воева на Володимера съ Печенѣгы [д]; и едва привабѝ ѝ, заходивъ къ нему ротѣ. У Яропълка же жена Грькыни бѣ, и бяше была прежде [е] чьрницею, юже бѣ [ж] привелъ отьць его Святославъ, и въда ю за Яропълка красоты ради лица ея [з] [2]. Володимеръ же залеже жену братьню [3], и бѣ непраздьна, отъ неяже родися Святопълкъ [4]; тѣмь же [и] и отьць его не любляше, бѣ бо отъ дъвою отьцю, отъ Яропълка и отъ Володимера.

По семь рѣша Варязи Володимеру: «се градъ нашь; и [і] мы преяхомъ я, да хощемъ имати окупъ на нихъ, по дъвѣ гривьнѣ отъ чловѣка». И рече имъ Володимеръ: «пожьдѣте, даже вы куны съберуть, за мѣсяць». Жьдаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: «съльстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Грькы»; онъ же рече имъ: «идѣте». И избьра отъ нихъ мужа

а) Изъ Комм. б) Изъ Радз., въ Лавр.: ми. в) Такъ въ Радз., въ Лавр.: мечьми. г) Варяжько... Яропълкъ изъ Комм. и Радз. д) „и мъного... съ Печенѣгы“ изъ Комм. и Радз. е) Изъ Комм. и Соф. 1-й. ж) „юже бѣ“ изъ Комм. и Ипат., въ Лавр. „бѣ бо“. з) „У Яропълка же жена... лица ея“ въ Лавр. и др. выше. и) Изъ Комм. и Ипат. і) То же.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „о немь же преже съказахомъ (ср. въ Нач. св. подъ 6453, въ разсказѣ о первой мести Ольги); что это вставка, заключаю изъ того, что и разсказъ объ Ольгиной мести вставленъ. 2) Слова „У Яропълка же... красоты ради лица ея“ перенесены въ Нач. св. выше, подъ 6485 годъ, ср. стр. 552, пр. 1-е 3) Въ Нач. св. прибавлено „Грькыню“. 4) Слѣдующія затѣмъ слова: „Отъ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть; понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣичичь бысть убо“ я считаю вставкой; иначе непонятенъ смыслъ слѣдующихъ затѣмъ словъ. За что же собственно не любилъ Владиміръ Святополка?

добры и[а] съмысльны и храбры[б], и раздая имъ грады; прочии же идоша Цѣсарюграду въ Грькы. И посъла предъ ними сълы, глаголя сице цѣсарю: «се, идуть къ тобѣ Варязи, не мози ихъ държати въ градѣ, оли то сътворять ти зъло, яко и сьде, нъ расточи я разно, а сѣмо не пущаи ни единого».

И нача къняжити Володимеръ Кыевѣ единъ, и постави кумиры на хълму вънѣ двора теремьнаго [1], и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старьци и бояре: «мещимъ жребии на отрока и дѣвицю; на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ». И[в] бяшеть Варягъ единъ, бѣ дворъ его, идеже есть цьркы святыя Богородица, юже съдѣла Володимеръ; бѣ же Варягъ тъи пришьлъ изъ Грькъ, и[в] държаше въ таинѣ[г] вѣру хрьстияньску; и бѣ у него сынъ красьнъ лицьмь и душею; на сего паде жребии по зависти дияволи. Не търпяшеть бо дияволъ, власть имы надъ вьсѣми, и сь бяшеть ему акы тьрнъ въ сьрдьци, и[в] тъщашеся потребити оканьныи, и наусти люди. Рѣша пришьдъше посълании къ нему: «яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и̑ бози собѣ, да сътворимъ потребу богомъ». И рече Варягъ: «не суть то[д] бози, нъ древо; дьньсь есть, а утро изгниеть; не ядять бо, ни пиють, ни мълвять, нъ суть дѣлани руками въ древѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяються, иже сътвори[е] небо и землю, звѣзды и луну и сълньце и чловѣка, и[ж] далъ есть ему жити на земли; а си бози чьто съдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамь сына своего бѣсомъ». Они же шьдъше повѣдаша людьмъ; они же, възьмъше оружие, поидоша на нь и разъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣньхъ съ сынъмь своимь. Рѣша ему: «въдаи сына своего, да въдамы богомъ». Онъ же рече: «аще суть бози, то единого себе посълють бога, да имуть сынъ мои; а вы чему претребуете?» И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ

а) Изъ Радз. б) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз., въ Лавр.: добры. в) Изъ Комм. и Радз. г) „въ таинѣ“ изъ Комм. и Ипат. д) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз., въ Лавр.: бо. е) Такъ въ Акад., въ прочихъ: створилъ. ж) Изъ Комм. и Радз.

1) Засимъ до конца статьи 6488 въ Нач. св. вставки (§§ 94, 114[1], 95, 96, 119). О связи въ Древн. сводѣ начала княженія Владиміра и сказанія о первыхъ мученикахъ сказано въ §§ 11 и 104; Нач. св. перенесъ это сказаніе ниже, подъ 6491 годъ.

нима, и тако побиша я, и не съвѣсть никътоже, къде положиша я. Бяху бо тъгда чловѣци невѣгласи и погани. Дияволъ радовашеся сему, не вѣды, яко близь погыбѣль хотяшеть[а] быти ему. Тако бо и преже[б] тъщашеся погубити родъ хрьстияньскыи, нъ прогонимъ бяше крьстъмь чьстьнымь въ инѣхъ[в] странахъ, сьде же мьняшеся оканьныи: яко сьде ми есть жилище, сьде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли; не вѣды пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя *; о апостолѣхъ бо рече: въ вьсю землю изидоша вѣщания ихъ, и въ коньць вьселеныя глаголи ихъ **. Аще и тѣлъмь апостоли не суть сьде[г] были, нъ учения ихъ акы трубы гласять по вьселенѣи въ цьркъвахъ, ихъже[д] учениемь побѣждаемъ противьнаго врага, попирающе подъ нозѣ, якоже попьраста и сия отьника[е], приимъша вѣньць небесьныи съ святыми мученикы и съ[ж] правьдьникы.

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ[з] къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Чьрвенъ и ины грады, иже[и] суть и до сего дьне подъ Русию.

Въ лѣто 6490.[1] Володимеръ[і] Вятичѣ побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отьць его имаше[2].

Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и възя землю ихъ[3].

Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичѣ. Бѣ у него воевода Вълчии Хвостъ, и посъла Володимеръ предъ собою Вълчия Хвоста; и[к] сърѣте я на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичѣ Вълчии Хвостъ; тѣмь и Русь коряться Радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци

а) Такъ въ Соф. 1-й; въ Лавр.: хотяше б) „и преже“ изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й. в) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „и въ онѣхъ“. г) Такъ въ Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр.: не. д) Такъ въ Акад., Радз., Хлѣбн.; въ Лавр.: имьже. е) Такъ поправляю; Лавр.: отѣника. ж) Изъ Комм. и Ипат. з) Изъ Комм. и Радз. и) Такъ въ Радз.; въ Лавр. и Комм.: еже. і) Вставлено по смыслу. к) Изъ Комм. и Радз.

1) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ семь же лѣтѣ и“. 2) Здѣсь въ Нач. св. подъ 6490 г. вставлено о второмъ походѣ на Вятичей (§ 103). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставлены слова „и иде Кыеву“, и затѣмъ помѣщено сказаніе о первыхъ мученикахъ, читавшееся въ Древнѣйшемъ сводѣ выше.

*) Ос. II. 23 и Римл. IX. 25. **) Пс. XVIII. 5.

вълчия хвоста бѣгають». Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешьдъше ту ся въселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дьне.

Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Българы [1] въ лодияхъ, а Търкы берегъмь приведе на конихъ; и побѣди Българы [2]. И сътвори миръ Володимеръ съ Българы, и ротѣ заходиша межю собою [а], и рѣша Българе: «толи не будеть межю нами мира, оли-же [б] камень начьнеть плавати, а хмель грязнути [в]». И приде Володимеръ Кыеву.

Въ лѣто 6494. Придоша Българе вѣры Бохъмичѣ, глаголюще: «яко ты кънязь еси мудръ и съмысльнъ, нъ [г] не вѣси закона, да [д] вѣруи въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «како есть вѣра ваша?». Они же рѣша: «вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды таиныя и свинины не ясти, вина не пити; и по съмьрти же, рече, съ женами по-хоть творити блудьну [е]; дасть Бохъмитъ комужьдо по седмидесять женъ красьнъ и [ж] изберетъ едину красьну, и вьсѣхъ красоту възложить на едину, та будеть ему жена; сьде же, рече, достоить блудъ творити вьсякъ, на семь свѣтѣ; аще къто будеть богатъ сьде, то и тамо [з], аще ли есть убогъ сьде [и], то и тамо»; и ина мънога льсть, еяже нѣ лзѣ пьсати срама ради. Володимеръ же послушаше [і] ихъ [3] сладъко; нъ се ему бѣ нелюбо о обрѣзании [к] удовъ и о неядении мясъ свиныхъ, а о питии отинудь. *И отъпусти я* [л], рекъ [м]: «Руси есть веселие питие, не можемъ бес того

а) Такъ въ Комм., Ипат., Радз. и Соф. 1-й; въ Лавр.: собѣ. б) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Соф. 1-й: оли; въ Лавр.: елико, въ Комм.: „елико же". в) Такъ въ Комм., Соф. 1-й, Радз., Ипат.; въ Лавр.: „почнеть тонути". г) Изъ Соф. 1-й. д) Такъ въ Соф. 1-й, Радз., Ипат., Комм.; въ Лавр. „но". е) „и по съмьрти же... творити блудьну" изъ Комм. и Радз. ж) Изъ Комм. и Радз. з) Слова „аще къто... то и тамо" изъ Комм. и Соф. 1-й. и) Такъ въ Комм. и Соф. 1-й; въ Лавр.: „аще буде кто убогъ". і) Такъ въ Комм., въ Лавр.: слушаше. к) Слова „о обрѣзании" изъ Комм., въ Лавр. и Соф. 1-й: обрѣзанье. л) Вставляю по смыслу. м) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: рька, въ Переясл.: „и рече".

1) Здѣсь вставлено въ Нач. св.: „съ Добрынею, съ уемъ своимъ" (§ 120). 2) Здѣсь вставка въ Нач. св. (§ 120). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „бѣ бо самъ любя жены и блужение мъногое, послушаше ихъ" (ср. § 95).

быти». По томь же придоша Нѣмьци [1], посълании отъ папежа, и рѣша ему: «реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша: вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемъся Богу, иже сътвори [а] небо и землю, звѣзды, мѣсяць и вьсяко дыхание, а бози ваши древо суть». Володимеръ же рече: «како [б] заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «поцение по силѣ; аще къто пиеть или ясть, то вьсе въ славу Божию *, рече учитель нашь Павьлъ». Рече же Володимеръ Нѣмьцемъ: «идѣте опять, яко отьци наши сего не прияли суть». Се слышавъше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: «слышахомъ, яко приходиша Българе и хрьстияне, учаще тя къжьдо [в] вѣрѣ своеи; хрьстияне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исаакову, Ияковлю». И рече Володимеръ: «чьто есть законъ вашь?» Они же рѣша: «обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «то къде есть земля ваша?» Они же рѣша: «въ Иерусалимѣ». Онъ же рече: «то тамо ли есте [г]?» Они же рѣша: «разгнѣвася Богъ на отьца наша и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрьстияномъ». Онъ же рече: «то како вы инѣхъ учите [д], сами отъвьржени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда и [е] намъ то же мыслите прияти?».

По семь же присълаша Грьци къ Володимеру философа Кирила [ж], глаголюща [з] сице: «слышахомъ, яко приходили суть Българе, учаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра осквьрняеть небо и землю,

---

а) Такъ въ Ипат., Радз. и Комм.; въ Лавр.: сътворилъ. б) Такъ въ Радз. и нѣк. спискахъ Соф. 1-й; ср. выше „како есть вѣра ваша?"; въ Лавр.: кака. в) Такъ въ Ипат.; въ Комм.: когождо; въ Лавр.: „кто же". г) Такъ въ Хлѣбн. и нѣк. спискахъ Соф. 1-й; въ Лавр. и Комм.: есть. д) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: учители. е) Изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й. ж) Вставлено изъ свода 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4 й), см. §§ 174 и 107. з) Такъ въ Моск.-Акад.; въ Лавр.: глаголюще.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „глаголюще: придохомъ".

* 1 Коринѳ. X. 31.

иже суть прокляти паче вьсѣхъ чловѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже[а] пусти Господь камение горюще и потопи я, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть дьнь погыбѣли ихъ, егда придеть Богъ судитъ земли и погубитъ[б] вься творящая безакония и скверны дѣющая; си бо омываютъ оходы своя, въ рътъ вьливають и по брадѣ мажються, поминающе[в] Бохъмита; тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: отъ съвъкупления мужьска и женьска въкушають». Си слышавъ Володимеръ плюну на землю, рекъ: «нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучитъ васъ къ вѣрѣ своеи, ихъже вѣра малъмь съ нами развращена; служать бо опрѣснъкы, рекъше оплатъкы, ихъже Богъ не преда, нъ повелѣ хлѣбъмь служити, и преда апостоломъ, приимъ хлѣбъ и рекъ[г]: се есть тѣло мое, ломимое за вы; тако же и чашю приимъ, рече: се есть кръвь моя новаго завѣта *; си же того не творять, и[д] суть не исправили[е] вѣры». Рече же Володимеръ: «придоша къ мънѣ Жидове, глаголюще: яко Нѣмьци и Грьци вѣрують, егоже мы распяхомъ». Философъ же рече: «въ истину въ того вѣруемъ; тѣхъ бо пророци прорицаху, яко Богу родитися, а друзи распяту быти и погребену, а въ 3-и дьнь въскрьснути и на небеса възити[ж]; они же тыя[з] пророкы избиваху, а[и] другыя претираху. Егда же събысться проречение сихъ, съниде на землю, и распятие прия, и въскрьсъ, на небеса възиде; на сихъ же ожидаше покаяния за 40 и за 6 лѣтъ, и не покаяшася, и посъла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ».

Рече же Володимеръ: «то чьсо[і] ради съниде Богъ на землю,

а) Такъ исправлено вм. „на неже" Лавр., Комм. б) Такъ исправляю вм. „погубить" Комм., „погубять" Лавр. в) Такъ поправляю; въ Лавр.: поминають; въ Радз.: наричющи. г) „и рекъ" изъ Комм. и Ипат. д) Изъ Комм., Ипат. и Радз. е) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз., а въ Лавр.: „не бысть правили". ж) Такъ въ Комм., Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр.: взиде. з) Изъ Хлѣбн., Радз. и Комм. и) Изъ Ипат. и Комм. і) Такъ поправляю, въ виду послѣдующаго „чьсо"; въ Лавр. и др.: что.

*) 1 Коринѳ. XI. 24 и 25, Лук. XXII. 19 и 20.

и страсть такову[а] прия ?». Отъвѣщавъ же философъ рече: «аще хощеши послушати, да съкажю ти из начала, чьсо ради съниде Богъ на землю». Володимеръ же рече: «послушаю радъ». И нача философъ глаголати сице:

(Далѣе слѣдовали: рѣчь философа и дополнительные отвѣты его Владиміру).

И се рекъ, показа Володимеру запону, на неиже бѣ написано судище Господьне; и[б] показоваше ему о десну правьдныя, въ веселии предъидуща въ раи, а о шюю[в] грѣшьникы, идуща въ муку. Володимеръ же, въздъхнувъ, рече: «добро симъ о десную, горе же симъ о шюю!» Онъ же рече: «аще хощеши о десную съ правьдными стати, то крьстися».

Володимеръ же положи на сьрдьци своемь[1] *и* съзъва[г] бояры своя и старьца градьскыя, и рече имъ: «се, приходиша къ мънѣ Българе, рекуще: приими законъ нашь; по семь же приходиша Нѣмьци, и ти хваляху законъ свои; по сихъ приходиша[д] Жидове. Сихъ[е] же послѣже придоша Грьци, хуляще[ж] вься законы, свои же хваляще[з], и мъного глаголаша, съказающе отъ начала миру, о бытии вьсего мира; суть же хытро съказающе, и чюдьно слышати ихъ, любо комужьдо; и другыи свѣтъ повѣдають быти: да аще къто, дѣеть, въ нашю вѣру ступить, то пакы умеръ въстанеть[и], и не умрети ему въ вѣкы; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономь свѣтѣ въ огни горѣти. Да чьто ума придасте? чьто отъвѣщаете?»[2] Отъвѣщавъше же бояре рѣша[і]: «аще бы лихъ законъ Грьчьскыи, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бѣ мудрѣиши вьсѣхъ чловѣкъ»[3].

а) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: такою. б) Изъ Радз. в) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: о шюю. г) Въ Лавр., Комм.: и др.: „Созва Володимеръ". д) Такъ въ Комм., Радз. и Хлѣбн.; въ Лавр.: придоша. е) Такъ въ Хлѣбн.; въ Лавр. и Радз.: се, въ Комм.: сіи. ж) Въ Лавр.: хуляше. з) Въ Лавр.: хваляше. и) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: станеть.) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: рекше.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка: „рекъ: пожду и еще мало, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многы вдавъ, отпусти и съ честию великою" (§§ 105 и 106). 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 106). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 106).

(Далѣе слѣдовалъ не дошедшій до насъ разсказъ о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ).

Крьщену же Володимеру, предаша ему вѣру хрьстияньску, рекуще сице: «да не прельстять тебе нѣции отъ еретикъ, нъ вѣруи, сице глаголя: «Вѣрую въ единого Бога Отьца, Вьседьржителя, Творьца небу и земли, и [а] до коньца вѣру сию» [1].

Володимеръ же [б], просвѣщенъ *бывъ, радовашеся душею и тѣлъмь. И крьстишася* [в] **сынове его съ нимь, ихъже имена [г]: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святопълкъ, Вьсеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ.** *По семь же крьстишася бояре его* [д] [2].

Володимеръ же [е] [3] **повелѣ кумиры испровреци, овы иссѣщи [ж], а другы огневи предати [4]. По семь же Володимеръ посъла по вьсему граду, глаголя: «аще не обрящеться къто на [з] рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работьникъ, противьнъ мънѣ да будеть». Се слышавъше людие съ радостию идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего кънязь и бояре прияли» [5]. И сънидеся бес числа людии: вълѣзоша въ воду, и стояху ови до шиѣ, а друзи до пьрсии, младии же отъ брега, друзи же младеньцѣ [и] дьржаще; съвьршении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на**

а) Изъ Ипат. и Комм. б) Изъ Комм. и Ипат. в) Вставлено по смыслу (ср. §§ 110 и 113); въ Комм. вмѣсто этого: „самъ и“; въ Лавр.: „имъ и“. г) „сынове его съ нимь, ихъже имена“ изъ Комм. и Акад.; а въ Лавр. вмѣсто того: „сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12“. д) Вставлено на основаніи того, что ниже говорится, что бояре уже приняли крещеніе. е) Вставлено по смыслу. ж) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: осѣчи. з) Изъ Комм. и) Такъ въ Комм. и Радз., въ Лавр.: млади.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 109). 2) „По семь же... бояре его“ въ Нач. св. опущено. 3) Передъ этимъ въ Нач. св. разсказано о походѣ на Корсунь, крещеніи тамъ Владиміра и возвращеніи его въ Кіевъ. 4) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 100). 5) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „Наутрия жъ изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Кърсуньскыми на Дънѣпръ“; вставка обнаруживается, кромѣ упоминанія о царициныхъ и Корсунскихъ попахъ, еще словомъ „наутрия“, которому нѣтъ соотвѣтствія въ предыдущемъ (въ Радз. и Ипат.: „аще не обрящеться къто заутра на рѣцѣ“, но въ Лавр. и Комм. „заутра“ нѣтъ).

земли, толико душь съпасаемыхъ; а дияволъ стеня глаголаше: «увы мънѣ, яко отъсюда прогонимъ есмь! сьде бо мьняхъ жилище имѣти, яко сьде не суть учения апостольска, ни суть вѣдуще Бога, нъ веселяхъся о службѣ ихъ, юже[а] служаху мънѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; не имамь уже цѣсарьствовати въ странахъ сихъ». Крьстивъшемъ же ся людьмъ, идоша къжьдо въ домы своя.

Володимеръ же, радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, възьрѣвъ на небо, рече[б]: «Боже, сътворивыи небо и землю! призьри на новыя люди сия, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрьстияньскыя; утвьрди вѣру въ нихъ праву и несъвратьну и мънѣ помози, Господи, на супротивьнаго врага, да надѣяся на тя и на твою дьржаву, побѣжю къзни его». И се рекъ, повелѣ рубити цьркъви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави цьркъвь святаго Василия на хълмѣ[1], идеже творяху потребы кънязь и людие. И нача ставити по градомъ цьркъви и попы, и люди на крьщение приводити по вьсѣмъ градомъ и селомъ. И[в] посълавъ, нача поимати у нарочитыѣ чади дѣти и даяти на учение кънижьное; матери же чадъ сихъ плакахуся[г] по нихъ, еще бо не бяху ся утвьрдили вѣрою, нъ акы по мьртвьцихъ[д] плакахуся.

Симъ же раздаяномъ на учение кънигамъ, събысться пророчьство на Русьстѣ земли, глаголющее: *въ оны дьни услышать глусии словеса кънижьная, и яснъ будеть языкъ гугнивыхъ* *. Си бо не бѣша преди слышали словесъ кънижьныхъ[е], нъ по Божию строю и по милости своеи помилова Богъ; якоже рече[ж] пророкъ: *помилую, егоже аще хощю*

а) Такъ поправляю вслѣдъ за Миклошичемъ; въ Лавр. и др.: еже. б) Изъ Комм., Радз. и Ипат. в) Изъ Комм. г) Такъ въ Комм. и др.; въ Лавр.: плакаху. д) Такъ въ Комм. и Соф. 1-й; въ Лавр.: мертвеци. е) „словесъ книжныхъ“ изъ Комм. и Соф. 1-й; въ Лавр.: „словесе книжного“. ж) Изъ Комм. и Радз.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии“ (§ 96).

* Ис. XXIX. 18.

помилую [*1]; помилова бо ны пакы банею бытия и обновлениемь Духа [*2], по изволению Божию, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Русьску землю, и [а] просвѣти ю крьщениемь святымь! Тѣмь же и мы припадаемъ къ нему, глаголюще: Господи Іисусе Христе! чьто ти въздамы о вьсѣхъ, яже въздасть намъ, грѣшьникомъ намъ сущемъ? Недоумѣемъ противу даромъ твоимъ въздаяния въздати; велии бо еси, Господи[б], и чюдьна дѣла твоя, величию твоему нѣсть конца! въ родъ и родъ въсхвалимъ[в] дѣла твоя [*3], рекуще[г] съ Давыдъмь: придѣте, възрадуимъся Господеви, въскликнѣмъ Богу Съпасу нашему, варимъ лице его исповѣданиемь [*4], исповѣдающеся ему, яко благъ, яко въ вѣкы милость его, яко избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ [*5], рекъше отъ идолъ суетьныхъ. И пакы рьцѣмъ съ Давыдъмь: въспоите Господеви пѣснь нову, въспоите Господеви, вься земля; въспоите Господеви, благословите имя его, благовѣстите[д] дьнь отъ дьне съпасения его, възвѣстите въ языцѣхъ славу его, въ вьсѣхъ людьхъ [е] чюдеса его, яко велии Господь и хвальнъ зѣло [*6], и величию его нѣсть конца. Колика ти радость! не единъ, ни дъва съпасаетася. Рече бо Господь: яко радость бываеть на небеси о единомь грѣшьницѣ кающемься [*7]; се же, не единъ, ни дъва, нъ бещисльно мъножьство къ Богу приступиша, святымь крьщениемь просвѣщени. Якоже пророкъ рече: въскроплю на вы воду чисту, и очиститеся отъ идолъ вашихъ и отъ грѣхъ вашихъ [*8]. И [ж] пакы другыи пророкъ рече: къто яко Богъ, отъемля грѣхы и преступая неправьды?

а) Изъ Радз. б) Изъ Соф. 1-й и Комм. в) Такъ въ Ипат. и Соф. 1-й; въ Комм.: „и въхвалимъ“; въ Лавр.: въсхвалить. г) Такъ въ Толст., Ипат. и Радз.; въ Лавр.: „реку же“. д) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: благословите. е) Такъ въ Комм. и Радз.; въ Лавр.: языцѣхъ. ж) Изъ Комм., Радз. и Ипат.

*1 Исх. XXXIII. 19. *2 Тит. III. 5. *3 Пс. CXLIV. 3—4. *4 Пс. XCIV. 1—2. *5 Пс. CXXXV. 1 и 24. *6 Пс. XCV. 1—4. *7 Лук. XV. 7. *8 Іезек. XXXVI. 25.

яко хотяи милостивъ есть, тъи[а] обратить и ущедрить ны, и погрузить грѣхы наша въ глубинѣ [*1]. Ибо Павьлъ глаголеть: братие, елико насъ крьс ися въ Іисуса Христа, въ съмьрть его крьстихомъся и погребохомъся убо съ нимь крьщениемь въ съмьрть; да якоже въста Христосъ отъ мьртвыхъ съ славою Отьчею, такоже[б] и мы въ обновление[в] жития поидемъ [*2]. И пакы: ветъхая мимоидоша, и се, быша новая [*3]; нынѣ приближися намъ съпасение, нощь успѣ, а дьнь приближися [*4]. Имьже приведение обрѣтохомъ вѣрою кънязя нашего Володимера[г] въ благодать сию, имьже хвалимъся и стоимъ [*5]; нынѣ же свободихомъся отъ грѣха, поработивъшеся Господеви, имамы[е] плодъ нашь[ж] въ священие [*6]. Тѣмь же дължьни есмы работати Господеви, радующеся ему; рече бо Давыдъ: работаите Господеви съ страхъмь, и радуитеся ему съ трепетъмь [*7]. Мы же възъпиимъ[з] къ Господу Богу нашему, глаголюще: благословенъ Господь, иже не дасть насъ въ ловитву зубомъ ихъ! сѣть съкрушися, и мы избавлени быхомъ [*8] отъ прельсти дияволя. И погыбе память его съ шюмъмь, и Господь въ вѣкы пребываеть [*9], хвалимъ отъ Русьскыхъ сыновъ, пѣваемъ въ Троици, а дѣмони проклинаеми отъ благовѣрьныхъ мужь и отъ говѣиньныхъ[и] женъ, иже прияли суть крьщение и покаяние въ отъпущение грѣховъ, новии людие хрьстияньстии, избьрании Богъмь [1].

а) Такъ въ Комм. и Хлѣбн.; въ Лавр.: то. б) Такъ въ Соф. 1-й и Хлѣбн.; въ Лавр. и Комм.: якоже. в) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: обновленьи. г) „кънязя нашего Володимера“ изъ Ипат. е) Такъ исправляю; въ Лавр., Комм. и др.: имате (см. дополн. примѣчанія). ж) Такъ исправляю; въ Лавр., Комм. и др.: вашь. з) Такъ исправляю; во всѣхъ спискахъ: възопиемъ. и) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: вѣрныхъ.

1) Здѣсь въ Нач. св. помѣщенъ перечень сыновей Владиміра (читавшійся въ Древн. сводѣ выше) и затѣмъ вставка (§§ 10 и 111).

[*1] Мих. VII. 18—19. [*2] Римл. VI. 3—4. [*3] 2 Коринѳ. V. 17. [*4] Римл. XIII. 11—12. [*5] Римл. V. 2. [*6] Римл. VI. 22. [*7] Пс. II. 11. [*8] Пс. CXXIII. 6—7. [*9] Пс. IX. 7—8.

Се же бысть въ лѣто 6495 [а]. *По святѣмь же крьщении пожи Володимеръ 28 лѣтъ* [б 1].

На другое лѣто по крьщении иде Володимеръ къ порогомъ [в], *и побѣди Печенѣгы и прогъна я въ поле* [г 2]. И рече Володимеръ: «се не добро, еже мало городъ около Кыева». И нача ставити грады по Деснѣ и по Остри [д] и по Трубешеви и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучьшѣѣ отъ Словѣнъ и отъ Кривичь [3] и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одалая имъ.

На третиее же лѣто по крьщении [е 4] иде Володимеръ въ силѣ велицѣ [ж] на Кърсунь, градъ Грьчьскыи; и затворишася Кърсуняне въ градѣ [5] и боряхуся крѣпъко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ; изнемогаху *гладъмь* [з] людие [6].

*) Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ присъпу сути [и] къ граду. Симъ же съпущемъ, Кърсуняне, подъкопавъше стѣну градьскую, крадяху [і] сыплемую пьрсть и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; вои [к] же присыпаху боле [7].

а) Вставлено на основаніи Памяти и похвалы Владиміру и Несторова Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ. б) Вставлено изъ Памяти и похвалы Владиміру (§§ 9, 10 и 7). в) Вставлено изъ Памяти и похвалы Владиміру (§§ 7 и 112). г) Прибавлено предположительно по связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; ср. главу 41-ю Степ. книги, гдѣ передъ разсказомъ о поставленіи Владиміромъ городовъ сообщено объ его побѣдѣ надъ Печенѣгами. д) Такъ въ Соф. 1-й, въ Лавр. и Комм.: Востри (Въстри). е) Вставлено изъ Памяти и похвалы Владиміру (§ 7). ж) „въ силѣ велицѣ“ изъ Комм.; въ Лавр. и др.: „съ вои“. з) Такъ исправляю; въ Лавр. и др.: „въ градѣ“. и) Такъ въ Комм. („сути приспу“); въ Лавр. и Радз.: приступити. і) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: крадуще. к) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: воини.

1) Въ Нач. св. „се же бысть... 28 лѣтъ“ опущено. 2) Въ Нач. св. „На другое... въ поле“ опущено. 3) Въ Нач. св. прибавлено: „и отъ Чюди“ (такъ предполагаю, въ виду § 198); возможно, что въ Древн. св. было: „и отъ Мери“. 4) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6496“. 5) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Корсунской легенды (§ 97). 6) То же. 7) То же.

* Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 236).

И се[а], мужь Кърсунянинъ [1], именьмь Анастасъ [2] (*дальше сообщалось о тайномъ присылѣ Анастаса къ Владиміру съ слѣдующимъ совѣтомъ:*) «кладязь *же есть*[б] за тобою отъ въстока, ис того вода идеть по трубѣ; копавъ, преими». Володимеръ же, се слышавъ (*дальше слѣдовала недошедшая до насъ молитва Владиміра*). И ту абие повелѣ копати прекы трубамъ, и преяша воду. Людие изнемогоша водьною жаждею и предашася [3]. (*Дальше сообщалось о мирѣ, заключенномъ Владиміромъ съ Греками, и о присылкѣ изъ Царяграда царями сестры ихъ въ замужество Владиміру*).

Володимеръ же [4], поимъ цѣсарицю [5], поима съсуды цьркъвьныя и [в] иконы на благословение собѣ.

*) Постави же цьркъвь святаго Василия [г 6] на горѣ, юже [д] съсыпаша [7], крадуще присъпу; и есть цьркы та стоящи до сего дьне въ Кърсуни градѣ на мѣстѣ посредѣ града, идеже търгъ дѣють Кърсуняне; полата же Володимеря съ края цьркъве стоить и до сего дьне, а цѣсарицина полата за олтарьмь [е 8].

Въдасть же за вѣно Грькомъ Кърсунь опять цѣсарицѣ дѣля, а самъ приде Кыеву.

а) Изъ Комм., Ипат. и Радз. б) Такъ исправляю, согласуясь съ дальнѣйшимъ („ис того"); въ Лавр. и Ипат.: „кладязи, яже суть", въ Акад.: „кладязи же суть", въ Соф. 1-й: „кладязи суть". в) Изъ Радз. и Комм. г) Взято изъ предыд. статьи Лавр. и др. списковъ („крести же ся в церкви святаго Василья"). д) Такъ поправляю; въ Лавр., Комм., Ипат.: иже. е) „и есть цьркы та... за олтарьмь" изъ Лавр. и др. списковъ, гдѣ это читается выше (въ сообщеніи о крещеніи Владиміра).

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено слово „стрѣли" изъ Корсунской легенды. 2) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Корсунской легенды (§ 97). 3) То же; быть можетъ, кое что въ послѣдующемъ текстѣ Нач. св. восходитъ къ Древн. своду. 4) Въ Нач. св. прибавлено: „по семь". 5) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Корсунской легенды (§ 99). 6) Въ Нач. св. вмѣсто „святаго Василия": „Кърсуни" (§ 236). 7) Въ Нач. св. прибавлено: „средѣ града"; ср. дальше. 8) Въ Нач. св.: „и есть цьркы та... за олтарьмь" перенесено выше, а вмѣсто того здѣсь: „яже церки стоить и до сего дне". Засимъ въ Нач. св. вставлено изъ Корсунской легенды (§ 99).

* Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 236).

На четвьртое лѣто по крьщении[а][1] помысли създати цьркъвь камяну[б][2] пресвятыя Богородица; посълавъ, приведе мастеры отъ Грькъ. И начьнъшю же ему[в] зьдати[3], съконьча[4] ю *въ лѣто 6503*[г][5].

На пятое лѣто по крьщении[д][6] заложи градъ Бѣлъгородъ и наруби въ нь отъ инѣхъ градъ и мъного людии съведе въ нь; бѣ бо любя градъ сь.

На шестое лѣто по крьщении[е][7] иде на Хърваты.

На девятое лѣто по крьщении[ж][8] Володимеръ, видѣвъ цьркъвь съвьршену, въшьдъ въ ню, помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! призьри съ небесе и вижь и посѣти винограда своего и съвьрши, иже[з] насади десница твоя *, новыя люди сия, имъже обратилъ еси сьрдьце въ разумъ познати тебе, Бога истиньнаго, и призьри на цьркъвь твою сию[и], юже създахъ, недостоиныи рабъ твои, въ имя рождьшая тя Матере, приснодѣвыя Богородица; да аще[і] къто помолиться въ цьркъви сеи, то услыши молитву его и отъпусти грѣхы его[к], молитвы ради пресвятыя[л] Богородица». И помоливъшюся ему, рекъ сице: «се[м], даю цьркъви сеи святыя Богородица отъ имѣния моего и отъ градъ моихъ десятую часть», положи, написавъ

а) Извлечено изъ Памяти и похвалы Владиміру. б) Изъ Ипат. и Хлѣбн. в) Изъ Комм. г) Вставлено по смыслу. д) Извлечено изъ Памяти и похвалы Владиміру. е) Вставлено по смыслу. ж) Вставлено по смыслу. з) Такъ поправляю, въ Лавр. и Ипат.: яже, въ Комм.: еже. и) Такъ въ Радз., Комм. и Ипат.; въ Лавр.: си. і) „да аще" изъ Комм. и Соф. 1-й; въ Лавр.: аже. к) „и отъпусти грѣхы его" изъ Комм. л) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр. и Соф. 1-й: пречистыя. м) Изъ Комм., Радз. и Ипат.

1) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „По семь же Володимеръ Въ лѣто 6497 живяше въ законѣ хрьстьяньстѣ" что выходитъ къ Корсунской легендѣ. 2) Въ Нач. св. опущено. 3) Въ Нач. св. прибавлено: „и яко". 4) Въ Нач. св. прибавлено: „зижа украси". 5) Въ Нач. св. „въ лѣто 6503" опущено, а вмѣсто того вставлено объ окончаніи церкви изъ Корсунской легенды („иконами, и поручи ю... кресты"). 6) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6499". 7) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6500". 8) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6504".

* Пс. LXXIX. 15—16.

клятъву въ цьркъви сеи, рекъ: «аще къто сего посудить, да будеть проклятъ». И въдасть десятину Анастасу Кърсунянину. И сътвори праздьникъ великъ въ тъ дьнь бояромъ своимъ и старьцемъ градьскымъ[а], и убогымъ раздая имѣния[б] мъного.

По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василеву, и Володимеръ съ малъмь дружины изиде противу[в]. И съступивъшемъся имъ[г], не могъ Володимеръ[д] стърпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостъмь, едва укрыся противьныхъ; и тъгда обѣщася поставити цьркъвь Василевѣ святаго Преображения; бѣ бо въ тъ дьнь Преображение Господьне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави цьркъвь и сътвори праздьникъ великъ, *съваривъ*[е 1] 300 проваръ меду, и съзъва[ж] бояры своя и старѣишины и посадьникы своя[з] по вьсѣмъ градомъ своимъ[и] и люди мъногы, и раздая убогымъ 300 гривьнъ. Праздьновавъ кънязь дьнии 8, възвратися[і 2] Кыеву на Успение святыя Богородица, и ту пакы сътвори[к 3] праздьникъ великъ, *съзъвавъ*[л 4] бещисльное мъножьство народа[5]. И тако по вься лѣта творяше.

Бѣ же милостивъ къ нищимъ, вьдовицамъ и сирымъ[м]. Слыша бо единою еѵангелие чьтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будуть*; и пакы: продаите имѣния

а) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз.; въ Лавр. и Соф. 1-й: людьскымъ. б) Такъ въ Комм. и Моск.-Акад., въ Лавр. и др.: имѣнье. в) „и Володимеръ... противу" изъ Комм. и Радз. г) Изъ Комм., Ипат. и Акад. д) Изъ Комм., Ипат. и Радз. е) Такъ исправляю; въ Лавр. и др.: варя; въ Акад. опущено. ж) Такъ въ Комм., Переясл. и Акад.; въ Лавр.: съзываше. з) „и старѣишины и посадьникы своя" изъ Комм. и Акад.; въ Лавр.: „и посадникы, старѣишины. и) Изъ Комм. и Акад. і) Такъ въ Соф. 1-й и Переясл.; въ Лавр. и Комм.: „и възвращашеться". к) Такъ въ Соф. 1-й и Переясл.; въ Лавр.: створяще, въ Комм. и Хлѣбн.: творяше. л) Такъ исправляю; въ Лавр. и Хлѣбн.: сзывая, въ Комм. и Ипат.: съзываше. м) Вставлено по смыслу; вмѣсто этого въ Нач. св.: „бѣ бо любя словеса книжная".

1) Въ Нач. св. исправлено: варя (§ 113). 2) Тамъ же исправлено: възвращашеться. 3) Тамъ же исправлено: сътворяше. 4) Тамъ же исправлено: съзывая. 5) Въ Нач. св. здѣсь вставлено: „Видя же люди хрьстияны суща, радовашеся душею и тѣлъмь" (§ 113).

* Мате. V. 7.

ваша и дадите нищимъ *; и пакы: не съкрываите собѣ съкровищь на земли, идеже тьля тьлить и татие подъкоповаютъ, нъ съкрываите собѣ съкровище на небесьхъ, идеже ни тьля тьлить, ни татие крадуть **,[1] си слышавъ, повелѣ вьсяку нищю и убогу [а] приходити на дворъ къняжь и възимати вьсяку потребу, питие и ядение, и отъ скотьниць кунами. Устрои же и се: рекъ, «яко немощьнии и больнии не могуть долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола и [б] въскладъше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличьныи, медъ въ бъчелъкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по граду, въпрашающемъ *имъ* [в]: «къде боль [г] и нищь, не могы ходити?» И [д] тѣмъ раздавахуть [е] на потребу. Се же пакы творяше людьмъ своимъ: по вься недѣля устави на дворѣ въ гридьници пиръ творити и приходити бояромъ и гридьмъ и сътьскымъ и десятьскымъ и нарочитымъ мужемъ при кънязи и без кънязя; бываше *же* на обѣдѣ томь [ж] мъножьство мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилию отъ вьсего. Егда же подъпияхуться, начьняхуть ръпътати на кънязь, глаголюще: «зъло есть нашимъ головамъ: да намъ ясти древянами лъжицами, а не сребрянами». Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лъжицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребрьмь и златъмь не имамь налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мои и отьць мои доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земльнѣмь и о ратьхъ и о [з] уставѣ земльнѣмь.

И бѣ жива съ кънязи окольними его [и] миръмь: съ Болеславъмь Лядьскымь и съ Стефанъмь Угърьскымь и съ Андрихъмь Чешьскымь; и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володи-

---

а) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: „всякому нищему и убогому". б) Изъ Радз. и др. в) Вставлено по смыслу. г) Такъ поправляю: въ Лавр. и Ипат.: болнии, въ Хлѣбн.: болныи, въ нѣк. спискахъ Соф. 1-й: „боли (и нищи, немогыи"). д) Изъ Комм., Ипат. и Радз. е) Такъ въ Соф. 1-й, въ прочихъ: раздаваху. ж) „на обѣдѣ томь" изъ Комм., Соф. 1-й и Ипат. з) Изъ Комм. и Радз. и) Изъ Ипат. и Соф. 1-й.

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка (§ 114[4]).

* Лук. XII. 33. ** Матѳ. VI. 19. 20.

мерь въ страсѣ Божии; и умъножишася разбоеве; и рѣша епископи Володимеру: «се, умъножишася разбоиници; почьто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь зълымъ. а добрымъ на милование; достоить ти казнити разбоиника, нъ съ испытъмь». Володимеръ же, отъвьргъ виры, нача казнити разбоиникы; и рѣша старьци [1]: «рать мънога; оже вира, то на оружии и на конихъ буди». И рече Володимеръ: «да [а] тако буди». И живяше Володимеръ [б] по устроению отьню и дѣдьню [2].

Въ лѣто 6523. Володимеру [3] разболѣвъшюся, въ се же время бяше у него Борисъ, *егоже выведе из Володимеря зълобы ради, юже имяше къ нему Святопълкъ* [в] [4]. Печенѣгомъ же [г] идущемъ на Русь, посъла противу имъ Бориса; а самъ [д] боляше вельми, въ неиже болести и съконьчася [5] на Берестовѣмь; и потаи [е] ѝ Святопълкъ, бѣ бо [ж] Кыевѣ, *пришьдъ из Вышегорода* [з] [6]. Нощию же *иде* [и] Вышегороду [7] отаи; призъвавъ же [i] Путьшю и Вышегородьскыѣ боярьцѣ, рече имъ: «приꙗете ли ми вьсѣмь сьрдьцьмь?» Рече же Путьша съ Вышегородьци: «можемъ главы своя съло-

---

а) Изъ Комм. и Ипат. б) Слова „тако буди. И живяше Володимеръ“ изъ Комм., Ипат. и Радз. в) Вставлено на основаніи Несторова Чтенія: „нача (Святополкъ) мыслити на праведнаго... хотя блаженаго погубити... увѣдѣвъ убо то, благовѣрныи отецъ ихъ, пославъ (во Владиміръ), приведе къ себѣ блаженаго Бориса, блюдыи да нѣкако пролиеться кровь праведнаго“ (§§ 62, 63 и 65). г) Изъ Соф. 1-й. д) „а самъ“ изъ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: „самъ бо“. е) Такъ исправляю на основаніи жит. сказанія („како Святопълкъ потаи съмьрть отьца своего“); въ Лавр. и др.: потаиша. ж) Въ Лавр. и др. вмѣсто „Святопълкъ бѣ бо“: „бѣ бо Святополкъ“ (§ 53). з) Вставлено на основаніи § 64. и) Такъ исправляю; въ Лавр. и др.: „Святопълкъ же приде ночью“. i) Такъ въ Комм. и Акад.; въ Лавр.: призва.

1) Въ Нач. св. „епископи и старьци“ (ср. Лавр. и др.); быть можетъ, первоначально было только „старьци“; въ Комм.: „старци епископи“. 2) Далѣе въ Нач. св. рядъ вставокъ (§§ 113 и 114). 3) Въ Нач. св. прибавлено: бо. 4) Въ Нач. св. „его же выведе... къ нему Святопълкъ“ опущено. 5) Въ Нач. св. прибавлено: „мѣсяца июля въ 15 дьнь. Умьре же Володимеръ кънязь“. 6) Въ Нач. св. „пришедъ изъ Вышегорода“ опущено; дальнѣйшее до „обѣщашася ему се сътворити“ перенесено ниже. 7) Въ Нач. св.: „Святопълкъ же приде ночью Вышегороду“ (§ 53).

жити за тя». Онъ же рече имъ: «не повѣдуще никому же, шьдъше убиите брата моего Бориса». Они же въскорѣ обѣщашася ему се сътворити [1].

Бояре же[а 2] нощию, межю клѣтьми проимавъше помостъ, обьртѣвъше въ ковьръ *Володимера*[б], ужи съвѣсиша на землю; и възложьше и҆ на сани, везъше поставиша и҆ въ святѣи Богородици, юже бѣ съзьдалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людие бес числа сънидошася и плакашася по немь: бояре акы заступьника ихъ земли, убозии акы заступьника и кърмителя; и[в] вължиша и҆ въ кърсту мраморяну и съкуташа[г] тѣло его съ плачьмь, блаженаго кънязя. Сь есть новыи Костянтинъ великаго Рима, иже крьстивъся самъ и люди своя; тако и сь сътвори подобьно ему[3]. Сего бо въ память дьржать *кънязи*[д] Русьстии *и*[е] людие, поминающе святое крьщение, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣсньхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новии людие, просвѣщени Святымь Духъмь, чающе надежда великаго Бога[ж] Съпаса нашего Іисуса Христа въздати комужьдо противу *дѣломъ*[з] неиздреченьную радость, юже буди улучити вьсѣмъ хрьстияномъ.

О убиении Борисовѣ. Святопълкъ же сѣде Кыевѣ по отьци своемь, и съзъва Кыяны и нача даяти имъ имѣние, овѣмъ кързна, а другымъ кунами, и раздая мъножьство[и 4]; они же приимаху, и не бѣ сьрдьце ихъ съ нимь, яко братия ихъ бѣша съ Борисъмь. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтъшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: «отьць ти умьрлъ». И плакася по отьци вельми; любимъ бо бѣ отьцьмь своимь паче вьсѣхъ, и ста *шать-*

а) Вставлено на основаніи догадки Е. Е. Голубенскаго (§ 52). б) Такъ исправляю; въ Лавр. и Комм.: и҆; въ другихъ опущено. в) Изъ Комм. и Радз. г) Такъ въ Комм. и прол. сказаніи (§ 27); въ Лавр.: схраниша. д) Изъ прол. сказанія (§ 27). е) Оттуда же. ж) Изъ Радз., Ипат. и прол. сказанія. з) Такъ въ прол. сказаніи (§ 27); въ Лавр. и др.: трудомъ. и) Въ Лавр. и др. слова „овѣмъ кързна... мъножьство“ см. ниже, передъ сообщеніемъ о походѣ Ярослава противъ Святополка.

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Паримійника (ср. §§ 39 и 114[1]). 2) Въ Нач. св. „бояре же“ опущено (§ 52). 3) Здѣсь въ Повѣсти вр. лѣтъ (но не въ Нач. св.) вставка (§ 27). 4) Въ Нач. св. „овѣмъ кързна... мъножьство“ опущено.

ры[а][1]. Рѣша же ему дружина отьня: «се, дружина у тебе отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни». Онъ же рече: «не буди мънѣ възняти рукы на брата своего старѣишаго; аще отьць ми умьре, то сь ми буди въ отьца мѣсто». И се слышавъше вои разидошася отъ него. Борисъ же стояше съ отрокы своими[2]; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. Посълании же придоша *отъ Святопълка*[б] нощию и подъступиша ближе около шатьра[в][3] и слышаша блаженаго Бориса поюща заутрьню. И въставъ нача пѣти, глаголя: Господи! чьто ся умъножиша сътужающии мънѣ? мънози въсташа[г] на мя[*1]; мънози глаголють о души моей[д]; и пакы: яко стрѣлы твоя уньзоша въ мънѣ, яко азъ на раны готовъ; и болѣзнь моя предъ мъною есть[*2]; и пакы глаголаше: Господи! услыши молитву мою, и не въниди въ судъ съ рабъмь своимь, яко не оправьдиться предъ тобою вьсякъ живыи, яко погъна врагъ душю мою[*3]. И коньчавъ ексапсалма, увѣдѣвъ[е], яко посълани суть губить его, нача пѣти псалтырь[ж], глаголя: яко обидоша мя уньци тучьни, и съборъ зълобивыхъ осѣде мя[*4]; Господи Боже

а) Извлекаю изъ жит. сказанія гдѣ „ста на Льтѣ шатьры"; въ Лавр. и др.: „на Льтѣ пришедъ". б) Из. жит. ск. в) „около шатьра" извлекаю изъ дальнѣйшаго (въ Лавр. и др.: „и се нападоша акы звѣрье дивии около шатьра"). г) Такъ въ Комм., у Нестора и въ жит. сказаніи (§ 46); въ Лавр. и др.: въстають. д) „мънози... моеи" изъ Комм. (§ 46). е) Въ Лавр.: увидѣвъ. ж) Въ Лавр.: псалтырю.

1) Въ Нач. св. было, какъ кажется: „и ста на Льтѣ шатьры" (ср. жит. сказаніе); въ Пов. вр. л.: „и ста на Льтѣ" (§ 59). 2) Здѣсь въ Нач. св. вставленъ отрывокъ, читавшійся въ Древн. св. частью выше: „Святополкъ же, исполнився безаконья... како бы и̓ погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду... ему се сътворити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече... нечестьемь бо свою душю емлють". Кромѣ того, здѣсь въ Нач. св. читается фраза: „Послании же придоша на Льто... Бориса поюща заутрьню", которая въ Древн. сводѣ, какъ кажется, читалась нѣсколько ниже. 3) Въ Нач. св. „около шатьра" помѣщено ниже, послѣ „и се нападоша акы звѣрие дивии".

*1 Пс. III. 2. *2 Пс. XXXVII. 3. 18. *3 Пс. CXLII. 1—3. *4 Пс. XXI. 13 и 17

мои, на тя упъвахъ, съпаси мя, и отъ вьсѣхъ гонящихъ избави мя*. По семь же нача канунъ пѣти; таче коньчавъ заутрьню, помолися, глаголя, зьря на икону, на образъ Владычьнь: «Господи Iисусе Христе, иже симь образъмь явися на земли съпасения ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крьстѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене съподоби прияти страсть; се же не отъ противьныхъ приимаю, нъ отъ брата своего, и не сътвори ему, Господи, въ семь грѣха». И помоливъшюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша на нь[а] акы звѣрие дивии[1] и насунуша ѝ копии, и прободоша Бориса, и *единого отъ предъстоящихъ слугъ*[б] **его, падъша на немь, прободоша съ нимь[2]. Увидѣвъше[в] же[3], яко и еще живъ есть** *Борисъ*, **единъ** *отъ губитель*[4][г], **извлекъ мечь, пронъзе ѝ къ сьрдьцю. И тако съконьчася блаженыи Борисъ, вѣньць приимъ отъ Христа Бога съ правьдьными, причьтъся съ пророкы и апостолы, съ ликы мученичьскыми въдваряяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся въ лику святыхъ. Бориса же убивъше оканьнии, обьртѣвъше[д] въ шатьръ, възложивъше на кола, повезоша ѝ[5] отаи Вышегороду[6]. И положиша тѣло его принесъше у цьркъве святаго Василия. Оканьнии же си убиицѣ придоша къ Святопълку акы хвалу[е] имуще, безаконьници. Суть же имена**

а) „на нь“ изъ Хлѣбн. б) Вставлено изъ Несторова Чтенія (§ 46); въ Лавр. вмѣсто того: слугу. в) Такъ въ Моск.-Акад.; въ Лавр.: увѣдѣвше. г) Ср. эти слова у Нестора; въ Лавр.: ею (относится къ двумъ Варягамъ, о которыхъ говоритъ предшествующая вставка). д) Такъ читалось, вѣроятно, въ Нач. св.; ср. жит. сказаніе и прол. сказаніе; въ Пов. вр. лѣтъ „увертѣвше“ (Лавр. и др.). е) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: хулу.

1) Въ Нач. св. прибавлено „около шатьра“, ср. выше пропускъ этихъ словъ въ Нач. сводѣ. 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§§ 60 и 61). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§§ 54 и 59). 4) Въ Нач. св.: „единъ ею“ (т. е. изъ области Варяговъ, о которыхъ говорилось выше). 5) Слова „Бориса же убивъше... повезоша и“ читаются въ Нач. св. выше; вм. нихъ здѣсь вставлено „И положиша тѣло его принесъше“, что въ Др. св. нѣсколько ниже. 6) „отаи Вышегороду“ въ Нач. св. помѣщено ниже въ слѣдующей фразѣ послѣ слова „принесъше“.

* Пс. VII. 2.

симъ законопреступьникомъ: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько; отьць же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають; бѣси бо на зълое посылаеми бывають, а[а] ангели на благое. Ангелъ бо чловѣку зъла не сътваряеть, нъ благое мыслить ему вьсьгда, паче же хрьстияномъ помагаеть[б] и заступаеть[в] отъ супротивьнаго диявола; а бѣси на зълое вьсьгда ловять, завидяще ему, понеже видять чловѣка Богъмь почьщена, и завидяще ему на зъло сълеми скори суть. Зълъ чловѣкъ, тъщася на зълое, хужии[г] есть бѣса; бѣси бо Бога бояться, а зълъ чловѣкъ ни Бога боиться, ни чловѣкъ ся стыдить; бѣси бо крьста ся боять Господьня, а чловѣкъ зълъ ни крьста ся боить.

Святопълкъ же оканьныи помысли въ собѣ, рекъ: «се убихъ Бориса, како бы убити Глѣба?[1] *Бѣ бо Глѣбъ избѣглъ ис Кыева, бояся сего погубления*[д]. *И о томь увѣдѣвъ оканьныи тъи, яко на полунощьныя страны бѣжалъ есть, посъла и тамо, да и того погубять*[е]. *Посълании же гънаша по Глѣбѣ дьни мъногы и постигоша й*[ж]. И ту абие[2] яша корабль Глѣбовъ и обнажиша оружие; отроци Глѣбови уныша; оканьныи же Горясѣръ повелѣ въбързѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именьмь Търчинъ, вынъзъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочьно принесеся на жьртву Богови въ воню благоухания жьртва словесьная! И прия вѣньць, въшьдъ въ небесьныя обитѣли, и узьрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неиздреченьною радостию, юже улучиста братолюбиемь своимь. Се, коль добро и коль красьно, еже жити братома въкупѣ[*]! Оканьнии же възвратишася въспять, якоже рече Давыдъ: да възвратяться грѣшьници въ адъ[**]. Онѣмъ же пришьдъшемъ и повѣ-

---

а) Изъ Радз. б) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: помагають. в) Такъ поправляю; въ Лавр.: заступають. г) Въ Лавр. „не хужи“. д) Вставлено, въ виду сообщенія Несторова Чтенія о бѣгствѣ Глѣба (ср. § 62). е) Вставлено, при чемъ слова эти взяты изъ Несторова Чтенія. ж) Вставлено по смыслу.

1) Въ Нач. св. вмѣсто нижеслѣдующаго вставлена другая версія (§§ 55 и 62). 2) Въ Нач. св. прибавлено: послании.

* Пс. CXXXII. 1. ** Пс. IX. 18.

давъшемъ[а] Святопълку: «яко сътворихомъ повелѣная тобою»; онъ же, се слышавъ, възнесеся сърдьцьмь[б] больма, не вѣды Давыда глаголюща: чьто ся хвалиши о зълобѣ, сильныи? беззаконие въ сь[в] дьнь умысли языкъ твои *.

Глѣбу же убиену бывъшю и повьржену на *пустѣ мѣстѣ*[г] межю дъвѣма колодама, *Господь не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь быти тѣлеси святаго, нъ показа е: овъгда бо видѣша стълпъ огньнъ, овъгда свѣщѣ горущѣ; и пакы пѣния ангельска слышаху мимоходящеи путьмь гостие, ини же ловъ дѣюще и пасуще. И то слышавъ Ярославъ посъла на възискание брата. И обрѣтоша й, идеже бѣша видѣли, и шьдъше съ крьсты и съ свѣщами мънозѣми и съ кандилы, и съ чьстию мъногою възложьше въ корабль, и привезъше*[д] положиша й *Вышегородѣ*[е] у брата своего Бориса, у цьркъве святаго Василия.

Святопълкъ же сь оканьныи и зълыи, посълавъ, уби Святослава[ж] въ горѣ Угърьстѣ, бѣжащю ему въ Угъры. И нача помышляти: «яко избию вьсю братию свою и прииму власть Русьску единъ».

И[з] се слышавъ *Новѣгородѣ*[и] Ярославъ[і][1] печальнъ бысть о отьци и о братии[к][2]. И събьра *вои мъногъ, Варягы и Словѣны*[л][3], и поиде на Святопълка, нарекъ Бога *и* рекъ: «не азъ почахъ избивати братию, нъ онъ; да будеть отъмьстьникъ Богъ кръве братия моея, зане без вины пролия кръвь Борисову и Глѣбову пра-

---

а) Такъ въ Хлѣбн. и Радз., въ Лавр.: „и повѣдаша". б) Такъ въ Радз. и жит. сказанiи; въ Лавр.: „сердце его". в) Такъ исправляю по жит. сказанiю; въ Лавр.: весь. г) Изъ жит. сказанiя; въ Лавр. и др.: брезѣ. д) Вставлено изъ жит. сказанiя (§§ 22 и 46); въ Лавр. и др., вмѣсто всего этого: „по семь же вземше везоша й, и". е) Изъ жит. сказанiя. ж) Въ Лавр. и др.: „уби Святослава, пославъ"; поправляю въ виду дальнѣйшаго „въ горѣ". з) Изъ Радз. и Ипат. и) Вставлено по смыслу. i) Изъ Ипат. к) „и о братии" изъ Моск.-Акад. л) Вставлено по смыслу.

1) Въ Нач. св. „и се слышавъ... Ярославъ" помѣщено ниже, а передъ этимъ вставка изъ Новгородскаго свода (§ 123). 2) Въ Нач. св. вставка (§ 123). 3) Въ Нач. св. это опущено, и вмѣсто того изъ Новгородскаго свода вставлено: „Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вои 4000"

* Пс. LI. 3—4.

вьдьную; еда и мънѣ сице же сътворить? нъ суди ми, Господи, по правьдѣ, да съконьчаеться зълоба грѣшьнаго»[1].

Слышавъ же Святопълкъ идуща Ярослава пристрои бес числа вои, Руси и Печенѣгъ[а][2], и сташа противу *собѣ*[б] обаполъ Дънѣпра. И не смяху ни си на[в] онѣхъ. ни они на[в] сихъ, и стояша мѣсяцѣ 3[3]. И воевода Святопълчь, именьмь Вълчии Хвостъ[г], ѣздя възлѣ брегъ, укаряти нача Новъгородьцѣ, глаголя: «чьто придосте съ хромьцьмь симь, а вы плотьници суще? а приставимъ вы хоромъ рубитъ нашихъ». Се слышавъше Новъгородьци рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на ня; аще къто не поидеть съ нами, сами потьнемъ». Бѣ *же* уже въ заморозъ, и[д] стояше Святопълкъ[е] межю дъвѣма озерома и вьсю нощь пилъ бѣ съ дружиною своею. Ярославъ же заутра, испълчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И высѣдъше на брегъ, отъринуша лодиѣ отъ брега; и поидоша противу собѣ и съступишася на мѣстѣ *близь Любьча*[ж][4]. Бысть сѣча зъла, и не бѣ льзѣ озеръмь Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святопълка съ дружиною къ озеру, и въступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ. Видѣвъ же Святопълкъ побѣже, и одолѣ Ярославъ[з]. Святопълкъ же бѣжа въ Ляхы.

Начало къняжения Ярославля Кыевѣ[и]. Въ лѣто 6525[5]. Ярославъ сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдьни. *Въ то же время бысть пожаръ великъ Кыевъ*, и погорѣ цьркы *святыя Богородица*[і][6].

а) „Руси и Печенѣгъ" изъ Радз. и Ипат. б) Извлекаю изъ дальнѣйшаго. в) Изъ Ипат., Хлѣбн. и Радз. (ср. сходную фразу въ статьѣ 6500 г.). г) „именьмь Вълчии Хвостъ" изъ Комм. д) Изъ Ипат. и Хлѣбн. е) Порядокъ словъ изъ Хлѣбн., въ Лавр.: „Святополкъ стояше". ж) Вставлено по догадкѣ (с. 504, прим.). з) „Видѣвъ же... Ярославъ" изъ Радз. и) Въ Лавр. это заглавіе выше, въ началѣ лѣтописной статьи. і) „Въ то же время... Богородица" вставлено на основаніи § 62; въ Лавр.: „и погорѣ цьркы".

1) Въ Нач. св. повторено: „и поиде на Святополка". 2) Здѣсь въ Нач. св. вставлено сначала изъ Новгор. свода: „и изыде противу ему къ Любичю съ вои"; и далѣе: „объ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю. Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка". 3) Въ Нач. св. вставлено: „противу собѣ". 4) Въ Нач. св.: „близь Любьча" опущено. 5) Въ Нач. св. заглавіе отнесено выше, а 6525 годъ помѣщенъ ниже. 6) Въ Нач. св. „Въ то же время... Кыевѣ" опущено; опущено также „святыя Богородица"; выше на основаніи Новгородскаго свода двѣ вставки: „и бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28", и „Ярославъ иде Кыеву".

Въ лѣто 6526. Поиде [а] Болеславъ съ Святопълкъмь на Ярослава съ Ляхы; Ярославъ же мъножьство [б] съвъкупи *вои* [в], Русь и Варягы и Словѣны, *и* поиде противу Болеславу и Святопълку. Приде Волыню, и сташа обаполъ рѣкы Бога [г]. И бѣ у Ярослава кърмильць и воевода, именьмь Буды, и нача Буды [д] укаряти Болеслава, глаголя: «да то ти прободемъ трѣскою чрево твое тълстое»; бѣ бо Болеславъ великъ и тяжькъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, нъ бяше съмысльнъ; и рече Болеславъ къ дружинѣ своеи: «аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». И [е] въсѣдъ на конь, въбрьде въ рѣку, и по немь вои его. Ярославъ же не утягну испълчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду.

Болеславъ же въниде въ Кыевъ съ Святопълкъмь...

> *И рече Болеславъ: «разведѣте дружину мою по городомъ на покърмъ». И бысть тако [1]; оканьныи же Святопълкъ рече: «елико же Ляховъ по городомъ [ж], избиваите я». И избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева,

възьмъ имѣние и бояры Ярославля и сестрѣ его; и Анастаса пристави Десятиньнаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему въвѣрилъ льстию; и людии мъножьство веде съ собою, и грады Чьрвеньскыя зая собѣ, и приде въ свою землю. Святопълкъ же нача къняжити Кыевѣ [2].

Въ лѣто 6527 [3]. Ярославъ събьра мъножьство вои, *Варягы и Словѣны* [з], и поиде на Святопълка [и]. И възиде противу ему на

а) Такь въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: „приде“. б) Изъ Ипат. и Радз. в) Такъ исправляю, вм. съвъкупивъ, какъ въ Лавр. и Хлѣбн. г) Въ Лавр. и др.: Буга; ср. выше, стр. 543. д) Изъ Ипат. и Радз. е) Изъ Радз. и Ипат. ж) Такъ въ Радз. и др.; въ Лавр.: „по городу“. з) Вставлено по аналогіи предыдущаго. и) „и поиде на Святопълка“ извлекаю изъ предыдущаго (см. прим. 2-е).

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Новгор. свода (§ 276). 2) Въ Нач. св. здѣсь вставлено изъ Новгородскаго свода: „и поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы“. 3) Въ Нач. св. вставлено: „Приде Святополкъ с Печенѣгы в силѣ тяжьцѣ“, ср. ниже.

* Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 242).

Льто Святопълкъ въ силѣ тяжьцѣ[а]. Ярославъ[1] *же* помолися[б], рекъ: «брата моя! аще еста и тѣлъмь отъшьла[в] отсюда, нъ молитвою помозѣта ми на противьнаго сего убийцю и гърдаго». И се ему рекъшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Льтьское обои отъ мъножьства вои. Бѣ же пятъкъ тъгда. *И* въсходящю сълньцю, съступишася обои; бысть сѣча зъла, якаже не была въ Руси; и за рукы емлющеся[г] сѣчахуся, и съступашася тришьды, яко по удолиемъ кръви тещи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святопълкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони[д], и несяхуть й на носилѣхъ; принесоша й къ Берестию, бѣгающе съ нимь; онъ же глаголаше: «побѣгнѣте съ мъною, женуть по насъ». Отроци же его въсылаху противу, еда къто женеть по немь[е]; и не бѣ никогоже въслѣдъ гоняща, и бѣжаху съ нимь. Онъ же въ немощи лежа, въсхопивъся, глаголаше: «осе женуть, оно женуть[ж], побѣгнѣте». Не можаше търпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьску землю, гонимъ Божиимь гнѣвъмь; и[з] прибѣжавъ[и] въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испровьрже зълѣ животъ свои. *И приятъ възмьздие отъ Господа, якоже*[і] показоваше явѣ посъланая *на нь*[к] пагубьная рана, и по съмьрти *муку вѣчьную*[л]. Есть же могыла его въ пустыни и до сего дьне, исходить же отъ нея смрадъ зълъ[2]. Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

а) „Святопълкъ въ силѣ тяжьцѣ“ изъ предыдущаго (см. стр. 577, прим. 3-е). б) Такъ исправляю вм. помоливъся; въ Хлѣбн.: помолился. в) Изъ Радз. и Ипат. г) Такъ въ Радз. и др.; въ Лавр.: емлюче. д) Слова „на кони“ изъ Ипат. е) „по немь“ изъ Ипат., Радз.; въ Лавр.: „по насъ“. ж) „оно женуть“ изъ Ипат. и Радз. (въ послѣдней: „о женуть“). з) Изъ Радз. и) Такъ исправляю; въ Лавр.: прибѣжа. і) Вставлено изъ жит. сказанія. к) То же. л) Вставлено изъ жит. сказанія; въ Повѣсти вр. л. слова: „И приятъ възмьздие отъ Господа... и по съмьрти муку вѣчьную“ сильно передѣланы подъ вліяніемъ Паримійника.

1) Въ Нач. св. здѣсь вставка. 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка относительно значенія для русскихъ князей Святополкова примѣра (§ 37), а въ Повѣсть вр. л. внесена еще вставка изъ Паримійника (§ 37).

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава [1].

Въ лѣто 6530. Поиде [а] Ярославъ къ Берестию.

*Въ си же времена, Мьстиславу сущю Тьмутороканн, поиде на Касогы. Слышавъ же се кънязь Касожьскыи Редедя изиде противу тому, и ставъшема обѣма пълкома противу собѣ, рече Редедя къ Мьстиславу: «чьто ради губивѣ дружину межю собою? нъ сънидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то възьмеши имѣние мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възьму твое вьсе». И рече Мьстиславъ: «тако буди». И съѣхастася [б]. И рече Редедя къ Мьстиславу: «не оружиемь ся биевѣ, нъ борьбою». И яста ся бороти крѣпъко, и надълзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и сильнъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «о, пресвятая [в] Богородице! помози ми; аще бо одолѣю [г] сему, съзижю цьркъвь въ имя твое». И се рекъ, удари имь о землю, и выньзъ [д] ножь, зарѣза Редедю; и [е] шьдъ въ землю его, възя вьсе имѣние его, и [ж] жену его, и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришьдъ Тьмутороканю, заложи цьркъвь святыя Богородица, и създа ю, яже стоить и до сего дьне Тьмутороканн.

** *По семь же* [2] поиде Мьстиславъ на Ярослава съ Козары и съ Касогы.

Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву, и [з] не приняша его Кыяне; онъ

а) Такъ въ Радз.; въ Лавр. и Ипат.: „приде". б) „И съѣхастася" изъ Хлѣбн. и Ипат., в) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: пречистая. г) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: удолѣю. д) Такъ исправляю вм. „вынььзе". е) Изъ Радз., Соф. 1-й и др. ж) Изъ Радз., Соф. 1-й и др. з) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: ии.

1) Это извѣстіе въ Нач. св. распространено по Новг. своду (§§ 124 и 173). 2) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „Въ лѣто 6531".

* Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 232). ** Ср. § 233.

же, шьдъ, сѣде на столѣ Чьрниговѣ [1]. И посъла Ярославъ [а] за море по Варягы. И приде Якунъ съ Варягы; и бѣ Якунъ слѣпъ, луда бѣ у него златъмь истъкана [2]. Иде Ярославъ съ Якунъмь на Мьстислава; Мьстиславъ же, слышавъ, възиде противу има къ Листвьну.

* Мьстиславъ же, съ вечера испълчивъ дружину, постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома. И бывъши нощи [3], поидоста [б] Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ, и съступися чело, Сѣверъ, съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и по семь наступи Мьстиславъ съ дружиною своею и нача сѣщи Варягы [в] [4].

И бысть сѣча сильна [5]. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже [6], и Якунъ ту отъбѣже луды златыѣ [7].

** Мьстиславъ же, осьвтъ заутра и [г] видѣвъ лежащѣ исѣчены [д] свои [е] Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, рече: «къто сему не радъ? се, лежить Сѣверянинъ, а се, Варягъ, а дружина своя цѣла». И посъла Мьстиславъ по Ярославъ [ж], глаголя: «сяди на столѣ [з] своемь Кыевѣ, понеже [и] ты еси старѣи [і] братъ, а мънѣ буди си сторона».

а) Изъ Радз. и Ипат. б) Такъ исправляю вм. „поиде", въ виду послѣдующаго „противу собѣ". в) „и трудишася Варязи... нача сѣщи Варягы" изъ Радз. и Ипат. г) Изъ Радз. и Ипат. д) Такъ въ Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр.: сѣчены. е) Такъ исправляю вмѣсто „отъ своихъ"; ср. Хлѣбн.: „лежаща свои Сѣверы исѣчены". ж) Такъ исправляю; въ Лавр. и Ипат.: „по Ярославѣ", въ Моск.-Акад.: „по Ярослава". з) „на столѣ" изъ Радз., Ипат. и Соф. 1-й. и) Изъ Ипат. и Радз. і) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: старѣишеи.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Новгор. свода (§ 125). 2) Здѣсь въ Нач. сводѣ вставлено изъ Новгор. свода: „И приде къ Ярославу". 3) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Новгор. свода (§ 170). 4) То же. 5) То же. 6) То же. 7) То же.

* Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 233). ** Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 233).

И сѣдяше Мьстиславъ Чьрниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и не смяше Ярославъ ити въ Кыевъ, доньдеже съмиристася[1]; и бяху Кыевѣ мужи Ярославли. И родися Ярославу[а] другыи сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

Въ лѣто 6534. Ярославъ съвъкупи вои мъногъ[б] и приде Кыеву, и сътвори миръ съ братъмь своимь Мьстиславъмь у Городьца. И раздѣлиста по Дънѣпръ Русьску землю: Ярославъ прия сию страну, а Мьстиславъ ону; и начаста жити мирьно и въ братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика въ земли.

Въ лѣто 6535. Родися 3-и сынъ Ярославу и нарече имя ему Святославъ. *Въ се же лѣто*[в][2] знамение змиево[г] явися на небеси, яко видѣти вьсеи земли[3].

Въ лѣто 6538. Ярославъ Белзъ[д] възя. И родися Ярославу 4-и сынъ, и нарече имя ему Вьсеволодъ[4].

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ събьраста вои мъногъ, идоста на Ляхы и заяста грады Чьрвеньскыя опять, и повоеваста Лядьску землю, и мъногы Ляхы приведоста, раздѣливъша я. Ярославъ посади своя[е] по Ръси, и суть до сего дьне. *И*[5] поча ставити городы по Ръси.

Въ лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафии умьре.

Въ лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умьре; и положиша и̓ у цьркъви[ж] святаго Съпаса, юже бѣ[з] самъ заложилъ: бѣ бо възьдано ея при немь възвыше, яко на кони стоящю[и] досящи.

а) Такъ въ Хлѣбн.; въ Лавр. опущено, въ Радз. и Ипат.: „у Ярослава". б) Такъ исправляю вмѣсто „воя многы"; въ Радз.: „вои много". в) Вставлено по смыслу (ср. § 265 и Доп.). г) Изъ Радз. и Соф. 1-й. д) Такъ въ Ипат., въ Лавр.: Бзы. е) Изъ Ипат. ж) Изъ Радз. и Ипат. з) Изъ Радз. и Хлѣбн. и) Такъ поправляю вмѣсто: „стояще".

1) Въ Нач. св. переставлено: „И не смяше Ярославъ ити въ Кыевъ, доньдеже съмиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Чьрниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ". 2) Въ Нач. св.: „В лѣто 6536", но въ Соф. 1-й подъ 6535. 3) Въ Нач. св. вставлено: „В лѣто 6537. Мирно бысть". 4) Въ Нач. св. вставка изъ Новгор. свода (§ 126) и Житія Антонія (§ 61). 5) Въ Нач. св. вмѣсто этого: „В лѣто 6540. Ярославъ".

*Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣлъмь, чьрмьнъмь [а] лицьмь, великома очима, храбръ на рати, милостивъ, и [б] любляше дружину по велику, имѣния не щадяше, ни пития, ни ядения браняше.

По семь же прея власть его вьсю Ярославъ, и бысть единовластьць [в] Русьстѣ земли.

И иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ [1]. И въ се время родися Ярославу сынъ, и [г] нарекоша имя ему Вячеславъ.

Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събьра вои мъногъ, Варягы и Словѣны, приде Кыеву и въниде въ градъ свои. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ же [д] выступи из града, и испълчи дружину, постави Варягы посредѣ, а на правѣи сторонѣ Кыяны, а на лѣвѣмь крилѣ Новъгородьцѣ. И [е] сташа предъ градъмь. А [ж] Печенѣзи приступиша и почаша; и съступишася на мѣстѣ [з], идеже стоить нынѣ святая София, митрополия Русьская; бѣ бо тъгда поле вънѣ града. И бысть сѣча зъла, и едва одолѣ къ вечеру Ярославъ. И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжаще [и], и ови бѣжаще [і] тоняху въ Сѣтомли, ини же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дьне.

Въ се же лѣто въсади Ярославъ [2] въ порубъ братъ свои [к] [3], оклеветанъ къ нему.

Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ градъ великыи, у негоже града суть Златая врата; заложи же и църкъвь святыя София, митрополию; и по семь църкъвь на Златыхъ вратѣхъ святыя Богородица Благовѣщение, по семь святаго Георгия манастырь и

а) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: черменъ. б) Изъ Ипат. и Радз. в) Такъ въ Ипат.; въ Лавр. и Соф. 1-й: самовластець. г) Изъ Радз. и Ипат. д) Изъ Радз. и Ипат. е) Изъ Радз. и Ипат. ж) Изъ Ипат. з) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: „на мѣсто". и) Такъ въ Радз. и Ипат., въ Лавр.: бѣжати. і) „и ови бѣжаще" изъ Радз. и Ипат. к) Такъ исправляю, вмѣсто „брата своего", въ виду слѣдующаго: „оклеветанъ".

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Новгор. свода (§ 126). 2) Въ Нач. св. прибавлено: „Судислава". 3) Въ Нач. св.: „брата своего Плесковѣ".

*) Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 233).

святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрьстияньска плодитися и расширяти, и чьрноризьци почаша мъножитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя цьркъвьныя уставы, попы любляше по велику, излиха же чьрноризьцѣ, и кънигамъ прилежа, почитая я часто въ нощи и въ дьне. И събьра письцѣ мъногы я прекладаше съ ними отъ Грьчьска[а] на Словѣньское писъмо, и съписаша кънигы мъногы, имиже поучающеся[б] вѣрьнии людие наслажаються учения божьствьнаго[1]. Ярославъ же, кънигы[в] [2] мъногы написавъ, положи въ святѣи *сеи* цьркъви[г] [3], юже създа самъ; и[д] украси ю златъмь и сребръмь и съсуды цьркъвьными. Въ лѣто *же* 6547 священа бысть митрополитъмь Ѳеопемтъмь цьркы *си*[4], въ неиже обычьныя пѣсни Богу въздають въ годы обычьныя. И ины цьркъви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣния своего урокъ, веля имъ учити люди и приходити часто къ цьркъвамъ; *попомъ* бо часто достоить учити люди[е], понеже тѣмъ есть поручено Богъмь; и[з] умъножишася презвутери и[ж] людие хрьстияньстии. И

а) Въ Лавр. и др.: „и прекладаше отъ Грекъ“; слова: „*с ними*“ и слогъ *ска* (въ Грьчь*ска*) извлекаю изъ стоящаго въ Лавр., Ипат. и Хлѣбн, за словами „книгы многы“ непонятнаго „и *сни ска*“ (Лавр. и Хлѣбн.). „и списькамџ“ (Ипат.); слоги: „с ними“ и „ска“ попали почему-либо въ протографѣ названныхъ списковъ надъ строку и прочтены были вмѣстѣ б) Такъ поправляю; въ Лавр.: поучащеся, въ Ипат.: поучаються. в) Изъ Хлѣбн. г) „сеи цьркьви“; такъ поправляю предположительно; въ Лавр.: „в святѣй Сооьи церкви“, въ Радз.: „в святѣи Софьи“, въ Ипат.: „вь церкви святои Софьи“. д) Изъ Радз. и Ипат. е) „попомъ бо часто достоить учити люди“ изъ Ипат. (но вмѣсто „попомъ“ тамъ „попови“). ж) Изъ Радз. и Ипат. з) Изъ Ипат. и Радз.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка (§ 114²). 2) Въ Нач. св., въ виду предшествующей вставки: „Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ кънигамъ“. 3) Быть можетъ, уже въ Нач. св. это было измѣнено (ср. выше прим. г). 4) Какъ указано въ § 226, „Священа бысть... цьркы си“ въ Нач. св выдѣлено въ особое извѣстіе, при чемъ, быть можетъ, уже въ Нач. св. „си“ замѣнено ошибочно словами: „святыя Богородица, юже създа Володимеръ, отець Ярославль“ (о томъ, что св. Софія была освящена 4 ноября 6547 см. § 226). Затѣмъ въ Нач. сводѣ вставлено подъ 6546 извѣстіе о походѣ Ярослава на Ятвяговъ (§ 224¹), подъ 6547 извѣстіе объ освященіи церкви, подъ 6548 и 6549 извѣстія о походахъ Ярослава на Литву и Мазовшанъ (§§ 224¹, 224² и 224³); подъ 6550 о походѣ Владиміра на Емь (§§ 115 и 126).

радовашеся Ярославъ [1] зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрьстияньскыми.

* Въ лѣто 6551. Посъла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы и въда ему вои мъногъ [а воеводьство поручи Вышатѣ, отьцю Яневу] [2] **, и[а] поидоша къ Цѣсарюграду; и бысть буря велика и разби кораблѣ Руси, и къняжь корабль разби вѣтръ; и възяша[б] кънязя въ корабль Иванъ Творимирича[в], воеводы Ярославля; и[г] [3] вывьржени быша на брегъ числъмь 6000,

*** и хотящемъ[д] поити въ Русь, и не[е] идяше съ ними никътоже[ж] отъ дружины къняжа. И рече Вышата[з]: «азъ поиду съ ними». И высѣде ис корабля къ нимъ[и], рекъ[і]: «аще живъ буду, аще ли[к] погыну, то съ дружиною». И поидоша, хотяще въ Русь.

И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посъла цѣсарь, именьмь Мономахъ, по Русь[л] олядии 14. Володимеръ же[4], въспятивъся, изби олядия Грьчьскыя, и възвратишася[м] Русь[н], въсѣдавъшеся[о] въ кораблѣ своѣ.

**** Вышату же яша съ извьржеными на брегъ, и приведоша я Цѣсарюграду, и слѣпиша Руси мъного. По трьхъ же лѣтѣхъ, миру бывъшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу [5].

а) Изъ Радз. б) Такъ въ Ипат. и Хлѣбн.; въ Лавр.: взя. в) Такъ въ Ипат. и Хлѣбн.; въ Лавр.: „Иванъ Творимиричь". г) Изъ Радз. д) Такъ поправляю вм. „хотяще". е) Изъ Радз. и Ипат. ж) Изъ Ипат. и Соф. 1-й. з) Изъ Ипат. и Соф. 1-й. и) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: „с ними". і) Изъ Ипат. к) Изъ Радз. и Ипат. л) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: „по Руси". м) Такъ поправляю, въ виду послѣдующаго „въсѣдавъшеся"; въ Лавр. и др.: възвратися. н) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: „въ Русь". о) Такъ поправляю; въ Лавр.: ссѣдавшеся, въ Ипат.: сьсѣдавшися, въ Радз.: всѣдъше.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „видя мъножьство цьркъвии и люди хрьстияны". 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Новгор. св. (§ 169 [2]). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „прочии же вои Володимери" изъ Новгор. св. (§ 169 [3]). 4) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „видѣвъ съ дружиною, яко идуть по немь" (причина вставки та, что въ Новгор. сводѣ читалось: „видѣвъ же се Володимеръ съ дружиною възвратися въ Русь"). 5) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія и затѣмъ еще рядъ вставокъ (§§ 224 [1], 224 [2], 224 [3] и 225).

* Нижеслѣдующую статью признаемъ приписанною въ концѣ Древнѣйшаго свода. ** Заскобленное признаемъ вставкой позднѣйшаго редактора (§ 243). *** Дальше слѣдуетъ вставка позднѣйшаго редактора (§ 243). **** То же (§ 243).

* Въ лѣто 6562. **Начало къняжения Изяславля**[а]. Преставися великыи кънязь Русьскыи Ярославъ. И еще бо живу сущю[б] ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отъхожю свѣта сего, сынове мои; имѣите въ собѣ любъвь, понеже вы есте братия единого отьца и матере; да аще будете въ любъви межю собою, Богъ будеть въ васъ и покорить вы противьныя подъ вы. И будѣте мирьно живуще; аще ли будете ненавидьно живуще, въ распьряхъ которающеся, то погыбнете сами и[в] землю отьць своихъ и дѣдъ своихъ погубите[г], иже ю[д] налѣзоша трудъмь своимь великымь; нъ пребываите мирьно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушаите, якоже послушасте мене, да тъ вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Чьрниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореви Володимерь[е], а Вячеславу Смольньскъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братьня, ни съгонити, рекъ Изяславу: «аще къто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагаи, егоже обидять». И тако уряди сыны своя пребывати въ любъви. Самому же больну сущю и пришьдъшю Вышегороду, разболѣся вельми, Изяславу тъгда Туровѣ къняжащю[ж], а Святославу Володимери, Вьсеволоду же тъгда сущю у отьца, бѣ бо любимъ отьцьмь паче вьсея братия, егоже[з] имяше присно у себе. Ярославу же приспѣ коньць жития и

а) Заглавіе это читается въ Лавр. и др. ниже, послѣ словъ: „живе же вьсѣхъ лѣтъ 70 и 6“ (см. § 248). б) „живу сущю“: такъ въ Комм., Ипат., Радз. и Соф. 1-й; въ Лавр.: живущю. в) Изъ Ипат. и Радз. г) Изъ Ипат. д) Вставлено по смыслу. е) „а Игореви Володимерь“ изъ Комм. и Соф. 1-й; пропускъ механическій: глазъ перенесся съ одного „а“ къ другому. ж) „Туровѣ къняжащю“ изъ Ипат. з) Такъ въ Радз. и др.; въ Лавр.: еже.

* Отсюда идетъ продолженіе къ Древнѣйшему своду, составленное преп. Никономъ.

предасть душю свою въ суботу 1 поста святаго Ѳеодора. Въсеволодъ же съпрята тѣло отьца своего; възложьше на сани, везоша и̇ Кыеву, попомъ поющемъ[а] обычныя пѣсни[1]; и[б] принесъше положиша и̇ въ рацѣ мраморянѣ въ цьркъви святыя София. И плакася по немь Въсеволодъ и людие въси. Живе же въсѣхъ лѣтъ 70 и 6[2]. *И* пришьдъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Чьрниговѣ, Въсеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смольньсцѣ.

Въ се же лѣто иде Въсеволодъ на Търкы зимѣ къ Воиню[в] и побѣди Търкы. Въ семь же лѣтѣ приходи Болушь съ Половьци, и сътвори Въсеволодъ миръ съ ними, и възвратишася въспять, отъньдуже бѣша[г] пришьли.

Въ лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смольньсцѣ, и посадиша Игоря Смольньсцѣ, из Володимеря выведъше.

Въ лѣто 6566. Побѣди Изяславъ Голядь[д].

Въ лѣто 6567. Изяславъ и[е] Святославъ и Въсеволодъ высадиша стрыя своего ис поруба, сѣдѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше и̇[ж] крьсту; и бысть чьрньцьмь.

Въ лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. Въ семь же лѣтѣ Изяславъ и Святославъ и Въсеволодъ и Въсеславъ, съвъкупивъше[з] вои бещисльнъ[и], поидоша на конихъ и въ лодияхъ, бещисльно мъножьство, на Търкы. Се слышавъше Търци убояшася, пробѣгоша и до сего дьне, и помьроша бѣгающе,

---

а) Такъ поправляю; въ Лавр.: „попове поюще“. б) Изъ Радз. и Ипат. в) „зимѣ къ Воиню“ изъ Радз. и Хлѣбн. г) Изъ Акад. и Соф. 1-й. д) Такъ въ Ипат. и Комм. (гдѣ „Голядъ“); въ Лавр.: Голяди. е) Изъ Радз. и Ипат. ж) Изъ Ипат. и Акад. з) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: совокупи. и) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: бещислены.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „и плакашася по немь людие“ изъ Новгор. свода. 2) Въ Нач. св. за симъ идетъ заглавіе: „Начало къняжения Изяславля Кыевѣ“.

Божиимь гнѣвъмь гоними, ови отъ зимы, друзи же гладъмь, ини же моръмь и судъмь Божиимь. Тако Богъ избави хрьстияны отъ поганыхъ.

Въ лѣто 6569. Придоша Половьци пьрвое на Русьску землю воеватъ; Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 дьнь; и бивъшемъся имъ, побѣдиша Вьсеволода, и воевавъше отъидоша. Се бысть пьрвое зъло отъ поганыхъ и безбожьныхъ врагъ. Бысть же кънязь ихъ Сокалъ [а].

Въ лѣто 6570 [1]. *Начало Печерьскаго манастыря* [б] [2]. Боголюбивому кънязю Ярославу любящю Берестовое и цьркъвь ту сущюю Святыхъ Апостолъ· и попы мъногы набъдящю, въ нихъже бѣ презвутеръ, именьмь Иларионъ, мужь благъ, кънижьнъ и постьникъ; и [в] хожаше съ Берестоваго на Дънѣпръ, на хълмъ, къде нынѣ манастырь [3] Печерьскыи, и [г] ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печеръку малу дъву саженю [д], и приходя съ Берестоваго, отъпѣваше часы и моляшеся ту Богу въ таинѣ. По семь же Богъ кънязю въложи въ сьрдьце и постави й митрополитъмь, въ лѣто 6559 [е] [4], въ святѣи Софии, събьравъ епископы [ж] [4], а си печеръка тако ста. И не по мъноѕѣхъ дьньхъ бѣ нѣкыи чловѣкъ, именьмь мирьскымь *Антипа* [з] [5], отъ града Любьча, и възложи сему Богъ въ сьрдьце въ страну *Грьчьску* [и] [3] ити и тамо манастыря сущая

а) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: Искалъ. б) Вставляю предположительно. в) Изъ Радз. и Ипат. г) Изъ Радз. и Ипат. д) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: сажену. е) „въ лѣто 6559“ заимствую изъ начала лѣт. статьи. ж) „събьравъ епископы“ заимствую изъ предыдущаго извѣстія въ началѣ лѣт. статьи. з) Изъ маргинальной приписки къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго. и) Вставляю по смыслу.

1) Слѣдующая статья въ Нач. св. перенесена подъ 6559 годъ (§ 244). 2) Вмѣсто этого заглавія въ Нач. св.: „И се да съкажемъ чьто ради прозъвася Печерьскыи манастырь“. 3) Въ Нач. св. „ветъхыи манастырь“. 4) Въ Нач. св. „Въ лѣто 6559“ „събьравъ епископы“ перенесено выше. 5) Мірское имя Антонія въ Нач. св. опущено 3) Въ Нач. св. опущено.

видѣти [а] [1]. И обиходивъ [2], приде въ единъ отъ сущихъ ту манастырь [б] и моли [в] игумена того, да бы на нь възложилъ образъ *чьрньчьскыи* [г] [3]. Онъ же, послушавъ его, постриже й, нарекъ имя ему Антонии, наказавъ его и научивъ чьрньчьскому *житию* [д] [4]; и рече ему: «яко отъ тебе мънози чьрньци быти имуть»; и [е] благослови й, и отъпусти, рекъ ему: «иди съ миръмь». Антонии же приде Кыеву и мышляше, къде бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и поча ходити по дьбрьмъ и по горамъ, ища, къде бы ему Богъ показалъ; и приде на хълмъ, идеже бѣ Иларионъ ископалъ печеръку, и възлюби мѣстьце [ж] се и въселися въ не [5]; и поча жити ту, моля Бога, яды хлѣбъ сухъ и то же чресъ дьнь и воды въ мѣру въкушая, копая печеру и не дада [з] собѣ упокоя ни [и] дьнь, ни [и] нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бъдѣнии и въ молитвахъ. По семь же увѣдѣвъше [і] добрии чловѣци приходяху къ нему, приносяще ему, еже на потребу, и [6] просяху у него благословения.

По семь же, преставльшюся великому кънязю Ярославу, прея власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антонии же прославленъ бысть въ Русьстѣ земли. Изяславъ же, увѣдѣвъ житие его, приде съ дружиною

а) „и тамо манастыря сущая видѣти“ изъ Хлѣбн. (гдѣ, вмѣсто „видѣти“: „ту видѣти“).; въ Лавр. ниже: „и видѣ ту манастырь сущи“. б) „единъ... манастырь“ изъ Ипат.; въ Лавр.: „манастырь ту“. в) Такъ въ Ипат. и Радз., въ Лавр.: умоли. г) Такъ поправляю вмѣсто „мьнишьскыи“, въ виду послѣдующаго. д) „житию“ изъ Ѳеодосіевской ред. Патерика, въ Лавр. и др.: образу. е) Изъ Ипат. ж) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: мѣсто. з) Такъ исправляю (Ѳеод. ред. Патер.: не дадый); въ Лавр. и др.: да. и) Изъ Ипат. и Радз. і) Такъ исправляю (согласно съ Ѳеод. ред. Патерика); въ Лавр.:увѣдѣша, въ Радз. и Ипат.: увѣдавше.

1) Вмѣсто „и тамо... видѣти“, въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія (§ 191[1] и сл.). 2) Въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія. 3) Въ Нач. св., въ виду предыдущей вставки, измѣнено въ „мнишьскыи“. 4) Въ Нач. св. здѣсь вставка изъ Житія Антонія. 5) То же. 6) Вставлено „прослу якоже великыи Антонии, и приходяще къ нему“.

своею, прося у него благословения и молитвы. И увѣданъ бысть вьсѣми великыи Антонии и чьстимъ [1]; и събьрася братия къ нему числъмь 12 ископаша печеру велику, и църкъвь, и кѣлия [2]. Съвъкупленѣ же братии, рече имъ Антонии [3]: «живѣте собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хощю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ уединивъся жити [а]»; и постави имъ игумена, именьмь [б] Варлама, а самъ иде въ гору и ископа печеру, *и живяше въ неи, не выходя изъ нея* [в] [4]; братия же съ игуменъмь живяху въ печерѣ [г]. И умъноживъшемъся братии и не могущемъ ся въмѣстити въ печеру [д], помыслиша поставити вънѣ печеры *църкъвьцю* [е] [5]; и приде игуменъ и братия къ Антонию, и рѣша ему: «отьче, умъножилося братиѣ, а не можемъ ся въмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили църкъвьцю вънѣ печеры». И повелѣ имъ Антонии. Они же поклонишася ему и поставиша църкъвьцю малу надъ печерою въ имя святыя Богородица Усъпения [6]. *По семь же* Изяславъ постави манастырь святаго Дьмитрия, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дьмитрию, хотя сътворити вышнии сего манастыря, надѣяся богатьству. Мънози бо манастыри отъ цѣсарь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, нъ не суть таци, каци суть поставлени

а) Изъ Радз. б) „игумена именьмь“ изъ Радз., въ Лавр.: игуменомь. в) Вставлено по смыслу, ср. Житіе Θеодосія. г) „въ печерѣ“ изъ Радз. и Ипат. д) „и не могущемъ... въ печеру“ изъ Ипат. е) Вставлено по смыслу; въ Лавр. и др.: манастырь.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія: „и начаша приходити к нему братия, и нача приимати и постригати я“. 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка: „яже суть и до сего дне подъ ветхымь манастыремь в печерѣ“ (§ 245). 3) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія. 4) Это въ Нач. св. опущено; вмѣсто того: „яже есть подъ новымь манастыремь“ (§ 245) и далѣе вставка изъ Житія Антонія. 5) Въ Нач. св. (на основаніи отчасти Житія Антонія): „поставити вънѣ печеры манастырь“. 6) Здѣсь въ Нач. св. вставлено подъ вліяніемъ Житія Антонія то, что въ Др. сводѣ читалось ниже.

слъзами и[а] пощениемь, и[а] молитвою, и[а] бъдѣниемь[1]. Варламу же шьдъшю къ святому Дьмитрию, съвѣтъ сътворьше братия идоша къ старьцю Антонию и рѣша: «постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «кого хощете?» Они же рѣша: «кого хощеть Богъ и ты». И рече имъ: «къто болии въ васъ, акъже Өеодосии, послушьливъ и кротъкъ, и съмѣренъ[б]; да сь будеть вамъ игуменъ». И[в] ради бывъше, поклонишася старьцю и поставиша Өеодосия игуменъмь, братии сущи[г] числъмь 20. Өеодосию же примъшю манастырь, поча имѣти въздьржание, велико пощение и молитвы съ слъзами, и съвъкупляти нача мъногы чьноризьцѣ, и съвъкупи братиѣ числъмь 100. [2] И посъла единого отъ братиѣ къ Изяславу кънязю, река тако: «къняже мои! се, Богъ умъножаеть братию, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою». Изяславъ же, слышавъ, радъ бысть, посъла мужь свои и въда имъ гору ту. Игуменъ же и братия заложиша цьркъвь велику и манастырь оградиша стълпиемь, кѣлия поставиша мъногы, цьркъвь съвьршиша и иконами украсиша. И отътолѣ почася[д] Печерьскыи манастырь; имьже бѣша жили чьрньци преже въ печерѣ, отъ того прозъвася Печерьскыи манастырь[3]. *По сихъ же*[е] нача *Өеодосии*[ж] искати правила чьрньчьскаго (*далѣе сообщалось, какъ въ Житiи Өеодосія, о полученiи Студійскаго устава черезъ Ефрема скопца*)[4]. И устави въ

а) Изъ Ипат. и Радз. б) Поправляю по Өеод. ред. Патерика; въ Лавр.: „послушьливый, кроткый, смѣреный". в) Изъ Радз. (гдѣ „и братья"). г) Изъ Ипат. и Хлѣбн. д) Такъ въ Моск.-Акад.; въ Лавр.: почаша. е) Вставлено изъ Житія Өеодосія. ж) Вставлено по смыслу.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено: „Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощениемь, якоже глаголахъ". 2) Въ Нач. св. слѣдующій отрывокъ перенесенъ, подъ вліяніемъ Житія Антонія, выше. 3) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Житія Антонія и далѣе то, что помѣщено въ Никоновомъ сводѣ выше. 4) Въ Нач. св. подъ вліяніемъ Житія Антонія другой разсказъ.

манастыри своемь, како пѣти пѣния манастырьская и поклонъ како дьржати и чьтения почитати и стояние въ цьркъви и вьсь рядъ цьркъвьныи и на[а] трапезѣ сѣдание и чьто ясти въ кыя дьни[1]. Се же написах*омъ* и положих*омъ*[б], въ кое лѣто почалъ быти манастырь и чьто ради зоветься Печерьскыи. (*Далѣе слѣдовало недошедшее до насъ повѣствованіе о духовныхъ подвигахъ Θеодосія*)[2] .... [3] и блаженое стадо, еже бѣ съвъкупилъ Θеодосии, такы чьрньцѣ, *иже*[в] яко свѣтила въ Руси сияють: ови бо[4] постьници крѣпъци, ови же на бъдѣние, ови на кланяние колѣньное, ови на пощение чресъ дьнь и чресъ дъва дьни, ини же ядуще хлѣбъ съ водою, ини зелие варено, друзи сыро. Въ любъви *же*[г] пребываю*ть*[д], мьньшии покаряющеся старѣишимъ и не смѣюще предъ ними глаголати, нъ вьсе *творять*[е] съ покорениемь и съ послушаниемь великъмь; тако же и старѣишии им*ѣють*[ж] любъвь къ мьньшимъ, наказающе[з] *я*[и] и[і] утѣшающе, яко чада възлюблена. Аще которыи братъ въ етеро прегрѣшение въпадеть[к], утѣшаю*ть*[л] ѝ[м], и епитемию единого брата раздѣл*ять*[н] трие ли четырие за велику любъвь. Така[о] бо[5] любы

а) „и на" изъ Радз. и Ипат. б) Такъ поправляю на основаніи § 245; въ Лавр. „се же написахъ и положихъ". в) Вставлено по смыслу. г) Вставлено по смыслу. д) Такъ поправляю вм. „пребывающе". е) Вставлено по смыслу. ж) Такъ поправляю; въ Лавр.: имя; въ Ипат.: имяху. з) Такъ въ Хлѣбн. и Моск. сводѣ 1479 г. (протографѣ Воскр. лѣтописи); въ Лавр. и Ипат.: наказаху. и) Изъ Хлѣбн. (гдѣ, впрочемъ, „ихъ"). і) Изъ Ипат. к) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: впадаше. л) Такъ поправляю; въ Моск. св.:утѣшающи; въ Лавр.: утѣшаху. м) Изъ Ипат. н) „единого брата раздѣлять" изъ Ипат. (гдѣ „раздѣляху"). о) Такъ поправляю; въ Лавр.: тако, въ Ипат.: такова.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка о заимствованіи Студійскаго устава другими монастырями изъ Печерскаго; и далѣе вставка, гдѣ составитель Нач. св. говоритъ о себѣ (§ 245). 2) Это опущено въ Нач. св. и возстановлено быть не можетъ. 3) Дальнѣйшее перенесено въ Нач. св. въ статью 6582 года. 4) Въ Нач. св. прибавлено „бяху". 5) Тамъ же: „бо бяше".

въ братии тои и[а] въздьржание велико. Аще братъ етеръ выид*еть*[б] из манастыря, вься братия *имѣють*[в] о томь печаль велику и[г] посылають[д] по нь, призыва*юще*[е] брата къ манастырю, *доньдеже придеть*[ж] въ манастырь[з]; и[и] шьдъше вьси покло*няться*[і] игумену и умолять[к] игумена и приимуть[л] брата въ манастырь съ радостию. Таци бо ти[м] любъвьници и въздьржьници[н] и постьници, отъ нихъже намѣню нѣколико мужь чюдьныхъ. Яко се пьрвыи Дамиянъ презвутеръ бяше такъ[о] постьникъ и въздьржьникъ, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до съмьрти своея. Аще къто коли принесяше дѣтищь больнъ, кацѣмь любо недугъмь одьржимъ, ли съвьршенъ чловѣкъ, кацѣмь любо недугъмь одьржимъ, приходяше въ манастырь къ блаженому Өеодосию, повелѣваше сему Дамияну молитву сътворити болящему; и абие сътворяше молитву и маслъмь помазаше, и приимаху исцѣление приходящии къ нему. Разболѣвъшю же ся и коньць прияти лежащю ему въ немощи, приде ангелъ къ нему въ образѣ Өеодосиевѣ, даруя ему цѣсарьство небесьное за труды его; по семь же приде Өеодосии съ братиею, и присѣдяху у него; оному же изнемагающю, възьрѣвъ на игумена, рече: «не забывай, игумене, еже ми[п] еси ночьсь[р] обѣщалъ»; и разумѣвъ великыи Өеодосии, яко видѣние видѣлъ, рече ему: «брате Дамияне! еже ти[с] есмь обѣщалъ, то ти буди». Онъ же, съмьжаривъ очи, предасть духъ въ руцѣ Божии. Игуменъ же и братия похоро-

---

а) Изъ Ипат. б) Такъ поправляю; въ Лавр: выидяше. в) Такъ поправляю; въ Лавр.: имяху. г) Изъ Ипат. д) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: посылаючи. е) Такъ поправляю; въ Лавр.: призываху. ж) Вставлено по смыслу. з) „въ манастырь“ изъ Воскр. (гдѣ: „и тако и пришедъ въ монастырь“). и) Изъ Ипат. і) Такъ поправляю; въ Ипат.: покланяхуся, въ Лавр.: кланяхуся. к) Такъ въ Ипат.: въ Лавр.: моляху. л) Такъ поправляю; въ Лавр.: приимаху, въ Моск. сводѣ: пріемлюще. м) Такъ въ Воскр.; въ Лавр. и др.: бѣша. н) въ Лавр. ошибкой: „сдержьци“. о) Такъ поправляю; въ Лавр.: тако. п) Изъ Радз. и Ипат. р) Изъ Ипат. с) Изъ Ипат.

нища тѣло его. Такъ же[а] и другыи братъ, именьмь Еремия, иже помьняше крьщение земля Русьскыя. Сему[б] даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше въ помышлении, обличаше и̓ въ таинѣ и наказаше блюстися отъ диявола; аще которыи братъ умышляше ити из манастыря и узьряше и̓, пришьдъ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще кому[в] чьто речаше, ли добро, ли зъло, събудяшеться старьче слово. И[г] другыи старьць, именьмь Матѳѣи: тъи[д] прозорьливъ. Единою бо ему стоящю въ цьркъви на мѣстѣ своемь, възведъ очи свои, позьрѣ по братии, иже стоять поюще по обѣма странама, и[е] видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ Ляха, въ лудѣ, и носяща въ прииолѣ цвѣтькы, иже глаголються лѣпъци[ж]. И обиходя подълѣ братию, възимая из лона лѣпъкъ, вьржаше на кого любо: аще прильняше кому цвѣтъкъ въ поющихъ отъ братия, и тъ[з], мало постоявъ и расслабленъ умъмь, вину сътворь каку любо, изидяше ис цьркъве, и[и] шьдъ въ кѣлию, усъняше и не възвратяшеться въ цьркъвь до отъпѣтия; аще ли вьржаше на другаго, и не прильняше къ нему цвѣтъкъ, стояше крѣпъкъ въ пѣнии, доньдеже отъпояху утрьнюю, и тъгда изидяше въ кѣлию свою. Се же вида старьць повѣдаше братии вьсеи[і]. Пакы же видѣ старьць се: по обычаю бо сему старьцю отъстоявъшю утрьнюю, братия *же*, отъпѣвъши заутрьнюю[к], предъ зорями идоша по кѣлиямъ своимъ,

---

а) Въ Лавр.: „такъ же бѣ“, но въ Ипат. нѣтъ „бѣ“, а въ Моск.-Акад.: „пакы же“ (возможно, что въ дальнѣйшемъ разсказѣ объ Іереміи въ первоначальномъ текстѣ стояли фф. не прошедшаго, а наст. времени). б) Въ Лавр.: „Сему бѣ“, но въ Ипат. нѣтъ „бѣ“. в) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: „к нему“. г) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: „Бѣ же и“. д) Изъ Ипат. (тои бѣ), въ Лавр.: бѣ, въ Радз.: „и бѣ“. е) Изъ Ипат. и Радз. ж) Такъ поправляю; въ Лавр.: „глаголеться лѣпокъ“. з) „и тъ“ изъ Ипат. и) Изъ Радз. и Ипат. і) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: своеи. к) „братия... заутрьнюю“ изъ Ипат. (но тамъ: „братьи отпѣвши заутреню“).

сь же старьць послѣ исхожаше ис цьркъве. Идущю же ему единою[а], сѣде опочивая подъ билъмь, бѣ бо кѣлия его подале цьркъве, и[б] видѣ се, яко тълпа поиде отъ воротъ; възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свинии, а другыя текуща около его. И рече имъ старьць: «камо идете?» И рече сѣдяи на свинии бѣсъ: «по Михаля по Тольбековича». Старьць же знаменася крьстьнымь знамениемь, и приде въ кѣлию свою. Яко бысть свѣтъ, разумѣ старьць и[в] рече кѣлииннику: «иди, въпрашаи, есть ли Михаль въ кѣлии?» И рѣша ему: «яко давѣ скочилъ есть[г] съ стълпия по заутрьнии». И повѣда старьць видѣние се игумену и вьсеи[д] братии[1]. Яко се[е] другыи чьрноризьць, именьмь Исакии: яко еще сущю ему въ мирѣ[2] и богату сущю ему, бѣ бо купьць, родъмь Торопьчанинъ, и помысли быти мьнихъ, и раздая имѣние свое требующимъ и по[ж] манастыремъ, и иде къ великому Антонию въ печеру, моляся ему, да бы й сътворилъ чьрноризьцьмь. И приятъ й Антонии и[з] възложи на нь пърты чьрньчьскыя, нарекъ имя ему Исакии, бѣ бо имя ему Чьрнь. Сь же Исакии въсприятъ житие крѣпъко: облече бо ся въ власяницю, и повелѣ купити собѣ козьлъ и одьра мѣхъмь козьлъ и възвлече[и] на власяницю, и осъше около его кожа сыра; и затворися въ печерѣ, въ единои улици, въ кѣлиици малѣ, яко четырь лакътъ, и ту моляше Бога съ сльзами; бѣ же ядь его проскура едина, и та же чресъ дьнь и[і] воды въ мѣру пияше. Приносяшеть же ему великыи Антонии и подаваше ему окъньцьмь, яко ся въмѣстяше рука: и[к] тако приимаше

а) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: единому. б) Изъ Радз. и Ипат. в) Изъ Радз. и Ипат. г) Изъ Радз. и Ипат. д) Изъ Ипат. е) Въ Лавр. и др.: „яко се бысть“. ж) Изъ Ипат. з) изъ Радз. и Ипат. и) Такъ въ Радз., въ Лавр.: овлече. і) Изъ Радз. и Ипат. к) Изъ Радз. и Ипат.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка о видѣніи, бывшемъ Матѳею при игуменствѣ Никона (§ 246). 2) Въ Нач. св. прибавлено „въ житии мирьстѣмь“.

пищю. И того сътвори лѣтъ 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ лѣгавъ[а], нъ сѣдя мало приимаше съна. И единою, по обычаю, наставъшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощия; и[б] яко трудяшеться, сѣдяше на сѣдалѣ своемь. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасивъшю, вънезапу свѣтъ, яко отъ сълньца, въсия въ печерѣ, яко зракъ вынимая чловѣку. И поидоста 2 уноши къ нему красьна, и блистаста лици ею акы сълньце и глаголаста[в] къ нему: «Исакие! вѣ есвѣ ангела, а се идеть къ тобѣ Христосъ съ ангелы» [г]. И въставъ Исакии видѣ тълпу и лица ихъ паче сълньца *сияху*, и единъ посредѣ ихъ, и сияшеть лице[д] его паче вьсѣхъ, и глаголаста ему: «Исакие, то ти Христосъ[е]; падъ поклонися ему». Онъ же не разумѣ бѣсовьскаго дѣиства, ни памяти прекрьститися; и[ж] выступя, поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣиству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «нашь еси, Исакие, уже». И[з] въведъше и въ кѣлиицю, посадиша и, и начаша садитися около его; и бысть пълна кѣлия ихъ и улица печерьская. И рече единъ отъ бѣсъ, глаголемыи Христосъ: «възьмѣте сопѣли, бубьны и гусли, и ударяите, ать ны Исакии съпляшеть». И удариша въ сопѣли, въ гусли и въ бубьны, и[з] начаша имь играти; и утомивъше и, оставиша и еле[и] жива[і], и отъидоша, поругавъшеся ему. Заутра же бывъшю свѣту и приспѣвъшю въкушению хлѣба, приде Антонии по обычаю къ окъньцю, и глагола: «благослови, отьче Исакие!» и не бысть гласа ни послушания. И мъногажьды глагола Антонии[к], и не бысть отъвѣта. И рече Антонии: «се, уже преставилъся есть». И посъла

а) Въ Лавр.: „не лѣгавъ“, но въ Ипат.: лежа. б) Изъ Радз. и Ипат. в) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: глаголюща. г) „съ ангелы“ изъ Ипат. и Радз. д) „сияшеть лице“ такъ поправляю; въ Ипат.: „сьяху отъ лица“. е) „И въставъ Исакии... то ти Христосъ“ изъ Ипат. ж) Изъ Радз. и Ипат. з) То же. и) Такъ въ Хлѣбн.; въ Лавр.: оле. і) Такъ въ Радз., въ Лавр.: живного. к) „и не бысть гласа... Антонии“ изъ Ипат.

въ манастырь по Ѳеодосия и по братию. И отъкопавъше къде бѣ загражено устие, пришьдъше възяша и, мьртва мьняще, и[а] вынесъше положиша и̂ предъ печерою. И узьрѣша, яко живъ есть, и рече игуменъ Ѳеодосии: «яко се имать быти отъ бѣсовьскаго дѣиства». И положиша и̂ на одрѣ, и[б] служаше около его Антонии. Въ си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ, и[в] нача гнѣватися Изяславъ на Антония из Вьсеслава, и присълавъ Святославъ[г] въ нощь поя Антония Чьрнигову. Антонии же, пришьдъ Чьрнигову[д], възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся въсели; и[е] есть ту манастырь святыя Богородица на Болдинахъ горахъ, *близь*[ж] сего мѣста. Ѳеодосии же, увѣдавъ, яко Антонии шьлъ Чьрнигову, шьдъ съ братиею, възя Исакия и принесе и̂ къ собѣ въ кѣлию и служаше около его, бѣ бо раслабленъ тѣлъмь и умъмь[з], яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни въстати, ни сѣдѣти, нъ лежаше на единои странѣ, и[е] подъ ся полѣваше[и], мьногажьды и чьрвие въкыняхуся подъ бедру ему съ мочения и съ полѣвания. Ѳеодосии же самъ своима рукама омываше и съпряташеть и̂; за дъвѣ лѣтѣ се сътвори около его. Се же бысть чюдьно и дивьно: яко за дъвѣ лѣтѣ лежа, сии ни хлѣба въкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какаго брашьна, ни языкъмь проглагола, нъ нѣмъ и глухъ лежа за дъвѣ лѣтѣ[і]. Ѳеодосии же моляшеть[к] Бога за нь и молитву творяшеть[к] надъ нимь дьнь и нощь, доньдеже на 3-ее лѣто проглагола и слыша и на ногы нача въстаяти, акы младеньць, и нача ходити. И не брежаше въ цьркъвь ходити, нъ[л] нужею привлачахуть[м]

а) Изъ Радз. и Ипат. б) То же. в) То же. г) То же. д) „Антонии... Чьрнигову“ изъ Ипат. и Радз. е) Изъ Ипат. и Радз. ж) Вставлено изъ Патерика Печерскаго (гдѣ читается: „близъ Чернигова“); въ Лавр.: вмѣсто „близь“—„и до“. з) „и умъмь“ изъ Радз. и Ипат. и) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.:плеваше. і) „се сътвори около его... лежа за дъвѣ лѣтѣ“ изъ Радз. и Ипат. к) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: „моляше“, „творяше“. л) Изъ Ипат. м) Ср. Хлѣбн.: привлачаху; въ Лавр.: привлечахуть.

и̇ къ цьркъви; и тако по малу научиша и̇[а]. И по семь научи и̇[б] *Өеодосии*[в] на трапезьницю ходити и посажашеть и̇ кромѣ братия: положаху предъ нимь хлѣбъ, и не възьмяше его, коли въложити будяше[г] въ руцѣ ему. Өеодосии же рече: «положите хлѣбъ предъ нимь, а не въкладаите въ руцѣ ему, ать самъ ясть». И не бреже[д] за недѣлю ясти, и по малу оглядавъся, кусаше хлѣба, и[е] тако научися ясти. И тако избави и̇[ж] Өеодосии отъ къзни дияволя. Исакии же въсприятъ въздьржание пакы жестоко[1].

Таци ти[з] чьрноризьци Өеодосиева манастыря, иже сияють[и] яко свѣтила и молять Бога за сьде сущюю братию и за мирьскую братию и за приносящая въ манастырь, въ немьже[і] добродѣтельное житие живуть обьще вьси въкупѣ, въ пѣнии и въ молитвахъ и въ послушании, на славу Богу вьсемогущему, Өеодосиевами молитвами съблюдаеми, емуже слава, аминь.

Въ лѣто 6571. Судиславъ преставися[2], и погребоша и̇ въ цьркъви святаго Георгия[3].

Въ лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ[4] Тьмутороканю, и съ нимь бѣжа Порѣи и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новъгородьскаго; и пришьдъ выгъна Глѣба ис Тьмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто.

Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава Тьмутороканю[к]. Ростиславъ же отъступи кромѣ из града, не убоявъся его, нъ не хотя противу стрыеви своему

а) „и тако по малу научиша и̇" изъ Радз. и Ипат. б) Изъ Хлѣбн. (гдѣ „его"). в) Вставлено по смыслу. г) Изъ Ипат. д) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: „не преже". е) Изъ Радз. и Ипат. ж) Изъ Ипат. з) Въ Лавр. и Радз.: „таци ти быша", въ Ипат. и Хлѣбн.: „таци же бѣша". и) Въ Лавр. и др.: „сияють и по смерти". і) Въ Лавр. и др.: „въ немьже и донынѣ" („и нынѣ"). к) „и съ нимь бѣжа Порѣи... Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава Тьмутороканю" изъ Ипат. и Комм.

1) Далѣе въ Нач. сводѣ (подъ 6582) вставленъ разсказъ о послѣдующей жизни Исакія. 2) Въ Нач. св. вставлено „Ярославль братъ". 3) Въ Нач. св. здѣсь вставлено новгородское извѣстіе (§ 115). 4) Въ Нач. св. прибавлено: „сынъ Володимерь, вънукъ Ярославль".

оружия възяти. Святославъ же, пришьдъ Тьмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба и [а] възвратися опять. Ростиславъ же, пришьдъ, пакы выгъна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отьцю своему; Ростиславъ же сѣде Тьмуторокани [1].

Въ си же времена бысть знамение на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кръвавы, въсходящи съ вечера по заходѣ сълньчьнѣмь, и пребысть за 7 дьнии. Се же проявляше не на добро; по семь бо быша усобицѣ мъногы [б] и нашьствие поганыхъ на Русьску землю; си бо звѣзда бѣ акы кръвава, проявляющи кръви пролитие. Въ си же времена бысть дѣтищь въвьрженъ въ Сѣтомль; сего же [в] дѣтища выволокоша рыболови въ неводѣ, егоже позоровахомъ до вечера, и пакы въвьргоша и въ воду; бяшеть бо сиць: на лици ему срамьнии удове, иного нѣ льзѣ казати срама ради. Предъ симь же временьмь и сълньце премѣнися, и не бысть свѣтьло, нъ акы мѣсяць бысть, егоже невѣгласи глаголють сънѣдаему сущю [2].

Въ си же [г] времена приде вълхвъ, прельщенъ бѣсъмь; пришьдъ бо Кыеву, глаголаше: «явило ми ся есть 5 богъ, глаголющь сице: повѣдаи [д] людьмъ, яко на пятое лѣто Дънѣпру потещи въспять, а [е] землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Грьчьстѣ земли на Русьстѣ [ж], а Русьстѣ на Грьчьстѣ, и прочимъ землямъ измѣнитися; егоже невѣгласи послушахуть [з],

---

а) Изъ Ипат., Радз. и Акад. б) Такъ въ Ипат., Радз. и Комм.; въ Лавр.: много. в) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: его же. г) Изъ Радз., Ипат., Комм. и Соф. 1-й. д) „явило ми ся... повѣдаи“ изъ Акад., Комм., Переясл. и Ипат. (но въ нихъ: „глаголюще“); въ Лавр. вмѣсто этого: „сице повѣдая“. е) Такъ въ Комм., Ипат., Радз.; въ Лавр.: и. ж) „на Русьстѣ“ изъ Радз. и Ипат. з) Такъ въ Ипат., въ Лавр.: послушаху.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ Новгор. свода (§ 128). 2) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ хронографа; а послѣдующее перенесено въ немъ подъ 6579-й годъ

вѣрьнии же насмѣхахуться [а], глаголюще ему: «бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти. Бѣси бо подътъкъше на зъло въводять, по семь же насмисаються, въвьргъше ѝ въ пропасть съмьртьную, научивъше глаголати, якоже се съкажемъ бѣсовьское наущение и дѣиство.

Бывъши бо единою скудости [б] въ Ростовьстѣ области, въстаста дъва вълхва отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ съвѣвѣ, къто обилие дьржить». И поидоста по Вългѣ; къде придуча [в] въ погостъ [г], ту же нарицаста [д] лучьшая жены, глаголюща: «яко си жито дьржить, а си медъ, а си рыбы, а си скору». И привожаху къ нима сестры своя, матери и жены своя; она же въ мьчьтѣ, прорѣзавъша за плечима [е], вынимашета [ж] любо жито, любо рыбу, или вѣверицю [з]; и убивашета мъногы жены и [и] имѣние ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро. И бѣ о [і] нею людии нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину. Повѣдаша ему Бѣлоозерьци: «яко дъва кудесьника избила уже мъногы жены по Вългѣ и по Шекъснѣ и пришьла еста сѣмо». Янь же, испытавъ, чия еста смьрда, и увѣдѣвъ, яко своего кънязя, посълавъ къ симъ [к], иже около ею суть, рече имъ: «выдаите вълхва та сѣмо, яко смьрда еста моя и моего кънязя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ без оружия, и рѣша ему отроци его: «не ходи без оружия, осоромять тя». Онъ же повелѣ възяти оружие отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ

а) Такъ исправляю; въ Ипат.: насмѣхахуся; въ Лавр.: насмѣхаются, въ Комм.: насмѣяхуся, въ Радз.: смеяхуться. б) Такъ въ Радз., Ипат., Комм.; въ Лавр.: скудити. в) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: придуть. г) Такъ въ Радз., въ Лавр.: „в погостѣ“ д) Такъ поправляю; въ Лавр. и Соф. 1-й: нарицаху, въ Радз.: нарекаста, въ Акад.: нарикаста. е) Такъ въ Хлѣбн. и Комм.; въ Лавр. и Ипат.: плечемь. ж) Такъ поправляю; въ Лавр.: вынимаста. з) „или вѣверицю“ изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й. и) Изъ Радз. і) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: у. к) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: нимъ.

нимь, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа, испълчивъшеся противу; Яневи же идущю съ топорьцьмь, выступиша отъ нихъ трие мужи, и[а] придоша къ Яневи, рекуще ему: «вида идеши на съмьрть, не ходи». Оному повелѣвъшю бити[б] я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня; единъ грѣшися Яня топоръмь; Янь же, оборотя топоръ, удари ѝ тылиемь, повелѣ отрокомъ сѣщи я; они же бѣжаша въ лѣсъ; убиша же ту попина Янева. Янь же, въшьдъ въ градъ къ Бѣлоозерьцемъ, рече имъ: «аще не имете[в] вълхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто». Бѣлоозерьци же, шьдъше, яша я и приведоша я къ Яневи. И рече има: «чьто ради погубиста толико чловѣкъ?» Онѣма же рекъшема: «яко ти дьржать обилие; да аще истребивѣ и избиевѣ[г] сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то предъ тобою вынимевѣ жито, ли рыбу, ли ино чьто». Янь же рече: «по истинѣ лъжета[д]; сътворилъ бо есть[е] Богъ чловѣка отъ земля, съставль ю[ж] костьми и жилами, и[з] отъ кръве; нѣсть въ немь ничьтоже»[1]. Она же рѣста: «вѣ вѣвѣ, како есть чловѣкъ сътворенъ». Онъ же рече: «како?» Она же рѣста: «Богъ, мывъся въ мъвьници и въспотивъся, отеръся ветъхъмь, върже ѝ съ небесе на землю; и распьрѣся сотона съ Богъмь, кому въ немь сътворити чловѣка, и сътвори дияволъ чловѣка, а Богъ душю въ нь въложи; тѣмь же аще умьреть чловѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу». Рече има Янь: «по истинѣ прельстилъ ва[и] есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?» Она же рѣста: «антихрьсту». Онъ же рече има: «то къде есть?» Она же рѣста: «сѣдить въ бездънѣ». Рече

а) Изъ Радз. и Ипат. б) Такъ въ Радз., въ Лавр.: обити. в) Такъ въ Радз., Ипат. и др.; въ Лавр.: имате. г) „и избиевѣ“ изъ Акад., Ипат., Хлѣбн., Соф. 1-й. д) Такъ въ Хлѣбн., Комм. и др.; въ Лавр.: „лжа то“. е) „бо есть“ изъ Ипат., Комм. и др. ж) Такъ поправляю; въ Лавр. и др.: съставленъ. з) Изъ Радз., Комм. и др. и) Такъ поправляю; въ Лавр.: васъ; въ Соф. 1-й: вы.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „и не вѣсть никътоже, нъ тъкъмо единъ Богъ вѣсть“ (ср. § 253, стр. 456).

има Янь: «какыи то Богъ, сѣдяи въ бездънѣ? тъ есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предъстоять ему съ страхъмь, не могуще на нь зьрѣти; сии бо ангелъ, егоже вѣ глаголета антихрьстъ, за величание его отъ ангелъ[а] съвьрженъ[б] бысть съ небесе, и есть въ бездънѣ, якоже то вѣ[в] глаголета, жьда, егда придеть Богъ съ небесе; сего имъ антихрьста съвяжеть узами и посадить й въ огни вѣчьнѣмь[г] съ слугами его[д], иже къ нему вѣрують; вама же и сьде муку приятя отъ мене и по съмьрти тамо». Онѣма же рекъшема: «нама бози повѣдають, не можеши нама сътворити ничьтоже». Онъ же рече има: «лъжють вама бози». Она же рѣста[е]: «нама стати предъ Святославъмь, а ты нама[ж] не можеши сътворити ничьтоже». Янь же повелѣ бити я и потьргати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею потьрганѣ проскѣпъмь, рече има Янь: «что вама бози мълвять?» Онѣма же рекъшема: «стати нама предъ Святославъмь», повелѣ Янь въложити рубля[з] въ уста има и привязати я къ упругомъ[и], и пусти предъ собою лодия, и самъ по нихъ иде. Сташа на устии Шекъсны; и рече има Янь: «чьто вама бози мълвять?» Она же рѣста: «сице нама бози мълвять: не быти нама живома отъ тебе». И рече има Янь: «то ти вама право повѣдали». Она же рѣста: «нъ аще на пустиши, мъного ти добра будеть; аще ли наю погубиши, мъногу печаль примеши и зъло». Онъ же рече има: «аще ваю пущю, то

а) Такъ поправляю; въ Лавр.: „сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его“; въ Ипат.: „сии бо отъ ангелъ свѣрженъ бысть, егоже вы глаголете антихрьста, за величание его“. б) Такъ въ Радз., Ипат., Соф. 1-й; въ Лавр.: низъверженъ. в) Такъ поправляю, въ Лавр.: вы. г) „въ огни вѣчьнѣмь“ изъ Ипат., Комм., Соф. 1-й; въ Лавр.: „и емъ его“. д) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: своими. е) „Она же рѣста“ изъ Радз. (гдѣ „рекоста“). ж) Изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й (въ нихъ: „намъ“). з) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр. и Соф 1-й: рубль. и) Такъ въ Радз., Ипат., Соф. 1-й; въ Лавр.: упругу.

зъло ми будеть отъ Бога; аще ли ваю погублю, то мьзда ми будеть отъ Бога[а]». И рече Янь повозьникомъ: «ци кому васъ къто родинъ убиенъ отъ сею?» Они же рѣша: «мънѣ мати, другому сестра, иному рожение». Онъ же рече имъ: «мьстите своихъ». Они же, поимъше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ, отъмьстие приимъша отъ Бога по правьдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь, възлѣзъ *и* угрызъ ею, сънѣсть; и тако погыбнуста наущениемь бѣсовьскымь; инѣхъ на пагубу ведуща[б], а своея пагубы не вѣдуща. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришьла на мѣсто се, идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то по чьто глаголаста: «не умрети нама», оному мыслящю убити я? Нъ се есть бѣсовьское наущение[в]; бѣси бо не вѣдять мысли чловѣчьскыя, нъ вълагають помыслъ въ чловѣка, таины не съвѣдуще. Богъ единъ съвѣсть помышления чловѣчьская, бѣси же не съвѣдають ничьтоже; суть бо немощьни и худи възоръмь. Яко и се съкажемъ о възорѣ ихъ и о омрачении ихъ.

Въ си бо времена приключися нѣкоему Новъгородьцю прити въ Чюдь, и приде къ кудесьнику, хотя вълхвования отъ него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новъгородьцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесьникъ лежаше оцѣпъ, и шибе имь бѣсъ; кудесьникъ же, въставъ, рече Новъгородьцю: «бози не смѣють прити, нѣчьто имаши на собѣ, егоже бояться». Онъ же, помянувъ на собѣ крьстъ и отъшьдъ, постави кромѣ храмины тоя. Онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же, мьчьтавъше[г] имь, повѣдаша, чьто ради пришьлъ есть. По семь же поча прашати его: «чьто

а) „аще ли ваю погублю... отъ Бога" изъ Радз. и Ипат. (гдѣ „васъ погублю"). б) „инѣхъ на пагубу ведуща": такъ поправляю; въ Лавр.: „инѣмъ вѣдуще": въ Ипат.: „инѣмь вѣдуща и гадающа"; въ Комм. и Соф. 1-й: „инѣмъ видяща и гадающа". в) Такъ въ Радз., въ Лавр.: наученье. г) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр., Хлѣбн., Соф. 1-й: метавше.

ради бояться сего[а], егоже носимъ на собѣ, крьста?» Онъ же рече: «то[б] есть знамение небесьнаго Бога, егоже наши бози бояться». Онъ же рече: «то каци суть бози ваши, къде живуть?» Онъ же рече: «бози наши живуть[в] въ бездънахъ; суть же образъмь чьрни, крила ти хвосты имуще; въсходять же и подъ небо, слушающе вашихъ богъ; ваши бо бози[г] на небеси суть; аще къто умьреть отъ вашихъ людии, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ есть[д] къ нашимъ богомъ въ бездъну». Якоже и есть: грѣшьници бо въ адѣ суть, жьдуще мукы вѣчьныя, а правьдьници въ небесьнѣмь жилищи въдваряються съ ангелы. Сица ти есть бѣсовьская сила и лѣпота и немощь; тѣмь же прельщають чловѣкы, веляще имъ глаголати видѣния, являющеся имъ; не съвършеномъ вѣрою являющеся въ сънѣ, инѣмъ въ мьчьтѣ, и тако вълхвують наущениемь[е] бѣсовьскымь.

Паче же женами бѣсовьская вълшвения бывають; искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа; тако въ вься роды[ж] мъного вълхвують жены чародѣиствъмь и отравою и инѣми бѣсовьскыми къзньми. Нъ и мужи прельщени бывають отъ бѣсъ невѣрьнии, яко се въ пьрвыя роды[з]; при апостолѣхъ бо бысть Симонъ вълхвъ, иже творяше вълшьствъмь пьсомъ глаголати чловѣчьскы, и самъ премѣняшеться, ово старъ, ово младъ[и], ово ли и иного премѣняше въ иного образъ, въ мьчьтании сице творяшеть[і]; и[к] Аньни и Маврии вълшвениемь чюдеса творяшета[л] противу Моѵсѣеви, нъ въскорѣ

а) Такъ въ Комм. и Акад.; въ Лавр. и др.: его. б) Такъ въ Радз., Комм. и Ипат.; въ Лавр.: что. в) „Онъ же рече: бози наши живуть“ изъ Ипат. и Комм. г) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: ангели. д) Изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й. е) Такъ въ Радз., въ Лавр.: наученьемь. ж) „въ вься роды“: такъ поправляю; въ Лавр.: „вси роди“, въ Комм.: „сии роди“, въ Соф. 1-й: „си роди“. з) Въ Лавр. ошибочно: „се первое чароды“. и) Такъ въ Комм., Соф. 1-й и др., въ Лавр.: молодъ. і) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: творяше. к) Изъ Хлѣбн. и Акад. л) Изъ Ипат. (гдѣ, впрочемъ: „творяшеть“).

не възмогоста противу Моусѣеви; нъ и Кунопъ[а] творяшеть[б] мьчьтании бѣсовьскы[в], яко и по водамъ ходити и[г] ина мьчьтания творяше, бѣсъмь льстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ.

Сиць бѣ вълхвъ въсталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголашеть[д] бо людьмъ, творяся акы Богъ, и[е] мъногы прельсти, мало не вьсего града, глаголашеть бо, «яко провѣдѣ[ж] вься», и хуляшеть[з] вѣру хрьстияньскую; глаголашеть бо: «яко преиду по Вълхову предъ вьсѣми». И бысть мятежь въ градѣ; и вьси яша ему вѣру, и хотяху побити[и] епископа; епископъ же, възьмъ крьстъ и облъкъся[і] въ ризы, ста, рекъ: «иже хощеть вѣру яти вълхву, тъ да идеть за нь; аще ли вѣруеть къто, тъ къ крьсту да идеть». И раздѣлишася на дъвое: кънязь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людие вьси идоша за вълхва; и бысть мятежь великъ межю ими. Глѣбъ же, възьмъ топоръ подъ скутъ[к], приде къ вълхву и рече ему: «то вѣси ли, чьто утро хощеть быти и чьто ли до вечера?» Онъ же рече: «провѣдѣ[л] вься». И рече Глѣбъ: «то вѣси ли, чьто ти[м] хощеть быти дьньсь?» Онъ же рече[н]: «чюдеса велика сътворю». Глѣбъ же, выньмъ топоръ, растя и̂, и паде мьртвъ, и людие разидошася; онъ же погыбе тѣлъмь и душею, предавъся дияволу.

Въ лѣто 6574. Ростиславу сущю Тьмуторокани и

а) Такъ въ Радз., Ипат.; въ Лавр.: конобъ. б) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: творяше. в) Такъ поправляю; въ Лавр.: „мечтанье бѣсовьско", Радз.: „мечтании бесовы", Комм. и Ипат.: „мьчтаниемь бѣсовьскымъ". г) Изъ Радз., Комм. и Ипат. д) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: глаголеть. е) Изъ Комм., Ипат. и Радз. ж) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: проповѣдь. з) Такъ въ Комм. и Акад.; въ Лавр. и др.: хуля. и) Такъ въ Комм., Акад., Соф. 1-й и Радз.; въ Лавр. и сп. Царск.: погубити, въ Ипат.: бѣдити, въ Хлѣбн.: побѣдити. і) Такъ въ Моск.-Акад., Ипат. и Акад.; въ Лавр.: облекъся. к) Такъ въ Ипат.; въ Лавр.: „подъ скутомъ", въ Комм., Акад. и Соф. 1-й (кромѣ К. и О.): „подъ скудъ". л) Такъ въ Акад. и Радз.; въ Лавр.: проповѣжь. м) Изъ Радз., Комм. и Соф. 1-й. н) „Онъ же рече" изъ Комм., Ипат. и Соф. 1-й.

емлющю дань у Касогъ и на[а] инѣхъ странахъ; сего же убоявъшеся Грьци посълаша съ льстию котопана; оному же пришьдъшю къ Ростиславу и въвѣривъшюся ему, чьтяшеть й Ростиславъ. Единою же пиющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: «къняже! хощю на тя пити»; оному же рекъшю: «пии». Онъ же, испивъ половину, а половину дасть кънязю пити, дотиснувъся пальцьмь въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногътьмь растворение съмьртьное, и въдасть кънязю, урекъ смьрть до дьне осмаго[б]. Оному же испивъшю, котопанъ, пришьдъ Кърсуню, повѣдаше, яко въ сии дьнь умьреть Ростиславъ, якоже и бысть; сего же котопана побиша камениемь Кърсуньстии людие. Бѣ же Ростиславъ мужь добръ на рать[в], възрастъмь же лѣпъ и красьнъ лицьмь и милостивъ убогымъ. И умьре мѣсяца февраля въ 3 дьнь, и тамо положенъ бысть, въ цьркъви святыя Богородица.

Въ лѣто 6575.[1] Ярославичи[2] трие, Изяславъ, Святославъ, Вьсеволодъ, съвъкупивъше вои, идоша на Вьсеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша къ Мѣньску, и Мѣняне затворишася въ градѣ. Си же братия възяша Мѣньскъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти въдаша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Вьсеславъ поиде противу. И съвъкупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 дьнь, и бяше снѣгъ великъ, и[г] поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зъла, и мънози падоша; и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Вьсеволодъ, Вьсеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца июля въ

а) Такъ поправляю; ср. эпизодъ съ Козарскою данью (стр. 540); въ Лавр.: „у инѣхъ странахъ“. б) Такъ въ Комм., Соф. 1-й и Радз.; въ Лавр.: семаго. в) Такъ въ Акад. и Ипат.; въ Лавр.: „добль ратьнъ“, въ Соф. 1-й (кромѣ К. и О.): „добелъ на рати“. г) Изъ Радз.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено изъ Новгородскаго свода: „Заратися Вьсеславъ, сынъ Брячиславль, Полотьскыи, и зая Новъгородъ“ (§ 128). 2) Въ Нач. св. вставлено „же“.

10 дьнь, Изяславъ, Святославъ, Вьсеволодъ цѣловаша [а] крьстъ чьстьныи къ Вьсеславу, рекъше ему: «приди къ намъ, яко не сътворимъ ти зъла»; онъ же, надѣявъся о [б] цѣловании крьста, преѣха [в] въ лодии чресъ Дънѣпръ. Изяславу же въ шатьръ предъидущю, Вьсеславу по немь идущю [г], *и се, нападоша на Вьсеслава* [д]. И тако яша Вьсеслава на Ръши у Смольньска, преступивъше крьстъ. Изяславъ же, приведъ Вьсеслава Кыеву, въсади й въ порубъ съ дъвѣма сынъма.

Въ лѣто 6576. Придоша [1] на Русьску землю Половьци мънози; Изяславъ же и Святославъ и Вьсеволодъ изидоша противу имъ на Льто. И бывъши нощи, поидоша [е] противу собѣ; грѣхъ же ради нашихъ [2] побѣдиша Половьци, и побѣгоша Русьстии кънязи [3], Изяславъ [з] же съ Вьсеволодъмь Кыеву, а Святославъ [и] Чьрнигову [4]. И людие Кыевьстии прибѣгоша Кыеву, и сътвориша вѣче на търговищи, и рѣша, посълавъшеся къ кънязю: «се, Половьци росулися по земли, да въдаи [і], къняже, оружие и конѣ, и еще биемъся съ ними». Изяславъ же сего не послуша. И начаша людие говорити [к] на воеводу на Късячька; идоша на гору съ вѣча, и при-

---

а) Такъ въ Комм. и Хлѣбн.; въ Лавр., Ипат. и Соф. 1-й: цѣловавше. б) Изъ Комм., Акад. и Соф. 1-й. в) Такъ въ Ипат. („переѣха“), въ Лавр.: „и приѣхавъ“, въ Акад.: „и приѣха“, въ Соф. 1-й: поѣха. г) „Вьсеславу по немь идущю“ изъ Комм. и Соф. 1-й. д) Вставлено по смыслу. е) Такъ въ Комм., Соф. 1-й и Ипат.; въ Лавр.: подъидоша. ж) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: пусти. з) Такъ поправляю, въ Лавр. и др.: Изяславу (ниже вставлено: „побѣгшю“). и) Такъ поправляю, въ Лавр. и др.: Святославу. і) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр. и Соф. 1-й вмѣсто „да въдаи“—„даи“. к) Такъ въ Радз. и др.; въ Лавр.: „люди его корити“.

1) Въ Нач. св. прибавлено заимствованное изъ Слова о казняхъ Божіихъ: иноплеменьници. 2) Здѣсь вставлено изъ Слова о казняхъ Божіихъ: „попусти Богъ на ны поганыя“ (§ 114[5]). 3) Въ Нач. св. переставлено, въ виду дальнѣйшей вставки: „и побѣгоша Русьстии кънязи и побѣдиша Половьци“ (§ 114[5]); далѣе помѣщено въ Нач. св. Слово о казняхъ Божіихъ (§ 114[5]). 4) Въ Нач. св.: „Изяславу же съ Вьсеволодъмь Кыеву прибѣгъшю, а Святославу Чьрнигову“.

доша на дворъ Късячьковъ, и не обрѣтъше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «поидѣмъ, высадимъ дружину свою ис погреба». И раздѣлишася на дъвое; половина [а] ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; сии же придоша на кънязь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣньхъ съ дружиною своею, начаша пьрѣтися съ кънязьмь, стояще долѣ. Кънязю же из окъньца зьрящю и дружинѣ стоящи у кънязя, рече Тукы, братъ Чюдинь, Изяславу: «видиши, къняже, людие възвылися суть [б]; посъли, ать Вьсеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людии приде отъ погреба, отъворивъше погребъ; и рѣша [в] дружина кънязю: «се зъло есть; посъли къ Вьсеславу, ать, призъвавъше льстию къ окъньцю, проньзути [г] и̓ мечьмь». И не послуша сего кънязь. Людие же кликнуша, и идоша къ порубу Вьсеславлю; Изяславъ же, се видѣвъ, съ Вьсеволодъмь побѣгоста съ двора къняжа [д]. Людие же высѣкоша Вьсеслава ис поруба, въ 15 дьнь семтября, и прославиша и̓ средѣ двора къняжа; дворъ же кънязь разграбиша, бещисльно мъножьство злата поимаша [е] и сребра, кунами и скорою [ж]. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы [1], Вьсеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же, Богъ яви силу крьстьную, понеже Изяславъ, цѣловавъ крьстъ, и я и̓; тѣмь же наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крьстъ чьстьныи. Въ дьнь бо Въздвижения Вьсеславъ, въздъхнувъ, рече: «о, крьсте чьстьныи! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рова сего». Богъ же показа силу крьстьную на [з] по-

---

а) Такъ въ Радз., Акад. и др.; въ Комм. и Лавр.: половину. б) Такъ поправляю; ср. въ Комм. и Акад.: „возлилися“; въ Лавр. и др.: възвыли. в) Такъ въ Ипат., Радз. и Соф. 1-й; въ Лавр.: рекоша. г) Такъ въ Акад.; въ Лавр., Комм. и др.: пронзуть. д) Ср. въ Комм.: „князя“, въ Лавр. опущено. е) Изъ Комм. и Акад. ж) Такъ въ Комм. и Ипат.; въ Лавр.: бѣлью. з) Изъ Комм., Радз. и др.

1) Здѣсь въ Нач. св. явная вставка едва ли не изъ Черниговской лѣтописи (§ 114[б]).

казание земли Русьстѣ, да не преступають чьстьнаго крьста, цѣлованъше его; аще ли преступить къто, то и сьде приметь казнь и на придущимь вѣцѣ казнь вѣчьную. Понеже велика есть сила крьстьная: крьстъмь бо побѣжены бывають силы бѣсовьскыя, крьстъ [а] бо къняземъ въ браньхъ пособить, крьстъмь бо [б] огражаеми [в] вѣрьнии людие побѣжають супостаты противьныя, крьстъ бо въскорѣ избавляеть отъ напастии призывающимъ его съ вѣрою; ничьсо [г] же ся боять бѣси, тъкъмо крьста; аще бо бывають отъ бѣсъ мьчьтания, знаменавъше лице крьстъмь, прогоними бывають. Вьсеславъ же сѣдѣ Кыевѣ мѣсяць 7.

Въ лѣто 6577. Поиде Изяславъ съ Болеславъмь на Вьсеслава; Вьсеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Вьсеславъ, и, бывъши нощи, утаивъся Кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвъше [д] людие кънязя бѣжавъша въввратишася Кыеву и, сътворьше [е] вѣче, посълашася къ Святославу и къ Вьсеволоду, глаголюще: «мы уже зъло сътворили есмы, кънязя своего прогънавъше, а се, ведеть на ны Лядьску землю; а поидѣта въ градъ отьца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя зажьгъшемъ [ж] градъ свои ступити [з] въ Грьчьску землю». И рече имъ Святославъ: «вѣ посълевѣ къ брату своему; да [и] аще поидеть на вы съ Ляхы губитъ васъ, то вѣ противу ему ратию, не дадивѣ [і] бо погубити града отьца своего; аще ли хощеть съ миръмь, то въ малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста Кыяны. Святославъ же и Вьсеволодъ посъласта къ Изяславу, глаголюща:

а) Такъ въ Комм.; въ Лавр. и Ипат.: крестомъ. б) Изъ Комм. в) Такъ въ Комм. и Хлѣбн.; въ Лавр.: „согражаеми“. г) Въ Лавр.: ничто, ср. Акад.: „ничьго“. д) Такъ въ Ипат. и Соф. 1-й; въ Лавр. и Комм.: видѣша. е) Такъ въ Комм. и Акад.; въ Лавр. и др.: створиша, въ Соф. 1-й: сътворивше. ж) Такъ поправляю; въ Радз., Комм. и др.: зажегше; въ Лавр.: зажгоша. з) Такъ поправляю, въ Лавр. и др.: ступимъ. и) Изъ Комм., Ипат. и Соф. 1-й. і) Такъ въ Комм., Ипат. и Радз.; въ Лавр.: давѣ.

«Вьсеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противьна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити града, то вѣси, яко нама жаль отьня стола». То слышавъ Изяславъ остави Ляхы и поиде съ Болеславъмь, мало Ляховъ поимъ; посъла же предъ собою[а] сына своего Мьстислава Кыеву. И пришьдъ Мьстиславъ исѣче иже бѣша высѣкли Вьсеслава, числъмь 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людие противу съ поклонъмь, и прияша кънязь свои Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 дьнь. И распуща Ляхы на покърмъ, и[б] избиваху Ляхы отаи; и[б] възвратися съ[в] Ляхы Болеславъ въ землю свою. Изяславъ же възгъна търгъ на гору, и прогъна Вьсеслава ис Полотьска, и[г] посади сына своего Мьстислава Полотьстѣ; онъ же въскорѣ умьре ту; и посади въ него мѣсто брата его[д], Святопълка. Вьсеславу же бѣжавъшю, погорѣ Подолие[е] [1].

Въ лѣто 6579. Воеваша Половьци у Растовьца и у Неятина[ж]. Въ се же лѣто выгъна Вьсеславъ Святопълка ис Полотьска. Въ се же лѣто побѣди Яропълкъ Вьсеслава у Голотичьска [2].

Въ лѣто 6580. (*Здѣсь сообщалось о перенесенiи мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ*) [3].

Въ лѣто 6581. Въздвиже дияволъ котору въ братии сеи Ярославичихъ. Бывъши распьри межю ими,

---

а) Изъ Комм., Ипат. и Радз. б) Изъ Комм., Хлѣбн. и Радз. в) Такъ поправляю; въ Лавр.: въ. г) Изъ Комм. и Ипат. д) Такъ въ Радз., Комм. и др.; въ Лавр. и нѣк. др.: своего. е) „погорѣ Подолие“ изъ Синод. сп. ж) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: „у Ятина“.

1) Засимъ въ Нач. св. подъ 6578 годомъ вставлены два извѣстія, повидимому, изъ Выдубицкой лѣтописи. 2) Здѣсь въ Нач. св. сообщенія о волхвахъ, читавшіяся въ Никоновомъ сводѣ подъ 6573-мъ г. (см. стр. 598, пр. 2-е). 3) Въ Нач. св. это замѣнено записью Вышегородской церкви.

быста съ себе Святославъ съ Вьсеволодъмь на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святославъ же и Вьсеволодъ вънидоста въ Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовѣмь, преступивъша заповѣдь отьню. Святославъ же бѣ начало выгънанию братьню, желая большая власти; Вьсеволода бо прельсти, глаголя: «яко Изяславъ сватиться съ Вьсеславъмь, мысля на наю; да аще его не вариве[а], имать на прогънати[б]»; и тако възостри Вьсеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхы съ имѣнием мъногъмь и съ женою, упъвая богатьствъмь мъногъмь[в], глаголя: «яко симь налѣзу вои». Еже вьсе възяша Ляхове у него, показавъше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогънавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отьню, паче же Божию. Велии бо есть грѣхъ преступающимъ[г] заповѣдь отьца своего; ибо испьрва преступиша сынове Хамови на землю Сиѳову и по 400 лѣтъ отъмьщение прияша отъ Бога; отъ племене бо Сиѳова суть Еврѣи, иже[д], избивъше Хананѣиско племя, въсприяша свои жребии и свою землю; пакы преступи Исавъ заповѣдь отьца своего и прия убииство; не добро бо есть преступати предѣла чюжаго.

а) Изъ Радз., Комм. и Ипат. б) Такъ въ Радз. и Ипат.; въ Лавр.: прогнатье. в) „и съ женою упъвая богатьствъмь мъногъмь“ изъ Ипат., Комм. и Соф. 1-й. г) Такъ въ Хлѣбн. и спискахъ К. О. Соф. 1-й; въ Лавр. и Комм.: преступающе. д) Такъ въ Ипат. и Комм.; въ Лавр.: же.

Б. Новгородскій сводъ 1050 года съ продолженіями до 1079 года.

Начало земли Русьстѣ. Быша три братия.... * и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи.

Въ си же времена Новъгородьстии людие, рекомии Словѣне, и Кривичи, и Меря[1], и Чюдь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху Словѣномъ и Кривичемъ и Мери и Чюди. И въсташа Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдь на Варягы, и изгънаша я за море, и начаша владѣти сами собѣ[2]. Словѣне свою волость имяху[а]; и поставиша градъ и нарекоша и̓ Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла[б]; а Кривичи свою, а Меря свою[в][3], а Чюдь *свою*[г]**. И въсташа сами на ся воевать, и бысть межю ими рать велика и усобица. И въсташа градъ на градъ, и не бѣ въ нихъ правьды. И рѣша къ собѣ: «поищимъ собѣ кънязя[д], иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море къ Варягомъ и рѣша[е]: „земля наша велика и обильна, а наряда въ**

а) „Словѣне свою волость имяху“ въ Комм. выше (вм. „имяху“— „имѣли“). б) „и поставиша... Гостомысла“ изъ другого мѣста Новгор. свода 1448 (Соф. 1-й и Новгор. 4-й). в) „а Кривичи свою, а Меря свою“ въ Комм. выше. г) „а Чюдь“ изъ Комм., „свою“ вставлено по смыслу. д) Порядокъ словъ см. въ Толст. е) Такъ поправляю вмѣсто „ркоша“, въ виду предыдущаго.

1) Здѣсь въ Нач. св. было вставлено изъ дальнѣйшаго: „Словѣне свою волость имяху... а Меря свою“, и далѣе: „къжьдо своимь родъмь владяше, а Чюдь своимь родъмь“. 2) Здѣсь въ Нач. св. было, какъ кажется, вставлено: „и городы ставити“. 3) „Словѣне свою волость... а Меря свою“ перенесено въ Нач. св. выше.

* См. стр. 539 и 540.

неи[а] нѣту; да поидѣте къ намъ кънажитъ и владѣтъ нами». Избьрашася три братия съ роды своими и пояша съ собою дружину мъногу и придоша Новугороду; и сѣде старѣишии Новѣгородѣ Рюрикъ, а другыи на Бѣлѣозерѣ Синеусъ, а третии Изборьстѣ Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозъвашася Варягы, и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска[б][1]. И бысть у нихъ кънязь[2], именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ....* и бѣша у него мужи Варязи Словѣне, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ[3] нача грады ставити и дани устави Словѣномъ Варягомъ[4] и Кривичемъ и Мери[5], а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають[в][6].

По сихъ же иде Ольгъ на Грькы и приде къ Цѣсарюграду....** И заповѣда Ольгъ дань даяти на съто корабль по 12 гривьнѣ на чловѣкъ, а въ корабли по сороку мужь. Самъ же възя злато и паволокы, и възложи дань, юже дають и доселѣ къняземъ Русьскымъ. И рече Ольгъ: «шиите пьрѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ крѡпиньны»; и бысть тако. Повѣси же щитъ свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда. И въспяша пьрѣ Русь паволочитыя, а Словѣне кропиньныя; и раздьра я[г] вѣтръ. И рѣша Словѣне: «имѣмъся своихъ тълстинъ; не даны суть Словѣномъ пьрѣ».[7] И[д] иде Ольгъ Новугороду и отътуда въ Ладогу[8], есть могила его Ладозѣ[е].

а) „въ неи“ изъ Лавр.; въ Комм.: „у насъ“. б) „Въ си же времена... отъ рода Варяжьска“ изъ Комм. в) „Сии же Ольгъ... еже и нынѣ дають“ изъ Комм. и Рост. компиляціи XV в. г) Изъ Радз. и Ипат. д) Изъ Толст. е) „Самъ же възя злато... есть могыла его Ладозѣ“ изъ Комм.

1) Здѣсь въ Нач. св. вставлено о кончинѣ Синеуса и Трувора, рожденіи и возмужалости Игоря. 2) Въ Нач. св.: воевода. 3) Въ Нач. св.: Игорь. 4) Въ Нач. св. прибавлено: даяти. 5) Въ Нач. св. прибавлено: „дань даяти Варягомъ“. 6) Въ Нач. св. исправлено: „еже даваше до смьрти Ярославля“. 7) Въ Нач. св. прибавлено: „И приде Олегъ къ Кыеву и къ Игорю, несы злато и паволокы и вино и овощь и вьсяко узорочие. И прозваша ѝ Ольгъ вѣщии, бяху бо людие погани и невѣгласи“. 8) Въ Нач. св. прибавлено: „Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змія в ногу, и съ того умре“.

* См. стр. 541—542. ** См. стр. 542.

По сихъ же Игорь сѣде Кыевѣ къняжа; и приведе собѣ жену отъ Пльскова, именьмь Ольгу; и бѣ мудра и съмысльна, отъ неяже родися сынъ Святославъ. И бѣ у него воевода, именьмь Свѣнелдъ.... * И вышьдъше изъ града Коростѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; и погребенъ бысть Игорь: есть могыла его у Коростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дьне.

Начало къняжения Святославля. Ольга же бяше Кыевѣ.... ** И иде Ольга по Деревьстѣ земли съ сынъмь своимь и съ дружиною, уставляющи уставы и урокы; и устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброкы и дани [а]; и ловища ея суть по вьсеи земли, знаменья же [б] и мѣста и погости; и сани ея стоять Пльсковѣ и до сего дьне [в][1].

По сихъ же иде Ольга въ Грькы.... *** О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: въ память вѣчьную правьдьникъ будеть, отъ слуха зъла не убоиться; готово сърдьце его упъвати на Господа, утвьрдися сърдьце его, и не подвижеться.

По семь же Святославъ посади Яропълка Кыевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ сє же время идоша [г] *въ Русь* [д][2] людие Новъгородьстии, просяще къназя собѣ, *и рѣша* [д]: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ къназя собѣ». И рече къ нимъ Святославъ: «а бы ны шьлъ [е] къто къ вамъ». И отъпьрѣся Яропълкъ и Ольгъ. И рече Добрыня: «просите Володимера». Бѣ бо Володимеръ [ж] отъ *Малъфрѣди* [з], ключьницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрынина [и], отьць же бѣ има *Мъстиша Свѣнелдичь* [і], и [к] бѣ Добрыня уи Володимеру. И рѣша Новъгородьци Святославу: «въдаи ны Воло-

---

а) „и по Лузѣ оброкы и дани“ изъ Лавр. б) Изъ утрач. Троицкой (И. Г. Р. Карамзина, I, пр. 377). в) „и устави по Мьстѣ... и до сего дьне“ изъ Комм. г) Такъ поправляю, въ Лавр. и Комм.: приидоша. д) Вставлено по смыслу. е) „а бы ны шьлъ“ изъ Соф. 1-й; въ Лавр.: „а бы пошелъ“. ж) Порядокъ словъ изъ Комм. з) Такъ поправляю на основаніи § 219 [11]; въ Лавр. и Комм.: „отъ Малуши“. и) Такъ въ Акад.; въ Лавр: Добрыни. і) Такъ поправляю на основаніи § 219 [12]; въ Лавр.: „отець же бѣ има Малъкъ Любечанинъ“, въ Комм. и Радз.: „Малко Любцанинъ“ (вм. „Малъ Кыльчанинъ“). к) Изъ Радз.

1) Въ Нач. св. приб. изъ Древн. свода: „суть становища... и доселѣ“. 2) Въ Нач. св. вм.: „идоша въ Русь“—„приидоша“.

* См. стр. 543—544. ** См. стр. 544. *** См. стр. 545—549.

димера». Онъ же рече имъ: «ото[а] вы есть». И пояша Новъгородьци Володимера къ собѣ. И иде Володимеръ съ Добрынею уемь своимь Новугороду[1].

И сѣде Новѣгородѣ. И бѣ Добрыня храбръ и нарядьнъ мужь[б][2]; и посъла къ Рогъволоду Полотьску и проси у него дъщере за Володимера[в][3]. Онъ же рече дъщери своеи: «хощеши ли за Володимера?» Она же рече: «не хощю розути робичища, нъ Яропълка хощю». Бѣ бо Рогъволодъ пришьлъ изъ замория, имяше власть свою Полотьстѣ[4]. И придоша отроци Володимери и повѣдаша ему вьсю рѣчь Рогънѣдину, дъщере Рогъволожѣ, кънязя Полотьскаго. Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася о тои рѣчи, юже[г] рече: «не хощю азъ за робичища», и пожалиси Добрыни; и испълнися ярости; и поимъша вои, идоста на Полотьскъ и побѣдиста Рогъволода. Рогъволодъ же въбѣже въ градъ, и приступивъше къ граду, възяша градъ, и самого Рогъволода яша и жену его и дъщерь его. И Добрыня поноси ему и дъщери его, нарекъши еи робичища, и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отьцьмь ея и материю[д]. По томь[е][5] уби Рогъволода и сына его дъва, а дъщерь его Рогънѣдь[ж] поя *Володимеръ собѣ*[з] женѣ.

И иде Святославъ Переяславьцю и затворишася Българе въ градѣ....* и посадьникы своя посади Новѣгородѣ. И бѣ владѣя единъ въ Руси.

а) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: „вото". б) „И бѣ Добрыня... мужь" изъ статьи Лавр. 1128 г. в) „и проси... за Володимера" изъ статьи Лавр. 1128 г. г) Такъ поправляю вмѣсто „оже". д) „Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася... предъ отьцьмь ея и материю" изъ статьи Лавр. 1128 г. е) Взято оттуда же. ж) „а дъщерь его Рогънѣдь" изъ Радз. и Комм.; въ Лавр.: „и дъчерь его". з) „Володимеръ собѣ" вставлено по смыслу.

1) Въ Нач. св. слѣдующая статья помѣщена ниже. 2) „И бѣ Добрыня... мужь" въ Нач. св. опущено. 3) Въ Нач. св. вмѣсто „и проси у него дъщере за Володимера"—„глаголя: хочю пояти дъщерь твою собѣ женѣ". 4) Въ Нач. св. прибавлено: „а Туры Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася". 5) Въ Нач. св. вмѣсто: „Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася... отьцьмь ея и материю. Потомь"—„Володимеръ же собра вои многъ, Варягы и Словѣны, Чюдь и Кривичѣ (см. это ниже) и поиде на Рогъволода. Въ се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и".

* См. стр. 549—552.

Въ лѣто 6486. Начало къняжения Володимеря. Приде Володимеръ съ Варягы Новугороду и рече посадьникомъ Яропълчемъ: «идѣте къ брату моему и рьцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу битъся». И събьра вои мъногъ, Варягы и Словѣны, Чюдь и Кривичѣ, и поиде на Яропълка.... * И нача къняжити Володимеръ Кыевѣ единъ, *и*[а] посади Добрыню, уя своего, Новѣгородѣ; и пришьдъ Добрыня Новугороду постави кумиръ надъ рѣкою Вълховъмь, и жьряху ему людие Новъгородьстии акы Богу.

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Чьрвенъ и ины грады, иже суть и до сего дьне подъ Русию.

Вь лѣто 6490. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимеръ и побѣди я.

Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и възя землю ихъ.

Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичѣ.... ** повозъ везуть и до сего дьне.

Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Българы съ Добрынею, съ уемь своимь, въ лодияхъ, а Търкы берегъмь приведе на конихъ и побѣди Българы. И[б] рече Добрыня Володимеру: «съглядахъ колодьникъ, и[в] суть вьси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидѣвѣ[г] искатъ лапотьникъ». И сътвори миръ Володимеръ съ Българы.... * И приде Володимеръ Кыеву.**

Въ лѣто 6494. Придоша Българе вѣры Бохъмичѣ, глаголюще.... ** то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣиши вьсѣхъ чловѣкъ».** (*Далѣе слѣдовалъ не дошедшій до насъ разсказъ о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ*).

Крьщену же Володимеру, предаша ему вѣру хрьстияньску....*** до коньца вѣру сию. И поставиша[д] по вьсѣмъ[е] градомъ епи-**

а) Вставлено по смыслу. б) Изъ Радз. и Комм. в) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: оже. г) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: поидемъ. д) „И поставиша" изъ Комм. е) Такъ поправляю; въ Комм.: „по инымъ" (въ виду предшествующей тамъ вставки).

* См. стр. 552—555. ** См. стр. 556—557. *** См. стр. 557. **** См. стр. 557—560. ***** См. стр. 561.

скопы и попы и дияконы[а], иже крьстиша вьсю землю Русьску[б]; и бысть радость вьсюду.

Въ лѣто 6497. Приде Новугороду епископъ[в] Іоакимъ Кърсунянинъ и требища раздруши и *кумиры* посѣче[г]. И уряди собѣ цьркъвь богоотьць Іоакима и Анны, а святую Софию заложи дубову коньць Пискуплѣ улицѣ надъ Вълховъмь и съвьрши ю о 13 вьрсѣхъ[д][1].

Володимеръ же просвѣщенъ самъ и сынове его съ нимь 12, ихъже имена: 1. Вышеславъ, 2. Изяславъ, 3. Ярославъ, 4. Святопълкъ, 5. Вьсеволодъ, 6. Святославъ, 7. Мьстиславъ, 8. Борисъ, 9. Глѣбъ, 10. Станиславъ, 11. Позвиздъ, 12. Судиславъ.[е]

И посади Вышеслава Новѣгородѣ[2]; умьрьшю же Вышеславу[3], посадиша Ярослава Новѣгородѣ[4]. И рече Володимеръ: се не добро.... * и поча нарубати мужѣ лучьшѣѣ отъ Словѣнъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь.... ** и одалая имъ.

Въ лѣто 6499. Володимеръ помысли създати цьркъвь пресвятыя Богородица.... * И живяше Володимеръ по устроению отьню и дѣдьню.**

Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокъмь дающю Кыеву дъвѣ тысящи гривьнъ отъ года до года, а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху; тако даяху вьси кънязи[ж] Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше Кыеву[з] отьцю своему. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мосты[и]»;

а) „градомъ... дияконы“ изъ Комм. б) „иже крьстиша... Русьску“ изъ свода 1448. в) Такъ поправляю вм. „архиепископъ“. г) „и бысть радость вьсюду... кумиры посѣче“ изъ Комм. (но въ немъ вмѣсто „кумиры“—„Перуна“). д) „И уряди собѣ цьркъвь... о 13 вьрсѣхъ“ вставлено на основаніи § 191. е) „Володимеръ же... Судиславъ“ изъ Комм. (но тамъ: „3. Святополкъ. 4. Ярославъ“). ж) Такъ въ Комм.; въ Лавр.: „даяху посадници“. з) Изъ Комм. и Радз. и) Такъ въ Радз. и Комм.; въ Лавр.: мостъ.

1) Въ Нач. св.: „и поставиша по вьсѣмъ градомъ... и съвьрши ю о 13 вьрсѣхъ“ опущено. 2) Здѣсь въ Нач. св. прибавлено: „а Изяслава Полотьстѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ“. 3) Въ Нач. св.: „старѣишему Вышеславу Новѣгородѣ“. 4) Въ Нач. св. продолжается перечень удѣловъ сыновей Владиміра.

* См. стр. 565. ** См. стр. 565. *** См. стр. 567—570.

хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего[1]. Ярославъ же. посълавъ за море, приведе Варягы, бояся отьца своего; нъ Богъ не въдасть диявозу радости. Володимеру бо разболѣвъшюся съконьчася въ лѣто 6523.[2] И плакашася по немь бояре акы заступьника ихъ земли, убозии акы заступьника и кърмителя; и въложиша й въ кърсту мраморяну и съкуташа тѣло его съ плачьмь, блаженаго кънязя. Сь есть....* улучити вьсѣмъ хрьстиіяномъ.

Святопълкъ же нача къняжити Кыевѣ. Съзъвавъ люди, нача даяти овѣмъ кързна, а другымъ кунами, и раздая мъножьство. (*Далѣе разсказывалось сокращенно объ убіеніи Бориса и Глѣба*).

Ярославу же не вѣдущю отьнѣ съмьрти, кърмляше Варягъ мъного, бояся рати[а][3]; и начаша Варязи насилие дѣяти[б] Новъгородьцемъ и женамъ ихъ. Ръкоша Новъгородьци: «сего мы насилия не можемъ съмотрити». И събьрашася въ нощь *и* исѣкоша Варягы въ Поромони дворѣ[б][4]; Ярославъ же въ ту нощь на Ракомѣ бяше. И се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны[в] и шьдъ, сѣде въ дворѣ[5]; посълавъ къ Новъгородьцемъ, рече: «уже мънѣ сихъ не крѣсити»; и позъва къ собѣ нарочитыя мужа, иже бяхуть исѣкли Варягы, и[г] обльстивъ я, исѣче вои славьныхъ тысящю[д], а друзии бѣжаша из града[6][е]. И[ж] въ ту же нощь

а) „кърмляше... рати" изъ Комм. б) „и начаша... въ Поромони дворѣ" изъ Комм. (кромѣ словъ „Новъгородьцемъ и женамъ ихъ"). в) „Ярославъ же въ ту нощь... на гражаны" изъ Акад. г) Изъ Радз. д) „вои славьныхъ тысящю" изъ Комм. е) „а друзии... из града" изъ Комм. ж) Изъ Комм.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „нъ разболѣся. Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава". 2) Въ Нач. и Древн. сводахъ подробнѣе сообщено о кончинѣ Владиміра; предполагаю сокращеніе въ Новгор. сводѣ. 3) Въ Нач. св. вмѣсто „кърмляше Варягъ мъного, бояся рати"— „Варязи бяху мнози у Ярослава". 4) Въ Нач. сводѣ вмѣсто: „Ръкоша Новъгородьци... въ Поромони дворѣ" — „Вставше Новгородьци избиша Варягы въ дворѣ Поромони". 5) Въ Нач. св. вмѣсто: „Ярославъ же въ ту нощь... и шьдъ сѣде въ дворѣ"—„и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ нарокомъ, сѣде въ дворѣ". 6) Въ Нач. св.: „вои славьныхъ тысящю.. из града" опущено.

* Стр. 571.

приде ему вѣсть[1] си: «отьць ти умьрлъ, а братия ти избиена[а][2]». И се слышавъ Ярославъ[б] печальнъ бысть[3] о дружинѣ и рече: «о, люба моя дружино, юже вы исѣкохъ вьчера въ безумии моемь, нѣ топьрво ми *васъ* златъмь окупити». Заутра же събьра избытъкъ Новъгородьць и сътвори вѣче на поли и рече къ нимъ[в][4]: «братие, отьць мои Володимеръ умьрлъ есть[г], а Святопълкъ сѣдить Киевѣ, избивая братию свою; хощю на нь поити; потягнѣте по мънѣ»[5]. И рѣша ему Новъгородьци[д]: «аще, къняже, братия наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събьра вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а Новъгородьць 3000[е][6]. И поиде на Святопълка. Святопълкъ же, то слышавъ, събьра бес числа мъножьство вои[ж], и сташа противу собѣ обаполъ Дънѣпра, и стояша 3 мѣсяцѣ, не смѣюще ся съступити. И воевода Святопълчь, имeньмь Вълчии Хвостъ, ѣздя подълѣ рѣку, укаряти нача Новъгородьцѣ[з], глаголя: «почьто придосте съ хромьцьмь симь[и]? а вы плотьници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити»[і]. Се слышавъше Новъгородьци рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на ня; аще къто не поидеть съ нами, сами потьнемъ». И нача Дънѣпрь мьрзнути[к]*. Святопълкъ же стояше межю

а) „а братия ти избиена“ изъ Комм. б) „И се слышавъ Ярославъ“ изъ Комм. в) „вы исѣкохъ вьчера... и рече къ нимъ“ изъ Комм. г) „братие... умьрлъ есть“ изъ Комм. и Акад. д) „хощю на нь... Новъгородьци“ изъ Комм. и Акад. е) „И събьра вои... Новъгородьць 3000“ изъ Комм. ж) „Святопълкъ же... мъножьство вои“ изъ Комм. з) „не смѣюще... нача Новъгородьцѣ“ изъ Комм., Акад. и Синод. и) Такъ въ Лавр.; въ Комм.: тѣмь. і) „почьто придосте... рубити“ изъ Комм. и Синод. к) „И нача Дънѣпрь мьрзнути“ изъ Синод.

1) Въ Нач. св. вставлено: „ис Кыева отъ сестры его Передъславы“. 2) Въ Нач. св. вмѣсто „а братия ти избиена“ — „а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его по велику“. 3) Въ Нач. св. прибавлено: „о отци и“. 4) Въ Нач. св. вмѣсто „И се слышавъ Ярославъ... и рече къ нимъ“ — „И се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородець, Ярославъ рече: о, любо моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ. Утерлъ слезъ и рече имъ на вѣчи“. 5) Въ Нач. св. „хощю на нь поити; потягнѣте по мънѣ“ опущено. 6) Въ Нач. св.: „И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вои 40000“; далѣе приведена молитва Ярослава.

* Отрывокъ „И поиде на Святопълка... Дънѣпрь мьрзнути“ представляетъ мѣстами свободную передачу соотвѣтствующаго текста Древн. свода (стр. 576).

дъвѣма озерома...* и одолѣ Ярославъ. Святопълкъ же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдьни.

Бѣ же[а] тъгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28[1] и, идя Кыеву, посади Новѣгородѣ Костянтина Добрынича. И родися у Ярослава сынъ Илия, и посади й Новѣгородѣ; онъ же умьре[б] [2].

По семь же поиде Болеславъ съ Святопълкъмь на Ярослава съ Ляхы....** Ярославъ же не утягну испълчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вънпде въ Кыевъ съ Святопълкъмь.

Ярославу же прибѣгъшю Новугороду, хотяше бѣжати за море, и посадьникъ Костянтинъ[3] съ Новъгородьци расѣкоша лодиѣ Ярославлѣ, рекуще: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмь и съ Святопълкъмь». Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривьнъ, а отъ бояръ по 18 гривьнъ; и приведоша Варягы и[в] въдаша имъ скотъ. И съвъкупи Ярославъ воя мъногы[4], и поиде на Святопълка[5]. Святопълкъ же изиде противу єго къ Любьчю и сѣде ту на поли съ мъножьствъмь вои[г]. И бяше Ярославу мужь въ приязнь у Святопълка; и посъла къ нему Ярославъ нощию отрокъ свои, рекъ къ нему: «оньси, чьто ты тому велиши творити? меду мало варено, а дружины мъного». И рече ему мужь тъ: «рьци тако Ярославу: даче меду мало, а дружины мъного, да къ вечеру въдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣщися[д], и тои нощи поидоша на сѣчю. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменаитеся, повиваите собѣ убрусы голову». И бысть сѣча зъла, и до свѣта

а) Такъ въ Радз.; въ Лавр.: „и бы". б) „и идя Кыеву... онъ же умьре" изъ росписи князей новгородскихъ. в) Изъ Радз. г) „Святополкъ же изиде... съ мъножьствъмь вои" изъ Комм. д) „И бяше Ярославу мужь... велить сѣщися" изъ Синод.

1) Въ Нач. св. дальнѣйшее до конца извѣстія опущено; но слова „и идя Кыеву" попали въ Нач. сводѣ въ слѣдующую статью: „В лѣто 6525. Ярославъ иде въ Киевъ и погорѣ церкви". 2) Извѣстіе о рожденіи Ильи въ Нач. св. опущено. 3) Въ Нач. св. прибавлено: „сынъ Добрынь". 4) Здѣсь въ Нач. св. вставка изъ текста Древн. свода. 5) Дальнѣйшее до конца статьи въ Нач. св. опущено; изъ него заимствована только фраза „И бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы".

* См. стр. 576. ** См. стр. 577.

побѣдиша Святопълка. И бѣжа Святопълкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отьца своего Володимера. И нача воѣ своѣ дѣлити: старостамъ по десяти гривьнъ, а смьрдомъ по гривьнѣ, а Новъгородьцемъ по десяти гривьнъ[а] вьсѣмъ, и отъпусти я̀ домови вься[б]; и да[в] имъ правьду и уставъ съписа въ грамоту[г], тако рекъ имъ: «по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же дьржите»[д]. (*Затѣмъ слѣдовалъ текстъ не дошедшей до насъ Ярославовой грамоты*).*

Начало къняжения Ярославля Кыевѣ. Въ лѣто 6525. Побѣди Ярославъ Брячислава. *И* **иде Ярославъ къ Берестию.** *И* **придоша Печенѣзи къ Кыеву, и сѣкошася у Кыева, и едва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣгы, и отъбѣгоша сѣтьно и до сего дьне. И заложи Ярославъ великыи градъ Кыевъ и Златая врата постави и цьркъвь святую Софию заложи камяну и устави митрополию и цьркъви мъногы постави. По семь нача вѣра хрьстияньска простиратися въ Русьстѣ земли[е]**.**

Костянтинъ же бяше тъгда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, и поточи ѝ Ростову; на третиее лѣто повелѣ убити ѝ Муромѣ на Оцѣ рѣцѣ[ж] [1].

а) Изъ Комм. и Акад. б) „и тои нощи поидоша на сѣчю... я домови вься“ изъ Синод. в) Такъ поправляю, въ Комм.: давъ. г) Такъ поправляю, въ Комм.: списавъ, а въ Соф. 1-й: „списавъ грамоту“. д) „и давъ имъ правьду... тако же дьржите“ изъ Комм., Акад. и Соф. 1-й. е) „Побѣди Ярославъ Брячислава... простиратися въ Русьстѣ земли“ заимствовано изъ Синод., Соф. 1-й, Новгор. 4-й, Львовской и др. (въ частности: „Побѣди Ярославъ Брячислава“ изъ хронографа, Соф. 1-й и Новгор. 4-й подъ 6528; „иде Ярославъ къ Берестию“ изъ Синод. подъ 6525; „придоша Печенѣзи... Ярославъ Печенѣгы“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; „и отъбѣгоша сѣтьно и до сего дьне“ изъ Новгор. 4-й подъ 6525; „и заложи... Софию заложи“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й подъ 6525; „камяну... простиратися въ Русьстѣ земли“ изъ Львовской и Ермолинской подъ 6525). ж) „Костянтинъ же бяше... на Оцѣ рѣцѣ“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

1) Въ Нач. св. извѣстіе о поточеніи *и* убіеніи Константина опущено.

* Первоначальный текстъ Новгородской лѣтописи, относящійся къ событіямъ 6522—6525 годовъ, помѣщенъ въ Дополн. примѣчаніяхъ.
** Статья „Начало къняжения Ярославля Кыевѣ... простиратися въ Русьстѣ земли“ представляется сокращеніемъ текста Древн. свода.

Въ лѣто 6529. Приде Брячиславъ[1] ис Полотьска на Новъгородъ и възя[а] Новъгородъ; и поимъ Новъгородьцѣ и имѣние ихъ, поиде Полотьску опять. И пришьдъшю ему къ Судомѣ рѣцѣ, Ярославъ, слышавъ то и съвъкупивъ воя мъногы[б], ис Кыева въ седьмыи дьнь постиже й ту, и побѣди Брячислава, и Новъгородьцѣ вороти Новугороду и полонъ отъ него отъя, елико бяше Новъгородьскыя волости, и посъла я Новугороду[в], а Брячиславъ бѣжа Полотьску. И отътолѣ призъва къ собѣ Брачислава и да ему дъва града, Въсвячь и Витьбьскъ, и рече ему: «буди же съ мъною единъ». *И воеваше Брячиславъ съ Ярославъмь вься дьни живота своего[г 2].

Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, въсташа вълсви лъживи[д] Суждали и избиваху старую чадь, по дияволю наущению и бѣсованию, глаголюще, яко си дьржать гобино и жито, и голодъ пущають[е]. И[ж] бѣ мятежь великъ и гладъ по вьсеи тои странѣ, яко мужю своя жена даяти, да ю кърмять собѣ, челядинъмь[з]. Идоша по Вълзѣ вьси людие въ Българы, и привезоша пьшеницю и жито[и], и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ вълхвы, приде Суждалю; изимавъ вълхвы, расточи, и домы ихъ разграби[і] *и* **другыми** *казньми*[к] **показни. И устави ту землю[л], рекъ сице: «Богъ наводить по грѣхомъ на куюжьдо землю гладъмь или моръмь, ли ведръмь, ли иною казнию, а**

а) „ис Полотьска... и възя“ изъ Соф. 1-й. б) „слышавъ то... воя мъногы“ изъ Соф. 1-й. в) „и полонъ отъ него отъя... посъла я Новугороду“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. г) „И отътолѣ призъва... вься дьни живота своего“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. д) Изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. е) „и жито и голодъ пущають“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ж) Изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. з) „яко мужю... челядинъмь“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й (въ послѣдней именно: „да ю кормять собѣ челядиномъ“). и) „пьшеницю и жито“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. і) „и домы ихъ разграби“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. к) Вставлено по смыслу. л) „И устави ту землю“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й.

1) Въ Нач. св. прибавлено „сынъ Изяславль, внукъ Володимерь“. 2) Предыдущая статья вошла въ Нач. сводъ, но опущены слова „и полонъ отъ него отъя, елико бяше Новъгородьскыя волости, и посъла я Новугороду“ и конецъ отъ словъ „И отътолѣ призъва къ собѣ Брячислава“.

* Слѣдующія слова вставлены редакторомъ Древняго Новгородскаго свода, см. § 282.

чловѣкъ не вѣсть ничьтоже; Христосъ Богъ единъ *вѣсть* на небеси»[а]. И възвративъся Ярославъ приде Новугороду[1].

И посъла за море по Якуна, по Варяжьскаго кънязя[б]. И приде къ Ярославу. И поиде[в] Ярославъ на Мьстислава Чьрнигову[г]. Мьстиславъ же изиде[д] противу на сѣчю[е] къ Листвьну, и ту ся сърѣтоша. И бяше осень[ж]; и бывъши нощи рябинои, бысть тьма, и громъ шибаше и мълния и дъждь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своеи: «поидѣмъ на ня, то ны есть корысть[з]». И бѣ грова велика и сѣча сильна и страшьна: елико же мълния освѣщаше, толико меча видяху, и тако другъ друга убиваше[и]. И тако побѣди Мьстиславъ Ярослава и Якуна[i], *кънязя Варяжьскаго*[к]. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море и тамо умьре[л][2].

Въ лѣто 6538. Иде Ярославъ на Чюдь и побѣди я и постави градъ Юриевъ[3]. И приде Новугороду. * И събьра отъ старостъ и поповъ дѣтии 300 учитъ кънигамъ. И преставися

а) „Христосъ Богъ... на небеси“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й (но вм. „вѣсть“ —„есть“). б) „по Якуна... кънязя“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. в) „И поиде“ изъ Соф. 1-й; въ Лавр.: „иде“. г) Изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. д) Изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. е) „на сѣчю“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. ж) „и ту ся сърѣтоша. И бяше осень“ изъ Соф. 1 й и Новг. 4-й (гдѣ: „и бяше осень, и ту ся срѣтоша“). з) „и бывъши нощи... то ны есть корысть“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. твъ послѣдней именно: „дружинѣ своей“). и) „елико же мълния.. убиваше“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й (въ послѣдней именно: „освѣщаше“, „убиваше“). i) „И тако побѣди... и Якуна“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. к) Вставлено по смыслу, ср. въ Лавр.: „побѣже съ Якуномъ, княземь Варяжьскымъ“. л) „и тамо умьре“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й.

1) Предыдущая статья вошла въ Нач. сводъ, но въ немъ послѣ „яко си держать гобино“ опущено „и жито и голодъ пущають“; далѣе опущены слова „яко мужю своя жена дати, да ю кърмять собѣ, челядинъмь“; вмѣсто „и домы ихъ разграби и другыми казньми показни“—„а другыми показни“; опущено „И устави ту землю“; опущено „Христосъ Богъ единъ вѣсть на небеси“. 2) Въ Нач. св. статья о походѣ Ярослава на Мстислава и о Лиственской битвѣ соединена съ соотвѣтствующею статьей Древнѣйшаго свода. 3) Предыдущее извѣстіе вошло въ Нач. сводъ.

*) Слѣдующая фраза принадлежитъ самому составителю Древняго Новгородскаго свода (§ 281).

епископъ Іоакимъ; * и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше[а] [1].

Въ лѣто 6540. Улѣбъ иде из Новагорода на Желѣзная врата, и опять мало ихъ приде[б] [2].

Въ лѣто 6544. Ярославъ посади сына своего Володимера Новѣгородѣ и епископа постави Жидяту[3]; и людьмъ написа грамоту, рекъ: «по сеи грамотѣ дадите дань»[в]. (*Затѣмъ слѣдовалъ текстъ не дошедшей до насъ Ярославовой грамоты*). *Съ Ярославъ*, *аще и*[г] хромоногъ *есть*[г], нъ умъмь съвьршенъ и храбръ на рати и хрьстиянъ, *почитая*[д] самъ кънигы[е]. *И* иде Ярославъ веснѣ Кыеву, а на зиму ходи на Ятвягы, и не можаху ихъ възяти[ж] [4].

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву[5]; а *Володимеръ*[з] на весну заложи Новъгородъ[и].

Въ лѣто 6649. Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодияхъ[6].

Въ лѣто 6550[і]. Пакы на весну[к] иде Володимеръ на

а) „И приде Новугороду... иже ны учаше“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. б) „Улѣбъ иде из Новагорода... приде“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й (въ послѣдней именно: „иде“). в) „и людьмъ... дадите дань“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й. г) Вставлено предположительно; въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й вмѣсто этого: „И бяше“ („Бяше же“). д) Поправлено предположительно, вмѣсто „чтяше“ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; ср. „почитая“ въ статьѣ 6545 года въ Древн. сводѣ. е) „хромоногъ, нъ умъмь съвьршенъ... почитая самъ кънигы“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ж) „иде Ярославъ... не можаху ихъ възяти“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (въ послѣдней именно: „а на зиму“ подъ 6546-мъ годомъ). з) Вставлено предположительно. и) „а на весну заложи Новъгородъ“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (подъ 6552). і) Такъ поправляю, въ виду того, что слѣд. извѣстіе о походѣ на Емь отнесено въ Нач. св. къ 6550. к) „Пакы на весну“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

1) Слова „И приде Новугороду... иже ны учаше“ не вошли въ Нач. сводъ. 2) Предыдущая статья не вошла въ Нач. сводъ. 3) Въ Нач. св. заимствовано только до сихъ поръ, а дальше опущено. 4) Извѣстіе о походѣ на Ятвяговъ помѣщено въ Нач. св. ниже, подъ 6546 г., въ сокращеніи: „Ярославъ иде на Ятвягы“. 5) Это извѣстіе есть въ Нач. св., а дальнѣйшее опущено. 6) Это извѣстіе есть въ Нач. св.

*) Слѣдующая фраза принадлежитъ составителю Древн. свода (§ 281).

Грькы[а] *съ*[б] Варягы *и* съ Русию[в], и поидоша[г] въ лодиях. И прошьдъше порогы, придоша въ Дунаи. Рѣша Русь Володимеру: «станѣмъ сьдѣ на поли»; а Варязи рѣша: «поидѣмъ въ лодиях подъ городъ». И послуша Володимеръ Варягъ, и отъ Дуная поиде Володимеръ къ Цѣсарюграду съ вои по морю. Грьци же, видѣвъше, изидоша на море и начаша погружати пелены Христовы въ море съ мощьми святыхъ; и Божиимь гнѣвъмь възмутися море, и громъ бысть великъ и сильнъ, и бысть буря велика, и начаша ся лодия разбивати; и побѣгоша Варязи въспять[д]; прочии же вои Володимери сташа на брезѣ нази[е] *и рѣша: «не идемъ отъсюду»*[ж]. Видѣвъ же *се*[з] Володимеръ съ дружиною възвратися въ Русь[1]. Тоѣ же осени[и] иде Володимеръ[2] на Ѣмь и, побѣдивъ я, плѣни мъножьство Ѣми[i]; и помьроша кони у вои Володимерь; яко и еще дышющемъ конемъ, съдираху хъзы съ нихъ; толикъ бо бѣ моръ въ кониихъ[3].

Въ лѣто 6552. Володимеръ[к] съдѣла *городъ Новъгородъ*[л][4].

а) „Иде Володимеръ на Грькы“ изъ Синод. б) Вставлено по смыслу (ср. слѣд. примѣчаніе). в) Изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (гдѣ, однако „давъ ему воя многи, Варягы, Русь“; но въ спискахъ Новгор. 4-й: „давъ ему воя многы, Варягъ *с Русью*“). г) Такъ поправляю, въ виду послѣдующаго, вмѣсто „поиде Володимеръ“. д) „И прошьдъше порогы, придоша... и побѣгоша Варязи въспять“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (въ послѣдней именно: „в Дунаи“, „по морю“). е) „сташа на брезѣ нази“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ж) „и рѣша: не идемъ отъсюду“ вставлено предположительно вмѣсто: „и рече: не иду къ Ярославу“, какъ ниже въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. з) Вставлено по смыслу. и) „Тоѣ же осени“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й, гдѣ эти слова отнесены къ другому событію (заимствованному изъ Житія Антонія, см. § 191[18]); ср. списки К. и О. Соф. 1-й и Новгор. 4-ю лѣтопись, гдѣ походъ на Емь читается, какъ и походъ Владиміра на Грековъ, въ статьѣ 6551 года. i) „плѣни... Ѣми“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. к) Изъ Комм. л) Такъ исправлено вмѣсто другого извѣстія, перенесеннаго въ сводѣ 1448 г. (Соф. 1-й, Новгор. 4-й и Комм.) подъ 6552 годъ изъ статьи 6548 года.

1) Отдѣльныя фразы изъ предыдущаго разсказа о походѣ Владиміра на Грековъ вошли въ Нач. сводѣ въ текстъ, заимствованный изъ Древн. свода. 2) Въ Нач. св. прибавлено „сынъ Ярославль“. 3) Это извѣстіе въ нѣкоторомъ сокращеніи вошло въ Нач. св., но отнесено къ 6550 году. 4) Предыдущаго извѣстія нѣтъ въ Нач. св.

Въ се же лѣто умьре Брячиславъ[1]. и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ отьца своего[а].

> *** Сего[б] же роди мати отъ вълхвования; матери бо родивъши его, бысть ему язва[в] на главѣ его; рекоша же[г] вълсви матери его: «се язвьно навяжи на нь, да носить ѐ до живота своего»; еже носить Всеславъ и до сего дьне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие[2].**

Въ лѣто 6553. Заложи Володимеръ святую Софию камяну[д] Новѣгородѣ[3].

Въ лѣто 6557. Съгорѣ святая София въ суботу по заутрьнии, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 4 дьнь; бяше же чьстьно устроена и украшена, имущи връхъ 13, а стояла[е] *60 лѣтъ*[ж][4].

Въ лѣто 6558. Священа бысть святая София на Въздвижение чьстьнаго крьста, повелѣниемь кънязя Ярослава и сына его Володимера и епископа Луки[з][5].

> **** Въ се же лѣто[и] преставися кънягыни Ярославля февраля въ 10 дьнь[і][6].**

а) „отьца своего“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; въ Лавр.: его. б) Такъ въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; въ Лавр.: его. в) Изъ Ипат.; въ Лавр.: язвьно. г) Такъ въ Ипат.; въ Лавр. и Новгор. 4-й: бо. д) Изъ Хронографа. е) „Съгорѣ святая София... а стояла“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й; порядокъ словъ изъ Синод. списка; оттуда же слова: „въ суботу по заутрьнии, въ часъ 3“. ж) „60 лѣтъ“ вставлено предположительно изъ соотвѣтствующаго извѣстія Новгор. лѣтописца церквамъ Божіимъ и Лѣтописца новгор. владыкъ. з) „Священа бысть... и епископа Луки“ изъ Соф. 1-й и Новг. 4-й (въ послѣдней именно: „и сына его Володимера и архиепископа Луки“). и) Такъ поправляю; въ Соф. 1-й: „Того же лѣта“. і) „февраля въ 10 дьнь“ изъ свода 1448 (Соф. 1-й) и Ипат.

1) Въ Нач. св. прибавлено: „внукъ Володимерь, отецъ Всеславль“. 2) Все извѣстіе о смерти Брячислава и о Всеславѣ вошло въ Нач. сводъ. 3) Это извѣстіе вошло въ составъ Нач. свода. 4) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. свода. 5) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. свода. 6) Это извѣстіе съ пропускомъ словъ: „февраля въ 10 дьнь“ вошло въ Нач. сводъ.

* Слѣдующая статья представляется позднѣйшею вставкою (см. § 290).
** Слѣдующія два извѣстія приписаны къ Древнему Новгородскому своду въ 1052 году (см. § 290, стр. 523).

Въ лѣто 6560. Преставися Володимеръ мѣсяца октября въ 4 дьнь въ недѣлю[а] и положенъ бысть въ святѣи Софии, юже бѣ самъ създалъ[1].

* Въ лѣто 6562. Преставися Ярославъ, и плакашася по немь людие. Изяславу тъгда сущю[2] Новѣгородѣ[б], *иде*[в] Кыеву[г] и посади Остромира Новѣгородѣ[д][3].

Въ лѣто 6563. Клевета бысть на епископа Луку отъ своего холопа Дудикы, и изиде из Новагорода, и иде Кыеву, и осуди й митрополитъ Ефремъ *на* Козму и Дамияна[е], и пребысть тамо три лѣта[ж][4].

Въ лѣто 6566. Епископъ Лука прия столъ свои Новѣгородѣ и свою власть; Дудицѣ же холопу оскомины биша, урѣзаша ему носа и руцѣ обѣ усѣкоша, и събѣжа въ Нѣмьцѣ[з][5].

Поучение епископа Луки къ братии. «Се, братие, пьрвѣе вьсего сию заповѣдь извѣстьно дължьни есмъ вьси крьстияне дьржати.... Богъ же мира съ вьсѣми вами, аминь»[и][6].

а) „мѣсяца октября... въ недѣлю“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. б) „Новѣгородѣ“ изъ части списковъ Соф. 1-й. в) Такъ поправляю вм. „прииде“ (см. слѣд. примѣчаніе). г) „Кыеву“ изъ списковъ К. и О. Соф. 1-й (гдѣ: „и пріиде Изяславъ къ Кіеву городу“). д) „и посади Остромира Новѣгородѣ“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. е) „Козму и Дамияна“ изъ Никон. (см. § 184). ж) „Клевета бысть... тамо три лѣта“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. з) „Епископъ Лука... и събѣжа въ Нѣмьцѣ“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (а именно въ Новгор. 4-й: „столъ“; ниже: „оскомины биша, урѣзаша ему носа и руцѣ обѣ усѣкоша, и събѣжа в Нѣмцѣ“). и) „Поучение епископа Луки... съ вьсѣми вами, аминь“ изъ Новгор. 4-й.

1) Это извѣстіе съ пропускомъ словъ: „октября въ 4 дьнь въ недѣлю“ вошло въ Нач. сводъ; послѣ „Володимеръ“ прибавлено: „сынъ Ярославль старѣй Новѣгородѣ“. 2) Слова: „и плакашася по немь людие“, „Изяславу тъгда сущю“ вошли въ составъ соотвѣтствующей статьи Нач. свода. 3) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. свода. 4) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. свода. 5) То же. 6) Поученіе Луки не вошло въ составъ Нач. свода.

* Слѣдующія извѣстія приписаны къ Древнему Новгородскому своду въ 1060 году (см. § 292).

Въ лѣто 6568. Преставися епископъ Лука, ида ис Киева, на Копысѣ, мѣсяца октября 15; того же мѣсяца гробу преданъ бысть своимь клиросъмь, бывъшю ему епископъмь лѣтъ 23[а]. *Въ се же лѣто*[б] **иде Остромиръ на Чюдь съ Новъгородьци, и убиша ѝ Чюдь, и мъного паде Новъгородьць съ нимь[в]. И приде Изяславъ Новугороду[г]. И пакы Изяславъ иде на Чюдь и възя осѣкъ Кедипивъ, сирѣчь Сълньча рука[д].** *И иде Къıеву*[е], *а*[ж] **Новѣгородѣ посади сына своего Мьстислава[з 1].**

*** Въ лѣто 6569. Поставленъ бысть Новугороду епископъ Стефанъ[и 2].**

Въ лѣто 6571. Иде Вълховъ въспять дьнии пять; се же знамение не на[і] добро бысть, на 4-е бо лѣто пожьже Вьсеславъ градъ[3].

Въ лѣто 6573. Вьсеславъ рать почалъ[4], и побѣди Мьстислава на Чересѣ[к 5].

Въ лѣто 6574. Приде Вьсеславъ и възя Новъ-

а) „Преставися епископъ Лука... епископъмь лѣтъ 23“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. б) Вставлено по смыслу. в) „иде Остромиръ на Чюдь... Новъгородьць съ нимь“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (изъ послѣдней взято размѣщеніе словъ) (подъ 6562). г) „И приде Изяславъ Новугороду“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (подъ тѣмъ же 6562 г., но выше). д) „И пакы Изяславъ иде... Сълньча рука“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (въ послѣдней именно „Кедипивъ“) (подъ 6562). е) Вставлено по смыслу. ж) Вставлено по смыслу. з) „Новѣгородѣ посади сына своего Мьстислава“ изъ перечня князей новгородскихъ. и) „Поставленъ... Стефанъ“ изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. і) Изъ Хлѣбн. к) „и побѣди Мьстислава на Чересѣ“ изъ перечня князей новгородскихъ (гдѣ, впрочемъ: „побѣдиша на Черехи“).

1) Ни одно изъ извѣстій этого года не вошло въ составъ Нач. свода. 2) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. св. 3) Это извѣстіе вошло въ Нач. сводъ; въ началѣ его прибавлено: „В се же лѣто Новѣгородѣ“. 4) Эти слова вошли въ Нач. сводъ. 5) Это извѣстіе не вошло въ Нач. сводъ.

* Слѣдующія извѣстія приписаны къ Древнему Новгородскому своду въ 1069 году (см. § 293).

городъ, съ женами и съ дѣтьми[а], и до Неревьскаго коньца пожьже[б]; и колоколы съима у святыя Софиѣ. О, велика баше бѣда въ часъ тыи! и поникадила съима[в], и отъиде[вв] [1]. Мьстиславъ *же*[г] бѣжа Киеву. Святославъ *же*[г] посади *Новъгородъ*[г] сына своего Глѣба[д] [2]. И иде владыка Стефанъ Киеву, и тамо свои холопи удавиша й[е] [3].

Въ лѣто 6577. Осень, мѣсяца октября въ 23, на святаго Іакова, брата Господьня, въ пятьницю, въ часъ 6 дьне, опять приде Вьсеславъ *съ Вожаны*[ж] къ Новугороду; Новъгородьци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звѣриньца, на Къземли; и пособи Богъ Глѣбу кънязю съ Новъгородьци. О, велика баше сѣча Вожаномъ! и паде ихъ бещисльное число; а самого кънязя отъпустиша Бога дѣля. А на заутрие[з] обрѣте епископъ Θедоръ[и] крьстъ чьстьныи Володимерь въ святѣи Софии[і] на полатьхъ, егоже възялъ бѣ Вьсеславъ кънязь ратию у святыя Софиѣ[к] [4].

*** Въ лѣто 6585. Преставися епископъ Θедоръ[л], уяденъ отъ своего пьса, бывъ на епископии 9 лѣтъ[5] [м].**

а) „Въ лѣто 6574. Приде... съ женами и съ дѣтьми" изъ Синод. б) „и до Неревьскаго коньца пожьже" изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. в) „и колоколы... съима" изъ Синод. вв) „и отъиде" изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й г) Вставлено по смыслу. д) „Мьстиславъ же бѣжа... сына своего Глѣба" изъ перечня новгородскихъ князей. е) „И иде владыка... удавиша й" изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й (въ послѣдней именно: „й"). ж) Вставлено въ виду послѣдующаго. з) „Осень, мѣсяца октября... А на заутрие" изъ Синод. и) „обрѣте епископъ Θедоръ", такъ поправляю вмѣсто „обрѣтеся" Синод., Соф. 1-й и Новгор. 4-й; ср. въ Синод. ниже: „при епископѣ Федоре". і) „крьстъ чьстьныи Софии" изъ Синод. к) „на полатьхъ... у святыя Софиѣ" изъ Соф. 1-й, Новгор. 4-й и Синод. л) „Преставися епископъ Θедоръ" изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. м) „уяденъ отъ своего пьса... 9 лѣтъ" изъ Тверск. сб. и изъ росписи новгор. владыкъ (§ 190).

1) Изъ этого извѣстія въ Нач. сводъ заимствованы (подъ 6575) только слова: „зая Новъгородъ". 2) Предыдущее извѣстіе не вошло въ составъ Нач. свода. 3) То же. 4) Ничего изъ предыдущей статьи не вошло въ Нач. сводъ. 5) Предыдущее извѣстіе не вошло въ Нач. сводъ.

*** Слѣдующія извѣстія приписаны къ Древнему Новгородскому своду въ 1079 году (см. § 293).**

Въ лѣто 6586. Поставленъ бысть епископъ Новугороду Германъ[а 1].

Въ лѣто 6587. Выгънаша из города кънязя Глѣба, и бѣжа за Волокъ, и убиша й Чюдь[б] мѣсяца мая въ 30[в 2].

а) „Поставленъ... Германъ" изъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. б) „Выгънаша из города... и убиша й Чюдь" изъ перечня князей новгородскихъ. в) „мѣсяца мая въ 30" изъ Синод., Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

1) Предыдущее извѣстіе не вошло въ Нач. сводъ. 2) То же.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. **539**, стрк. 1 и сл. Текстъ статьи основывается на **Лавр.**; заимствованія изъ другихъ списковъ оговорены. Объ основаніи Кіева см. § 261. Стрк. 8. Б. м., предпочтительнѣе чтеніе „Кыевѣ Поляне" (Троицк. сп. Новгор. 1-й), ср. замѣну „суть" черезъ „есть" въ Лавр. и чтеніе „Кыевъ" вм. „Кыевѣ" въ Радз., Хлѣбн.; въ Толст.: „нынѣ Поляне".

Стр. **539**, стрк. 10 и сл. Текстъ статьи о дани Козарской основывается на **Лавр.** О происхожденіи статьи см. § 235. Стрк. 10. Возможно, что „По сихъ же лѣтѣхъ" явилось уже только въ Нач. сводѣ, а первоначально читалось: „По семь же". О словахъ „братия си изгыбоша" см. § 206[2].—Стр. 540, стрк. 3—7. Даю рѣшительно предпочтеніе чтеніямъ Комм. списка, гдѣ Козары относятъ дань князю и гдѣ затѣмъ происходитъ совѣщаніе князя со старѣйшинами; въ Лавр. и др. Козары совѣщаются одновременно и съ княземъ и со старѣйшинами, вслѣдствіе чего не ясно, почему старѣйшины противополагаются князю ниже, гдѣ они высказываютъ ему свое мнѣніе; въ Архангелогор.: „князь же сѣде съ бояры своими, и рече имъ". Стрк. 5. Въ Моск.-Акад. и Переясл.: „въ лѣсехъ на горахъ", но остаюсь при чтеніи „въ лѣсѣ", въ виду Лавр., Ипат., Комм. Стрк. 10. Въ Комм. вм. „обоюду" „обоямо", но остаюсь при чтеніи Лавр. и Ипат.; въ Архангелогор. тоже „обоюду". Стрк. 12. Поправляю „рекоша" Лавр. на „рекъшемъ" не только въ виду чтенія Комм. списка („рекше"), но и въ виду того, что на стрк. 7 и 14 „рѣша", не „рекоша". Стрк. 14. „старѣйшина Фараоня": такъ читается въ Лавр., между тѣмъ въ Комм. „рѣша старѣйшины Фараоня", что, м. б., лучше, такъ какъ въ старинномъ языкѣ слово „старѣйшина" не имѣло собирательнаго значенія; поправку „старьци" Ипат., Моск.-Акад., Соф. 1-й слѣдуетъ признать, повидимому, позднѣйшею, но не читалось ли первоначально „старьци" на стрк. 3? Ср. „старьци Козарьстии" на стрк. 7. Стр. 15. Въ Хлѣбн. „смѣрити", но въ древнемъ текстѣ могло быть и „съмирити". Стрк. 19. Въ Комм. „князи Рускыи"; быть можетъ, такой порядокъ предпочтительнѣе.

Стр. **540**, стр. 21—22. Текстъ статьи основывается на **Лавр.** Стрк. 21. О словахъ „И по сихъ братии" см. § 206[2].

Стр. **541**, стрк. 1 и сл. Текстъ статьи о завладѣніи Варягами сѣверныхъ племенъ основывается на **Комм.**; см. §§ 195—203, 266. Стрк. 1. За-

мѣна словъ „Въ си же времена“ словами „Въ времена же Кыя и Щека и Хорива“ въ Нач. сводѣ вызвана тѣмъ, что „Въ си же времена“ читается въ немъ выше, передъ заимствованіемъ изъ Хронографа. Стрк. 2. Отвергаю чтеніе „по бѣлѣ и вѣверици“ (въ Троицк. сп. Новгор. 1-й: „по бѣлки и вѣверици“); повидимому, вѣверица южное названіе для сѣверной бѣлки; въ Архангелогор. „по бѣлѣ векшицѣ“. Стрк. 4. Вопреки сказанному въ §§ 200, 200[1] и 201, я дополнилъ слова „и отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Варягы“ вставкой не передъ ними (словъ „Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ“), а вставкою „Новъгородьци“ послѣ „прозъвашася“. Чтеніе „Варягы“ доказывается въ §§ 199 и 201; „прежде бо бѣша Словѣне“ см. § 200[1].

Стр. **541**, стрк. 5 и сл. Текстъ статьи о завладѣніи Олегомъ Кіева основывается на **Комм**. См. §§ 205[1]—206[4], 261. Стрк. 5. Чтеніе „у нихъ кънязь“ см. § 206. Стрк. 7—8. „поидоша“: такъ въ Комм., а въ Толст. уже поправлено на „поидоста“. Стрк. 11. Можно было бы ждать „излѣзе“, но согласованіе по смыслу вполнѣ понятно; ср. въ Лавр. и др. подъ 6526: „и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, съ Новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ“; подъ 6576: „Изяславъ же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста“. Стр. 12. Ср. чтеніе Троицкаго сп. Новгор. 1-й: „подъ угорьскими творящеся гостьми“.—Стр. 542, стрк. 2. Чтенію „я“, б. м., соотвѣтствуетъ „й“ Толст. списка: „и погребоша й, Асколда на горѣ“...

Стр. **542**, стрк. 2—5. Текстъ статьи о вокняженіи Олега въ Кіевѣ основывается на **Комм**. Ср. §§ 201, 206[5], 206[7], 206[9], 267, 268[1]. Стрк. 3. Б. м., лучше; „сь же Ольгъ“ (ср. въ Троицк. сп. Новгор. 1-й; „се же Игоръ“).

Стр. **542**, стрк. 6 и сл. Текстъ статьи о походѣ Олега на Царьградъ основывается на **Комм**. Ср. §§ 207, 208, 209, 255, 261. Стрк. 6. Слова „По сихъ же“ см. въ Толст. (въ Комм.: „По сихъ же пакы временехъ“) выше, въ концѣ статьи 6362 года. Стрк. 8. Въ Ипат. „повелѣ воемъ“; м. б., такъ и слѣдуетъ читать. Стрк. 9. Б. м., лучше: „мъного убиства“. Стрк. 13. Въ Комм.: „убояшася Греци“, но, кажется, порядокъ Радз. и Ипат. первоначальнѣе. Стрк 16. О сравненіи Олега со св. Димитріемъ см. § 255. Стрк. 18. Въ Комм.: „на 100, 200 корабль“, въ Повѣсти вр. лѣтъ: „на 2000 корабль“.

Стр. **543**, стрк. 7 и сл. Текстъ статьи объ Игоревомъ княженіи основывается на **Комм**. Ср. §§ 70, 70[1] и сл., въ особенности же § 70[5]; также §§ 219[8]—219[10], 261, 226. Стрк. 10. Даю чтеніе „Свѣнелдъ“, основываясь на Лавр.: Свѣнелдъ подъ 6453 и 6454 гг.; чтеніе Свѣналдъ попало въ Повѣсть вр. лѣтъ изъ текста Святославова договора, откуда оно перенесено и въ статьи 6480, 6483, ср. въ Радз. еще подъ 6479 и 6485. Стрк. 7. Вмѣсто „сѣде“ не лучше ли „сѣдѣ“ или „сѣдяше“, какъ въ Комм.?—Стр. 544, стрк. 3—5. Относительно первоначальнаго разсказа объ убіеніи Игоря см. §§ 219[6] и 219[7]. Стрк. 6. Отсюда весь дальнѣйшій текстъ основывается на **Лавр**. Стрк. 7. Б. м., въ Древн. сводѣ о погребеніи Игоря читалось: „и погребенъ бысть Игорь на мѣстѣ у града Искоростѣня, и есть могыла его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дьне“; ср. сообщеніе о погребеніи Олега Святославича у города Вручаго (6485 г.).

Стр. **544**, стрк. 9 и сл. О вокняженіи Святослава и походѣ на Древлянъ см. §§ 72, 73, 261. Стрк. 9. Въ Комм. заглавіе ниже, передъ разсказомъ о походѣ на Древлянъ; то же заглавіе читается тамъ же въ Радз., Ипат., Лавр., но въ послѣдней оно искажено. Стрк. 10. М. б., лучше: „*а* кърмильць его и воевода"; объ этихъ словахъ см. § 219[4]. Стрк. 11. При „Асмудъ" находимъ и „Асмолдъ" (Лавр. 6454 г.), древнескáнд.: Asmundr. Стрк. 15. Въ Радз. „въ ногу"; можно ждать дѣйствительно или „въ ногу" или „въ нозѣ". Стрк. 16. Послѣ „побѣдиша Древляны" въ Повѣсти вр. л. вставка (см. § 1[3]); держусь чтенія Комм. и Акад. списковъ, ведущихъ къ Нач. своду. Стрк. 19. Б. м., лучше для древняго текста „Ольжинъ".

Стр. **544**, стрк. 20 и сл. Объ уставленіи Ольгой земли см. §§ 73, 116, 255, 266. Подъ всей землей разумѣется Деревская, а отсюда слѣдуетъ, что составитель Древн. свода относилъ къ этой землѣ и Подесенье.— Стр. 545, стрк. 3. Вмѣсто „и доселѣ" въ Ипат., Хлѣбн. и Соф. 1-й „ и до сего дни".

Стр. **545**, стрк. 4 и сл. О крещеніи Ольги см. §§ 74, 74[1], 79 и 256. Стрк. 9. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., вмѣсто „хотять" читаемъ „имуть". Ниже, въ Радз., Ипат., Хлѣбн. „и въ послѣднии родъ", что, б. м., лучше. Стрк. 13. Въ Ипат., Комм., Соф. 1-й „учению", что, м. б., лучше, чѣмъ „учения" (Лавр. и Радз.). Стрк. 17. Возможно, что слова „нарекъ ю дъщер ию со бѣ", относящіяся въ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ къ царю, должны быть совсѣмъ опущены изъ текста Древн. свода. Стрк. 19. Не совсѣмъ удовлетворительно чтеніе: „людие мои погани и сынъ мои"; Комм. прибавляетъ для ясности: „тако же поганъ бѣ". Кромѣ того, отмѣчу, что первое обращеніе Ольги къ патріарху: „молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣти неприязньны" весьма сходно по содержанію со вторымъ обращеніемъ: „людие мои погани и сынъ мои, да бы мя Богъ съблюлъ отъ вьсякого зъла". Нельзя ли думать, что въ первоначальномъ текстѣ, источникѣ Древн. свода (для этой статьи), читалось: „Она же, поклонивъши главу, стояше, акы губа напаяема, вънимающи учения. Бѣ же наречено имя еи въ крьщении Елена, якоже и древьняя цѣсарица, мати великаго Костянтина. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домъ; и рече ему: „молитвами твоими, владыко, да съхранена буду отъ сѣти неприязньны; людие мои погани суть, да бы мя Богъ съблюлъ отъ вьсякого зъла". И рече еи патриархъ: „чадо вѣрьное... и отъ сѣтии его". Благослови ю патриархъ, и иде съ миръмъ въ свою землю". Отъ чего произошли въ Древн. сводѣ соотвѣтствующія перестановки, не ясно. Стрк. 20. Б. м., „ей" послѣ „рече" лишнее; его нѣтъ ни въ Лавр., ни въ Ипат., ни въ сходныхъ съ ними. Стрк. 27. Въ Нач. св. и Повѣсти вр. лѣтъ „Се же бысть" относится къ послѣдующему „яко и при Соломонѣ", но сравненіе Ольги съ царицей Южскою представляется мнѣ вставкой, ср. § 74[1].

Стр. **546**, стрк. 1 и сл. См. объ этой статьѣ § 114[2]. Стрк. 2. Въ Ипат.

и Соф. 1-й такъ и читается: „ни въ оуши внимаше“, но дальше вставка; ср. ниже: „онъ же не внимаше того, глаголя“. Стрк. 3. Въ Соф. 1-й „внимааше“. Стрк. 5. Въ Соф. 1-й: „не браняаху, но ругаахуся“. Стрк. 5—6. Текстъ 1 Коринө. I, 18 сильно передѣланъ; вотъ какъ онъ читается: „Слово бо крестное погибающымъ оубо оуродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“. Ср. въ Словѣ о законѣ и благодати: „и еже инѣмъ уродьство мнится, тобѣ сила намѣнится“ (ср. § 227[1]). Стрк. 7. Вм. „ходящии“ можно ждать въ текстѣ псалма „ходять“. Стрк. 8. Б. м., „сътворити“ лучше, чѣмъ „творити“. Стрк. 13. Въ Радз., Ипат., Соф. 1-й „въсхощеть“ вм. „хощеть“. Стрк. 11—12. Текстъ Лев. XX. 9: „иже аще зло речетъ отцу своему или матери своеи, смертію да оумретъ“. Стрк. 16. Б. м., лучше „моляшеться“, какъ въ Троицк. спискѣ Новгор. 1-й. Стрк. 16. Во многихъ спискахъ „по вся дни и по вся нощи“, что, м. б., лучше.

Стр. 546, стрк. 18 и сл. О характеристикѣ Святослава см. §§ 88 и 255. Стрк. 18. Род. мн. „вои мъногъ и храбръ“ зависитъ отъ „съвъкупляти“; опущеніе въ Лавр. словъ „бѣ бо самъ храбръ“ объясняется тѣмъ, что передъ ними стояло въ оригиналѣ Лавр. именно „храбръ“, а не „храбры“. Стрк. 19. Чтеніе „льгъкъ“ ср. съ эпитетомъ Святослава „легкыи“ (напр., въ Погод. № 1570, Толст. № 189); въ Лавр. и др. послѣ „льгъкъ“, которое измѣнено въ Лавр. въ „легъко“, вставлено „ходя“; думаю, что поправка эта, сначала занесенная на поля, повліяла и на вставку слова „ходя“ ниже, послѣ „творяше“; поэтому исключаю „ходя“ въ обоихъ случаяхъ; въ Троицк. спискѣ Новгор. 1-й измѣнено въ стрк. 20: „творя ходяше“.— Стр. 547, стрк. 1. Я понимаю „грядину“ въ значеніи „яко грядину“ или „грядиною“, т. е. въ грубомъ видѣ; въ Троицк. сп. Новг. 1-й: „или грядину“; въ характеристикѣ Святослава указано именно, что онъ питался кониной и звѣриной; поэтому чтеніе „говядину“ вм. „грядину“ надо признать позднѣйшимъ.

Стр. 547, стрк. 5 и сл. О походѣ Святослава на Козаръ см. §§ 80, 234 и 261. Стрк. 5. Вставка „на Козары“ оправдывается дальнѣйшимъ: „Иде Святославъ на Козары“ (стр. 547, пр. 2). Стрк. 7. Чтеніе „дань даемъ“ вм. „даемъ“ ср. съ „да даемь“ Моск.-Акад. списка, но, кажется, лучше: „Козаромъ дань по щьлягу отъ рала даемъ“, ср. въ Комм.: „Козаромъ дань даемь по щьлягу отъ рала“. Стрк. 10. Въ Лавр. „градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя“, что врядъ ли можно объяснить иначе, какъ ошибкой. Пишу „вежа“ съ е, а не ѣ, ср. соотвѣтствующее словенское слово, указывающее на е. Стрк. 11. Не ясно, какъ лучше: „на нихъ“ (Лавр., Комм., Ипат.) или „на ня“ (Хлѣбн.); въ Троицк. спискѣ Новгор. 1-й: „на нь“. Б. м., раньше читалось: „и дань на нихъ имаше“. Чтеніе „приведе“, стрк. 10, находитъ себѣ соотвѣтствіе и въ Ипат. „приде“; въ Архангелогор.: „и пріиде въ Кіевъ“.

Стр. 547, стр. 12 и сл. О походѣ на Болгаръ см. §§ 81, 82 и 255.

Стр. 547, стрк. 16 и сл. О нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ см. §§ 84, 85 и 261. Стрк. 19. Б. м., послѣ „оступиша“ слѣдуетъ вставить, какъ въ Ипат.,

Радз., Соф. 1-й, Комм.: „Печенѣзи“. Стрк. 17—18. Б. м., слова „съ вънукы своими Ярополкъмь и Ольгъмь и Володимеръмь“ вставлены въ Нач. сводѣ, а въ Древн. сводѣ читалось: „Ольга въ градѣ Кыевѣ“, ср. въ Лавр. и Комм.: „Ольга въ градѣ съ вънукы своими... въ градѣ Кыевѣ“. Стрк. 23. Б. м., не „поидеши“, а „придеши“, какъ въ Ипат., Соф. 1-й и Комм.—Стр. 548, стрк. 4. Вмѣсто „съжалися“, б. м., „съжалиси“, какъ въ Ипат., Соф. 1-й, Радз., Переясл. Стрк. 5. Род. п. „вои“ въ зависимости отъ „събьра“. Стрк. 6. Ср. въ Комм. и Моск.-Акад.: „Въ лѣто 6477. И рече Святославъ“.

Стр. **548**, стрк. 7 и сл. О рѣчи Святослава см. § 86; о кончинѣ Ольги §§ 75, 76, 78, 79, 86, 114[3] и 256. Стрк. 8. Не понимаю, почему „въ Дунаи“, а не „на Дунаи“; повидимому, Дунай обозначало и область по Дунаю.

Стр. **548**, стрк. 14 и сл. О кончинѣ Ольги и похвалѣ ей см. §§ 75, 76, 78, 79, 250. Стрк. 17. Въ Соф. 1-й вмѣсто „и бѣ“—„идѣже бѣ“: „на мѣстѣ, идѣже бѣ заповѣдала“; въ спискѣ Ц. послѣ „на мѣстѣ“ вписано „инѣмъ“. Стрк. 18. Не могу настаивать на внесеніи въ текстъ словъ „въ таинѣ“ изъ Комм. и Соф. 1-й послѣ „презвутеръ“. Стрк. 21—23. Не читалось ли первоначально такъ: „и акы луна въ нощи, акы бисьръ въ калѣ, тако и си въ невѣрныхъ чловѣцѣхъ свѣтяшеся“? Стрк. 23. Большинство списковъ (Ипат., Комм. и др.) даютъ чтеніе „грѣхомъ“.—Стр. 549, стрк. 2. „бысть“—это 2-е лицо ед. ч. аориста; форма эта была непонята и потому замѣнена 1-мъ л. мн. „быхомъ“ (Лавр., Ипат., Комм. и др.). Вмѣсто „Русьское познание“ въ Радз. „Руской земли познанье“, но я держусь чтенія Лавр., Ипат., Комм. Стрк. 3. Неясно, почему „първое“, а не „първая“. Стрк. 6. Въ текстѣ Притч. XXIX. 2 можно было бы ждать „похваляемымъ праведнымъ“. Стрк. 7. Списки даютъ чтеніе „бесмертие“ (Комм., Лавр., Ипат., Соф. 1-я), „бесмерти“ (Радз.); быть можетъ, лучше читать „без смьрти“. Стрк. 9. Вмѣсто „въ тѣлѣ“, м. б., было бы лучше „въ тѣлесе“ (Троицк. сп. Новгор. 1-й). Стрк. 14. Чтеніе „и не подвижится“ или „не подвижется“ находимъ въ древнихъ спискахъ псалтыри (вм. „не оубоиться“ другихъ списковъ).

Стр. **549**, стрк. 15 и сл. О походѣ Святослава на Болгаръ и Грековъ см. §§ 81, 82, 83, 87—89 и 255. Стрк. 16. О словахъ „а Володимера Новѣгородѣ“ см. § 117. Стрк. 17. Нѣтъ ли пропуска послѣ словъ „и затворишася Болгаре въ градѣ“? Напр., „и осѣде Святославъ градъ“? Стрк. 19. Форма „одалаху“ правильная, ср. „одалая“ на стр. 565, 9. Стрк. 21. О неоконченной рѣчи Святослава см. § 86. Въ Архангелогор. она комментирована: „Сей градъ мой; и казни въ немъ измѣнниковъ смертію“.—Стр. 550, стрк. 2. Б. м., первоначальное чтеніе: „нъ възьмѣте дань на насъ и повѣжьте ны“. Стрк. 3. Возможно читать „колико“; ниже, стрк. 6, „толико“ вм. „колько“, „только“. Стрк. 4. Вм. „льстяще“ въ Троицк. спискѣ Новг. 1-й „льстящеся“. Послѣ „подъ Русию“ въ Радз., Соф. 1-й, Комм., Архангелогор.: „суть (бо) Греци льстиви и до сего дне“, въ Ипат.: „суть бо Грѣци мудри и до сего дни“; эту вставку (со словомъ „льстиви“) я отношу насчетъ составителя второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ. Стрк. 9. Не думаю,

чтобы слѣдовало писать: „уже намъ нѣ, камо ся дѣти"; „нѣкамо" давно срослось въ одно слово. Стрк. 11. Поправляю „лязѣмъ" вм. „ляжемъ" (Лавр. и др.), въ виду чтенія Ипат. („лиземы"). Вмѣсто „костьми" въ Ипат. и Комм. „костью ту"; не могу дать предпочтенія этому чтенію; въ Соф. 1-й: „костьми туто". Стрк. 11. Въ Комм. „мертвіи бо срама не имуть" (то же въ сп. Ц. Соф. 1-й), въ Соф. 1-й: „мертвый бо срама не имать", въ Ипат.: „мертвы бо сорома не имаеть", въ Радз.: „мертвыи бо срама не имають"; въ Троицк. спискѣ Новг. 1-й: „мертвии бо срама не имать"; предпочитаю чтеніе Лавр. списка. Стрк. 14. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр.: „промыслите о собѣ". Стрк. 20. Б. м., здѣсь читалось первоначально: „възьми дань на насъ и на дружину свою", ср. ниже: „имашеть же и за убиеныя" и замѣчаніе къ стрк. 2. Стрк. 21. Вмѣсто „даша" въ Ипат. и Соф. 1-й: „вдаша". Стрк. 21. Въ Троицк. спискѣ Новгор. 1-й: „на убьеныя". Стрк. 24. Б. м., лучше „къ собѣ", какъ въ Синод. № 789 („к себѣ").

Стр. **550**, стрк. 26 и сл. О возвращеніи Святослава и убіеніи его Печенѣгами см. §§ 9, 91, 90, 261, 266.—Стр. 551, стрк. 3. Вм. „бысть гладъ", какъ въ Ипат., въ Лавр.: „бѣ гладъ". Стрк. 8. Вмѣсто „по немь" во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр.: „из него", „в немъ", „из ней", „в ней"; сохраняю чтеніе Лавр., въ виду соображеній, высказанныхъ Соловьевымъ, Ист. Россіи, I, стр. 150, пр. 4-е.

Стр. **551**, стрк. 9 и сл. О вокняженіи Ярополка см. §§ 177, 182, 219, 220[6], 220[8]. О походѣ Ярополка на Олега см. §§ 9, 219, 219[1], 219[2], 227, 262. Стрк. 10. О словахъ „И воевода бѣ у него Блудъ" см. §§ 177, 182, 219, 220[6]. Стрк. 11. Читаю „преими" вм. „прими" (Лавр.), „приимеши" (Ипат. и Комм.), въ виду дальнѣйшаго: „прея власть его". Стрк. 12. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр.: „противу ему", что̀, б. м., предпочтительнѣе (род. послѣ „противу" ср. стр. 619, 17 и 628,12). Стрк. 13. Не стояло ли передъ „и съразивъшемася пълкома"—„съступишася обои" ? Ср. въ Соф. 1-й: „и съступишася обои, и побѣди Ярополкъ Олга". Стрк. 20. М. б., „съпьхнуша ѝ", какъ въ Соф. 1-й и Ипат. Стрк. 23. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., вмѣсто „трупия"—„подъ трупиемь", что̀, б. м., предпочтительнѣе.—Стр. 552, стрк. 1. Относительно „Блуду" см. § 219. Относительно „яжь" см. § 182. Въ Комм.: „яжь, се ты сего хотяше", въ Соф. 1-й: „яжь, сего ты еси хотѣлъ"; въ Переясл.: „яжъ, бѣ бо ихъ свадилъ о ловищахъ звѣриныхъ, и того хотелъ"; въ остальныхъ вмѣсто „яжь" „вижь"; при этомъ въ Ипат. сходно съ Лавр.: „вижь иже ты сего хотяше", а въ Радз.: „вижь, сего ты еси хотѣлъ". Стрк. 5. Чтеніе „прея" вм. „прия", въ виду Переясл. и предыдущаго.

Стр. **552**, стрк. 7 и сл. О вокняженіи Владиміра въ Кіевѣ см. §§ 9, 11, 91, 118, 262. Стрк. 13. Послѣ „и затворися Кыевѣ съ людьми своими и съ Блудъмь" въ Лавр. и др. читаемъ: „Стояше Володимеръ обрывъся на Дорогожичи, межю Дорогожичьмь и Капичьмь, и есть ровъ и до сего дьне". Эти слова, вопреки сказанному на стр. 490, я счи

таю теперь вставкой, основываясь на томъ, что за ними находимъ: „Володимеръ *же* посъла къ Блуду", а также и на томъ, что въ началѣ ихъ нѣтъ связи съ предыдущимъ (можно бы ждать: „стояше же"). Быть можетъ, вмѣсто „и есть" первоначально читалось „есть"; иначе указаніе „межю Дорогожичьмь и Капичьмь" противорѣчитъ предыдущему „на Дорогожичи". Стрк. 15. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., вмѣсто „хощю"—„начну". Стрк. 16. Чтеніе „почахъ" даетъ Комм, остальные „почалъ". Стрк. 17. Вмѣсто „убоявъся" Лавр. во всѣхъ остальныхъ „убояхся (и)". Стрк. 19. Чтеніе „хлѣбъ мои" находимъ и въ древнихъ спискахъ псалтыри (напр. Симоновск. XIII в.; другіе списки имѣютъ „ хлѣбы моя").—Стр. 553, стрк. 1. Въ текстѣ Псалма V. 10 находимъ „льщахуся" (Болонск. пс., Псалт. 1296 г.) и „льщаху", какъ въ Радз. (Погод. XI в., Симон. XIII в.) Стрк. 4. Ср. въ Симон. псалтыри XIII в.: „мужь кръви (вмѣсто „кръвии", ср. Погод. сп. XI в.: „кръвиі") и льсти (вар. по списку XIV в.: „льстивъ") не преполовить днии своихъ". Стрк. 11. Послѣ „съ Яропълкъмь" въ Лавр. „льстя ему", а въ Радз. и Соф. 1-й „льстя подъ нимъ"; думаю, что это позднѣйшая вставка. Стрк. 12. Вмѣсто „пристряпати" (Лавр.) въ остальныхъ спискахъ „приступити" (Комм.), „приступати" (Ипат., Соф. 1-я). Стрк. 17. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „из града", что̀, б. м., предпочтительнѣе. Стрк. 17-18. Вмѣсто „предъ нимь" въ Комм. и Ипат. „пришедъ", въ Соф. 1-й „предп", въ Радз. это опущено; какое чтеніе предпочесть, неясно. Стрк. 19. Вмѣсто „осѣде" во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „осѣдяху (осѣдаху)", что̀, б. м., предпочтительнѣе; въ Переясл. „обсѣдоша". Стрк. 21. Вмѣсто „колько" возможно и „колико". Стрк. 22. Вмѣсто „нѣ" (какъ читаетъ Миклошичъ) возможно сохранить „не" списковъ.—Стр. 554, стрк. 1. Вмѣсто „съ дружиною своею" въ Радз., Ипат. и Комм.: „съ вои и съ дружиною своею"; не вижу основанія для предпочтенія этого чтенія чтенію Лавр. списка. Стрк. 3. Въ Лавр. вмѣсто „и поиде"—„поиде же", что хуже, въ виду „же" въ слѣдующей затѣмъ фразѣ. Стрк. 5. „вои" это род. мн. Стрк. 7. Вмѣсто „ити"—„внити" въ Соф. 1-й и Ипат., „въити" въ Радз. Стрк. 12. Б. м., „прежде" и лишнее, въ виду глагольной формы „бяше была".

Стр. **554**, стрк. 17 и сл. Объ эпизодѣ съ Варягами см. §§ 11, 104, 262, 266. Стрк. 17. Принимаю поправку „преяхомъ" вм. „прияхомъ", въ виду выраженія „прея власть его", ср. выше, стр. 551 и 552. Стрк. 18: „преяхомъ я", ср. Лавр. „прияхомъ е", не „прияхомъ й", какъ въ Ипат. и Комм., при чемъ вмѣсто „й" въ Хлѣбн. „его"; „я"—это жителей Кіева. —Стр. 555, стрк. 4. О словахъ „зъло, яко и сьде" см. § 262.

Стр. **555**, стрк. 6 и сл. Объ убіеніи Варяговъ-мучениковъ см. §§ 11, 96, 104, 257, и 258. О словахъ „и постави кумиры... теремьнаго" см. § 96. Стрк. 7. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „требу", ср. то же ниже, стрк. 18; ср. въ Соф. 1-й ниже, стрк. 27: „да вдамы й на требу богомъ" (въ Лавр. и др. нѣтъ „й на требу"). Стрк. 9. Вмѣсто „на него же", б. м., лучше „на нь же", какъ въ Переясл. Стрк. 10. Читаю „бяшеть", какъ въ Комм.

и Акад., не „бяше“ (какъ въ Лавр.), въ виду послѣдующихъ „не търпя шеть“, „бяшеть“. Исключаю союзъ „и“ передъ „бѣ дворъ“ согласно съ Ипат. Стрк. 12. Прибавку „въ таинѣ“ послѣ „държаше“, которую находимъ въ Ипат., Комм. и Соф. 1-й (въ Переясл.: „отаи“), не рѣшаюсь признать позднѣйшею. Стрк. 20. Прибавку „сѣкирою и ножемъ“ послѣ „въ древѣ“, которую находимъ въ Ипат., Комм. и Соф. 1-й, быть можетъ, слѣдуетъ признать позднѣйшею. Стрк. 21. Вмѣсто „сътворилъ“, б. м., лучше „сътвори“, ср. стр. 558, прим. а. Стрк. 27. Б. м., первоначальнѣе отмѣченное выше чтеніе Соф. 1-й: „да въдамы и на требу богомъ“. Стрк. 28. Вмѣсто „имуть“, во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „поимуть“, что б. м., предпочтительнѣе.—Стр. 556, стрк. 7. Въ текстѣ изъ пророка лучше „нареку“ вм. „и нареку“. Стрк. 8. Б. м., лучше „о апостолѣхъ же“, какъ въ Ипат. и Комм.; напротивъ, на стрк. 10, б. м., лучше чтеніе тѣхъ же списковъ „аще бо и тѣлъмь“. Стрк. 13. Неясно, что такое „отьника“, вмѣсто чего въ Лавр. и части списковъ Соф. 1-й „отѣника“, въ другихъ спискахъ Соф. 1-й „отътѣника“ въ Радз. и Хлѣбн. „отечника“, въ Переясл. „оттеника“, въ Ипат. „отьченика“, въ Акад. „отѣмника“, въ Троицк. сп. Новгор. 1-й „истинника“.

Стр. **556**, стрк. 15 и сл. О походѣ на Ляховъ см. §§ 103, 254 и 263.

Стр. **556**, стрк. 18 и сл. О походѣ на Вятичей см. §§ 103 и 263. Неясно, почему здѣсь „отъ плуга“, между тѣмъ какъ въ извѣстіи о покореніи Вятичей Святославомъ „отъ рала“.

Стр. **556**, стрк. 20 и сл. О походѣ на Ятвяговъ см. §§ 104 и 263. В. м., вмѣсто „и възя землю ихъ *и иде* (въ Комм., Ипат., Соф. 1-й: прииде) *Кыеву*“ первоначально (въ Древн. сводѣ) читалось: „и възя землю ихъ и приведе къ Кыеву“, ср. такое выраженіе на стр. 547; поправка вызвана помѣщеніемъ за этой статьей разсказа о Варягахъ-мученикахъ; но я предпочелъ выпустить „и иде Кыеву“, находя возможнымъ, что это вставка, вызванная слѣдующею за нею статьей Нач. свода.

Стр. **556**, стрк. 22 и сл. О походѣ на Радимичей см. §§ 104, 263, 266. Стрк. 24. Вмѣсто „Пищанѣ“ не читалось ли „Пѣсъчанѣ“, ср. „песщане“ Радз. и Моск.-Акад., „пѣщанѣ“ Хлѣбн., „пѣщаньци“ (ниже) Ипат.—Стр. 557, стрк. 2. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., Акад., Комм., „и повозъ“.

Стр. **557**, стрк. 4 и слѣд. О походѣ Владиміра на Болгаръ см. §§ 104, 120 и 263. Стрк. 5. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр.: „и тако побѣди“, что, б. м., предпочтительнѣе. Стрк. 7. Въ Лавр. „межю собѣ“; быть можетъ, лучше исправить „межю себе“. Стрк. 8. Б. м., чтеніе Лавр. „почнеть тонути“, нами отвергнутое, всетаки предпочтительнѣе.

Стр. **557**, стрк. 10 и сл. Объ испытаніи вѣръ см. §§ 105, 255, 266. Стрк. 11. Послѣ „съмысльнъ“ „нъ“ опущено въ Лавр. и др. вслѣдствіе гаплографіи. Стрк. 16. Въ Хлѣбн., Соф. 1-й, Комм. „дасть бо“, что, кажется, лучше. Стрк. 22. Я исключилъ слова „бѣ бо самъ любя жены и блуженье мъногое, послушаше ихъ“ (это „ихъ“ доказывается Акад. и Моск.-Акад. списками) на основаніи повторенія словъ „послушаше ихъ“

которыя читаются передъ ними (Пов. вр. л. исправила ихъ въ „слушаше ихъ“); вставка эта стояла бы въ связи съ другими вставками, гдѣ Нач. сводъ сообщалъ о блудной жизни Владиміра (§§ 94, 95).—Стр. 558, стрк. 1. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., прибавлено послѣ „Нѣмьци“—„изъ Рима“ или „отъ Рима“ (въ Соф. 1-й: „отъ Римлянъ“); думаю, что это прибавка позднѣйшая, сдѣланная на основаніи дальнѣйшаго; ср. ниже: „слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима“. Обращаю вниманіе на чтеніе „послании“ Лавр. и др., не „послани“; оно доказываетъ, что слова „глаголюще: придохомъ“ вставлены, ср. ниже: „и рѣша ему“.— Стрк. 2—5. Относительно словъ, сказанныхъ Владиміру Нѣмцами, см. § 104. Стрк. 6. Б. м., лучше прибавить послѣ „како“—„есть“, согласно съ Ипат. („кака есть“), Акад. („какова есть“), Троицк. сп. Новгор. 1-й („како есть“). Стрк. 7. Текстъ Апостола переданъ неточно: „аще ясте или пиете, аще ли ино что творите, все въ славу Божію творите“. Стрк. 10. Въ Акад. и Соф. 1-й: „Се же слышавше“. Стрк. 19. Въ Ипат. и Акад. вмѣсто „онъ же“—„Володимеръ же“, но врядъ ли это первоначальнѣе. Стрк. 22. Б. м., предпочтительнѣе чтеніе Ипат. и Комм.: „то же зло“.

Стр. **558**, стрк. 24 и сл. Относительно рѣчи философа см. §§ 50, 51, 105, 107, 108, 255. Относительно имени Кирилла см. §§ 105, 174 и 255. Здѣсь позволю себѣ указать на возможность того, что въ первоначальномъ текстѣ могло читаться: „По семь придоста отъ Грькъ философъ Кирилъ и Меѳодии“; ср. послѣдующее „глаголюща“ (им. дв.), которое неудобно понимать какъ вин. падежъ („По семь же прислаша Грьци къ Володимеру философа Кирила, глаголюща“), при чемъ врядъ ли вѣроятно предпочесть чтеніе „глаголюще“ Лавр. и др.; въ такомъ случаѣ обращеніе ихъ къ Владиміру начиналось словами „слышаховѣ“. Самая рѣчь и въ древнѣйш. источникѣ могла быть приписана одному Кириллу.—Стр. 559, стрк. 2. Вмѣсто „Господь“ въ Комм. и Ипат. „Богъ“; б. м., „Господь“ употреблено въ виду послѣдующаго „Богъ“ (стрк. 4). Стрк. 2. Б. м., лучше „горящее“, какъ въ Комм., Хлѣбн. и Соф. 1-й, или „горущее“, какъ въ Ипат. Стрк. 4. Вмѣсто „земли“—„на землю“ въ Соф. 1-й, Комм. (но не Акад.), Ипат. и Хлѣбн. Стрк. 4. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „безаконие“, что, м. б., предпочтительнѣе. Стрк. 5. Послѣ „омывають оходы своя“ въ Ипат. „поливавшеся водою“, въ Комм. „поливавше водою“; неясно, должно ли возвести это къ первоначальному тексту. Стрк. 6. Вмѣсто „помпнающе“ всѣ списки, кромѣ Лавр. (гдѣ „поминають“), имѣютъ „наричюще“ или „нарицающе“. Стрк. 13—16. Текстъ Лук. XXII. 19 и 20 переданъ неточно, ср. напр. въ Мар. ев.: „и приимъ хлѣбъ хвалу въздавъ прѣломи и дастъ имъ глаголя: се естъ тѣло мое даемое за вы, се творите въ мою память; и чашу ¡такожде по вечерѣнии глаголя: си чаша новы завѣтъ моею кръвию, ѣже за вы пролѣатъся“ (юсы замѣнены здѣсь буквами у и я). Стрк. 19. Въ Комм. и Радз. вм. „тѣхъ бо“—„того бо“, въ Моск.-Акад. „то бо“, но „тѣхъ бо“ относится къ Жидамъ, т. е. „пророки Жидовъ“. Стрк. 22. Прибавка „древяными пилами“ послѣ „претираху“ въ Комм. вѣроятно, позднѣйшая.

Стр. **560**, стрк. 7 и сл. Объ окончанiи рѣчи философа см. § 105.

Стр. **560**, стрк. 13 и сл. О совѣщанiи Владимiра съ боярами и старцами см. § 106. Стрк. 13. Б. м., надо дополнить „положи на сьрдьци своемь", какъ въ Переясл., словами: „словеса та". Стрк. 21. Я сохранилъ „дѣеть", хотя и имѣлъ въ виду поправку Миклошича „дѣють"; въ Переясл. „рече"; сводчикъ могъ имѣть въ виду при этомъ философа. Стрк. 25. „баба твоя приялa, Ольга": такъ въ Лавр., Радз., Комм., Соф. 1-й, между тѣмъ въ Ипат., Толст. позднѣйшая поправка: „баба твоя Ольга прияла".

Стр. **561**, стрк. 1—2. О крещенiи Владимiра см. §§ 9, 13, 107, 108 и 258.

Стр. **561**, стрк. 3 и сл. О наставленiи Владимiра въ вѣрѣ см. § 109. Тамъ же указано, что кромѣ символа Владимiру могло быть преподано увѣщанiе противъ Латынянъ.

Стр. **561**, стрк. 7 и сл. О словахъ „Володимеръ же просвѣщенъ бывъ... И крьстишася" см. § 110. Относительно перечня сыновей см. §§ 95, 110, 111, 121. Здѣсь отмѣчу, что даю предпочтенiе Лавр. списку, ставящему Ярослава на третье, а Святополка на четвертое мѣсто, передъ Радз., Комм., Хлѣбн., Соф. 1-й, Переясл., гдѣ Святополкъ старше Ярослава; Ярославъ, какъ сынъ Рогнѣды, взятой Владимiромъ въ замужество задолго до взятiя Ярополковой вдовы, въ представленiи составителя Древн. свода долженъ былъ быть старше Святополка; между тѣмъ съ точки зрѣнiя Повѣсти вр. л., полагающей бракъ съ Рогнѣдой на 6488 годъ (годъ убiенiя Ярополка), Ярославъ долженъ былъ быть моложе Святополка; вотъ основанiе для поправки, внесенной въ текстъ Повѣсти вр. л., повидимому, составителемъ второй редакцiи.

Стрк. **561**, стрк. 12 и сл. О крещенiи кiевлянъ см. § 100. О сѣтованiяхъ дьявола §§ 100, 104 и 258. Стрк. 14. Въ Радз. и Ипат. послѣ „обрящеться" прибавлено „заутра"; отсутствiе этого слова въ Лавр., Переясл., Комм. и Соф. 1-й побуждаетъ меня признать его вставкой; ср. ниже въ Нач. сводѣ (и Повѣсти вр. л., но не въ Древн. св.): „наутрия же изиде Володимеръ". Стрк. 15. Едва ли лучше чтенiе Ипат. и Радз.: „работенъ, противникъ". Стрк. 21. Неясно, что́ такое „си" въ фразѣ „и бяше си видѣти радость".—Стр. 562, стрк. 1. Б. м., лучше: „толику душь съпасаемымъ". Въ Радз., Соф. 1-й, Ипат.: „стеняше, глаголя", что, м. б., лучше. Стрк. 2. Въ большей части списковъ „отъсюду", что, б. м., предпочтительнѣе. Стрк. 4—5. Во всѣхъ спискáхъ, кромѣ Лавр., „побѣжаемъ"; думаю, что „побѣженъ" предпочтительнѣе, ср. „не имамъ уже цѣсарьствовати въ странахъ сихъ".

Стр. **562**, стр. 8 и сл. О молитвѣ Владимiра и построенiи имъ церквей см. § 110. Стрк. 9. Въ Лавр. „Христе Боже", но „Христе" стоитъ ошибочно вмѣсто „рече"; въ Комм. „Боже", а въ Радз. и Ипат. „Боже великыи". Стрк. 16. Относительно „потребы" вмѣсто „требы", см. стр. 555; въ Комм., Радз., Ипат.: „требы". Стрк. 19. Въ Лавр. послѣ „даяти" повторено „нача".

Стр. **562**, стрк. 22 и сл. О разсужденiяхъ по поводу крещенiя Руси см. §§ 51, 258. Стрк. 24. Сохраняю союзъ „и" передъ „яснъ", въ виду Лавр.

и Комм. Стрк. 26. Не думаю, чтобы чтеніе Радз. и Ипат. „словеса книжная“ было предпочтительнѣе принятаго въ текстъ чтенія Комм. списка; чтеніе Лавр. списка („словесе книжного“) отвергаю въ виду предыдущаго „словеса книжная“ (мн. ч.). Стрк. 27. Кажется, лучше, какъ, напр., въ Кириллобѣлоз. сп. XVI в. Исхода: „и помилую егоже аще помилую“.—Стр. 563, стрк. 1. „пакы банею бытия“ во всѣхъ спискахъ вмѣсто „банею пакыбытия“, какъ, вѣроятно, и читалось въ Древн. сводѣ, ср. въ Словѣ о зак. и благодати: „Благословенъ Господь Израилевъ, яко посѣти и створи избавленье людемъ своимъ... въводя въ обновленье пакыбытья, в жизнь вѣчную“ (§ 227[1]). Въ посланіи къ Титу: „спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго“. Стрк. 6. „въздамы“ въ Лавр., Комм. и нѣк. сп. Соф. 1-й; въ Ипат. и Радз. „въздамъ“. Стрк. 8. Въ псалмѣ 144: „Велiи Господь и хваленъ зѣло, и величію его нѣсть конца. Родъ и родъ восхвалятъ дѣла твоя“. Итакъ видимъ умышленное измѣненіе въ текстѣ, для того чтобы изложить его въ 1 л. мн.: „въ родъ и родъ въсхвалимъ“ вм. „родъ и родъ въсхвалить“ (ср. Лавр.: „въсхвалить“). Стрк. 13. Въ псалмѣ 135: „исповѣдаитеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкы милость его... яко избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ“ (Симоновск. пс. XIII в.); итакъ, „исповѣдающеся“ вм. „исповѣдаитеся“ исправлено умышленно. Стрк. 12. Въ Лавр. „и Съпасу“. Стр. 18 и сл. Въ текстѣ псалма: „благовѣстите день отъ дни спасение (вар. „спасения“: Псалт. XIV в.) его“ (Симоновск. пс. XIII в.); ниже: „въ всѣхъ людехъ чюдеса его“. Стрк. 22. Въ Толст. и Комм.: „колико (колко) ти радости“, что врядъ ли предпочтительнѣе. Стрк. 23. Въ еванг. текстѣ ждемъ: „яко тако радость“. Стрк. 26. Въ Лавр. „якоже и“. Стрк. 26—28. Въ текстѣ Іезекіиля: „и воскроплю на вы воду чисту и очиститеся отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ и отъ всѣхъ куміровъ вашихъ“. Стрк. 29 и сл. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „неправду“, чтó, б. м., лучше. Текстъ прор. Михея: „Кто Богъ якоже ты, отъемляй беззаконія и оставляяй нечестія... яко волитель милости есть. Той обратитъ и оущедритъ ны, и погрузитъ неправды нашя и ввержетъ въ глубины морскія вся грѣхи нашя“. Итакъ, надо бы ждать: „хотяи милости есть“.—Стр. 564, стрк. 3. Чтеніе „крьстися“, которому противополагается „крестихомъся“ Радз. и Хлѣбн., „крестишася“ Комм. и Соф. 1-я (К. О.), оправдывается, напр., нѣкоторыми списками Соф. 1-й, Акад., Ипат. Въ Апост. 1307 и др. также читается: „елико насъ крестися“ (въ другихъ спискахъ: „елико крестихомся“); тамъ же: „погребохомся“ (въ другихъ спискахъ: „съпогребохомся“); тамъ же: „тако же“ (въ др. спискахъ: „тако“); тамъ же: „житіа поидемъ“ (въ др. сп. „житіа вѣчнаго поидемъ“). Стрк. 8—9. Можно бы ждать: „се быша вся нова“. Стрк. 10. Въ Ипат. и Соф. 1-й „оуспе“; Миклошичъ поправляетъ „оусъпе“, но чтеніе „успѣ“ оправдывается, напр., Карп. ап. XIII в. и др. Стрк. 12. Мы ожидали бы въ текстѣ Римл. V. 2 „въ неиже хвалимъся и стоимъ“; замѣна „въ неиже“ на „имьже“ едва ли не стоитъ въ связи со вставленными въ текстъ словами: „кънязя нашего Володимера“; слова эти сохра-

нились только въ Ипат. и Хлѣбн., но возвожу ихъ къ Древн. своду, именно въ виду послѣдующаго „имьже". Ср. въ Карп. ап. XIII в.: „Имже приведение обрѣтохомь вѣрою вь благодѣть сию, в неиже стоимь и хвалимься"; въ совр. текстѣ: „имже и приведеніе" и т. д. Стрк. 13. Въ текстѣ Римл. VI. 22 можно ожидать „свободившеся" (напр. Апост. Толст. XIV в., Апост. № 32 XV в.), ср. это чтеніе въ Ипат., Комм., Радз., Соф. 1-й, или „свобождьшеся" (напр. Карп. ап. XIII в.), ср. „свобожьшися" въ Троицк. сп. Новгор. 1-й, но на основаніи Лавр. и Акад. заключаю, что авторъ умышленно поставилъ 1-е лицо мн.: „свободихомъся"; сообразно съ этимъ, онъ долженъ былъ дать ниже чтеніе „имамы плодъ нашь"; если находимъ въ спискахъ „имате плодъ вашь" (какъ въ Апостолѣ), то относимъ это насчетъ позднѣйшей правки. Стрк. 14. Вмѣсто „священие"—„освящение" въ Соф. 1-й, Хлѣбн., Акад., ср. въ современномъ и древнемъ текстѣ: „во святыню". Стрк. 18. Въ Ипат. и Комм.: „къ владыцѣ Богу нашему", что врядъ ли предпочтительнѣе.

Стр. 565, стрк. 3 и сл. О походѣ къ порогамъ см. §§ 7, 9, 112 и 263. О построеніи городовъ см. § 112. Стрк. 6. Возможно, что лучше „Трубежеви", какъ въ Моск.-Акад. и Соф. 1-й, ср. „Трубежю" Комм. Стрк. 7. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., не „поча", а „нача".

Стр. 565, стрк. 10 и сл. О походѣ на Корсунь см. §§ 7, 9, 97, 98. Объ эпизодѣ съ присыпаніемъ земли см. § 236. Стрк. 14—15. Въ Соф. 1-й: „приступати къ граду и персть сыпати"; въ Ипат. было „приступати", но передѣлано въ „приспу сыпати"; въ Переясл.: „приспу сути къ граду".— Стр. 566, стрк. 3. Думаю, что чтенія списковъ, какъ „кладяже суть" (Комм.), „кладязи же суть" (Акад.), „кладязи яже суть" (Лавр., Радз, Ипат., Переясл.), объясняются предположеннымъ чтеніемъ Древн. свода „кладязь же есть", гдѣ „же" имѣло себѣ соотвѣтствіе въ предшествующемъ текстѣ. Только въ Архангелогор. „изъ того" измѣнено въ „изъ нихъ". Отмѣчу, что и Миклошичъ поправилъ „кладязи" на „кладязь", читая за тѣмъ „иже". Стрк. 6. Возможно, что въ Древн. сводѣ читалось „прекы трубѣ", ср. выше „по трубѣ".

Стр. 566, стрк. 11 и сл. О женитьбѣ Владиміра и взятіи имъ изъ Корсуня иконъ и сосудовъ см. §§ 98 и 99. Я нахожу теперь вѣроятнымъ, что въ первоначальной редакціи Древн. свода (т. е. до обработки его въ 1073 году) читалось: „Володимеръ же, поимъ цѣсарицю, въдасть за вѣно Грькомъ Кърсунь опять, а самъ приде Кыеву, поимъ съсуды цьркъвъныя и иконы на благословение собѣ". Фраза эта разорвана на части, благодаря вставкѣ, сдѣланной сводчикомъ 1073 года, о поставленіи Владиміромъ церкви въ Корсунѣ. Въ пользу предложеннаго чтенія говоритъ между прочимъ „приде", а не „иде" Кыеву; далѣе лишнее „цѣсарицѣ дѣля" послѣ слова „опять" въ текстѣ Нач. свода (и, вѣроятно, свода 1073 года); фразы „поимъ цѣсарицю" и „поимъ съсуды" сближены, благодаря общему „поимъ", которое, однако, въ обоихъ случаяхъ имѣетъ

разное значеніе. Стрк. 13—18. О построенной Владиміромъ церкви св. Василія см. § 236. Стрк. 18. Вмѣсто „цѣсарицина“, б. м., лучше „цѣсаричина“.

Стр. 567, стрк. 1 и сл. О построеніи св. Богородицы см. §§ 7, 9, 51, 112, 101, 264. Стрк. 2. Кажется, въ Нач. св. „камяну“ было опущено, ср. пропускъ въ Лавр. и Комм.; Ипат. и Хлѣбн. могли получить его изъ какого-нибудь вспомогательнаго источника. Стрк. 2. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „святыя Богородица“.

Стр. 567, стрк. 5 и сл. О построеніи Бѣлгорода см. §§ 7, 9, 12, 112, 255. Я пропустилъ передъ „заложи“ „Володимеръ“, слѣдуя Радз. списку.

Стр. 567, стрк. 8. О походѣ на Хорватовъ см. §§ 112, 254, 263.

Стр. 567, стрк. 9 и сл. Объ окончаніи св. Богородицы см. §§ 113, 101, 7, 9, 254, 254, 259. Стрк. 10—18. Молитву Владиміра ср. съ молитвой, произнесенною архіепископомъ Мартиріемъ при окончаніи церкви св. Преображенія въ Новгородѣ въ 1198 году (Новг. 1-я): сравненіемъ съ текстомъ этой послѣдней молитвы оправдываю свои поправки: „иже“ (стрк. 12), „да аще“ (стрк. 16), „отъпусти грѣхы его“ (стрк. 17, не „вся грѣхы“, какъ Ипат.). Въ Симон. псалт. и другихъ: „Боже силъ, обрати и призри съ небесе и вижь и посѣти винограда своего и съвьрши... иже насади десница твоя“. Стрк. 16. Въ Комм.: „приснодѣвыя Маріа“, въ Ипат. и Переясл.: „приснодѣвыя Марья Богородица“. Стрк. 19. Слова „рекъ сице“ относятся къ „положи“, какъ ниже (стр. 569, стрк. 7) „рекъ“ относится къ „повелѣ“.

Стр. 568, стрк. 5 и сл. Объ основаніи церкви св. Преображенія см. §§ 113, 254, 264. Стрк. 8. Въ Комм., Соф. 1-й и Ипат. „отъ противныхъ“, что, м. б., предпочтительнѣе; слѣдуетъ принять чтеніе Акад. и Ипат.: „и едва“. Стрк. 11 и сл. Въ Переясл.: „И створи праздникъ, рассыти меду 300 преваръ и съзва боляры своя и посадникы по всѣмъ градомъ и люди многы, розда 300 гривенъ убогымъ, и събуруа празднова 8 дній и възвратися в Кіевъ“, т. е. всюду аористы. Стрк. 17. Въ Переясл.: „съзва многочисленыи народъ“.

Стр. 568, стрк. 19 и сл. О характеристикѣ Владиміра см. §§ 51, 102, 113, 114[4], 263.—Стр. 569, стрк. 1. Въ еванг. текстѣ мы ожидали бы: „и дадите милостыню“. Стрк. 2 и сл. Въ еванг. текстѣ: „идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ; скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ“. Стрк. 5. Я опустилъ дальнѣйшіе тексты: заимствованный изъ Псалтыри (CXI. 5), на основаніи нѣсколько искусственной связи съ предыдущимъ: „и Давыда глаголюща“, а заимствованный изъ Притчъ (XIX. 17) въ виду соображеній, высказанныхъ въ § 114[4].—Стрк. 10. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „бочкахъ“, что, б. м., предпочтительнѣе. Стрк. 16. Въ Лавр., Радз., Соф. 1-й и Ипат.: „отъ мясъ“, но чтеніе Комм. „множество отъ скота мясъ“ доказываетъ, что „отъ“ излишнее. Миклошичъ также читалъ: „множьство мясъ отъ скота и отъ звѣрины“. Стрк. 17. Б. м., лучше: „по изобилию вьсего“, ср. Комм. „изобило всего“. Стрк. 19. „да“ это 3-е

или 2-е л. аориста. Стрк. 25. Въ Ипат. и Комм. „строении“, въ Соф. 1-й „устроеніи“, что врядъ ли лучше.

Стр. 569, стрк. 26 и сл. Дальнѣйшую характеристику Владиміра см. §§ 102, 254. Стрк. 26. Въ Комм.: „И бѣ бо, рече, живущу ему“; сомнѣваюсь чтобы это было болѣе первоначальное чтеніе; непонятно „рече“, какъ будто являющееся ссылкой на источникъ. Стрк. 27. Ипат. и Радз. поправили ошибочно „Ондроникомъ“.—Стр. 570, стрк. 1. Замѣчательно чтеніе Ипат. и Хлѣбн.: „и рече епископъ“; впрочемъ, вѣроятно, оно обязано ошибкѣ, ср. ниже въ Ипат. и Хлѣбн. „они же“. Стрк. 5—6. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „съ испытаниемъ“, что̀, б. м., лучше. Стрк. 6. Въ Комм. и Ипат. вмѣсто „оже“—„а еже“. Стрк. 9. Въ Комм. и Ипат.: „дѣдню и отню“ (въ Комм.: „Божію и дѣдню и отьню“).

Стр. 570, стрк. 10 и сл. Объ этомъ отрывкѣ см. §§ 52, 53, 62, 63, 64, 221[1], 260 (въ частности: о словахъ „и потаи й Святополкъ, бѣ бо Кыевѣ“ § 53, о посѣщеніи Святополкомъ Вышегорода тамъ же, о томъ, что Борисъ сидѣлъ во Владимірѣ, § 62, о томъ, что онъ былъ выведенъ изъ Владиміра, § 63, о словахъ „пришьдъ изъ Вышегорода“ § 64). Стрк. 10—12. В. м., слѣдуетъ возстановить иначе: „Володимеру разболѣвъшюся, Печенѣгомъ же идущемъ на Русь, посъла противу имъ Бориса, его же имѣяше у себе, выведъ изъ Володимеря зълобы ради Святопълка“. Стрк. 12. Отмѣчу, что и Миклошичъ читаетъ: „Печенѣгомъ же“, въ Лавр. и др.: „и Печенѣгомъ“. Стрк. 14. Въ Соф. 1-й читается именно такъ, какъ мы предположили: „и скончася на Берестовѣ“, но далѣе слѣдуетъ указаніе дня „мѣсяца іуля въ 15 день“.

Стр. 571, стрк. 3 и сл. О погребеніи Владиміра и о похвалѣ ему см. §§ 53, 1[4], 27. Стрк. 8. Можно бы ожидать „акы заступьницѣ ихъ земли, убозии акы заступьницѣ и кърмители“ (такъ и поправляетъ Миклошичъ); ср. выше „по немь“. Стрк. 10. Въ Хлѣбн. вмѣсто „блаженаго“—„великаго“, а въ Комм и Ипат. вмѣсто „съ плачемъ“—„с плачемь великимъ“ (Ип.). „с плачемь великымъ зѣло“ (Комм.); я держусь чтенія Лавр., Акад., Радз. Стр. 13. Въ Хлѣбн. „сего бо память“, но, б. м., предпочтительнѣе чтеніе Лавр., Радз., Ипат., ибо то же чтеніе въ проложномъ сказаніи (§ 27). Стрк. 16. Въ Радз. и Хлѣбн. „Бога и Спаса“. Стрк. 17. Б. м., правильнѣе было бы всетаки удержать чтеніе „трудомъ“.

Стр. 571, стрк. 19 и сл. Объ убіеніи Бориса см. §§ 14 и сл.; 54, 59 60, 62, 63, 260, 264. Стрк. 25. О словахъ „и ста шатьры“ § 59.—Стр. 572, стрк. 3. Въ Ипат. и Троицк. Новгор. 1-й „не буди то мънѣ“ (Комм.: „не буди того мнѣ“), но врядъ ли это лучше. Стрк. 8. Форму „възняти“ списковъ я не замѣнилъ формой „възяти“, т. к. „възняти“ (предполагающее „възъняти“) существовало и въ старомъ языкѣ (Хлѣбн.: „въздияти“ новообразованіе по аналогіи „подняти“); ср. на стр. 598, стрк. 1: „нъ не хотя противу стрыеви своему оружия възяти“. Въ Лавр.: „аще и отьць ми умьре“, но врядъ ли это лучше. Стрк. 10. Въ большинствѣ древнихъ списковъ Псалтыри „въсташа“, но извѣстно и „въстають“. Стрк. 11. Въ Хлѣбн.

„вънзоша“, но, напр., въ Симон. пс. XIII в. „оуньзоша“. Стр. 13. Мы ждали бы: „предъ мною есть выну“. Стрк. 15. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „съ рабомъ твоимъ“, что, м. б., предпочтительнѣе. Стрк. 17. Вмѣсто „губить“ въ Радз. и Хлѣби. „погубити“, въ Ипат. „погубить“, но чтеніе Лавр. находитъ поддержку въ Комм. „губить“. Стрк. 18 и сл. Въ псалмѣ 97: „обидоша мя тельци мнози, уньци тучнии одьржаша мя, яко обидоша мя пси мнози, съборъ злобы ихъ (вар.: и съборъ злобивыхъ) осѣде мя“. — Стр. 573, стрк. 18. Въ Ипат., Радз., Комм.: „веселяся с ликы святыхъ“, но чтеніе Лавр. поддерживается Акад. спискомъ, гдѣ также „в лику“. Стрк. 19. Вм. „възложивъше“ можно ждать „възложьше“, какъ на стр. 571,6 и 586, 3. — Стрк. 574, стрк. 1. Въ Лавр. „и Тальць“, что врядъ ли лучше. Стрк. 1. Въ Лавр. „Еловить“, конечно, описка.

Стр. 574, стрк. 2 и сл. Объ этомъ отрывкѣ см. § 262. Стрк. 5. Въ Комм.: „отъ супротивнаго врага діавола“, въ Ипат. „отъ супротивнаго врага“; остаюсь при чтеніи Лавр. Стрк. 8. За „скори суть“, въ Ипат. и Комм.: „Рече бо Богъ: кто идеть прельстить Ахава? и рече бѣсъ: се азъ иду“; думаю, что это вставка составителя второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (восходитъ къ Амартолу?). Стр. 8. Читаю: „зълъ чловѣкъ“ вмѣсто „золъ бо человѣкъ“ Лавр. и др.; въ Ипат. нѣтъ „бо“. Въ Комм.: „не хуже“, въ Ипат. „не хужь“, въ Лавр. „не хужи“, очевидно, вм. „хужии“; въ Радзив. поправка: „горши“. Стр. 11. Въ Ипат. и Комм. за „ни крьста ся боить“ слѣдуетъ отрывокъ, вставленный составителемъ второй редакціи Повѣсти вр. л. (см. § 14).

Стр. 574, стрк. 12 и сл. Объ убіеніи Глѣба см. §§ 47, 55, 56, 57, 59, 62, 260, 264. Стрк. 18. Въ Лавр. и Радз. передъ „Горясѣръ“—„посланыи“; б. м., восходитъ къ Нач. своду, гдѣ „послании“ было вставлено и выше передъ словомъ „яша“; въ Ипат. „оканьныи же Горясѣръ“. Стрк. 25. Вм. „братома“ въ псалмѣ 132: „братии“. Стрк. 27. Въ Ипат. за „грѣшьници въ адъ“ вставка, восходящая ко второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (см. § 14). — Стр. 575, стрк. 3. Въ Ипат. и Радз. „силне“, напротивъ, въ Хлѣбн. такъ, какъ въ Лавр. Стрк. 4. За словами „умысли языкъ твои“ въ Ипат. вставка (§ 14).

Стр. 575, стрк. 5 и сл. О перенесеніи мощей Глѣба см. § 22. Конечно, упоминаніе здѣсь о Ярославѣ анахронизмъ; но не забудемъ, что и въ Повѣсти вр. лѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говорится о перенесеніи мощей Глѣба (безъ упоминанія Ярослава). Стр. 5. Замѣна словъ „на пустѣ мѣстѣ“ словами „на брезѣ“ въ Повѣсти вр. л. стоитъ въ связи съ указаніемъ на убійство Глѣба на рѣчкѣ Смядинѣ. Стрк. 14. Не „въ цьркъви“, а именно „у цьркъве“.

Стр. 575, стрк. 15 и сл. Объ убійствѣ Святослава см. § 62. Стрк. 17. Поправляю „преиму“ вм. „приму“ по аналогіи поправокъ на стр. 551.

Стр. 575, стрк. 19 и сл. О сборахъ Ярослава въ Новгородѣ см. §§ 56 34, 60, 123, 162. Стрк. 19—20. Слова „И се слышавъ... и о братии“ из-

влекаю изъ дальнѣйшаго разсказа Нач. свода (Повѣсти вр. лѣтъ), послѣ сообщенія о полученіи Ярославомъ извѣстія о смерти отца и избіеніи братьевъ. Стрк. 20. Фразу „събьра вои мъногъ, Варягы и Словѣни“ ср. со сходнымъ выраженіемъ на стр. 576,4.

Стр. 576, стрк. 3 и сл. О битвѣ Святополка съ Ярославомъ при Любечѣ см. §§ 123, 140, 142, 163, 274, 275. Стрк. 3. Въ Лавр.: „слышавъ же Святопълкъ“, но въ Радз. нѣтъ „се“. Стрк. 4. Въ Сильв. сб.: „противу себе“; ср. ниже: „и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ“. Причина вставки, отдѣлившей въ Нач. сводѣ слова „Руси и Печенѣгъ“ отъ „сташа противу собѣ“, приведена въ § 275: это указаніе на Любечь и на 6524-й годъ. Стрк. 4—5. Уже въ Древн. сводѣ могло читаться „обаполъ“ (вмѣсто „обаполы“, какъ въ Сильв. сб.). Стрк. 5. Стоящее въ Лавр. и Сильв. сб. послѣ „ни они сихъ“—„начати“ представляется излишнимъ; лишнее также „начати“ (Ипат.), „ити“ (Хлѣбн.); Радз. обходится безъ этихъ вставокъ. Неясно, почему не „оны“ и дальше не „сия“, а „онѣхъ“, „сихъ“. Стрк. 6. Въ Лавр., Ипат., Радз.: „И воевода нача“, переношу „нача“ ниже, послѣ „укаряти“, въ виду Новгор. 1-й. Стрк. 11. Въ Лавр. и др.: „бѣ бо уже въ заморозъ“, но „бо“ нельзя оправдать предыдущимъ. Стрк. 16. Безъ предложенной прибавки слова „съступишася на мѣстѣ“ не имѣютъ смысла. Стрк. 18. Послѣ „и обломися ледъ съ вои Святополчи“ въ Хлѣбн. прибавлено „и мнози потопоша въ водахъ“; думаю, что это позднѣйшій комментарій; въ Ипат. „и обломися с ними ледъ“ опущено механически послѣ предшествующаго „ледъ“.

Стр. 576, стрк. 21. О вокняженіи Ярослава въ Кіевѣ и пожарѣ Кіева см. §§ 123, 262, 265. Стрк. 22. Въ Ипат., Радз. и Сильв. сб. нѣтъ „и дѣдьни“; возможно, что ихъ слѣдуетъ исключить и въ текстѣ Древн. свода. Выше въ Лавр. и др. „Ярославъ же“: исключаю „же“, предполагая, что оно появилось въ Нач. сводѣ, вслѣдствіе исключенія въ немъ предшествующихъ словъ.—Стр. 577, стрк. 1 и сл. О битвѣ Ярослава съ Святополкомъ и Болеславомъ см. §§ 242, 265, 260. Стрк. 2. Въ Радз. и Ипат. такъ, какъ предложено: совокупи. Стрк. 7. В. м., лучше „ни на кони могы“, какъ въ Радз. и Ипат. Стрк. 9. Миклошичъ поправляетъ: „нѣ жаль“, но врядъ ли это необходимо.

Стр. 577, стрк. 13 и сл. О пребываніи Болеслава въ Кіевѣ и удаленіи его см. § 242. О вставкѣ, сообщавшей про бѣгство Болеслава, см. § 242. Стрк. 13. Послѣ „съ Святопълкъмь“ я поставилъ многоточіе, какъ знакъ того, что до насъ не дошло то мѣсто Древн. свода, которое читалось вмѣсто вставленнаго затѣмъ эпизода. Стрк. 15. Въ Радз., Ипат. и Сильв. сб. вмѣсто „оканьныи“ — „безумныи“; остаюсь при чтеніи Лавр.

Стр. 577, стрк. 24 и сл. О битвѣ на Альтѣ и Святополковомъ пропаденіи см. §§ 32, 36, 59, 66 и 260. Стрк. 25. Сохраняю чтеніе Лавр. „възиде“, Ипат. „взиде“ (въ Радз. и Хлѣбн. „изыде“), въ виду сходнаго чтенія на стр. 580,4.—Стр. 578, стрк. 1. О причинахъ, почему я опускаю

первую мотитву Ярослава см. § 59. Послѣ „Святопълкъ“ во всѣхъ спискахъ „съ Печенѣгы“; исключаю эти слова въ текстѣ Древн. свода, предполагая, что это вставка Нач. свода, вызванная предшествующею вставкой „и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы“. Стрк. 2. Б. м., лучше „отъсюду“, какъ въ Ипат., Хлѣбн., Моск.-Акад. Стрк. 3. Б. м., лучше, какъ въ Ипат., „убиицю гърдаго“; въ Радз. „убиицю и на гордаго“. Стрк. 7—8. Въ Радз. и Ипат. „съступишася“, что хуже. Стрк. 11. Радз. и Ипат. имѣютъ „въ носилѣхъ“, что, врядъ ли лучше. Стрк. 11. Не рѣшаюсь поправить „бѣгающеи“, вслѣдъ за Миклошичемъ (pag. 210). Стрк. 13. Если оставить чтеніе „насъ“ Лавр. списка, то придется допустить прямое вопросительное предложеніе, что врядъ ли вѣроятно. Стрк. 17. Въ Радз., Ипат. и Сильв. сб. „пробѣже“, что едва ли обязательно. Стрк. 18. „прибѣжа въ пустыню“ въ Лавр. вм. „прибѣжавъ въ пустыню“ такъ же, какъ выше: „полетьское“ вм. „поле Летьское“. Стр. 21. Послѣ „могыла его“ въ Ипат. „въ пустыни тои“, что, б. м., первоначальнѣе.

Стр. **578**, стрк. 24. О рожденіи Владиміра Ярославича см. § 265.

Стр. **579**, стрк. 1. О побѣдѣ Ярослава надъ Врячиславомъ см. §§ 124, 164, 173, 177, 280.

Стр. **579**, стрк. 2. О походѣ Ярослава къ Верестію см. § 172. Стрк. 2. Чтеніе „поиде“ подтверждается и чтеніемъ Синод. списка „иде“; ср. выше замѣну „поиде“ черезъ „приде“ въ Лавр. на стр. 577, 1.

Стр. **579**, стрк. 3 и сл. Объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей см. § 232. Стрк. 5. В. м., лучше „противу ему“, какъ въ Ипат., или совсѣмъ опустить „тому“, какъ въ Радз.

Стр. **579**, стрк. 11. Безъ словъ „И съѣхастася“ разсказъ не совсѣмъ ясенъ; „съниде вѣся на стрк. 8-й требуетъ себѣ соотвѣтствія. Стрк. 15. Замѣняя „пречистая“ Лавр. (и также Соф. 1-й) чтеніемъ „пресвятая“ Ипат. и Радз., имѣю въ виду подобную же замѣну, принятую на стр. 567, 18. Стрк. 18. Причастная форма подтверждается и чтеніемъ Ипат. „вынемь“. Вмѣсто „зарѣза Редедю“ въ Ипат. явно подновленное чтеніе: „оудари и вь гортань ножемь, и ту бысть зарѣзанъ Ределя“. Стрк. 18. Въ Радз. и Ипат. „вшедъ въ землю“, что, б. м., лучше.

Стр. **579**, стрк. 23 и сл. О походѣ Мстислава см. §§ 125, 233.

Стр. **579**, стрк. 25 и сл. О Лиственской битвѣ см. §§ 32, 125, 170, 233. О вставкахъ въ первоначальный разсказъ см. § 233.—Стр. 580, стрк. 2. Ипат. и Радз. даютъ здѣсь и ниже чтеніе „Акунъ“ (въ Моск.-Акад. и частью въ Хлѣбник. исправленное въ „Якунъ“), что, м. б., первоначальнѣе (древнесканд. Hákon). Стрк. 2. Держусь чтенія списковъ „слѣпъ“ и не принимаю поправки Н. П. Ламбина „сь лѣпъ“; если бы дѣло шло о красотѣ Якуна, то при „лѣпъ“ было бы „възрастьмь“ или „лицьмь“; кромѣ того „луда“, какъ указалъ Карамзинъ, означаетъ именно маску, а не шлемъ или латы; упоминаніе о лудѣ стоитъ въ связи со слѣпотой Якуна. Въ Соф. 1-й: „а луда бѣ у него вся златомъ исткана“. Стрк. 10. Держусь чтенія Лавр. и принимаю поэтому, что „Сѣверъ“ опредѣ-

ляетъ предшествующее „чело“; въ Ипат. также: „съступися чело“, но дальше это „чело“ опредѣлено иначе: „Варязи съ Сѣверомъ“ (мы ожидали бы въ такомъ случаѣ „съступистася челѣ“): въ Радз. и Хлѣбн. исправлено: „съступишася въ чело Варязи съ Сѣверы (Сѣверомъ)“, и та же поправка внесена позже въ Ипат. Не могу не отмѣтить, что предложенная пунктуація на стр. 10-й совпадаетъ съ принятою Миклошичемъ. Слѣдующій за этимъ въ Лавр. пропускъ явился по причинѣ механической: Варягы—Варягы. Стрк. 14. Въ Соф. 1-й „отбѣжа“ вм. „отбѣже“. Стрк. 15. Даю чтеніе „освьтъ“, не „освѣтъ“ въ виду написанія „осветъ“ Лавр. списка, ср. въ неопр. накл. „освьнути“. Ср. въ одномъ спискѣ Быт. XIV в.: „освену же Авраамъ заоутра“ (ὤρθρισε; Мат. для слов. др.-русск. яз. И. И. Срезневскаго).—Стрк. 19. Въ Лавр. „сяди в своемь Кыевѣ“, что врядъ ли можетъ быть принято.

Стр. 581, стрк. 1 и сл. О послѣдствіяхъ Лиственской битвы см. § 233. О рожденіи Изяслава Ярославича см. §§ 254 и 264. Стрк. 3. Въ Лавр. „бѣяху“ что, б. м., и слѣдовало бы удержать, но я далъ „бяху“, въ виду другихъ мѣстъ. Кромѣ Лавр. во всѣхъ спискахъ (включая и Соф. 1-ю): „бяху (Соф. 1-я: бѣша) сѣдяще“ вм. „бяху“, что, б. м., предпочтительнѣе.

Стр. 581, стрк. 5 и сл. О мирѣ Городецкомъ см. § 265. Стрк. 5. Послѣ „вои мъногъ“ слѣдуетъ, б. м., читать „Варягы и Словѣны“, какъ выше, на стр. 577, и ниже, на стр. 582. Стрк. 7. М. б., слѣдовало бы удержать чтеніе Лавр. списка „Дънѣпрь“ и не мѣнять его на „Дънѣпръ“. Стрк. 8. Вмѣсто „сию“ во всѣхъ спискахъ (кромѣ Хлѣбн.) „сю“, но, м. б., для XI в. лучше принять „сию“.

Стр. 581, стрк. 11 и сл. О рожденіи Святослава Ярославича см. § 254 и 265. О кометѣ см. § 265. Замѣчательно, что въ Ипат. и Хлѣбн. опущено извѣстіе о кометѣ. Я отношу его не къ 6536, а къ 6535 году, между прочимъ на основаніи Соф. 1-й. У Pingré, Cométographie ou traité historique et théorique des comètes, Paris 1783, упомянуто о кометѣ, бывшей видною въ Европѣ въ 1027 (6635) году.

Стр. 581, стрк. 14. Радз. и Соф. 1-я даютъ чтеніе „Велзы“, но останавливаюсь на чтеніи Ипатьевской (которая имѣетъ „Белзъ“ и въ другихъ своихъ частяхъ). О рожденіи Всеволода Ярославича см. §§ 254 и 265.

Стр. 581, стрк. 16 и сл. О захватѣ Червенскихъ городовъ см. § 254. Обращаю вниманіе на чтеніе Лавр. „вои мъногъ“, что въ Ипат. и Радз. исправлено въ „воя многы“. Стрк. 19. Б. м., лучше порядокъ Ипат. списка: „И посади Ярославъ своя“; въ Радз. вмѣсто „посади своя“—„посадивъ я“.

Стр. 581, стрк. 21. О смерти Евстафія Мстиславича см. § 254.

Стр. 581, стрк. 22 и сл. О смерти Мстислава см. § 233. Стрк. 23. Въ Лавр.: „у святаго Спаса“, въ Радз. „у церкви святаго Спаса“. Не прибавить ли послѣ „положиша“ — „Черниговѣ“, какъ въ Соф. 1-й; м. б.:

„и положиша й Чьрниговѣ у святаго Спаса, иже бѣ самъ заложилъ"; но въ такомъ случаѣ ниже: „бѣ бо възьданъ", а не „възьдано ея". Стрк. 23. Въ Ипат.: „юже создалъ самъ", Хлѣбн.: „юже бѣ самъ създалъ". Стрк. 25. Въ Ипат. и Радз. „рукою досячи", что, б. м., лучше (въ Соф. 1-й: „яко на кони досячи стоя").

Стр. 582, стрк. 1 и сл. О характеристикѣ Мстислава см. § 238.

Стр. 582, стрк. 5. Въ Лавр. „перея", а въ Радз. и Ипат. „прия", ср. стр. 551,18. Я даю предпочтеніе чтенію Ипат. и Хлѣбн. „единовластець", въ виду того же чтенія у Длугоша (§ 217).

Стр. 582, стрк. 7 и сл. О поѣздкѣ Ярослава въ Новгородъ и рожденіи Вячеслава см. §§ 254 и 265.

Стр. 582, стрк. 10 и сл. Объ осадѣ Кіева Печенѣгами см. §§ 126, 265. Стрк. 11. Б. м., лучше „обьстоять", какъ въ Хлѣбн. и Соф. 1-й. Стрк. 12. Не думаю, чтобы лучше было: „и въниде въ градъ съ вои" (какъ напечатано въ изданіи Соф. 1-й). Стрк. 16. В. м., лучше „приступати почаша", какъ въ Радз. и Соф. 1-й (въ Ипат. „приступати начаша"); впрочемъ, Хлѣбн. вм. этого даетъ „приступиша". Стрк. 20. Въ Ипат. вм. „ови бѣжаще"—„овии бѣгающе". Ср. „бѣгающе" на стр. 586, 26.

Стр. 582, стрк. 22 и сл. О заточеніи Судислава см. § 222. Стрк. 23. Чтеніе „оклеветанъ" имѣютъ Лавр., Радз., Моск.-Акад., Хлѣбн.; въ Ипат „оклеветаны"; если не принять предложенной поправки, то придется вставить послѣ „оклеветанъ" слова „бо бѣ" (какъ въ Соф. 1-й).

Стр. 582, стрк. 24 и сл. О закладкѣ св. Софіи и проч. см. §§ 225, 226, 227, 172, 177, 181, 184. Стрк. 24. Въ Ипат. и Хлѣбн. послѣ „великыи" вставлено „Кыевъ", что врядъ ли первоначальнѣе. Стрк. 25. Въ Ипат.: „церковь святыя Софья, Премудрость Божию, митрополью"; въ Хлѣбн.: „церковь Премудрость Божію святыи Сооеи, митрополью"; но остаюсь при чтеніи Лавр. и Радз. Стрк. 26. Послѣ „вратѣхъ" въ Ипат. и Хлѣбн. прибавлено „камену", что. б. м., вставлено позже. За словомъ „Благовѣщение" въ Ипат. и Хлѣбн. явная вставка: „сии же премудрыи князь Ярославъ то того дѣля створи Благовѣщение на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымь благовѣщениемь Господнимь и молитвою святыя Богородица и архаангела Гаврила".—Стр. 583, стрк. 2. И въ Ипат. было „раширяти", но потомъ исправлено въ „раширятися", какъ въ Радз. (въ Хлѣбн. и Моск.-Акад. „расширяти"). Стрк. 5. Вслѣдствіе гаплографіи, вмѣсто „почитая я" во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., гдѣ „почитая е", находимъ „почитая". Стрк. 6. Радз. и Ипат. даютъ „писмя" вм. „письмо" (но въ Хлѣбн. „писмо"); Ипат.: „на Словеньскыи языкъ и писмя"; остаюсь при чтеніи Лавр. Неправильный переносъ надстрочныхъ буквъ въ строку, ср. съ чтеніемъ Лавр. сп. подъ 6562 г. „покоривыть" вм. „покорить вы". Стрк. 8. Въ Ипат. и Хлѣбн. „учения божественаго гласа", что врядъ ли лучше. Извлекаю „кънигы" изъ Хлѣбн. списка, гдѣ читаемъ: „Ярославъ же сеи, якоже рекохомъ, любивъ бѣ книги и многи иписавъ"; но возможно, что уже въ Нач. сводѣ читалось, какъ въ прочихъ спискахъ

Повѣсти вр. лѣтъ: „Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ"; въ такомъ случаѣ наше чтеніе „книгы" является построеннымъ на основаніи слѣдующаго „многы". Стрк. 9. Итакъ „сеи" измѣнено въ „Софии"; конечно, конструкція „въ святѣи Соѳьи церкви" (Лавр.) не можетъ быть первоначальною. Стрк. 10. Въ Ипат., м. б., первоначальнѣе: „и украси ю иконами многоцѣньными и златомъ и сребромъ и съсуды церковьными". Стрк. 12. Предположенное „си" находитъ себѣ соотвѣтствіе въ предположенномъ „сеи" предшествующей фразы. Стрк. 13. Б. м., слѣдуетъ дополнить „ставляше" именемъ „Ярославъ"; оно оказалось излишнимъ въ Нач. сводѣ послѣ выдѣленія сообщенія объ освященіи св. Софіи въ особое извѣстіе. Стрк. 15. Поправка „попови" на „попомъ" необходима въ виду послѣдующаго „тѣмъ"; Ипат. сохранила „попови", но измѣнила „тѣмъ" на „тому". Стрк. 15—16. Можно бы допустить: „веля имъ приходити часто къ църкъвамъ и учити люди", но пропускъ въ Лавр. словъ: „попомъ бо часто достоитъ учити люди", зависѣвшій отъ механической причины (ср. выше „учити люди"), указываетъ на порядокъ, нами принятый.—Стр. 584, стрк. 1. Благодаря вставкѣ, въ Повѣсти вр. лѣтъ „зѣло" отдѣлено отъ словъ „И радовашеся Ярославъ"; вставка была, въ сущности, излишняя, ибо въ предыдущемъ читаемъ: „и умножишася прозвутери и людье хрестьяньстии".

Стр. 584, стрк. 3 и сл. О походѣ Владиміра на Грековъ см. §§ 171, 225, 243. О трехъ вставкахъ въ первоначальный текстъ см. § 243. Стрк. 9. И Миклошичъ поправляетъ: хотящемъ. Стрк. 12. Ср. въ похвалѣ Борису и Глѣбу въ жит. сказаніи: „якоже великіи Дімитрии в Селуни, рекъ бо онъ: аще в веселіи с ними бѣхъ, то и погибающимъ имъ с ними оумру". Быть можетъ, въ виду этого слѣдуетъ читать: „аще живъ съ ними бѣхъ, то и погыну съ дружиною". Въ Лавр.: „аще живъ буду с нимь, аще погыну, то с дружиною", въ Ипат.: „аще живъ буду, то с ними, аще ли погибну с дружиною". Но предпочитаю предложенное въ текстѣ чтеніе и думаю, что вставка „с ними", послѣ „аще живъ буду" явилась подъ вліяніемъ предшествующихъ: „не идяше с ними", „азъ поиду с ними"; ср. въ Лавр. „высѣде ис корябля с ними" вмѣсто „къ нимъ". Стрк. 16. Я поправилъ „олядия" вм. „оляди", какъ въ спискахъ, ср. греч. χελάνδιον; впрочемъ, возможно и „оляди" (им. ед. „олядь" при „олядие" или „олядия"). И Миклошичъ поправляетъ: „възвратишася", но сохраняетъ „въ Русь".

Стр. 585, стрк. 1 и сл. О кончинѣ Ярослава см. §§ 128, 223, 248, 253[1]. Стрк. 4. Въ Ипат. „а вы, сынове мои", что, б. м., лучше. Стрк. 9. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „ненавистьно", что, б. м., лучше. Стрк. 13. Въ Ипат. и Соф. 1-й „столъ свои", что, м. б., лучше.—Стр. 586, стрк. 1. Вставку „мѣсяца февраля" передъ „въ суботу" находимъ и въ Комм. и въ Соф. 1-й и въ Ипат. и въ Хлѣбн.; кромѣ того въ Ипат. и Хлѣбн. за „мѣсяца февраля" приписано „въ 20", а въ Ипат. послѣ

„поста“ прибавлено: „въ святаго Федора день“, чему соотвѣтствуетъ въ Комм. и Соф. 1-й, „на святаго Ѳеодора“. Думаю, что все это позднѣйшія поправки, и остаюсь поэтому при чтеніи Лавр. и Радз.

Стр. 586, стрк. 6. Въ виду вставленнаго выше „и плакашася по немь людие“, въ Радз. здѣсь „и людие вьси“ замѣнено словами „и Кияне“, а въ Моск.-Акад. опущено; въ Ипат.: слова „и плакашася по немь людие“ опущены; въ Соф. 1-й: „и плакашася по немъ вси людіе“, а ниже опущено: „И плакася по немь Вьсеволодъ и людие вьси“.

Стр. 586, стрк. 10 и сл. О походѣ на Торковъ см. §§ 222, 249. Возможно, что это и слѣдующее извѣстія попали въ Нач. сводъ не изъ Древн. свода (въ Печерской редакціи), а изъ Выдубицкой лѣтописи (о которой см. § 252); въ особенности смущаетъ меня то обстоятельство, что о нападеніи Половцевъ на Русскую землю ниже, подъ 6569, сообщено, что, въ это время Половцы „пришли первое“ на Русскую землю. Стрк. 13. Въ Радз., Хлѣбн., Соф. 1-й: „и возвратишася Половци“, но я держусь чтенія Лавр. и Ипат.

Стр. 586, стрк. 15 и сл. О кончинѣ Вячеслава Ярославича см. §§ 249, 253[1].

Стр. 586, стрк. 18. О побѣдѣ надъ Голядью см. § 249.

Стр. 586, стрк. 19 и сл. Объ освобожденіи Судислава см. §§ 222, 249.

Стр. 586, стрк. 22. О кончинѣ Игоря Ярославича см. §§ 249, 253[1]. Стрк. 21. Въ Радз. и Соф. 1-й „и бысть чернець“, что врядъ ли предпочтительнѣе.

Стр. 587, стрк. 4 и сл. О нашествіи Половцевъ и первой точной хронологической датѣ Древн. свода см. § 221.

Стр. 587, стрк. 10 и сл. О началѣ Печерскаго монастыря см. §§ 191[5]—191[12], 223, 244—247.—Стрк. 20. Б. м., „възложи“, какъ въ Ипат., ср. ниже „възложи сему Богъ въ сьрдьце“. Стрк. 20. Б. м., первоначально читалось: „и постави Иларіона митрополитъмь“, ср. пропускъ мѣстоименія „й“ послѣ „постави“ въ Радз., Хлѣбн. и первоначально также въ Ипат. Стрк. 21. Чтеніе „въ святѣи Софии“, а не „святѣи Софии“, оправдывается Лавр., Радз.; ср. то же во всѣхъ спискахъ, кромѣ Ипат., въ самостоятельномъ извѣстіи о поставленіи Иларіона въ началѣ статьи 6559 года. Стрк. 22. Сохраняю „тако ста“, въ виду Лавр., Ипат., Хлѣбн.; въ Радз., б. м., лучше: „тако оста“. Стрк. 25. Любопытна поправка „въ страны“ вмѣсто непонятнаго „въ страну“ (за пропускомъ „Гречьску“) въ Радз. и Моск.-Акад.; въ Переясл.: „въ странство поити“.—Стр. 588, стрк. 1. Въ Ипат. и Хлѣбн.: „въ единъ манастырь“, но я опускаю „манастырь“ въ виду послѣдующаго. Стрк. 2. Б. м., лучше „того манастыря“. Стрк. 5. Слова „и рече ему“ сохранились въ Лавр. случайно; Радз. и Моск.-Акад. опустили ихъ, хотя и имѣютъ „яко“, въ Ипат. и Хлѣбн. опущено „рече ему яко“. Стрк. 15. И въ Ипат. „и не дадя“. Стрк. 18. Въ Лавр. и Радз. „принося же“; не читать ли „приносяще еже на потребу ему бѣ“, ср. Хлѣбн. „еже бѣ на потребу его“? Стрк. 19. Слова „прослу же (въ Лавр. „якоже“) великыи Антонии,

и приходяще къ нему“ исключаю, въ виду послѣдующаго „И увѣданъ бысть всѣми великыи Антонии“. Стрк. 21. Относительно чтенія „прея“ вмѣсто „пряя“ списковъ см. стр. 551.—Стр. 589, стрк. 5. Б. м., лучше „о собѣ“, какъ въ Радз. и Ипат.; въ Хлѣбн. „особь“. Стрк. 6. Въ Ипат. и Радз. вмѣсто „ити“—„сѣсти“, но это не согласовано съ предшествующимъ „въ ону гору“. Стрк. 10. Въ Радз. и Ипат. „братия же и игуменъ“, что врядъ ли лучше. Стрк. 16. Въ Радз. и Ипат. „цьркъвьцю малу“, что, б. м., лучше, ср. ниже „цьркъвьцю малу“. Стрк. 19. Въ Нач. сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ): „Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави“; уже это „же“ доказываетъ непервоначальность чтенія.—Стр. 590, стрк. 6—7. Въ Ипат.: „кто болии есть в васъ, акь есть Федосии, послушливъ и кротокъ, и смиреныи“; въ Переясл.: „якожъ Феодосіи, послушливъ, и кротокъ, и смиренъ“. Стрк. 11. Въ Лавр.: „и велико“; но опускаю „и“ въ виду слѣдующаго „и“, а также въ виду отсутствія его въ Ипат. и Радз.—Стр. 591, стрк. 8. Ставлю многоточіе, въ виду невозможности возстановить начало слѣдующаго отрывка; слова „а о житии Ѳеодосиевѣ пакы съкажемъ“ отношу теперь, вопреки сказанному на стр. 447, насчетъ составителя Нач. свода. Стрк. 14. Въ Ипат. и Хлѣбн. „сыро“ опущено, а предшествующее „друзии“ соединено съ послѣдующимъ: „а друзии в любви пребывающе“.—Стр. 592, стрк. 18. Въ Ипат.: „Единою же ему разболѣвшюся“, что врядъ ли предпочтительнѣе. Стрк. 26. Въ Ипат. и Радз.: „смеживъ“, что врядъ ли предпочтительнѣе.—Стр. 593. Стрк. 3—4. Въ Ипат.: „проповѣдаше, провидѣ будущая“, въ Хлѣбн.: „проповѣдаше и провидѣвъ будущая“; „провидѣ“ едва ли не вызвано непонятымъ „предибудущая“. Стр. 9. Вмѣсто „старьць“ въ Ипат. и Хлѣбн.: „братъ“, что, кажется, лучше; ср. выше передъ разсказомъ объ Іереміи. Стрк. 13. Въ Радз. и Моск.-Акад. послѣ „по обѣма странама“ стоитъ „на крилосѣ“, что вѣроятно вставлено позже. Стрк. 24. Ср. ниже въ концѣ разсказа о Матѳеѣ: „и повѣда старьць видѣние се игумену и всеи братии“. Оставляю форму „вида“; ср. ее ниже на стр. 600,4, а также въ Лавр. подъ 6545: „вида множьство церквий“; „вида“ указываетъ на „виды“, ср. ст.-сл. виждь, русск. „вижь“, „завидущій“. Стрк. 27. М. б., лучше „идяху“, ср. ниже „исхожаше“, а въ особенности „идущю же ему единою“, если только принять чтеніе „единою“ (Ипат.) вм. „единому“ (Лавр.).— Стр.594, стрк. 6. „сѣдяи“ вмѣсто „сѣдя“ (Лавр. и Ипат.) находимъ въ Хлѣбн. Стрк. 7. Въ Радз. и Ипат.: „Толбоковича“. Стрк. 11. Въ Ипат. „яко выскочилъ“, вѣроятно, испорчено вмѣсто „яко давѣ скочилъ“. Стрк. 14. Въ Лавр.: „в мирѣ, в житьи мирьстѣмь“, въ Радз. и Ипат.: „в житьи мирьскомъ“; повидимому, Лавр. представляетъ соединеніе двухъ редакцій. Стрк. 18. Любопытно отмѣтить формы съ „тъ“, вообще мало обычныя въ Древн. сводѣ: „приятъ“, ниже (стрк. 21): „въсприятъ“, еще ниже (стр. 597, стрк. 15): „въсприятъ“. Стрк. 20. Въ Ипат.: „имя ему мирьское“. Стрк. 26. Въ Ипат.: „и ту моляше Бога беспрестани день и нощь“.— Стр. 595, стрк. 2. Въ Лавр.: „не лѣгавъ“, но „не“ лишнее, въ Ипат.: „ни

на ребрехъ лежа". Стрк. 12 15. Въ Лавр. пропускъ „съ ангелы. И въставъ... то ти Христосъ" явился по причинѣ механической, послѣ слова „Христосъ". Стрк. 16. „памяти" 3 л. аориста глагола „памятити", извѣстнаго въ русскихъ памятникахъ. Стрк. 23. Въ Лавр. здѣсь и ниже (597,6): „атъ", но въ Ипат.: „ать"; поправляю въ виду „ать" на стр. 607. Стрк. 25. Въ Ипат.: „ле жива"; въ первоначальномъ текстѣ могло быть „лѣ жива". Стрк. 28. Въ Лавр.: „Господи, благослови, отче Исакие", но въ Ипат. и Радз. нѣтъ „Господи". Стрк. 29—30. Слова: „гласа... и не бысть" опущены въ Лавр. по причинѣ механической, послѣ: „и не бысть".—Стр. 596, стрк. 11. Въ Ипат. и Радз.: „Болдину гору". Стрк. 13. Въ Лавр.: „и до сего мѣста", въ Радз.: „и до сего дни", въ Ипат.: „и до сихъ днии"; объясняю чтеніе Лавр. списка, какъ комбинацію двухъ источниковъ: въ одномъ было: „близь сего мѣста" (ср. въ Патерикѣ: „и до нынѣ, близъ Чернигова"), а въ другомъ: „и до сего дни"; а м. б. было: „до сего дьне близь сего мѣста" (пропускъ „дьне близь сего" механическій).—Стр. 597, стрк. 4. Въ Лавр.: „ноли", въ Радз.: „оли", въ Ипат.: „олны"; „ноли" имѣетъ здѣсь значеніе до тѣхъ поръ, пока не; полнѣе было бы: „и не възьмяше его оли, ноли въложити будяше". Стрк. 10. Въ Ипат. и Радз.: „дерзновение и въздержание жестоко". Стрк. 17. Въ Ипат. и Радз.: „в вѣки, аминь".

Стр. 597, стрк. 18 и сл. О смерти Судислава см. §§ 238, 253[1].

Стр. 597, стрк. 20 и сл. О тмутороканскихъ событіяхъ см. § 238.—Стрк. 20—24. Пропускъ въ Лавр. произошелъ механически: Тьмутороканю—Тьмутороканю. Въ древнихъ спискахъ Тьмуторокань мужск. р., а въ Соф. 1-й женск.; поэтому въ ней: „бѣжа Ростиславъ Тмуторокани", ниже „изъ Тмулорокани".—Стр. 598, стрк. 2. И въ Лавр. и въ Комм.: „възвратися", а не „и възвратися": въ виду этого, б. м., лучше читать выше „и посадивъ... възвратися", тѣмъ болѣе, что въ Комм., Моск.-Акад. и Акад.: „и посади".

Стр. 598, стрк. 6 и сл. Относительно этихъ явленій и знаменій см. §§ 237, 238. Стрк. 8. Въ Радз. и Соф. 1-й: „по западѣ"; такъ было въ Ипат., но передѣлано въ: „по заходѣ". Стрк. 10. Нашествіе поганыхъ—это то, о которомъ говорится подъ 6576 г. Стрк. 12. Вмѣсто „кръви пролитие", какъ въ Лавр. и Ипат., въ Радз. и Комм.: кровопролитие. Стрк. 13. Въ Ипат. и Комм.: „дѣтище ввержено", но въ Соф. 1-й: „дѣтищь въверженъ". Стрк. 14. Въ Соф. 1-й и Комм. (но не Акад.): „вывлекоша". Стрк. 19. Б. м., лучше было бы „съиѣдаема суща".

Стр. 598, стрк. 20 и сл. Разсказъ о волхвѣ въ Нач. сводѣ вмѣстѣ со всѣмъ послѣдующимъ перенесенъ подъ 6579 (1071) годъ, о чемъ см. § 253. Стрк. 21. Въ Ипат. „явили ми ся", что, м. б., лучше и оправдываетъ чтеніе „глаголюще". Стрк. 25. Въ Ипат. „на Руской земли", а въ Комм. и Соф. 1-й: „на Русьской земли, а Русьской земли (въ Акад. опущено) на Гречьской земли".—Стр. 599, стрк. 5. М. б., лучше было бы „научивше й". Стрк. 5—6. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „яко се", что, б. м., лучше.

Стр. 599, стрк. 7 и сл. Относительно волхвовъ въ Ростовской области см. §§ 253, 164. Стрк. 16. Въ Комм. и Акад. „взимашета", что, м. б., лучше; въ Соф. 1-й: „взимахуть", въ Хлѣбн. „имашета", въ Ипат. „имаша". Стрк. 17. Держусь чтенія Ипат. списка „о нею" въ виду нижеслѣдующаго „около ею" (стрк. 23). Въ Радз., Ипат. и Хлѣбн. общая ошибочная поправка: „инѣхъ 300" вмѣсто „нѣ 300" (Лавр.); въ Комм., Акад. и Соф. 1-й „нѣ" опущено. Стрк. 23. Б. м., первоначально читалось: „посылавъ къ нимъ, рече", а слова „иже около ею суть" интерполированы; ср. въ Акад. и Соф. 1-й: „пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече къ нима" (Соф. 1-я: „къ нимъ"). Стрк. 25. Чтеніе „моя и моего къняая" не только въ Лавр., но и въ Акад., а въ Соф. 1-й: „моего князя и мои"; въ Комм., Ипат. и Моск.-Акад.: „моего князя". Стрк. 28. Читаю „оружие" не „оружия", какъ въ Лавр. и Радз., въ виду Комм., Ипат., ср. стр. 555, 25: „възьмъше оружие".—Стрк. 600, стрк. 1. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „къ лѣсу", что, м. б., предпочтительнѣе. Стрк. 4. Относительно формы „вида" см. стр. 593, 24. Стрк. 5. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „оному же". Стрк. 7. Отсутствіе въ Лавр., Хлѣбн., Радз., Акад. союза „и" передъ „повелѣ" наводитъ на мысль, что первоначально могло читаться „и ударь и" (вм. чего „и удари и"), ср. „и удари" въ Ипат., Радз. и Моск.-Акад. Стрк. 11. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „отъ васъ за лѣто", что, б. м., лучше. Стрк. 13. Возможно и „только", какъ въ Радз. и Комм. Стрк. 14—15. Въ Ипат. и Переясл. въ первомъ случаѣ „держать гобину", во второмъ—въ Ипат. „будеть обилье" (но въ Переясл.: „то явится гобино"); не такъ ли было первоначально? Стрк. 18. Миклошичъ предложилъ читать „съставль" вмѣсто „съставленъ"; я рѣшаюсь дополнить „съставль" еще вставкой „ю" (т. е. землю). Стрк. 19. Поправляю здѣсь и ниже (стрк. 21) „рекоста" Лавр. на „рѣста", въ виду стрк. 28 и 29. Стрк. 19. По исключеніи, на основаніи соображеній, высказанныхъ въ § 253, словъ „и не вѣсть никтоже, нъ тъкмо единъ Богъ вѣсть", слова волхвовъ оказываются какъ будто неожиданными.: „вѣ вѣвѣ, како есть чловѣкъ сътворенъ"; но сохраненіе предполагаемой вставки не улучшаетъ дѣла: Янь не могъ сказать, что не знаетъ, какъ сотворенъ человѣкъ, и этимъ вызвать реплику волхвовъ (о сотвореніи человѣка учитъ Писаніе); слѣдовательно, слова: „и не вѣсть никтоже" и т д. не относятся къ сотворенію человѣка. Въ Соф. 1-й: „а вы невѣсте ничтоже (К. О.), токмо единъ Богъ вѣсть". Стрк. 22. Въ Лавр. находимъ „ветъхомъ", въ Радз. „ветхимъ", въ Соф. 1-й „ветхемъ", ср. наше „ветошка"; въ остальныхъ спискахъ „вехтемъ" (Моск.-Акад., Ипат., Хлѣбн., Комм., Акад., Переясл.); въ пользу „ветъхъмь" говоритъ и слѣдующее на стрк. 23 „въ немь"; вехъть было бы женск. рода.— Стр. 601, стрк. 1. Въ Ипат. и Хлѣбн.: „То кыи есть Богъ", въ Комм. и Соф. 1-й: „То кыи то Богъ", въ Акад.: „То кый той Богъ"; быть можетъ, вм. „какыи то Богъ" предпочтительнѣе „то кыи то Богъ". Стрк. 17. Чтеніе „проскѣпъмь" оправдывается Лавр., Ипат., Хлѣбн., Акад., Комм.; въ Радз. и Моск.-Акад. „роскѣпомъ"; въ Соф. 1-й „розщепомъ", но въ

К. и О. „проскепомъ“. Стрк. 19. Во всѣхъ спискахъ, не исключая Лавр., „и повелѣ“. Стрк. 20. Въ Лавр. и Радз. „и пусти пред собою лодьѣ“, въ Ипат. „предъ собою лодьяхъ“, а въ остальныхъ спискахъ „в лодіи“ (Хлѣбн., Акад. и Соф. 1-я), „в лодьи“ (Комм.).—Стр. 602, стрк. 6. Вмѣсто „убиша“ въ Ипат. „избиша“, въ Хлѣбн. „възбиша“; быть можетъ, лучше „избиша“, ибо убитыхъ не стали бы вѣшать. Ипат., Хлѣбн. и Акад. имѣютъ „на древѣ“, Лавр. и др. „на дубѣ“; возможно, что предпочтенія заслуживаетъ первое чтеніе. Стрк. 8. Въ Лавр. и Ипат.: „възлѣзъ (влѣзъ), угрызъ ею (я) и снѣсть (снѣде)“; но „угрызъ“—это прич. прош. вр., слѣдовательно, оно должно быть соединено съ предшествующимъ „възлѣзъ“ союзомъ „и“. Стрк. 10. Предложенная поправка находитъ поддержку въ чтеніи Радз.: „инѣмъ ведуща“, не „вѣдуща“, а также въ словахъ „на зъло въводять“ на стр. 599, 4.

Стр. **602**, стрк. 20 и сл. см. § 253. Стрк. 20. Большинство списковъ указываютъ на чтеніе: „Въ си бо времена, в лѣта си“: Лавр., Соф. 1-я, Ипат. и Хлѣбн. (гдѣ „и в сѣ лѣта“), Акад. (гдѣ „и въ лѣта си“), Комм. (гдѣ „и в лѣта“); сомнѣваюсь, однако, чтобы такое чтеніе было первоначально. Въ Радз. только: „В си бо лѣта“. Стрк. 24. Въ Хлѣбн. и Соф. 1-й: „празѣ“, что, б. м., болѣе первоначально. Въ Лавр. и др.: „кудесникъ же“, но въ Ипат. нѣтъ „же“. Стрк. 25. Въ Лавр. Ипат. и Хлѣбн.: „оцѣпъ“, въ Радз. „оцепъвъ“, въ Соф. 1-й „оцѣпнѣвъ“, въ Моск.-Акад. „оцепнѣвъ“, въ Акад. „оцѣпѣневъ“, въ Комм. „оцѣпевъ“; „оцѣпъ“ указываетъ на „оцѣпнути“. Стрк. 30. Здѣсь „мьчьтавъше“ значитъ, вѣроятно, представивъ, изобразивъ, а „имь“ черезъ него, посредствомъ него.—Стр. 603, стрк. 6. Принимаю поправку Миклошича: „крила ти хвосты“; но рукописная традиція доказываетъ и иное пониманіе: Лавр. и Радз. „крилаты“; Акад., Комм. и Соф. 1-я „и крилати (крилатѣ)“; въ Ипат. находимъ: „крила ти хвостъ имущи“, въ Переясл.: „крила имуще и хвосты“, въ Хлѣбн.: „крила ти хвосты имуще“. Стрк. 9. Въ Соф. 1-й: „аще ли кто отъ нашихъ людей умираетъ“. Стрк. 26. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр., „иного“ вмѣсто „и иного“, что, м. б., лучше; въ Соф. 1-й вмѣсто „въ иного образъ“—„во инъ образъ“. Стрк. 27. Въ Лавр.: Анни и Маврии, въ Радз.: Аньнии и Мамъврии, въ Ипат.: Аньнии Замврии, въ Соф. 1-й: Аній и Замврій, въ Переясл.: „Анніи и Амбріи“, въ Хлѣбн. :Анніи и Амвріи, въ Комм.: а иніи Абри, въ Акад.: Ианіи и Абри.

Стр. **604**, стрк. 5 и сл. О возмущеніи въ Новгородѣ см. §§ 130, 253. Стрк. 6. Въ виду повторенія словъ „глаголашеть бо“ ниже, нельзя ли предположить, что первоначально читалось: „творяшеться акы Богъ... глаголашеть бо людьмъ, яко провѣдѣ вься“? Ср. въ Ипат. „творяшеть бо ся аки („ся аки“ на мѣсто зачеркнутаго „людемь“) богомъ“, въ Хлѣбн.: „творяше бо ся акы богомъ“. Стрк. 11. Прибавка имени епископа „Ѳеодоръ“ въ Комм., Акад., Соф. 1-й возникла, думаю, въ Новгородской редакціи (1167 г.) Повѣсти вр. лѣтъ (§ 177). Стрк. 13. Въ Соф. 1-й: „аще ли вѣруеть ко кресту, да идеть по нь“, что, м. б., лучше. Стрк. 24. Въ Комм., Акад., Переясл. и Соф. 1-й: „погибе душею и тѣломъ“, что, м. б., лучше.

Стр. **604**, стрк. 25 и сл. см. §§ 229, 240, 249.—Стр. 605, стрк. 1. Тѣмъ охотнѣе вношу поправку „на“ вмѣсто „у“, что съ этимъ „у“ не согласовано въ Лавр. дальнѣйшее: ср. „у инѣхъ странахъ“; правда, можно признать, что „у“ стоитъ вмѣсто „въ“ (ср. въ Ипат.: „и в ыныхъ странахъ“), но списки держатся упорно „у“, давая затѣмъ род. п. („у инѣхъ странъ“ Хлѣбн. и Радз., „у иныхъ странъ“ Комм., Акад. и Соф. 1-я). Стрк. 7. Въ Ипат. „вдасть князю“, но зато ниже (стрк. 9) „дасть князю“; въ Хлѣбн., Комм., Акад. и Соф. 1-й въ обоихъ случаяхъ „дасть“. Оставляю чтеніе Лавр., подкрѣпленное и Радз. спискомъ. Стрк. 11. Во всѣхъ спискахъ: „котопанъ же пришедъ“, но „же“ лишнее. Стрк. 14. Въ Хлѣбн. и Соф. 1-й „на рати“, Комм. „на ратѣ“, что врядъ ли лучше.

Стр. **605**, стрк. 18 и сл. См. §§ 229. 238, 249. Стрк. 23. И въ Хлѣбн.: „вдаша на щиты“, въ Соф. 1-й: „даша на щитъ“, въ Радз., Комм. и Акад.: „взяша на щитъ“, въ Ипат.: „взяша на щиты“; врядъ ли предпочтительнѣе чтеніе Радз. и сходныхъ списковъ, ибо подлежащимъ является „си же братия“. Стрк. 26. Въ Соф. 1-й „мнози падоша“ вм. „и мнози падоша“.—Стр. 606, стрк. 4. Въ Лавр., Ипат. „надѣявъся (надѣяся) цѣлованиі“, въ Хлѣбн. „цѣлованію“, въ Радз. „на цѣлование“; держусь чтенія „о цѣловании“ Комм. и сходныхъ списковъ. Стрк. 8. Чтеніе „приведъ“, кромѣ Лавр., въ Соф. 1-й; въ остальныхъ „приведе“.

Стр. **606**, стрк. 10 и сл. О событіяхъ 6576 года см. §§ 114[5], 114[6], 240, 250. Стрк. 13. „побѣдиша Половци“ читаемъ въ Хлѣбн., но тамъ опущено „и побѣгоша Русьстии кънязи“; въ Ипат. „и побѣгоша Половци“. Стрк. 14. Въ Соф. 1-й опущено поученіе о казняхъ Божіихъ, но опущеніе это принадлежитъ редактору свода 1448 г. или свода 1423 г.; мы читаемъ: „и побѣгоша Русьстіи князи. Изяславу же со Всеволодомъ къ Кіеву прибѣгшю, а Святославу къ Чернигову, и людіе Кіевстіи прибѣгоша къ Кіеву“. Стрк. 21. Въ Ипат. „на Коснячь“, въ Хлѣбн., Комм., Акад. и Соф. 1-й: „на Косняча“; въ Радз. „на Кисняча“; держусь чтенія Лавр., ср. ниже „Коснячьковъ“ Ипат., Радз. (но въ Комм., Акад. и Соф. 1-й: „Коснячевъ“).—Стр. 607, стрк. 3. Въ Ипат., Хлѣбн., Радз. опущено „свою“ послѣ „дружину“, но Комм. и Акад. поддерживаютъ чтеніе Лавр. Стрк 7. Только въ Хлѣбн. „долу“. Стрк. 10. Въ спискахъ К. О. Соф. 1-й „възвысися“, въ нѣк. другихъ спискахъ: „възвылися“ и „възвысилися“ Ср. „людіе Новгородьстіи възвысившеся идуть на тя“ Воскр. VII, 72, причемъ въ Рост. спискѣ: „възвывшеся“. Стрк. 14. Чтеніемъ Ипат. и Моск.-Акад. „проньзнути“ поддерживается чтеніе Акад. и Лавр.; возможно, что надо поправить: „проньзнути“. Стрк. 18—19. Слова „людие же высѣкоша.. двора *княжа*“ опущены въ Комм. и Акад. механически послѣ читающагося теперь „съ двора князя“ (стрк. 17), и это доказываетъ, что въ первоначальномъ оригиналѣ было „съ двора *княжа*“. Стрк. 19. Чтеніе „прославиша“ и въ Лавр. и въ Радз.; въ Моск.-Акад. ошибочное „преставіся“, въ Ипат., Хлѣбн. и Соф. 1-й: „поставиша“. Стрк. 21. Замѣна „скорою“—„бѣлью“ въ Лавр., Радз. и Соф. 1-й, повидимому, обязана сѣверному ре-

дактору. Относительно словъ: „злата и сребра, кунами и скорою“ см. С. М. Соловьева, Ист. Россіи, т. III, гл. I. Стрк. 27. Въ Комм., Акад., Соф. 1-й: „в тебе вѣровахъ“; въ Ипат., какъ въ Лавр. и Радз.; въ Хлѣбн. „тебѣ вѣровахъ“.—Стр. 608, стрк. 1. Не стояло ли первоначально: „на показание къняземъ Русьскымъ“? Ср. за симъ „да не преступають“. Стрк. 5. Во всѣхъ спискахъ „побѣжени“, но для XI вѣка вѣроятнѣе „побѣжены“. Стрк. 5—6. Въ Ипат. и Хлѣбн.: „крестомъ бо Господь княземъ пособить в бранехъ“; ниже (стрк. 8) опять „крьстъ“ замѣнено „крестомъ“: „крестомъ бо вьскорѣ избавляеть (въ Хлѣбн. „избавляемся“) отъ напасти“. Замѣчательно чтеніе Акад.: „крестъ бо княземъ въ бранехъ *побѣда*“, ср. въ Радз.: „крестомъ бо княземъ и вѣрнымъ людемъ въ бранехъ *победа*“. Не читалось ли первоначально „побѣда“ вмѣсто „пособить“? Стрк. 9. Не лучше ли „призывающая“?

Стр. 608, стрк. 13 и сл. О событіяхъ 6577 года см. §§ 242, 251. Стрк. 11. Поправка „зажегшемъ“ оправдывается тѣмъ, что передъ „ступимъ“ нѣтъ „и“; ср. даже въ Соф. 1-й: „зажжемъ градъ свой, ступимъ въ землю Гречьскую“;—Стр. 609, стрк. 2. Въ Ипат. и Хлѣбн. вмѣсто „гнѣвъ имѣти“ „гнѣвомъ ити“, что, конечно, представляетъ испорченное чтеніе (ср. Хлѣбн. подъ 6542: „великы имѣ очи“ вм. „великыма очима“). Стрк. 7. Въ Ипат. и Хлѣбн. „исѣче Кыяны“, что врядъ ли первоначальнѣе. Стрк. 8. Во всѣхъ спискахъ „слѣпиша“, „изслѣпиша“, только въ Соф. 1-й: „слѣпи“, что, б. м., первоначальнѣе. Стрк. 14. Въ Комм., Акад., Ипат., Хлѣбн. „въ Ляхы“ (какъ читается въ Лавр., Радз. и Соф. 1-й) опущено: оставить чтеніе „в Ляхы“ нельзя, въ виду слѣдующаго „въ землю свою“. Стрк. 17. Вмѣсто „онъ же“ Лавр., во всѣхъ остальныхъ „иже“, что, б. м., лучше.

Стр. 609, стрк. 24. О перенесеніи мощей Бориса и Глѣба см. §§ 43, 253.

Стр. 609, стрк. 27 и сл. О событіяхъ 6581 года см. §§ 223, 229, 240. Стрк. 28. Казалось бы, что „въ братии *сеи* Ярославичихъ“ возможно только въ виду „совокупивъшеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ“ въ предшествующей, нами опущенной для возстановляемаго свода статьѣ; но отмѣтимъ „си же братия“ въ статьѣ 6575 (стр. 605).—Стр. 610, стрк. 7. Въ Радз. и Хлѣбн. „сватаеться“, въ Соф. 1-й и Переясл. „свадится“, что не лучше. Стрк. 10—11. Пропускъ въ Лавр. и Радз. „и съ женою.... многъмь“ явился по причинѣ механической, ср. передъ нимъ слово „многъмь“ Стрк. 15. Въ Ипат. „паче же и Божию“, что, б. м., лучше. Стрк. 15. Въ Ипат., Комм., Соф. 1-й и др., кромѣ Лавр., Радз., Моск.-Акад., „великъ“ вм. „велии“. Стрк. 17. Всюду „Сиѳову“, „Сифову“, но въ спискѣ К. Соф. 1-й здѣсь и ниже: „Симову“, „Симова“.

Стр. 611, стрк. 3. О вставкѣ „Новъгородьстии людие, рекомии“ см. § 201. Стрк. 4. О вставкѣ „и Чюдь“ см. §§ 202, 288. Стрк. 6. О вставкѣ „и Чюди“ см. §§ 202, 288.

Стр. 611, стрк. 6 и сл. Относительно сказанія о призваніи Варяговъ см. §§ 195—205, 287; въ частности о словахъ „и поставиша... посадиша старѣишину Гостомысла“ см. §§ 160¹, 177, 180, 202, 287. Стрк. 8. Въ

Лавр., Радз., Ипат., Хлѣбн. „в собѣ", но въ утраченной Троицк., какъ въ Комм. и Толст. „собѣ". Стрк. 10. Въ Комм.: „а Кривици свою, а Мере свою, когождо своимъ родомъ владяше, а Чюдь своимъ родомъ": какъ указано въ § 202, упоминаніе о владѣніи родомъ принадлежитъ вставкѣ составителя Нач. свода. Стрк. 12. Въ Нач. сводѣ „градъ на градъ" было измѣнено, кажется, въ „родъ на родъ" (Лавр., Радз., Ипат., Хлѣбн.), причемъ Лавр., Ипат., Хлѣбн. указываютъ на „въста" передъ этими словами, а Радз. на „въсташа". Стрк. 13. Въ Лавр., Радз. „и рѣша сами въ себѣ", а въ утраченной Троицкой: „рѣша сами себѣ". Стрк. 14. Въ Лавр. вм. „рядилъ"—„судилъ", но въ Радз., Ипат., Хлѣбн. „рядилъ"; въ Ипат. „рядилъ по ряду, по праву"; не было ли первоначально: „иже бы владѣлъ нами по ряду и судилъ ны по праву"?—Стр. 612, стрк. 1. Въ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ нѣтъ „къ намъ", въ Радз. вмѣсто этого „у насъ". Стрк. 3. Въ Комм. и Толст. „дружину многу и предивну", см. объ этомъ стр. 314, прим. 1-е. Стрк. 4. Вм. „Рюрикъ" въ Комм. „бѣ имя ему Рюрикъ"; ниже въ Комм. „сѣде на Бѣлѣозерѣ"; ниже (стрк. 5) въ Комм. „имя ему Труворъ".

Стр. **612**, стрк. 5. О словахъ „находьникъ тѣхъ" см. § 204. Стрк. 6—7. О словахъ „и суть Новъгородьстии... Варяжьска" см. §§ 200, 204, 288. Стрк. 5. Въ Лавр. „Варягъ находьникъ тѣхъ" опущено по причинѣ механической, послѣ слова „тѣхъ"; въ Радз., Ипат. опущено „находьникъ тѣхъ". Стрк. 6. Слова „и суть... Варяжьска" въ Лавр. передѣланы въ „Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска"; ср. Доп. пр. къ 541, 4.

Стр. **612**, стрк. 9. О вставкѣ „Словѣне" см. §§ 201, 206[6]; ср. въ Толст.: „и бѣша у него мужи Варязи Словени". Стрк. 10. О вставкѣ „Словѣномъ" см. § 206[6].

Стр. **612**, стрк. 11—12. О словахъ „а отъ Новагорода... еже и нынѣ даютъ" см. §§ 180, 182, 183, 201, 206[7], 206[8], 209[9], 268[1], 288.

Стр. **612**. стрк. 15 и сл. О дани, возложенной Олегомъ на Грековъ, см. §§ 209, 287.

Стр. **612**, стрк. 17—18 и 19—22. О парусахъ Руси и Словѣнъ см. § 208. Стрк. 17. Вмѣсто „шиите", б. м., лучше „исшіите" (Хлѣбн.), „ищиите" (Ипат.); въ Переясл.: „ищите". Стрк. 18 и 20. Б. м., первоначально читалось „коприньны, копрньныя", ср. болг. „коприна" шелкъ (Миклошичъ). Стрк. 21. Поправляю „тълстинъ" вм. „толстинахъ" Комм.; въ Радз., Ипат.: „своимъ толстинамъ". Стрк. 20. Въ Комм. и Толст. „и раздра вѣтръ кропинныя", но я держусь чтенія Ипат. и Радз. (§ 208). Стрк. 22. Въ Ипат. „пре кропинныя" вм. „прѣ" (какъ въ Радз. и Комм.); чтеніе Ипат., конечно, болѣе позднее.

Стр. **612**, стрк. 24. О могилѣ Олега въ Ладогѣ см. §§ 207, 287.

Стр. **613**, стрк. 4 и 6. Коростѣнь вм. Искоростѣнь см. § 116. Стрк. 9 и сл. О даняхъ, уставленныхъ Ольгой, см. §§ 116, 288. Стрк. 10. Въ Комм. и Акад. „и по Лузѣ оброкы и дани" опущено по причинѣ механической, послѣ слова „дани". Въ виду Ипат., б. м., слѣдуетъ чи-

тать: „и по Лузѣ погосты, оброкы и дани“. Въ Архангелогор. „и устави помосты (б. м., вмѣсто по Мстѣ) и погосты и дань“. Стрк. 11. Въ Комм. и Акад. „и знаменіе и мѣста по всей земли и погосты“; исключаю „по всеи земли“, какъ лишнее. Въ Комм. и Акад. вмѣсто „сани“—„санки“.

Стр. **613**, стрк. 18 и сл. О приглашеніи Владиміра на столъ Новгородскій см. §§ 177, 171, 287, 219[12], 219[13]. Стрк. 21. Въ Моск.-Акад. „абы нашелъ“ (очевидно, изъ Соф. 1-й), въ Комм. „да аще бы кто шелъ“. Стрк. 22. Въ Комм.: „Добрыня к Новгородцемъ“. Стрк. 25. Вмѣсто „вѣдаи“ (Лавр., Ипат.) въ Комм. и Радз.: „даи“.—Стр. 614, стрк. 1. Вмѣсто „ото“ въ Комм. „тъй“.

Стр. **614**, стрк. 4 и сл. Объ эпизодѣ съ Рогнѣдой см. §§ 118, 184[4], 287. Стрк. 4. Слова „И сѣде Новѣгородѣ“ см. подъ 6488 г.

Стр. **615**, стрк. 5. О вставкѣ „Чюдь“ см. §§ 118, 288.

Стр. **615**, стрк. 6 и сл. О посаженіи Добрыни въ Новгородѣ см. §§ 119, 287. Стрк. 8. Въ Комм. „постави Перуна кумиръ“, въ Акад. „постави кумира Перуна“, ср. эти чтенія и въ Ипат. и Хлѣбн., но я держусь чтенія Лавр. и Радз., исправляя „кумира“ на „кумиръ“.

Стр. **615**, стрк. 13—14. О походѣ Владиміра на Вятичей см. § 103.

Стр. **615**, стрк. 21 и 22—24. О вставкахъ имени Добрыни и эпизода съ колодниками, обутыми въ сапоги, см. §§ 120, 287.

Стр. **615**, стрк. 30 и сл. О словахъ „и поставиша... и бысть радость вьсюду“ см. § 161.

Стр. **616**, стрк. 3 и сл. О крещеніи Новгорода см. §§ 142, 161, 180. Стрк. 3. Вмѣсто „и Перуна посѣче“ предлагаю читать „и кумиры посѣче“, въ виду того, что выше я принялъ чтеніе „постави кумиръ“.

Стр. **616**, стрк. 4 и сл. О поставленіи церквей новгородскихъ см. § 190.

Стр. **616**, стрк. 12—13. О первыхъ князьяхъ новгородскихъ см. § 121. Стрк. 13. Вм. „посадиша“ въ Ипат. и Комм. „и посади“; держусь чтенія Лавр. и Радз.

Стр. **616**, стрк. 15. О вставкѣ „и отъ Чюди“ ср. § 118.

Стр. **616**, стрк. 19 и сл. О событіяхъ передъ кончиной Владиміра см. §§ 162, 206, 206[9], 122, 271. Стрк. 20. Въ Комм. „дающю дань“, но слова „дань“ нѣтъ въ Акад., Лавр., Радз. и др. Стрк. 21. Въ Комм., Радз., Ипат. „и тако“, въ Лавр. „а тако“; предпочитаю „тако“. Въ Радз. и Ипат. „вси посадници“. Стрк. 22. Вмѣсто „сего не даяше“ въ Ипат. и Хлѣбн. „поча сего не даяти“, что обязано, вѣроятно, позднѣйшей поправкѣ. Стрк. 23. Въ Комм. и Ипат.: „и мосты мостите“, что, б. м., лучше.—Стр. 617, стрк. 3. Вм. „вѣдасть“ во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лавр.: „дасть“.

Стр. **617**, стрк. 9—10. Слова „Святопълкъ же... мъножьство“ ср. въ Повѣсти вр. лѣтъ передъ разсказомъ о новгородскихъ событіяхъ.

Стр. **617**, стрк. 12 и сл. О сборахъ Ярослава противъ Святополка см. §§ 123, 273, 274. Стрк. 14. Вмѣсто „Новъгородьцемъ и женамъ ихъ“—въ Комм. „на мужатыхъ женахъ“, что, вѣроятно, представляетъ позднѣйшее чтеніе. Стрк. 18. Слова „и шьдъ сѣде въ дворѣ“ извлекаю изъ Лавр.: „и шедъ нарокомъ сѣде въ дворѣ“; оттуда же беру дальнѣйшій текстъ включи-

тельно до слова „исѣче".—Стр. 618, стрк. 2—4. Я рѣшился прибѣгнуть къ перестановкѣ, не допуская, чтобы слова „о, люба моя дружино" и т. д. были сказаны Ярославомъ на вѣчѣ и, напротивъ, видя ниже ту рѣчь, съ которою онъ обратился къ вѣчу. Въ Повѣсти вр. л. (Нач. сводѣ) вмѣсто „нѣ топьрво ми ихъ златъмь окупити"—„а нынѣ быша надобѣ". Между первою и второю рѣчью вставлено „И утерлъ слезъ и рече имъ на вѣчи". Почему въ Лавр. опущены слова „а нынѣ быша надобѣ. Утерлъ слезъ и рече имъ", неясно. Въ Лавр., Акад., Хлѣбн.: „о, люба (любая) моя"; въ Ипат., Комм., Радз. „о любимая (моя)"; даю предпочтеніе первому чтенію. Поправляю „дружина" Комм., Лавр. и др. на „дружино" (Ипат. и Хлѣбн.), а въ виду этого сохраняю „вы" въ дальнѣйшемъ: „юже вы исѣкохъ" (Комм.), несмотря на „юже изъсѣкохъ" (Акад.), „юже избихъ" (Лавр. и др.); ниже вм. „ихъ златъмь окупити" поправляю „васъ златъмь окупити". Измѣненія въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ произошли отъ того, что рѣчь, касающаяся дружины, представлена сказанною на вѣчѣ. Послѣ „И се слышавъ Ярославъ" я вставилъ „печальнъ бысть о дружинѣ", ср. въ Повѣсти вр. лѣтъ: „Се слышавъ Ярославъ печаленъ бысть о отци и о дружинѣ" (въ Ипат.: „по отци и по брату и о дружинѣ; въ Радз. „по отци и по братьи и о дружинѣ": характерно „по" передъ вставленными, по нашему предположенію, позже словами). Въ Соф. 1-й: „печаленъ бысть о отци и о братіи". Стрк. 9—10. Въ Повѣсти вр. л.: „И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40000"; итакъ число новгородцевъ увеличено въ тринадцать разъ. Какъ предположено въ § 274, въ первоначальномъ новгородскомъ источникѣ за словами „можемъ по тобѣ бороти" слѣдовало „начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны... и приведоша Варягы и въдаша имъ скотъ" (ср. эти слова ниже). За указаніемъ числа собраннаго войска слѣдовало: „и поиде на Святопълка" и далѣе то описаніе Любечской битвы, которое дано ниже (стр. 619, стрк. 15 и сл.). См. ниже возстановленіе первоначальнаго лѣтописнаго текста.

Стр. 619, стрк. 3—5. О словахъ „Бѣ же тъгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28" см. §§ 123, 274. О словахъ „и идя Кыеву посади Новѣгородѣ Костянтина Добрынича" см. §§ 187, 123. О рожденіи у Ярослава сына Иліи и его смерти см. § 187.

Стр. 619, стрк. 10 и сл. О словахъ „Ярославу же прибѣгъшю... по 18 гривьнъ" см. §§ 123, 274. Стрк. 10. Въ Ипат. „хотяше", а въ Лавр., Радз. „и хотяше". Стр. 11. Я опускаю „сынъ Добрынинъ" (такъ въ Хлѣбн., въ Лавр. „сынъ Добрынь", въ Ипат. „сынъ Добрынъ") послѣ имени Константина, въ виду предшествующаго извѣстія о посаженіи его въ Новгородѣ. Стрк. 14. Удерживаю чтеніе Лавр. „по 18 гривьнъ", между тѣмъ въ Ипат., Радз. и Сильв. сб.: „по 80 гривенъ". Стрк. 16. Б. м., и здѣсь лучше „вои мъногъ". Стрк. 16. Слова „и поиде на Святопълка" извлекаю изъ конца статьи 6526 года Повѣсти вр. л. („и поиде Ярославъ на Святопълка").

Стр. 619, стрк. 16 и сл. О Любечской битвѣ см. §§ 163, 140. Стрк. 17.

Послѣ „сѣде ту на поли съмъножьствъмь вои“ въ сводѣ 1167 года (откуда Синод. списокъ) была сдѣлана вставка изъ Повѣсти вр. лѣтъ (изъ статьи 6523года о Любечской битвѣ); ср. въ Комм. и Синод. отрывокъ „Ярославъ же пришедъ... и начя Дънѣпрь мързнути“. Стрк. 19. Въ Синод.: „отрокъ свой, рекъ к нѣму. И рекъ к нему оньси“, въ Комм.: „отрокъ свой, рекъ к нему оньсій“; думаю, что „оньси“ замѣнило неизвѣстное разсказчику имя мужа, бывшаго въ пріязнь Ярославу; „оньси“ это несклоняемое слово, равносильное, б. м., нашему „имя рекъ“. Стрк. 23. Послѣ „яко въ нощь велить сѣщися“, въ сводѣ 1167 года было вставлено примѣнительно къ Повѣсти вр. лѣтъ: „и томъ вечере перевозися Ярославъ съ вои на другый полъ Дънѣпра, и лодьѣ отринуша отъ берега“ (эти слова имѣются въ Синод. и Комм.); ср. въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6524: „Ярославъ же... противу свѣту перевезеся. И высѣдше на брегъ, отринуша лодьѣ отъ берега“. Соф. 1-я замѣнила вставку своего новгородскаго источника болѣе точною выпиской изъ Повѣсти вр. лѣтъ: „Ярославъ же заутра исполчився воемъ, противу свѣту перевезеся на ону страну Днѣпра, и высѣде на брегъ, и отринуша лодіи отъ брега“.

Стр. **619**, стрк. 25. Въ Синод. „и бысть сѣчи злѣ“; поправляю по Комм.

Стр. **620**, стрк. 7—8. О Ярославовой грамотѣ см. §§ 163, 277.

Стр. **620**, стрк. 8. Для наглядности привожу здѣсь текстъ событій 6522—6524 гг., какъ онъ предположительно читался въ древнѣйшей Новгородской лѣтописи 1017 г. (ср. §§ 271, 272 и сл.). Этотъ текстъ въ Новгородскомъ сводѣ 1050 г. подвергся вставкамъ и перестановкамъ вслѣдствіе соединенія съ текстомъ Древнѣйшаго Кіевскаго свода.

...И посадиша Ярослава Новѣгородѣ. *Тъгда же Новъгородьстии людие даяху* Кыеву дъвѣ тысящи гривьнъ отъ года до года, а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху; тако даяху вьси кънязи Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше Кыеву отьцю своему. И рече Володимеръ: „требите путь и мостите мосты“; хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего. Ярославъ же, посълавъ за море, приведе Варягы, бояся отьца своего; нъ Богъ не въдасть дияволу радости. Володимеръ бо съконьчася. Святопълкъ же *сѣде Кыевѣ и нача избивати братию свою.*

Ярославу же не вѣдущю отьнѣ съмьрти, кърмляше Варягъ мънoго, бояся рати; и начаша Варязи насилие дѣяти Новъгородьцемъ и женамъ ихъ. Рькоша Новъгородьци: „сего мы насилия не можемъ съмотрити“. И събърашася въ нощь и исѣкоша Варягы въ Поромони дворѣ. Ярославъ же въ ту нощь на Ракомѣ бяше. И се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и шьдъ, сѣде въ дворѣ; посълавъ къ Новъгородьцемъ, рече: „уже мънѣ сихъ не крѣсити“; и позъва къ собѣ наро-

читыя мужа, иже бяхуть исѣкли Варягы, и обльстивъ я, исѣче вои славьныхъ тысящю, а друзии бѣжаша из града. И въ ту же нощь приде ему вѣсть си: „отьць ти умьрлъ, а братия ти избиена“. И се слышавъ Ярославъ печальнъ бысть о дружинѣ и рече: „о, люба моя дружино, юже вы исѣкохъ вьчера въ безумии моемь, нѣ топьрво ми *васъ* златъмь окупити“. Заутра же събьра избытъкъ Новъгородьць и сътвори вѣче на поли и рече къ нимъ: „братие, отьць мои Володимеръ умьрлъ есть, а Святопълкъ сѣдить Кыевѣ, избивая вратию свою; хощю на нь поити: потягнѣте по мънѣ“. И бѣша ему Новъгородьци: „аще, къняже, братия наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. И начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривьнъ, а отъ бояръ по 18 гривьнъ; и приведоша Варягы и въдаша имъ скотъ. И съвъкупи Ярославъ вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а Новъгородьць 3000. И поиде на Святопълка. Святопълкъ же изиде противу его къ Любьчю и сѣде ту на поли съ мъножьствъмь вои. И бяше Ярославу мужь въ приязнь у Святопълка; и посъла къ нему Ярославъ нощию отрокъ свои, рекъ къ нему: „оньси, чьто ты тому велиши творити? меду мало варено, а дружины мъного“. И рече ему мужь тъ: „рьци тако Ярославу: даче меду мало, а дружины мъного, да къ вечеру въдати“. И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣщися, и тои нощи поидоша на сѣчю. И рече Ярославъ дружинѣ: „знаменаитеся, повиваите собѣ убрусы голову“. И бысть сѣча зъла, и до свѣта побѣдиша Святопълка. И бѣжа Святопълкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отьца своего Володимера. И нача воѣ своѣ дѣлити: старостамъ по десяти гривьнъ, а смьрдомъ по гривьнѣ, а Новъгородьцемъ по десяти гривьнъ вьсѣмъ, и отъпусти я домови вься, и да имъ правьду и уставъ съписа въ грамоту, тако рекъ имъ: „по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же дьржите“ (*Затѣмъ слѣдовалъ текстъ не дошедшей до насъ Ярославовой грамоты*).

Стр. **620**, стрк. 9 и сл. О краткомъ перечнѣ событій Ярославова княженія см. §§ 124, 172, 173, 177, 181, 183, 224. Стрк. 10. Въ Новгор. 4-й: „сѣтьное и до сего дни“ (Новоросс., Фрол.), „иное и до сего дни“ (Акад.), „сѣнное и до сего дни“ (Голиц.); въ Соф. 1-й вмѣсто всего этого: „посрамлени“. Въ Архангелогор.: „и отбѣгоша, сѣтное и до сего дни словетъ“. Слово „сѣтьно“ ср. ц.-слав. „сѣтьнъ“ печальный, грустный. Врядъ ли „сѣтьно“ испорчено вмѣсто „тоняху въ Сѣтомли“.

Стр. **620**, стрк. 17 и сл. О заточенiи Константина посадника см. §§ 163, 188, 279, 280, 289.

Стр. **621**, стрк. 1 и сл. О войнѣ Ярослава съ Брячиславомъ см. §§ 124, 164, 177, 180, 281, 289. Стрк. 1. Въ Соф. 1-й вмѣсто „приде"—„поиде"; „прииде" въ Новгор. 4-й и въ Повѣсти вр. л. Вмѣсто „съ вои ис Полотьска" (Соф. 1-я и Новгор. 4-я) удерживаю „ис Полотьска". Стрк. 2. Вмѣсто „възя" въ Лавр. и др. „зая". Стрк. 3. Принимаю поправку Карамзина и читаю „Судомѣ рѣцѣ" вмѣсто „Судомири рѣцѣ" (Лавр.), „Судомирѣ рѣцѣ" (Новгор. 4-я); ср. въ Синод. лѣтописи XVI в. № 793: „на Судомѣ рѣцѣ". Стрк. 4. Поправляю „слышавъ то" вмѣсто „слышавъ ту вѣсть" (Соф. 1-я и Новгор. 4-я). Стрк. 4. Б. м., лучше „вои мъногъ". Стрк. 7. Слова „и посъла я Новугороду" извлекаю изъ Новгор. 4-й; возможно, что въ Нач. сводѣ (Повѣсти вр. л.) пропускъ словъ „и полонъ отъ него отъя... и посъла я Новугороду" явился по причинѣ механической, послѣ словъ „вороти Новугороду". Стрк. 10. Въ Соф. 1-й „со мною заодинъ", но въ Новгор. 4-й: „со мною единъ".

Стр. **621**, стрк. 12 и сл. О мятежѣ въ Суздальской землѣ см. §§ 125, 164, 280. Стрк. 12. Въ Лавр. и др.: „Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви", ср. и въ началѣ статьи 6532 года „Ярославу сущю Новѣгородѣ". Стрк. 13. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й „старую чадь, бабы". Стрк. 16. Слова „да ю кормять собѣ" изъ Новгор. 4-й; въ спискахъ Соф. 1-й „да прекормять себе", а въ спискахъ К. О. „да кормять собѣ": я понимаю смыслъ фразы такъ: „яко мужю своя жена даяти челядинъмь" (т. е. въ рабство), чтобы прокормить ее (для себя). Стрк. 18. Въ Лавр., Радз. пропускъ послѣ „привезоша", въ Ипат. и Хлѣбн.: „и привезоша жито". Стрк. 19. Въ Лавр.: „расточи, а другыми показни", въ Радз. и Ипат.: „расточи, а другия показни"; „другыми" находимъ и въ Новгор. 4-й: „убійца ты расточи, иже бяху бабы избили, и домы ихъ разграби, а другыми показни"; такъ же въ Соф. 1-й, но вмѣсто „другыми"—„другія". Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ приводитъ къ предложенному въ текстѣ чтенiю; вм. „убiица ты" читаю согласно съ Лавр. „вълхвы" и опускаю поэтому „ иже бяху бабы избили".—Стр. 622, стрк. 1. Чтенiе „вѣсть" обязано догадкѣ Строева вмѣсто „есть", какъ во всѣхъ спискахъ Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

Стр. **622**, стрк. 3 и сл. О Лиственской битвѣ см. §§ 170, 280. Стрк. 4. Въ Новг. 4-й, какъ въ Лавр.: „иде Ярославъ"; въ Ипат. и Хлѣбн. „и поиде". Стрк. 5. Въ Лавр. „противу има", но это въ виду предыдущаго, гдѣ Ярославъ названъ вмѣстѣ съ Якуномъ.

Стр. **622**, стрк. 14 и сл. О событiяхъ 6538 года см. §§ 126, 165, 281, 289. Стрк. 15. Въ Соф. 1-й „собра", въ Новгор. 4-й: „и собравъ". Стрк. 16. „И преставися": такъ въ Новгор. 4-й, а въ Соф. 1-й: „Того же лѣта преставися"; —Стр. 623, стрк. 1. Вмѣсто „епископъ" и въ Соф. 1-й и въ Новгор. 4-й „архиепископъ"; въ Соф. 1-й прибавлено „Ноугородскый". Въ Новгор. 4-й: „и бяше", а въ Соф. 1-й „бяше". Стрк. 2. Въ Соф. 1-й ошибочно: „жены учааше".

Стр. **623**, стрк. 3 и сл. О походѣ Улѣба см. §§ 165 и 280.

Стр. **623**, стрк. 5 и сл. О посаженіи на княженіе Владиміра и объ Ярославовой грамотѣ см. §§ 126, 165, 188, 282. Стрк. 5. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й „Жиряту", но чтеніе Лавр. и др. предпочтительнѣе: „Жидята" это, конечно, свѣтское имя епископа Луки, ср. Жидиславъ, а для суффикса: Гюрята, Славята.

Стр. **623**, стрк. 8 и сл. О похвалѣ Ярославу см. § 283.

Стр. **623**, стрк. 11. О походѣ на Ятвяговъ см. §§ 165, 224¹, 290. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й это извѣстіе, подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣтъ, помѣщено подъ 6546. Стрк. 11. Въ Новгор. 4-й „а на зиму", въ Соф. 1-й „и на зиму". Стрк. 12. Въ Новгор. 4-й: „и не може", въ Соф. 1-й: „и не можаху".

Стр. **623**, стрк. 13. О походѣ на Литву см. §§ 165, 224¹, 224², 224³, 290.

Стр. **623**, стрк. 13—14. О закладкѣ Новгорода Владиміромъ см. §§ 224², 224³ и 290. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й оба извѣстія—о походѣ на Литву и о закладкѣ Новгорода перенесены подъ 6552-й годъ, подъ которымъ сообщалось объ окончаніи Новгорода.

Стр. **623**, стрк. 15. О походѣ на Мазовшанъ см. §§ 224¹, 224³, 225, 191¹⁵, 191¹⁶ и сл., 290.

Стр. **623**, стрк. 17 и сл. О походѣ Владиміра на Грековъ см. §§ 171, 290.—Стр. 624, стрк. 2. Здѣсь и ниже чтеніемъ „рѣша" замѣняю „рекоша" Соф. 1-й и Новгор. 4-й. Стрк. 11. Слова „видѣвъ же Володимеръ съ дружиною възвратися въ Русь" извлекаю изъ Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ читаемъ: „Володимеръ же видѣвъ с дружиною, яко идуть по немь... и възвратися в Русь".

Стр. **624**, стрк. 12 и сл. О походѣ Владиміра на Емь см §§ 191¹⁸, 115, 126, 290. Стрк. 19. Въ Повѣсти вр. лѣтъ „Ямь"; принимаю обычное для новгородскихъ лѣтописей чтеніе. Въ Лавр., Радз., Ипат. „побѣдивъ"; только въ Хлѣбн., какъ въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й: „побѣди"; въ виду „побѣдивъ" даю чтеніе „плѣни" вм. „и плѣни" Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

Стр. **624**, стрк. 16. О поставленіи Новгорода Владиміромъ см. §§ 224³, 290.

Стр. **625**, стрк. 1 2. О смерти Брячислава см. §§ 127, 224¹, 290. Объ обстоятельствахъ рожденія Всеслава см. § 290. Стрк. 4. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й: „бѣ ему на главѣ (въ Новг. 4-й: „на главѣ" опущено) язвено, яма на главѣ его"; думаю, что „язвено" восходитъ къ Повѣсти вр. л. (ср. Радз., Лавр., Хлѣбн.), а „яма" стоитъ вмѣсто „язва" другого источника (ср. Ипат. „язва"); ср. въ Соф. 1-й два раза „на главѣ его". „язвьно" значитъ, слѣдовательно, повязка на язвѣ. Стрк. 5. Въ Ипат; ошибочно „се язьвено на главѣ его"; очевидно, слово „язвено" непонято. Стрк. 6. Въ Ипат. и Новгор. 4-й: „еже носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ". Стрк. 8. Во всѣхъ спискахъ, не исключая Новг. 4-й и Соф. 1-й (гдѣ исключены слова „еже носилъ... дни"), „есть"; только въ Хлѣбн. „бысть".

Стр. **625**, стрк. 9. О закладкѣ св. Софіи см. §§ 127, 177, 290.

Стр. **625**, стрк. 11 и сл. О пожарѣ св. Софіи см. §§ 166, 140, 290. Стрк. 12. Въ Соф. 1-й и Новг. 4-й: „Мѣсяца марта въ 4-й день суботный сгорѣ", и т. д. Стрк. 13. Б. м., лучше „13 верхы имущи", какъ въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й. Стрк. 13. Послѣ „стояла" въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й: „конець Пискупли улици надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камяну святого Бориса и Глѣба"; объ этой прибавкѣ, сдѣланной въ сводѣ 1167 года, см. § 149.

Стр. **625**, стрк. 12—13. Объ освященіи св. Софіи см. §§ 167, 177. Стрк. 14. Опускаю „Новѣгородѣ", которое читается въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й послѣ „святая Софія". Стрк. 16. Вмѣсто „епископа" въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й „архіепископа".

Стр. **625**, стрк. 17—18. О кончинѣ жены Ярослава см. §§ 128, 167 223, 290. Это извѣстіе въ Новгор. 4-й опущено.

Стр. **626**, стрк. 1 и сл. О кончинѣ Владиміра см. §§ 128, 140, 167, 177, 223, 290. Опускаю слова „сынъ Ярославль старѣи Новѣгородѣ", предполагая, что эти слова явились впервые въ Нач. сводѣ.

Стр. **626**, стрк. 4 и сл. О смерти Ярослава см. §§ 128, 292. Слова „и плакашася по немь людие" извлекаю изъ конца статьи о кончинѣ Ярослава въ Повѣсти вр. лѣтъ (гдѣ они не у мѣста, въ виду нижеслѣдующаго). Стрк 5. Въ Новгор. 4-й и спискахъ К. О. Соф. 1-й „Новѣгородѣ" опущено; возможно поэтому, что это слово вставлено въ другихъ спискахъ Соф. 1-й по догадкѣ.

Стр. **626**, стрк. 6. О словахъ „иде Кыеву" и о посаженіи Остромира см. §§ 167, 292.

Стр. **626**, стрк. 8 и сл. О клеветѣ на епископа Луку см. §§ 167, 184, 291, 292. Стрк. 10. Въ Никон.: „и осуди его митрополитъ Ефрѣмъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ; и пребысть тамо три лѣта"; ср. ниже подъ 6565, послѣ сообщенія о наказаніи Дудики: „сице же и его лукавымъ совѣтникомъ, Козмѣ и Даміану, достойное воздаша по злодѣанію ихъ" (ср. § 184).

Стр. **626**, стрк. 12 и сл. О возвращеніи въ Новгородъ епископа Луки см. §§ 167, 291, 292. Стрк. 13—15: „оскомины... усѣкоша" изъ Новгор. 4-й и Комм. списка (который взялъ это извѣстіе изъ свода 1448 года); въ Соф. 1-й: „устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ усѣкоша". Стрк. 15. Слова „и събѣжа въ Нѣмьцѣ" изъ Новгор. 4-й и Комм.; въ Соф. 1-й они опущены.

Стр. **626**, стрк. 16 и сл. О поученіи Луки, читающемся въ Новгор. 4-й, см. §§ 167, 292.

Стр. **627**, стрк. 1 и сл. О смерти Луки см. §§ 167, 190, 291, 292. Стрк. 1. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й „идя".

Стр. **627**, стрк. 4 и сл. О походѣ Остромира на Чудь и послѣдующихъ событіяхъ см. §§ 167, 187, 292. О посаженіи Изяславомъ сына своего Мстислава въ Новгородѣ см. §§ 185, 187, 292.

Стр. **627**, стрк. 11 и сл. О поставленіи Стефана см. §§ 167, 177, 180, 293.

Стр. **627**, стрк. 13 и сл. Объ обратномъ теченіи Волхова см. §§ 115, 291, 293. Извѣстіе это въ Соф. 1-й опущено. Стрк. 14. Въ Лавр., Радз., Ипат. „не добро", но въ Хлѣбн., Новгор. 4-й „не на добро".

Стр. **627**, стрк. 16. О началѣ враждебныхъ дѣйствій Всеслава см. §§ 129, 168, 293. О побѣдѣ его надъ Мстиславомъ см. §§ 187 и 293. Стрк. 16. Вмѣсто „началъ", въ Моск.-Акад. „копилъ", въ Новгор. 1-й по Комм. списку; „поча рать копити", по Акад. списку: „нача рать строити": въ Ипат.: „Всеславъ сѣде рать началъ", что непонятно; въ Синод. „нача рать дрьжяти".

Стр. **627**, стрк. 18 и сл. О нападеніи Всеслава на Новгородъ см. §§ 129, 140, 168, 177, 180, 293. Стрк. 18. Въ Повѣсти вр. л.: „Заратися Всеславъ. сынъ Брячиславль, Полотьскый и зая Новъгородъ".

Стр. **628**, стрк. 4 и сл. О бѣгствѣ Мстислава въ Кіевъ и посаженіи въ Новгородѣ Глѣба см. §§ 187, 293.

Стр. **628**, стрк. 6—7. О смерти Стефана см. § 168.

Стр. **628**, стрк. 8 и сл. О нападеніи Всеслава на Новгородъ и его пораженіи см. §§ 168, 140, 291, 293. Стрк. 17. Въ Соф. 1-й и Новгор. 4-й вмѣсто „у святыя София"—„въ святѣй Софѣи". Въ Синод.: „а на заутрие обрѣтеся крѣстъ честныи Володимирь у святѣи Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре". Послѣдніе слова непонятны; поэтому я позволилъ себѣ перестановку ихъ въ измѣненномъ видѣ.

Стр. **628**, стрк. 20—21. О смерти епископа Θеодора см. §§ 140, 168, 180, 190, 293.

Стр. **629**, стрк. 1—2. О поставленіи епископа Германа см §§ 168, 180, 293.

Стр. **629**, стрк. 3 и сл. Объ изгнаніи Глѣба и убіеніи его см. §§ 130, 140, 168, 187, 291, 293.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 71, стрк. 19. Отмѣчу чтеніе Архангелогородской лѣтописи комментирующей неясное сообщеніе лѣтописи: «а бояре таиша Владимерово преставленіе того ради, дабы не дошла вѣсть до окаяннаго Святополка». Въ этомъ комментаріи любопытно дополненіе «таиша» словомъ «бояре»; Е. Е. Голубинскій дополнилъ именно такъ предложенное имъ чтеніе.

Стр. 73, стрк. 15. Въ виду чтенія Лавр. списка, сопоставленнаго съ другими въ Дополн. примѣч. къ стр. 561, стрк. 9, должно исправить сказанное здѣсь о старшинствѣ Святополка: Святополкъ былъ моложе Ярослава, рожденнаго Рогнѣдой, быть можетъ, еще въ Новгородѣ.

Стр. 78, стрк. 2. Въ Архангелогородской лѣтописи читается: «и пришедшу ему на Волокъ, и потчеся конь подъ нимъ во рвѣ».

Стр. 96, стрк. 27. Необходимо отмѣтить, что Кубаревъ приходилъ къ выводу, сходному съ нашимъ. Говоря о житійномъ сказаніи (которое Кубаревъ зналъ, между прочимъ, по Сильвестровскому сборнику), онъ утверждаетъ, что оно писано послѣ Несторова Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ. «Доказательствомъ служитъ, во-первыхъ, то, что въ немъ особенное сказаніе Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ соединено со сказаніемъ лѣтописи; во-вторыхъ, въ немъ упоминается о послѣднемъ перенесеніи мощей ихъ, бывшемъ при Мономахѣ, о которомъ Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ». См. «Несторъ, первый писатель Россійской исторіи». (Русск. Истор. сборникъ, т. 4-й, М. 1840, стр. 423, прим.).

Стр. 97, стрк. 1 снизу. Имѣю въ виду статью Н. П. Ламбина «Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси» въ Журн. Мин. Нар. Просв., часть 173-я, с. 239 и сл. С. М. Соловьевъ

говорилъ о томъ, что хронологическія даты вставлены въ лѣтопись позднѣе, въ сплошной разсказъ ея, въ III т. Ист. Россіи (въ нов. изд. I, стр. 781). Н. И. Костомаровъ въ 1861 году писалъ: «лѣтописецъ имѣлъ подъ рукой уже готовые разсказы безъ годовъ, разлагалъ ихъ на годы, а тамъ, гдѣ не зналъ, къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ». Лекціи по русск. исторіи, I, с. 33.

Стр. 114, стрк. 30. Не рѣшаюсь теперь утверждать, что чтеніе «бѣ бо имущи презвутера втайнѣ» восходитъ къ Начальному и дальше къ Древнѣйшему своду. Въ возстановленномъ текстѣ, слѣдуя Лавр., Ипат. и сходнымъ съ ними спискамъ, я далъ: «бѣ бо имущи презвутеръ». Возможно, что слова «въ тайнѣ» Комм., Соф. 1-й, Новгор. 4-й лѣтописей являются неудачнымъ дополненіемъ къ словамъ «бѣ бо имущи». Ни откуда не слѣдуетъ, чтобы Ольга скрывала свое обращеніе въ христіанство; священника мы видимъ даже въ ея свитѣ въ поѣздкѣ въ Константинополь.

Стр. 122, стрк. 15. Кажется, Д. И. Иловайскій первый сопоставилъ извѣстіе о 80 городахъ Дунайскихъ, покоренныхъ Святославомъ, съ показаніемъ Прокопія. Въ «Разысканіяхъ о началѣ Руси» (2-е изд., Москва 1882, стр. 156) читаемъ: «Я полагаю, это число нѣсколько объяснится, если сопоставимъ его съ извѣстіемъ Прокопія о томъ, что Юстиніанъ построилъ вдоль Дунайской границы 80 крѣпостей. Это число восьмидесяти Дунайскихъ городовъ конечно не разъ повторялось у Византійскихъ и Болгарскихъ писателей».

Стр. 137, стрк. 32. Въ перечнѣ сыновей Владиміра, согласно со сказаннымъ въ поправкѣ къ стр. 73 и съ текстомъ на стр. 561, надо для Начальнаго свода переставить имена Святополка и Ярослава.

Стр. 138, стрк. 27. Предположеніе о томъ, что отрывокъ о блудной жизни Владиміра позднѣйшая вставка, подтверждается тѣмъ, что фраза «бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое» въ статьѣ 6494 года оказывается явною вставкой, ибо и передъ нею и послѣ нея повторяются слова «послушаше ихъ». См. въ текстѣ, стр. 557, стрк. 22.

Стр. 140, стрк. 32. Извѣстный изслѣдователь Крымскихъ древностей А. Л. Бертье-Делагардъ любезно сообщилъ мнѣ че-

резъ посредство И. А. Линниченко свое замѣчаніе относительно того, что невозможно допустить, чтобы Владиміръ осадилъ Корсунь съ моря, какъ я заключилъ на основаніи Корсунской легенды (ср. Житіе Владиміра особаго состава, извѣстное теперь по тремъ спискамъ: Плигинскому сборнику Академіи Наукъ, сборнику Публ. Библ. Q. Б. о. XVII № 72 и сборнику Синод. библ. № 964). Выражаю надежду, что А. Л. Бертье-Делагардъ изложитъ печатно свои соображенія относительно расположенія Владимірова войска. Замѣчу, что я вообще не склоненъ придавать фантастическому разсказу Корсунской легенды значенія историческаго свидѣтельства.

Стр. 162, стрк. 1 снизу. Отмѣчу чтеніе лѣтописнаго сборника Синод. библ. XVI в. № 793: «принесени быша святіи в святоую Богородицю князи».

Стр. 162, стрк. 18. Читайте: «см. ниже, § 253[1]».

Стр. 162, стрк. 8 снизу. Читайте: «см. § 224[2]».

Стр. 170, стрк. 10. Здѣсь надлежало бы сказать о Выдубицкой лѣтописи, бывшей, повидимому, въ числѣ источниковъ Начальнаго свода, какъ то предположено въ §§ 252.

Стр. 172, стрк. 31. Прибавлю еще выписку. Въ сборникѣ Синод. библіотеки XVII в. № 293 читаемъ: «и того ради убиша его Древляне внѣ града Коростеня близъ Стары Русы, и погребенъ бысть в Коростени; а нынѣ зовется Искоресть подъ могилою высокою, ушутою году отъ созданія міра 6458, отъ Рожества же Христова 950». Въ этомъ сборникѣ имѣется то же замѣчаніе, что̀ въ Степенной книгѣ, относительно неизвѣстности, гдѣ была Деревская земля, а ниже при распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Святослава читаемъ: «Ярополку старѣишему даде Кіевъ, Олгу среднему Древляны с Коростенемъ и Переяславлемъ городы».

Стр. 173, стрк. 13. Восполняю досадный пропускъ ссылкой на слѣдующее замѣчаніе Д. И. Иловайскаго. «Сказаніе о новгородскомъ посольствѣ къ варяжскимъ князьямъ находится въ непосредственной внутренней связи съ однимъ изъ послѣдующихъ эпизодовъ, именно съ посольствомъ Новгородцевъ къ Святославу, у котораго они просили себѣ князя... Можно ли принимать на вѣру подобный разсказъ, который противорѣчитъ зависимому от-

ношенію Новгорода къ великому князю Кіевскому?.. Гораздо естественнѣе предположить, что упомянутый расказъ о посольствѣ къ Святославу сложился въ позднѣйшую эпоху: онъ скорѣе выражаетъ характеръ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ въ то время, когда Новгородцы уже добились нѣкоторой самостоятельности, кичились своимъ вѣчевымъ бытомъ и дѣйствительно призывали къ себѣ то того, то другаго князя». Разысканія о началѣ Руси, стр. 50—51. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, дополняю его указаніемъ на то, что разсматриваемый разсказъ сложился въ Новгородѣ до 1050 года и, быть можетъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ посаженіе на новгородскій столъ Ярослава. См. стр. 497.

Стр. 181, стрк. 16. Читайте: «въ § 253».

Стр. 209, стр. 14. Считаю теперь вѣроятнымъ, что вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ доводила лѣтописный разсказъ до извѣстія о кончинѣ императора Алексѣя Комнина (Ипат.: «Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ»). Слѣдовательно, составитель второй редакціи работалъ послѣ 15 августа 1118 года. Пропускъ имени Романа въ перечнѣ сыновей Владиміра Мономаха показываетъ, что онъ трудился послѣ 6 января 1119 года (6 января 6626 мартовскаго года). Итакъ, вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ составлена въ началѣ 1119 года, въ концѣ мартовскаго 6626 года. Указаніе на то, что Владиміръ княжилъ 4 года стоитъ въ связи съ тѣмъ, что составитель второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ (какъ Ипат. лѣтопись) полагалъ смерть Святополка и вокняженіе Владиміра на 6622 (1114) годъ.

Стр. 231, стрк. 16. Позднѣйшій лѣт. сборникъ Синод. № 293, XVII в., называетъ философа нѣсколько разъ Кирилломъ: «а Кириллъ святыи отвѣща»; «по отшествіи святаго Кирилла философа».

Стр. 237, стрк. 23. Третій списокъ того же лѣтописнаго извода содержится въ дефектномъ экземплярѣ Публ. библіотеки Q IV № 383, XVII в.; это, быть можетъ, копія съ Погод. № 2036.

Стр. 241, стр. 15. Ошибочно возводилъ я сообщеніе «и раздѣлиша Смоленескъ на три части» подъ 6568 годомъ къ Новгор. своду 1167 года. Вѣроятнѣе думать, что оно попало въ общерусскій сводъ 1423 года изъ его Смоленскаго источника. См. стр. 525.

Стр. 242, стр. 3 снизу. Думаю теперь, что въ Начальномъ сводѣ, какъ и въ Повѣсти вр. лѣтъ, было опущено «воевода же бѣ у него Блудъ». Комм. списокъ имѣетъ эту фразу изъ Соф. временника, а въ этотъ послѣдній она попала изъ Новгородскаго свода 1167 и восходитъ къ Новгородскому своду 1150, а далѣе къ Древнѣйшему своду.

Стр. 249, стрк. 20. Важно отмѣтить ту редакцію статьи 980 года о Рогнѣдѣ, которую находимъ въ Архангелогородской. Здѣсь Добрыня выступаетъ при сватовствѣ Владиміра въ активной роли, но только въ качествѣ посла (свата) Владимірова. «А самъ сѣде въ Новѣгородѣ, и посла во Полтескъ Добрыню ко князю Роговолоду... и пріиде посолъ Добрыня изъ Полтеска, и повѣда рѣчь Володимеру дщери Роговолодовы».

Стр. 255, стрк. 24. Я отвѣтилъ бы теперь отрицательно на поставленный вопросъ, убѣдившись въ томъ, что со времени Владиміра въ Новгородскомъ сводѣ, такъ же какъ въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ, было не мало хронологическихъ датъ.

Стр. 264, стрк. 27. Осторожнѣе выразиться такъ, что 6539 годъ при сообщеніи о прибытіи Моисея имѣется въ спискѣ Кассіановской 2-й редакціи № 305; ср. сказанное на стр. 270—271.

Стр. 271, стрк. 6. Подобная же вставка читается въ лѣтописномъ сборникѣ XVII в. Толст. № 145; но она попала въ него изъ Патерика.

Стр. 271, стр. 16. На связь сообщенія о 40 годахъ, проведенныхъ Антоніемъ безвыходно въ пещерѣ, съ разницей между 1073 г. (годомъ смерти Антонія) и 1032 г. (годомъ прибытія къ Антонію Өеодосія по Кассіановскому Патерику) указалъ еще Кубаревъ въ своемъ «Несторъ» (Русск. ист. сб. IV, 401), но, несмотря на это, Кубаревъ предлагалъ читать (с. 398) вмѣсто «м лѣтъ»—«лѣта многа».

Стр. 276, стрк. 1 снизу. Не знаю, какъ могло явиться сообщеніе лѣтописнаго сборника XVIII в. Эрмит. № 445 о томъ, что преподобный Евстратій Печерскій пострадалъ 28 марта 6604 года.

Стр. 277, стрк. 5. Читайте: «§ 229».

Стр. 287, стрк. 1 снизу. Отмѣчу въ Синод. № 793 XVI вѣка подъ 6560 (1052): «и пріидоша 3 человѣка отъ Грекъ с роды своими пѣвци; сіи пѣвци выпѣша 8 гласовъ ермолои».

Стр. 296, стрк. 1. Умѣстно было бы сослаться на Д. И. Иловайскаго, а именно на то самое мѣсто, что приведено выше, въ поправкахъ къ стр. 173.

Стр. 303, стрк. 7—10. Слова «Предполагаю, что... прозъвашася Варягы» должны быть исключены и замѣчены слѣдующимъ: «Предполагаю, что о Новгородцахъ составитель свода упомянулъ ниже, въ фразѣ «и отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Новъгородьци Варягы»; въ такомъ именно видѣ читалась предположительно въ Древн. сводѣ фраза, изложенная въ Повѣсти вр. лѣтъ такъ: «И отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци»; признаю именно слова «находникъ тѣхъ» вставкою, сдѣланною подъ вліяніемъ Новгородскаго свода (ср. § 204), а слова «Руская земля» вставкою составителя Повѣсти вр. лѣтъ (ср. § 199)».

Стр. 303, стр. 29-30. Въ виду только что изложеннаго необходимо исключить слова «дополняя это въ предшествующемъ словами: Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ».

Стр. 311, стрк. 4 снизу. Читайте: «ср. § 268[1]».

Стр. 350, стрк. 3 снизу. Синод. № 293 XVII в. указываетъ на 7-е ноемврія 6563, «отъ Рождества Христова въ 1055».

Стр. 351, стрк. 1 снизу. Любопытно «Секалъ» въ Синод. № 793 XVI в.

Стр. 375, стрк. 1 снизу. Въ Синод. № 964 XVII в. Олегъ воюетъ съ Древлянами, «и градъ ихъ Колецъ взяша и возложиша на Древлянъ дань тяшку и повеле съ нихъ имать со всякаго человѣка по чернеку» (т.-е. «по чернѣ кунѣ»?). Ольга въ свою очередь разоряетъ Колецъ и убиваетъ князя Мала.

Стр. 377, стрк. 18. Я упустилъ изъ вниманія давно уже сдѣланное сопоставленіе села Будутина съ современнымъ Будникомъ, деревней близъ Пскова, гдѣ, по мѣстному преданію, родился Владиміръ.

Стр. 377, стрк. 22. Отчество Добрыни Никитича находимъ въ лѣтописныхъ сводахъ, начиная съ XVII в., напр., въ Румянц. № 1513 XVIII в.

Стр. 377, стрк. 28. Выводы, къ которымъ я пришелъ въ статьѣ «Мстиславъ Лютый въ русской поэзіи» (харьковскій сборникъ въ честь Сумцова, оттискъ 1907 года), должны быть измѣ-

нены сообразно со сказаннымъ здѣсь. Сопоставленіе Мистиши Свѣнельдича съ Микулой Селяниновичемъ признаю неудачнымъ.

Стр. 378, стрк. 7. Особенный интересъ представляютъ нѣкоторыя кіевскія преданія, связанныя съ именемъ Свѣнельда-Святолда. Бѣлгородскій старшина (старецъ), спасшій своею находчивостью городъ, осажденный Печенѣгами, былъ прозванъ Киселемъ, «а сказуютъ его бытя отъ племене и колѣна Свинделда или Святолда, нарочита совѣтника Свѣтославля и Владимірова». Это преданіе было, повидимому, связано съ родомъ «Киселей»; ср. въ маргинальной припискѣ при статьѣ 6505 года (объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами) въ Ермолаевскомъ спискѣ: противъ словъ «бѣ же одинъ старецъ не былъ въ вѣчи томъ» написано «предокъ пана Киселювъ» (П. С. Р. Л. 2-е изд. II тома, приложеніе, стр. 81). Другое преданіе полагало родоначальникомъ Киселей не Бѣлгородскаго старца, а какого то славнаго гетмана Владимірова, отстоявшаго Кіевъ отъ Печенѣговъ около 1040 г.; гетманъ этотъ назывался Святолдичемъ; см. у K. Niesieckiego въ Herbarz Polski (w Lipsku, 1840, t. V), у Fr. Piekosińskiego въ Studya, rozprawy i materyały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego (t. II, str. 179) со ссылкой на кс. Окольскаго, причемъ у Несѣцкаго на осаду Кіева перенесены подробности осады Бѣлгорода. Весьма любопытна форма Святолдъ вм. Свѣнельдъ; это, очевидно, ославянизированная форма варяжскаго имени, причемъ посредствующею ступенью было «Свентгельдъ», (Ермол.), «Свентелдъ» (послѣдняя форма въ Хлѣбн.). Замѣчательно, что Пахоміевъ Хронографъ, судя по редакціи 1512 года, имѣлъ эти позднѣйшія южнорусскія передѣлки имени Свѣнельда: «Свентелдъ» и «Свѣтолдича Лютаго» (Изборникъ А. Н. Попова, с 6 и 8).

Стр. 390, стрк. 1 и сл. Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ я исключилъ бы въ томъ соображеніи, что, быть можетъ, въ нихъ чтенія Лавр. списка новѣе чтеній остальныхъ списковъ. Такъ, я не увѣренъ въ томъ, что чтеніе Лавр. «почнеть тонути» старше чтенія «грязнути» другихъ списковъ.

Стр. 402, стрк. 21. Н. И. Костомаровъ въ «Лекціяхъ по русской исторіи», ч. I (Спб. 1861), стр. 29, сопоставивъ извѣстія о Торкахъ 1059 и 1080 гг., приходилъ къ тому же выводу, что

изложенъ выше: «ясно, что писавшій подъ 1059 г. былъ не тотъ, кто писалъ о событіяхъ подъ 1080 г.».

Стр. 415, стрк. 5. 4-е октября, какъ день освященія св. Софіи, дано уже въ мѣсяцесловѣ при Мстиславовомъ евангеліи первой половины XII вѣка.

Стр. 430, стрк. 10. Итакъ, Владиміръ построилъ церкви св. Василія и въ Корсунѣ и въ Кіевѣ, а крестился въ церкви св. Іакова; но нѣкоторыя лѣтописи сообщаютъ о крещеніи его въ церкви св. Василія. Подобно этому другія лѣтописи, сообщающія о построеніи имъ въ Кіевѣ церкви св. Спаса, указываютъ на то, что онъ крестился въ Корсунской церкви св. Спаса; ср. Синод. № 793 XVI в.: «и постави Владимеръ первую церковь святаго Спаса на холму, идѣже стояху кумиръ Перунь...», а выше: «а Владимеръ крестился въ церкви святаго Спаса посреди града Корсуня». О постройкѣ Владиміромъ каменной церкви св. Спаса въ Кіевѣ сообщаетъ Румянц. № 1513, XVIII в.

Стр. 437, стрк. 4. Неясно, почему память св. Антонія, празднующаяся нынѣ 10 іюля, праздновалась раньше 7-го мая (Кубаревъ «Несторъ», въ Русск. ист. сб. IV, 397). Въ сборникѣ Эрмит. библ. № 445 читаемъ подъ 6615: «того же году установлено бысть праздновати преподобному Антонію Печерскому маія въ 3 день», но здѣсь «Антонію», конечно, по ошибкѣ вмѣсто «Θеодосію».

Стр. 447, стрк. 10 и сл. Слова «Въ первоначальной редакціи этой статьи за словами «тѣмь же почтенъ есть манастырь старѣи всѣхъ» читалось: «А о Феодосьевѣ житьи пакы съкажемъ»—должны быть выпущены. Ср. въ Дополн. прим. къ этому мѣсту лѣтописнаго текста. Подобную же поправку надо внести на стр. 451, стрк. 21.

Стр. 451, стрк. 1 снизу. Отмѣчу, что Синод. № 793 сообщаетъ о смерти Ярослава подъ 6561 годомъ и указываетъ: «февраля 24 день суботу 1 недѣли поста, на память святаго мученика Феодора Тирона». Слѣдующую статью названная лѣтопись начинаетъ словами: «В лѣто 6562. Начя княжити въ Кіевѣ Изяславъ». Одинъ изъ лѣтоп. отрывковъ Синод. сборника № 964 сообщаетъ, что Ярославъ умеръ 17 февраля 6562 года на память св. мученика Тирона Θеодора, княживъ лѣтъ 35 (см. въ отрывкѣ, начинающемся съ л. 384-го).

Стр. 467, стр. 3. Д. И. Иловайскій близко подходилъ къ предложенному объясненію сравненія Олега съ св. Димитріемъ Солунскимъ. «Что это за сравненіе Олега съ св. Димитріемъ? — спросимъ мы. Почему Димитрій, а не Георгій, или иной святой? Ключъ къ разгадкѣ даетъ намъ также Аммiанъ Марцелинъ: онъ разсказываетъ, что, во время упомянутаго нашествія, Скиѳы, между прочимъ, осаждали и городъ Ѳессалонику, т. е. Солунь. А извѣстно, что въ Солуни мѣстно-чтимый святой былъ Димитрій. Очень можетъ быть, что составилась мѣстная Солунская легенда о нашествіи варваровъ «въ дву тысячахъ корабляхъ». Св. Димитрій также занесенъ въ легенду; ибо она, конечно, не затруднилась тѣмъ, что Димитрій жилъ немного позднѣе нашествія. А такъ какъ въ Солунской области, въ послѣдующую эпоху, обитало много Болгарскихъ славянъ, то, вѣроятно, Солунская легенда вошла и въ болгарскіе переводные сборники, откуда съ разными измѣненіями и передѣлками перешла и къ намъ».

Стр. 478, стрк. 22. Преданіе о смерти Олега отъ укуса зміи было извѣстно и на сѣверѣ, судя по тому, что позднѣйшія баснословныя лѣтописи передаютъ о смерти Избора, сына Гостомыслова: «Сынъ же его Изборъ зміемъ уяденъ умре» (Ѳ. Гиляровъ, Преданія русск. нач. лѣтописи, с. 22, также Синод. № 964, и др.).

Стр. 482, стрк. 1 снизу. Ср. Синод. № 293: «посла таино къ воеводѣ Кіевскому именемъ и вещію Блуду». Отмѣчу здѣсь, что поздѣйшіе своды переносятъ Блуда въ княженіе Святополка, замѣняя его именемъ имя Святополкова воеводы Будыя (напр. Соф. 1-я, Тверск., Никон.).

Стр. 488, стр. 15. Вмѣсто 6536 читайте 6535; причина, почему слѣдуетъ отнести явленіе кометы именно на 6535 годъ, указана въ Дополн. прим. къ стр. 581, 12.

Стр. 490, стрк. 7 и сл. снизу. Должно удалить слова «онъ вспоминаетъ о рвѣ между Дорогожичемъ и Капичемъ, когда говоритъ объ осадѣ Кіева Владиміромъ», въ виду соображеній, высказанныхъ въ Дополн. прим. къ стр. 552, 13.

Стр. 491, стрк. 17. Слова Жидовъ козарскихъ: «разгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеяномъ» дали поводъ нашимъ историкамъ (С. М. Соловьеву, Д. И. Иловайскому въ Ра-

зысканіяхъ, 103 и 160, В. О. Ключевскому въ Курсѣ Русской исторіи, ч. I, с. 91) утверждать, что сказаніе о крещеніи Руси при Владимірѣ составлено послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, т. е. послѣ 1099 г., причемъ Д. И. Иловайскій высказалъ мысль, что вложенныя въ уста евреевъ слова могли быть написаны только во время Іерусалимскаго королевства, «и судя по тону разсказа, не въ началѣ его существованія,—а оно только-что сложилось въ началѣ XII вѣка».

Возражаю рѣшительно противъ вывода, сдѣланнаго Соловьевымъ и другими. Въ «Корсунской легендѣ о крещеніи Владиміра» я сопоставлялъ приведенныя слова евреевъ съ двумя мѣстами Толковой Палеи, гдѣ обличитель, обращаясь къ евреямъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Господь предалъ ихъ землю «отцемъ нашимъ», а въ другомъ, что «земля же та обѣтованая», по расточеніи евреевъ, «вдана бысть крестьяномъ». Здѣсь приведу указанное уже на стр. 417 аналогичное мѣсто изъ Слова о законѣ и благодати: «и отъгнани быша Июдѣи и расточени по странамъ, и чада благодатная хрестьянии наслѣдници быша Богу и Отцю».

Стр. 520, стрк. 17 и сл. Въ § 289 слѣдуетъ упомянуть о статьѣ 6532 (1024) года о мятежѣ въ Суздальской землѣ. Статья эта обнаруживаетъ книжный источникъ, а именно: Слово о казняхъ Божіихъ (ср. § 114[5]); фразу «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладъмь или моръмь, ли ведръмь, ли иною казнию» нельзя не признать составленною на основаніи слѣдующей фразы указаннаго Слова: «Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казньми». Обращаю вниманіе на то, что въ статьѣ 6532 года нѣтъ словъ «ли наведеньемъ поганыхъ», и на основаніи этого заключаю, что Слово могло быть извѣстно составителю Новгородскаго свода 1050 года (или Новгородской лѣтописи 1036 года) въ болѣе древней редакціи, чѣмъ та, что внесена подъ 6576 годомъ въ Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ; но редакція эта уже отличалась отъ того первоначальнаго вида, которое Слово имѣло въ Симеоновомъ Златоструѣ. Относительно вліянія статьи 6532 года на статью Нач. свода о бѣлозерскихъ волхвахъ см. § 253. Не было ли составлено по при-

*

казанію Ярослава поученіе по поводу суздальскихъ событій 1024 года и не повліяло ли это поученіе, съ одной стороны, въ Кіевѣ на составленіе статьи о бѣлозерскихъ волхвахъ (Древн. сводъ подъ 6573 годомъ), а съ другой, въ Новгородѣ на составленіе статьи о суздальскихъ волхвахъ (Новгор. сводъ подъ 6532 годомъ)? Въ такомъ случаѣ должно исправить то, что сказано въ примѣчаніи на стр. 455—456.

УКАЗАТЕЛИ.

I. УКАЗАТЕЛЬ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ [1]).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

[1]) Въ этотъ указатель внесены фамиліи авторовъ и названія важнѣйшихъ источниковъ.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Я.

Ѳ.

II. УКАЗАТЕЛЬ КЪ ТЕКСТАМЪ [1]).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

[1]) Въ этотъ указатель внесены только личныя имена.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Щ.

Я.

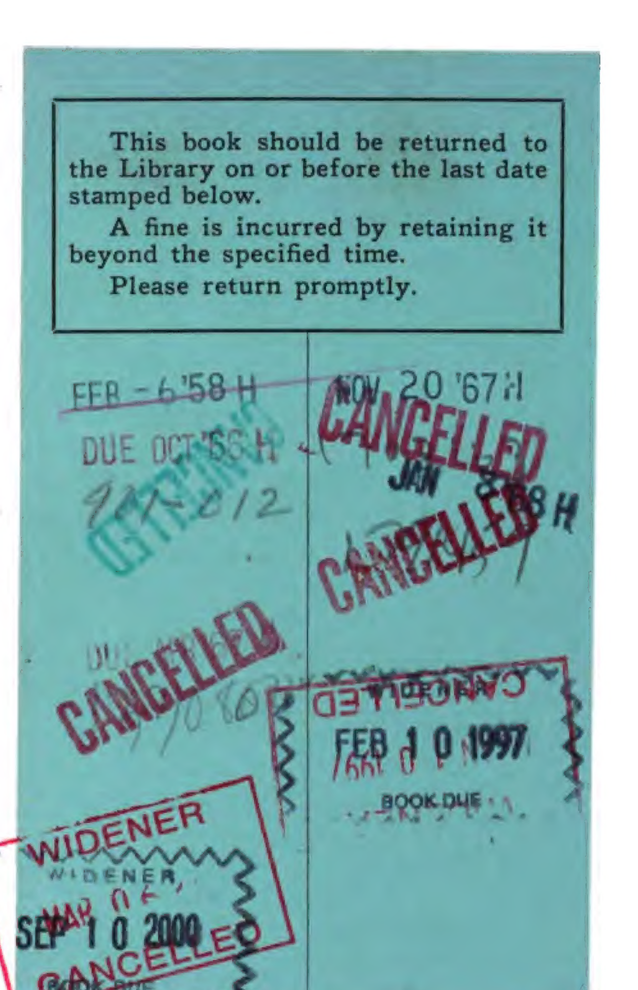
Ѳ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Стрк.*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
6	15 сверху:	XI столѣтія	XII столѣтія
14	1 сверху:	похвалы Ольги	похвалы Ольгѣ
17	9 снизу:	святыя же	святыя
33	3 снизу:	оказывается	оказывается указаніе на
70	2 снизу:	съмятъшее	съмятъше
98	4 сверху:	начало царство	начало царства
116	15 сверху:	о крещеніи	о крещеніи и кончинѣ
128	4 снизу:	εὐφυϊαν	εὐφυῖαν
128	5 снизу:	δαυμάσαντες	θαυμάσαντες
145	9 снизу:	Туры [2])	Туры [1])
155	16 снизу:	такъ	такъ;
159	10 сверху:	Печенеговъ	Печенѣговъ
159	12 снизу:	въ прологъ	въ прологѣ
167	6 снизу	похвалу	характеристику
188	4 снизу:	пострижся	постржжеся
246	5 снизу:	XV в.	XIV в.
260	3 снизу:	§ 193[3]	§ 191[3]
315	15 снизу:	§ 205	§ 205[1]
338	17 снизу:	§ 209[1]	§ 210[1]
488	15 сверху:	6536	6535
491	7 снизу:	Предыдущее	§ 267. Предыдущее
494	10 снизу:	209[9]	206[9]

Цѣна 2 рубля.

3 2044 020 087 086


This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
FEB - 6 '58 H
DUE OCT '56 H
NOV 20 '67 H
CANCELLED
JAN
CANCELLED
CANCELLED
CANCELLED
FEB 1 0 1997
BOOK DUE
WIDENER
WIDENER
SEP 1 0 2000
CANCELLED
BOOK DUE